

ОТЦЫ- ОСНОВАТЕЛИ РАИМК:

ИХ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ
И ВКЛАД В НАУКУ

100 лет

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
ST.- PETERSBURG BRANCH OF ARCHIVE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**THE FOUNDING FATHERS
OF THE RAHMC:
THEIR LIFE PATH
AND CONTRIBUTION TO SCIENCE**

Edited by
Vladimir Goroncharovskiy

Saint-Petersburg
Institute for the History of Material Culture RAS
2022

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
АРХИВА АКАДЕМИИ НАУК

**ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ
РАИМК:
ИХ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ
И ВКЛАД В НАУКУ**

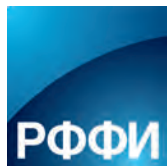
Научный редактор-составитель
В.А. Горончаровский

Санкт-Петербург
Институт истории материальной культуры РАН
2022

УДК 902/929+930.253

ББК 63.4(2)

О87

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 18-09-40116)*

Авторы: В.А. Алёшкин, Н.С. Бекетова, М.Ю. Вахтина, Ю.А. Виноградов, В.А. Горончаровский, Д.А. Кукина, Е.В. Лепехина, М.В. Медведева, В.П. Никоноров, Н.А. Павличенко, Н.И. Платонова, М.В. Поникаровская, Е.О. Стоянов, И.Л. Тихонов, И.В. Тункина, И.Ю. Шауб
Научный редактор-составитель: д-р ист. наук В.А. Горончаровский

О87 **Отцы-основатели РАИМК:** их жизненный путь и вклад в науку : Коллективная монография / науч. ред.-сост. В.А. Горончаровский. — СПб.: ИИМК РАН, 2022. — 872 с.: ил.

ISBN 978-5-6047952-0-0

doi.org/10.31600/978-5-6047952-0-0

Утверждено к печати Учеными советами ИИМК РАН и СПбФ АРАН

Издание подготовлено и осуществлено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по темам государственных заданий FMZF-2022-0013, FMZF-2022-0015 и AAAA-A19-119062690075-0

Книга посвящена истории создания Российской академии истории материальной культуры и творческим биографиям представителей отечественных гуманитарных наук, принимавших участие в ее становлении и развитии. Впервые систематически представлены материалы, касающиеся личных, порой трагических, судеб как тех деятелей науки, кто принял участие в Избирательном собрании РАИМК 5–7 августа 1919 г., так и тех, кто был избран в первый состав ее действительных членов. Это позволяет в полной мере объективно оценить переломный этап в становлении российской академической археологии в контексте политических потрясений конца первой четверти XX века. В хорошо иллюстрированном издании использованы многие ранее не публиковавшиеся фотографии из Научного архива ИИМК РАН и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Оно предназначено для археологов, историков, востоковедов, этнографов, искусствоведов, культурологов и всех, кто интересуется историей отечественной науки.

УДК 902/929+930.253

ББК 63.4(2)

Рецензенты:

д-р ист. наук В.А. Лапшин (ИИМК РАН), д-р ист. наук Л.Д. Бондарь (СПбФ АРАН)

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук В.А. Горончаровский, чл.-корр. РАН И.В. Тункина

В оформлении обложки использованы материалы ФО НА ИИМК РАН

ISBN 978-5-6047952-0-0

9 785604 795200

© Институт истории материальной культуры РАН, 2022
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, 2022
© Коллектив авторов, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

В в е д е н и е. Создание Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) и ее отцы-основатели	9
Г л а в а 1. Члены Российской государственной археологической комиссии, избранные по отделениям в состав РАИМК 15 июля 1919 г.	16
Александр Александрович Васильев (1867–1953)	16
Василий Васильевич Латышев (1855–1921)	33
Сергей Сергеевич Лукьянов (1889–1938)	58
Николай Яковлевич Марр (1864–1934)	68
Александр Александрович Миллер (1875–1935)	100
Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934)	126
Петр Петрович Покрышкин (1870–1922)	142
Константин Константинович Романов (1882–1942)	167
Александр Андреевич Спицын (1858–1931)	189
Николай Петрович Сычев (1883–1964)	217
Александр Петрович Удаленков (1887–1975)	242
Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928)	254
Владимир (Вольдемар) Казимирович Шилейко (1891–1930)	272
Г л а в а 2. Участники Избирательного собрания 5–7 августа 1919 г., ставшие действительными членами РАИМК	285
Николай Борисович Бакланов (1881–1959)	285
Василий Владимирович Бартольд (1869–1930)	298
Владимир Владимирович Богданов (1868–1949)	311
Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960)	319
Сергей Григорьевич Елисеев (1889–1975)	340
Владимир Константинович Мальмберг (1860–1921)	359
Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961)	374
Борис Александрович Тураев (1868–1920)	397
Г л а в а 3. Избранные заочно действительные члены РАИМК	413
Дмитрий Власевич Айналов (1862–1939)	413
Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923)	434
Александр Николаевич Бенуа (1870–1960)	461
Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941)	479
Павел Павлович Муратов (1881–1950)	499
Федор Иванович Шмит (1877–1937)	514
Г л а в а 4. Участники Избирательного собрания, не вошедшие в первый состав действительных членов РАИМК	537
Давид Алексеевич Золотарев (1885–1935)	537
Алексей Алексеевич Ильин (1857–1942)	551

Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951)	562
Николай Петрович Лихачев (1862–1936)	579
Алексей Константинович Марков (1858–1920)	594
Иван Иванович Мещанинов (1883–1967)	606
Николай Константинович Никольский (1863–1936)	634
Александр Сергеевич Раевский (1871 — после 1920)	647
Павел Константинович Симони (1859–1939)	659
Иван Иванович Толстой (1880–1954)	672
Сергей Николаевич Тройницкий (1882–1948)	687
Мстислав Владимирович Фармаковский (1873–1946)	709
Алексей Александрович Шахматов (1864–1920)	726
Юлий Михайлович Шокальский (1856–1940)	755
Василий Александрович Щавинский (1868–1924)	767
Абрам Маркович Эфрос (1888–1954)	784
Степан Петрович Яремич (1869–1939)	795
П р и л о ж е н и е. Старейшие сотрудники РАИМК	813
Евгений Мартынович Придик (1865–1935)	813
Иван Федорович Чистяков (1865–1935)	829
Наталия Александровна Энман (1889–1961)	843
Список сокращений	867
Сведения об авторах	870

CONTENTS

Introduction. Establishment of the Russian Academy for the History of Material Culture (RAHMC) and its Founding Fathers	9
Chapter 1. Members of the Russian State Archaeological Commission elected by departments to the RAHMC on July 15, 1919.	16
Alexandr Alexandrovich Vasiliev (1867–1953)	16
Vasiliy Vasilievich Latyshev (1855–1921)	33
Sergey Sergeevich Lukyanov (1889–1938).	58
Nikolay Yakovlevich Marr (1864–1934)	68
Alexandr Alexandrovich Miller (1875–1935).	100
Sergey Fedorovich Oldenburg (1863–1934)	126
Petr Petrovich Pokryshkin (1870–1922)	142
Konstantin Konstantinovich Romanov (1882–1942).	167
Alexandr Andreevich Spitsyn (1858–1931).	189
Nikolay Petrovich Sychev (1883–1964)	217
Alexandr Petrovich Udalenkov (1887–1975)	242
Boris Vladimirovich Farmakovskiy (1870–1928).	254
Vladimir (Voldemar) Kazimirovich Shileyko (1891–1930)	272
Chapter 2. Participants of the Electoral Assembly of 5–7 August 1919, who became full members of RAHMC	285
Nikolay Borisovich Baklanov (1881–1959)	285
Vasiliy Vladimirovich Bartold (1869–1930)	298
Vladimir Vladimirovich Bogdanov (1868–1949).	311
Igor Emmanuilovich Grabar (1871–1960).	319
Sergey Grigorievich Eliseev (1889–1975)	340
Vladimir Konstantinovich Malmberg (1860–1921).	359
Iosif Abgarovich Orbeli (1887–1961).	374
Boris Alexandrovich Turaev (1868–1920).	397
Chapter 3. Full members of the RAHMC elected in absentia	413
Dmitriy Vlasievich Aynalov (1862–1939)	413
Dmitriy Nikolayevich Anuchin (1843–1923)	434
Alexandr Nikolaevich Benua (1870–1960)	461
Sergey Alexandrovich Zhebelev (1867–1941).	479
Pavel Pavlovich Muratov (1881–1950).	499
Fedor Ivanovich Shmit (1877–1937)	514
Chapter 4. Participants of the Electoral Assembly who were not included in the first list of the full members of the RAHMC	537
David Alexeevich Zolotarev (1885–1935)	537
Alexey Alexeevich Ilyin (1857–1942).	551

Ignatiy Yulianovich Krachkovskiy (1883–1951).....	562
Nikolay Petrovich Likhachev (1862–1936).....	579
Alexey Konstantinovich Markov (1858–1920).....	594
Ivan Ivanovich Meschaninov (1883–1967).....	606
Nikolay Konstantinovich Nikolskiy (1863–1936).....	634
Alexandr Sergeevich Raevskiy (1871 — after 1920).....	647
Pavel Konstantinovich Simoni (1859–1939).....	659
Ivan Ivanovich Tolstoy (1880–1954).....	672
Sergey Nikolaevich Troinitskiy (1882–1948).....	687
Mstislav Vladimirovich Farmakovskiy (1873–1946).....	709
Alexey Alexandrovich Shakhmatov (1864–1920).....	726
Yuliy Mikhailovich Shokalskiy (1856–1940).....	755
Vasiliy Alexandrovich Schavinskiy (1868–1924).....	767
Abram Markovich Efros (1888–1954).....	784
Stepan Petrovich Yaremich (1869–1939).....	795
A p p e n d i x. The oldest staff members of RAHMC	813
Evgeniy Martynovich Pridik (1865–1935).....	813
Ivan Fedorovich Chistiakov (1865–1935).....	829
Natalia Alexandrovna Enman (1889–1961).....	843
List of abbreviations.....	867
About the authors.....	870

Введение.

Создание Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) и ее отцы-основатели

В.А. Горнчаровский

Российская Академия истории материальной культуры была создана в 1919 г. на волне преобразований, вызванных революционным переустройством страны после падения самодержавия и прихода к власти большевиков. Ее учреждению предшествовало несколько этапов. После Февральской революции остро встал вопрос о реорганизации археологической службы, ранее представленной Императорской археологической комиссией (ИАК). Естественно, в новых условиях название нужно было менять. В мае 1917 г. при Временном правительстве было составлено, но официально не утверждено положение о Российской археологической комиссии (РАК). Всего через полгода, после октябрьского переворота, потребовалась легализация Археологической комиссии уже со стороны новой власти, включившей ее к июню 1918 г. в систему Народного комиссариата просвещения. В тот период, когда многие ученые оказались на грани голодной смерти¹, это было жизненно необходимо. Теперь к названию комиссии добавилось слово «государственная» (РГАК). Ее заседания становятся достаточно регулярными, намечаются новые археологические проекты. Среди наиболее активных членов РГАК тогда возникла инициативная группа, добивавшаяся придания ей статуса академического учреждения. Первый шаг в этом направлении был сделан после утверждения 17 октября 1918 г. наркомом А.В. Луначарским Устава Российской государственной археологической комиссии². Он предусматривал значительное увеличение штата сотрудников, создание руководящего органа в виде Совета и формирование новых отделов и секций.

Председателем Комиссии единогласно был избран Н.Я. Марр, который отличался блестящими организаторскими способностями. Он и стал добиваться решения вопроса о преобразовании РГАК в академию. 27 февраля 1919 г. в Совете РГАК по предложению Марра обсуждалась возможность организации на основе Комиссии «Академии археологии». Она представлялась ему как научное учреждение, задачей которого должно служить исследование в историческом разрезе материальной культуры во всех ее проявлениях с привлечением письменных и вещественных

¹ Достаточно ярко характеризует сложившуюся ситуацию запись, которую сделал в своем дневнике весной 1919 г. историк, профессор Московского университета Ю.В. Готье (1873–1943): «Все заботы направлены на то, чтобы не умереть с голода; пока все как-то с этим справляются, но с каждым днем это становится все труднее» (*Готье Ю.В. Мои заметки*. М., 1997. С. 272).

² Подробнее о деятельности РАК-РГАК см.: Императорская археологическая комиссия (1859–1917). Т. 2. СПб., 2019. С. 1401–1453.

источников, этнографии, фольклора и лингвистики³. В ходе дальнейшего обсуждения она фигурирует уже как Российская государственная академия археологических знаний (РГААЗ). Через месяц председатель РГАК срочно выехал в Москву с подготовленным проектом положения об этой организации. При его рассмотрении в Главном комитете по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Наркомпросе РСФСР, скорее всего, по предложению А.В. Луначарского и М.Н. Покровского, появилось новое название — Российская академия материальной культуры. Подписывая соответствующий декрет от 18 апреля 1919 г., глава Совнаркома В.И. Ульянов (Ленин) внес в него небольшую правку: Российская академия «по истории» материальной культуры. В дальнейшем делопроизводстве предлог «по» выпал, что нашло отражение в официально опубликованном тексте декрета.

В советский период именно 18 апреля 1919 г. традиционно считалось датой основания РАИМК и ее академических преемников вплоть до современных Института археологии и Института истории материальной культуры РАН. Не стало исключением и торжественное празднование столетия РАИМК, которое началось в Москве с проведения 10–11 апреля 2019 г. конференции «Век археологии: открытия, задачи, перспективы» и продолжилось 18–19 апреля в Санкт-Петербурге, где состоялась представительная международная конференция «ИИМК на рубеже тысячелетий». Однако эта дата связана лишь с подписанием Декрета о создании РАИМК, своего рода документа о намерениях. Конкретные шаги по созданию Академии были предприняты позднее. 4 июня коллегия Наркомпроса утвердила инструкцию по выбору ее членов. Она предусматривала, что штатные члены Археологической комиссии после утверждения Советом РГАК в качестве руководителей секций автоматически входят в состав Академии истории материальной культуры⁴. Дополнительные выборы согласно инструкции проводит Избирательное собрание, куда помимо членов РАИМК входят члены Совета бывшей РГАК, члены Московской коллегии по делам музеев и делегаты от научных организаций и вузов Петрограда и Москвы. Очевидно, не все выборщики в силу разных причин смогли включиться в работу собрания. Отсутствовали, например, такие члены Совета бывшей РГАК, как Ф.А. Браун, С.А. Жебелёв, С.Ф. Платонов, Н.Е. Макаренко, Д.Н. Анучин, Ф.И. Успенский, А.Н. Бенуа, а также приглашенные делегаты П.К. Коковцев (Российская академия наук), Л.П. Карсавин (1-й Петроградский университет), И.М. Гревс (3-й Петроградский университет), Ю.В. Готье и А.А. Яковлев (Московский университет), П.П. Муратов⁵ (Главный комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Наркомпросе РСФСР) и др.

³ Жебелев С.А. Рождение ГАИМК // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 3–4. С. 172–173.

⁴ В данном случае это 13 человек, включенных как члены Академии в I раздел подготовленного в начале после 15 июля 1919 г. списка членов Избирательного собрания: А.А. Миллер, А.А. Спицын, В.В. Латышев, С.С. Лукьянов, А.А. Васильев, В.К. Шилейко, Н.Я. Марр, Б.В. Фармаковский, С.Ф. Ольденбург, Н.П. Сычев, А.П. Удаленков, П.П. Покрышкин и К.К. Романов (Императорская археологическая комиссия... 2019. С. 1453–1456).

⁵ В списке членов Избирательного собрания он почему-то фигурирует как Павел Иванович, хотя в составе избранных членов РАИМК именуется уже правильно — Павел Павлович. Все же в двух юбилейных изданиях появляется именно П.И. Муратов (Императорская археологическая комиссия... 2009. С. 1110; Императорская археологическая комиссия... 2019. С. 1460).

Утвержден в заседании Малого Совета
Совнаркома 18 апреля 1919 года.

ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

1. Для археологического и художественно-исторического научного исследования вещественных, как монументальных, так и бытовых, памятников, предметов искусства и старины и всех вообще материальных культурных ценностей, а также научной охраны всех таких ценностей, находящихся в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, учреждается в Петрограде Академия Истории Материальной Культуры.

2. Государственная Российская Археологическая Комиссия в Петрограде ликвидируется, а ее личный состав полностью входит в учреждаемую Академию Истории Материальной Культуры, в распоряжение которой передается все имущество и учреждения ликвидируемой Комиссии, а также ассигнованные ей по смете Наркомпроса на 1-ю половину 1919 г. суммы.

3. При Академии состоят исследовательские и научно-учебные институты, различные научные учреждения и общества, преследующие задачи, упомянутые в п. 1 настоящего декрета, или способствующие их выполнению.

4. Российская Академия Истории Материальной Культуры ведает в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики научной стороной всех археологических раскопок и разведок, право на производство которых выдается Археологическим Отделом Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины на основании заключений Академии.

5. Российская Академия Истории Материальной Культуры, сохраняя тесную органическую связь с Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению, находится в ведении его Научного Отдела.

6. Академия Истории Материальной Культуры существует на основании утвержденного Народным Комиссариатом по Просвещению положения.

7. Российская Академия Истории Материальной Культуры, временно, впредь до утверждения особого положения о ней, продолжает деятельность ликвидируемой Археологической Комиссии, на основании ее устава, утвержденного 17-го октября 1918 г. Народным Комиссариатом по Просвещению.

8. Все сметные предложения Академии Истории Материальной Культуры предварительно рассматриваются Всероссийской Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению и проходят по §§ и статьям сметы, находящимся в распоряжении Научного Отдела Наркомпроса.

Председатель Сов. Нар. Ком. *Н. Ленин.*

Управляющий делами Сов. Нар. Ком. *В. Бонч-Бруевич.*

Секретарь *М. Фотиева.*

В созванном 5 августа Избирательном собрании приняли участие 37 человек, которые за два дня выбрали дополнительно к первоначальному составу еще 15 новых действительных членов РАИМК⁶. Ее председателем был избран Н.Я. Марр, занимавший этот пост до сентября 1920 г., а затем с июня 1923 г. уже до самой смерти в 1934 г. В его письме заместителю наркома просвещения Союза коммун Северной области З.Г. Гринбергу говорилось о том, что с 7 августа «Академия истории материальной культуры должна считаться окончательно сконструированной и фактически начавшей свою деятельность, Российская же государственная археологическая комиссия с того же числа прекратила свои работы, перейдя в состояние ликвидации»⁷.

Так была создана РАИМК — государственное научное учреждение нового типа с большим штатом сотрудников и развитой структурой подразделений. Оно должно было решать чрезвычайно широкий спектр комплексных задач: всестороннее исследование памятников древности одновременно с разработкой основ и обеспечения их охраны; изучение различных теоретических проблем этнологии, археологии и истории искусства; научное руководство в отношении всех археологических раскопок и работ по реставрации древних монументальных памятников; всемерное распространение в стране знаний о культурной ценности и значении памятников древности, искусства и старины; публикация научных трудов и ежегодных отчетов⁸.

Всех участников исторического события фотограф комиссии И.Ф. Чистяков запечатлел в саду возле здания Старого Эрмитажа, где тогда размещалась бывшая РГАК и проходило Избирательное собрание. Очевидно, он использовал для этой цели свой старый фотоаппарат, с которым не расставался со времени Самаркандской экспедиции 1895 г. Уникальный снимок членов Академии и участников Избирательного собрания в день завершения его работы был сделан на стеклянный диапозитив размером 24 × 30 см. В год столетнего юбилея РАИМК поврежденную фотопластину, хранящуюся в Научном архиве ИИМК РАН, отреставрировали⁹, обеспечив таким образом ее сохранность для истории отечественной науки.

Изначально снимок не был снабжен пояснениями, кто есть кто. Лишь спустя сорок лет заведующий сектором Средней Азии и Кавказа в ЛОИА АН СССР М.П. Грязнов (1902–1984), который начал трудиться в РАИМК еще в 1922 г., сделал научную атрибуцию персонажей на фотографии. Впервые опубликованная Г.В. Длужневской с перечислением и краткой характеристикой всех участников¹⁰,

⁶ Это Д.В. Айналов, Д.Н. Анучин, Н.Б. Бакланов, В.В. Бартольд, А.Н. Бенуа, В.В. Богданов, И.Э. Грабарь, С.Г. Елисеев, С.А. Жебелев, Н.П. Кондаков, В.К. Мальмберг, П.П. Муратов, И.А. Орбели, Б.А. Тураев и Ф.И. Шмит.

⁷ Императорская археологическая комиссия... 2019. С. 1460–1462.

⁸ В соответствии с поставленными задачами Академия имела три отделения: Этнологическое, Археологическое и Художественно-историческое. При ней были созданы Институт археологической технологии и Комитет популяризации художественных изданий. В ее ведение перешло также Общество поощрения художеств.

⁹ Реставрация проводилась в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН старшим научным сотрудником Лаборатории консервации и реставрации документов Н.В. Черновой.

¹⁰ Длужневская Г.В. Из истории одной фотографии // Культурное наследие Российского государства. 2003. Вып. IV. С. 236–244.

Общая фотография членов РАИМК и участников Избирательного собрания в саду Старого Эрмитажа. 7 августа 1919 г. (ФО НА ИИМК РАН. Нег. П 99124).
 Сидят (слева направо): В.В. Бартольд (РАИМК, 1-й Петроградский университет), Б.В. Фармаковский (РАИМК), И.Э. Грабарь (РАИМК, Главмузей), С.Ф. Ольденбург (РАИМК), В.В. Латышев (РАИМК), Н.Я. Марр (РАИМК), А.А. Васильев (РАИМК), А.А. Шахматов (РАН), В.К. Мальмберг (РАИМК, Музей изящных искусств), Н.П. Сычев (РАИМК).
 Стоят (слева направо): П.К. Симони (РАН), М.В. Фармаковский (член Совета б. РГАК), А.С. Раевский (зав. библиотекой б. РГАК), А.А. Миллер (РАИМК, Русский музей), С.С. Лукьянов (РАИМК), К.К. Романов (РАИМК), В.К. Шилейко (РАИМК), И.И. Толстой (РАО), П.П. Покрышкин (РАИМК), Д.А. Золотарев (РЭМ), Б.А. Тураев (РАИМК, 1-й Петроградский университет), Н.П. Лихачев (РАН), Н.Б. Бакланов (РАИМК), И.А. Орбели (РАИМК), А.М.Эфрос (Главмузей), Ю.М. Шокальский (ОЛЕАЭ, Русское географическое общество), И.Ю. Крачковский (РАО), В.В. Богданов (член Совета б. РГАК, Румянцевский музей), С.П. Яремич (Эрмитаж), Д.Н. Егоров? (член Совета б. РГАК, Румянцевский музей), С.Н. Троицкий (член Совета б. РГАК, Эрмитаж), В.А. Щавинский, И.И. Мещанинов, А.А. Ильин (член Совета б. РГАК, Эрмитаж), С.Г. Елисеев (РАИМК), А.К. Марков (член Совета б. РГАК, Эрмитаж), Н.К. Никольский (ОЛЕАЭ, РАН)

она практически без изменений была включена в такие издания юбилейного характера, как «Императорская археологическая комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия» (СПб., 2009. С. 1114), «Академическая археология на берегах Невы» (СПб., 2014. Рис. 1)¹¹, «Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы» (Т. 2. СПб., 2019. С. 1461).

Казалось, после детальной проработки архивных документов по истории преобразования ИАК в РАИМК никаких вопросов к составу реальных участников Избирательного собрания, определенных М.П. Грязновым, не осталось. Тем не менее, отдавая ему дань уважения, следует помнить, что по прошествии многих лет что-то стирается из памяти и вполне допустимы отдельные ошибки. В частности, непонятно, почему стоящий крайним справа ученый был идентифицирован как историк Владимир Капитонович Никольский (1894–1953). Ведь на тот момент ему было всего 25 лет, а на снимке пожилой человек. Между тем, в списке делегатов имя и отчество Никольского указаны определенно — Николай Константинович. Действительно, сделанный не позднее 1918 г. карандашный портрет академика Н.К. Никольского (1863–1936) (см. очерк о нем) не оставляет сомнений в том, что это именно он. Скорее всего, М.П. Грязнов, давая «расшифровку», просто назвал фамилию Никольского, а Г.В. Длужневскую при подготовке статьи смутило ее присутствие в разделе приглашенных от Общества антропологии, этнографии и естествознания. В данном случае, конечно, имелось в виду Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ОЛЕАЭ). Казалось бы, как может представлять московскую организацию петербургский историк? Да так же, как и внесенный вторым после него председатель Русского географического общества Юлий Михайлович Шокальский (1855–1940). Следует помнить, что ОЛЕАЭ была общественной и научной организацией, объединявшей не только московских антропологов, этнографов и естествоведов, но и всех, кто просто интересовался этими дисциплинами. Кроме того, это можно рассматривать как попытку привлечь к проведению выборов заслуженных ученых и в то же время соблюсти инструкцию, согласно которой от неархеологических организаций приглашались всего по два делегата.

Еще одна ошибка касается человека, стоящего восьмым справа, который в списке М.П. Грязнова фигурирует как этнолог Бруно Фридрихович Адлер (1874–1942), председатель Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ)¹² при Казанском университете. Дело в том, что его нет среди приглашенных делегатов Избирательного собрания, как нет и какой-либо информации о том, что он покидал Казань летом 1919 г. Если исходить из внешних данных возможных «претендентов», то на эту роль, скорее всего, подходит член Совета бывшей РГАК историк Дмитрий Николаевич Егоров (1878–1931). На снимке человек с папкой в руках стоит непосред-

¹¹ К сожалению, здесь историческую фотографию обрезали с левой стороны, в результате чего изображения семи участников Избирательного собрания оказались утраченными.

¹² В последней коллективной монографии в сокращении допущена ошибка — ОЛИАЭ (Императорская археологическая комиссия... 2019. С. 1461).

ственно справа от этнографа В.В. Богданова¹³. Как раз для Егорова, который работал с ним в одном учреждении — Румянцевском музее в Москве, было бы вполне естественно держаться рядом. Впрочем, этот вопрос пока следует оставить на долю будущих исследователей.

Создание РАИМК занимает в истории отечественной археологии особое место, поскольку в изменившихся политических условиях это государственное учреждение в решении поставленных перед ним широких задач во многом опиралось на богатейший опыт ставших его «отцами-основателями» выдающихся археологов, востоковедов, историков и этнографов конца XIX — начала XX в. Изучение жизни и творчества связанных с РАИМК крупных ученых с привлечением в ряде случаев ранее не публиковавшихся архивных материалов¹⁴ вносит существенный вклад в исследование проблемы становления академической археологии в России. За порой трагическими судьбами этих людей встает картина реальной жизни, отражающая их взаимодействие с процессами, протекавшими в российском обществе того времени и влиявшими на развитие отечественной гуманитарной науки на переломном этапе ее существования.

В предлагаемую вниманию читателей книгу включены очерки, посвященные не только участникам Избирательного собрания, запечатленным на исторической фотографии 7 августа 1919 г., но и тем, кто был избран заочно и так или иначе стоял у истоков РАИМК/ГАИМК. Исключением является лишь академик Н.П. Кондаков (1844–1925), на момент избрания находившийся в Одессе и покинувший Россию в январе 1920 г. В приложение к коллективной монографии вошли несколько очерков о старейших сотрудниках РАИМК, не являвшихся ее действительными членами и, тем не менее, внесших весомый вклад в ее деятельность.

¹³ К стати, именно Д.Н. Егоров в 1924 г. возглавил московскую секцию РАИМК. К сожалению, его фотографий интересующего нас периода обнаружить не удалось, как и документов, которые могли бы подтвердить эту версию.

¹⁴ В связи с коронавирусной эпидемией для данной коллективной монографии в основном использовались материалы научных архивов ИИМК РАН и СПбФ АРАН, сотрудники которых участвовали в работе над проектом РФФИ № 18–09–40116 «Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и путь в науке».

Глава 1

Члены Российской государственной археологической комиссии, избранные по отделениям в состав РАИМК 15 июля 1919 г.

Александр Александрович Васильев (1867–1953)

И.В. Тункина

Имя византиниста и арабиста А.А. Васильева хорошо известно в западноевропейской науке, но в СССР в течение длительного времени оно оставалось фактически под запретом¹, а его творчество подвергалось резкой критике². Причина этому проста — под предлогом заграничной командировки 58-летний ученый в 1925 г. эмигрировал из Советской России. С помощью друга и коллеги М.И. Ростовцева он перебрался из Европы в США, где стал создателем американской школы византиноведения. В конце 1920-х — начале 1950-х гг. А.А. Васильев фактически стоял во главе мировых византиноведческих штудий, обогатив их фактологическими, методологическими и концептуальными достижениями русского византиноведения рубежа XIX–XX вв., которое в то время занимало лидирующие позиции в мировой науке.

Александр Александрович Васильев³ родился 22 сентября (4 октября) 1867 г. в Санкт-Петербурге в семье капитана, по другим данным — майора армии, на-

¹ Его творчеству посвящено несколько строк или абзацев в общих работах советской эпохи по историографии Средневековья: Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1963. Т. 3. С. 469–547; *Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики 1917–1966. Л., 1968. С. 70–81.

² См., например: *Левченко М.В.* Фальсификация истории византино-русских отношений в трудах А.А. Васильева // ВВ. 1951. Т. 4. С. 149–159.

³ О нем см.: *Успенский Ф. И., Марр Н. Я., Платонов С. Ф., Крачковский И. Ю.* Записка об ученых трудах А. А. Васильева // Известия РАН. 1923. 6 сер. Т. 17. С. 365–368; *Вернадский Г. В.* А.А. Васильев (к семидесятилетию его) (родился 22 сентября 1867 года) // *Annales de l'Institut Kondakov (Seminarium Kondakovianum)*. Praha, 1938. Т. 10: Сб. статей в честь А.А. Васильева. С. 1–18; *Grégoire H.* Alexandre Aleksandrovich Vasiliev //

чальника крепостной команды Петропавловской крепости Александра Степановича Васильева. В годы русско-турецкой войны в 1877 г. он был переведен в Вязьму для формирования батальона русской армии. Последняя должность отца в 1877–1879 гг. — воинский начальник в г. Сычевка Смоленской губ. Подполковник А.С. Васильев скончался в 1880 г. в Санкт-Петербурге⁴. Мать А.А. Васильева Ольга Александровна, урожденная Челпанова (ум. в 1912 г.), происходила из купеческой семьи, державшей магазин военных вещей в Гостином Дворе Санкт-Петербурга; ее брат был председателем Санкт-Петербургской купеческой управы. В браке родилось несколько детей. Наиболее близкими членами семьи на протяжении всей жизни А.А. Васильева оставались две его сестры — одна, Ольга Александровна, была замужем за Д.Н. Халтуриным⁵, другая — Надежда Александровна, замуж не вышла и фамилию не меняла. В советское время она значится как специалист по библиотечному делу, каталогизатор Русского музея (на 1922 г.), затем научный сотрудник Рукописного отделения Пушкинского дома в 1926–1929 гг.⁶ С младшей

Bizantion. 1952. Т. 22. P. 526–531; Milton A.A. Alexander A. Vasiliev: A Personal Sketch // Russian Review. 1954. Vol. 13. № 1. P. 59–63; Nersessian Der S. Alekander Alexandrovich Vasiliev (1967–1953) // Dumbarton Oakes Papers. 1956. № 9–10. P. 1–21 (список трудов: P. 13–21); Карпович М.М. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев // Новый журнал. 1953. № 34. С. 287–293; Басаргина Е.Ю. А.А. Васильев и Русский археологический институт в Константинополе // Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993. С. 127–135; Куклина И.В. А.А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. С. 313–338; Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. 1) М.И. Ростовцев и А.А. Васильев (Новые архивные материалы) // ВДИ. 1996. № 4. С. 189–209; 2) М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: Шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества // Скифский роман. М., 1997. С. 259–286; Грушевой А.Г. К переизданию цикла общих работ А.А. Васильева по истории Византии // Васильев А.А. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.). СПб., 1998. С. 5–28; Вольфшун Л.Б. 1) Васильев Александр Александрович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2: Российская Публичная библиотека — Государственная Публичная библиотека в Ленинграде 1918–1930. С. 162–166; 2) А.А. Васильев: начало эмиграции (по материалам переписки с С.Ф. Платоновым) // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. СПб., 2000. С. 215–218; Карпов С.П. 1) Материалы А.А. Васильева в Архиве Dumbarton Oaks (Вашингтон) // ВВ. 1999. Т. 58. С. 117–126; 2) А.А. Васильев о вкладе русских ученых в развитие византиноведения // Scripta Gregoriana: Сб. в честь 70-летия академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 279–291; Дубьева Л.В. Профессор всеобщей истории Юрьевского университета 1904–1912 гг. А.А. Васильев // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века / Сост. и отв. ред. С. Исаков. Тарту, 2005. С. 79–103; Тункина И.В. Васильев Александр Александрович // С.А. Жебелёв. Русское археологическое общество за третью четверть века его существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. М., 2017. С. 231–232.

⁴ Вернадский Г.В. А.А. Васильев (к семидесятилетию его) (родился 22 сентября 1867 года). С. 1–2; Дойков Ю. Васильев Александр Александрович. С. 135; Сорокина М.Ю. Васильев (Vassiliev) Александр Александрович. С. 149.

⁵ Халтурин Дмитрий Николаевич (1873–1942), юрист. Выпускник юридического факультета Петербургского университета (1899), до октября 1917 г. служил в Лесном департаменте Министерства государственных имуществ; коллежский советник, выслужил личное дворянство. Секретарь Правления РАН (1921–1923), управляющий делами Правления РАН/АН СССР (1923–1929). По требованию управляющего делами Совета народных комиссаров СССР Н.П. Горбунова должен был быть «вычищен» из АН СССР в ходе «академического дела», в результате сам подал заявление об уходе в августе 1929 г., после сдачи дел уволен в ноябре 1929 г. Арестован 31 декабря 1929 г., осужден 10 мая 1931 г. Коллегией ОГПУ по статье 58–11 и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Он и его сыновья — Кирилл и Леонид, упомянуты в справочниках «Весь Ленинград» на 1931 г. и 1935 г. (Васильевский остров, 7 линия, д. 2, кв. 13). По тому же адресу проживал и в блокаду, умер в мае 1942 г., похоронен на Пискаревском кладбище. См.: СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 4. Д. 77.

⁶ См.: Наука в России. Справочник. Данные к началу 1922 г. Научные работники Петрограда. М.; Пг., 1923. С. 19; Наука и научные работники СССР. Ч. 2: Научные учреждения Ленинграда. Л., 1926. С. 15.

сестрой Надеждой действительный статский советник А.А. Васильев жил в одной квартире на Каменноостровском пр. (ул. Красных Зорь), д. 26, кв. 95⁷ вплоть до своей последней заграничной командировки, вылившейся в эмиграцию.

Первые годы детства А.А. Васильев провел в Петропавловской крепости по месту службы отца. В 1880 г. мальчик поступил во второй класс Первой Санкт-Петербургской классической гимназии и скоро показал блестящие успехи в учебе. Уже с этого времени он начал вести дневник на латинском языке, что обеспечивало тайну записей от посторонних взоров. В известной столичной гимназии он учился вместе с будущим крупным болгарским историком-медиевистом и византинистом В.Н. Златарским, с которым был связан всю жизнь⁸. В своей заметке, вышедшей после кончины друга, А.А. Васильев вспоминал: «Это было очень давно, в начале восьмидесятых годов прошлого столетия. Как-то раз утром, к нам, в третий класс Петербургской Первой классической гимназии... привели мальчика-болгарина, Златарского; его посадили на отдельную скамейку, около учительской кафедры, и в течение полугода никогда не спрашивали, чтобы дать ему время освоиться с русским языком. Он был пенсионером гимназии, то есть жил и питался там. Вместе окончили мы Первую гимназию; одновременно поступили мы на историческое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета и одновременно начали заниматься в семинарии знаменитого византиниста той эпохи, профессора и академика В.Г. Васильевского. В те далекие годы нашей юности Златарский был не только моим личным другом; он вошел в нашу семью и был всегда желанным и частым гостем»⁹.

С детства А.А. Васильев серьезно занимался музыкой: он не только виртуозно играл на фортепиано, но и сам сочинял музыкальные произведения. Отец водил его в Мариинский театр, где он смотрел постановки опер «Рогнеда» А.Н. Серова, «Снегурочка» А.Н. Римского-Корсакова (1882), «Евгений Онегин» (1884), «Чародейка» (1887) П.И. Чайковского. Уже в третьем классе гимназии А.А. Васильев задумал написать оперу «Боярин Орша» и составлял либретто по М.Ю. Лермонтову с собственными дополнениями. В старших классах гимназии и в годы учебы в университете юноша играл на рояле оперную музыку для своих родных и друзей, причем вечерние домашние концерты пользовались популярностью и расписывались на месяцы вперед: первоначально игрались итальянские оперы и произведения М.И. Глинки («Жизнь за царя», «Руслан и Людмила»), затем опера П.И. Чайковского «Евгений Онегин», которую он исполнил около сотни раз¹⁰.

По окончании гимназии в 1887 г. с золотой медалью А.А. Васильев поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, но через две недели перешел на арабское отделение факультета восточных языков, где занимался арабским языком у барона В.Р. Розена, во втором полугодии — персидским языком у В.А. Жуковского. Он сидел на одной студенческой скамье с будущими востоковедами В.В. Бартольд и П.М. Мелиоранским. Главной фигурой на факультете был академик барон В. Р. Розен, учитель нескольких поколений востоко-

⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 107. Л. 2.

⁸ Вернадский Г.В. А.А. Васильев (к семидесятилетию его) (родился 22 сентября 1867 года). С. 2.

⁹ Васильев А.А. В.Н. Златарский (памятка) // Seminarium Kondakovianum. Praha, 1936. Т. 8. С. 281.

¹⁰ Вернадский Г.В. Ук. соч. С. 2–3.

ведов разных специальностей, составивших гордость российской науки. Он был «активный, живой, умный и сердечный человек с широким кругом интересов»¹¹, но уже в конце первого курса А.А. Васильев решил вернуться на историко-филологический факультет, а арабский и персидский языки продолжил изучать как вольнослушатель.

Одновременно А.А. Васильев поступил в Санкт-Петербургскую консерваторию по классу теории и композиции, сдав вступительный экзамен А.Г. Рубинштейну, но проучился недолго — не смог совмещать учебу и в консерватории, и в университете. Много лет спустя, уже став профессором Юрьевского университета, А.А. Васильев продолжил музыкальное образование в Петербургской консерватории у В.П. Калафати. Увлечение классической музыкой и блестящие способности пианиста-виртуоза особо выделяли А.А. Васильева среди его коллег по историко-филологическому цеху. В США, где он пользовался высочайшей репутацией у студентов и как профессор, и как артист, он не только посещал концерты, в том числе соотечественников С.В. Рахманинова и С.А. Кусевицкого, но и давал сольные выступления, исполняя произведения русской классики и собственные сочинения¹². Г.В. Вернадский, лично знавший А.А. Васильева, вспоминал, что по его собственному признанию музыку он любил больше, чем науку¹³. То же констатировал М.М. Карпович: «...А.А. Васильев, при своей научной продуктивности, отнюдь не замыкался в сфере исторических интересов. Наряду с историей его страстью была музыка. Он сам рассказывал, что в ранней молодости одно время серьезно думал целиком посвятить себя музыке. В состязании между двумя музами, Клио быстро одержала победу над Евтерпой, но победа эта была не полной...»¹⁴.

Десятилетия спустя А.А. Васильев с благодарностью вспоминал профессию историко-филологического факультета: «В Петербурге в кабинете одного из моих коллег висела большая фотография Совета Петербургского университета начала девяностых годов прошлого столетия. Я часто смотрел на нее и не мог подолгу отвести от нее глаз. Какой это был блестящий период в научной жизни... Какое величие и какая сила! ...По греческой литературе глубокий знаток П.В. Никитин. По западноевропейской литературе гениальный А.Н. Веселовский; по русской литературе блестящий Орест Миллер; санскритолог Минаев; по восточным языкам первоклассный арабист барон В.Р. Розен, китаист В.П. Васильев, монголист Позднеев, гебраист Хвольсон; по славистике В.И. Ламанский. И тут же, в этой группе, справа приютилась в кресле небольшая, приземистая фигура В.Г. Васильевского, истинного основоположника византиноведения в России»¹⁵. Именно этот человек определил всю дальнейшую жизнь молодого студента.

¹¹ Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург и Николай Яковлевич Марр // Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки / Под ред. И.Ф. Поповой. М., 2015. С. 137.

¹² Куклина И.В. А.А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки. С. 334–335.

¹³ Вернадский Г.В. 1) А.А. Васильев (к семидесятилетию его) (родился 22 сентября 1867 года). С. 3; 2) Русская историография. С. 227.

¹⁴ Карпович М. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев // Новый журнал. 1953. Т. 34. С. 287–293; Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев (Новые архивные материалы). С. 172.

¹⁵ Васильев А.А. Мои воспоминания о В.Г. Васильевском // *Annales de l'Institut Kondakov (Seminarium Kondakovianum)*. Beograd, 1940. Т. 11. С. 207.

Стоя над могилой В.Г. Васильевского в августе 1931 г. на флорентийском кладбище Аллори, где покоятся многие русские эмигранты, А.А. Васильев вспоминал обстоятельства первого случайного знакомства с учителем: «Весною 1890 г. я переходил на 3-й курс университета и должен был выбирать “специальность”; почти уже решил идти к П.В. Никитину по греческой словесности. Весною этого года был один из балов, даваемых профессором-турковедом В.Д. Смирновым... На этом балу были представители восточного факультета, барон Розен, супруги Жуковские и т. д. Увидя меня, Розен, у которого я уже два года занимался перед тем арабским языком, спросил меня о моих дальнейших намерениях. Я ему сказал о моих греческих перспективах. Тогда он мне посоветовал от его имени пойти к Васильевскому, которого я никогда не видал, и поговорить с ним, указав ему, что у меня есть не только греческий, но и арабский язык. И вот в ближайшую пятницу (у В.Г. были пятницы) я пошел куда-то далеко на Васильевский остров, где жил Васильевский. Выслушав меня, он встретил меня сочувственно и посоветовал летом почитать Гиббона. Это была первая книга, связанная с Византией, которую я когда-либо читал. И вот летом, в Мариенбаде... я стал читать Гиббона. Все это пронеслось в моей голове, когда я стоял над могилой плитой В.Г. И какой пиетет, какую благодарность чувствовал я в эти моменты Васильевскому и Розену, которые сделали мою жизнь! А случай, дорогой друг, разве не играет великую роль в нашей жизни!? Не будь бала у Смирнова, я, почти наверняка, никогда бы не был византинистом. Для византиноведения, может быть, это было бы и лучше; но для меня... не знаю!»¹⁶.

Академик В.Г. Васильевский, основатель и первый редактор «Византийского временника», по праву считается создателем школы русских историков-византинистов. А.А. Васильев органично вошел в круг его учеников, среди которых были будущие «известные специалисты в различных областях исторической науки: по истории России А.Е. Пресняков, Н.П. Павлов-Сильванский, И.И. Лаппо; по всеобщей истории Э.Д. Гримм; по истории Церкви Б.М. Мелиоранский; по истории Византии В.Н. Златарский; к последней специальности позволю причислить и себя самого»¹⁷. На 4-м, выпускном курсе за написанное под руководством В.Г. Васильевского сочинение «Хронографическое обозрение царствования императора Анастасия I» А.А. Васильев был удостоен золотой медали. Позднее он вспоминал: «В моей работе я всегда находил поддержку и совет Васильевского. Мои статьи, появившиеся в “Византийском временнике” в девяностых годах прошлого столетия, были внушены Васильевским»¹⁸. Некоторый неизданный материал в греческих рукописях Западной Европы, который сам он не мог почему-либо использовать, был им указан мне, и я им воспользовался. Конечно, тема моих диссертаций, магистерской и докторской, “Византия и арабы” возникла под влиянием моих занятий у Васильевского и барона Розена. <...> Васильевский и барон Розен сделали мою жизнь. На моем письменном столе в Петербурге и Юрьеве всегда стояли их

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 18. Л. 210–213. Опубл.: *Медведев И.П.* 1) Honor Sepulcri: размышления А.А. Васильева у могилы В.Г. Васильевского // ВВ. 1994. Т. 55. С. 26; 2) Петербургское византиноведение: Страницы истории. СПб., 2006. С. 190.

¹⁷ *Васильев А.А.* В.Н. Златарский (памятка). С. 281.

¹⁸ См.: *Васильев А.А.* 1) О славянском происхождении Юстиниана // ВВ. 1894. Т. 1. Вып. 4. С. 469–492; 2) Славяне в Греции // ВВ. 1898. Т. 5. Вып. 3. С. 404–438; Вып. 4. С. 626–670.

фотографии. Увы! У меня их нет в Америке. В минуты сомнений и колебаний я смотрел на них, получал какую-то новую силу и бодрость и чувствовал, как беспрдельно я их уважаю и как сердечно люблю»¹⁹.

По окончании университета в 1892 г. А.А. Васильев был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории. Параллельно он пять лет преподавал греческий и латинский языки в Первой классической гимназии, и на научную работу времени не хватало. Много лет спустя он вспоминал: «И вот в этот момент Никитин и его жена сыграли в моей жизни решающую роль. Как-то у них за обедом они вдруг мне сказали: “Почему бы Вам не поехать в заграничную командировку? Попробуйте!” Я об этом уже и не мечтал. Но эти слова, сказанные так тепло и искренно, оживили меня. Я пошел к Васильевскому. Он мне сказал: “Да я думал, что Вы уже отказались от научного будущего?!” Начал хлопотать. Васильевский и Никитин поддержали. Декан И.В. Помяловский отнесся сочувственно. Летом 1897 г. мне дали 600 руб. пособия, и я уехал в Париж. С января 1898 г. я получил стипендию в 1200 руб.»²⁰.

Во время заграничной командировки для завершения магистерской диссертации, продолжавшейся с перерывами 3,5 года, А.А. Васильев объездил множество стран. В *École de Hautes Études*, *École des langues orientales* и Сорбонне он изучал арабский, турецкий и эфиопский языки, в Национальной библиотеке в Париже (1897–1899) анализировал греческие и арабские рукописи и стал блестящим палеографом. В Лондоне молодой ученый занимался сравнением имеющегося в России текста «Жития Феодора Эдесского» с отрывками арабского перевода, хранящегося в Британском музее²¹. В Венском университете в летнем семестре 1898 г. по настоянию В.Г. Васильевского он слушал курс лекций чешского историка-слависта К.И. Иречека, который по собственному признанию ничего ему не дал²². Ненадолго вернувшись в Петербург, А.А. Васильев подал прошение о продлении заграничной командировки и в конце января 1899 г. отправился как стипендиат Петербургского университета для практического знакомства с Востоком в Стамбул, в Русский археологический институт в Константинополе (РАИК), к которому он был прикомандирован на два года. Бессменным директором РАИК был его основатель академик Ф.И. Успенский, а ученым секретарем — археолог Б.В. Фармаковский. Последний писал о прибытии А.А. Васильева родителям, что он «человек симпатичный, интересный, прекрасный музыкант..., поклонник Вагнера и Чайковского»²³.

В годы пребывания в РАИК А.А. Васильев познакомился с основными художественными памятниками и топографией Стамбула, продолжал совершенствоваться в арабском и турецком языках, одновременно изучая на практике полевую археологию. Весной 1899 г. он добрался до Афин, где осмотрел памятники Акрополя

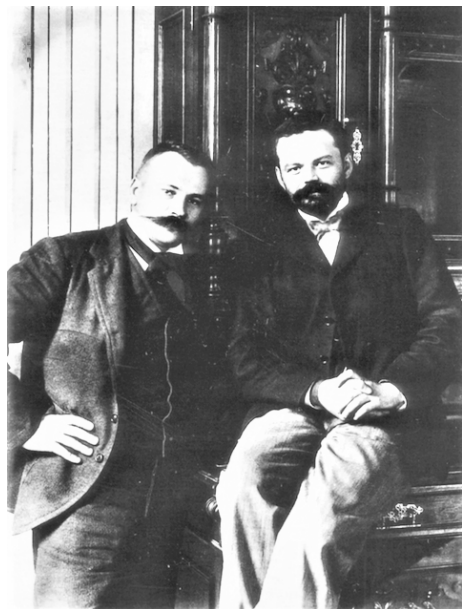
¹⁹ Васильев А.А. Мои воспоминания о В.Г. Васильевском // *Annales de l'Institut Kondakov (Seminarium Kondakovianum)*. Beograd, 1940. Т. 11. С. 212–213, 214.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 18. Л. 196–197 об.: Письмо А.А. Васильева С.А. Жебелёву от 2 сентября 1931 г.; Басаргина Е.Ю. Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. С. 73.

²¹ Вольфицун Л.Б. Васильев Александр Александрович. С. 163.

²² Васильев А.А. Мои воспоминания о В.Г. Васильевском. С. 213.

²³ Фармаковская Т.И. Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988. С. 97.

А.А. Васильев и Б.В. Фармаковский.
Стамбул. 1899 г. (СПбФ АРАН. Ф. 729.
Оп. 1. Д. 91. Л. 2)

и коллекции Национального археологического музея. С директором Афинского отделения Германского археологического института Вильгельмом Дёрпфельдом А.А. Васильев путешествовал по островам Эгейского моря, а летом вместе с М.И. Ростовцевым совершил поездку «в глубину Малой Азии к развалинам древней Амории»²⁴, о которой шла речь в его магистерской диссертации. Имелся в виду поход византийского императора Феофила в Сирию и описание осады и взятия арабским халифом аль-Мутасимом родного города императора — крепости Аморий в древней провинции Фригия²⁵. В октябре — начале декабря 1899 г. петербургский стипендиат присоединился к П.Н. Милюкову и Б.В. Фармаковскому, проводившим раскопки могильника гальштатской эпохи близ села Патели в районе Салоник.

В библиотеке РАИК А.А. Васильев привел в порядок раздел, посвященный арабистике, но не найдя там изданий, необходимых для

его магистерской диссертации, покинул институт раньше срока²⁶. Затем он продолжил изучение рукописей в библиотеках Парижа, Берлина, Лондона, Оксфорда, подготовил издание «Жития Филарета Милостивого»²⁷ и в 1900 г. вернулся в Санкт-Петербург, причем сразу был избран членом-сотрудником, а затем действительным членом Императорского Русского археологического общества²⁸. За отзыв на каталог моливдовулов РАИК, составленный Б.А. Панченко, А.А. Васильев был удостоен в 1906 г. серебряной медали РАО²⁹.

Уникальное сочетание — знание арабского и ряда других восточных, классических и новых западноевропейских языков — сделало из А.А. Васильева редкого специалиста в области взаимоотношений Запада и Востока в эпоху Средневековья. Анализируя арабские источники, он смог осветить события византийской, западно-

²⁴ Басаргина Е.Ю. А.А. Васильев и Русский археологический институт в Константинополе // Российские ученые и инженеры в эмиграции / Под ред. В.П. Борисова. М., 1993. С. 127–135.

²⁵ Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии, с 820 по 867 гг. СПб., 1900. С. 139–140.

²⁶ Басаргина Е.Ю. 1) А.А. Васильев и Русский археологический институт в Константинополе. С. 131–132; 2) Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории СПб., 1999. С. 94, 128.

²⁷ Васильев А.А. Житие Филарета Милостивого // ИРАИК. 1900. Т. 5. С. 49–86. Отд. отт.: Одесса, 1900.

²⁸ Тункина И.В. Васильев Александр Александрович. С. 231–232.

²⁹ См.: Панченко Б. А. Каталог моливдовулов: Коллекция Русского археологического института в Константинополе // Известия РАИК. 1903. Т. 8. С. 199–246; 1904. Т. 9. С. 341–396; 1908. Т. 13. С. 78–151. См. отзыв А. А. Васильева: Протоколы общих собраний Императорского Русского археологического общества за 1899–1908 годы. Пг., 1915. С. 242–243.

европейской и славянской истории с другого ракурса, недоступного большинству историков³⁰. В 1947 г. в письме из США академику И.Ю. Крачковскому 79-летний ученый подсчитал количество языков, которыми он пользовался в научной работе — их оказалось 16, основными из которых были латинский, греческий, арабский, немецкий, французский, английский, итальянский, испанский³¹, а также каталонский, португальский, чешский, румынский, венгерский, турецкий, армянский, эфиопский и др.³² Как резюмировал китаист академик В.М. Алексеев, «нежелание работать по чужим переводам и указкам выдвинуло в ориенталистику таких людей, как ... А.А. Васильев»³³.

Основной темой исследований А.А. Васильева стало изучение истории политических отношений Византии с арабским миром, которой были посвящены его магистерская (1901 г.) и докторская (1902 г.) диссертации, тематически и хронологически продолжающие друг друга. В изданных по теме диссертаций монографиях³⁴ рассматривались вопросы внутреннего устройства соседних государств, их взаимовлияния на государственность и культуру на протяжении 132 лет, т. к. прежде всего, по убеждению автора, было необходимо «проследить точно, на основании хорошего знакомства со всеми источниками, политическую, чисто внешнюю сторону взаимных отношений Византии и халифата», чтобы иметь «твердое основание, от которого уже легче будет направляться к разработке более сложных и более интересных вопросов внутренней жизни обоих государств». В приложениях давались переводы свидетельств арабских историков, разбор греческих данных, отдельные экскурсии; во второй книге анализировались рукописные материалы, изученные автором в библиотеках Берлина, Парижа, Лондона, Оксфорда³⁵.

Весной 1902 г. А.А. Васильев, Н.Я. Марр и князь И.А. Джавахов через Стамбул отправились на Синайский полуостров в монастырь святой великомученицы Екатерины³⁶ с целью знакомства с греческими и арабскими рукописями, в том числе с сочинениями арабского христианского историка X в. Агапия Манбиджского, творчество которого византинист ранее изучал во Флоренции, Париже и Оксфорде. В результате была опубликована статья³⁷, сделан доклад на Международном конгрессе ориенталистов в Алжире (1905) и в дальнейшем подготовлено

³⁰ Васильев А.А. 1) Византия и арабы при императоре Феофиле (829–842) // ВВ. 1899. Т. 6. Вып. 3–4. С. 380–447; 2) Византийско-арабские отношения в царствование Михаила III (842–867) // ЖМНП. 1899. № 7. Отд. 2. С. 1–55.

³¹ РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 107. Л. 2.

³² СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 207. Л. 199–200; Куклина И.В. А.А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки. С. 328.

³³ Алексеев В.М. Наука о Востоке: Статьи и документы. М., 1982. С. 192.

³⁴ Васильев А.А. 1) Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии, с 820 по 867 гг. СПб., 1900; 2) Византия и арабы. Политическое отношение Византии и арабов за время Македонской династии. Император Василий I, Лев VI Философ, Константин VII Багрянородный (867–959). СПб., 1902.

³⁵ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Сост., вступ. ст., подг. текста, коммент. и биогр. словарь-указатель И.В. Тункиной. М., 2008. С. 338–339.

³⁶ Васильев А.А. Поездка на Синай в 1902 г. Путевые наброски // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1904. Т. 15. Вып. 3. С. 173–252. Отд. отт.: СПб., 1904.

³⁷ Васильев А.А. Агапий Манбиджский, христианский арабский историк X века // ВВ. 1904. Т. 11. № 3–4. С. 574–587. Отд. отт.: СПб., 1905.

критическое издание текста источника на языке оригинала и во французском переводе (1910–1915)³⁸.

В 1902–1904 гг., даже после защиты двух диссертаций, А.А. Васильев оставался преподавателем всеобщей истории в Первой классической гимназии. Затем он был избран ординарным профессором по кафедре всеобщей истории Императорского Юрьевского (Дерптского) университета (ныне в Тарту, Эстония) и назначен директором университетской библиотеки. Здесь он был вынужден читать лекции по новой истории и безуспешно просил перевести его на кафедру истории Средних веков³⁹. Тем не менее, ряд его работ этого времени посвящены распространению христианства в Аравии и Абиссинии⁴⁰, византийской агиологии и агиографии⁴¹, контактам Византийской империи с Западной Европой⁴².

Ученый жил в Юрьеве и регулярно, дважды в месяц, приезжал читать лекции в Петербургский женский педагогический институт и в Университет, куда с 1 сентября 1912 г. ему удалось перевестись на должность приват-доцента кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета⁴³. Освободившуюся кафедру в Юрьеве по его рекомендации с апреля 1913 г. занял приват-доцент Петербургского университета, впоследствии известный советский историк-новист Е.В. Тарле, незадолго до того защитивший докторскую диссертацию (1911).

В Петербургском (Петроградском) университете до своего отъезда в заграничную командировку в 1925 г. А.А. Васильев преподавал историю Византии и историю византийской литературы (1912–1921), вел практические занятия (чтение и разбор «Истории» Льва Дьякона, 1912–1921) и просеминарий «Церемонии византийского двора» преимущественно в области сношений Византии с иностранными государствами (1914–1919), а на семинарах разбирал со студентами сочинения Константина Багрянородного (1918–1919).

В Петербургском женском педагогическом институте⁴⁴ до его закрытия в 1922 г. А.А. Васильев являлся деканом славяно-исторического факультета и как профессор читал историю европейского Средневековья, историю средневекового папства, курсы по социальному строю средневековых Англии и Франции. Параллельно он преподавал на кафедре всеобщей истории Высших женских (Бестужевских) курсов

³⁸ Kitab al-'Unvan, Histoire universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Mendbidj, éditée et traduite en français par A. Vasiliev // *Patrologia orientalis*. 1910. Т. 5. P. 557–692; 1911. Т. 7. P. 457–591; 1912. Т. 8. P. 397–550; 1915. Т. 11. P. 5–144.

³⁹ Подробнее о жизни и деятельности А.А. Васильева в Юрьеве (Дерпте, ныне Тарту, Эстония) см.: Дубьева Л.В. Профессор всеобщей истории Юрьевского университета в 1904–1912 гг. А.А. Васильев // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века / Сост. и отв. редактор проф. С. Исаков. Тарту, 2005. С. 79–103 (Тартуский университет; Национальный архив Эстонии).

⁴⁰ Васильев А.А. Житие Св. Григения, епископа Омиритского // ВВ. 1907. Т. 14. Вып. 1. С. 23–67.

⁴¹ Васильев А.А. Арабская версия жития Св. Иоанна Дамаскина. СПб., 1913.

⁴² Васильев А.А. 1) Происхождение императора Василия Македонянина // ВВ. 1905. Т. 12; 2) Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399–1403). СПб., 1912; 3) Карл Великий и Харун-ар-Рашид // ВВ. 1913. Т. 20. Вып. 1. С. 63–116; 4) Ласкар Канан, византийский путешественник XV века по Северной Европе и в Исландию. Харьков, 1914.

⁴³ Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета Императорского, бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета, с 1819 года. Пг., 1916. С. 10–11.

⁴⁴ Подробнее см.: Грудьева Е.Н. Академическое интермеццо: Очерки истории Санкт-Петербургского Императорского женского педагогического института. СПб., 2009. С. 19, 73–74, 150, 175.

(1913–1916)⁴⁵. Трижды был переиздан учебник А.А. Васильева, посвященный средневековой культуре⁴⁶; семь переизданий выдержал его учебник по истории Средних веков (1914)⁴⁷.

Как подытожил академик В.П. Бузескул, «А. А. Васильеву первому — и пока ему одному — из русских ученых удалось дать общий очерк истории Византии от начала до конца»⁴⁸. Первый опыт был издан в виде курса лекций как учебное пособие общего характера за период с IV в. вплоть до эпохи крестовых походов, предваряемого кратким очерком разработки византийской истории⁴⁹. Затем в издательстве «Academia» была издана «История Византии» из трех небольших книг (1923, 1925)⁵⁰. Каждый выпуск включал обзор внешней истории периода, очерк внутреннего состояния империи, а в конце давалась основная литература вопроса.

Почти через год после прихода к власти большевиков, 1 октября 1918 г., А.А. Васильев был избран в состав Совета Российской государственной археологической комиссии (РГАК), созданной на базе Императорской археологической комиссии⁵¹, а 15 июля 1919 г. в ходе собраний по секциям РГАК стал членом Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). В дальнейшем А.А. Васильев участвовал в ее окончательном формировании после проведения Избирательного собрания 5–7 августа 1919 г.⁵² Он входил в число лиц, определявших кадровую политику ряда учреждений. Так, согласно «Журналу заседания Коллегии по пере-выборам на ученые должности хранителей Государственного Эрмитажа» А.А. Васильев присутствовал на заседании 19 декабря 1919 г. как ее член⁵³.

А.А. Васильев — профессор
Петроградского женского
педагогического института.
Ок. 1915 г.

⁴⁵ Вахромеева О.Б. Духовное пространство университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1981 гг.: исследование и материалы. СПб., 2003. С. 117–119, 219.

⁴⁶ Васильев А. А. Курс истории средних веков: Средневековая культура. Вторая ступень. Учебная книга для VI класса мужских гимназий и реальных училищ. М., 1915.

⁴⁷ Васильев А.А. Учебник истории средних веков. Курс IV класса мужских гимназий. М., 1914.

⁴⁸ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Сост., вступ. статья, подг. текста, коммент., биогр. словарь-указатель И.В. Тункиной. М., 2008. С. 339.

⁴⁹ Васильев А.А. Лекций по истории Византии. Т. 1: Время до эпохи крестовых походов (до 1081 г.). Пг., 1917.

⁵⁰ Васильев А.А. История Византии. [Вып. 1]: Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081–1185) и Ангелов (1185–1204). Пг., 1923; [Вып. 2]: Латинское владычество на Востоке: Эпоха Никейской и Латинской империй (1204–1261). Пг., 1923; [Вып. 3]: Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261–1453). Пб., 1925.

⁵¹ Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Под общ. ред. Е.Н. Носова, науч. ред.-сост. А.Е. Мусин. СПб., 2009. С. 1080.

⁵² Фармаковский Б.В. К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Пг., 2021. С. 11; Пескарева К.М. К истории создания Российской академии истории материальной культуры // КСИА. 1980. Вып. 163: Институту археологии 60 лет. С. 29.

⁵³ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. 1917–1919 / Под общ. ред. М.Б. Пиотровского. СПб., 2001. С. 541 (Страницы истории Эрмитажа. Вып. I).

С апреля 1919 г. А.А. Васильев состоял в РАИМК/ГАИМК заведующим разрядом археологии древнехристианской и византийской, а во время отсутствия Н.Я. Марра, находившегося в зарубежной научной командировке, с 1920 по 1922 г. был председателем Академии⁵⁴. В декабре 1920 г. он ходатайствовал перед СНК РСФСР об улучшении материального положения сотрудников, обеспечении их современной научной литературой и положил начало планомерному исследованию древностей на территории бывшей Российской империи. В 1921 г. руководимый им разряд был слит с Разрядом раннехристианского и византийского искусства, входившим в III Художественно-историческое отделение, и стал называться Разряд археологии и искусства раннехристианского и византийского, где, помимо А.А. Васильева, работали Д.В. Айналов, Н.П. Лихачев, Н.Д. Протасов, А.П. Смирнов, Н.В. Малицкий, М.А. Тиханова-Клименко⁵⁵. На этом этапе были намечены следующие направления исследований ключевых памятников юга России — историко-археологическое изучение Крымской Готии, средневековой Тамархи-Тмутаракани и христианского Херсонеса⁵⁶.

Интерес к истории средневекового Крыма⁵⁷ А.А. Васильев унаследовал от своего учителя академика В.Г. Васильевского, занимавшегося изучением «Записки готского топарха», искусной подделки начала XIX в., что было доказано только полтора века спустя⁵⁸. В связи с работами разряда по археологическому исследованию Таврики ученый опубликовал исследование о находках в византийском Херсоне⁵⁹ и вплотную занялся вопросом о готах в Крыму, написав о них исследование из четырех частей, но до эмиграции успел издать лишь первую часть в первом томе «Известий РАИМК»⁶⁰, вторая часть должна была выйти в пятом томе, «третья имеется в рукописи», — писал он в отчете за 1926 г. уже из Мадисона (США, штат Висконсин)⁶¹.

В письме к С. А. Жебелёву от 14 октября 1926 г. А. А. Васильев просил выслать в США корректуру второй и третьей части своего труда: «...У Вас в АИМК уже лежит давно рукопись моей работы “Готы в Крыму”. Возможности напечатать ее у Вас нет. Между тем, этой работой интересуются. Первая напечатанная часть была

⁵⁴ Алёкшин В.А. Александр Александрович Васильев — председатель РАИМК с сентября 1920 г. по ноябрь 1922 г. // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 18; Сидорчук И.В. Деятельность Н.Я. Марра на посту председателя Государственной академии истории материальной культуры (1919–1920, 1922–1934 гг.) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4 (255). С. 989.

⁵⁵ Платонова Н.И., Кирпичников А.Н. Глава 6. Отдел славяно-финской археологии: история и ученые // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 192–193.

⁵⁶ Платонова Н.И., Кирпичников А.Н. Сектор/Отдел славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР-ИИМК РАН: Исследования и исследователи // Записки ИИМК. 2010. № 5. С. 11.

⁵⁷ Васильев А.А. Проблемы средневекового Крыма // Новый Восток. 1923. № 3. С. 378–386.

⁵⁸ Ševčenko I. The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Gothicus // *Dumbarton Oaks Papers*. 1971. Vol. 25. P. 115–188; Медведев И.П. К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения. СПб., 2003. С. 160–172.

⁵⁹ Васильев А.А. Описание византийских гирь и эксагиев, хранящихся в Академии истории материальной культуры // ИРАИМК. 1922. Вып. 2. С. 237–249.

⁶⁰ Васильев А.А. Готы в Крыму. [Ч.] I: Ранняя пора христианства и эпоха переселения народов // Известия РАИМК. 1921. Т. 1. С. 265–344.

⁶¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 107. Л. 1.

очень хорошо встречена за границей (см. напр.: Byz[antinische] Zeitschrift, XXV, 3–4, p. 448–449). Может быть, Вы бы прислали мою рукопись сюда; я бы что-нибудь с ней сделал»⁶².

С.А. Жебелёв ответил, что готовую корректуру исследования руководство ГАИМК все же решило напечатать. Сергей Александрович согласился читать корректуру и издал под своей редакцией вторую и третью часть исследования о готах в Крыму⁶³. А.А. Васильев в письме от 26 ноября 1926 г. уповал на помощь С.А. Жебелёва в подготовке корректур к печати: «Я теперь несколько позабыл содержание моих глав в “Готах в Крыму”. Если бы Вы могли напечатать 2 и 3 главу в Известиях Академии, я бы был очень рад. Я несколько только не понимаю Вашей первой оговорки: “корректур я посылать не могу”. Если бы кто согласился под Вашим наблюдением проверить мои корректуры, я был бы очень благодарен. [...] Мне стыдно, конечно, просить Вас взять на себя труд исправления корректур моей работы; Вы и так вдоволь этим делом занялись в течение Вашей трудовой и бескорыстной жизни. Вы мне напишите, чем кончается 3 глава и начинается 4 глава. Сколько всего глав: четыре или пять?»⁶⁴ В Научном архиве Института истории материальной культуры РАН сохранилась четвертая, до сих пор неизданная, часть труда А.А. Васильева «Готы в Крыму» и ее копия, снятая Н.И. Репниковым⁶⁵. Правление ГАИМК отказало А.А. Васильеву в предоставлении рукописи заключительной части, и ему пришлось заново писать на английском языке историю крымских готов с начала VIII до XVIII вв., состоящую из трех частей⁶⁶. Многие выводы А.А. Васильева сегодня устарели и были впоследствии пересмотрены⁶⁷.

При РАИМК было создано Бюро по делам РАИК под председательством А.А. Васильева, которое неоднократно поднимало вопрос о возобновлении деятельности Русского археологического института в Константинополе. На основании постановления Правления РАИМК ее председатель обсуждал этот вопрос с заместителем наркома просвещения М.Н. Покровским в Москве и представил проект восстановления института, согласно которому РАИК должен был изучать историю материальной культуры Ближнего Востока с использованием новых методов естественно-исторических наук. В качестве ближайших задач намечалось исследование неизученных монументальных памятников мусульманского искусства на Ближнем Востоке, топографии Константинополя и этнологическое изучение Ближнего Востока. Но экономическая разруха и внешнеполитическая обстановка

⁶² СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 18. Л. 113 об.

⁶³ Васильев А.А. Готы в Крыму. [Ч.] II: Время византийского, хазарского и русского влияния (с VI до начала XI века). Гуннская опасность в VI веке // Известия ГАИМК. 1927. Т. 5. С. 179–282.

⁶⁴ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 18. Л. 120–120 об.

⁶⁵ См.: Герцен А. Г. 1) О двух рукописях сочинения А. А. Васильева в архиве ЛОИА АН СССР // ВВ. 1979. Т. 40. С. 191–192; 2) Васильев как этнолог // Российское византиноведение: Итоги и перспективы. Тезисы докладов и сообщений на Международной конференции, посвященной 100-летию Византийского временника и 100-летию Русского археологического института в Константинополе (Санкт-Петербург, 24–26 мая 1994 г.). М., 1994. С. 37–39.

⁶⁶ Vasiliev A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936 (Monographs of the Mediaeval Academy of America. № 11).

⁶⁷ Заморяхин А.В. А.А. Васильев и его место в историографии крымских готов // Историк и его дело. Серия памяти проф. В.Е. Майера. Ижевск, 2005. Вып. 4. С. 129–140; Юрочкин В.Ю. Готский вопрос. Симферополь, 2017. С. 232–235.

препятствовали положительному решению этого вопроса. Весной 1922 г. он был отложен на неопределенное время⁶⁸.

Административная работа тяготила А.А. Васильева, вынужденного с большим трудом отстаивать интересы науки и культуры в коридорах советской власти. Так, президент РАН А.П. Карпинский и председатель РАИМК А.А. Васильев 6 мая 1922 г. подписали совместное обращение к М.И. Калинин, А.В. Луначарскому и Н.И. Троцкой о вопиющих нарушениях при изъятии церковных ценностей, несоблюдении инструкций, варварском обращении с уникальными художественными предметами церковной старины⁶⁹. Но усилия председателя РАИМК оказались тщетны — церковные, а затем и музейные хранилища подверглись варварскому разграблению. Не приносили плодов и хлопоты по улучшению положения сотрудников РАИМК в годы повсеместного голода и экономической разрухи — штат академии был существенно сокращен⁷⁰.

В эти годы А.А. Васильев тесно сотрудничал с созданной при Российской академии наук Комиссией «Константин Порфирородный» под председательством академика Ф.И. Успенского. Заслуженный византист состоял там делопроизводителем и секретарем, и в 1918–1920 гг. его рукой написаны многие протоколы заседаний и отчеты комиссии. В феврале 1923 г. она была слита с образованной в том же году Комиссией по переизданию словаря средневекового греческого языка «Glossarium ad scriptores mediae et infirnae graecitatis» Шарля Дюканжа и стала называться Русско-византийская историко-словарная комиссия. Поводом послужила организация «при союзе академий Бельгийской, Голландской, Итальянской, Французской и некоторых американских ученых учреждений» особой комиссии для переиздания словаря Дюканжа, куда пригласили и РАН. По докладу академика Ф.И. Успенского было решено принять участие в этом важном начинании «путем обработки тех специальных его областей и отделов, которые составляют... особенность русских работ». Поставленная перед комиссией цель — это предварительные работы по подготовке нового греческого словаря Дюканжа, а также изучение русско-византийских отношений в IX–XII вв. и византийского влияния на территории Древней Руси. Ее членами стали многие известные филологи-классики, византисты, искусствоведы и археологи. В рамках комиссии А.А. Васильев занимался изучением сочинения Константина Багрянородного «De Cerimoniis», которое он полностью перевел и стал составлять указатель, т. к. этот труд византийского императора не был использован Дюканжем⁷¹. Судьба рукописи этого перевода остается неизвестной.

В ноябре 1924 — мае 1925 г. по приглашению Н.Я. Марра А.А. Васильев недолго сотрудничал с Государственной Публичной библиотекой, где привлекался

⁶⁸ Басаргина Е.Ю. 1) А.А. Васильев и Русский археологический институт в Константинополе. С. 133–134; 2) Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. С. 140–141.

⁶⁹ Соломаха Е.Ю. Предисловие // Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. II: 1920–1926 / Под общ. ред. М.Б. Пиотровского. СПб., 2009. С. 10 (Страницы истории Эрмитажа. Вып. III).

⁷⁰ Сидорчук И.В. Деятельность Н.Я. Марра на посту председателя Государственной академии истории материальной культуры (1919–1920, 1922–1934 гг.). С. 989.

⁷¹ СПбФ АРАН. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2. Л. 1; Наука и научные работники СССР. Ч. 2: Научные учреждения Ленинграда / Под ред. С.Ф. Ольденбурга, Е.Ф. Карского. Л., 1926. С. 35–36; Барынина О.А. Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918–1930 гг.). СПб., 2010. С. 44, 52, 60–61, 63, 64, 88, 98, 107, 119, 141–142.

в качестве консультанта по арабским рукописям в созданном арабо-византийском подотделе Рукописного отделения ГПБ⁷².

Научные заслуги ученого были по достоинству оценены его коллегами: по представлению академиков Ф.И. Успенского, Н.Я. Марра, С.Ф. Платонова и И.Ю. Крачковского 1 декабря 1923 г. А.А. Васильев был избран членом-корреспондентом РАН по разряду исторических наук (всемирная история) Отделения исторических наук и филологии⁷³. В научной и справочной литературе нередко встречается ошибочное утверждение, что он был избран в РАН еще в 1919 г.⁷⁴, но это год его избрания действительным членом РАИМК, а не Академии наук.

В советскую эпоху аполитичному А.А. Васильеву, привыкшему к путешествиям и личной свободе, все труднее становилось выезжать в zahraniчные командировки, поэтому год от года он все острее ощущал растущую оторванность от европейской науки. Если в СССР византиноведческие исследования считались не актуальными и даже реакционными, то византистика в Европе после Первой мировой войны развивалась очень быстро. На летних вакациях в июне 1925 г. А.А. Васильев отправился в zahraniчную командировку от АН СССР вплоть до 15 сентября. Через Берлин он приехал в Париж, где принял предложение М.И. Ростовцева прочитать в течение двух семестров несколько курсов в Висконсинском университете. М.И. Ростовцев освободил кафедру в Мадисоне и стал профессором Йельского университета в Нью-Хейвене, поэтому еще в 1924 г. настоятельно просил А.А. Васильева перебраться в США на открывшуюся вакансию. Первоначально окончательно порывать связи с родиной А.А. Васильев не стремился: он дважды ходатайствовал перед АН СССР, ГАИМК и Ленинградским университетом о продлении командировки сначала до 15 сентября 1926 г., затем до 15 сентября 1927 г. и продолжал посылать отчеты по месту службы в Ленинград. Окончательный срок его командировки был продлен до 1 июля 1928 г.

Несмотря на его отсутствие в Ленинграде, кандидатура А.А. Васильева рассматривалась на выборах в действительные члены АН СССР в 1927 г. и 1929 г. на вакантную византийскую кафедру, освободившуюся после смерти Ф.И. Успенского. Группа академиков, в том числе В.П. Бузескул и С.А. Жебелёв, обсуждали вопрос о выдвижении А.А. Васильева в действительные члены в противовес кандидатуре В.Н. Бенешевича⁷⁵, которого рекомендовал покойный Ф.И. Успенский. Тогда академик В.П. Бузескул писал свой знаменитый труд «Всеобщая история

⁷² Вольфиун Л.Б. Васильев Александр Александрович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2: Российская Публичная библиотека — Государственная Публичная библиотека в Ленинграде 1918–1930. С. 162–166.

⁷³ Успенский Ф. И., Марр Н. Я., Платонов С. Ф., Крачковский И. Ю. Записка об ученых трудах А. А. Васильева // Известия РАН. 1923. 6 сер. Т. 17. С. 365–368; Российская академия наук: Персональный состав. Кн. 2: 1918–1973. Действительные члены. Члены-корреспонденты. Почетные члены. Иностранные члены. М., 2009. С. 146

⁷⁴ См., например: Алёкшин В.А. Александр Александрович Васильев — председатель РАИМК с сентября 1920 г. по ноябрь 1922 г. С. 18; Вольфиун Л.Б. А.А. Васильев: начало эмиграции (по материалам переписки с С.Ф. Платоновым). С. 217.

⁷⁵ О трагической жизни и смерти В.Н. Бенешевича и его семьи в советское время см.: Медведев И.П. Судьба ученого: Владимир Николаевич Бенешевич. Сб. статей. М., 2020 (Монфокоп: Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Вып. 6).

и ее представители в России...», и в письмах к С.А. Жебелёву выражал тревогу, что он касался «запретных» сюжетов, в частности, приводил анализ научной деятельности политических эмигрантов и репрессированных ученых, т. е. высоко оценивал труды историков, «о которых теперь говорить, не “клея их позором”», невозможно⁷⁶. «Приходится... говорить о лицах и темах совсем не ко времени. Нельзя же обойти молчанием Н.П. Кондакова..., М.И. Ростовцева или Вл. Ник. [Бенешевича. — И. Т.]. Я как раз сегодня написал о последнем. Я держусь правила: “ne quid falsi audeat, ne quid veri non audeat historia”⁷⁷, но к чему это приведет! Воображаю заранее. Кстати, о Вл. Ник. [Бенешевиче. — И.Т.]. Несколько ближе присмотревшись к его трудам, я вижу, что Ф.И. [Успенский. — И. Т.] был прав: как ученый, Вл. Ник. выше нашего теперешнего кандидата [А.А. Васильева. — И. Т.], хотя и последний вполне достойный»; «теперь о Византии и византинистах говорить неудобно..., много приходилось говорить о трудах, касавшихся церкви, житий и т. п. Думаю, не пропустят книги, а если пропустят, начнется травля...»⁷⁸.

Для выдвижения академиком было необходимо заручиться поддержкой самого кандидата, на что А.А. Васильев, вероятно, после известий об аресте В.Н. Бенешевича в ноябре 1928 г., «деле Жебелёва» (1928)⁷⁹ и начавшемся «академическом деле» (1929–1931), своего согласия не дал и решил не возвращаться в СССР⁸⁰. В июне 1935 г. Постановлением Общего собрания А.А. Васильев был исключен из АН СССР, восстановлен в звании посмертно 22 марта 1990 г.⁸¹

В США А.А. Васильев приобрел всемирную известность. Его «История Византии» была переведена и издана на английском⁸², французском⁸³, турецком, испанском и греческом языках. Гордый достижениями школы русской византистики, А.А. Васильев опубликовал ряд трудов по истории русской науки, основанных

⁷⁶ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 166. Л. 12 (письмо от 16 марта 1930 г.).

⁷⁷ «Да убоится история какой бы то ни было лжи, да не убоится она какой бы то ни было правды» (лат.).

⁷⁸ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 165. Л. 42, 55 об.–56 об. (письма С. А. Жебелёву от 19 июля и 20 сентября/3 октября 1929 г.); Тункина И.В. Академик В.П. Бузескул и судьба его книги «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века // В.П. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Сост., вступ. статья, подг. текста, коммент., биогр. словарь-указатель И.В. Тункиной. М., 2008. С. 31–32.

⁷⁹ Подробнее см.: Тункина И.В. «Дело» академика С.А. Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб., 2000. Вып. 2. С. 116–161.

⁸⁰ Подробнее см.: Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев: Шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества. С. 260, 269–270, 274; Тункина И. В. К истории академических выборов 1929–1930 г.: Академик С. А. Жебелёв. Отзыв об ученых трудах Д.В. Айналлова // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб., 2004. С. 176–177.

⁸¹ Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев... С. 170.

⁸² Vasiliev A. History of the Byzantine Empire / Translated from the Russian by Mrs. S. Ragozin. 2 vols. Madison, 1928–1929. Рус. перевод по второму английскому изданию и русскому изданию 1923–1925 гг. см.: Васильев А.А. 1) История Византийской империи: Время крестовых походов (до 1081 г.) / Вступ. ст., примеч., науч. ред., пер. с англ. и имен. указ. А.Г. Грушевого. СПб., 1998; 2) История Византийской империи: От начала крестовых походов до падения Константинополя / Вступ. статья, примеч., науч. ред., перевод с англ. яз. и имен. указ. А.Г. Грушевого. СПб., 1998.

⁸³ Vasiliev A. Histoire de l'Empire Byzantin / Traduit du russe par P. Brodin et A. Bourguina. 2 vols. Paris, 1932.

на изданных в России материалах⁸⁴. Он продолжал тесные эпистолярные контакты со своими давними друзьями — академиками С.А. Жебелёвым и И.Ю. Крачковским. С последним А.А. Васильев издал тексты христианского арабского историка Яхья ибн Саида (Yahya-ibn-Saïd)⁸⁵. В годы эмиграции вышли исследования в «Кембриджской средневековой истории» о борьбе Византии с сарацинами при Македонской династии, о Столетней войне и Жанне д'Арк в византийской традиции⁸⁶, о походах руссов на Константинополь⁸⁷, французские переводы его магистерской и докторской диссертаций⁸⁸, исследования о византийских императорах⁸⁹ и др.

А.А. Васильев оставался профессором кафедры древней истории Висконсинского университета в Мадисоне до достижения предельного профессорского возраста (1925–1939). Он читал лекции по античной истории, по истории древнего Востока, основам археологии, впервые ввел курсы и семинары по византийской истории. Затем ученый работал в исследовательском центре Гарвардского университета Думбартон Окс в Вашингтоне: в 1944–1948 гг. — старший исследователь (senior scholar), с 1949 г. до своей смерти — почетный исследователь (scholar emeritus)⁹⁰. В межвоенные годы А.А. Васильев был избран почетным членом (1931) и президентом (1935–1951) Института им. Н.П. Кондакова в Праге, членом Югославской Академии наук (1934), Американской Академии Средневековья (1935), а в конце жизни он стал председателем Международной ассоциации византистов. Ученый как до Октября 1917 г., так и в годы эмиграции принимал активное участие в международных византиноведческих конгрессах, много путешествовал, посетил десятки стран на пяти континентах, в августе 1938 г. побывал на Валааме (Финляндия) и в университете в Тарту (Эстония), где когда-то профессорствовал.

⁸⁴ *Vasiliev A. A.* Краткий очерк разработки истории Византии в России // Лекции по истории Византии. Пг., 1917. Т. 1: Время до эпохи крестовых походов (до 1081 г.). С. 30–42; *Vasiliev A. A.* 1) Byzantine studies in Russia. Past and Present // The American Historical Review. 1926. Vol. 32. № 3. P. 539–545; 2) Court aperçu des travaux d'histoire Byzantin en Russie // Histoire de l'empire Byzantine. Paris, 1932. T. 1 (324–1081). P. 37–51.

Подробнее о нем как историке науки и мемуаристе см.: *Карпов С.П.* А.А. Васильев о вкладе русских ученых в развитие византиноведения // Scripta Gregoriana: Сб. в честь 70-летия акад. Г. М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 279–291.

⁸⁵ *Kratchkovsky I., Vasiliev A. A.* Histoire de Yahya-ibn-Saïd d'Antioche, Continuateur de Saïd-ibn-Bitriq // Patrologia Orientalis. 1924. T. 18. Fasc. 5. P. 699–833; 1932. T. 23. P. 345–520.

⁸⁶ *Vasiliev A. A.* 1) The Struggle with the Saracens (867–1057) // The Cambridge Medieval History. Cambridge, 1923. Vol. 4. The Eastern Roman Empire (717–1453). P. 138–150; 2) La guerre de Cent Ans et Jeanne d'Arc dans la tradition Byzantine // Byzantion. 1927. T. 3. P. 241–250.

⁸⁷ *Vasiliev A. A.* 1) The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, Mass., 1946 (Publications of the Medieval Academy of America, 46); 2) The Second Russian Attack on Constantinople in 860 // Dumbarton Oaks Papers. 1951. Vol. 6. P. 161–225;

⁸⁸ *Vasiliev A. A.* Byzance et les Arabes. 1. La dynastie d'Amorium (820–867) / Ed. franc. prep. par H. Gregoire et M. Canard. Bruxelles, 1935. (Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae, 1); Byzance et les Arabes. T. 2: La dynastie makedonienne. (867–959) / Ed. frang. prep. par H. Gregoire et M. Canard. P. 2. Extraits des sources arabes trad. par M. Canard. Bruxelles, 1950; Byzance et les Arabes. T. 3: Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen / Von Ernst Honigmann. Bruxelles, 1935; Byzance et les Arabes. II, 1. Les relations politiques de Byzance et des arabes a l'epoque de la dynastie macedonienne. Bruxelles, 1968. (Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae, II, 1).

⁸⁹ *Vasiliev A. A.* Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge, Mass., 1950. (Dumbarton Oaks Studies, 1).

⁹⁰ Der Nersessian S. Alexander Alexandrovich Vasiliev (1867–1953). P. 10–11; *Карпов С.П.* Материалы А.А. Васильева в архиве Dumbarton Oaks // ВВ. 1999. Т. 58(83). С. 117–126.

В конце 1952 г. А.А. Васильев был приглашен с докладом на IX Византийский конгресс в Фессалониках (апрель 1953 г.) и был избран его почетным президентом. Конгресс прошел под знаком чествования русского ученого. С впечатлениями о конгрессе А.А. Васильев прилетел в Вашингтон и в первую же ночь скончался во сне 30 мая 1953 г.⁹¹ в полном одиночестве, в доме престарелых. Его прах был захоронен на кладбище в Фредериксберге, штат Виргиния.

А.А. Васильев вошел в историю мировой историко-филологической науки как крупнейший византист, доказавший, что «без русских работ писать историю Византии нельзя»⁹², а в историю отечественной археологии как крупнейший организатор науки — один из основателей РАИМК и ее второй председатель.

⁹¹ Вернадский Г.В. Русская историография. С. 226.

⁹² Куклина И.В. А.А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки. С. 326.

Василий Васильевич Латышев (1855–1921)

И.В. Тункина

Имя выдающегося русского ученого, академика Российской АН, члена-корреспондента Берлинской, Парижской, Римской и Афинской Академий наук Василия Васильевича Латышева¹ для большинства специалистов, занимающихся античной историей, эпиграфикой и археологией юга России, в представлении не нуждается. Современные научные работы по истории и археологии античного Северного Причерноморья до сих пор пестрят ссылками на его фундаментальные труды, которые не девальвирует время. Научную деятельность В.В. Латышева отличала широта взглядов и разнообразие жанров исследований, которые в основном касаются различных вопросов античной истории. Вместе с тем сфера научных интересов Василия Васильевича простиралась также и на

византинистику, однако за последние 70 лет византиноведческие штудии Латышева, которым ученый отдал не менее двадцати лет своей жизни, оказались практически забыты. Среди них исследования и публикации источников по средневековой греческой эпиграфике, церковной археологии и византийской агиографии, изучение которой в советское время практически игнорировалось, но в последние годы переживает новый взрыв интереса со стороны специалистов.

Настоящий очерк посвящен общему обзору жизни и научных достижений В.В. Латышева, главным образом в области археологии и эпиграфики юга России, а также его многообразной организационной деятельности в археологических учреждениях и обществах дореволюционной России и в первые годы советской власти. Меньшее внимание уделено педагогической и административной деятельности В.В. Латышева в ведомстве Министерства народного просвещения и практически опущен обзор его агиологических исследований и переводов античных и византийских авторов².

¹ В качестве заставки использован фотопортрет В.В. Латышева 1893 г. (СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Л. Д. 42. Л. 4).

² Подробнее см.: *Тункина И.В.* В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // *Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга* / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999. С. 172–288.

Сведения о раннем периоде жизни В.В. Латышева довольно скупы. Он родился 29 июля (ст. ст.)³ 1855 г. в селе Диеве Бежецкого уезда Тверской губ.⁴ в мещанской семье из г. Калязина. Рано лишившись отца, мальчик воспитывался в доме своего деда по матери. В возрасте 8 лет он был взят на воспитание крестным отцом, дядей по материнской линии И.С. Талызиным, чиновником Тверского губернского правления, семья которого в 1864 г. в связи с назначением последнего на новую должность переехала в Гродно. Первоначальное образование мальчик получил дома, затем учился в Гродненской гимназии (1865–1872), курс которой окончил с серебряной медалью.

По предложению попечителя Виленского учебного округа Н.А. Сергиевского, как стипендиат округа, В.В. Латышев в 1872 г. поступил в Императорский Санкт-Петербургский историко-филологический институт (ПИФИ), во главе которого стоял строгий, крайне требовательный, порой даже деспотичный директор К.В. Кедров. Выбор высшего учебного заведения был предопределен стесненным материальным положением молодого человека, т. к. он не имел средств для оплаты учебы в университете и проживания в столице. ПИФИ был основан в 1867 г. для подготовки педагогов гимназий по гуманитарным специальностям — учителей классических языков, русского языка и словесности, истории и географии. До 1904 г. ПИФИ являлся закрытым учебным заведением — студенты жили при институте, причем выход за его пределы был разрешен до 23 час. Четырехлетнее обучение было бесплатным, т. к. финансировалось из государственной казны. Каждый выпускник института обязывался прослужить в ведомстве Министерства народного просвещения не менее 6 лет, причем в том учебном округе, стипендиатом которого он являлся. В ПИФИ, как вспоминал его выпускник Б.В. Варнеке, «нищую молодёжь держали на полном казённом иждивении»⁵. В противовес либеральной атмосфере получивших по уставу 1863 г. автономию императорских российских университетов, спартанский «кедровский» режим в ПИФИ отличался «железной дисциплиной, монастырскими общежитиями и автократическим управлением»⁶. По воспоминаниям Г.Г. Зоргенфрея, студентов «донимали репетициями, домашними чтениями, сочинениями, послеобеденными лекциями и т. п.»⁷.

В институте В.В. Латышев получил блестящую историко-филологическую подготовку: превосходное знание классических и новых европейских языков, навыки работы с источниками, широкую начитанность в специальной литературе. Здесь он слушал лекции А.К. Наука, Л.А. Миллера, И.В. Помяловского, А.И. Ионина по классической филологии, Ф. Ф. Соколова, Н.А. Астафьева и Е.Е. Замысловского по историческим наукам, Н.П. Некрасова и А.Д. Галахова по русскому языку и литературе, М.И. Владиславлева по философии. Наибольшее влияние на него

³ Здесь и далее даты до 26 января 1918 г. приводятся по старому стилю.

⁴ Село Диево ныне входит в состав сельского поселения Алёшино в Рамешковском районе Тверской области РФ.

⁵ Варнеке Б.В. Старые филологи / Публ. И.В. Тункиной // ВДИ. 2013. № 3. С. 200.

⁶ Ростовцев М.И. Университеты и большевики // М.И. Ростовцев. Избранные публицистические статьи. 1906–1923 годы. Подгот. текста, предисл., коммент. и биограф. словарь И.В. Тункиной. М., 2002. С. 97.

⁷ Зоргенфрей Г.Г. К.В. Кедров: Некролог // ЖМНП. 1903. № 12. Отд. 4. С. 162.

оказал «отец русской эпиграфики» Федор Федорович Соколов (1841–1909), член-корреспондент Императорской АН с 1900 г. Именно он открыл перед молодым студентом мир греческих древностей и привил вкус к эпиграфическим штудиям. Вплоть до конца своих дней Латышев сохранил благоговейное почтение к старшему коллеге, памяти которого он посвятил позднее сборник своих статей о древнем Причерноморье «ПОНТИКА» (1909), вышедший из печати в год смерти учителя.

31 мая 1876 г. будущий академик «закончил курс наук в Императорском историко-филологическом институте с званием учителя гимназии» и дипломом 1-й степени, получив те же права, что и выпускники университетов со степенью кандидата. Он был «назначен министром народного просвещения на должность учителя древних языков в Виленскую гимназию, с обязательством прослужить по ведомству министерства народного просвещения не менее шести лет». Таким образом, В.В. Латышев как получивший высшее образование, звание учителя мужской гимназии и как лицо, служащее по учено-учебному ведомству, был исключен из числа мещан и получил право на чинопроизводство. Впрочем, только 8 лет спустя после окончания института он был «утвержден в чине коллежского асессора со старшинством, со дня определения в должность учителя гимназии, с 31 мая 1876 г.»⁸. Гораздо больше привилегий в чинопроизводстве дореволюционной России давало наличие ученой степени: получив степень магистра (1883), затем доктора (1887) греческой словесности, В.В. Латышев уже с 1883 г. был возведен в личное дворянство, а дослужившись до чина действительного статского советника (1893), затем тайного советника (1905) (IV–III классы Табели о рангах) — потомственное дворянство со всеми соответствующими правами и привилегиями.

В Виленской гимназии В.В. Латышев преподавал преимущественно в старших классах. Годы жизни в провинциальной Вильне, вдали от общения с учителями и коллегами, при отсутствии необходимой научной литературы не прошли для него даром, а были посвящены интенсивному самообразованию. Он самостоятельно переработал «наиболее трудные из прослушанных им в институте курсов, не поленившись собственноручно переписать их»⁹. Через два года после окончания ПИФИ в «Журнале Министерства народного просвещения» появился первый печатный труд В.В. Латышева, изданный под криптонимом В.Л. — перевод диалога Лукиана Самосатского¹⁰.

В конце 1870-х гг. В.В. Латышев женился на дочери коллежского советника Натальи Адриановне Бессмертной (1862–?), ставшей спутницей жизни до конца его дней. Ей посвящена серия переводов на русский язык классиков античной литературы, изданная отдельной книгой в 1898 г.¹¹ Как признавался сам Латышев, переводы делались им в редкие часы и минуты, свободные от других занятий, «на досуге», без какого-либо определенного плана или системы. Произведения ряда

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 348. Л. 6 об., 8 об.

⁹ Василий Васильевич Латышев: Краткий очерк 25-летней литературной деятельности его. 1878–1903. СПб., 1903. С. 4.

¹⁰ Харон или наблюдатели: Диалог Лукиана Самосатского / Пер. с греч. с примечаниями В.Л. // ЖМНП. 1878. № 11. С. 157–176.

¹¹ Латышев В.В. «На досуге»: Переводы из древних поэтов. СПб., 1898.

авторов были впервые переведены им на русский язык, другие тексты оказались «переданы ближе к подлинникам, нежели в существующих русских переводах».

Природные таланты и целеустремленность В.В. Латышева не были забыты профессором Ф.Ф. Соколовым и директором ПИФИ К. В. Кедровым, по ходатайству которых с 1 июля 1880 г. он был причислен к Министерству народного просвещения и «с ученой целью» командирован за границу одновременно с только что защитившим магистерскую диссертацию воспитанником Петербургского университета В.К. Ернштедтом (1854–1902), избранным академиком по классической филологии и археологии в 1893 г. Приехав в Грецию, Василий Васильевич вместе с женой поселился в доме русской церкви в Афинах, под покровительством главы русской православной миссии архимандрита Анатолия, который мечтал о создании в греческой столице Русской археологической школы, но эта идея так и не была претворена в жизнь¹².

Собирая эпиграфические материалы для магистерской диссертации об эолийских и дорийских календарях, В.В. Латышев обошел пешком всю Элладу (Пелопоннес, Беотия, Фокида, Фессалия), посетил Кикладские острова, увидел места важнейших раскопок. Он ознакомился с богатыми лапидариями столичных и провинциальных музеев, пройдя школу самостоятельной работы с подлинниками. Для своих учителей — Ф.Ф. Соколова и П. В. Никитина — молодые эпиграфисты снимали эстампажи и копировали надписи. По убеждению А.В. Никитского, в Афинах В.В. Латышев «сразу самостоятельно, без ближайшего руководства, выступает как равный среди работавших там тогда западноевропейских и греческих ученых, с честью для себя и для русского имени»¹³. Результатами командировки в Грецию явилась серия публикаций молодого ученого в русской и иностранной научной периодике, где впервые введены в научный оборот неизданные ранее надписи, либо критически переизданы памятники, опубликованные другими. Первые научные опыты В.В. Латышева сразу обеспечили ему успех и известность у европейских специалистов. «Тогда, конечно, за тогдашней нашей границей (а иногда даже и у нас, in Dorpat¹⁴), — вспоминал А.В. Никитский, — просто не предполагали, что *Rossica sunt*¹⁵, а случайно узнавая о существовании русских научных работ, не смущаясь ссылались... , что *Rossica non leguntur*¹⁶. Имя Латышева одно из первых, если не первое, напомнило изучающим греческую древность о желательности или даже необходимости знакомиться и с *Rossica*»¹⁷. Менее чем через год после приезда в Грецию, 21 апреля 1881 г. Василий Васильевич был избран членом-корреспондентом Германского археологического института. «Мы гордимся Вами обоими, — писал Ф.Ф. Соколов В.К. Ернштедту 7 февраля 1882 г. — В самом деле, наши русские ученые... сразу поставили себя великолепно. Где

¹² Никитский А.В. Василий Васильевич Латышев: 1855–1921 / Подгот. к печати и предисл. В.П. Яйленко // ВДИ. 1972. № 4. С. 186.

¹³ Там же. С. 183.

¹⁴ Т. е. в Дерптском (Юрьевском) университете.

¹⁵ Русский (язык) существует (*лат.*).

¹⁶ Русский (язык) не читается (*лат.*).

¹⁷ Никитский А.В. Василий Васильевич Латышев. С. 183.

разным Фуртвенглерам... до Вас! — тем более желательно, чтобы дело, столь прекрасно начатое, продолжалось»¹⁸.

В 1882 г. произошло событие, круто изменившее судьбу В.В. Латышева: главные научные интересы ученого переориентировались на изучение памятников античного Северного Причерноморья. Импульс этому дал Ф.Ф. Соколов, который в марте 1882 г. предложил Императорскому Русскому археологическому обществу (РАО) привлечь своего ученика к составлению сборника южнорусских греческих надписей.

После двухлетнего пребывания в Греции В.В. Латышев вернулся в Россию, но к маю 1882 г. его материальное положение оставляло желать лучшего из-за отсутствия постоянного места службы и беременности жены. В этой ситуации РАО выступило с ходатайством перед Министерством народного просвещения о продлении командировки В.В. Латышева еще на год после возвращения из Греции для работы с севернопричерноморскими надписями в музеях России и подготовки их корпуса (IOSPE). Министр народного просвещения И.Д. Делянов, являвшийся товарищем председателя РАО, продлил командировку В.В. Латышеву по России на год с 1 июля 1882 г., «с сохранением жалования по Министерству народного просвещения (1800 руб. в год)»¹⁹.

Устроив свои служебные дела, молодой ученый с женой ненадолго вернулись в Вильно, где 29 июня 1882 г. родился их единственный сын Петр. Осень и зиму 1882–1883 гг. В.В. Латышев провел в Петербурге, напечатал ряд работ из области общегреческой эпиграфики и сдал магистерские экзамены. 20 февраля 1883 г. в университете состоялась публичная защита его диссертации об эолических и дорических календарях²⁰. Решением Совета Императорского Санкт-Петербургского университета В.В. Латышев был удостоен степени магистра греческой словесности. После защиты диссертации обсуждалась возможность приглашения молодого эпиграфиста экстраординарным профессором в Новороссийский университет в Одессе, но оно так и не состоялось.

С 1 июля 1883 г. он был назначен преподавателем истории греческой литературы ПИФИ с отчислением от Министерства народного просвещения, 15 сентября 1883 г. утвержден наставником института, 27 ноября 1887 г. — заведующим и начальником-руководителем гимназии при институте по греческому языку. В течение семи лет он читал со студентами 3-го и 4-го курсов исторического и филологического отделений греческих историков — Фукидида, Ксенофонта, Плутарха, сочинение Лукиана «Как следует писать историю» и др., впервые ввел новый курс по истории греческого алфавита для студентов 4 курса филологического отделения, руководил практическими занятиями на 1-м и 2-м курсах по латинскому языку и переводами с русского на греческий. Одновременно, с 8 октября 1884 г. В.В. Латышев был допущен как приват-доцент к чтению лекций в Петербургском университете по греческой словесности и вплоть до 1890 г. читал курс греческих древностей, трактовал греческих авторов (Демосфен, Лукиан, Ликург и др.), руководил практическими

¹⁸ Тункина И.В. В.В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия). С. 180.

¹⁹ Там же. С. 181.

²⁰ Латышев В.В. О некоторых эолических и дорических календарях: Эпиграфические исследования. СПб., 1883.

занятиями студентов в переводах с русского и латинского языков на греческий. В 1883–1885 г. он читал древнюю историю на Высших женских курсах. Все же, несмотря на активную преподавательскую работу, его материальное положение оставляло желать лучшего — «грошовое вознаграждение... за университетские занятия, не большее на женских курсах, а основной фонд [жалованья] был связан с институтско-гимназической службой»²¹.

По воспоминаниям современников лекторскими способностями В.В. Латышев не отличался, но пользовался среди студентов репутацией требовательного преподавателя. С.А. Жебелёв вспоминал, как будучи в 1886 г. первокурсником Петербургского университета, записался на занятия по древним языкам у приватдоцента В.В. Латышева: «Помимо слушания лекций его по греческим древностям я участвовал под его руководством в практических занятиях на двух первых курсах по разбору “Аристида” Плутарха и 6-й книги Фукидида и в переводах с русского языка на греческий, причем переводить нас он заставлял вряд ли подходящие для перевода “Очерки по древней истории” Иловайского. В.В. Латышев... менее, чем его коллеги, удовлетворял нас, как профессор; он казался нам попросту учителем. Один из наших сотоварищей говорил нам, что, заглянув как-то случайно в записную книжку В.В. Латышева, он увидел в ней, при фамилиях студентов, немалое количество единиц и двоек — очевидно, это были отметки, которые В.В. Латышев ставил нам за переводы из “Иловайского”. Я лично считаю себя обязанным В. В. Латышеву тем, что он, частным образом, “ввел” меня в изучение греческой эпиграфики, когда я, будучи студентом-первокурсником, обратился к нему, по совету Ф.Ф. Соколова, за соответствующими указаниями»²².

Еще в годы службы в Виленской гимназии В.В. Латышев подготовил к печати «первое в России стоящее на высоте уровня тогдашней науки» пособие для гимназистов «Очерк греческих древностей. Ч. 1: Государственные и военные древности» (Вильна, 1880). Преподавательская деятельность в университете и родном институте навела его на мысль подготовить расширенное, дополненное и переработанное издание «Очерка греческих древностей» (СПб., 1888), к которому автор добавил вторую часть — «Богослужбные и сценические древности» (СПб., 1889). Автор задумал написать и третий том о «древностях частного быта», но этот замысел так и не был претворен в жизнь.

За серию опубликованных этюдов по греческой эпиграфике и два мемуара — «К вопросу о культе Аммона в Афинах» и «Несколько замечаний к вновь найденному Лампсакскому декрету» 16 марта 1884 г. В.В. Латышев был удостоен большой серебряной медали РАО. По просьбе общества, где он в 1886–1890 гг. состоял секретарем Отделения археологии древнеклассической, византийской и западноевропейской и членом Редакционного комитета, им были подготовлены библиографические обзоры новейшей научной литературы по греческой эпиграфике²³.

Тематику магистерской диссертации в контексте изучения севернопричерноморского материала продолжили доклады В.В. Латышева на VI Археологическом

²¹ Никитский А.В. Василий Васильевич Латышев. С. 187.

²² Жебелёв С.А. Из университетских воспоминаний (1886–1890 гг.) // ВДИ. 1968. № 3. С. 165–166.

²³ Веселовский Н.И. История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. С. 200, 317.

съезде в Одессе (1884) «О календарях Тиры, Ольвии и Херсониса Таврического»²⁴ и «О государственном устройстве Херсонеса по эпиграфическим данным»²⁵. Ученый выступил также с отчетом о работе над сводом надписей и продемонстрировал делегатам шесть отпечатанных листов корректур IOSPE²⁶. Именно в Одессе он познакомился с греческим византинистом А.И. Пападопуло-Керамевсом, с которым впоследствии продолжил научное сотрудничество. Ученый грек предоставил Василию Васильевичу копии античных надписей, содержащих новые сведения о календаре и государственном устройстве Халкидона, которым русский эпиграфист посвятил специальную статью.

В 1887 г. состоялась блестящая защита докторской диссертации В.В. Латышева «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии», тогда же изданной в виде монографии. По справедливому заключению Ю.Г. Виноградова, эта книга, «образцовая по добросовестности обращения с источниками, по глубине анализа текстов, по широте охваченных вопросов и эпох, наконец, совершенная в методическом плане, надолго пережила своего создателя», совершив своего рода переворот в науке и получив сильнейший резонанс в научных кругах как труд, который был и «по сей день заслуженно остается настольной книгой всякого, кто занимается историей Ольвии»²⁷.

Осенью 1890 г. В.В. Латышеву пришлось расстаться с преподавательской деятельностью: он был назначен помощником попечителя Казанского учебного округа и переехал в Казань. Основные причины, побудившие Латышева принять эту должность, две: достаточно сложное материальное положение его семьи и отсутствие перспектив получения профессуры в столичном университете или в родном институте из-за отсутствия вакансий и борьбы группировок в научных кругах. «Провинциальные университеты не были для него привлекательны, — вспоминал А.В. Никитский, — да, быть может, и вообще, привыкнув к кабинетному и организаторскому труду, он не испытывал влечения к профессорству, особенно, когда сложная огромная работа по южно-русским надписям невольно заставила его сузить круг активных научных интересов, тогда как для университета потребовалось бы их новое расширение. Приходилось искать другой службы»²⁸.

После выхода в свет II тома IOSPE, 29 декабря 1890 г. В.В. Латышев был избран членом-корреспондентом Императорской АН по разряду классической филологии, а 4 июля 1891 г. — членом-корреспондентом Берлинской АН по философско-историческому отделению²⁹. «Особенно лестным не только для г. Латышева, но и для русской науки вообще, было это последнее избрание, так как доселе его не удостоился ни один из русских по происхождению филологов», — с гордостью отмечали

²⁴ Оpubл.: Труды VI Археологического съезда в Одессе. Одесса, 1888. Т. 2. С. 56–71.

²⁵ Латышев В.В. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсониса Таврического // ЖМНП. 1884. № 6. С. 35–77.

²⁶ Он же. Сообщение о ходе работ по изданию общего сборника греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря // Труды VI Археологического съезда в Одессе. Одесса, 1888. Т. 2. С. 44–55.

²⁷ Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 3.

²⁸ Никитский А.В. Василий Васильевич Латышев. С. 187.

²⁹ Тункина И.В. В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды. С. 201.

его воспитанники по ПИФИ³⁰. Живя в Казани, В.В. Латышев старался содействовать работам Академии наук в качестве ученого-эксперта и рецензента конкурсных трудов.

Признанием научных заслуг В.В. Латышева перед русской наукой стало избрание его в Императорскую Академию наук. 7 апреля 1893 г. на заседании выборной комиссии Историко-филологического отделения член-корреспондент В.В. Латышев единогласно был избран сразу ординарным академиком, минуя ступени адъюнкта и экстраординарного академика. Это решение подтвердило Общее собрание 1 мая 1893 г. 23 голосами «за» при 3 «против»³¹. В представлении, подписанном академиками В.В. Радловым, В.Г. Васильевским, П.В. Никитиным, А.А. Куником, К.Г. Залеманом, бароном В.Р. Розеном, особо подчеркнуто, что важнейшие работы Латышева относятся к истории древнегреческих поселений юга России: «Эта специальность, построенная на русском... материале, необходимо должна иметь себе представителей среди русских классических филологов, и наша Академия... поступила бы... вполне последовательно, призвав к деятельному участию в своих трудах самого выдающегося представителя этого значительного отдела русской науки»³². В этой связи необходимо напомнить, что к моменту назначения великого князя Константина Константиновича президентом Петербургской Академии наук (1889–1915) две трети академических кафедр занимали этнические немцы — либо выходцы из Германии, либо лифляндцы — воспитанники Дерптского университета. Общественность России зачастую справедливо обвиняла Академию наук в кумовстве и нежелании включать в свои ряды национально русских ученых. Сложившаяся к концу XIX в. ситуация уже не отражала реального положения дел в главной кузнице кадров для Академии наук — вузовской среде, т. к. немецкое засилье в профессорско-преподавательском составе университетов России отошло в прошлое. На рубеже веков отечественная наука вообще и академическое антиковедение в частности, воспитывавшиеся в традициях европейской культуры, оставались глубоко русскими, чему примером может служить жизнь и деятельность В.В. Латышева³³.

Избранием в Академию наук и переездом ученого в Петербург воспользовался министр народного просвещения И.Д. Делянов. «Через перемещение... Латышева в Академию наук положение его в материальном отношении ухудшится, — докладывал он великому князю Константину Константиновичу 10 июня 1893 г., — что для него, человека семейного, было бы весьма тяжело. В настоящее время представляется возможность прийти к нему на помощь в этом отношении назначением его вице-директором Департамента народного просвещения, через что он смог бы получить вместо 4200 руб. (по новому штату) 6200 руб. при казенной квартире... Занятия его по должности вице-директора никак не помешают ему быть деятельным членом Академии наук»³⁴. По ходатайству министра, с согласия президента

³⁰ Василий Васильевич Латышев: Краткий очерк 25-летней литературной деятельности его. 1878–1903. СПб., 1903. С. 9.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 81. Л. 1–2.

³² Там же. Л. 3–3 об.

³³ Тункина И.В. В.В. Латышев: жизнь и ученые труды. С. 202.

³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 69–70.

АН В.В. Латышев 12 июня 1893 г. был назначен вице-директором Департамента народного просвещения с оставлением ординарным академиком, а три года спустя, 22 июня 1896 г. — директором Департамента³⁵. Несмотря на большую административную загруженность, он умудрялся даже между приемом посетителей заниматься научной работой³⁶. Но через два года Латышев вынужден был оставить пост директора департамента в связи со сменой министра народного просвещения — И.Д. Делянов был заменен Н.П. Боголеповым, что привело к перестановкам среди руководящих кадров министерства³⁷. С 12 апреля 1898 г. Василий Васильевич был введен в состав Совета министерства и состоял там вплоть до его роспуска в 1917 г. в чине тайного советника (с 1 января 1905 г.)³⁸, а с 1909 г. являлся почетным членом Ученого комитета Министерства народного просвещения.

Как человек инициативный и исполнительный, В.В. Латышев еще с казанских времен стал привлекаться к работе различных комиссий Министерства народного просвещения. Так, зимой 1889–1890 гг. по приглашению товарища министра народного просвещения князя М.С. Волконского он принял участие в комиссии по пересмотру программ предметов, преподаваемых в мужских гимназиях, в 1898 г. вошел в состав Комиссии об учреждении Восточного института во Владивостоке, в 1900 г. — в Комиссию по переустройству средней школы как председатель секции по вопросам физического воспитания учащихся, в 1902 г. — в Комиссию по преобразованию высших учебных заведений, в 1905 г. — в комиссию об учреждении высших женских курсов в Киеве, Казани и Харькове, являлся председателем Постоянной комиссии по университетским делам. Неоднократно он исполнял обязанности председателя историко-филологических испытательных комиссий в университетах Казани, Харькова, Киева, Одессы, Москвы и Петербурга³⁹.

29 июня 1900 г. В.В. Латышев был назначен товарищем председателя Императорской Археологической комиссии (ИАК), где уже с 1892 г. он состоял как член-корреспондент «во внимание к оказанному ей научному содействию»: руководство комиссии предоставляло ему надписи для издания в своих трудах. Для копирования и изучения новых находок В.В. Латышев совершал поездки по местам археологических исследований и южнорусским музеям. В конце мая 1902 г. он посетил Ольвию и остров Березань, где принял участие в «пробных раскопках» под руководством Э. Р. фон Штерна. С целью изучения надписей в западноевропейских музеях Латышев часто ездил за границу, как правило в летнее вакационное время⁴⁰.

³⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 17. Д. 81. Л. 8, 12–12 об., 14–14 об.

³⁶ Успенский Ф.И. Памяти академика В.В. Латышева // Известия АН СССР. 1926. Сер. 6. Т. 20. № 9. С. 580.

³⁷ Тункина И.В. «Беззаветный труженик науки» (Б.В. Фармаковский. Неизданный некролог академика В.В. Латышева) // Stratum plus. 2019. № 4. С. 377.

³⁸ Список лиц, служащих по ведомству Императорской Академии наук. 1906–1907 г. Составлен по 10-е октября 1906 г. СПб., 1906. С. 23–24.

³⁹ Тункина И.В. В.В. Латышев: жизнь и ученые труды. С. 203–204.

⁴⁰ Тункина И.В. Латышев Василий Васильевич // Жебелёв С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред., сост., вступит. статья И.В. Тункиной. М., 2017. С. 388.

Помимо текущей административной работы, на Латышева легла основная нагрузка по редактированию всех изданий, главным образом «Отчетов ИАК» (1900–1915) и «Материалов по археологии России» (Вып. 23–37, 1900–1918), а также трудов Я.И. Смирнова «Восточное серебро» (1909) и М.И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России» (1914). Под руководством и редакцией В.В. Латышева опубликованы указатели к вышедшим томам «Отчетов» комиссии за 17 лет (1882–1898) (СПб., 1903), «Альбом рисунков, помещенных в Отчетах Императорской Археологической комиссии за 1882–1898 гг.» (СПб., 1906), а также составлен систематический каталог с тремя прибавлениями наиболее богатой археологической библиотеки России, находившейся в ведении комиссии (ныне библиотека ИИМК РАН).

В 1901 г. по инициативе В.В. Латышева было положено начало изданию «Известий Императорской археологической комиссии» (1901–1918. Вып. 1–67; Прибавления: 66 вып.; Археологическая хроника и библиография: 32 вып.). В «Археологической хронике и библиографии» им практически единолично готовились к печати и публиковались сведения о жизни научных учреждений и обществ, о новых археологических открытиях, о состоянии памятников древности и мерах по их охране, приводились обзоры книг и журнальных статей по археологии и смежным дисциплинам и пр. «Археологическую хронику, — писал Латышев заведующему музеем Одесского общества истории и древностей Б.В. Варнеке 4 апреля 1909 г., — я веду в “Известиях” по полугодно и, не имея для нее сотрудников, веду единственным возможным способом — путем собирания газетных известий и расположения их в систематическом порядке. Само собою разумеется, что эти известия далеко не всегда бывают ценны и надежны. Поэтому получать сведения для хроники, так сказать, из первых рук было бы очень приятно, и я с величайшим удовольствием буду печатать Ваши сообщения о деятельности Вашего общества...»⁴¹. В.В. Латышев ведал также передачей археологических находок из комиссии в государственные музеи и надзором за охраной монументальных сооружений, главным образом памятников русской архитектуры. Им была посвящена серия «Вопросов реставрации», также издававшихся в «Известиях» комиссии, где помимо исследовательских статей опубликованы обзоры законодательства различных стран мира по охране памятников старины.

С конца 1890-х годов в сферу научных интересов В.В. Латышева все активнее начала вторгаться византийская тематика, ранее ограниченная лишь штудиями в области эпиграфики и археологии. С начала XX в. ученый начал исследования в области византийской агиографии, а также углубленное изучение византийских исторических сочинений. Как крупнейшего в России знатока греческого языка в 1907 г. В.В. Латышева привлекли к работе Комиссии по исправлению богослужебных книг при Святейшем Синоде⁴².

Появлению ряда своих агиографических и исторических трудов Василий Васильевич был обязан инициативе Императорского православного палестинского общества (ИППО), которому он отдал много энергии и сил. С 1902 г. В.В. Латышев

⁴¹ СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1–Л. Д. 38. Л. 4–4 об.

⁴² *Совет Б.И.* Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX вв. // Богословские труды. 1970. Сб. 5. С. 59.

стал действительным пожизненным членом общества; с 4 ноября 1903 г. возглавил, как председательствующий, Отделение ученых изданий и исследований и вошел в состав Совета ИППО, а в 1907 г. был избран почетным членом. С 1918 г. вплоть до своей смерти В.В. Латышев стоял во главе Палестинского общества в качестве его председателя⁴³. По инициативе под руководством и редакцией ученого группа студентов ПИФИ составила «Систематический каталог библиотеки Императорского Православного Палестинского общества» (СПб., 1907. Ч. 1–2), к которому был издан дополнительный том (СПб., 1913). Под эгидой общества Василием Васильевичем были подготовлены к печати три выпуска «Сборника палестинской и сирийской агиологии» (ППС. Вып. 57, 60, 63; 1907–1917, первый совместно с А.И. Пападопуло-Керамевсом), «Материалы для истории архиепископии Синайской горы» (ППС. Вып. 58. 1909, совместно с А.И. Пападопуло-Керамевсом) и одиннадцать выпусков «Палестинского патерика» (ПП. Вып. 12–22; 1907–1916).

Многогранная научно-организационная деятельность В.В. Латышева не ограничивалась работой в Министерстве народного просвещения, Академии наук, ИАК, РАО, Палестинском и других обществах. С 29 августа 1903 г., после смерти К.В. Кедрова, он был назначен директором ПИФИ, с оставлением в занимаемых других должностях. Его кандидатура на этот пост «представлялась всегда самой естественной... в интересах не только института, но и науки...»⁴⁴. По воспоминаниям С.А. Жебелёва, институт являлся вторым «я» Василия Васильевича, причем такой любви и преданности традициям *alma mater* он не встречал ни в одном из его питомцев. Директор сплотил вокруг себя квалифицированных единомышленников из учеников и последователей, как правило выпускников ПИФИ, так или иначе участвовавших во многих его начинаниях. В младших коллегах Латышев сумел пробудить интерес к исследовательской работе, привить им стремление к глубоким, прочным знаниям, чувство беззаветного служения науке. Многие выпускники ПИФИ были обязаны Василию Васильевичу успехами в последующей служебной и научной карьере. «Влюбленностью» в ПИФИ, вспоминал С.А. Жебелёв, «приходится объяснять, до известной степени, то, что Василий Васильевич готов был считать институт, как высшую историко-филологическую школу, выше стоящим и более удовлетворяющим своему назначению, чем... университетские историко-филологические факультеты, хотя последним, сколько бы ни было в них дефектов, институт, несомненно, уступал, и должен был уступать, как высшее учебное заведение, преследовавшее, в первую очередь, профессиональные и преимущественно практические задачи»⁴⁵. В.В. Латышев стал инициатором обсуждения и пересмотра учебных планов ПИФИ в 1903–1908 гг. в соответствии с пропагандируемыми им взглядами на классическое образование, которое, по его мнению, было обязательным для историков и филологов любого профиля.

В Петербургском обществе классической филологии и педагогики, размещавшемся в здании ПИФИ, В.В. Латышев с 1896 г. состоял председателем. По его инициативе в 1898 г. был принят новый устав, существенно расширивший сферу

⁴³ Тункина И.В. В.В. Латышев: жизнь и ученые труды. С. 205.

⁴⁴ СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 36. Л. 18.

⁴⁵ Жебелёв С.А. Василий Васильевич Латышев... С. 105–106.

деятельности общества. 28–31 декабря 1911 г. в Петербурге проходил Первый всероссийский съезд преподавателей древних языков, где В.В. Латышев единогласно был избран председателем. Труды съезда были изданы им в сотрудничестве с секретарем общества и съезда А.М. Ловягиным⁴⁶.

В.В. Латышев оставил ряд существенных работ по истории науки. Еще в годы подготовки первого издания IOSPE им была издана значительная по объему и ценнейшая по фактическому содержанию документальная публикация о начале археологических исследований в Северном Причерноморье на материалах архива А.Н. Оленина⁴⁷. В мае 1895 г. В.В. Латышев вошел в состав комиссии Историко-филологического отделения Императорской АН для составления правил о премии профессора К.К. Гёрца; под его редакцией вышло полное «Собрание сочинений» К.К. Гёрца (9 вып. СПб., 1898–1901), изданное Имп. АН на средства капитала его имени, которое содержит ценные научные комментарии составителя. После кончины вице-президента П.В. Никитина, с 1916 г. Латышев стал председателем ряда комиссий — по заведованию капиталами К.К. Гёрца, по изданию трудов и заведованию капиталом епископа Порфирия (Успенского), по изданию сочинений акад. В.Г. Васильевского. Под его наблюдением был издан 3-й том составленного В.Н. Бенешевичем каталога греческих рукописей Синайского монастыря. Ученый редактировал IV том «Трудов В.Г. Васильевского», вышедший из печати лишь в 1930 г., составил планы и подготовил материалы по изданию еще 6 томов (Т. 5–10), оставшихся неизданными. Как председатель Комиссии по заведованию капиталом И. Е. Забелина Латышев ведал изданием серии переводов византийских историков, первый том которой должен был включить перевод «Истории» Льва Диакона, но издание не осуществилось⁴⁸.

В.В. Латышев уделял значительное внимание пополнению Академии наук новыми сочленами, работавшими в области классической и византийской древности. В 1902 и 1907 гг. ученый являлся членом комиссий по пересмотру ряда положений устава Императорской АН, предлагавших упразднить звания адъюнкта и экстраординарного академика. Предложения комиссий были приняты во внимание в 1912 г. при утверждении нового штата АН, согласно которому число академиков по Отделению исторических наук и филологии увеличивалось до 15 членов. В 1916 г. одна из классических кафедр оказалась вакантной — скончался вице-президент АН П.В. Никитин. Появившиеся места позволяли провести в Академию представителей более молодого поколения ученых. В разное время благодаря содействию В.В. Латышева в действительные члены АН были избраны А.В. Никитский (1917 г.; член-корреспондент с 1902 г.) и М.И. Ростовцев (1917 г.; член-корреспондент с 1908 г.), в члены-корреспонденты Д.Ф. Беляев и Ф.Ф. Зелинский (1893), Г.С. Дестунис (1894), Ф.Г. Мищенко (1895), Ф.Ф. Соколов (1900), И.В. Цветаев (1904), Ю.А. Кулаковский (1906), Э.Г. Курц (1908), В.П. Бузескул (1910), С.А. Жебелёв,

⁴⁶ Труды Первого Всероссийского съезда преподавателей древних языков 28–31 декабря 1911 г. СПб., 1912.

⁴⁷ Латышев В.В. К истории археологических исследований в Южной России // Записки ООИД. 1889. Т. 15. Отд. 1. С. 61–149.

⁴⁸ Тункина И.В. В.В. Латышев: жизнь и ученые труды. С. 210, 213–214.

Н.И. Веселовский и Б.В. Фармаковский (1914), А.И. Малейн и С.П. Шестаков (1916), Г.Ф. Церетели, М.М. Покровский и Н.И. Новосадский (1917)⁴⁹.

Значительный след оставили инициативы В.В. Латышева по созданию трудов, освещающих историю Академии наук. По его инициативе и под его редакцией к 200-летию академии вышли «Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук» (2 части. Пг., 1915–1917) и том «Материалов для истории академических учреждений за 1889–1914 гг.» (Пг., 1917). С января 1916 г. В.В. Латышев стал членом издательской комиссии АН, где контролировал составление библиотекарем Г.М. Шмидтом и издание систематического и алфавитного указателя статей, изданных академией. К историко-научным работам можно отнести несколько некрологов, написанных В.В. Латышевым по случаю кончины известных ученых — Т. Моммзена, А. Кирхгофа, Г. Буассье, Ю.А. Кулаковского и др.

В 1913 г. к 300-летию дома Романовых председатель Археологической комиссии гр. А.А. Бобринский впервые ходатайствовал «о назначении Латышева к присутствованию в Правительствующем сенате, с оставлением в званиях и должности товарища председателя Археологической Комиссии». Поддержанное министром народного просвещения и председателем Православного Палестинского общества, это назначение не успело состояться по «причинам формального свойства». Аналогичное ходатайство перед министром Императорского Двора бароном В.Б. Фредериксом было возбуждено 9 января 1917 г.: «В.В. Латышев лично известен императору и неоднократно удостоивался знаками монаршего внимания при посещении их величеством ежегодных выставок предметов старины, добытых Археологической комиссией», — писал гр. А.А. Бобринский⁵⁰. Но из-за революционных событий назначение сенатором не состоялось.

Теперь обратимся к рассмотрению основного научного наследия академика В.В. Латышева. Предыстория подготовленного им издания «*Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Pionti Euxini graecae et latinae*» (IOSPE) такова. Впервые мысль о необходимости издания полного корпуса севернопричерноморских эпиграфических памятников и свода известий древних авторов о Северном Причерноморье была высказана одним из первых русских антиквариев, членом-корреспондентом Академии надписей и изящной словесности в Париже Иваном Алексеевичем Стемпковским (1788–1832) еще в 1823 г.⁵¹, ту же задачу в 1839–1840 гг. ставило перед собой Одесское общество истории и древностей.

Во второй половине XIX в. вопрос подготовки корпуса античных надписей Причерноморья был поставлен вновь. Он обсуждался на заседаниях Императорского Русского археологического общества (РАО) и на нескольких всероссийских археологических съездах, созываемых Императорским Московским археологическим обществом (МАО)⁵². Инициатором создания свода в 1876 г. выступил

⁴⁹ Там же. С. 216–217.

⁵⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1900. Д. 91. Л. 79–79 об., 87.

⁵¹ Тункина И.В. Иван Алексеевич Стемпковский: Материалы к биографии // ΣΥΣΤΙΤΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 368, 370.

⁵² Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. С. 264, 283, 346–347.

востоковед А.Я. Гаркави, который предложил поручить его составление И.В. Помяловскому и Ф.Ф. Соколову. Последний, занятый собственными научными исследованиями, обещал приступить к работе не раньше, чем через два года, а в 1882 г. выступил с инициативой поручить подготовку труда своему ученику В.В. Латышеву⁵³.

Таким образом, только в последней четверти XIX в., с созданием отечественной эпиграфической школы русская наука в лице В.В. Латышева смогла приступить к изданию полного свода античных (древнегреческих и латинских) и греческих надписей византийской эпохи Северного Причерноморья — IOSPE⁵⁴. Этот фундаментальный труд принес автору заслуженный авторитет и признание в мировом антиковедении.

«Передавая издание... Василию Васильевичу, — писал А.В. Никитский, — общество совершило счастливый выбор, бывший и самым естественным. ...В его распоряжение отдавался огромный наличный материал надписей, издававшихся до того времени часто еще самым допотопным образом и отчасти вовсе неизданных, а в связи с этим открывалось обширное поле труда... Это счастье было для него отчасти и несчастьем, ... потому что оно постепенно увлекло его от того широкого горизонта, на котором он за три предшествующих года выступил так ярко и с годами стал бы сиять еще ярче, — увлекло в сторону изучения южно-русских памятников, которое стало главной задачей его жизни. Но не русская наука могла бы жаловаться на этот поворот в трудах Василия Васильевича... Никто у нас, — да и не у нас только, — не исполнил бы этого крупного труда так скоро и так превосходно, как Василий Васильевич»⁵⁵.

Сразу после переезда в Петербург В.В. Латышев с энтузиазмом приступил к подготовке свода надписей Северного Причерноморья. В РАО была создана специальная комиссия в составе И.В. Помяловского, Ф.Ф. Соколова и В.В. Латышева, выработавшая общий план издания и методiku работы. За образец были взяты «Corpus inscriptiones Atticarum» и «Corpus inscriptiones Latinarum». В трехтомный свод должны были войти все надписи Северного Причерноморья вплоть до византийской эпохи, за исключением найденных на Кавказе. В.В. Латышеву вменялось в обязанность «вновь списать или по крайней мере сличить изданные копии всех памятников, какие окажутся существующими по настоящее время и к каким будет возможен доступ», причем точность копий ставилась во главу угла.

Трудоемкую и кропотливую работу над сводом В.В. Латышев начал осенью 1882 г. со знакомства с обширной литературой и поисков местонахождения lapidарных памятников. Это потребовало от него проработки сотен наименований книг, журналов, газет (в том числе малодоступных), где надписи были впервые опубликованы, с целью выяснения судеб отдельных камней, рассеянных по раз-

⁵³ Веселовский Н.И. История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования: 1846–1896. СПб., 1900. С. 132–133; Новосадский Н.И. Греческая эпиграфика. М., 1915. Ч. 1. С. 200–202.

⁵⁴ Фролов Э.Д. 1) Ф. Ф. Соколов и начало историко-филологического направления в русском антиковедении // ВДИ. 1977. № 1. С. 213–225; 2) Развитие историко-филологического направления в русском антиковедении // Проблемы историографии и источниковедения отечественной и всеобщей истории. Л., 1978. С. 113–126.

⁵⁵ Никитский А.В. Василий Васильевич Латышев. С. 184.

личным государственным и частным хранилищам не только России, но и Европы. В.В. Латышев начал с копирования текстов, снятия эстампажей и их сличения с ранее сделанными копиями надписей, хранящихся в Эрмитаже и Публичной библиотеке в Петербурге, проработав их всего за полтора месяца в начале 1883 г., а также в частных коллекциях столицы. Весной 1883 г. он совершил многомесячное путешествие по югу России и посетил Харьков, Таганрог, Керчь, Таманский полуостров, Феодосию, Севастополь, Одессу, Херсон, Кишинев, в августе — Москву, занимаясь поиском и копированием сохранившихся эпиграфических памятников с целью «предварительных работ» и сбора материалов для корпуса античных надписей⁵⁶. Попутно он копировал генуэзские латинские и греческие христианские надписи. И.В. Помяловский передал В.В. Латышеву все собранные им ранее материалы, а Ю.А. Кулаковский — эстампажи ольвийских памятников, хранившихся в Университете Св. Владимира в Киеве. Из известных в литературе надписей подавляющее большинство Латышев обмерил и скопировал сам. Его копии «в большинстве случаев» оказались более полными и точными, т. к. «многие из печатных копий памятников, не исключая даже изданных в последние годы, оказались ниже уровня современных требований... Надписи керамические, которых во 2-м томе Бёка помещено всего 25, теперь можно считать тысячами»⁵⁷.

В сентябре 1883 г. В.В. Латышев приступил к окончательной обработке текста, к созданию твердой классификации и систематизации надписей в хронологические и территориальные группы, к их переводу и написанию необходимого историко-филологического комментария для первого тома, а в феврале 1884 г. уже сдал часть рукописи в типографию АН, единственную в то время в Петербурге, обладавшую специальным эпиграфическим шрифтом. Согласно § 66 устава РАО издание свода причерноморских надписей должно было осуществляться на русском языке, что сразу делало будущую книгу малодоступной для использования западноевропейскими учеными. И.В. Помяловский как секретарь РАО поставил вопрос о необходимости публикации сборника на общенаучном латинском языке, и был поддержан Общим собранием 16 марта 1884 г. Перевод уже частично готовой рукописи на латинский язык несколько задержал издание⁵⁸.

В мае 1885 г. вышел в свет первый том корпуса античных надписей Северного Причерноморья, включающий 245 надписей, найденных на территории от Дуная до Ай-Тодора в Крыму. Второй том с 509 надписями Боспорского царства, разделенными на четыре отдела, предваряемый обширным очерком его истории, появился в декабре 1890 г. В конце второго тома помещены надписи неизвестного происхождения⁵⁹. При издании I и II томов надписи издавались по копиям, сделанным главным образом самим издателем или другими «доверенными» лицами, а также по эстампам и фотографиям. Надписи воспроизведены маюскулами,

⁵⁶ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук: 1889–1914. Пг., 1915. С. 414.

⁵⁷ Латышев В.В. Сообщение о ходе работ по изданию общего сборника греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря // ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 19, 20.

⁵⁸ Тункина И.В. В.В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия). С. 187–188.

⁵⁹ *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit Basilius Latyshev. Petropoli, 1885. Vol. primum; Vol. secundum, inscriptiones regni Bosporani continens. Accedunt tabulae duae geographicae. 1890.*

дана их транскрипция в минускулах и перевод. В пределах каждой географической группы памятники разделены по содержанию и хронологии: государственные декреты, посвятельные надписи, строительные надписи, надгробные надписи, тексты религиозных союзов, списки победителей спортивных состязаний, муниссии и пр. Приведены сведения о времени и месте находки, размерах камня и букв, предыдущих изданиях, а также историко-лингвистические комментарии В.В. Латышева с освещением спорных моментов в восстановлении текста, которые к некоторым надписям разрастались до размеров целых исследований. Оба тома завершают разнообразные указатели. Таким образом, к 1890 г. все известные на тот момент надписи Причерноморья «были собраны, проверены, систематизированы; произведено и хронологическое определение их всех, причем большинство получило более или менее точные датировки»⁶⁰. Синхронные отраженным в них событиям, лапидарные архивы античных государств Северного Причерноморья содержали ценнейшую информацию, лишь частично отраженную в нарративной традиции, об их государственной организации, социально-экономической, религиозной и культурной жизни.

В.В. Латышев внимательно следил за всеми эпиграфическими находками на юге России, не вошедшими в свод надписей, издавая их в виде «поправок и дополнений» в «Записках» РАО, либо отдельно в изданиях ИАК⁶¹. В 1894 г. тиражом 350 экз. был издан сборник греческих и латинских причерноморских надписей из собрания кишиневского коллекционера И.К. Суручана (в сборник не вошли две надписи из Рима и одна из Афин, хранившиеся в его частном музее)⁶². Много позднее, в 1917 г. стараниями В.В. Латышева Херсонский музей обогатился античным собранием И.К. Суручана, эвакуированного из Кишинева. Коллекция состояла из более чем 300 экспонатов: античная скульптура, стелы, надписи из Ольвии, Пантикапея и др. мест Причерноморья⁶³.

К 50-летию основания РАО в 1896 г. В. В. Латышев «спешно», всего за один год, подготовил к печати и издал на средства общества свод греческих надписей христианских времен из Южной России, включивший 117 надписей из 26 местностей от Дуная до Таманского полуострова. Сборник состоял из трех частей: надписи, опубликованные предшественниками В.В. Латышева, его собственные публикации 1882–1895 гг., дополнения, сделанные в ходе работы над книгой. В конце сборника изданы надписи, находящиеся на иконах, предметах быта и т. п.⁶⁴ Ученый был недоволен этим изданием, сделанным в юбилейной спешке, и неоднократно порицал собственные чтения, в том числе и в полемике со своими критиками, прежде всего, Ю.А. Кулаковским и Г. Милле.

⁶⁰ Книпович Т.Н. Василий Васильевич Латышев как исследователь Северного Причерноморья в античную эпоху // СА. 1958. Т. 28. С. 9.

⁶¹ См., например: *Латышев В.В.* Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1888–1891 годах. СПб., 1892 (МАР № 9).

⁶² *Inscriptiones graecae et latinae novissimis annis (1889–1894) Museo Surutschaiano quod est Kischinevi, inlatae / Ed. I. Surutschan et V. Latyschew. Petropoli, 1894.*

⁶³ *Былкова В.П.* Археологическая коллекция Херсонского краеведческого музея // ВДИ. 1993. № 2. С. 234.

⁶⁴ *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России, с объяснениями. СПб., 1896. IV, 143, с рис. в тексте, 13 табл.

К концу 1890-х годов В.В. Латышев был уже известен как эпитаграфист мирового уровня. «Никто лучше его не умел тогда ни списывать надписей с оригиналов, делать с надписей эстампажи, транскрибировать, восстанавливать лакуны в них, объяснять надписи по всем правилам эпитаграфической критики и экзегезы», — вспоминал С.А. Жебелёв⁶⁵.

Систематические раскопки причерноморских античных центров год от года приносили сотни новых эпитаграфических документов. В апреле 1898 г. Археологическая комиссия передала в распоряжение В.В. Латышева все надписи, найденные с 1895 г. На заседании Совета РАО 22 апреля 1899 г. Василий Васильевич заявил о готовности к печати IV дополнительного тома IOSPE. Книга была издана в 1901 г. и включила 478 новых эпитаграфических памятников, найденных в 1885–1900 гг.⁶⁶ С ряда надписей приведены факсимиле, исполненные цинкографическим способом. Русский перевод надписей в IV томе отсутствует, так как он приводился В.В. Латышевым при их первой публикации в «Записках» РАО. В книге сделан обзор поддельных и «подозрительных» надписей. Таким образом, I, II и IV тома IOSPE включили 1232 надписи, что почти в десять раз превышает число северно-причерноморских надписей, опубликованных во II томе корпуса греческих надписей А. Бёка.

Позднее, на заседании Совета РАО 2 марта 1913 г. В.В. Латышев доложил о необходимости второго издания Сборника греческих и латинских надписей Понта. Общее собрание РАО 5 апреля 1913 г. единогласно постановило приступить к новому изданию, в первую очередь I тома, который по объему материала вырос более чем вдвое и включил 751 надпись Тире, Ольвии, Херсонеса Таврического и других мест от Дуная до границ Боспорского царства⁶⁷. Переиздание остальных томов при жизни В.В. Латышева не состоялось. Впечатляющий труд ученого еще в процессе работы над ним был по достоинству оценен как русскими, так и зарубежными учеными и отмечен целой чередой избраний в отечественные и иностранные научные общества, институты, университеты и академии⁶⁸.

Материалы, собранные для сборника античных надписей, В.В. Латышев использовал в серии специальных работ по истории и археологии античных

⁶⁵ Жебелёв С.А. Василий Васильевич Латышев (29 июля 1855 — 2 мая 1921): [Некролог] // Византийский временник. 1926. Т. 24. С. 107–108.

⁶⁶ *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit Basilius Latyschev. Petropoli, 1901. Vol. quartum, supplementa continens per annos 1885–1900 collecta.*

⁶⁷ *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit Basilius Latyschev. 2 ed. Petropoli, 1916.*

⁶⁸ В.В. Латышев состоял почетным членом Казанского (1916) и Юрьевского (1902) университетов, Петроградской духовной академии (1909), Московского археологического института, Русского археологического института в Константинополе (1895), Российского Палестинского общества, Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1891), общества Нестора-Летописца в Киеве, Греческого филологического силлога в Константинополе (1886), Историко-филологического общества при Новороссийском университете, Таврической (1891), Тверской и Витебской ученых архивных комиссий; неперенным членом Общества любителей естествознания, археологии и этнографии при Московском университете (1896); действительным членом Германского археологического института (1885), Одесского общества истории и древностей (1884), РАО (1886), МАО (1886), Исторического музея в Москве, членом Русского библиологического общества и др. См.: РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 351. Л. 12–12 об.; СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 81. Л. 19, 30; Ф. 110. Оп. 1. Д. 117. Л. 10; Оп. 2. Д. 29. Л. 20.

государств Северного Причерноморья. Не раз обращался В.В. Латышев к древностям Ольвии. Им были опубликованы посвященные надписи из музея Одесского общества истории и древностей, найденные в 1884 г., и камень, открытый раскопками Б.В. Фармаковского в Ольвии в 1911 г., дополнивший одну из них⁶⁹. Обзору 88 новых ольвийских эпиграфических документов, найденных после выхода I и IV томов IOSPE, главным образом при раскопках Б.В. Фармаковского, была посвящена отдельная статья⁷⁰.

Публикации и интерпретации каменного архива Херсонеса Таврического кажется целый цикл исследований ученого. Среди них первая работа В.В. Латышева по истории античного Причерноморья — статья на русском и французском языках «Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического», освещающая основные вехи эволюции государственного строя полиса с историко-филологическим анализом надписи в честь Аристона, сына Аттины (IOSPE, I², 423), и декрета в честь Диофанта (IOSPE, I², 352)⁷¹. В заметке «Новая надпись из Херсонеса Таврического» В.В. Латышев опубликовал найденную в Балаклаве греческую надпись на пьедестале статуи, воздвигнутой херсонеситами в честь Секста Октавия Фронтоня (IOSPE, I², 422), текст которой был сообщен секретарем МАО А.В. Орешниковым. Знаменитой присяге херсонеситов IV–III вв. до н. э. (IOSPE, I², 401) посвящена специальная работа на немецком языке⁷², отдельный отгиск текста присяги⁷³, предназначенный для «поднесения именитым посетителям херсонисских раскопок», и специальная брошюра, изданная Археологической комиссией, — «Присяга граждан города Херсониса Таврического. Греческий текст с русским переводом и кратким объяснением» (СПб., 1900). В статье «Новый гимн в честь Гермеса» опубликован текст надписи на мраморе II в. н. э. (IOSPE, I², 436), найденной в 1904 г. при раскопках Херсонеса К.К. Косцюшко-Валюжиничем⁷⁴. В статье «К вопросу о культе богини Девы в Херсонисе Таврическом»⁷⁵ В.В. Латышев мастерски использовал эпиграфические данные для изучения истории религиозных представлений херсонеситов.

Меньше внимания ученый уделял Боспору, которому посвятил лишь несколько статей и общий очерк его истории в предисловии ко II тому IOSPE, а также спорным вопросам исторической географии античного Причерноморья, которые пытался решить мастерским критическим анализом эпиграфических текстов и нарративной традиции. Избранные статьи и рецензии, касающиеся проблем изучения античного Северного Причерноморья, В.В. Латышев позднее поместил в сборнике «ПОНТИКА» (СПб., 1909), изданном на средства Императорской Археологической комиссии к 50-летию юбилею её основания.

⁶⁹ Латышев В.В. Две ольвийские посвященные надписи // ИИАК. 1912. Вып. 45. С. 1–8.

⁷⁰ Он же. Обзор ольвийской эпиграфики за последние 15 лет // Гермес. 1915. Т. 17. № 20. С. 445–457.

⁷¹ ЖМНП. 1884. № 6. С. 35–77; ВСН. 1885. Т. 9. Р. 265–300.

⁷² Latischew B. Der Bürgereid der Chersonesiten // Sitzungsberichte der Königlich Preussich. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Jg. 1892. S. 479–494.

⁷³ Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1888–1891 годах. СПб., 1892 (МАР № 9).

⁷⁴ ЖМНП. 1905. № 5. С. 261–264.

⁷⁵ Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В.П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 206–214.

С момента появления первого тома IOSPE (1885) В.В. Латышев занял ведущую позицию в области античной эпиграфики Северного Причерноморья, причем к своему первенству в науке относился очень «ревниво»: «Он не очень-то жаловал, когда кто-нибудь другой вторгнулся в эту область, где он считал себя — и в значительной степени мог считать себя по праву — полным хозяином. С одной стороны, эта “монополия” имела свои хорошие стороны: каждая вновь находимая надпись попадала в вполне надежные руки, и опубликование ее не задерживалось. С другой стороны, “монопольная сторона” имела и нечто отрицательное: В. В. не дал возможности другим войти в южно-русскую эпиграфику, не создал “школы” в ней, не оставил после себя достойных преемников в отмежеванной им для себя области»⁷⁶. Этот справедливый вывод С. А. Жебелёва был частично оспорен Т.Н. Книпович, подчеркнувшей, что «В.В. Латышев, как никто другой, самым характером своих эпиграфических трудов содействовал созданию кадров эпиграфистов. Каждый, кто работал над опубликованным В.В. Латышевым материалом, хорошо знает, как ясно отражена в этих трудах самая методика работы над эпиграфическими документами: работая над надписями, мы все идем по проложенным В. В. Латышевым путям, следуем его приемам, учимся у него, как надо и издавать, и исследовать эпиграфические источники»⁷⁷.

Василий Васильевич, несомненно, обладал врожденным талантом эпиграфического видения. Его суровые, но справедливые замечания порицали ошибки в изданиях других исследователей, способствуя очищению эпиграфического материала путем строгой критики: он не оставлял без внимания ни одну надпись, неудачно объясненную или неточно прочитанную другими, беспощадно разоблачал подделки. Письма Латышева к Б.В. Варнеке пестрят уничтожающими критическими выпадами против эпиграфических штудий профессора Новороссийского университета Э.Р. фон Штерна: «Вы, быть может, уже слышали, что я затеял 2 издание своих *Inscriptiones*. Почти все материалы для него уже имеются в руках, но есть несколько надписей ..., которые изданы только Штерном... и иногда без всякого описания камней» (8 апреля 1914 г.); «Ernst von Stern, без сомнения, с наслаждением вычеркнул бы меня и из действительных членов общества [ООИД. — *И. Т.*], так как я довольно-таки беспощадно обличал его идиотские промахи в издании надписей. Перед некоторыми из них мне приходилось прямо становиться в тупик: как мог человек в здравом уме написать такую чушь?...» (7 мая 1915 г.).

Особое место в научном наследии В.В. Латышева занимает ставший плодом его многолетних разысканий знаменитый свод сведений греческих и латинских авторов о Скифии и Кавказе⁷⁸, составивший целую эпоху в науке. Отсутствие в России ученых с должным уровнем историко-филологической подготовки долгое время мешало реализации такой задачи. В лице В.В. Латышева, которому она оказалась по плечу, РАО нашло счастливое сочетание талантливое и, главное,

⁷⁶ Жебелёв С.А. Василий Васильевич Латышев. С. 108.

⁷⁷ Книпович Т.Н. Василий Васильевич Латышев как исследователь Северного Причерноморья... С. 11.

⁷⁸ *Scythica et Caucasica e veteribus scriptoribus Graecis et Latinis collegit et cum versione Rossica edidit Basilius Latyschew. Vol. 1: Scriptorum Graeci; Vol. 2 Scriptorum Latini / Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Собрал и издал с рус. пер. В.В. Латышев. СПб., 1893–1906.*

трудолюбивого антиковеда. Составителю свода пришлось проделать значительную по объему, довольно трудоемкую и кропотливую работу — во-первых, разыскать в библиотеках необходимые издания древних авторов, во-вторых, изучить, отобрать, перевести на русский язык и систематизировать все группы разновременных источников. В ходе подготовки этого труда в полной мере раскрылись научно-организационные таланты Василия Васильевича, привлечшего к переводам и комментированию ряд студентов старших курсов Петербургского историко-филологического института, в том числе своих учеников А.И. Малеина, С.А. Селиванова и П.И. Прозорова. Последний по инициативе Василия Васильевича приступил также к составлению исчерпывающего библиографического указателя книг и статей по греческой филологии, изданных в России с XVII в. по 1895 г., ставшего ценным подспорьем при составлении комментариев к IOSPE и «Scythica et Caucasica». Эта книга⁷⁹ до сих пор является незаменимым библиографическим пособием по истории антиковедения в России.

Последние годы жизни В.В. Латышева пришлись на период общественно-политических потрясений 1917–1921 гг. Академия наук тогда стремилась не только сохранить свой прежний автономный статус и значение для государства как высшего экспертного сообщества, но и реализовать планы по развитию отечественной культуры, науки и высшей школы⁸⁰. В период преобразований В.В. Латышев и другие члены Отделения исторических наук и филологии АН (ОИИФ)⁸¹ предложили ряд реформ, реализация которых ранее была невозможна.

Прежде всего, это было связано с разработкой нового законодательства о земле и вопросом об охране памятников истории и культуры. В свое время известный археолог Н.И. Веселовский (1848–1918) главными причинами разграбления древностей в России справедливо считал отсутствие надлежащего законодательства об охране памятников и существующее право собственников земли на сделанные находки. Еще в 1906–1907 гг. он предлагал объявить исторические древности государственной собственностью и возложить функции охраны памятников не на Археологическую комиссию, не имевшую для этого ни юридических полномочий, ни штата, ни средств, а на разветвленную структуру МВД, полагая, что, обладая «изумительным археологическим наследством», Россия его губит «самым возмутительным образом»⁸².

После Февральской революции В.В. Латышев принял живое участие в обсуждении проблемы изменений в земельном законодательстве. 6 сентября 1917 г. ОИИФ рассматривало запрос Министерства земледелия относительно охраны важных исторических и археологических объектов, поэтому организовало комиссию из академиков в составе В.В. Латышева, А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Ольден-

⁷⁹ Прозоров П.И. Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия по 1892 год на русском и иностранном языках. С прибавлением за 1893, 1894 и 1895 годы. СПб., 1898.

⁸⁰ Колчинский Э.И. Академия наук и русские революции 1917 года // Вестник РАН. 2017. Т. 87. № 2. С. 166.

⁸¹ 11 июля 1917 г. решением Временного правительства АН была переименована из Императорской в Российскую.

⁸² Тункина И.В. История изучения // Античное наследие Кубани: В 3-х т. / Под ред. акад. Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова. М., 2010. Т. 1. С. 82.

бурга, М.А. Дьяконова, Н.Я. Марра, В.В. Бартольда и М.И. Ростовцева⁸³. Министерство предложило указать «категории тех местностей, которые по своим естественным богатствам, сокрытым ли в земле, или находящимся на ее поверхности, составляют неделимую государственную ценность, ценность на все времена и для всех граждан». Эти объекты необходимо было законодательно закрепить как заповедный фонд государства.

Комиссия провела два заседания, и составленные учеными разных специальностей объяснительные записки отделение постановило объединить в один документ — «Об охране земельных участков с памятниками историческими и археологическими». Его решено было напечатать и предложить образовать Особое совещание при Министерстве земледелия по этому важнейшему вопросу⁸⁴.

В условиях «общей разрухи» академики призывали принять меры «к объявлению заповедными ряда участков или к тщательной охране» историко-культурных объектов «от захватов, разорений и разрушений» не только в интересах развития науки, но и «отечествоведения» с целью просвещения широких народных масс, прежде всего учащейся молодежи⁸⁵.

В.В. Латышев и М.И. Ростовцев акцентировали внимание на необходимости охраны археологических памятников Европейской России. Академики опасались, что переход земельных участков в частную собственность или длительное пользование может «лишить науку материалов, без которых изучение прошлого России, былых судеб многочисленных населявших ее племен делается невозможным». Среди античных городищ и некрополей, подлежащих охране, названы руины Пантикапея, Горгиппии, Тиры, Херсонеса Таврического, Ольвии. Латышев писал, что «руины древней Ольвии и ее некрополь не могут быть во владении каких бы то ни было частных лиц: они достояние всех граждан России, которые отвечают за них перед всем культурным миром». По поводу оказавшихся в частном владении остатков Фанагории, Киммерика, Нимфея, Танаиса и Елизаветовского городища на Дону он подчеркивал: «Все это такие пункты, без тщательного исследования которых невозможна дальнейшая разработка древнейших стадий культурного развития нашей страны, рост и обогащение наших музеев и ... вклад наш в изучение культуры европейского человечества в эпоху создания им величайших и вечных культурных ценностей»⁸⁶.

Однако инициатива академиков, стремившихся сделать охраняемыми зонами важнейшие историко-археологические объекты на территории России, тогда осталась без внимания⁸⁷. Мы не имеем прямых данных о реакции академика В.В. Латышева на общественные потрясения 1917 г. и последующих лет, хотя скорее всего она была негативной. Василий Васильевич был в числе академиков,

⁸³ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 164. С. 138–139. ОИФ X § 276.

⁸⁴ Там же. С. 200–201. ОИФ XI § 299; Приложение II. С. 205–214; записка опубл.: Дьяконов М.А., Латышев В.В., Ростовцев М.И., Марр Н.Я., Бартольд В.В. Об охране земельных участков с памятниками историческими и археологическими // Известия РАН. 1917. Т. 11. № 15. С. 1221–1230.

⁸⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 164. С. 205, 206.

⁸⁶ Там же. С. 208, 209, 210.

⁸⁷ Тункина И.В. Нереализованные проекты 1917 г. Российской академии наук в области охраны памятников истории и культуры // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М., 2017. С. 79–82.

утвердивших после захвата власти большевиками 21 ноября известное заявление Общего собрания РАН с осуждением государственного переворота⁸⁸.

В эти годы В.В. Латышев являлся председателем нескольких комиссий Российской АН, в том числе Комиссии по изучению творений Константина Багрянородного и его эпохи (1918), представителем РАН в Комитете русской иконописи (1919), с апреля 1919 г. принял на себя заведование библиотекой и архивом «Византийского временника»⁸⁹. Однако в 1918–1920 гг. работа практических всех академических комиссий была парализована из-за «общего расстройтва» дел Российской академии наук. Помимо этого, В.В. Латышев оставался председателем Общества классической филологии и педагогики при ПИФИ, членом РАО, а с 18 октября 1918 г. из-за эмиграции князя А.А. Ширинского-Шихматова стал председателем Палестинского общества.

В годы революции и гражданской войны от голода, болезней, тяжелейших условий быта Российская АН потеряла почти треть своих членов. Некоторые из оставшихся в живых академиков стремились эмигрировать из страны, но для В.В. Латышева, судя по переписке, эмиграция не являлась панацеей. Он выбрал другой путь: несмотря на бытовые трудности и обострившуюся болезнь сердца, продолжать научную работу. «Конечно, — вспоминал Б.В. Фармаковский, — человек, большую часть жизни действовавший в условиях старого времени и по своим взглядам и убеждениям всецело ему принадлежавший, Василий Васильевич с трудом заставил себя в конце жизни работать в условиях новой общественности. Но знаменательно и ценно то, что Василий Васильевич все же остался на своем посту до конца своих дней и что ничто не могло поколебать его убеждения в важности и необходимости продолжения дела, которое он считал основным в жизни, — дела научного исследования, служения науке и просвещению»⁹⁰.

Но не столько политические события, крушение старого привычного быта подорвали моральный дух и состояние здоровья В.В. Латышева, сколько удар в спину, неожиданно полученный от коллег-преподавателей такого дорогого ему ПИФИ. В 1918 г. по указанию властей институт из историко-филологического предполагалось реорганизовать в педагогический, с расширением программы преподавания. В.В. Латышев скрепя сердце принял на себя председательствование в Конференции ПИФИ, обсуждавшей реформу, в надежде на то, что большинство преподавателей будет стремиться избежать его коренной ломки. Но господствующие настроения оказались противоположными, и Латышев покинул место председателя, не доведя заседания до конца, а затем подал прошение об отставке с 15/28 мая 1918 г., которое было удовлетворено Наркомпросом⁹¹. Василию Васильевичу уже не пришлось дожить до полной ликвидации ПИФИ в 1922 г.

После ухода из ПИФИ В.В. Латышев был вынужден оставить казенную квартиру и перебраться на другую: в сентябре 1918 г. академик получил удостоверение

⁸⁸ Тункина И.В. 1) Академия наук в 1917 году // Вестник РАН. 2018. Т. 88. № 5. С. 414; 2) На переломе: Академия наук в 1917 году // Труды Отделения историко-филологических наук. 2017 / Отв. ред. акад. В.А. Тишков. СПб., 2018. С. 55–56.

⁸⁹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 81. Л. 41, 46; Ф. 110. Оп. 1. Д. 103. Л. 136–137 об., 150, 186–189, 191, 194, 196, 197, 199, 200, 207, 212.

⁹⁰ Тункина И.В. «Беззаветный труженик науки» (Б.В. Фармаковский. Неизданный некролог академика В.В. Латышева) // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2019. № 4. С. 375.

⁹¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 81. Л. 32.

РАН, что он «не подлежит отбыванию трудовой повинности вне места служения», а также охранную грамоту на квартиру и библиотеку⁹². Материальное положение В.В. Латышева резко ухудшилось. В сентябре 1918 г. он продал Азиатскому музею составленный им указатель к библиографии В.В. Межова по Азии, в то время единственного общего библиографического свода на эту тему, который был лишен справочного аппарата. Ранее, в октябре 1917 г., когда существовала реальная угроза захвата Петрограда немецкими войсками, под влиянием всеобщего смятения В.В. Латышев продал часть своей библиотеки, которая в итоге попала в Библиотеку РАН⁹³. 23 октября В.И. Вернадский записал в дневнике содержание беседы с Н.Я. Марром: «...Сейчас вследствие паники раскупаются за бесценно научные библиотеки. Так говорят, пошла по частям библиотека В.В. Латышева, теперь Н.И. Веселовского. Сейчас кругом у многих тяжелые переживания, близки к отчаянию»⁹⁴. Здоровье ученого стремительно ухудшалось — к началу апреля 1919 г. из-за хронического недоедания и психологического дискомфорта В.В. Латышев болел миокардитом, осложненным тяжелым фурункулезом⁹⁵.

В революционное время и годы Гражданской войны В.В. Латышев оставался в должностях товарища председателя Императорской (с 23 мая 1917 г. — Российской, с июня 1918 г. — Российской государственной) археологической комиссии и члена совета РГАК (с 24 сентября 1918 г.). Скоро РГАК возглавил в качестве председателя академик Н.Я. Марр, главный инициатор создания на ее базе Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) в составе Наркомпроса. В период выработки устава РАИМК В.В. Латышев тяжело болел и не мог принять участие в организации археологической академии. По декрету Совнаркома от 19 апреля 1919 г. Василий Васильевич был утвержден в качестве действительного члена РАИМК «с получением содержания»⁹⁶, а 5–7 августа 1919 г. принял участие в Избирательном собрании, окончательно сформировавшем первый состав членов Академии⁹⁷. 26 августа В.В. Латышев был избран членом Хозяйственного комитета, 16 сентября — членом редакционной комиссии по выработке изменений в уставе РАИМК, со 2 декабря возглавил Разряд археологии греческих колоний на юге России в составе II Археологического отделения, а с 1 ноября 1920 г. он стал также председателем Библиотечной комиссии РАИМК. Как заведующий Разряда древностей греческих колоний первоначально он имел в штате только одного сотрудника — Е.М. Придика, работавшего над корпусом керамических клейм, в 1920 г. к нему присоединился эпиграфист академик А.В. Никитский.

24 января 1921 г. Совет II отделения РАИМК через Правление Академии обратился к РАО с предложением о совместном переиздании двух трудов В.В. Латышева: IOSPE и «Сборника христианских надписей». 21 марта того же года, за месяц до кончины эпиграфиста, член РАИМК И. А. Орбели, являвшийся секретарем РАО,

⁹² Там же. Л. 32–35.

⁹³ Тункина И.В. В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды. С. 218–219.

⁹⁴ Вернадский В.И. Дневники, 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. Киев, 1994. С. 27.

⁹⁵ Тункина И.В. Ук. соч. С. 220.

⁹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 81. Л. 46.

⁹⁷ Пескарева К.М. К истории создания Российской академии истории материальной культуры // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 29.

сообщил Правлению, что Совет общества «признал желательным переиздания при условии принятия Академией расходов по подготовке издания, разделения труда по набору и напечатанию равномерно между наборщиками Академии и общества и указания на заглавном листе на первом месте имени РАО»⁹⁸.

В отчетах Совета РАО за 1917–1918 гг. указано, что этот орган возбуждал перед Министерством народного просвещения, затем перед Наркомпросом ходатайство о добавочном ассигновании 5000 руб. на продолжение второго, дополненного переиздания сборника древнегреческих и латинских надписей Северного Причерноморья В.В. Латышева, но средств на это общество так и не получило. По просьбе автора в 1919–1921 гг. все незавершенные проекты В.В. Латышева были переданы из РАО в РАИМК: это продолжение второго издания корпуса древнегреческих и латинских надписей Северного Причерноморья (IOSPE), подготовка к изданию третьего тома IOSPE (корпус керамических клейм), издание третьего тома свода известий древних авторов о Скифии и Кавказе с экскерптами из византийских писателей и составление указателей к первым двум вышедшим томам, исправленное и дополненное переиздание «Сборника надписей христианских времен из южной России».

Идея нового, расширенного и дополненного переиздания свода греческих христианских надписей Северного Причерноморья совместно с РАО была поддержана II отделением и Правлением РАИМК в январе-марте 1921 г.⁹⁹, но так и осталась нереализованной. Новый корпус спустя почти 120 лет подготовил к печати, но до сих пор не издал в печатном виде московский эпиграфист А.Ю. Виноградов¹⁰⁰.

Судьба издания известий позднеантичных и византийских авторов V–XII вв. о Северном Причерноморье и Кавказе (объемом 30 п. л.), подготовленного В.В. Латышевым к печати в 1916 г., также оказалась печальной. Набор первых 4 п. л. рукописи был начат в 1916 г., но в августе 1917 г. приостановлен. К счастью, в архивах сохранились как корректуры, так и автографы переводов¹⁰¹, часть которых была издана в 1934 г.¹⁰² Подготовка третьего тома IOSPE, начатая в 1880-х гг. Латышевым и продолженная Е.М. Придиком, тоже осталась не завершенной.

Тем не менее, В.В. Латышев вынашивал новые планы, в которые входило создание при РАИМК Эпиграфического музея, т. к. в архиве академии он собирал, систематизировал и описывал причерноморские надписи, фотографии, рисунки и эстампажи с них¹⁰³, переданные из Археологической комиссии. Им был разыскан и приобретен для музея надгробный памятник с греческой надписью игумена Никиты 906 г. из Партенита, хранившийся в Детском Селе на даче Раевской¹⁰⁴.

Как вспоминал академик А.В. Никитский, В.В. Латышев «продолжал ученые труды свои буквально до смерти, как ни затруднена была в эти годы работа и хотя при невозможности или трудности заграничных и внутренних ученых сношений

⁹⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1921. Д. 5. Л. 8. § 41; Л. 18 об. § 117; Л. 21–21 об. § 130.

⁹⁹ Тункина И.В. В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды. С. 227.

¹⁰⁰ Есть электронная версия: <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html> (дата обращения 20.09.2020).

¹⁰¹ Тункина И.В. Ук. соч. С. 227.

¹⁰² Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // ИГАИМК. 1934. Вып. 91.

¹⁰³ Виноградов Ю.А. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 162–163.

¹⁰⁴ Тункина И.В. В.В. Латышев: жизнь и ученые труды. С. 220.

ему приходилось изыскивать новые для него области приложения ученого труда, без которого он не мог жить».

В.В. Латышев скончался от болезней, голодного и психического истощения 2 мая 1921 г. в Петрограде. Основная заслуга ученого перед мировой наукой состоит в том, что благодаря ему эпиграфические и литературные свидетельства античных и византийских источников стали достоянием широких кругов специалистов: составленные им эталонные своды до сих пор являются настольными книгами всякого историка и археолога, работающего в области древней истории Европейской России и Кавказа¹⁰⁵. Именно поэтому неизданные труды ученого, истинного «титана» отечественной науки, требуют скорейшего ввода в научный оборот¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Там же. С. 221.

¹⁰⁶ *Тункина И.В.* В.В. Латышев: нереализованные проекты 1917–1921 годов // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях: Материалы международной научной конференции 26–27 февраля 2019 г. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М., 2019. С. 52–53.

Сергей Сергеевич Лукьянов (1889–1938)

М.Ю. Вахтина, В.А. Горончаровский

Среди ученых, привлеченных на службу в РАИМК сразу после ее создания в 1919 г., был и уже достаточно известный филолог-классик, специалист в области античной литературы и культуры Сергей Сергеевич Лукьянов. Он родился 28 сентября 1889 г. в Варшаве. Его отец, С.М. Лукьянов (1855–1935), был известным физиологом, писателем и государственным деятелем: товарищем министра народного просвещения (с 1902 г.), сенатором (с 1905 г.), членом Государственного Совета (с 1906 г.) и обер-прокурором Синода (1909–1911 гг.)¹. Мать — Лидия Петровна (урожд. Рубец, 1866–1932), отличалась музыкальными способностями и в свое время положила на музыку стихотворения религиозного мыслителя, поэта и публициста В.С. Соловьева, который часто бывал в доме Лукьяновых.

О начальном периоде своей жизни С.С. Лукьянов писал в сохранившейся автобиографии: «Среднее образование получил в Петроградской 3-й гимназии, которую окончил с золотой медалью в 1908 г.»². За этим последовало поступление на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета, где в числе его преподавателей были М.И. Ростовцев и Б.В. Фармаковский. Первой печатной работой молодого студента стала статья «Олимпийский Зевс Фидия»³, посвященная знаменитой статуе, считавшейся одним из семи чудес света и утраченной ещё в древности. С.С. Лукьянов, анализируя описание статуи у Павсания (Paus. V. XI. 1), сопоставил приведенные им сведения с другими памятниками искусства и изображениями на монетах, что позволило приблизиться к воссозданию облика не дошедшего до нас шедевра. Эти наблюдения были дополнены обзором произведений греческих писателей и поэтов, позволяющих, по мнению автора, понять светлую идею «примирения человека с богом», которую выражала композиция

¹ Тункина И.В. Лукьянов Сергей Сергеевич // Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третья четверть века своего существования. М., 2017. С. 406.

² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 383. Л. 1.

³ Лукьянов С.С. Олимпийский Зевс Фидия // Гермес. 1910. № 4–5.

статуи: «Любовь становится на место вражды»⁴.

После окончания университета в 1914 г. С.С. Лукьянов был оставлен при кафедре классической филологии для подготовки к профессорскому званию. С этого времени начинается его преподавательская работа. Он занимается также научными исследованиями и переводами. В 1915 г. в серии «Памятники мировой литературы» вышел первый том сочинений Лукиана⁵. Для этого издания С.С. Лукьянов подготовил перевод трех диалогов и одного эссе античного писателя: «Морские разговоры», «Менипп, или Путешествие в подземное царство», «Икароменипп, или Заоблачный полет» и «О Сирийской богине». В том же году в серии «Материалы по археологии России», издаваемой Императорской археологической комиссией, вышла ещё одна работа, написанная совместно с Ю.П. Гриневичем. Она была посвящена краснофигурной кальпиде, найденной в Керчи при грабительских раскопках и хранившейся в Эрмитаже⁶. Как отмечали соавторы в предисловии к своему труду, тему эту предложил Б.В. Фармаковский для реферата во

Керченская кальпида, найденная в 1906 г.
(по: Лукьянов С.С., Гриневич Ю.П. Керченская
кальпида 1906 года и поздняя краснофигурная
живопись. Пг., 1915. Табл. I, 2)

время занятий в университете на его семинаре по истории античного искусства и результаты совместной работы были доложены весной 1910 г. Позднее Б.В. Фармаковский посчитал необходимым «подробнее разработать тему реферата в виду намеченного им издания картины, украшающей эрмитажную кальпиду. Это предложение привело к разделению темы на отдельные вопросы: их разработка велась нами более или менее независимо друг от друга, однако окончательные выводы неизменно подвергались совместному обсуждению и взаимной критике. <...> Возникавшие при исследовании сложного материала предположения в области стиля и техники проверялись нами при одновременном посещении русских провинциальных и зарубежных керамических собраний в Одессе, Керчи, Афинах, Неаполе,

⁴ Лукьянов С.С. Олимпийский Зевс Фидия. С. 19.

⁵ Лукиан. Сочинения. Т. I. М., 1915.

⁶ Лукьянов С. С., Гриневич Ю. П. Керченская кальпида 1906 года и поздняя краснофигурная живопись. (МАР № 35). Пг., 1915.

Фрагменты росписи керченской кальпиды
(по: Лукьянов С.С., Гриневиц Ю.П. Керченская кальпида 1906 года
и поздняя краснофигурная живопись. Табл. III, IV)

Риме, Париже, Мюнхене и Берлине». Авторы получили «и широкий доступ к коллекции античных vaz в Эрмитаже, к его архивам и библиотеке, любезно предоставленный нам дирекцией»⁷.

В результате было создано обширное монографическое исследование, состоящее из разделов, в которых рассмотрены связанные с находкой керченской кальпиды отдельные вопросы и проблемы изучения поздней греческой вазописи краснофигурного стиля. Подробно описана форма сосуда, ее происхождение и развитие во времени. Авторы отнесли сосуд к «свадебным кальпидам», которые соотносились с ритуалами, проводимыми при заключении брака⁸. Особое внимание уделено росписи, центром композиции которой является фигура сидящей женщины⁹. Для понимания сцены, представленной на сосуде, авторы привели широкий круг аналогий. Они пришли к выводу, что «Сюжет картины, украшающей издаваемую кальпиду, очевидно, взят из жизни афинского гинекея <...> Очевидно, картина изображает один из афинских свадебных обрядов. Самая форма вазы и ее назначение <...> вполне подтверждают такое понимание картины»¹⁰.

Для датировки сосуда авторы разработали собственную классификацию «ваз керченского класса», разделив их на 11 стилистических групп¹¹. Это дало возможность поместить кальпиду в круг поздних vaz 330–300 гг. до н. э.¹² Большой интерес представляют и приложения к работе: «Совместные находки vaz с монетами», «Схема развития вазовых стилей от 450 до 290 гг. до Р. Х.», «Указатель vaz по группам» и подробный «Список кальпид и “эритрийских лутрофоров”» (с указанием источников и мест хранения). Несмотря на то обстоятельство, что за прошедшие с выхода книги десятилетия наши представления о хронологии античной краснофигурной керамики претерпели изменения, она не потеряла своего значения и может служить примером исследований такого рода.

О своей деятельности в предреволюционные годы С.С. Лукьянов написал в своей автобиографии следующее: «<...> был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре классической филологии (1914). С осени 14 г. преподавал в течение 4-х лет (до осени 1918 г.) в Петроградской 5-й гимназии. С осени уже 1914 г. читал лекции и вел занятия в Университете при Психоневрологическом Институте до момента слияния его с I Петроградским Университетом. Осенью 1915 г. вступил в число преподавателей Высших Женских курсов, где продолжал работу сначала в качестве преподавателя, потом — доцента и профессора¹³. <...> При слиянии трех Петроградских Университетов в Единый Петроградский Университет был избран профессором, но по некоторым принципиальным соображениям отказался от звания профессора и был, равным образом, включен в список преподавателей Университета. В конце 1918 г. был избран

⁷ Лукьянов С. С., Гриневиц Ю. П. Ук. соч. От авторов.

⁸ Там же. С. 13.

⁹ Там же. С. 19–24.

¹⁰ Там же. С. 29–30.

¹¹ Там же. С. 36–93.

¹² Там же. С. 97.

¹³ Стоит отметить также, что с 2.11.1916 до 11.04.1919 он состоял секретарем классического отделения РАО. См.: Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921. Исторический очерк. М., 2017. С. 87.

сотрудником Российской Археологической Комиссии¹⁴ и, незадолго до ее преобразования в РАИМК, был избран членом Комиссии¹⁵ в начале 1919 г. В качестве такового при преобразовании Комиссии вступил в число членов Академии, каковым и состоит по настоящее время. С января 1920 г. — избран Ученым секретарем»¹⁶.

Документы из личного дела С.С. Лукьянова свидетельствуют о его активном участии в реформировании РГАК. Сохранилось напечатанное на машинке приглашение от 9 марта 1919 г.:

«Милостивый Государь Сергей Сергеевич,
Председатель _____ Российской Государственной Археологической Комиссии¹⁷ свидетельствуя совершенное почтение (*пропуск для внесения ФИО. — М.В., В.Г.*) почтительнейше просит пожаловать на Чрезвычайное собрание Совета Комиссии, имеющее быть в понедельник 17 сего Марта в 10 ¼ час. утра в помещении Комиссии /Дворцовая наб. угол Зимней Кан., Дворец Искусств. Зимний, Археологический подъезд/.

Предмет занятий:

Доклад Комиссии о преобразовании Российской Государственной Археологической Комиссии в Академию Археологических Знаний»¹⁸.

Действительно, в то время возникали самые разные идеи о реформировании Археологической Комиссии. Проект организации на ее основе новой структуры, имевшей чисто научные задачи, разрабатывался уже с конца 1918 г.¹⁹

На обратной стороне листа сохранилось письмо Б.В. Фармаковского от 24 марта 1919 г.²⁰: «Совет Российской Государственной Археологической Комиссии в заседании 27 февраля сего года избрал Вас членом Комиссии по секции древностей Скифии.

Сообщая Вам о таковом избрании, прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Подпись: Б. Фармаковский».

13 июня 1919 г. С.С. Лукьянов получил Открытый лист № 867, дававший ему достаточно широкие полномочия: «Предъявитель сего, член Российской Государственной Археологической Комиссии, гражданин Сергей Сергеевич Лукьянов, командировается Российской Государственной Археологической Комиссией в различные местности Российской Социалистической Федеративной Советской Республики для составления списка древних могильников, собирания и регистрации остатков старины и искусства, а потому Археологическая Комиссия обращается

¹⁴ Имеется в виду Российская государственная археологическая комиссия (РГАК), преобразованная из Императорской археологической комиссии после Февральской революции 1917 г.

¹⁵ В личном деле хранится справка от 17 декабря 1957 г., где указано, что С.С. Лукьянов «был избран членом АК, впоследствии — РАИМК 27 февраля 1919 г.» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 383. Л. 10).

¹⁶ Там же. Л. 6–7.

¹⁷ Председателем РГАК тогда был Н.Я. Марр (*Платонова Н.И.* Николай Яковлевич Марр — председатель РАИМК/ГАИМК в 1919–1920 и 1923–1934 гг. // Академическая археология на берегах Невы / ред.-сост. Е.Н. Носов. СПб., 2013. С. 15–17).

¹⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 383. Л. 1 об.

¹⁹ *Мусин А.Е., Платонова Н.И.* Императорская археологическая комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы / науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. Т. 2. СПб., 2019. С. 1445–1446.

²⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 383. Л. 1.

ко всем учреждениям и лицам, к которым гражданину Лукьянову представится надобность соответственными просьбами, не отказывать ему в должном содействии.

Председатель Комиссии: Б. Фармаковский.

Правитель канцелярии: Б. Миллер»²¹.

В личном деле С.С. Лукьянова хранятся ответы на «вопросник», который заполняли сотрудники РАИМК при поступлении на службу. Своей специальностью он указал классическую филологию и указал, что в настоящее время состоит:

- «1) Членом Академии Истории Материальной культуры и ученым секретарем ее.
- 2) Преподавателем Петроградского Университета.
- 3) Преподавателем Института Истории Искусств.
- 4) Преподавателем Археологического Института
- 5) Членом Литературно-театрального Совета»²².

Судя по документам личного дела, научная деятельность и преподавательская работа С.С. Лукьянова в период его службы в Академии была успешной и разнообразной. Сохранился подробный «Отчет члена Академии С.С. Лукьянова (заведующего 4 разрядом 11 Отделения за время апрель-декабрь 1919 г.)»²³, который охватывает период в несколько месяцев, предшествующих образованию РАИМК.

«1. Работы выполнялись по Разряду Скифии и Сарматии.

С преобразованием Археологической Комиссии в Академию Истории Материальной Культуры я продолжал работы по разбору, описанию и регистрированию вещей, хранившихся в Комиссии в совершенно неразобранном виде и происходивших из раскопок Н.И. Веселовского. Одновременно мною разрабатывался план работ по приведению в систему всех археологических данных, освещающих вопрос о Скифии и Скифах. План этот вылился в форму составления в первую очередь «Собрания скифских и сарматских погребений на юге России», предложенной в качестве ближайшей задачи Разряда на рассмотрение и утверждение Отделения. После пополнения состава Разряда было немедленно приступлено под моим руководством к его осуществлению. Параллельно мною велись работы по составлению общего очерка южно-русских древностей, очерка по первоначальной мысли долженствовавшего представлять небольшой (от 3 листов) популярно-изложенный труд. Однако, вскоре стала выясняться желательность строго научного, подробно-го курса Истории Материальной культуры Юга России с доисторических времен до эпохи переселения народов. К концу отчетного периода мною были вчерне приготовлены главы, говорящие, после вступительной статьи, дающей характеристику отдельных периодов доисторического, протоисторического и исторического бытия Юга России, о палеолите и неолите на почве Южной России. При этом все явления истории материальной культуры нашего Юга рассматриваются не изолированно, а в связи с аналогичными явлениями Европы, Северной Африки и Передней Азии.

2 а-б. Вне плана работы по Разряду я занялся восстановлением горита из кургана Елизаветинской станицы (раск. Веселовского 1914 г.). Длительная работа над детальным изучением деревянных и бронзовых фрагментов горита привела к чрезвычайно любопытным результатам, фиксированным в двух рисунках

²¹ Там же. Л. 2.

²² Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 383. Л. 7.

²³ Там же. Л. 3–4.

(в нат. величину) М.В. Фармаковским, в описании горита и украшавшего его орнамента, подготовляемом мною к печати.

В разрешении ряда отдельных вопросов при реконструкции горита мне оказывал содействие научный сотрудник по Разряду А.И. Пиотровский.

3. Готовятся к печати — в ближайшем будущем: “Скифские курганы Елизаветинской станицы”, куда в идее отдельной главы войдет реконструкция, описание и художественно-исторический анализ упоминаемого в п. 2 настоящего отчета горита. В дальнейшем предполагаю приступить к изданию курса “Истории материальной культуры на юге России. Часть 1. Доскифский (иначе до-исторический) период”.

4. Мною читаны следующие курсы:

- а) Археология Южной России в Институте Истории Искусств.
- б) То же в Археологическом Институте.
- в) История греческой литературы во II Педагогическом Институте.
- г) История римской комедии в Университете.
- д) Плавта

Два последних курса пришлось вскоре прекратить из-за студенческой мобилизации. Та же судьба постигла и мои практические занятия в Университете, предполагавшиеся в связи с курсом по истории римской комедии.

5. Принимал участие в работах по организации Центрального театрального Музея и Литературно-Театрального Совета при Петроградских Государственных Драматических театрах.

Принимал участие в работах ряда временных Комиссий, работавших по организации отдельных сторон жизни Академии, и участвовал в разработке проекта Устава Академии и схемы ее Разрядов, и в работах временной Комиссии по изучению обряда погребения.

Состоял Секретарем II Отделения Академии».

В разделе «Научные труды» С.С. Лукьянов указал свои работы — как вышедшие из печати, так и готовящиеся к опубликованию²⁴.

«Напечатаны:

1. Олимпийский Зевс Фидия. Гермес
2. Rex Julia de civitate 664. ЖМНП
3. Керченская кальпида 1906 г. (в соавторстве с Ю.Л. Гриневичем).

Готовы к печати:

1. Античная комедия. Общий очерк.
2. Плавт. Исследование в области истории развития форм Новой Комедии.

Готовятся к печати:

1. Горит из скифского погребения бл. [близ. — М.В., В.Г.] Елизаветинской станицы Кубанской области».

20 апреля 1920 г. С.С. Лукьянов был избран председателем «Комиссии по изучению юга России», о чем свидетельствует выписка из протокола заседания: «По предложению А.А. Васильева произведены выборы кандидата на должность председателя Комиссии. В результате выборов, произведенных закрытой баллотировкой, кандидатом (большинством 13 голосов против 4) был намечен С.С. Лукьянов. Постановлено — в ближайшем заседании Совета доложить об образовании со-

²⁴ Там же. Л. 10.

гласно Уставу (II, 20, 3) Комиссии по изучению классического юга России и о назначении ее председателем С.С. Лукьянова»²⁵.

Кроме этих обязанностей, С.С. Лукьянов уделял много времени организации издательского дела РАИМК. Мы знаем об этом из любопытного документа — служебной записки, направленной в «авто-гужевой отдел» 25 мая 1920 г.²⁶

«В АВТО-ГУЖЕВОЙ ОТДЕЛ

Российская Академия Истории Материальной Культуры обращается в авто-Гужевой Отдел с ходатайством о выдаче Ученому Секретарю Академии Сергею Сергеевичу Лукьянову, проживающему по Знаменской ул. 13²⁷, велосипеда, в виду того, что по должности Ученого Секретаря Академии он ежедневно присутствует на нескольких заседаниях Академии и объединенных с нею учреждений, расположенных в различных районах Петрограда. Заседания большею частью оканчиваются после прекращения трамвайного движения; кроме того, принимая непосредственное участие в издательстве Академии, С. Лукьянов принужден следить за работами по печатанию изданий Академии в 12-й Государственной Типографии²⁸, работы в которой оканчиваются в 12 ч. ночи.

На основании вышеизложенного Академия убедительно ходатайствует о предоставлении С.С. Лукьянову возможности пользования велосипедом, что значительно сократит количество времени, употребляемого им на ходьбу, что, в свою очередь, не может не отразиться на ходе научной работы Академии, ближайшее руководство которой вверено Ученому Секретарю.

В случае невозможности предоставить С.С. ЛУКЪЯНОВУ велосипеда из числа машин, находящихся в распоряжении Авто-Гужевого Отдела, Академия ходатайствует о разрешении приобрести такой у частного лица.

Председатель Академии: Марр.

Управляющий делами: Миханкова».

К сожалению, мы не знаем, был ли получен или же приобретен велосипед, на котором С.С. Лукьянов мог бы совершать поездки в издательство и по другим делам. До оставления им Петрограда оставалось лишь несколько месяцев. В Научном архиве ИИМК хранится заявление от 4 сентября 1920 г., написанное от руки и направленное в Правление Академии Истории Материальной Культуры:

«Неожиданно открывшаяся возможность провести четыре месяца в южных городах России: Киеве, Харькове, Полтаве, Воронеже, Екатеринославе и др. в связи с поездкой моей жены с театром, позволит мне, сопровождающему труппу в качестве лектора и занятому лишь отдельными вечерами, посвящать значительную часть времени работам в области археологии, используя музейный материал, и собирая сведения как об отдельных средоточиях древностей, так и о положении археологических исследований в местных научных обществах и других организациях.

В виду изложенного имею честь просить Правление Академии о предоставлении мне командировки на время сентябрь-декабрь 1920 года в названные выше города южной России.

²⁵ Там же. Л. 11.

²⁶ Там же. Л. 12–12 об.

²⁷ Во время службы в Академии С.С. Лукьянов проживал по адресу: Знаменская ул. (сейчас — ул. Восстания), д. 13, кв. 28.

²⁸ Располагалась в д. 15 на Кабинетной ул. (ныне ул. Правды).

В это же время прошу мой отказ, заявленный в последнем Заседании Совета, от должности Ученого Секретаря считать окончательным.

На время моего отсутствия прошу утвердить заведующим Разрядом археологии Скифии и Сарматии ассистента К.В. Тревер, а председателем Комиссии по изучению Юга России моего заместителя в этой должности члена Академии Б.В. Фармаковского».

Внизу листа, справа, надпись: «Заслушано правлением Академии Истории Материальной культуры 4 окт. 1920 г.

Постановлено: разрешить отпуск по 1 янв. 1921 г.»²⁹.

Осенью 1920 г. С.С. Лукьянов уехал из Петрограда и на службу в РАИМК уже не вернулся. Вскоре он покинул Россию, переехав во Францию. В феврале 1921 г. Сергей Сергеевич присоединился к парижской группе «Смены веков» и скоро стал одним из ведущих идеологов этого сложного общественно-политического течения. В первом выпуске сборника «Смена веков»³⁰, вышедшем в Праге, он опубликовал статью «Революция и власть»³¹, где выразил свое понимание причин, характера и перспектив русской революции. Лукьянов считал революцию необходимым событием, а революционные изменения — давно назревшими. Самодержавие, с его точки зрения, не было способно справиться с насущными задачами, равно как и Временное правительство³². Автор отчетливо выразил свое отношение к новой власти в конце статьи: «Колоссальный рост государственного, национального, экономического и социального сознания народных масс в России за время революции — вот то неоспоримое и бесконечно ценное, что уже дала нам Великая Русская Революция, построившая в мучительном процессе своего творчества мощную социальную базу Новой России <...> Вот почему как бы проблематичны ни казались кому-нибудь положительные результаты Русской Революции, как бы ни были велики жертвы русского народа, именно во имя этих великих жертв и того, чтобы они не оказались напрасными, а положительные их результаты — потопленными в анархии, во имя пролитой русской крови — необходимо без предвзятости, с возможным хладнокровием вдуматься в великие русские события и честно протянуть руку помощи Родине, вынужденной историческими условиями искать своего спасения и возрождения такими путями, которые могут и не быть по душе целым категориям его граждан»³³.

Эта позиция не оставила равнодушной русскую эмиграцию: по поводу «Смены веков» немедленно разгорелись ожесточенные споры. Многие называли ее «делкой с дьяволом»³⁴. Между тем, Лукьянов продолжал публиковать статьи на общественно-

²⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 383. Л. 13–13 об.

³⁰ Сборник в 1922 г. был дважды переиздан в России. Отношение советской власти к движению и его участникам было двойственным: многое, например, идеи принятия революционного переворота как свершившегося, его исторической неизбежности, «примиренческая» позиция по отношению к новой власти и пр. некоторое время ей импонировали и воспринимались с симпатией.

³¹ Лукьянов С.С. Революция и власть // Смена веков. Прага, 1921. С. 72–90. Название сборника прямо указывало на принципиальное расхождение позиций его авторов с авторами сборника «Веки», появившегося в 1909 г. как попытка саморазоблачения и покаяния русской интеллигенции.

³² Цит. по: Лукьянов С.С. Революция и власть // Сменовеховство: pro et contra / ред.-сост. П.Н. Базанов. СПб., 2020. С. 69.

³³ Там же. С. 75–76.

³⁴ Базанов Н.П. Сменовеховство // Сменовеховство: pro et contra. С. 69

политические и другие темы³⁵. С 1922 г. он жил в Берлине, где был членом редколлегии и соредактором ежедневной газеты «Накануне»³⁶. Писатель Роман Гуль (1896–1986), который с июля 1923 года до июня 1924 года редактировал «Литературное приложение» к газете «Накануне», вспоминал: «Профессор Лукьянов — сын бывшего обер-прокурора Святейшего синода. Человек воспитанный, довольно молодой, среднего роста, лицо как лицо, ничего примечательного. <...> Легко писавший, образованный, владевший иностранными языками <...> он фактически стал “передовиком” газеты, писал об исторически неизбежном переходе большевистской диктатуры к формам “трудовой демократии”»³⁷. Появлялись его статьи и в сменовеховской прессе Советской России, в журнале «Новая Россия» И. Г. Лежнева.

В 1924 г. С.С. Лукьянов вернулся в столицу Франции, где преподавал литературу в «Русской парижской средней школе» и стал инициатором создания «Русского народного университета». Под его председательством в 1926 г. прошел диспут «Задачи эмиграции», а через год он стал редактором просоветского парижского журнала «Наш Союз». Видимо, своей деятельностью Лукьянов обратил на себя внимание властей, и когда вскрылось существование развитой советской разведсети, сотрудничавшей с Французской компартией³⁸, был депортирован из страны³⁹. Вернувшись на родину, он жил в Москве и работал главным редактором «Le Journal de Moscou» (1928–1935), представлявшего собой рассчитанный на французскую аудиторию политический и литературно-художественный еженедельник, рассказывающий о жизни в СССР⁴⁰.

5 августа 1935 г. С.С. Лукьянов был арестован НКВД по ложному доносу «за активное участие в контрреволюционной группе», признан виновным и отправлен на 5 лет в исправительно-трудовой лагерь УХТПЕЧАГ (Коми АССР), где работал счетоводом в стройконторе Управления посёлка Чибью (Ухта). В ходе отбытия срока наказания приговорен тройкой УНКВД по Архангельской области за «контрреволюционную агитацию и прославление фашистского режима» к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. по месту заключения.

Позже все обвинения были полностью сняты, и Сергей Сергеевич Лукьянов был посмертно реабилитирован. По второй судимости он был реабилитирован 15 ноября 1956 г., по первой — 17 августа 1957 г.⁴¹ Проработав в РАИМК сравнительно недолго, этот талантливый, деятельный и разносторонний человек оставил свой след и в академической науке.

³⁵ Список его работ см. в разделе «Комментарии» к кн. Сменовеховство: pro et contra. С. 648.

³⁶ Берлин, 26 марта 1922 — 15 июня 1924. № 1–651.

³⁷ Гуль Р.Б. Я унес Россию. Апология русской эмиграции. Т. I. М.-Берлин, 2019. С. 59.

³⁸ Хлобустов О. М. «Советский шпионаж в Европе и США. 1920–1950 годы» // Даллин Д. Советский шпионаж в Европе и США. 1920–1950 годы. М., 2017. С. 7 сл.

³⁹ 19 апреля 1928 г. об этом в статье «План Ворошилова» сообщила парижская газета «Фигаро» (№ 110). Там упоминалось, что по данным французской полиции профессор Сергей Лукьянов курировал работу советской военной разведки в Испании и Португалии.

⁴⁰ Квакин А.В. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках третьего пути. М., 2006. С. 110.

⁴¹ Эл. ресурс: [https://ru.openlist.wiki/Лукьянов Сергей Сергеевич](https://ru.openlist.wiki/Лукьянов_Сергей_Сергеевич) (дата обращения 19.11.2021).

Николай Яковлевич Марр (1864–1934)

Н.И. Платонова

Николай Яковлевич Марр¹ — выдающийся исследователь языков и культур народов Кавказа, видный археолог и одновременно — автор «нового учения о языке», имевшего весьма неоднозначные последствия для отечественной науки, — был сыном шотландца, нашедшего приют в Российской империи в первой половине XIX в., и грузинской крестьянки.

Джейкоб (или Джеймс) Патрик Монтегю Марр (ставший в России «Яковом Патрикиевичем»), по семейному преданию, приехал на Кавказ искать счастья в 1800-х гг. Поначалу он пытался заняться торговлей. Но все его попытки преуспеть терпели крах, пока британец не нашел себе патрона и покровителя в лице владетельного князя Мамия V Гуриели.

Мамия V присягнул на верность Александру I в 1810 г. Он стремился к европеизации Гурии, ставшей при нем автономным субъектом Российской империи². Около 1817 г. князь пожаловал Джейкобу Марру большой участок земли с крепостными крестьянами — в Даблацихе, близ Чохатаури, на берегу реки Супса. Земля была дана в безвозмездное пользование, с условием, что англичанин займется там культивированием индиго.

Джейкоб сделался своим человеком при дворе гурийского правителя и стал обучать заинтересованных молодых грузин профессии агронома. При этом, как истый британец, сам овладел местными наречиями ровно настолько, чтобы на смешанном русско-грузинском койне кое-как объясняться с челядью.

В Гурии в ту пору было неспокойно. В 1820 г. местная знать подняла восстание. Мамия Гуриели сохранил верность русскому императору, но уклонился от прямых боевых стычек со своими родственниками. Тяжело переживая последствия мятежа, молодой князь впал в депрессию и скончался в 1826 г.³ В ходе русско-турецкой кампании 1828–1829 гг. Гурия вновь стала ареной боевых действий, и уже напрямую была включена в состав империи.

¹ В качестве заставки использован фотопортрет Н.Я. Марра 1890 г. (ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.1067–5).

² Утверждение русского владычества на Кавказе / Белявский Н.Н., Потто В.А. (ред.). Т. II. Тифлис, 1902. С. 38–39.

³ Утверждение русского владычества на Кавказе... Т. III. Ч. 2. Тифлис, 1904.

Как отражались все эти бурные события на благосостоянии «Якова Патрикиевича», сказать трудно. Однако после смерти патрона усадьбу в Даблацихе он сохранил за собой и вполне успешно вел там хозяйство, разводя породистый скот и птицу. Новый этап в его жизни наступает с 1841 г., когда Джейкоб фактически передает имение сыну Иванэ, а сам переезжает в Кутаис. Там он устраивает новое опытное хозяйство, названное «Фермой», где начинает посадку и культивирование редких экзотических растений (магнолии крупноцветной, пробкового дуба и др.), а также проводит первые успешные опыты акклиматизации субтропических культур — чайных кустов, хлопка, цитрусовых.

В 1844 г. наместником императора на Кавказе становится генерал-губернатор Новороссии граф Михаил Семенович Воронцов. С этим связан высший взлет в карьере Джейкоба Марра. По инициативе графа ему было поручено руководство всей работой по развитию садоводства и сельского хозяйства в крае. «Признавая полезным, чтобы все сады и питомники в Имеретии и по соседству находились в главном заведывании одного сведущего и опытного лица, — писал Воронцов, — поручаю Вам инспекцию образцовых сельскохозяйственных заведений, плантаций как ныне существующих, так и вновь учрежденных. В надежде на то, что Вы окажете помощь в разведении, умножении и улучшении всякого рода растений: садовых, кормовых, древесных, плодовых, огородных, мануфактурных, красильных и проч. свойственных климату и почве земли упомянутой полосы...»⁴

Это официальное письмо не оставляет сомнений, что семейное предание о давнем знакомстве и деловых связях Джейкоба Марра с М.С. Воронцовым действительно не лишено оснований. Можно предположить, что и его деятельность в Кутаисе, поставленная с большим размахом, изначально финансировалась графом. У самого Джейкоба вряд ли хватило бы средств и на мизерную долю этого проекта. Произведенные работы снискали ему всеобщее уважение. Наместник умел выбирать людей: шотландец плодотворно работал, выполняя его поручения, и, что характерно, так и не составил себе в России крупного состояния. Видимо, отец Н.Я. Марра был очень честным человеком. На базе его «Фермы» впоследствии был организован Кутаисский ботанический сад.

Уже полностью отойдя от дел, будучи 80-летним вдовцом, Джейкоб Марр обвенчался вторым браком с юной гурийкой Агафьей Магулярия, простой деревенской девушкой. Плодом неравного союза, так и не признанного детьми Джейкоба от первого брака, и стал Нико, будущий академик Марр.

Молодая жена говорила только на гурийском диалекте. Ее домашнее образование, видимо, заключалось в умении рукодельничать. Таким образом, родители Николая Яковлевича в прямом смысле слова не имели общего языка. Общение мальчика с отцом в детстве оказалось сведено к минимуму. Нико исполнилось 8 лет, когда Джейкоб Марр скончался, но за все эти годы его так и не обучили ни одному языку, на котором они смогли бы беседовать. Сам он, как и мать, говорил в детстве только на гурийском диалекте (по собственному выражению: «на языке дворцовой челяди» князей Гуриели). Правда, однажды старик вздумал учить сына

⁴ Чхеидзе Т.Б. Грузинские агрономы. Цит. по: Ботанический сад Кутаиси [VI/20585] <https://geocaching.su/?pn=101&cid=20585> (дата обращения 15.11.2021).

Николай Марр с матерью. 1869 г.
(ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.1067-1).

французскому, но, видимо, при первых же затруднениях отказался от этой затеи. В другой раз, немного понаблюдав за игрой ребёнка, он громогласно изрёк: «Ничего дельного из твоих рук не выйдет...»⁵. Сын это запомнил.

По тонкому замечанию петербургского востоковеда Я.В. Василькова, «...Марр в детстве пережил в особо резкой форме то, что переживает ребёнок, выросший в смешанной семье европейца и “туземки” в условиях колониальной страны... Влияние отца было, хотя и косвенным, но очень сильным. Мальчик, видимо, воспринимал престарелого отца, как некое грозное, непонятное (даже на уровне речи) и могущественное, едва не сверхъестественное существо, с которым он тщетно старался наладить коммуникацию...»⁶

После смерти Якова Патрикиевича в 1874 г. его родня от первого брака оставила Агафью и ее сына совсем без средств⁷. Однако в кругах кутаисской интеллигенции и русской администрации хорошо помнили о былых заслугах Джейкоба перед городом. Исключительно в память об отце, маленького Нико (неимущего и абсолютно безграмотного!) приняли в Кутаисскую классическую гимназию на казённый счёт.

По впечатлениям людей, знавших Марра в раннем возрасте, это был молчаливый, угрюмый, вспыльчивый и очень одаренный подросток⁸. Способности его проявлялись разнообразно. Несмотря на то, что мальчик попал в гимназию совершенно не подготовленным, он очень быстро догнал товарищей по всем предметам. Учился блестяще, вдобавок был музыкален, играл на кларнете, писал стихи по-русски и по-грузински. Много занимался «изданием» школьной газеты на грузинском языке. Постоянно пел в церкви на клиросе, хотя случались у него и приступы богоборческих настроений — тогда иконы срывались со стен и летели на пол.

В старших классах Нико то уходил с головой в изучение европейских языков (так, что начисто забрасывал остальные занятия), то перескакивал на естественные науки, то заявлял, без всякого перехода, что будет специализироваться по древним языкам. Эти метания порой принимали болезненный характер. Будучи в седьмом

⁵ Марр Н.Я. Автобиография // Избранные работы (в дальн.: ИР). Т. 1. М., 1933–1935. С. 6.

⁶ Васильков Я.В. Трагедия академика Марра // Христианский Восток. Т. 2. СПб., 2001. С. 397–398.

⁷ Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л., 1949. С. 6–9.

⁸ Нанашидзе Е. Воспоминания о Н.Я. Марре // ПИДО. 1935. Вып. 3–4. С. 185–186.

классе едва ли не первым учеником, Марр вдруг потребовал оставить его на второй год — чтобы получше изучить греческий! Потом он, напротив, возгорелся желанием сдавать на аттестат зрелости годом раньше, чем положено... Гимназическое начальство сносило эти фокусы стоически. Когда мальчик в конце концов сорвался и уехал из города, объявив, что сделается телеграфистом, ему выслали документы и деньги, дав тем самым возможность одуматься и вернуться к нормальным занятиям.

«Мой необузданный характер доставлял много неприятностей хорошо относившимся ко мне учителям, — вспоминал впоследствии Н.Я. Марр. — За каждую мою выходку меня могли бы вышвырнуть из гимназии с волчьим паспортом, но мне всё это прощалось...»⁹ Тем не менее, в 1882–1883 гг. вопрос о психическом здоровье дважды вставал ребром, и Нико отсылали в деревню, к матери и отчиму. «Несчастный молодой человек находится в сильнейшей степени психического расстройства...» — писал директор гимназии попечителю учебного округа в середине 1882 г. Но когда в очередной раз выяснялось, что «ученик Марр от болезни получил облегчение»¹⁰, его сразу принимали обратно. В сентябре 1883 г. окрепший Нико в очередной раз вернулся в Кутаис — теперь уже для того, чтобы триумфально, с золотой медалью окончить гимназию.

Под конец он огоршил и преподавателей, и друзей своим решением поступать на восточный факультет и изучать там *родной язык*. Последнее, по общему мнению, не сулило никакой карьеры, кроме незавидной доли сельского учителя в Грузии. Однако Нико был твёрд. В университет, на факультет восточных языков, он был принят через год, когда для него, как для золотого медалиста, удалось выхлопотать стипендию, гарантирующую бесплатное обучение. Собственных средств на продолжение учебы у юноши по-прежнему не было.

Решение стать грузиноведом поначалу подогревалось соображениями, очень далёкими от грузинской филологии. В Петербург в 1884 г. приехал учиться юный грузинский националист, переполненный до краёв смутными обидами: на судьбу; на российское правительство; на собственную родню; на грузин, равнодушных к своему языку и истории; на лингвистов, посмеявших считать грузинский язык изолятом, и т. д.

Все эти обиды имели в основе детскую травму. В детстве Нико, конечно, наслушался рассказов старой челяди князей Гуриели — о былых временах, о золотой независимости грузинской знати, выбиравшей себе патронов то в Персии, то в Османской империи, то в России, о суровом подавлении генералом А.П. Ермоловым гурийского восстания 1820 г. В результате «...уязвлённость недостатком отцовской любви совпала с уязвлённостью национального чувства, и всё это навсегда переплелось с проблемой языковых различий, языковых барьеров между людьми. Так, надо думать, и сформировался импульс, который воздействовал на Н.Я. Марра на протяжении всей жизни...»¹¹

Только-только успев стать студентом, юный Марр дал клятву «не слагать оружия, пока не освободит родную Грузию от оков» (sic! — Н.П.). Однако в столице

⁹ Марр Н.Я. Автобиография... С. 7.

¹⁰ Беридзе В. Детство и гимназические годы Н.Я. Марра // ПИДО. 1935. Вып. 3–4. С. 138–140.

¹¹ Васильков Я.В. Трагедия академика Марра... С. 398.

подобные настроения продержались у него недолго. В зрелые годы Н.Я. Марр уже с гордостью называл себя *русским и петербургским учёным*¹², а прежние стремления были вытеснены одним — стремлением служить науке.

Пребывание в университете оказало на юношу очень сильное, формирующее влияние. Силы, бившие через край, получили, наконец, достойное приложение; неустойчивая психика обрела надёжный ориентир. Такими ориентиром стала для него идея о высокой миссии учёного-востоковеда и глубокая преданность своей научной корпорации. Николай Яковлевич всю жизнь любил свою родную Гурию, живо интересовался делами земляков, но всё его научное творчество представляло собой страстное отрицание всякого национализма — и «своего», и чужого.

Конечно, бешеный темперамент никуда не делся. Для окружающих Николай Яковлевич был тем светилом, которое согревает, но в любой миг может обжечь. Тем не менее, коллеги, тесно связанные с ним по службе и совместной работе, как правило, любили его, несмотря на ощутимые неудобства, причиняемые этим «вечным гейзером, ... вулканом, действовавшим в едином огне и сотрясавшим всё вокруг»¹³.

Когда мы говорим, что Марра-учёного воспитал университет, это звучит несколько отвлечённо. В действительности, когда он впервые появился в Петербурге, его главным «университетом» стал барон Виктор Романович Розен, которому едва исполнилось 35 лет. Внешне они казались антиподами. Наставник молодого востоковеда был невозмутим, сероглаз, словоохотлив и полон мягкого юмора. Неизменное благодушие, неизменная готовность поделиться своими мыслями, неизменный портфель с книгами в руке... Таким он запомнился его сверстнику и коллеге по факультету восточных языков Н.И. Веселовскому¹⁴.

За внешней мягкостью, тактом и деликатностью В.Р. Розена скрывалась большая внутренняя сила, что, собственно, и сделало его основоположником русского комплексного востоковедения. Один из великих арабистов рубежа XIX–XX вв., Виктор Романович сумел внести вклад и в иранистику, и в византистику, и в разработку истории Восточной Европы (комментарии к «Записке» Ибн-Фадлана). Тонкий источниковед, он доходил в анализе конкретного факта до ювелирного уровня. В то же время, вводя в отечественную ориенталистику подходы новейшей нефилологической школы и будучи сам мастером синтеза, Розен учил молодых востоковедов *методологии* исследования.

В результате его учениками числили себя арабист Н.А. Медников и иранист В.А. Жуковский, семитолог П.К. Коковцов и индолог С.Ф. Ольденбург, кавказовед Н.Я. Марр и исламист В.В. Бартольд, византист А.А. Васильев и испанист Д.К. Петров... Позднее к «созвездию» добавится самый младший — тоже арабист — И.Ю. Крачковский... Этот список неполон, здесь только самые яркие имена¹⁵.

¹² Марр Н.Я. Памяти В.Р. Розена. СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 942. Л. 3–4.

¹³ Алексеев В.М. Николай Яковлевич Марр. К характеристике учёного и университетского деятеля // ПИДО. 1935. Вып. 3–4. С. 67–68.

¹⁴ Веселовский Н.И. Барон В.Р. Розен (21 февраля 1849 — 10 января 1908). СПб., 1908. С. 3.

¹⁵ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики // Сочинения. Т. 5. М.; Л., 1958. С. 98–105; Якубовский А.Ю. Виктор Романович Розен как историк // Памяти академика В.Р. Розена. Статьи и материалы к 40-летию со дня его смерти (1908–1948). М.; Л., 1947. С. 19–44.

Молодой Н.Я. Марр, сгоряча записавшийся на первом курсе сразу на четыре разряда, начал заниматься у барона арабским языком и, конечно, немедленно подпал под его влияние. Успехи студента в изучении арабского языка и литературы оказались весьма велики. Об этом говорит уже то, что незадолго до выпуска, видя его отвратительные отношения с непосредственным руководителем — профессором грузинской словесности А.А. Цагарели, В.Р. Розен предлагал Н.Я. Марру остаться при своей кафедре и писать магистерскую диссертацию по арабистике, но тот не захотел оставить Кавказ.

О стиле взаимоотношений Виктора Романовича с учениками сохранилось немало колоритных воспоминаний. Характерно: ни один из молодых востоковедов, удостоенных чести быть приближенными к барону, за все годы общения ни разу не бывал с ним в ссоре. А, собственно, почему? Трудных характеров среди будущих научных светил было предостаточно. Не было поводов для недоразумений? Нет, поводы нашлись бы всегда. Так, на втором курсе Николай Яковлевич впервые поделился с Розеном своими догадками о родстве грузинского языка с арабским (а шире — с семитической языковой семьёй) и тут же получил суровый отпор, которым был потрясён и обескуражен. Выяснение природы грузинского языка дотоле казалось ему главной целью всех его занятий. Собственно, об этом Н.Я. Марр и мечтал, отправляясь в Петербург, — поставить родной язык в один ряд с «культурными»! Он знал, что Виктор Романович всегда внимателен к чужому мнению и признаёт полезность даже спорных гипотез, способных пробудить мысль. И вместо понимания — такой афронт!.. Барон высказался категорически против его дальнейших занятий лингвистикой.

Скоропалительные догадки Н.Я. Марра о родстве грузинского с семитическими показались В.Р. Розену дилетантскими. Чтобы изжить этот недостаток, требовалась подготовка в области сравнительного языкознания, которую факультет восточных языков не давал. Здесь преобладало изучение литератур и истории Востока, практическое обучение языкам, навыкам чтения документов и т. д. Что ж, посылать студента параллельно на историко-филологический?.. Это сильно «утяжелило» бы программу, увело бы его в сторону от уже избранной области. Да и зачем?.. То, что этот беспокойный грузин — филолог Божьей милостью, было ясно и так. Вот и будет филологом! О лингвистике надо забыть... Николай Яковлевич сполна ощутил тяжесть мягкой, но, несомненно, львиной лапы своего учителя.

Памятуя «вулканический» темперамент Марра, трудно даже поверить, что дело обошлось без скандала. Ведь речь шла о его давней *idea fix*!.. Но скандала не последовало, и всё ограничилось *словом*, данным В.Р. Розену при выпуске из университета, что говорит о серьёзности переживаемой коллизии. Обычно Виктору Романовичу хватало лёгкого намёка. Стоило ему (в безусловно деликатной форме!) выразить кому-то своё неодобрение, будущие академики слушались немедленно и без всяких обид.

«Требовательный к себе и другим, строгий без лицепрятия ... критик, — вспоминал о нём А.Э. Шмидт, — Виктор Романович неотразимо привлекал к себе всех тех, кто умел правильно расценивать его прямоту и откровенность...» Он незаметно, но достаточно быстро приручал к себе любого «провинциального дичка»,

из которого хотел воспитать учёного, умел тактично и мягко войти во все мелочи личной жизни ученика (чтобы потом не менее деликатно помогать и словом, и делом)¹⁶. В прокуренном насквозь кабинете В.Р. Розена молодые люди засиживались допоздна, внимая хозяину, который, в своём неизменном кресле-качалке, с неизменной папиросой-самокруткой, вёл с ними неторопливые беседы «обо всём», исподволь расширяя их научные горизонты...

Николаю Яковлевичу, как и остальным, общение и дружба с учителем были дороже всех благ земных и небесных. Отсюда данное ему слово «воздерживаться» от публикаций по грузинскому языку как минимум до защиты докторской диссертации. С высоты нашего времени проще всего оценить положительно и *veto* на занятия Н.Я. Марра языкознанием, и долгие годы его «воздержания». Этот период оказался для Николая Яковлевича весьма плодотворным, как для филолога и историка культуры. Но барон явно недооценил сказочное упрямство своего ученика, если надеялся, что к моменту защиты докторской тот забудет о лингвистике!

Вплоть до начала 1900-х гг. Марр занимался вопросами языка «в научном подполье». Неизданным статьям, которые он укладывал в стол, давались эпитафии типа: «хорошо смеётся тот, кто смеётся последним!» Так прошла его молодость, и, увы, чем выше поднимался авторитет Марра-кавказоведа, тем менее он был способен относиться критически к собственным изысканиям в области кавказского языкознания. К моменту защиты докторской диссертации время хоть как-то *учить* лингвистике оказалось упущено окончательно.

Впрочем, было бы глупо винить в этом В.Р. Розена. Он сделал всё, чтобы уберечь своего ученика от крупнейшей ошибки, и, несомненно, преуспел бы, будь на его месте кто-то другой. Известно, что недостатки нередко служат продолжением достоинств. Так было и с Н.Я. Марром. Его невероятное упорство, его феноменальное трудолюбие, его страстная заинтересованность проблемой в сочетании с большим самомнением впоследствии сыграли с ним злую шутку. Пожалуй, стоит констатировать и другое: Марр *органически не понимал и не принимал* нормальной логики рассуждений лингвиста-компаративиста. Это сказалось уже в ранний период его деятельности, в ходе полемики с арменистами — А.И. Томсоном в России, Г.И. Гюбшманом в Германии¹⁷. К лингвистическим фактам он неизменно подходил

¹⁶ Н.Я. Марр описывает случай, как, слушая лекции в Страсбурге, он не имел необходимого пособия и был вынужден постоянно одалживать у малознакомых товарищей. Лишних 40 рублей у него не вошло, купить собственный экземпляр книги было не на что. В письме Розену он мимоходом об этом упомянул. С ближайшей же почтой ему пришли деньги и письмо с просьбой Виктора Романовича непременно приобрести указанную книгу *для его библиотеки*, а до возвращения в Петербург спокойно пользоваться ею. «Характерно то, — добавляет Н.Я., — что по возвращении барон В.Р. Розен книгу принял с видом, точно она, действительно, нужна была для его библиотеки, не желая показать, что книга была куплена исключительно для моего пользования, но в то же время её переуступил одному из коллег, о чём я узнал лишь впоследствии...» (Марр Н.Я. Барон В.Р. Розен и христианский Восток // ЗВОРАО (Приложение). 1909. Т. 18. С. 29). Точно такой же случай имел место и с другим учеником Виктора Романовича — А.Э. Шмидтом, который на склоне лет написал об учителе воспоминания, полные благоговейной нежности (Шмидт А.Э. Памяти незабвенного учителя // Памяти академика В.Р. Розена... С. 11–17).

¹⁷ Ашин Ф.Д. Примечание [о Н.Я. Марре и его полемике с лингвистами] // Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988. С. 196–200.

от фактов истории культуры, некритически перенося на этот материал то, что было установлено (или только казалось ему установленным!) по другим источникам. Затем вольно или невольно начиналась подгонка одних данных под другие. Таким образом, даже научный принцип, составлявший одну из самых сильных сторон Марра-учёного — стремление к комплексному охвату материала, — фатально работал тут против него.

В других областях этот принцип, воспринятый Николаем Яковлевичем от В.Р. Розена, вполне себя оправдывал. Идя по пути, проложенному бароном, Н.Я. Марр широко применял при анализе средневековой литературы сравнительный метод, приёмы, разработанные А.Н. Веселовским и нефилологами. Свои рассуждения он старался подкреплять реконструкцией всей исторической обстановки, в которой создавался памятник. Для этого привлекались как письменные, так и «вещественные» источники — эпиграфический материал, данные археологии, изобразительного искусства и т. д. «Будущие историки... не поймут ни специфики работ Н.Я. Марра и В.В. Бартольда, ни фундаментальности их фактического материала, если не учтут, чем эти два крупнейших учёных XX столетия... обязаны их учителю...»¹⁸ — скажет А.Ю. Якубовский через 30 лет после смерти В.Р. Розена. Действительно, всё творчество Марра — за исключением лингвистической его составляющей — вырастает из розеновских идей и подходов.

Именно Розен на примере Арабского халифата прямо указывал на сложный, текучий, многоплановый характер культурного процесса в раннем Средневековье, на смешанный характер культур, на бесплодность поисков для них какого-то единого «этнического определения» и единого корня. Впоследствии Н.Я. Марр скажет, что для его учителя был характерен «первенствующий интерес к узлам культурного общения различных народов». В творчестве В.Р. Розена ясно ощущалось и другое — глубокое, неподдельное уважение и любовь к Востоку. Последнее не могло не импонировать неистовому грузину — его ученику. Представления барона о генезисе и развитии культур шаг за шагом открывали для молодого востоковеда новые горизонты.

Позднее на материалах собственных археологических раскопок Н.Я. Марр констатировал смешанный армяно-исламский характер городской культуры Ани (древней столицы армянских Багратидов), равно как и экономический расцвет этого города уже после падения армянской династии, в период мусульманского владычества. Всё это плохо согласовывалось с националистическими взглядами на историю культуры и вызывало яростные нападки на учёного в среде кавказской интеллигенции.

Как-то раз, уже после смерти учителя, Н.Я. Марр однажды написал С.Ф. Ольденбургу: «Я совершенно разбит нравственно недостойной кампанией, ведомой против меня в армянском обществе. Когда грузины порочили и клеветали, я ещё понимаю: они могли думать, что у меня и в научных изысканиях должна быть грузинская психология... Но почему и у армян претензия требовать у меня националистической программы и настроения, я никак не могу понять. Оказывается, что я “Ани отнимаю у армян и передаю русским...”»¹⁹.

¹⁸ Якубовский А.Ю. Виктор Романович Розен как историк...

¹⁹ Цит. по: Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр... С. 80, 150.

Н.Я. Марр. 1888 г.
(ФО НА ИИМК РАН.
Отп. О.1067-4)

Эмоциональный контакт, возникший в юности между Н.Я. Марром и учителем, привёл к тому, что из школы барона недавний бунтарь вышел убеждённым «государственником», умеренно либеральным, но далёким от сиюминутной политической суеты. «Виктор Романович был убеждённый и горячий русский патриот, — прочувствованно написал о нем Н.И. Веселовский. — Он пламенно желал величия и блага своему Отечеству...»²⁰ В результате политическая благонадёжность Н.Я. Марра в 1910-х гг. настолько не подлежала сомнению, что даже ярый реакционер министр просвещения Л.А. Кассо спокойно утвердил его на посту декана факультета²¹. Мальчишка, когда-то на родине топтавший ногами иконы, стал в Петербурге старостой грузинской церковной общины²². Клятва «не слагать оружия» за Грузию всю жизнь вспоминалась ему как анекдот. Об этом можно судить по иронической интонации, с которой Николай Яковлевич описывал этот эпизод незадолго до своей смерти²³.

В дальнейшем биографы Марра удивлялись такому преображению. В 1930–1940-х гг. его стыдливо замалчивали, скрывая, что «академик-коммунист» и «вечный революционер» был до 1917 г. самым благонамеренным членом общества. В конце XX в. всё это, напротив, было выставлено на обозрение, и многие увидели тут свидетельством то ли неискренности, то ли карьеризма Марра. Однако это не так. Его позиция определилась под влиянием В.Р. Розена, который для своих учеников был идеалом, человеком без недостатков. Тем сильнее сказывалось его влияние на юношу, так ни разу в жизни и не сумевшего поговорить с собственным отцом.

В 1888 г. Н.Я. Марр, студент-старшекурсник, оказался в полном смысле слова на распутье. Избранная им специализация по грузинской филологии с необходимостью заставляла его «искать руководительства» у единственного профессора-грузиноведа на факультете — А.А. Цагарели.

²⁰ Веселовский Н.И. Барон В.Р. Розен... С. 22.

²¹ Проф. В.А. Жуковский ушёл с поста декана факультета восточных языков по выслуге лет, однако по чистой случайности это пришлось на конец 1911 г., когда студенты без конца объявляли политические забастовки, а журналы заседаний Совета университета напоминали донесения из осаждённой крепости. Исполнять обязанности декана факультет поручил Н.Я. Марру (окончательное утверждение его кандидатуры состоялось позднее, когда страсти уже улеглись). Об отношении ученого к студенческим беспорядкам можно судить по тому, что он был солидарен с мнением ректора Д.Д. Гримма, заявившего: «...Эта психология студенческой массы ... является отражением общей нашей некультурности, слабого развития чувства законности и чувства личной ответственности за свои действия... Это та психология произвола и насилия, неуважения к чужому праву и к свободе чужого мнения, которой полна вся наша... жизнь. Студенты в этом отношении лишь дети своих родителей...» (Протоколы Совета С.-Петербургского университета за 1911 г. СПб., 1913. С. 15).

²² Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. С. 21.

²³ Марр Н.Я. Автобиография... С. 9.

Александр Антонович, безусловно, имел перед наукой определенные заслуги. В отличие от Марра, он был хорошо образованным лингвистом. В своё время он учился в Мюнхенском и Тюбингенском университетах и прослушал там курс сравнительной грамматики индоевропейских языков. По возвращении в Петербург он выступил с диссертацией, представлявшей собой сравнительный обзор морфологии иберийской группы кавказских языков. Его докторская, защищённая в 1880 г., называлась «Мингрельские этюды» и включала первый в истории опыт изучения фонетики мингрельского языка, а также мингрельские тексты с переводом и комментариями. Ценность этого труда Александра Антоновича признавал и сам Н.Я. Марр, вообще органически не выносивший профессора²⁴.

Однако уровень А.А. Цагарели, как филолога, был невысок. С его каталогами часто оказывалось невозможно работать, столько в них было путаницы; его издания литературных памятников содержали чересчур много погрешностей. В 1902 г., продолжая работу по разбору грузинских рукописей Синайского монастыря, уже начатую до него Александром Антоновичем, Н.Я. Марр вынужден был, страшно ругаясь и выходя из себя, абсолютно всё делать заново. Византинист А.А. Васильев писал тогда в Петербург В.Р. Розену: «Наши грузиноведы нашли много дела здесь. Я, к сожалению, ничего в грузинском не понимаю, но чувствую, что ужасно достаётся Цагарели...»

На факультете восточных языков А.А. Цагарели преподавал грузинский и, похоже, очень хотел, чтобы имя его в ряду исследователей этого языка стояло не ниже, чем имя его учителя Ф. Мюллера. Он был достаточно тщеславен и обидчив. Протоколы заседаний факультета полны его жалоб на коллег. Вероятно, это был несимпатичный человек — очень амбициозный и злопамятный. Как раз в последнем они с Марром оказались друг другу под стать, но у Цагарели не было ни таланта его ученика, ни страстной увлечённости наукой.

В 1888 г. в грузинской газете «Иверия» была помещена обзорная заметка о недавнем съезде ориенталистов, прошедшем в Вене. В ней говорилось: «Учёные до сих пор не могут прийти к определённому решению относительно грузинского языка, они не в состоянии решить, к какой группе языков он должен быть отнесён. Бопп в 20-х годах причислял его к индоевропейской семье языков, Макс Мюллер и Фридрих Мюллер — к семитической... — и почти на этом остановилась мысль европейских учёных. Иное предположение было высказано проф. А. Цагарели: по его мнению, грузинский язык принадлежит к особой, самостоятельной группе языков, относительно которой... наука пока не располагает необходимыми сведениями...»²⁵ Прочитав всё это, Марр взвился.

Его, его собственную идею о родстве грузинского с семитическими, ту самую, за которую он получил такую головомойку от Розена, приписывают немецким профессорам!.. Цагарели поставлен в один ряд с крупнейшими лингвистами Европы!.. Разумеется, в основе лежала обычная репортёрская безграмотность, и на такую заметку, помещённую в провинциальной периодической печати, можно было попросту не реагировать. Так поступил бы всякий, но только не Марр. Втайне

²⁴ Цагарели Александр Антонович // Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета. СПб., 1896. С. 317–319.

²⁵ Цит по: *Марр Н.Я. Автобиография...* С. 14.

от Виктора Романовича он пишет ехидный ответ и отправляет его в ту же газету. В ответе, в частности, говорилось:

«Взгляд проф. Цагарели по данному вопросу не заключает в себе ничего оригинального: мысль о принадлежности грузинского к ... самостоятельной группе языков принадлежит ещё Клапроту, её в 60-х годах развивал Фридрих Мюллер, пользуясь теми же доводами, какими в 70-х годах проф. Цагарели... Естественно поэтому, что и выводы обоих уважаемых профессоров оказались вполне тождественными...

Мысль о родстве грузинского с семитическими в науке высказывалась и раньше, но вскользь и без ... попытки обосновать её... Первая подобная попытка оказалась не безрезультатной. *Ещё 3 года назад я напал на след, чтобы вскрыть характерные особенности грузинского языка. По ознакомлению с арабским языком я окончательно убедился, что у нашего языка много родственных черт с семитическими* (курсив мой. — Н.П.). Придя к таким выводам, я немедленно приступил к изучению еврейского и сирийского языков. С тех пор с каждым днём всё более ... накапливается у меня материал...»²⁶

Вероятно, при первой же встрече с В.Р. Розеном Марру дорого встали и его самоуверенность, и «окончательная убеждённость» в своей правоте. Вот тогда-то и пришлось ему *поклониться*, что до самой защиты докторской он ни словом более не обмолвится в печати ни о грузинском языке, ни о его природе!.. Однако сделанного не воротишь! Отношения с А.А. Цагарели, и без того не блестящие, были испорчены окончательно. Профессору не понравились претензии студента. К тому же его страшно задело упоминание о его собственной зависимости от взглядов Ф. Мюллера.

Темой студенческой медальной работы Н.Я. Марра стал «Историко-литературный обзор грузинских повестей, написанных в прозе в XI и XII вв.» Основу работы составляли идеи А.Н. Веселовского, разделявшиеся и В.Р. Розеном. Главный упор в ней делался на выявление культурно-исторических связей Грузии с внешним миром, в первую очередь с Персией. В конечном счёте Н.Я. Марр приходил к заключению, что после переработки заимствованных сюжетов на грузинской почве они начинали восприниматься как родные, сплетаясь в народном сознании с собственно грузинскими легендами.

А.А. Цагарели не соглашался с основными положениями работы и даже попытался её деквалифицировать. Но тут уж вмешался Розен, мнение которого имело на факультете большой вес, и Александр Антонович сдался²⁷. В результате дипломное сочинение было удостоено серебряной медали. Однако стало ясно, что дальнейшее сотрудничество с Цагарели будет затруднительным. Действительно, интриги Александра Антоновича против Н.Я. Марра продолжались ещё много лет, и, хотя факультет «оставлял без внимания» его выпады, всё же они сильно потрепали нервы и самому Марру, и его вечному заступнику — Розену.

Вероятно, в 1888 г. выход нашёл именно Виктор Романович. Скорее всего, по его просьбе, второй профессор разряда армяно-грузинской филологии, арменист

²⁶ Марр Н.Я. Природа и особенности грузинского языка // Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 1. Л., 1933. С. 15.

²⁷ Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр... С. 33.

К.П. Патканов неожиданно предложил Марру остаться при кафедре и специализироваться по арменистике. Профессор сделал это предложение буквально на краю могилы. Через несколько месяцев он скончался, не успев даже принять у Н.Я. Марра магистерского экзамена.

Керопэ Петрович Патканов был прекрасным человеком. Его судьба лишь ненадолго пересеклась с судьбой Н.Я. Марра, однако в решающий миг оказала на неё заметное влияние. Это был разночинец, вышедший в люди благодаря стипендиям, которые назначались бедным, но способным ученикам. В отрочестве судьба обходилась с ним жёстко, но он ни в коей мере не утратил ни весёлости, ни доброжелательности к людям. Это был поэт, счастливый характер, и сколько бы жизнь ни строила ему гримасы, в конце концов ей всё равно приходилось ему улыбнуться²⁸.

В дебри сравнительного языкознания Керопэ Петрович не вдавался. Вообще он немного скептически относился к европейским разработкам по арменистике, и в этом они с Н.Я. Марром, похоже, сходились. Зато он хорошо отдавал себе отчёт в значении данных живого языка и диалектов в филологическом исследовании. Именно он первым обратил внимание лингвистов, что письменный армянский язык (востаник) лишь случайно получил преобладающее значение, и подчеркивал, что без знания диалектов вообще нельзя судить о языке армян²⁹.

Вот этот человек, четыре года учивший Марра в университете армянской истории, языку и словесности, и предложил ему остаться при разряде армяно-грузинской филологии для приготовления к профессорскому званию. Это был смелый поступок, поскольку армянская диаспора Петербурга была страшно недовольна таким решением³⁰. Семь лет спустя Николай Яковлевич посвятил своему покойному учителю прочувствованную статью, упомянув, что он, «безусловно, был чужд всяких национальных предрассудков»³¹.

В 1890 г., проведя всё лето в библиотеках Эчмиадзина и Севана, а также осмотрев армянские древности Ширака, Николай Яковлевич явился в Петербург держать магистерские экзамены. Работа в армянских древлехранилищах велась им запойно, с обычным марровским неистовством, без отдыха, но при этом методично, чётко и на удивление результативно. То был поиск и разбор рукописей притч и басен, бесконечное их сличение, списывание вариантов... А вариантов оказывалось много! Всевозможными ухищрениями Николай Яковлевич добивался разрешения брать рукописи на дом, и тогда получал «счастливую» возможность просиживать над ними по 15 часов в сутки. О ходе работы шли подробные донесения Розену. Оценивая их, начинаешь лучше понимать, за что Виктор Романович любил этого сумасшедшего грузина — своего ученика, за что он так много ему прощал...

А в Петербурге всё началось сначала. А.А. Цагарели, теперь уже единственный профессор на кафедре армяно-грузинской словесности, письменно заявил о своём отказе экзаменовать Марра. Однако факультет постановил: письмо профессора

²⁸ Веселовский Н.И. Керопэ Петрович Патканов (1833–1889) // ЗВОРАО. 1890. Т. 5. С. 243–264.

²⁹ Марр Н.Я. Патканов Керопэ Петрович // Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета. С. 90–97.

³⁰ В дальнейшем депутация богатых армян специально явилась в Министерство народного просвещения с просьбой «не приглашать на армянскую кафедру не армянина».

³¹ Марр Н.Я. Ук.соч. С. 94.

Цагарели оставить без последствий. Потом Александр Антонович хлопотал в министерстве, чтобы магистерские испытания, проведённые без него, были признаны недействительными. Однако и тут он не добился успеха. Летом В.Р. Розен написал Марру на Кавказ:

«Я сегодня совершенно случайно (sic! — Н.П.) попал к Аничкову³² в департамент народного просвещения. Он сам стал расспрашивать о Вас, Вашем деле, экзамене и пр. и в конце концов уверил меня, что Вы будете утверждены ... Можно быть уверенным, что так и будет и, вероятно, в самом непродолжительном времени ... Но это не так существенно, как уверенность, что самое утверждение состоится и что, иншалла, уже никаких других интриг и инцидентов не будет, с чем Вас и поздравляю от всей души...»³³ И действительно, в сентябре 1891 г. Н.Я. Марр был, наконец, утверждён приват-доцентом Санкт-Петербургского Императорского университета³⁴.

В дальнейшем тесная связь с университетом не прерывалась до самого конца его жизни. Марр принадлежал к тому типу учёных, которые органически не могут обходиться без учеников. Ему был необходим постоянный обмен мыслями со студентами. Собственное научное творчество шло интенсивнее всего в процессе такого обмена.

«...Каждая новая мысль приобретала для него ценность лишь после того, как он ею поделился, — вспоминал о своём учителе академик И.А. Орбели. — Трудно представить себе, какое раздражение, вернее, какой гнев вызвала в нём переданная ему через меня его тогдашними учениками просьба не прекращать преподавания в связи с избранием его в адъюнкты Академии наук в 1909 году! Он был возмущён до готовности отречься от своих учеников, если они способны допустить мысль, что исследовательская работа может развиваться без постоянного общения с аудиторией, без возможности видеть вокруг себя растущих исследователей. Он видел в этой просьбе признак того, что ученики не научились самому главному — творить в единении с коллективом...»³⁵

Это высказывание И.А. Орбели характеризует Н.Я. Марра в период расцвета его таланта, когда он в полном смысле слова находился на вершине заслуженного успеха. Его капитальные труды в области армянской и грузинской филологии оценивались коллегами очень высоко. Уже магистерская диссертация (1899 г.), имевшая скромный подзаголовок «Материалы для истории средневековой армянской литературы», представляла собой обширное исследование, по сути, заключавшее в себе очерк истории культуры средневековой Армении. «Вероятно, ни один из живущих ныне учёных, кроме Марра, не мог бы справиться с такой задачей», — отмечал в рецензии на неё зарубежный арменист Конибир. Другой

³² Аничков Николай Милиевич (1844–1916) в 1890 г. являлся директором департамента в Министерстве народного просвещения.

³³ Цит. по: Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр... С. 43.

³⁴ Вскоре после этого Н.Я. Марр женился на Александре Алексеевне Жуковской (1864–1940), сестре востоковеда-ираниста В.И. Жуковского (1858–1918). В этом браке родились четверо детей, при этом двое умерли во младенчестве. Два других — это Юрий (1893–1935), ставший востоковедом, и Владимир (1900–1921), умерший от тифа в Красной армии. Младшая сестра их матери, Мария (1868–1928), вышла замуж за В.В. Бартольда.

³⁵ Орбели И.А. У гроба Николая Яковлевича Марра // ПИДО. Вып. 3–4. Л., 1935. С. 219.

немецкий коллега написал ему после прочтения книги: «Ваша работа является... образцом для всех последующих подобных работ»³⁶.

После успешной защиты учёный недолго почивал на лаврах. Два года спустя он представляет докторскую диссертацию, в основу которой легли публикация и разбор средневековой грузинской рукописи, дотоле считавшейся утраченной. В теоретическом введении к работе утверждалось принципиальное единство задач армянской и грузинской филологии.

«Широкая постановка вопроса, обдуманность и осторожность в выводах, обилие новых научных данных и ко всему этому глубокое увлечение избранной темой...» — так характеризовал докторскую диссертацию Н.Я. Марра его официальный оппонент П.К. Коковцов³⁷. Надо было знать Павла Константиновича, его энциклопедические познания, его чуткость к малейшей фальши, его принципиальность, порой доходившую до идиотизма, — чтобы понять, чего стоила подобная оценка им труда своего коллеги!

За последующие несколько лет авторитет Н.Я. Марра вырос ещё более. Его работа в древлехранилищах на Афоне, а затем в Синайском монастыре и в Иерусалиме оказалась исключительно плодотворной. После открытий, сделанных там, после превосходных публикаций, ознакомивших мир с новыми выдающимися памятниками грузинской письменности, он стал признанным главой отечественного кавказоведения. В записке, составленной С.Ф. Ольденбургом в связи с предстоящим избранием Николая Яковлевича в Академию наук и подписанной девятью академиками, указывалось, что его работы проложили новые пути в армено- и грузиноведении, а издания рукописей «справедливо считаются образцовыми»³⁸. В 1909 г. Н.Я. Марр был избран адъюнктом АН, а в 1912 г. — академиком. В 1914 г. он получил чин действительного статского советника, дававший права потомственного дворянства.

Воспоминания учеников, относящиеся в первую очередь к зрелому периоду творчества Марра, рисуют его, ко всему прочему, прекрасным преподавателем³⁹. Его занятия многими воспринимались как нечто совершенно особенное. «Когда я приходил на лекции Н.Я. Марра, — рассказывал впоследствии И.А. Орбели студентам восточного факультета ЛГУ, — я знал, что, если накануне у Марра возникла новая научная мысль, новое сопоставление, новый вывод, ... то эту новую мысль он нам изложит, причём изложит в том виде, в каком он её додумал к утру, к девяти часам без двух минут, когда он входил в аудиторию... И мы, вся его аудитория, человек семь-восемь, ... знали, что мы всегда живём в мозговой лаборатории большого учёного... Мы всё это могли воспринимать в меру своих сил, могли задавать вопросы и, главное, могли сомневаться. Вот что было тогда хорошо в Н.Я. Марре, в Марре, которого мы тогда знали, а не в том Марре, которого, окружив фимиамом, довели до тяжёлой болезни... Я говорю... о том Марре, который радовался каждому слову, каждому мнению, высказанному хотя бы студентом третьего курса. Правда, он студента "порол", если суждение было нестоящее, но если была

³⁶ Цит. по: Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. М.-Л., 1949. С. 95.

³⁷ Протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за 1901 г. СПб., 1902. С. 29.

³⁸ Цит. по: Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр... С. 171.

³⁹ Путуридзе В.С. Памяти учителя // ПИДО. 1935. Вып. 3–4. С. 197.

Н.Я. Марр с семьей. Ок. 1912 г. (ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.1067-35)

хоть крупица здравого смысла, если проявлялась самостоятельность мысли в суждениях молодых студентов, то Марр умел так обласкать их за это, что в следующий раз они выступали с ещё большей уверенностью... Разница между тем, что мы получали у Н.Я. Марра, и тем, что нам давалось в порядке “прожиточного минимума” на других лекциях, особенно резко бросалась в глаза»⁴⁰.

Сам Николай Яковлевич ценил возможность общения со студентами ничуть не меньше, чем его слушатели ценили общение с ним. Общеизвестны такие факты, что, возвращаясь из дальней командировки, он, не раздумывая, прямо с вокзала ехал в университет, чтобы успеть на свою лекцию. Порою он специально телеграфировал с дороги в Петербург, предупреждая, что непременно явится с утра на занятия — и, действительно, являлся, вдохновенный и радостный.

Не только студенты, но и коллеги Николая Яковлевича по факультету восточных языков бывали порой зачарованы его талантом педагога. «...Это был вдохновенный, исключительный профессор... — вспоминал акад. В.М. Алексеев, которому пришлось достаточно долго работать в университете бок о бок с Марром. — Но, конечно, шедевром профессорского творчества были знаменитые марровские магистерские экзамены, на которых развёртывалась всех нас очарывавшая, пленявшая и учившая картина научного воспитания. Мне никогда не забыть этих блестящих, остроумных и глубоких вопросов, задаваемых профессором магистранту, которые свидетельствовали о том, что в аудитории этого профессора творилась подлинная наука, не только выучивавшая, но именно

⁴⁰ Орбели И.А. Воспоминания студенческих лет // Юзбашян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. М., 1964. С. 131.

воспитывавшая искателя. Профессор требовал инициативы, не только знания, но именно умения решать научные задачи. Этот Профессор, несомненно, писался с большой буквы. Я счастлив, что я на этих экзаменах присутствовал. Я несчастлив, что сам им не подвергался, и только ликовал за других. Я воспитывался на них, как мог... и не хочу, чтобы эта сторона деятельности покойного осталась в тени»⁴¹.

Из числа учеников Н.Я. Марра, прошедших его школу в университете и в многочисленных экспедициях (как этнолого-лингвистических, так и археологических), организованных им до революции, вышло затем немало крупных учёных. Двое из них впоследствии стали академиками (И.А. Джавахишвили и И.А. Орбели), один — членом-корреспондентом АН СССР (А.Г. Шанидзе). Возможно, таких известных имён было бы больше, если бы не гражданская война, вырвавшая из рядов молодых учёных немало тех, кто подавал накануне революции большие надежды.

Современный историк науки В.М. Алпатов, достаточно беспощадно охарактеризовавший Марра как автора «нового учения о языке», тем не менее, должен был отметить в своей книге: «...Традиции, заложенные ранним Марром, живут и сейчас в... кавказоведении. Ученики Марра, при всей сложности своих последующих отношений с учителем, всегда ценили его. В 50-е годы, когда страсти вокруг Марра уже улеглись, И.А. Орбели говорил своему ученику: “Вы ведь знаете, что за люди были на факультете... Но... поверьте, гений был только один — Марр!”»⁴².

Отдельного рассмотрения заслуживают собственно археологические исследования Н.Я. Марра 1890–1910-х гг., а также его организационные начинания в области охраны памятников в России. Именно этот аспект деятельности ученого в дальнейшем способствовал выдвижению его в первый ряд организаторов науки в переломную революционную эпоху. Опыт, приобретенный ученым в ходе подготовки и проведения многолетних масштабных раскопок городища Ани — древней столицы армянских Багратидов, — оказался очень полезным. Впервые молодой приват-доцент Н.Я. Марр прибыл туда по поручению Императорской археологической комиссии в 1892 г. И сразу столкнулся с произволом чиновников, недоверием духовенства, недоброжелательностью населения. Русская администрация на Кавказе также настороженно отнеслась к перспективе раскопок древней армянской столицы, опасаясь в этой связи усиления националистических настроений. Не имея возможности их запретить, она игнорировала любые просьбы о поддержке.

Н.Я. Марру было отказано даже в праве бесплатного пользования ямским транспортом, как путешествующему по казенной надобности⁴³. Добравшись с грехом пополам до места, он и там был встречен в штыки — на сей раз настоятелем Анийского монастыря. В Петербург спешно летит телеграмма: «Приехал Ани. Требуют разрешения Эчмиадзинского синода, не позволяют раскопки. Марр»⁴⁴.

⁴¹ Алексеев В.М. Николай Яковлевич Марр. К характеристике учёного и университетского деятеля // ПИДО. 1935. Вып. 3–4. С. 67–68.

⁴² Алпатов В.М. История одного мифа... С. 10.

⁴³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1892. Д. 33. Л. 9, 12 и др.

⁴⁴ Там же. Л. 19.

Недоброжелательность к приезжему археологу объяснялась просто. Руины древнего города привлекали путешественников и успели стать для местных жителей постоянным источником дохода. «Курды, татары, армяне сами, иностранцы, образованные и неграмотные, все без различия с одинаковой бессердечностью расхищают древности Ани, — писал Николай Яковлевич в ИАК, — люди, желавшие помешать моим раскопкам, занимаются продажей древностей Ани любому туристу...»⁴⁵

Председатель ИАК граф А.А. Бобринской и его заместитель барон В.Г. Тизенгаузен в письмах ободряли молодого коллегу, терпеливо разъясняя ему, что духовенство не имеет права запрещать раскопки на казенных землях. ИАК направила в Эчмиадзин нужную официальную бумагу, Марру советовали обратиться также к прокурору Синода. И вот тут впервые обнаружилось, что бурный темперамент Николая Яковлевича отнюдь не мешал ему, когда надо, быть отменным дипломатом.

«То, что раскопки на землях, принадлежащих общественным учреждениям, предоставлены Императорской Археологической комиссии, безусловно, мне было известно, — пишет он в Петербург, — но я не хотел раздражать население и, главным образом, духовенство: ко всякому шагу относятся с недоверием, теперь же они готовы все показать (sic! — Н.П.); Императорской Археологической комиссии я телеграфировал о непосредственном моем сношении телеграммой с Эчмиадзином... Через прокурора дело могло затянуться, я воспользовался тем, что лично знаком с заместителем католикоса...»⁴⁶

Изыскания Николая Яковлевича в Ани в 1892–1893 гг. явились только пробой сил. Масштабные исследования еще одного древнего города были ИАК не по карману. Мы находим в письмах Марра упоминания о «скудном бюджете» и «затруднениях, связанных с новыми ассигнованиями»⁴⁷. Однако, будучи первопроходцем в археологии Закавказья, он не желал поступаться научными принципами. Многообразный и мало изученный материал требовалось привести в систему, разложить его на культурно-хронологические пласты, подчинить дальнейшие исследования единой «руководящей мысли». Раскопки в Ани нужны были ему, как способ прекратить поиск вслепую и досконально изучить слои IX–XIV вв., почти повсеместно перекрывающие более ранние памятники.

«В местах... где предполагались развалины языческих времен, их не находим, — писал он в ИАК, — во всяком случае, то, что считается или относится ко временам языческим, на деле оказывается произведением периода Анийских Багратидов (IX–XI в. по Р. Хр.) и позже. Этот отрицательный результат еще более убеждает меня в правоте мнения, которое, надеюсь, разделяет и Императорская Археологическая комиссия. Раз древнейшие памятники исчезают в позднейших наслоениях почти одного и того же времени, необходимо изучить памятники этого позднейшего времени, для которого имеется обширный материал, главным образом, в Ани, чтобы от известного перейти к неизведанному. Я, по крайней мере, убежден, что, пока в Ани не будут произведены капитальные раскопки, пока не будут изучены

⁴⁵ Там же. Л. 26 об.

⁴⁶ Там же. Л. 50 об.–51.

⁴⁷ Там же. Ф. 1. 1904. Д. 79. Л. 113 об.

в целостности и подробности армянские древности Багратидского и позднейшего (до XIV в. включительно) века, все рассуждения и соображения о более древних временах, особенно же о дохристианской поре Армении, будут произвольны, неосновательны и скороспелы...»⁴⁸

Организовать такие масштабные исследования в армянском захолустье, не располагая очень крупными средствами, было невозможно. К тому же раскопки архитектурных памятников приносили много материала, который было немыслимо транспортировать в Петербург — фрески, барельефы, огромные камни с орнаментами и надписями. Оставленные на месте, они неминуемо погибали — в этом Н.Я. Марру на практике пришлось убедиться⁴⁹.

Чтобы «не извлекать из земли памятники для добычи хищникам или для порчи от стихий», Николай Яковлевич после 1893 г. надолго прерывает раскопки. 11 лет спустя он вернется в Ани уже человеком с именем, умеющим требовать и способным заставить других прислушиваться к своим словам. Решительность его действий очень быстро оценят и окрестные жители, и администрация, и сама Археологическая комиссия.

На раскопки 1904 г. Комиссия смогла выделить только 400 руб.⁵⁰, но Марром уже были изысканы и другие спонсоры. По прибытии в Ани он в первую очередь решает проблему хранилища материалов. «Для постройки хранилища древностей я достал 950 (девятьсот пятьдесят) рублей, <...> решил обстроить развалины мечети <...> Достигается двоякая цель: получается прекрасный музей (здание) и сохраняется памятник от дальнейшей порчи»⁵¹. Источником средств явились частные пожертвования армян г. Баку⁵². В конце года Марр уже с гордостью будет докладывать ИАК о «расположении предметов в Анийском музее»⁵³, а через 2 года из печати выйдет первый музейный каталог⁵⁴. Постройка хранилища и основание музея стали первым шагом Николая Яковлевича на пути создания в Ани Кавказского археологического центра. Обладая незаурядным талантом пропагандиста, он заручается поддержкой широких кругов армянской интеллигенции. Читает лекции об Ани в Баку и в Москве — одни только сборы с этих лекций втрое превышают годовые авансы ИАК на его раскопки⁵⁵. Но самым важным достижением явилось привлечение на свою сторону Совета по управлению армянскими церквями Петербурга⁵⁶. С этого момента бюджет его экспедиции начинает исчисляться уже 3000–4000 руб. в год, что составляло по тем временам крупную сумму. Без промедления встает вопрос о постройке археологической базы — «дома из 10 комнат для приезжающих». Древний водопровод, очень кстати открытый раскопками, частично налаживается для нужд экспедиции. Одновременно для удобства

⁴⁸ Там же. Ф. 1. 1892. Д. 33. Л. 78–79 об.

⁴⁹ Марр Н.Я. Раскопки в Ани в 1904 году // ИИАК. 1906. Т. XVIII. СПб., С. 73–94.

⁵⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1904. Д. 79. Л. 5.

⁵¹ Там же. Л. 11.

⁵² Там же. Л. 31 об.

⁵³ Там же. Л. 18.

⁵⁴ Марр Н.Я. Краткий каталог Анийского музея. Анийская серия 1. СПб., 1906.

⁵⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1904. Д. 79. Л. 94 и др.

⁵⁶ Пескарева К.М., Баликян О.С. Докладные записки Н.Я. Марра о раскопках в Ани (1904–1907 гг.) // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1981. Вып. 10. С. 100–114.

сообщения через реку у городища Н.Я. Марром строится мост. Разумеется, всю бумажную волокиту с получением разрешений на строительство берет на себя Археологическая комиссия⁵⁷.

Самой характерной чертой Марра как организатора в тот период была его способность любое начатое дело обязательно доводить до конца. В результате через несколько лет на месте запустелого когда-то городища возник настоящий исследовательский центр — жилой дом для сотрудников экспедиции и приезжих ученых, кабинет для их занятий, фотолаборатория, библиотека, мастерские — столярная и слесарная, и, наконец, — гордость Марра — музей, состоящий из двух отделов «археолого-эпиграфического» и «вещественного». В музее проводились экскурсии, чтобы приезжие посетители (число которых к 1913 г. достигло 2000 за лето) получали полное представление о предмете⁵⁸.

Вся эта организационная суэта происходила на фоне непрекращающейся борьбы за сохранение анийских развалин от бездумного хозяйничанья арендаторов. «Невероятным может показаться, — писал Николай Яковлевич в ИАК в июне 1904 г., — но я сам видел контракт, которым г. агент Министерства государственных имуществ развалины Ани сдает в аренду для пастбища, точно какое-либо летнее кочевье... Развалин Ани уже не видать от пасущихся здесь быков, коров, баранов и пр. Они проникают в церкви, которые все осквернены, точно мы живем в... Турции. Пользуются развалинами, загоняют туда скот крестьяне из села Араза, хотя и армяне, но совершенно одичавшие и не понимающие, что они творят. При начале раскопок мне придется иметь с ними дело... Надеюсь я справлюсь и местными силами, даже собственными, но вопрос, несомненно, принципиальный, и было бы желательно предпринять что-либо против отдачи анийских древностей на попираие и осквернение скота...»⁵⁹

Реакция ИАК на это сообщение оказалась незамедлительной. Ее ходатайство имело результатом запрет на дальнейшую отдачу Ани в аренду под пастбище⁶⁰. 17 июля 1892 г. Марр пишет по этому поводу: «...Получил извещение от Императорской Археологической комиссии, что Ани будет избавлен от разгрома, причиняемого стадами. Приношу глубочайшую благодарность за письмо с этим извещением. Это первый шаг для спасения Ани как интереснейшего средоточия средневековых закавказских древностей... Еще несколько, два-три, таких шага в Ани, и это городище может обращаться в поле постоянных систематических раскопок...»⁶¹

В действительности «два-три шага» стоили нескольких лет упорной борьбы. Противники не сдались без боя, благо любому чиновнику в России известно, что всякий параграф закона можно перетолковать навыворот. После запрета министра в пользование арендаторам стали предоставлять уже не городище, а покосы на нем, с оговоркой не пользоваться развалинами как пастбищем. Разумеется, с этим ограничением на практике никто не считался. Все лето 1905 г.

⁵⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1904. Д. 79. Л. 85–86.

⁵⁸ Там же. Л. 143.

⁵⁹ Там же. Л. 10–11.

⁶⁰ Там же. Л. 12, 17.

⁶¹ Там же. Л. 16.

разъяренный Н.Я. Марр был вынужден «собственноручно» изгонять узурпаторов, вместе с их скотиной, из священных стен⁶².

Приезжего профессора явно старались взять измором. В ответ в 1905–1906 гг. Марр атаковал своими настойчивыми просьбами-требованиями помощника Наместника Кавказа по гражданской части Султана Крым-Гирея и управляющего государственными имуществами на Кавказе Медведева⁶³. При этом он постоянно напоминал ИАК, что без ее «авторитетного вмешательства» вопрос не будет решен положительно. И Комиссия исправно рассылала ходатайства, вновь и вновь возбуждая дело в Министерстве государственных имуществ. Если вначале речь шла лишь об изъятии Ани из арендной статьи, то по мере обустройства музея и археологической базы на городище запросы Н.Я. Марра все больше росли. Бумажная война длилась около четырех лет. Под напором бешеной энергии Марра бюрократическая машина старой России постепенно сдавалась и начинала послушно выполнять его требования.

В июне 1908 г. ИАК получила из Департамента государственных земельных имуществ бумагу поразительного содержания: «Вследствие отношения... о передаче устроенному в городище Ани, Карсской области, музею занятых памятниками христианской древности казенных земель в пределах оброчных статей Бешкилиса и Ани, а также об отводе некоторого количества свободной казенной земли, доход с коей поступал бы на оборудование музея и на ремонт памятников (курсив мой. — Н.П.), Департамент Государственных земельных Имуществ имеет честь уведомить Археологическую комиссию, что, за неимением закона, на основании которого просимая земля могла бы быть предоставлена для указанной выше цели по непосредственному распоряжению Государственного Управления землеустройства и земледелия, по настоящему делу предполагается испросить в установленном порядке ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление, для чего одновременно поручено Уполномоченному Главноуправляющему землеустройством и земледелием на Кавказе точно выяснить на месте при участии представителя от Археологической Комиссии профессора Н.Я. Марра размеры подлежащего передаче в распоряжение музея

Н.Я. Марр. 1905 г.
(ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.1067-14)

⁶² Там же. Л. 47–48.

⁶³ Там же. Л. 48, 90.

Ани. Сыновья Н.Я. Марра в орнаментированных карасах. 1906 г.
(ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.738-58)

пространства и доложить предположения по сему предмету Наместнику Его Императорского Величества...»⁶⁴

Итак, вся площадь, занятая древним городом, подлежала теперь передаче в ведение Анийского музея (т. е. в ведение ИАК). Заодно ставился вопрос о выделении участка земли для обеспечения музея доходами. И даже отсутствие в Российском законодательстве соответствующего параграфа не могло уже послужить препятствием. Указанный участок размером 246,5 десятин вскоре был выделен «чинами Эриванско-Карсского Управления земледелия и гос. имуществ при участии проф. Н.Я. Марра»⁶⁵.

Можно с полной уверенностью утверждать, что ни один археолог в царской России не мог похвалиться такой блестящей победой над всеильной бюрократи-

⁶⁴ Там же. Л. 109–109 об.

⁶⁵ Там же. Л. 132.

ей во имя сохранения и исследования отечественных памятников, как Николай Яковлевич. И, когда позднее он провел через Государственную думу проект закона о ежегодном отпуске из государственного казначейства 5000 руб. на свои раскопки⁶⁶, вряд ли кого-то из коллег это всерьез удивило. Способность преодолевать препятствия и не бояться чиновников была неотъемлемым свойством Н.Я. Марра. Но к этим неоднократно отмеченным чертам его хрестоматийного образа надо прибавить тончайшее чутье конъюнктуры и незаурядные дипломатические способности, помогавшие Николаю Яковлевичу добиваться цели, без всякого ущерба для своего имиджа «непокорного», несдержанного на язык ученого.

Любопытную подробность сообщает И.А. Орбели: «В Ани не редко приезжали правительственные люди; Марр в любую погоду встречал их верхом в 5–9 км»⁶⁷. Эта деталь как нельзя лучше отражает интуитивно угаданный Николаем Яковлевичем стиль отношений к крупным чиновникам того времени — подчеркнутое уважение в соединении с подчеркнутым собственным достоинством. Не случайно перед ним быстро открывались все двери.

Таким образом, уже задолго до революции Н.Я. Марр зарекомендовал себя дельным и очень удачливым организатором науки. В 1917 г. с помощью своего друга и коллеги С.Ф. Ольденбурга, занимавшего во Временном правительстве пост министра просвещения, он, наконец, воплощает в жизнь свою давнюю мечту организовать в Тифлисе Кавказский историко-археологический институт РАН. В начале 1918 г. его избирают штатным членом Археологической комиссии вместо умершего Н.И. Веселовского. А после эмиграции А.А. Бобринского именно Марр становится ее председателем⁶⁸. Коллеги были единодушны в своем выборе: лучшей кандидатуры на этот пост, учитывая наступившие тяжелые времена, найти невозможно.

В своих конкретных разработках материала из раскопок Николай Яковлевич предстает скорее историком культуры, чем археологом в современном смысле слова. Он исследователь древней архитектуры, эпиграфики, орнаментики, сюжетных мотивов. Ему принадлежит немало ценных наблюдений, касающихся взаимодействия церковной и гражданской архитектуры Армении, датировки архитектурных памятников, взаимопроникновения христианской и исламской культур в средневековом Ани. Но его квалификация как археолога впоследствии вызывала в литературе диаметрально противоположные оценки.

Это не простой вопрос. Несомненно, полевая археология занимала в деятельности Н.Я. Марра гораздо больше места, чем это было характерно для его коллег-востоковедов. К 1918 г. за плечами у него было 17 напряженных полевых сезонов. Но определять сегодня методический уровень раскопок Марра в Армении, к сожалению, приходится по осколкам источников: почти все анийские материалы, включая музейные коллекции и почти 90 % полевой документации, погибли в 1917–1918 гг.

⁶⁶ Там же. Л. 142.

⁶⁷ Мегрелидзе И.В. Иосиф Орбели. Тбилиси, 1987. С. 172.

⁶⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1918. Д. 20. Л. 1; Мусин А.Е., Платонова Н.И. Императорская археологическая комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг. // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). Т. II / Медведева М.В., Мусин А. Е (науч. ред.-сост.). СПб., 2019. С. 1401–1410.

Н.Я. Марр в своем кабинете. 1915 г. (ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.1067-36)

Полевая документация Н.Я. Марра, начиная с 1904 г., постоянно находилась в работе и хранилась у него на квартире. По некоторым фразам из деловой переписки Николая Яковлевича можно заключить, что он представлял отчеты в ИАК, но их тексты, по-видимому, отдавались ему обратно. Публикации по ним готовились как самим Марром, так и его ближайшими сотрудниками В.В. Бартольд, Т.А. Тораманьяном, Н.П. Сычевым, И.А. Орбели, Г.Н. Чубиновым⁶⁹. К 1916 г. весь этот чрезвычайно разросшийся архив Марровской экспедиции был перевезен в помещение Восточного музея Петроградского университета. Здесь материалы были приведены в систему и в общих чертах каталогизированы. В архиве насчитывалось не менее 2285 фотоснимков, более 54 чертежей, 147 рисунков⁷⁰. Здесь же находились фотонегативы, дневники и часть рукописей Н.Я. Марра. Все это было отправлено в Тифлис в ноябре 1917 г. с целью положить начало научному архиву только что созданного Кавказского историко-археологического института РАН.

⁶⁹ Пескарева К.М., Баликян О.С. Докладные записки Н.Я. Марра... С. 112; *Марр Н.Я.* Новые археологические данные о постройках типа Ереверской базилики // ЗВОРАО. 1909. Т. XIX. С. 1064–1068; *Он же.* Надпись Епифания, католикоса Грузии. Из раскопок в Ани 1910 года // Известия ИАН. 1910. Т. IV. С. 1133–1142; *Он же.* Камень с армянской надписью из Ани в Азиатском музее // Известия ИАН. 1910. Т. IV. С. 1149–1151; *Он же.* Ани. Дворцовая церковь по обмерам художника Н.Г. Буниатова. Пг., 1915; *Бартольд В.В.* Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. Анийская серия 5. СПб., 1911; *Сычев Н.П.* Анийская церковь, раскопанная в 1892 году // Христианский Восток I (2). СПб., 1912. С. 212–219.

⁷⁰ *Чубинов Г.Н.* Отчет Анийского музея древностей за 1916 год. Анийские древности. 1918. Вып. 3. С. 2.

В начале января 1918 г., когда подписывался в печать «Отчет Анийского музея», никто еще не знал о беде. Только в феврале или начале марта до Петрограда дошел слух, что вагоны подверглись разгрому на ст. Шамхор между Армавиром и Баку. Николай Яковлевич обратился за помощью к А.В. Луначарскому. Тот через комиссара Главного телеграфного управления предоставил Марру прямой провод с Кавказом. Выяснить удалось лишь то, что оба вагона не прибыли по назначению⁷¹. Через некоторое время от имени Министерства путей сообщения рассылается военная телеграмма с требованием сообщить о пропавшем грузе⁷². Но все было тщетно. Материалы, являвшиеся плодом пятнадцатилетних трудов, погибли совершенно нелепо.

Связь Кавказа с Россией в этот период была нарушена, письма доходили плохо. Четверо сотрудников Историко-археологического института РАН в Тифлисе, лишенные всякого руководства и финансирования из центра, совсем растерялись. Они были ответственны за Анийский музей, но... по Брест-Литовскому мирному договору вся Карсская область отошла к Турции. Турция объявила Закавказской республике войну, затем вроде бы начались мирные переговоры. В институте лихорадочно решали, следует ли эвакуировать музей и имущество экспедиции? Единства мнений по этому вопросу не было.

Е.С. Такайшвили был сторонником полной эвакуации. Г.Н. Чубинов, напротив, считал, что трогать музей нельзя, и, если даже не удастся выговорить у Турции права института на разработки Ани, надо «сдать все из рук в руки, а не бросая на произвол судьбы». «Вывозя же часть музея, — читаем мы в его письме Марру от 4 апреля 1918 г., — мы лишаем себя возможности выставлять свои требования и, кроме того, как бы санкционируем оставляемое расхищать и уничтожать...»⁷³

В результате лишь ничтожную часть экспозиции удалось, по словам И.А. Орбели, вывезти в Эривань уже в буквальном смысле слова под выстрелами⁷⁴. Музей был разгромлен; доступ на городище Ани исследователям закрыт уже более 100 лет. К исчезновению полевой документации Н.Я. Марра добавилось почти полное уничтожение коллекций.

Когда в кругах петроградских ученых только начинал обсуждаться вопрос о возможном преобразовании Археологической комиссии в Академию, Николай Яковлевич еще представлял собою археолога, непрерывно работавшего над материалом, создателя археологического центра на Кавказе и начальника крупнейшей в России экспедиции. Но уже к моменту подписания декрета об учреждении РАИМК он утратил решительно все, что на практике связывало его с археологией. С начала раскопок в Ани прошло 26 лет. Сколько страсти, энергии, сил было вложено в это дело! Больше он никогда не возвращался к работе над археологическим материалом. Даже книга об Ани, в основу которой лег курс публичных лекций о раскопках, читанный в начале 1910 г., была «оставлена в том виде, в каком она сложилась в процессе развития раскопок, далеко еще не законченных», — как

⁷¹ СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 4. Д. 4132. (1917 г. Ч. 1). Л. 46.

⁷² Там же. Ч. III. Г-92. Л. 21.

⁷³ Там же. Л. 10б. — 2.

⁷⁴ Орбели И. А. Блестящая страница в истории археологии // ПИДО. 1934. Вып. 9–10. С. 195–197.

написано в предисловии. Издание осуществилось в ГАИМК «за упокой автора настоящей работы с его мышлением и датой более четвертьвековой давности»⁷⁵.

Таким образом, археологическое наследие Н.Я. Марра в значительной части погибло. Но и по осколкам его полевой документации, по публикациям и донесениям с места раскопок, в принципе, можно составить впечатление об уровне проведенных исследований. Вскрытие городских кварталов велось большими площадями. К моменту окончания раскопок в Ани, там было «капитально» раскопано 5 церквей (два храма Богоматери, церковь Св. Григория, круглый храм постройки царя Гагика I, храм Св. Апостолов); 2 гостиницы; баня; значительная часть царского дворца на Вышгороде, а также главная улица «на большом протяжении»; городские стены царя Ашота, с прилегающим к ним бедным кварталом; площади, прилегающие к храму Св. Апостолов и круглому храму Гагика I; языческий некрополь за стенами города.

Для характеристики не сохранившихся дневников раскопок Н.Я. Марра можно привлечь: а) те места в публикациях, где он прямо цитирует свой дневник, б) данные сохранившихся «реестров находок» и каталогов Анийского музея⁷⁶. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что против каждого предмета в «реестре» обязательно стоит отсылка к дневнику за определенное число. За редчайшим исключением, все предметы из слоя отмечались Марром в дневнике с указанием условий находки. Пример: при описании жилища «беднейшего квартала» Ани указано: «в *просеянной земле* (курсив мой. — Н.П.) найдены камни, 2 гвоздя, осколки глиняной посуды, стекла, кости животных, 1 буса серого цвета и 1 медная монета»⁷⁷.

Разумеется, текст публиковавшихся кратких отчетов Н.Я. Марра не включал подробного описания всех комплексов. То же можно сказать и о книге, посвященной Ани. В тексте ее часто встречаются лаконичные фразы, например: «В III районе улицы... найдена мастерская металлических работ»⁷⁸. А.В. Арциховский называет упомянутую фразу «чудовищной» и задает риторический вопрос: «Чья это была мастерская? Металлурга? Кузнеца? Литейщика? Ювелира?»⁷⁹ Однако перед нами не дневник раскопок и даже не отчет. В своих публичных лекциях Марр имел полное право обойти стороной описание конкретного объекта.

Куда важнее другое: когда он все-таки приводит такие описания в качестве примеров, они оказываются вполне исчерпывающими даже с современной точки зрения. Так, маслодавальня в комнате XII «бедного квартала» предстает перед читателем во всех подробностях, включая данные обмеров, расположение предметов внутри и прочие мелкие детали⁸⁰. Ее описание явно взято прямо из днев-

⁷⁵ *Марр Н.Я.* Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища // ИГАИМК. 1934. Вып. 105. С. V, XI.

⁷⁶ *Марр Н.Я.* Реестр предметов древности из VI (1907 г.) археологической кампании в Ани. Анийская серия 2. СПб., 1908; *Он же.* Отчет Анийского музея древностей за 1915 год. Анийские древности. 1917. Вып. 2; *Он же.* Ани. Книжная история города и раскопки...; РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1892. Д. 33. Л. 56–59.

⁷⁷ *Марр Н.Я.* Ани. Книжная история города и раскопки... С. 76.

⁷⁸ Там же. С. 96.

⁷⁹ *Арциховский А.В.* Пути преодоления влияния Н.Я. Марра в археологии // Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953. С. 54.

⁸⁰ *Марр Н.Я.* Ани. Книжная история города и раскопки... С. 117.

ника. Таким образом, вполне закономерным является предположение, что в пропавших дневниках Марра все-таки имелись подробные, грамотные описания комплексов.

Сохранившийся дневник самого первого года раскопок Николая Яковлевича (1892) содержит подробнейшее описание всего хода исследований (раскопки церкви Св. Григория в Ани и разведки)⁸¹. Здесь же мы находим не лишённые интереса соображения ученого о способах датировки раскопанных объектов, которые он суммировал в своем отчете ИАК: «...В окрестностях Армавира я наводил справки, касающиеся гончарного дела, и все сведения заносил в дневник. Для вопросов... археологических является весьма полезным знакомство с характером новейших глиняных произведений, равно знание центров, где занимались подобными изделиями. В интересах же археологии я собирал сведения о каменоломнях, откуда в древности доставали материал для постройки... архитектурных произведений. Характер, главным образом цвет камня определяет его местонахождение, а последнее, в свою очередь, являет (датировку построек. — Н.П.) так как сделанные мною в этом отношении наблюдения убеждают, что в известную эпоху для облицовки... употреблялись камни с известным излюбленным цветом...»⁸²

Реестры предметов из раскопок Ани опровергают брошенное когда-то Н.Я. Марру хлесткое обвинение в «выбрасывании находок». Оно построено, в сущности, на одной фразе из письма Николая Яковлевича в ИАК от 27 мая 1892 г.: «...вещественных находок никаких (курсив мой. — Н.П.), но зато богатый материал для истории армянского искусства, архитектуры, скульптуры и даже живописи»⁸³. По мнению А.В. Арциховского, в городском слое находки отсутствовать не могли: если их не было, значит, «Марр их выбросил!»⁸⁴

Однако надо же понимать, о чем шла речь в данном конкретном письме! Велись раскопки церкви Св. Григория, и рабочие в эти дни проходили слои строительного мусора, бедные вещевыми находками. Если же поинтересоваться списком предметов из раскопок того же года, который, по счастью, до нас дошел, то мы увидим там и «обломки железных гвоздей» и «куски простого глиняного кувшина с однообразным рисунком кругом на поясе», и много других вещей, свидетельствующих о том, что Николай Яковлевич, напротив, тщательно сохранял даже мало-выразительные находки из слоя⁸⁵.

В связи с этим отметим, что единственное существенное разногласие Марра с ИАК в 1890-х гг. заключалось именно в том, что коллекцию анийских находок следовало, по его мнению, сосредоточить в одном месте, а не распределять по разным хранилищам⁸⁶. В дальнейшем он сам решил эту проблему путем организации Анийского музея. Уже это говорит о внимании к вещам как таковым и путям их дальнейшего изучения. Да, Николай Яковлевич сам не исследовал

⁸¹ РО НА ИИМК РАН. Ф.1. 1892. Д. 33. Л. 147–240.

⁸² Там же. Л. 119 об.–120.

⁸³ Там же. Л. 25.

⁸⁴ Арциховский А.В. Пути преодоления влияния Н.Я. Марра в археологии... С. 53.

⁸⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф.1. 1892. Д. 33. Л. 56–59.

⁸⁶ Пескарева К.М., Баликян О.С. Докладные записки Н.Я. Марра... С. 100–101.

и не издал вещевой материал Ани. Его собственные научные интересы были сосредоточены на архитектурных и эпиграфических памятниках. Среди помощников и учеников Марра большую часть также составляли искусствоведы и востоковеды широкого профиля. Только И.А. Орбели и Г.Н. Чубинов имели некоторую тягу к занятиям классификацией. Однако определенный перевес архитектурно-эпиграфического материала в анийских публикациях ни в коей мере нельзя ставить в вину Н.Я. Марру. Сложившееся положение было закономерным. Если вещи правильно хранились и коллекции можно было соотнести с дневником, то следующее поколение исследователей Ани обязательно восполнило бы этот пробел. В том, что случилось, не вина, а трагедия Марра.

Было ли характерно для Николая Яковлевича «полное невнимание к стратиграфии», о котором пишет А.В. Арциховский? На этот вопрос ответить сложнее. В предварительных публикациях описания стратиграфии редки. Работы в Ани на 80 % представляли собой раскопки каменных построек. Каменными были и стены царского дворца на Вышгороде, и жилища бедняков у Ашотовых стен. Никаких упоминаний «земляных» стратиграфических разрезов в сохранившихся материалах нет, хотя архитектурные разрезы делались постоянно. Тем не менее, утверждать, что по ходу раскопок Марром не ставились задачи по разграничению строительных периодов и датировке слоев, нет оснований. Так, в его отчетном докладе в ВОРАО 10 января 1911 г. отмечалось: «В обоих районах (раскопок. — Н.П.) интерес сосредоточился на водопроводе и странном отношении водопровода к засыпанным развалинам... Водопроводные трубы оказались проложенными в насыпной почве, которую можно было датировать 1-ю половиною XI-го века. Это помогло определить время находимых в этом слое предметов, в том числе многочисленных ртутных сосудов...»⁸⁷ Отметим, что изложение этого доклада в Записках ВОРАО представляет собой, по сути, тезисы, лишённые всякой детализации.

В целом создается впечатление, что Николай Яковлевич в ходе раскопок, действительно, схватывал лишь общую стратиграфическую картину, однако схватывал ее верно. В текстах опубликованных отчетов рассеяны довольно многочисленные замечания о хронологических соотношениях построек и уличной мостовой⁸⁸, построек и водопровода, водопровода и крепостных стен, крепостных стен и улицы и т. д.⁸⁹

Выяснению более детальной хронологии объектов и их соотношения между собой, вероятно, помогало то, что стены многих зданий и прилегающие к ним участки изобиловали находками надписей, в том числе содержащих упоминания исторических лиц. Это, в свою очередь, помогало наполнить хронологическим содержанием различные архитектурные и орнаментальные детали⁹⁰.

Среди чертежей анийских раскопок, безусловно, доминировали архитектурные, выполнявшиеся Т.А. Тораманяном, С.Н. Полторацким, Н.П. Сычевым, Н.Г. Буниатовым, Ф. Мосевичем и др. на самом высоком уровне. Возможно, планы участков, прилегавших к зданиям, отличались некоторым схематизмом и были, по совре-

⁸⁷ Марр Н.Я. IX-я Анийская археологическая кампания // ЗВОРАО. 1913. Т. XXI. С. XXIII.

⁸⁸ Марр Н.Я. Раскопки в Ани в 1904 году // ИИАК. 1906. Т. XVIII. С. 81.

⁸⁹ Марр Н.Я. Ани. Книжная история города и раскопки... С. 81–83.

⁹⁰ Орбели И.А. Н.Я. Марр как археолог // ПИДО. 1935. Вып. 3–4. С. 59–60.

менным понятиям, недостаточно детальны. Так, на опубликованных планах бедных кварталов у Ашотовых стен и у большой церкви отражено лишь взаимное расположение и форма жилищ без фиксации их внутреннего устройства и расположения предметов в заполнении⁹¹.

Сам Марр в своих лекциях отмечал отсутствие на планах некоторых деталей, имевшихся, однако, в его дневниковых описаниях. При этом обмеры, приводимые Николаем Яковлевичем в отчетах, отличаются скрупулезностью и точностью⁹². Показателен такой факт. Ученик Н.Я. Марра Д.А. Кипшидзе, которому были поручены раскопки пещерных кварталов Ани, накануне революции готовил их издание. Его рукопись «по счастливой случайности избегла печальной участи анийских материалов» и спустя полвека после смерти автора была опубликована другим учеником Николая Яковлевича Н.М. Токарским. По обмерам и описаниям Д.А. Кипшидзе, которые выполнялись им по прямым инструкциям Марра, Н.М. Токарскому в большинстве случаев удалось восстановить и планы, и разрезы пещерных помещений. В подготовленной им объемистой монографии пещерные кварталы Ани предстают как вполне добротный раскопанный памятник⁹³.

Работы Марра в области археологии должны занять подобающее место в истории науки. Можно с полным основанием утверждать, что для своего времени они велись на высоком уровне, хотя определенный перевес филологического и искусствоведческого подходов, безусловно, имел место. Марр ставил своей целью, насколько возможно, реконструировать облик древнего города. В экспедиции делались обмеры и чертежи архитектурных сооружений, велись дневники, описи, подробная фотофиксация. Стратиграфия описывалась лишь в общем плане, без деталей, однако в те годы это считалось нормой.

Несомненным открытием Марра в поле стал расцвет городской жизни Ани в XII–XIII вв., т. е. после падения Багратидской династии и мусульманского завоевания. До раскопок этот период считался временем упадка и гибели города⁹⁴. Вторым открытием явился своеобразный синкретизм и сложное взаимодействие армянской и исламской культур в указанный период. Все публикации архитектурных и эпиграфических памятников бывшей Карсской области, сделанные Николаем Яковлевичем, имеют теперь тем большую ценность, что после 1918 г. исследование армянской культуры на этой территории не производилось, более того, имело место целенаправленное разрушение памятников. Поэтому, как это ни печально, но по целому ряду вопросов жалкие осколки научного наследия Марра-археолога представляют собой единственное, чем располагают ученые в наши дни.

Разумеется, после известия о гибели результатов многолетних трудов в Ани, вся последующая деятельность ученого протекала на фоне нервного и психического надлома. Тем не менее, в 1918–1919 гг. именно он стал главным организатором Академии истории материальной культуры на базе прежней ИАК/РГАК. Идея

⁹¹ Марр Н.Я. Раскопки в Ани в 1904 году... Табл. VII; *Он же*. Ани. Книжная история города и раскопки... Рис. 224.

⁹² Марр Н.Я. Раскопки в Ани в 1904 году... С. 73–89.

⁹³ Кипшидзе Д.А. Пещеры Ани. Материалы XIV Анийской археологической кампании летом 1915 года. Ереван: Академия наук Армянской ССР, 1972.

⁹⁴ Марр Н.Я. Ани. Книжная история города и раскопки... С. 38–39.

создания «Академии археологии», с примыкающей ассоциацией научных обществ и институтов, вынашивалась им еще до революции. Однако самой насущной задачей являлось спасение жизней ученых-гуманитариев в условиях голода и террора, их политическая «легализация» и сохранение науки как таковой.

Провести проект в жизнь удалось лишь благодаря организаторскому таланту и бешеной энергии Н.Я. Марра. Однако здоровье ученого было сильно подорвано. В 1920 г. он уходит с поста председателя РАИМК и уезжает в заграничную командировку. Новым потрясением становится известие о смерти в Крыму любимого сына Владимира (1921 г.). Этого психика Н.Я. Марра — неустойчивая от природы — попросту не выдержала. Он окончательно утрачивает способность к практической исследовательской работе. Вышедшее из-под контроля воображение уводит его в дебри теоретической лингвистики.

Как уже говорилось выше, к лингвистическим фактам Марр всегда подходил от фактов истории культуры, некритически перенося на них то, что казалось установленным по другим источникам. В основе концепции, сложившейся у него к концу XIX в., лежало представление об *общекавказском культурном единстве*. Идея эта получила большой резонанс. Историческое единство базисных черт региональной культуры Кавказа многим представлялось несомненным. Но очевидной была и языковая разнородность кавказских народов, решительно не позволяющая возводить их к единым корням. Творческая мысль Н.Я. Марра много лет билась над этим противоречием, не разрешенным до сих пор. Одной из попыток решения стала его гипотеза об общем предке всех народов Кавказа — «яфетидах», древнейшем населении Средиземноморья и Ближнего Востока. Она не была поддержана языковедами, однако вплоть до начала 1920-х гг. вполне могла считаться нормальной рабочей гипотезой, подлежащей проверке. Но с этого времени сам характер и стиль его выступлений — печатных и публичных — свидетельствуют о нервном заболевании.

После 1920 г. стоило Марру обратиться к какому-либо языку, как он тут же находил в нем «яфетический элемент». В результате первоначальное представление о «яфетидах» как некоем сообществе, напоминающем отдельную языковую семью, постепенно трансформируется у него во всеобъемлющее «новое учение». Вероятно, в основе лежала попытка потрясённого ума доказать себе и миру, что все действительное разумно. В марризме, в ряде его априорных утверждений, как в кривом зеркале, отразились факты послереволюционной советской действительности в контексте нескольких излюбленных, но не доказанных тезисов из старых работ самого Марра. «Каждая эпоха... с присущим ей языковым типом знаменует новое мышление, — писал он, — ...иногда механизм языка остается... тот же от структуры пережитого типа, но говорящий на нем народ успел в общем процессе переворота... социального строя и с ним речи перейти на новое языковое мышление, мыслит по-новому, и тогда мы наблюдаем, что народ ломает или уродует завещанные формы, извращенно понимает их, ибо строит из них новые»⁹⁵.

Здесь буквально все — результат непосредственных впечатлений от жизни «в общем процессе переворота социального строя». Ломка и уродование языковых

⁹⁵ Марр Н.Я. О происхождении языка // ИР. Т. 2. М.; Л., 1936. С. 190.

и культурных представлений — это то, с чем Марр и люди его круга сталкивались непрерывно. Хотя структура русского языка в 1920-х гг. вроде бы осталась прежней, тем не менее, язык — деловой, повседневный, язык газет и политической речи — всего за несколько лет изменился неузнаваемо. В деловую и политическую речь массово хлынул новый сленг (классовый диалект?). В «новом учении о языке» отразилось не что иное, как попытка понять и оправдать происходящее, увидеть за ним универсальные законы развития культуры, языка и общества.

В 1922–1924 гг. Николай Яковлевич публично отрекается от всех принципов сравнительного языкознания. В печати появляются сообщения о созданном им новом учении, утверждающем классовую природу языка, а также о том, что все языки мира построены на базе четырех элементов в разных сочетаниях, обусловленных социально-экономическими факторами.

Тезис о классовой природе языка оказался созвучным времени. Если же иметь в виду общественный аспект «нового учения», то тут его ценность была очевидной, при всей его вопиющей ненаучности. Отрицая ключевое значение таких понятий, как этнос и языковая семья, объявляя их лишь стадиями языкового развития, марризм на практике снимал остроту этнических противоречий в многонациональных регионах.

Самое поразительное, что в 1920-х гг. Н.Я. Марр, потеряв способность к исследовательской работе, отнюдь не растерял при этом прежние навыки и хватку организатора. Его имя имело немалый вес. «Наверху» к его мнению прислушивались; на его эксцентричные выходки смотрели сквозь пальцы.

В 1921 г. Марр основывает в Петрограде Яфетический институт (будущий ИЯМ; ныне — ИЛИ РАН и ИЯ РАН). В 1923 г. он возвращается на пост председателя РАИМК. Именно при нем научная жизнь академии начинает восстанавливаться из руин. В 1924–1925 гг. там организуются первые экспедиции: в южную Сибирь, на Северный Кавказ, в Среднюю Азию и т. д. При активной поддержке Марра в 1925 г. происходит становление «Лаборатории по изучению способов хранения и реставрации древних тканей», способствовавшей разработке принципиально новых методов археолого-технологического исследования.

Когда в 1929 г. на заседании СНК решался вопрос о судьбе Академии наук, именно экспансивная, угрожающая речь Н.Я. Марра переломила настроение собрания и заставила отказаться от решения о ее роспуске. В 1930 г. он был избран

Н.Я. Марр. 1927 г.
(ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.1067-47)

Ленинград. Процессия представителей различных учреждений, направляющихся для прощания с телом председателя ГАИМК, академика Н.Я. Марра. 22 декабря 1934 г. (ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.522-6)

Постамент надгробного обелиска на могиле Н.Я. Марра. Коммунистическая площадка Александрово-Невской Лавры

вице-президентом АН СССР. Тогда же его принимают в ряды ВКПб. Председателем ГАИМК он считался до самой смерти. Но на деле именно с 1930 г. всякое реальное влияние на ход событий было им утрачено. Его заболевание уже для многих являлось секретом Полишинеля.

Скончался ученый 20 декабря 1934 г. в Ленинграде, где ему устроили грандиозные похороны.

Н.Я. Марр является одним из главных создателей отечественной школы кавказоведения. Традиции, заложенные им в период до 1917 г., живы в науке до сих пор. По признанию ряда крупнейших востоковедов XX в. (И.Ю. Крачковского, И.А. Орбели, В.М. Алексеева), его одаренность граничила с гениальностью. Его раскопки Ани и целенаправленная реконструкция города-музея должны были превратить этот великолепно сохранившийся памятник в «кавказские Помпеи»... Безусловно, в наши дни следует с должным уважением отнестись к яркой, трагической фигуре Н.Я. Марра, хотя последний период жизни ученого был омрачен болезнью и тяжелыми потерями.

Александр Александрович Миллер (1875–1935)

В.А. Алёшкин

Талантливый русский археолог, этнограф и музейевед Александр Александрович Миллер¹ появился на свет в конце лета 1875 г. Впрочем, нет ясности, в какой именно день случилось это событие, так как в сохранившихся источниках имеются разночтения. Сведения о том, что Александр родился 29 августа², содержатся в документах, относящихся к дореволюционному времени. В заверенной копии свидетельства о рождении сказано: «Екатеринославская духовная консистория удостоверяет, что по метрическим книгам Николаевской церкви Луганского завода³ Славяносербского уезда за 1875 г. за № 94 записан акт следующего содержания: 1875 г. рождения 29 августа, а крещен 4 сентября Александр, а родители его — Войска Донского землевладелец штабс-ротмистр Александр Николаев сын Миллер и его законная жена Александра Александровна дочь, оба православные»⁴.

Свидетельства о том, что А.А. Миллер появился на свет 29 августа, имеются и в его послужном списке, который он предоставил в 1908 г. в Русский музей императора Александра III (далее РМ) при назначении на должность хранителя Этнографического отдела РМ (далее ЭО)⁵. После революции 1917 г. А.А. Миллер стал указывать в документах другую дату своего появления на свет — 27 августа, которая проставлена в заполненной 15 августа 1922 г. учетной карточке преподавателя Петроградского государственного университета (ПГУ)⁶ и в составленном 19 мая 1930 г. трудовом списке члена Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК)⁷. Причина этого остается неизвестной.

¹ В качестве заставки использована фотография А.А. Миллера начала 1930-х гг. (ФО НА ИИМК РАН. Нег. О. 1226/58).

² Здесь и далее даты до 26 января 1918 г. приводятся по старому стилю.

³ Луганский завод, расположенный в Славяносербском уезде Екатеринославской губернии, получил свое название от выстроенного здесь в 1795 г. завода, на котором производили орудия и снаряды для военных судов Черноморского флота. В 1882 г. завод и близлежащее селение Каменный Брод были объединены в г. Луганск.

⁴ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. I. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ АСПБГУ. Ф. 1. Опись личных карточек профессорско-преподавательского состава за 1920–1940 гг. Д. 628. Л. 764.

⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 213. Л. 1 об.

Согласно семейным преданиям, начало роду Миллеров в России положил Егор Иванович Миллер (Георг Миллер), приехавший сюда вместе со своим братом Иваном Ивановичем (Иоганн Миллер) в конце XVII в. при царе Петре I⁸. Уже Абрам Егорович был женат на православной русской женщине, так же, впрочем, как и его внук, Иван Абрамович, который был последним из рода Миллеров, названным в официальных документах немцем. Потомки Ивана Абрамовича, воспитанные в русской культурной среде и женатые на русских женщинах, были, конечно, русскими православными людьми⁹. Они не отличались знатностью, однако за храбрость и усердие, проявленные при несении воинской службы, получали достойное вознаграждение, которое увеличивали благодаря матримониальным связям с богатыми семьями донских полковников.

Отец А.А. Миллера, Александр Николаевич, выйдя в отставку, в течение многих лет исполнял обязанности участкового мирового судьи. С 1893 г. по 1903 г. он являлся членом Таганрогской городской управы и заместителем председателя местной городской думы. Согласно семейной хронике, в 1896 г. он был произведен в действительные статские советники (чин, соответствующий званию генерал-майора в армии). Жена А.Н. Миллера, Александра Александровна, урожденная Першина, происходила из семейства полковника корпуса горных инженеров¹⁰.

В архивных документах информация о детстве А.А. Миллера практически отсутствует: он лишь скупо сообщает о получении им начального образования в родительском доме¹¹. Говоря о первых десяти годах его жизни, исследователи¹² обычно ссылаются на изданные в 1958 г. в Мюнхене воспоминания М.А. Миллера, младшего брата А.А. Миллера, в которых мемуарист подчеркивает, что его старший брат с детства отличался повышенной одаренностью и способностями, особенно к рисованию, скульптуре, математике и языкам. До 15 лет жизнь Александра протекала в старинной помещицкой усадьбе, где усилиями трех поколений семьи была собрана богатая библиотека, включавшая произведения русских и зарубежных авторов, а также собрание отечественных и иностранных журналов. Кроме литературы мальчика учили музыке, европейским языкам и рисунку, искусством которого он со временем овладел в совершенстве¹³. Затем Александр в течение семи лет (1886–1893) воспитывался в Донском кадетском корпусе в Новочеркаске¹⁴.

На выбор дальнейшего жизненного пути восемнадцатилетнего юноши, вероятно, повлияли традиции семьи, по мнению которой представитель старинного

⁸ Антчич К.М. Миллеры // Немцы России. Энциклопедия. М., 2004. Т. 2. С. 514; Корягин С.В. Миллеры. Материалы к истории и генеалогии донского дворянского рода. Ч. 1 // Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 2. СПб., 1999. С. 8–9, 14–15.

⁹ Корягин С.В. Миллеры. С. 9–11; Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб., 2003. С. 162.

¹⁰ Корягин С.В. Миллеры. С. 35–38; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 430. Л. 3.

¹¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 213. Л. 1 об.

¹² Платонова Н.И. Александр Александрович Миллер — археолог. С. 155–156; Она же. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб., 2010. С. 165.

¹³ Миллер М.А. Александр Александрович Миллер (1875–1935) // Вестник Института по изучению истории и культуры СССР. 1958. № 3 (28), сентябрь — декабрь. С. 127.

¹⁴ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. I. Л. 1–1 об., 14 об.; Оп. 6. Д. 882. Л. 76 об.; АУФСБ. Д. П 30696. Т. II. Л. 533; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 430. Л. 3; Корягин С.В. Миллеры. С. 41; Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. С. 162.

казачьего рода и потомственный дворянин не мог избрать иной карьеры, кроме военной, поскольку лишь она позволяет мужчине достойно исполнить свой долг перед Отечеством. Именно поэтому А.А. Миллер после окончания кадетского корпуса оказался в военном учебном заведении. Однако веяния времени скорректировали его выбор армейской специальности. Молодой человек продолжил свое образование в Николаевском инженерном училище в Санкт-Петербурге (1893–1896), куда был зачислен рядовым юнкером на правах вольноопределяющегося. По окончании третьего класса училища по первому разряду А.А. Миллер был произведен 12 августа 1896 г. в подпоручики и направлен на службу в 4-й железнодорожный батальон, дислоцированный в местечке Барановичи Новогрудского уезда Минской губернии¹⁵. Овладев техническими знаниями, А.А. Миллер стал первым в истории своего рода офицером инженерных войск, а не кавалерии. 1 августа 1899 г. он был произведен в поручики¹⁶.

Формулярный список А.А. Миллера, датированный 1 апреля 1916 г., свидетельствует о том, что он не только отлично усвоил все дисциплины, которые ему преподавали в училище, но и совершенствовал свои знания в процессе прохождения службы. Неудивительно, что, когда поручик решил оставить армию, руководство части, в которой он служил, было очень недовольно расставанием с офицером, деловые качества которого гарантировали ему блестящую военную карьеру.

Отношение командования к А.А. Миллеру высказано в выданном ему свидетельстве, подписанном командиром 4-го железнодорожного батальона. В документе от 24 мая 1901 г. указано, что «...поручик Миллер уже с первых шагов своей службы обратил на себя внимание своими выдающимися способностями и знаниями, благодаря чему ему было неоднократно поручено исполнение служебных дел особой важности. Он отмечен безукоризненным поведением. Выдается это свидетельство поручику Миллеру, увольняемому в 11-месячный отпуск с целью перемены службы для дальнейшего развития своих способностей. Я не могу не высказать моего сожаления о потере в его лице выдающегося офицера, что письмом своей с приложением казенной печати удостоверяю»¹⁷.

Обстоятельства, побудившие молодого офицера уйти со службы, неизвестны. Можно предположить, что в душе поручика взяла верх тяга к совершенно иной сфере деятельности. Трудно сказать, когда у него возник интерес к древностям южных и юго-западных губерний России, к быту и обычаям населяющих их народов. Но, очевидно, к началу XX в. эти стремления уже окончательно оформилась. Отдав дань семейным традициям, А.А. Миллер, вероятно, почувствовал в себе силы порвать с ними и связать себя с наукой, увлечение которой давно гнездились в его сердце. Так или иначе, он, отойдя от обычаев семьи, воспитавшей не одно поколение боевых офицеров, оставил службу в мае 1901 г. Позднее А.А. Миллер, очевидно, подал прошение о переводе в запас. 12 мая 1902 г. в соответствии с приказом, подписанным императором, он был зачислен в запас по Таганрогскому округу¹⁸.

¹⁵ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. I. Л. 1–1 об., 14 об.; Оп. 6. Д. 882. Л. 76 об.; АУФСБ. Д. П 30696. Т. II. Л. 533; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 430; Л. 3; *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. С. 162.

¹⁶ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. I. Л. 18 об.

¹⁷ Там же. Л. 10.

¹⁸ Там же. Л. 12, 20 об.

Оставив военную службу, бывший офицер отправился в Париж, чтобы получить «специальное образование»¹⁹, причем особое значение А.А. Миллер придавал своим занятиям в Высшей школе антропологии в Париже, информация о которой часто встречается в сохранившихся документах. В трех из них, относящихся к 1919, 1931 и 1933 гг., это учебное заведение только упоминается²⁰. Другие пять свидетельств содержат о нем более подробные сведения. В письме товарища управляющего РМ графа Д.И. Толстого, адресованном 24 января 1909 г. А.А. Мосолову, начальнику канцелярии Министерства Императорского двора и уделов, сообщается, видимо, со слов самого ученого, что он слушал в парижской школе систематические курсы по антропологии, этнологии, этнографии, археологии и истории культуры²¹. В собственноручно написанном в начале 1920-х гг. Curriculum Vitae (далее CV) А.А. Миллер пишет, что работал в этом учебном заведении и музеях до 1905 г.²² В его личном деле, хранящемся в ГАИМК, имеется листок по учету кадров, заполненный 29 марта 1931 г. В нем исследователь указал, что после окончания археологического отделения Антропологической школы получил специальность «археолог-доисторик»²³.

А.А. Миллер посещал в Париже еще одно учебное заведение — Русскую высшую школу общественных наук при французской Высшей школе социальных наук²⁴, которую возглавляли видные русские ученые (биолог И.И. Мечников, историк и правовед М.М. Ковалевский, юрист Ю.С. Гамбаров), лишённые права преподавать в университетах России. Эти профессора продолжили свою деятельность в Париже, куда стали приезжать молодые люди из России, не имеющие по различным причинам возможности получать образование на родине²⁵. А.А. Миллер сообщает в CV, что в Русской школе он слушал лекции по доисторической археологии и истории первобытной культуры²⁶. Позднее А.А. Миллер указывал, что в течение двух лет (1901–1903) занимался здесь по специальности «древний мир», но не окончил это учебное заведение²⁷.

В целом рассмотренные сведения позволяют сделать вывод, отчасти разделяемый и Л.С. Клейном²⁸, о том, что главная цель длительного пребывания в Париже отставного офицера заключалась в получении им здесь археологического и этнографического образования. На родине ученого этим гуманитарным специальностям

¹⁹ Там же. Ч. II. Л. 2; Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. С. 162.

²⁰ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 1; СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 472. Л. 9; АУФСБ. Д. П 30696. Т. II. Л. 512 об.

²¹ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. I. Л. 25.

²² Там же. Ч. II. Л. 2.

²³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 430. Л. 3.

²⁴ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 2; Оп. 6. Д. 882. Л. 76 об.; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 430. Л. 3; Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. С. 162.

²⁵ Гутнов Д.А. Русская высшая школа общественных наук в Париже. 1901–1906 гг. // История и историки. Историографический вестник. К 100-летию академика М.Ф. Нечкиной / Отв. ред. член-корр. РАН А.Н. Сахаров. М., 2001. С. 243–247, 250, 252, 254–257; Он же. Русская высшая школа общественных наук в Париже. 1901–1906 гг. // Новое и старое в теоретической социологии. Ред. Ю.Н. Давыдов. М., 2003. Кн. 3. С. 215, 217, 221, 223–229; Долгова Е.А. Образовательная концепция Русской высшей школы общественных наук в Париже // Вопросы образования. 2011. № 2. С. 270–272, 274–275, 277–278.

²⁶ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 2.

²⁷ Там же. Оп. 6. Д. 882. Л. 76 об.; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 430. Л. 3.

²⁸ Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Археология советской эпохи. Т. 2. СПб., 2014. С. 29.

обучали только в университетах, но в России в соответствии с университетским уставом 1884 г. право поступления в эти учебные заведения предоставлялось лишь лицам, окончившим гимназию или приравненное к ней образовательное учреждение²⁹. Ни кадетский корпус, ни военное инженерное училище, которые окончил А.А. Миллер, такого статуса не имели. Чтобы получить профессиональную гуманитарную подготовку, молодому человеку пришлось покинуть военную службу и отправиться на чужбину.

В 1904 г. начинающий ученый становится членом Французского доисторического общества³⁰. В официальных документах сообщается также о членстве А.А. Миллера во Французском антропологическом обществе, что подтверждается справкой от 7 декабря 1930 г., подготовленной администрацией ГРМ для сектора науки Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпрос)³¹.

Итак, род занятий А.А. Миллера во Франции и в России на протяжении 1901–1905 гг. свидетельствует о том, что уже тогда изыскания в области археологии и этнографии сделали для него приоритетными. Но эта деятельность не исключала увлечения молодым исследователем живописью, о чем известно из его частной переписки тех лет³².

В зарубежный период своей жизни А.А. Миллер сблизился с русским эмигрантом, профессором Фёдором Кондратьевичем Волковым (1847–1918), лекции которого молодой исследователь слушал в Русской высшей школе общественных наук³³. Некоторые историографы полагают, что именно выходец из России стал научным наставником А.А. Миллера, повлияв на его формирование как археолога³⁴. В действительности А.А. Миллер не являлся последователем Ф.К. Волкова в общепринятом смысле этого слова. В их единственной совместной публикации, вышедшей в свет во Франции³⁵, вклад Ф.К. Волкова никак не прослеживается. Характер их взаимоотношений довольно точно оценил А.М. Решетов, подчеркнув, что первый учился у последнего³⁶, то есть профессор обучал студента. Следовательно, А.А. Миллер принадлежал к той категории людей, которые сделали себя сами.

²⁹ Аврус А.И. История российских университетов. Очерки. М., 2001. С. 32; Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть I) // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. I (гуманитарные науки). С. 33.

³⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 430. Л. 7. Вступление молодого исследователя в это общество не могло состояться ранее 6 января 1904 г.

³¹ АГРМ (I). Оп. 6. Д. 882. Л. 77.

³² Тихонов И.Л. Александр А. Миллер и его учитель Фёдор К. Волков // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур и культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы международной научной конференции и Гумбольдт-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб., 2015. С. 40.

³³ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 2; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 430. Л. 6; Долгова Е. А. Образовательная концепция Русской высшей школы общественных наук в Париже. С. 272, 274.

³⁴ См., напр.: Платонова Н.И. Казак А.А. Миллер — археолог и этнограф // Казачий Петербург. Сборник статей первой региональной научно-практической конференции. СПб., 1995. С. 25; Семенов А.И. Фёдор Волков, Александр и Михаил Миллеры // Традиции отечественной палеоэтнологии. С. 38; Тихонов И.Л. Александр А. Миллер и его учитель Фёдор К. Волков. С. 39.

³⁵ Volkov Th., Miller A. Les fouilles récentes près du Takanrog et les Kamennya baby // Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris. 1903. Ve Série. Vol. 4. No 1. P. 109–111.

³⁶ Решетов А.М. Александр Александрович Миллер — выдающийся археолог, этнограф и музеевед // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сб. науч. тр. / Под ред. А.Г. Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. Нальчик; Омск, 2001. С. 9.

Завершив, вероятно, осенью 1904 г. обучение в Высшей школе антропологии в Париже А.А. Миллер работал в ней в течение зимы и, возможно, весны 1905 г. К этому времени Русско-японская война, начавшаяся в январе 1904 г., приобрела неблагоприятный для Российской империи характер. Русская армия понесла потери на Дальнем Востоке, и офицеров запаса стали возвращать на службу. 27 июня 1905 г. А.А. Миллер был призван в армию и отправлен в распоряжение командира 4-го железнодорожного батальона³⁷. Следовательно, к этому времени он уже должен был находиться в России.

9 января 1906 г. А.А. Миллер получил звание штабс-капитана, но уже 30 марта 1906 г. вновь уволился в запас³⁸. В CV ученый сообщает, что оставил военную службу, чтобы всецело посвятить себя науке³⁹. Это намерение имело под собой веские основания. Еще будучи слушателем Высшей школы антропологии в Париже, А.А. Миллер проводил археологические изыскания в России, приезжая в Таганрог на летние каникулы в 1902–1904 гг. Эти полевые работы, к которым он привлек своего младшего брата, включали раскопки курганных могильников в Таганрогском округе Области Войска Донского у села Покровского и поселка Гусельщикова около станицы Новониколаевской⁴⁰. Раскопки начались, вероятно, по заданию Подготовительного комитета, созданного для организации XII Археологического съезда, который состоялся в Харькове в 1902 г. Предварительные результаты своих исследований А.А. Миллер сумел опубликовать в четырех заметках⁴¹. Тогда же он приступил к сбору материалов по «каменным бабам», изваяниям скифского и средневекового времени, и принял участие в организации Таганрогского музея⁴². К 1905 г. относятся также первые изыскания А.А. Миллера в области этнографии, когда внимание жаждущего научной деятельности офицера привлек быт белорусов Минской губернии, у которых он собрал коллекцию предметов народного искусства⁴³.

После демобилизации А.А. Миллер связал свою судьбу с ЭО РМ. В упомянутом выше письме графа Д.И. Толстого, адресованном А.А. Мосолову, сообщается, что А.А. Миллер начал работать в музее с 1906 г., а с января 1908 г. служил по вольному найму⁴⁴. Весной 1906 г. музей командировал молодого специалиста на юг России для изучения быта донских калмыков и сбора коллекции предметов их

³⁷ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. I. Л. 20 об.

³⁸ Там же. Л. 21 об.; Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. С. 162–163.

³⁹ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 2.

⁴⁰ Ларенок В.А. Средневековые комплексы из раскопок братьев Миллеров в начале XX в. (по материалам архива Таганрогского музея-заповедника) // Донская археология. 1998. № 1. С. 77; Миллер А. Область Войска Донского // ИИАК. 1903. Вып. 5. Прибавление. С. 48–50; Он же. Раскопки в Таганрогском округе // Труды XII АС в Харькове в 1902 г. Т. I. М., 1905. С. 748–751; Miller A. Fouilles de Kourgans en Russie Méridionale // L'Homme Préhistorique. 1904. 2e année. No 7. P. 209–216.

⁴¹ Миллер А. Археологические изыскания в окрестностях Таганрога // Археологическая летопись Южной России. 1903. № 2. С. 87–94; Он же. Раскопки в Таганрогском округе. С. 748–751; Он же. Fouilles de Kourgans en Russie Méridionale. P. 209–216.

⁴² АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 2; Миллер А. Область Войска Донского. С. 49–50.

⁴³ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 2.

⁴⁴ Там же. Ч. I. Л. 24.

материальной культуры⁴⁵. Очевидно, задание было выполнено успешно, так как с 1907 г. по 1908 г. он уже внештатный сотрудник ЭО РМ⁴⁶. Зимой 1907/1908 гг. А.А. Миллер проводил этнографические сборы в Могилевской губернии у белорусов и евреев, а летом 1908 г. изучал ковровые и ткацкие изделия на Кавказе: в Кубе, Шемахе и Тифлисе⁴⁷.

Ученый не прекращал и занятий археологией, точнее тем ее направлением, которое в отечественной науке на протяжении последней трети XIX в. — первой трети XX вв. получило название палеоэтнологии⁴⁸. Те, кто в прошлом постоянно использовали этот термин в своей профессиональной деятельности, не оставили его развернутой формулировки. Например, В.А. Городцов под палеоэтнологией подразумевал доисторическую или первобытную археологию⁴⁹. В подобном же духе высказывался и А.А. Спицын, определявший археологию как историческую этнографию, и этот его взгляд встретил полную поддержку со стороны московского этнографа Б.С. Жукова⁵⁰. Примерно в том же ключе характеризуется палеоэтнология в отечественных справочных изданиях первой трети XX столетия. Она определяется как доисторическая археология, изучающая ископаемых людей, их расы и остатки их культуры, или как доисторическая археология, исследующая культуру человека, непосредственно оставшуюся от прошлого в земле, с целью познания доисторической эпохи, то есть того периода жизни человечества в целом, который предшествовал появлению у него письменности. Очевидно, и А.А. Миллер рассматривал палеоэтнологию как доисторическую или первобытную археологию.

В 1906 г. он завершил исследования могильников X–XIV вв. у села Покровского и поселка Гусельщикова⁵¹. С 1907 г. начинается его сотрудничество с ИАК, по поручению которой исследователь провел археологическое обследование кавказского побережья Черного моря в Сухумском округе и Черноморской губернии (ныне прибрежная зона Краснодарского края и Республики Абхазии)⁵².

⁴⁵ Там же. Ч. II. Л. 2; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 430. Л. 7; Решетов А.М. Александр Александрович Миллер — выдающийся археолог, этнограф и музейвед. С. 9.

⁴⁶ АГРМ (I). Оп. 6. Д. 882. Л. 76.

⁴⁷ Там же. Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 2.

⁴⁸ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. С. 130.

⁴⁹ Городцов А.В. Первобытная археология. Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М., 1908. С. 6.

⁵⁰ Жуков Б.С. Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп (По материалам волгофинских погребенных культур) // Под редакцией В.В. Богданова и С.П. Толстова. Культура и быт населения Центрально-Промышленной области (этнологические исследования и материалы), 2-е Совещание этнологов Ц. П. О., 7–10 декабря 1927 г. М., 1929. С. 31.

⁵¹ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 2; Миллер А.А. Область Войска Донского // ИИАК. 1907. Вып. 21. Прибавление. С. 35–38; Он же. Раскопки курганов в окрестностях Таганрога в 1902–1906 гг. // ЗОРСА ИРАО. 1909. Т. VIII. Вып. 2. Протоколы заседаний Отделения русской и славянской археологии ИРАО за 1907 г. Заседание 14 апреля, IV. С. 285–286.

⁵² АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 2; Миллер А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИИАК. 1909. Вып. 33. С. 71–102; Решетов А.М. Александр Александрович Миллер — выдающийся археолог, этнограф и музейвед. С. 9; Раскопки Миллера А.А. в Сухумском округе и Черноморской губернии // ОАК за 1907 г. СПб., 1910. С. 93–95; Стеганцева В.Я., Рысин М.Б. Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, под общей ред. чл.-корр. РАН Е.Н. Носова. СПб., 2009. С. 686–687.

В следующем, 1908 г. исследователь осуществил полевые изыскания на Елизаветовском городище в дельте Дона⁵³. Верхний слой памятника характеризовался фрагментами «красных греческих амфор», относящихся к IV–III вв. до н. э., а нижний — их отсутствием⁵⁴. Кроме того, ученый раскопал семь небольших курганов из обширного могильника, находящегося южнее городища⁵⁵. Анализируя керамику, найденную при раскопках могильника, А.А. Миллер в одной из работ заключил, что она датируется IV–III вв. до н. э.⁵⁶

С 12 декабря 1908 г. отставной офицер становится постоянным сотрудником РМ⁵⁷. В ведении нового хранителя должна была находиться этнография Поволжья, Кавказа, Средней Азии, а также азиатских стран, прилегающих к границам Российской империи⁵⁸. Из письма товарища управляющего РМ графа Д.И. Толстого следует, что руководство РМ было хорошо осведомлено о научной деятельности А.А. Миллера, который «...работал систематически над собиранием коллекций на Кавказе и в Белоруссии, а также над их обработкой и систематизацией. Во всех сферах этой работы он обнаружил большую работоспособность, знание дела и в выполнении возложенных на него поручений точную исполнительность... Миллер является незаменимым работником при решении многих технических и художественных вопросов, связанных с выставкой коллекций в новом здании [музея]... в лице Миллера музей приобретает вполне компетентного научного сотрудника, военное же звание его — лишняя гарантия точного и согласного с военной присягой исполнения служебного долга»⁵⁹. Эта блестящая характеристика, в сущности, совпадает с рекомендациями, полученными А.А. Миллером от армейского начальства при его первом увольнении с военной службы.

⁵³ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 2; *Виноградов Ю.А.* Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). С. 392; *Миллер А.А.* К вопросу о Танаисе // *Гермес*. 1909. Т. 4. № 3 (29). С. 77–79; *Он же.* Раскопки в районе древнего Танаиса // ИИАК. 1910. Вып. 35. С. 86–124; *Он же.* Археологические исследования в устье Дона // Труды XIV АС в Чернигове в 1909 г. М., 1911. Т. 3. С. 83–88; *Он же.* Курганный могильник в районе древнего Танаиса // Протоколы заседаний и отчеты РАО при ИСПбУ за 1909/10–1911/2 гг. Заседание 1 марта 1911 г. СПб., 1912. С. 38–39; *Он же.* Раскопки в районе древнего Танаиса в 1908–1911 гг. // Древности. 1914. Т. 24. С. 303; *Решетов А.М.* Александр Александрович Миллер — выдающийся археолог, этнограф и музейевед. С. 9; *Стеганцева В.Я., Рысин М.Б.* Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). С. 686.

⁵⁴ *Миллер А.А.* К вопросу о Танаисе. С. 79; *Он же.* Раскопки в районе древнего Танаиса. С. 121–122; *Он же.* Археологические исследования в устье Дона. С. 86; Раскопки Миллера А.А. в Донской области // ОАК за 1908 г. С. 130.

⁵⁵ *Миллер А.А.* К вопросу о Танаисе. С. 790; *Он же.* Раскопки в районе древнего Танаиса. С. 93–98; *Он же.* Археологические исследования в устье Дона. С. 88; *Ушаков И. И.* Раскопки в низовьях Дона // ИИАК. 1908. Вып. 27. Прибавление. С. 43.

⁵⁶ *Миллер А.А.* К вопросу о Танаисе. С. 79; *Он же.* Археологические исследования в устье Дона. С. 88; *Он же.* Изложение реферата «Памятники старины в устье Дона, Танаис. Разведки и раскопки 1908 и 1909 гг.» // ЗРВАА ИРВИО. 1911. Т. I. С. VIII.

⁵⁷ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 2; Оп. 6. Д. 882. Л. 76 об.; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 430. Л. 3 об., 6 об.; *Клейн Л.С.* История российской археологии. Т. 2. С. 30–31; *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. С. 166.

⁵⁸ *Дмитриев С.В.* Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930 гг.). СПб., 2012. С. 244.

⁵⁹ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. I. Л. 24–25.

Все свои научные изыскания 1909 г. А.А. Миллер проводил уже как сотрудник ЭО РМ. Эти мероприятия включали поездку в Елизаветпольскую губернию (ныне часть Азербайджана) для изучения коврового производства и собирания коллекций, а также вояж в Кубу (Дагестан) для изучения культуры горских евреев и собирания коллекций⁶⁰. Кроме того, ученый проводил археологические разведки по Черноморскому побережью в окрестностях поселка Солнцедар (ныне г. Геленджик)⁶¹.

Затем А.А. Миллер заложил на Елизаветовском городище раскоп⁶² и вновь исследовал близлежащий к поселению некрополь, где раскопал 18 курганов⁶³. На основании обнаруженной на городище импортной греческой и варварской лепной керамики, аналогичной посуде, которая была найдена при исследовании некрополя, А.А. Миллер идентифицировал памятник как древнегреческий город Танаис⁶⁴. Современные исследователи отвергают эту локализацию. В настоящее время установлено, что с конца VI по конец IV вв. до н. э. городище являлось скифским поселением, затем здесь была основана греческая колония, просуществовавшая до 270-х гг. до н. э.⁶⁵ Исходя из современной датировки поселения, нельзя не удивиться познаниям А.А. Миллера в области античной керамики, которые позволили ему, на заре исследования античных древностей России, верно определить дату одного из важнейших памятников на ее юге.

Осмотр курганов, лежащих вблизи Елизаветовского городища, подвел исследователя к выводу о том, что «...лишь два способа достигнуть могилы представляется возможным: раскоп широкой ямой на большой площади и ведение мины, но с деревянными солидными крепями и обшивкой»⁶⁶. Ученый выбрал первый из них, который позволял лучше исследовать и насыпь кургана, и находящееся под ней захоронение, причем раскопки кургана начинались с восточной насыпи, которую «снимали пластами до уровня горизонта, где обыкновенно уже обнаруживались очертания могильной ямы»⁶⁷. В другой публикации А.А. Миллер сообщает, что «курганы расследовались широкими прямоугольными площадями с восточной насыпи или круглыми широкими колодцами с центра»⁶⁸. Хотя и при такой методике раскопок нельзя полностью изучить структуру насыпи, но все же можно получить представление о ее составе.

⁶⁰ Решетов А.М. Александр Александрович Миллер — выдающийся археолог, этнограф и музевед. С. 10.

⁶¹ Миллер А.А. О черкесских погребениях черноморского побережья // ЗОРСА ИРАО. 1909. Т. IX. С. 310–312; Раскопки Миллера А.А. в Черноморской губернии // ОАК за 1909 и 1910 гг. С. 160–162.

⁶² АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 2; Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса в 1908–1911 гг. С. 303; Раскопки Миллера А.А. в Области войска Донского // ИИАК. 1909. Вып. 32. Прибавление. С. 69–71; Ушаков И.И. Раскопки А.А. Миллера в окрестностях станицы Елизаветовской // ИИАК. 1909. Вып. 31. Прибавление. С. 21–23.

⁶³ Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса. С. 86, 98–109, 112–116; Ушаков И. И. Раскопки А.А. Миллера в окрестностях станицы Елизаветовской. С. 21–23.

⁶⁴ Миллер А. К вопросу о Танаисе. С. 79; Он же. Раскопки в районе древнего Танаиса. 1910. С. 124; Он же. Археологические исследования в устье Дона. С. 88.

⁶⁵ Виноградов Ю.А. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). С. 392.

⁶⁶ Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса. 1910. С. 91.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Раскопки Миллера А.А. в Донской области // ОАК за 1908 г. С. 130.

Исследования культурного слоя на раскопах Елизаветовского городища «...производилось путем снятия пластов земли, до 30 см толщиной...»⁶⁹, но при этом не удалось выявить никаких строительных остатков. Разумеется, материал, полученный подобным методом, мог принадлежать различным строительным горизонтам, поэтому снятие культурного слоя такими мощными пластами нельзя признать удачным решением. К этому времени А.А. Миллер пришел к убеждению, что раскопки частично разрушают археологический памятник, и поэтому перед началом его систематического исследования необходимо снять точный инструментальный план городища и его ближайших окрестностей. Эту идею он впервые высказал 2 апреля 1911 г. на заседании Разряда военной археологии и археографии ИРВИО⁷⁰.

В 1910 г. А.А. Миллер посещает Кубанскую область и Черноморскую губернию, где изучает материальную культуру черкесов и кавказские каменные статуи. В 1911 г. он побывал и в Тифлисе для сбора этнографических коллекций и изучения ювелирного дела у местных ремесленников. В 1912 г. с той же целью исследователь работал в Батумской области и Черноморской губернии. В 1913 г. А.А. Миллер посетил Крым, где изучал материальную культуру татар, караимов и цыган, а в 1910–1914 гг. собирал небольшие этнографические коллекции у донских казаков и украинцев⁷¹. В 1914 г. он опубликовал статью, посвященную анализу традиционных усадеб западных черкесских племен, населявших северные предгорья Кавказа до рек Кубани и Лабы и все побережье Черного моря до реки Шахе и несколько южнее⁷².

В 1910–1914 гг. ученый продолжил исследования курганного могильника у станицы Елисаветовской⁷³. Он дополняет методику своих изысканий на курганах, указывая, что постепенным снятием земляных пластов раскапывались лишь маленькие насыпи, исследование же больших курганов начиналось с их нивелировки. «Самая насыпь раскапывалась отвалами. Когда раскопка приближалась к центру и обнаруживалась могильная яма, то он углублялся непосредственно в могилу. Очищение предметов производилось специальным резакон, а не совком. Предметы вынимались из могилы только после непосредственного их изучения на месте и фотографирования»⁷⁴.

⁶⁹ Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса. С. 122.

⁷⁰ Миллер А.А. Выступление на обсуждении реферата Н.Н. Репникова «Раскопки 1909–1910 г. городища Ладога» // ЗРВАА ИРВИО. 1912. Т. II. С. XI.

⁷¹ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 2–3 об.; Решетов А.М. Александр Александрович Миллер — выдающийся археолог, этнограф и музейвед. С. 10.

⁷² Миллер А. Черкесские постройки // МЭР. 1914. Т. II. С. 57–78.

⁷³ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 2–3; Миллер А.А. Изложение реферата «Раскопки в районе древнего Танаиса» // ЗРВАА ИРВИО. 1912. Т. II. С. IV–V; Он же. Технические приемы при раскопках на месте древнего Танаиса С. 44; Он же. Раскопки в районе древнего Танаиса в 1908–1911 гг. 1914. С. 303; Он же. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 г. // ИИАК. 1914. Вып. 56. С. 220–247; Решетов А.М. Александр Александрович Миллер — выдающийся археолог, этнограф и музейвед. С. 10; Стеганцева В.Я., Рысин М.Б. Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). С. 689, 773.

⁷⁴ Миллер А.А. Технические приемы при раскопках на месте древнего Танаиса. С. 44.

В 1910–1911 гг. было раскопано 52 кургана, причем почти все они относились к скифскому и сарматскому времени (VI–I вв. до н. э.)⁷⁵. Тщательная методика раскопок позволила А.А. Миллеру исследовать структуру насыпи курганов, проследить песчаные валики вокруг расположенных под насыпью основных могильных ям, а также выявлять остатки покрывавшей их дно толстой камышовой подстилки и обнаруживать ровики вокруг курганов⁷⁶. В течение этих двух полевых сезонов на территории могильника были обнаружены и курганы с захоронениями бронзового века, в которых находились скелеты людей, лежащие в скорченном положении со следами красной краски костях⁷⁷. В 1910 г. исследователь также проводил изыскания на Елизаветовском городище⁷⁸, а через два года продолжил работы на расположенном рядом курганном могильнике, где раскопал 22 кургана⁷⁹. Работы здесь имели место и в 1914 г., когда ученый доследовал курган № 2, а также раскопал три новых кургана⁸⁰.

И все же дореволюционным археологическим изысканиям А.А. Миллера не хватало масштабности, которая так характерна для его этнографических экспедиций, охвативших своими маршрутами многие регионы Кавказа. Главный результат археологических раскопок, проведенных ученым до 1917 г., заключался в освоении им методики исследования различных типов памятников. Статьи, в которых они рассматриваются, представляют собой большей частью краткие или развернутые полевые отчеты, в которых нет ни широких культурно-хронологических обобщений, ни теоретического осмысления возможностей археологических источников.

Начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война почти не изменила его устоявшийся в течение восьми лет образ жизни музейного сотрудника. Полтора годами ранее уволенный из запаса с зачислением в саперное ополчение, он получил отношение от Санкт-Петербургского губернского Присутствия по воинской повинности о том, что занимаемая им должность освобождает от призыва в действующую армию⁸¹. Однако регулярные этнографические и археологические полевые изыскания в этот период пришлось прервать. И все же одну экспедицию в это непростое для страны время А.А. Миллеру удалось организовать. В январе-феврале 1916 г. успехи русского оружия привели к тому, что императорская армия вступила в пределы Османской империи — в Восточную Анатолию, где находилось множество археологических и культурно-исторических памятников. В связи с этим в марте 1916 г. А.А. Миллер обратился к управляющему РМ, великому князю Георгию Михайловичу, с докладом о необходимости отправить в Ванскую область Турции экспедицию ЭО РМ. Получив от последнего согласие, граф Д.И. Толстой подготовил для великого князя доклад по этому

⁷⁵ *Он же*. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 г. С. 220.

⁷⁶ *Он же*. Раскопки в районе древнего Танаиса в 1908–1911 гг. С. 303.

⁷⁷ *Он же*. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 г. С. 220, 224–225; Раскопки Миллера А.А. в Донской области // ОАК за 1909 и 1910 гг. С. 142–143; Раскопки Миллера А.А. в Области войска Донского // ОАК за 1911 г. С. 47.

⁷⁸ Раскопки Миллера А.А. в Донской области // ОАК за 1909 и 1910 гг. С. 141, 146.

⁷⁹ Раскопки Миллера А.А. в Области войска Донского // ОАК за 1912 г. С. 61.

⁸⁰ Раскопки Миллера А.А. в Донской области // ОАК за 1913–1915 гг. С. 171–172.

⁸¹ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. I. Л. 66, 96.

вопросу, с которым тот обратился к императору. 16 апреля 1916 г. Николай II наложил на докладе резолюцию: «Вполне одобряю. Нужно торопиться». Позднее, ознакомившись с приложениями к докладу, государь 18 апреля наложил еще одну резолюцию: «Кabinetу следует прийти на помощь научным экспедициям»⁸².

Поскольку в то время возглавлять данный проект должен был военный человек, 6 апреля А.А. Миллера, приписанного к саперному полчению, призывают в него на службу и направляют в распоряжение великого князя Георгия Михайловича для руководства планируемой этнографической экспедицией в Восточную Анатолию⁸³. Кроме А.А. Миллера в состав экспедиции были включены преподаватель Эчмиадзинской армянской духовной академии П.Н. Макинциан, как специалист, знающий армянский язык; молодой антрополог А.Г. Алешо и служитель ЭО РМ, старший унтер-офицер И.И. Иванов⁸⁴. Участники экспедиции прибыли в Тифлис и оттуда 1 июня при поддержке армейских служб отправились в Ванскую область. Там экспедиция работала около двух месяцев. В основном она приобретала этнографические предметы у местного населения. Собранная коллекция была в специальных вагонах доставлена из Вана в Тифлис, где была переупакована в помещении Кавказского музея и в октябре отправлена в Петроград. После возвращения А.А. Миллер в начале октября вновь возвращается к обязанностям хранителя ЭО РМ⁸⁵.

Революция 1917 г. упразднила многие государственные, научные и общественные организации императорской России. Но даже в тех из них, которые уцелели, руководство было полностью сменено. Не стал в этом отношении исключением и РМ. Выборы его первого при новой власти директора состоялись 2 марта 1918 г. На них неожиданно победил А.А. Миллер, за кандидатуру которого из 15 выборщиков было подано 10 голосов при двух против и трех воздержавшихся. Очевидно, административный опыт А.А. Миллера, его практичность, дисциплинированность бывшего строевого офицера и умение добиваться поставленных им перед коллективом целей способствовали тому, что в тяжелейших условиях послереволюционного голода, холода, разрухи и анархии сотрудники предпочли видеть именно его на посту директора. 28 декабря того же года ученого избрали заведующим ЭО РМ⁸⁶. Ранее 22 марта 1918 г. А.А. Миллер становится членом Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе⁸⁷.

На посту руководителя РМ А.А. Миллер решал сложные научно-организационные вопросы. Например, он предложил 17 июня 1918 г. на заседании вышеупомянутой Коллегии проект реорганизации музея⁸⁸. Однако зачастую ему приходилось заниматься не научными проблемами. В годы директорства А.А. Миллера остро стоял вопрос о снабжении РМ дровами для отопления помещений, чтобы поддерживать необходимый для сохранности экспонатов температурный режим залов и хранилищ. Поэтому ученый решил ходатайствовать о выдаче аванса

⁸² Там же. Оп. 1. Д. 677. Л. 1–5.

⁸³ Там же. Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 3; Оп. 1. Д. 677. Л. 4 об., 10 об., 11, 21.

⁸⁴ Там же. Оп. 1. Д. 677. Л. 21.

⁸⁵ Там же. Оп. 10. Д. 298. Ч. I. Л. 97, 100–101.

⁸⁶ Там же. Ч. II. Л. 1 об.; Оп. 6. Д. 19. Л. 13, Д. 41. Л. 12.

⁸⁷ Там же. Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 3 об., Ч. III. Л. 7.

⁸⁸ Там же. Оп. 6. Д. 16. Л. 11–12 об.

на закупку музеем дров и доставки их в музей, а также создать специальную комиссию, которая выработала бы меры по предотвращению гибели и порчи коллекций⁸⁹.

12 августа 1919 г. советские власти призвали А.А. Миллера на военную службу и зачислили его техником в 31-ю отдельную железнодорожную роту. Впрочем, по ходатайству комиссара РМ ему разрешили продолжать работу в учреждении в свободное от военной службы время⁹⁰. Все же А.А. Миллеру пришлось прослужить в Красной Армии девять месяцев в 1919–1920 гг., при Петроградском штабе железнодорожных войск Северного фронта⁹¹, где он исполнял обязанности председателя экзаменационной комиссии по пополнению технических войск РККА⁹².

Ученый заведовал РМ до 16 мая 1921 г., а ЭО — до 28 декабря 1921 г. В новых выборах директора РМ, состоявшихся 12 мая 1921 г., участвовало 17 выборщиков, имевших 19 голосов. При первой баллотировке за А.А. Миллера было подано всего четыре голоса, после чего он снял свою кандидатуру. При второй баллотировке искусствовед П.Н. Сычѳв получил 16 голосов при одном воздержавшемся и стал победителем. Таким образом, исследователь сыграл, говоря современным языком, роль кризисного менеджера, которого научный коллектив отказался поддержать, когда в музейном деле страны наметилась тенденция к стабилизации. А.А. Миллер вернулся к исполнению своих прежних обязанностей хранителя отделения этнографии Кавказа и Средней Азии ЭО РМ⁹³.

Однако будучи незаурядным специалистом и волевой личностью, он нашел применение своим способностям в ином научном учреждении. Речь идет о структуре, которая после падения в России монархии заменила ИАК. Вначале вместо последней создали Российскую Государственную археологическую комиссию (РГАК)⁹⁴, членом которой избрали А.А. Миллера⁹⁵. Позднее это учреждение было преобразовано в РАИМК, декрет о создании был утверждѳн на заседании Малого Совета Совнаркома 18 апреля 1919 г.⁹⁶ 5 августа 1919 г. было создано собрание для выбора членов РАИМК. Оно закончило работу 7 августа, и с этого числа Академия начала свою деятельность. В нее было избрано 28 человек, в том числе и А.А. Миллер, ставший заведующим ее первым (этнологическим) отделением, в состав которого входили разряды древностей Кавказа и прилегающих стран, древностей Юго-Восточной России и Средней Азии, древностей Северо-Восточной России и Сибири. Именно сюда и перенес свою научно-организационную деятельность ученый после того, как к концу 1921 г. лишился лидирующих позиций в РМ. В РАИМК (с начала 1926 г. — ГАИМК) он также руководил разрядом палеоэтнологии, а затем по мере реорганизации структуры ГАИМК ее различными подразделениями: с 1929 г. — разрядом раннеметаллических культур, с 1930 г. — подсектором культур, переходных к классовой культуре (земледельческо-скотоводческая стадия) в Секторе архаических формаций; с 1931 г. — группой хо-

⁸⁹ Там же. Оп. 6. Д. 40. Л. 7–9 об.

⁹⁰ Там же. Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 1 об., 9.

⁹¹ Там же. Оп. 6. Д. 882. Л. 76.

⁹² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 430. Л. 3 об.

⁹³ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 1 об., 3 об., 8, 8 об.; Д. 204. Л. 78, 78 об., 80, 85; Д. 194. Л. 39 об., 40; Д. 194а. Л. 30 об.

⁹⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1919 г. Д. 1. Л. 39 об.; *Пескарѳва К. М.* К истории создания Российской Академии истории материальной культуры // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 26–27.

⁹⁵ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 3 об.

⁹⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1919 г. Д. 1. Л. 76, 102.

зайства эпохи бронзы и группой отдельных производств в эпоху бронзы, с 1932 г. по 1933 г. — бригадой родового общества в Секторе доклассового общества⁹⁷.

К моменту создания РАИМК у А.А. Миллера уже сложился концептуальный взгляд на археологию как науку, который он изложил, выступая 15 февраля 1919 г. на вечернем заседании гуманитарно-художественной секции Музейной конференции в Петрограде⁹⁸. В этом докладе содержится два положения, принципиально новые для отечественной науки о древностях того времени. Во-первых, ученый подчеркнул, что в археологическом секторе в нашей стране необходимо создавать культурно-исторические музеи, которые в России почти не существуют или существуют в таком виде, который надлежит перестроить. В этих музеях нужно хранить не являющиеся произведениями искусства артефакты, которые происходят из древних памятников бытового характера. Изучение именно таких вещей является очередной задачей отечественной археологии.

Далее А.А. Миллер отметил, как значительна разница методов собирания археологических и этнографических материалов. Поэтому археологические и этнографические музеи должны существовать отдельно. Исследователь предложил создать в Петрограде Археологический музей, в котором были бы собраны преимущественно вещи бытового характера. В этом хранилище древностей должны работать и археологи, и специалисты негуманитарных наук для всестороннего изучения найденных артефактов. А.А. Миллер настаивал на том, чтобы вновь создаваемый музей имел современное техническое оборудование, так как лишь в этом случае можно пользоваться находками и изучать их. Там должен быть представлен и антропологический материал, анализировать который следовало соответствующему специалисту.

Во-вторых, А.А. Миллер полагал, что археология, базирующаяся на вещественных памятниках бытовой древности, должна изучать вариации форм вещей, которые изменяются, растут, имеют жизнь, дегенерируют и возрождаются в новую форму. Иногда этот процесс называется эволюцией, иногда — вырождением. Нужно изучать закономерности в вариациях форм предметов, чтобы определить, что лежит в основе изменения форм древних культур. Нужно также установить, какое значение имеют комплексы предметов для определенной культуры, поскольку каждый предмет представляет собой известный историко-культурный факт, занимающий место в картине вариаций форм.

Итак, А.А. Миллер определял археологию как культурологическую науку, исследующую проблемы происхождения, развития и исчезновения древних культур. Такой взгляд на археологию стал постепенно распространяться в отечественной науке лишь с середины 1960-х гг. и окончательно утвердился в ней позднее. В 1920-х гг. эта точка зрения не получила поддержки коллег, являвшихся в основном специалистами в области античной и раннесредневековой археологии и не мысливших ее в отрыве от письменных источников.

⁹⁷ АГРМ (I). Ф. 155. Оп. 2. Д. 472. Л. 8–9; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 430. Л. 2, 3 об., 6 об., 7 об.; Оп. 5. Д. 213. Л. 2 об.; *Алехин В.А.* Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН и его предшественники в ИАК — РАИМК — ГАИМК — ИИМК АН СССР (основные вехи истории) // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 25–27; *Он же.* Глава 4. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014). СПб., 2013. С. 111, 113.

⁹⁸ АГРМ (I). Ф. Оп. 6. Д. 132. Л. 1–12.

Заявленное А.А. Миллером понимание археологии нуждалось в обосновании массовым вещевым материалом, который можно было получить только в рамках масштабного проекта, к организации которого ученый приступил в 1922 г., вероятно, в соответствии с давно вынашиваемым им планом. По его замыслу в РАИМК должна была функционировать экспедиция, которая сосредоточилась бы на раскопках археологических памятников Кавказа. В 1922 г. исследователь предоставил план работ этой экспедиции, которой он дал название «Северокавказская».

Весной 1923 г. Госплан РСФСР выделил скромные средства для финансирования Северокавказской экспедиции, и 8 июля её руководитель А.А. Миллер выехал из Петрограда для осмотра археологических коллекций музеев в Донской, Кубанской и Терской областях⁹⁹. В 1924–1925 гг. изыскания экспедиции были продолжены. Раскапывали меотский Усть-Лабинский могильник, а на правом берегу Дона начали стационарные работы на Кобяковом городище возле станицы Аксайской. Этот памятник А.А. Миллер именовал «Кавказской Тройей». В ходе его изучения были выявлены напластования позднего бронзового века, а также слои первых веков н. э. и средневековья¹⁰⁰.

В 1926–1928 гг. участники Северокавказской экспедиции обследовали в основном археологические памятники, расположенные по берегам Дона. Наряду с работами на Кобяковом городище вновь изучалась стратиграфия Елизаветовского городища, которое А.А. Миллер начал раскапывать еще в дореволюционные годы¹⁰¹. В 1928 г. им была создана одна из первых в стране новоэпохных экспедиций, задача которой заключалась в организации археологических разведок и раскопок на трассе строительства Волгодонского канала¹⁰².

В 1929–1930 гг. работы Северокавказской экспедиции были сосредоточены под Нальчиком и Пятигорском. В ходе полевых изысканий ее сотрудники изучали Нальчикский могильник эпохи энеолита, курганы бронзового века и средневековые поселения¹⁰³, а также занимались поисками поселений бронзового века в районе Пятигорска¹⁰⁴. В 1932–1933 гг. экспедиция исследовала археологические памятники в Кабардино-Балкарии¹⁰⁵.

⁹⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1923 г. Д. 1. Л. 5 об., 6; Д. 1/1. Л. 1, 5 об., 6, Д. 6. Л. 42, Д. 15. Л. 10, Д. 74. Л. 6, 13, 84; Миллер А.А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г. // ИРАИМК. 1925. Т. IV. С. 1–42.

¹⁰⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924 г. Д. 1. Л. 200, 282; Д. 101. Л. 11, 13, 15; 1925 г. Д. 1. Л. 177, 237, 237 об., Д. 111. Л. 94; Миллер А.А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 годах // СГАИМК. 1926. Вып. 1. С. 71–142; *Он же*. Северо-Кавказская экспедиция // СГАИМК. 1926. Вып. 1. С. 314–315.

¹⁰¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926 г. Д. 1. Л. 230 об., 235; Д. 15. Л. 34; Д. 94. Л. 2; Д. 95. Л. 23 об., 24; Оп. 1. 1927 г. Д. 102. Л. 2; Оп. 1. 1928 г. Д. 91. Л. 6; Д. 95. Л. 73; Д. 151. Л. 25–28; Оп. 1. 1929 г. Д. 133. Л. 4, 5 об.; Миллер А.А. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. // СГАИМК. 1929. Т. II. С. 61–122; *Он же*. Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае // СГАИМК. 1932. № 9–10. С. 64.

¹⁰² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 111. Л. 5, 38–43; Оп. 1. 1930 г. Д. 117. Л. 15–20.

¹⁰³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 108. Л. 209, 209 об., 211, 218–225; Д. 133. Л. 12, 15; Оп. 1. 1930 г. Д. 115. Л. 98–99, 101–102; Миллер А.А. Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае. С. 64.

¹⁰⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 1. Л. 38, 38 об.; Д. 772. Л. 7; Миллер А.А. Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае. С. 64.

¹⁰⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 113. Л. 6, 18–19; Оп. 1. 1933 г. Д. 239. Л. 105; Миллер А.А. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 1–12. С. 47–51; Алёшкин В.А. Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа. С. 37.

Северокавказская экспедиция ГАИМК. 1928 г. Станица Аксайская (Аксайский район Ростовской области). Сидят в первом ряду слева направо: А. А. Миллер, А.П. Круглов, А.В. Мачинский, Е.Ю. Кричевский, Ливенсон; сидят во втором ряду слева направо: Б.Б. Пиотровский, Л.С. Генералова, А.И. Артамонова, Т.Н. Книпович, Н. Татаринова, А.А. Иессен; стоят слева направо: Г.В. Подгаецкий, П.И. Борисковский, П.Н. Шульц, М.И. Артамонов (ФО НА ИИМК РАН. Нег. II 76882)

Северокавказская экспедиция ГАИМК. Август 1929 г. Кабардино-Балкария. Раскопки Нальчикского могильника. Стоят слева направо – в первом ряду: А. А. Гречкин (фотограф), Г. В. Григорьев, А. Н. Дальский, Н. Титова, Улицкая, Л. С. Генералова, А. М. Оранжиреева, А. А. Миллер, А. П. Круглов; во втором ряду: Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен, Г. В. Подгаецкий, А. В. Мачинский, В. Д. Блаватский, Б. Е. Деген-Ковалевский (ФО НА ИИМК РАН. Нег. II 76880)

С 1930 г. А.А. Миллер возглавил также Таманскую экспедицию ГАИМК, которая выявила в западной части Таманского полуострова свыше 60 городищ и поселений, относящихся к различным эпохам. На Таманском и Фанагорийском городищах были сделаны стратиграфические разрезы. В 1931 г. изыскания на Тамани были продолжены. Сотрудники указанной экспедиции приступили к изучению верхних отложений Таманского городища, которые относились к эпохе Средневековья. В этом же полевом сезоне исследовали расположенный вблизи Тамани могильник с захоронениями античного и средневекового времени¹⁰⁶.

Оценивая археологические работы предвоенного времени в СССР, следует признать, что основные достижения в области изучения древних памятников связаны с полевыми изысканиями Северокавказской и дочерними ей Волгодонской и Таманской экспедициями, которые являлись составными частями единственного масштабного проекта РАИМК / ГАИМК. Благодаря усилиям этих научных коллективов были проведены не только стационарные раскопки, но и выявлены многие новые археологические памятники, вследствие чего впервые удалось определить культурную и хронологическую периодизации древностей в предгорьях Северного Кавказа от эпохи энеолита до средневековья.

В Северокавказской экспедиции, которую возглавлял А.А. Миллер, совершенствовали своё профессиональное мастерство такие известные в будущем археологи, как М.И. Артамонов, А.А. Иессен и Б.Б. Пиотровский. Жизни других талантливых учеников А.А. Миллера оборвались во время Великой Отечественной войны. Одни из них погибли на фронте (С.Н. Аносов, А.П. Круглов, А.В. Мачинский), другие умерли в блокадном Ленинграде (Г.В. Григорьев, Б.Е. Деген-Ковалевский, Е.Ю. Кричевский, Г.В. Подгаецкий)¹⁰⁷. Формирование этих ученых как археологов происходило под сильным влиянием личности их наставника. Таким образом, можно сказать, что А.А. Миллер создал в ГАИМК археологический центр по изучению древних культур юга Европейской части СССР, традиции которого впоследствии развили те его ученики, которых уберегла судьба в тяжелые военные годы.

К сожалению, большая часть добытых Северокавказской экспедицией материалов осталась неизданной. Отчасти это можно объяснить тем, что А.А. Миллер и многие из его учеников преждевременно ушли из жизни. Однако малочисленность крупных публикаций сотрудниками РАИМК/ГАИМК/ИИМК 1920–1930-х гг. характерна для всей отечественной археологии того времени, что контрастирует с успехами в области полевой археологии. Это объясняется не только внедрением марксизма в науку о древностях и, следовательно, сложностями идеологического характера. Дело в том, что к началу деятельности РАИМК территория страны в археологическом отношении во многом представляла собой белое пятно. Перед экспедициями Академии стояла задача накопления артефактов для их последующего осмысления. Ожидать выхода в свет фундаментальных монографий можно было не ранее 1940-х гг., но этому помешала война. В пользу такой точки зрения свидетельствует тот факт, что лишь в 1941 г. были частично опубликованы резуль-

¹⁰⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 31, 37, 43, 47, 68; Оп. 1. 1931 г. Д. 777. Л. 15 об., 28, 31–33, 35–38, 54, 128–130; Миллер А.А. Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае. С. 63.

¹⁰⁷ Бобровская Е.В., Алёшкин В.А. Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛО ИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН РАН // Академическая археология на берегах Невы. С. 329–330, 342, 344, 350, 357, 366, 374–375.

таты раскопок Северокавказской экспедиции ГАИМК в Кабардино-Балкарии¹⁰⁸. Сопровождающиеся великолепными иллюстрациями статьи этого издания до сих пор сохраняют свое научное значение и демонстрируют, что раскопки А.А. Миллера стали важнейшим рубежом в археологическом изучении Кавказа.

Важную роль сыграл ученый и в разработке методики археологических раскопок, являясь сначала членом раскопной Комиссии ГАИМК¹⁰⁹, затем заместителем ее председателя¹¹⁰ и, наконец, ее председателем¹¹¹. В 1931 г. он составил проект Временного положения о Комиссии по раскопкам и обследованиям, в соответствии с которым она должна была заслушивать доклады как по отдельным конкретным, так и по общим принципиальным вопросам методики для того, чтобы контролировать должный уровень последней в каждой экспедиции. Это положение сохраняет свою актуальность и до настоящего времени¹¹².

В том же году на одном из заседаний раскопной Комиссии А.А. Миллер, опережая свое время, говорил о желательности принятия закона о том, «чтобы при всяком строительстве, раскопки должны производиться за счет последнего», причем «в каждой обследовательской строительной партии» должен участвовать археолог. «Нужны кадры, нужно внедрение археологических знаний в массы»¹¹³. Взгляды ученого на методику полевых исследований были изложены им в книге, посвященной основным принципам проведения археологических разведок¹¹⁴. Следует отметить, что этот труд вышел в свет уже после ареста исследователя.

А.А. Миллер был активнейшим участником работы секции генетики культуры ГАИМК, в которую решением Совета Академии в марте 1926 г. был преобразован разряд первобытной культуры, входивший в состав I Отделения Академии. Новая секция занималась, говоря современным языком, проблемами культурной антропологии, фокусируя основное внимание на разработке вопросов генетики культур по проблематике всех отделений ГАИМК — этнологического, археологического и искусствоведческого, координируя работу разрядов отделений в области генетики культуры, с целью синтетического изучения ее элементов и планирования исследований, требующих совместных трудов специалистов, как входящих в состав различных разрядов Академии, так и привлекаемых в качестве временных сотрудников из ученых, не принадлежащих к ее составу¹¹⁵. Объектом изучения секции являются процессы развития первобытных обществ, формы и типы их развития в области социальной структуры, хозяйственных форм, палеонтологии речи, правовых форм, искусства, расовой структуры и, естественно, материальной культуры в ее первичных стадиях¹¹⁶. Миллер подчеркивал, что основная задача секции заключается в теоретическом обосновании вопросов генетики культуры (закономерности зарождения, превращения и распространения культурных форм)

¹⁰⁸ Материалы по археологии Кабардино-Балкарии, под ред. М.И. Артамонова. М.-Л., 1941 (МИА № 3).

¹⁰⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 430. Л. 2.

¹¹⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 52. Л. 15.

¹¹¹ Там же. Ф. 2. Оп. 6. Д. 60. Л. 241.

¹¹² Там же. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 52. Л. 40.

¹¹³ Там же. Л. 29 об.

¹¹⁴ Миллер А.А. Археологические разведки // ИГАИМК. 1934. Вып. 83.

¹¹⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927 г. Д. 12. Л. 37.

¹¹⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. 1926 г. Д. 38. Л. 12 об.

и методологической разработке ее проблем с точки зрения различных научных дисциплин¹¹⁷.

К сожалению, секция генетики культуры недолго существовала в стенах ГАИМК. Она была упразднена в начальный период внедрения марксизма в археологию, после того как на ее заседании, состоявшемся в конце 1929 г., председатель ГАИМК академик Н.Я. Марр потребовал соединения в ее работе «академико-научного мышления с марксистским»¹¹⁸. Вероятно, сотрудникам секции такая задача оказалась не по плечу.

А.А. Миллер отдавал много сил педагогической деятельности, курировал студентов и аспирантов высших учебных заведений Петрограда / Ленинграда. В июне 1918 г. его пригласили преподавать на кафедру методологии археологии Петроградского Археологического института, а в 1920 г. избрали профессором этого образовательного учреждения по кафедре бытовой археологии¹¹⁹. В 1922 г. Археологический институт стал частью ПГУ, где ученый исполнял обязанности профессора доисторической археологии на факультете общественных наук, а с 1925 г. — на факультете языкознания и материальной культуры (ямфак) ЛГУ, профессором которого А.А. Миллер был утвержден в 1927 г.¹²⁰ Должность профессора он сохранил и после преобразования в 1929 г. ямфака в историко-лингвистический факультет ЛГУ, а также после выделения последнего в 1930 г. в самостоятельный Ленинградский историко-лингвистический институт¹²¹. Кроме того, с 1928 г. исследователь являлся совместителем в Московском институте народов Востока¹²². О значимости А.А. Миллера как наставника начинающих коллег свидетельствует количество его учеников. Например, в 1931 г. он руководил 10 аспирантами и многими студентами-выдвиженцами¹²³.

Двадцатипятилетняя научная деятельность А.А. Миллера в РМ и пятнадцатилетняя работа в РАИМК/ГАИМК была прервана его арестом, случившимся 9 октября 1933 г.¹²⁴ Сотрудники ОГПУ обвинили ученого в принадлежности к контрреволюционной организации российских и украинских националистов — так называемой Российской национальной партии (РНП)¹²⁵. Ему вменяли совершение преступлений, предусмотренных статьей 58 уголовного кодекса РСФСР 1926 г., пунктами 6 (шпионаж в пользу иностранных государств и контрреволюционных организаций), 10 (пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти) и 11 (всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению преступлений, предусмотренных настоящей статьей).

¹¹⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. 1928 г. Д. 18. Л. 1.

¹¹⁸ Там же. Л. 62.

¹¹⁹ АГРМ (I). Оп. 10. Д. 298. Ч. II. Л. 3 об.; Ч. III. Л. 5.

¹²⁰ АСПбГУ. Ф. 1. Д. 628. Л. 764–765; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 430. Л. 3 об.; Оп. 5. Д. 213. Л. 3–3 об.

¹²¹ АГРМ (I). Оп. 6. Д. 882. Л. 76, 76 об.

¹²² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 430. Л. 3 об.

¹²³ АГРМ (I). Оп. 6. Д. 882. Л. 77.

¹²⁴ АУФСБ. Д. П 30696, Т. II. Л. 508–510, 512 об.

¹²⁵ Там же. Т. I. Л. 340–341.

А.А. Миллер. Начало октября 1933 г. Снимок из следственного дела
(АУФСБ. Д. П 30696. Т. II. Л. 512)

Казалось, что для такого поворота событий не было оснований. А.А. Миллер всегда был гражданином, лояльным советской власти. Чистки ГАИМК 1929 и 1930 гг., направленные на удаление из нее социально чуждых элементов, не повредили ученому. По результатам второй из них А.А. Миллер даже оказался в числе трех руководителей подразделений, которым «нельзя отказать в серьезной постановке работ, проводимой в основах высокой научной техники и дающих серьезные научные достижения и результаты»¹²⁶.

Однако все эти кампании по проверке благонадежности научных сотрудников являлись частью стратегии правящей большевистской партии, провозгласившей своей целью построение нового общества, ядро которого составили бы люди, не отягощенные пережитками прошлого. Некоторые ответственные руководители ГАИМК говорили об этом открыто. Так заместитель ее председателя Ф.В. Кипарисов заявил 23 мая 1930 г., что «Состав Академии в смысле социального происхождения, социального положения работников, конечно чрезвычайно неблагоприятный. Это совершенно естественно... так как рабочие археологией не занимаются»¹²⁷. И хотя он признал, что пока еще невозможно полностью изменить кадровый состав ГАИМК, намерение удалить из нее сотрудников, приверженных старорежимным, как тогда говорили, традициям, нужно было, по его мнению, реализовать. Вытекающие отсюда представления о врожденной порочности людей, не имевших рабоче-крестьянского происхождения, на практике вели

¹²⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 4. Л. 311 об.

¹²⁷ Там же. Л. 33.

к репрессивным мерам. Старые кадры, пришедшие не ко двору советской власти, надлежало отеснить на обочину общественной жизни или изолировать.

К людям, которых правящая партия подозревала в нелояльности, относился и А.А. Миллер. Его компрометировали дворянское происхождение, служба офицером в царской армии, свободное владение двумя иностранными языками, обучение за границей; непосредственные контакты в прошлом с великим князем Георгием Михайловичем; выезды за границу; неосмотрительные заявления, например, о том, что длительные сроки проведения чистки в ГАИМК мешают своевременному выезду экспедиций в поле¹²⁸. Эти «изъяны» в его биографии, видимо, роковым образом сказались на дальнейшей судьбе ученого.

На следующий день после ареста в Доме предварительного заключения было проведено медицинское обследование А.А. Миллера, в результате установили, что он страдает хроническим миокардитом. Однако осматривающий его врач несмотря на выявленную им болезнь у подсудимого пришел к выводу о том, что последний ограниченно годен к физическому труду и может пребывать и в условиях северного климата¹²⁹. Еще не началось следствие по делу ученого, а тюремный медик уже полагал, что А.А. Миллер будет осужден и отправлен в какой-нибудь отдаленный северный край. Это свидетельствует о том, что советская правоохранительная система того времени была ориентирована на вынесение лишь обвинительных приговоров.

По версии следствия РНП, являвшаяся политическим блоком российских великодержавных и украинских националистов, возникла в 1929 г. на платформе расовой теории панславизма, свержения советской власти и ориентации на интервенцию фашистской Германии. По мнению ОГПУ, РНП состояла из центра, находящегося в Ленинграде, и филиалов в Москве, Азовско-Черноморском крае, Белоруссии и на Украине. Центр был непосредственно связан с государственными учреждениями в Чехословакии, Германии и Италии. В Ленинграде органы ОГПУ ликвидировали 14 ячеек РНП в научно-исследовательских институтах, учреждениях Академии наук, музеях и научных обществах, причем молодежной ячейкой организации якобы руководил А.А. Миллер. Ячейки передавали иностранным фирмам и учреждениям результаты работ советских хозяйственных и оборонных предприятий, а также занимались вредительством и срывом планов научных исследований в СССР¹³⁰.

На четырех допросах, состоявшихся в октябре 1933 — марте 1934 г., А.А. Миллер под давлением дал показания против себя и других фигурантов дела. Он рассказал, что в РМ якобы существовала контрреволюционная националистическая фашистская группировка, состоящая из учеников покойного профессора Ф.К. Волкова, приверженца расовой теории, которая теперь обновлена и введена в практику гитлеровским фашизмом. Сторонники этой теории, не скрывая своего антисемитизма, видели в украинском народе наиболее чистых славян и доказывали превосходство украинцев над другими народностями, особенно над великороссами. Поскольку члены контрреволюционной группировки направляли работу Украин-

¹²⁸ Там же. Д. 52. Л. 23 об.

¹²⁹ АУФСБ. Д. П 30696. Т. II. Л. 514 об.

¹³⁰ Там же. Т. I. Л. 340–341; Т. II. Л. 537.

ского отделения ЭО РМ, администрация РМ была вынуждена закрыть это отделение, сотрудники которого организовали выставку «Украинское село». Представленные на ней экспонаты рисовали сельскую Украину в неправильном идеалистическом виде, не давали информации ни о классовом расслоении украинского села, ни о его взаимоотношении с городом¹³¹. В этой части показаний А.А. Миллера проявляется истинная подоплека дела, по которому проходил ученый.

Речь идет о так называемой коренизации, которую в СССР проводили в 1920-х — начале 1930-х гг. Суть ее заключалась в широком вовлечении в советское строительство нерусских рабочих и крестьян посредством их выдвижения на советскую и партийную работу, а также в удовлетворения их культурных запросов. В местах их компактного проживания планировали переводить на национальные языки деловую документацию. Коренизация должна была укрепить позиции новой власти, одним из основных лозунгов которой являлся интернационализм. Проведение этой политики на Украине, начавшееся в 1923 г., получило название украинизации. Ее инициаторы уже летом того же года потребовали украинизации всего партийного и государственного аппарата республики¹³². В мае 1925 г. в Харькове было принято постановление «Об украинизации», в котором провозглашалось принудительное внедрение в республике украинского языка, перевод преподавания на него всех средних и части высших учебных заведений, подбор партийных кадров только из украинцев. Параллельно разработали циркуляр о запрещении приема на службу лиц, не владеющих украинским языком, и начали первые увольнения за его незнание¹³³. В кругах местной интеллигенции стал популярным выдвинутый писателем Миколой Хвильевым (Николай Григорьевич Фитилёв) лозунг «Прочь от Москвы!»¹³⁴. Реагируя с некоторым запаздыванием на эту двусмысленную для союзной власти ситуацию, И.В. Сталин 20 апреля 1926 г. заявил, что украинизация «...может принять... характер борьбы против Москвы вообще, против русских вообще, против русской культуры»¹³⁵. Лидеры большевиков Украины ответили на это намерением вести работу по объединению в составе УССР всех прилегающих к ней советских территорий, где, по их мнению, украинцы составляли большинство населения¹³⁶. Эти шаги руководства УССР беспокоили И. В. Сталина, но до начала 1930-х гг. ему пришлось уступать украинизаторам, так как он был занят укреплением собственной власти внутри правящей партии¹³⁷. Когда этот процесс завершился, вождь перешел в наступление, подвергнув в конце 1932 г. резкой критике наркома просвещения УССР Н.А. Скрыпника, главного вдохновителя украинизации. Ее поспешное свертывание сопровождалось чистками партийного

¹³¹ Там же. Т. II. Л. 512–512 об., 515–515 об., 522.

¹³² Хлынина Т.П., Васильев И.Ю. Украинизация: между большой политикой и текущими задачами советского строительства // European researcher. 2011. № 6 (9). С. 109–110, 113.

¹³³ Жуков Ю.Н. Сталин. Шаг вправо. 1926–1927 годы. Индустриализация как основной фактор борьбы в руководстве ВКП (б). М., 2017. С. 115; Он же. Обратная сторона НЭПа. 1923–1925 годы. Экономика и политическая борьба в СССР. М., 2018. С. 325–330.

¹³⁴ Жуков Ю.Н. Сталин. Шаг вправо. 1926–1927 годы. С. 118.

¹³⁵ Там же. С. 120.

¹³⁶ Там же. С. 123.

¹³⁷ Хлынина Т.П., Васильев И.Ю. Украинизация: между большой политикой и текущими задачами советского строительства. С. 966.

и советского активов¹³⁸. Трудно было выбрать более неудачный момент для открытия весной 1933 г. выставки «Украинское село» в РМ. Она была воспринята властями как вражеская вылазка, и лица, причастные к ее организации, были сурово наказаны.

Ко времени третьего допроса А.А. Миллера уволили из РМ с 11 декабря 1933 г. как отсутствующего более двух месяцев¹³⁹, а с 10 декабря ученого исключили из числа работников ГАИМК как находящегося под арестом более двух месяцев¹⁴⁰. Оговаривая себя как участника РНП, А.А. Миллер дал показания, изложенные следователем в такой редакции: советский строй не признаю; по своим убеждениям принадлежу к националистам и придерживаюсь известной формулы «единой и неделимой России»; приемлемым типом государственного строя считаю национальную диктатуру; с 1929 г. вхожу в контрреволюционную националистическую организацию, представляющую собой политический блок самостийников и великодержавников; РНП вела борьбу с советской властью и партией за свержение диктатуры пролетариата в стране, ориентируясь в этом противостоянии на германский фашизм; в качестве ближайшей политической задачи намечалась организация вооруженного восстания на Украине и отторжение ее от СССР; планировалось насильственное свержение советской власти путем вторжения на территорию других советских республик интервенционистских армий, возглавляемых германским фашизмом, действия которых должны быть поддержаны изнутри подготавливаемым нами вооруженным восстанием; РНП планировала вредительство в самом широком смысле этого слова, диверсии, создание повстанческих групп и шпионаж; мои регулярные поездки на Северный Кавказ во главе экспедиций тоже служили этим целям¹⁴¹.

Кроме того, А.А. Миллера вынудили признать, что экспозиция руководимого им Кавказского отделения намеренно сохранена в том виде, в каком она была создана им ещё в 1912 г., поскольку в ней ярко выражены великодержавные тенденции. Такая его позиция являлась выполнением директив РНП. Исследователь подтвердил также, что якобы умышленно попустительствовал открытию Украинским отделением РМ выставки «Украинское село», которая, как утверждало следствие, была пронизана контрреволюционными идеями¹⁴².

Окончательная редакция обвинения гласила, что А.А. Миллер являлся членом контрреволюционной фашистской организации РНП; что он систематически выезжал по заданию ее центра на Северный Кавказ для собирания необходимых организации сведений о политических настроениях крестьянства национальных районов и для ведения фашистской агитации и пропаганды среди них; что он установил во время заграничных командировок личные связи в контрреволюционных целях с белоэмигрантскими деятелями и информировал последних о внутриполитическом положении на Северном Кавказе; что он руководил молодежной ячейкой РНП. Виновным себя признал полностью¹⁴³.

¹³⁸ Там же. С. 968; *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е гг. М., 2006. С. 215–220.

¹³⁹ АГРМ. Оп. 2а. Д. 62. Т. 36 (МЕА — МИЩ). Л. 28; Д. 113. Л. 126.

¹⁴⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 60. Л. 243.

¹⁴¹ АУФСБ. Д. П 30696. Т. II. Л. 533–536.

¹⁴² Там же. Л. 552–553.

¹⁴³ Там же. Т. III. Л. 193, 195, 246.

Заседание Коллегии ОГПУ по делу РНП состоялось 29 марта 1934 г. А.А. Миллер был приговорен к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на пять лет с заменой высылкой через полномочное представительство ОГПУ в Казахстан на тот же срок с 9 октября 1933 г.¹⁴⁴ Так завершилось пребывание ученого в Доме предварительного заключения, поистине «Дворе чудес», где его выезды в археологические экспедиции превратились в мероприятия по проведению контрреволюционной агитации и сбору информации для белоэмигрантских кругов, обеденные чаепития в Русском музее — в совещания заговорщиков, руководство аспирантами и студентами — в курирование молодежной ячейки антисоветской организации, а сам он из академического ученого превратился в расиста, сторонника германского фашизма и приверженца русской великодержавной диктатуры.

О дальнейшей судьбе исследователя информация скудна. В посвященных ему публикациях и воспоминаниях обычно сообщается, что он скончался в ссылке 12 января 1935 г. Очевидно, организм ученого не выдержал выпавших на его долю тяжелых физических, моральных и психологических нагрузок. О месте его кончины имеются противоречивые сведения. Судя по справке Министерства внутренних дел Казахской ССР, выданной 8 февраля 1957 г. (входящий № 1639 с), А.А. Миллер умер при отбытии срока наказания в Карагандинском исправительно-трудовом лагере от порока сердца¹⁴⁵. Эту версию, отраженную в большинстве публикаций¹⁴⁶, ставит под сомнение свидетельство о том, что о смерти исследователя сообщили по телеграфу его гражданской жене Оранжевской Антонине Михайловне¹⁴⁷, что вряд ли могло случиться по отношению к лагернику.

Согласно второй версии, восходящей к воспоминаниям брата ученого, А.А. Миллер скончался в г. Петропавловске, где он какое-то время работал в местном музее¹⁴⁸. Этому же мнению придерживались академик Б. Б. Пиотровский, хотя его подвела память и он считал, что речь идет о Петропавловске-Камчатском¹⁴⁹, и сотрудник РЭМа С.В. Дмитриев¹⁵⁰. Сейчас эту версию можно подтвердить документами из архива г. Петропавловск (Казахстан). В соответствии с ними А.А. Миллер по распоряжению директора областного музея Б. Русанова был зачислен 7 мая 1934 г. на должность научного сотрудника, а со 2 июля становится заместителем директора

¹⁴⁴ Там же. Т. I. Л. 328.

¹⁴⁵ Там же. Т. VI. Справка.

¹⁴⁶ Ашинин Ф.Д., Аллатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 130, 204; Николаенко А.И. Украинский националист из Русского музея // Таганрогская правда. 1999, 22 января. С. 5; Решетов А.М. Александр Александрович Миллер — выдающийся археолог, этнограф и музеевед. С. 14; Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. С. 164; Платонова Н.И. История археологической мысли в России. С. 169; Клейн Л.С. История российской археологии. Т. 2. С. 37; Дмитриев В.А. А.А. Миллер и Этнографический отдел Русского музея // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 2 (8). С. 38; Алёкин В.А. А.А. Миллер и его вклад в развитие отечественной археологии // Там же. С. 16; Он же. А.А. Миллер (1875–1935). Вехи жизни русского археолога // М.Т. Кашуба, С. Райнхольд, Ю.Ю. Пиотровский (ред.). Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур и культура диалога // Archäologie in Iran und Turan. 2020. Bd. 19. S. 15.

¹⁴⁷ Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея. С. 251.

¹⁴⁸ Миллер М.А. Александр Александрович Миллер (1875–1935). С. 129–130.

¹⁴⁹ Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. М., 2009. С. 114.

¹⁵⁰ Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея. С. 251.

по научной части с правом самостоятельного распоряжения работниками и средствами на научную работу и экспозицию музея. Судя по этим приказам, ученый принялся за любимую работу с присущими ему энергией и деловитостью. 29 июля исследователю была вынесена благодарность за деловой подход к переустройству музея и глубокую заинтересованность в деле дальнейшего поднятия его авторитета. Однако осенью был назначен новый директор музея П. Деревячин, с которым А.А. Миллер не сработался. 31 октября он был уволен как ненужный музею сотрудник. Не исключено, что ученый остался без средств к существованию и мог надеяться только на помощь родственников и гражданской жены. Вероятно, эта жизненная неурядица усугубила состояние здоровья исследователя. Через два с половиной месяца после увольнения А.А. Миллер скончался от кровоизлияния в мозг 13 января 1935 г.¹⁵¹

О кончине исследователя стало известно в ГАИМК не позднее 25 января, и тогда в его стенах разыгралась поистине кафкианская история. Оказалось, что покойный задолжал учреждению остаток подотчетных средств (274 руб. 34 коп.), числившихся за ним после работ Северокавказской экспедиции. Эту сумму с умершего А.А. Миллера списали за счет расходов прошлых лет, причем разрешение на эту «финансовую» операцию запрашивали в Планово-финансовом отделе Наркомпроса¹⁵².

В своих воспоминаниях М.А. Миллер писал, что в СССР, видимо, еще не пришло время оценить научные заслуги его брата, умершего в ссылке¹⁵³. Однако к 1958 г. с покойного ученого уже были сняты ложные обвинения, по которым он был осужден. А.А. Миллер был посмертно реабилитирован определением Военного трибунала Ленинградского военного округа от 28 ноября 1956 г. Постановление Особого Сопровождающего при коллегии ОГПУ от 29 марта и 2 апреля 1934 г. в его отношении отменено и «дело производством прекращено за отсутствием состава преступления»¹⁵⁴, о чем А.М. Оранжевой была выдана соответствующая справка в 1957 г. Большую роль в реабилитации А.А. Миллера сыграли показания о нем, предоставленные в соответствующие инстанции его учениками в 1956 г. Директор Государственного Эрмитажа, профессор М.И. Артамонов, охарактеризовал А.А. Миллера как крупного учёного, лояльного к советской власти. Сотрудник ЛОИИМК А.А. Иессен подтвердил, что А.А. Миллер стоял на советских позициях и каких-либо антисоветских проявлений с его стороны не было. Он являлся человеком больших знаний, труды которого сохраняют значение до сих пор, оставил после себя школу учеников¹⁵⁵.

¹⁵¹ Вся эта информация содержится в справке № 03. 20. 1–0409/2 — М–19, составленной сотрудником Петропавловского архива по запросу Сандро д’Одориго, почетного профессора астрономии (European Southern Observatory), друга ныне покойной Ксении Михайловны Миллер, племянницы А.А. Миллера. Профессор С. д’Одориго ознакомил меня с этими документами (Архив г. Петропавловск. Ф. 1168. Оп. 1-л. Д. 1. Л. 10, 11 об., 12 об., 16; Ф. 824. Оп. 2. Д. 385. Л. 46) и любезно разрешил мне ссылаться на них в настоящей публикации, а также и в последующих моих разработках по данной теме. Выражаю ему за это свою глубокую благодарность.

¹⁵² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 430. Л. 21, 22.

¹⁵³ Миллер М.А. Александр Александрович Миллер (1875–1935). С. 130.

¹⁵⁴ АУФСБ. Д. П 30696. Т. VI. Л. 417, 425, 607.

¹⁵⁵ Там же. Л. 607.

Позднее появились первые упоминания об А. А. Миллере в научной литературе¹⁵⁶. Количество публикаций о нем значительно возросло после распада СССР в августе 1991 г., а в 2015 г. к 140-летию со дня рождения А. А. Миллера в Санкт-Петербурге была проведена международная конференция, организованная ИИМК РАН, Государственным Эрмитажем и Евразийским отделением Германского археологического института¹⁵⁷. Таким образом, усилиями современных исследователей возвращено из небытия имя крупнейшего русского ученого, человека широкого кругозора, блестящих знаний и трагической судьбы. В историю этнографии он вошел как собиратель этнографических коллекций народов Северного Кавказа. Как археолог А. А. Миллер организовал крупнейшую в ГАИМК Северокавказскую экспедицию, ставшую центром изучения многих археологических культур. Как преподаватель он воспитал целую плеяду крупнейших отечественных археологов. Такой яркий исследователь не мог не оставить глубокий след в развитии отечественной науки о древних и традиционных культурах.

¹⁵⁶ Борисковский П. И. Первые 30 лет Института археологии АН СССР // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 6.

¹⁵⁷ Материалы конференции были изданы в сборнике: Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур и культура диалога / М. Т. Кашуба, С. Райнхольд, Ю. Ю. Пиотровский (ред.) // Archäologie in Iran und Turan. 2020. Bd. 19.

Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934)

И.В. Тункина

С.Ф. Ольденбург принадлежит к числу ученых-гуманитариев, оставивших заметный след не только в истории востоковедения, но и всей отечественной науки в переломную эпоху развития России¹. Он являлся одной из ключевых фигур научно-организационного процесса в Российской империи–СССР как непререкаемый секретарь (1904–1929) Императорской–Российской–Всесоюзной академии наук и четверть века фактически стоял у руля главного научного учреждения страны, определяя пути развития отечественной фундаментальной науки. С.Ф. Ольденбург был не только ученым, но и видным общественно-политическим деятелем, членом Государственного Совета по выборам от академической курии (1912–1917), депутатом 4-й Государственной думы, с мая 1917 г. членом ЦК конституционно-демократической партии,

министром народного просвещения Временного правительства (24 июля — 25 сентября 1917), в октябре 1917 г. он был избран от партии кадетов во Временный совет Российской республики (Предпарламент)².

В небольшой статье осветить всю многообразную научно-организационную, государственную, общественную и партийную деятельность С.Ф. Ольденбурга невозможно. Обратимся лишь к основным вехам биографии ученого и его вкладу в изучение древностей Восточного (Китайского) Туркестана.

Сергей Федорович Ольденбург родился 14³/26 сентября 1863 г. по месту службы отца в с. Бянкино Забайкальской обл. (ныне Нерчинский район Читинской обл.) в семье Федора Федоровича Ольденбурга (1826–1877), потомственного дворяни-

¹ Литература о С.Ф. Ольденбурге огромна. Основные публикации: Сергей Федорович Ольденбург / Отв. ред. Г.К. Скрябин, Е.М. Примаков. М., 1986; *Алпатов В.М.* Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3: Древний мир и Средние века / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М., 2004. С. 199–219; *Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург: Опыт биографии / Отв. ред. акад. А.А. Фурсенко. СПб., 2013; *Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008. С. 205–236; Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2016.

² *Голостенов М.Е.* Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.В. Волобуев. М., 1993. С. 242–243.

³ В автобиографии С.Ф. Ольденбурга указана именно эта дата. См.: *Вигасин А.А.* Изучение Индии... С. 232. Другая дата рождения — 15 сентября 1863 г. — приведена в публикации: Список профессоров

на — полковника лейб-гвардии Московского полка, с 1856 г. командовавшего полком в Забайкальском казачьем войске. Старинный дворянский род Ольденбургов происходил из Мекленбурга и переселился в Россию еще при Петре Великом. Мать, Надежда Федоровна Ольденбург, урожденная Берг (1833–1909), наполовину француженка из рода Нурмис-и-Кандель⁴, являлась дочерью офицера, была смолянкой и преподавала французский язык в Смольном институте. В 1867 г. отец вышел в отставку в чине генерал-майора, с семьей уехал в Германию и стал вольнослушателем Гейдельбергского университета, чтобы лучше подготовить себя к воспитанию детей. До 10 лет С.Ф. Ольденбург воспитывался за границей (Франция, Швейцария, Германия), затем семья Ольденбургов вернулась в Российскую империю и в 1874 г. поселилась в Варшаве. В детстве и юности на Сергея значительное влияние оказал старший брат Федор (1862–1914), впоследствии педагог, основатель Лиги образования. Вокруг братьев в гимназии сложился дружеский кружок из детей русских чиновников и офицеров, с многими из которых братья поддерживали дружеские отношения на протяжении всей жизни.

Братья Ольденбурги закончили 1-ю Варшавскую русскую мужскую гимназию с золотыми медалями (1881), в том же году семья переехала в Санкт-Петербург. Федор поступил на историко-филологический факультет, Сергей — на факультет восточных языков Петербургского университета. С.Ф. Ольденбург учился по санскритско-персидскому разряду, слушал лекции, занимался языками и приватно консультировался у В.П. Васильева, К.Г. Залемана, К.А. Коссовича, И.П. Минаева, барона В.Р. Розена. Параллельно С.Ф. Ольденбург слушал на историко-филологическом факультете лекции А.Н. Веселовского, который зародил у него интерес к сравнительному изучению литератур Запада и Востока. Но наибольшее влияние на формирование энциклопедических интересов будущего академика оказал арабист, барон В.Р. Розен, создатель школы нового востоковедения и наставник целого поколения ориенталистов разных специальностей, показавший студенту, «что такое наука и в чем состоит научное творчество»⁵.

С начала 1880-х гг. С.Ф. Ольденбург и его старший брат Федор стали членами неформального земляческого кружка выходцев из Варшавы, получившего сначала название «Ольденбургского кружка», т. к. его собрания проходили на 6-й линии Васильевского острова в их квартире. В 1882 г. все члены кружка вошли в Студенческое научно-литературное общество Петербургского университета, секретарем которого в 1886 г. стал студент-зоолог А.И. Ульянов, но после покушения на Александра III общество было закрыто. Позднее на основе кружка образовалось «Приютинское братство» выпускников Петербургского университета, в которое входили В.И. Вернадский, Д.И. Шаховской, А.А. Корнилов, И.М. Гревс и др., пропагандировавшее служение народу и науке. Братство оказало определяющее влияние на формирование либерально-демократических взглядов его членов и их критического отношения к русской действительности.

и приват-доцентов факультета восточных языков Императорского, бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета, с 1819 года. Пг., 1916. С. 16–17.

⁴ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1917. Т. 2. С. 54 (автобиография С.Ф. Ольденбурга).

⁵ Цит. по: *Вигасин А.А.* Изучение Индии... С. 206.

В октябре 1886 г. С.Ф. Ольденбург женился на Александре Павловне Тимофеевой (1863–1891), закончившей математическое отделение Педагогических курсов. Она входила в кружок по изучению народной литературы при «идеальном Приютино». Так как одной из целей «Приютинского братства» ставилась просветительская работа среди народа, А.П. Ольденбург опубликовала переработку «Мучеников» Шатобриана, выдержавшую несколько изданий и переведенную на другие языки⁶. С 1887 г. первоочередной задачей братства была признана борьба с самодержавием как основным злом русской жизни. Члены кружка исповедовали культ науки и связывали надежды на изменение государственного строя с развитием в России просвещения, культуры и демократического самоуправления⁷. Кружок фактически стоял у истоков «Союза освобождения» и левого крыла кадетской партии, организационно оформившейся только в 1905 г.⁸

С.Ф. Ольденбург закончил университетский курс со степенью кандидата (1885) за выпускное сочинение «Очерк фонетики и морфологии пракритского наречия Magadhi». Он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию (1885–1887). С 1 апреля 1887 г. приказом по Министерству народного просвещения С.Ф. Ольденбург был командирован на два года за границу, слушал лекции в университетах Парижа, Лондона и Кембриджа, работал с буддийскими рукописями в библиотеках, изучал артефакты в музеях. В эти годы он завязал контакты со многими ориенталистами Европы, в частности, с молодым французским индологом Сильвеном Леви (1863–1935), с которым дружил до конца дней. В командировке его сопровождала жена А.П. Ольденбург. В семье родился единственный сын Сергей Сергеевич Ольденбург (1888–1940), впоследствии историк, монархист, участник Белого движения, в 1920 г. с помощью отца эмигрировавший во Францию. Он стал автором фундаментального и неоднократно переиздававшегося двухтомного труда «Царствование императора Николая II» (1939–1949).

Вернувшись из путешествия по Европе в феврале 1889 г., С.Ф. Ольденбург сдал магистерские экзамены и был допущен к чтению лекций: сначала как приват-доцент, а с 1 января 1897 г. как экстраординарный профессор кафедры санскритской словесности факультета восточных языков Петербургского университета, он также вел занятия по санскриту на историко-филологическом факультете. Трагические события личной жизни затянули защиту магистерской диссертации: в 1891 г. от туберкулезного менингита скончалась А.П. Ольденбург, и 28-летний ученый остался вдовцом с трехлетним сыном на руках⁹. Только через четыре года, выйдя из тяжелой депрессии и съездив в командировку в Париж и Лондон для завершения работы над диссертацией (1893–1894), С.Ф. Ольденбург 5 марта 1895 г. защитил в Санкт-Петербургском университете диссертацию «Буддийские легенды. Ч. 1: Bhadrakalpavadana Jatakamala» на степень магистра санскритской словесности

⁶ Подробнее о Приютинском братстве см.: Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Авт.-сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004.

⁷ Ульянова Л.В. Ольденбург Сергей Федорович // Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 675.

⁸ Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. С. 17.

⁹ Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. С. 27; Ульянова Л.В. Ольденбург Сергей Федорович. С. 677.

(официальными оппонентами выступили академики В.П. Васильев и К.Г. Залеман). Она посвящена санскритским джатакам — сказочному фольклору о перерождениях Будды. Вторая часть этой работы так и не была написана автором.

На излете XIX в. вузы Санкт-Петербурга были охвачены студенческими волнениями, летом 1899 г. Министерство народного просвещения уволило ряд неблагонадежных преподавателей, в числе которых оказались друг ученого, историк-медиевист И.М. Гревс, историк Н.И. Кареев, литературовед С.А. Венгеров¹⁰. С.Ф. Ольденбург в знак солидарности с оппозиционно настроенными и уволенными преподавателями сам подал прошение об отставке из университета и был уволен от должности и службы с 24 января 1900 г.¹¹

С 1889 г. началось сотрудничество молодого востоковеда с Восточным отделением Русского археологического общества сначала как члена-сотрудника (1889), затем как действительного члена (1895) и секретаря отделения (1898–1905)¹². «Под скромным названием... Восточного отделения приютилось в действительности Русское азиатское общество», — справедливо констатировал В.Л. Котвич¹³. Восточное отделение РАО стало центром отечественного востоковедения, охватив все его отрасли, и фактически обслуживало «нужды русского востоковедения в широком смысле этого слова»¹⁴. Сплоченность востоковедов сильно отличала Восточное отделение от других отделений РАО. С 1886 г. стали выходить «Записки Восточного отделения» РАО, основанные бароном В.Р. Розеном, — центральный печатный орган дореволюционной русской ориенталистики, где были изданы многие исследования С.Ф. Ольденбурга. На качество публикаций ЗВОРАО как на высочайший образец ориентировались не только столичные и провинциальные ориенталисты, отправлявшие в РАО свои находки и исследования, но и их западноевропейские коллеги, вынужденные изучать русский язык для чтения исследований мирового уровня¹⁵.

К этому времени определилась тематика научных трудов С.Ф. Ольденбурга, связанная с религией, поэзией, искусством, историей, древней и средневековой материальной культурой Индии. В круг его интересов вошли изучение влияния восточных литератур (индийской и персидской) на средневековую западноевропейскую литературу, а также этнография, фольклор и история востоковедения. Но главные штудии С.Ф. Ольденбурга как индолога сосредоточились на памятниках «северного буддизма» — древностях Восточного (Китайского) Туркестана. Толчком к этим занятиям стало изучение им коллекции рукописей русского генерального консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского (1837–1908)¹⁶. Русский дипломат

¹⁰ Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. С. 39–40.

¹¹ Список профессоров и приват-доцентов факультета восточных языков... С. 16–17.

¹² Тункина И.В. Ольденбург Сергей Федорович // Жебелёв С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред., сост., вступит. статья И. В. Тункиной. М., 2017. С. 464–465 (Серия Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 5).

¹³ Востоковедение в Петрограде. 1918–1922: Памятка Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. Пг., 1923. С. 4.

¹⁴ Там же. С. 24.

¹⁵ Тункина И.В. Русское археологическое общество в 1899–1924 гг.: Взгляд С.А. Жебелёва // Жебелёв С.А. Русское археологическое общество... С. 10.

¹⁶ Тункина И.В. Петровский Николай Федорович // Жебелёв С.А. Русское археологическое общество... С. 483.

с 1887 г. стал присылать в Петербург к академику В.Р. Розену как председателю Восточного отделения РАО древности и фрагменты рукописей для их научной экспертизы¹⁷. Изучение памятников древней письменности и культуры барон доверил С.Ф. Ольденбургу, тогда 28-летнему приват-доценту факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.

Поводом к началу археологического бума в Сериндии стала находка в 1889 г. английским лейтенантом Г. Боуэром (Bower) южнее Кучи древней санскритской рукописи — так называемого манускрипта Боуэра (1895), который дал науке первый образец североиндийского письма гупта и стал важнейшим источником для реконструкции этапов «короткой цепи рукописного палеографического материала»¹⁸. После публикации факсимиле этого манускрипта английским востоковедом Рудольфом Хёрнле поиск древних рукописей и артефактов в Восточном Туркестане обострился соперничеством Н.Ф. Петровского с английскими, французскими, немецкими, шведскими и американскими собирателями¹⁹. В разгар «Большой игры» — англо-русского соперничества в центральных районах Евразии — Россия направила в этот район ряд военных разведчиков и экспедиций для исследования географии, этнографии, экономики региона и выявления остатков письменной и материальной культуры населявших его народов²⁰.

28 ноября 1891 г. Восточное отделение РАО по инициативе С.Ф. Ольденбурга обратилось к Н.Ф. Петровскому с просьбой присылать в общество сведения «об остатках древности в Куче или иных местах Кашгарии» и впервые поставило вопрос об организации русской археологической экспедиции в этот регион. Н.Ф. Петровский ответил обстоятельно запиской о древностях Восточного Туркестана и впоследствии высылал обществу заметки о собственных археологических исследованиях. Собранию Н.Ф. Петровского С.Ф. Ольденбург посвятил несколько статей²¹, в том числе о коллекции рукописей²², содержащей тексты на санскрите и «неизвестных» науке того времени языках.

¹⁷ Тункина И.В. Н.Ф. Петровский как собиратель древних памятников письменности в Восточном Туркестане (по материалам писем к В.Р. Розену и С.Ф. Ольденбургу) // Восток-Запад: Диалог цивилизаций. Историко-литературный альманах, 2011–2012 / под ред. акад. В.С. Мясникова. М., 2013. С. 105–123.

¹⁸ Ольденбург С.Ф. [Рец. на:] 1) Hörnle R. The Bower Manuscript... 1893–1897; 2) The Weber Manuscripts... 1893; 3) Three Further Collections of Ancient Manuscripts from Central Asia. 1897; 4) A Note on the Date of Bower Manuscript... 1892; 5) A Note on Some Block-Prints from Khotan... 1898 // ЗВОРАО. 1900 (1899). Т. 12. С. 029.

¹⁹ Подробнее см.: Петровский Н.Ф. Туркестанские письма / Отв. ред. акад. В.С. Мясников, сост. В.Г. Бухерт. М., 2010; Переписка Н.Ф. Петровского, В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга / Публ. М.Д. Бухарина, И.В. Тункиной // ВТиМ. Т. I. С. 83–197.

²⁰ Подробнее см.: Постников А.В. Схватка на «крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке / Общ. ред. и предисл. акад. В.С. Мясникова. М., 2005; Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века / Под ред. И.Ф. Поповой. СПб., 2008; Воробьева-Десятовская М.И. Великие открытия русских ученых в Центральной Азии. СПб., 2011; ВТиМ. Т. I–II, IV.

²¹ Ольденбург С.Ф. 1) О научном значении коллекции Н.Ф. Петровского // ЗВОРАО. 1910 (1909). Т. 19. Вып. 4. С. XXII–XXVIII; 2) Памяти Николая Федоровича Петровского. 1837–1908 // ЗВОРАО. 1912 (1910). Т. 20. Вып. 1. С. 01–08, 1 порт.

²² Ольденбург С.Ф. 1) Кашгарская рукопись Н.Ф. Петровского // ЗВОРАО. 1893 (1892). Т. 7. Вып. 1–4. С. 81–82, 1 табл. (отд. отт.: СПб., 1892); 2) Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н.Ф. Петровского. I // Там же. 1894 (1893–1894). Т. 8. Вып. 1–2. С. 47–67; 3) К кашгарским буддийским текстам // Там же. С. 151–153; 4) Еще по поводу кашгарских буддийских текстов // Там же. Вып. 3–4. С. 349–351; 5) Предварительная заметка о буддийской рукописи, написанной письменами kharoṣṭhī. Изд.

В 1892 г. академик В.Р. Розен задумал отправить в Восточный Туркестан, в район Кучи своих учеников — приват-доцентов факультета восточных языков Петербургского университета С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского²³ для поиска новых рукописей и проведения археологических исследований. Но из-за отсутствия источников финансирования экспедиция Восточного отделения РАО в 1893 г. не состоялась. Позднее, в 1898 г. на средства Императорской АН по северным оазисам Восточного Туркестана путешествовал хранитель Музея антропологии и этнографии Академии наук Д.А. Клеменц²⁴, в 1905–1907 гг. в Кучу отправилась экспедиция путешественника-натуралиста М.М. Березовского. Обе экспедиции занимались археологическими исследованиями.

Благодаря изучению древних текстов из коллекции Н.Ф. Петровского именно С.Ф. Ольденбург стал одним из родоначальников новой отрасли науки — центральноазиатской филологии и палеографии²⁵. Русский ученый способствовал международной кооперации и созданию коллектива ученых разных стран по изучению индоевропейской и индийской культуры Восточного Туркестана. В 1892 г. С.Ф. Ольденбург первым опубликовал фрагмент текста без транскрипции в надежде, что мертвый язык рано или поздно будет расшифрован с помощью западноевропейских востоковедов. Так и произошло: публикация Ольденбургом в 1892 г. факсимиле присланного Н.Ф. Петровским текста послужила началом *тохароведения* как отдельной отрасли науки. Находясь в Париже во время заграничной командировки с осени 1893 по лето 1894 г., Ольденбург привлек к дешифровке текста рукописей собрания Н.Ф. Петровского французских коллег. В письмах к барону В.Р. Розену С.Ф. Ольденбург сообщал, что «никто здесь не понимает эти надписи. Они хотят их факсимилировать и разослать, чтобы все изощряли свое остроумие. Я показывал здесь снимки с отрывков Петровского — все от них в восторге»²⁶. Наряду с русскими учеными к публикации рукописей и дешифровке «неизвестного языка» приступили западноевропейские специалисты. Французский индолог Э. Сенар предложил Ольденбургу «устроить перевод» его статей о рукописях Петровского, но ученый ответил, что пишет только по-русски («j'écris seulement en russe»)²⁷. Ольденбург, вслед за В.Р. Розеном, настойчиво призывал западноевропейских

факультета восточных языков Имп. С.-Петербургского университета ко дню открытия XI международного конгресса ориенталистов в Париже. СПб., 1897. 6 с., 2 табл.; 6) Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н.Ф. Петровского. II: Отрывки из Pancaraksa // ЗВОРАО. 1899 (1897–1898). Т. 9. Вып. 1–4. С. 207–264, 2 л. табл.; 7) Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н. Ф. Петровского. III // Там же. 1904 (1902–1903). Т. 15. Вып. 4. С. 0113–0114, 3 л. табл.

²³ Тункина И.В. Щербатской (Щербатский) Федор Ипполитович // Жебелёв С.А. Русское археологическое общество... С. 632–633.

²⁴ Тункина И.В. Клеменц Дмитрий Александрович // Жебелёв С.А. Русское археологическое общество... С. 358–359.

²⁵ Бонгард-Левин Г.М., Воробьева-Десятовская М.И., Темкин Э.Н. Академик С.Ф. Ольденбург — исследователь древних культур Центральной Азии // Памятники индийской письменности из Центральной Азии / Изд. текстов, исследование и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, М.И. Воробьевой-Десятовской и Э.Н. Темкина. М., 2004. Вып. 3. С. 14–33.

²⁶ Переписка В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга (1887–1907) / Публ. Д.Е. Мишина, Н.Г. Романовой, М.А. Сидорова, И.М. Смелянской // Неизвестные страницы отечественного востоковедения / Сост. и отв. ред. В.В. Наумкин. Вып. 2. М., 2004. С. 280–281.

²⁷ Переписка В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга... С. 280, 281.

коллег изучать русский язык, считая русскую ориенталистику равноправным партнером западноевропейской науки.

В дискуссию о «неизвестном языке» включился палеограф, профессор Венского университета И.Г. Бюлер, с которым С.Ф. Ольденбург был знаком со времени первой заграничной командировки (1887–1889). Лекции Бюлера с 1891 г. слушал индолог, будущий академик Ф.И. Щербатской, который в 1893 г. просил Ольденбурга переслать тексты Петровского в Вену, чтобы «в семинаре с Бюлером мы бы попробовали их прочитать»²⁸. Бюлер получил оттиск статьи Ольденбурга с первой публикацией текста на неизвестном языке (1892) от профессора университета в Галле Р. Пишеля и высказал сомнение в древности кашгарских манускриптов Петровского²⁹. В мае 1896 г. уже в Петербурге Ольденбург продолжил переписку с Бюлером, высоко оценивая знания последнего в письме к Розену: «При отсутствии специалистов-критиков здесь оно имеет для меня большое значение как контроль в работе»³⁰. Статьи Г. Бюлера, немецкого санскритолога, профессора Страсбургского университета Э. Леймана, президента Бенгальского азиатского общества и бывшего ректора университета в Калькутте Р. Хёрнле, русских коллег Н.Д. Миронова и А. фон Сталь-Гольштейна и многих других, а также сохранившиеся в академическом архиве письма западноевропейских ученых В.Р. Розену, С.Ф. Ольденбургу, Ф.И. Щербатскому, Д.А. Клеменцу, М.М. Березовскому и др. — С. Леви (1887–1932), И.Г. Бюлера (1893–1897), Р. Пишеля (1899), С. Гедина (1899), А. Грюнведеля (1900–1914), Э. Зига (1907), П. Пеллио (1906–1932), А. Стейна (1910–1933), А. Лекока (1923–1924) и др. — свидетельствуют о тесной кооперации мирового научного сообщества с целью решения ключевых вопросов истории и археологии Восточного Туркестана³¹.

Только к 1908 г. мертвый индоевропейский язык V–VIII вв. был дешифрован и назван немецкими учеными Э. Зигом и В. Зиглингом тохарским А (тексты найдены на северо-востоке Синьцзяна — близ Турфана и Карашара) и тохарским Б (или кучанским, документы найдены по всему Восточному Туркестану, как на северо-востоке (Турфан и Карашар), так и на юго-западе, в Куче и вокруг нее)³². Таким образом, стало ясно, что текст из собрания Н.Ф. Петровского, факсимиле которого С.Ф. Ольденбург опубликовал в 1892 г., написан на кучанском (тохарском Б) языке.

²⁸ Вигасин А.А. Изучение Индии в России... С. 276–277.

²⁹ Переписка В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга... С. 283 (письмо от 13/25 января 1894 г.).

³⁰ Переписка В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга... С. 303.

³¹ Письма французских ученых — С. Леви, Э. Сенара, П. Пеллио, адресованные С.Ф. Ольденбургу, Ф.И. Щербатскому, В.М. Алексееву, В.В. Радлову и Ф.А. Розенбергу, опубликованы: *Bongard-Levin G.M., Lardinois R., Vigasin A. Correspondances orientalistes entre Paris et Saint-Petersbourg (1887–1935)*. Paris, 2002 (Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. Vol. 26). Опубликованы также письма к С.Ф. Ольденбургу И.-Г. Бюлера, Н.Ф. Петровского, П.К. Козлова, С.М. Дудина, А.А. Дьякова, С.Е. Малова, Д.А. и Н.А. Смирновых, Д.В. Коссиковского, его переписка с Д.А. Клеменцем, А. Грюнведелем, М.М. Березовским, Н.Н. Кротковым, В.В. Баргольдом и Н.Я. Марром. См.: ВТМ. Т. I (публ. М.Д. Бухарина, И.В. Тункиной, И.Ф. Поповой, М.В. Поникаровской), Т. IV (публ. М.Д. Бухарина, И.В. Тункиной, С.Л. Шевельчинской, М.К. Басханова); *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* «Имена, которые никогда не будут забыты...». Российское востоковедение в переписке В.В. Баргольда, Н.Я. Марра и С.Ф. Ольденбурга. М., 2020.

³² Краузе К. Тохарский язык // Тохарские языки / Под ред. В.В. Иванова. М., 1959. С. 39 (рус. перевод статьи: *Krause W. Tocharish. Leiden, 1955 (Handbuch der Orientalistik. Hrsg. von B. Spuler. 4. Iranistik. Abschnitt 3)*).

25 февраля 1897 г. в Петербурге на заседании Восточного отделения РАО Н.Ф. Петровский выступил с докладом «об условиях собирания древностей» в Восточном Туркестане и продемонстрировал сочленам свою коллекцию памятников. Он сообщил, что «туземцы беспощадно разрывают на части одну и ту же рукопись, чтобы одну часть продать русским, а другую англичанам». Сейчас общеизвестно, что присланные консулом в Петербург древние тексты были написаны центральноазиатским брахми на санскрите, согдийском, тохарском и хотано-сакском языках, причем последние были ранее неизвестны, и их открытие стало подлинной научной сенсацией той эпохи. На том же заседании С.Ф. Ольденбург вслед за Н.Ф. Петровским сделал доклад о двух рукописях его собрания индийского пракритского письма на березовой коре³³. Одна из рукописей, фрагмент пракритской «Дхармапады», древнейшая из известных индийских рукописей на кхароштли³⁴, произвела сенсацию на XI Международном конгрессе ориенталистов в Париже (1897). Другая часть той же рукописи была обнаружена в Париже и опубликована Э. Сенаром³⁵.

В 1897 г. первая коллекция древностей Н.Ф. Петровского была приобретена Императорским Эрмитажем, а рукописи — Азиатским музеем Императорской Академии наук во время директорства академика К.Г. Залемана. В 1905 г. свою вторую коллекцию памятников письменности Н.Ф. Петровский пожертвовал созданному при активнейшем участии С.Ф. Ольденбурга Русскому комитету для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (РКИСВА, 1903–1923), откуда она была передана в Азиатский музей РАН. РКИСВА стало русским отделением Международной ассоциации по изучению Средней и Восточной Азии, созданной в 1902 г. в Гамбурге на XIII Международном конгрессе востоковедов³⁶. Первоначально РКИСВА возглавлял академик В.В. Радлов, а после его смерти с 1918 г. — С.Ф. Ольденбург, ставший к тому времени (с 1916 г.) директором Азиатского музея РАН. Рукописи собрания Н.Ф. Петровского в количестве 582 ед. хр., поступившие в Азиатский музей, ныне хранятся в Институте восточных рукописей РАН³⁷.

Большинство статей о коллекции Н.Ф. Петровского издавалось С.Ф. Ольденбургом в «Записках» Восточного отделения РАО на протяжении 25 лет. Как следует из архивных документов, по мере получения рукописей и древностей от Н.Ф. Петровского с наиболее ценных текстов и артефактов сразу изготавливались фототипические таблицы, большинство из которых остались неизданными³⁸.

³³ АИЗ. 1897. Т. 5. С. 92–93.

³⁴ *Ольденбург С.Ф.* Предварительная заметка о буддийской рукописи, написанной письменами kharoṣṭhī. Изд. факультета восточных языков Имп. С.-Петербургского университета ко дню открытия XI международного конгресса ориенталистов в Париже. СПб., 1897.

³⁵ *Вигасин А.А.* Сергей Федорович Ольденбург. С. 212–213.

³⁶ Подробнее о деятельности комитета см.: *Назирова Н.Н.* Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992.

³⁷ Публикации С.Ф. Ольденбурга санскритских фрагментов из Центральной Азии. Пояснения к публикации С.Ф. Ольденбурга / Подг. к печ. Э.Н. Тёмкин // Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3 / Изд. текстов, исследование, перевод и комментарии Г.М. Бонгард-Левина, М.И. Воробьевой-Десятовской, Э.Н. Тёмкина. М., 2004. С. 35 (Памятники письменности Востока, LXXIII, 3).

³⁸ Подробнее см.: *Тункина И.В.* 1) О судьбе неопубликованного научного наследия С.Ф. Ольденбурга // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XXXIV годичной международной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки

Ученый разбил публикацию санскритских текстов собрания Н.Ф. Петровского на несколько частей, присвоив каждому фрагменту номер, но сумел издать лишь первые три части. До нас дошли не только таблицы, но и план работы С. Ф. Ольденбурга о санскритских рукописях из собрания Н.Ф. Петровского, а также фрагменты статей — ненапечатанные части IV–V исследования «Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н.Ф. Петровского», «Собрание предметов древности из Восточного Туркестана, принадлежавшее Н.Ф. Петровскому и принесенное им в дар Русскому археологическому обществу», «Заметка о некоторых хотанских миниатюрах собрания Н.Ф. Петровского», планы неопубликованных работ о собрании секретаря русского консульства в Кашгаре М.И. Лаврова, а также по палеографии центрально-азиатских рукописей, иконографии буддийского искусства и пр.

Документы демонстрируют работу С.Ф. Ольденбурга по атрибуции и объединению фрагментов рукописей из собраний Н.Ф. Петровского и секретаря русского консульства в Кашгаре в 1883–1894 гг. Я.Я. Лютша. Собранную Я.Я. Лютшем коллекцию также изучил Ольденбург, сумевший объединить в один документ ряд фрагментов текстов из обоих собраний. Так, в коллекции древностей секретаря кашгарского консульства была «удивительно сохранившаяся ваза и несколько гемм», которые к 1904 г. благодаря стараниям ученого уже находились в Эрмитаже. В начале 1900-х годов С.Ф. Ольденбург планировал исследовать и издать эту коллекцию вместе с собранием Н.Ф. Петровского в отдельном томе серии Императорской Археологической комиссии «Материалы по археологии России», что, однако, не состоялось³⁹. В личном фонде ученого сохранились подготовительные материалы к этой работе.

«Небольшая часть этих сокровищ описана и издана... — писал Ольденбург в 1904 г. о коллекции Н.Ф. Петровского, — укажем на значительное количество рукописей... на санскритском, пракритском и тибетском языках и на языке неизвестном, письменность которого была индийская... Рукописи самого разного содержания — тоже буддийские, многие из них посвящены заклинаниям. Рукописи отличаются большим разнообразием почерков и большей частью превосходно написаны»⁴⁰. Несмотря на прошедшую сотню лет и усилия мирового востоковедения по вводу в научный оборот рукописей и отрывков собрания Н.Ф. Петровского⁴¹, часть их остается неизданной и еще ждет своих исследователей.

и техники РАН. 2013. Вып. XXIX. С. 55–61; 2) Неизданное научное наследие С.Ф. Ольденбурга // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2014 / СПбНЦ РАН. СПб., 2015. С. 19–33; *Tunkina I. V.* The personal papers of Sergey F. Oldenburg as a source for the history of the Russian expeditions to Eastern Turkestan: New archival data // Tocharian Texts in Context: International Conference on Tocharian Manuscripts and Silk Road Culture. Vienna, June 25–29th, 2013. Ed. by Melanie Malzahn, Michaël Peyrot, Hannes Fellner and Theresa-Susanna Illès. Bremen, 2015. P. 259–275.

³⁹ *Ольденбург С.Ф.* Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана. I. Южная часть Китайского Туркестана (По поводу книги: М.А. Stein. Landburied Ruins of Khotan. London, 1893) // ЖМНП. 1904. № 6. С. 387.

⁴⁰ *Ольденбург С.Ф.* Исследование памятников старинных культур... С. 385.

⁴¹ Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 1 / Изд. текстов, исслед. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина и М.И. Воробьевой-Десятковской. М., 1985 (Памятники письменности Востока. LXXIII, 1); Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 2 / Изд. текстов, исслед. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина и М.И. Воробьевой-Десятковской. М., 1990 (Памятники письменности

С конца XIX в. С.Ф. Ольденбург через своих учителей и коллег по университету был тесно связан с Императорской АН. Как авторитетнейший специалист по буддизму С.Ф. Ольденбург стал автором проекта, основателем и редактором академической книжной серии «*Bibliotheca Buddhica*: Собрание оригинальных и переводных буддийских текстов» (1897–1937). В этой серии, печатавшейся под грифом Императорской-Российской-Всесоюзной АН, вышло 30 томов в более чем в 100 выпусках, которые неоднократно переиздавались в Индии. Серия до сих пор остается наиболее авторитетным буддологическим изданием в мире.

Накануне увольнения С.Ф. Ольденбурга из университета академики В.В. Радлов, В.П. Васильев, К.Г. Залеман, В.Р. Розен выдвинули кандидатуру С.Ф. Ольденбурга в адъюнкты по кафедре санскритологии на место жившего в Германии 85-летнего академика О. Бентлингга, переведенного в почетные члены Императорской АН. Признанием научных заслуг стало избрание С.Ф. Ольденбурга сначала адъюнктом по Историко-филологическому отделению (литература и история азиатских народов) с 5 февраля 1900 г., затем экстраординарным академиком с 19 апреля 1903 г. и ординарным академиком Императорской Академии наук с 1 ноября 1908 г., а также ее непременным секретарем с 4 октября 1904 г. по 30 октября 1929 г.⁴² Имевший организаторский талант С.Ф. Ольденбург все силы отдавал улучшению деятельности академии во время президентства великого князя Константина Константиновича (до 1915) и престарелого геолога А.П. Карпинского, пережившего С.Ф. Ольденбурга.

Ранее С.Ф. Ольденбург был избран действительным членом (с 1896), председателем Этнографического отделения и стал членом Совета (1913) Императорского Русского географического общества, под эгидой которого состоялся ряд экспедиций в Центральную Азию, материалы которых изучал ученый, однако его мечта самому попасть в этот регион осуществилась только в начале XX в.

В 1909–1910 и 1914–1915 гг. состоялись две русские экспедиции в Восточный Туркестан под руководством С.Ф. Ольденбурга, снаряженные РКИСВА. В ходе Русских Туркестанских экспедиций (РТЭ) были найдены и описаны многочисленные архитектурно-археологические памятники не только древней буддийской культуры, но и памятники письменности на разных языках⁴³.

Востока. LXXIII, 2); Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3 / Изд. текстов, исслед., пер. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, М.И. Воробьевой-Десятовской и Э.Н. Тёмкина. М., 2004 (Памятники письменности Востока. LXXIII, 3).

⁴² Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 1: 1724–1917. Действительные члены. Члены-корреспонденты. Почетные члены. Иностранные члены. М., 2009. С. 87, 536.

⁴³ Скачков П.Е. Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение. СПб., 1993. Вып. 4. С. 313–320; Меньшиков Л.Н. К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг. // Там же. С. 321–331; Попова И.Ф. 1) Первая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга (1909–1910) // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века / Под ред. И.Ф. Поповой. СПб., 2008. С. 148–157; 2) Вторая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга (1909–1910) // Там же. С. 158–175; Тункина И.В. Экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан (1909–1910, 1914–1915) в документах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Фундаментальная наука: Проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: Материалы Международной научной конференции. Москва, Архив РАН, 4–7 июня 2013 г. / Отв. ред. В.Ю. Афиани. М., 2013. С. 36–42; ВТим. Т. I–V.

Разведочная 1-я РТЭ (1909–1910) С.Ф. Ольденбурга побывала в Урумчи, Карашаре, Турфане, Куче. Китайский Туркестан произвел на путешественников впечатление «вымершего царства буддийских храмов», где они постоянно сталкивались со следами раскопок европейских экспедиций. С.Ф. Ольденбург признал методику исследования западноевропейских коллег антикварной, а не научной, оценив их как варварское разграбление памятников с целью пополнения западноевропейских музеев. Принципом своих исследований он провозгласил точную фиксацию памятников на местности, если последним не угрожает разрушение, остальные памятники зачищали, затем фиксировали и, по возможности, консервировали. В Санкт-Петербург 1-я РТЭ вывезла лишь то, что нуждалось в спасении и реставрации, — найденные на полу пещер фрагменты рукописей, обломки фресок и статуй — свыше 30 ящиков коллекций (фресок, деревянных и бронзовых статуэток, других предметов искусства), почти сотню фрагментов рукописей, главным образом найденных при раскопках, свыше 1500 фотографий монастырей, пещер, храмов и пр.

Главной задачей 2-й РТЭ С.Ф. Ольденбурга (1914–1915) стал поиск материалов для хронологических определений памятников буддийского искусства и сбор информации с целью характеристики его отдельных стилей на территории Восточного Туркестана. Именно поэтому экспедиция целенаправленно изучала пещерный комплекс «Тысячи будд» на склонах горы Могао в Дуньхуане (Шачжоу; уезд Дуньхуан провинции Ганьсу, КНР), который, по словам С.Ф. Ольденбурга, являлся «музеем китайского буддийского искусства». Одним из предшественников 2-й РТЭ С.Ф. Ольденбурга был французский ученый Поль Пеллио (1878–1945), который в ходе экспедиции 1906–1909 гг. вывез из Дуньхуана значительную коллекцию рукописей, фотографии и другие материалы, а также присвоил нумерацию пещерам Могао, использованную и продолженную 2-й РТЭ. Экспедиция подробно изучила и зафиксировала вырубленные в скале сотни пещерных храмов, древнейшие из которых были сооружены около 1500 лет назад. С.Ф. Ольденбург сделал подробное описание 446 пещерных храмов, украшенных фресками и статуями, открыл новые пещеры, обозначив их буквами, добавленными к нумерации П. Пеллио, провел раскопки памятника и обнаружил большое количество новых фрагментов рукописей. Многочисленные картуши на мертвых языках Центральной Азии объясняли сцены изображений, позволившие ученым уточнить даты их создания. На обратном пути экспедиция обследовала памятники Турфанского оазиса, впервые осмотренные С.Ф. Ольденбургом в конце 1909 — начале 1910 г.

2-я РТЭ, прерванная Первой мировой войной, доставила в Петроград 29 тюков материалов весом свыше 89 пудов⁴⁴ — коллекцию памятников скульптуры, живописи и прикладного искусства Китая и Индии (2500 объектов), около 2000 негативов, зарисовки и кальки фресок, планы и чертежи пещер, копии картушей, записи о стенописи с подробным перечислением всех особенностей фресок и характеристикой их по цветовой гамме и стилям⁴⁵. 2-я РТЭ пополнила рукописное

⁴⁴ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 192. Л. 67.

⁴⁵ Тункина И. В. 1) Экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан (1909–1910, 1914–1915) в документах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // *Фундаментальная наука: Проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: Материалы Международной научной конференции.*

собрание Азиатского музея Академии наук около 20 тыс. ед. хр. — китайскими, уйгурскими и тибетскими документами и ксилографами⁴⁶.

К сожалению, С.Ф. Ольденбург издал лишь краткий предварительный отчет об экспедиции 1909–1910 гг.⁴⁷, удостоенный золотой медали РАО, и несколько кратких обзорных статей об экспедиции 1914–1915 гг.⁴⁸

Первая мировая война привела Россию к революционным потрясениям 1917 г. Как и большинство академиков, членов кадетской партии, Октябрьскую революцию 1917 г. С.Ф. Ольденбург не принял⁴⁹, но уже с начала 1918 г. вынужден был пойти на сотрудничество с советской властью ради спасения русской науки и ее высшего научного учреждения — Российской академии наук. Видное положение среди членов партии народной свободы привело к тому, что 4 сентября 1919 г. в рамках «превентивных» арестов кадетской интеллигенции ученый был арестован ЧК и помещен в Дом предварительного заключения на Шпалерной, но 26 сентября освобожден после ходатайств руководства РАН перед властью и резкого письма М. Горького Ленину с протестом против истребления «лучших, ценнейших сил русского народа»⁵⁰.

В 1921 г. руководство РАН, в том числе С.Ф. Ольденбург, встречалось с В.И. Лениным и подробно обсуждало роль науки и ученых в молодом советском государстве. Это была вторая встреча Сергея Федоровича с вождем пролетариата — В.И. Ульянов (Ленин) посетил квартиру Ольденбургов еще в 1891 г. в Санкт-Петербурге, расспрашивая о брате Александре и рано умершей сестре, бестужевке Ольге⁵¹.

Несмотря на огромную административную занятость, в первые послереволюционные годы непреходящий секретарь РАН стал постоянным защитником деятелей науки и культуры, подвергавшихся гонениям, лишениям, арестам и высылке. Именно С.Ф. Ольденбург спас академика С.А. Жебелёва от надвигавшегося

Москва, Архив РАН, 4–7 июня 2013 г. / Отв. ред. В. Ю. Афиани. М., 2013. С. 36–42; 2) Документы по изучению С.Ф. Ольденбургом Восточного Туркестана в Архиве Российской академии наук // С.Ф. Ольденбург — ученый и организатор науки / Отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2016. С. 313–347; *Tunkina I.V.* The personal papers of Sergey F. Oldenburg P. 259–275.

⁴⁶ Дуньхуанские рукописи ИВР РАН факсимильно изданы в Шанхае в 17 томах в 1994–2000 гг. и в электронном виде представлены в Интернете в рамках Международного дуньхуанского проекта: <http://idr.orientalstudies.ru/idr.a4d> (дата обращения 21.11.2021). Подробнее см.: Дуньхуановедение: Перспективы и проблемы второго столетия исследований / Под ред. И.Ф. Поповой. СПб., 2012.

⁴⁷ *Ольденбург С. Ф.* Разведочная археологическая экспедиция в Китайский Туркестан в 1909–1910 гг. // ЗВОРАО. 1913 (1911–1912). Т. 21. С. XX–XXI; Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 года, снаряженная по высочайшему повелению состоящим под высочайшим его императорского величества покровительством Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Краткий предварительный отчет составил С.Ф. Ольденбург. С 53 таблицами, 1 планом вне текста и 73 рисунками и планами в тексте по фотографиям и рисункам художника С.М. Дудина и планам инженера Д.А. Смирнова. Издание Имп. Академии наук. СПб., 1914.

⁴⁸ *Ольденбург С. Ф.* 1) Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. 1921. № 1–2. С. 25–30; 2) Пещеры тысячи будд // Восток. 1922. Кн. 1. С. 57–66, 6 л. илл.; 3) Искусство в пустыне // 30 дней. 1925. № 1. С. 47–52.

⁴⁹ Подробнее см.: *Тункина И.В.* 1) Академия наук в 1917 году // Вестник Российской Академии наук. 2018. Т. 88. № 5. С. 410–415; 2) На переломе: Академия наук в 1917 году // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2017 / РАН, ОИФН; отв. ред. В.А. Тишков. М., 2018. С. 43–60.

⁵⁰ *Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург. С. 81–82.

⁵¹ *Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург. С. 85–86.

исключения из числа действительных членов АН СССР в ходе «дела Жебелёва»⁵². Современник отмечал «громадную, почти сверхчеловеческую энергию» С.Ф. Ольденбурга, его огромную роль в спасении Академии наук и науки в России: «Перед большевиками ему даже не надо особенно лукавить и много подыгрывать: его внутренняя потребность деятельности, заставляющая его кидаться во всякое дело, которое ему подворачивается, и принимать всякие просьбы и предложения об участии в чем-нибудь, с которыми к нему обращаются власти, создает к нему то, по-видимому, доверчивое и благожелательное отношение правителей, благодаря которому ему удается охранять Академию и вести ее настолько возможно вперед в ее естественных задачах и требованиях»⁵³.

В 1918 г. С.Ф. Ольденбург был избран в Совет Государственного Эрмитажа и вместе с Н.Я. Марром и В.В. Бартольдом способствовал созданию Отдела Востока в главном музее страны. По декрету СНК РСФСР от 18 апреля 1919 г. С.Ф. Ольденбург стал членом РАИМК, т. е. автоматически перешел в состав академии из Российской государственной археологической комиссии⁵⁴. Он стал председателем Совета (1920–1923) и Археологического отделения (1920–1923) РАИМК, куда входил разряд археологии и искусства Индии и Дальнего Востока, которым также руководил Сергей Федорович (1919–1925), встал во главе Разряда археологии Ирана и Разряда буддийской археологии, одно время был товарищем председателя РАИМК (1920, с 1923 г.), временно заведовал Разрядом археологии Средней Азии (1930), с 1933 г. заведовал Институтом музееведения ГАИМК⁵⁵.

Сразу после возвращения в Петроград из 2-й РТЭ, прерванной в годы Первой мировой войны, академик С.Ф. Ольденбург не оставлял надежды вернуться в Восточный Туркестан и продолжить незаконченные исследования, но его планам не суждено было сбыться. В тяжелейшие годы Гражданской войны 19 октября 1918 г. РКИСВА, который после смерти В.В. Радлова возглавил С.Ф. Ольденбург, принял решение о продолжении своей археолого-этнографической экспедиции в Китайский Туркестан и 21 октября того же года запросил Восточный отдел Наркомата по иностранным делам РСФСР о выделении на эти цели средств⁵⁶, но инициатива РКИСВА не была поддержана властями.

В августе-октябре 1919 г. в голодном и холодном Петрограде С.Ф. Ольденбург устроил Первую буддийскую выставку из предметов буддийского культа, хранящихся в Русском музее и Музее антропологии и этнографии, прочитал лекции «Первая буддийская выставка в Петербурге» и «Жизнь Будды, индийского учителя жизни». К 1921 г. РКИСВА, размещавшийся в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере) РАН, фактически прекратил существование⁵⁷, перенеся свою дея-

⁵² Подробнее см.: *Тункина И.В.* «Дело» академика С.А. Жебелёва // *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах.* СПб., 2000. Вып. 2. С. 116–161.

⁵³ Цит. по: Два эпизода из жизни литературных организаций / Публ. Н. Крамера и Р. Баха // *Минувшее: исторический альманах.* М., 1990. Т. 1. С. 330.

⁵⁴ *Фармаковский Б.В.* К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1921. С. 11.

⁵⁵ Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб., 2013. С. 372.

⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 97. Л. 26, 79; *Назирова Н.Н.* Центральная Азия... С. 62–63.

⁵⁷ После переподчинения Наркомпросу с марта 1919 г. деятельность РКИСВА едва теплилась. В условиях новой советской действительности комитет был окончательно ликвидирован в мае 1923 г. См.: *Назирова Н.Н.* Центральная Азия... С. 31, 32.

тельность в Коллегию востоковедов и РАИМК. Показательно, что вплоть до ликвидации общества в 1924 г. заседания РАО нередко проходили в кабинете постоянного секретаря РАН на набережной Невы.

Как руководитель Разряда буддийской археологии РАИМК С.Ф. Ольденбург в 1920 г. задумал провести разведки в Средней Азии для поиска буддийских древностей «в недрах земли русского Туркестана», а в начале 1921 г., по прошествии пяти лет после внезапного завершения 2-й РТЭ, не оставлял надежды снова отправиться в Дуньхуан и продолжить работы, не завершённые им в 1915 г. В январе 1921 г. В.В. Бартольд и С.Ф. Ольденбург организовали в РАИМК Постоянную Туркестанскую комиссию, действовавшую с 1921 по 1924 гг. Уже на первом заседании комиссии 8 января 1921 г. С.Ф. Ольденбург «внес предложение выяснить ту территорию, которая должна войти в компетенцию комиссии. По его мнению, она должна быть расширена, в ее границы должен, например, войти Китайский Туркестан»⁵⁸. Но из-за послевоенной экономической разрухи экспедиционное изучение Дуньхуана не было возобновлено.

В 1923 г. во время заграничной командировки С.Ф. Ольденбург отверг предложение немецких издательских фирм опубликовать в шести томах материалы 2-й РТЭ, т. к. он мечтал издать их на родине. В 1926 г. ему вновь поступило предложение издателя опубликовать эти материалы на английском и французском языках в 8 томах, малый in folio в серии «Ars Asiatica» с 400 фототипиями, 10 цветными таблицами, планами и чертежами⁵⁹. Однако из-за огромной административной загруженности в Академии наук большая часть исследований С.Ф. Ольденбурга о языках и культуре Центральной Азии осталась лишь в проектах.

В конце 1922 г. в Петроград приехала из Сибири старая знакомая С.Ф. Ольденбурга Елена Григорьевна (урожд. Клеменц, в первом браке Головачева, 1875–1955), племянница народовольца и исследователя Восточного Туркестана Д.А. Клеменца. 19 февраля 1923 г., после 32 лет вдовства, Сергей Федорович женился на ней, а 20 мая по воле сына Федора Ольденбурга супруги обвенчались в университетской церкви⁶⁰.

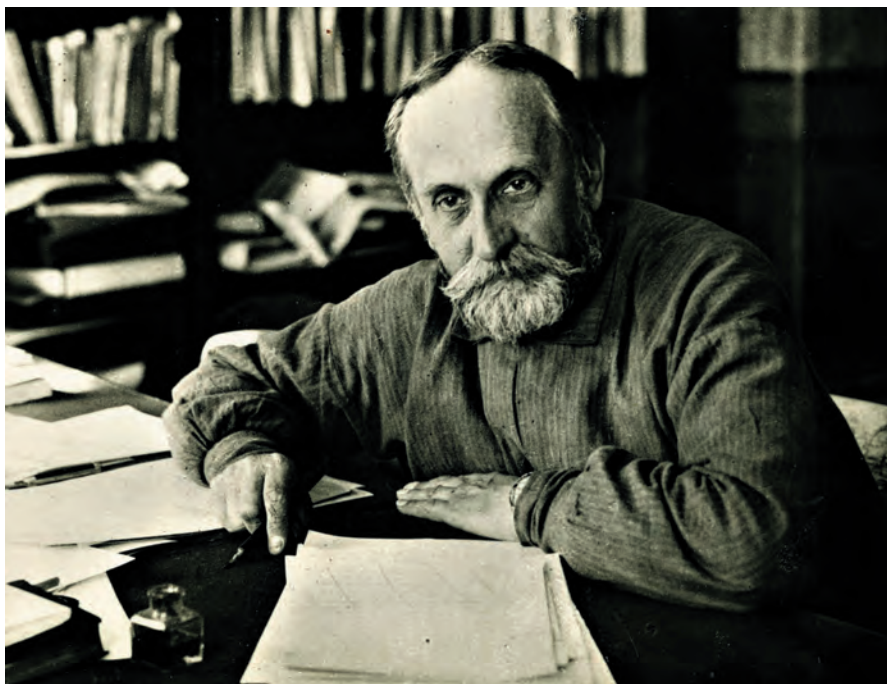
К началу 1923 г. С.Ф. Ольденбург оказался самым старшим по дате избрания действительным членом РАН среди востоковедов. В.Л. Котвич определил круг научных интересов С.Ф. Ольденбурга как санскритскую филологию, искусство Индии и Дальнего Востока. С 1916 г. вплоть до своей смерти С.Ф. Ольденбург являлся директором Азиатского музея, в 1930 г. реорганизованного в Институт востоковедения Академии наук (ныне Институт восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге)⁶¹. На 1923 г. С.Ф. Ольденбург являлся сотрудником отдела древностей Восточного и Западного Туркестана Археологического отделения Музея антропологии и этнографии РАН/АН СССР. После смерти его соратника по 1-й и 2-й РТЭ художника и фотографа С.М. Дудина (1863–1929), работавшего в МАЭ, по настоянию С.Ф. Ольденбурга собранные археологические и этнографические памятники

⁵⁸ Бухарин М.Д., Тункина И.В. Постоянная Туркестанская комиссия РАИМК: Первый протокол заседания 8 января 1921 года // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 5 / отв. ред. И.А. Сорокина. М., 2019. С. 89, 92–93, 101.

⁵⁹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 143; Известия АН СССР. 1926. Т. 20. № 18. С. 1848.

⁶⁰ Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. С. 101.

⁶¹ Попова И.Ф. Ольденбург Сергей Федорович // Азиатский музей — Институт восточных рукописей РАН: путеводитель / Отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2018. С. 729–731.

С.Ф. Ольденбург за рабочим столом. Ок. 1925 г.

в 1930–1934 гг. были переданы в Отдел Востока Государственного Эрмитажа, где работала его вторая жена Е.Г. Ольденбург.

На 1923 г. С.Ф. Ольденбург являлся действительным членом Восточной секции Научно-исследовательского института сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока имени А.Н. Веселовского при Петроградском университете (основан в 1921 г.). В 1921 г. Институт истории искусств, где С.Ф. Ольденбург в 1919–1920 гг. читал курс «Введение в историю индийского искусства», был преобразован из вуза в ученое учреждение — профессора стали действительными членами, С.Ф. Ольденбург — по разряду изобразительных искусств Индии и Дальнего Востока. Одновременно ученый являлся профессором Петроградского университета, на факультете общественных наук преподавал введение в изучение культуры индийских народов, с 1920 г. был профессором индийского разряда Петроградского института живых восточных языков, председателем секции этнографии РГО, председателем Редакционной коллегии экспертов Восточного отдела основанного М. Горьким издательства «Всемирная литература» (1918–1924), товарищем председателя Бюро Коллегии востоковедов (основана в 1921 г.) и т. д., и т. п. Отдельной темой стала деятельность ученого в области краеведения.

Оставаясь на посту неперменного секретаря, С.Ф. Ольденбург проживал в главном здании РАН (Университетская наб., д. 5, кв. 29)⁶². После «Академического дела»

⁶² Востоковедение в Петрограде 1918–1922. Памятка Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук / Сост. В.Л. Котвич. Пг., 1923. С. 6, 10, 14, 15, 20–22, 28, 37, 41, 43, 52, 62, 65, 79.

(1929–1931), закончившегося, к счастью, не арестом, а только снятием С.Ф. Ольденбурга с поста постоянного секретаря АН СССР, его семья переселилась в Дом академиков на набережной Невы. Вся его последующая деятельность сосредоточилась в Институте востоковедения АН СССР, директором которого он стал в 1930 г. Как резюмировал Б.С. Каганович, «большой ум, реализм, энергия, выдержка и неутомимость, широчайший кругозор, редкая культурность и воспитанность, умение общаться с людьми самых разных положений, характеров и взглядов, отзывчивость, доступность и демократизм — все это делало Ольденбурга превосходным администратором и руководителем Академии... Для нечеловеческой советской ситуации, окончательно сложившейся на рубеже 1920-х — 1930-х гг., он определенно не подходил, и эта ситуация его подкосила и, в конечном счете, уничтожила»⁶³. Постоянные стрессы подорвали здоровье ученого. 28 февраля 1934 г. он скончался в присутствии жены и друга Владимира Вернадского, был похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища⁶⁴.

С.А. Жебелёв, осуждавший сотрудничество С.Ф. Ольденбурга с советской властью и его политику компромиссов, считал, что она привела к потере академической автономии и к разрушению науки. Он написал «в стол» после смерти коллеги: «Человек европейской культуры, Ольденбург не смог стать “советским” ученым, но пожелал стать им из далеко не принципиальных соображений. Ничего не вышло: ни Богу свечка, ни черту кочерга»⁶⁵. Думается, эта оценка не справедлива. «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи» — эта формула С.А. Есенина полностью применима к личности С.Ф. Ольденбурга, отдавшего жизнь великому служению — спасению отечественной науки и культуры от уничтожения.

⁶³ Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. С. 231.

⁶⁴ Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. С. 221.

⁶⁵ Историографические этюды С.А. Жебелёва. Три неизданных мемуара С.А. Жебелёва: Жебелёв С.А. С.Ф. Ольденбург / Публ. И.В. Тункиной, Э.Д. Фролова // ВДИ. 1993. № 3. С. 202.

Петр Петрович Покрышкин (1870–1922)

М.В. Медведева

Ярко горевшее пламя его жизни догорело,
но среди тех, кто знаком был с его
духовной красотой и совестью,
оно будет светить еще долго

*Из некролога, написанного
Н.П. Сычевым. 1922 г.¹*

Имя Петра Петровича Покрышкина² давно и прочно вошло в историю архитектурно-археологической науки. Его огромный вклад в развитие русской реставрационной школы и точного метода исследования архитектурных памятников безоговорочно признается во всем научном мире³. Однако публикаций о нем самом до последнего времени было совсем немного. Возможно, отчасти это связано с тем, что основная научная жизнь П.П. Покрышкина происходила в стенах Императорской археологической комиссии, об успехах которой было не принято говорить в советскую эпоху. Не последнюю роль в этом сыграл и уход Петра Петровича из светской жизни в священнослужители. Вместе с тем деятельность этого выдающегося ученого была настолько колоссальна и всеобъемлюща, что даже

сейчас в эпоху открытости мы часто не знаем, как подступиться к его огромному творческому наследию, которое безусловно заслуживает полноценного много-томного издания.

Началась жизнь этого потрясающего исследователя в Иркутске, где он родился 22 июля 1870 г. в семье врача⁴. Своим родным Петр Петрович был предан безза-

¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1616.

² В качестве заставки использован портрет П.П. Покрышкина. Фото И.И. Недешева. 1910-е гг.

³ *Беляев Л.А.* Христианские древности. Москва, 1998; *Михайловский Е.В.* Реставрация памятников архитектуры. М., 1971; *Подъяпольский С.С., Бессонов Г.Б., Беляев Л.А., Коркин В.Д., Постникова Т.М., Табунищikov Ю. А.* Реставрация памятников архитектуры. М., 2000; Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002.

⁴ *Медникова Е.Ю.* Деятельность академика архитектуры П.П. Покрышкина в Императорской Археологической Комиссии (по материалам рукописного архива ИИМК РАН) // АВ. 1995. № 4. С. 304.

ветно, и именно семейные ценности во многом определили его будущий путь и мировоззрение⁵.

Высшее образование Петр Покрышкин получил в Художественном училище при Академии художеств, которое окончил в 1895 г. «За отличные познания в искусстве и науке, доказанные им во время пребывания в архитектурном отделении Училища», он был удостоен звания художника-архитектора с «правом на чин X класса при поступлении на государственную службу и с предоставлением производить постройки»⁶. В качестве стипендиата Академии в 1897 г. Покрышкин был командирован за границу для ознакомления с произведениями искусства, музеями и архитектурными древностями⁷. Он побывал в Италии и Франции, где изучал византийскую, романскую и готическую архитектуру, приобретал фотографии заинтересовавших его памятников⁸.

С 1895 г. П.П. Покрышкин принимал активное участие в экспедициях, организованных Императорской археологической комиссией (ИАК) и другими учреждениями, и проводил самостоятельные обследования архитектурных памятников. Несколько сезонов он провел в историко-архитектурной экспедиции под руководством Н.И. Веселовского, занимавшейся обследованием, архитектурными обмерами и фотофиксацией мечетей и мавзолеев в Средней Азии. По мнению ИАК самаркандские мечети представляли собой выдающееся явление в мусульманской архитектуре и заслуживали наряду с современными им гробницами самого тщательного «научного исследования и подробного описания как в археологическом, так и в художественном отношении». Необходимость их изучения и реставрации была очевидна ввиду того, что древние памятники разрушаются от времени и землетрясений. Главной задачей экспедиции стала их тщательная фиксация: точные планы, чертежи, копии деталей «в красках» и описание для последующей публикации.

Диплом П.П. Покрышкина об окончании Высшего художественного училища при Академии художеств

⁵ Платонова Н.И. Архитектор-археолог П.П. Покрышкин: страницы биографии // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 422–437; Платонова Н.И. Последние годы П.П. Покрышкина // В камне и в бронзе: сборник статей в честь Анны Песковой / Ред.-сост. А.Е. Мусин, О.А. Щеглова. Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII. СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 445–452.

⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1903 г. Д. 271. Л. 111.

⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1616. Л. 1.

⁸ Медведева М.В., Панченко И.А. Архив архитектора К.К. Романова (1882–1942). К истории формирования коллекций Института истории материальной культуры РАН и Русского музея // ТГЭ. 2018. Т. 91. С. 369–379.

Самарканд. Мавзолей на могиле Эмира-Зада у мечети Шах-Зинда.
На ступеньках сидит П.П. Покрышкин

Предприятие, требовавшее значительных финансовых затрат, было поддержано министром финансов С.Ю. Витте и получило одобрение государя императора.

В течение 1895 г. под наблюдением Н.И. Веселовского двумя художниками-архитекторами, в том числе П.П. Покрышкиным, были произведены «обмеры и изготовлены планы мечетей “Гур-Эмир” и “Биби-Ханым”; один художник-фотограф делал фотографические общие и детальные снимки со всех мечетей, а два ученика Императорской Академии художеств снимали кальки масляными красками с мечети Гур-Эмир. Кроме того, надписи с мечетей и с надгробных памятников копировались разными механическими способами»⁹. Летом 1898 г. П.П. Покрышкин вновь командирован в Самарканд для исследования мечети Биби-Ханым, которое закончил в 1900 г.¹⁰ В результате работ экспедиции в 1905 г. увидел свет альбом, посвященный мавзолею Гур-Эмир, куда вошли прекрасно исполненные П.П. Покрышкиным рисунки и чертежи¹¹.

В 1900 г. архитектор Покрышкин участвовал в археолого-этнографической экспедиции Петербургской Академии наук под руководством Н.П. Кондакова, работавшей в Болгарии (Месемврия) и Македонии¹². Впоследствии 11 изумительных по точности чертежей, исполненных Покрышкиным в Болгарии, были пожертвованы автором в Архитектурный музей при Академии художеств¹³.

⁹ Отчет ИАК за 1895 г. СПб., 1897. С. 48–51.

¹⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1616. Л. 1.

¹¹ Мечети Самарканда. Вып. 1. Гур-Эмир. СПб., 1905.

¹² Медникова Е. Ю. Деятельность академика архитектуры П. П. Покрышкина в Императорской Археологической Комиссии (по материалам рукописного архива ИИМК РАН) // АВ. 1995. Вып. 4. С. 304.

¹³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1616. Л. 2.

В 1902 г. Покрышкин был командирован по заданию Академии художеств в Сербию и продолжил исследования, начатые двумя годами ранее¹⁴. В 1906 г. исследователь подготовил печатный отчет о своей поездке¹⁵, который сам считал предварительным. Он сообщал, что долгое время сербские средневековые церкви оставались неизвестны и о них имелись только весьма скудные сведения. Поэтому его командировка стала «счастливым стечением обстоятельств», позволившим «хотя бы и бегло» их осмотреть и зафиксировать. Он писал: «в 1902 году я имел возможность провести в Сербском Королевстве 2 ½ летних месяца. Результатом моего путешествия были: около 200 фотографий и обмеры 4 церквей. ...спешу сообщить краткое описание, сопровождая его необходимыми чертежами и вышеупомянутыми photographиями, из которых выбираю 106 наиболее интересных»¹⁶.

Фотографии составляют подлинно уникальную часть комплекса документов, связанных с поездкой П.П. Покрышкина в Сербию. Фотосъемкой во время путешествия он занимался самостоятельно и смог запечатлеть внешние и внутренние виды многих православных храмов, среди которых представлены Великая Успенская церковь и «Кральева црква» Студеницкой лавры, Введенская церковь на Сербском Афоне, церкви в монастырях «Раваница», «Любостынья», «Манасия», «Благовещение» под Кабларом и др. Фотоизображения зафиксировали остатки старинных фресок, детали кладки стен, резные каменные узоры порталов, наличники окон, церковную утварь из ризниц. Наряду с архитектурными памятниками на снимках присутствуют портреты братии, прихожан и сцены повседневной жизни в Сербии начала XX в. В фотоотделе Научного архива ИИМК РАН хранятся пять таких альбомов, которые содержат 268 фотографий. Основная часть сделанных им тогда чертежей и акварельных зарисовок находится в Академии художеств.

Понимая научную ценность собранного материала, Покрышкин посчитал необходимым опубликовать его максимально быстро, чтобы не случилось того, что «у русских называется: “К сожалению, рисунки остались в портфеле”»¹⁷. И тут надо отдать должное интуиции ученого, поскольку целиком комплекс документов Сербской поездки до сих пор не введен в научный оборот.

После возвращения в Санкт-Петербург в 1902 г. П.П. Покрышкин стал членом Императорской археологической комиссии и был назначен на должность штатного архитектора¹⁸. С этого момента начинается совершенно новый этап в его научной и реставрационной деятельности. Вопросы изучения и реставрации архитектурных памятников так или иначе всегда входили в круг интересов ИАК с самого момента ее создания в 1859 г. Структурой и штатом сотрудников для производства таких работ учреждение при этом не обладало, а потому вынуждено было регулярно прибегать к услугам приглашенных архитекторов. Расширение

¹⁴ Васильев Д.В., Длужневская Г.В., Малевинская М.Е. Православные святые Балкан. СПб., 2004; Моисеева Н. Д. Поездка Петра Петровича Покрышкина в Сербию. Фотографии и открытые письма // Памятники археологии в исследованиях и photographиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской) / Ред.-сост. Н.Ю. Смирнов. СПб., 2018. С. 264–279.

¹⁵ Покрышкин П.П. Православная церковная архитектура XII–XVIII стол. в нынешнем Сербском королевстве. СПб., 1906.

¹⁶ Там же. С. 2.

¹⁷ Там же. С. 3.

¹⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1616. Л. 3.

архитектурно-археологического направления в ИАК произошло благодаря Высочайшему повелению 1889 г. и правилам 1890 г., согласно которым Комиссия получила возможность осуществлять совместно с Академией художеств надзор за всеми реставрационными работами в России¹⁹. Специалистом-архитектором, который смог реализовать эту возможность, и стал энергичный, талантливый и безгранично работоспособный Петр Петрович Покрышкин. Он возглавлял это направление деятельности Комиссии вплоть до ее послереволюционных преобразований и продолжил свою плодотворную работу в Академии истории материальной культуры.

Одна из первых самостоятельных поездок Петра Петровича по поручению ИАК состоялась в январе 1903 г. Его направили в Смоленск для осмотра древних крепостных стен и фиксации степени их сохранности. Позже П.П. Покрышкин вспоминал: «Побывав в Смоленске, я лично убедился, насколько грандиозна его седая святыня, и в то же время испытал глубокое сожаление, что дивный и редкий исторический памятник близок к безвозвратной гибели»²⁰. Он продолжал курировать ремонтные работы на стенах Смоленского кремля и в последующие годы²¹.

В Польше в 1903 г. П.П. Покрышкин провел расчистку стенописи костела в Люблине²²; в 1907–1909 гг. — реставрационные работы в Благовещенской церкви Супрасльского монастыря и в Черском замке²³; в 1909 г. обследовал старинные башни в окрестностях Холма; а в 1910 г. и 1912 г. на соборной горе в Холме провел археологические исследования строений времен Даниила Галицкого²⁴. Кроме того, в 1907–1908 гг. он обследовал Васильевский храм в Овруче²⁵, с 1909 г. — Борисо-

¹⁹ Подробно об этом см.: *Медведева М.В., Всевиов Л.В., Мусин А.Е., Тихонов И.Л.* Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Е.Н. Носов (общ. ред.). Т. 1. СПб., 2009. С. 21–247; *Медведева М.В., Мусин А.Е.* Императорская Археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры // Там же. С. 926–1064.

²⁰ *Покрышкин П.П.* Смоленская крепостная стена // ИИАК. 1904. Вып. 12. С. 11.

²¹ *Медведева М.В., Мусин А.Е.* Императорская Археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры. С. 963–965.

²² *Белковская В.М.* Архитектор П. Покрышкин и его исследования Люблинского тюремного замка // *Sztuka Europy Wschodniej*. Т. III. Polscy i rosyjscy artyści i architekci w koloniach artystycznych zagranicą i na emigracji politycznej 1815–1990 / Red. J. Malinowski, I. Gavrash, D. Ziarkowski. Warszawa; Toruń, 2015. S. 121–128.

²³ *Мусин А.Е.* Императорская археологическая комиссия и Польша: материалы по истории церкви Благовещения в Супрасле в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской) / Ред.-сост. Н.Ю. Смирнов. СПб., 2018. С. 240–263; *Musin A.* Zabytki Supraśla w Sankt Petersburgu: materiały dotyczące historii i konserwacji cerkwi Zwiastowania Bogarodzicy (1907–1910) w archiwum Cesarskiej Komisji Archeologicznej // *Freski supraskie — relikty XVI-wiecznego malarstwa postbizantyńskiego w kolekcji Muzeum Ikon w Supraślu*, A. Ruta (dir.), Supraśl, 2019. S. 13–64.

²⁴ *Медведева М.В., Мусин А.Е.* Императорская Археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры. С. 1043.

²⁵ *Раппопорт П.А.* Церковь Василия в Овруче // СА. 1972, № 1. С. 82–97; Памятники архитектуры в дореволюционной России. С. 412–416.

Смоленская крепостная стена. Евстафьевская, Никольская и Четырехугольная башни. Фото 1902 г.

глебскую Коложскую церковь в Гродно²⁶ и церковь Спаса на Берестове в Киеве²⁷, а также занимался реставрацией развалин Старгородской церкви в Черниговской губернии.

Заслуги П.П. Покрышкина получили высокую оценку в научных кругах, и в 1909 г. Академия художеств избирает его академиком архитектуры. Спустя два года архитектор обследовал стены и башни Московского Кремля. Под его руководством там проводились реставрация иконостаса в церкви Спаса на Бору и реставрационные работы в Большом Успенском Соборе²⁸.

Особое место в деятельности П.П. Покрышкина всегда занимали исследование и реставрация памятников новгородской и псковской древней архитектуры, из которых практически все были запечатлены на его photographиях. Самые значительные реставрационные работы он провел в церкви Спаса на Нередице под Новгородом. Еще в 1892 г. в Археологическую комиссию поступило ходатайство от Новгородской Духовной консистории о необходимости проведения ремонтных

²⁶ Медведева М.В., Мусин А.Е. Ук. соч. С. 1031–1033.

²⁷ Памятники архитектуры в дореволюционной России. С. 437–440.

²⁸ Корина Н.Д. Русские художники и реставрация Успенского собора Московского Кремля в 1910–1918 годах // Вестник РГНФ. 2016, № 3–4. С. 124–140; Пармузина И.С. «Снимки должны быть безусловно точными, как документ...» (К истории фотографической съемки реставраций Успенского и Благовещенского соборов Московского Кремля 1882–1918 гг.) // Фотография. Изображение. Документ. Вып. 1 (1). СПб., 2010. С. 22–37; Памятники архитектуры в дореволюционной России. С. 420–423.

Церковь Василия в Овруче. Исследования П.П. Покрышкина 1907 г.

Исследования П.П. Покрышкина в церкви Спаса на Берестове.
Общий вид раскопанных квадратов. Фото 1914 г.

работ в храме. В связи с финансовыми трудностями решение вопроса было отложено²⁹. В 1898 г. по просьбе Комиссии в Новгород выехал академик архитектуры В.В. Суслов для обследования технического состояния памятника. Он произвел в церкви точные обмеры и подготовил чертежи, ставшие основой последующих ремонтно-реставрационных работ³⁰. Непосредственно к реставрации церкви приступили только в 1903 г. Представителем от ИАК был назначен П.П. Покрышкин, под руководством которого и проводились работы³¹. Для наблюдения за ними он приехал в мае 1903 г. прямо из Владимира, где обследовал Дмитриевский собор³². Туда его командировали от Академии художеств для руководства практикой студентов, которые могли непосредственно наблюдать подход П.П. Покрышкина к изучению древнерусской архитектуры, который тот развивал и совершенствовал на протяжении всей своей научной деятельности: «При обмерах мы преследуем возможную точность, стремимся точно передать формы арок и сводов, все неправильности в постройке. При этом только условия можно быть уверенным, что чертежи наши будут иметь интерес, так как с такой точностью никто еще не обмерял этот собор»³³. Этот же метод он применил в ходе реставрации церкви Спаса на Нередице.

В июне он послал рапорт в ИАК с просьбой немедленно прислать ему чертежи В.В. Суслова и сторожа-фотографа И.Ф. Чистякова для производства снимков с фресок Спасо-Нередицкой церкви. В тот момент в церкви были устроены подмости и разобран иконостас, что значительно облегчало процесс фотографирования фресковой росписи. «Чистяков должен взять с собой, — писал П.П. Покрышкин, — все принадлежности для проявления, большой “самаркандский”

Церковь Спаса на Нередице. Реставрационные работы летом 1903 г. Сн. И.Ф. Чистякова

²⁹ Ядрьшиников В.А. Спасо-Нередицкий монастырь: история строительства и реставрации // Новгородский исторический сборник. 8(18). СПб, 2000. С. 72–73.

³⁰ Сулова В.А. Исследование и подготовка к реставрации Спасо-Нередицкой церкви академиком архитектуры В.В. Сусловым в 1896–1898 гг. // Новгородский исторический сборник. 4 (14). СПб-Новгород, 1993. С. 208–214.

³¹ Медникова Е.Ю. Деятельность академика архитектуры П.П. Покрышкина... С. 305–306; Ядрьшиников В.А. Спасо-Нередицкий монастырь... С. 71–79; Памятники архитектуры в дореволюционной России. С. 408–410.

³² Медникова Е.Ю. Деятельность академика архитектуры П.П. Покрышкина... С. 304.

³³ РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1902. Д. 3-26а. Ч. I. Л. 430б. Благодарю Д.Д. Ёлшина за возможность ознакомиться с этими архивными материалами.

П.П. Покрышкин с учениками Высшего художественного училища
во Владимире. 1903 г.

фотоаппарат, растворы, ванны, фонарь, пластинки. Для большого аппарата потребуется дюжин 5 и столько же размером 18×24 см. Все пластины должны быть высшей чувствительности и половина из них противореольная. Требуется также прибор для снятия при свете магния»³⁴. Название «самаркандский» возникло неслучайно. Когда П.П. Покрышкин работал в Самарканде в составе экспедиции Н.И. Веселовского по обследованию памятников древней архитектуры Самарканда, фотофиксацией занимался И.Ф. Чистяков, используя именно этот фотоаппарат. В отличие от других он позволял делать качественные крупноформатные снимки, но для них требовались стеклянные пластины размером 24×30 см, хрупкие и тяжелые, что делало процесс фотографирования более трудоемким³⁵. В итоге, благодаря возведенным внутри лесам, удалось сделать фотографии со всех без исключения фресковых изображений. Из них были отобраны 164 снимка и составлен альбом для подношения императору. 9 апреля 1904 г. император и императрица

³⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 34. Л. 142.

³⁵ Медведева М. В. Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников: (по материалам архивов ИИМК РАН) // АВ. 2004. Вып. 11. С. 381.

У церкви Спаса на Нередице под Новгородом, 1 августа 1903 г.
 Слева направо: неизвестный, Полиен Ив. Щеголев, протоиерей А. Конкордин,
 священник Благовещенской и Нередицкой церквей Г. Быстров, архиепископ Новгородский
 Гурий, архитектор П. Покрышкин, его помощник Л. Кириллов, архимандрит Иосиф

посетили ежегодную выставку древностей в Императорской археологической комиссии, где фотограф ИАК И.Ф. Чистяков и преподнес им альбом фотографий с фресок Спасо-Нередицкой церкви³⁶.

Реставрация уникального храма происходила при полной поддержке со стороны новгородского духовенства, взаимодействие священнослужителей и ученых во время ремонта Спасо-Нередицкой церкви в 1903–1904 гг. можно считать одним из самых позитивных примеров в истории архитектурно-археологических работ в дореволюционный период. Сам П.П. Покрышкин высоко оценил вклад церковных деятелей Новгорода в дело реставрации и охраны церкви, о чем подал рапорт председателю ИАК: «Прилагая при сем отчет об окончании реставрации Спасо-Нередицкой церкви близ Новгорода, имею честь почтительнейше доложить, что все средства на эту реставрацию, а именно 10916 р. 93 коп. пожертвованы Высокопреосвященнейшим Гурием Архиепископом Новгородским. Ближайшее распоряжение этою суммою было поручено им эконому архиерейского дома архимандриту Иосифу, а многие хлопоты по приему строительных материалов, по контролю

³⁶ ИИАК. 1904. Вып. 10. Приб. С. 2–3.

подрядчика — священнику Городищенской и Спасо-Нередицкой церковью о. Григорию Быстрову, постоянному и ревностному хранителю последней.

Доволя о сем до сведения Вашего Сиятельства, считаю долгом заявить, что безвозмездные труды указанных лиц должны быть удостоены наград по усмотрению Св. Синода, о чем и желательнее ходатайствовать пред сим последним. Член Комиссии П. Покрышкин. СПб, 22 декабря 1904 г.»³⁷.

Кроме этой грандиозной реставрации под руководством П.П. Покрышкина состоялись обследование построек Ферапонтова монастыря в Новгородской губернии, ремонт и выпрямление колокольни Боровской Успенской церкви в Архангельске, наблюдения за крепостными стенами Пскова и Новгорода.

Обследование Ферапонтова монастыря П.П. Покрышкин проводил в течение 1904–1905 гг. при участии студентов, среди которых был К.К. Романов — в будущем еще один архитектор ИАК (с 1910 г.). Поводом к изучению архитектурных построек монастыря, упраздненного в 1798 г., послужило его возрождение в 1903 г., а соответственно, и необходимость ремонта монастырских зданий. В своем отчете П.П. Покрышкин с сожалением отмечал: «...местные бытовые обстоятельства (каковы, напр., непонимание важности сохранения древних зданий, или же неправильное понимание идеи сохранения, а также спешность, с которой пришлось заселить монастырь и пр.) сделали то, что прежде чем Императорская Археологическая Комиссия узнала о восстановлении монастыря, уже было произведено расширение семи окон в нижнем этаже Благовещенской церкви. Более серьезные искажения были застигнуты вовремя и многое спасено от гибели»³⁸.

Благодаря стараниям архитектора было сохранено единственное оставшееся в монастыре к началу XX в. служебное здание — «сушило» XVI в. Все остальные служебные постройки разобрали на кирпич для строительных нужд. Если бы не вмешательство ИАК, то и это здание снесли бы, так как изначально Новгородская духовная консистория и обратилась в Комиссию с просьбой разрешить «подвергнуть разборке ветхий и уже совершенно обрешивающийся корпус» и кирпич «употребить в дело постройки нового каменного дома на сем месте»³⁹. Однако по заключению П.П. Покрышкина Археологическая комиссия оценила корпус, о котором шла речь в прошении, как «редкий памятник древнерусского гражданского зодчества» и запретила его уничтожение⁴⁰. В 1904–1905 гг. под руководством П.П. Покрышкина были обмерены все постройки Ферапонтова монастыря, составлено их подробное описание и составлены проекты реставрации⁴¹.

Одной из самых удивительных работ, произведенных под руководством П.П. Покрышкина, стало выпрямление церковной колокольни в Архангельске. В 1907 г. в ИАК поступил запрос от Архангельской Духовной консистории о разрешении снять два верхних яруса с колокольни Боровской Успенской церкви для разгрузки

³⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 34. Л. 152–153.

³⁸ Покрышкин П.П., Романов К.К. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии // ИИАК. 1908. Вып. 28. С. 107.

³⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1904. Д. 76. Л. 3.

⁴⁰ Там же. Л. 5 об.

⁴¹ Там же. Л. 24–34; Покрышкин П. П., Романов К. К. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии // ИИАК. 1908. Вып. 28. С. 107–155.

конструкции здания, так как колокольня начала наклоняться и «грозила обрушением». Из приложенного к запросу акта технического осмотра следовало, что причина наклона кроется в «загнивании» фундамента из-за «неравномерного стояния грунтовых вод» и «движения пластов грунта». Эти процессы связали с расположением Успенской церкви на берегу р. Северной Двины и оседанием его склона⁴².

В Комиссии признали колокольню заслуживающей сохранения, хотя укрепление фундамента требовало больших денег и чрезвычайно трудоемких работ. В течение нескольких лет длилось рассмотрение вопроса о том, каким способом возможно осуществить ремонт здания: велась переписка с Технико-Строительным Комитетом при МВД, с Архангельской Духовной консисторией, со Св. Синодом; были проведены предварительные исследования силами местных архитекторов, затем для осмотра колокольни был командирован архитектор ИАК Д.В. Милеев. Дело о выпрямлении колокольни Успенской Боровской церкви в Архангельске многократно обсуждалось на заседаниях. Обследования Д.В. Милеева показали, что наклон сооружения происходит из-за особенностей конструкции основания⁴³. Проект ремонта был утвержден, и в 1912 г. П.П. Покрышкин приступил к выполнению основных работ, представлявших большую сложность в техническом плане — требовалось «заключить колокольню в остов весьма сложной и прочной конструкции, чтобы удержать ее от падения во время работ по устройству фундамента и починке стен»⁴⁴. Он успешно с этим справился: произвел укрепление фундамента, после чего добился выпрямления колокольни, сохранив ее устойчивость⁴⁵.

Скоро председателю ИАК А.А. Бобринскому поступил благодарственный отзыв от архангельского епископа: «Ныне к радости и утешению печалившихся о судьбе Успенской колокольни тревога та миновала; грозившая падением колокольня ... не только выпрямлена совершенно, но и укреплена фундаментально. Ремонт названной колокольни был произведен под личным и неусыпным наблюдением, но без всякого вознаграждения, командированным Санкт-Петербургской Археологической Комиссией Членом оной, Академиком Архитектуры, Петром Петровичем Покрышкиным, применившим для выпрямления колокольни, по отзыву Успенского причта и церковного старосты, весьма удачный способ»⁴⁶.

Еще один объект, связанный с деятельностью П.П. Покрышкина, — крепостные стены древнего Пскова. В 1907 г. в Археологическую комиссию поступило письмо от Псковского археологического общества с просьбой «оказать содействие к спасению древних стен и прислать архитектора для их осмотра». В письме содержалось описание плачевного состояния городских стен: «Вследствие атмосферных

⁴² ИИАК. 1908. Вып. 26. Вопросы реставрации. С. 54–56.

⁴³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1907. Д. 144. Л. 47–57.

⁴⁴ ИИАК. Вып. 46. Вопросы реставрации, Вып. 10. СПб., 1912. С. 57.

⁴⁵ Щенков А.С. (ред.) Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002. С. 462–466; Покрышкин П.П. Ремонт и выпрямление колокольни при Боровско-Успенской церкви в г. Архангельске // ИИАК. СПб., 1913. Вып. 48. Вопросы реставрации. С. 43–45; Ёлишин Д.Д., Мелюх Е.А., Ходаковский Е.В., Дмитрий Васильевич Милеев (1878–1914): Архитектурная археология и реставрация в России в начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 187–195.

⁴⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1903. Д. 44. Л. 109.

влияний, они выветриваются и разрушаются, превращаясь в груды мусора и щебня; этому разрушению деятельно помогают и человеческие руки: стенные плиты растаскивает всякий, кто хочет. Одни полицейские меры в данном случае не помогут: во-первых, чины полиции не в состоянии уследить за разрушениями, так как стены тянутся на расстоянии более 7 верст; во-вторых, полицейским распоряжениям в деле охраны стен не придают серьезного значения, ибо самый вид этих одряхлевших развалин вызывает мысль о чем-то заброшенном, лишнем, никому не нужном»⁴⁷.

На следующий год для экспертизы состояния сохранности псковских стен по заданию ИАК выехал архитектор П.П. Покрышкин. Он тщательно подготовился к командировке, изучив планы Псковской крепости 1694 г., 1740 г., названия стен и башен по И.Д. Годовикову. Все эти материалы по заказу исследователя были пересняты в псковском музее фотографом И.Ф. Чистяковым. В дневнике этой поездки⁴⁸ П.П. Покрышкин очень подробно, поэтапно, день за днем дает внешнее описание каждого участка стены, отдельно описывает детали и особенности, документирует степень сохранности с рекомендациями о том, что надо сделать в каждом конкретном случае, сетует на частные постройки, занимающие территории непосредственно у разрушающихся стен. В ходе поездки он произвел первоначальные обмеры, что отражено в дневнике, и фотофиксацию. В результате П.П. Покрышкин вынес несколько минимальных рекомендаций по сохранению памятника: «1. Надо покрыть башни, очистив их, но ровов отнюдь не засыпать. 2. Деревья близ самой стены вредят ей (сырость, корни, сор). 3. Засыпку рва между Петровской и Михайловской башнями надо прекратить, а тот мусор, что насыпан, убрать. 4. Насыпь у стены близ Власьевского спуска восстановить. 5. Окрепнуть известью впадины ради наблюдения»⁴⁹.

В дальнейшем П.П. Покрышкин еще неоднократно совершал поездки во Псков при возникновении проблем, каким-либо образом затрагивавших древние крепостные сооружения. Так, в 1912 г. обрушилась часть стены у Гремячих ворот, и ИАК направила архитектора для обследования этого участка и обсуждения мер, которые можно предпринять для охраны псковских стен в целом. В начале 1913 г. план ремонтных работ был утвержден: предполагалось починить упавшую часть стены и предупредить падение соседнего участка, укрепить Ввозские ворота и стену городского сада, закрепить боковые части Баториева пролома. Научное сопровождение работ осуществлял П.П. Покрышкин⁵⁰.

Программа поддержания псковских крепостных сооружений и смета расходов на их охрану и восстановление были разработаны Псковским археологическим обществом к 1915 г. Сумма на капитальный ремонт стен и башен была определена в 60 тысяч рублей. К этому были добавлены расходы на производство научных исследований и публикации материалов, а также траты на наем сторожей,

⁴⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. 1898. Д. 24. Л. 24–24 об.

⁴⁸ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 12.

⁴⁹ Там же. Л. 58; *Медведева М. В.* Петр Петрович Покрышкин... С. 382.

⁵⁰ *Медведева М. В.* Императорская Археологическая Комиссия и проблемы сохранения древних стен Пскова в конце XIX — начале XX в. // Диалог культур народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова / Отв. ред. Н.В. Хвошинская, А.Е. Мусин. СПб., 2010. С. 479.

Псков. Детинец. Троицкий и Благовещенский соборы.
Поездка П.П. Покрышкина 1908 г.

Псков. Крепостная стена в Запсковье.
Поездка П.П. Покрышкина 1908 г.

необходимых для охраны памятника. К сожалению, дальнейшее осуществление проекта из-за начавшейся Первой мировой войны и разразившейся революции не состоялось.

В 1917 г. в Археологическую комиссию поступило настоятельное ходатайство об устройстве проезда к Псковской электрической станции в древней стене у Мстиславской башни для обеспечения дровами на период военного времени, при этом поддержка военного ведомства уже была получена. В письме подчеркивалось, что электростанция «является предприятием, работающим на оборону, и отсутствие указанного проезда тормозит доставку топлива с берега р. Великой, что может остановить работу машин». Препятствовать такому требованию было невозможно в условиях военного времени, но тем не менее П.П. Покрышкин съездил во Псков и обозначил свои рекомендации, каким образом можно проделать отверстие с минимальным ущербом для крепостных конструкций⁵¹.

Такое же деятельное участие П.П. Покрышкин, как представитель ИАК, принимал в изучении и охране крепостных стен и башен Новгородского кремля. В 1903 г. в ИАК пришло отношение от новгородского губернатора о разрешении капитального ремонта «пришедшей в крайнюю ветхость» Спасской башни, в которой «находится часовня Живоносного источника», а также прилегающих стен⁵². На место работ от Комиссии командировали П.П. Покрышкина для осмотра и составления заключения. Ремонт башни был разрешен с условием обязательного сохранения ее в «существующем виде». Вместе с тем архитектор обращал внимание, что требуется более капитальный ремонт крепостного сооружения с привлечением дополнительных средств, так как стена рядом с башней находится в плохом состоянии⁵³.

Среди архивных документов ИИМК РАН представлена обширная переписка по поводу переустройства Покровской башни Новгородского кремля. Еще в 1898 г. с высочайшего соизволения великой княгини Марии Павловны башня была безвозмездно передана Обществу попечительства о бедных и использовалась как пристанище престарелых. Вскоре для удобства использования помещений башни была построена деревянная лестница на три этажа. Средств у Общества попечительства о бедных на тот момент было немного, и «пришлось мириться» с пожароопасной лестницей, либо «закрыть пристанище и оставить на произвол судьбы» старух, проживающих в нем. В 1914 г. появились благотворительные деньги, и новгородский губернатор обратился в Археологическую комиссию с проектом новой каменной пристройки к Покровской башне с пожаробезопасной лестницей⁵⁴. Обитательницы богадельни переехали на лето в мызу графини Орловой Чесменской близ Юрьева монастыря, но к осени должны были вернуться

⁵¹ Медведева М.В. Императорская Археологическая Комиссия и проблемы сохранения древних стен Пскова в конце XIX — начале XX в. // Диалог культур народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова / Отв. ред. Н.В. Хвоцинская, А.Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 481–482.

⁵² РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1903. Д. 81. Л. 1.

⁵³ Там же. Л. 2–3.

⁵⁴ Там же. Л. 45–45 об.

обратно, поэтому новую пристройку, по словам губернатора, требовалось возвести в летние месяцы⁵⁵.

В июне 1914 г. П.П. Покрышкин совместно с новгородскими архитекторами А.Г. Эренбургом и А.Н. Дьяковым осмотрели башню и составили рапорт о том, что предполагаемая пристройка нежелательна и обезобразит внешний вид Покровской башни. Покрышкин также просил председателя ИАК содействовать освобождению башни от богадельни и «подыскиванию» для нее иного помещения⁵⁶. Несмотря на это новгородский губернатор продолжал писать письма в ИАК и лично ее председателю А.А. Бобринскому с просьбами ускорить принятие проекта, так как материалы уже закуплены, деревянная пристройка снесена и рабочие готовы начать работы⁵⁷. А.А. Бобринский в своем ответе писал: «При всем стремлении идти навстречу высказанному Вами желанию, я не могу не считаться с доводами специалистов по отечественной старинной архитектуре. [...] Быть может, Вы признали бы возможным приказать доставить в Археологическую Комиссию новый проект пристройки, [...] составленный с таким расчетом, чтобы пристройка вовсе не видна была снаружи, т. е. не выдавалась бы вверх за линию стен и башни; желательно также, чтобы с внутренней стороны пристройка была в стиле, соответствующем стилю стен и башен, и имела бы вид строения, установленного одновременно со стенами»⁵⁸.

Новый проект был составлен и после длительной дискуссии принят на одном из сентябрьских реставрационных заседаний, когда сотрудники вернулись обратно в Петроград после летних исследований⁵⁹, а Археологическая комиссия и П.П. Покрышкин лично обратились к новгородскому архиепископу с просьбой оставить жительниц богадельни на мызе Юрьева монастыря на время ремонта.

Большое общее обследование состояния сохранности крепостных сооружений Новгородского кремля было произведено в 1910 г. В августе этого года Императорской Археологической комиссии стало известно, что новгородские городские власти собираются замуровать часть ниш кремлевских стен⁶⁰. На запрос Комиссии об этом новгородский губернатор ответил, что губернское правление, действительно, планирует приспособить для собственного архива одиннадцать глубоких ниш стены по соседству с уже заделанными под хранение архива Казенной палаты и вплоть до Дворцовой башни. Представители губернской власти считали, что таким образом крепостная стена не только послужит государственным целям, но будет лучше защищена «от пагубного воздействия атмосферных осадков», а ее наружный исторический вид сохранится неизменным⁶¹.

Данные обстоятельства стали поводом к проведению сплошного осмотра и фотофиксации стен Новгородского кремля специалистами-архитекторами под руководством П.П. Покрышкина для оценки их состояния и степени сохранности,

⁵⁵ Там же. Л. 81.

⁵⁶ Там же. Л. 42.

⁵⁷ Там же. Л. 62–63.

⁵⁸ Там же. Л. 67–67 об.

⁵⁹ ИИАК. Вып. 57. Пг., 1915. С. 21–25.

⁶⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1903. Д. 81. Л. 15.

⁶¹ Там же. Л. 17–17 об.

а также для понимания, где и что можно разрешать либо запрещать губернским властям в дальнейшем ремонтировать и совершенствовать, и составления плана возможных реставрационных мероприятий в будущем⁶².

Перед поездкой П.П. Покрышкин запросил в Императорском Русском военно-историческом обществе отчет и фотоснимки Б.К. Рериха, который в том же году по заказу общества занимался обмерами Новгородского детинца. На основе его данных и собственных наблюдений архитектор позднее составил рапорт в ИАК о печальном состоянии кремля. Из докладной записки П.П. Покрышкина: «...Оказалось, что башни и стены лишены всякого ухода и охраны. Беспрепятственно разрушают и растаскивают кладку и деревянные части башен. Все стены сплошь заросли кустами, так что даже осмотр стен часто является невозможным, не говоря уже о вреде этих зарослей для самой кладки... около звонницы Софийского собора, в июне сего года была вынута и увезена земля для постановки деревянного сруба, [...] и часть кладки стены (причем, в этом месте кладка наиболее древнего типа). От этого оставшаяся кладка оказалась обнаженной и незакрытой от размыва дождем и стекающей со стены водою...». Спасская и Владимирская башни «имеют большие сквозные трещины, покосились и стены их выгнулись... Башня, так называемая Дворцовая, где в двух этажах помещаются архивы Судебной палаты и Казначейства, носит следы недавней переделки. Верхние же два этажа, с замурованными окнами и дверями, стоят недоступные осмотру... Под архив отведена также часть стены на месте Борисо-Глебской башни, где часть арок уже заделана и устроены помещения, другую же часть арок только что решено тоже заделать, превратив их в подобные же помещения»⁶³.

В результате 2–3 сентября 1910 г. Особая комиссия под руководством П.П. Покрышкина произвела технический осмотр стен и башен Новгородского кремля от восточных ворот в южном направлении для выяснения «степени ветхости стен». В процессе осмотра была осуществлена подробная фотосъемка крепостных сооружений, зафиксировавшая их состояние на 1910 г.

Подготовленный к 1914 г. и уже утвержденный проект капитального ремонта крепостных стен и сооружений Новгородского кремля, как и проект сохранения псковских стен, остался неосуществленным в связи с последующим развитием политических событий в России. Однако собранная тогда документация является бесценным источником для современных исследований.

Особое место в жизни П.П. Покрышкина занимает Буковинская экспедиция 1916–1917 гг., материалы которой наиболее полно представлены в архивном собрании ИИМК РАН⁶⁴. Как известно, во время Первой мировой войны Академией наук была создана Комиссия для наблюдения за состоянием сохранности исторических памятников и научных коллекций в зоне военных действий, на западный,

⁶² Медведева М. В. Стены и башни Новгородского Кремля в рукописных и фотодокументах Научного архива ИИМК РАН // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 2014. Вып. 28. С. 336–345.

⁶³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1903. Д. 81. Л. 20–21.

⁶⁴ Медведева М.В., Мусин А.Е., Александрович В.С. По следам ученой поездки П.П. Покрышкина 1916–1917 гг.: к 100-летию Буковинской экспедиции Археологической Комиссии и Академии наук // АВ. 2017. Вып. 23. С. 416–421; Медведева М.В. Буковинская экспедиция академика архитектуры Петра Петровича Покрышкина. Документы и фотографии из архива ИИМК РАН // АВ. Вып. 28. 2020. С. 388–406.

Новгород. Стены Кремля. Прясло с водяными воротами.
Материалы обследования П.П. Покрышкина в 1910 г. Фото И.Ф.Чистякова

кавказский и турецкий фронты были назначены специальные уполномоченные⁶⁵. В 1914–1918 гг. в рамках этого проекта состоялось несколько экспедиций, результаты которых до сих пор лишь отчасти введены в научный оборот⁶⁶. В 1916–1917 гг. такие работы проводились и на территориях Галиции и Буковины, занятых в ходе наступательной операции юго-западного фронта Русской армии под командованием генерала А.А. Брусилова летом 1916 г. Член Археологической комиссии П.П. Покрышкин руководил там обследованием памятников архитектуры и церковной старины⁶⁷. Помимо этого, в процессе работ исследователи описывали и фиксировали древности из архивных, музейных и библиотечных хранилищ, собирали этнографические данные.

Подготовка к первой поездке в Буковину была спровоцирована обращением в конце июля 1916 г. в ИАК двух братьев: военного генерал-губернатора областей Австро-Венгрии Ф.Ф. Трепова и министра путей сообщения А.Ф. Трепова. Последний писал председателю ИАК А.А. Бобринскому: «...во время только что совершенной мною поездки на дороги фронта, 23 сего июля я имел возможность посетить в Буковине город Кимполунг. Ехавшие вместе со мной Галицийский

⁶⁵ Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. М., 2008. С. 488–489.

⁶⁶ См., напр.: Басаргина Е.Ю. Историко-археологическая экспедиция в Трапезунд (1916 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1991. Т. XXIII. С. 295–306; Колтакова Н.В., Баженова Н.М. Деятельность библиотеки Российской Академии Наук по сохранению личных архивов и библиотек в ходе Первой Мировой войны // Петербургская библиотечная школа. 2012. № 2(39). С. 65–70.

⁶⁷ Медведева М.В., Мусин А.Е. Императорская Археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры. С. 239, 242.

генерал-губернатор и Тернопольский губернатор объяснили мне, что при местной сельско-хозяйственной школе в Кимполунге хранится большая коллекция старинных икон, церковной утвари, предметов домашнего обихода и проч., причем ими были высказаны опасения о возможности, за отсутствием надлежащей охраны, расхищения всей этой коллекции»⁶⁸. Ф.Ф. Трепов предписал местным губернаторам «принять меры к охране памятников старины, библиотек, научных и художественных коллекций и т. п.» и интересовался, «быть может Императорская археологическая комиссия признает нужным командировать кого-либо из своих членов в Галицию и Буковину для ознакомления с сохранившимися там памятниками старины и искусства»⁶⁹. Сразу после получения этих писем были назначены три члена экспедиции ИАК для обследования сохранности исторических памятников в зоне военных действий. Руководителем стал П.П. Покрышкин и по его рекомендации в состав экспедиции вошли епархиальный волынский архитектор В.Г. Леонтович и художник А.П. Хотулев из Москвы. Покрышкин с большим воодушевлением готовился к будущей поездке и так описывал это в письме от 16 августа 1916 г. Леонтовичу, с которым он был давно знаком и поддерживал дружеские отношения: «... Кажется, действительно, Вашему почитателю и покорному слуге придется ехать и на Волынь, и в Буковину и во все те области, которые мы с Божией помощью возьмем у Австро-Венгрии. Но когда это будет? Неизвестно <...> Вчера уже появились телеграммы о выступлении Румынии с нами. Поздравляю Вас с этой крупной удачей России!»⁷⁰

Несмотря на то, что решение об организации экспедиции было принято сразу летом 1916 г., вопрос о ее финансировании растянулся на долгое время. Только в октябре 1916 г. наконец-то был выделен аванс 500 руб. при общей ассигнованной сумме в 3000 руб. В тот момент конференция Академии наук обратилась к П.П. Покрышкину с просьбой, помимо обязательств перед Археологической комиссией по этому проекту, дополнительно принять на себя и поручение стать уполномоченным Академии по охране памятников старины и научных собраний в районе военных действий на юго-западном фронте⁷¹. В связи с расширением задач экспедиции потребовалось и усиление состава. Поэтому в ноябре к списку сотрудников присоединился молодой архитектор А.П. Удаленков, в то время ученик Высшего художественного училища при Академии художеств.

Сотрудникам экспедиции были выданы удостоверения, пропуски, визитки от Академии наук, от штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, от Черновицкой администрации. В документах было прописано право находиться в зоне военных действий, фотографировать, делать зарисовки, обмеры и описания предметов древности. В удостоверениях также указывалось, что военные на местах должны оказывать всяческое содействие в предоставлении средств передвижения⁷². Одновременно с этим от управления железных дорог исследователи получили служебные билеты 1-го класса для бесплатного проезда до места

⁶⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 104. Л. 1.

⁶⁹ Там же. Л. 2.

⁷⁰ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1611. Л. 12–12 об.

⁷¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 104. Л. 20.

⁷² Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 360. Л. 11–28.

назначения. Участники экспедиции обязаны были передвигаться в военно-походной форме. Существующая на тот момент регламентация архитектурно-археологических исследований также была соблюдена: Императорская археологическая комиссия выписала Открытый лист от 6 декабря 1916 г., которым удостоверялось, «что член ее академик архитектуры П.П. Покрышкин командирован в район военных действий юго-западных армий, а именно в Буковину, Галицию, Волынь и Подолию для изучения памятников зодчества и вообще искусства, наблюдения и руководства за исправлением их».

Начало поездки по разным причинам откладывалось несколько раз. Только в начале декабря 1916 г. ситуация прояснилась, и члены экспедиции двинулись в путь. 18 декабря 1916 г. через Киев они прибыли в Каменец-Подольский в штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Машину для передвижений экспедиции достать оказалось невозможно, поэтому в распоряжение исследователей предоставили специальный служебный вагон. В отчете П.П. Покрышкин писал, что с самого начала против них «выступили непреодолимые препятствия: 1) невозможность достать автомобиль, и следовательно, полная обреченность экспедиции на черепаший способ передвижения и 2) морозы, окончательно добившие наши порывы. Каждый из членов экспедиции, будучи крайне занят служебными обязанностями, конечно, стремился использовать наилучшим образом тот месяц отпуска, который был получен с великим трудом, но что ж поделаешь, когда расстояние в 90 верст приходилось делать в течение двух суток, пропадавших при том совершенно без пользы, так как ни читать, ни писать, в тряском вагоне и при немилосердно дергавшем паровозе было почти невозможно.<...> Имея в своем распоряжении автомобиль, экспедиция могла бы в один месяц осмотреть все памятники в зимнее время, а в летнее на то же дело потребовалось бы всего две недели, так как летом описывать и фотографировать возможно с 4 часов утра до 8 часов вечера, а зимою лишь с 9 до 3 часов»⁷³.

Первую неделю участники экспедиции активно осматривали памятники в окрестностях Черновцов. Сначала они посетили местный церковный музей в резиденции митрополита. Все вещи здесь оказались в полном беспорядке, а хранитель музея намекал, что разгром устроен русскими солдатами, которые похитили ключи от шкафов. Старые книги, иконы из собора Святого Юра во Львове и различных церквей Буковины, деревянная дарохранильница в виде трехглавой церкви, церковная мебель — все было тщательно описано, сфотографировано и зарисовано участниками Буковинской экспедиции. Среди музейных предметов была обнаружена и роскошная коллекция исполненных в 1912 г. фотографических снимков монастырей Буковины. После музея члены экспедиции занялись осмотром церквей в окрестностях Черновцов и описанием состояния сохранности деревянных церквей в селах Рош, Клокучка, Каличанка, Гореча и каменной церкви в Люди-Гореча.

Далее сотрудники экспедиции последовали в Кимполунг, где находилась главная цель их поездки — тот самый музей, сохранность экспонатов которого так беспокоила братьев Треповых. Они выехали рождественским вечером 25 декабря 1916 г. в 10 часов, но по дороге у их вагона ночью загорелась ось. Его отцепили

⁷³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 48. Л. 58 об., 59.

и отправили ремонтировать, поэтому исследователи решили заняться осмотром памятников находящейся недалеко Сучавы, так как все равно планировали это сделать. «Пришлось пешком идти около 4 верст, — писал П.П. Покрышкин, — и только к закату солнца 26 декабря мы прибыли в бывший Сучавский монастырь, где нашли приют и тотчас занялись зарисовкой, описанием и фотографированием любопытной соборной Георгиевской церкви»⁷⁴. В последующие дни удалось обследовать еще несколько церквей Сучавы и съездить в монастырь Драгомирна. После починки вагона исследователи продолжили свой путь в Кимполунг. Однако едва они двинулись, как загорелась другая ось вагона, и они опять остановились на ремонт. Пользуясь задержкой, они осмотрели находившиеся поблизости монастыри Гура-Гумора и Воронеж. Помимо архитектурных памятников и стенописи, были подробно описаны находящиеся там иконы и предметы церковного обихода.

Утром 31 декабря 1916 г. они все-таки прибыли в Кимполунг и сразу же приступили к изучению музейной коллекции и библиотеки при Училище по древообработке. В тот момент в здании находился войсковой штаб, музейные предметы оказались в беспорядке, но двери были опечатаны. Исследователи составили перепись древних вещей: икон, церковной утвари, этнографической коллекции, в которой преобладали деревянные предметы. Часть старинной одежды к тому времени уже была вывезена в Полтавский земский и Киевский городской музеи. После осмотра помещения музея были вновь опечатаны, а корпусной командир и начальник уезда пообещали в дальнейшем заботиться о сохранности экспонатов.

В первые январские дни 1917 г. члены экспедиции обследовали церкви Кимполунга, а также посетили Фундул-Молдову, Ватра-Молдавицу, Ваму и описали находящиеся в них церкви. Дальнейшие осмотры производились только П.П. Покрышкиным, В.Г. Леонтовичем и А.П. Хотулевым, остальным участникам экспедиции необходимо было вернуться из отпуска на работу. Они обследовали Радовецкую церковь, а затем посетили Сучавицкий монастырь. Там они изучили архитектурные памятники, подробно описали внутреннюю и наружную роспись храма во имя Воскресения Христова, иконостас, предметы интерьера, «шитые портреты», а затем направились в монастырь в Путне, основанный в XV в., где члены экспедиции обследовали главную церковь монастыря и дали описание великолепных образцов шитья XV в. Путна стала последним пунктом зимней поездки в Буковину.

22 февраля 1917 г. П.П. Покрышкин сделал в ИАК доклад об экспедиции в Буковину⁷⁵, перечислив первоочередные минимальные меры по сохранению и ремонту осмотренных архитектурных памятников и музеев. С одобрением он отозвался о существовавшей там системе охраны деревянных церквей и о предыдущих реставрациях, произведенных австрийским архитектором К.А. Ромшторфером, восхищался прекрасным отношением буковинского духовенства к церковным древностям: «духовенство в общем более культурно, чем у нас, священники непременно окончили гимназию, а большая часть богословский факультет Черновицкого университета; все встречавшиеся нам священники твердо знают, что древность свя-

⁷⁴ Там же. Л. 63 об.

⁷⁵ ИИАК. 1918. Вып. 66. С. 108.

Монастырь Гура-Гумора. П.П. Покрышкин и А.П. Удаленков за фотофиксацией Успенской церкви. Фото В.Г. Леонтовича, декабрь 1916 г.

щенна и неприкосновенна»⁷⁶. Вместе с тем П.П. Покрышкин указал, что задачи экспедиции не выполнены даже и наполовину.

В мае-июне 1917 г. состоялась еще одна комплексная экспедиция под руководством П.П. Покрышкина на территорию Буковины с расширенным составом специалистов. Во второй поездке, помимо руководителя, принимали участие художник А.П. Хотулев, приват-доцент Киевского университета С.И. Маслов, А.В. Багрий, Ф.В. Кораллов. Исследователи побывали в Сучаве, Драгомирне, Мамаевцах-Лужанах, Серете и опять подробно отсняли и описали памятники церковной архитектуры. Потери завоеванных территорий и политические перемены в России привели к свертыванию работ Буковинской экспедиции в конце лета 1917 г. Последнее письмо к В.Г. Леонтовичу от П.П. Покрышкина, в котором затрагивается тема Буковины, датируется 27 июля 1918 г. «Милый дорогой, Владимир Григорьевич!... Я, папа и сестра существуем по-прежнему, хотя и не доедаем... Я соскучился без вестей от Вас, да необходимость ликвидации нашей Буковинской поездки меня томит. <...> Как-нибудь коротенько сообщите о Буковине, пришлите, что имеете готовым, отложив научную обработку до более удобного времени»⁷⁷. Интереснейший комплекс рукописных и изобразительных документов, образовавшихся в результате работ Буковинской экспедиции, так и остается неопубликованным.

⁷⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 48. Л. 100.

⁷⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1611. Л. 40 об.

Участники Буковинской поездки
летом 1917 г. Слева направо: А.В. Багрий,
А.П. Хотулев, П.П. Покрышкин,
С.И. Маслов, Ф.В. Кораллов

После революции П.П. Покрышкин принимал самое активное участие в создании Археологического отдела при Всероссийском отделе по делам музеев и охраны памятников старины, руководителем которого он стал в декабре 1918 г.⁷⁸ Основная часть работ отдела была связана с Новгородом, где П.П. Покрышкин предполагал развернуть реставрационные работы по восстановлению памятников архитектуры, а также стенописи и икон⁷⁹. В то же время Петр Петрович работал в отделе монументального зодчества Российской государственной (б. Императорской) археологической комиссии. В октябре 1918 г. его назначили председателем этого отдела, который был расширен. В эти годы Покрышкин занимался обследованием закрывавшихся храмов в Петрограде, памятников архитектуры Царского Села, Павловска, Старой Ладogi, Новгорода, Москвы, планировал дальнейшее изучение памятников зодчества и стенописи. Одновременно он целиком и полностью погрузился в научную жизнь и реорганизационные преобразования ИАК-РГАК-РАИМК⁸⁰. Действительным членом РАИМК его избрали одним из первых, еще 15 июля

1919 г. Через три недели он принял участие в Избирательном собрании РАИМК, окончательно сформировавшем первый список ее членов в составе 28 человек.

К сожалению, осенью 1919 г. отдел монументального зодчества был упразднен, его функции переданы отделу искусств древнерусского и славянских народов, смета на предполагавшиеся работы в Новгороде не была утверждена, деятельность Археологического отдела свелась к сбору сведений о памятниках⁸¹, что совершенно не устраивало П.П. Покрышкина, стремившегося к самым активным работам по их сохранению и восстановлению.

Необратимые и трагические перемены в профессиональной сфере привели к тому, что этот потрясаяще одаренный и трудолюбивый ученый начал отдаляться от Академии. Его имя почти не встречается в архивных документах, он отказыва-

⁷⁸ Медникова Е.Ю. Деятельность академика архитектуры П.П. Покрышкина... С. 307.

⁷⁹ Там же. С. 308.

⁸⁰ Платонова Н.И. Архитектор-археолог П.П. Покрышкин: страницы биографии // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2015. Вып. 241. С. 422–437; Платонова Н.И. Последние годы П.П. Покрышкина // В камне и в бронзе: сборник статей в честь Анны Песковой / Ред.-сост. А.Е. Мусин, О.А. Щеглова. Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII. СПб., 2017. С. 445–452.

⁸¹ Медникова Е.Ю. Деятельность академика архитектуры П.П. Покрышкина... С. 308–310.

ется от лекций в Академии художеств, которые должен был читать с осени 1919 г. По воспоминаниям коллег, много печалей выпало на долю П.П. Покрышкина в последние годы его жизни. Когда в ноябре 1919 г. в РАИМК спустили уведомление Правления объединенного Совета ученых и высших учебных заведений о предоставлении одного профессорского пайка, тут же было решено просить «о доставлении» его именно П.П. Покрышкину⁸².

«Тяжелые условия жизни ... не ослабили энергии» П. Покрышкина, и «он по-прежнему, без шума, со скромностью и терпением вел свою поистине колоссальную работу»⁸³. В 1919 г. под его руководством началась подготовка к публикации материалов исследований в Киеве, Овруче, Гродно и Холме, в том числе изготовление чертежей Спаса на Берестове, к печати готовилось описание Успенского собора в Москве, отчета о командировке в Буковину и целого ряда других материалов. В то же время велась огромная работа для «составления по географическому принципу библиографического указателя памятников русского зодчества всех времен и по зодчеству вообще на территории бывшего Российского государства»⁸⁴. Между тем весной 1920 г. архитектурный разряд, которым руководил П.П. Покрышкин, был ликвидирован, а его немногочисленные сотрудники влиты в Разряд древнейшего русского искусства и искусства славянских народов⁸⁵.

В результате всех невзгод и лишений здоровье ученого оказалось надорвано. 28 мая 1920 г. Покрышкин пишет заявление: «Испытывая крайний упадок сил вследствие переутомления, прошу отпустить меня в провинцию для отдыха и полного излечения. Уехать предполагаю 15 июня с.г.»⁸⁶. Получив отпуск по состоянию здоровья на две недели, П. Покрышкин уезжает вместе с сестрой в Нижегородскую губернию, но обратно уже не возвращается. К тому моменту скончался его отец, к которому Петр Петрович испытывал чувство глубочайшего уважения и привязанности. Больше Покрышкина с Петроградом уже ничего не связывало. 15 декабря 1920 г. он отправил в Академию письмо:

«Разряд древнейшего русского искусства
Заведывающему, Николаю Петровичу Сычеву

Прошу Вас доложить в Академии, что по крайне расстроенному здоровью не могу в ней работать и прошу не считать меня ее членом. Научные материалы, собранные мною, желал бы передать в распоряжение разряда древнейшего русского искусства, доколе им заведуете Вы.

Петр Покрышкин

г. Лукоянов. Тихоновский монастырь»⁸⁷.

31 декабря общее собрание III отделения РАИМК, где Н. Сычев прочел это письмо, постановило: «выразить П. Покрышкину глубокую признательность за понесенные им по Археологической комиссии и Академии истории материальной

⁸² РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1919. Д. 5. Л. 49.

⁸³ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1616. Л. 4.

⁸⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1920. Д. 36. Л. 2.

⁸⁵ Там же. Л. 6.

⁸⁶ Там же. Оп. 3. Д. 519. Л. 5.

⁸⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 519. Л. 1

культуры труда и надежду на то, что П. Покрышкин когда-нибудь вернется снова в круг членов Академии к своей плодотворной научной работе». 3 января 1921 г. Совет и Правление РАИМК заслушали и удовлетворили его ходатайство⁸⁸.

Н.П. Сычев так описал этот непростой период жизни П.П. Покрышкина в некрологе: «много скорбей выпало на долю Петра Петровича в последние годы», в результате чего «он должен был избрать новую жизнь по предречению и завещанию покойного родителя». «Самоотверженная деятельность П.П. на новом поприще была отмечена, после ряда церковных наград ему было предложено принять сан епископа, но он скромно отклонил предложение и не ушел от мира»⁸⁹.

П.П. Покрышкин скончался 18 февраля 1922 г. в сане протоиерея Тихонова монастыря г. Лукоянова, заразившись при посещении и напутствии больных в инфекционных бараках оспой и вскоре сыпным тифом⁹⁰. Его уникальное по своему научному значению наследие, которое можно полноценно использовать и в современных исследованиях, большей частью так и осталось неопубликованным.

⁸⁸ Там же. Л. 2–3.

⁸⁹ Там же. Ф. 21, Оп. 1. Д. 1616. Л. 5.

⁹⁰ Дегтева О.В. Служение Отечеству и Церкви. Петр Петрович Покрышкин // Нижегородская старина. 2004. № 9. С. 30–35; Дегтева О.В. Протоиерей Петр Покрышкин // Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и его исторические корни на Нижегородской земле / И.В. Мещан (ред.). Нижний Новгород, 2011. С. 147–161.

Константин Константинович Романов (1882–1942)

М.В. Медведева

Имя архитектора Константина Константиновича Романова хорошо известно в научном мире, как и его огромный вклад в изучение древнерусских памятников, развитие реставрационной науки и сохранение историко-культурного наследия России¹. Жизнь ученого со студенческих лет была тесно связана с ведущими археологическими учреждениями страны, сначала с Императорской археологической комиссией (ИАК), затем с Российской (с 1926 г. — Государственной) академией истории материальной культуры (РАИМК/ГАИМК).

Интерес к научному познанию ему прививали родители еще с ранних лет. Об этом писал сам К.К. Романов в одном из личных документов: «Родился в г. Петербурге (ныне Ленинграде) в 1882 г. Отец русский, врач из мещан; по окончании курса медицинско-хирургической Академии (позже Медицинской) служил врачом, имел небольшую практику и умер в 1894 г., когда мне не было еще полных 12 лет.

Мать моя — русская из мещан, жила при моем отце и после его смерти получила маленькую пенсию, поэтому пришлось уехать из столицы и жить под Павловском, занимаясь трудом и возделывая огород, что делал и я с раннего возраста.

¹ О нем: *Савельев Ю.Р.* Историк архитектуры К.К. Романов // Краеведческие записки. Исследования и материалы. 1997. Вып. 5. С. 193–201; *Медведева М.В.* Деятельность архитектора К. К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества по документам из собрания научного архива ИИМК РАН // АВ. 2005. № 12. С. 291–301; *Медведева М.В.* Научное наследие архитектора К.К. Романова в архиве Института истории материальной культуры // Материалы науч. конф. «Новгород и Новгородская земля: История и археология». 2005. Вып. 19. С. 317–324; *Филимонов А.В.* Профессор К.К. Романов и Псковская земля // Псков. 2009. № 31. С. 114–127; *Андреева И.М.* Книжное собрание Константина Романова // Псковский летописец: краеведческий альманах. 2010. № 1 (2). С. 75–86; *Трубинов Ю.В.* Архитекторы Мраморного дворца. Мистификация и реальность. СПб., 2013. С. 189–198; *Медведева М.В., Панченко И.А.* Архив архитектора К.К. Романова (1882–1942). К истории формирования коллекций Института истории материальной культуры РАН и Русского музея // ТГЭ. 2018. Т. 91. С. 369–379; *Мусин А.Е., Медведева М.В.* Императорская археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. В 2 т. Т. 1 / науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2019. С. 1256–1400.

Большое влияние на мое будущее оказали: 1) мой отец, давший мне много в понимании естественно-исторических процессов, постольку, поскольку это можно было дать мальчику 5–11-летнего возраста; от него я получил и первое понимание эволюционного процесса и узнал впервые имя Дарвина. Он же научил меня начальному рисованию и черчению, и языкам: латинскому, французскому и немецкому² 2) моей матери, занявшейся моим воспитанием, воспитанной за границей и ознакомившей меня с начатками философии и истории, в частности с натурфилософией и философскими идеями Канта и философов позитивистов, конечно, в период более старшего возраста.

Должен отметить еще двух лиц, оставивших след на всю мою жизнь:

1. Старуха-кухарка, умершая в мои 4 года, но успевшая пристрастить меня к русским сказкам, по вечерам я часто убегал к ней.

2. Крестьянская девушка из станции Струги Белые, которая переезжала служить в город, но задержалась у сестры — моей няньки и успела за год с небольшим в мои 5–6 лет ознакомить меня с русскими народными сказками и песнями. Она умерла от туберкулеза, но след ее я ощущаю до сего времени³.

Отличное домашнее образование позволило К.К. Романову в 1901 г. экстерном выдержать испытание при Царскосельской гимназии и на следующий год поступить на архитектурное отделение Высшего художественного училища Академии художеств. К.К. Романов окончил его в 1909 г. со званием художника-архитектора. Одновременно с занятиями в училище он в 1904–1905 гг. прослушал курсы в Археологическом институте и таким образом получил комплексное художественно-историческое образование, что сделало его универсальным специалистом в области изучения и сохранения древних монументальных памятников.

К первым научным работам К.К. Романов приступил еще будучи студентом. В 1904 г. он «по собственному почину» отправился изучать архитектурные памятники XVI–XVII вв. в г. Тихвине⁴. В 1905 г. принимал участие в работах ИАК в Ферапонтовом монастыре, где помогал архитектору П.П. Покрышкину — ведущему специалисту в области изучения и реставрации архитектурных памятников. В монастыре предполагались реставрационные работы и требовалось предварительное обследование древних построек. По просьбе П.П. Покрышкина Археологическая комиссия обеспечила участие в этих работах учеников архитектурного отделения Академии художеств, среди которых был и К.К. Романов. Они производили обмеры и делали чертежи зданий монастыря. В последовавшей за этим публикации П.П. Покрышкин отмечал, что «К.К. Романов с истинно юношеским пылом взялся и исполнил интересное научное исследование архитектуры Рождественского собора и колокольни XVI в. и составил описание “сушила” (XVI в.)»⁵.

С этого момента дальнейшая судьба К.К. Романова была окончательно определена: исследования древнего зодчества стали главным смыслом его жизни. Он

² В личном листке К.К. Романова по учету кадров в 1931 г. указано, что он говорил на французском, немецком; знал английский, итальянский, латинский, сербский, болгарский, польский.

³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 884. Л. 1–2.

⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 569. Л. 30.

⁵ Покрышкин П.П., Романов К.К. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии // ИИАК. 1908. Вып. XXVIII. С. 108.

Ферапонтов монастырь. Из материалов К.К. Романова

ежегодно командировался различными научными учреждениями для участия в экспедициях и реставрационных работах. В соответствии со специальными интересами поездки исследователя были преимущественно посвящены изучению древнерусского искусства, русской этнографии и памятников древнерусской материальной культуры в целом. Однако были и другие по тематике экспедиции.

В течение трех полевых сезонов в 1907–1909 гг. по приглашению Б.Ф. Фармаковского К.К. Романов выполнял чертежные работы на раскопках в Ольвии⁶. В 1908 г. по заданию Комитета по изучению Средней и Восточной Азии он производил обмеры мечети Рух-Абад и медресе Улуг-Бека в Самарканде.

Сразу по окончании учебы в Академии художеств в 1909 г. К.К. Романов начал активную самостоятельную деятельность в области изучения и реставрации древнерусского зодчества по поручениям ведущих научных организаций Петербурга. Многолетние исследования Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1909–1915 гг., 1925–1926 гг., 1929 г.) стали одной из основных тем научной деятельности К.К. Романова, как и работы на памятниках Псковской земли: Изборской крепостной стены (1910–1911 гг.), Гремячей башни во Пскове (1913 г.), церковью и гражданских зданий во Пскове и округе (1927–1930 гг.).

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском занимает особое место в научной биографии ученого. Впервые К.К. Романов провел там разведочные обследования

⁶ Виноградов Ю.А., Мусин А.Е. Императорская археологическая комиссия и исследование древней Ольвии и Березани // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). С. 677–680.

Изборская крепость. 1910 г.

Псков. Запсковье. Гремячая башня. 1913 г.

Псков. Мирожский монастырь. 1927 г.

в 1909 г., а с 1910 г. он в течение нескольких лет ежегодно работал на памятнике по поручению Императорской археологической комиссии и собрал значительный научный материал. Заслуги К.К. Романова по изучению Георгиевского собора сразу же были отмечены научным сообществом и самым положительным образом сказались на его дальнейшей карьере. В 1910 г. Министерство императорского двора утвердило молодого архитектора в звании члена-корреспондента ИАК. 21 декабря 1910 г. председатель ИАК граф А.А. Бобринский сообщал К.К. Романову: «Высоко ценя Ваши научные труды в области отечественной старины и в особенности Ваши последние работы по исследованию Георгиевского собора в г. Юрьев-Польском, я избрал Вас членом-корреспондентом Императорской Археологической Комиссии. Ныне г. министр Императорского Двора известил меня, что он утверждает Вас в этом звании, о чем я и считаю приятным долгом Вас уведомить»⁷. В 1911 г. К.К. Романов за работу «Георгиевский Собор в г. Юрьеве-Польском (краткий отчет о разведке)»⁸ по представлению академика Я.И. Смирнова получил серебряную медаль Русского археологического общества.

В действительные члены РАО К.К. Романов был избран в 1910 г. и в том же году по поручению общества занимался архитектурным изучением развалин эллинистического храма в Баш-Гарни Эриванской губ.⁹ в рамках экспедиции под руководством Н.Я. Марра.

В 1908–1914 гг. К.К. Романов состоял представителем ИАК в Комитете по ремонту и реставрации храма Василия Блаженного в Москве и в Комиссии при

⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 569. Л. 111.

⁸ Романов К.К. Георгиевский Собор в г. Юрьеве-Польском (краткий отчет о разведке) // ИИАК. 1910. Вып. 36. С. 70–93. С. 70–93; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 569. Л. 30.

⁹ Романов К.К. Развалины храма римского типа в Баш-Гарни // ИГАИМК. 1934. Вып. 100. С. 635–654.

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Раскоп в ограде. 1911 г.

Обществе защиты и сохранения памятников искусства России по реставрации Ферапонтова-Белозерского монастыря. В то же время он исполнял ряд поручений ИАК по осмотрам древних зданий и икон, а также по надзору за ремонтом в них. В конце 1911 г. К.К. Романов стал членом Комитета попечительства о русской иконописи, в 1912 г. был избран секретарем Русского отделения РАО¹⁰ и членом-сотрудником Императорского Общества любителей древней письменности.

Много сил и времени К.К. Романов посвятил изучению древних памятников Псковской земли¹¹. По поручению Императорского русского военно-исторического общества, куда архитектора избрали действительным членом еще в 1909 г.¹², он в 1910–1913 гг. руководил архитектурным обследованием Изборской крепости, а в 1913 г. занимался изучением Гремячей башни во Пскове. В течение 1911–1917 гг. К.К. Романов по поручению ИАК наблюдал за состоянием Псковской крепостной стены и неоднократно выезжал на место.

Помимо архитектуры, в сферу интересов К.К. Романова входила и этнография. В 1911 г. он был зачислен в этнографический отдел Русского музея и в том же году по заданию музея совершил первую большую поездку в Вологодскую губернию для изучения северно-русских жилых деревянных построек и сбора этнографических коллекций. Во время этой поездки была подробно обмерена и сфотографирована церковь Св. Дмитрия Солунского Верхнеуфюжского прихода Сольвычегодского уезда. Вторая поездка по поручению Отдела для этнографических сборов состоялась в Псковскую губернию в том же году¹³. В 1912 г. К.К. Романов стал хранителем этнографического отдела по части русской этнографии и летом вместе

¹⁰ Оставался в этой должности вплоть до закрытия Общества в 1923 г.

¹¹ Об этом подробнее см.: *Филимонов А.В.* Профессор К.К. Романов и Псковская земля // Псков. 2009. № 31. С. 114–127.

¹² РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Д. 884. Л. 21 об.

¹³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Д. 884. Л. 21 об.

К.К. Романов во время этнографической экспедиции разговаривает с группой крестьян у деревянного дома. Снято до 1917 г.

Женщина за прялкой. Материалы К.К. Романова из этнографических поездок до 1917 г.

Молодая женщина с ребенком. Материалы К.К. Романова из этнографических поездок до 1917 г.

Этнографический отдел Русского музея. А. А. Миллер (справа), К.К. Романов и К.З. Кафтарадзе среди манекенов в одеждах разных народов России. Снято до 1917 г.

с фотографом музея В.М. Машечкиным ездил в Олонецкую и Ярославскую губернии для изучения деревянной архитектуры и сбора этнографических материалов. Главная цель экспедиции состояла в поиске традиционного дома-комплекса, который мог бы послужить образцом для изготовления модели для экспозиции музея. Таким домом стала усадьба крестьянина П. Петунова в Великой Губе¹⁴.

В 1913 г. Русский музей послал К.К. Романова на десятидневную стажировку в Швецию для «сравнительного изучения материалов этнографического характера преимущественно в Nordiska Musee и в Scansen»¹⁵.

В 1919 г. К.К. Романов писал в Комиссариат труда: «своей основной деятельностью я считаю должность хранителя Этнографического Отдела Русского Музея, причем я заведую в отделе районом Северной и Средней России, куда входят задачи изучения и научной обработки этнографического материала на территории Европейской России, занятой великорусскими и финскими племенами. Деятельность эта требует особой специализации и заключается в руководстве и непосредственном изучении этнографических материалов, сравнительного изучения этих материалов, как в музее, так и на местах во время специальных командировок, в музейной обработке собранных на местах предметов, их классификации, хранении и подготовки к выставке для публичного обозрения»¹⁶. К.К. Романов проработал в музее до 1921 г., где стоял у истоков формирования отдела русской этнографии и внес большой вклад в изучение Русского Севера.

¹⁴ Мильчик М.И. Заонежье на старых фотографиях. СПб., 1999. С. 10.

¹⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 569. Л. 30.

¹⁶ Там же. Ф. 29. Д. 884. Л. 11–11 об.

Преподавание составило еще одну важную часть научной деятельности К.К. Романова. К работе в учебных заведениях он приступил практически сразу по окончании архитектурного отделения Высшего художественного училища Академии художеств. Многочисленные документы свидетельствуют о том, что он мог прочесть превосходную лекцию на любую тему, связанную с архитектурой. С 1911 г. К.К. Романов читал общие курсы по истории искусства и специальные курсы по истории зодчества в Археологическом институте и в 1912 г. в Центральном училище Технического рисования имени барона Штиглица¹⁷, где в 1917 г. был избран директором, но Училище упразднили в 1918 г.¹⁸ В 1914–1915 гг. Константин Константинович преподавал историю русской архитектуры на курсах Высших архитектурных знаний Е.Ф. Багаевой¹⁹. В 1914 г. в Высшем художественном училище Академии художеств образовалась кафедра русского искусства, в состав которой сразу же вошел К.К. Романов. Он был переизбран вновь в 1918 г., но к работе не приступил, так как вслед за избранием состоялась реорганизация училища в свободные мастерские с уничтожением всех курсов по истории искусства²⁰.

К.К. Романов. 1910-е гг.

После революции главное место в научной деятельности К.К. Романова занимала работа в учреждениях, пришедших на смену Императорской археологической комиссии²¹: 22 октября 1918 г. он был избран членом РГАК, а 15 июля 1919 г. — действительным членом РАИМК, где он до 1930 г. возглавлял подразделения, занимавшиеся изучением памятников архитектуры²².

В первые годы советской власти К.К. Романов руководил экспедициями РАИМК по изучению древнерусского зодчества в Новгород и Псков, где проводились обмеры храмов, а затем по ним составлялись чертежи, обследовались фрески, разрабатывались планы реставрации, составлялась топография башен Псковской крепостной стены. В Новгороде основные работы концентрировались вокруг церковью «Петра и Павла на Софийской стороне, Рождества Христова на кладбище, Иоанна Богослова на Витке». По своей научной тематике и по специализации возглавляемого им Разряда древнерусского зодчества К.К. Романов неоднократно посетил Новгород, Псков, Москву, Ярославль, Тверь, Старую Ладугу, в том числе для установления сотрудничества с местными научно-административными учреждениями; занимался обработкой материалов своих исследований в Юрьеве-Польском

¹⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Д. 788. Л. 32 об.

¹⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 273. Л. 3.

¹⁹ Там же. Ф. 29. Д. 884. Л. 22 об.

²⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 569. Л. 39.

²¹ 22 октября 1918 г. он был избран членом РГАК, а на Избирательном собрании 1919 г. членом РАИМК.

²² Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013.

К.К. Романов с сотрудницей в помещении Разряда древнерусской архитектуры. 1920-е гг.

и готовил их к печати, руководил работой по составлению списков памятников Северо-Запада России для постановки их на учет и охрану. Сам К.К. Романов сообщал в отчетах Разряда древнерусского зодчества, что работа могла бы быть более планомерной и результативной, если бы не постоянные задержки финансирования и периодическое отсутствие отопления в Академии²³. Некоторые работы сотрудники Разряда выполняли на собственные средства. Так, например, практически все летние исследования 1924 г. в Пскове и Псковской области К.К. Романов и его сотрудники провели за личный счет, когда за неимением средств передвижения прошли 230 верст пешком в целях выявления и регистрации памятников старины²⁴.

В 1918–1923 гг. К.К. Романов прочитал 17 научных докладов²⁵, с просветительской целью провел множество лекций по истории русского искусства и экскурсий на местах.

Помимо работы в Академии, К.К. Романов принимал самое активное участие в создании государственной системы охраны памятников. С декабря 1917 г. он состоял членом Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины²⁶. При содействии К.К. Романова были разработаны первые инструкции Коллегии и важнейшие для сохранения культурных ценностей декреты: «О запрещении вывоза за границу предметов особого художественного и исторического значения» и «О регистрации, приеме на учет и хранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений»²⁷.

²³ РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1920 г. Д. 25. Л. 24; 1924 г. Д. 29. Л. 56.

²⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1. 1924 г. Д. 29. Л. 54 об.

²⁵ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 128. Л. 10.

²⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 569. Л. 36.

²⁷ *Рославский В.М.* Москва — Петроград. Два центра отечественной реставрации. М., 2015. С. 134.

В начале 1920-х гг. нашел К.К. Романов и личное счастье. О семье ученого было мало известно до настоящего времени, но документы личного фонда позволяют установить весьма интересные факты об этой стороне его жизни. Первой женой К.К. Романова стала Ольга Ивановна Красногорская. Они были знакомы с юношеских лет, у Красногорских²⁸ была дача по соседству с Романовыми в Павловске. Поженились Константин и Ольга в 1907/1908? гг., а в 1909 г. у них родилась дочь Варвара. Ольга занималась воспитанием дочери, и молодая семья жила в доме ее родителей²⁹, доход супруга был небольшой, и, ко всему прочему, он постоянно находился в экспедиционных разъездах. Такое положение не способствовало укреплению семьи, и через несколько лет они развелись³⁰.

В декабре 1921 г. К.К. Романов женился второй раз. Его вторая супруга стала верной спутницей и подвижницей талантливого архитектора — все понимающая, спокойно переносящая постоянное отсутствие мужа дома и длительное нахождение в экспедициях, помогающая печатать и редактировать публикации. В книге регистрации записи о браке значится, что профессор К.К. Романов, 39 лет, заключил брак с Минюшской Екатериной Александровной — конторщицей, 26 лет. Для обоих это был второй брак³¹.

Минюшская Екатерина Александровна (урожд. Лопатина) родилась в 1895 г. После окончания гимназии в 1912 г. она поступила на историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов, где училась до 1915 г. В 1917–1918 гг. занималась переводами с иностранных языков для издательства и мелкой литературной работой³². С марта 1919 до августа 1922 г. служила на различных должностях в районном управлении Продуктораспределения при Наркомпроде. В 1920 г. поступила в Археологический институт. Там она получила блестящее образование, прослушав учебные курсы, читавшиеся лучшими специалистами того времени. Среди них были: археология России (А.А. Спицын), нумизматика

²⁸ Ольга Ивановна Красногорская родилась в семье чиновника Министерства финансов Российской империи статского советника Ивана Александровича Красногорского. Брат Ольги — академик Николай Иванович Красногорский (1882–1961) — крупный специалист в области изучения физиологии высшей нервной деятельности, один из основоположников советской педиатрии. Данные о первой семье К.К. Романова приводятся по сведениям из переписки РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 924, 1138.

²⁹ Родителям Ольги принадлежал доходный дом по адресу Лиговский пр., 36. Историческое здание сохранялось до 1996 г., когда этот и соседние дома были снесены в связи с неосуществленным проектом строительства высокоскоростной пассажирской железнодорожной магистрали Москва — Санкт-Петербург; на этом месте построен торговый центр «Галерея».

³⁰ В 1916 г. Ольга Ивановна уже носит фамилию нового мужа Генерозова. Она получила медицинское образование, сохраняла хорошие отношения с первым мужем. Впоследствии она очень много помогала К.К. Романову в воспитании маленького сына от второго брака, когда он остался вдовцом.

³¹ ЦГА СПб. Ф. Р-6143. Оп. 2. Д. 1056. С. 53–53 об. Первый муж Е.А. Минюшской штабс-капитан Алексей Александрович Минюшский покончил с собой в 1916 г. Его мать Зинаида Яковлевна происходила из рода Прозоровых, она вышла замуж за акцизного чиновника Александра Павловича Минюшского в Вятке, в Санкт-Петербурге семья проживала на Миллионной ул., в д. 12. «...Свадьба состоялась в Санкт-Петербурге после того, как Минюшский возвысился в чинах, служа в ведомстве императрицы Марии. Минюшский очень гордился тем, что устроил при своём доме электрическую станцию для освещения и дома Великого князя Михаила Николаевича, который был напротив» (*Коцеева В.И.* История династии Прозоровых. Меценатство и благотворительность. Киров, 2015. С. 107). По воспоминаниям подруг жизнь Е.А. Минюшской с первым мужем не была очень счастливой, и уже тогда у нее случались приступы чахотки.

³² РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1329.

(Н.П. Бауэр), история русского искусства, история зодчества (К.К. Романов), первобытная культура (А.А. Миллер), изучение русских древностей (Н.П. Сычев), история письменности (Н.П. Лихачев), раннехристианское искусство (Н.В. Малицкий), средневековая археология и западноевропейское искусство (О.А. Добиаш-Рожественская) и др. Специализировалась студентка в русском искусстве, а именно в иконографии под научным руководством профессора Н.В. Малицкого, друга и коллеги К.К. Романова. Во время учебы она принимала участие в нескольких поездках по Северо-Западу. В 1922 г. Е.К. Минюшская под началом К.К. Романова в Новгороде и во Пскове изучала фресковые росписи и иконы в церквях и собраниях местных музеев. Кроме того, она занималась памятниками искусства XVIII–XIX вв. в Петрограде и окрестностях. Екатерина Александровна была студенткой К.К. Романова, они были тесно связаны единством научных интересов, и, по всей вероятности, духовно она была ему гораздо ближе первой супруги. Вскоре после регистрации брака у них родился сын, которого назвали Константин. К сожалению, этот творческий союз и семейное счастье продлились недолго. Е.А. Романова скончалась от туберкулеза 30 июля 1924 г. в возрасте 29 лет³³. Ее смерть стала настоящей трагедией для Константина Константиновича. Он тяжело переживал этот период жизни, его посещали мысли о смерти, он даже составил завещание. Надо сказать, что в этот момент его очень сильно поддерживали его первая жена и дочь, как, впрочем, и в дальнейшем, они же много помогали ему с воспитанием маленького сына. К.К. Романов сумел пережить этот удар судьбы, целиком и полностью отдавшись любимой работе.

В течение 1925 г. К.К. Романов был командирован в Старую Ладугу и Гостинополье, где обратил особое внимание на ц. Успенского женского монастыря в Старой Ладоге. По памятникам Русского Севера он попытался выяснить соотношение олонецких построек к расположению дома и двора в западном Средневековье. Во время экспедиции в Псковскую область под руководством К.К. Романова, при участии Е.А. Пистолькорс, Л.М. Шуляк и В.П. Тихомировой, был закончен обмер бесстолпной церкви Никиты Мученика, обследован участок древней крепостной стены в Пскове вдоль р. Великой, в районе Мстиславской башни исполнены схематические обмеры; произведены схематические обмеры различных памятников XV–XVII вв. Продолжались регистрационные работы подразделения К.К. Романова в Псковском и Островском уездах, собирание материалов по древнему колокольно-литейному делу в Пскове и регистрация древних колоколов. Псковская экспедиция 1925 г. установила печальный факт переливки на металл на заводе «Красный Выборжец» древнейших уникальных колоколов Пскова XIV в. с сохранившимися орнаментами и надписями, содержащими даты и имена мастеров, из Мирожского и Снетогорского монастырей и из Климентовской церкви с Завеличья. В том же отчетном году К.К. Романовым была закончена работа по изучению техники исполнения рельефов Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. По обмерам и исследованиям К.К. Романова Е.А. Пистолькорс продолжала выполнение чертежей собора. К.К. Романов продолжал изучение взаимоотношений искусства северо-западной Руси и центральной

³³ ЦГА СПб. Ф. Р-6143. Оп. 4. Д. 310. Л. 9–9об.

в XV–XVI вв., а также формы русского зодчества XVIII–XIX вв.³⁴

В 1926 г. по заданию Академии К.К. Романов совершил поездку в г. Юрьев-Польской, где обследовал открывшиеся вновь части древних кладок и сделал ряд фотографических снимков. Летом того же года состоялась Владимиро-Суздальская экспедиция под руководством К.К. Романова. В течение экспедиции (28 июля — 16 августа) был произведен подробный осмотр древнейшего в Сергиево собора Троицы XV в. и сделан схематический обмер его, изучена в ризнице Троицкой лавры «Никоновская кадилница»; во Владимиро-Суздальской области был изучен Рождественский собор, церковь Бориса и Глеба в Кидекше и Покрова на Нерли. Во Владимире обследовались рельефы Дмитриевского и Успенского соборов, а также был осмотрен собор Успения Княгинина монастыря. Основным же пунктом экспедиции являлся г. Юрьев-Польской, где были произведены работы по доследованию и подробному обмеру всех древних частей кладки, открытых при отломке зданий, пристроенных к собору в XVIII–XIX вв. Сразу после возвращения из Владимира сотрудники К.К. Романова под его началом отправились в Псковскую область, где велись работы по обследованию соборов Мирожского и Снетогорского монастырей и остатков росписи XV в. церкви в Мелетево³⁵.

В 1927 г. продолжилась исследования архитектурных памятников под руководством К.К. Романова в Средней России. В состав экспедиции входили Е.А. Пистолькорс, В.П. Тихомирова, Г.Ф. Корзухина, В.А. Богусевич, М.И. Николаева. В Суздале были подробно обследованы и обмерены древнейшие части белокаменного собора Рождества Богородицы, зарисованы детали рельефных узоров и сделаны эстампажи и фотографии. При этом экспедицией были открыты ранее неизвестные, скрывавшиеся под штукатуркой рельефы из белого камня, относящиеся к первоначальной постройке собора. Кроме этого, произвели разведочный осмотр ряда памятников и схематический обмер гражданского сооружения XVII–XVIII вв. Недалеко от Суздаля в Кидекше были дополнены обмеры церкви Бориса и Глеба. Во Владимире в центре внимания исследователей оказались древний Дмитриевский

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском.
Резные рельефы. 1926 г.

³⁴ Фармаковский Б.В. Отчет о деятельности Государственной Академии истории материальной культуры с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 гг. с приложениями. С. 1–36 // СГАИМК. 1926. Т. I. С. 16–17.

³⁵ Фармаковский Б.В. Отчет о деятельности Государственной Академии истории материальной культуры с 1 октября 1925 по 1 октября 1926 гг. // СГАИМК. 1929. Т. II. С. 19–20.

Суздаль. К.К. Романов (слева),
Е.А. Пистолькорс, М.И. Николаева,
В.П. Тихомирова. 1927 г.

собор и проблемы его сохранности, в Боголюбове они обследовали и сделали зарисовки палат Андрея Боголюбского и церкви Покрова на Нерли, а в Звенигороде осмотрели собор Саввино-Сторожевского монастыря. Сотрудницей отдела К.К. Романова В.П. Тихомировой в Александрове были осмотрены здания женского монастыря, обследован Троицкий собор и сделаны его зарисовки, фотографии и эстампажи с декоративного рельефа узорного пояса, дополнены материалы предыдущих работ в Троице-Сергиевой лавре. В Москве К.К. Романов с В.П. Тихомировой ознакомились с реставрируемыми памятниками зодчества, работой иконописной реставрационной мастерской, а также древней архитектурой в Коломенском и Дьякове под Москвой.

Вторая архитектурная экспедиция 1927 г. ГАИМК под руководством К.К. Романова в том же составе была направлена в г. Псков. В ее задачи входило изучение древнейших памятников Пскова,

изучение бесстолпных памятников эпохи расцвета псковского строительства и изучение гражданских сооружений древнего Пскова. Главные работы были сосредоточены на продолжении подробного обмера, фотографирования и изучения собора Мирожского монастыря первой половины XII в. Обследовались также собор Снетогорского монастыря, церкви Никиты Мученика и Николы Каменогородского, производился обмер ряда гражданских сооружений Пскова, изучалась древняя стенопись, штудировались материалы Псковского архива, собирались данные по древнему колокольному литью. Во время пребывания во Пскове сотрудниками экспедиции был осмотрен участок постройки новой электрической станции, уничтожившей 45 м древней стены у Мстиславовой башни, обмерен план собора Иоанновского монастыря, к тому времени занятого клубом кожевников³⁶.

В 1927 г. и в последующие годы под началом К.К. Романова продолжались и работы по регистрации памятников зодчества на территории СССР для комиссии по охране и регистрации монументальных памятников. В 1929 г. по приглашению Наркомпроса Татарской АССР он руководил экспедицией по изучению архитектурных памятников Казани, Свияжска и древнего городища Болгары, и опять работал во Пскове и его окрестностях³⁷.

³⁶ СГАИМК. 1929. Т. II. С. 356–361.

³⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 569. Л. 123.

Группа сотрудников Зонежской экспедиции. 1926 г.
Четвертый слева стоит К.К. Романов

Во второй половине 1920-х гг. К.К. Романов еще раз вернулся к изучению крестьянского быта северных районов России. Он возглавил три большие комплексные искусствоведческие экспедиции, организованные Главнаукой через секцию крестьянского искусства Государственного института истории искусства: в 1926 г. — в Зонежье, в 1927 г. — в бассейне р. Пинеги, в 1928 г. — в бассейне р. Мезени. Экспедиции ставили перед собой задачи комплексного изучения всего уклада жизни крестьян, а поэтому в их состав входили специалисты по фольклору, народному театру, музыке, тканям, вышивкам, этнографии и т. д. Особое внимание уделялось описанию и фиксации памятников деревянной архитектуры Севера. Экспедиция 1926 г. всего за один месяц обследовала 72 селения, обмерила 5 крестьянских усадеб, 4 шатровые церкви, было сделано примерно 2000 фольклорных записей, 112 мелодий записано на фонограф и снято около 250 фотографий³⁸, часть которых хранится в фотособрании ИИМК РАН, в личном фонде ученого.

Все эти годы не оставлял К.К. Романов и преподавательскую работу. В 1918 г. К.К. Романов стал профессором Ленинградского археологического института и даже занимал в нем в течение трех лет должность декана. После слияния Археологического института с Ленинградским университетом ученый состоял в университете в должности профессора русской материальной культуры и искусства, вел специальные семинары по истории зодчества. К.К. Романов прекратил преподавание в Университете в 1928 г. «за сокращением штата».

С 1923 по 1929 гг. К.К. Романов являлся членом Института истории искусств, где вел занятия по истории русского искусства, крестьянского искусства, истории

³⁸ Мильчик М.И. Зонежье на старых фотографиях. СПб., 1999. С. 10.

Шуньга. Гулянье на погосте в Иванов день. Карусель.
Заонежская экспедиция. 1926 г.

Выпуск археологического отделения Ленинградского университета. 1924 г.
Во втором ряду пятый справа — Н.П. Сычев, в центре в третьем ряду — К.К. Романов,
в верхнем ряду четвертый справа — Б.В. Фармаковский

зодчества и заведовал отделом изобразительных искусств на курсах, а также секцией крестьянского искусства при Социологическом комитете и секцией византийского и русского искусства Института. В трудовом списке К.К. Романова записано: «1929 г. — прекратил заведывание секциями ГИИИ за их уничтожением»³⁹.

В то же самое время у него начинаются и проблемы в ГАИМК, где также происходила ломка структуры учреждения и перевод всей научной деятельности на коммунистические рельсы. Коренная перестройка потребовала введения в руководящий аппарат академии «партийных» исследователей. В этот момент в администрации ГАИМК появились «марксисты» Ф.В. Кипарисов и С.Н. Быковский⁴⁰. К началу 1930-х гг. от руководящих должностей отстранили практически всех ученых старой формации, признанных специалистов высочайшего уровня. Постигла такая судьба и К.К. Романова за участие в пражском сборнике *Seminarium Condaquivianum*, вследствие которого пострадали многие известные ученые⁴¹. В его трудовом списке существует запись от 17 сентября 1930 г.: «Объявляется общественное порицание за участие совместно с белоэмигрантами в пражском сборнике *Seminarium Condaquivianum* в статьях, явно враждебных советской науке, открыто показавших антисоветские и антинаучные настроения, несовместимые с положением советских ученых»⁴². Ему припоминали эту историю еще неоднократно. Хорошим примером тому служит характеристика, составленная на него в НКВД секретной частью ГАИМК: «Романов Константин Константинович. Год рождения — 1882-й, отец — личный дворянин, врач. Сам — специалист археолог-историк искусства. Получил общественное порицание за участие в белоэмигрантском издании. Граф Бобринский от имени Императорского двора в 1910 г. за его услуги отечественной старине (особенно церковной) выдвинул его членом-корреспондентом Императорской археологической комиссии. До сих пор числится монархистом. Принадлежит к числу молчаливых. Был в ссылке (со слов Тихановой). Недавно, в 1935 г., апреле-мае месяце, участвовал в комиссии по реставрации памятников и вместе с Фармаковским включил в список древних памятников действующую церковь. На заседании кафедры Каргером были разоблачены. Держится со всеми старыми спецами. Не внушает никакого доверия. В общественной жизни Академии никакого участия не принимает»⁴³.

От «заведования Разрядом русской материальной культуры с оставлением Председателем Комиссии по охране памятников» К.К. Романов был освобожден по личному заявлению распоряжением заместителя председателя ГАИМК

³⁹ РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 273. Л. 4.

⁴⁰ Тихонов И.Л. О репрессиях в ГАИМК // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х — конец 1940-х годов). Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М., 2021. С. 64; Панкратова Е.Г. Последний председатель ГАИМК — Ф.В. Кипарисов (Новые материалы к биографии) // ВДИ. 2020. № 80/3. С. 728–752.

⁴¹ Тункина И.В. «Дело» академика Жебелева // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. Вып. 2. СПб., 116–161; Каганович Б.С. Начало трагедии (Академия наук в 1920-е годы по материалам архива С.Ф. Ольденбурга) // Звезда. 1994. № 12. С. 124–144; Тихонов И.Л. Деятельность А.А. Спицына в Санкт-Петербурге (1892–1931) // РА. 2009. № 3. С. 138–147.

⁴² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 273. Л. 57.

⁴³ ЦГА СПб. Ф. Р-7154. Оп. 1. Д. 13. Л. 95.

Ф.В. Кипарисова от 16 мая 1930 г. Одновременно на его место был назначен придержавающийся «правильных классовых позиций» С.Н. Быковский⁴⁴.

Истинные причины, побудившие выдающегося ученого на пике своей научной карьеры «уйти по собственному желанию» из фактически созданного им Разряда, становятся абсолютно понятны из черновика письма Н.Я. Марру, написанного тогда же К.К. Романовым:

«Глубокоуважаемый Николай Яковлевич,

Вчера Ф.В. Кипарисов сообщил мне о Вашем желании, чтоб для пользы Академии я оставил свою должность Заведующего Разрядом Русской материальной культуры вновь приехавшему в Ленинград Вашему ученику партийному т. Быковскому. Естественно, польза Академии, к ближайшему участию в образовании которой Вы меня привлекли, для меня, конечно, на первом месте и я немедленно согласился на это. Хотелось бы лишь, чтобы отчисление произошло без моего прошения об этом, т.к. я считаю себя обязанным перед будущим зафиксировать, что я не бросал того дела, над которым работал. Сегодня исполняется ровно 25 лет. Срок моего приезда на работы в Ферапонтов монастырь в 1905 г.

Вместе с тем В.Ф. Кипарисов сообщил о Вашем и его желании, чтоб я остался в должности председателя Комиссии по охране и регистрации памятников. Эта должность, конечно, очень близка мне, но я мог исполнять ее как следует лишь имея при себе весь аппарат Разряда. В настоящее время, когда я не веду ни одним Разрядом, я очень просил бы пересмотреть вопрос о структуре Комиссии, дав ей штатные единицы, что было особенно выделено и обследовательскими бригадами <...>, рассматривавшими дела Комиссии.

Комиссии предстоит большая работа по каталогизации памятников, а также по специальным работам на местах, и в этом отношении работа будет недостаточна, если не будет штата.

С искренним уважением и преданностью,
К. Романов»⁴⁵.

Сложно представить, какие сильные личные переживания скрываются за этими скупыми строками письма, и чего стоило К.К. Романову решение покинуть Разряд, которому он отдал так много своих сил и умений. Тем не менее, он остался в ГАИМК и по-прежнему активно занимался вопросами изучения и сохранения архитектурного богатства России. Главной темой его полевых исследований стал Псков с окрестностями. В 1930 г. К.К. Романов произвел разведочные раскопки в псковском Кремле⁴⁶, и впоследствии еще не раз посещал Псков с различными научными целями. Он являлся товарищем председателя и членом Общества друзей Пушкинского заповедника со времени его основания и в 1934–1936 гг. принимал участие в проводившихся там реставрационных работах⁴⁷. К.К. Романов подготовил к печати обширные материалы по изучению Георгиевского собора в Юрьеве-

⁴⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 7. Л. 135.

⁴⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 923. Л. 3–3 об.

⁴⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 569. Л. 123; Филимонов А.В. Профессор К.К. Романов и Псковская земля // Псков. 2009. № 31. С. 121.

⁴⁷ Длужневская Г.В. Пушкиногорье в материалах фотоархива ИИМК РАН // Далекое прошлое Пушкиногорья. 2000. Вып. 5. С. 48–50.

Польском и даже получил предложение от издательства Академии архитектуры в Москве. В связи с этим в 1936 г. он запросил в ГАИМК и получил право на публикацию документов, фотографий и чертежей своих исследований в Юрьеве-Польском и Суздале, но работа так и не вышла⁴⁸.

В 1936 г. после восстановления ученых званий⁴⁹ ГАИМК подала документы К.К. Романова в квалификационную комиссию Наркомпроса на утверждение его в ученой степени доктора археологии без защиты диссертации⁵⁰. Сохранилась характеристика, данная ученому в тот момент:

«Романов Константин Константинович. Беспартийный. Сын военного врача из дворян. Высококвалифицированный специалист по истории архитектуры и древней истории России. Лучший в СССР знаток истории Пскова и Новгорода и памятников материальной культуры СССР. В общественной жизни не принимает участия.

Треугольник поддерживает предложение Академии о предоставлении Романову К.К. ученой степени доктора археологии и звания действительного члена Академии

И. о. пред. Академии Кипарисов
Секретарь Парткома Воронина
Председатель месткома Бернштам»⁵¹.

К сожалению, в архиве ИИМК РАН отсутствуют документы, подтверждающие, что К.К. Романову присвоили эту ученую степень.

Со конца 1930-х гг., когда ГАИМК была преобразована в Институт истории материальной культуры АН СССР (ИИМК), одним из основных занятий К.К. Романова стала преподавательская и просветительская деятельность. Он работал в Ленинградском институте инженеров водного транспорта, Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта, Институте инженеров коммунального хозяйства, инженерно-строительном институте; читал лекции для курсоводов по архитектурным достопримечательностям Ленинграда и истории архитектуры в обществе «Старый Петербург» и в других местах. В его личном фонде сохранились газетные вырезки, характеризующие эту часть его работы на фоне всех «прелестей» советской эпохи, например:

«Хорошая лекция.

Для избирателей дома № 13 по Международному проспекту был организован доклад “Старый Петербург — новый социалистический Ленинград”. Профессор К.К. Романов (кафедра архитектуры) простым и ясным языком передал домохозяйкам свои знания об истории развития и грандиозном социалистическом строительстве нашего прекрасного города. Свой доклад т. Романов иллюстрировал диапозитивами.

Нам, домохозяйкам дома № 13, лекция дала много интересного. Мы вспомнили, в каких ужасных условиях жили до Октябрьской революции трудящиеся Петербурга. Сравнивая Старый Петербург с новым социалистическим Ленинградом, мы

⁴⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 569. Л. 55; Ф. 29, Д. 877.

⁴⁹ После революции в 1918 г. старая система аттестации научных кадров была упразднена, отменены ученые звания и степени, которые были возрождены постановлением 1934 г.

⁵⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 569. Л. 10.

⁵¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 6. Д. 4. Л. 65.

К.К. Романов (третий слева в первом ряду) с выпускниками ЛИИЖТ. 1935 г.

бесконечно благодарны большевистской партии, советскому правительству и вождю т. Сталину, которые обеспечили процветание нашего города.

Выражаем благодарность профессору Романову за хорошо поставленную лекцию.

Агитатор Нейман

Домохозяйки: Легешевиц, Лавочкина, Филлипова, Сазонова, Бородина» (газета «Наш путь» от 23 июня 1938 г.)⁵².

«Соревнование на лучшую лекцию.

Лекция профессора К.К. Романова.

Лекция по истории архитектуры, прочитанная в марте профессором К.К. Романовым, весьма содержательна. Прекрасным было изложение материала, с максимальным использованием проекционного фонаря. Лектор обладает хорошей дикцией.

Посвящена была лекция истории классической архитектуры древней Греции. Во вступлении автор увязал содержание материала с материалом предшествующей лекции. Развитие архитектуры излагаемого периода было обосновано анализом социальных условий тогдашнего рабовладельческого общества. Чертежи на классной доске были выполнены четко. Все слушали лектора с увлечением.

Есть несколько замечаний.

⁵² РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Д. 788. Л. 18.

Лектор называл географические места древней Греции. Хорошо бы было напомнить студентам эти места на карте» (газета «Наш путь» от 31 марта 1939 г.).

Вместе с тем много времени К.К. Романов посвятил работе по регистрации и постановке на государственный учет памятников Ленинграда, его окрестностей и Северо-Запада в целом. Вплоть до начала войны он состоял в Ученом Совете Отдела по охране памятников Управления по делам искусств при Ленинградском Обкоме С.Н.Х. РСФСР. В отделе составлялись и уточнялись списки архитектурных памятников Ленинградской области⁵³, подлежащих взятию под охрану, а также обследовалось состояние уже охраняемых объектов; обсуждались меры их сохранения, вопросы ремонта и реставрации⁵⁴.

Жизнь К.К. Романова, как и многих сотрудников Академии истории материальной культуры, оборвалась в блокадном Ленинграде в самую тяжелую первую зиму в январе 1942 г.⁵⁵ Место его захоронения неизвестно.

В результате своей плодотворной научной деятельности К.К. Романов оставил огромное количество рукописных и фотографических документов.

В архиве ИИМК документальный фонд К.К. Романова стал формироваться еще в конце 1930-х гг. Материалы научно-исследовательской деятельности архитектора были выделены из архивного фонда учреждения, в котором он работал многие годы, составлена опись. В сформированный фонд были включены рукописи работ, выписки, зарисовки и библиография по искусству и архитектуре, черновые записи по организации экспедиции в Псков, дневник раскопок в Юрьеве-Польском и биографические материалы, что составляло лишь незначительную часть того огромного накопленного за годы плодотворной работы наследия ученого. После смерти К.К. Романова во время блокады его личный научный архив в 1944 г. был передан без описи в дар Русскому музею дочерью ученого — Варварой Константиновной Шепелевой⁵⁶. В октябре 1948 г. руководство ИИМК АН СССР обратилось к директору ГРМ с просьбой передать не представляющие непосредственного интереса для музея материалы известного архитектора-реставратора и историка древнерусской архитектуры в рукописный архив Института, тем более что исследовательская деятельность ученого самым тесным образом на протяжении многих лет была связана с ИАК и ГАИМК. В мае 1949 г. основную часть архивных материалов К.К. Романова передали в ИИМК АН СССР.

В настоящее время в НА ИИМК РАН хранятся два личных фонда К.К. Романова, составляющих научное наследие архитектора — рукописный и фотографический. Оригинальные отпечатки и негативы из собрания К.К. Романова образовали отдельный личный фотографический фонд № 30 (ФО НА ИИМК РАН). Собрание состоит из 2130 фотографий, 827 негативов и 8 открыток. Фотодокументы

⁵³ В тот момент в состав Ленинградской области входила большая часть Северо-Запада России, в том числе Псков и Новгород.

⁵⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 877.

⁵⁵ Мильчик М.И. Заонежье на старых фотографиях. СПб., 1999. С. 146; Филимонов А.В. Профессор К.К. Романов и Псковская земля // Псков. 2009. № 31. С. 125.

⁵⁶ Варвара Константиновна Шепелева (1909–1993) — известный российский зоолог, физиолог. Во время войны была медсестрой, награждена орденом «За отвагу». После войны работала в Институте физиологии РАН им. И.П. Павлова, изучала врожденные рефлексы животных, затем в Новосибирском Академгородке. В 1972 г. защитила диссертацию на соискание доктора биологических наук.

датируются концом XIX века — 1930-ми гг. Стекланные негативы в основном были изготовлены в процессе архитектурно-археологических, реставрационных и этнографических исследований К.К. Романова и сделаны непосредственно с памятников, либо запечатлели рабочие моменты. Фотоотпечатки включают как материалы самого К.К. Романова, так и фотодокументы других исследователей, с которыми он работал вместе в разные годы. Важное место в научных исследованиях К.К. Романова, как уже неоднократно отмечалось, занимали работы в Георгиевском соборе Юрьева-Польского. Фотодокументация этих исследований главным образом хранится в фондах ИАК и ГАИМК, фотографии из личного фонда лишь дополняют эту серию.

В РО ИИМК РАН отчеты, дневники и чертежи архитектурно-археологических экспедиций К.К. Романова хранятся в фондах учреждений (ИАК-РАИМК-ГАИМК). Трудовой список, автобиографии и характеристики, составленные в разные годы, документы в квалификационную комиссию Наркомпроса на представление К.К. Романова к ученой степени доктора археологии без защиты диссертации также находятся в фонде РАИМК-ГАИМК. Материалы личного архива архитектора, образовавшиеся в процессе научно-исследовательской деятельности, переданные из Русского музея в 1949 г., а также выделенные из фонда ГАИМК, составляют отдельный личный фонд № 29 (1437 дел)⁵⁷.

К.К. Романов беззаветно служил науке всю свою жизнь, однако судьба его сложилась таким образом, что, будучи крупнейшим специалистом с огромным творческим потенциалом и опытом, он не успел и не имел возможности опубликовать обобщающие труды по своим основным научным темам, связанным с изучением древнерусского искусства. Все это, к счастью, сохранилось в многочисленных рукописях. Благодаря дочери К.К. Романова и затем усилиям архивных сотрудников бесценный архив ученого спасен для науки и современные исследователи могут работать с его материалами, многие из которых не потеряли своей актуальности до сих пор и, безусловно, требуют полноценного введения в научный оборот.

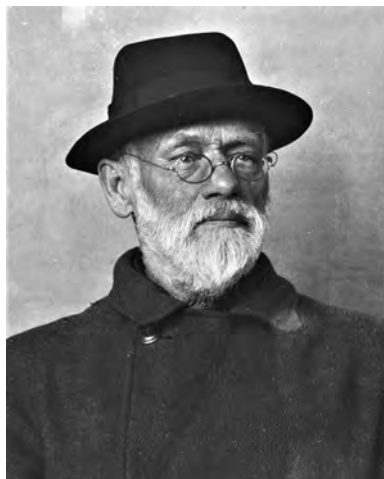

⁵⁷ Дополнительно к материалам К.К. Романова в ИИМК РАН, документы, связанные с его деятельностью, хранятся в Русском музее, Государственном этнографическом музее, Псковской областной универсальной научной библиотеке. Подробнее об этом см.: *Медведева М.В., Панченко И.А.* Архив архитектора К.К. Романова (1882–1942). С. 369–379; *Андреева И.М.* Книжное собрание Константина Романова // Псковский летописец: краеведческий альманах. 2010. № 1 (2); С. 75–86; *Филимонов А.В.* Профессор К.К. Романов и Псковская земля // Псков 2009. № 31. С. 114–127.

Александр Андреевич Спицын (1858–1931)

И.Л. Тихонов

На знаменитой фотографии, сделанной 7 августа 1919 г. во дворе Старого Эрмитажа и запечатлевшей основателей Российской академии истории материальной культуры, нет Александра Андреевича Спицына¹. Вероятно, его не было в Петрограде в этот момент, но представить без него российскую археологию конца XIX — первой трети XX вв. просто невозможно. Не случайно его называют одним из патриархов и основателей отечественной археологии в целом, сыгравшим огромную роль в процессе превращения любительского увлечения древностями в серьезную науку. Настоящий очерк о жизни и деятельности выдающегося русского археолога составлен на основе архивных документов, эпистолярного наследия ученого и предшествующих публикаций автора, посвященных А.А. Спицыну².

Александр Андреевич Спицын родился 14 августа 1858 г. в семье мещанина г. Котельнича Вятской губернии Андрея Леонтьевича Спицына и его жены Дарьи Семеновны (урожд. Сенниковой). 17 августа в метрической книге Успенского собора г. Яранска была сделана запись о крещении Александра Спицына, крестным отцом которого стал яранский уездный судья Григорий Орлов. Детство мальчика

¹ В качестве заставки использован фотопортрет А.А. Спицына 1929 г. (ФО НА ИИМК РАН. I 3508).

² Тихонов И.Л.: 1) Из эпистолярного наследия А.А. Спицына (письма к С.Ф. Платонову) // СА. 1991. № 2. С. 265–275; 2) «Интерес к археологии появился у меня в университете». А.А. Спицын // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. II. СПб., 2003. С. 91–111; 3) Триада деятельности А.А. Спицына в Петербурге: Археологическая комиссия, Русское Археологическое общество, Университет // История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, проф. А.А. Спицына / Отв. ред. Е.Н. Носов, И.Л. Тихонов. СПб., 2008. С. 163–184; 4) Археология и история в творчестве А.А. Спицына: проблема соотношения // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2009. С. 558–563; 5) Деятельность А.А. Спицына в Санкт-Петербурге (1892–1931) // РА. 2009. № 3. С. 138–147; 6) Воспоминания В.Г. Дружинина о А.А. Спицыне // Краугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 2 / Под ред. Е.Н. Носова, С.В. Белецкого. М., 2010. С. 421–430; 7) С.Ф. Платонов и А.А. Спицын // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011. С. 347–361; 8) А.А. Спицын в Петербурге // Спицын А.А. Избранные труды по истории Вятки / сост. и ред. А.Л. Мусихин. Киров, 2011. С. 422–441.

прошло в Котельниче, а в 1868 г. семья переехала в Вятку, где он поступил в местную мужскую гимназию. Учился не важно, особенно трудно давались древние языки, занимавшие много места в гимназической программе. Дважды оставался на второй год вместе с одноклассником — Константином Циолковским, будущим теоретиком космонавтики. По воспоминаниям младшей сестры Екатерины, Саша поначалу увлекался естественными науками, что было вполне в духе того времени, мечтал о путешествиях по России, собирал гербарий, коллекции насекомых, создал дома лабораторию, в которой проводил опыты по физике и химии. Уже тогда проявились такие черты его характера, как склонность к порядку, систематизации, внутренней самодисциплине³. К концу учебы в гимназии стали определяться и гуманитарные интересы. Так в 1877 г. Александр Спицын вступает в переписку редактором журнала «Древняя и новая Россия» С.Н. Шубинским и предлагает свой очерк о рукописях Вятской библиотеки, а также перепечатку некоторых интересных материалов из старых номеров «Вятских губернских ведомостей». Сам он позднее вспоминал, что в старших классах гимназии увлекся философией под влиянием студента Петербургской Военно-медицинской академии Е.Я. Скурихина. По результатам обучения в гимназии из пятнадцати выпускников 1878 г. Спицын был четырнадцатым по успехам. В аттестате зрелости будущего ученого отличные оценки были только по истории и немецкому языку, четверки — по географии и математике, по всем остальным предметам — тройки.

11 августа 1878 г. А.А. Спицын подает прошение ректору Санкт-Петербургского университета о зачислении на первый курс историко-филологического факультета. Позднее он так описывал начало своей студенческой жизни: «В Петербург я явился со светлыми надеждами и без гроша. Приехал прямо к Скурихину, который и делился со мной своим скудным заработком. Я вел дневник нашим расходам и твердо помню, что мы держали на пищу 5–7 копеек ежедневно. Так шло до февраля месяца, когда и я получил небольшой урок. Материальная сторона моих студенческих лет вообще была весьма плачевна»⁴. Плата за обучение в университете в то время составляла 25 рублей за полугодие, и ему приходилось постоянно обращаться к ректору с прошениями об отсрочке уплаты и в Комитет вспомоществования недостаточным студентам: «Приезжая в Петербург, я надеялся на какой-нибудь урок и случайные пособия. Надежда, как водится, обманула неопытного юношу. Из дому я не могу получать и 15 р. в месяц, занятий никаких не имею. На ноябрь из дому ничего не получил. Пособие прошу для отдачи долга (2 р.) и на квартиру (15 р.)»⁵.

В итоге ему пришлось представить в университет освобождающее от платы «Свидетельство о бедности». Подобная практика была широко распространена в то время среди малоимущих студентов, и в 1870-е гг. около семидесяти процентов их пользовались различными льготами по плате за обучение. Несмотря на тяжелое материальное положение, Александр Спицын учился хорошо, так как даже при наличии «свидетельства о бедности» неуспевающих студентов от платы не освобождали. Ходить на занятия было недалеко, поскольку жил он на Петербургской

³ Ждан (Спицына) Е.А. Из далекого прошлого. Калуга, 1999. С. 122–123.

⁴ Петряев Е.Д. Вятские книголюбы. Киров, 1986. С. 106.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20324. Л. 9.

стороне, которая скоро стала его любимым местом в городе. В.Г. Дружинин, учившийся курсом младше, так описывал внешний вид и участие в общественной жизни своего товарища в те годы: «носил черный потертый сюртук, при белых полотняных брюках и не носил крахмального белья. Стальные очки его были поломаны и починены веревочкой. Он уже со второго курса был делегатом от студентов в обществе вспомоществования недостаточным студентам, и ему поручалось обследование жизни и средств студентов, обращавшихся в общество за ссудами и пособиями. И эту работу он исполнял замечательно добросовестно. За это он пользовался уважением и любовью студентов»⁶. Ему даже доверили хранение «курсовой книги», в которую записывались все важные события их жизни⁷.

На старших курсах Спицын включился в работу неформального научного кружка «русских историков», куда входили близкие ему по возрасту и идеалам будущие известные ученые: С.Ф. Платонов, И.А. Шляпкин, В.Г. Дружинин и многие другие. Его однокашник и ближайший друг на протяжении всей жизни — выдающийся историк России С.Ф. Платонов вспоминал, что на первом курсе они слушали лекции профессоров Ф.Ф. Соколова по истории Древней Греции, В.Г. Васильевского — по истории средних веков, О.Ф. Миллера — по русской литературе. Особой популярностью тогда у студентов пользовались лекции И.И. Срезневского по славяноведению и К.Н. Бестужева-Рюмина по русской истории: «Войдя в аудиторию, Бестужев своими близорукими, живыми и добрыми глазами оглядывал нас, садился в кресло и неизменно начинал с одного и того же: он несколько раз поводил левой рукой по своему высокому лбу и тихо произносил первые слова лекции, настолько тихо, что часть этих слов мы обычно не слышали. Со второй фразы начиналось уже всем слышное изложение — и сколько в нем было для нас наслаждения! Бестужев не был оратором, — он не “читал”, он просто беседовал, не заботясь о форме своей речи... Перед нами был человек, широко образованный, свободно вращавшийся во всех сферах гуманитарного знания, великолепно знавший свою науку, умевший легко поднять нас на высоты отвлеченного умозрения и ввести в тонкости специальной ученой полемики. Мы жили в новой для нас области русской историографии, как в каком-то ученом братстве, где все дышали одними общими научными интересами и жаждой народного самопознания. Работа на ученом поприще русской истории являлась перед нами в ореоле духовного подвижничества и сулила высшее духовное наслаждение»⁸.

Так как по окончании второго курса студентам надлежало выбрать отделение, то и Спицын и Платонов стали специализироваться по кафедре русской истории под руководством Бестужева-Рюмина и заниматься в его семинаре. Позднее в письмах из Вятки А.А. Спицын всегда с большой теплотой вспоминал и отзывался о своем университетском учителе: «Для меня несомненно одно, что наш дорогой профессор — своеобразное явление среди своих коллег... В статье Вы заметите

⁶ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6. Л. 11. — Опубликовано: Тихонов И.Л. Воспоминания В.Г. Дружинина о А.А. Спицыне // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 2 / Под ред. Е.Н. Носова, С.В. Белецкого. М., 2010. С. 421–430.

⁷ Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Кн. 2. Пг., 1917. С. 114–117.

⁸ Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний... С. 112.

Бестужевский дух и влияние, почему я и посвящаю ее ему. Для меня ясно, что она писана под настроением его лекций... Кланяйтесь друзьям и нашему дорогому К.Н. Бестужеву-Рюмину. Его нравственный облик мне глубоко симпатичен, и я нередко о нем вспоминаю»⁹.

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897) принадлежал к тому кругу русских историков, которые стремились расширить источниковую базу исторической науки за счет привлечения неписанных источников, и в первую очередь данных археологии. Уделяя особое внимание источниковедению, он в своих лекциях говорил студентам: «Историк должен пользоваться так называемыми источниками, т. е. памятниками письменными или вещественными..., памятники вещественные, материальные остатки жизни древних времен — источник исторический в высшей степени важен. Памятники этого рода знакомят с внешней обстановкой жизни, со степенью цивилизации, с взаимными связями и сношениями народов в такие периоды, когда такие связи и не могли предполагаться». Специальный раздел источниковедческой части общего курса был посвящен археологическим источникам, где автор перечислил известные ему виды памятников (городища, курганы, поселения, «мастерские» каменных орудий, пещеры, свайные постройки, «кухонные остатки», клады и отдельные находки). Далее следовало описание этих памятников согласно системе трех веков, начиная с первобытной эпохи. Интересны отдельные замечания историка, например, о возможности присутствия в погребениях вещей, уже вышедших из употребления и приобретших значение культовых, или относительно производства археологических работ: «самые раскопки не так легки, как кажется на первый взгляд: надо, копая, наблюдать как лежат вещи, какое положение дано телу. По способу погребения многое узнается: хоронили в сидячем положении, в том положении, в котором человек находился в утробе матери, хоронили в лежачем и т. д. Иногда находят курганы в несколько слоев; надо не смешивать находимые вещи разных эпох»¹⁰.

Касаясь вопросов славянской и древнерусской истории, профессор описывал скифские памятники и сопоставлял данные письменных источников и археологических раскопок. Так, приводя свидетельство Ибн-Фадлана о похоронах знатного руса, он использовал материал из курганов Псковской губернии и знаменитой Черной могилы в Чернигове.

В историографической части Бестужев-Рюмин приводил очерк развития археологии в России, начиная с Петровской эпохи, отмечая Сибирские и Южные экспедиции Академии наук в XVIII в., а также работы археологов XIX в. Все это сопровождалось подробнейшим перечислением почти всех основных трудов по археологии в России и пожеланием, чтобы эта наука встала на более прочную основу посредством упорядочивания методов раскопок и исследований, обширного развития музеев; систематизации и критики накопленного материала. Подчеркивалось, что основные усилия археологов направлены прежде всего на южную часть России, в то время как наиболее важные для русской истории памятники находят-

⁹ Тихонов И.Л. Письма А.А. Спицына из Вятки к С.Ф. Платонову (краткий обзор) // Вятская земля в прошлом и настоящем. Тез. докл. научн. конф. Киров, 1989. С. 276; Он же. Из эпистолярного наследия А.А. Спицына: переписка с С.Ф. Платоновым. С. 267.

¹⁰ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1872. С. 149.

ся в центральных губерниях¹¹. В связи со всем вышеизложенным становятся понятны слова А.А. Спицына, написанные им уже в 1920-е гг.: «Интерес к археологии проявился у меня в университете. Профессор К.Н. Бестужев-Рюмин в своих лекциях заботливо отмечал, что вещественные памятники старины должны дать особо точный материал для истории и что они еще очень мало изучены, так как исследования их очень трудны; все как раз отвечало моему тогдашнему молодому настроению»¹². Таким образом, общение с Бестужевым-Рюминым сыграло значительную роль в становлении Спицына как ученого, поскольку в своих дальнейших работах он проявил себя как талантливейший источниковед, подчас сознательно отказываясь от широких исторических обобщений.

Во время поездок домой в каникулярное время А.А. Спицын начал осматривать местные памятники древности и проводить небольшие раскопки. В окрестностях Котельнича он обследовал два городища, где сделал наблюдения о стратиграфии вала и обнаружил керамику, кости рыб и животных, железные вещи, что полностью подтверждало мнение Д.Я. Самоквасова о жилом характере такого рода археологических памятников. Подобные же находки были сделаны и на городищах вблизи г. Вятки.

Результаты собственных исследований и сведения, почерпнутые из местной периодики, Спицын включил в свою первую работу по археологии — «Каталог древностей Вятского края», представленную в 1882 г. в университет в качестве диссертации для получения степени кандидата Петербургского университета¹³. В этой публикации описывались отдельные находки каменного и бронзового веков, 36 городищ и 46 курганов на территории Вятской губернии, некоторые другие памятники — вещественные и письменные. В итоге была предпринята попытка сравнить вятские древности, распределенные по 13 отделам, с памятниками других областей.

Есть сведения, что данная работа заинтересовала К.Н. Бестужева-Рюмина, который уже ранее обратил внимание на способности и трудолюбие своего студента, и он предлагал ему остаться при кафедре для приготовления к преподавательской деятельности и магистерским экзаменам. Однако вследствие серьезных материальных затруднений своей семьи, вызванных смертью отца в мае 1880 г., А.А. Спицын был вынужден отклонить столь лестное предложение и вернуться в Вятку. Там он поступил на должность преподавателя русской словесности и педагогики Вятской Мариинской женской гимназии. Жалованья молодому преподавателю установили 1200 рублей в год при 20–22 недельных уроках, что позволило ему содержать мать и больного брата. Педагог из него получился очень хороший, и он быстро стал самым популярным преподавателем в гимназии. «Слушаешь его, — вспоминали гимназистки, — и чувствуешь в душе что-то высокое, прекрасное, точно на крыльях летишь к свету, к счастью в любви к людям... От других

¹¹ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. СПб., 2003. С. 43.

¹² Спицын А.А. Мои научные работы // *Seminarium Kondakovianum*. Т. 2. Прага, 1928. С. 331.

¹³ Первоначально Спицын избрал для кандидатского сочинения другую тему, сугубо историческую: «О первоначальном заселении Вятки», где высказал сомнения в летописной достоверности «Повести о стране Вятской», но из-за отсутствия К.Н. Бестужева-Рюмина, находившегося за границей, она была отвергнута его заместителем Е.Е. Замысловским.

А.А. Спицын. 1880-е гг.

преподавателей резко он отличался своим добрым и очень ласковым отношением к учащимся, своеобразными приемами преподавания, воспитывал в нас лучшие свойства человеческой души»¹⁴. Спицын, например, не признавал никаких учебников по русской словесности и не задавал на дом заданий.

Первоначально молодой учитель почти все свое время уделял преподаванию: «Что касается меня, то я занимаюсь своими уроками — и более ничем. Таким будет для меня весь этот год!... в этом положении русской историей заниматься не приходится». Однако уже через год он издал «Орфографический словарь с присоединением курса русской орфографии», предназначенный для будущих учительниц земских школ, а затем еще несколько методических учебных пособий по русскому языку. Все же более всего его влекла история Вятского края, и вскоре было положено начало активному сбору материала по различным темам местной истории.

В марте 1883 г. А.А. Спицын пишет С.Ф. Платонову: «В письме своем Вы упоминаете, что мое дело — не педагогическая деятельность и что теперь мне приходится тратить много времени попусту для моей настоящей деятельности, выражаете надежду, что я не буду вынужден долгое время влачить безвыходную жизнь скромного провинциального учителя. Это правда, что мне место не в Вятской женской гимназии, но я уверен, что едва ли что-нибудь собьет меня с моего пути, и самое пребывание в гимназии не будет большим отклонением от него: у меня есть мысль о некоторых своеобразных учебниках, которые не отнимут много времени, а могут дать приличный доход, что для моих дальнейших планов дело немаловажное. Право, чувствую в себе (извините за нескромность) некоторые силы, особенно если сравниваю себя с товарищами по преподаванию, и не верю, что бы мне пришлось долго пробыть в Вятке в качестве заурядного учителя». Еще в одном письме тому же адресату после очень теплых, ностальгических воспоминаний о студенческих годах и весьма язвительных отзывов о московских историках он формулирует некоторые нравственные и творческие установки собственной научной и просветительской деятельности: «Я искренний патриот, и процветание России — вот что входит во все мои помыслы. Поэтому я никогда не буду таким ученым, каким будете Вы и Вас. Григ. [Дружинин. — И.Т.] Я буду заниматься не одной историей, но всем — историей, статистикой, языком, этнографией, изданиями — я буду заниматься, как начали всем этим заниматься славянофилы. Я буду писать — если это окажется мне по силам — как писали Аксаков, Хомяков, как теперь пишут сотрудники “Руси”, стараясь, конечно, избежать всевозможных увлечений, для чего

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 811. Оп. 1. Д. 129. Л. 49.

и будет призвано трезвое научное направление, которое я, кажется, вынес из университета»¹⁵.

По оценкам современных историографов Вятского края А.А. Спицын стал там в 1880-х гг. самым плодовитым историком и одним из наиболее активных членов местного статистического комитета, который, как и в других губерниях, был длинным центром краеведческой работы. При этом хорошая университетская подготовка автора резко выделяла его работы на общем фоне, так как уровень большинства публикаций был низким: многие статьи описательного плана носили любительский характер и создавались без знакомства с современной научной литературой¹⁶. На основании изучения местных архивов, рукописных собраний церквей, частных лиц, фондов учебных заведений Спицын создает целую серию работ по различным аспектам истории Вятской земли. Среди них «Свод летописных известий о Вятском крае», «Земля и люди на Вятке в XVII веке», «Вотчины Вятского Успенского монастыря», «Подати, сборы и повинности на Вятке в XVII ст.», «К истории Вятских инородцев», «Местное и областное управление на Вятке до XVIII в.», «История рода Рязанцевых», истории вятской гимназии и Главного народного училища. Большинство из них публикуется в ежегодно издаваемом «Календаре Вятской губернии» или в «Вятских губернских ведомостях»¹⁷.

Пытался А.А. Спицын продолжать и свои археологические изыскания. Так, летом 1883 г. он в течение месяца совершил поездку по рекам Вятке и Каме с целью поиска археологических памятников. В следующем году в его намерения входило побывать на VI Археологическом съезде в Одессе и на обратном пути — в Петербурге, но поездка не состоялась из-за необходимости быть в Вятке в связи с приездом попечителя учебного округа. Особенно занятия археологией активизировались с 1886 г. в связи с подготовкой к VII Археологическому съезду в Ярославле. Решив подготовиться к нему А.А. Спицын издал «Программу для описания доисторических древностей Вятской губернии» и познакомился с руководителем Московского археологического общества, вдовой известного археолога графа А.С. Уварова — П.С. Уваровой, которая оказала содействие молодому ученому и финансировала за счет общества его поездки и раскопки в Яранском, Котельническом и Глазовском уездах. По результатам этих и других работ была написана статья и подобраны 238 предметов, демонстрировавшихся на съезде. Позднее Московским археологическим обществом была издана работа Спицына «Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии», в которой были учтены все известные к тому времени памятники бассейна р. Вятки. Этот труд был удостоен большой серебряной медали Русского археологического общества.

К концу 1880-х гг. Спицына начинает все более тяготить положение провинциального учителя, отсутствие близких друзей и единомышленников: «не с кем поговорить о любимых темах... Не забывайте меня. Я ведь и живу-то воспоминаем о студенческих годах». Все больше «занимает мысль как-нибудь перебраться

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 1959/ П. Л. 10–11.

¹⁶ Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003. С. 406.

¹⁷ См.: Спицын А.А. Избранные труды по истории Вятки [Текст] / А. А. Спицын; сост. и науч. ред. А.Л. Мусихин. Киров, 2011.

А.А. Спицын с ученицами дополнительного класса, готовящего учительниц для сельских школ, Вятской женской гимназии. 1889 г.

в столицу, в Питер или в Москву... Теперь у меня есть одна мечта, очень фантастическая правда, но сильно увлекшая меня: мне хотелось бы оставить службу и как-нибудь, где-нибудь устроиться постоянным экскурсантом-археологом. Положение мое для того очень удобное и говорят, что у меня есть нужная струнка. Особенно помышляю об Археологической Комиссии»¹⁸.

Вопреки ранее высказанному мнению о роли С.Ф. Платонова и Н.И. Веселовского, способствовавших переводу А.А. Спицына в Императорскую археологическую комиссию, решающую роль в этом деле сыграл В.Г. Дружинин, являвшийся в это время сотрудником комиссии. В их переписке уже с лета 1889 г. обсуждался вопрос о сотрудничестве Спицына с комиссией: «Всего лучше было бы для меня пристроиться не в гимназии, а где-нибудь при архиве и вообще при каких-нибудь кабинетных ученых трудах. Всего было бы лучше, если бы нашлось подходящее место в Археологической Комиссии. Давно меня разбирает охота заняться общерусской археологией, и если бы мое желание совпало с желанием Комиссии, то я с удовольствием принял бы участие в ее трудах»¹⁹. Сообщая о своих занятиях историей и археологией Вятского края, Спицын писал Дружинину в декабре 1889 г.: «Ну, значит, теперь в Археологической Комиссии у меня рука. Я очень пробирался к архиву Комиссии, где, я знаю, найдется немало для меня интересного, да как доберешься до Питера? Это не в лавочку сходить за вареньем. Не сообщите ли Вы

¹⁸ Тихонов И.Л. Из эпистолярного наследия А.А. Спицына (письма к С.Ф. Платонову). С. 267.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 465. Л. 37.

мне, в порядке архив или нет? Можно ли найти в нем все, что относится, например, к древностям вятским? Или все существенное помещается в Отчетах?»²⁰ В другом письме, датированном февралем 1890 г., сообщалось: «Еще раз спасибо Вам, голубчик, за заботы о привлечении меня в комиссию, но я, право, боюсь оказаться неблагодарным. Дело в том, что гр. Уварова меня приласкала, снискала своими милостями, и, хотя я, может быть, щедро заплатил ей за внимание, но все же перебежать при этих условиях в чужой лагерь претит совесть. Я не из перелетов. Однако от души желаю успеха Археологической Комиссии, которая могла бы стать во главе нашей археологии, если бы хотела, и не отказываюсь от мысли со временем принять участие в ее работах. Я медлил своим ответом Вам потому, что у меня было явилась мысль некая — проситься в члены Комиссии с жалованьем (до 1200 р.), чтоб заняться вплотную археологией, оставив гимназию, но думаю, что это невозможно, главное, потому что я еще не зарекомендовал себя, по крайней мере, в настоящее время. Посмотрим — увидим (членом-наблюдателем от Комиссии в губернии я, конечно, готов быть с большим удовольствием)»²¹. В январе 1891 г. Спицын вновь писал Дружинину о своих археологических работах и планах, делился сомнениями, полагая, что сначала должен зарекомендовать себя большой работой по археологии: «В тайне я рассчитываю стать со временем усердным работником для Комиссии, так как, конечно, только она может дать средства для таких предприятий, какие я задумываю, но мне надо, чтобы расставанье с М.А.О. произошло без боли. Так и потрудитесь пока сказать г. Тизенгаузену: рано или поздно я непременно примкну к Комиссии и надеюсь стать одним из деятельнейших ее сотрудников... Еще раз спасибо за участие. В конце концов, Вы приведете же меня в Комиссию, и я надеюсь, что Вы дадите ей если не хорошего, то порядочного работника»²².

В.Г. Дружинин вспоминал, что после отставки Н.П. Кондакова и И.И. Толстого Археологическая комиссия подыскивала подходящего кандидата, и он указал на Спицына, «аттестовал его как местного археолога и принес оттиски его печатных трудов. Мне поручено было с ним списаться и предложить приехать в СПб для личных переговоров»²³.

С 1 февраля 1892 г. А.А. Спицын был назначен членом Императорской Археологической комиссии, которая являлась единственным в России правительственным органом по организации и контролю за археологическими раскопами, также выполнявшим функции охраны и реставрации памятников древности. Поскольку комиссия находилась в ведомстве Министерства императорского двора, ее штатные сотрудники получали неплохое жалованье: Спицыну оно было установлено в размере 1 тысячи рублей, плюс 1 тысяча рублей столовых и 600 рублей квартирных, т. е. 2600 рублей в год. Впоследствии за службу в Археологической комиссии ему платили до 3700 рублей в год²⁴, тогда как экстраординарный профессор в университете получал 2000 рублей.

²⁰ Там же. Л. 41.

²¹ Там же. Л. 46.

²² Там же. Л. 54.

²³ Тихонов И.Л. Воспоминания В.Г. Дружинина о А.А. Спицыне. С. 426.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10260. Л. 10.

До начала 1890-х гг. Археологическая комиссия преимущественно занималась раскопками античных или скифских памятников в Северном Причерноморье, только эпизодически уделяя внимание памятникам других регионов, заметное увеличение интереса к которым связано с началом деятельности А.А. Спицына²⁵. По сути дела, он взял на себя обработку всего громадного материала, поступавшего в комиссию со всех концов огромной империи. Диапазон его исследовательских интересов простирался от каменного века до позднего русского Средневековья, при этом особое внимание уделялось памятникам и находкам бронзового и железного веков. Началась его работа в комиссии с разбора и подготовки к изданию коллекций, полученных в результате раскопок 1890–1891 гг. Е.Р. Романовым и В.И. Сизовым раннесредневекового могильника близ г. Люцин Витебской губернии (ныне — территория Латвии). Сам Спицын позднее вспоминал: «По приезде в Петербург я должен был немедля сесть за издание громоздкого Люцинского могильника, заполнявшего всю Археологическую комиссию»²⁶. В то время это было обычной практикой Археологической комиссии, когда ее сотрудники занимались разбором, научным описанием и изданием материалов, полученных в результате раскопок иных лиц. Иногда она приводила к недоразумениям и конфликтам с авторами исследований, у которых приходилось запрашивать дополнительную информацию. Так Спицын вынужден был составить 19 уточняющих вопросов относительно размеров могил, расположения вещей в погребении и на костяке, и т. д.²⁷ Произошла у него и «размолвка» с раскопщиком Люцинского могильника — известным знатоком витебской старины, инспектором народных училищ Е.Р. Романовым, который, обращаясь к председателю Археологической комиссии графу А.А. Бобринскому, жаловался на «непочтительное» отношение к нему Спицына и «искажения» полевых дневников²⁸. Более удачно сложились отношения с другим автором раскопок — хранителем Исторического музея в Москве В.И. Сизовым, которого Спицын благодарил в начале 1893 г.: «за предоставление в распоряжение Археологической Комиссии результатов ваших раскопок на Комаровой горе, которыми я не премину воспользоваться для приготавливаемого мною издания Люцинского могильника. Я очень был бы рад, если бы Вы подвинулись выполнить некоторую дополнительную работу для этого издания, именно дневник вашей раскопки, с обозначением глубины погребений, направления костяка, положения конечностей, положение вещей и проч. Вещи можно было бы не описываясь, ограничиваясь ссылкой на XV таблиц Люцинского могильника, которые Комиссией изданы и могут быть высланы Вам, и добавляя рисунки тех предметов, которых не оказалось на таблицах. Решаюсь предположить, что составление такого дневника не очень затруднит Вас, а для издания Комиссии он был бы весьма желателен. Присланные Вами рисунки погребений могли бы очень скрасить текст дневника»²⁹.

²⁵ Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Под общей ред. Е.Н. Носова. СПб., 2009. С. 835–836.

²⁶ Спицын А.А. Мои научные работы. С. 337.

²⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1891 г. Д. 65. Л. 164–165.

²⁸ Там же. Ф. 5. Д. 6. Л. 1–2 об.

²⁹ Там же. Ф. 1. 1891 г. Д. 65. Л. 168.

Как сотруднику комиссии, Спицыну пришлось немало заниматься и изданием работ других авторов. Так, уже в мае 1892 г. он сообщал В.Н. Ястребову о том, что «наблюдение за изданием Вашей работы о Лядинском могильнике Комиссией возложено на меня», а в следующих письмах предлагал и название для этого издания, ставшего 10-м выпуском «Материалов по археологии России», издаваемых комиссией³⁰. В том же году Спицын провел раскопки курганов в Дорогобужском уезде Смоленской губернии, предоставив подробный отчет с дневником и планами расположения курганов, а потом потратил выделенные ему 900 рублей на раскопки курганов и городищ в Пензенской и Тамбовской губерниях³¹. Тут же были намечены дальнейшие планы: в письме Археологической комиссии в Совет Петровского общества исследователей Астраханского края сообщалось, что А.А. Спицын намеревается провести исследования в урочище «Шаренный бугор» в поисках хазарской столицы Итиля³² и эти работы действительно были проведены в следующем, 1893 г.

Тогда же вместе с директором Петербургского Археологического института Н.В. Покровским, являвшимся сверхштатным членом Археологической комиссии, А.А. Спицын был назначен депутатом комиссии на Виленский IX Археологический съезд³³. Там он принял активное участие в обсуждении ряда докладов по первобытной и средневековой археологии. На следующем, X Археологическом съезде в Риге Спицын представил доклады «Общее обозрение доисторических древностей прибалтийских областей» и «Обзор работ по доисторической археологии России, проведённых в период между Виленским и Рижским съездами».

В 1894 г. А.А. Спицын выступил с инициативой разработки и издания специальной инструкции по производству раскопок и составлению отчетов, обратившись с официальным представлением к председателю Археологической комиссии: «В практике Императорской Археологической Комиссии ощущается настоятельная необходимость в особом руководстве по части собирания археологических сведений, производства раскопок, приведения коллекций в порядок, составления отчетов о раскопках и наконец — в руководстве для ученой обработки собранного археологического материала. Такое руководство необходимо не только для лиц, производящих изыскания на средства и по поручению Комиссии, но и вообще для упорядочения производства у нас археологических работ, нередко выпадающих на долю недостаточно умелых и даже серьезных дилетантских рук. Но ввиду необыкновенного разнообразия памятников древности в России, подобное руководство может быть составлено лишь при участии по возможности всех наиболее опытных археологов наших.

Так как Императ. Археологическая Комиссия есть единственное учреждение, которое может взять на себя организацию такого предприятия, как выше намечено, то я имею честь представить Комиссии, что проект руководства для производства археологических изысканий мною вчера уже подготовлен, и если Комиссии угодно будет предпринять составление такого руководства, то я мог бы

³⁰ Там же. Ф. 1. 1869 г. Д. 20. Л. 249, 269, 274.

³¹ Там же Ф. 1. 1891 г. Д. 35; 1892 г. Д. 94.

³² Там же. Ф. 1. 1889 г. Д. 7. Л.24

³³ Там же. Ф. 1. 1890 г. Д. 207. Л. 93.

подвергнуть свой проект дальнейшей обработке. В течение наступающей зимы он по частям мог бы поступить на рассмотрение Комиссии, быть разослан различным лицам для замечаний, а ко времени начала раскопок в 1895 г. его можно было бы напечатать и разослать. В случае одобрения настоящего моего представления, я просил бы разрешить мне заказать необходимые рисунки»³⁴. В следующем году эта инструкция была издана комиссией отдельной брошюрой³⁵ и стала новым важным этапом в совершенствовании полевой методики отечественной археологии.

Еще одной инициативой А.А. Спицына стало предложение начать еще одно издание Археологической комиссии под названием «Сборник материалов по археологии России», в которое могли бы включаться отчеты и описания памятников и вещей, не имеющих высокого художественного значения и не попадавших в уже существующие издания «Отчетов» и «Материалов по археологии России». В своем представлении он писал: «В последнее время “Древности Геродотовой Скифии” послужили типом для целой серии археологических монографий, изданных Комиссией под общим титулом “Материалов по археологии России” и заключающих в себе ряд исследований об открытых Комиссией древностях. Несомненно, что этому изданию предстоит прекрасная будущность, несомненно, что он составит одну из основ русской археологической науки, и мы можем лишь пожелать ему дальнейшего процветания. Но — в монографических описаниях появляются лишь важнейшие древности. Все, не представляющие видного художественно-исторического интереса, все, не составляющее значительной коллекции, по-прежнему появляются лишь в кратком описании в “Отчетах” Комиссии. Но это “все” есть то, из чего создается наука русской археологии, это те часто незаметные, отдельные факты, которые нередко дают яркое освещение и смысл непонятному и малоизвестному, которые, ставя новые запросы исследователю, расширяют горизонт археологических наблюдений»³⁶. Однако это предложение поддержки остальных членов комиссии не получило и реализовано не было. Тогда Спицын сосредоточил свои усилия на обработке отдельных коллекций, имеющихся в распоряжении Археологической комиссии, и составлению сводок археологических памятников по губерниям.

К 1896 г. Спицын сумел обработать, систематизировать и издать материалы из раскопок Л.К. Ивановского в Петербургской губернии, составившие 20-й выпуск «Материалов по археологии России». В этой работе принимал участие и В.Г. Дружинин до своего перехода в ноябре того же года на работу в Археологическую комиссию. В том же году началась публикация обзоров древностей по губерниям на страницах изданий Русского археологического общества (РАО). Всего были изданы сведения по 26 губерниям, остальные остались в рукописях³⁷. За годы работы в Археологической комиссии А.А. Спицын разобрал, систематизировал и издал сотни источников по первобытной и славяно-русской археологии, определив их хронологию и культурную принадлежность — «мог издавать столько,

³⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894 г. Д. 161. Л. 1–1 об.

³⁵ Спицын А.А. Производство археологических раскопок. СПб., 1895.

³⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894 г. Д. 199. Л. 1–2.

³⁷ Бич О.И. Архив А.А. Спицына // СА. Т. X. 1948. С. 33–35.

сколько успевал приготовить». Все находки он зарисовывал на отдельных карточках с указанием кратких сведений о них. Помещенные в специальные папки — «корочки», они со временем составили ценнейший архив, которым до сих пор пользуются археологи. Уже в конце своей жизни, в 1927 г., в преддверии семидесятилетнего юбилея, сам Александр Андреевич подробно описал темы своих научных занятий в специальной статье, опубликованной в издаваемом в Праге сборнике «*Seminarium Kondakovianum*»³⁸. Также необходимо заметить, что А.А. Спицын не только внес огромный вклад в систематизацию археологического материала, во многом способствовал становлению археологии в России в качестве самостоятельной научной дисциплины, но и немало потрудился для внесения историзма в археологические исследования, для признания археологии особой исторической дисциплиной, изучающей вещественные источники.

В 1899 г. он публикует свою хрестоматийно знаменитую работу «Расселение древнерусских племен по археологическим данным», в которой, пожалуй, впервые пытается решать на археологическом материале широкомасштабную историческую проблему. Отмечая, что летописный рассказ о расселении восточнославянских племен совершенно лишен исторической перспективы, представляя собой простое перечисление племенных названий по местностям, как это было принято в древнейших географиях и периплах, Спицын ставит задачу проверки его по имеющимся к тому времени результатам раскопок памятников древнерусского времени, прежде всего курганов. Учитывая появившиеся к тому времени филологические исследования А.И. Соболевского и А.А. Шахматова по древнейшей русской летописи, Спицын также предлагает сравнить с ними «археологическую» картину. Выделив и рассмотрев древности, характерные для каждого из перечисленных в летописи племен, коими оказались височные кольца, он приходил к выводу о совпадении показаний летописи с делением археологического материала и намечал перспективу: «Вне сомнения, что дальнейшее расширение исследований соответственных курганов даст вполне точную карту расселения древнерусских племен времени начальной летописи». В основу этого исследования был положен новый тогда для археологии картографический метод, при использовании которого на карту наносились не памятники, а определенные типы вещей. Данная небольшая по объему работа (40 страниц в «Журнале Министерства народного просвещения») вывела славяно-русскую археологию на новый уровень, поскольку после нее появилась возможность выделения предметов и комплексов, характерных для каждого отдельного восточнославянского племени, упоминаемого начальной летописью.

Археологические источники, по мнению А.А. Спицына, позволяли решать целый ряд исторических проблем. Так, он отстаивает идеи о заселении Верхнего Поволжья кривичами с запада, а не с юга, основываясь на отсутствии жальников и семилопастных височных колец³⁹. Рассматривая вопрос об «исконных обитателях Дона и Донца» и констатировав, что надежных письменных сведений об аланах на Дону в IX–X вв. нет, Спицын писал: «но мы не очень нуждаемся в них, располагая вполне

³⁸ Спицын А.А. Мои научные работы. С. 331–342.

³⁹ Спицын А.А. К истории заселения Верхнего Поволжья русскими // Труды Второго областного Тверского АС 1903 года 10–20 августа. Тверь, 1906. С. 1–7.

определенными археологическими, не меньшего значения, чем письменные»⁴⁰. Ссылаясь на материалы Салтовского могильника, Маяцкого городища и других памятников, он приходил к выводу о том, что на Дону с начала нашей эры обитало иранское племя, носившее в разное время название сарматов, алан, роксолан, ясов.

Отрицая теорию массового переселения приднепровской Руси на север и, соответственно, южнорусского происхождения великороссов, Спицын привлекал данные археологии, отрицая и многонаселенность Приднепровья в X–XI вв., и движение этого населения в XII в. на север. По его мнению, движение это было на юго-запад, в Галич, что подтверждалось и большим сходством курганных древностей Киевщины с волынскими и галицкими. Последний тезис, в сущности, был развитием взглядов его учителя К.Н. Бестужева-Рюмина.

В течение длительного времени Спицын собирал данные для издания монументальной энциклопедии «Словарь русской старины», которая должна была стать универсальным справочником по отечественной материальной культуре с древнейших времен до петровской эпохи. Им была создана картотека более чем в сто тысяч карточек по этой теме. К сожалению, закончить эту работу, которую он сам расценивал как главное дело своей жизни, так и не удалось.

В летние месяцы А.А. Спицын проводил и полевые исследования. Даже свадебное путешествие было совмещено с научной экспедицией по Уральской, Пермской и другим восточным губерниям Европейской России. Об этом сообщалось Платонову: «Вообще же поездка эта была интересна в научном отношении, так как мне удалось разобраться в ряде местных древностей. Следующая поездка, в Яранский уезд, обманула мои ожидания: могильника искомого (и важного) не оказалось. Зато на Каме я пожал лавры: нашел могильник Ананьинского типа, где обнаружил свыше 200 погребений. Это превосходная находка, и ею вполне обеспечен успех моих нынешних работ. Теперь мы сидим в Бирске, где мне не оказалось дела. Остается раскопать на Белой одно интересующее меня городище, а затем ехать в Пермь. Там с неделю я пробуду у Теплоухова, да вероятно поеду на могильник, тоже важный»⁴¹

Еще в 1890 г. А.А. Спицыну (тогда еще учителю Вятской женской гимназии) было ассигновано Археологической комиссией 400 рублей на исследования в Вятской губернии, но в дальнейшем он, не злоупотребляя положением члена Археологической комиссии, чаще получал по 100 рублей в год на свои раскопки⁴². Очень активным полевым исследователем Спицын не был, но, тем не менее, достаточно регулярно выезжал в поле. Например, в 1895 г. раскапывал курганы в окрестностях Ярославля и Саратовской губернии; в 1897 г. обследовал большую курганный насыпь, известную под названием «Червоная могила», близ с. Казачья Лопань Харьковской губернии; в 1898 г. исследовал оборонительную систему городища близ г. Юрьевца⁴³.

Хорошо понимая необходимость организации систематических раскопок, Спицын в 1904 г. подал рапорт председателю комиссии, в котором писал: «Только те

⁴⁰ Спицын А.А. Историко-археологические разыскания // ЖМНП. 1909. январь. С. 72.

⁴¹ ОР РНБ. Ф. 585. Ед. 4274. Л. 17–18 об.

⁴² РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1888 г. Д. 71. Л. 58, 115.

⁴³ Там же. Ф. 1. 1895 г. Д. 79. Л. 63–64; 1897 г. Д. 37. Л. 5; 1897 г. Д. 209. Л. 17–23.

хронологические определения памятников древности надежны, которые основаны на изучении их во всем их разнообразии и объеме. Лишь те этнологические определения древностей могут иметь действительную важность, которые истекают из изучения памятников древности всех основных народностей, обитавших в данной стране». Суть его предложений заключалась в том, что раскопки следует проводить с четко определенной научной целью, а не в поисках «богатых древностей»: «Для изысканий могли бы быть взяты самые разнообразные темы, напр. следующие: Исследовать киммерийский курган, отмеченный у Геродота. Определить в Черноморье местоположение древнейших греческих городов и поселений римского времени. Определить самые ранние и самые поздние скифо-сарматские древности. Найти ранние могильники (I–VII в.) в области Днепра. Открыть местоположение хазарских городов и определить характер хазарских древностей. Определить устройство майданов. Определить древности кочевых тюрок. Найти русские погребения до X в.»⁴⁴.

В 1912 г. Спицын представлял Археологическую комиссию на Международном Археологическом конгрессе, проходившем в Стокгольме. Просимая им сумма в 250 рублей на поездку была увеличена до 300 вследствие ходатайства председателя АК министру императорского двора⁴⁵.

А.А. Спицыну приходилось заниматься и большой административно-канцелярской работой в Археологической комиссии. Многие деловые документы, письма, отношения, хранящиеся в фонде 1 РО НА ИИМК РАН, написаны его рукой. Может быть, в связи с этим в современной историографической литературе иногда встречаются утверждения, что председатель комиссии граф А.А.Бобринской держал Спицына «в черном теле» и он был для него «чем-то вроде второго сорта»⁴⁶. Однако можно заметить, что сам Спицын подчеркивал, что пользовался полной свободой действий в Археологической комиссии, занимался тем и публиковал то, что сам хотел⁴⁷. За годы своей службы под началом Бобринского он регулярно получал новые чины и награды: еще в мае 1895 г. был произведен в статские советники, был награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степени, Св. Анны 3-й и 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени. В декабре 1915 г. Бобринской подавал рапорт министру двора, в котором просил в обход существующих правил производства в новые чины (Спицын занимал должность VI класса и не прослужил 35 лет): «не признаете ли Вы возможным обратить особое благосклонное внимание на этого труженика и в награду за его неустанную работу на пользу Археологической Комиссии исходатайствовать ему, в виде исключения, чин Действительного Статского Советника»⁴⁸. В итоге 10 апреля 1916 г. Спицын получил этот чин, дающий право на потомственное дворянство. Также он участвовал во всех мероприятиях, определяемых придворным статусом комиссии, в частности, в представлении новых находок лично императору. Однажды, возвратившись с такого

⁴⁴ Там же. Ф. 1. 1904 г. Д. 59. Л. 1–2.

⁴⁵ Там же. Ф. 1. 1912 г. Д. 83. Л. 1–3.

⁴⁶ *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. М., 2004. С. 29; *Бердинских В.А.* Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003. С. 421.

⁴⁷ *Спицын А.А.* Мои научные работы. С. 332.

⁴⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1891 г. Д. 199. Л. 60.

представления, Спицын рассказывал домочадцам, что даже спорил с императором Николаем II по поводу некоторых вещей и перемигивался с великими князьями⁴⁹.

Между тем не все коллеги столь высоко оценивали научную деятельность А.А. Спицына. Так, например, помощник председателя РАО, известный нумизмат и общественный деятель, граф И.И. Толстой оставил следующие записи в своем дневнике: «Спицын докладывал о китайском влиянии на татаро-монгольские и русские произведения вплоть до XIV–XV вв. Менее научного и более слабо обоснованного фактически доклада мне редко приходилось слышать в жизни! Голословность и отсутствие умения обращаться с научными методами исследования сделали то, что интересный сам по себе вопрос не был продвинут ни на йоту к разрешению. Бедный Спицын — несомненно замечательно туп и не ему заниматься наукой!... Докладчиком был Спицын, причем его изложение было образцом ненаучного отношения к предмету (древности Галиции). Трудно себе представить большего нагромождения фантастических выводов и субъективных решений самых разнообразных вопросов археологии... После завтрака я ездил в Археологическую комиссию, а затем к Кондакову. В Комиссии мне показали поразительные находки нынешнего года. Члены, к сожалению, ничего в них не понимают (говорю о Николае Веселовском и Спицыне, которых застал в Комиссии), и они с открытыми ртами слушали мои объяснения (например, о серебряном блюде...)»⁵⁰. Такие резкие отзывы, видимо, можно объяснить, во-первых, тем обстоятельством, что бывшие сотрудники Археологической комиссии граф И.И. Толстой и Н.П. Кондаков продолжали оставаться в жесткой оппозиции председателю Археологической комиссии, а по существу, и всему возглавляемому им учреждению. Во-вторых, для нумизмата и знатока древнего искусства Толстого деятельность Спицына по систематизации «кремешков, стрелочек, горшочков, пряжечек» и уж тем более данных о размерах могил и положении костяков (т. е. всего того, что составляет основу работы современного археолога) была чужда и не понятна, почему он и мог относиться к ней с немалым скепсисом. Сам А.А. Спицын писал о двух школах в русской археологии — «старой и новой», первая из которых интересуется древностями, имеющими «следы творчества и искусства» и они интересны сами по себе. Яркими адептами этой школы как раз и были Н.П. Кондаков и И.И. Толстой. Вторая школа, к которой Спицын относил и себя, провозглашала, что «добытый материал прежде всего ведет к характеристике народа, его оставившего. Что бы иметь точную хронологию и картину быта, нужно обращать точнейшее внимание на обряд погребения и обстоятельства находки. Важны все без исключения находки...»⁵¹. Подобные взгляды закладывали основы современной археологии, как исторической науки, изучающей прошлое по вещественным источникам.

Немаловажную роль А.А. Спицын играл и в деятельности РАО, членом-сотрудником которого являлся с мая 1891 г. Особенно эта роль возросла после избрания в апреле 1894 г. С.Ф. Платонова председателем Отделения русской и славянской

⁴⁹ Тихонов И.Л. «Интерес к археологии появился у меня в университете». А.А. Спицын. С. 107.

⁵⁰ Толстой И.И. Дневник 1906–1916. СПб., 1997. С. 259, 261, 588.

⁵¹ Цит. по: Платонова Н.И. А.А. Спицын о предмете, задачах и методах археологии // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова. СПб., 2004. С. 137.

археологии, поскольку тот сам археологией не занимался, за исключением нескольких эпизодов, опять-таки инспирированных Спицыным, например, обследования кургана и «майдана» в 1909 г. у с. Валуйки Воронежской губ.

Пользуясь своими дружескими отношениями с Платоновым, Спицын по существу во многом определял тематику докладов на заседаниях отделения, рекомендуя включать в повестку нужные темы и авторов. В их переписке этого времени постоянно звучат подобные мотивы: «Котов просит отложить его реферат на 2-ой срок, нельзя ли двинуть вперед кн. Путятину?... Котову я сейчас напишу, что реферат отложен до 12 мая. Бобринской согласен читать позже 12-го и неудобно просить его сделать это раньше. Посему остается предложить Вам реферат А.А. Спицына “Курганы радимичей”... Реферат гр. Бобринского не представить ли общему собранию... Остается одно — взять Вам реферат на себя. У меня для Вас есть прекрасная тема... Я составил вчера записку о дальнейших раскопках... Другое интересное дело: не устроить ли нам в Обществе обсуждение Тмутараканского камня, с привлечением филологов? Я мог бы подготовить историю камня, Вы и Шляпкин изложили бы свои сомнения. Вот уже трое... Отчет Тихомирова получен 27 ноября и с той поры лежит у меня, для доклада в Обществе и для издания в ближайшей книжке... В субботу в Обществе обсуждается смета. Не найдете ли вы возможным и удобным похлопотать, чтоб Отделению ныне дали на раскопки 300 р.?»⁵²

Значительное место в заседаниях Отделения русской и славянской археологии занимали и доклады самого Александра Андреевича, а их было 62 за период 1897–1918 гг. В еще большей степени с активностью Спицына связаны успехи издательской деятельности Отделения. Помимо большой работы по изготовлению рисунков, таблиц, сверке корректур, некоторые выпуски «Записок Отделения русской и славянской археологии» полностью состояли из его статей и заметок. Нередко Спицын выступал в качестве рекомендателя при приеме новых членов общества, например, А.А. Миллера в 1908 г. Очень деятельно он участвовал в работе по подготовке и проведению областных археологических съездов, организовывая раскопки и публикации к съездам. Им была написана записка об организации областных съездов⁵³.

С именем А.А. Спицына связана и интенсификация в 1899 г. полевых исследований РАО по изучению древнерусских курганов, причем по заранее составленной программе⁵⁴. В ней предлагалось, отказавшись от бессистемных раскопок, сосредоточить усилия для дальнейшего выявления типов погребальных сооружений и вещей, характерных для отдельных восточнославянских племен, и установления их хронологии методом полного изучения памятников на четко локализованной территории. Начать раскопки предлагалось уже в текущем году. Действуя через таких авторитетных членов РАО, как Н.И. Веселовский и С.Ф. Платонов, Спицын

⁵² ОР РНБ. Ф. 585. Ед. 4275. Л. 2, 8, 29.

⁵³ Тихонов И.Л. А.А. Спицын об Областных археологических съездах // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова / Отв. ред. А.Е. Мусин, Н.В. Хвоцинская. СПб., 2010. С. 492–501.

⁵⁴ Протоколы общих собраний Императорского русского археологического общества за 1899–1908 гг. Пг., 1915. С. 8–11.

сумел добиться одобрения и финансирования этого плана. Первыми его исполнителями стали Н.К. Рерих, В.Н. Глазов, Н.И. Репников. Осуществление научно-исследовательской программы изучения древнерусских курганов продолжалось и в последующие годы. В конце 1903 — начале 1904 г. Спицын писал управляющему Отделением русской и славянской археологии С.Ф. Платонову: «Мне хотелось бы послать двух исследователей на верховья Днепра и на среднее течение Оки, для определения влияния этих местностей на курганные древности Суздальщины. Это вопрос о происхождении великорусов... Не откажите в программе ближайшего заседания ввести еще сюжет: Обсуждение проекта раскопок летом 1904 г.»⁵⁵.

Чрезвычайно много было сделано А.А. Спицыным для упорядочивания и пополнения музея РАО, который размещался с 1894 г. вместе с обществом в дворовом флигеле дома Государственной канцелярии по адресу Литейный пр., д. 44. В 1896 г. Общество поручило Спицыну произвести отбор вещей для музея из коллекций Л.К. Ивановского, поступивших в Археологическую комиссию⁵⁶. В общем собрании РАО в феврале 1907 г. Спицын был избран действительным членом общества, а 30 марта этого же года — хранителем его музея. С.А. Жебелев в своей «Истории Русского Археологического общества за 1897–1921 гг.» особо отмечал, что с этого времени заметно увеличились поступления в музей, который, благодаря Спицыну, был подвергнут полному переустройству, улучшившему и систематизировавшему его коллекции: «Энергично принялся он за дело по приведению музея в соответствующий вид. Уже в заседании Совета 22 сентября 1907 г. изложил он о желательности изъятия из музея некоторых ненужных предметов, старой мебели, о передаче из музея коллекций, не имеющих прямого отношения к преследуемым Обществом задачам, в другие музеи, где эти коллекции были бы более у места (в частности, о передаче коллекций черепов в Академию наук, коллекции окаменелостей и гипсовых слепков с древних памятников в университет. В Общем собрании 14 декабря 1907 г. А.А. Спицын уже докладывал о поступивших в музей Общества пожертвованиях от П.А. Путятина, В.А. Сильницкого и Н.И. Репникова. В течение 1907 г. музей подвергся полному переустройству. Все имеющиеся в нем коллекции и отдельные вещи были, при содействии многих членов Общества и посторонних лиц, приведены в известность и размещены группами по номерам, народностям и областям (в зависимости от наличного материала и степени современных археологических знаний). Был составлен и напечатан «Краткий каталог музея». Разбор музея обнаружил в нем присутствие таких коллекций, о которых нельзя было и предполагать (особенно ценным оказалось отличное собрание древних сосудов из Польши). В течение 1907 г. в музее работало над изучением его коллекций более 10 лиц. В 1908 г. А.А. Спицын продолжал приведение в порядок музея: каждой отдельной коллекции даны были постоянные места, вещи нашивались на планшеты, приступлено было к составлению подробного инвентаря, изготовлены были по специальному заказу два

⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Ед. 4275. Л. 29; Ед. 4276. Л. 2

⁵⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1890 г. Д. 89. Л. 9.

поместительных шкафа»⁵⁷. В 1908 г. А.А. Спицын подготовил и выпустил в свет новый каталог музея⁵⁸, описывавший не отдельные вещи, а коллекции по принципу их культурно-хронологической и этнической принадлежности.

В 1909 г. началась преподавательская деятельность А.А. Спицына в Санкт-Петербургском университете, с которым он поддерживал контакты и ранее. Например, в 1907 г. по приглашению студенческого географического кружка он прочитал доклад «Археология к вопросу о начале Руси»⁵⁹. Непосредственным инициатором приглашения Спицына в университет был С.Ф. Платонов, возглавлявший кафедру русской истории. В собрании историко-филологического факультета 24 января 1909 г. он представил весьма лестный отзыв о научных трудах А.А. Спицына, и вскоре тот прочитал пробную лекцию о восточных путях торговли норманнов. С.А. Жебелев вспоминал, что Спицын был назначен приват-доцентом кафедры русской истории без сдачи магистерских экзаменов и подобное исключение из общепринятых правил было сделано только для него, принимая во внимание его научные труды и заслуги⁶⁰.

Свои занятия со студентами А.А. Спицын начал с того, что познакомил их с археологическими собраниями Эрмитажа, РАО и АК, Этнографического музея АН и др. Первыми прочитанными курсами были «Введение в археологию» и «Общий курс русской археологии». В первом давалось определение археологии как науки, изучающей вещественные памятники древности, ее задачи, соотношение с другими науками. Во втором, помимо вводной части, рассматривались методы полевых и кабинетных исследований, основные типы археологических памятников и способы их изучения, определения хронологической и культурной принадлежности. В 1910–1911 учебных годах Спицын продолжил читать «Введение в археологию» и вел курсы «Древнейшие культуры в русских древностях» и «Общее обозрение русских древностей по культурам», лекции читались один раз в неделю и сопровождалась практическими занятиями. О характере и манере преподавания А.А. Спицына писал один из его учеников: «Лекции А.А. читал чрезвычайно просто, без всяких ораторских приемов, но с глубоким и искренним увлечением. Это были скорее товарищеские беседы, в которых он знакомил нас не только со своим богатым материалом, но и с ходом мысли. Он приносил нам свою картотеку, показывал как ведет работу, одним словом, вводил нас в свою научную лабораторию»⁶¹.

В январе 1910 г. в виде отделения Исторического семинария на факультете был учрежден Археологический кабинет, где и стали проходить занятия. Библиотека кабинета составила из книг, пожертвованных АК, Археологическим институтом, обществами, самим Спицыным и другими археологами, 259 томов переданы

⁵⁷ Жебелев С.А. Русское археологическое общество за треть четверть века своего существования. 1897–1921. М., 2017. С. 39–40.

⁵⁸ Спицын А.А. Краткий каталог музея Императорского Русского археологического общества. СПб., 1908.

⁵⁹ Спицын А.А. Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 1–12.

⁶⁰ Жебелев С.А. Археолог — энтузиаст (Памяти А.А. Спицына) // СА. Т. X. 1948. С. 10.

⁶¹ Саханев В.В. Александр Андреевич Спицын (К семидесятилетию со дня рождения) // Seminarium Kondakovianum. Т. II. Praha, 1928. С. 345.

Слушатели первого курса А.А. Спицына по русской археологии. 1909/1910 уч. г.
 Слева направо сидят: П.Н. Черменский, В.В. Саханев, Н.Ф. Лавров, А.А. Спицын,
 П.Г. Любомиров, А.В. Тищенко, С.Н. Чернов, Б.В. Александров; стоят: С.А. Дубинский,
 К.В. Щероцкий, П.А. Балицкий, В.А. Острогский, Николаев, П.А. Садиков, С.Н. Валк,
 С.И. Покровский, Б.А. Романов

университетской библиотекой. По одному из таких поводов 16 января 1910 г. Спицын радостно восклицал в письме к Платонову: «Сегодня у меня праздник... Узнал, что Московское Археологическое общество дает мне для университета все свои издания, без исключения»⁶². Археологические коллекции кабинета также составлялись из пожертвований вышеназванных учреждений, обществ и частных лиц. В 1912 г. А.А. Спицын добился выделения для Археологического кабинета ставки штатного библиотекаря — хранителя кабинета, отмечая необходимость обработки быстро пополняющихся коллекций, в первую очередь за счет поступлений из Археологической комиссии, которым он всячески способствовал, являясь ее членом. В дальнейшем кабинет пополнялся материалами из раскопок, проводимых студентами под руководством А.А. Спицына, и к 1913 г. там насчитывалось 1208 томов книг и 1763 археологических предмета.

Археология в преподавании А.А. Спицына тесно переплеталась с русской историей, воспринималась как ее составная, неразрывная часть. Помимо собственно археологических курсов, Спицын вел занятия по палеографии; в его семинаре обсуждались проблемы русского летописания, история актов боярского земле-

⁶² ОР РНБ. Ф. 585. Ед. 4276. Л. 26.

А.А. Спицын со студентами на раскопках курганов
в д. Малый Удрай. 1910 г.

владения в Новгороде и новгородских ушкуйников, история солепромышленности и т. д. Поэтому не удивительно, что многие из известных впоследствии историков, среди которых были П.Г. Любомиров, С.Н. Чернов, П.Н. Черменский, С.Н. Валк, Б.А. Романов, Н.Ф. Лавров и др., пройдя основную школу у С.Ф. Платонова или А.С. Лаппо-Данилевского, с большой благодарностью вспоминали А.А. Спицына и числили его среди своих учителей. Одним из ведущих археологов, организатором крупномасштабных исследований в Белоруссии в 1920-е гг. стал С.А. Дубинский.

Важной частью деятельности Археологического кабинета были учебные раскопки, проводимые на высоком для своего времени методическом уровне. Первые работы такого рода состоялись в мае 1910 г. в Лужском уезде С.-Петербургской губернии у деревень Малый Удрай и Замошье. Место раскопок было выбрано, по-видимому, при участии А.В. Тищенко, который с детства летом отдыхал в тех местах и хорошо знал многочисленные окрестные курганные группы. Было исследовано 13 небольших круглых насыпей, длинный курган с остатками кремации, городище железного века и интересное четырехугольное сооружение с мощными каменными обкладками, на котором был вырыт пробный шурф, не давший никаких находок. Раскопки проводились следующим образом: каждый студент раскапывал по кургану под общим наблюдением Спицына, насыпи удалялись полностью

до материка с оставлением крестообразных бровок и прокапыванием материка для фиксации ровика. По окончании работ все студенты писали отчеты о «своих» курганах, и на их основании А.А. Спицын составил и опубликовал в изданиях АК общий отчет⁶³.

В том же 1910 и последующем 1911 г. студентами, отчасти под руководством А.А. Спицына и самостоятельно, было проведено археологическое изучение древнерусских памятников на Северо-Западе, что явилось реализацией части выше упоминаемой программы исследования «собственно русских курганных древностей». Привлечение студентов к осуществлению этой программы позволило А.А. Спицыну не только дать им хорошую школу по части полевой методики археологических раскопок, но и получить в сжатые сроки объемный материал относительно древнерусских памятников в различных районах Северо-запада, а затем сконцентрировать его в одном месте — Археологическом кабинете университета и АК. Следует заметить, что этим исследованиям изначально была чужда какая-либо «погоня за вещами», еще довольно характерная для русской археологии того времени. Объектами работ выбирались «невзрачные», зачастую безынвентарные, рядовые погребения VIII–XIII вв. и городища железного века, изучение которых только начиналось в это время⁶⁴.

Полевые исследования Археологического кабинета под общим руководством А.А. Спицына не ограничивались только древнерусскими памятниками. С 1910 г. студенты П.А. Балицкий и К.В. Щероцкий, сначала вместе с А.А. Спицыным, а затем самостоятельно проводили раскопки многослойного Немировского городища в Подольской губ. В 1911 г. В.В. Саханев исследовал открытые им городище и могильник вблизи Геленджика на Северном Кавказе, а в 1914 г. — сарматские курганы в Причерноморье, он же помогал М.И. Ростовцеву раскапывать Мордвиновский курган. В.А. Острогский вместе со шведским археологом Г. Гальштремом и самостоятельно произвел разведки и небольшие раскопки неолитических стоянок на побережье Белого моря. Н.Н. Бортвин изучал курганы и городище на реке Иртыш, близ устья реки Ишим. Полученная в ходе этих работ типологическая классификация керамики, созданная Н.Н. Бортвиным под руководством А.А. Спицына, считается первой систематизацией подобного рода для данного региона.

С 1916 г. А.А. Спицын стал читать лекции по исторической географии в Петроградском Археологическом институте, заменив умершего С.М. Середонина. В 1917 г. было опубликовано его учебное пособие по этому курсу, в котором данная дисциплина определялась как отдел истории, занимающийся изучением топографической стороны событий и явлений (определение границ государства и его областей, населенных мест, путей сообщения и пр.).

Личная жизнь ученого сложилась вполне счастливо. В 1898 г. он женился на своей бывшей ученице по Вятской гимназии, дочери статского советника Елене Александровне Пьянковой. В Петербурге в 1899 г. они поселились на излюбленной еще со студенческих лет Петроградской стороне, на четвертом этаже большого дома по Провиантской улице (д. 8, кв. 14). Спицын сообщал, что «квартира тепла,

⁶³ Спицын А.А. Раскопки 1910 г. в Лужском уезде Петроградской губернии // ИИАК. 1914. Вып. 53. С. 81–94.

⁶⁴ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. СПб., 2003. С. 72–84.

Семья Спицыных: сын Михаил, Е.А. Спицына, дочь Ольга, дочь Надежда, А.А. Спицын, дочь Мария. 28 декабря 1911 г.

суха и дешева (50 рублей с дровами)». Небольшая четырехкомнатная квартира была вся заставлена полками и шкафами с книгами и «корочками», причем все домочадцы знали, что самое ценное — архив и в случае пожара следовало спасать в первую очередь именно его. Своего кабинета у ученого не было, он работал поздними вечерами до 3 часов ночи за обеденным столом в столовой, причем практически все время, остававшееся от служебных обязанностей в Археологической комиссии, Университете, Русском Археологическом обществе, Спицын уделял своим научным занятиям, а немногочисленные свободные часы посвящал своим близким. В счастливой семье родились три дочери⁶⁵ и сын. Александр Андреевич очень любил жену и детей, часто брал их с собой на раскопки, где учил малышей раскапывать по всем правилам полевой методики игрушечный курган из песка, под которым была зарыта конфета. Частыми гостями в доме были жившие неподалеку С.Ф. Платонов с семьей. Много десятилетий спустя Н.А. Спицына вспоминала, как выдающийся историк учил ее запоминать цвета на русском национальном флаге через слово «бо — ся — ком» (белый, синий, красный).

⁶⁵ С младшей из дочерей — Надеждой Александровной Спицыной автору этой статьи довелось общаться в конце 1980-х гг.

С 1903 г. до начала Первой мировой войны семья Спицыных каждое лето снимала дачу в известном курортном местечке Везо (ныне Вызу в Северо-Восточной Эстонии), расположенном на берегу Финского залива и имеющем великолепный пляж. Через уездный город Везенберг (ныне Раквере) проходила железная дорога, и было удобно добираться из Петербурга. Многие петербуржцы перебирались туда на лето, и соседями Спицыных по даче были семья В.П. Вологодина — будущего члена-корреспондента АН СССР, создателя Института токов высокой частоты. Сын Спицына — Михаил стал впоследствии его учеником, инженером-физиком. Старшая дочь Ольга стала искусствоведом, работала в Русском музее, в 1948 г. защитила кандидатскую диссертацию о русском художнике второй половины XIX в. П.П. Соколове⁶⁶. Средняя дочь Мария (в замужестве Мезенцева) работала инженером-технологом в текстильной промышленности. Младшая дочь Надежда стала преподавателем русского языка и литературы и автором пособий по литературе для средней школы, в которых анализировалось творчество А.С. Грибоедова.

После революции проблемы уезжать или оставаться для А.А. Спицына не существовало, без России он не мог и помыслить себя. Летом 1918 г. уже немолодой ученый вместе со студентами провел небольшие археологические разведки в Новгородской губернии, выявив ряд неолитических памятников, и затем продолжил читать курс по доисторической археологии в университете. 2 ноября 1918 г. А.А. Спицыну декретом Совета народных комиссаров было присвоено звание профессора Петроградского университета. В голодном Петрограде 1919–1920 гг. продолжались занятия по археологии, которые А.А. Спицын вел в Археологическом кабинете университета или в Археологическом институте, а чаще на своей квартире. Они охватывали широкий круг тем от неолита до норманнской теории. Особое внимание А.А. Спицын уделял вопросам методики археологических разведок и раскопок, подчеркивая, что «археология начинается с огромной массы земли». В.И. Равдоникас, ставший в это время студентом университета и учеником Александра Андреевича, писал по этому поводу, что он «здорово раскритиковал мои раскопки в Мележе, считая описания и рисунки недостаточными, много фантазий, необходимы дополнительные исследования...»⁶⁷. В сентябре 1920 г. В.И. Равдоникас пригласил А.А. Спицына в Тихвин, чтобы тот на месте мог познакомиться с его работами и коллекциями, но болезнь тогда помешала Спицыну совершить эту поездку, которая состоялась только в сентябре 1922 г. О том, в каких условиях приходилось работать в те годы Спицыну, говорит отрывок из его письма: «Все мы в семье благополучны. Здоровы, заняты своими делами. Есть главное — хлеб, холод переносим, дома 6–8°»⁶⁸.

В 1988 г. младшая дочь ученого — Н.А. Спицына рассказывала мне, что в их небольшой квартире на Провиантской улице часто бывали на протяжении 1920-х гг. многие ученики и коллеги Александра Андреевича. Среди постоянных посетителей были: семья Платоновых, Н.И. Репников, П.Н. Третьяков и В.И. Равдоникас, на которого Спицын возлагал большие надежды, но постоянно ругал за неумеренный образ жизни. По воспоминаниям Надежды Александровны они часто запира-

⁶⁶ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12–2. Д. 2449.

⁶⁷ ПФА РАН. Ф. 1049. Оп. 2. Д. 28. Л. 2.

⁶⁸ Там же. Оп 3. Д. 167. Л. 3.

лись в одной из комнат, и это называлось «папа воспитывает Равдоникаса». Бывали в доме и гости-археологи из-за границы: из Швеции Т. Арне, из Финляндии М. Тальгрэн. Когда в доме было холодно, профессор встречал их в дырявых валенках и старом пальто с ободранным воротником. На просьбы домашних не позориться неизменно отвечал: «Они ко мне едут, а не к пальто моему».

В 1922 г. А.А. Спицын подготовил курс «Русские древности» или «Археология России», предназначенный для публикации в качестве пособия слушателям Археологического института, несколько переработанный в 1924 г. Этот курс, начинающийся с определения археологии и ее задач, охватывал значительный материал в основном на территории России, начиная с эпохи палеолита и до позднего Средневековья. Изложение материала давалось по общепринятой периодизации (палеолит, неолит, медный век, бронзовый век, железный век) с описанием отдельных культур и памятников. При описании палеолита использовалась модернизированная схема Г. Мортилье, рассматривались формы каменных орудий, техника их обработки, терминология для их описания, известные палеолитические стоянки в России. Неолитические памятники характеризовались по районам. Все темы сопровождалась обширной библиографией. В то же время А.А. Спицын работал и над другим университетским курсом — «Введение в археологию». Этот курс лекций был посвящен общим вопросам археологии, ее источникам и методологии, сопредельным наукам.

В 1926/27 учебном году А.А. Спицын прочитал три курса: «Прибалтийские древности», «Славянские древности», «Русский город XVII века», причем «целью занятий было постепенное вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу. В каждой из трех дисциплин взяты были наиболее важные темы, и в каждой из них разрабатывались наиболее значительные или спорные вопросы». В декабре 1927 г. Президиумом факультета языка и материальной культуры были утверждены темы квалификационных работ аспирантов (научные степени и диссертации были восстановлены только в 1935 г.): «Орнамент керамики Трипольской культуры» для Т.Д. Пассек и «Курганные погребения катакомбного типа» для Б.А. Латынина. Научными руководителями аспирантов утвердили А.А. Спицына и И.И. Мещанинова.

Учившийся во второй половине 1920-х гг. на Археологическом отделении ЛГУ будущий академик Б.Б. Пиотровский писал в своих воспоминаниях: «Я любил посещать также занятия замечательного археолога А.А. Спицына, небольшого ростом старичка с бородой, несколько суматошного, со сползающими всегда во время занятий очками. Это был изумительный знаток археологического материала, который следил за всеми раскопками и во время доклада и бесед зарисовывал, к сожалению, далеко не профессионально предметы... А.А. Спицын уклонялся от дискуссий, и когда он делал доклады студентам, то просил не открывать прений»⁶⁹. В этих строках очень точно отразилось отношение тогдашних студентов, ценивших и уважавших Спицына как блестящего знатока материала, но в целом представлявшего им чем-то «старорежимным и архаичным» и, конечно, далеко не «властителем дум» марксистски настроенной молодежи. В ноябре 1927 г. последовало распоряжение Главпрофобра о переводе Спицына из профессоров на должность

⁶⁹ Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб.: Наука, 1995. С. 45–46.

доцента, что было, естественно, несправедливо по отношению к крупному ученому, 18 лет преподававшему в университете, к тому же незадолго до этого избранному в члены-корреспонденты АН СССР. Не исключено, что это избрание и могло послужить поводом к дискриминации со стороны советских органов управления образованием и наукой, для которых Спицын представлял собой ученого «старой буржуазной школы». В итоге он был вынужден покинуть Ленинградский университет, и в январе 1928 г. Правление университета ходатайствовало о назначении ему академической пенсии в размере полного оклада профессора⁷⁰.

Основным местом работы А.А. Спицына на протяжении 1920-х гг. оставалась Российская академия истории материальной культуры (РАИМК, с 1926 г. ГАИМК), преобразованная из Российской государственной археологической комиссии (РГАК). Нелишним будет упомянуть, что в марте 1918 г. после смерти Н.И. Веселовского Спицын был избран старшим членом комиссии по предложению А.А. Бобринского, и именно на него председатель возложил свои обязанности, покидая Петроград в июле 1918 г.⁷¹ Однако ни большим организаторскими способностями, ни умением налаживать диалог с новой властью Спицын не обладал, к тому же в конце лета и начале осени 1918 г. его вообще не было в Петрограде. Избранный из состава РГАК в члены новой Академии 15 июля 1919 г., он не принял участия в работе Избирательного собрания РАИМК и оказался моментально отеснен на второй план группой более инициативных сотрудников во главе с Н.Я. Марром. Прямых свидетельств об отношении нового руководителя к А.А. Спицыну нет, но, скорее всего, Марр вряд ли считал Спицына крупной фигурой, слишком разными были их взгляды на задачи и методы археологических исследований. К тому же Спицын был единственным, кто открыто поддержал декларативное заявление Н.Я. Марра в конце августа 1919 г. об оставлении поста председателя РАИМК⁷².

В РАИМК А.А. Спицын стал заведующим разрядом славяно-русских, финских и литовских древностей, который в реальности из крупных проектов занимался лишь составлением «Словаря русской старины». Весьма показателен тот факт, что в 1920-е гг. в изданиях Академии не было опубликовано ни одной его работы. Зато очень активное участие Спицын принимал в развитии системы краеведения в СССР, он являлся членом Центрального бюро краеведения, представляя в нем РАИМК/ГАИМК. Обе организации размещались в Мраморном дворце, что облегчало такое сотрудничество. Им был создан «Справочник краеведа», он постоянно консультировал обращающихся к нему краеведов по части археологии, много публиковался в различных местных изданиях и журнале «Краеведение». В эти годы были подготовлены и напечатаны обзоры бежецких, вологодских, ржевских, иваново-вознесенских, пензенских и других древностей. Изучая археологические коллекции целого ряда региональных музеев в Перми, Костроме, Ярославле, Пскове, Минске, Чернигове, Полтаве, Екатеринославле, Херсоне, А.А. Спицын много потрудился над их научным описанием и систематизацией⁷³.

⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10260. Л. 29.

⁷¹ РО НА ИИМК. Ф. 1. 1918 г. Д. 1. Л. 1; 1886 г. Д. 8. Л. 164–165.

⁷² Платонова Н.И., Кирпичников А.Н. Сектор / Отдел славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН: исследования и исследователи // ЗИИМК. № 5. СПб., 2010. С. 15.

⁷³ НА ИИМК РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 627. Л. 10.

В январе 1926 г. Спицын принял участие в первом съезде исследователей белорусской археологии и археографии, прошедшем в Минске, где выступил с докладами о белорусско-смоленских городищах и о современном состоянии белорусской археологии⁷⁴. В том же году он представил доклад об археологии и краеведении на Керченской археологической конференции. Приглашали его принять участие и в Херсонесской конференции 1927 г.⁷⁵, но, возможно из-за прохладного отношения ГАИМК к ней, Спицын туда не поехал.

В 1927 г. на последних свободных выборах в Академию наук (следующие проходили уже в условиях жесткого диктата и контроля со стороны советского правительства и партийных органов) по представлению академиков С.Ф. Платонова и С.Ф. Ольденбурга А.А. Спицын был избран членом-корреспондентом АН СССР. Его имя хорошо знали и за границей, куда он несколько раз ездил с лекциями и докладами, в том числе и в советское время. В 1928 г. ему исполнялось 70 лет, но в ГАИМК этот юбилей не отмечался, зато в пражском сборнике «*Seminarium Kondakovianum*» публикуют статьи к его 70-летию, а в следующем, 1929 г. Спицыну был посвящен весь 4-й том издаваемого в Хельсинки профессором А.М. Тальгреном международного журнала «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*». Новое партийное руководство ГАИМК отреагировало на это международное признание своеобразно — в 1929 г. в связи с изменением структуры Академии А.А. Спицын был освобожден от заведования разрядом русской археологии, причем прозвучали и политические обвинения в «великорусском шовинизме». 19 сентября 1930 г. было издано распоряжение № 189, гласившее: «По постановлению Комиссии по чистке аппарата Академии объявляется общественное порицание Н.В. Малицкому, М.И. Максимовой, Л.А. Мацулевичу, А.А. Спицыну, Н.П. Сычеву, К.К. Романову, участвовавшим совместно с белоэмигрантами в пражском сборнике *Seminarium Kondakovianum* в статьях явно враждебных советской науке, открыто показавших антисоветские и антинаучные направления, несовместимые с положением советских ученых»⁷⁶. Вскоре, в декабре 1930 г., последовало и увольнение из ГАИМК «в связи с производственным планом 1931 г. и необходимостью усиления научного состава Академии в методологическом отношении [подчеркнуто нами. — И. Т.]»⁷⁷. Партийному руководству ГАИМК А.А. Спицын представлялся «реакционным археологом», во всяком случае, именно так он вскоре стал именоваться в документах местной парторганизации начала 1930-х гг.⁷⁸, когда для ученых наступали тяжелые времена, начинались политические репрессии среди историков и археологов. По вымышленному ГПУ так называемому «Академическому делу» еще в начале 1930 г. были арестованы близкие Александру Андреевичу люди: С.Ф. Платонов, В.Г. Дружинин, Б.А. Романов и многие другие. Можно предполагать, что подобная участь могла постигнуть и А.А. Спицына, если бы не его последовавшая вскоре кончина.

⁷⁴ Шумейко М.Ф. Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии 1926 год // https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/90086/1/AE_1.pdf (дата обращения 10.11.2021). С. 171.

⁷⁵ Непомнящий А.А. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе: из истории коммуникаций в крымоведении // УЗ Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 4 (70), № 1. 2018. С. 37.

⁷⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Ед. 7. Л. 209.

⁷⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Ед. 11. Л. 98.

⁷⁸ ЦГАИПД. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 16. Л. 45.

Нужно отметить смелость и принципиальность В.И. Равдоникаса, сделавшего в это трудное время все возможное, чтобы поддержать учителя. После отстранения от штатной должности он привлек А.А. Спицына к работе на договорных началах в Готской группе ГАИМК, в рамках деятельности которой Спицын смог подготовить свои последние научные работы: сводку по сарматской культуре и по культуре полей погребальных урн⁷⁹.

Все обрушившиеся невзгоды на него самого и близких людей, как и общая обстановка в стране, послужили немаловажной причиной резкого ухудшения здоровья ученого. Летом 1931 г. никогда до этого не болевший А.А. Спицын серьезно занемог, и 17 сентября его не стало. Похоронили его на Смоленском православном кладбище Васильевского острова рядом с могилой Н.Н. Платоновой (Шамониной).

В осеннем выпуске журнала «Сообщения ГАИМК» была опубликована статья В.И. Равдоникаса «Памяти А.А. Спицына», а в самой Академии сформированы две комиссии, которые приступили к разбору научного архива ученого и передаче его основной части на хранение в архив ГАИМК. Этими ценнейшими материалами пользовалось уже не одно поколение археологов. Личный архив (переписка с друзьями и родственниками) остался в квартире на Провиантской ул. и был утрачен во время блокады Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, когда в дом попала авиабомба.

Значение деятельности А.А. Спицына для отечественной археологии очень точно охарактеризовал В.И. Равдоникас: «если бы понадобилось в одной фразе выразить основное, что сделал А.А. для нашей науки, то следовало бы сказать: он привел в движение грандиозный материал фактов и напряженным трудом создал необходимый фонд для будущих исследователей»⁸⁰. Поэтому Александра Андреевича Спицына с полным основанием считают «классиком» и одним из основателей современной археологии.

⁷⁹ Работа о погребальных урнах была опубликована в томе «Советской археологии», посвященном его памяти: *Спицын А.А. Поля погребальных урн* // СА. 1948. Т. X. С. 53–72.

⁸⁰ *Равдоникас В.И. Памяти А. А. Спицына (1858–1931)* // СГАИМК. 1931. Вып. 9/10. С. 62.

Николай Петрович Сычев (1883–1964)

М.В. Медведева

...Не погасла лишь и никогда не погаснет
моя любовь к науке и искусству...

Из письма Н.П. Сычева от 1 февраля 1944 г.

Путь выдающегося русского ученого Николая Петровича Сычева в науке и биографические подробности его трагической судьбы уже неоднократно рассматривались и оценивались исследователями¹. Этапы становления Н.П. Сычева как ученого подробно описаны в монографическом исследовании И.Л. Кызласовой, там же дается цельное представление и о его плодотворной работе на «ключевых позициях» в многочисленных научных организациях, «связанных с преподаванием и исследованием истории византийского и древнерусского искусства ..., а также с охраной памятников и музейным делом»². Однако масштаб личности Н.П. Сычева и вклад в российскую науку столь велики и значительны, что до сих пор не удалось осветить их целиком в существующих публикациях. Огромный научный потенциал материалов, накопленных Н.П. Сычевым в процессе активной научной деятельности, тоже раскрыт не полностью, а архивные документы постоянно дают нам новую почву для размышлений, исследований и уточнений биографических данных как самого ученого, так и его семьи³.

¹ Наиболее полный список публикаций о жизни и научной деятельности Н.П. Сычева см. в монографии: *Кызласова И.Л. Николай Петрович Сычев (1883–1964). Отечественная реставрация: Personalia*. Вып. 1. М., 2006.

² *Кызласова И.Л. Николай Петрович Сычев*. С. 33.

³ Материалы для изучения росписи церкви св. Григория в Ани. Записи Николая Сычёва 1911–1912 гг. / ред.-сост.: З. Схиртладзе, И. Тезелашвили, Н. Смирнов. Тбилиси, 2019; *Кызласова И.Л. О профессоре Н.П. Сычеве, учителе и друге молодых художников, реставраторов, искусствоведов: Непознанный XX век // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства*. 2020. Вып. 39. С. 155–172; *Кызласова И.Л. Н.П. Сычев — знаток христианского искусства, музейщик, реставратор, художник. Новые открытия // Россия. Грузия. Христианский Восток. Духовные и культурные связи: Сб. статей по материалам VI науч. чтений, посвященных памяти Д. И. Арсенишвили / сост. и отв. ред. О. В. Никифорова, науч. ред. М.А. Маханько. М., 2019 (Труды ЦМиАР. Т. XVI). С. 135–149, 221–224; *Жебелев С.А. Русское археологическое**

Н.П. Сычев. Автопортрет

Н.П. Сычев (слева). Петроград. 1914 г.

Важная часть его жизни была отдана работе в Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК) с самого момента ее основания в 1919 г., однако начало этому сотрудничеству положили еще работы Н.П. Сычева в дореволюционный период по поручениям Археологической комиссии — предшественницы Академии. В 1910 и 1911 гг. он получал Открытые листы ИАК, где Н.П. Сычеву поручались осмотр, измерение и фотосъемка, в том числе со вспышкой, памятников Новгорода, Пскова, Киева и других древних мест⁴. Документы, в том числе вероятно, обеспечили и беспрепятственную работу в поездке, связанной с организацией XV археологического съезда в Новгороде, когда молодые и талантливые историки искусства — ученики профессора Д.В. Айналлова — Н.П. Сычев, Л.А. Мацулевич, Н.Л. Окунев под руководством Вл. К. Мясоедова занимались изучением новгородских храмов⁵. Во время командировки 1910 г. Л.А. Мацулевичем была выполнена серия великолепных фотографий церковной архитектуры древнего города и его окрестностей, на одной из которых запечатлен и Н.П. Сычев. В 1911 г. он побывал в знаменитой Анийской экспедиции Н.Я. Марра, и вновь ему был выдан Открытый лист от ИАК на фотосъемку древностей во время этого путешествия⁶.

общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред., сост., вступит. статья И.В. Тункиной. М., 2017. С. 560–561.

⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 155. Л. 1.

⁵ Соленикова Е.В. Л.А. Мацулевич и исследования Новгородских древностей. Экспедиция 1909–1910 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород., 1999. С. 350–257.

⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 155. Л. 5–6.

Н.П. Сычев у церкви Спаса на Нередице под Новгородом.
Фото Л.А. Мацулевича. 1910 г.

Члены Анийской экспедиции. 1911 г. В центре — руководитель экспедиции Н.Я. Марр.
Третий справа — Н.П. Сычев

Николай Петрович Сычев был избран действительным членом РАИМК уже в июле 1919 г. как известный и сложившийся ученый с прекрасным образованием и обширным опытом работы в выбранной специальности⁷. Ранее с 1 октября 1918 г. он был членом Совета Российской государственной археологической комиссии (РГАК)⁸, а с 26 декабря того же года — членом Комиссии по отделу русских древностей⁹. В начале августа 1919 г. Н.П. Сычев стал одним из участников Избирательного собрания РАИМК, и с этого времени началась его напряженная работа в учреждении новой формации, которому он отдал лучшие годы своей жизни. В 1920–1930-е годы РАИМК/ГАИМК прочно занимала ведущее место в изучении и сохранении российских древностей, а также координации всех работ в этой области, ведь она создавалась «для археологического и художественно-исторического научного исследования вещественных, как монументальных, так и бытовых, памятников, предметов искусства и старины и всех вообще материальных культурных ценностей, а также научной охраны всех таких ценностей в пределах» России¹⁰. Во многом именно энергичной и плодотворной деятельности Н.П. Сычева в 1920-е гг. Академия обязана успехами в области реставрации и исследований древнерусских памятников. На одном из первых заседаний Совета Академии Н.П. Сычева избрали тов. председателя, он стоял у истоков организации архива РАИМК, был инициатором создания Института археологической технологии¹¹, однако сердце и душа исследователя всегда беззаветно принадлежали науке и искусству, поэтому он довольно быстро покинул высокие посты и главным образом посвятил себя в РАИМК работе на должности председателя III Разряда художественно-исторического искусства и заведующего Разрядом древнейшего русского искусства и искусства славянских народов, совмещая это с деятельностью в специализированных Комиссиях РАИМК (новгородская и по истории миниатюры)¹².

В 1919 г. Н.П. Сычев представил в Академию свой первый годовой индивидуальный отчет о работе: «I. В 1919 г. мною велись работы по Разряду древнейшего

⁷ Родился в Санкт-Петербурге в 1883 г. Окончил гимназию, затем Петербургский университет, в 1910-е гг. принимал участие в научных экспедициях и поездках по изучению памятников искусства в России и в Европе, работал в Русском музее, преподавал в Университете, Археологическом институте, в Институте истории искусств, состоял в различных научных обществах. Подробнее см.: РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 638, Ф. 35. Оп. 5. Д. 301. Личные дела Н.П. Сычева.

⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 155. Л. 8. Императорская археологическая комиссия после революции стала Российской государственной археологической комиссией, а затем была преобразована в Российскую Академию истории материальной культуры (с 1926 г. Государственная Академия истории материальной культуры [ГАИМК]). Об этом см.: Мусин А.Е., Платонова Н.И. Императорская археологическая комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. В 2 т. Т. 2 / науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2019. С. 1401–1462.

⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 155. Л. 10.

¹⁰ Там же. С. 1446–1450.

¹¹ Кызласова И.Л. Николай Петрович Сычев. С. 40.; Платонова Н.И. Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы) // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). СПб., 2018. С. 285.

¹² Работу в РАИМК Н.П. Сычев совмещал с занятостью в еще нескольких научных и учебных заведениях. Об этом см.: Кызласова И.Л. Николай Петрович Сычев. С. 35–46.

русского искусства и искусства славянских народов и по Постоянной Комиссии по истории миниатюры¹³.

б)¹⁴ В разряде руководил работами по собиранию материалов на темы: Скандинавский вопрос в древнерусском искусстве; Романский вопрос в древнерусском искусстве, Корсунский вопрос в древнерусском искусстве. Руководил работами по собиранию материалов к истории киевской Десятинной церкви.

В постоянной комиссии по миниатюре выработал “Инструкцию для описания русских миниатюр”.

в) В разряде одновременно с собиранием материалов происходила и их научная разработка.

г) Подготавливал к изданию труд по истории русской живописи XIV в.

Подготовлено к печати приблизительно до 15 печатных листов работы: “Церковь Спаса-Преображения в Ковалеве близ Новгорода”¹⁵.

д) Был несколько раз командирован Академией в Новгород.

е) Организовал экспедицию членов состоящего при Академии Института археологической технологии в Новгород для исследования строительных материалов и выяснения причин порчи памятников древней живописи.

II. Лично выполнял работы:

а) ...участвовал в собирании материалов к истории Киевской Десятинной церкви. Собирал материалы к истории древнерусской живописи XII–XIV вв. и к истории армянской и грузинской живописи XIII–XIV вв. Собирал материалы к истории русских лицевых житий. Собирал библиографию к Остромирову Евангелию. Собирал материалы к вопросу о византийских ставроотеках, а также к вопросу о строительной деятельности Новгородских посадников.

б) Подготовил к изданию материалы к атласу: “Фрески Спаса-Нередицкой церкви”. Напечатано в 1919 г. 140 таблиц. Издается Комитетом изучения древнерусской живописи.

III. Подготовил к печати: “Зарзмский монастырь и его фрески. Исследование в области восточно-византийского (грузинского) искусства XIII–XV века”¹⁶.

Н.П. Сычев (слева) в Зарзме. 1915 г.

¹³ 24 февраля 1921 г. его избрали председателем этой комиссии (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 638. Л. 10).

¹⁴ В оригинале документа пропущен пункт а).

¹⁵ Рукопись монографии Н.П. Сычев упоминает во многих своих автобиографиях и отчетах, осталась неопубликованной. Материалы к работе хранятся в личном фонде Н.П. Сычева в архиве ИИМК РАН.

¹⁶ Рукопись была подготовлена по материалам поездки 1915 г., осталась неопубликованной и хранится в личном фонде Н.П. Сычева в архиве ИИМК РАН.

Сел. Городище под Новгородом. Вид с Волхова.
Фото Н.П. Сычева. 1920 г.

Подготовил к печати работу “Лицевой Синодик Новгородского Знаменского Собора” и работу “Вислая печать Антония Новгородского”.

IV. В Петроградском университете в 1919 г. читал курсы “Византийское искусство эпохи Палеологов” и “Общий курс древнерусского искусства” /с практическими занятиями/. В Археологическом институте читал: “Славянские и русские древности” и на археографическом отделении — История русской миниатюры и орнамента. В Институте истории искусств читал курсы: Древнехристианское искусство и Русское искусство домонгольского периода /с практическими занятиями/.

Публичные лекции читал в Новгороде на тему: “Древнерусские Храмы-Музеи”; в Институте истории искусств: “К истории русского лицевого синодика”; в Обществе любителей древней письменности читал доклад: “Памяти С.Д. Шереметева”.

V. По должности Товарища Председателя Академии принимал участие в большинстве организационных работ по Академии.

Принимал участие в организации постоянной Комиссии по Истории миниатюры. Принимал участие /в качестве председателя/ в организации при Академии Института археологической технологии. Принимал участие в организации реставрационной мастерской в Новгороде, в Комиссии по Спасо-Нередицкой церкви и ряда других комиссий.

По должности управляющего делами Комитета изучения древнерусской живописи принимал участие во всех его работах.

VI. Кроме командировок от Академии, был несколько раз командирован в Новгород Археологическим отделом.

Комитетом древнерусской живописи был командирован в Москву, во Владимир и во Мстеру.

VII. Находился в постоянном общении и сношениях со многими учеными (Академия наук, ученые общества и пр.) и художественными (Русский музей, Эрмитаж) учреждениями и отдельными специалистами “имена же их Ты, Господи: веси”¹⁷.

Нельзя забывать, что вся эта интенсивная работа велась на фоне тяжелейших условий жизни и голода в Петрограде, но даже тогда Н.П. Сычев оставался преданным и любящим сыном и умудрялся постоянно помогать своим пожилым родителям, которые еще до революции перебрались из Петербурга в родные места отца в Новгородскую губернию. Об этом известно из переписки Н.П. Сычева с родными, там же в письмах 1917–1920 гг. регулярно встречаются упоминания о суровых условиях существования в Петрограде. Так, в июле 1919 г. отец, П.Н. Сычев¹⁸, писал сыну: «Сейчас у нас хлеба нет вовсе, но скоро начнут жать, и картошка поспевает, тогда и раздобудемся. Теперь Вы детей устроили, и если Елена Осиповна¹⁹ не уедет, то приезжайте к нам вместе ... Словом, мы рады Вас всех принять, если бы было чем кормить. Вот до чего дошли, вы соображайте по этому делу сами и не церемоньтесь, теперь не до церемоний и приглашений ... В какую колонию отправили детей и хорошо или сносно ли им там. Уж если Елена Осиповна решила отправить их в колонию, то значит плохо вам, трудно вам стало. Только бы муки раздобыть, а то грибы поспеют, картошка, иногда дичь. Как хотелось бы Вас видеть, поговорить и проч. Вот уже второй год пошел, как мы не виделись с Вами»²⁰. Живописная картинка петроградской научной жизни в то же самое время дается и в письме к Н.П. Сычеву его коллеги Е.А. Рыдзевской²¹. Исследовательница вынуждена была

Церковь Благовещения на Городище.
Фото Н.П. Сычева. 1920 г.

¹⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 638. Л. 4–5.

¹⁸ Петр Никифорович Сычев (1853–?), о нем см.: *Кызласова И.Л.* Н.П. Сычев — знаток христианского искусства, музейщик, реставратор, художник. С. 138. Из переписки ученого с родными можно добавить несколько фактов к уже известным данным о его семье. Родители уехали из Петербурга в Новгородскую губернию не позднее 1911 г., свой дом в столице они сдавали в аренду, юридической стороной дела занимался Н.П. Сычев (РО НА ИИМК РАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 212). Любимым делом П.Н. Сычева было создание скрипок. В собрании сына даже сохранилась рукопись работы его авторства под названием «Опыт рационального устройства скрипки в связи с правилами и законами акустики» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 248). В 1927 г. П.Н. Сычев был лишен избирательного права из-за своего происхождения, однако в 1929 г. его восстановили решением Боровичского Избиркома в правах (РО НА ИИМК РАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 174. Л. 12).

¹⁹ Н.П. Сычев воспитывал двоих детей своей первой жены Елены Осиповны. Об этом см. далее.

²⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 212. Л. 20–21.

²¹ Елена Александровна Рыдзевская (1890–1941) — крупнейший специалист в истории Скандинавии. В НА ИИМК РАН хранится личный фонд исследовательницы (РО НА ИИМК РАН. Ф. 39).

из-за тяжелых условий жизни и ухудшившегося состояния здоровья уйти из Академии в 1920 г. и уехать в провинцию. Оттуда она писала: «Начала я пересматривать свои литературные материалы по сагам, и если найду в них что-нибудь новое, сообщу; мне было бы очень интересно разыскать там что-нибудь относительно моих варяжских божниц на Руси. Как это ни странно, но здесь, в этой глуши, я надеюсь сделать больше, чем в прошлом году в Петрограде, при всей скудости научных средств и материалов, которыми я располагаю. Здесь есть драгоценное спокойствие и свобода от материальных забот, от всех этих ужасных петербургских очередей, дров, каш, печурок и т. д. Со всем этим, в голоде и холоде, работа была курам на смех и больше ничего»²².

Вопреки всем обстоятельствам Н.П. Сычев продолжал свою кипучую деятельность в Петрограде и основным местом своей работы в документах указывал РАИМК. В главной области его научных интересов — изучении памятников древнерусского искусства — весьма показательным для понимания размаха работ хотя бы в рамках одного подразделения Академии является отчет Разряда древнерусского искусства о научной деятельности за 1919–1922 гг.²³, сохранившийся в архивном собрании Академии и дающий представление об основных направлениях научных изысканий разряда: «<...> В основу деятельности разряда было положено исследование памятников материальной культуры Древней Руси и собирание материалов как вещественных, так и архивных, необходимых при общем исследовании намеченных вопросов.

Ввиду того, что при исследовании памятников материальной культуры Древней Руси являлось необходимым исследование восточно-византийских, романо-византийских и западных влияний, в разряде было принято в качестве основных заданий изучение разнообразных культурных отложений на русской почве.

Преследуя основные намеченные планом задачи, разряд вместе с тем не ставил себе определенных рамок, ограничивающих его деятельность изучением только памятников материальной культуры древнейшего периода, но исследовал вопросы о памятниках более поздних периодов XIV, XV века и позднейшего времени, исходя из тех соображений, что исследование этих памятников важно не только само по себе, но и способно осветить многие вопросы древнейшего прошлого.

В соответствии с данными предположениями разряд не мог миновать в своей деятельности изучения остатков древнейшей художественной культуры Киева, в частности фрагментов Киевской Десятинной церкви, полученных при раскопках этой церкви архитектором Милеевым. Громадное количество этих фрагментов, сильно попорченных и разрушающихся, состоящих их обломков мрамора, остатков фресок, начиная с эпохи св. Владимира до эпохи XVI столетия, делали необходимым немедленное их изучение и описание в целях возможной реконструкции орнаментов и части росписи Десятинной церкви. Коллективная работа по изучению этого памятника свелась к составлению исчерпывающих библиографических и архивных о ней данных, а также к точному воспроизведению в рисунках, чертежах и акварелях остатков мрамора и фресок. К настоящему времени разрядом исполнено свыше

²² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1920 г. Д. 26. Л. 13 об.

²³ Разряд древнейшего русского искусства и искусства славянских народов был организован сразу после учреждения РАИМК в сентябре 1919 г., и с этого момента его возглавлял Н.П. Сычев.

200 точных воспроизведений этих остатков с подробными описаниями, обмерами и, кроме того, ряд точнейших акварельных копий с наиболее важных и показательных фрагментов разных эпох. В целях наиболее детальной классификации фрагментов и датировки их разряд при содействии Института археологической технологии подверг химическому и микроскопическому анализу наиболее показательные материалы. Производя означенную работу, разряд таким образом имеет в виду исследовать все материалы, находящиеся в Петрограде, доступные для изучения, чтобы впоследствии применить добытые результаты при окончательном изучении этого памятника на месте. Весьма значительное количество фрагментов и трудности, возникающие при детальном изучении и воспроизведении их, не дают возможности фиксировать время окончания работы, которая несомненно потребует несколько лет, что и поставило разряд в необходимость, считая эту работу в числе основных, не признавать ее особо спешной. Наоборот, внимание разряда было обращено в истекшем периоде на другой культурный центр Древней Руси Великий Новгород, где представлялось возможным производить работы на местах и предпринять исследования целого ряда художественно-исторических вопросов и памятников. Отсюда возникла необходимость прежде собрать литературу по Новгороду, а также собрать и исполнить различные воспроизведения памятников древнего Новгорода (архивные данные, гравюры, рисунки). Вопросы, связанные с изучением Великого Новгорода, ставили перед разрядом необходимость пересмотра проблем о византийско-русских отношениях, о связях Новгорода с Востоком и романским Западом, ввиду чего и были поставлены для разработки несколько специальных тем:

- Корсунский вопрос и памятники корсунского дела в Новгороде.
- Скандинавский вопрос.
- Восточно-византийские влияния на новгородское искусство домонгольского периода.
- Вопросы о романских культурных наследиях в Новгороде.
- Юго-славянские и неовизантийские отложения в памятниках Новгородского искусства XIV в.
- Вопросы, связанные с изучением техники монументальной и станковой живописи новгородской школы.

Исследование корсунского вопроса и памятников корсунского дела в Новгороде производилось ассистентом А.И. Кудрявцевым. При чем для исследования были привлечены виднейшие памятники корсунского дела в том числе известная икона апостолов Петра и Павла Новгородского Софийского собора в драгоценном византийском окладе.

При исследовании произведены съемки частей оклада с составлением детальных чертежей и детального фотографирования и обследования воско-мастичных прокладок и самой живописи с установлением различных наслоений и реставрации. Для анализа орнамента и барельефных чеканенных изображений были исполнены описи и фотографии с других т. н. корсунских окладов, а также привлечены материалы восточно-византийского и корсунского происхождения. <...>

В исследовании вопроса о скандинаво-русских взаимоотношениях принимала участие Е.А. Рыдзевская, которой представлены для напечатания в Известиях

Академии [статьи] “Холм в Новгороде и скандинавский Хольмгард” и “Название Руси «Гардарика» у скандинавов”. Работа о варяжских божницах не была закончена в связи с выходом Е.А. Рыздзевской из Академии в апреле 1920 г.

В разработке вопроса о восточно-византийских влияниях в области новгородского искусства домонгольского периода приняла участие Л.А. Дурново²⁴, исследовавшая схемы церковных росписей этого периода и исполнившая детальное описание и воспроизведение в чертежах схемы росписи Спасо-Нередицкой церкви. При исследовании общего вопроса Л.А. Дурново были выделены специальные темы (страстной цикл в нередицкой росписи и изображения Св. Жен в той же церкви), каковые были закончены разработкой и доложены в разряде.

В разработке некоторых специальных вопросов этой эпохи принял участие член Академии Н.П. Сычев, которым установлены новые, не известные до сих пор изображения князя и княжны в нередицких фресках, и в связи с этим обстоятельством разработана специальная тема “О киевских художественных наследиях в искусстве Великого Новгорода”, доложенная в публичном заседании Совета Русского музея весной 1922 г. Копии с вновь открытых изображений исполнены Л.А. Дурново. Научный сотрудник Н.В. Малицкий исполнил специальное исследование “Об изображении св. Фоки в Спасо-Нередицкой церкви” в связи вопросами о малоазийских влияниях в одной росписи.

Для исследования вопроса о романских культурных отложениях в Новгороде были исполнены ассистентом А.Ф. Маловым²⁵ предварительные розыскания ..., собран материал о башнях при древнерусских храмах и поставлена для разработки специальная тема “О культе Антония Римлянина в Новгороде по данным иконографии по литературным источникам”. А.Ф. Малов закончил иконографию Антония Римлянина, собрал все списки его жития и установил редакции литературных памятников, причем обнаружил новый литературный источник, относящийся к житию этого святого, обнаружил не известные до сих пор фрагменты лицевого жития и произвел детальное описание и фотографирование знаменитой иконы собора Антония Римлянина в Новгороде.

В центре вопроса о юго-славянских и неовизантийских отложениях в русском искусстве поставлено было исследование новгородской церкви Спаса Преображения на Ковалеве, подготовляемое к печати Н.П. Сычевым. В настоящее время являются законченными исследования иконографии этого памятника и вопросы о его художественном значении в цикле местных, поздневизантийских и юго-

²⁴ Лидия Александровна Дурново (1885–1963) известна как один из крупнейших специалистов по изучению средневекового армянского искусства. Получила художественное и историческое образование в Петербурге, в 1920-е гг. работала в Академии истории материальной культуры, принимала участие во всех проектах Н.П. Сычева, в том числе занималась копированием древнерусских росписей. Копии ныне хранятся в Русском музее и в Третьяковской галерее. В 1933 г. Л.А. Дурново была арестована по тому же делу, что и Н.П. Сычев. После возвращения из ссылки приглашена на работу в Ереван и следующий период жизни посвятила изучению армянского искусства. От ней см.: *Драмлян И.* Лидия Александровна Дурново (К 130-летию со дня рождения) // *Историко-филологический журнал.* 2016. № 1. С. 79–90.

²⁵ Историк А.Ф. Малов во время работы в ГАИМК собрал ценный научный материал, оставшийся неопубликованным. В 1929 г. он был арестован по «Академическому делу», в 1931 г. осужден на 10 лет, дальнейшая судьба неизвестна. Научный архив А.Ф. Малова хранится в РНБ, куда он был передан из НКВД в 1939 г. О нем см.: *Сиренов А.В.* Петербургский историк первой половины XX в. Алексей Федорович Малов // *Клио.* 2013. № 12(84). С. 161–163.

славянских памятников. Произведены детальные архитектурные обмеры этой церкви (начаты В.И. Печеневым и закончены специально приглашенным архитектором-художником П.П. Лошкаревым), исполнено большое количество фотографических снимков с фресок, исполнены схематические чертежи ее росписи (Л.А. Дурново), исполнены прориси неподдающихся фотографированию фрагментарно сохранившихся ее частей и сделаны в красках в натуральную величину ... копии²⁶: <...> При изучении росписи летом 1921 года были открыты фрески барабана купола из-под позднейших забелок, до сих пор не известные исследователям. При обследовании вопроса для анализа стиля всей росписи привлечена роспись Зарзмского монастыря в Грузии. Отдельные сообщения, возникшие в связи с исследованием этого памятника, Н.П. Сычевым читались в разрядах Академии, и специальная тема о юго-славянских отложениях была заслушана в Обществе любителей древней письменности и, кроме того, в публичных заседаниях Академии, о Новгороде как о художественном центре были сделаны два доклада²⁷ (один доклад в годовичном отчетном заседании).

Параллельно сотрудниками разряда исполнены детальные описания иконографии и схематические чертежи росписей XIV в. Церквей Спасо-Преображения (Е.К. Эвенбах) и Федора Стратилата на Торговой стороне с выделением особой темы «О сорока мучениках» (Н.И. Толмачевская).

Регистратор Н.И. Толмачевская исполнила подробное описание иконографии Ферапонтовского монастыря, а Л.А. Дурново исполнила точное воспроизведение в красках гибнущих фрагментов живописи XV в. Иоанновского корпуса в Новгороде, о котором ею готовится к печати специальная работа.

²⁶ Копии выполнялись сотрудниками разряда А.И. Кудрявцевым, Л.А. Дурново, Е.К. Эвенбах, Н.И. Толмачевской.

²⁷ В начале 1920-х гг. в стенах Мраморного дворца, где располагалась тогда Академия, устраивались регулярные публичные научные собрания с просветительской целью. На них ведущие ученые России читали доклады по самой разнообразной исторической тематике для всех желающих. Лекции затрагивали вопросы искусства от древнего до Нового времени, от Египта, Древней Греции и Рима до древнерусского зодчества и архитектуры Петербурга. После доклада велась свободная дискуссия. Для лекций изготавливались плакаты-анонсы, где объявлялось время, место, автор и тема сообщения. Часть из них выполнялась сотрудниками Академии самостоятельно, ведь в тот момент в составе учреждения работало множество талантливых специалистов, получивших Высшее художественное образование в лучших учебных заведениях страны. Н. П. Сычев, помимо склонности к научной-исследовательской деятельности, обладал художественным талантом и прекрасно рисовал. К своей лекции «Художественное прошлое Великого Новгорода» он изобразил главный символ монументальной архитектуры средневекового города Софийский собор.

Афиша к лекции Н.П. Сычева. 1920 г.

По вопросу о технике древнерусской живописи ведется специальное исследование А.И. Кудрявцевым. Причем первая часть этой работы, доложенная в публичном заседании Академии, постановлением III отделения Академии принята к печати. Вторая часть труда находится в стадии обработки.

С целью составления исчерпывающего библиографического свода “Новгородики” были просмотрены предшествующие опыты подобной работы ..., выбраны материалы из сводных библиографических трудов XX в. ..., а также извлечены некоторые исторические труды, богатые указаниями литературы ... Таким образом собрано около 6000 карточек, которые будут тщательно проверены, иногда снабжены примечаниями и классифицированы по отделам ... В настоящее время библиографический указатель по Новгороду, исполненный разрядом, может быть признан наиболее полным из всех имеющихся в России. Одновременно разряд пополнял единственную по количеству материалов картотеку П.П. Покрышкина ... В качестве заданий, относящихся к позднему художественному прошлому Новгорода, Е.П. Реут-Полетаевой исполнены подробные описания и схематические чертежи росписи Новгородского Знаменского собора и установлено точнейшее отражение в ней композиции библии Пискатора. Из других центров древнерусского искусства разряд уделял внимание г. Владимиру.

При изучении его памятников Н.В. Малицкий занимался разбором вопроса о подлинности рельефа Дмитровского собора, установил позднейшие привнесения, о чем и сделал публичный доклад в Академии и подготовил его к печати. Н.И. Толмачевская исполнила схему росписи Владимирского Дмитровского и Успенского соборов, а Л.А. Дурново скопировала вновь открытую фреску Успенского собора “Изведение Иоанна Предтечи в пустыню”.

Помимо тем общего характера, связанных с планом деятельности разряда, сотрудниками разряда были разработаны следующие вопросы: Н.П. Сычев — 1) Памятники Галицийской живописи XIV и XV в., 2) “Зарзма”. А.Ф. Малов — “Русские деревянные статуи культового характера”, “Древнерусские повести и сказания о чудотворных иконах”, “Памятники новгородской письменности (в связи с историей и археологией Новгорода)”, “Материалы для археологии и топографии Новгорода, извлеченные из столбцов Новгородского Софийского дома”. Н.К. Никольский — “Описи Соловецкого монастыря XV в.”.

Разрядом совершены две экспедиции в Новгород, ряд отдельных поездок сотрудников разряда в Москву, Владимир; устроена в стенах Академии отчетная выставка. <...> Заканчивая отчет о своей деятельности за прошедшее трехлетие, разряд считает необходимым упомянуть, что отчет этот имеет лишь краткий характер. В него не вошли ряд работ сотрудников разряда в различных центральных и провинциальных книгохранилищах, работы, связанные с деятельностью реставрационного отдела, в котором сотрудники принимали в качестве экспертов ближайшее участие и проч.²⁸

В настоящее время, в связи с работами по Десятинной церкви и по исследованию памятников Новгородского зодчества, в разряде ощущается настоятельная необ-

²⁸ Как следует из текста, к данному отчету прилагался также отчет Комиссии по изучению миниатюры, ликвидированной к тому моменту. Работа этой комиссии была тесно связана с работами Разряда, руководил ею тоже Н.П. Сычев.

ходимость привлечения к числу семи наличных сил еще одного штатного сотрудника архитектора, хотя бы на освободившуюся должность регистратора.

Заведующий разрядом Н. Сычев

3 ноября 1923 г.»²⁹.

В 1924–1925 гг. в Разряде русской живописи РАИМК продолжилась работа по изучению древнерусских памятников: происходила обработка материалов, полученных в результате командировок на места для изучения и копирования фресковых росписей в Ярославле, Костроме, Ростове, Вологде (Е.П. Реут-Полетаева), Киеве (Д.В. Айналов, Н.П. Сычев, Л.А. Дурново), Чернигова, Овруча, Владимира, Звенигорода, Москвы (Л.А. Дурново). В то же время собирались данные в рукописном отделе Публичной библиотеки и в архиве Тихвинского Большого монастыря о росписях Новгородской Софии и Тихвинского Успенского собора. Подготовлены были к печати схемы новгородских росписей (Н.П. Сычев, А.Ф. Малов, Е.П. Реут-Полетаева). Сотрудники продолжали изучение миниатюр Лицевого летописного свода и делали их зарисовки (А.И. Кудрявцев, Л.А. Дурново, Е.П. Реут-Полетаева). А.Ф. Малов закончил исследование лицевой рукописи Новгородской Софийской библиотеки и продолжил изучение письменных источников по станковой живописи и собирание материалов для словаря русских живописцев XVI–XVIII вв., занимался исследованием вопроса о царских иконописцах XVI в., а по древнерусской скульптуре из архива Археологической Комиссии выявлял и систематизировал документы, касающиеся деревянных статуй, и собирал сведения о современной технике резьбы по дереву. А.И. Кудрявцев продолжал изучение древнерусской станковой техники; Н.В. Малицкий разрабатывал вопрос о романском влиянии в рельефных украшениях Владимиро-Суздальских храмов. Н.П. Сычев также анализировал материалы по истории русской живописи XVIII–XIX вв., изучал вопрос о русской живописи эпохи Петра I до Екатерины II и о художественной деятельности живописца А. Иванова³⁰.

В следующем году изучение древнерусской живописи включало новые поездки в продолжение начатых ранее работ. Н.П. Сычев, совместно с Л.А. Дурново, произвел осмотр работ по укреплению фресковой живописи Спасо-Нередицкой церкви под Новгородом и совершил вместе с Г.И. Котовым поездку в Старую Ладугу для наблюдения за ремонтом церкви Св. Георгия. В области древнерусской живописи планомерно велись комплексные исследования: изучались памятники декоративной монументальной живописи, иконописи и миниатюр, а также собирались источники, относящиеся к истории русской живописи, как документальные, так и литературные. Сотрудниками Разряда под руководством Н.П. Сычева составлялись схемы росписей Новгорода, Ростова, Ярослава и Костромы с копированием их на чертежах, описанием композиций и изображений (Л.А. Дурново, Е.П. Реут-Полетаева, А.И. Кудрявцев). Системы древнерусских декоративных росписей анализировались с точки зрения хронологических и территориальных особенностей.

²⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1922 г. Д. 23. Л. 38–43 с об.

³⁰ Фармаковский Б.В. Отчет о деятельности Государственной Академии истории материальной культуры с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 гг. с приложениями // Сообщения ГАИМК Т. I. Л., 1926. С. 17–18.

А.Ф. Малов изучал материалы по стенописи Тихвинского Успенского монастыря в архиве Тихвинского монастыря и Новгородской Софии в новгородском архиве. Он же собрал значительный материал о древнерусских иконописцах по подписным памятникам, архивным данным и агиографическим произведениям, осматривая во время командировок музейные собрания Новгорода, Тихвина, Старой Руссы и ряд церквей. В Разряде началось изучение датированных и подписных памятников древней живописи в г. Пскове и его окрестностях, чтобы определить типичные художественные формы и технические приемы в живописи псковских мастеров, а в дальнейшем разыскать и определить псковские живописные памятники на других территориях. Сам Н.П. Сычев занимался также монументальной живописью Киева.

По миниатюрам Лицевого летописного свода Н.П. Сычевым исследовались конструкции композиций и формы изображений, А.И. Кудрявцевым — крепостные и военные сооружения и бытовые сцены; А.Ф. Маловым — монастырский быт; Е.П. Реут-Полетаевой — частный быт и свадебный обряд. Дополнительно к этому Е.П. Реут-Полетаева сделала 24 контурных рисунка с иллюстраций псалтырей из ризницы Ипатьевского монастыря, а А.И. Кудрявцев описал лицевые рукописи Псковского музея³¹.

В отчетный период 1926–1927 гг. сотрудниками Н.П. Сычева были выполнены командировки в Витебск и Смоленск для изучения и воспроизведения древнерусских стенописей (Л.А. Дурново), в Новгород и Торопец для составления словаря древнерусских художников (А.Ф. Малов), в Москву и Переяславль для занятий в музеях древнерусской станковой живописи (Е.О. Костецкая), в Ярославль и Москву для изучения памятников древнерусской миниатюры и прикладного искусства (Н.В. Малицким); в Ростов, Ярославль, Кострому и Москву для продолжения работ по составлению схем росписей церквей XVII в. (Е.П. Реут-Полетаева), в Старую Ладугу для осмотра произведенных реставрационных работ (Н.П. Сычевым). Е.П. Реут-Полетаева и Л.А. Дурново во время своих поездок вновь исполнили ряд копий фресковой живописи и чертежей схем росписей храмов с подробным описанием, А.И. Кудрявцев занимался разбором, описанием и классификацией росписи Новгородской Софии. Сам Н.П. Сычев продолжил исследование о влияниях византийских и южнославянских форм в русских стенописях XIV в. Обширный цикл миниатюр Лицевого летописного свода рассматривался с точки зрения конструкции пейзажа, военного и семейного быта, анализировались особенности школ, принимавших участие в изготовлении миниатюр. Ряд миниатюр из хранения Публичной библиотеки готовились к печати, также изучались лицевые рукописи XVI–XVIII вв. в провинциальных музеях. А.И. Кудрявцев выявлял особенности Псковской иконописной школы XVI–XVII вв. и продолжал изучение вопросов реставрации станковой живописи. А. Ф. Малов продолжил работы по составлению словаря русских иконописцев, а также по изучению иконографии планов Новгорода на древних иконах и деревянному убранству храмов, собирал материалы по истории иконописи в архивах и фондах новгородских Юрьева

³¹ Фармаковский Б.В. Отчет о деятельности Государственной Академии истории материальной культуры с 1 октября 1925 по 1 октября 1926 гг. // СГАИМК. 1929. Т. II. С. 6, 21–22.

и Вяжицкого монастырей. Е. О. Костецкая выполнила исследование об итальянских влияниях в декоративном убранстве памятников зодчества XVI в.³²

Даже на основании такого краткого обзора совершенно очевидно, что в 1920-е гг. в стенах Академии истории материальной культуры под руководством Н.П. Сычева велась колоссальная работа по изучению памятников древнерусского искусства. С большим сожалением следует признать, что большинство результатов этих исследований так и не были опубликованы. Реформация системы советских учреждений и репрессии 1930-х гг. стали причиной утраты части этого бесценного научного наследия, однако некоторые собранные тогда материалы уцелели, хранятся в архиве ИИМК РАН и до сих пор ждут своего часа.

Исполнение административных обязанностей отнимало массу сил и времени у Н.П. Сычева и тяготило его, так как отрывало от занятий любимой наукой. Еще в декабре 1925 г. он ушел с должности директора Русского музея по собственному желанию. В заявлении в Главнауку Н.П. Сычев писал: «Напряженная административная и организационная работа в течение четырех с половиною лет в названной должности, отвлекавшая меня от научной работы по специальности, значительно расшатала мое здоровье и вызвала переутомление»³³.

В начале 1928 г. Н.П. Сычев оставляет и должность заведующего секцией древнерусского живописи ГАИМК, которой отдал десять лет жизни. Поводом к этому стало его несогласие с решением Совета III художественно-исторического отделения Академии, председателем которого он сам и являлся, отдать освободившуюся в учреждении штатную ставку специалисту по русскому искусству Нового времени, а не по искусству Древней Руси. В тот же момент Н.П. Сычев попросил освободить его и от должности председателя Совета III Отделения. В итоге его все-таки уговорили остаться председателем, но из секции древнерусского искусства Н.П. Сычев ушел насовсем и стал работать в секции общей архитектуры по согласованию с ее заведующим К.К. Романовым. На посту заведующего сектором древнерусской живописи его сменил Н.В. Малицкий.

Через пару лет и секцию, и само художественно-историческое отделение ГАИМК, занимавшиеся вопросами искусства, упразднили в процессе структурной реорганизации Академии в целях приведения ее в соответствие с реалиями советского времени и потребностями коммунистической науки. Н.П. Сычев продолжал трудиться в Академии, совмещая эту работу с Русским музеем, преподаванием и деятельностью в области сохранения культурно-исторического наследия. В анкете совместителя в 1928 г. он перечислил все свои многочисленные научные и преподавательские должности: профессор Академии художеств; профессор ЛГУ, где заведовал кафедрой истории материальной культуры и искусства Восточной Европы; член ГАИМК, где состоял председателем историко-художественного отделения и сотрудником секции всеобщей архитектуры; заведующий отделом древнерусского искусства в Русском музее. В этой же анкете Н.П. Сычев в пункте «остается ли у научного сотрудника, при наличии совместительства, свободное время для повышения своей научной квалификации» скромно указал: «работаю

³² СГАИМК. 1929. Т. II. С. 349, 354–356.

³³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 158. Л. 13, 15.

научно по ночам и во всякое свободное время», а в пункте «от какой работы научный сотрудник желал бы освободиться» Н.П. Сычев написал: «уже освобожден от административной работы по должности директора Гос. Русского музея, а также председателя Института Археологической технологии, и кроме того целого ряда административных поручений по Главнауке. Очень желал бы иметь побольше времени для научно-исследовательской работы, т. к. в ней — подлинная квалификация научного работника...»³⁴.

В 1928 г. в рамках работы по секции общей архитектуры ГАИМК Сычева командировали в Киев и Чернигов. Приглашенный Всеукраинским археологическим комитетом Украинской АН, он был привлечен к работе по раскрытию фресковой живописи Киевского Софийского собора, благодаря чему удалось установить несколько новых композиций. За эту работу его избрали действительным членом Всеукраинского археологического комитета³⁵. В 1930 г. Н.П. Сычев вновь на два месяца был командирован в Киев, где занимался расчисткой мозаик и стеной росписи Софии Киевской³⁶. В декабре 1930 г. феодальный сектор ГАИМК утвердил необходимость укрепления мозаик, исследованных Н.П. Сычевым, там же было признано, что одним из средств охраны должно стать «выведение Софийского собора из состава культовых учреждений и включение его в число заповедников»³⁷. Подготовка проекта постановления об охранном статусе Киевского Софийского собора, естественно, была поручена Н.П. Сычеву³⁸.

В 1931 году работы Н.П. Сычева в ГАИМК сводились к выполнению поручений феодального сектора, Президиума ГАИМК и Института исторической технологии. При феодальном секторе выполнялись работы в группе по изучению торговли и в группе по изучению сельского хозяйства, где он работал в качестве консультанта по вопросам, связанным с изучением орудий производства. По поручению Президиума ГАИМК он ездил в командировки в Москву, Смоленск, Полоцк, Витебск, Старую Руссу, Новгород, а также по специальным поручениям обследовал исторические памятники архитектуры в Ленинграде, готовил к печати специальные статьи по техническим и микроскопическим анализам памятников древней живописи, хранящихся в Москве в Центральном государственном реставрационном мастерских и в Государственной Третьяковской галерее. По поручению Института исторической технологии при ГАИМК Н.П. Сычевым было сделано несколько научных докладов, производились технологические и технические анализы Ломоносовской мозаики в Академии наук СССР.

В 1931 г. по вызову сектора науки Наркомпроса Н.П. Сычев произвел анализ пострадавшего произведения Андрея Рублева XV века — знаменитой иконы «Троицы» из Третьяковской галереи. Ему удалось помочь установить причины уху-

³⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 166. Л. 6–6 об. Там же Н.П. Сычев указал, что одной из причин совместительства является необходимость содержать большую семью. По данным переписи научных сотрудников 1931 г. он проживал в квартире общей площадью 142 м² по адресу: Ленинград, Надеждинская ул., д. 27, кв. 18, и вместе с ним еще шесть человек: жена (49 лет), падчерица с мужем (24 и 25 лет), пасынок (21 год) и двое племянников (22 и 24 года) (РО НА ИИМК РАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 174. Л. 3–5).

³⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 39. Л. 8–8 об.

³⁶ Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 174. Л. 3 об., Д. 260.

³⁷ Памятник получил этот статус в 1934 г.

³⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 165. Л. 8.

шения состояния сохранности памятника, по результатам проведенного исследования он прочитал доклад в объединенном заседании научных учреждений Москвы. В том же году по командированию Президиума ГАИМК и по вызову сектора науки НКП и ЦГРМ Н.П. Сычев был назначен руководителем экспедиции ЦГРМ в Смоленск, Полоцк, Витебск, Старую Руссу, Новгород, Псков для изучения памятников древней архитектуры, монументальной и станковой живописи раннефеодального периода и установления методов их реставрации. Вместе с тем он занимался паспортизацией памятников московской архитектуры, сделал несколько докладов по древнерусскому искусству, в том числе о летних работах 1931 г. в Киеве по исследованию и раскрытию от позднейших наслоений и записей мозаик XI в. Киевского Софийского собора. По командированию Президиума ГАИМК и вызову сектора науки НКП произвел в ЦГРМ технический и микроскопический анализ памятников живописи XII–XIV вв. из новгородского Юрьева монастыря³⁹.

В 1932 г. Н.П. Сычев участвовал в разработке плана выставки Института исторической технологии на общей выставке работ ГАИМК, открытой по случаю этнолого-лингвистического совещания в 1932 г. Он собирал экспонаты для выставки, участвовал в их монтаже и разработке экспозиции. Тогда же по поручению ГАИМК он продолжил работу по паспортизации памятников северной архитектуры, а также памятников Кирилло-Белозерской области, Порхова и многих других; занимался экспертизами памятников гражданской архитектуры Москвы и Ленинграда для определения их исторического значения; принимал участие в фотоаналитических работах по ломоносовской мозаике в Академии наук и разработкой плана ее реставрации. Кроме того, Н.П. Сычев изучал другие ломоносовские мозаики в различных музеях Ленинграда. В Военно-морском музее он в 1932 г. произвел описание рельефов, относящихся к Полтавской баталии, в Эрмитаже изучал медали, относящиеся к Полтавской баталии, и сделал их научное описание; по поручению ГАИМК работал в Гипрогоре по планированию г. Пскова; участвовал в различных конференциях по охране памятников⁴⁰.

Для Русского музея Н.П. Сычев разработал перспективный план возглавляемого им отдела на пять лет с 1933 по 1937 гг., включавший проведение выставок (Резное и ювелирное дело феодальной Руси, Полиграфическое искусство Московской Руси), усовершенствование разделов экспозиции «феодалного искусства», научную работу и экспедиции⁴¹.

Все начинания и надежды оборвались в один момент, когда в 1933 г. Н.П. Сычев был арестован и осужден по сфабрикованному делу. Начались мучительно долгие годы изгнания и забвения⁴². В этот период только иногда случались редкие встречи

³⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 165. Л. 21–24.

⁴⁰ Там же. Д. 171. Л. 4–5.

⁴¹ Там же. Д. 158. Л. 29–31.

⁴² Н.П. Сычев был осужден на 8 лет лагерей по ст. 58, п. 10–11. В заключении он преподавал в Учебном комбинате НКВД в г. Кемь; организовывал Музей строительства Беломорско-Балтийского канала им. тов. Сталина в г. Повенец, был его директором; заведовал художественно-проектировочными и оформительскими работами при строительстве различных сооружений социалистического города в Медвежьегорске; руководил работами к юбилею Карельской АССР; затем был начальником архитектурно-художественного сектора Туломстроя НКВД Туломской ГЭС; являлся заведующим мастерскими по подготовке к Всесоюзной сельско-хозяйственной выставке; заведовал метеорологической станцией Повенецкого пушсовхоза; в 1941 г.

Фрагмент экспозиции музея в Повенце в 1934 г. Из материалов Беломоро-Балтийской экспедиции

с коллегами из ГАИМК. Так, в 1934 г. в зону ГУЛАГА была направлена Балтийско-Беломорская экспедиция под руководством Б.Ф. Землякова. Ее участники в августе прибыли в Медвежьегорск для обследования неолитических стоянок восточного берега Онежского озера⁴³. В полевом дневнике начальника экспедиции подробно описаны не только рабочие будни, но и занятия в свободное время. 19 августа он отмечает: «Вечером ходили на выставку работ ББК⁴⁴ за год, устроенную в местном театре. Выставка очень пестрая и неравноценная в отдельных частях. Геологический и археологический отделы бедны и случайны. Интересны картины канала работы Н.П. Сычева, сейчас находящегося в Повенце»⁴⁵. Затем археологи перебрались в Повенец, и 29 августа Б.Ф. Земляков записал: «После управления все мы втроем⁴⁶ в Музей, расположенный у самого причала

канала. Музей этот организован Сычевым и производит очень хорошее впечатление, не столько по материалу, сколько по экспозиции, которая действительно хороша. Плохо представлен и еще не смонтирован геологический и археологический отделы. Нет общей карты канала. Зато много места уделено портретам главков строительства.

Повидали Николая Петровича Сычева. Он сильно постарел, но бодр, много работает и как организатор музея и как художник»⁴⁷. В собрании Научного архива ИИМК РАН сохранился и единственный кадр экспозиции музея, сделанный во время посещения. Думается, что только причастность к научной и художественной деятельности все эти годы поддерживала жизненные силы Н.П. Сычева.

В августе 1943 г. благодаря счастливому стечению обстоятельств и стараниям друзей и коллег⁴⁸ Н.П. Сычев вернулся к работе в ИИМК АН СССР — преемнике

эвакуирован в Усольяг. 18 июля 1942 г. Н. П. Сычёв был освобожден и направлен в г. Чистополь, где состоял сверхштатным научным сотрудником и заместителем директора Чистопольского краеведческого музея Татарской АССР. *Длужневская Г.В.* Научный архив Института истории материальной культуры РАН: история архива и хранители «вечности» // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 299; РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 301. Л. 7–7 об.; *Кызласова И.Л.* Николай Петрович Сычев. С. 58–83.

⁴³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 148–150; Д. 150. Часть I; Ф. 35. Оп. 5. Д. 79. Л. 14–15.

⁴⁴ Беломоро-Балтийский комбинат.

⁴⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 150. Часть I. Л. 9.

⁴⁶ Вместе с Б.Ф. Земляковым в экспедиции принимали участие сотрудники ГАИМК — Г.П. Гроздилов и Н.Н. Чернягин. Об этом подробнее см.: *Григорьева О.В., Медведева М.В.* Документальное наследие Г.П. Гроздилова в Научном архиве ИИМК РАН // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 61-го заседания. Вып. 31. М.: ИА РАН, 2016. С. 426–443.

⁴⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 150. Часть I. Л. 31.

⁴⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 301. Л. 9; *Длужневская Г.В.* Первые заведующие фотоархивом ИИМК РАН // АВ. Вып. 10. 2003. С. 352; *Кызласова И.Л.* Николай Петрович Сычев (1883–1964). Отечествен-

ГАИМК. Тяжелое финансовое положение и пошатнувшееся здоровье заставили Н.П. Сычева обратиться к руководству Института за помощь в сборе документов о его академической карьере для получения дополнительного пайка, а в итоге его зачислили в штат ИИМК на ставку старшего научного сотрудника.

Бесконечный трагизм всех пережитых лет изгнания и пронзительная боль от потери возможности заниматься любимым делом ощущаются в проникновенном письме Николая Петровича Сычева к Ученому секретарю московской части ИИМК АН СССР Павлу Николаевичу Шульцу⁴⁹, написанном 1 февраля 1944 г. и посвященном, казалось бы, прозаичным рабочим вопросам:

«Глубокоуважаемый и дорогой Павел Николаевич,

Сегодня получил Ваше любезное письмо и отношение ИИМК Академии наук СССР о присылке отчета и статей для “Кратких Сообщений” в Трудах Института⁵⁰. Сегодня же отправил Вам телеграмму о высылке отчета и статей. Спешу также ответить и на письмо Ваше. Великое спасибо Вам за добрую память и за столь милое ко мне отношение. Должен, однако, сказать Вам, что вряд ли сумею оправдать Ваши надежды относительно изучения русской художественной культуры. Слишком устарел я, дорогой Павел Николаевич, да и жизнь меня сильно потрепала, силы упали и нет уже той энергии, с которой я когда-то работал и в Университете, и в Академии Художеств, и в ГАИМК, и в Русском музее. Не погасла лишь и никогда не погаснет моя любовь к науке и искусству. Она теперь, на склоне дней, живет во мне еще полной жизнью и, пожалуй, горит более сильным пламенем, чем в молодые годы. Помните, еще Тютчев писал — “О как на склоне наших дней сильней мы любим...”, вот во мне и горит этот свет “любви вечерней, любви последней”. Не будь его, не стоило бы жить, да признаться и есть еще порох в пороховнице. Итак, работать я буду в ИИМК с увлечением, с наслаждением, с настойчивостью, но что из этого выйдет, не знаю.

Я стал скептиком в отношении себя и потому особых надежд не питаю. Наоборот, я питаю огромные надежды и полную уверенность в том, что такие молодые силы и таланты как М.И. Артамонов, как Вы, дорогой Павел Николаевич, и как многие другие, от которых я получаю теперь частые и сердечные письма, сделают в нашей науке такие огромные и чудесные вклады, что наука наша переживет новый, сияющий расцвет.

В Вас сила и на Вас надежда, а я, если судьба века продлит, буду лишь счастливым свидетелем прогресса великой нашей науки. Больших заданий я себе не ставлю,

ная реставрация: Personalia. Вып. 1. М.: Сканрус, 2006. С. 72–76; *Рождественская Т.В.* «И чем я Вас всех отблагодарю...» (Н.П. Сычев и Н.Н. Воронин в письмах 1940-х гг.) // *Искусство Древней Руси и его исследователи* (Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Вып. 6.) / под ред. В.А. Булкина. СПб., 2002. С. 252–260.

⁴⁹ П.Н. Шульц закончил историко-филологический факультет Петроградского университета в 1923 г. Одним из его преподавателей в годы учебы в Университете был Н.П. Сычев. В последующие годы они, вероятно, неоднократно сталкивались в ГАИМК, когда П.Н. Шульц сначала учился в аспирантуре, а затем стал научным сотрудником Академии. В 1943–1944 гг. он исполнял обязанности Ученого секретаря ИИМК (Москва).

⁵⁰ Н.П. Сычевым были подготовлены две статьи и опубликованы в ближайших выпусках КСИА (*Сычев Н.П.* Поливной сосуд из Биляра // КСИА. Вып. XII. М.-Л., 1946. С. 138–140; *Сычев Н.П.* К вопросу о болгарских сфероконических сосудах // КСИА. Вып. XIV. М.-Л., 1947. С. 70–73). Отчет о работе он составил на следующий день. См. ниже.

Н.П. Сычев (в центре) со студентами Археологического института в Коломенском.
Ок. 1923 г. В первом ряду второй слева П.Н. Шульц

Группа преподавателей и студентов Археологического отделения Ленинградского государственного университета. Ок. 1925 г. В третьем ряду третий слева — Н.П. Сычев, в центре К.К. Романов и Б.В. Фармаковский, в верхнем ряду пятый справа — П.Н. Шульц

скажу лишь, что “влюбился” в болгарские черепки, описываю их, изучаю и удивляюсь, как это многие исследователи болгарской культуры так поверхностно подходили к этому, правда примитивному, а иногда и грубому материалу, а он вместе с тем обладает способностью рассказывать такие пленительные истории о минувших культурах человечества. Жаль, что не имею в данное время возможность расширить круг исследования изучением болгарской культуры в Казанском музее ТАССР, что мало, очень мало здесь специальной литературы, да и работать приходится в трудных условиях. Вот и сейчас пишу Вам при маленькой копилке. Извините, что в этом письме отошел от делового тона; но пишу Вам частным образом, да и письмо Ваше так растрогало меня и вызвало столько хороших воспоминаний, что захотелось поговорить попросту, по-товарищески.

Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет глубокоуважаемой супруге Вашей. Я ее помню и вот сейчас вижу, как живую. Желая Вам всего самого светлого в жизни, здоровья и постоянных успехов в научной работе.

Искренне и горячо любящий Вас,
Н. Сычев»⁵¹.

Следующим днем, 2 февраля 1944 г., датируется годовой отчет Н.П. Сычева о научной работе, которая была произведена им уже как сотрудником Института истории материальной культуры АН СССР. Он сообщал, что составил научное описание и осуществил исследование керамики прикамских болгар по материалам, экспонирующимся в Чистопольском краеведческом музее. В описание вошли как памятники местного производства, так и привозные из Средней Азии, Армении и Багдада, но «за невозможностью произвести фотоснимки» с указанных памятников Н.П. Сычевым были выполнены «точные рисунки пером и акварелью». Помимо того, он закончил описание и исследование фрагментов керамики гончарного производства, служивших в разное время предметами болгарского домашнего обихода, и частично строительного дела. В итоге в КСИА были изданы две вышеупомянутые статьи. Н.П. Сычев писал, что тормозом на пути исследования памятников болгарской культуры являлась «невозможность фотографирования памятников, невозможность в данное время сравнительного изучения памятников болгарской керамики», хранящихся в центральном музее в Казани, «невозможность произвести исследования городищ на месте, отсутствие необходимой научной литературы и отсутствие электросвета».

Н.П. Сычев также отчитался об исследовании памятников русского и иностранного искусства в фондах Чистопольского музея. Он определил авторство двух картин. Картину «Пир», числившуюся «копией с Рембранта», Н.П. Сычев определил как «оригинальный высокой художественной ценности эскиз венецианской школы Паоло Веронезе» на тему «Пир у Клеопатры». Большая акварельная картина «Закат в фиорде» неизвестного мастера оказалась оригинальной акварелью Альберта Н. Бенуа «Остров Бель-Иль в Бретани».

Вместе с уже перечисленными работами, Н.П. Сычев прочел 24 лекции по истории искусства и материальной культуре в ЛитФонде СССР, эвакуированном в Чистополь, а также ряд лекций в местных школах. В Чистопольском краеведческом

⁵¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 179а. Л. 1–2.

музее Н.П. Сычевым была организована выставка «Великая Отечественная война», для которой им же исполнен ряд больших акварелей, иллюстрирующих «героические моменты борьбы Красной армии с немецкими захватчиками». Он также дописал под отчетом, что «с начала войны до 1942 года я работал в Центральной больнице, где выполнял большое исследование о пеллагрозных заболеваниях»⁵².

Н.П. Сычев состоял в Елабужской группе ИИМК АН СССР до июля 1945 г., а после его причислили к «Институту истории материальной культуры АН СССР г. Москва»⁵³. Дальнейшая жизнь его была связана с Владимиром и Москвой, где Н.П. Сычев продолжал неустанно вести напряженную работу по изучению, охране и реставрации архитектурного богатства России⁵⁴. Целая плеяда молодых талантливых реставраторов, архитекторов и историков искусства была воспитана Н.П. Сычевым в эти годы, и, надо заметить, им несказанно повезло получить знания и опыт у этого выдающегося русского ученого⁵⁵. Неутомимая энергия Н.П. Сычева и активная работа по специальности на протяжении послевоенного периода дали огромное научное наследие и богатый архивный материал исследований этих лет.

Судьба архивного собрания Н.П. Сычева неоднократно затрагивалась в научных работах⁵⁶, однако материалы рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН предоставили возможность дополнить новыми документальными фактами историю поступления личного архивного фонда ученого.

После всех лет гонений и ареста его ждало еще одно тяжелое испытание — предательство когда-то горячо любимого человека. В 1918 г. Н.П. Сычев впервые женился, его супругой стала Елена Осиповна Боровская (в девичестве Елена Иосифовна Лущицкая). Н.П. Сычев, по всей видимости, был хорошо знаком с ее семьей и первым мужем Б.М. Боровским⁵⁷, но чувства оказались сильнее всех условностей, хотя решение о разводе и новом браке, судя по всему, было не очень легким для всех сторон⁵⁸. Н.П. Сычев воспитывал двоих детей Е.О. Сычевой от первого брака, он же устроил ее в Академию в 1920 г., где она работала вместе с ним в одном Раз-

⁵² РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. 301. Л. 10а — 10а об.

⁵³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 301. Л. 11.

⁵⁴ Об этом периоде подробно см.: *Кызласова И.Л. Николай Петрович Сычев (1883–1964) // Отечественная реставрация: Personalia. Вып. 1. М.: Сканрус, 2006. С. 84–148.*

⁵⁵ *Кызласова И.Л. О профессоре Н.П. Сычеве, учителе и друге молодых художников, реставраторов, искусствоведов: непознанный XX век // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2020. Вып. 39. С. 155–172.* Также см. воспоминания современников о Н.П. Сычеве в книге: *Кызласова И.Л. Николай Петрович Сычев (1883–1964) // Отечественная реставрация: Personalia. Вып. 1. М.: Сканрус, 2006. С. 152–209.*

⁵⁶ *Длужневская Г.В. Первые заведующие фотоархивом ИИМК. С. 352; Материалы для изучения росписи церкви св. Григория в Ани. Записи Николая Сычёва 1911–1912 гг. / ред.-сост.: З. Схиртладзе, И. Тезелашвили, Н. Смирнов. Тбилиси, 2019. С. 26–27; Кызласова И.Л. Николай Петрович Сычев. С. 180.*

⁵⁷ Боровский Борис Модестович (1885–1942) — закончил Санкт-Петербургский университет, преподавал историю в различных учебных заведениях. В 1930-е гг. — доцент исторического факультета ЛГУ, помощник декана и зав. сектором заочного обучения; доцент русского языка, зам. декана литературного факультета Ленинградского института им. А. И. Герцена. Погиб в блокаду (Биографика СПбГУ. Электронный ресурс <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1168-borovskiy-boris-modestovich.html> (дата обращения 01.07.2021)).

⁵⁸ Сохранилось дело о расторжении их брака (ЦГИА СПб. Ф. 678. Оп. 1. Д. 34). В письмах матери и отца к Н.П. Сычеву, сохранившихся в Научном архиве ИИМК РАН, есть косвенные упоминания непростых обстоятельств развода.

ряде. Однако после ареста 1933 г. его первая жена не только покинула Н.П. Сычева⁵⁹, но и принялась распродавать его научное и художественное наследие — библиотеку, архив и написанные им картины. В 1950 г. обратилась она и в ИИМК АН СССР с предложением приобрести рукописный и фотографический архив ученого. Папки и коробки с документами в июле 1950 г. были перевезены в Институт для рассмотрения и оценки их стоимости. Специальная комиссия в декабре того же года оценила материалы в пять тысяч рублей, и заместитель директора ИИМК АН СССР, заведующий Ленинградским отделением А.П. Окладников сделал соответствующий запрос в Москву о возможности выделения средств на их покупку, на что получил закономерный ответ, что прежде, чем решать вопрос о приобретении архива Н.П. Сычева, необходимо выяснить, согласована ли передача с самим Н.П. Сычевым. В январе 1951 г. после сообщения из ИИМК АН СССР Н.П. Сычев в своем письме с горьким сожалением писал о происходящем:

«6 января 1951

Глубокоуважаемый тов. Окладников,

Письмо Ваше от 25-ХП-1950 г. за № 1027 только что получил, возвратясь из длительной служебной командировки. Очень Вам благодарен за это письмо и крайне удивлен предложением Е.О. Сычевой приобрести мой фотографический и рукописный архив, если только можно назвать его этим термином, так как никогда не ставил себе целью копить и создавать личный архив.

Мне хорошо известно, что Е.О. Сычева, распространяя слухи о моей смерти⁶⁰, распродала мою библиотеку, небольшое собрание картин, подаренных мне друзьями художниками или мною приобретенные, а также мои личные живописные картины. Распродала или вывезла в Москву и часть принадлежавшего мне имущества.

В 1948 г., будучи командирован Научно-методическим Советом по охране памятников культуры при Президиуме Академии наук СССР для осмотра и исследования живоотно-реставрационных работ в Новгороде, Пскове и Мелетове, я был 2 дня в Ленинграде, заходил на мою бывшую квартиру и с ведома Е.О. Сычевой ознакомился с сохранившейся частью моих рукописей, сваленных в кучу и крайне перепутанных. Тогда же я взял себе для работы рукописи о разбитой фашистами новгородской церкви XIV в. в Ковалево. При осмотре всего этого разрозненного, частично утраченного и крайне запущенного “архива”, я нашел ряд фотографий с фресок церкви Тиграна Хоненца в Ани. Записных моих книжек (их несколько), в которых были подробно описаны эти фрески с точными копиями их надписей, я не нашел. Тогда же я просил Е.О. Сычеву, если эти книжки будут найдены, обязательно передать их вместе с фотографиями совершенно безвозмездно Академику И.А. Орбели, крупнейшему знатоку армянской культуры и искусства, моему товарищу по Университету. Мне очень хотелось, чтобы она это исполнила. Записные книжки могли бы заинтересовать И.А. Орбели при его исследованиях⁶¹.

⁵⁹ Кызласова И.Л. Николай Петрович Сычев. С. 68.

⁶⁰ Надо отметить, что и в ИИМК АН СССР Е.О. Сычева в 1950 г. тоже представилась вдовой (Длужневская Г.В. Первые заведующие фотоархивом Института истории материальной культуры РАН. С. 352).

⁶¹ Записные книжки были обнаружены и поступили в архив в 1952 г. уже после передачи личного фонда Н.П. Сычева. И.А. Орбели посчитал правильным хранить их вместе с остальными материалами

Оказывается, Е.О. Сычева не только игнорировала мою просьбу, но стала на старый путь распродажи имущества не умершего, а еще живущего и работающего в науке человека. Не буду оценивать ее намерения. Мне просто стыдно за них, как горько и стыдно за ранее совершенную продажу любимой моей библиотеки.

Но раз Институт, рассмотрев мои материалы, признал желательным пополнить ими собрания, то я был бы счастлив, если бы Институт, с которым у меня много светлого связано в жизни, счел бы возможным принять эти материалы от меня старика в дар Институту.

Смею сказать, что дети Е.О. Сычевой которых я когда-то воспитывал, теперь достигшие высших ученых степеней (сын — доктор физико-математических наук, профессор, жена его архитектор; дочь — геолог, ее муж инженер) вполне могли бы обеспечить материальные условия жизни матери, и ей не следовало бы распродавать материалы еще живущего человека.

Повторяю, что буду счастлив, если Институт, найдя что-либо подходящее для пополнения своих собраний, примет мои материалы от меня в дар.

Извините за несколько запоздалый ответ на Ваше любезное письмо.

С искренним уважением, Н. Сычев»⁶².

Институт, конечно, рад был принять уникальные материалы Н.П. Сычева, и А.П. Окладников выразил ему огромную благодарность за этот бесценный дар. Таким образом, вопреки установившемуся мнению о продаже личного собрания ученого его первой женой, рукописный и фотографический фонды Н.П. Сычева поступили в ЛО ИИМК АН СССР как дар от фондообразователя. Сам же Николай Петрович искренне благодарил Институт за оказанную честь принять материалы на хранение в дорогое его сердцу учреждение, с которым были связаны лучшие годы его жизни. В итоге в архив ЛО ИИМК АН СССР поступили 7 ящиков с негативами и диапозитивами, 15 связок с фотографиями, рукописными документами и печатными изданиями, 2 коробки картотек. В 1952 г. Б.Б. Пиотровский дополнительно получил из квартиры Е.О. Сычевой 15 записных книжек и ряд фотографий и рукописей и передал их в архив.

Дальнейшее формирование фонда продолжилось уже после кончины Н.П. Сычева. Из монографии И.Л. Кызласовой известно, что «после Н.П. остался обширный архив — 143 папки различных материалов. Их с любовью, по листочку разобрала и разложила по темам Антонина Николаевна и сдала это бесценное наследие в Институт археологии»⁶³. Действительно, эти дела поступили в архив Института археологии АН СССР в Москве. Однако в 1968 г. в рукописный архив Ленинградского отделения Института⁶⁴ пришло письмо от заведующей московским архивом Т.Т. Владимировой, где она сообщала: «У меня для Вас есть еще одна новость по поводу личного фонда Н.П. Сычева. Фонд был передан вдовой Сычева в количестве

ученого. В 2019 гг. они были опубликованы: Материалы для изучения росписи церкви св. Григория в Ани. Записи Николая Сычёва 1911–1912 гг. / ред.-сост.: З. Схиртладзе, И. Тезелашвили, Н. Смирнов. Тбилиси, 2019).

⁶² Переписка о приобретении рукописных и фотографических материалов Н.П. Сычева хранится в учетных документах Научного архива ИИМК РАН.

⁶³ Кызласова И.Л. Николай Петрович Сычев. С. 180. А.Н. Сычева — вторая жена Н.П. Сычева.

⁶⁴ Сейчас рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН.

141 единицы хранения за 1918–1964 годы. Фонд состоит из рукописей статей и иллюстраций к ним. В личном фонде имеются материалы по реконструкции и реставрации соборов во Владимире, в гор. Кидекше церкви “Бориса и Глеба”, в г. Александрове, о реставрации Киевского Софийского собора и Покровского собора, храма Василия Блаженного в Москве.

Исходя из сведений, присланных Вами, материалы, которые переданы нам, являются продолжением и, конечно, кровно связаны с материалами, хранящимися в Вашем архиве. Поэтому мы считаем целесообразным хранить эти материалы вместе, а поэтому их нужно объединить и хранить одним фондом или в Москве, или в Ленинграде. Так как количество материалов фонда, хранящегося в Вашем архиве в два раза больше, чем у нас, и по содержанию материал не связан географическими объектами с Москвой (за исключением Покровского собора), то мы предлагаем передать материалы в Ваш архив с тем, чтобы фонд не был разрознен».

Таким образом, в 1968 г. 141 дело было передано в рукописный архив Ленинградского отделения Института археологии для вливания в уже сформированный к тому времени личный фонд Н.П. Сычева, а 468 фотографий дополнили его фотоколлекцию.

В настоящее время на хранении в ИИМК РАН находятся два фонда ученого. Рукописное собрание включает 417 дел. Среди них — материалы научных трудов по истории искусства, охране и реставрации памятников архитектуры Новгорода, Пскова, Киева, Закавказья, заметки по отдельным памятникам, архитектурным стилям, проблемам искусства, рисунки Н.П. Сычева, библиографические указатели, документы служебной, педагогической деятельности и к биографии ученого, корреспонденция. В фотографическом фонде Н.П. Сычева хранится около трех тысяч негативов и отпечатков по древнерусскому искусству, церковной архитектуре Армении, Грузии, Греции, Сербии, Италии, Малой Азии⁶⁵.

Ресурс архивного собрания Н.П. Сычева использован в очень небольшой степени, многие рукописи, как уже отмечалось, остаются неопубликованными, в том числе и главный труд, подготовленный во время работы в Академии истории материальной культуры и посвященный фрескам церкви Спаса Преображения на Ковалева. Будущим поколениям специалистов только еще предстоит осознать истинную научную значимость документального наследия выдающегося русского ученого для исследований в области изучения и сохранения древних памятников, так же как и ввести новые данные из научных и биографических документов Н.П. Сычева и учреждений, где он работал, для подлинной оценки его научной и художественной деятельности.

⁶⁵ Длужневская Г.В. Первые заведующие фотоархивом Института истории материальной культуры РАН. С. 352.

Александр Петрович Удаленков (1887–1975)

М.В. Медведева

Архитектор-художник Александр Петрович Удаленков¹ родился 1 апреля в 1887 г. в крестьянской семье в д. Вепрь Кашинского уезда Константиновской волости Тверской губернии. По окончании начальной школы он был определен в 1899 г. рабочим печатного дела в Экспедицию заготовления государственных бумаг в Петербурге, и так впервые оказался в столице. Молодой человек был художественно одарен, весьма трудолюбив и с поразительным упорством шел к своей цели, стремясь всеми силами получить дальнейшее образование. Работая в Экспедиции, он одновременно посещал вечернюю школу рисования Общества поощрения художеств и общеобразовательные курсы для рабочих в Дерптском переулке².

Проработав 10 лет с 1899 по 1909 г. рабочим, Александр Удаленков направился в Одессу, где поступил на Архитектурный отдел Художественного училища, и в 1912 г. окончил его вместе с находившимся при нем реальным училищем. В процессе обучения средства для существования приходилось добывать репетиторством. Тем не менее, в этот период Удаленкову довелось побывать в Константинополе, Греции, Венеции, Германии³ и ознакомиться с известными архитектурными памятниками. По окончании Училища прилежание и успехи будущего архитектора были отмечены дипломом с отличием, золотой медалью и годичной стипендией для продолжения образования.

Большое влияние на Александра Удаленкова в отношении окончательного выбора профессии оказал старший брат Николай⁴. Видимо, вместе они впервые при-

¹ В качестве заставки использован фотопортрет А.П. Удаленкова в годы учебы в Академии художеств (по: *Рославский В.М.* Москва — Петроград. Два центра отечественной реставрации. М., 2015. С. 396).

² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 675. Л. 40–42.

³ *Любезников О.А.* Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг. Архитекторы М.Т. Преображенский, Н.П. Никитин, А.П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. СПб., 2017. С. 23.

⁴ Удаленков Николай Петрович (1881–1948) российский художник-реставратор. Состоял научным сотрудником в Археологической комиссии и в Академии истории материальной культуры, научным сотрудником археологического подотдела при Отделе музеев Главнауки, старшим научным сотрудником Петергофских дворцов-музеев, бригадиром секции живописи в Центральном реставрационном мастерских в г. Пушкине, принимал участие в эвакуации и спасении музейного имущества в 1941 г., работал рестав-

ехали в Петербург, а затем в 1912 г. поступили в Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств, где учились в архитектурной мастерской Л.Н. Бенуа. 15 декабря 1917 г. А.П. Удаленкову было присуждено звание художника-архитектора⁵, а за выставленный на конкурс проект Военно-исторического музея его поощрили заграничной командировкой.

Еще в ходе обучения в Академии художеств братья Удаленковы попали в поле зрения архитектора Императорской археологической комиссии П.П. Покрышкина и вплоть до 1921 г. работали под его руководством. Сначала они выполняли отдельные поручения по научной охране и реставрации архитектурных памятников. Самыми значительными совместными работами братьев стали обмеры Успенского собора в Москве и подготовка этих материалов к публикации, которая так и не состоялась. На основании прекрасного отзыва П.П. Покрышкина в 1913 г. А.П. Удаленков был приглашен Н.Я. Марром в знаменитую Анийскую экспедицию, работавшую на территории Армении. В 1934 г. один из участников, а затем и руководителей исследований выдающийся востоковед И.А. Орбели высоко оценил профессиональные качества архитектора: «А.П. Удаленков был привлечен к работам в Ани в 1913 году на основании самого лучшего отзыва данного о нем покойным П.П. Покрышкиным, вполне оправданного работой А.П. Удаленкова. С первых же шагов А.П. Удаленков показал себя с самой лучшей стороны не только, как добросовестный, внимательный и до мелочности точный фиксатор состояния изучаемого памятника, но и дал прекрасные проекты восстановления раскапывавшихся памятников средневековой армянской архитектуры. Это дало основание Н.Я. Марру поручить А.П. Удаленкову и производство некоторых работ по частичной реставрации пострадавших от времени и сейсмических условий зданий. Первый же опыт Удаленкова, работа над восстановлением покрытия северо-западного угла знаменитого анийского собора, осложненная необходимостью разрешения задачи укрепления отходившей северной стены, показал, что Удаленков может рассматриваться и как надежный руководитель ответственных реставрационных работ. Эта и другие работы Удаленкова в Ани дали основание для положительных отзывов акад. Н.Я. Марра, мнение которого в полной мере разделялось, и мною»⁶.

В 1916–1917 гг. А.П. Удаленков принял участие еще в одном интересном проекте ИАК и Академии наук, куда его позвал опять П.П. Покрышкин. Во время Первой мировой войны Академией наук была создана Комиссия для наблюдения за состоянием сохранности исторических памятников и научных коллекций в зоне военных действий, на западный и турецкий фронты были назначены специальные уполномоченные. В рамках этого проекта состоялось несколько экспедиций, результаты которых до сих пор лишь отчасти введены в научный оборот⁷.

ратором во дворцах-музеях и парках Петродворца в 1945–1946 гг. (Петергоф в Великой Отечественной войне: 1941–1945. Т. II. СПб., 2019. С. 419–420; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 677).

⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1912. Д. 114. Л. 13–14.

⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 675. Л. 23–24.

⁷ Басаргина Е.Ю. Историко-археологическая экспедиция в Трапезунд (1916 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1991. Т. XXIII. С. 295–306; Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. М., 2008. С. 488–489; Цыпкина А.Г. Трапезундская научная экспедиция 1916–17 гг.

В 1916–1917 гг. такие работы проводились и на территориях Галиции и Буковины, занятых в ходе наступательной операции юго-западного фронта Русской армии летом 1916 г. под командованием генерала А.А. Брусилова. Обследованием памятников архитектуры и церковной старины руководил член Археологической комиссии академик архитектуры П.П. Покрышкин⁸, который посчитал участие в экспедиции молодого архитектора А.П. Удаленкова весьма полезным. Помимо архитектурных памятников, в процессе работ исследователи также описывали и фиксировали древности из архивных, музейных и библиотечных хранилищ, собирали этнографические данные. Накопленные ими материалы сохранились в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, библиотеке РАН и других научных учреждениях. А.П. Удаленков присоединился к сотрудникам экспедиции в ноябре 1917 г. Вместе с П.П. Покрышкиным он посетил Буковину в декабре 1916 — январе 1917 г., где активно занимался фиксацией архитектурных памятников. В результате Александр Петрович зарекомендовал себя самым наилучшим образом. Как только у ведущего специалиста ИАК по архитектурным исследованиям П.П. Покрышкина появилась возможность расширить состав сотрудников своего подразделения, А.П. Удаленков 15 мая 1918 г. был избран исполняющим обязанности члена Археологической комиссии⁹, а в 1919 г. утвержден в звании действительного члена Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК). С небольшим перерывом он работал там на протяжении всего существования учреждения: в должностях сотрудника и заведующего подразделением общей архитектуры, архитектора Мраморного дворца при ГАИМК, сотрудника Института исторической технологии.

Одновременно с 1918 по 1929 г. А.П. Удаленков был председателем Комитета по охране памятников старины и заведующим Ленинградской реставрационной мастерской, где руководил делом научной охраны и реставрации памятников зодчества Северо-Запада, в частности, древнего Новгорода, Пскова и Старой Ладogi¹⁰. В одной из автобиографий А.П. Удаленков писал о своей работе

Новые архивные материалы // Причерноморье в Средние века. Труды Исторического факультета МГУ. СПб., 2015. С. 212–237; *Цыпкина А.Г.* Описание материалов Трапезундской экспедиции Ф.И. Успенского (1916–1917) // ВВ. 2016. Т. 75. № 100. С. 197–212; *Цыпкина А.Г.* «Прибыл в Трапезунт на миноносце...». записная книжка академика Ф.И. Успенского. 1916 г. Исторический архив. 2017. № 3. С. 158–181; № 4. С. 123–159; *Цыпкина А.Г.* Организация русских научных экспедиций в начале XX в. (на примере Трапезундских экспедиций Ф.И. Успенского (1916, 1917 гг.)) // Междисциплинарные исследования в истории науки. Коллективная монография по материалам Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Междисциплинарные исследования в истории науки» 11–13 декабря 2018 г. М., 2019. С. 109–110; *Старостин Д.Н.* Трапезундская экспедиция 1916–1917 гг. // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 283–291.

⁸ *Медведева М.В., Мусин А.Е., Александрович В.С.* По следам ученой поездки П.П. Покрышкина в 1916–1917 гг.: К 100-летию Буковинской экспедиции Археологической комиссии и Академии наук // АВ. 2017. Вып. 23. С. 416–421; *Медведева М.В.* Буковинская экспедиция академика архитектуры Петра Петровича Покрышкина. Документы и фотографии из архива ИИМК РАН // АВ. 2020. Вып. 28. С. 388–406.

⁹ Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: Коллективная монография: в 2 т. Т. 1 / науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. СПб., 2019. С. 53.

¹⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 675. Л. 40–42.

Буковина. Вама. Вознесенская церковь. Участники экспедиции.
Слева направо: А.П. Удаленков, А.П. Хотулев, С.Л. Дьяконович, В.Г. Леонтович.
3 января 1917 г.

в эти годы: «Наиболее крупными реставрационными работами, выполненными под моим руководством, являются: по памятникам XII–XIII вв. Звонница Софийского собора, ц. Рождества на кладбище в Новгороде и ц. Георгия в Старой Ладоге.

В процессе реставрационных работ по древним памятникам мной производились исследования причин появления на фресках ямчуги, грибка и некоторых других вредных для ценнейших фресок явлений, грозящих полным выцветом их красок. В результате работы мной был прочитан доклад в Музейной Секции ГУСа причины неизбежной гибели памятников живописи и о мерах их сохранения. Доклад этот ГУСом был принят и постановлением его печатать и провести в жизнь во всех выдающихся памятниках старины, предложенные в моем докладе мероприятия, что и было выполнено. Согласно заключения комиссий состояние памятников этого резко улучшилось, ямчуга выступает уже в незначительных количествах, появление грибка почти прекратилось, дальнейший выцвет красок не наблюдается»¹¹.

В связи с этим направлением работы А.П. Удаленкова общепризнанный авторитет в деле реставрации монументальных памятников русского зодчества И.Э. Грабарь отмечал в 1935 г., что «большой заслугой А.П. Удаленкова следует

¹¹ Там же.

признать введение в практику научно обоснованное им устройство так называемой вертикальной вентиляции и тем уничтожить обычное явление сырости на фресках древних сооружений, чем и предотвратить их от разрушения»¹². В то время почти все памятники архитектуры эпохи классицизма в Ленинграде реставрировались под непосредственным руководством А.П. Удаленкова, в том числе он принимал самое деятельное участие в сохранении и реставрации Исаакиевского собора¹³.

В РАИМК самыми значимыми за все время работы А.П. Удаленкова стали его исследования среднеазиатских архитектурных памятников. В 1921 г. была организована большая Туркестанская экспедиция по изучению архитектурных памятников Самарканда и Бухары под руководством А.П. Удаленкова. После экспедиции Н.И. Веселовского и работ архитектора П.П. Покрышкина и А.В. Щусева по археологическому описанию Гур-Эмира в Самарканде эти исследования стали очередным серьезным шагом в изучении среднеазиатской архитектуры.

Основная задача экспедиции заключалась в выполнении детальных археологических обмеров всего архитектурного комплекса Шах-и-Зинда в Самарканде, на основании которых планировалось провести анализ архитектурных форм, конструкции и строительных приемов, а также дать рекомендации по вопросам ремонта и охраны памятника¹⁴. Кроме руководителя А.П. Удаленкова, в состав экспедиции вошли восемь сотрудников, компетентных в «архитектурно-художественных вопросах», — архитекторы, художники, фотограф, химик, реставратор, в том числе в живописцы К.С. Петров-Водкин¹⁵ и А.Н. Самохвалов. Несмотря на различные организационные сложности и конфликтную ситуацию между руководителем и сотрудниками экспедиции, за четыре месяца был выполнен значительный объем исследований, блестящую характеристику которым позже дал крупнейший исследователь Средней Азии А.Я. Якубовский: «Из работ этой экспедиции вышло монументальное археологическое описание крупнейшего из архитектурных памятников мусульманского феодального Востока — группы мавзолеев Шах-и-Зиндэ в Самарканде (главн. обр. XIV–XV вв.). Представляя собой прекрасно выполненные чертежи, в которых научно-отразилось состояние мавзолеев Шах-и-Зиндэ, как они сохранились в наши дни, работа эта дает возможность историку среднеазиатской архитектуры не только поставить, но и разрешить целый ряд вопросов как в области строительной техники, конструкций, так и изразцового убранства.

Автору настоящих строк пришлось принимать некоторое участие в трудах этой экспедиции и лично на месте убедиться, как тщательно и продуманно с учетом новейших методов исследования велось археологическое изучение (обмеры, описание, зарисовки, фото и т.д.) мавзолеев Шах-и-Зинде. Можно только пожалеть, что за отсутствием нужных средств работа экспедиции А.П. Удаленкова

¹² Там же. Л. 46.

¹³ Любезников О.А. Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг. С. 22–63.

¹⁴ Якубовский А.Ю. ГАИМК–ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет // КСИИМК. 1940. Вып. VI. С. 14–23.

¹⁵ Во время экспедиции К. С. Петров-Водкин написал серию картин.

до сих пор не издана. На окончание своих богатых материалов А.П. Удаленков лично потратил свыше 5 лет. В целом ряде докладов (преимущественно в ГАИМК) работа А.П. Удаленкова была признана эталоном в изучении среднеазиатской архитектуры, причем несколько раз выносилось постановление о необходимости ее издания»¹⁶.

Действительно, самую большую ценность этих исследований составили документальные материалы, запечатлевшие состояние памятников на тот момент. Выдающее место в визуализации мавзолеев Шах-и-Зинда принадлежит фотографиям, чертежам и рисункам 1921 г. Фотоколлекции Туркестанской экспедиции поступили в архив ГАИМК только в конце 1920-х гг., до этого времени, видимо, с ними работали сотрудники Академии в кабинетах, как было принято в тот момент. В настоящее время в фотоотделе хранятся семь альбомов с фотографиями¹⁷, которые отражают тщательнейшим образом исполненную работу по фиксации этого уникального памятника. На снимках можно увидеть внешние и внутренние виды, детали, декор, общие виды. В 1923 г. РАИМК представила в Отдел музеев Главнауки «Описание состояния к осени 1921 года памятников искусства и старины Шах-и-Зинда в Самарканде»¹⁸ и смету на проведение необходимых ремонтно-реставрационных работ, однако экспедиция не получила продолжения. В том же году состоялась выставка чертежей и фотографий из материалов Туркестанской экспедиции, которая заняла шесть залов Мраморного дворца, где в тот момент располагалась РАИМК. В дальнейшем планировалось подготовить полную публикацию комплекса Шах-и-Зинда в продолжение «предпринятой б. Археологической Комиссией серии “Мечети Самарканда”»¹⁹. Все чертежи и фотографии были тщательно проработаны и подготовлены А.П. Удаленковым к публикации, но этому грандиозному плану не суждено было свершиться, а уникальные материалы так и остались неизданными. В 1935 г. руководство Академии истории материальной культуры так сообщало об этой ситуации в отзыве о научной деятельности А.П. Удаленкова:

«1. Работа А.П. Удаленкова по исследованию древних памятников архитектуры Ср. Азии — группы Шах-Зинде XIV века в Самарканде и мавзолея Баян-Кули-Хан в Бухаре постановлением Академии подлежат изданию на французском и русском языках. Издание это в настоящее время не осуществлено из-за отсутствия у Академии должных на это ассигнований.

2. Ноября 1934 года Всесоюзная Академия Архитектуры, а в августе 1935 года Всесоюзная Академия Художеств и Государственный Эрмитаж обратились в ГАИМК и А.П. Удаленкову с просьбой передать им указанный капитальный труд для помещения его в их Музеях. Согласно желания А.П. Удаленкова его

¹⁶ Якубовский А.Ю. ГАИМК–ИИМК и археологическое изучение Средней Азии... С. 15–16; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 675. Л. 25–25 об.

¹⁷ ФО НА ИИМК РАН. Альбомы О.1382–О.1388, всего 446 негативов и 443 отпечатка. Материалы поступили в 1928 г.

¹⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1923. Д. 120.

¹⁹ Мечети Самарканда. Вып. 1. Гур-Эмир. СПб., 1905; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1923. Д. 120. Л. 5 об.

работы были переданы в Государственный Эрмитаж, где в настоящее время и находятся в выставочных залах Отдела Востока.

Учитывая большой проявленный к этим работам научный интерес, Всесоюзных научных учреждений и опубликования этого труда посредством Музейной экспозиции в Государственном Эрмитаже сначала в выставочных залах Отдела Востока, а затем на выставке Международного Иранского Конгресса, а также финансовые затруднения Академии по изданию указанной работы, ГАИМК считает, что работы А.П. Удаленкова, находясь в музее мирового значения в экспозиционном состоянии тем самым получили должную оценку и являются по мнению Академии опубликованными»²⁰.

В 1920-е гг. Удаленков еще несколько раз побывал в Средней Азии по заданию ГАИМК. Так, летом 1926 г. по приглашению Совнаркома Туркменистана и Главнауки РСФСР он был командирован Академией в Анау, где обследовал состояние мечети середины XV в. и осмотрел древние городища Нисы около Ашхабада. По просьбе Предсовнаркома Туркменистана в том же году архитектор совершил с профессорами Ташкентского университета поездку в Анау для осмотра памятников мавзолея Абу-Саида и его мечети, где произвел их обмеры. Затем он обследовал состояние мавзолея Султан-Санджара в Старом Мерве и проинспектировал ремонтно-реставрационные работы на древних памятниках Самарканда и Бухары.

На основании материалов, полученных в результате обследования архитектурных памятников Средней Азии, Удаленков разработал план временных мер по сохранению этих уникальных объектов, а также проекты дальнейшей консервации мечети в Анау, мавзолея Абу-Саида Мейхенейского и мечети при нем. Кроме того, он подготовил план консервации мавзолея Султан Санджара в Старом Мерве и составил его схематические чертежи²¹.

Работы в Средней Азии для А.П. Удаленкова завершились в 1929 г. В этом году в рамках комплексной экспедиции ГАИМК и Узкомстариса планировалось произвести архитектурные обмеры памятников средневековой столицы Хорезма Куния-Ургенча, осуществить там небольшие раскопки в целях уточнения границ домонгольского города и снять инструментальный топографический план. Однако в самом начале экспедиции возникли проблемы, поставившие под угрозу ее проведение. Удаленков должен был руководить архитектурными обмерами, но, узнав уже на месте о невозможности обеспечения безопасности сотрудников научной экспедиции от действий басмачей, он вернулся в Ленинград, в то время как часть сотрудников экспедиции уже прибыла на место работ. ГАИМК срочно прислала на его место архитектора Н.Б. Бакланова, и запланированные исследования состоялись. Разумеется, что в Академии такой поступок не встретил одобрения²².

²⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 675. Л. 32.

²¹ СГАИМК 1929. Т. II. С. 5–6, 361–362.

²² Алёкишин В.А. Сектор/Отдел Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН и его предшественники в ИАК — РАИМК — ГАИМК — ИИМК АН СССР (основные вехи истории) // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 23.

В этот период ликвидируется Главнаука, а вместе с ней сворачиваются и работы Ленинградских реставрационных мастерских, которыми руководил А.П. Удаленков. Видимо, разочаровавшись в научной работе, он решает сменить приоритеты в своей профессиональной деятельности: уходит из ГАИМК и возвращается к архитектурно-строительной практике. В начале 1930-х гг. архитектор спроектировал и построил несколько зданий для высших учебных заведений Ленинграда²³.

В 1935 г. в рекомендации на присвоение профессорского звания²⁴ заведующий кафедрой архитектуры Ленинградского Института инженеров коммунального строительства профессор А.А. Юнгер и академик А.В. Щусев писали об этих годах в деятельности архитектора: «В лице Александра Петровича Удаленкова мы имеем исключительно энергичного и очень крупного деятеля на фронте архитектуры».

Воспитанник и лауреат Академии Художеств в пору ее лучших классических традиций, он, как человек непреклонной воли, стойких убеждений, остался верен себе и своим архитектурным воззрениям вплоть до сегодняшнего дня.

Колебания и уклонения не соответствовали его природе и в период конструктивизма и функционализма он предпочел временно переключиться на практическую строительную деятельность.

Этот период имел чрезвычайно благотворное влияние на развитие Александра Петровича.

Осуществляя в натуре здания весьма крупного объема (Клинические корпуса Ветеринарного Института и Корпуса Горного Института) по собственным проектам, исполненным в простых и строгих формах классических традиций, он весьма всесторонне и глубоко постиг ту связь между проектным чертежом и натурой, которая для многих даже довольно видных современных архитекторов остается в достаточной степени туманной.

Этот период оставил на всем последующем творчестве Александра Петровича (Жилмассив Литопонного Завода и группа общественных учреждений Горного Института в Ленинграде) отпечаток трезвой серьезности и строгого реализма — свойств чрезвычайно ценных для предстоящего грандиозного Социалистического строительства и добавил в его творческом мировоззрении черту, исключаящую ту утопическую фантастику, которой в виде гигантоманий, столь часто страдают произведения современных архитекторов»²⁵.

В 1932 г. после двухлетнего перерыва А.П. Удаленков все же вернулся в ГАИМК, где снова был утвержден действительным членом Академии. В этот период его

²³ А.П. Удаленков никогда не бросал архитектурную практику, с 1922 г. он постоянно участвовал во Всесоюзных архитектурных конкурсах и был многократно награжден премиями. К его конкурсным проектам относятся Дворец труда в Москве, Народный дом в Иваново-Вознесенске, областная больница в Самарканде, грязелечебница «Мойнаки», памятник-мавзолей персидского поэта Низами, городской театр в Мерве, Летний закрытый театр в Ленинграде и др. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 675. Л. 40–42).

²⁴ В 1936 г. А.П. Удаленков получает звание профессора по совокупности научных работ (Трубинов Ю.В. Архитекторы Мраморного дворца. Мистификация и реальность. СПб., 2013 г. С. 200).

²⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 675. Л. 45.

А.П. Удаленков. Дружеский шарж
Н.Н. Чернягина, 1936 г.

деятельность сводилась, главным образом, к «функции научного наблюдения и охраны Мраморного Дворца»²⁶. Надо сказать, что еще в 1920-х гг. его часто привлекали к решению подобного рода вопросов, поскольку состояние здания в отсутствие финансирования стремительно ухудшалось. Как архитектору дворца, Удаленкову в 1924 г. предоставили для проживания с семьей квартиру «площадью 154 кв. м на 3-м этаже главного здания», состоявшую «из шести комнат, передней, кухни ванной и уборной»²⁷, что, очевидно, не добавляло теплоты в отношениях с коллегами по Академии. К середине 1930-х гг. состояние дворца становится катастрофическим, и Удаленков постоянно обращает внимание администрации ГАИМК на аварийное положение памятника. К 1936 г. им были подготовлена смета для восстановления фасадов Мраморного дворца и рекомендации по первоочередным спасательным мерам²⁸, а весной того же

года его освободили от занимаемой должности и перевели на работу в Институт исторической технологии²⁹. Уже летом по заданию ГАИМК архитектор занимался реставрационными работами на древних памятниках Пскова и Новгорода. В том же году он курировал реставрационные работы в Бахчисарайском дворце, который он уже обследовал в 1926 г.³⁰

К сожалению, деятельность А.П. Удаленкова в составе Института исторической технологии длилась недолго. 2 марта 1937 г. он был переведен во внештатные сотрудники Академии³¹ и вскоре уволен по сокращению штатов, когда учреждение было преобразовано в Институт истории материальной культуры АН СССР. И это совершенно неудивительно, учитывая описание его деятельности, подготовленное секретной частью ГАИМК для НКВД:

«УДАЛЕНКОВ, Александр Петрович. Год рождения 1887-й. Архитектор-художник, по анкетным данным, сын бедняка-крестьянина.

²⁶ Там же. Л. 11. О деятельности А.П. Удаленкова на посту архитектора Мраморного дворца см.: Трубинов Ю.В. Архитекторы Мраморного дворца. С. 198–205.

²⁷ Там же. С. 201–202.

²⁸ Там же. С. 203–204.

²⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 675. Л. 51.

³⁰ СГАИМК Т. II. Л., 1929. С. 5–6.

³¹ Там же. Л. 70.

Через председателя месткома т. Бернштама, получила сведения, что Удаленков до революции был членом черносотенской организации Союза русского народа. Живет в Мраморном дворце, имеет прекрасную квартиру с отдельным ходом с Мраморного переулка. Имеет связи с духовенством. Часто видят, как к нему на квартиру ходят попы. Имеется сведения, что крестил на днях родившегося сына. Имеет связи с чуждым элементом Академии. Не так давно пришел заверять свою подпись, как бы на покупку мебели стоимостью в 5 тысяч рублей, по-видимому он разузнал, что ходят про него слухи, что вся обстановка в его квартире /мебель, ковры, картины, люстры/ из имущества Академии, и чтобы скрыть слухи, он заручился этим документом. Постоянные жители Мраморного дворца заявляют, что никогда не видели, чтобы он привозил что-нибудь... Виноват за бесхозяйственность. Антисоветский тип, не общественник»³². Несмотря на такую неблагоприятную в идеологическом отношении характеристику, А.П. Удаленкову удалось избежать репрессий в 1930-е гг., которым подверглись весь руководящий состав ГАИМК и многие научные сотрудники³³.

Дальнейшая деятельность архитектора была связана с охраной памятников старины и с преподаванием архитектурных дисциплин в высших учебных заведениях Ленинграда. Во время Великой Отечественной войны он остался в Ленинграде и пережил все тяжести блокады. Его дочь, профессор Академии имени Вагановой Татьяна Удаленкова, рассказывала об этом страшном периоде жизни ее семьи:

«Я росла в артистической и художественной среде. Мама была певицей, окончила Консерваторию, но жизнь так сложилась, что на сцене она по-настоящему не пела. А папа, Александр Петрович Удаленков, был известным архитектором, с середины 1920-х возглавлял Ленинградское отделение Центральных научно-реставрационных мастерских, коллекционировал русскую и западноевропейскую живопись... А потом наступило 22 июня 1941 года — и свою жизнь я четко помню именно с этого дня. Мы должны были ехать в зоопарк, но буквально перед выходом из дома услышали по радио выступление Молотова о начале войны — папа тут же отменил поездку, бросился в магазин и накупил крупы. Последнюю мы доели в феврале 1942-го — в самый страшный период у нас было хоть что-то помимо хлебного пайка. О блокаде тяжело вспоминать: голод, холод, бомбежки, артобстрелы.

Сначала мы прятались в бомбоубежище после каждого воя сирены, но потом привыкли и оставались дома. Жили в основном на кухне, топя печку-буржуйку книгами и мебелью. Первое время родители были еще на ногах, а когда слегли, доверяли карточки соседке, которая ходила в магазин»³⁴.

³² ЦГА СПб. Ф. Р-7154. Оп. 1. Д. 13. Л. 96–97.

³³ Панкратова Е.Г. Последний председатель ГАИМК — Ф.В. Кипарисов (Новые материалы к биографии) // ВДИ. 2020. № 80/3. С. 728–752; Тихонов И.Л. О репрессиях в ГАИМК. Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х — конец 1940-х годов). Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М., 2021. С. 63–66.

³⁴ «Татьяна Удаленкова: “Нас с сестрой на улицу не выпускали — тогда детей ловили и ели”». Электронный ресурс <https://www.sobaka.ru/city/portrety/67366> (дата обращения: 06.01.2019).

И даже в эти тяжелые дни А.П. Удаленков продолжал заниматься сохранением архитектурных памятников: принимал участие в их укрытии и маскировке от бомбардировок немецкой авиации. В 1943–1944 гг. он активно включился в работу Обмерных мастерских Государственной инспекции по охране памятников, где проводилась архитектурно-археологическая фиксация разрушенных и поврежденных исторических зданий Ленинграда и пригородов и разработка мер по их восстановлению³⁵. В 1944–1945 гг. А.П. Удаленков вошел в состав Ленинградской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков³⁶. После войны он продолжал сотрудничать с Государственной инспекцией по охране памятников и возглавил хозрасчетную мастерскую при Управлении по делам архитектуры Ленгорисполкома, руководил работами по восстановлению памятников в Новгороде.

Именно в те годы А.П. Удаленкова все-таки настигли репрессии. В 1949 г. он был арестован и 20 июня 1950 г. осужден по печально известной статье 58-10, ч. 1. УК РСФСР на 10 лет лагерей. Наказание отбывал в Москве как «архитектор проектной организации МВД». 24 февраля 1955 г. по Постановлению Президиума Верховного Суда РСФСР приговор отменили, а дело прекратили за отсутствием состава преступления³⁷.

Татьяна Удаленкова с горечью вспоминала подробности этих непростых для ее семьи лет: «Мамин отец, священник, был расстрелян в 1938 году. А за папой пришли в 22 часа 1 декабря 1949 года — увели его, всю ночь обыскивали квартиру. Ему дали 25 лет по 58-й статье, но мама подала апелляцию, и срок сократили до 10 лет. Нам оставили лишь одну из трех комнат, а в две другие въехал со своей семьей один из тех людей, которые арестовывали отца. И семь лет мы каждый день его видели. Папу выпустили и реабилитировали в 1956 году — вернувшись домой, он какое-то время жил в одной квартире с этим ужасно неприятным человеком». Через некоторое время после освобождения архитектору вернули дом в Крыму, купленный еще в 1930 г., и он уехал жить в Алупку. Скончался Александр Петрович в Ленинграде в 1975 г.

Совершенно удивительно, что об архитекторе А.П. Удаленкове, прожившем такую долгую, яркую, насыщенную событиями, творческую и научную жизнь, до сих пор существует мало публикаций, в которых раскрыты далеко не все аспекты его деятельности, заслужившей высокую оценку со стороны коллег. Весьма точное представление о комплексном подходе Удаленкова к архитектурным исследованиям первым дал И.Э. Грабарь, когда писал, что он является «одним

³⁵ Трубинов Ю.В. Архитекторы Мраморного дворца. Мистификация и реальность. СПб.: Композитор, 2013. С. 204–205; Охрана памятников Санкт-Петербурга. 90. Петроград. Ленинград. Санкт-Петербург: к 90-летию Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга. СПб.: Профили, 2008. С. 57.

³⁶ Трубинов Ю.В. Архитекторы Мраморного дворца. Мистификация и реальность. СПб.: Композитор, 2013. С. 204–205; Охрана памятников Санкт-Петербурга. 90. Петроград. Ленинград. Санкт-Петербург: к 90-летию Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга. СПб.: Профили, 2008. С. 61.

³⁷ Любезников О.А. Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг. Архитекторы М.Т. Преображенский, Н.П. Никитин, А.П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. СПб.: ЛЕМА, 2017. С. 62–63.

из лучших знатоков архитектурных памятников прошлого, изучивший их одновременно как со стороны историко-художественной и искусствоведческой, так и в плане археолого-техническом». Остается только надеяться, что неизданное научное наследие А.П. Удаленкова, отложившееся в НА ИИМК РАН, постепенно будет введено в широкий научный оборот и станет достоянием общественности.

Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928)

Ю.А. Виноградов

В истории российской и советской археологической науки Борису Владимировичу Фармаковскому¹ заслуженно принадлежит очень почетное место. Признавая это как самоочевидный факт, следует обратить внимание, что в наши дни на страницах научной литературы интерес к этой личности странным образом уменьшается. Конечно, в любом обобщающем труде по истории изучения Ольвии мы непременно найдем упоминания Бориса Владимировича, при этом в самом уважительном контексте. В данном случае имеется в виду другое — специальных трудов, посвященных жизненному пути ученого, анализу его научных концепций, оценке его влияния на современную науку и пр., появляется все меньше и меньше. И такое положение вряд ли можно объяснять лишь тем, что в судьбе Фармаковского уже изучены все более или менее значимые факты, а его

научные достижения всеми давно признаны и оспаривать их немыслимо. Столь крупные, знаковые фигуры не должны уходить в тень, ускользать от внимания исследователей, ведь архивные материалы об этом ученом все еще изучены далеко не в полной мере.

Не претендуя на полноту картины, постараюсь обозначить основные моменты, связанные с отражением жизненного пути Б.В. Фармаковского и его пути в науке на страницах нашей научной печати. Понятно, что его смерть, случившаяся в ночь с 28 на 29 июля 1928 г., стала потрясением для всех, в том числе и для руководства Государственной академии исторической материальной культуры, в которой Борису Владимировичу принадлежали очень ответственные посты. В некрологе, составленном Н.Я. Марром, подчеркивалось величие потери и незаменимость Б.В. Фармаковского для Академии, — бремя его забот и обязанностей будет «под силу взять <...> лишь коллективно организованному руководству»². Академик С.А. Жебелёв писал не только о научных заслугах Бориса Владимировича, но и о его нравственном авторитете, доброте, умении скрывать боль³. На-

¹ В качестве заставки использован фотопортрет Б.В. Фармаковского (ФО НА ИИМК РАН. О.1638–58).

² Марр Н. Б.В. Фармаковский // СГАИМК. 1929. II. С. III.

³ Жебелёв С.А. Памяти Бориса Владимировича Фармаковского // СГАИМК. 1929. II. С. V– XXIV.

помню, что ранее С.А. Жебелёв признавал, что в среде русских археологов-классиков он является *ученейшим*⁴.

Вскоре обозначилась тенденция к совсем другим оценкам. С.А. Семёнов-Зусер в одном из докладов признал Б.В. Фармаковского чуть ли не главой группы буржуазных ученых в области античной археологии Северного Причерноморья⁵. Его оценка, однако, не нашла продолжателей.

На двадцатилетие со дня смерти Б.В. Фармаковского откликнулся ряд советских археологов. А.Н. Карасёв кратко описал его жизненный путь⁶. В.Д. Блаватский признал, что «Б.В. Фармаковского можно считать одним из создателей русской школы в антиковедении»⁷, М.М. Кобылина отметила, что в его работах по истории античного искусства «мы наблюдаем яркий пример единства теории и практики, ясную осознанность цели и метода»⁸, а Д.И. Нудельман даже заявил, что в лице Фармаковского наша наука опередила уровень археологической науки на Западе⁹.

Ученое сообщество Советского Союза, естественно, не пропустило 100-летний юбилей Б.В. Фармаковского. К этой дате, пусть с небольшим опозданием, в январе 1971 г. была проведена научная конференция «Художественная культура и археология античного мира», но сборник трудов этой конференции увидел свет только пять лет спустя (М., 1976). Появились и другие юбилейные публикации¹⁰. И хотя в это время писать о нашем мировом первенстве в области античной археологии было уже как-то не принято, но Фармаковского продолжали признавать основателем отечественной школы античной археологии, при этом не разделяя ее на русскую и украинскую¹¹.

К стыду тогдашних руководителей Ленинградского отделения Института археологии АН СССР они не нашли средств для издания книги о Б.В. Фармаковском, подготовленной вдовой ученого Татьяной Ивановной Фармаковской. После долгих переговоров эта ценная книга была издана в Киеве в 1988 г.¹²

Последующие десятилетия ознаменовались, по существу, всего одной обстоятельной публикацией, посвящённой судьбе Б.В. Фармаковского, автором которой был Г.А. Кошеленко¹³. Этот исследователь верно отметил, что все три школы античной

⁴ Жебелёв С.А. Ученые заслуги Б.В. Фармаковского // Отчет Московского археологического общества. М., 1915. С. 21.

⁵ См.: Виноградов Ю.А. 1) Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК — РАИМК (ГАИМК) — ИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР // Записки ИИМК. 2009. № 4. С. 18; 2) Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 168.

⁶ Карасёв А.Н. Борис Владимирович Фармаковский // КСИИМК. 1948. XXII. С. 5–7.

⁷ Блаватский В.Д. Б.В. Фармаковский — исследователь античного мира // КСИИМК. 1948. XXII. С. 13.

⁸ Кобылина М.М. Б.В. Фармаковский — историк античного искусства // КСИИМК. 1948. XXII. С. 16. См. также более позднюю статью по этой теме: Кобылина М.М. Б.В. Фармаковский и античная художественная культура // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 46–55.

⁹ Нудельман Д.И. Борис Владимирович Фармаковский // ВДИ. 1948. № 3. С. 144.

¹⁰ Кругликова И.Т. К 100-летию со дня рождения Бориса Владимировича Фармаковского // СА. 1970. № 1. С. 3–8.

¹¹ Лапін В.В. Засновник вітчизняної школи античної археології (До 100-річчя від дня народження Б.В. Фармаковського) // Український історичний журнал. 1970. № 5. С. 133–135.

¹² Фармаковская Т.И. Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988.

¹³ Кошеленко Г.А. Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и средние века. М., 2004. С. 269–285.

археологии, существующие ныне на просторах бывшего Советского Союза (московская, петербургская и киевская) восходят к одному источнику — Ольвийской экспедиции Фармаковского. Столь же верно его утверждение, что в смутное послереволюционное время Борис Владимирович вместе с другими смог сохранить традиции российской археологии и ее организационные структуры. Кошеленко отметил также, что Фармаковский стал одним из официальных руководителей и неофициальным лидером ГАИМК¹⁴, правда, надо признать, что в области античной археологии его лидерство было вполне общепризнанным.

Складывается впечатление, что в начале XXI века о Б.В. Фармаковском стало принятым молчать, во всяком случае, специально на его фигуре не акцентировать внимание. У нового времени свои герои. Не случайно в 2020 г. в С.-Петербурге были намечены грандиозные торжества, посвященные 150-летию М.И. Ростовцева. Пусть эти торжества были в значительной степени скомканы из-за разразившейся пандемии, но официальные мероприятия прошли в С.-Петербургском университете, Государственном Эрмитаже, С.-Петербургском Институте истории РАН. А вот о 150-летию со дня рождения Б.В. Фармаковского тогда вспоминали лишь в кулуарах, да и то изредка. Ни в коей мере не оспаривая выдающихся научных заслуг М.И. Ростовцева, хочется верить, что эта великая личность не заслонит собой других исследователей и прежде всего Б.В. Фармаковского, сделавшего для античной археологии Северного Причерноморья не меньше, а в чем-то и больше, чем Михаил Иванович. Стоит отметить, правда, что небольшая статья о Борисе Владимировиче в год его 150-летия была опубликована на Украине, в ней он, конечно, признан украинским археологом¹⁵.

Описать жизненный путь Б.В. Фармаковского со всеми его сложными поворотами — задача отнюдь не простая. Будущий археолог родился в г. Вятка 30 января 1870 г. (12 февраля по новому стилю). Его отец, Владимир Игнатьевич Фармаковский (1842–1921), был преподавателем истории и словесности в Вятской семинарии и женской гимназии. По долгу службы отец часто получал новые назначения, и семья переезжала с места на место. В 1877 г. Владимир Игнатьевич получил назначение на должность инспектора народных училищ Симбирской губернии. Здесь Фармаковские подружилась с семьей И.Н. Ульянова, служившего в то время директором народных училищ. Особенно дружили между собой сверстники Борис и Владимир (будущий вождь социалистической революции В.И. Ленин)¹⁶. Товарищем в детских забавах этой компании стал младший брат Бориса — Мстислав (1873–1946)¹⁷.

В 1879 г. Б.В. Фармаковский поступил в Симбирскую гимназию, но в 1881 г. его отец получил назначение в Оренбург, а в 1885 г. — в Одессу. В этом городе в 1887 г. молодой человек закончил Ришельевскую гимназию с дипломом первой степени и был принят на историко-филологический факультет Новороссийского универ-

¹⁴ Там же. С. 283.

¹⁵ Гаркуша Н.М. Фармаковский Борис Володимирович (12.02.1870–29.07.1928) // Українські археологи крізь епохи. Дослідження степового Побужжя. Миколаїв, 2020. С. 269–274.

¹⁶ Фармаковская Т.И. 1) Юность Б.В. Фармаковского // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 11; 2) Борис Владимирович Фармаковский. С. 15–19.

¹⁷ Корнилов П. М.В. Фармаковский // Сообщения Русского музея. 1947. № 2. С. 48.

ситета. Его учителями стали Э.Р. Штерн (классическая археология), А.А. Павловский (история искусств), Ф.И. Успенский (история Византии). В 1890 г. Борис Владимирович на собственные средства посетил Элладу, где имел возможность детально осмотреть древние памятники Афин, ознакомиться с богатейшими собраниями музеев этого города, проштудировать новейшую литературу по античной археологии и классическому искусству.

После завершения обучения в Университете в 1892 г. Б.В. Фармаковский был оставлен при историко-филологическом факультете для подготовки к профессорскому званию. В 1893 г. он был избран членом-сотрудником Одесского общества истории и древностей; в записках этого общества были опубликованы его первые научные работы¹⁸. В сентябре этого года Борис Владимирович вновь отправился в Афины, на сей раз это была командировка по ведомству Министерства народного просвещения, продолжавшаяся три года (1893–1896). За это время он не только более углубленно изучает памятники искусства и архитектуры Эллады, но и знакомится с новейшими археологическими открытиями, сделанными немецкой экспедицией В. Дёрпфельда и французской Т. Омолля. Новые методы раскопок античных памятников, фиксации добываемых материалов и пр. произвели на него очень большое впечатление. Для научного роста ученого важное значение имели также поездки в Берлин, Оксфорд, Париж, Рим, Неаполь, Помпеи и другие европейские города.

За годы, проведенные за границей, окреп его интерес к изучению греческого искусства и, прежде всего, живописи классической эпохи. Хорошо известно, что произведения живописи этой эпохи не сохранились. По понятным причинам к их исследованию Б.В. Фармаковский подходил, опираясь на свидетельства древних авторов, а также на материалы аттической вазописи. Понимание эволюции вазовых росписей позволило ему наметить важные этапы в развитии творчества знаменитых художников Эллады.

На недолгое время вернувшись в Одессу, в сентябре 1895 г. Борис Владимирович сдал экзамен на звание магистра истории и теории изящных искусств при историко-филологическом факультете Новороссийского университета. Когда же зарубежная командировка была полностью завершена, Императорская археологическая комиссия в 1896 г. поручила ему провести раскопки некрополя Ольвии, одной из главных древнегреческих колоний Северного Причерноморья. Исследования территории Ольвийского городища в то время были невозможны, поскольку эта земля находилась во владении графа А.А. Мусина-Пушкина, с которым у археологов складывались очень непростые отношения. Тем не менее, раскопки некрополя были осуществлены вполне успешно¹⁹.

В 1896 г. Б.В. Фармаковский, несмотря на большую занятость в Ольвии, сумел провести ограниченные раскопки на острове Березань. Его работы были

¹⁸ Фармаковский Б.В. 1) Три керамических фрагмента Одесского музея Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1893. Т. 16. С. 14–44; 2) Рец.: Э.Р. фон Штерн. Вновь найденная лекана с изображением Дионисова тиаса // ЗООИД. 1895. Т. 18. С. 14–17.

¹⁹ Виноградов Ю.А., Мусин А.Е. Императорская археологическая комиссия и исследование древней Ольвии и Березани // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 1. 2-е изд. СПб., 2019. С. 667–668.

сосредоточены в северной части острова, где было открыто несколько могил, которые исследователь датировал первыми векам н. э.²⁰ В рукописном отчете о раскопках он заметил: «Что касается того, где находились более древние могилы (из которых, конечно, происходят вазы древних стилей с о. Березани), то из расспроса очаковских жителей я узнал, что фрагменты ваз древнегреческих стилей были находимы на о. Березани в его северной части и что там же находился древнейший некрополь. Всю северную часть острова Березани необходимо исследовать: там нужны большие раскопки в возможно непродолжительном времени, т. к. крутые берега острова постоянно обваливаются под напором волн бурного Черного моря и увлекают с собою в пучину древние могилы с их драгоценным для науки материалом»²¹.

Что касается «ваз древнегреческих стилей», найденных на о. Березани, то именно тогда Б.В. Фармаковский осмотрел коллекцию священника Св. Троицкой церкви в Очакове Никиты Левицкого. Этот священник, проявляя интерес к древностям, собрал коллекцию, в значительной степени состоящую из березанских vaz. На Фармаковского она произвела очень большое впечатление. Он писал, что был по-настоящему «поражен керамическими находками с острова Березани в коллекции о. Н.Л. Левицкого, доказывающими присутствие греческих поселений на означенном острове, начиная с VII в. до Р. Хр. вплоть до первых веков нашей эры»²². Заключение совсем молодого 26-летнего человека правильно обозначило хронологические рамки существования этого памятника, имеющего столь важное значение для античной археологии Северного Причерноморья. Не удивительно, что Археологическая комиссия поручила именно Б.В. Фармаковскому приобрести коллекцию Н.Л. Левицкого за 800 руб., что и было сделано 30 июня 1901 г.²³ Это приобретение, безусловно, сыграло положительную роль в деле изучения березанских древностей.

После переезда в Петербург Б.В. Фармаковский в сентябре 1897 г. был принят на должность преподавателя греческого языка в Шестую петербургскую гимназию, но на этой работе долго не задержался. Вскоре в его жизни произошла очень важная перемена.

В 1898 г. Б.В. Фармаковский был назначен ученым секретарем Российского археологического института в Константинополе (РАИК), директором которого был один из его университетских учителей — Ф.И. Успенский. Эту должность он исполнял до весны 1901 г.²⁴ Здесь судьба свела Бориса Владимировича еще с одним человеком, сыгравшим важную роль в российской истории первых десятилетий XX в. — П.Н. Милюковым, будущим лидером партии кадетов. При строительстве железной дороги на территории древней Македонии, около селения Патели (на берегу озера Острово) случайно был обнаружен древний могильник. По одной информации, с этими находками ознакомились Ф.И. Успенский и П.Н. Милюков

²⁰ ОАК за 1896 г. С. 81, 212; *Виноградов Ю.А., Мусин А.Е.* Императорская археологическая комиссия и исследование древней Ольвии и Березани. С. 696–697.

²¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1896 г. Д. 79. Л. 19.

²² Там же. Л. 53.

²³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1900 г. Д. 255. Л. 31; ОАК за 1901 г. С. 133, № 18; *Виноградов Ю.А., Мусин А.Е.* Императорская археологическая комиссия и исследование древней Ольвии и Березани. С. 710–711.

²⁴ *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1999. С. 92–97.

во время экскурсии по Македонии летом 1898 г.²⁵ По версии П.Н. Милюкова, именно он увидел древности, путешествуя по этому району в 1897–1899 гг., и затем убедил Ф.И. Успенского в необходимости проведения раскопок. По поводу этого события П.Н. Милюков отметил в своих мемуарах: «Начались правильные раскопки с участием молодого специалиста по греческим вазам Фармаковского, оставленного мне на подмогу»²⁶. Кто кому помогал в проведении археологических работ — вопрос, конечно, не праздный, но вряд ли стоит заострять на нем внимание. Борис Владимирович показался Павлу Николаевичу сумрачным, да и по поводу его участия в раскопках он составил не самое лестное мнение: «Фармаковский все искал драгоценности и раз показал мне, потихоньку от рабочих, крепко зажатый кулак: в нем было золотое колечко, единственная из всех находок, состоявших исключительно из бронзовых изделий. Не нравилась Фармаковскому и элементарная крашенная орнаментика сосудов, находимых в изобилии»²⁷. В общем, при участии Б.В. Фармаковского около Патели был раскопан любопытный могильник (154 каменных ящика), относящийся к гальштатскому времени²⁸, вся документация по которому, хранившаяся у П.Н. Милюкова, была утеряна²⁹.

Помимо раскопок в Македонии, Б.В. Фармаковский совершил поездку в Малую Азию, после чего подготовил публикацию византийского пергаментного свитка с миниатюрами³⁰. В высшей степени примечательно его участие в изучении материалов сирийской экспедиции — Борис Владимирович сумел подготовить интереснейшее исследование о росписях катакомбы Мегарет-Абу-Схейль³¹. Этот замечательный памятник сейчас называют гипогеем «Трех братьев»³². По вполне обоснованному мнению Фармаковского, живопись этой гробницы является настоящей жемчужиной среди памятников поздней античной живописи. В сравнении с ней пантикапейские расписные катакомбы выглядят произведениями «заурядных мастеров далекого провинциального захолустья»³³. Вместе с тем исследователь обоснованно признавал, что «греческое искусство всюду и всегда угадывало местные потребности и умело удовлетворять местным вкусам»³⁴.

В это время продолжали публиковаться исследования Б.В. Фармаковского, посвященные изучению искусства классической Греции³⁵. Его деятельность в Турции

²⁵ Отчет о деятельности Российского археологического института в Константинополе в 1898 г. // Известия РАИК. Т. IV, вып. 3. С. 149.

²⁶ Милюков П. Воспоминания. М., 2001. С. 161.

²⁷ Там же.

²⁸ Отчет о деятельности Российского археологического института в Константинополе в 1898 г. С. 149–152.

²⁹ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 162–163.

³⁰ Фармаковский Б.В. Византийский пергаментный рукописный свиток с миниатюрами, принадлежащий Русскому археологическому институту в Константинополе // Известия РАИК. 1900. Т. VI, вып. 2–3. С. 253–360.

³¹ Фармаковский Б.В. Живопись Пальмиры // Известия РАИК. 1903. Т. VIII. С. 172–198.

³² Бунни А., Ал-Ас'ад Х. Пальмира. История. Памятники. Музей. М., 2016. С. 136–137.

³³ Фармаковский Б.В. Живопись Пальмиры. С. 197.

³⁴ Там же. С. 198.

³⁵ Фармаковский Б. 1) Ваххилид и аттическое искусство V века. (К XVII стихотворению Ваххилида «Молодежь и Тесей») // Журнал министерства народного просвещения. 1898. Отд. классич. филол. Вып. 4/5, ч. 46. С. 28–48; 2) Надписи на греческих вазах VI и V веков до Р. Хр., прославляющие различных лиц

протекала вполне благополучно; за службу в РАИК султан даже пожаловал Б.В. Фармаковскому орден Османие 4-й степени³⁶. Но еще в ноябре 1900 г. Борис Владимирович получил приглашение от председателя Императорской археологической комиссии А.А. Бобринского стать сотрудником этого учреждения, которое принял не без колебания. Штатным членом Комиссии он стал с 1 марта 1901 г. Поступив в ИАК и перебравшись в С.-Петербург, Фармаковский начал быстрое продвижение по служебной лестнице. Он просто летел по ней вверх: сначала имел скромный чин коллежского секретаря (1903 г.), но уже в начале 1904 г. стал титулярным советником, в том же году получил коллежского ассесора, а затем и надворного советника (три ступени служебной лестницы за один год!), в 1908 г. Борис Владимирович был удостоен коллежского советника и в 1912 г. — статского советника³⁷. Правительственные награды он тоже получал с завидной регулярностью: 1904 г. — орден Св. Станислава 2-й степени, 1910 г. — Св. Анны 2-й степени, 1915 г. — Св. Владимира 4-й степени³⁸.

20 сентября 1902 г. в публичном заседании Историко-филологического факультета Новороссийского университета прошла защита его диссертации «Античная вазовая живопись и ее отношение к искусству монументальному в эпоху, непосредственно после Греко-персидских войн», представленной на соискание ученой степени магистра теории и истории изящных искусств. Искомая степень была присуждена ему единогласно. В монографическом издании этого ученого труда Борис Владимирович выразил благодарность «любезному брату Мстиславу Владимировичу Фармаковскому, исполнившему для нас разные рисунки и реставрации картин Полигнота»³⁹. Без такой помощи реализация творческого замысла Бориса Владимировича, конечно, была бы вряд ли возможна. Надо признать, что некоторые положения авторской концепции вызвали достаточно острую критику⁴⁰. Тем не менее, эта книга стала знаковой в истории изучения вазовых росписей и нашла большой интерес у читающей публики.

Авторитет Б.В. Фармаковского в этой области стал бесспорным. А.А. Бобринской, сын председателя ИАК, в своих воспоминаниях записал, что Борис Владимирович «был самым большим знатоком эллинского искусства и знал все, что можно было знать о греческих вазах»⁴¹. Справедливость этого суждения в полной мере подтверждается многими исследованиями Б.В. Фармаковского, посвященными памятникам искусства Древней Греции и греческих колоний Северного Причерноморья⁴². Здесь, однако, следует сделать одну существенную оговорку.

эпитетами *καλός*, *καλῆ* // Филологическое обозрение. 1899. Т. 16, отд. 2. С. 45–54; 3) Лесха кнудян в Дельфах // Известия РАИК. 1899. Т. 6, вып. 1. С. 152–185.

³⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1900 г. Д. 248. Л. 13 об.

³⁷ Там же. Л. 42, 53, 54, 66, 74.

³⁸ Там же. Л. 48, 69, 80.

³⁹ *Фармаковский Б.В.* Аттическая вазовая живопись и ее отношения к искусству монументальному в эпоху непосредственно после Греко-персидских войн. СПб., 1902. С. VII.

⁴⁰ *Штерн Э.* Рец. на книгу: Б.В. Фармаковский. Аттическая вазовая живопись. СПб., 1902 // ЖМНП. 1903. Ч. 347. С. 184–220.

⁴¹ *Бобринской А.А.* Граф Алексей Александрович Бобринской (1852–1927). Сын об отце // Культурное наследие Российского государства. Вып. IV. СПб., 2003. С. 489.

⁴² *Фармаковский Б.В.* 1) Колонна Фидия // Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914. С. 325–332; 2) Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана

В первом десятилетии XX в. вполне очевидной стала важная закономерность развития Северного Причерноморья в античную эпоху. М.И. Ростовцев обратил внимание ученого сообщества на однородность и синхронность расцвета культуры в этом регионе. Он правильно указывал, что на эти эпохи расцвета приходится «огромное большинство наиболее богатых и характерных погребений как в окрестностях <греческих> городов, так и в безбрежных степях нашего Юга»⁴³. Один из периодов такого расцвета, по мнению исследователя, выпал на вторую половину IV и III в. до н. э.⁴⁴ К нему принадлежат знаменитые скифские царские курганы — Чертомлык, Куль-Оба, Солоха и др.⁴⁵ Это был «золотой век» эллинизма и скифства на северном берегу Черного моря.

Б.В. Фармаковский с этой концепцией решительно не согласился. Прежде всего он заявил, что керамические находки из Чертомлыка могут быть датированы не ранее первой половины II в. до н. э.⁴⁶, к этому же времени относятся и знаменитые золотые обкладки горитов. Сейчас такая датировка представляется абсолютно невероятной, но в то время она нашла поддержку⁴⁷. Борис Владимирович при этом справедливо указывал, что все хронологические атрибуции произведений греко-скифской торевтики базируются на их стилистических особенностях. Понятно, что на этом пути исследователи закономерно сталкиваются с немалым количеством трудностей; одна из них — сохранение в «новом» искусстве старых выразительных приемов, но имели место и более сложные явления. Б.В. Фармаковский посчитал, что классический стиль V–IV вв. возродился во II в. до н. э., в результате чего появились художественные предметы Чертомлыцкого и Куль-Обского курганов⁴⁸.

Такие хронологические выкладки, естественно, вели к уничтожению концепции о «синхронности и однородности» периодов расцвета культуры в античном Северном Причерноморье. Б.В. Фармаковский при этом отмечал, что он преклоняется перед авторитетом М.И. Ростовцева и очень высоко ценит его заслуги в области изучения южнорусских древностей, но факты, так сказать, не позволяют согласиться с его выводами⁴⁹. Эти факты, по убеждению Бориса Владимировича,

и из кургана в м. Ильинцах // ПРОΕΡΡΟΙ ΔΩΡΟΝ. Сборник археологических статей, поднесённых графу А.А. Бобринскому. СПб., 1911. С. 45–118; 3) Обломко статуэтки сатира из Керчи // ЗООИД. 1912. Т. XXX. С. 151–166; 4) Аканфовая ветвь на серебряном сосуде с Таманского полуострова // Сборник статей в честь В.П. Бузескула. Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1914. Т. XXI. С. 669–681; 5) Милетские вазы в России // Древности. 1914. Т. 25. С. 1–17; 6) Терракотовый сосуд в форме головы Гермеса из Пантикапея (Керчь) // Сборник статей в честь графини П.С. Укваровой. М., 1916. С. 311–327.

⁴³ Ростовцев М.И. Боспорское царство и южно-русские курганы // Вестник Европы. 2012. Июнь. С. 104.

⁴⁴ Там же. С. 103.

⁴⁵ Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1913–1914. С. 318–319.

⁴⁶ Фармаковский Б.В. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана. С. 67–68.

⁴⁷ Радлов Н. Рец. на статью: Б.В. Фармаковский. Золотые обивки налучий из Ильинецкого и Чертомлыцкого курганов. СПб., 1911 // Гермес. 1911. № 20. С. 493–495; Жебелёв С.А. 1) Рец. на книгу: Сборник археологических статей, поднесенных графу А.А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1911 // Гермес. 1912. № 4. С. 105; 2) Ученые заслуги Б.В. Фармаковского. С. 5; Мальмберг Вл. Воин, защищающий павшего товарища, на чертомлыцких ножнах и других памятниках греческого искусства // Сборник статей в честь В.П. Бузескула. Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1914. Т. XXI. С. 310–311.

⁴⁸ Фармаковский Б.В. Аканфовая ветвь на серебряном сосуде с Таманского полуострова. С. 681.

⁴⁹ Фармаковский Б.В. 1) Новейшая датировка Карагадеуашского кургана // ИТУАК. № 50. 1913. С. 188; 2) Памятники античной культуры, найденные в России // ИАК. Вып. 58. 1915. С. 131–132.

позволяют считать, что курганы варварских вождей могли быть сооружены «и в эпоху не высшего процветания греческих колоний Понта». Царь Сайтафарн, как известно из декрета в честь Протогена, донимал Ольвию своими поборами, когда город находился в глубочайшем экономическом кризисе, и ольвиополиты вынуждены были из последних сил откупаться от него драгоценными «подарками». А это означает, что «варварские вожди могли владеть большими богатствами в такие эпохи, когда торговля Боспорского царства <и Ольвийского полиса. — Ю.В.> падала»⁵⁰.

В своих рассуждениях Б.В. Фармаковский, конечно, был в чем-то прав, и сугубо теоретически можно допустить, что когда-нибудь в бескрайних степях Северного Причерноморья археологи найдут неограбленную могилу этого самого Сайтафарна, которая, как представляется, должна относиться к концу III в. до н. э.⁵¹ Почти наверняка они сумеют вычленивать в составе находящегося в ней инвентаря «ольвийские дары». Нельзя исключать и того, что потом будет найдена могила еще одного такого «Сайтафарна», но все эти единичные открытия все-таки не ознаменуют собой «золотого» века, который явно приходится на IV в. до н. э.

М.И. Ростовцев решительно возражал против доводов Б.В. Фармаковского о датировке названных курганов временем позднего эллинизма, при этом посетовал на то, что полемика между ними может затянуться⁵². Действительно, она продолжилась и в советское время. В рецензии на книгу М.И. Ростовцева «Эллинизм и иранство на юге России», которую Борис Владимирович в целом оценил достаточно высоко, он не преминул оспорить многие суждения Михаила Ивановича. Фармаковский, в частности, указал, что в скифской степи в будущем будут открыты погребения, которые изменят наши представления о Скифии, что с теоретической точки зрения, конечно, возможно. Он никак не мог допустить, что наибольшее количество богатых скифских курганов относится к IV–III вв. до н. э. и что богатство это объясняется развитием греко-скифской торговли⁵³. В наши дни дискуссию между Борисом Владимировичем и Михаилом Ивановичем можно считать вполне законченной, при этом не в пользу Бориса Владимировича. В общем, его упражнения в области хронологии курганов скифских царей никак нельзя признать удачными. Отмечу, что в Семибратних курганах, принадлежащих царям Синдики, он находил погребения конца IV в. до н. э.⁵⁴, что сейчас представляется невозможным — самый поздний из этих курганов был возведен около рубежа первой и второй четвертей IV в. до н. э.⁵⁵

⁵⁰ Фармаковский Б.В. Новейшая датировка... С. 184.

⁵¹ Виноградов Ю.А. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (Своеобразие стабилизации в регионе второй половины III — первой половины II в. до н. э.) // *Hypoboreus*. 1999. Vol. 5. Fasc. 1. С. 70–76.

⁵² Ростовцев М.И. 1) Воронежский серебряный сосуд // МАР. № 34. Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе в марте 1913 г. 1914. С. 91–93; 2) К вопросу о датировке погребений Куль-Обы, Чертомлыка и Солохи // ИАК. Вып. 60. 1916. С. 70.

⁵³ Фармаковский Б. Рец. на книгу: М.И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. Общий очерк. Петроград, 1918 // Русский исторический журнал. 1921. Книга 7. С. 207.

⁵⁴ Фармаковский Б.В. Пифагор Регийский. О книге О.Ф. Вальдгауэра. Петроград, 1916. С. 59.

⁵⁵ См.: Горончаровский В.А. 1) Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // БИ. 2014. Вып. 30. С. 553–618; 2) Цари и аристократия Синдики V — начала IV в. до н. э. (по письменным и археологическим источникам) // Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. БИ. 2017. Вып. 34. С. 230–249.

Основной заслугой Б.В. Фармаковского перед наукой следует признать его многолетнее изучение Ольвии⁵⁶. В 1901 г. он возобновил исследования некрополя, а с 1902 г., когда взаимоотношения с владельцем земли были урегулированы, приступил к систематическим, планомерным раскопкам городища. Именно с 1902 г. началось комплексное изучение древнегреческой колонии, включавшее раскопки городища и некрополя. Борис Владимирович вложил в это дело весь свой недюжинный талант, весь опыт археолога, все знания, накопленные им за время пребывания на Западе. Для удобства проведения раскопок были закуплены вагонетки и рельсы. Масштабные работы на городище были нацелены не на открытие произведений античного искусства или эпиграфических документов, что было характерно для археологов предшествующего времени, а на выяснение истории древнего города. Для этого необходимо было кардинально изменить отношение к культурному слою, рассматривавшемуся ранее исключительно как досадная помеха, которую необходимо было удалить для раскрытия древних построек. Теперь культурный слой становился важным источником для изучения и адекватной интерпретации открываемых объектов. Раскопки проводились не с помощью траншей или шурфов, а широкими площадями, позволяющими уловить не только детали развития жизнедеятельности на отдельных участках, но и оценить их в системе, понять своеобразие развития древнегреческой колонии как в пространстве, так и во времени. Изучение Ольвии осуществлялось не хаотично, а по заранее выработанному плану. Сначала были установлены границы города, затем началось изучение характера застройки его частей. Достаточно быстро проявилось своеобразие их развития на различных хронологических срезах. Все эти наблюдения помогали приблизиться к пониманию политической, экономической и культурной истории Ольвии со всеми периодами ее подъемов и спадов.

Результаты раскопок регулярно публиковались в «Отчетах ИАК» и «Известиях ИАК». Там же появлялись специальные исследования, посвященные наиболее ярким из обнаруженных объектов⁵⁷. Важное значение имела небольшая

Б.В. Фармаковский на фоне раскопа в Ольвии (ФО НА ИИМК РАН. П. 83361)

⁵⁶ Карасёв А.Н. Б.В. Фармаковский и Ольвия // *Художественная культура и археология античного мира*. М., 1976. С. 13–21; Виноградов Ю.А., Мусин А.Е. Императорская археологическая комиссия и исследование древней Ольвии и Березани. С. 679–690.

⁵⁷ См.: Фармаковский Б.В. 1) Склеп Еврисивия и Ареты // *ИИАК*. 1902. Вып. 3. С. 1–20; 2) Ольвийская реплика Афины-Девы Фидия // *ИИАК*. 1904. Вып. 14. С. 69–93; 3) Судьба одного ольвийского памятника // *ИИАК*. 1914. Вып. 51. С. 140–144.

Группа участников раскопок некрополя Ольвии в 1906 г. Второй слева Б.В. Фармаковский (ФО НА ИИМК РАН. О. 2731–33)

Группа участников раскопок в Ольвии в 1907 г. Стоят слева направо: Л.А. Моисеев, С.Н. Грищенко, Г.М. Данилов, Б.В. Фармаковский. Сидит — К.К. Романов (ФО НА ИИМК РАН. О. 832.7)

Водная прогулка под парусом. Сидят слева направо: В.И. Гошкевич, С.Н. Грищенко, Б.В. Фармаковский, Н.И. Репников. На заднем плане стоит Л.А. Моисеев (ФО НА ИИМК РАН. О. 2731–32)

монография, подводящая итоги изучения Ольвии за многие годы раскопок⁵⁸. Э. Диль в рецензии на этот популярный очерк отметил, что содержащиеся в нем методологические замечания «ставят его в ряд с другими, чисто учеными исследованиями Б.В. Фармаковского»⁵⁹.

Не так часто обращают внимание на то, что в 1908–1909 гг. Императорская археологическая комиссия направила Бориса Владимировича на раскопки Киева, его заместителем был назначен художник-архитектор Д.В. Милеев⁶⁰. Киевская научная общественность отреагировала на такое решение столичной бюрократии резко отрицательно. Она увидела здесь принижение заслуг В.В. Хвойки, предпринявшего раскопки в Киеве в 1907 г.⁶¹ Газета «Киевлянин» по этому поводу писала: «Но разве г. Фармаковский занимался изучением древностей г. Киева? Разве он имеет подготовку, необходимую для успешного производства порученных ему работ? Разве он знает историю Киева и историю тех храмов, в усадьбах которых он будет производить раскопки? Г. Фармаковский — крупная величина в археологии, но не в русской

⁵⁸ Фармаковский Б.В. Ольвия. Петроград, 1915.

⁵⁹ Диль Э. Рец. на книгу: Б.В. Фармаковский. Ольвия. М., 1915 // Гермес. 1915. № 13/14. С. 317.

⁶⁰ Каргер М.К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. I. М.; Л., 1958. С. 54; Брайчевский М.Ю. В.В. Хвойка та Імператорська археологічна комісія // Археологія. 1989. № 3. С. 134; Ёлшин Д.Д. Императорская археологическая комиссия и раскопки в Киеве 1908–1914 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). История первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 2. СПб., 2019. С. 1205.

⁶¹ Черняков І. Вікентій Хвойка (1850–1914). Київ: Архетип, 2006. С. 118–121; Колеснікова В.А. Сторінки життя Вікентія Хвойки. Київ: Інститут археології НАН України, 2008. С. 56–59.

Б.В. Фармаковский в Киеве
(ФО НА ИИМК РАН. П. 83357)

археологии и в частности не в археологии Киева»⁶². А.А. Бобринскому пришлось даже выступить в прессе с разъяснением своего решения: «Исследование древнего Киева, раскопки на местоположении старого города требуют совершенно специальных знаний и навыка. Более кого-либо другого в России обладает этим опытом магистр Фармаковский. Его многолетние, образцовые, последовательные раскопки в городище древней Ольвии составили ему, независимо от прочих его научных заслуг, громкое имя как среди русских ученых, так и в остальной Европе. Разбираться в обломках каменных фундаментов и кирпичных кладок, в хаосе поломанной штукатурки и отбитых фресок требует особого умения, осторожности, а главное — опыта»⁶³.

Отношения Б.В. Фармаковского с В.В. Хвойкой, как можно считать, складывались не просто. Вот что он сообщил В.В. Латышеву в письме от 7 июля 1908 г.: «Я Вам ничего ещё не

говорил о В.В. Хвойке. Он у нас бывает и оказывает знаки сочувствия, но, кажется, в то же время интригует»⁶⁴.

Первой задачей раскопок в столице Древней Руси было изучение фундаментов Десятинной церкви. Борису Владимировичу пришлось вести эти исследования параллельно с ольвийскими, навещая Киев практически каждые две недели. Нетрудно понять, что такое совмещение было делом очень непростым. Б.В. Фармаковский в процитированном выше письме В.В. Латышеву признавался: «Конечно, я не специалист по русск[ой] археологии, и потому здесь я чувствую себя совсем не так, как в Ольвии. Я это чувствую в связи с разными интригами и сознаю, что все же я, на котором лежит пред наукой ответственность за раскопки в Киеве, не буду здесь все время, как того требовала бы идеальная обстановка дела, что повергает меня часто в своего рода меланхолию. Оставлять работы в Ольвии, хотя бы и на краткие сроки, тоже будет весьма неприятно. Дело в Киеве столь важно, что надо здесь быть постоянно члену Комиссии, как и в Ольвии»⁶⁵.

Несмотря на имевшие место интриги, газета «Киевлянин» оценивала методику раскопок петербургского археолога весьма высоко: «В виду необходимости вести раскопки с большей тщательностью и перебирать каждый комок земли, Б.В. Фармаковский решил больше 15 землекопов на работы не ставить, так как при большем числе рабочих было бы затруднено руководство и ближайшее наблюдение за ра-

⁶² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1908 г. Д. 30. Л. 51 об.

⁶³ Известия ИАК. 1908. Прибавление к выпуску 27. С. 48.

⁶⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1908 г. Д. 30. Л. 56 об.

⁶⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1908 г. Д. 30. Л. 58–58 об.; *Ёлишин Д.Д.* Императорская археологическая комиссия и раскопки в Киеве. С. 1207.

ботами. В виду указанного обстоятельства производство раскопок замедляется»⁶⁶. В общем, нет сомнения, что роль Фармаковского в постановке киевских раскопок на научную основу была весьма существенной.

М.Ю. Брайчевский более 30 лет назад рассматривал события 1908 г., связанные с раскопками Киева, как попытку давления петербургской аристократии и столичного бюрократического аппарата на украинскую демократическую общественность⁶⁷. Г.С. Лебедев по этому поводу справедливо заметил: «Вряд ли можно упрекнуть в аристократическом высокомерии Б.В. Фармаковского, сына вятских учителей; скорее уж, его требовательность определялась высокой научной квалификацией, достигнутой прежде всего собственными усилиями»⁶⁸.

Хорошо известна большая преподавательская деятельность, которую вел Борис Владимирович. В 1905 г. он был избран приват-доцентом С.-Петербургского университета, в 1910 г. — профессором Высших женских курсов, в 1917 г. — доцентом Петроградского университета и профессором Петроградского Археологического института. В своих занятиях по античному искусству он постоянно обращал внимание учеников на необходимость внимательного отношения к стилистике произведений древних художников. При этом он подчеркивал, что «в деле критики стиля самое важное — дошедшие до нас памятники; если я говорю вам что-нибудь такое, чему явно в ваших глазах противоречат памятники, верьте не мне, а памятникам»⁶⁹. На практике стилистические штудии мэтра, как об этом было сказано выше, порой приводили к очень серьезным ошибкам в датировке некоторых предметов греко-скифской торевтики и целых археологических памятников.

29 декабря 1914 г. Императорская академия наук в знак глубокого уважения к ученым заслугам Б.В. Фармаковского в области классической филологии и археологии избрала его в свои члены-корреспонденты. Он был избран также членом Русского археологического и Московского археологического обществ.

Б.В. Фармаковский активно выступал на международных научных форумах. В апреле 1905 г. прошел Первый Международный археологический конгресс в Афинах, в работе которого он принял участие, выступив с докладом о раскопках Ольвии⁷⁰. Второй конгресс был проведен в Каире в 1909 г., тогда Борис Владимирович вновь рассказал о своих масштабных исследованиях в Ольвии⁷¹. Третий конгресс состоялся в Лондоне в 1913 г., Б.В. Фармаковский выступил на нем с фундаментальным докладом «Архаический период на Юге России», который, как и другие доклады российской делегации, был издан в отдельном выпуске «Материалов по археологии России»⁷².

Прекрасно зная опыт западных стран в деле организации археологического изучения классических древностей, Б.В. Фармаковский понимал явное отставание

⁶⁶ Известия ИАК. 1908. Прибавление к выпуску 27. С. 53.

⁶⁷ Брайчевський М.Ю. В.В. Хвойка та Імператорська археологічна комісія. С. 138.

⁶⁸ Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992. С. 262.

⁶⁹ Фармаковский Б.В. Новейшая датировка Карагодеуашхского кургана. С. 189.

⁷⁰ Жебелёв С. Первый Международный археологический конгресс в Афинах // ЖМНП. 1905 июль. Ч. 360. С. 14.

⁷¹ Фармаковский Б. Второй Международный конгресс классической археологии в Каире // ЖМНП. 1910 июль. Ч. 25. С. 12, 14.

⁷² Фармаковский Б.В. Архаический период на Юге России. Памятники греческого архаического и древнего восточного искусства, найденные в греческих колониях по северному берегу Черного моря, в курганах Скифии и на Кавказе // МАР. Вып. 34. Петроград, 1914. С. 15–78.

России в этом аспекте. Он мечтал о создании Русского археологического института в Афинах, считая, что открытие такого учреждения «вызывается действительными надобностями русской науки и просвещения. Оно необходимо для нашего движения вперед, для нашего дальнейшего культурного развития»⁷³. К сожалению, эта здравая идея не нашла своей реализации.

Нет сомнения, что Б.В. Фармаковский приветствовал свержение монархии в России⁷⁴. После Февральской революции 1917 г. Императорская археологическая комиссия была преобразована в Российскую государственную археологическую комиссию (РГАК), Б.В. Фармаковский получил ответственный пост ее ученого секретаря. События октября 1917 г. Борис Владимирович явно оценивал по-другому. В начале 1918 г. он писал Л.А. Моисееву в Севастополь: «Настоятельная задача сохранить что есть. Будущность <Археологической> Комиссии не известна. Вести раскопки ближайшим летом, конечно, будет нельзя... И мы еще далеко не достигли “дна”. Жалкое время! Лично я мечтаю покинуть нашу страну»⁷⁵. Советскую Россию Б.В. Фармаковский, однако, не покинул и даже более того — активно включился в реформирование археологической науки.

Ещё в 1918 г. в структуре РГАК был создан Отдел древностей античных и древнехристианских, на должность заведующего был избран Борис Владимирович⁷⁶. В этом году увидела свет его научно-популярная книга, посвященная художественным памятникам Афин и имевшая глубоко символическое название — «Художественный идеал демократических Афин». В ней он высказал мысль, что кризис, в котором оказалась современная европейская цивилизация, находит аналогии в древней истории, когда афинская демократия и ее союзники в первой половине V в. до н. э. вынуждены были противостоять грозной силе Востока, объединенного под властью персидского «царя царей»⁷⁷. Современники сразу признали, что этот труд имеет большую ценность и важное научное значение⁷⁸, и они, конечно, не ошибались.

С созданием РГАК реформирование науки не остановилось, и 18 апреля 1919 г. В.И. Лениным был подписан декрет о создании Российской Академии истории материальной культуры, затем ее стали именовать Государственной Академией (ГАИМК). Во главе этого учреждения встал академик Н.Я. Марр, ученым секретарем был назначен Б.В. Фармаковский⁷⁹. И хотя, по утверждению Г.А. Кошеленко, Борис Владимирович был резко критичен к политике властей⁸⁰, но ему пришлось принять самое активное участие в перестройке науки; он даже посвятил этому небольшую монографию⁸¹. В структуре РАИМК (ГАИМК) Б.В. Фармаковский, по-

⁷³ Фармаковский Б. Второй Международный конгресс классической археологии. С. 25.

⁷⁴ Кошеленко Г.А. Борис Владимирович Фармаковский. С. 281.

⁷⁵ Гриненко Л.О. Из истории Херсонесского музея (1914–1924 гг.) // Древности, 1997/1998. Харьков, 2000. С. 193.

⁷⁶ Виноградов Ю.А. 1) Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники. С. 7; 2) Отдел истории античной культуры. С. 160.

⁷⁷ Фармаковский Б.В. Художественный идеал демократических Афин. Пг., 1918. С. 7.

⁷⁸ Гельд Г. Рец. на книгу: Б.В. Фармаковский. Художественный идеал демократических Афин. Петроград, 1918 // Гермес. 1918, январь — июль. С. 7–8.

⁷⁹ Виноградов Ю.А. 1) Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники. С. 7; 2) Отдел истории античной культуры. С. 160.

⁸⁰ Кошеленко Г.А. Борис Владимирович Фармаковский. С. 281.

⁸¹ Фармаковский Б.В. К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Петроград, 1921.

мимо должности ученого секретаря, занимал очень высокие посты. Он возглавил Разряд греко-римского искусства, нацеленный в том числе и на проведение раскопок античных памятников Северного Причерноморья. С 1923 г. на него было возложено руководство Разрядом археологии Скифии и Сарматии⁸². В 1924 г. в ГАИМК была создана Комиссия по социологии искусства и искусствознанию, перед которой ставилась задача разработки марксистских методов анализа произведений искусства. Б.В. Фармаковский сразу включился в ее деятельность, приступив к работе по темам: «Социологический смысл геометрического искусства» и «Социологические основы искусства греков IV в. до н. э. на примере Мавзолея Галикарнасского». Вскоре на заседании Комиссии им был прочитан доклад «Искусство как функция производственных отношений на примере вновь найденного памятника античного искусства»⁸³. Борис Владимирович, как видим, активно вступил на путь марксистской перестройки археологической науки, когда РАИМК в целом еще оставался «могущественной крепостью былых традиций»⁸⁴.

В это время произошла существенная перемена в личной жизни Бориса Владимировича. Он первым браком женился на Татьяне Ивановне Бутаковой, которая была на 31 год его младше⁸⁵. Для нее это был второй брак. Супруга принимала участие в раскопках Ольвии, а в конце жизни написала книгу о Б.В. Фармаковском⁸⁶.

Важнейшим достижением исследователя этого периода стало возобновление раскопок в Ольвии в 1924 г. По этой причине его участие в разработке марксистских методов уже не представляется чем-то случайным, ничем не обусловленным. Ольвийская экспедиция была первой советской археологической экспедицией, приступившей к изучению классической культуры Северного Причерноморья⁸⁷. Она стала настоящей школой для подготовки профессиональных археологов-антиковедов в стране. И в эти годы Борис Владимирович по-прежнему большое внимание уделял педагогической деятельности. В начале 20-х гг. он задумал издание «Корпуса ольвийских древностей», к работе над которым, наряду с сотрудниками ГАИМК, он привлек большую группу лиц, окончивших Ленинградский университет. Позднее Б.В. Фармаковский активно привлекал молодых специалистов к изучению материалов некрополя Ольвии⁸⁸. В различных изданиях регулярно появлялись его публикации: отчеты о работе ГАИМК, о раскопках в Ольвии, научные исследования⁸⁹.

Последний сезон раскопок Ольвии, которыми руководил Б.В. Фармаковский, пришелся на 1926 г. В следующем году он уже не сумел этого сделать по причине

⁸² *Виноградов Ю.А.* 1) Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники. С. 10; 2) Отдел истории античной культуры. С. 162.

⁸³ *Виноградов Ю.А.* 1) Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники. С. 12; 2) Отдел истории античной культуры. С. 164.

⁸⁴ *Тиханова М.А.* Из прошлого Института археологии АН СССР (РАИМК — ГАИМК) // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 34.

⁸⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 688. Л. 33.

⁸⁶ *Фармаковская Т.В.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988.

⁸⁷ *Карасёв А.Н.* Б.В. Фармаковский и Ольвия. С. 20–21.

⁸⁸ Там же. С. 21.

⁸⁹ *Фармаковский Б.В.* 1) Серебряная, украшенная рельефами чаша Новороссийского музея // Известия РАИМК. 1921. Т. I. С. 192–202; 2) Три полихромных вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории // Записки РАИМК. 1921. Вып. I. С. 1–45.

Группа участников Ольвийской экспедиции у Зевсова кургана. 1925 г.

Б.В. Фармаковский в Ольвии
(ФО НА ИИМК РАН. О.103-36)

Группа руководителей Ольвийской
экспедиции. Справа налево:
Б.В. Фармаковский, С.С. Дложевский,
Т.И. Фармаковская, Е.О. Прушевская

болезни⁹⁰. Последний документ его «Личного дела», хранящегося в Научном архиве ИИМК РАН, датирован 10 августа 1927 г. Это письмо, направленное председателем ГАИМК, академиком Н.Я. Марром председателю Ленинградского губернского Отдела союза работников просвещения. Оно гласит: «Ученый секретарь Государственной академии истории материальной культуры, член Академии Б.В. Фармаковский, командированный Академией в УССР для руководства работами экспедиции в Ольвии, организованной Академией совместно с украинскими научными учреждениями, тяжело захворал в Харькове и находится на излечении в местной больнице. По заключению врачей состояние здоровья Б.В. Фармаковского таково, что для восстановления работоспособности его потребуется длительное лечение и отдых, что сопряжено с значительными затратами, непосильными Б.В. Фармаковскому. Академия также не располагает суммами, которые могли бы выдать Б.В. Фармаковскому, и просит Секцию научных работников о выдаче Б.В. Фармаковскому пособия на лечение в размере 250–300 р., но так как ответственный секретарь и лицо его заменяющее находятся в настоящее время в отъезде, а дело является спешным, Академия обращается к Вам с просьбой о разрешении Секции научных работников выдать Б.В. Фармаковскому пособие на лечение болезни в указанном размере»⁹¹.

Раскопки Ольвии в 1927 г. прошли без Бориса Владимировича. Его здоровье все более ухудшалось, об участии в экспедиции 1928 г. не приходилось даже мечтать. Ученый скончался в ночь с 28 на 29 июля 1928 г. на своей даче в Парголово. Похороны состоялись на Шуваловском кладбище. От советского правительства Б.В. Фармаковский никаких наград не получил, он не был удостоен и звания академика АН СССР. Тем не менее, Борис Владимирович был избран почетным членом многих научных обществ: Российского института истории искусств (октябрь 1922 г.), Донского общества археологии и истории искусств (декабрь 1923 г.), Научно-исследовательского института археологии и искусствознания РАНИОН (октябрь 1925 г.), Таврического общества истории, археологии и этнографии (ноябрь 1925 г.). В феврале 1924 г. Совет Государственного Эрмитажа единогласно избрал его хранителем.

В заключение следует отметить, что российская античная археология в начале XX в. была представлена целой плеядой прекрасных исследователей: М.И. Ростовцев, Э.Р. фон Штерн, В.В. Шкорпил, С.А. Жебелёв, Е.М. Придик и др. Однако лишь Борис Владимирович Фармаковский (и никто другой!) сумел создать школу полевой археологии, в традициях которой до сих пор ведутся исследования всех экспедиций, производящих раскопки античных памятников Северного Причерноморья. Все мы вышли из его Ольвийской экспедиции!

⁹⁰ В этом году произошла встреча Б.В. Фармаковского с совсем еще молодой Е.И. Леви, которая впоследствии сделала очень многое в изучении Ольвии. По каким-то причинам она приехала в экспедицию с большим опозданием и, стараясь оправдать себя, сказала: «Вот, наконец, приехала». Борис Владимирович ответил ей в лад: «Наконец — и под конец». См.: *Головачёва Н.В.* Такой она мне запомнилась (памяти Елены Ивановны Леви) // Записки ИИМК. 2014. № 9. С. 199.

⁹¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 688. Л. 46.

Владимир (Вольдемар) Казимирович Шилейко (1891–1930)

М.В. Поникаровская

Владимир (Вольдемар) Казимирович Шилейко¹ родился 2 (14) февраля 1891 г. в Петергофе в семье поручика 91-го пехотного Двинского полка Казимира Донатовича Шилейко (1860–1911), происходившего из литовского дворянства, и его супруги Анны² и стал старшим из пяти детей³. Первенец был крещен по обряду евангелически-лютеранского исповедания, которого придерживалась мать, и получил имя Вольдемар-Георг-Анна-Мария⁴. В 1892 г. К.Д. Шилейко вышел в отставку, а с 1897 г. состоял в должности петергофского уездного исправника. Уже находясь в зрелом возрасте, в 1902 г. он поступил в Петербургский археологический институт, который успешно окончил в 1904 г.⁵

Начальное образование В.К. Шилейко получил в евангелической школе прихода Св. Петра в Петергофе, а с 1901 г. продолжал обучение в Петергофской классической гимназии Александра II. Способности к языкам у будущего ученого-востоковеда, поэта и переводчика проявились еще в раннем детстве. В возрасте семи лет, по семейной легенде, он начал самостоятельно изучать древнееврейский язык⁶. В гимназические годы Вольдемар настолько хорошо овладел латинским и греческим языками, что без труда читал произведения античных авторов в оригинале⁷. В этот же период у него зародился интерес к Древнему Востоку. В предисловии к своей единственной монографии «Вотивные надписи шумерийских правителей» В.К. Шилейко благодарит преподавателя гимназии М.М. Измайлова⁸, способствовавшего этому увлечению юноши: «Не забуду

¹ В качестве заставки использована фотография В.К. Шилейко. Москва. 1928 г. (по: *Емельянов В.В.* Вольдемар Казимирович Шилейко: Научная биография. СПб., 2019. Вклейка с портретами разных лиц).

² Шилейко Анна Фоминична (урожд. Вельяминова-Рутская; 1863–1936).

³ Позднее в семье появились дочери Мария (10 июля 1894 г.) и Александра (09 ноября 1899 г.), сын Донан (19 января 1905 г.) и младшая дочь Антонина (22 декабря 1907 г.).

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 3. Ед. хр. 54827. Л. 11–11 об.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 3. Ед. хр. 54827. Л. 14.

⁶ *Шилейко Т.И.* Легенды, мифы и стихи... // Новый мир. 1986. № 4. С. 200.

⁷ *Афанасьева В.К.* В.К. Шилейко и И.М. Дьяконов — переводчики древней поэзии // Владимир Шилейко, Игорь Дьяконов. Избранные переводы. Эпос. Древняя поэзия. Мистерия. СПб., 2017. С. 7.

⁸ Измайлов Михаил Михайлович (1873–1937) — историк, искусствовед, педагог. Выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1895), инспектор Петергофской

и М.М. Измайлова, учителя моей юности, некогда вложившего в меня первую и самую сильную любовь, — любовь к угасшему солнцу Востока»⁹. В 1909 г., после окончания гимназии с золотой медалью, он поступил на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета по еврейско-арабско-сирийскому разряду¹⁰.

Зимой 1910 г., благодаря усилиям академика П.К. Коковцова¹¹, в Петербургском университете, впервые в России, была создана ассириологическая группа. П.К. Коковцов начал систематическое преподавание ассиро-вавилонского (аккадского) языка¹². Одним из его слушателей стал В.К. Шилейко. Под руководством П.К. Коковцова начинающий ученый изучал и другие языки: древнееврейский и начальный арабский. Значительное влияние на В.К. Шилейко оказал и Б.А. Тураев¹³, видный востоковед, читавший в университете лекции по истории Древнего Востока и преподававший египетский язык.

Еще на первом курсе В.К. Шилейко приступил к самостоятельному изучению шумерского языка, существование которого в то время признавалось не всеми учеными. Такой позиции придерживался, например, и П.К. Коковцов, считавший шумерский не отдельным языком, а тайнописью вавилонских жрецов¹⁴. Сильнейшим стимулом для занятий Шумером стала покупка Н.П. Лихачевым¹⁵ большой коллекции шумерских глиняных табличек и необходимость обработки этого собрания. Другая причина заключалась, по всей видимости, в особенностях характера молодого ученого, желавшего решать сложные задачи и быть первопроходцем во всем, за что он брался¹⁶.

Выбрав своей специальностью шумерологию, В.К. Шилейко начал самостоятельно исследовать древности из собрания Н.П. Лихачева¹⁷, однако столкнулся с множеством спорных вопросов грамматики и произношения клинописных знаков, разрешению которых не мог помочь никто из знакомых ему ученых. Выходом стало эпистолярное общение с авторитетными западными специалистами в области клинописи.

мужской гимназии Александра II (1917–1919), в 1919–1924 гг. директор Единой советской трудовой школы (бывшей женской гимназии В.В. Павловой), работал научным сотрудником Петергофского управления дворцами.

⁹ Шилейко В.К. Вотивные надписи шумерийских правителей. Клинописные тексты памятников Южной Месопотамии собрания Н.П. Лихачева. Пг., 1915. С. III.

¹⁰ Грибов Р.А. Из истории русской ассириологии. В.К. Шилейко (1891–1930) // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. II. Л., 1968. С. 94.

¹¹ Коковцов Павел Константинович (1861–1942) — востоковед-семитолог, гебраист; адъюнкт (1903), экстраординарный академик (1906), действительный член (1912) Императорской Академии наук.

¹² Грибов Р.А. Из истории... С. 94.

¹³ Тураев Борис Александрович (1868–1920) — историк, создатель отечественной школы истории Древнего Востока, в частности, Древнего Египта и Нубии; член-корреспондент Императорской академии наук (1913), действительный член Российской академии наук (1918).

¹⁴ Емельянов В.В. В.К. Шилейко и его «Ассиро-вавилонский эпос» // Ассиро-вавилонский эпос / Пер. с шумерского и аккадского языков В.К. Шилейко. СПб., 2007. С. 476.

¹⁵ Лихачев Николай Петрович (1862–1936) — историк, палеограф, искусствовед, специалист в области источниковедения и сфрагистики; член-корреспондент Императорской академии наук (1901), действительный член Академии наук СССР (1925).

¹⁶ Емельянов В.В. Ук. соч. С. 478.

¹⁷ Мец А.Г., Крайцова И.Г. Предисловие // В. Шилейко. Пометки на полях. Стихи. СПб., 1999. С. 5.

В.К. Шилейко завязал переписку с крупнейшими французскими шумерологами, компетентными в круге интересовавших его проблем: Ф. Тюрю-Данженом¹⁸ и Ф.М. Аллоттом де Ла Фюи¹⁹. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки сохранились пять писем Ф.М. Аллотта де Ла Фюи к В.К. Шилейко, датируемые периодом с 17 августа 1912 г. по 24 июня 1913 г., три из них в оригинале и два в копиях²⁰. Там же хранятся и четыре подлинных письма от Ф. Тюрю-Данжена, датируемые 31 июля 1911 г. — 27 февраля 1914 г.²¹ Еще два письма Ф. Тюрю-Данжена к В.К. Шилейко, 1913 г. и 1927 г., находятся на хранении в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН²².

Итак, в 1911 г. В.К. Шилейко вступил в переписку с известным французским ученым Ф. Тюрю-Данженом, который фактически стал основателем современной шумерологии, опубликовав крупный корпус текстов на шумерском языке с их переводами. Он владел всеми видами клинописи и обладал исключительно обширными познаниями в древневосточной письменности. Переписка с Ф. Тюрю-Данженом касалась, главным образом, проблемы публикации памятников и некоторых грамматических гипотез. Объем ответов французского ученого незначителен, он не вдается в подробные обсуждения поднимаемых в письмах вопросов, но при этом высоко оценивает познания В.К. Шилейко в шумерологии, а его единственные замечания, высказанные в адрес молодого ассириолога, имеют отношение к области французского языка²³.

Письма Ф.М. Аллотта де Ла Фюи, одного из крупнейших публикаторов старошумерских хозяйственных текстов, гораздо более содержательны: в них подробно обсуждаются проблемы шумерской хронологии и употребления некоторых глаголов в царских надписях и хозяйственных текстах и присутствует полемика по вопросам шумерской грамматики²⁴.

Единственным ученым в России, серьезно занимавшимся шумерологией в то время, был М.В. Никольский²⁵. В 1912 г., ознакомившись с трудами «отца русской ассириологии», В.К. Шилейко написал ему письмо, в котором выказал огромное уважение к его работам и попросил консультации по ряду вопросов. М.В. Никольский без промедления ответил и выразил свою радость по поводу появления в России подающего большие надежды молодого ассириолога: «Дорогой коллега! Я много слышал о Вас от Б.А. Тураева, но, несмотря на лестный о Вас отзыв, я все же думал, что Вы только ученик первого элементарного класса, с успехом переходящий во второй, но получив Ваше письмо, был совершенно удивлен, увидев в лице Вашем

¹⁸ Тюрю-Данжен Франсуа (фр. Thureau-Dangin François; 1872–1944) — французский востоковед, археолог; ординарный член Академии надписей и изящной словесности Института Франции (1917), член Британской академии (1938).

¹⁹ Аллотт де Ла Фюи Франсуа Морис (фр. Allotte de La Fuÿe François-Maurice; 1844–1939) — французский военный, археолог, нумизмат, востоковед; президент (1920–1922), почетный президент (1933) Французского нумизматического общества.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 1467. Оп. 1. Ед. хр. 55.

²¹ Там же. Ед. хр. 57.

²² СПбФ АРАН. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 20.

²³ Емельянов В.В. В.К. Шилейко... С. 479.

²⁴ Там же. С. 482.

²⁵ Никольский Михаил Васильевич (1848–1917) — востоковед, основоположник ассириологии в России, семитолог, шумеролог и урартолог, доктор всеобщей истории honoris causa (1908).

готового ассириолога, овладевшего всеми важнейшими познаниями в нашей области и с мужеством и успехом берущегося за решение самых трудных и неразрешимых проблем. От души Вас приветствую!..»²⁶. Несколькими годами позже М.В. Никольский в одном из своих писем П.В. Коковцову писал: «У нас восходит новое светило в лице Шилейко... Мне, конечно, не угнаться за этим “быстроногим Ахиллесом”»²⁷.

В период 1912–1913 гг. В.К. Шилейко публикует свои первые труды — статьи для российских энциклопедий²⁸. Как отмечает В.В. Емельянов, они представляют собой очень добротные компилятивные работы, в которых наибольшее внимание обращено на особенности духовной культуры стран Древнего Востока и, прежде всего, словесность²⁹.

Несмотря на очевидные успехи в науке, дела в университете у студента Шилейко развивались не лучшим образом. Причинами тому послужили несколько событий. В 1911 г. внезапно умер отец, оставив большую семью практически без средств, а старшего сына без возможности оплачивать учебу. Кроме того, у В.К. Шилейко обнаружили болезнь, в то время считавшуюся неизлечимой — туберкулез.

Осенью 1913 г. он все еще не сдал экзамены за второй курс (т. е. за 1910–1911 учебный год) и числился третий год на втором курсе. В университетском деле сохранилось прошение декана факультета восточных языков Н.Я. Марра³⁰, поданное на имя ректора университета 24 сентября 1913 г., оставить Шилейко, «имеющего незачтенными четыре семестра подряд», еще на один год на втором курсе «во внимание к серьезной болезни... и к успехам, оказанным им, по отзывам специалистов, в дешифровании документов, написанных клинописью»³¹. К этому прилагалось врачебное свидетельство от 23 сентября 1913 г., разрешающее В.К. Шилейко посещать занятия. Прощение было удовлетворено, и студент Шилейко вновь мог приступить к учебе в университете.

Однако в это же самое время начинается активная деятельность В.К. Шилейко в совершенно другой сфере, которая захватила его настолько, что о продолжении обучения в университете в скором времени приходится окончательно забыть. В начале 1912 г., а возможно, и чуть ранее, происходит его знакомство с Н.С. Гумилевым³²

²⁶ Цит. по: Шилейко Т.И. Легенды... С. 201. Полностью это письмо, датированное 6 июля 1912 г., опубликовано в: Бурановская Н.А. Письмо Михаила Васильевича Никольского к Владимиру Казимировичу Шилейко // Петербургское востоковедение. 1997. Вып. 9. С. 516–521.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 779. Оп. 2. Д. 301. Л. 2.

²⁸ Шилейко В.К. 1) Вавилония // Новый энциклопедический словарь / Под ред. акад. К.К. Арсеньева. Т. IX. СПб., 1912. С. 186–217; 2) Тетраграмматон // Еврейская энциклопедия / Т. XIV. СПб., 1913. С. 831–834; 3) Гудеа // Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. акад. К.К. Арсеньева. Т. XV. СПб., 1913. С. 227.

²⁹ Емельянов В.В. В.К. Шилейко... С. 487.

³⁰ Марр Николай Яковлевич (1865–1934) — филолог, историк, археолог; ординарный академик Императорской академии наук (1912); вице-президент Академии наук СССР (1930–1934); директор Института яфетидологических изысканий (1921–1922), Яфетического института (1922–1931), Института языка и мышления Академии наук СССР (1932–1934). Председатель Российской (позже — Государственной) академии истории материальной культуры (1919–1920, 1923–1934).

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 3. Ед. хр. 54827. Л. 30.

³² Гумилев Николай Степанович (1886–1921) — поэт, создатель школы акмеизма, прозаик, переводчик, литературный критик, один из крупнейших исследователей Африки. Совершил несколько путешествий по восточной и северо-восточной Африке. В апреле 1913 г. по представлению академика В.В. Радлова был

и М.Л. Лозинским³³. Уже к осени 1912 г. их интересы сблизились, и имя Шилейко вместе с О. Мандельштамом³⁴, Вас. Гиппиусом³⁵, В. Пястом³⁶ и М. Лозинским появилось среди членов задуманного Н.С. Гумилевым «кружка изучения поэтов»³⁷. В.К. Шилейко погружается в богемную жизнь Петербурга. Он активно участвует в жизни «Бродячей собаки»³⁸ и проявляет себя как поэт. Происходят изменения и в личной жизни — 9 июня 1913 г. В.К. Шилейко женился на С.А. Краевской³⁹. Однако этот брачный союз, по всей видимости, играл малую роль в его жизни⁴⁰.

27 февраля 1914 г. В.К. Шилейко был отчислен из университета. В постановлении Правления университета сказано, что он «уволен из числа студентов университета как не внесший плату за осень 1913, осень 1912 г.»⁴¹. Приказом ректора от 15 июля 1914 г., после погашения задолженности, В.К. Шилейко окончательно выбывает из университета. Свидетельство, выданное ему Правлением университета, гласило: «уволен из университета, посему правами, предоставленными студентам, окончившим полный курс университетского учения, воспользоваться не может»⁴².

Весной 1914 г. на страницах журнала «Гиперборей», который редактировали Н.С. Гумилев, С.М. Городецкий⁴³ и М.Л. Лозинский, состоялась первая публикация стихотворений В.К. Шилейко⁴⁴. К сентябрю 2014 г. относятся два его стихотворения, обращенные к А.А. Ахматовой⁴⁵, — «Ты поднимаешься опять...» и «Уста

командирован Императорской академией наук в качестве начальника африканской экспедиции на Сомалийский полуостров для изучения неисследованных племен галла, харраритов и других, а также для составления коллекций предметов восточноафриканского быта. Экспедиция продлилась 5 месяцев, и уже в сентябре 1913 г. Музею антропологии и этнографии (Кунсткамера) им была передана собранная в ходе путешествия коллекция фотографий и предметов быта народов Африки.

³³ Лозинский Михаил Леонидович (1886–1955) — поэт-акмеист, переводчик, один из создателей советской школы поэтического перевода; лауреат Сталинской премии первой степени (1946).

³⁴ Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938) — поэт, прозаик, переводчик, эссеист, критик, литературовед.

³⁵ Гиппиус Василий Васильевич (1890–1942) — поэт, переводчик, литературовед; доктор филологических наук (1935); профессор (1937–1942), заведующий кафедрой русской литературы (1940–1941) Ленинградского университета, председатель Пушкинской комиссии Академии наук СССР (1940–1942).

³⁶ Пяст Владимир Алексеевич (наст. фам. Пестовский, 1886–1940) — поэт-символист, прозаик, литературный критик, переводчик, теоретик литературы.

³⁷ Мец А.Г., Кравцова И.Г. Предисловие... С. 6–7.

³⁸ «Подвал Бродячей собаки» — литературно-художественное кабаре в Санкт-Петербурге по адресу Михайловская площадь, дом 5, один из центров культурной жизни Серебряного века. Было открыто 31 декабря 1911 г. и действовало по 3 марта 1915 г.

³⁹ Краевская Софья Александровна — выпускница Академии художеств, преподавательница рисования и чистописания в Василеостровской и Коломенской женских гимназиях, первая жена В.К. Шилейко.

⁴⁰ Мец А.Г., Кравцова И.Г. Предисловие... С. 45.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 3. Ед. хр. 54827. Л. 43.

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 3. Ед. хр. 54827. Л. 44.

⁴³ Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) — поэт, переводчик, литературовед.

⁴⁴ Шилейко В. 1) Иов II, 9 («Ничего не просил у Бога...»), 2) «Она — бледнее, чем вчера...», 3) «Я думал: все осталось сзади...» // Гиперборей. Ежемесячник стихов и критики. № IX–X. Ноябрь–декабрь. 1913. С. 39–41.

⁴⁵ Ахматова Анна Андреевна (урожд. Горенко, по первому мужу Горенко-Гумилева, после развода взяла фамилию Ахматова, по второму мужу Ахматова-Шилейко, после развода Ахматова; 1889–1966) — поэтесса, переводчица, литературовед, одна из наиболее значимых фигур русской литературы XX века, вторая жена В.К. Шилейко. Была номинирована на Нобелевскую премию по литературе (1965 и 1966).

Любви истомлены...», знаменующие начало истории их дружбы, любви, брака и развода⁴⁶.

В 1915 г. выходит в свет монография В.К. Шилейко «Вотивные надписи шумерийских правителей». В предисловии к этому изданию, подготовленному на основе клинописных табличек из коллекции Н.П. Лихачева, автор выстраивает хронологию шумерской истории и выдвигает ряд ценных историко-политических гипотез. Все собранные в книге тексты, представляющие собой посвященные надписи, сделанные на камне и глине по приказу одиннадцати правителей Шумера, автографированы, транслитерированы и переведены на русский язык⁴⁷. Эта работа была высоко оценена научной общественностью и отмечена в 1916 г. большой серебряной медалью Русского археологического общества, которые, наряду с золотыми, выдавались ежегодно за наиболее выдающиеся труды, напечатанные по-русски, «по части археологии, принимаемой в обширном смысле, русской, восточной и классической»⁴⁸.

В январе 1916 г. молодой ученый был избран членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества. В этом же месяце им была подготовлена статья⁴⁹, в которой он опубликовал и прокомментировал тексты и переводы четырех клинописных табличек, три из которых были изданы ранее М.В. Никольским под номерами 17 (купчая крепость на раба), 174 (вопросение оракула) и 300 (меновый контракт)⁵⁰, а одна — Ф.М. Аллоттом де Ла Фюи под номером 38 (меновый контракт)⁵¹.

В 1916 г. В.К. Шилейко поступает на работу учителем внуков графа С.Д. Шереметева⁵² — Бориса⁵³ и Николая⁵⁴, старших сыновей графа П.С. Шереметева⁵⁵,

⁴⁶ Мец А.Г., Кравцова И.Г. Предисловие... С. 11.

⁴⁷ Емельянов В.В. В.К. Шилейко... С. 490.

⁴⁸ Жебелёв С.А. Русское археологическое общество за третья четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред. И.В. Тункина. М., 2017. С. 78.

⁴⁹ Шилейко В.К. Из Лихачевского собрания // Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой, 1885–1915: к 30-летию деятельности на посту председателя Московского археологического общества. М., 1916. С. 284–290.

⁵⁰ Никольский М.В. Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собрания Н.П. Лихачева // Древности восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества. Т. 3. Вып. II. СПб., 1908.

⁵¹ Allotte de La Fuye F.-M. Documents Présargoniques. Fasc. I. Part. I. Paris, 1908.

⁵² Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918) — граф, общественный деятель, историк, археограф, библиофил, коллекционер оружия, богатейший помещик, владелец подмосковных Кусково, Михайловского (с 1870), Введенского (с 1884), Остафьево (с 1898), Фонтанного дома в Санкт-Петербурге (с 1871); почетный член Императорской академии наук (1890), член Государственного совета (1900–1917).

⁵³ Шереметев Борис Петрович (1901–1987) — сын П.С. Шереметева и Е.Б. Шереметевой (Мейендорф). Выпускник Александровского лицея (1917). Служил в Добровольческой армии. После разгрома Белого движения оказался в Константинополе, откуда смог выехать во Францию. В 1924 г. в Париже женился на графине В.Д. Менгден. Позднее семья переехала в Марокко, а после Второй мировой войны в США.

⁵⁴ Шереметев Николай Петрович (1903–1944) — музыкант, композитор, сын П.С. Шереметева и Е.Б. Шереметевой (Мейендорф), супруг актрисы Ц.Л. Мансуровой, из-за любви к которой не уехал в эмиграцию. Учился в Московской консерватории. Работал скрипачом и концертмейстером в Театре им. Е. Вахтангова, писал музыку к спектаклям.

⁵⁵ Шереметев Петр Сергеевич (1876–1914) — граф, офицер Кавалергардского полка, земский начальник 3-го участка Подольского уезда Московской губернии, флигель-адъютант Свиты императора Николая II (1913).

и поселяется в их доме на Фонтанке. Здесь хотелось бы отметить, что в ряд биографических исследований о В.К. Шилейко, рассказывающих об этом периоде его жизни, вкралась небольшая, но досадная ошибка. Их авторы сообщают, что В.К. Шилейко стал гувернером и домашним учителем детей графа П.С. Шереметева, имея в виду другого сына С.Д. Шереметева — Павла Сергеевича⁵⁶. Но в действительности воспитанники В.К. Шилейко приходились Павлу Сергеевичу Шереметеву племянниками. А их родителями были Петр Сергеевич Шереметев, младший брат Павла Сергеевича, умерший от туберкулеза в 1914 г., и его супруга Елена Феофиловна (Богдановна) Шереметева (Мейендорф)⁵⁷.

Вероятно, место домашнего учителя было предложено В.К. Шилейко Шереметевыми для того, чтобы материально поддержать бедствующего молодого ученого, чей научный авторитет в середине 1910-х гг. был уже очень высок⁵⁸. У него, кроме того, были общие интересы с графом Павлом Сергеевичем — историком, автором трудов по археографии и генеалогии. Он, как и В.К. Шилейко, состоял членом-корреспондентом Московского археологического общества.

В то же время В.К. Шилейко продолжает заявлять о себе как о поэте. 26 мая и 12 декабря 1916 г. он выступал на «Вечерах поэтов» в «Привале комедиантов»⁵⁹. Видимо, по его инициативе в мае 1916 г. граф П.С. Шереметев посетил первое из выступлений В.К. Шилейко в «Привале комедиантов». Свои впечатления об этом граф записал в дневнике: «...Поехали в “Привал комедиантов”, где своды и стенная роспись мерзопакостного содержания, и где целый ряд поэтов говорили стихи. В этом есть что-то больное и искривленное, но есть и здоровое искание красоты... Наш Влад[имир] Каз[имирович] Шилейко оказался здесь своим человеком и также говорил свои стихи, и лучше других»⁶⁰.

Осенью или зимой 1916 г. В.К. Шилейко подготовил к печати сборник стихотворений «Пометки на полях», который должен был выйти в издательстве «Гиперборей». Редакционной подготовкой книги занимался М.Л. Лозинский. Она была доведена до корректуры, которая была отправлена автору в Феодосию летом 1917 г. Однако по неизвестным причинам уже находившийся в типографии сборник не вышел. Рукописный макет сборника, полностью оформленный В.К. Шилейко собственноручно, сохранился в архиве М.Л. Лозинского⁶¹.

13 января 1917 г. В.К. Шилейко призвали в армию. На военной службе он провел более полугода, числясь рядовым сначала 172-го, а затем 35-го пехотных запасных полков, но участвовать в военных действиях ему не пришлось. 1 августа 1917 г.

⁵⁶ Шереметев Павел Сергеевич (1871–1943) — граф, общественный деятель, историк, художник, участник Русско-японской войны, член Государственного совета (1916). С 1918 г. хранитель художественно-исторических ценностей усадьбы Остафьево. Заведующий музеем-усадьбой Остафьево (1921–1928).

⁵⁷ Шереметева Елена Феофиловна (урожд. баронесса Мейендорф; 1881–1966) — графиня, жена П.С. Шереметева.

⁵⁸ *Попова Н.И., Рубинчик О.Е.* Анна Ахматова и Фонтанный дом. СПб., 2000. С. 12.

⁵⁹ «Привал комедиантов» — литературно-артистическое кабаре в Петрограде в подвале «Дома Адамини» на углу Марсова поля и набережной Мойки. Было открыто 18 апреля 1916 г. и действовало до апреля 1919 г.

⁶⁰ Цит. по: *Попова Н.И., Рубинчик О.Е.* Анна Ахматова... С. 12–13.

⁶¹ В 1999 г. сборник стихотворений, подготовленный на основе оригинального макета, вышел в свет: *Шилейко В.* Пометки на полях. Стихи. СПб., 1999.

по состоянию здоровья он был комиссован — «по болезни уволен вовсе»⁶². В этом же году ученый публикует еще две клинописные таблички, содержащие шумерские тексты⁶³. Первый из них рассказывает о распределении скота между несколькими лицами, а во втором документе речь идет о полях, отводимых для содержания дворца.

В сентябре 1917 г. В.К. Шилейко сообщил матери своих воспитанников, графине Е.Б. Шереметевой, что сможет продолжать занятия с детьми в конце сентября — начале октября. Однако этому помешала начавшаяся Октябрьская революция. Но он все равно вернулся в дом Шереметевых и продолжал жить в северном садовом флигеле⁶⁴.

В конце 1917 г. или начале 1918 г. В.К. Шилейко смог добиться взаимности А.А. Ахматовой. В апреле 1918 г. она попросила развода у Н.С. Гумилева, вернувшегося в Петроград из-за границы, где тот пребывал в составе Экспедиционного корпуса русской армии, продолжавшего участие в военных действиях⁶⁵. В том же 1918 г. А.А. Ахматова и В.К. Шилейко зарегистрировали брак, но прожили вместе недолго⁶⁶.

В апреле 1918 г. В.К. Шилейко был зачислен ассистентом в штат Эрмитажа, где состоял внештатным сотрудником Отделения древностей еще с 1913 г. Этому немало поспособствовал старший хранитель Отделения древностей Е.М. Придик⁶⁷. В своем ходатайстве на имя директора Эрмитажа графа Д.И. Толстого⁶⁸ он писал: «Владимир Казимирович один из лучших знатоков клинописи и ассириологии не только в России, но и за границу, и специальные труды его по достоинству оценены европейскими учеными, помещавшими его статьи в своих лучших научных журналах. Он в течение ряда лет работал над ассирийскими и клинописными памятниками Эрмитажного собрания, и я неоднократно имел возможность убедиться в удивительных и всесторонних познаниях его в области истории, религии и письменности ассирийского народа... он знает также прекрасно семитские языки и египетские иероглифы. Ввиду в высшей степени бедственного его материального положения настоятельно прошу Ваше сиятельство исходатайствовать ему

⁶² ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Ед. хр. 949. Л. 2.

⁶³ Шилейко В.К. Две досаргоновские таблички в Московском музее изящных искусств // Сборник в честь В.К. Мальмберга. М., 1917. (Сборник Московского общества по исследованию памятников древности имени А.И. Успенского при Московском археологическом институте. Вып. 2). С. 87–91.

⁶⁴ Попова Н.И., Рубинчик О.Е. Анна Ахматова... С. 13.

⁶⁵ Там же. С. 16.

⁶⁶ С октября 1920 г. А.А. Ахматова начала работать в библиотеке Петроградского агрономического института и получила, как сотрудник, две комнаты на Сергиевской улице (совр. улица Чайковского), в доме 7, где жила до осени 1921 г. Переезд на Сергиевскую она считала концом брака с В.К. Шилейко (Попова Н.И., Рубинчик О.Е. Анна Ахматова... С. 26). Хотя полного разрыва не произошло, их отношения и позднее оставались близко-дружескими.

⁶⁷ Придик Евгений Мартынович (1865–1935) — филолог-классик, археолог, эпиграфист. Приват-доцент (1898–1920), профессор (1920–1924) кафедры греческой словесности Санкт-Петербургского университета, сверхштатный профессор археологического отделения Ленинградского университета (1925–1929), старший хранитель Отделения древностей (1904–1918), заведующий отделением древних монет Отдела нумизматики и глиптики (1919–1930) Эрмитажа.

⁶⁸ Толстой Дмитрий Иванович (1860–1941) — граф, государственный деятель, историк искусства, коллекционер живописи; товарищ управляющего Русским музеем императора Александра III (1901–1918), директор Императорского Эрмитажа (1909–1918).

одновременно и назначение ему ассистентского оклада жалования, ибо дать погибнуть столь гениальному и выдающемуся ученому оставалось бы вечным позором для России, не умевшей оценить по заслугам одного из самых достойных своих научных деятелей»⁶⁹. В том же 1918 г. В.К. Шилейко становится членом Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

В начале 1919 г. В.К. Шилейко уходит из Эрмитажа и поступает на службу в должности профессора в Петроградский Археологический институт, в котором числился до 30 июня 1922 г. Он читал лекции по истории Шумера и Аккада, истории вавилонской литературы, а также вел практические занятия, на которых читались и разбирались тексты ассирийских, вавилонских и шумерских памятников.

В августе 1919 г. В.К. Шилейко был избран действительным членом только что учрежденной Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). В следующем году, после кончины Б.А. Тураева, он стал заведующим Разрядом археологии Древнего Востока, входившим в состав Археологического отделения РАИМК, и занимал этот пост до 1927 г.⁷⁰

С Н.С. Гумилевым, вплоть до его гибели в августе 1921 г., В.К. Шилейко продолжал поддерживать дружеские отношения, на которые не повлиял уход к нему А.А. Ахматовой. В 1919 г. вышел из печати ассиро-вавилонский эпос «Гильгамеш», переводчиком которого стал Н.С. Гумилев, а автором предисловия — В.К. Шилейко⁷¹. Перевод был выполнен Н.С. Гумилевым с французского издания⁷², использованного им в качестве подстрочника. Но еще за год до выхода книги у В.К. Шилейко был готов собственный перевод этого эпоса, сочетавший художественные достоинства с научной точностью. В 1918 г. автор отдал рукопись представителю московского издательства Сабашниковых, но она затерялась, сохранились лишь отдельные фрагменты⁷³. В это же время В.К. Шилейко подрабатывал чтением лекций по мифологии и античной литературе в студии художественного перевода при издательстве «Всемирная литература», там же он вел занятия по переводу с немецкого языка⁷⁴. К этой работе его привлек Н.С. Гумилев, входивший в редколлегия издательства.

Вскоре В.К. Шилейко поступило предложение издать сборник переводов литературных памятников древней Месопотамии. Автор предполагал их опубликовать под общим названием «Ассиро-вавилонский эпос». Однако после его переезда в Москву и закрытия «Всемирной литературы» готовая рукопись, по всей видимости, была передана в издательство «Academia», но по какой-то причине не была напечатана. Позднее рукопись, разыскиваемая вдовой Шилейко, была обнаружена в этом издательстве, которое пообещало осуществить публикацию, но, несмотря на договоренность, книга так и не вышла из печати⁷⁵.

⁶⁹ ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Ед. хр. 949. Л. 1–1 об.

⁷⁰ Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред.-сост. чл.-корр. РАН Е.Н. Носов. СПб., 2013. С. 396.

⁷¹ Гильгамеш. Вавилонский эпос / Пер. Н.С. Гумилева. Пг., 1919.

⁷² Dhorme P. Choix de textes religieux assyro-babyloniens. Paris, 1907.

⁷³ Афанасьева В.К. В.К. Шилейко... С. 37.

⁷⁴ Колпакова Н.П. Страницы дневника // Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания, письма / Составитель М.М. Кралин. Л., 1990. С. 119–120.

⁷⁵ Подробнее о судьбе рукописи см.: Емельянов В.В. В.К. Шилейко... С. 507–519.

В 1921 г. В.К. Шилейко подготовил последнюю работу, посвященную изданию шумерских текстов⁷⁶, в которой он опубликовал десять табличек из лихачевского собрания. В том же году он частично переиздает, частично публикует впервые 12 табличек⁷⁷, происходящих из колонии Ашшура Канеса⁷⁸. Эти древнейшие тексты на ассирийском языке относятся примерно к XXI–XXII вв. до н. э.

В 1922 г. Археологический институт был преобразован в Археологическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета, где В.К. Шилейко проработал до 26 июля 1929 г. В университете он вел большую преподавательскую работу: читал на факультете общественных наук, а с 1925 г. на факультете языкознания и материальной культуры курсы аккадского, шумерского и хеттского языков и вавилоно-ассирийской литературы, а также руководил семинарскими занятиями по интерпретации и комментированию важных для социально-экономической истории Шумера текстов Урукагины, по хеттским законам и клинописным памятникам из собрания Эрмитажа. В 1926 г. им был впервые объявлен курс «Эламская клинопись»⁷⁹.

В 1922–1924 гг. В.К. Шилейко публикует в журнале «Восток» несколько переводов вавилоно-ассирийских мифов, из которых следует особо отметить перевод мифа «Схождение богини Иштар в преисподнюю»⁸⁰. К этому времени были известны только две редакции мифа. Обе относились ко времени правления ассирийского царя Ашшурбанипала (VII в. до н. э.). Исследуя грамматические особенности текста, ученый высказывает предположение, что обе копии восходят к одному подлиннику, который является намного более древним, чем известные версии. Это предположение подтвердилось в 1930–1940-х гг., когда стали известны отрывки из «Схождения Иштар», датируемые примерно XXIV в. до н. э.⁸¹

В сентябре 1924 г. В.К. Шилейко был назначен на должность заведующего отделом Ассирии Отдела классического Востока в Государственном музее изящных искусств в Москве. К тому моменту в нем была собрана большая коллекция табличек и печатей, но не было специалиста, способного квалифицированно разобрать и инвентаризировать все материалы. Это назначение ознаменовало начало московского периода жизни ученого. Однако полностью московским его считать нельзя, так как пять месяцев в году он по-прежнему проводил в Ленинграде, где читал лекции в университете и работал в Академии истории материальной культуры.

Той же осенью 1924 г. В.К. Шилейко познакомился с В.К. Андреевой⁸², своей коллегой по Музею изящных искусств, когда та была в командировке в Ленинграде. Знакомство переросло во взаимную любовь. С начала 1926 г. между ними

⁷⁶ Шилейко В.К. Ассириологические заметки // ЗВОРАО. 1921. Т. XXV. С. 133–144.

⁷⁷ Он же. Документы из Голь-Тепе // ИРАИМК. 1921. Т. I. С. 356–364.

⁷⁸ Совр. городище Кюльтепе в провинции Кайсери (Турция).

⁷⁹ Грибов Р.А. Из истории... С. 95.

⁸⁰ Из поэзии Вавилона. I. Молитва. II. Сошествие Иштар / Пер. и вступит. статьи проф. В.К. Шилейко // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. 1922. Кн. I. С. 7–14.

⁸¹ Грибов Р.А. Ук. соч. С. 99.

⁸² Андреева-Шилейко Вера Константиновна (1888–1974) — искусствовед, специалист по живописи раннего Возрождения, третья жена В.К. Шилейко. Научный сотрудник Государственного музея изящных искусств (1918–1949), доцент кафедры истории искусства Московского городского педагогического института (1950).

завязалась регулярная переписка⁸³. А еще через полгода В.К. Шилейко решил оформить свои отношения с возлюбленной официально⁸⁴. 18 июня 1926 г. состоялась их свадьба по православному обряду, а 30 сентября 1927 г. на свет появился сын Алексей⁸⁵.

Эти последние годы жизни В.К. Шилейко можно назвать борьбой с прогрессирующей болезнью и медленным угасанием. Однако в то же время они были наполнены любовью, общением с женой, близкой ему по духу, и семейными радостями. В этот период ученый ведет активную научную работу: читает лекции и проводит занятия со студентами в Ленинградском университете, занимается научными исследованиями и инвентаризационной работой в музее, участвует в заседаниях в Государственной академии истории материальной культуры. Его приглашают печататься в одном из ведущих ассириологических изданий «Archiv für Orientforschung»⁸⁶, кроме того, он ведет научную переписку с такими крупнейшими иностранными специалистами, как Э. Вайднер⁸⁷ и А. Гетце⁸⁸.

Однако такая энергичная деятельность, по всей видимости, не приносила удовлетворения. Ученый чувствовал опустошение. Так, в письме к В.К. Андреевой от 16 февраля 1927 г. он писал: «Вчера мне минуло 36 лет, а деятельная жизнь как будто уже окончена»⁸⁹. Несомненно, жизнь на два города была очень утомительна для В.К. Шилейко. Его супругу очень беспокоило то, что он совершенно за собой не следил, нерегулярно питался и часто болел. Постоянные заботы о заработке и необходимости устраивать быт сказались на физическом самочувствии, которое все ухудшалось⁹⁰.

Последней публикацией В.К. Шилейко, вышедшей в свет при его жизни, стала статья в первом номере «Докладов АН СССР» за 1929 г.⁹¹, к которой автор при-

⁸³ См.: Шилейко В.К. Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой, и другие материалы / Сост., комм. и прим. А.В. Шилейко и Т.И. Шилейко. М., 2003.

⁸⁴ Следует отметить, что для этого В.К. Шилейко пришлось сначала попросить развода у А.А. Ахматовой, с которой они все еще официально состояли в браке, хотя и не жили вместе уже несколько лет. Развод был оформлен 8 июня 1926 г. решением Народного суда Хамовнического района Москвы.

⁸⁵ Шилейко Алексей Вольдемарович (1927–2005) — физик, математик, специалист в области информатики и вычислительной техники, популяризатор науки, сын В.К. Шилейко. Выпускник Московского энергетического института (1957). Доктор технических наук (1971). Профессор, заведующий кафедрой электроники Московского института инженеров транспорта. Участвовал в создании и организовывал производство первого в СССР магнитофона в 1946–1948 гг., принимал участие в создании первой в СССР ЭВМ «Стрела» в 1950–1952 гг.

⁸⁶ Schileico W.G. 1) Ein babylonischer Weihetext in griechischer Schrift (mit I Tafel) // Archiv für Orientforschung. 1928–1929. Bd. V. S. 11–13; Ein Omentext Sargons von Akkad und sein Nachklang bei römischen Dichtern // Archiv für Orientforschung. 1928–1929. Bd. V. S. 214–218.

⁸⁷ Вайднер Эрнст (1891–1976) — немецкий ассириолог, археолог. Основатель журнала «Archiv für Orientforschung» (1923). Профессор кафедры восточных исследований университета Граца (с 1943). В СПбФ АРАН сохранились шесть его писем к В.К. Шилейко, датированных 1927–1929 гг. (Ф. 1059. Оп. 1. Д. 15).

⁸⁸ Гетце Альбрехт (1897–1971) — немецкий хеттолог, ассириолог; в 1930–1933 гг. профессор семитских языков в Марбургском университете; с 1934 г. профессор ассириологии и вавилонской литературы Йельского университета. В СПбФ АРАН сохранились четыре его письма к В.К. Шилейко 1927–1928 гг. (Ф. 1059. Оп. 1. Д. 17).

⁸⁹ Цит. по: Афанасьева В.К. В.К. Шилейко... С. 19.

⁹⁰ Там же. С. 20.

⁹¹ Шилейко В.К. Колыбельная песенка из Ассур // Доклады Академии наук СССР. Сер. В. 1929. № 1. С. 14–15.

водит перевод текста глиняной таблички, хранящейся в Эрмитаже. Этот поэтический текст представляет собой заговор для убаюкивания младенца и является, в сущности, древнейшей колыбельной песней.

С лета 1929 г. В.К. Шилейко решает окончательно остановиться в Москве, а в Ленинград приезжать несколько раз в год для участия в заседаниях ГАИМК и представления отчетов. С 1 июля 1929 г. он уволен из Ленинградского университета. 10 декабря 1929 г. канцелярия правления университета выдала В.К. Шилейко справку о том, что он «ввиду утверждения нового устава учебного плана факультета языкознания и материальной культуры и введения штатной окладной системы, согласно постановлению Правления Университета от 26 июня 1929 г., отчислен от службы по этому факультету с 1-го июля 1929 г. с выдачей установленного выходного пособия»⁹².

Ученый чувствует себя все хуже, и это уже невозможно скрыть от окружающих. Так, П.Н. Лукницкий⁹³, побывавший в начале декабря 1929 г. в ленинградской квартире В.К. Шилейко, оставил следующую запись у себя в дневнике: «4-го [декабря] был с А[нной] А[хматовой] у Шилейко. Он бледен, обильно кашляет кровью — ему недолго осталось жить. Квартира его умирает также — его выселяют, ибо дом переходит в другое ведомство. Но Шилейко уезжает в Москву»⁹⁴.

Последнее лето своей жизни В.К. Шилейко провел на даче в Тверской области в городе Зубцове, на берегу Волги. В конце июля 1930 г. семья вернулась в Москву, а в сентябре у В.К. Шилейко началось резкое обострение болезни⁹⁵. Вот что писала теща В.К. Шилейко Е.И. Андреева⁹⁶ в сентябре 1930 г.: «У нас в доме очень тяжело. Владимир Казимирович лежит уже четвертую неделю, обострившийся туберкулез осложнился воспалением легких. Бедная Вера совсем сбилась с ног, ухаживая за ним... Несколько дней назад у Владимира Казимировича шла кровь горлом, потом была одышка, потом стало лучше, а сегодня температура опять поднимается»⁹⁷.

5 октября 1930 г. на сороковом году жизни В.К. Шилейко скончался. Его похоронили на Введенском кладбище в Москве рядом с родственниками В.К. Андреевой-Шилейко⁹⁸.

Вяч. Вс. Иванов в очерке, посвященном творчеству В.К. Шилейко, так охарактеризовал его: «Слово “гениальность” — затасканное, его часто употребляют не по назначению. В случае Шилейко никакое другое слово не может верно обозначить ту глубину научного и поэтического чутья, проникающего в суть текстов, иной раз до сих пор оставшихся бы загадочными, когда б не ясность прозрений Шилейко, их изучавшего»⁹⁹.

⁹² Шилейко В.К. Последняя любовь... С. 265.

⁹³ Лукницкий Павел Николаевич (1900–1973) — поэт, прозаик, биограф и исследователь жизни и творчества Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой. В 1924–1929 гг. входил в ближайший круг друзей А.А. Ахматовой и был ее доверенным лицом, почти ежедневно вел дневник в этот период времени, описывал жизнь и окружение А.А. Ахматовой. Собрал уникальную коллекцию рукописных материалов поэтов Серебряного века, которая была передана в Пушкинский дом (ИРЛИ РАН) его семьей в 1997 г.

⁹⁴ Цит. по: Шилейко В.К. Последняя любовь... С. 272.

⁹⁵ Афанасьева В.К. В.К. Шилейко... С. 21.

⁹⁶ Андреева Екатерина Ивановна — жена математика К.А. Андреева (1848–1921).

⁹⁷ Цит. по: Шилейко В.К. Последняя любовь... С. 280.

⁹⁸ Емельянов В.В. В.К. Шилейко... С. 524.

⁹⁹ Иванов В.В. В.К. Шилейко. Очерк творчества // Памятники и люди / Науч. ред. К.К. Искольдская. М., 2003. С. 78.

К сожалению, столь ранняя смерть помешала В.К. Шилейко осуществить многие планы. Он не успел опубликовать большую часть того, что было им задумано и подготовлено¹⁰⁰. Однако и те немногочисленные работы, которые вышли в свет, оставили заметный след в науке и позволили их автору занять почетное место среди русских востоковедов.

¹⁰⁰ В настоящее время публикацией научного наследия В.К. Шилейко активно занимается В.В. Емельянов. См., например: *Емельянов В.В.* 1) Неопубликованные работы В.К. Шилейко // *Письменные памятники Востока.* 2017. Т. 14. № 4 (вып. 31). С. 89–110; 2) Работы В.К. Шилейко по истории месопотамской религии // *Религиоведение.* 2017. № 4. С. 154–171.

Глава 2

Участники Избирательного собрания 5–7 августа 1919 г., ставшие действительными членами РАИМК

Николай Борисович Бакланов (1881–1959)

М.В. Медведева

Николай Борисович Бакланов представлял «редкое сочетание широкого круга художественных и технологических специальностей с постоянной исторической работой, что выразилось в большой творческой продукции в областях истории архитектуры и истории металла.

Для всего творчества Н.Б. Бакланова характерно то, что он всегда стремился к максимальному изучению непосредственно самих вещественных памятников, строя все свои работы на тщательном, детальном изучении исследуемых объектов»¹. Так отзывались об исследователе его коллеги в 1930-х гг. Н.Б. Бакланов принимал участие в интереснейших проектах своего времени и как практикующий архитектор, и как член архитектурных и археологических экспедиций; как научный сотрудник он изучал историю архитектуры и занимался проблемами ее сохранения. До сих пор нет публикаций, подробно освещающих жизненный путь Н.Б. Бакланова и этапы становления его как ученого. В 1920–1930 гг. деятельность архитектора была тесно связана с работой в Российской (с 1926 г. Государственной) академии истории материальной культуры (РАИМК/ГАИМК), поэтому сохранившиеся в архиве ИИМК РАН документы дают общее представление о его биографии и научных исследованиях.

Н.Б. Бакланов родился 15 (28) мая в 1881 г. в г. Кутаиси в семье титулярного советника Б.А. Бакланова. Его отец в 1878 г. окончил Институт инженеров путей сообщения, получив звание гражданского инженера «с правом строительства». Служил он в Министерстве путей сообщения, сначала при действующей армии,

¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1935 г. Д. 243. Л. 1.

затем в Закавказском отделении железной дороги на строительстве Батумского участка, где в 1881 г. у него и родился сын. Его жена, М.Н. Бакланова, происходила из семьи российского военно-морского деятеля, вице-адмирала Н.А. Васильева, в честь которого, по всей видимости, ребенок и был крещен Николаем в Кутаисском соборе². В 1883 г. отца Бакланова перевели работать на юго-западные железные дороги, но прослужить там он успел недолго и через два года умер в возрасте 35 лет³. Возможно, в память об отце Николай впоследствии выбрал для себя схожую специальность. После смерти мужа вдова с ребенком переехала в Санкт-Петербург, и проживала там до своей смерти, работая машинисткой⁴.

Начальное образование Н.Б. Бакланов получил дома, а с 1890 г. учился в Санкт-Петербургской Первой классической гимназии, где лучше всего ему давались математика, физика, французский и немецкий языки⁵. В 1900 г. Бакланов поступил в Высшее училище при Академии художеств, где сначала не отличался прилежанием, но потом увлекся учебой и в 1910 г. окончил это учебное заведение со званием художника-архитектора, показав хорошие знания по большинству предметов. В то время вторая часть обучения обязательно проходила в мастерских под руководством какого-нибудь профессора⁶. Для Н.Б. Бакланова таким куратором стал известный русский архитектор, а в то время ректор училища, А.Н. Померанцев, у которого он занимался в мастерской по отделению архитектуры с 1904 г.⁷

В 1905 г. Н.Б. Бакланов вынужден был выехать за границу. Основанием для такой поездки архитектор впоследствии называл свою революционную деятельность. В одной из анкет 1930-х гг. он писал, что подвергся репрессиям за участие в студенческом движении и был выслан за границу⁸ под «угрозой высылки в Сибирь, в случае невыезда добровольно»⁹. В характеристике Н.Б. Бакланова 1936 г. для подтверждения его звания действительного члена ГАИМК указано, что в 1903–1906 гг. он симпатизировал большевикам, предоставлял квартиру для явок, хранил и распространял революционную литературу¹⁰. В личном деле студента Академии художеств Бакланова таких сведений не содержится, но сохранились документы, касающиеся его заграничной командировки 1905–1906 гг.¹¹ Он использовал это время для изучения различных строительных приемов и средневековых архитектурных памятников Франции и Италии. В этот период Н.Б. Бакланов и увлекся историей архитектуры и искусства, придав «направление всей дальнейшей работе в сторону к теоретическому изучению архитектуры»¹².

² РГИА. Ф. 789. Оп. 12. И-1900. Д. 24. Л. 6.

³ Там же. Л. 3–5.

⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 35. Л. 47.

⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 12. И-1900. Д. 24. Л. 8.

⁶ Попова А.А. Творчество академика архитектуры А.Н. Померанцева. Дис. ... канд. архит. Ростов-на-Дону, 2015. С. 26–27.

⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 12. И-1900. Д. 24. Л. 48 об.

⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 35. Л. 39.

⁹ Там же. Л. 47.

¹⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 166. Л. 7.

¹¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 12. И-1900. Д. 24. Л. 31–33.

¹² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 35. Л. 53.

В 1907 г. Н.Б. Бакланов в качестве рисовальщика и фотографа по заданию Академии наук принимал участие в научной экспедиции на Синай под руководством известного византиниста В.Н. Бенешевича, которым было сделано большое количество фотографий синайских рукописей во время его трех поездок в монастырь Св. Екатерины. В описании фотоархива В.Н. Бенешевича упоминается, что в первой поездке его сопровождал художник¹³. По всей видимости, здесь подразумевается Н.Б. Бакланов, который по пути на Синай по собственному почину осмотрел памятники архитектуры Греции, Египта и Малой Азии, в том числе побывал в Каире, Смирне и Константинополе. Он старался максимально использовать возможности самостоятельно ознакомиться с древними архитектурными постройками различного типа, назначения и относящимися к разным хронологическим периодам. На Синае архитектор обследовал базилику юстиниановского времени, сделал акварельные зарисовки ее знаменитых мозаик и снял ряд копий с миниатюр X–XII вв.¹⁴ Сам Бакланов потом в одной из автобиографий писал, что часть его работ была издана в труде Бенешевича без указания фамилии¹⁵.

В 1910 и 1912 гг. Н.Б. Бакланов совершил еще ряд поездок для изучения богатейшего архитектурного наследия Европы и ознакомился с зодчеством и музеями Бельгии, Голландии, Германии, Польши, Австрии, Италии, Дании и Швеции в поисках первоисточников происхождения памятников русской архитектуры.

Уже со студенческих лет Н.Б. Бакланов начал свою деятельность и в качестве практикующего архитектора. Как писал он сам в одной из анкет, работать начал еще гимназистом (с 1897 г.): давал уроки, затем зарабатывал рисованием и увеличением портретов, затем «работал на постройках и помощником в мастерских у частных архитекторов — более всего у В.А. Покровского и А.В. Щусева»¹⁶. Несмотря на то, что Н.Б. Бакланов довольно рано осознал свой главный интерес именно к научному исследованию теории и истории архитектуры, «опасность оторваться от самого производства не позволила совершенно оставить практическую работу». С 1906 по 1914 г. он служил в качестве помощника у академика архитектуры В.А. Покровского, принимал участие в проектировании и строительстве комплекса зданий военно-исторического музея в Петербурге, выставочных павильонов, здания государственного банка в Нижнем Новгороде и др.); затем трудился у академика архитектуры А.В. Щусева во время реставрации церкви в Овруче, при проектировании и строительстве странноприимного дома в Италии, выставочного павильона в Венеции, современного здания Казанского вокзала в Москве, самостоятельно построил реальное училище и частный дом в г. Слободском Вятской губернии, дачи и пансион в Финляндии¹⁷.

Практическая работа у вышеперечисленных известных архитекторов направила внимание Н.Б. Бакланова на русскую архитектуру, изучению которой и была

¹³ Герд Л.А. Фотоархив В. Н. Бенешевича // Архивы русских византинистов в С.-Петербурге. СПб., 1995 г. С. 384.

¹⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1935 г. Д. 243. Л. 1

¹⁵ Там же. Оп. 3. Д. 35. Л. 2. Точной ссылки не приводится. Видимо, речь идет о: *Бенешевич В.Н.* Памятники Синая археологические и палеографические. Вып. 1. Л., 1925; Вып. 2. СПб., 1912.

¹⁶ Там же. Л. 47.

¹⁷ Там же. Л. 53.

посвящена его деятельность в течение первого десятилетия после окончания Академии художеств. За это время архитектор совершил ряд поездок по территории России для осмотра памятников древнего зодчества, а также командировался Московским археологическим обществом для участия в ремонте и реставрации разрушающихся памятников старины.

Во время Первой мировой войны летом 1917 г. Н.Б. Бакланов принял участие во второй Трапезундской экспедиции для обследования состояния древних памятников на территориях, занятых по праву войны¹⁸. Экспедиция, организованная под эгидой Академии наук и МАО, проходила под руководством профессора Ф.И. Успенского. Задачи распределялись следующим образом: профессор Лазаревского института восточных языков А.Е. Крымский занимался разбором и описанием рукописей, книг и архивных документов; профессор Московской духовной академии Н.Д. Протасов — изучением архитектуры и живописи церквей; археолог и художник Н.Е. Макаренко — изучением стен города и трапезундского акрополя; архитектор Н.Б. Бакланов — составлением планов и чертежей трапезундских церквей; художник Н.К. Клуге копировал фрески; художник Г.К. Мейер делал зарисовки памятников Трапезунда и ближайших окрестностей¹⁹. В архивном собрании Русского археологического института в Константинополе сохранились краткие отчеты о работе участников экспедиции, в том числе и краткая записка Н.Б. Бакланова, которая дает представление о сделанных им работах и формировании методического подхода исследователя: «По приезде в Трапезунд мною были осмотрены бегло главные архитектурные памятники города. Затем, согласно указаниям ак. Ф.И. Успенского я должен был приступить к обследованию и обмеру храмов Св. Евгения и Марии Златоглавой.

У Св. Евгения был произведен подробный обмер плана, но от немедленного продолжения работ — обмера высот и арок, пришлось отказаться за неимением лесов. Тогда, чтобы не терять времени, я приступил к обследованию Храма Марии Златоглавой. Здесь, благодаря пристроенным турками галерейкам и наличности II яруса <...>, удалось сделать обмеры высот и кривых арок и сводов. Необходимо отметить чрезвычайную трудность работы из-за громадного количества сундуков с архивом и наваленных груд документов, из-за пыльного и спертого воздуха, из-за темноты и летучих мышей, в изобилии гнездящихся в галереях храма.

План храма сложный, потребовал много труда и времени на его обмер. Но все же здесь удалось произвести наиболее полные и точные обмеры <...>

Затем было произведено подробное обследование и обмеры развалин т. наз. дворцовой церкви, находящейся в одной из башен древней городской стены, прилегающей к развалинам дворца.

¹⁸ Цыпкина А.Г. Изобразительные материалы Трапезундской экспедиции: предварительный обзор и опыт характеристики // Исторические исследования. 2016 г. № 5. С. 280–326; Цыпкина А.Г. Трапезундская экспедиция (1916–1917) и археологические общества // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2016 г. № 4. С. 64–78.

¹⁹ Иодко О.В. Николай Карлович Клуге (1869–1947). Копиист и реставратор византийских памятников // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. / Отв. ред. Т.А. Шрадер. Вып. 10. СПб., 2016. С. 217.

Обследовано было здание настолько, сколько можно было это сделать, не прибегая к раскопкам и постановке лесов. Обмеряны планы верхнего и нижнего ярусов, высоты для разреза здания и ряд деталей внутри и снаружи здания, позволяющих, до некоторой степени, восстановить его древний вид, чрезвычайно редкий для крепостных сооружений.

Осмотрены были и развалины городских стен и дворца, но здесь более подробные обследования и обмеры совершенно невозможны без геодезических инструментов, без предварительных раскопок, вообще требуют специалистов предназначенной для сего группы техников и рабочих сил.

Мне же пришлось ограничиться только осмотром, причем и последний затруднен был турецкими саклями и хибарками, заполняющими развалины, населенными беженцами турками и преимущественно женщинами. Беспреестанно приходилось наталкиваться на гаремы, закрывающие проход к тому или иному интересующему месту. Вещественными результатами осмотра остается несколько фотографий. Между тем и городские стены, и особенно верхняя часть города, занятая дворцом, представляет собою в архитектурном отношении большой интерес и заслуживали бы специального изучения, как один из редких по сохранности памятников Византийской гражданской и военной архитектуры.

Кроме того, при раскопках слоя земли и мусора от развалившихся стен и сводов можно было бы без сомнения сделать интересные археологические находки.

Храм Св. Софии мною не обмерялся, т. к. по указаниям Ак. Ф.И. Успенского он же был обмерен предыдущей экспедицией. Я ограничился осмотром храма и обмером южного портала (фасад) с остатками скульптурного убранства.

В самом конце (30) июля были поставлены подмосты под одну из подпружных арок в храме Св. Евгения и оказалось возможным обмерять эту арку, а также взять несколько мер высот. Подробный же обмер, за недостатком времени, исполнить по натуре не удалось и остается сделать это фотометрическим путем, с помощью взятых мер и специально снятых для сего фотографий.

Наконец, в городе мною были осмотрены, главным образом снаружи, целый ряд древних храмов и других сооружений. Осмотр храмов внутри был возможен только в разрушенных зданиях, доступ же в греческие действующие храмы был чрезвычайно затруднителен для членов экспедиции.

Полученные результаты работ могут дать некоторый материал, как для изучения странички византийского зодчества, так и влияния его на зодчество южных областей Руси.

Вообще же надо сказать, что Трапезунд представляет собою город весьма богатый древними архитектурными памятниками и заслуживает подробного изучения всех его остатков древности, причем кроме самого города, необходимо обратить внимание и на его окрестности, изобилующие монастырями и отдельными церковками. Ныне этого сделать не удалось из-за полного отсутствия перевозочных средств»²⁰.

Позже, подводя итог всем своим поездкам и натурным архитектурным обследованиям дореволюционного периода, Н.Б. Бакланов напишет: «Таким образом,

²⁰ РГИА. Ф. 757. Оп. 1. Д. 57. Л. 6–9.

были изучены личными осмотрами памятники византийской культуры, западного и восточного средневековья, причем первоначально изучение шло чисто формальным путем. Но скоро более углубленное исследование показало, что у этого метода не хватает строго научной базы, и что нельзя изучать памятник архитектуры, не захватывая его конструкции, назначения, наконец, причин, вызвавших его появление и оформление — причин чисто материальных, экономических и социальных»²¹. Работе в этом направлении было посвящено следующее после 1920 г. время, но об этом речь пойдет далее.

Параллельно с исследовательской работой у Н.Б. Бакланова активно шла и педагогическая. В 1911 г. он принимает приглашение Строгановского художественно-промышленного училища в Москве читать лекции по истории русского искусства и вести занятия композицией по художественной промышленности. Так начинается московский период жизни Н.Б. Бакланова, продлившийся до 1927 г. В 1916 г. он был приглашен преподавателем, а затем стал профессором в Московском политехническом институте (впоследствии Институт гражданских инженеров), в 1920-е гг. преподавал в Высших художественных технических мастерских, Московском университете. Н.Б. Бакланов читал историю архитектуры и вел практический курс изучения архитектурных памятников.

Музейная работа тоже составляла важную часть деятельности Н.Б. Бакланова. С 1917 по 1920 он состоял хранителем архитектурного отдела Московского политехнического музея. В 1919–1922 гг. работал в отделе по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса РФ, где организовал подотдел регистрации и изучения памятников архитектуры и руководил им. В рамках работы подотдела Н.Б. Бакланов неоднократно совершал поездки по России для осмотра, учета древних памятников и инспектирования производившихся реставраций. Так продолжалось, пока подотдел не расформировали вследствие сокращения штатов. С 1921 по 1926 г. Н.Б. Бакланов был также сотрудником и хранителем созданного им отдела архитектуры, истории жилища и обстановки Государственного исторического музея, где коллекция предметов насчитывала к концу 1920-х гг. около пятидесяти тысяч номеров. Кроме того, там же в период 1923–1926 гг. он руководил отделом бытовой иконографии²².

С 1924 г. Н.Б. Бакланов прекратил всю педагогическую работу, чтобы посвятить свое основное рабочее время научным исследованиям, и здесь ведущее место заняла его деятельность, как архитектора, в Академии истории материальной культуры. Он был избран ее действительным членом с начала августа 1919 г., когда архитектор К.К. Романов в ходе Избирательного собрания дал ему блестящую характеристику, перечислив основные научные заслуги ученого: «...с 1914 года, состоял секретарем Комиссии охраны памятников Московского археологического общества и по поручению общества производил многократно осмотры памятников зодчества. Делал соответствующие представления о них обществу, а также участвовал в работах специальных комиссий.

²¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 35. Л. 53.

²² Там же. Л. 1–1 об.

Преподавал историю русского искусства в московском Строгановском училище, до последнего преобразования его, и историю русской архитектуры, а также историю стилей /по отделу Средневековья и эпохи Возрождения/ на бывших женских архитектурных Курсах, ныне в московском Политехническом институте.

По образовании московского Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Н.Б. Бакланов занял в нем место заведующего подотделом монументальной регистрации и в этой должности руководил работами Отдела по регистрации, обмеру и изучению памятников зодчества.

Из специальных поездок с научною целью и научных исследований Н.Б. Бакланова я считаю долгом отметить:

1/ поездку на Синай с проф. В.Н. Бенешевичем для изучения древних миниатюр;
2/ поездку в г. Трапезунд по поручению Московского археологического общества, совместно с экспедицией акад. Ф.И. Успенского для изучения памятников зодчества, причем Н.Б. Баклановым обмерены и изучены следующие памятники:

1/ церковь Богородицы “Златоверхая”,
2/ <церковь> Св. Евгения,
3/ здание, известное под именем Дворцовой церкви,
4/ портал церкви Св. Софии,
3/ в Москве и ее окрестностях в последнее время под руководством Н.Б. Бакланова производились обмеры следующих памятников зодчества:

а/ периода XVI–XVII веков:

1/ церкви села Дьякова 1529 г.
2/ собора Св. Василия Блаженного
3/ Трапезного здания Троице-Сергиевой Лавры

б/ периода XVIII–XIX вв.:

1/ Митрополичьего дома Троице-Сергиевой Лавры
2/ дома Конозаводства на Поварской ул.,
3/ кн. Гагарина на Новинском бульваре постройки архит. Бовэ, начала XIX в.
4/ дома Соллогуба, начала XIX века.

Н.Б. Бакланов не имеет, пока, печатанных работ, но это обстоятельство отнюдь не представляется мне препятствием для рекомендации в члены Академии истории материальной культуры, т. к. по своей подготовке, прежней деятельности и, особенно, по методологическому подходу к изучению памятника он явился бы незаменимым работником в организуемом новом учреждении по Отделу памятников монументального искусства.

Член Академии истории Материальной Культуры

К. Романов

1919 года, августа 5 дня»²³.

Со времени избрания членом РАИМК научная работа Н.Б. Бакланова приобрела более целенаправленный и систематический характер. До 1928 г. он проживал в Москве и поэтому состоял в Московской секции Академии, где с сентября 1919 г. по 1922 гг. исполнял обязанности ученого секретаря.

²³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 35. Л. 1–1об.

Николай Борисович Бакланов. Ольвия, 1926 г.

В 1923–1925 гг. Н.Б. Бакланов принимал участие в Дагестанской этнолого-лингвистической и художественно-археологической экспедиции под руководством Н.Ф. Яковлева²⁴, где его основной задачей являлось изучение генетики средневековой архитектуры, а также кустарных промыслов, посуды и утвари²⁵. Он обследовал и обмерял памятники гражданской и военной архитектуры, жилища, общественные здания, городские стены и башни. В результате Н.Б. Баклановым были исполнены обмерные чертежи архитектурных памятников Дагестана: 3 жилых домов; 4 башен разного типа: оборонительных, дозорных и жилых, одной группы зданий: башни-мечети и жилых домов, с нею связанных, Львиных ворот и стены г. Дербента, шести надгробных сооружений и водоема у дороги²⁶

В 1926 г. Н.Б. Бакланов по поручению Государственной Академии истории материальной культуры и украинской Главнауки принимал участие в работах экспедиции Б.В. Фармаковского на раскопках Ольвии.

В 1925 и 1926 гг. Н.Б. Бакланов командировался Государственным историческим музеем в качестве руководителя экспедиции на северный и средний Урал для изучения и собирания памятников быта крестьянина и рабочего²⁷.

В 1927 г. Н.Б. Бакланов возвращается в Ленинград. По приглашению ректора Академии художеств Э.Э. Эссена он занимает должность доцента «по графиче-

²⁴ См. об этом: *Каймаразова Л.Г.* Изучение культуры народов Дагестана в 20-е гг. XX в. // Вестник Института ИАЭ. 2014. № 1. С. 72–84.

²⁵ *Бакланов Н.Б.* Златокузнецы Дагестана. О кустарях-металлистах селения Кубачи. М., 1926 г.; *Бакланов Н. Б.* Архитектурные памятники Дагестана. Вып. 1. Л., 1935.

²⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 35. Л. 52–52 об.

²⁷ Там же. Л. 52.

Н.Б. Бакланов и Т.М. Девель производят тахеометрическую съемку в Ольвии. 1926 г.

скому изучению памятников»²⁸ от древнерусских до XIX в. Ставка доцента предполагала зарплату 72 руб. за 6 часов обязательного посещения, куда входили занятия по учебному плану с 40 студентами²⁹, также он читал 2 часа в неделю лекции по истории архитектуры и с 1928 г. по охране и реставрации памятников зодчества.

Одновременно Н.Б. Бакланов продолжает активную деятельность в ГАИМК, но уже в Ленинграде. К.К. Романов в 1927 г. вновь дает прекрасную характеристику его работам: «Из печатных произведений Н.Б. Бакланова необходимо особо выделить его статью о русском провинциальном зодчестве, напечатанную в “Известиях Росс. Академии истории материальной культуры”»³⁰.

Воспользовавшись большим количеством фотографических снимков с памятников зодчества одной губернии, сделанных местным фотографом, Н.Б. Бакланов путем точного археологического анализа их архитектурно-декоративных форм нарисовал картину изменения форм церковного зодчества в течение XVIII в. в губернии и влияния на них зодчества больших городов. Вместе в тем автор попытался от этого частного решения подойти к общему вопросу о запаздывании заимствований форм провинцией по данным изученной губернии, чем сделал ценный вклад в научное изучение зодчества XVIII в., интерес к которому ограничился до того преимущественно памятниками больших мастеров или любительством.

²⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 12. И-1900. Д. 24. Л. 50.

²⁹ Там же. Л. 56.

³⁰ Бакланов Н.Б. Эволюция архитектурных форм в русском провинциальном церковном зодчестве XVIII в. // ИРАИМК. 1922. Т. II. С. 241–265.

Среди архитекторов, занимающихся обмером и изучением памятников древнего зодчества и вопросами их реставрации, Н.Б. Бакланов выгодно отличается своим археологическим подходом и осторожным отношением. Работая в различных пунктах, над памятниками различных периодов и типов, Н.Б. Бакланов всегда вносил в изучение эти особенности и давал хороший, твердо обоснованный научно материал. То же осторожное археологическое отношение Н.Б. Бакланов вносил и в дело охраны и реставрации памятников, участвуя в ряде реставрационных работ Главнауки в качестве консультанта, эксперта, а иногда и организатора; как например в деле изучения памятников Средней Азии. Экспедиция туда была разработана им, он же должен был стать во главе ее, и лишь в последний момент, по неизвестным причинам, он отклонил от себя руководство ею и не поехал.

Рассматривая в общем деятельность Н.Б. Бакланова, мы должны признать в нем талантливого архитектора-археолога, точного и осторожного в своих работах и способного руководить работами других.

К. Романов

20.IX.1927 г.»³¹

В 1928 г. Н.Б. Бакланов в Северо-Кавказской экспедиции под руководством А.А. Миллера занимался обследованием средневековых построек. Он обмерил и сделал рисунки святилища Реком в Осетии, разработал проект по сохранению этого уникального памятника. В 1928–1929 гг. участвовал в экспедиции в Крым под началом Ю.В. Готье для исследований генуэзской крепости в Судаке, там же снял план крепости в Балаклаве. В 1927–1928 гг. он продолжал работу в Ольвийских раскопках. Летом 1929 г. по заданию ГАИМК Н.Б. Бакланов принял участие в исследовании архитектурных памятников Хорезма (в г. Куня-Ургенч), где обследовал пять сохранившихся памятников. Изначально архитектурными обмерами предстояло заниматься члену ГАИМК, архитектору А. П. Удаленкову, но, узнав на месте о невозможности обеспечения безопасности сотрудников научной экспедиции от действий басмачей в районе Куня-Ургенча, он вернулся в Ленинград³², в то время как часть сотрудников экспедиции уже прибыла на место работ. Академия срочно прислала на его место архитектора Н. Б. Бакланова, и запланированные исследования состоялись. В 1931 г. Н.Б. Бакланов работал у А.А. Миллера на раскопках Таманского городища.

В 1930-х гг. Н.Б. Бакланов принимал участие как в работе Института исторической технологии, так и в исследованиях Института истории феодального общества ГАИМК. В 1933–1935 гг. он активно занимался разработкой темы по истории металлургических заводов на Урале в XVIII — начале XIX в.³³ (организация труда и производство металлических изделий), участвовал в работе сектора полевых исследований по составлению руководства для проведения раскопок. В Академии он был на хорошем счету и считался весьма ценным сотрудником, поэтому в 1934 г. «за хорошее качество работы, за широкое привлечение и умелое использование

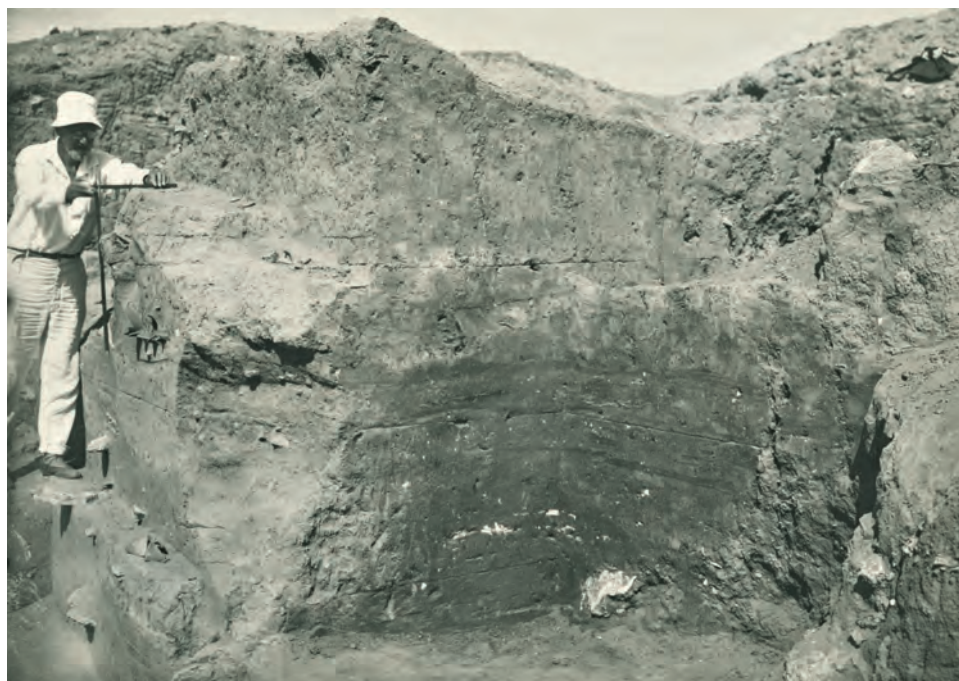
³¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 35. Л. 49–50.

³² Алёкшин В.А. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН). СПб., 2013. С. 110.

³³ Результаты этой работы частично опубликованы. См.: Бакланов Н. Б. Техника металлургического производства XVIII века на Урале // ИГАИМК. 1935. Вып. 134.

Н.Б. Бакланов во время съемки тахеометром во время раскопок на Таманском городище. 1931 г.

Н.Б. Бакланов за работой на раскопках Таманского городища. 1931 г.

вещественных памятников, за высокую трудовую дисциплину»³⁴ Н.Б. Бакланов получил премию. Заведующий кафедрой исторической технологии В.В. Данилевский так отзывался о его работе в 1935 г.: «Н.Б. Бакланов ... провел большую работу по изучению вещественных памятников во время специальных поездок в Италию, Францию, Трапезунд, Дагестан, Осетию, Хорезм, Урал, Крым, Ольвию, Болгары на Волге и т. д., за исключением ольвийских экспедиций, вся его полевая работа была сосредоточена на изучении памятников феодальной эпохи. В процессе работы над памятниками Н.Б. Бакланов сразу же встал на путь исследования конструкций и материала, помимо формальной стороны, стремясь охватить каждый памятник во всех его сторонах, четко акцентируя функциональную сторону памятника. Работа над изучением функционального назначения памятника привела Н.Б. Бакланова к вскрытию на этой основе роли архитектурного памятника в материальном производстве, значение его как социального фактора. Результатом этой работы являются доклад для Всесоюзного съезда архитекторов о методике изучения архитектуры, разрешающее ряд методологических вопросов на основе глубокого изучения материалов и критики буржуазных концепций»³⁵.

В 1930-е годы основным местом работы для Н.Б. Бакланова постепенно становится Академия художеств. С 1932 г. он становится профессором по кафедре истории архитектуры. Одновременно Н.Б. Бакланов состоял руководителем этой кафедры и научно-исследовательского Кабинета по истории архитектуры³⁶.

В начале 1937 г. Н.Б. Бакланов в связи с большой учебной, научной и административной нагрузкой в Академии художеств попросил минимизировать его работы в Академии. Выполняющий в тот момент обязанности директора Института истории материальной культуры М.В. Фармаковский в своей записке председателю ГАИМК по этому поводу признал необходимость присутствия Н.Б. Бакланова в штате учреждения и важность его участия как специалиста в обсуждении вопросов реставрации монументальных памятников. В результате Н.Б. Бакланов по собственному желанию был переведен на полставки для совмещения работы в ГАИМК с загруженностью в Академии художеств³⁷.

Даже после реорганизации ГАИМК в ИИМК АН СССР в 1937 г., когда многие сотрудники были уволены по причине сокращения штатов, Н.Б. Бакланов продолжил работать в Институте. Его назначили заведующим сектором археологической технологии и заместителем председателя комитета полевых исследований и охраны памятников³⁸.

28 июня 1938 г. Н.Б. Бакланова утвердили в степени кандидата исторических наук без защиты диссертации³⁹, хотя еще в 1935 г. Институт исторической технологии ГАИМК ходатайствовал о присуждении Бакланову степени доктора истории искусств. В постановлении заседания по этому вопросу говорилось: «Н.Б. Бакланов представляет редкое сочетание широкого круга исторических, технологических

³⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 35. Л. 14.

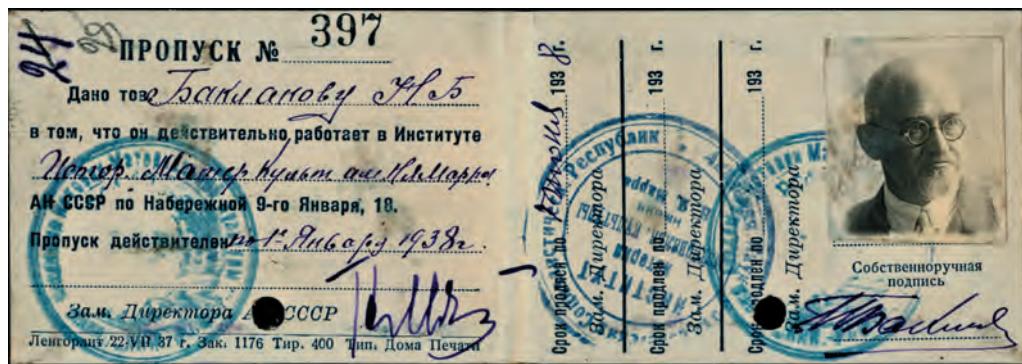
³⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1935 г. Д. 243. Л. 1.

³⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 35. Л. 54.

³⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 35. Л. 34–34 об.

³⁸ Там же. Л. 42.

³⁹ Там же. Л. 43.

Рабочий пропуск Н.Б. Бакланова в ИИМК АН СССР. 1938 г.

и художественных знаний, обеспечивших высокое качество опубликованных им работ. Изучение конструкций, материала и техники производства, как на самих исторических памятниках, так и на сохранившихся отсталых видах производства привели Н.Б. Бакланова к ряду оригинальных исследований по истории металлургии России XVII и затем XVIII веков. Н.Б. Бакланов ввел в научный оборот ряд интереснейших мало исследованных архитектурных памятников. Наилучшей оценкой историко-архитектурной работы Н.Б. Бакланова является представление его к утверждению его к ученой степени доктора истории искусства со стороны Всероссийской академии художеств»⁴⁰.

И все-таки в июле 1938 г. из-за большого круга обязанностей в Академии художеств и пошатнувшегося здоровья Н.Б. Бакланов не смог больше совмещать работу в нескольких учреждениях и уволился из ИИМК по собственному желанию⁴¹. Вся его последующая научная жизнь была связана с преподаванием в Академии художеств и других художественных учебных заведениях, однако он не терял связи и с ИИМК, продолжая выполнять работы по отдельным научным и издательским проектам учреждения.

Научное наследие Н.Б. Бакланова еще ждет своих исследователей, но уже сейчас можно с полной уверенностью сказать, что деятельность ученого в 1920–1930 гг. составила важную часть работы Академии истории материальной культуры и российской архитектурно-археологической науки в целом, а также внесла большой вклад в формирование научной школы изучения и реставрации памятников древнего зодчества.

⁴⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1935 г. Д. 243. Л. 3.

⁴¹ Там же. Л. 44–45.

Василий Владимирович Бартольд (1869–1930)

В.П. Никоноров, В.А. Горончаровский

Василий (Вильгельм) Владимирович Бартольд был представителем блестящей плеяды ученых XIX — первой половины XX в., которые намного опередили свое время в деле познания истории древних и средневековых цивилизаций и заложили прочный фундамент для всех последующих поколений исследователей. Хотя сам он считал себя преимущественно историком Средней Азии¹, сфера его научных интересов охватывала историю всего Ближнего и Среднего Востока. Он всегда исключительно глубоко и оригинально разрабатывал темы, связанные с историей Ирана, ислама и Арабского халифата, Кавказа и Закавказья, тюркских и монгольских народов, российского и зарубежного востоковедения; мусульманской нумизматикой и эпиграфикой. Прекрасное знание Бартольдом персидского, арабского и тюркского языков позволяло ему вводить в научный оборот

множество письменных источников, в том числе и ранее неизвестных, что делало его научные труды беспрецедентно фундаментальными. Прожив сравнительно недолгую по человеческим меркам жизнь — 60 с небольшим лет, — он сделал на поприще востоковедения так много, как никто ни до, ни после него.

Естественно, что жизнь и научные достижения столь выдающегося ученого неоднократно рассматривались в литературе², однако, как писал еще в 1976 г. его ученик, И.И. Умняков, «монографических исследований о В.В. Бартольде, всесто-

¹ Бартольд В.В. Автобиография // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX: Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 792. Под географическим термином «Средняя Азия» в настоящем очерке понимается западная часть центральноазиатского региона, входившая в состав Российской империи (Русский Туркестан) и СССР.

² См.: Умняков И.И. Бартольд В.В. По поводу 30-летия профессорской деятельности // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. Ташкент, 1926. № 4. С. 175–202; Марр Н.Я. Василий Владимирович Бартольд // Сообщения ГАИМК. Л., 1931. № 1. С. 8–12; Ольденбург С.Ф. Василий Владимирович Бартольд. 15. XI. 1869–19. VIII. 1930 // Известия АН СССР. Отд. общ. наук. 1931. № 1. С. 1–6; Крачковский И.Ю. В.В. Бартольд в истории исламоведения // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. V. М.; Л., 1958. С. 348–360; Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). Ташкент, 1958. С. 206–239; Он же. Жизнь и труды академика Василия Владимировича Бартольда // Общественные науки в Узбекистане. 1969. № 11. С. 12–34; Петрушевский И.П. Академик В.В. Бартольд (биографическая справка) // Бартольд В.В. Сочинения. Т. I.

ронне освещающих научную деятельность его как историка Востока, до сих пор нет»³. В значительной мере это утверждение справедливо и по сей день, хотя в 1981 г. появилась монография В.Б. Лунина, в которой весьма обстоятельно проанализированы многие аспекты научной деятельности замечательного ученого, правда, не без влияния господствовавшей тогда марксистско-ленинской идеологии⁴. Важным подспорьем в изучении творческого наследия Бартольда являются материалы из его архива, которые в последние годы активно вводятся в научный оборот⁵, что позволяет надеяться на появление в ближайшем будущем нового всеобъемлющего исследования жизни и деятельности этого, без преувеличения сказать, исключительно талантливого и достигшего в своей профессиональной деятельности необычайных высот человека.

В.В. Бартольд родился 3 (15) ноября 1869 г. в Санкт-Петербурге в семье обрусевших немцев: родиной предков его отца была Прибалтика, а прадед матери переселился в Россию из Гамбурга. Отец будущего выдающегося востоковеда был по профессии биржевым маклером, что позволяло его семье иметь вполне приличный материальный достаток и изначально способствовало тому, что Василий Владимирович в свои молодые годы безбедно предавался любимому делу — изучению истории. Вот что пишет он сам по данному поводу в своей автобиографии, опубликованной в журнале «Огонек» в 1927 г.: «Средства, собранные отцом и перешедшие по наследству к его детям..., позволили мне не отвлекаться от научных занятий ради приискания заработка, не останавливаться перед крупными расходами для пополнения своего образования и для удовлетворения своей любознательности, в том числе перед расходами на путешествия. Не обладая обширным образованием (он кончил курс коммерческого училища старого времени), отец, тем не менее, сознавал значение науки; заметив во мне по первым детским наивным опытам некоторый талант историка, он вполне поддерживал мои стремления и говорил мне, что маловыгодное в материальном отношении поприще ученого дает нравственное удовлетворение, вполне заменяющее материальные выгоды»⁶.

Получив разностороннее гуманитарное образование в 8-й гимназии, которую он в 1887 г. окончил с золотой медалью, В.В. Бартольд осенью того же года поступил в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков по арабо-турецко-татарскому разряду. Факультетом тогда руководил выдающийся арабист, академик В.Р. Розен (1849–1908). Интересно, что при поступлении в Университет Бартольду

М., 1963. С. 14–21; Акрамов Н.М. Выдающийся русский востоковед В.В. Бартольд. Научно-биографический очерк. Душанбе, 1963.

³ Ртвеладзе Э.В. Жизнь и научное творчество профессора И.И. Умякова. Самарканд, 2020. С. 323.

⁴ Лунин В.В. Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда. Ташкент, 1981

⁵ Длужневская Г. В. Неопубликованные материалы археологического наследия В.В. Бартольда // Бартольдовские чтения. ТД. М., 1987. С. 111–112; Зайцев И.В. Письма В.В. Бартольда И.Н. Бороздину // Восточный архив. 2013. № 2. С. 58–63; Бухарин М.Д., Попова И.Ф. История отечественного востоковедения в переписке В.В. Бартольда и Н.Ф. Петровского (1893–1908 гг.) из архивных собраний Российской академии наук. Введение, подготовка текста и комментарии // Journal of Modern Russian History and Historiography. Leiden, 2017. Vol. 10. P. 125–184; Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Российская академическая наука в переписке Н.Я. Марра и В.В. Бартольда // КСИА. 2019. Вып. 256. С. 434–445; Они же. «Имена, которые никогда не будут забыты...». Российское востоковедение в переписке В.В. Бартольда, Н.Я. Марра и С.Ф. Ольденбурга. М., 2020.

⁶ Бартольд В.В. Автобиография. С. 789.

пришлось выбирать между двумя факультетами — историко-филологическим и восточных языков. О своем выборе он писал так: «Историко-филологический Факультет переживал тогда (во второй половине 80-х годов) тяжелое время; предъявлялись чрезмерные требования по древним языкам, и почти не оставалось простора для специализации; кроме того, передо мной был пример старшего брата (ныне покойного), мало удовлетворенного избранным им историко-филологическим Факультетом. Я решил поступить на Факультет восточных языков, еще ничего не зная ни о его программах, ни о составе его преподавателей»⁷. Бартольд повезло: он постигал историю Востока под руководством целого ряда видных российских востоковедов — В.Р. Розена, Н.И. Веселовского, В.А. Жуковского и др. Под влиянием Розена он в качестве темы своих исследований выбрал историю средневековых народов Ближнего и Среднего Востока. О Розене Бартольд отзывался так: «я в своих университетских занятиях, подобно другим молодым востоковедам того времени, находился больше под руководством профессора-арабиста барона Розена. Талантливый и энергичный, он привлекал к себе начинающих востоковедов. Под влиянием Розена я находился и в университете, и в особенности после его окончания, когда по его совету поехал на год в Германию. Помимо научного руководства Розен видел в каждом ученике, в том числе и во мне, лично близкого ему человека, и эта близость продолжалась до его смерти»⁸.

В 1889 г. молодой студент получил от факультета восточных языков серебряную медаль за сочинение «О христианстве в Средней Азии»⁹ (эту тему ему подсказал Н.И. Веселовский), а через два года завершил свое университетское образование с дипломом первой степени. В том же 1891 г. он отправился в свою первую заграничную поездку, посетив Германию, Финляндию, Швейцарию, Северную Италию, Австрию, Венгрию и Польшу. В частности, в Галле он слушал лекции знаменитого исламоведа Августа Мюллера (1848–1892), а в Страсбурге — выдающегося арабиста Теодора Нёльдеке (1836–1930). Уже тогда Бартольда захватила идея глубокого изучения источников по Средней Азии с тем, чтобы составить ее критическую историю. Движимый этой мыслью, он пишет В.Р. Розену из Галле 18 (30) декабря 1891 г. следующие строки: «Едва ли кто-нибудь сделал попытку рассмотреть хоть часть истории Средней Азии при помощи сравнительного метода, с приложением тех законов исторического развития, которые были выработаны для истории Европы. Строго научный курс истории Средней Азии теперь еще не мыслим. Само собой разумеется, что та наука, которую я имею в виду, не будет создана мною, но я надеюсь своими трудами... несколько подготовить ее возникновение»¹⁰.

В 1892 г. Бартольд вернулся из-за границы. Еще раньше руководством Санкт-Петербургского университета было принято решение оставить его при факультете восточных языков «для подготовки к профессорскому званию по Кафедре истории Востока». В мае 1893 г. Василий Владимирович успешно выдержал испытание на ученую степень магистра истории Востока. Через три года он получил звание приват-доцента и начал чтение лекций на факультете восточных языков

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 790.

⁹ Опубликовано в 1893 г. под названием «О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей)», см.: *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. II. Ч. 2: Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964. С. 265–302.

¹⁰ *Лунин Б.В. Жизнь и труды академика Василия Владимировича Бартольда*. С. 13.

в рамках курса «Практические занятия по истории Востока». Кроме того, с осени 1896 по август 1901 г. Бартольд исполнял обязанности хранителя университетского Минц-кабинета и благодаря этому сумел серьезно углубить свои познания в сферах нумизматики, генеалогии, палеографии и истории.

Именно в 1890-е гг. В.В. Бартольд начал поистине титаническую работу по изучению первоисточников, многие из которых вообще еще не были изданы. Результатом этой работы стал один из его самых главных научных трудов — «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»¹¹, который осенью 1900 г. был представлен факультету восточных языков в качестве диссертации на соискание ученой степени магистра, однако ее автор по результатам блестящей защиты 19 ноября (2 декабря) 1900 г. был удостоен высшего звания — доктора истории Востока. Оппонентами на этой защите были В.Р. Розен, Н.И. Веселовский и В.А. Жуковский, исключительно высоко оценившие работу диссертанта.

Важно отметить, что в те же годы Бартольд обращается к исторической интерпретации древнетюркских рунических («орхонских») надписей, а тема истории и филологии тюркских и монгольских народов вообще станет одной из важнейших в его научном творчестве¹². Интерес к этой проблематике появился у него после знакомства с выдающимся российским тюркологом, кстати, тоже немецкого происхождения, академиком В.В. Радловым (1837–1918) через своего близкого друга, тюрколога П.М. Мелиоранского (1868–1906)¹³. Вот, что пишет сам В.В. Бартольд о своих отношениях с В.В. Радловым: «При тесной связи между тюркологией и историей Средней Азии это сближение принесло большую пользу моим научным занятиям, но ближайшим его последствием были некоторые неудачные шаги. Радлов в то время приступил к переустройству Музея антропологии и этнографии при Академии наук и сделал попытку привлечь меня к музейной работе, к которой я оказался совершенно неспособным и от которой скоро отказался»¹⁴.

Василий Владимирович Бартольд в молодости (по: Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Имена, которые никогда не будут забыты...». Рис. 2)

¹¹ Впервые опубликован в двух частях в 1898 и 1900 гг., см.: Бартольд В.В. Сочинения. Т. I: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963.

¹² См.: Бартольд В.В. Сочинения. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968.

¹³ Примечательно, что сам Мелиоранский считал Бартольда лучшим тюркологом, чем он сам (Крачковский И.Ю. В.В. Бартольд в истории исламоведения. С. 359, примеч. 7).

¹⁴ Бартольд В.В. Автобиография. С. 790.

Тем не менее, именно под влиянием В.В. Радлова в мае 1893 г. Василий Владимирович отправился в первую свою поездку в Среднюю Азию. Как это следует из его отчета, он был командирован Санкт-Петербургским университетом и Академией наук для исследования древних памятников в долинах рек Чу и Или. От Академии наук к нему был прикомандирован художник С. М. Дудин (1863–1929), который в 1891 г. работал в Орхонской экспедиции Радлова. Позднее записками Дудина Бартольд активно пользовался при составлении своего отчета об этой поездке¹⁵. По его словам, от них не требовалось проведение каких-либо археологических работ, тем более что ни тот и ни другой не имели для этого специальной подготовки; «наша задача заключалась только в том, чтобы, в дополнение к письменным известиям о прошлом страны, собрать на месте сведения о следах, оставленных прежними обитателями ее, и по возможности дать краткое описание развалин городов, укреплений и т. п.»¹⁶.

В пути с Василием Владимировичем произошел несчастный случай: уже в самом начале экспедиции он упал с лошади и сломал ногу в бедре, что повлекло за собой будущую постоянную хромоту. Бартольд был вынужден переехать в Ташкент, где его поместили в военный госпиталь. Дудин же в одиночку совершил поездки в Чуйскую долину и к озеру Иссык-куль. В 1894 г., когда частично выздоровевший Василий Владимирович решил продолжить свою экспедицию, он пригласил в качестве помощника Е.П. Ковалева, члена Таврической ученой архивной комиссии, имевшего опыт исследований на юге России.

Проведший зиму 1893–1894 гг. на больничной койке в Ташкенте, Бартольд и не думал делать перерыв в своих научных занятиях, а стремился в столь неблагоприятно сложившейся ситуации «сделать какое-нибудь полезное употребление из своего времени»¹⁷. В ноябре 1893 г. он пишет Н.И. Веселовскому: «Во всяком случае я проведу здесь зиму и постараюсь, чтобы пребывание было полезно для меня и других. С этой целью я намерен: 1) научиться говорить по-сартски [по-узбекски] и по-киргизски; 2) познакомить местных деятелей с историей края и внести, если окажется возможным, некоторую жизнь в здешнее ученое общество, которое влачит свое жалкое существование... В последнее время выяснились также самые жгучие потребности местных деятелей: 1) знание иностранных языков очень мало распространено; необходимо переводить лучшие иностранные сочинения; 2) исторические знания еще менее распространены и даже у более знающих состоят из случайных обрывков; необходимо издать краткий учебник по истории Средней Азии: учебник, конечно, должен носить университетский характер, и при нем должен быть подробный библиографический указатель. Надеюсь, что и это предприятие когда-нибудь осуществится»¹⁸.

¹⁵ Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IV: Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М., 1966. С. 19–91. В.В. Бартольд очень тепло относился к С.М. Дудину, см.: Бартольд В.В. Воспоминание о С.М. Дудине // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX: Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 773–778.

¹⁶ Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. С. 21.

¹⁷ Лунин Б.В. Жизнь и труды академика Василия Владимировича Бартольда. С. 14.

¹⁸ Там же. С. 14–15.

С того времени и ведут отсчет его многолетние плодотворные связи с местными энтузиастами-краеоведами. Василию Владимировичу, всегда с большим вниманием и сочувствием относившемуся к их деятельности, «суждено будет занять особое место в истории русского и советского востоковедения. Он был одним из организаторов и видных сотрудников Туркестанского кружка любителей археологии (1895–1917), наставником других научно-краеведческих учреждений и организаций Средней Азии, покровителем и защитником интересов местных краеведческих музеев и библиотек, ревнителем местной периодической прессы и научно-краеведческих изданий, активно сотрудничавшим на их страницах и поддерживавшим их сочувственными отзывами в центральной и местной печати»¹⁹.

В упомянутом выше отчете о своей первой поездке в Среднюю Азию В.В. Бартольд показал «исключительную важность сочетания археологических материалов средневековья (вещественных источников) с данными средневековых же рукописных известий (письменных источников)»²⁰. В этой связи необходимо отметить, что он «никогда не противопоставлял друг другу историю и археологию. Он подчеркивал, что археология как дисциплина, посвященная изучению одной из категорий исторических источников — вещественных памятников, составляет неразрывную часть исторической науки. Только посредством изучения источников всех категорий может быть выполнена задача историка, причем это изучение, конечно, может быть результатом не только единоличного, но и коллективного труда»²¹.

В последующие годы В.В. Бартольд неоднократно совершал научные поездки в Среднюю Азию, где работал в рукописных хранилищах либо проводил археологические исследования. В 1902 г. он ездил туда от Санкт-Петербургского университета, причем считал эту поездку самой успешной, поскольку перед ним «не было других задач, кроме ознакомления с рукописными памятниками. В области истории Востока, вследствие обилия никем еще не использованного материала, при чтении рукописей часто испытываешь такое же наслаждение пионера, открывающего новый мир, как при производстве раскопок на месте старых городов»²².

Через два года Василий Владимирович отправился в Самарканд уже от Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии для проведения археологических раскопок на городище Афрасиаб, в которых также принял участие известный самаркандский краевед-археолог В.Л. Вяткин (1869–1932). Работы велись «в нескольких местах к западу от городской цитадели, в частности, для того чтобы выяснить топографию города дотимуровского времени, найти и проследить фундамент здания соборной мечети»²³.

Хотя эти раскопки и дали определенные результаты, сам Бартольд весьма скептически рассматривал себя в качестве археолога-полевика. Так, 31 мая 1904 г., еще находясь в Самарканде, он пишет В.Р. Розену: «Я все больше и больше убеждаюсь

¹⁹ Там же. С. 15; см. также: *Лунин Б.В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. С. 206–239.

²⁰ *Лунин Б.В.* Жизнь и труды академика Василия Владимировича Бартольда. С. 14.

²¹ *Он же.* Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда. С. 35.

²² *Бартольд В.В.* Автобиография. С. 791.

²³ *Лунин Б.В.* Жизнь и труды академика Василия Владимировича Бартольда. С. 21.

в своей органической неспособности к археологии»²⁴, и, по всей видимости, уже после афрасиабской кампании он пришел к окончательному выводу: «Каждая новая попытка в этом направлении (полевой археологии. — В.Н. и В.Г.) лишней раз показывала мне, что я лишен необходимых качеств для так называемых работ “в поле” над вещественными памятниками истории. Вполне в своей сфере я чувствовал и чувствую себя только во время кабинетной работы над письменными источниками»²⁵. Больше в археологических исследованиях он непосредственного участия не принимал, однако с профессиональной точки зрения сохранил большой интерес к археологическим изысканиям до конца своих дней.

После блистательной защиты диссертации, принесшей ему известность в России и за ее пределами, профессиональная карьера В.В. Бартольда стремительно пошла вверх. 10 августа 1901 г. он был назначен экстраординарным профессором Санкт-Петербургского университета по Факультету восточных языков, а 21 января 1902 г. стал ординарным профессором. За период своей работы в Санкт-Петербургском/Ленинградском университете (1896–1930) он читал студентам следующие курсы: «Практические занятия по истории Востока», «Историко-географический обзор Ирана», «История изучения Востока в Европе и России», «Восточный халифат», «История современного Востока», «Памятники прошлого в Туркестане», «Художественная грамота», «Археология Средней Азии». Интересно, что Бартольд, отдав преподаванию большую часть своей жизни, тем не менее, довольно критически оценивал свой труд на этом поприще, что следует из его же собственного признания: «Помимо работы над письменными источниками, мне всегда приходилось отдавать много времени преподавательской деятельности, судя по отзывам в печати не совсем безуспешной, но, несомненно, не составляющей моего призвания»²⁶. И действительно, согласно воспоминаниям М.Е. Массона, А. А. Семенова, И. И. Умякова и др., Василий Владимирович «говорил негромко, в известной мере одно-тонно, абсолютно не рассчитывая на какие-либо словесные эффекты, придание нарочитой живости излагаемому материалу. В житейском смысле слова он читал свои лекции более или менее “сухо” и “неувлекательно”. В то же время лекции Бартольда неизменно характеризовались глубочайшей эрудицией, строгой продуманностью и логичностью изложения, насыщенностью убедительными примерами и доказательствами. Его меньше всего интересовала внешняя оболочка лекций, а почти исключительно их внутреннее содержание»²⁷. По свидетельству И.П. Петрушевского, Бартольд говорил «предельно просто, словно беседовал с аудиторией. Зато его оригинальные курсы лекций отличались тщательной методической подготовкой, тонким анализом, обилием извлеченного из источников материала и резкой критикой устаревших мнений»²⁸.

С самого начала своей научной карьеры В.В. Бартольд вел активную общественную и организаторскую работу, являясь членом многих научных обществ. В 1898 г. он вступил в Русское географическое общество, по просьбе Туркестанского от-

²⁴ Крачковский И.Ю. В.В. Бартольд в истории исламоведения. С. 360. Прим. 1.

²⁵ Бартольд В.В. Автобиография. С. 791.

²⁶ Там же.

²⁷ Лунин Б.В. Жизнь и труды академика Василия Владимировича Бартольда. С. 16–17.

²⁸ Петрушевский И.П. Академик В.В. Бартольд (биографическая справка). С. 20–21.

дела которого подготовил и в 1902 г. издал в Ташкенте фундаментальную работу «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века». Став в 1900 г. членом Русского археологического общества (РАО), он в течение семи лет (1905–1912) исполнял в нем обязанности ученого секретаря Восточного отделения, а с 1908 по 1912 г. был редактором «Записок Восточного отделения Русского археологического общества» (ЗВОРАО). За свою монографию «История изучения Востока в Европе и России», опубликованную в 1911 г.²⁹, ученый был удостоен Большой золотой медали РАО. В 1903 г. Бартольда избрали одним из двух секретарей только что созданного Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. С 1906 по 1910 г. он секретарь факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. В 1910 г. его избрали членом-корреспондентом Императорской Академии наук, а через три года — ее ординарным академиком.

В 1912 г. выдающийся востоковед стал одним из инициаторов и редактором нового научного журнала по исламоведению — «Мир ислама». Впрочем, уже после выхода в свет первых четырех номеров он был смещен с редакторской должности, ибо в резкой форме отклонил требование министра внутренних дел Макарова превратить журнал в рупор национально-колониальной политики царского правительства. Академик указал Макарову «на то, что “Мир ислама” популярный, но научный орган, а делаемые ему указания министр внутренних дел может преподать органам своего ведомства. Тогда и произнес министр Макаров знаменательные слова: “Если бы нам понадобилась наука, то мы не к вам обратились бы, а на Запад”. Министр не был осведомлен, что востоковедов-историков калибра Бартольда на Западе не было ни одного»³⁰. Позднее Василий Владимирович возобновил издание этого журнала под новым названием — «Мусульманский мир». В 1916 г. он стал членом Таврической ученой архивной комиссии и, кроме того, сотрудничал с Императорским (позже Российским) православным палестинским обществом.

До Октябрьской революции Бартольд часто совершал научные поездки по Российской империи и за границы. В частности, он несколько раз побывал в древнем армянском городе Ани, где вел раскопки его коллега Н.Я. Марр. В 1895 г. ученый посетил Францию, Англию и Голландию, в 1898 г. — Германию, в 1905 г. — Германию, Австрию и Швейцарию, в 1906 г. — Австрию, Сербию, Болгарию, Турцию и Египет, в 1908–1909 гг. — Италию, Венгрию и Финляндию, 1911 г. — Ирландию, Германию, Францию и Северную Америку, в 1912 г. — Австрию и Германию, в 1913 г. — Швецию и Норвегию, в 1914 г. — Швецию, Данию, Англию, Гибралтар, Францию, Италию, Грецию, Болгарию, Румынию.

После Октябрьской революции и в годы последовавшей за ней гражданской войны многие из оставшихся в живых ученых самого разного профиля по вполне понятным причинам предпочли навсегда покинуть родные места и искать счастья на чужбине. Многие, но все же далеко не все. В числе тех, кто решили не покидать Родину, несмотря на радикальную смену в ней политического режима, были и крупнейшие российские исследователи В.В. Бартольд, С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр, С.А. Жебелев, Б.В. Фармаковский и другие. Разумеется, их мотивы поступить

²⁹ Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. С. 197–482.

³⁰ Марр Н.Я. Василий Владимирович Бартольд. С. 12.

Ани (Армения), 1907 г. Справа налево: Н.Я. Марр, В.В. Бартольд, А.А. Марр, И.А. Джавахов (ФО ИИМК РАН, О1067-21)

именно таким образом могли быть самыми разными, глубоко личными. Несомненно, все они прекрасно понимали, с каким трудностями им придется столкнуться в результате своего выбора, понимали, что их высокий научный авторитет помог бы им найти престижную работу, а следовательно, и безбедное существование в Европе или США. И тем не менее они решили остаться.

По словам Бартольда, никто из его родных «не сделался эмигрантом и не сбег своего состояния»³¹. В то же время он так описывает свою жизнь в новых условиях: «После превращения России в СССР, появления советских республик на Востоке и тесного сближения между СССР и новой республиканской Турцией еще увеличился спрос на мою популяризаторскую деятельность, печатную и устную. Помимо увеличения преподавательских обязанностей в Ленинграде приходилось принимать приглашения со стороны и читать лекции в Ташкенте и Баку, и даже за рубежом — в Лондоне и Константинополе. Эти лекции потом большею частью появлялись в печати. Только что мною получена книга на турецком языке, содержащая лекции по истории среднеазиатских турок, читанные мною в Константинопольском университете в 1926 г. Общий характер моей научной деятельности остался прежний. И прежде, как было признано в печати, мною везде, где давали возможность источники, обращалось внимание на зна-

³¹ Бартольд В.В. Автобиография. С. 789.

чение в истории экономического фактора и основанной на экономических причинах сословной борьбы»³².

После 1917 г. сфера деятельности В.В. Бартольда значительно расширилась. В 1918–1921 гг. он исполнял обязанности директора Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры), с 1918 по 1923 г. — управляющий Восточным отделением РАО. С момента учреждения РАИМК, действительным членом которой Бартольд был избран в августе 1919 г., он работал там на различных должностях: заведовал Разрядом археологии Средней Азии и Разрядом мусульманской археологии, с 1921 г. стоял во главе Туркестанской комиссии, в 1921 и 1922 гг. — товарищ председателя по ученой части, председатель II (археологического) отделения, член комиссии по раскопкам, заведующий Разрядом Центральной Азии с 1929 г.³³

С 1920 по 1930 г. Бартольд работал профессором кафедры арабского языка и литературы Центрального института живых восточных языков³⁴. В 1921 г. стал председателем Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР, в 1925–1930 гг. был редактором «Записок коллегии востоковедов». С 1927 по 1930 г. он состоял консультантом при Восточном отделении Ленинградской публичной библиотеки, где занимался описанием рукописей: всего им было описано около 500 арабских, персидско-таджикских и тюркоязычных рукописей. У себя дома в 1928 г. Василий Владимирович организовал Туркологический кабинет, базировавшийся на его личной библиотеке.

В 1922 г. В.В. Бартольд стал одним из соучредителей факультета востоковедения в Азербайджанском государственном университете. Он же был одним из организаторов Первого Всесоюзного съезда тюркологов в Баку в 1926 г. и принял самое активное участие в сохранении мавзолея классика персидской поэзии Низами Гянджеви (1141–1209).

Конечно, кабинетный ученый В. В. Бартольд, каковым он считал себя сам, прославился в первую очередь своими публикациями. Согласно наиболее полной аннотированной библиографии В.В. Бартольда, подготовленной И.И. Умняковым³⁵, за неполные 40 лет своей научной деятельности Василий Владимирович стал автором 518 книг, статей докладов, докладов, рецензий, отзывов, записок и библиографических заметок. Помимо этого, он написал не менее 275 статей справочного характера в различные энциклопедические словари. Ко всему этому следует приплюсовать и его исключительно деятельную и плодотворную работу в качестве научного редактора³⁶.

Очень важен вопрос о методологической основе исследований В.В. Бартольда, в трудах которого, по меткому определению академика И.Ю. Крачковского, «мы получили не только новые материалы, но и образцовые в методическом отношении исследования»³⁷. В текстах Бартольда действительно поражает стремление автора

³² Там же. С. 791–792.

³³ Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 51, 101–104, 109, 111, 116, 331.

³⁴ С 1922 г. Петроградский/Ленинградский институт живых восточных языков, после 1927 г. — Ленинградский восточный институт.

³⁵ Ртвеладзе Э.В. Жизнь и научное творчество профессора И.И. Умнякова. С. 328–560, 563.

³⁶ Там же. С. 558–561.

³⁷ Крачковский И.Ю. В.В. Бартольд в истории исламоведения. С. 348.

к углубленному и всестороннему изучению письменных источников, выработанное, несомненно, под влиянием его учителя, В.Р. Розена. По сути, методология Бартольда построена на комплексном источниковедческом подходе, а именно на тщательном и объективном анализе информации из письменных источников и ее сопоставлении там, где это возможно, с данными археологии (памятниками материальной культуры), причем анализе беспристрастном, лишённом воздействия каких-либо идеологических клише. Необходимо отметить, что сам Василий Владимирович даже в советский период своей жизни не скрывал, что так и не стал марксистом. В письме Н.Я. Марру от 28 февраля 1929 г. (т. е. незадолго до своей смерти) он прямо говорит об этом: «Как Вам известно, у меня нет притязаний на усвоение марксистской идеологии...»³⁸ Поэтому утверждение А.Ю. Якубовского, что после Октябрьской революции В.В. Бартольд «испытал на себе благотворное влияние марксизма, что и сказалось на прояснении той классовой точки зрения на историю, которую он проводил в ряде своих... работ, и зачатки чего имели место уже в его ранних статьях...»³⁹, представляется в лучшем случае весьма спорным.

В данной связи вызывает интерес то обстоятельство, что академик Н.Я. Марр в своем некрологе Бартольду, желая, очевидно, представить его небуржуазным ученым, задается вопросом: «На какой стороне баррикады стоял В.В. Бартольд своими научными работами?» Вернее будет формулировка: «на какую сторону баррикады надлежит поставить научные труды В.В. Бартольда?»⁴⁰ И далее, отвечая на свой же вопрос, Марр в качестве примера борьбы Бартольда с буржуазной исторической лженаукой приводит его исключительно научную полемику, без какого-либо намека на идеологическую подоплеку, с известнейшим византинистом А.А. Васильевым (1867–1953) по поводу дипломатических отношений между франкским королем Карлом Великим и арабским халифом Харуном ар-Рашидом⁴¹. Некоторую пикантность этой истории придает тот факт, что Марр, Бартольд и Васильев были хорошо знакомы лично и, более того, в 1919–1925 гг. вместе работали в РАИМК (причем первый был ее председателем в 1919–1920 и 1923–1934 гг., а последний — в 1920–1922 гг.). В 1925 г. А.А. Васильев уехал в заграничную командировку (в Германию, Францию и США), а в 1928 г. принял решение не возвращаться в СССР, став, таким образом, в глазах некоторых своих коллег по меньшей мере представителем «буржуазной» науки.

Н.Я. Марр, достаточно близко знавший В.В. Бартольда, так характеризует его человеческие качества: «Человек стойких, прочных привязанностей в отвлеченной науке, также как в повседневной жизни и семейной. Добродушнейшего Василия Владимировича везде боялись, как огня: искренность поддержит без лишнего слова и в противнике; фальши никому не спустит, будь он родной брат; везде и всегда огрызнется, скажет в упор, отрежет, обожжет: не скоро забудут ожог. В условиях лицемерной общественности, также как в лицемерных условностях

³⁸ Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Имена, которые никогда не будут забыты...». С. 345.

³⁹ Якубовский А.Ю. Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В.В. Бартольда // Вестник ЛГУ. Л., 1947. № 12. С. 78–79.

⁴⁰ Марр Н.Я. Василий Владимирович Бартольд. С. 9.

⁴¹ Там же. С. 10–12. Статья В.В. Бартольда, о которой идет речь: К вопросу о франко-мусульманских отношениях // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. С. 432–461.

общежития в старом быту Василий Владимирович был труден, отнюдь не приятен, общественно одинок, без круга друзей. К нему тянулись, наоборот, с далекой периферии. В известных отчетах на немецком языке о русском востоковедении он был скрупулезно внимателен к продукции местных исследователей. Новая аудитория из масс его не спугнула, он перенес к ней отношение к старой аудитории. Ученики, в том числе и партийцы, ближе узнав его, привязывались. Абсолютно неспособный на какие-либо соглашения, в характеристике беспощадный одинаково, шла ли речь о живом, или о мертвом. Его некрологи никогда не обходились без “но...”: смерть не меняла его прямоты в суждениях. Дань уважения отнюдь не усматривал в фимиаме»⁴².

Младший коллега Бартольда, И.П. Петрушевский (1898–1977), дал ему близкую характеристику: «К В.В. Бартольду постоянно тянулась молодежь, ученики, местные краеведы и научные работники, строители молодых научных учреждений в республиках Советского Востока. К ним всем Василий Владимирович всегда был внимателен и отзывчив и неизменно готов щедро поделиться своими обширнейшими знаниями и научным опытом. Внешне суровый и в то же время обаятельный, строго принципиальный и требовательный и вместе с тем благожелательный и заботливый по отношению к ученикам, всегда глубоко искренний, независимый и прямой, он не выносил никакой несправедливости, как и лести, карьеризма и лицемерия... Таков был облик этого замечательного человека и ученого, принесшего в дар своей стране и советской науке столь богатое творческое наследие»⁴³.

В последние годы жизни В.В. Бартольда настигла тяжелейшая утрата — 13 марта 1928 г. ушла из жизни его любимая супруга Мария Алексеевна, младшая сестра известнейшего ираниста В.А. Жуковского. Из писем Бартольда коллегам известно, что она умерла от воспаления легких после того, как перенесла тяжелую форму гриппа⁴⁴. Сам Василий Владимирович пережил ее всего на два с половиной года. Правда, это время оказалось для него чрезвычайно сложным: на глубочайшую печаль утраты наложились тягости повседневного быта одинокого человека (детей у супругов Бартольд не было), что в результате не могло не сказаться на состоянии здоровья ученого. Он скончался 19 августа 1930 г. в ленинградской больнице имени Эрисмана от заболевания почек и был похоронен в одной могиле с женой на Смоленском лютеранском кладбище на Васильевском острове. Говорят, что смерть застала В.В. Бартольда за редактурой четвертого тома ежегодника «Иран», основанного Академией наук по его инициативе⁴⁵.

В 1927 г., за три года до своего ухода из жизни, В.В. Бартольд коснулся в печати вопроса об оценке своего вклада в науку: «Насколько мои труды способствовали освещению той малоисследованной области, над которой мне приходилось работать (преимущественно история Средней Азии, отчасти также история Ирана и вообще мусульманского мира), об этом я предоставляю судить другим»⁴⁶. Выдающийся французский ориенталист П. Пельо, подытоживая в 1930 г. его достижения,

⁴² Марр Н.Я. Василий Владимирович Бартольд. С. 8.

⁴³ Петрушевский И.П. Академик В.В. Бартольд (биографическая справка). С. 20.

⁴⁴ Зайцев И.В. Письма В.В. Бартольда И.Н. Бороздину. С. 61, 63. Прим. 11.

⁴⁵ Лунин Б. В. Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда. С. 202.

⁴⁶ Бартольд В.В. Автобиография. С. 792.

написал следующие проникновенные и очень точные слова о своем российском коллеге: «Как благодаря обширности его познаний, так и благодаря пронизательности и тонкости критического ума труды Бартольда исключительны по своей фундаментальности и разнообразию. Никто не может сейчас занять место, оставленное этим великим ученым. И, быть может, стоит напомнить, что по честности, беспристрастию и мужеству человек в нем был на той же высоте, что и ученый»⁴⁷.

Высоко оценивая научное наследие В. В. Бартольда, Бюро Отделения исторических наук Академии наук СССР 21 июня 1960 г. постановило издать сочинения академика В.В. Бартольда. За период 1963–1977 гг. вышли девять томов (фактически десять, поскольку второй том издан в двух частях):

Т. I: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963.

Т. II. Ч. 1: Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963.

Т. II. Ч. 2: Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964.

Т. III: Работы по исторической географии. М., 1965.

Т. IV: Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М., 1966.

Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968.

Т. VI: Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966.

Т. VII: Работы по исторической географии и истории Ирана. М., 1971.

Т. VIII: Работы по источниковедению. М., 1973.

Т. IX: Работы по истории востоковедения. М., 1977.

Таким образом, ответ «других» относительно научных достижений академика Бартольда одновременно и прост, и однозначен: его фундаментальные труды прочно вошли в золотой фонд мировой ориенталистики, более того, они до сих пор не утратили ни своей значимости, ни ценности, ни актуальности. Они и есть та самая научная классика, которая никогда не устаревает.

⁴⁷ *Pelliot P. W. Barthold // T'oung Pao. Leide. 1930. T. XXVII, n° 4–5. P. 459 (пер. И.И. Умнякова).*

Владимир Владимирович Богданов (1868–1949)

В.А. Горончаровский

Известный этнограф Владимир Владимирович Богданов родился 9 (21) декабря 1868 г. в селе Голынки Оршанского уезда на границе Могилевской и Смоленской губерний, в семье железнодорожного мастера. Среднее образование он получил в Смоленской гимназии. Уже в детские и юношеские годы в нем проснулся интерес к родному краю, изучению русского народного языка, наблюдению за особенностями жизни местных крестьян и городского населения. Привлекал его и быт «дворянских гнезд», слабо отраженный в описаниях того времени.

В 1887 г. Владимир Богданов поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где обучался на кафедре языка и словесности. Для него открылась возможность посещать лекции многих выдающихся профессоров: М.С. Корелина (1855–1899) — по древней истории семитического Востока, П.Г. Виноградова (1854–1925) — по истории Древней Греции, В.О. Ключевского (1841–1911) — по русской истории, В.И. Герье (1837–1919) — по новой истории и Ф.Е. Корша (1843–1915) — по классической филологии. Юный студент с упоением впитывал знания в различных областях науки. В этом ему виделось спасение от прозябания, на второй план отступало «все убогое, серое и тоскливое»¹. Позднее, вспоминая этот период своей жизни, Богданов охарактеризовал его так: «Хотелось жить и мыслить»². В отношении проблемы выбора направления будущей деятельности особенно большое влияние на него оказали профессора Ф.Ф. Фортунатов (1848–1914) и В.Ф. Миллер (1848–1913). Первый читал курсы индоевропеистики и общего языкознания, второй — лекции по санскриту. С В.Ф. Миллером, признанным главой московского кружка этнографов, В.В. Богданов особенно сблизился. Часто обращаясь к нему за консультациями, он начал бывать у него дома и впоследствии стал там своим человеком. Именно Миллер сделал многое для его становления как профессионального ученого. В частности, он предложил любознательному студенту стать членом-сотрудником Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) при Московском университете,

¹ Турьинская Х. Автоэтнографические источники в научном наследии В.В. Богданова // Антропология академической жизни. М., 2008. С. 237.

² Богданов В.В. Из воспоминаний о В.Ф. Миллере // ЭО.1913. № 3–4. С. 155.

которое тогда являлось центром антропологических и этнографических исследований в России.

Конечно, годы учебы в университете стали для Владимира Богданова, как и для многих выходцев из среды разночинцев, тяжелым материальным испытанием. Стипендии на жизнь не хватало, приходилось подрабатывать частными уроками. Тем не менее, после третьего курса, без каких-либо денежных субсидий, на собственные небольшие средства молодой исследователь летом 1891 г. отправился в свою первую этнографическую экспедицию, в задачу которой входили изучение народного быта, языка и записи устного народного творчества³. Для наблюдений он выбрал хорошо знакомые места — северо-восточные уезды Смоленской губернии, мало изученные этнографами. Особенно интересовал его Бельский уезд, находившийся в стороне от железных дорог, фабрик и заводов. Соответственно, там можно было ожидать сохранения у местного населения традиционных форм культуры. Общение с местными чиновниками должен был обеспечить «Открытый лист» от ОЛЕАЭ при Императорском Московском университете, в котором указывалась цель экспедиции и имелаась просьба о просвещенном содействии ее выполнению⁴.

К выбору одежды Богданов подошел вполне практично: форменные студенческие фуражка и брюки, сапоги с длинными голенищами и шерстяной кафтан-дождевик, какой часто носили сельские врачи и агрономы. Из соображений экономии он много ходил пешком, ночевал в сараях или крестьянских избах, где его часто кормили бесплатно. Впрочем, иногда удавалось останавливаться в помещичьих усадьбах или у священников, чей быт и хозяйственный уклад также представлял определенный интерес. Вместо рюкзака использовался сплетенный из лыка короб, набитый тетрадами до пуда весом. Таким образом, за два с половиной месяца ему удалось хорошо ознакомиться с питанием, особенностями хозяйства и семейными порядками уездных жителей. Кроме того, крестьяне охотно поддерживали непринужденные беседы о песнях и сказках, раз есть такой образованный человек, который все запишет и напечатает, но разговоров на большие темы, связанные с землей и отношениями с помещиками, старались избегать⁵. Осенью, после Смоленской экспедиции, В.В. Богданов сделал отчет о ее итогах на заседании Этнографического отдела ОЛЕАЭ и представил там сборник своих записей. Эта работа была отмечена Обществом серебряной медалью, но на публикацию сборника средств не нашлось⁶.

По завершении обучения в 1892 г. с дипломом 1-й степени Богданов на два года был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре языка и словесности⁷, хотя его все больше привлекала чисто научная карьера, причем как этнографа. С этого времени он стал планировать на летние

³ Богданов В.В. Этнография в истории моей жизни. М., 1989. С. 11.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Турьинская Х. Ук. соч. С. 242.

⁶ Богданов В.В. Этнография в истории моей жизни. С. 133.

⁷ Керимова М.М. Фонд В.В. Богданова в Научном архиве Института этнологии и антропологии РАН // Кубанские исторические чтения. Материалы IX Международной научно-практической конференции. 2018. С. 210.

месяцы поездки по России, чтобы знакомиться с населением отдельных областей страны по личным наблюдениям. В 1892 г. состоялась поездка по северной Белоруссии, в 1893 г. — по южной ее части. В 1894 г. В.В. Богданов участвовал в экспедиции крупного географа, антрополога и археолога Д.Н. Анучина (1843–1923) по изучению озер — первом лимнологическом исследовании в России. Так началось его тесное сотрудничество с бессменным президентом ОЛЕАЭ, продолжавшееся многие годы. Тогда же Богданова избрали секретарём Этнографического отдела ОЛЕАЭ. Кроме того, ему приходилось редактировать журнал «Этнографическое обозрение», выходивший с периодичностью четыре номера в год и сыгравший огромную роль в объединении усилий всех российских этнографов, которым он рассылался бесплатно⁸. Наряду с этим Богданов активно сотрудничал с журналом как автор статей, рецензий и заметок. Он регулярно публиковал материалы по истории Общества, биографии его выдающихся деятелей, библиографические обзоры⁹ и указатели. По инициативе Д.Н. Анучина молодой ученый с 1895 г. занимался также редактированием журнала «Землеведение». Одновременно с курса лекций по этнографии в Лазаревском институте восточных языков началась его преподавательская карьера.

Не забывал Богданов и о полевой исследовательской работе. На рубеже XX в. его ознакомительные этнографические поездки следовали с определенной регулярностью: в 1895 г. — по приокским деревням, где можно было видеть, насколько их затронул бытовой и промышленный прогресс в пореформенный период; в 1896 г. — по фабричным местам Владимирской губернии, связанным с производством канатов, стекла и стеклянной посуды, фарфора и фаянса; в 1897 г. — по Верхней Волге; в 1899 г. — на Русский Север¹⁰; в 1900 г. — по Каме на Урал, в центры металлургического производства¹¹. Такая практика сохранялась у него вплоть до 1914 г.

В.В. Богданов. Фотопортрет. Ок. 1895 г.

⁸ Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848–1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. 1988. Вып. X. С. 140.

⁹ Прежде всего, это были обзоры славянских этнографических журналов, поскольку В.В. Богданов владел сербским, болгарским, польским и чешским (Керимова М.М. Вклад В.В. Богданова и Б.М. Соколова в создание и развитие российской этнографической периодики в конце XIX — первой четверти XX века // Три века российской этнографии: страницы истории. М., 2017. С. 107).

¹⁰ Богданов В.В. Мурман и порт Александровск // Землеведение. 1900. Кн. 1. С. 13–58.

¹¹ Богданов В.В. Этнография в истории моей жизни. С. 148–159.

Начало XX в. ознаменовалось для Богданова первым путешествием за границу. Он был командирован ОЛЕАЭ для изучения музейных собраний Германии, Австрии и Швейцарии, а также «усвоения германской музейной техники»¹². В итоге ему удалось посетить этнографические музеи Берлина, Лейпцига, Мюнхена, Нюрнберга, Дрездена и Вены. Около месяца он провел в Швейцарии¹³, где ознакомился с коллекциями музеев Невшателя, Цюриха и Женевы. К 1905 г. это уже признанный ученый, который исполнял обязанности не только ученого секретаря, но и заместителя председателя ОЛЕАЭ¹⁴. Работать приходилось в тяжелых условиях, поскольку подобная научно-организационная работа не оплачивалась. Государственная поддержка этнографии в России была невелика, и развивалась она в основном за счет частных пожертвований на проведение исследований, экспедиций и приобретение коллекций¹⁵. Деньги приносило только преподавание в средних и высших учебных заведениях.

Одновременно с работой в Обществе с 1908 г. В.В. Богданов стал начал получать жалованье как помощник хранителя Отдела этнографии Румянцевского музея, где многие коллекции были исключительными по полноте и содержанию. Четыре года спустя последовало его избрание членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества. К этому времени за работу в системе Министерства народного просвещения он получил чин статского советника, дававший право личного дворянства, и был награжден орденами Св. Анны 3-й и 2-й степени и Св. Станислава 3-й и 2-й степени. Высшим из них был орден Св. Анны 2-й степени (т. н. «Анна на шее»), который давался за безупречную службу на высокой государственной должности.

Первая мировая война и революционные события 1917 г. негативно сказались на деятельности ОЛЕАЭ, да и Румянцевский музей при почти полном отсутствии средств оказался в сложной ситуации. Заместитель директора музея Ю.В. Готье (1873–1943) оставил такие записи в своем дневнике:

17 августа 1917 г. «В Музее развал, разруха и запустение: барышни ленятся, служители-товарищи — источник многих затруднений в будущем... Состояние — безразличия, грусти и апатии»¹⁶.

25–27 марта 1918 г. «В Музее все еще не топят, что становится положительно противным... трубы сегодня не лопались, и есть шансы, что учреждение может опять действовать»¹⁷.

31 августа 1918 г. «...внутри Музея работа не делается почти вовсе. И как помотришь на все, так и хочется, неудержимо хочется, бросить все и бежать куда глядят глаза»¹⁸.

Многие научные и музейные инициативы в период тяжелых испытаний были отложены до лучших времен. Тем не менее Богданов продолжал активно работать.

¹² Турьинская Х. Ук. соч. С. 246.

¹³ Богданов В.В. Ук. соч. С. 162.

¹⁴ Керимова М.М. Фонд В.В. Богданова... С. 210.

¹⁵ Турьинская Х.М. Из истории этнографического музейного дела в Москве в XIX — начале XXI в. // Вопросы музеологии. 2012. № 1. С. 45.

¹⁶ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 29.

¹⁷ Там же. С. 124–125.

¹⁸ Готье Ю.В. Мои заметки. С. 177.

В звании приват-доцента он преподавал этнографию в Московском городском народном Университете им. А.Л. Шанявского¹⁹. В 1918 г. от имени ОЛЕАЭ неутомимый этнограф отправился в Сухуми для создания там научной станции по изучению природы и населения Черноморского побережья Кавказа²⁰. В том же году он стал научным консультантом Дмитровского краеведческого музея. В 1919 г. ученый успешно выступил с инициативой создания Московского государственного музея Центрально-Промышленной области, директором которого оставался до 1930 г. При этом он настолько ревностно относился к работе, что ни разу в течение десяти лет не брал летних отпусков. На базе музея ему удалось организовать экспедицию под руководством молодого археолога Б.А. Куфтина (1892–1953) по территории Мещерской низменности для сбора ценных в научном плане коллекций и изучения фондов местных музеев. В этом музее начиналась научная карьера и таких известных археологов, как С.П. Толстов, О.Н. Бадер и Б.С. Жуков.

В начале августа 1919 г. В.В. Богданова заслуженно избрали членом Российской Академии истории материальной культуры, где он несколько лет исполнял обязанности заведующего Московской секцией РАИМК, первое заседание которой состоялось уже 28 августа 1919 г. Она объединила членов РАИМК (Д.Н. Анучин, Н.Б. Бакланов, И.Э. Грабарь) и более десятка штатных сотрудников (М.М. Богословский, В.А. Городцов, Ю.В. Готье, А.А. Захаров, А.А. Новосадский и др.). В составе секции были три отделения: этнологическое, археологическое, историко-художественное и две постоянные комиссии — по изучению древностей Центральной России, карт и древних путей. Определенные сложности периодически возникали из-за того, что руководство РАИМК находилось в Петрограде и в тяжелые послереволюционные годы не слишком заботилось о поддержании существования своих московских коллег. В связи со стремлением сотрудников Московской секции к самоорганизации в феврале 1923 г. на Совете РАИМК обсуждался вопрос о реорганизации структуры Академии, но к этому времени по причине отсутствия средств и помещений секция фактически прервала свою деятельность, лишь несколько ее членов остались на положении представителей головного учреждения²¹. Позднее, когда работа подразделения РАИМК в Москве возобновилась, В.В. Богданов оставил за собой только руководство этнологической комиссией²².

В 1920 г. началась преподавательская деятельность ученого на кафедре этнографии МГУ. Через год по приглашению Главнауки Наркомпроса он принял участие в Первой конференции краеведения в Москве. В итоге его избрали председателем Московского отделения Центрального бюро краеведения при Академии наук, которым он руководил три года. Оценивая состояние этнографической науки в Советской России за первые годы ее существования, В.В. Богданов в своем отчете ОЛЕАЭ образно обрисовал сложившуюся ситуацию: «В 1918 и 19 годах Общество,

¹⁹ Это были музейно-экскурсионные курсы: «Общие задачи этнологии в краеведении и научные задачи музейной этнографии», «Этнографический музей и работа в нем в связи с задачами краеведения» и семинар «Музейная техника краеведения. Инструкция и общие указания».

²⁰ Керимова М.М. Вклад В.В. Богданова... С. 107–108.

²¹ Белозерова И.В., Гайдуков П.Г., Кузьминых С.В. К юбилею Института археологии РАН: Московская секция РАИМК-ГАИМК // Поволжская археология. 2019. № 2. С. 173–174.

²² Там же. С. 177.

его члены сидели в холодных закоулках, без света и пищи, избегая передвижений по улицам. В 1920 году было довольно плохо. В 1921 году кое-что делалось, но немного. В 1922-м году уже забили прежние ключи жизни и началось сильное пробуждение. 1923-й год мы пережили в том же поступательном направлении»²³.

Вскоре был поставлен вопрос о создании в столице нового современного этнографического музея. По словам самого Владимира Владимировича, Москва заслуживала этого «как своей культурно-исторической миссией вообще, так и трудами своих ученых деятелей»²⁴. После дискуссии при участии крупнейших российских этнографов Отдел этнографии Румянцевского музея в 1924 г. преобразовали в Центральный музей народоведения, разместившийся в отдельном здании. При его организации использовался проект Богданова, ставшего там хранителем восточнославянской коллекции. Его концепция заключалась в следующем: музей должен быть научным учреждением и только в этом качестве он может дать ясный и точный ответ об истории и содержании народного быта, представленного в его коллекциях; при этом экспозиции должны быть доступны пониманию не только специалистов, но и широкой публики²⁵. Он написал путеводитель по музею, которым пользовались все сотрудники, разработал темы экскурсий, привлек к работе целый ряд молодых ученых. В 1929 г. научные труды В.В. Богданова были удостоены большой золотой медали Государственного географического общества, что не спасло его от последовавших вскоре репрессий.

21 января 1929 г. на заседании правления Центрального музея народоведения В.В. Богданову в оскорбительном тоне были предъявлены обвинения в том, что в руководимом им Отделе восточных славян организуется «тихий саботаж» и в нем «как в зеркале... отражается империалистическая политика царизма», а не национальная политика советской власти. В прозвучавших выступлениях высказывалось мнение, что Богданов «не понимает азов политической экономии и разницы между классом и сословием», что «историко-культурное освещение им той или иной народности не соответствует действительности, проникнуто духом шовинизма и великодержавных великорусских тенденций». Его упрекали в «политической безграмотности», «политиканстве», непонимании якобы изжившего себя термина «крестьянство», небрежном отношении к службе, создании нездоровой обстановки в музее²⁶. Представленное фигурантом дела в Правление многогранное опровержение собранного компромата, в том числе абсурдного утверждения, что он выступал против изучения современного народного быта, было оставлено без внимания, и на него окончательно поставили клеймо «буржуазного ученого». Последовавший вскоре арест, а затем трехлетняя ссылка лишили Богданова всех занимаемых им постов. Уже без него Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, которому он отдал столько сил на посту секретаря Этнографического отдела, в процессе своего рода оптимизации прекратило существование и было слито с Московским обществом испытателей природы.

²³ Турьинская Х. Автоэтнографические источники... С. 247.

²⁴ Турьинская Х.М. Из истории этнографического музейного дела... С. 46.

²⁵ Там же.

²⁶ Керимова М.М. Ук. соч. С. 111–112.

Гонения на этнографию и краеведение, которые развернулись на рубеже 1930-х гг., привели к коренным изменениям в работе многих музеев. В результате «чистки соваппарата» многие сотрудники были уволены за приверженность «идеологии либеральной буржуазии». В Центральном музее народоведения в качестве одной из причин увольнения могла фигурировать «поддержка на ученых советах реакционной группировки Богданова, Куфтина»²⁷. На первый план выходят пропагандистские цели, задачи проведения государственной национальной политики. Такая реорганизация коснулась и Музея народоведения, который с 1934 г., вскоре после возвращения В.В. Богданова в Москву, стал называться Музеем народов СССР. В нем не нашлось места для опального беспартийного ученого, над которым нависла угроза новых репрессий по делу «Российской национальной партии» («Делу славистов»). Удалось возобновить только чтение лекций по этнографии и географии в Московском университете и Московском областном педагогическом институте. Приходилось приспосабливаться к новой политической и идеологической обстановке, к бытовым трудностям и изменившимся условиям проживания в Москве. Сохранилось датированное 1933 г. письмо Богданова в ЦК ВКП(б) с жалобой на невыносимую обстановку, которую создает сосед, подселенный в его квартиру на Ермолаевском переулке, в порядке уплотнения²⁸.

В отношении практической деятельности с 1935 по 1938 г. он исполнял обязанности помощника заведующего, а затем стал заведующим Отделом физико-географических карт НИИ Большого советского атласа мира (1937–1940). Только в 1943 г., когда Богданову была присуждена *honoris causa* степень доктора географических наук, его зачислили в штат Института этнографии АН СССР на должность старшего научного сотрудника. С апреля 1946 г. он стал там заведующим Славяно-русским сектором, а в Научно-исследовательском институте краеведческой и музейной работы по совместительству возглавил Сектор музеографии. К этому времени многолетние труды В.В. Богданова в области этнографии получили высокую оценку в виде награждения его орденом Трудового Красного Знамени (1944) и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1945).

Уже как стороннему наблюдателю ему довелось быть свидетелем того, как в 1948 г. закрыли Музей народов СССР, а его коллекции передали в музей Ленинграда, главным образом в Государственный музей этнографии. Вместе со многими известными деятелями науки он пытался спасти музей от расформирования, подписав письмо в ЦК ВКП(б) о необходимости его сохранения. Даже после официально принятого правительством решения по этому вопросу Богданов пишет «Записку о реконструкции центральных этнографических музеев в Москве и Ленинграде» с предложениями о конструктивно-технических и идеологических изменениях в их работе. Он совершенно искренне полагал, что Москва не может остаться без этнографического музея, «в отрыве от наглядного научного знакомства с бытом и культурой народов СССР и народов всего мира»²⁹. Однако, как и прочие ходатайства, эта записка никакого действия не возымела.

²⁷ Турьинская Х. Автоэтнографические источники... С. 249.

²⁸ Турьинская Х. Ук. соч. С. 250.

²⁹ Турьинская Х.М. Из истории этнографического музейного дела... С. 48.

В 1940-е гг. В.В. Богданов продолжал трудиться над начатым еще в 1916 г. фундаментальным исследованием «Колесно-упряжной транспорт в истории культурного сближения народов Европы, Азии и Северной Африки», сочетавшим данные этнографии, археологии и географии. Одновременно он готовил к изданию такие труды, как «Восточная Европа накануне истории», «Духовая печь и камин в истории народов Европы и Юго-Западной Азии», а также рукопись «Этнография в истории моей жизни», охватывавшую период с 1880 по 1930 г. Эту работу прервала только смерть, последовавшая от инфаркта 16 сентября 1949 г.

Круг научных проблем, которые разрабатывал В.В. Богданов на протяжении своей долгой жизни, огромен, как и его вклад в изучение различных вопросов славяноведения, языкознания, исторической географии и этнографического музееведения. Сам он полагал, что может считать себя счастливым, «так как много пожил, много испытал и немало сделал на пользу общественного прогресса»³⁰.

³⁰ Турьинская Х. Автоэтнографические источники... С. 253.

Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960)

М.В. Поникаровская

Выдающийся художник, искусствовед и музейный деятель Игорь Эммануилович Грабарь¹ родился 13 (25) марта 1871 г. в Будапеште² в семье юриста Эммануила Ивановича Грабаря³ и его супруги Ольги Адольфовны Грабарь⁴, русинов⁵ по происхождению. Шестью годами ранее, в 1865 г., в Вене появился на свет его старший брат Владимир⁶.

Маленький Игорь был крещен в православии. Его крестным отцом стал К.Л. Кустодиев,⁷ дядя по отцу художника Б.М. Кустодиева. Почти сразу после рождения младшего

¹ В качестве заставки использован фотопортрет И.Э. Грабаря. Ок. 1947 г. (СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 216. Л. 1).

² В своей автобиографии И.Э. Грабарь отмечает, что, когда в 1890-х гг. он менял старый паспорт на новый, сотрудник, заполнявший данные в новом документе, ошибся и в графе «место рождения» указал вместо Будапешта Санкт-Петербург. В исправлении этой ошибки И.Э. Грабарю было отказано из-за отсутствия метрики, поэтому в дальнейшем во всех его новых документах местом рождения неизменно значился Петербург. См. подробнее об этом: *Грабарь И.Э. Моя жизнь. Автобиография.* М.; Л., 1937. С. 16–17.

³ Грабарь Эммануил Иванович (1831–1910) — общественный деятель, юрист. Учился в гимназии в г. Кошице. Во время Венгерской революции 1848–1849 гг. служил офицером в войсках революционной армии. В 1850-х гг. изучал юриспруденцию в Пештском университете. Работал адвокатом. В 1869 г. избран депутатом Палаты представителей венгерского парламента. После 1871 г. был вынужден эмигрировать, жил в Италии и Париже, работая домашним учителем в семье князя Сан-Дonato П.П. Демидова (1839–1885). В 1876 г. переехал в Россию, сменив фамилию на «Храбров». Выдержал экзамен на преподавателя немецкого и французского языков при Московском учебном округе. В 1895 г. был назначен помощником проректора Юрьевского университета.

⁴ Грабарь Ольга Адольфовна (урожд. Добрянская; 1843–1930) — общественный деятель.

⁵ Русины — восточнославянская этническая группа, представители которой проживают на западе Украины, востоке Словакии, в юго-восточной Польше, на северо-востоке Венгрии, северо-западе Румынии, в сербской Воеводине и хорватской Славонии.

⁶ Грабарь Владимир Эммануилович (1865–1956) — юрист, академик Всеукраинской академии наук (1924). Окончил юридический факультет Московского университета. В 1888–1889 гг. слушал лекции по международному праву в Парижском университете. После возвращения работал преподавателем в Константиновском межевом институте в Москве. В 1893–1916 гг. преподавал на юридическом факультете Юрьевского (ныне Тартусского) университета, где прошел путь от должности приват-доцента до декана. В 1918–1919 гг. работал в Воронежском университете. В октябре 1922 г. был назначен на должность юрисконсульта юридического отдела Народного комиссариата внешней торговли. Профессор кафедры общей истории и теории права факультета общественных наук Московского университета (1923–1925), затем там же профессор кафедры государственного права СССР и буржуазных стран. В 1929 г. по причине слабого здоровья уволился, получив персональную пенсию. Последующие годы посвятил научным исследованиям, главным образом по истории международного права в России.

⁷ Кустодиев Константин Лукич (1838–1876) — писатель, протоиерей Русской православной церкви. В 1870–1875 гг. был настоятелем храма святой мученицы царицы Александры в Ирѐме, недалеко от Будапешта.

сына Э.И. Грабарь был вынужден эмигрировать из Венгрии. Его жена переехала вместе с детьми из Будапешта в имение своего отца А.И. Добрянского⁸, расположенное в Карпатских горах, неподалеку от Ужокского перевала.

Все раннее детство И.Э. Грабаря прошло в селе Чертеж, на берегу быстрой горной речки, где его семье принадлежал «старый дом о семи комнатах, со службами, окруженный большим тенистым садом, с гигантскими липами и фруктовыми деревьями»⁹. Мальчик очень рано научился читать и писать и даже сам обучал грамоте своих двоюродных сестер, за уроки с которыми ему платили гонорар в размере 1 гульдена¹⁰. В конце лета 1880 г. он вместе с матерью уехал в Россию, в г. Егорьевск Рязанской области, и поступил в местную прогимназию, где его отец уже несколько лет работал учителем.

В период учебы больше всего впечатлил и заинтересовал будущего живописца преподаватель рисования и чистописания И.М. Шевченко, первый «настоящий» художник, которого он встретил: «Я не спускал с него глаз, не отходя от него ни на шаг. Я был решительно влюблен в него»¹¹. Однажды, придя в гости вместе с отцом к И.М. Шевченко, мальчик увидел своего учителя пишущим картину масляными красками. Зрелище поразило его: «Я думал, что не выдержу от счастья, наполнявшего грудь, особенно когда почувствовал сладостный, чудесный запах свежей краски»¹². Это посещение, как писал позже И.Э. Грабарь, решило его судьбу.

Зимой 1880 г. Игорь Грабарь стал посещать уроки игры на рояле В.Н. Житовой¹³, которая была самым культурным и образованным человеком в городе¹⁴. Она

⁸ Добрянский-Сачуров Адольф Иванович (1817–1901) — общественный деятель, юрист, писатель. Один из лидеров галицко-русского движения, поборник культурного, языкового и этнического единения с русским народом. Получал образование в 1833–1836 гг. в Кошицкой академии и Эгерском лицее, на философском и юридическом факультетах. В 1836–1840 гг. учился в Горной академии г. Банска-Штьявнице, продолжил образование в Вене. В начале 1840-х гг. работал горным инженером в Виндшахте, с 1847 г. — в Чехии. В 1848 г. вернулся в Виндшахт и начал принимать активное участие в галицко-русском движении. В мае 1849 г. назначен гражданским комиссаром при русской армии генерала-фельдмаршала И.Ф. Паскевича. В октябре 1849 г. стал управляющим канцелярией Ужгородского округа, где старался вводить «русский» язык в делопроизводство, приглашал русинов на ответственные посты. В 1851 г. получил пост секретаря первого класса при имперском наместничестве на венгерских территориях. Вскоре ему было пожаловано дворянство, а позднее — звание гофрата. В 1864–1867 гг. советник Угорской придворной канцелярии в Вене (эквивалентно посту министра). В 1865–1868 гг. избран депутатом Угорского сейма. Оставив службу в 1869 г., поселился в своем имении в с. Чертеж. Продолжал работать как публицист и культурный деятель. С 1881 г. жил во Львове. В 1882 г., вместе с дочерью Ольгой и сыном Мирославом, стал одним из обвиняемых в судебном деле, инициированном властями Австро-Венгерской империи против галицко-русских общественных деятелей, обвинявшихся в заговоре с целью отторжения русских и славянских земель Австрии и присоединения их к России. После окончания процесса и оправдательного приговора был вынужден переехать в Инсбрук.

⁹ *Грабарь И.Э. Моя жизнь...* С. 17.

¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Там же.

¹³ Житова Варвара Николаевна (1833–1900) — воспитанница матери писателя И.С. Тургенева, по одной из версий, могла быть ее дочерью.

¹⁴ *Грабарь И.Э. Ук. соч.* С. 26.

взяла в свои руки литературное воспитание мальчика и снабжала его множеством увлекательных книг из своей большой библиотеки. По мнению учительницы, в игре на рояле он делал большие успехи, в чем сам, однако, по прошествии лет сомневался.

Летом 1882 г. семья Грабарей на короткое время воссоединилась в Киеве, где в Коллегии Павла Галагана¹⁵ учился Владимир. Родители, сознавая, что обеспечить младшему сыну достойное образование при скудности учительского жалования им будет трудно, задались целью определить его стипендиатом в какое-нибудь закрытое учебное заведение. Помочь этому смог громкий львовский процесс против галицко-русских общественных деятелей, благодаря которому основатель и директор Московского лицея цесаревича Николая¹⁶, издатель «Московских ведомостей» М.Н. Катков согласился принять Игоря Грабаря на правах пансионера.

В августе 1882 г. отец, получив назначение преподавателем немецкого языка в гимназию Измаила, города в Бессарабской губернии, уехал из Киева по месту новой службы. Мать отвезла сына в Москву, а затем, оставив его на попечение своей двоюродной сестры и взяв с нее слово забирать мальчика к себе по воскресным и праздничным дням, тоже отправилась в Измаил.

Период жизни, прошедший в стенах Катковского лицея, И.Э. Грабарь охарактеризовал так: «Я невыразимо страдал, но ни разу, ни тогда, ни потом, ни словом не намекнул об этом отцу и матери. Они уснули вечным сном, так и не узнав, сколько жестоких, мучительных часов, дней и недель пережил я в этом хваленном и прославленном заведении, основанном для того, чтобы воспитывать в его стенах верных слуг царевых»¹⁷.

Положение стипендиата материально сильно отличалось от положения других учеников. Как отмечал И.Э. Грабарь, в лицее были «мальчишки побогаче, были менее богатые, но бедных не было: никто ни в чем не нуждался, мог покупать любые лакомства и сколько угодно, покупать дорогие безделушки и предметы роскоши»¹⁸. У будущего художника деньги появлялись лишь изредка, в основном к праздникам, когда он получал их от отца и других родственников. Впрочем, этих средств ему едва хватало на краски, кисти, холст и необходимые туалетные принадлежности. По словам И.Э. Грабаря, некоторые лицейские гувернеры и даже учителя относились к нему с нескрываемым пренебрежением¹⁹.

Однако мир живописи, в который все больше погружался мальчик, позволял ему, хотя бы на некоторое время, забыть о гнетущей атмосфере окружавшей его

¹⁵ Коллегия Павла Галагана — закрытое среднее учебное заведение, основанное в октябре 1871 г. чиновником и благотворителем Г.П. Галаганом (1819–1888) в память покойного сына Павла. Прекратило существование после 1917 г.

¹⁶ Это было закрытое учебное заведение среднего и высшего образования, подавляющая часть учеников которого происходила из дворянских семей. Обучались в нем также дети богатого купечества и священнослужителей.

¹⁷ Грабарь И.Э. Моя жизнь... С. 33.

¹⁸ Там же. С. 32.

¹⁹ Там же. С. 32–33.

действительности. Все выходные и праздничные дни он стремился проводить вне стен учебного учреждения: посещал Третьяковскую галерею, бывал на различных выставках и в других местах, связанных с искусством.

В 1884 г. в Москву приехал Владимир, поступивший в Московский университет, и стал забирать младшего брата к себе и познакомил его со своими университетскими друзьями. Среди них был Д.А. Щербиновский²⁰, оказавший сильное влияние на И.Э. Грабаря, который позднее вспоминал: «Я скоро с ним сблизился, и эта близость, перешедшая затем в дружбу, имела решающее значение в моей дальнейшей судьбе. Я и раньше был уверен, что стану художником, но постоянное общение с Щербиновским и встречи с теми художниками, которые к нему заходили, бесповоротно решили мой жизненный путь»²¹.

На протяжении всех лет пребывания в лицее И.Э. Грабарь занимался рисунком и живописью. На уроках в лицее и в классах Московского общества любителей художеств он постоянно совершенствовал свои навыки: осваивал рисунок с натуры и технику письма масляными красками. Помимо занятий живописью в лицейские годы юноша очень много читал, «глотаю книгу за книгой, пока не была перечитана вся <...> пансионная библиотека», а также сам пробовал писать повести и рассказы в разных литературных жанрах²². Делал он значительные успехи и в изучении классических языков: «Я считался первым учеником по языкам и действительно обожал стройность и логичность конструкции фраз, лаконичность оборотов, выразительность глагольных форм, звучность речи»²³.

Летом 1889 г. И.Э. Грабарь окончил лицей с золотой медалью и подал прошение о приеме на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, куда вскоре был зачислен. Отец очень хотел, чтобы он поступил на университетское отделение того же лицея, дававшее право оканчивать курс не за четыре, а за три года, но юноша решительно отказался, так как хотел учиться в Петербурге, поближе к Академии художеств. Несмотря на то, что он тяготел к истории к истории литературы и искусства, выбор был сделан в пользу юридического факультета. Перспектива карьеры преподавателя, в случае окончания историко-филологического факультета, казалась ему «кошмарной»: «злополучная педагогическая жизнь отца и окружавшая его обстановка гнета и несправия были для меня достаточным предостережением против возможного в будущем учительства»²⁴.

В Петербурге жизнь И.Э. Грабаря «потекла по трем различным руслам — научному, литературному и художественному», каждое из которых «представляло собою замкнутый круг самодовлеющих интересов, мыслей и чувств»²⁵, без остатка

²⁰ Щербиновский Дмитрий Анфимович (1867–1926) — художник-импрессионист, педагог.

²¹ *Грабарь И.Э. Моя жизнь...* С. 36.

²² Там же. С. 56.

²³ Там же. С. 52.

²⁴ Там же. С. 64.

²⁵ Там же. С. 68.

заполнявших весь его день. Но прежде всего юноше пришлось озаботиться вопросом заработка: привезенные с собой деньги закончились очень быстро, а на вывешенное в университете объявление об уроках никто не откликнулся. Решение проблемы нашлось, когда в октябре 1889 г. он выбрал пять наиболее удачных, с его точки зрения, юмористических «вещиц», сочиненных им еще в лицее, и доработал их, «выправляя стиль и заостряя юмор»²⁶. Эти рассказы он отнес в редакцию журнала «Стрекоза»²⁷, где все они были приняты к печати без каких бы то ни было изменений.

Вдохновленный первым успехом, И.Э. Грабарь, сотрудничая и с рядом других юмористических журналов, окунулся в «затягивающую атмосферу журнальной богемы»²⁸, хотя он рассматривал свою деятельность в этой области только как средство заработка. В скором времени он понял, что хотел бы работать с серьезными иллюстрированными журналами, в том числе в качестве художника. В 1890 г. началось его долговременное сотрудничество с журналом «Нива»²⁹, для которого И.Э. Грабарь рисовал иллюстрации, писал статьи и делал обзоры художественных выставок.

Учеба в студенческие годы, по собственному признанию И.Э. Грабаря, занимала в его жизни отнюдь не первое место, тем не менее он аккуратно и неукоснительно посещал лекции, записывая их в тетради, и читал в университетской библиотеке книги, которые рекомендовались преподавателями в дополнение к программе курса, однако в профессорском составе юридического факультета, по его словам, практически не было блестящих лекторов, способных захватить и зажечь интерес в слушателях своими лекциями³⁰.

Желая расширить свои знания и кругозор в области истории, юноша также начал посещать лекции на историко-филологическом факультете. И.Э. Грабарь вспоминал, что в действительности прослушал курс историко-филологического факультета, в чем ему помогло основательное знание латинского и греческого языков, значительно полнее и добросовестнее, чем юридического, и констатировал, что извлек из посещения лекций чужого факультета больше, чем получил на своем³¹.

Еще будучи студентом первого курса, в 1889 г. И.Э. Грабарь написал свой первый значительный живописный этюд — «Крыша со снегом». Эта работа представляла вид из окна комнаты, расположенной в Графском переулке, в которой жил один из его университетских товарищей. В других картинах этого периода («В вагоне конки», 1891 г.; «Лампа с зеленым абажуром», 1891 г.; «Няня с ребенком», 1892 г.) заметно стремление молодого художника к обобщению форм, поиску острых композиционных решений, к трактовке изображения не детально, а массами,

²⁶ Там же. С. 66.

²⁷ «Стрекоза» — еженедельный художественно-юмористический журнал с карикатурами, либеральной направленности (1875–1908 и 1915–1918 гг.).

²⁸ Грабарь И.Э. *Моя жизнь...* С. 68.

²⁹ «Нива» — иллюстрированный еженедельный журнал с приложениями, ориентированный на широкий круг читателей (1870–1917 гг.).

³⁰ Грабарь И.Э. *Ук. соч.* С. 70.

³¹ Грабарь И.Э. *Ук. соч.* С. 73–74.

а также к свежему интенсивному колориту³². С 1892 г. он начал посещать мастерскую П.П. Чистякова³³ в Императорской Академии художеств, известного своей особой методикой обучения рисунку и воспитавшего множество великих художников.

Окончив в 1893 г. университет, И.Э. Грабарь твердо решил поступать в Академию художеств, однако Д.А. Щербиновский посоветовал ему повременить с подачей прошения о поступлении, поскольку именно в это время Академия пребывала в процессе реформирования, в результате которого система преподавания должна была полностью измениться. Юноша прислушался к совету и подал прошение с соответствующими документами и домашними работами через год, в сентябре 1894 г.

С самого начала обучения в классе образовались две группы учеников: одни тяготели к рисунку и больше интересовались формой, а другие имели склонность к живописи. И.Э. Грабарь относился к последним. Важную роль сыграло для него общение с единомышленниками: А.Г. Явленским³⁴, с которым он вместе учился, М.В. Веревкиной³⁵ и другими художниками, регулярно собиравшимися в доме у последней. М.В. Веревкина выписывала новейшие зарубежные издания по искусству и знакомила с ними друзей. На этих встречах И.Э. Грабарь впервые услышал имена Э. Мане, К. Моне, О. Ренуара и Э. Дега и увидел репродукции их произведений. Впоследствии он признавался, что даже П.П. Чистякова заслонила гигантская фигура Мане, которая многие годы сохраняла для него свой масштаб. По его словам, эти беседы, чтение и множество репродукций сыграли в его жизни роль второй академии.

После написания первого же этюда И.Э. Грабаря вместе с несколькими другими учениками перевели в натурный класс. Этюд, по мнению наставников, вышел хорошим, но сам автор впоследствии недоумевал, что можно было увидеть в этом «беспомощном барахтанье», и высказывался о данной работе довольно жестко: «Ни рисунка, ни формы, ничего кроме приятных красочек»³⁶. Учеба в Академии вскоре стала привлекать его все меньше и меньше: «не было у меня увлечения, было здесь как-то не по себе, и я места себе не находил»³⁷. Выход он видел для себя в одном — путешествии за границу, мысль о котором не давала ему покоя.

Осуществить задуманное И.Э. Грабарю помогла редакция «Нивы». Журнал выделил ему деньги на поездку, которая должна была стать чем-то вроде командировки на европейские выставки. В конце мая 1895 г. он отправился в Юрьев, а полтора месяца спустя был уже в Берлине, откуда проследовал в Дрезден, а затем в Мюнхен. Но более всего художник ожидал встречи с Италией. Попав в Венецию и проведя в этом городе две недели, он был навсегда очарован его архитектурой

³² Мамонтова Н.И. Игорь Грабарь. М., 2001. С. 9.

³³ Чистяков Павел Петрович (1832–1919) — художник, педагог; адъюнкт-профессор (1872), действительный член (1893) Императорской Академии художеств.

³⁴ Явленский Алексей Георгиевич (1864–1941) — художник, представитель экспрессионизма.

³⁵ Веревкина Марианна Владимировна (1860–1938) — художница, ученица И.Е. Репина, представительница экспрессионистского течения в живописи.

³⁶ Грабарь И.Э. Моя жизнь... С. 102.

³⁷ Там же. С. 109.

и художественными сокровищами. Из Венеции Грабарь выехал в Болонью, после осмотра достопримечательности Флоренции и Пизы, а к середине сентября уже был в Риме, в котором, по его словам, «захлебывался от впечатлений»³⁸. В Италии И.Э. Грабарь также посетил Неаполь, о. Капри, Сорренто, а позднее направился в Париж через Милан, Лозанну и Страсбург. В Париже он гулял по всем местам, где можно было увидеть произведения новейших французских художников. Впоследствии художник вспоминал: «то, что я увидел в Париже, было необыкновенно»³⁹.

В октябре 1895 г. И.Э. Грабарь вернулся в Петербург и подготовил множество статей о выставках, которые посетил в ходе своего путешествия. Свои занятия в Академии художеств он продолжил, но без энтузиазма. В натурном классе молодой художник проработал до конца года, после чего ему было предложено выбрать мастерскую. Он остановил свой выбор на мастерской И.Е. Репина, которая пользовалась большой популярностью в Петербурге⁴⁰. Однако репинская методика преподавания не отвечала его ожиданиям. Ему стало казаться, что он теряет свежесть и непосредственность своих ранних работ, при этом не приобретая высшего мастерства.

В стенах Академии художеств Грабарю стало тягостно, и он снова задумал поехать за границу, но на этот раз надолго, чтобы там учиться. Финансовую поддержку этому предприятию вновь оказала редакция «Нивы». В соответствии с «добровольными договорными отношениями» с момента выезда за границу он должен был получать по сто рублей в месяц в течение двух лет, за что обязывался писать для издания статьи о западном искусстве и время от времени делать необходимые для журнала рисунки и плакаты.

В середине июня 1896 г. И.Э. Грабарь уже был в Берлине, а в конце месяца — в Париже. Многие студенты Петербургской академии художеств выбирали Париж в качестве места учебы, работая в частных ателье и академиях французской столицы, однако не меньшим авторитетом в те годы пользовалась и мюнхенская художественная школа — Мюнхенская академия художеств, частные школы Холлоши⁴¹ и Ашбе⁴². Выбор между Парижем и Мюнхеном для И.Э. Грабаря был непростым, но в итоге им было принято решение ехать в Мюнхен, «с неременной оглядкой на Париж»⁴³.

В начале июля 1896 г. молодой художник прибыл в Мюнхен и почти сразу приступил к учебе в школе А. Ашбе, который, по мнению И.Э. Грабаря, был блестящим рисовальщиком и крупнейшим педагогом, обладавшим собственной эффективной системой преподавания: «Он обращал внимание учеников только на основное,

³⁸ Там же. С. 113.

³⁹ Там же. С. 114.

⁴⁰ Мамонтова Н.И. Игорь Грабарь... С. 10.

⁴¹ Холлоши Шимон (1857–1918) — венгерский художник армянского происхождения. С 1886 г. руководил собственной художественной школой-студией в Мюнхене, которая привлекала тех, кто искал новые пути в искусстве.

⁴² Ажбе (Ашбе) Антон (1862–1905) — австро-венгерский художник словенского происхождения. В 1891 г. основал в Мюнхене частную художественную школу.

⁴³ Грабарь И.Э. Моя жизнь... С. 118.

главное, заставляя отбрасывать мелочи»⁴⁴. Под его руководством И.Э. Грабарь постигал в рисовании то, что не смог получить в Академии художеств. Точные и наглядные способы обучения позволили очень быстро продвинуться в технике рисунка. Наряду со строгой системой рисования с натуры в школе Ашбе была принята широкая, этюдная манера живописи и импрессионистическое раздельное наложение красок⁴⁵.

После года пребывания в Мюнхене И.Э. Грабарь совершил поездку в Париж с целью повторного ознакомления с жизнью и работой в парижских художественных школах. Он посетил все известные на тот момент художественные школы или «академии» Парижа, записался в академию Жюлиана⁴⁶, чтобы узнать на практике, чему и как учат в Париже, по вечерам ходил в школу Коларосси⁴⁷, известную постановкой рисования набросков, и пришел к заключению, что в систему рисования Ашбэ надо внести только несколько незначительных поправок, чтобы она стала идеальной⁴⁸. А общим его выводом стала мысль, что следовало бы соединить в одно целое лучшие стороны парижской и мюнхенской школ.

Вернувшись из Парижа в Мюнхен, И.Э. Грабарь сосредоточился на совершенствовании своей собственной системы рисунка и живописи. Он работал почти исключительно у себя в мастерской, из-за чего собирался покинуть школу Ашбе, но тот не желал расставаться с талантливым художником и предложил разделить свою школу пополам. В итоге Грабарь ответил согласием на предложение своего наставника и «сферы влияния» были поделены «дружески и славно»⁴⁹. Преподавательская работа в школе Ашбе, как это нередко бывает, много дала и самому художнику с точки зрения окончательного уяснения важнейших проблем рисунка, формы, живописи.

Мюнхенский период жизни И.Э. Грабаря, продлившийся до 1901 г., был очень разнообразным и плодотворным: художник не только совершенствовал собственные умения в живописи, но и занимался проблемой истории различных живописных техник начиная с античных времен и до XVIII в. включительно. Кроме того, он увлекся скульптурой, а затем и архитектурой, к изучению которой отнесся невероятно серьезно: стал ходить на занятия в Техническую высшую школу⁵⁰. Читая книгу за книгой и выполняя все проектные работы, к 1901 г. И.Э. Грабарь прошел весь курс обучения, и только отъезд в Россию помешал ему держать экзамен на звание архитектора.

Весной 1900 г. И.Э. Грабарь вновь отправился в Париж, чтобы увидеть Всемирную выставку. Ощущения после ее посещения были противоречивы: с одной стороны, он получил незабываемые впечатления от ретроспективного отдела выставки, в котором впервые столь полно были представлены «гиганты французского

⁴⁴ Там же. С. 126.

⁴⁵ Мамонтова Н.И. Игорь Грабарь... С. 10.

⁴⁶ Академия Жюлиана — частная академия художеств в Париже, основанная французским художником и педагогом Родольфом Жюлианом (1839–1907).

⁴⁷ Академия Коларосси — частная художественная школа в Париже. Основана в 1870 г. итальянским художником и скульптором Филиппо Коларосси (1841–1906).

⁴⁸ Грабарь И.Э. Моя жизнь... С. 130.

⁴⁹ Там же. С. 137.

⁵⁰ Совр. Мюнхенский технический университет.

искусства», в том числе и Э. Мане, но в то же самое время эта выставка внушила ему мысль о том, что «художнику надо сидеть у себя дома и изображать свою, ему близкую и родную жизнь»⁵¹. Весной 1901 г., по словам И.Э. Грабаря, он уже ни о чем не мог думать, как только о возвращении на родину: «Что бы я ни делал, что бы ни начинал, одна неотступная мысль стояла в голове: “назад, в Россию”».

Возвращение И.Э. Грабаря в июне 1901 г. произошло в сложное для отечественного искусства время: молодые художники стремились к новым живописным идеям, что вызывало ожесточенную полемику со стороны старшего поколения⁵². Следует отметить, что И.Э. Грабарь и сам не остался в стороне от этой ситуации. Еще в 1897 г. он прислал для журнала «Нива» статью, в которой рассуждал о том, что в новейшем искусстве следует видеть не упадок, а, напротив, признаки возрождения⁵³. Эта работа обеспечила ему популярность в молодежной среде.

Появление объединения «Мир искусства»⁵⁴ и одноименного журнала⁵⁵ стало центральным событием в борьбе за полную свободу творчества. В ответ на предложение С.П. Дягилева⁵⁶ прислать какую-нибудь статью для нового журнала И.Э. Грабарь подготовил целую серию публикаций «Письма из Мюнхена», посвященную художественным выставкам и творчеству отдельных мастеров. Первая из статей была помещена в № 3–4 за 1899 г.⁵⁷ и ознаменовала собою постоянное сотрудничество с этим журналом, пришедшее на смену работе в «Ниве».

Вернувшись в Петербург в ноябре 1901 г. и еще не зная, на какие средства существовать, И.Э. Грабарь решил ориентироваться именно на «Мир искусства», где он нашел единомышленников. Ему было близко художественное направление, которого придерживался С.П. Дягилев на страницах журнала и в выставочной деятельности. В этом подходе было то, что И.Э. Грабарь назвал «системой озорства»⁵⁸, создававшей противовес скуке и банальности устоявшихся форм «нового академизма» передвижников.

После возвращения в Россию художник увлекся русским пейзажем, на который смотрел теперь новыми глазами. Летом и осенью 1901 г. им были созданы первые этюды, вдохновленные русской природой. Около десяти его работ, включая семь пейзажных, появились на выставке «Мира искусства», открывшейся в начале 1902 г. в универсаме «Пассаж» на Невском проспекте. Петербургские газеты отозвались критикой на творчество И.Э. Грабаря, возмущаясь «декадентскими» картинами,

⁵¹ Грабарь И.Э. Моя жизнь... С. 144.

⁵² Мамонтова Н.И. Игорь Грабарь... С. 12–13.

⁵³ Грабарь И.Э. Упадок или возрождение? Очерк современных течений в искусстве // Ежемес. литер. прил. к журналу «Нива». 1897. № 1. Стб. 37–74; № 2. Стб. 295–314.

⁵⁴ «Мир искусства» — художественное объединение (1898–1927), сформировавшееся в России на волне протеста против академизма и передвижничества.

⁵⁵ «Мир искусства» — ежемесячный иллюстрированный художественный журнал (1898–1904), ставший рупором новых веяний в русской культуре на рубеже веков.

⁵⁶ Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) — театральный и художественный деятель, организатор «Русских сезонов» в Париже и труппы «Русский балет Дягилева», один из основателей объединения «Мир искусства».

⁵⁷ Грабарь И.Э. Письма из Мюнхена. 1) Зимний сезон в «Сецессионе» // Мир искусства. 1899. Т. 1. № 3–4. С. 22–24.

⁵⁸ Грабарь И.Э. Моя жизнь... С. 154.

на которых вблизи ничего не разберешь», но среди художников «успех был полный», и не только среди молодежи⁵⁹. Картины быстро раскупили, а один из этюдов — «Луч солнца» (1901 г.) — был приобретен Третьяковской галереей еще накануне открытия выставки.

С 1902 г. И.Э. Грабарь начал углубленно заниматься вопросами истории искусства. Перед ним развернулась перспектива создания систематической истории русской художественной школы. Это явилось стимулом начать работу в архиве Академии художеств, которая его чрезвычайно увлекла: «Я никогда раньше не подозревал, что эти скучные с виду старые бумаги, послужные списки, кляузы, метрики, прошения и резолюции на них таят в себе столь ценный и, главное, столь увлекательный материал. Вкусив от этого архивного яда, я был им навсегда отравлен»⁶⁰. С этого времени и до конца жизни работа над «Историей русского искусства» стала одним из наиболее значимых направлений его многогранной деятельности.

В 1903 г. объединение «Мир искусства» утратило идейное единство, что глубоко потрясло И.Э. Грабаря и вызвало у него желание покинуть Петербург. Осенью того же года он переехал в Москву, однако гораздо притягательнее для него была подмосковная природа. В имении Титово Тульской области, принадлежавшем его тетке, вдохновленный красками ранней золотой осени, он написал несколько замечательных этюдов.

В конце 1903 г. художник принял участие в выставке «Союза русских художников», пришедшего на смену «Миру искусства». Первая выставка нового объединения открылась в Москве, в помещении Строгановского центрального художественно-промышленного училища⁶¹ и продлилась до 8 января 1904 г. И.Э. Грабарь представил на ней пять своих работ, в том числе картину «Сентябрьский снег», которая имела исключительный успех.

На этой же выставке произошло знакомство И.Э. Грабаря с художником Н.В. Мещериным⁶², оказавшееся важным в судьбе обоих. Мещерин пригласил его приехать к нему в имение Дугино на берегу р. Пахры. И.Э. Грабарь, которому очень хотелось работать, писать снег и зиму, не смог отказаться от этого предложения, особенно после того, как узнал, что хозяин усадьбы только что отстроил там большую мастерскую. Природа вокруг Дугино показалась художнику невероятно живописной. Мещерины же были людьми состоятельными и гостеприимными. В их имении И.Э. Грабарь почти сразу почувствовал себя как дома и в итоге «застрял» в нем: «я застрял и на вторую зиму, на второй, третий, четвертый и на тринадцатый год, превратившись в одного из старейших дугинских аборигенов»⁶³.

В Дугино И.Э. Грабарь начал писать этюды снега с близкого расстояния. Зимний живописный сезон оказался для него очень плодотворным. Все тринадцать работ,

⁵⁹ Грабарь И.Э. Моя жизнь... С. 177.

⁶⁰ Там же. С. 181.

⁶¹ Совр. Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова.

⁶² Мещерин Николай Васильевич (1864–1916) — художник, владелец подмосковной усадьбы Дугино, в которой бывали и подолгу жили многие живописцы.

⁶³ Грабарь И.Э. Моя жизнь... С. 208.

созданных им за этот период, среди которых картины «Февральская лазурь» (1904 г.) и «Мартовский снег» (1904 г.), были представлены в конце 1904 г. на очередной выставке «Союза русских художников» и встречены с восторгом как коллекционерами, так и художниками. Импрессионизм в интерпретации И.Э. Грабаря увлек многих московских живописцев. Развивая это живописное направление, он принимал участие в выставках «Союза русских художников» вплоть до 1909 г.

В 1905–1908 гг. зимняя тема приобрела устойчивую линию в творчестве И.Э. Грабаря, а изображение инея стало одним из ведущих ее мотивов. Кроме того, в Дугине художник писал натюрморты. Среди первых удачных был этюд «Банка с вареньем и яблоки» (1904 г.). Интересно, что на большинстве его натюрмортов 1900–1910-х гг. можно увидеть цветы⁶⁴. Это связано с тем, что цветы, или полевые, или оранжерейные, или привезенные из Москвы, присутствовали в дугинском доме круглый год.

В 1906 г. С.П. Дягилев устроил в Париже выставку русского искусства «Два века русской живописи и скульптуры». Он привез в столицу Франции иконы и работы мастеров XVIII–XIX вв., уделив особое внимание художникам «Мира искусства». Это стало крупным международным художественным событием. И.Э. Грабарь на этой выставке представил все свои главные картины. Позже выставка была показана и в Берлине. К ее открытию И.Э. Грабарь, по просьбе журнала «Zeitschrift für bildende Kunst», подготовил большую статью «Два столетия русского искусства»⁶⁵. Статья на немецком языке была составлена всего за две недели, при этом автор не имел при себе никаких справочников и писал текст на основе данных парижского каталога, а также собственных знаний материала выставки. Позднее она была перевезена в Венецию, где открылась в апреле 1907 г., но в сильно сокращенном виде, без ретроспективной части.

Вернувшись в Россию, И.Э. Грабарь поехал в Петербург, где около двух месяцев работал в архиве Академии художеств, собирая сведения о жизни и творчестве старых русских живописцев, скульпторов и архитекторов. Как раз в это время его попросили дать какой-нибудь материал в учрежденный в январе 1907 г. журнал «Старые годы»⁶⁶. Он откликнулся и написал статью о первом русском пейзажисте Ф.Я. Алексееве⁶⁷ на основании документов, обнаруженных им в архиве⁶⁸. Этот очерк, по словам И.Э. Грабаря, стал его первой пробой в новой для него области истории русского искусства⁶⁹.

Художник «зарылся» в архивный материал, почти забросив живопись, и проводил большую часть времени то в Петербурге, то в Москве. Вот как описывал тот период сам И.Э. Грабарь: «Большая часть 1907 года и весь 1908 прошли под знаком архивного сидения. Обработав архив Академии и рукописи <...> в Публичной

⁶⁴ Мамонтова Н.И. Игорь Грабарь... С. 27.

⁶⁵ Grabar I.E. Zwei Jahrhunderte russischer Kunst // Zeitschrift für Bildende Kunst. 1907. Bd. 42 (N. F. 18). S. 58–78.

⁶⁶ «Старые годы» — ежемесячный журнал «для любителей искусства и старины», издававшийся в 1907–1916 гг. в Санкт-Петербурге..

⁶⁷ Алексеев Федор Яковлевич (1753–1824) — живописец, один из основоположников русского городского пейзажа.

⁶⁸ Грабарь И.Э. Федор Яковлевич Алексеев // Старые годы. 1907. Июль-сент. С. 357–390.

⁶⁹ Грабарь И.Э. Моя жизнь... С. 217.

библиотеке, я перешел в архивы Академии наук, сената, синода, министерства иностранных дел, министерства двора и государственный архив. В Москве сидел главным образом в Троицкой башне — в архиве министерства двора, в архиве министерства юстиции, путей сообщения и иностранных дел, в военном, лефортовском, губернском и т. д. Из казенных архивов пришлось перекинуться в частные. По вечерам голова пухла от архивных сведений, особенно от рукописей начала XVIII века, которые приходилось читать, ввиду их трудности, крайне медленно»⁷⁰. Архивные занятия толкали И.Э. Грабаря к обработке материала, извлекаемого «в виде грубой, сырой руды»⁷¹. Это вылилось в подготовку многотомной «Истории русского искусства». Был разработан общий план издания, рассчитанный на девять томов, по четыре-пять выпусков в каждом.

В самом начале осени 1908 г. И.Э. Грабарь, подготовив к печати первый выпуск, отправился в Адлер, чтобы отдохнуть и повидать родителей, которые несколькими годами ранее получили в тех краях участок земли за небольшую плату в долготлетнюю рассрочку, «под непременно условием немедленной расчистки леса, посадки фруктовых и парковых деревьев, производства дренажных работ и постройки дома»⁷². Все лето 1908 г. в Адлере шло строительство двухэтажного семейного дома по собственному проекту И.Э. Грабаря. С собой он привез около трехсот рублей для достройки и некоторых улучшений в доме. Эти деньги, как оказалось, едва не стоили ему жизни. По версии И.Э. Грабаря, крупную сумму увидела прислуга, чистившая его одежду, пока сам он спал, и, вероятно, кому-то о ней рассказала. Ночью, через окно, выходящее к морю, в его комнату проник злоумышленник и совершил нападение на художника. Рано утром отец обнаружил младшего сына «на постели, в луже крови, с пробитым правым виском, из которого все еще сочилась кровь»⁷³. Приехавший из Адлера доктор счел, что дни раненого сочтены и помочь ему нельзя. Но семья не собиралась сдаваться. И.Э. Грабаря повезли в Сочи, где уговорили сделать ему операцию молодого врача сочинской больницы, недавно окончившего медицинский факультет: «Он произвел трепанацию черепа: обе черепные пластинки были разбиты, разбиты лабиринт правого уха и барабанная перепонка». Операция прошла успешно, и, хотя впереди было долгое восстановление, жизнь И.Э. Грабаря уже была вне опасности.

В 1909 г. И.Э. Грабаря увлекло новое дело — крупный дебют в архитектурном творчестве, который состоялся благодаря предложению вдовы известного врача Г.А. Захарьина. Он взялся за проектирование больницы в память об умершем сыне Захарьиных. По замыслу семьи, это должна была быть не просто больница, а «больница-памятник, больница-мавзолей, больница-произведение искусства»⁷⁴. Здание, большого масштаба и оборудованное по последнему слову техники, предполагалось построить в имении Захарьиных вблизи села Куркино, в 50 верстах к северо-западу от Москвы, и в дальнейшем передать московскому земству.

⁷⁰ Там же. С. 217.

⁷¹ Там же. С. 218.

⁷² Там же. С. 147.

⁷³ Там же. С. 221.

⁷⁴ Там же. С. 227.

Предложение невероятно воодушевило И.Э. Грабаря. Интерес к архитектуре вспыхнул в нем с новой силой, в особенности после совершенного незадолго до этого путешествия в Европу и увиденных там шедевров, в числе которых были виллы Андреа Палладио⁷⁵ в окрестностях Венеции и Виченцы. Увлеченный творчеством и идеями этого итальянского архитектора, к концу 1909 г. И.Э. Грабарь подготовил эскизный проект здания в истинно палладианском стиле. Закладка больницы состоялась 22 мая 1910 г., однако изменения, связанные с инженерными требованиями и техническими вопросами, вносились в планировку еще в течение лета и осени 1910 г.⁷⁶ Общая работа по проектированию и возведению больницы велась в течение пяти лет, с 1909 г. по 1914 г. Начавшаяся Первая мировая война и связанная с ней нехватка средств, а также необходимость немедленно приспособить здание под военный госпиталь, не дожидаясь его окончательной отделки, помешали исполнить все замыслы архитектора.

Одним из важнейших итогов архитектурных работ в Куркино для И.Э. Грабаря стала долгожданная покупка собственного поместья в расположенном к югу от Москвы селе Зюзино, ставшая возможной благодаря полученному им высокому гонорару⁷⁷. Художник планировал обустроить свое имение по примеру вилл из окрестностей Виченцы, но война, а затем и революция помешали его планам: купленное поместье было экспроприровано.

После первого удачного опыта И.Э. Грабарь был настроен заниматься зодчеством и дальше, надеясь в следующих своих постройках «отрешиться» от недостатков, которые он видел в своем уже завершенном проекте⁷⁸. Однако ему пришлось выбирать между архитектурным творчеством и публикацией «Истории русского искусства», подготовка которой занимала очень много времени и сил. Выбор в результате был сделан в пользу второго.

Работа над изданием шла активно. Разумеется, исполнить столь масштабный замысел в одиночку было невозможно, поэтому И.Э. Грабарь привлекал к работе над отдельными разделами и выпусками других авторов, выбор которых, как показывала практика, не всегда был удачным. Так, много «крови испортил» ему Н.Н. Врангель⁷⁹, которому был передан для подготовки тома по истории скульптуры богатый фотографический материал вместе с архивными выписками⁸⁰. В итоге им были написаны биографии скульпторов, «никак не вскрывающие эволюции русской скульптуры», не только «со стороны социологической», но и «со стороны примитивнейшей смены формальных течений», а кроме того, и сам анализ скульптур, их оценка и критика «носили характер легкого журнального фельетона», не подходящего к намеченной задаче⁸¹. Подготовленный Н.Н. Врангелем

⁷⁵ Палладио Андреа (1508–1580) — итальянский архитектор позднего Возрождения, основоположник палладианства и европейского классицизма.

⁷⁶ Клименко Ю.Г. Архитекторы Москвы. И.Э. Грабарь. М., 2015. С. 65.

⁷⁷ Клименко Ю.Г. Архитекторы... С. 103.

⁷⁸ Грабарь И.Э. Моя жизнь... С. 229.

⁷⁹ Врангель Николай Николаевич (1880–1915) — искусствовед, историк, барон.

⁸⁰ Грабарь И.Э. Моя жизнь... С. 230.

⁸¹ Там же.

пятый том «Истории русского искусства»⁸² И.Э. Грабарь планировал в будущем переиздать.

Всего в течение 1910–1913 гг. вышло 23 выпуска «Истории русского искусства» в шести томах⁸³. Богатейшие документальные, художественные и архивные материалы, представленные в этом издании, впервые продемонстрировали широкой публике богатство и своеобразие художественного творчества русского народа⁸⁴. В эти же годы было опубликовано несколько книг И.Э. Грабаря, посвященных известным русским художникам⁸⁵. В мае 1915 г., во время немецкого погрома в Москве, направленного против проживавших в городе жителей немецкого происхождения, все клише и негативы, хранившиеся в магазине И. Кнебеля⁸⁶, чье издательство осуществляло публикацию, были уничтожены. По словам И.Э. Грабаря, он долгие месяцы не мог прийти в себя после этого ужасного происшествия и был не в силах продолжать работу⁸⁷.

В 1913 г. произошло значимое событие в жизни И.Э. Грабаря — он был избран и утвержден в должности попечителя Третьяковской галереи и оставался ее руководителем вплоть до 1925 г. Одним из условий, на которых художник принял этот пост, было разрешение провести ряд коренных реформ в хранении и экспонировании произведений живописи. Так, прежде всего, была пересмотрена концепция формирования экспозиции: в отличие от прежней хаотичной и бессистемной развески картин, отныне полотна должны были размещаться в залах в историко-хронологическом порядке. Изменения коснулись и характера приобретения галереей новых полотен. Наряду с классическими шедеврами И.Э. Грабарь покупал картины новейших художников, что вызывало резкую реакцию консервативной прессы⁸⁸. Еще одним важным мероприятием стала инвентаризация галереи и составление каталога ее экспонатов. И.Э. Грабарь с увлечением лично занялся атрибуцией — определением «авторов картин так называемых “неизвестных” художников, художников, которым эти картины приписаны без достаточных оснований, или явно ошибочно»⁸⁹. Подготовленный в результате кропотливой работы научный каталог вышел в свет в 1917 г.

В 1913 г., почти одновременно с назначением попечителем Третьяковской галереи, И.Э. Грабарь был избран действительным членом Академии художеств. Ежемесячно он ездил в Петербург на заседания Совета академии, стараясь в каждый свой приезд посещать проходившие в столице художественные выставки.

⁸² Врангель Н.Н. История скульптуры. М., 1913.

⁸³ Грабарь И.Э. История русского искусства. Т. 1. Архитектура. Допетровская эпоха. М., 1910; Т. 2. Архитектура. Допетровская эпоха. (Москва и Украина). М., 1911; Т. 3. Архитектура. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веке. М., 1912; Т. 4. Архитектура. Московское зодчество в эпоху барокко и классицизма. Русское зодчество после классицизма. М., 1913; Т. 6. Живопись. Допетровская эпоха. М., 1913.

⁸⁴ Игорь Эммануилович Грабарь / Вступит. статья А.А. Сидорова; библиогр. сост. Н.М. Нестеровой. М., 1951. С. 7.

⁸⁵ Глаголь С.С., Грабарь И.Э. Исаак Ильич Левитан. Жизнь и творчество. М., 1913; Грабарь И.Э. Валентин Александрович Серов. Жизнь и творчество. М., 1914.

⁸⁶ Кнебель Иосиф Николаевич (1854–1926) — издатель, книгопродавец, основатель первого в России специализированного издательства по изобразительному искусству.

⁸⁷ Грабарь И.Э. Моя жизнь... С. 231.

⁸⁸ Мамонтова Н.И. Игорь Грабарь... С. 35.

⁸⁹ Грабарь И.Э. Моя жизнь... С. 262.

В том же 1913 г. произошло не менее важное событие и в личной жизни художника: он сочетался браком с племянницей Н.В. Мещерина Валентиной⁹⁰, которую знал еще ребенком. В 1922 г. в семье родилась дочь Ольга⁹¹, а в 1925 г. — сын Мстислав⁹². Через несколько лет после рождения сына у В.М. Грабарь обнаружили тяжелое эндокринное заболевание, которое очень плохо поддавалось лечению. Супруга художника подолгу, с небольшими перерывами, находилась в клиниках, а затем по какой-то причине покинула мужа и детей. После ухода В.М. Грабарь из семьи ее младшая сестра Мария взяла на себя заботу о племянниках. Впоследствии она стала второй женой И.Э. Грабаря.

В 1917 г. И.Э. Грабарь энергично включился в работу по сохранению художественных ценностей страны и стал принимать активное участие в деятельности множества комиссий, связанных как с искусством, так и с приемом и регистрацией памятников старины в Москве и Петрограде⁹³. Так, после Февральской революции он вошел в Совет по делам искусств при комиссаре Временного правительства над бывшим Министерством двора.

В ноябре 1917 г. ученая общественность Москвы, обеспокоенная положением художественных сокровищ Кремля, варварски обстрелянного большевиками в октябре 1917 г., образовала независимый Объединенный комитет по охране собраний и памятников искусства. Свою главную задачу комитет видел в защите художественных коллекций, которые могли быть вывезены за пределы России. В Бюро Комитета вошли известные московские искусствоведы и музейные деятели, а возглавил его И.Э. Грабарь. В это же время, 15 ноября 1917 г., Постановлением Военно-революционного комитета Москвы была организована Комиссия по охране памятников искусства и старины. Однако сосуществование официальной и независимой от власти организации по охране памятников было недолгим: Московский городской совет путем переговоров смог склонить членов Объединенного комитета к сотрудничеству, сосредоточив таким образом организацию защиты памятников в собственной Комиссии.

В марте 1918 г. в Петрограде при Народном комиссариате по просвещению была образована Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Руководство Наркомпроса почти сразу задумалось о создании аналогичной коллегии и в Москве. Московское отделение было учреждено 28 мая 1918 г.⁹⁴, и во главе его должен был встать И.Э. Грабарь. Но в ходе первого же заседания коллегии, состоявшегося на следующий день, он предложил на пост председателя кандидатуру Н.И. Седовой-Троцкой⁹⁵. И.Э. Грабарь, будучи человеком разумным и осторожным,

⁹⁰ Грабарь Валентина Михайловна (урожд. Мещерина; 1892–1959) — первая жена И.Э. Грабаря. Научный сотрудник Московской секции РАИМК (1919).

⁹¹ Елифанова Ольга Игоревна (урожд. Грабарь; род. 1922) — биолог, писатель, дочь И.Э. Грабаря; доктор биологических наук (1964). Выпускница биологического факультета МГУ. Заведующая лабораторией Института молекулярной биологии АН СССР.

⁹² Грабарь Мстислав Игоревич (1925–2006) — математик, преподаватель, кандидат физико-математических наук, доктор педагогических наук.

⁹³ Рославский В.М. Становление учреждений охраны и реставрации памятников искусства и старины в РСФСР 1917–1921 гг. Игорь Грабарь и реставрация. М., 2004. С. 17.

⁹⁴ Там же. С. 71.

⁹⁵ Седова (Троцкая) Наталья Ивановна (1882–1962) — революционерка, гражданская жена Л.Д. Троцкого, заведующая музейным отделом Наркомпроса в 1918–1928 гг.

скорее всего, пришел к выводу, что больше пользы музейному делу принесет не его руководство, а жена всесильного председателя Реввоенсовета РСФСР и наркома по военным и морским делам⁹⁶.

10 июня 1918 г. И.Э. Грабарь создал при Коллегии по делам музеев особую комиссию по исследованию древнерусской живописи, за которой закрепилось следующее наименование — «Комиссия по сохранению и раскрытию памятников древнерусской живописи». Ее деятельность должна была быть направлена на выявление, учет, охрану, изучение и реставрацию памятников древнерусской церковной живописи в масштабах всей России. К работе в комиссии были привлечены известные специалисты в области древнего искусства, а также опытные реставраторы-практики.

22 июня 1918 г. на заседании Государственной комиссии по просвещению утвердилась новая структура Художественной секции Наркомпроса, состоящей из шести отделов и в том числе самостоятельного Музейного отдела, заведующей которым была утверждена председатель Коллегии по делам музеев Наркомпроса Н.И. Седова-Троцкая. К июлю 1918 г. И.Э. Грабарь добился окончательного преобразования Музейной коллегии в самостоятельный орган, названный Отделом по делам музеев Народного комиссариата по просвещению, учреждение которого дало ему возможность получить независимость при планировании работ по изучению древнерусской живописи⁹⁷.

Уже к осени 1918 г. Комиссия по сохранению и раскрытию памятников древнерусской живописи, продолжившая исследования, начатые еще до революции учеными Москвы и Петрограда, широко развернула свою деятельность не только в столице, но и в прилегающих к ней живописных центрах Древней Руси. Главными целями ее работы стали поиск ранее неизвестных памятников древнерусской живописи и исследование происхождения русского иконописания.

В 1918 г. И.Э. Грабарь приобщился еще к одному, новому для себя, виду деятельности — вошел в число членов Совета московского Малого театра⁹⁸. С мая 1918 г. по февраль 1919 г. театром руководило Правление в составе трех человек, а также Совет, состоявший из пятнадцати членов. И.Э. Грабарь в Совете отвечал за художественно-декоративную часть.

В апреле 1919 г. был подписан декрет о создании Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) и уже через три с половиной месяца прошли дополнительные выборы ее действительных членов. В их числе оказался и присутствовавший на Избирательном собрании 5–7 августа 1919 г. И.Э. Грабарь. В это же время в структуру РАИМК был включен Московский институт историко-художественных изысканий и музееведения (МИХИМ)⁹⁹, занимавшийся как теоретическими проблемами искусствоведения, так и подготовкой специалистов по музейному делу, реставраторов, библиотекарей и архивистов. В качестве руководителя Реставрационной секции МИХИМ была предложена кандидатура И.Э. Гра-

⁹⁶ Рославский В.М. Ук.соч. С. 78.

⁹⁷ Там же. С. 96–97.

⁹⁸ Совр. Государственный академический Малый театр России.

⁹⁹ Рославский В.М. Ук. соч. С. 285.

баря, как представителя Московской секции РАИМК, официально учрежденной в сентябре 1919 г.¹⁰⁰

Московская секция была создана по образцу Академии в Петрограде. В ее состав входили три отделения — Этнологическое, Археологическое и Художественно-историческое, подразделявшиеся на разряды в соответствии с изучаемыми областями науки. Наиболее развитую структуру получило Художественно-историческое отделение, где предполагалось организовать восемь разрядов. И.Э. Грабарь, один из идейных вдохновителей учреждения Московской секции РАИМК, числился единственным сотрудником в штате Разряда древнерусского искусства¹⁰¹.

В 1920 г. И.Э. Грабарь стал заведующим Художественно-лабораторной секции МИХИМ, а также ученым секретарем института. Но из-за возникших разногласий с членами и руководством РАИМК, являвшихся, главным образом, следствием отсутствия у московских специалистов желания наладить совместную научную работу со своими петроградскими коллегами, уже летом 1920 г. МИХИМ фактически прекратил свою деятельность. 12 ноября 1920 г. Совет РАИМК постановил, что теперь «МИХИМ не состоит более ни в какой связи с РАИМК»¹⁰².

После этого научная деятельность по охране и реставрации памятников старины в столице полностью сосредоточилась в Московской секции РАИМК. За 1920 г. ее штат увеличился с 18 человек до 47. Но никаких весомых научных открытий сотрудниками Московской секции сделано не было, а когда в 1922 г. И.Э. Грабарь решил выйти из ее состава, деятельность секции практически замерла.

24–27 декабря 1920 г. в Москве прошло совещание ведущих специалистов Москвы и Петрограда в области реставрации. По результатам трех заседаний было принято решение о создании Всероссийской реставрационной комиссии (ВРК). В ее структуре были три секции: архитектурной реставрации, живописной реставрации с подсекциями иконописи и живописи, а также реставрации декоративно-прикладного искусства с подсекцией скульптуры. В 1922 г. ВРК преобразовали в Центральные реставрационные мастерские (ЦРМ), а в 1924 г. были учреждены единые Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ)¹⁰³, директором которых стал И.Э. Грабарь. На работу в мастерские были приглашены ведущие профессиональные реставраторы. Деятельность этого учреждения, успешно работавшего до 1934 г., была масштабной и уникальной: сотни тысяч памятников изобразительного искусства прошлых столетий были выявлены, спасены от уничтожения, отреставрированы и переданы в музеи. Были открыты ранее неизвестные произведения византийских мастеров и древнерусских живописцев.

В конце 1920-х гг. сотрудники музеев и реставраторы стали ощущать на себе все более возрастающее идеологическое давление. Началось планомерное изгнание старых кадров из всей системы музейных учреждений Наркомпроса РСФСР. В большинстве случаев на место преданных своему делу специалистов приходили

¹⁰⁰ Рославский В.М. Ук. соч. С. 290.

¹⁰¹ Там же. С. 290–291.

¹⁰² Там же. С. 313.

¹⁰³ Садарова А.А., Семечкин П.А., Темерина О.С. Сто лет Реставрационному центру имени И.Э. Грабаря // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2018. № 4 (11). С. 113. URL: <https://doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2018.04.009> (дата обращения: 30.09.2021).

подобранные по принципу благонадежности чиновники. С февраля по март 1930 г. деятельность Центральных государственных реставрационных мастерских рассматривалась бригадой Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ), указавшей на отсутствие в работе ЦГРМ марксистской методологии и предложившей расформировать учреждение, а его сотрудников распределить по другим организациям. В сложившейся ситуации И.Э. Грабарь был вынужден подать прошение об отставке, объяснив этот шаг желанием сосредоточиться на научной работе и занятиях живописью¹⁰⁴.

В 1921 г. И.Э. Грабарь начал преподавательскую деятельность, приступив к работе в Московском университете в должности профессора кафедры теории и истории искусств факультета общественных наук, где читал лекции по теории и практике научной реставрации художественных произведений. В 1921–1925 гг. он также являлся членом Научно-исследовательского института искусствознания и археологии при факультете общественных наук. В 1925 г. И.Э. Грабарь стал профессором кафедры истории русского искусства этнологического факультета и оставался в этой должности до 1930 г. В 1945 г., сразу после окончания Великой Отечественной войны, он был снова приглашен в Московский университет, чтобы возглавить кафедру русского искусствознания на филологическом факультете. В должности заведующего кафедрой И.Э. Грабарь проработал до 1947 г.

В первые послереволюционные годы И.Э. Грабарь, вовлеченный в организационно-научную работу, практически не занимался живописью. Но в 1920-е гг. он вернулся к творчеству. В этот период художник по-прежнему писал натюрморты, чтобы поддерживать «форму» и «беглость руки»¹⁰⁵. В те же годы им был создан ряд ярких пейзажных работ («Ясный осенний вечер», 1923 г.; «На озере», 1926 г.). Язык его живописи становится проще и сдержаннее, а пейзажные мотивы соединяются с реалистическим жанром («За пилкой дров», 1928 г.; «Новый сруб», 1928 г.).

Несмотря на стойкую приверженность И.Э. Грабаря камерным лирическим жанрам живописи, он, как советский художник и государственный деятель, не мог обойти в своем творчестве сферу ангажированных форм искусства¹⁰⁶. В 1927 г. он написал первые два эскиза картины «Ленин у прямого провода», а окончательный эскиз и сама картина были выполнены им в 1933 г. Продолжал художник работать и в более близком ему портретном жанре. В 1930-е гг. он создал серию портретов советских ученых и деятелей культуры, в том числе по заказу Академии наук СССР («Зелинский Н.Д.»¹⁰⁷, 1932 г.; «Вернадский В.И.»¹⁰⁸, 1935 г.; «Чуковский К.И.»¹⁰⁹, 1935 г.).

В 1928 г. многогранная деятельность И.Э. Грабаря в различных областях художественной культуры была высоко оценена государством: он был удостоен

¹⁰⁴ Садарова А.А., Семечкин П.А., Темерина О.С. Сто лет Реставрационному центру... С. 121–122.

¹⁰⁵ Мамонтова Н.И. Игорь Грабарь... С. 39.

¹⁰⁶ Там же. С. 41.

¹⁰⁷ Зелинский Николай Дмитриевич (1861–1953) — химик-органик; заслуженный деятель науки РСФСР (1926); академик АН СССР (1929).

¹⁰⁸ Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) — геолог, минералог, историк науки; академик ИАН (1912); первый президент Украинской академии наук (1918–1921).

¹⁰⁹ Чуковский Корней Иванович (1882–1969) — поэт, публицист, литературный критик, переводчик, литературовед, детский писатель.

звания заслуженного деятеля искусств РСФСР¹¹⁰. А в 1940 г. художник был награжден орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в области искусства.

Не прекращал И.Э. Грабарь и научно-исследовательскую работу. В 1926 г. он опубликовал большой очерк, посвященный творчеству А. Рублева и ознаменовавший новый этап в изучении творчества этого иконописца¹¹¹. В 1928 г. вышло в свет его исследование об обнаруженной в 1924 г. на Урале картине «Мадонна дель Пополо» («Мадонна с вуалью»). В августе 1925 г. И.Э. Грабарь приехал в Нижний Тагил специально для знакомства с находкой и оценки ее состояния. После внимательного осмотра им было принято решение о необходимости срочной передачи картины на реставрацию в Москву. По результатам изучения найденного полотна он подготовил работу «*Madonna del Popolo*» Рафаэля и Мадонна из Нижнего Тагила»¹¹², в которой проанализировал всю известную на тот момент информацию о списках «Мадонны с вуалью».

В 1937 г. И.Э. Грабарь опубликовал монографию в двух томах, посвященную своему наставнику И.Е. Репину¹¹³. В этой работе автор обосновал важное место живописца в истории русского искусства. Жизнь и творческий путь художника И.Э. Грабарь рассматривает в тесной связи с событиями, происходившими в этот период в художественной жизни России, акцентируя внимание на борьбе академизма и передвижничества. Творчество И.Е. Репина олицетворяет собой высшие достижения живописи передвижников, стремившихся сделать искусство понятным и близким народу, актуальным, отражающим основные закономерности жизни. За эту монографию в 1941 г. И.Э. Грабарь был удостоен звания лауреата Сталинской премии 1-й степени. Кроме того, в 1941 г. Высшая аттестационная комиссия присвоила ему степень доктора искусствоведческих наук.

В 1937 г. И.Э. Грабарь приступил к работе в Московском государственном художественном институте¹¹⁴ в должности профессора и директора. Широта взглядов И.Э. Грабаря, творческое отношение к педагогической работе и высокий профессионализм помогли ему поставить сложную задачу по укреплению «профессиональных знаний» студентов, и в особенности техники рисунка. В этом институте И.Э. Грабарь работал до 1943 г.

Во время Великой Отечественной войны, в течение почти двух лет, И.Э. Грабарь находился в эвакуации. В августе 1941 г. он был отправлен в Нальчик, в ноябре вместе с другими деятелями художественной культуры переехал в Тбилиси, а с сентября 1942 г. пребывал в Самарканде. Наконец, 2 марта 1943 г. И.Э. Грабарь вернулся в Москву.

¹¹⁰ Игорь Эммануилович Грабарь... С. 3.

¹¹¹ Грабарь И.Э. Андрей Рублев. Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918–1925 гг. // Вопросы реставрации. Сборник Центральных государственных реставрационных мастерских. Вып. 1 / Под ред. И.Э. Грабаря. М., 1926. С. 7–112.

¹¹² Грабарь И.Э. «*Madonna del Popolo*» Рафаэля и Мадонна из Нижнего Тагила // Вопросы реставрации. Сборник Центральных государственных реставрационных мастерских. Вып. 2 / Под ред. И.Э. Грабаря. М., 1928. С. 5–101.

¹¹³ Грабарь И.Э. Репин. Т. 1–2. М., 1937.

¹¹⁴ Совр. Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова при Российской академии художеств.

В этот период главным направлением государственной политики в области сохранения культурно-исторического наследия стало принятие срочных и неотложных мер по спасению памятников культуры, масштаб гибели которых на территории Советского Союза был огромен. Разрушены были не только отдельные памятники, но и целые исторические районы и города. Были уничтожены и разграблены коллекции 427 музеев, оказавшихся в оккупированных областях СССР. И.Э. Грабарь сыграл важную роль в создании системы государственных учреждений, руководивших обследованием и реставрацией пострадавших памятников.

С момента образования Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК), 2 ноября 1942 г., И.Э. Грабарь стал ее активным сотрудником, а 8 сентября 1943 г. он был назначен председателем Бюро экспертизы при Комиссии. В задачи Бюро входило составление списка «уничтоженных, разрушенных и похищенных захватчиками художественных, исторических и научных ценностей»¹¹⁵.

В 1942 г. И.Э. Грабарь также возглавил Комиссию по учету и охране памятников при Комитете по делам искусств СССР, которая занималась оценкой ущерба, нанесенного культурному достоянию страны во время оккупации. В 1943 г., тоже при непосредственном участии И.Э. Грабаря, было создано Главное управление охраны памятников при Комитете по делам архитектуры. Только за 1944 г. Управление осуществило более 50 экспедиций в наиболее пострадавшие от войны районы, в том числе в Новгород и Псков, где в полуразрушенных храмах под угрозой уничтожения оказалась фресковая живопись XII–XV вв.¹¹⁶

31 декабря 1942 г. приказом Комитета по делам искусств И.Э. Грабарь был назначен директором Всероссийской академии художеств, а также относящегося к ней Института живописи, скульптуры и архитектуры и оставался на этом посту до 1946 г.¹¹⁷ В период Великой Отечественной войны там продолжались учебные занятия, несмотря на то что многие студенты добровольно ушли на фронт. 19 февраля 1942 г. институт был эвакуирован из осажденного Ленинграда в Самарканд, откуда его в конце 1943 г. перевели в Загорск (совр. Сергиев Посад). К этому времени, 27 сентября 1943 г., И.Э. Грабарь был избран действительным членом Отделения истории и философии Академии наук СССР по специальности «история искусства».

Сфера деятельности И.Э. Грабаря еще больше расширилась, когда его назначили научно-художественным руководителем открывшейся 1 сентября 1944 г. Государственной центральной художественно-реставрационной мастерской (ГЦХРМ) «для проведения реставрационных работ над произведениями изобразительного искусства музеев союзного, республиканского и местного подчинения»¹¹⁸. В том же году по инициативе Игоря Эммануиловича был создан Институт истории

¹¹⁵ Садарова А.А., Семечкин П.А., Темерина О.С. Сто лет Реставрационному центру... С. 125.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Грачева С.М. Российское академическое художественное образование в первой половине XX в.: апология традиции и проблемы современности // Вопросы образования. 2009. № 2. С. 247.

¹¹⁸ Садарова А.А., Семечкин П.А., Темерина О.С. Ук. соч. С. 126.

искусства и охраны памятников архитектуры (позднее — Институт истории искусств) при Отделении истории и философии АН СССР. До 1960 г. И.Э. Грабарь руководил этим учреждением. Главной его задачей стало создание капитальных многотомных трудов — «История русского театра», «История русской музыки» и, конечно, «История русского искусства». По замыслу составителя, красной нитью в этих трудах должна была проходить «мысль о величии русского народа, о его богатырских силах и громадности им содеянного на протяжении тысячелетней истории»¹¹⁹.

«История русского искусства»¹²⁰ стала своего рода итогом всей научно-исследовательской деятельности И.Э. Грабаря. До последних дней жизни ученый занимался составлением и редактированием этого издания, позволяющего проследить эволюцию развития русского искусства на протяжении всей его истории: с древнейших времен до советской эпохи.

Активная и плодотворная работа И.Э. Грабаря в годы войны на пользу страны была по достоинству оценена государством. Он был удостоен целого ряда высоких наград, среди которых медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и два ордена Ленина, врученные в 1945 г. и 1946 г. В 1954 г. И.Э. Грабарь был награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени.

В августе 1947 г. вышло постановление Совета Министров СССР о преобразовании Всероссийской академии художеств в Академию художеств СССР. В том же году И.Э. Грабарь был избран действительным членом Академии художеств СССР. В послевоенный период, несмотря на большую занятость научно-организационными вопросами, И.Э. Грабарь продолжал заниматься творчеством и по-прежнему писал близкую его сердцу русскую природу. В выборе пейзажных мотивов он тоже оставался верен себе: вновь обращался к зимним пейзажам и особенно к теме инея («Роскошный иней», 1941 г.; «Иней», 1952 г.; «Зимний пейзаж», 1954 г.). Картина «Березовая аллея» (1959 г.) стала его последней работой и данью любимому образу — русской березе¹²¹. В 1956 г. И.Э. Грабарю было присвоено звание Народного художника СССР. 16 мая 1960 г. в возрасте 89 лет он скончался в Москве и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

¹¹⁹ Цит. по: Игорь Грабарь. Письма 1941–1960 / Под ред. Н.А. Евсиной, Т.П. Каждан, В.Н. Лазарева. М., 1983. С. 6.

¹²⁰ История русского искусства. Т. 1–13 / Под общ. ред. акад. И.Э. Грабаря, чл.-корр. АН СССР В.Н. Лазарева, чл.-корр. АХ СССР В.С. Кеменова. М., 1953–1969.

¹²¹ Мамонтова Н.И. Игорь Грабарь... С. 47.

Сергей Григорьевич Елисеев (1889–1975)

М.Ю. Вахтина

Востоковед Сергей Григорьевич Елисеев¹, специалист по литературе и культуре Японии, проработал в Российской академии материальной культуры (РАИМК) совсем недолго. В силу тех перемен, которые принесла в Россию революция 1917 г., он покинул Петроград менее чем через год после Избирательного собрания РАИМК 5–7 августа 1919 г. В его долгой, насыщенной событиями жизни время, проведенное в России, занимало лишь 24 года: 18 лет до поездки в Японию и 6 лет до эмиграции в 1920 г.² Период, когда ему наиболее удалось реализовать свои научные устремления и организационные способности, пришлось на время пребывания сначала в Европе, затем в США.

Родился он 13 (26) января 1889 г. в Санкт-Петербурге, в богатой и хорошо известной купеческой семье. Он был третьим сыном купца Г.Г. Елисеева (1864–1949), которому принадлежали знаменитые «Елисеевские магазины» в Санкт-Петербурге и Москве³. В возрасте 10 лет Сергей поступил в гимназию К. Мая, где проучился всего один год. К этому времени относится возникновение его интереса к Востоку — в 1900 г. он вместе с отцом посетил Всемирную выставку в Париже, где впервые познакомился с культурой Японии⁴. Вскоре Сергей Елисеев перевелся в Четвертую (Ларинскую) гимназию⁵, где и «...окончил курс гимназии с золотой медалью в 1907 году»⁶. Иностранные языки он изучал с раннего детства: в период домашнего обучения начал заниматься французским, немецким и английским; в гимназии к ним прибавились греческий и латынь. Тогда же просыпается его

¹ В качестве заставки использован фотопортрет С.Г. Елисеева. Ок. 1916 г. (АВ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 308). Выражаю искреннюю признательность руководству и сотрудникам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН за предоставленную возможность работать с материалами фонда С.Г. Елисеева и предоставленные копии документов.

² *Марахонова С.И.* Орден священного сокровища Сергея Елисеева. Как сын русского купца стал основателем американского японоведения. СПб., 2016. С. 9.

³ Там же. С. 17.

⁴ Елисеев Сергей Григорьевич // Школа Карла Мая. Эл. ресурс: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=1107 (дата обращения 18.10.2021).

⁵ *Марахонова С.И.* Ук. соч. С. 21

⁶ Как он писал позже в своей краткой биографии при поступлении на работу в РАИМК в 1919 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 203. Л. 3 об.)

увлечение живописью⁷ — французской, японской эпохи Токугава и китайской в стиле Гокуа. Сейчас трудно судить о том, как именно совсем ещё молодой человек постепенно пришел к тому, чтобы сделать изучение культуры Дальнего Востока делом своей жизни. Несомненно, на этот выбор оказали влияние самые разные факторы и обстоятельства. К ним, вероятно, относится и Русско-японская война 1904–1905 гг., события которой широко обсуждались в обществе, да и в семье Елисеевых. Ведь в Цусимском сражении в мае 1905 г. погиб крестный отец Сергея, молодой блестящий офицер. Поражение в войне заставило юношу по-иному взглянуть не только на русско-японские отношения, но и в целом на Страну восходящего солнца. Решению заниматься языками и культурой Востока, возможно, также содействовал известнейший русский востоковед, неперемный секретарь Императорской Санкт-Петербургской академии наук С.Ф. Ольденбург. Скорее всего, именно он рекомендовал Сергею получить японистическое образование в самой Японии, но сначала освоить основы японского и китайского языков в Германии⁸.

В 1907 г. С.Г. Елисеев поступил на философский факультет Университета Фридриха Вильгельма (ныне Университет им. А. Гумбольдта) в Берлине. Здесь на протяжении трех семестров он изучал китайский и японский языки. Затем, после краткого посещения Петербурга, отправился в Японию. Здесь он продолжил обучение на отделении японского языка и литературы историко-филологического факультета Токийского императорского университета. Его специальностью стала древнеяпонская литература⁹. Сохранились свидетельства о его студенческой жизни в Японии, повествующие о горячем желании овладеть японским языком, упорстве и поистине героических усилиях для достижения этой цели. Помимо занятий в Университете он регулярно занимался языком с тремя репетиторами по 12 часов в день. Каллиграфии его обучал специальный преподаватель¹⁰. Лекции, читавшиеся на японском языке, вызывали у Елисеева наибольшую трудность: он не улавливал на слух почти ничего из того, о чем говорили преподаватели. Из-за этого у него даже произошел нервный срыв. Но вскоре среди японских студентов у него появились друзья, помогавшие с записями лекций, и к началу второго года обучения он стал со всем справляться самостоятельно. Для того чтобы лучше ощутить быт и культуру страны, Елисеев часто носил японскую одежду и соблюдал традиции жизни, принятые в японских домах эпохи Токугава (1603–1868)¹¹.

К началу третьего года обучения он полностью адаптировался в Университете, а к концу учебного года успешно сдал 6 письменных экзаменов на японском языке¹². Его друг, студент-германист Комя Тоётака, в будущем литературовед и писатель,

⁷ Он и сам пробовал себя в живописи и был неплохим художником-любителем. Его пейзажи работы акварелью и маслом приведены в книге: *Марахонова С.И.* Орден священного сокровища Сергея Елисеева. Рис. 30, 31.

⁸ Там же. С. 25.

⁹ Там же. С. 32–36.

¹⁰ *Марахонова С.И.* Пребывание Сергея Елисеева в Японии (1908–1914 гг.) // Восточный архив. 2014. № 2 (30). С. 57.

¹¹ *Марахонова С.И.* Орден священного сокровища Сергея Елисеева. С. 36–38.

¹² О этом он написал в письме С.Ф. Ольденбургу 13 июня 1911 г. (*Марахонова С.И.* Ук. соч. С. 39).

ввел русского студента в литературный кружок выдающегося писателя Нацумэ Сосэки.

Ещё в первые месяцы своего пребывания в Японии, по предложению профессора Ясуги, Елисеев написал статью «Декадентство в современной поэзии в России». Она была написана по-русски, переведена на японский язык и издана в токийском журнале «Teikoku bungaku» в январе 1909 г.¹³ Оттиск этой статьи на японском языке, а также черновые варианты рукописи хранятся в Архиве востоковедов ИВР РАН¹⁴. Приведем небольшие выдержки из этой работы, по которой можно судить о горячем интересе студента Елисеева к отечественной поэзии и его взглядах на современные литературные формы и течения.

Статья начинается размышлениями об истоках декадентства: «На смену одностороннего рационализма явилось так называемое декадентство, в которое, как элементы, входят оккультизм, мистицизм и символизм. Родиной декадентства была та же вечно живая Франция, которая произвела на свет и рационализм. ... Декадентство выше всего ставит чувство». Много написано о значении музыки в творчестве поэтов-декадентов: «Таким образом декадентская лирика на первом месте ставит музыку и пользуется всеми средствами, чтобы сделать свои стихотворения музыкальными. Она достигает музыкальности при помощи сочетания слов особой мелодией, напоминающей звуки слов или музыки». «...И вот это декадентство — продолжает С.Г. Елисеев, — перешло из Франции в Россию. Перешло оно не только в поэзии, но вообще в искусстве. В Петербурге образовался “Мир искусств”, где собирались молодые художники-декаденты. Кроме того, образуется кружок любителей новой музыки. Поэты-декаденты собираются на вечера у Вячеслава Иванова, студенческая молодежь в своей среде устраивают кружок, где вначале выступали молодые декаденты как С. Городецкий. Всё шире и шире разливалась волна декадентства и теперь большинство русских поэтов принадлежит к этому направлению»¹⁵. Автор статьи выделяет в современной поэзии русских декадентов три основных течения: оккультизм, мистицизм и символизм. Далее рассмотрены стихи В.И. Иванова, С.М. Городецкого, К.Д. Бальмонта, О.А. Ремизова, М.А. Кузьмина¹⁶. Конечно же, особое внимание уделено символизму: «Наряду с мистицизмом и увлечением стариной декадентская поэзия любит символизм. <...> Большинство стихотворений декадентов символические и часто смысл настолько туманен, что трудно его понять. <...> Символ состоит в умении пользоваться этой тайной, точнее в том, чтобы вызвать понемногу предмет и рядом его расшифровок вывести из него состояние души. Во всякой поэзии должна быть загадка, для понимания которой нужна подготовка»¹⁷. Автор высоко ценит чувство прекрасного, свойственное произведениям декадентов-символистов: «Смотрит человек сквозь призму красоты на мир, совсем иным кажутся он ему: простые тона разлагаются

¹³ Марахонова С.И. Ук. соч. С. 40–41.

¹⁴ Елисеев С.Г. Декадентство в современной поэзии в России (рукопись) // АВ ИВР РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 23. 33 л. На оттиске с иероглифами надпись от руки: «Милой и дорогой маме от автора-сына. Токио 1 янв. 1909». На полях русского рукописного текста пометка: «Статья, помещенная в январском номере 1909 журнала “Рейкоки виндаки”. Токио. Январь 1909».

¹⁵ Там же. Л. 8–11.

¹⁶ Там же. Л. 12–12об.

¹⁷ Там же. Л. 13–13 об.

на бесчисленное множество красок и полнее и глубже охватывает он его». Особое внимание уделено поэзии А.А. Блока, символизму и музыкальности его стихов¹⁸. Главной заслугой современных поэтов-декадентов Елисеев считал то, что «на первое место они поставили красоту. Ей они служат по мере сил, ее ставят на первое место. Красота у них все оправдывает. Красотой они освободили поэзию от узких рамок, в которые ее старались заключить прежние поэты. <...> Таким образом декаденты вывели поэзию на старый, но обновленный путь и дали ей живительную силу идти вперед»¹⁹.

В том же году в сборнике «Сюми» появилась его статья «Современная русская литература». В этот период С.Г. Елисеев увлекался традиционным японским театром Кабуки — он посещал представления, дружил с актерами, сам брал уроки декламации. Вскоре он начал выступать как театральный критик²⁰.

Университетские каникулы были посвящены поездкам и путешествиям: в 1909 и 1910 гг. он знакомился с Киото и его окрестностями, о. Хоккайдо и Южным Сахалином, ездил в Корею, которая была оккупирована Японией, и вернулся в Токио через о. Кюсю. Только после трех лет обучения Елисеев приехал в Петербург. Часть лета следующего года он также провел в России²¹.

В Токийском императорском университете полный курс обычно заканчивался через 3 года. Однако Сергей Елисеев с разрешения декана факультета отложил свой выпуск на год. В 1912 г. он блестяще сдал устный экзамен, набрав 82 балла и став третьим из четырёх лучших студентов на своём курсе²². Его письменная дипломная работа из 154 страниц текста на японском языке²³ была посвящена поэзии Басё²⁴.

Сергей Григорьевич Елисеев стал одним из первых в России и в мире японоведов, получивших профессиональную подготовку. Более того, он единственный из них получил специальное образование в Токийском университете, став первым европейцем — выпускником этого элитного учебного заведения. В июле 1912 г. сам император Мэйдзи незадолго до своей кончины приветствовал, согласно традиции, молодого европейца в числе лучших выпускников²⁵.

После окончания университета С.Г. Елисеев некоторое время оставался в Японии, где продолжил изучение языка и литературы. В начале следующего года в сборнике «Наими» вышла его заметка «Впечатление о поэте Басё». Однако вскоре, летом 1914 г., он вернулся в Петербург. Здесь 22 октября 1914 г. состоялось его венчание с Верой Петровной Эйхе (евангелическо-лютеранского вероисповедания), дочерью петербургского инженера Петра Павловича Эйхе и француженки Габриэль

¹⁸ Там же. Л. 30–31.

¹⁹ Там же. Л. 33.

²⁰ Там же. С. 42.

²¹ Там же. С. 47.

²² Марахонова С.И. Орден священного сокровища Сергея Елисеева. С. 47.

²³ ДВ ИВР РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14.

²⁴ Мацуо Басё (1664–1694) — великий японский поэт. Дипломное сочинение С.Г. Елисеева, написанное на японском языке, носило название «О поэзии Басё, великого народного поэта». К сожалению, работа не сохранилась. См.: Марахонова С.И. Выдающийся исследователь японской художественной культуры С.Г. Елисеев и его петроградское окружение // ВРХГА. 2011. Т. 12. Вып. 1. С. 68.

²⁵ Марахонова С.И. Жизненный и творческий путь Сергея Елисеева // Япония. 2020. Т. 49. С. 220.

Павловны, (в девичестве Круассан). Его невеста окончила женскую гимназию Э.П. Шаффе в Петербурге²⁶.

Знание восточных языков оказались востребованными на родине. Вскоре после своего возвращения С.Г. Елисеев был приглашен на службу переводчиком в IV политическое отделение Министерства иностранных дел и в Российскую экспертную палату²⁷. 5 декабря 1916 г. начинающий ученый выступил на заседании Японского отделения Императорского общества востоковедения с докладом «Русско-японские отношения и желательность русско-японского союза»²⁸. Это отклик на подписание важнейшего документа — союзного соглашения между Россией и Японией 20 июня/3 июля 1916 г., направленного на обеспечение мира на Дальнем Востоке²⁹. При знакомстве с материалами для подготовки этого доклада большое впечатление производит профессионализм, живость и занимательность изложения, основательность и «широта» подхода к теме: молодой ученый затрагивает самые разные аспекты русско-японских взаимоотношений, прослеживая их с самого начала установления связей России с её «восточной соседкой». Вначале следует небольшое введение: «Весной я снова после двухлетнего перерыва уезжал с сибирским экспрессом в Японию. Уезжал с целым роем дум и ожиданий. Что принесет это лето России? Заключит ли Россия с Японией союз и какой это будет союз. ... Поездка Великого Князя Георгия Михайловича вместе с Григ. Алекс. Казаковым заведующим IV полит. Отд. М.И.Д., затем речь (*неразб.*) в Думе 22 февраля, где было сказано, что русско-японские отношения великолепны и оба государства сближаются и что этому немало способствовала поездка В. Кн. все это ясно указывало, что вскоре должен наступить момент, который ясно определит наши отношения с Японией... <...> Но пока я ехал по равнинам Сибири, и перед моими глазами бежали обгорелые остатки (*неразб.*), вмиг вспомнилось всё то, что пришлось пережить мне за те 6 лет в Японии, и я призадумался над тем историческим путем, который совершают русско-японские отношения, отношения двух старых соседок <...> В мою бытность в Японии японцы мне часто говорили: “Вы — русские совсем не похожи на других иностранцев. Европейцы поступают согласно известным принципам, а вы согласно чувству. До войны вы нас презирали, даже не зная нас, а после войны стали к нам доброжелательны, тоже, собственно говоря, не зная нас. Правда, и мы вас мало знаем, но вы нас ещё меньше” <...> Японцы до самого последнего времени относились к России очень недружелюбно. Вражда Японии к России очень стара, российское правительство своими поступками по отношению к Японии давало много материала, поддерживающего эту вражду.

Ещё до реставрации 1868 г. при сёгунах из дома Токугава, русские казаки иногда приезжали на остров Эдо и опустошали деревни и села. Об этом доносили своему правительству местные данмё, конечно, отзываясь о русских далеко не лестно. Скучные сведения о России, которые японцы получали от голландцев, говорили

²⁶ Марахонова С.И. Орден священного сокровища Сергея Елисеева. С. 54–65.

²⁷ Марахонова С.И. Петроград в жизни япониста Сергея Елисеева // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Том 9. Вып. 4: Востоковедение. С. 77.

²⁸ Елисеев С.Г. Русско-японские отношения и желаемость русско-японского союза. АВ ИВР РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. 32 л. (рукопись).

²⁹ Марахонова С.И. Орден священного сокровища Сергея Елисеева. С. 77.

им только, что Россия очень велика и сильна, и это ещё более усиливало страх и неприязнь к России. Японцы боялись агрессивных действий России и отнеслись очень недружелюбно к русскому послу Резанову, который вместе с Крузенштерном приехал в Японию в 1804 году <...> Подозрительно отнеслись и к князю Путятину, который прибыл в Нагасаки в 1853 году, но боялись его оскорбить, чтобы не создать себе сильного врага. Миссия Путятина удалась: он заключил в Симода договор с сёгуном. Затем по конвенции 18 марта 1867 года Россия получила от Японии южную часть Сахалина в обмен на южно-курильские острова. Япония согласилась на этот обмен, но в душе затаила ещё большую злобу к России <...> Наше стремление на Восток, наше желание иметь незамерзающий порт на Востоке, так как мы не могли получить свободного прохода через Дарданеллы, всё это сильно тревожило японцев. <...> После боксерского восстания, бывшего в 1900 г., мы ввели свои войска в Манчжурию, что сильно обеспокоило японцев. Войска эти мы обещались через некоторое время вывести, но пропускали все сроки <...> Русское правительство не желало видеть, что оскорбляет Японию и вело себя по-прежнему заносчиво, чувствуя себя хозяином в Манчжурии и желая стать им и в Корее. <...> Старая вражда к России усилилась. Среди интеллигенции, читавшей английские книги о России, и узнававшей из них, что в России нет парламента, что русский деспотизм подавляет все народности, обращается жестоко с евреями и, несмотря на свою внутреннюю отсталость, стремится вести империалистическую политику. Все это вызывало в японцах неприязнь, когда они сравнивали себя с Россией <...> В 1904 началась война с Японией, окончившаяся Портсмутским миром»³⁰. После этого следует подробный список конвенций и договоров с Японией, заключенных после войны. Постепенно С.Г. Елисеев переходит к современным политическим событиям. Затем дается анализ международного положения и возможных преимуществ русско-японского союза³¹, завершающийся вердиктом автора: «Союз выгоден и для России, но торопиться с его заключением не следует. Нужно, чтобы кончилась война и выяснилась политическая конъюнктура Европы, тогда можно будет заключить союз с Японией, союз на равных началах без унижительных для русского достоинства уступок»³². Последняя фраза в рукописи С.Г. Елисеева: «Всё для войны, пусть будет соглашение с Японией, но в будущем нам нельзя иметь врага в лице Китая»³³, звучит почти пророчески.

С течением времени Сергей Григорьевич занимал все новые и новые служебные места по своей специальности. В феврале 1917 г. он поступил на службу в Азиатский музей. Здесь в течение года он заведовал азиатским архивом, разбирал и описывал фонды П.И. Лерха и А.Л. Куна. Однако основная его деятельность была связана с изучением искусства Дальнего Востока — он работал в области исследования японской и китайской живописи и японской керамики, изучал петроградские собрания восточных художественных изделий, готовил их описания. В круг его интересов входили вопросы о связях японских, китайских, корейских и сибирских древностей. В том же году он начал работать в Институте истории искусств,

³⁰ Елисеев С.Г. Русско-японские отношения и желаемость русско-японского союза. Л. 1–5.

³¹ Там же. Л. 10–17.

³² Там же. Л. 19–20.

³³ Там же. Л. 32.

официально открытым в 1912 г. по инициативе графа В.П. Зубова и в 1919 г., после реформирования учреждения, был избран профессором. Молодой востоковед читал здесь курсы лекций по истории китайской и японской живописи, а также японской скульптуры,

Пробные лекции в Петроградском университете Елисеев начал читать ещё в 1915 г., в период сдачи магистерских экзаменов, «легализовавших» его диплом Токийского университета. В начале следующего года он стал приват-доцентом кафедры японской словесности на факультете восточных языков, читал курсы японского разговорного языка, грамматики и литературы³⁴. Вскоре после Октябрьской революции на факультете восточных языков Петроградского университета был организован т. н. летний семестр. Лекции здесь читались для самой широкой аудитории известными востоковедами. В эту работу был вовлечен и С.Г. Елисеев.

В 1919 г. в Первом Петроградском университете, была проведена реструктуризация — вместо четырех факультетов (историко-филологический, философско-юридический, физико-математический и восточных языков), было создано всего два — физико-математический и факультет общественных наук (ФОН). Его основу составили историко-филологический, восточный и другие факультеты. С.Г. Елисеев не одобрял эти перемены, считая, что они ведут к развалу высшего образования³⁵. В 1919–20 гг. он становится основным преподавателем японистических дисциплин в связи с преждевременной кончиной О.О. Розенберга и эмиграцией О.В. Плетнера и М.Н. Рамминга.

Надо сказать, что 1919 г. вообще оказался для Елисеева чрезвычайно сложным и насыщенным событиями. Сохранился его «Дневник за январь и четыре дня марта 1919 года»³⁶. Записи сделаны на листках отрывного календаря, начиная с 1 января. Здесь подробно, день за днем описаны события ежедневной жизни семьи Елисеевых. Вот отрывок из записи за субботу, 4 января³⁷: «Встал в 12, брился, завтракал, около часу ждали Веру, которая ходила с моим рецептом в управу. После завтрака пошел в Университет, получил 480 рублей. Узнал, что умер от разрыва сердца библиотекарь Кудряшов. Из Университета зашел в Академию Наук, хотел получить деньги, но казначея не было, остался без денег. Зашел в Азиатский Музей. Узнал, что С.Ф. Ольденбург принял на себя заведование издательством восточной части иностранных переводов, которое организовано при ближайшем участии М.Горького. <...> Из Музея пошел в Комиссию Археол. <...> Заседание

³⁴ Марахонова С.И. Выдающийся исследователь японской художественной культуры С.И. Елисеев и его петроградское окружение. С. 70–71.

³⁵ Марахонова С.И. Орден священного сокровища Сергея Елисеева. С. 78, 103.

³⁶ Елисеев С.Г. Дневник за январь и четыре дня марта 1919 года (АВ ИВР РАН Ф. 16. Оп. 1. Д. 297. 32 л.). Полностью издан в монографии: Марахонова С.И. Ук. соч. С. 251–265. Рис. 77. См. также Елисеев С. Г. Тюремный дневник (май — июнь 1919 года); Воспоминания о Петрограде (1918–20 гг.) и побег в Финляндию / Примеч. Я. Василькова и О. Шаталова // Уроки гнева и любви: Сб. воспоминаний о годах репрессий (1920-е — 80-е гг.) / Сост. и ред. Т. В. Тигонен. СПб., 1993. Вып. 4. С. 9–44; Елисеев Сергей Григорьевич (1889–1975) // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб., 2003. Эл. ресурс <https://memory.pvost.org/pages/eliseevsg.html> (дата обращения 18.10.2021).

³⁷ Елисеев С.Г. Дневник за январь и четыре дня марта 1919 года. Л. 4.

не состоялось, так как не приехал из Москвы Н.Я. Марр. Его там что-то задержало. Говорили, что хотят упразднить Лазаревский Институт. Сидели болтали. Ходят слухи, что Раскольников <...> был пойман... <...> Ждут перемены в политике большевиков; разрешение свободной торговли, иначе им не выйти из голодного тупика. Некоторые думают, что им вообще не справиться с голодной разрухой и что дни их сочтены. Во вмешательство союзников мало кто верит. <...> Прибалтийский край все больше и больше занимается красной армией. Со дня на день ожидают занятия Риги красной армией. Голод нам предстоит основательный и едва ли многие из нас выживут». А вот что было записано 17 января: «Почти не спал. Заснул в 5 часу. <...> в 1\2 4 пошел в Археол. Комиссию. Заседание без света. В темноте читал протокол. Все сидят удрученные, говорят вяло и формально, тянут тоску. В 5–15 заседание кончилось. Следующее 1 февраля». Запись за 20 марта, четверг: «Вечером были у В.М. Алексеева. Болтали о том, что тяжело жить не потому только, что что дорого и мы не обедаем, но главным образом потому, что нет дня, когда бы не дергались наши нервы. Сегодня декрет о чрезвычайном положении, завтра какая-нибудь регистрация, послезавтра в Университете заявляют, что платить не будут и т. д. Дома неприятности из-за провизии... Или пожар дров или что-либо приказали — изволь ночью чистить улицы и т. д. Пили у Алексеева чай. Он собирается преподавать в географическом институте, будет читать английский и французский, так как ему не хватает университетского и академического заработка. Сейчас ученые превращаются в каких-то преподавателей, которые стараются в ущерб своему здоровью и знаниям накладывают себе работу, чтобы сносно питаться и не чувствовать голода»³⁸.

К описанию жизни в Советской России С.Г. Елисеев вернется после отъезда за границу. С 15 июля 1921 г. в Японии в газете «Осака Асахи Симбун» началась публикация его книги «Дневник заложника Красной России». Дневник был напечатан в 33 номерах газеты, последний вышел 19 сентября 1921 г., ровно через год после отъезда семьи из Петрограда. Содержание было основано на его предыдущих заметках, а также на письмах, отправленных из Швеции родственникам жены Мелькебекам в Париж осенью 1920 г. Приведем здесь отрывок из письма от 20 окт. 1920 г.: «Я Вам не описываю, как дети хворали, как Вера хворала. ... Через некоторое время было объявлено, что нужно сдать оружие, у кого имеется, и за хранение оружия, если таковое имеется, расстрел. У меня был револьвер — его я снес в университет и запрятал в японские книги в библиотеке, кроме того, было хорошее охотничье ружье брата Николая — его я снес и спрятал в Азиатском Музее. Опять начались повальные обыски — искали оружие. В течение недели у меня было два обыска. Через неделю прихожу в Азиатский музей, мне говорят: “Знаешь, завтра, должно быть, будет обыск в Академии наук и в нашем музее, потому что сегодня был обыск в Академии художеств. Если будет найдено оружие, отвечает директор музея”. “Ну у нас-то ведь ничего нет”, — сказал я спокойно, а сам подумал, что нужно будет унести охотничье ружье. Я его взял и понес в Зоологический музей, где у меня были знакомые. Мне там наотрез отказали, сказав, что все ружья, которые у них были, они под расписку сдали в милицию. Ничего не оставалось, как

³⁸ Там же. Л. 17–31.

ружьё куда-то бросить. Я вышел с ним на улицу. Иду, а сам оглядываюсь. Вдруг остановят и спросят, что это за длинный пакет. Вышел на Биржевую, пошел на Тучкову набережную. Смотрю: стоят баржи и на берегу много бревен. Я за эти бревна, словно мне что-то нужно. Положил ружьё на землю. Посмотрел, не видел ли кто. Потом сильным толчком ноги затолкнул ружьё под бревна и как ни в чем ни бывало прошел домой. На следующий день узнал, что один из профессоров Горного института был расстрелян за хранение офицерских вещей. У нас дома стоял чемодан с офицерскими вещами брата Николая. Мы вскрыли чемодан и начали пороть его пальто и гимнастерку. Потом Вера из них сделала костюмы и пальто Никите. Осталось ещё седло. Мы его разрубили. Кожу всю обрезали (потом ей обшили детям валенки и починили сапоги), а остальное всё сожгли. Наступили тревожные осенние дни. Второе наступление Юденича. Белые приближались к Петрограду. В городе было объявлено осадное положение <...> Опять начались повальные обыски. Арестовали всех профессоров, которые когда-либо принадлежали к кадетской партии. <...> Все ждали с нетерпением белых. Наши большевики испугались. Вырыли окопы в Александровском саду, у мостов, минировали все мосты. <...> Два дня мы слышали стрельбу и грохот орудий. <...> Прошли томительные два дня. Белые отступили от Павловска, от Царского. Немного задержались у Гатчины и потом отступили. Что пережили петербуржцы — трудно описать. Разочарование и стыд, что вот те, которым мы хотим верить, ничего не могут, а вот кучка красных негодяев умеет заставить массы за себя сражаться. Было больно и тяжело. Скоро началось отступление Деникина, разгром Колчака и полная апатия среди всех, искренне ненавидящих большевиков. Мне посоветовали снова возбудить ходатайство о заграничной командировке ввиду того, что проф[ессорам] Зелинскому и Ястребову дали заграничные командировки, и они через Польшу уехали. <...> Наступили холода, голод и смерть безжалостно уносили в могилу одного ученого за другим. Огромная смертность среди ученых встревожила большевиков, и создается «Комиссия по улучшению быта ученых», и всем ученым начинают выдавать паек, и довольно хороший. Это была огромная поддержка. Но наступили холода, а дров нигде не достать. В учреждениях не топили. Все музеи, все, что можно, — было закрыто. Университет был закрыт. Профессора читали на квартирах, где тоже было холодно, и все сидели в пальто. Было так холодно, что профессор Матвеев пришел домой, лег спать одетым, заснул и замерз в своей квартире».

28 мая 1919 г. С.Г. Елисеев был арестован в своей квартире и провел 10 дней в Выборгской тюрьме у Финляндского вокзала. Ему объяснили, что он был взят как заложник, сын купца, бежавшего за границу³⁹. События тех дней описаны в «тюремном дневнике» — набросках, сделанных убористым почерком карандашом на двух небольших листках бумаги⁴⁰. Приведем лишь небольшой отрывок из этого уникального документа: «В среду в 7 утра обыск и арест тов. Витковским по ордеру Чрезв. Ком <...> Потом вывезли нас на автомобиле по 8 человек, повезли в Военную тюрьму около Финляндского вокзала — было около 9 часов. В конторе

³⁹ Марахонова С.И. Орден священного сокровища Сергея Елисеева. С. 105.

⁴⁰ Елисеев С.Г. Дневник, веденный в тюрьме (АВ ИВР РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 299. 2 л. Записи велись с 28 мая по 4 июля).

объявили, что нужно сдать все деньги и драгоценные вещи. Записали на карточки имя. Дали камеру в III-ем этаже № 128. Грязно, испорчен клозет, дали кружку <...> Только в 4 часа дали каждому супу, в 5 опрашивали — кто отец, сколько у меня капитала. Где служу, сколько зарабатываю? И т. д. По нашему заявлению перевели нас в другую комнату. В 11 ч. освободили Платонова с двумя дамами. Чувствовал себя плохо, хотя дали тюфяк — сердце болело»⁴¹. В итоге все закончилось благополучно, и С.Г. Елисеев вскоре был освобожден. Вероятно, этому способствовали хлопоты друзей и коллег.

В целом, научная активность С.Г. Елисеева в послереволюционные годы была очень высока — он пишет работы по искусству, читает лекции, состоит членом целого ряда научных сообществ⁴², работает над статьей «Японская литература» для сборника статей «Литература Востока» в серии «Всемирная литература», основанной А.М. Горьким. Книга эта увидела свет уже после его отъезда за границу⁴³. Очерк Елисеева представляет собой «...первый в российской японистике аналитический обзор японской литературы, сохранивший научную ценность и по сей день»⁴⁴. На очереди было создание обобщающего труда — монографии «История дальневосточного искусства», объемом 35–40 а. л., и в декабре 1919 г. будущий автор подписал соответствующий договор с издательством «Брокгауз и Ефрон»⁴⁵. К сожалению, этим планам не суждено было сбыться. Вероятно, он задумывал также написать большое исследование о истории и культуре Японии. В Архиве востоковедов хранится небольшая рукопись «Обзор исследования и мало изученных вопросов», где рассмотрены основные задачи и «белые пятна» в изучении этой страны⁴⁶. «Можно написать о Японии книги, в особенности на иностранных языках, но мало среди них серьезных, заслуживающих внимания работ. Большинство изучало Японию случайно. Люди попадали туда или как консулы, или как миссионеры <...>. И если они что писали о Японии, то это были дилетантские произведения. Людей со специальной подготовкой до последнего времени не было и потому огромные области или, вернее сказать, вся Япония не исследована.

До сих пор не установлено, к какой группе языков принадлежит японский язык. А Япония с её иероглифической письменностью дает совершенно особый материал для исследования лингвиста в области истории языка, где можно проследить все древние заимствования из Индии, Китая и других стран. <...> А как интересен быт японцев, который только начали изучать... <...> В разных обычаях и религиозных ритуалах сохранились пережитки древней старины, когда японцы были в тесной связи с айну, вымирающим племенем, населявшим север Японии и наш Сахалин. Сколько работы в области минской истории. Необычайно интересен земельный вопрос в Японии, где в VII и VI веке земля была объявлена государственной собственностью и выдавалась только в землепользование, таким образом,

⁴¹ Там же. Л. 2.

⁴² Марахонова С.И. Орден священного сокровища Сергея Елисеева. С. 82–88, 98.

⁴³ Елисеев С.Г. Японская литература // Литература Востока. Вып. II. Всемирная литература. Пг., 1920. С. 38–89.

⁴⁴ Марахонова С.И. Ук. соч. С. 91.

⁴⁵ Там же. С. 97.

⁴⁶ Елисеев С.Г. Обзор исследования и мало изученных вопросов (АВ ИВР РАН. Ф. 16. Оп. 2. Д. 6. 2 л.).

уже тогда у них не было частного землевладения. Читая японские книги, вы видите, как создавалось постепенно сильное государство, которое потом управлялось военным классом. <...> Как этот класс закладывает основы той этической жизни, которая помогла создаться молодой, новой Японии, ставшей в короткое время первоклассной державой. <...> Кроме истории, немалый интерес представляет изучение японской литературы. В Японии появился роман в IX веке, когда мы ещё не были крещены. <...> Потом-то проза развивается дальше, проза художественная, потому что под влиянием китайских взглядов на литературу японцы шли совершенно правильным путем, к которому мы в Европе дошли только в начале XX века, что главное достоинство произведения — его художественность, а потому мало одного красивого содержания, нужны художественные формы. Сколько настроения и красоты в их стихах, в которых они воспевают природу с такой любовью, какая нам до последнего времени была чужда. Мало исследованы японские сказки, которые интересны своими заимствованиями из более древних сказаний, попавших в Японию с материка. Огромный интерес представляет изучение искусства Японии. В древних храмах Японии сохранились картины художников VIII–IX веков, по которым мы можем проследить ход искусства по Азии, как искусство шло из Китая в Корею и оттуда в Японию. Средние века Японии дают нам богатейший материал по живописи пейзажа, который мы научились ценить и понимать только теперь. Пейзаж, посредством которого художник выражает весь свой внутренний мир»⁴⁷.

Среди набросков работ С.Г. Елисеева, посвященных изучению Японии и хранящихся в Архиве востоковедов ИВР РАН, стоит упомянуть и «Изложение истории Японии с древнейших времен до 1917 г.»⁴⁸ Приведем здесь лишь небольшой отрывок, свидетельствующий о понимании своеобразия этой страны, ее уникальности и одновременно того, что многие достижения этой страны не только вызывают восхищение, но и могут быть полезны в общем русле культурного развития цивилизации. «История Японии представляет огромный интерес как пример национального приспособления чужих систем и методов. Я подчеркиваю приспособление, потому что все, что Япония заимствовала в древнее время от Кореи и Китая, а затем от Европы, было ей приспособлено к своим национальным идеалам. Эти национальные идеалы проявлялись во внутренней политике дальневосточной страны и во внешней. Я постараюсь схематически проследить, как наша дальневосточная соседка благодаря целому ряду мудрых мер и умений в важный исторический момент отказаться от малого, чтобы в дальнейшем приобрести большее и сделалась из маленькой островной страны большой морской державой и как она <...> заняла выдающееся положение на дальнем востоке»⁴⁹. Далее следует яркое изложение истории страны и ее отношений с Россией вплоть до 1917 г.

Сохранились и наброски к большому исследованию об истории китайской живописи⁵⁰. Вероятно, С.Г. Елисеев планировал рассмотреть ее развитие очень «широко», в контексте истории и традиций этой страны с изложением основных вех истории Китая, описанием стилей живописи и деятельности художников.

⁴⁷ Там же. Л. 1–2.

⁴⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. 34 л.

⁴⁹ Там же. Л. 1–2.

⁵⁰ Елисеев С.Г. Статья об истории китайской живописи // АВ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 19. 34 л.

В Петрограде у Елисеева было два круга знакомых: представители деловых кругов и деятели науки и культуры. Среди последних были востоковеды С.Ф. Ольденбург, В.М. Алексеев, Н.Я. Марр, Б.Я. Владимирцов, И.А. Орбели, В.К. Шилейко. Он был хорошо знаком биологом П.Ю. Шмидтом, химиком В.Н. Верховским и многими другими⁵¹. С его ровесником, филологом-классиком С.С. Лукьяновым, его связывали если не дружеские, то приятельские отношения. Их объединяла работа в Археологической комиссии (а позже — в РАИМК) и Институте истории искусств⁵².

В Российской государственной археологической комиссии (РГАК) С.Г. Елисеев с августа 1918 г. служил ассистентом и секретарем в Отделе восточных древностей, а через год был избран действительным членом сменившей РГАК Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). В Научном архиве ИИМК РАН хранится его краткая биография, написанная от руки при поступлении⁵³. Осенью 1919 г. он добился приобретения Академией коллекции японского искусства дипломата А.Н. Щеглова⁵⁴. Большая часть ее была продана вдовой дипломата, что отразилось в названии подготовленной С.Г. Елисеевым статьи «Описание эфесов японских мечей собрания Н.В. Щегловой», оставшейся неопубликованной. Для довольно значительной и разнообразной коллекции на сегодняшний день удалось установить местонахождение только ряда предметов, преимущественно тех, что хранились в РАИМК. Коллекция холодного оружия (61 ед.) впоследствии была передана в Государственный Эрмитаж⁵⁵.

В октябре 1919 г. Елисеев стал членом Библиотечной комиссии, а в ноябре ему совместно с С.Ф. Ольденбургом было поручено временное заведование разрядом археологии и искусства Индии и Дальнего Востока археологического отделения (4-й разряд II отделения). В декабре он вступил в должность заведующего разрядом и 26 января 1920 г. на заседании правления РАИМК был командирован в Москву для изучения коллекции по искусству Дальнего Востока. В июне-июле того же года он провел больше месяца в Москве, занимаясь организацией выставки японской гравюры. По возвращении отказался от должности заведующего разрядом археологии и искусства Индии и Дальнего Востока, а также от членства в библиотечной и хозяйственной комиссиях и был избран заведующим разрядом искусства Индии и Дальнего Востока художественно-исторического отделения (9-й разряд III отделения). На одном из заседаний Академии ученый выступил с докладом «Особенности

⁵¹ Марахонова С.И. Петроград в жизни япониста Сергея Елисеева. С. 79; Она же. Выдающийся исследователь японской культуры Сергей Елисеев и его петроградское окружение // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 1. С. 72.

⁵² Марахонова С.И. Выдающийся исследователь японской культуры Сергей Елисеев... С. 72–73.

⁵³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 203. Л. 3–3 об.

⁵⁴ Марахонова С.И. Загадка коллекции дипломата А.Н. Щеглова // Япония в России. Япония в России: коллекционирование японского искусства в России в конце XIX — начале XX в. и последующая судьба этих собраний. М., 2019. С. 123. А.Н. Щеглов собрал довольно обширную коллекцию, включавшую и художественные предметы из Японии, Китая, Персии, Турции, Египта, с Кавказа. О коллекционировании японского искусства в дореволюционной России см.: Кацнельсон Г.С. Коллекционирование японского искусства в дореволюционной России: обзорный анализ // Япония в России. Япония в России: коллекционирование японского искусства в России в конце XIX — начале XX в. и последующая судьба этих собраний. М., 2019.

⁵⁵ Марахонова С.И. Загадка коллекции дипломата А.Н. Щеглова. С. 123–124.

дальневосточной скульптуры»⁵⁶. 14 сентября 1920 г. на совете РАИМК обсуждалась кандидатура С.Г. Елисеева на должность секретаря Академии — видимо, в связи с отъездом секретаря С.С. Лукьянова в командировку сроком до 1 января 1921 г.⁵⁷ Но уже менее чем через неделю Елисеев покинул Россию.

Об отъезде за границу С.Г. Елисеев думал уже в 1919 г., в связи с чем начал хлопотать о научной командировке за рубеж для себя и своей семьи — жены Веры и двух сыновей, Никиты и Вадима. Такая командировка давала возможность легально эмигрировать⁵⁸, но официального разрешения получить не удалось. Копии многочисленных ходатайств хранятся в Архиве востоковедов⁵⁹. Приведем здесь одно из них от 17 августа 1920 г., написанное на бланке РАИМК и адресованное в Наркомпрос⁶⁰. В нем говорится о необходимости пополнять библиотечный фонд Академии новыми изданиями, для покупки которых требуется специалист. «Поэтому Академия настаивает на командировании лица с таким специальным образованием в Париж, Лондон и Брюссель на 6 месяцев, и считает своим долгом обратить внимание, что С.Г. Елисееву, как единственному специалисту в этой области, нужно дать возможность ознакомиться с новым материалом, чтобы тем плодотворнее работать в дальнейшем. Вместе с С.Г. Елисеевым Академия командировует за границу его сотрудницу В.П. Елисееву, знающую японский и европейские языки, которая необходима ему для его научных работ и которая работала с ним во время его последних командировок». Указывается, что у С.Г. Елисеева двое малолетних детей, «...Никита 4-х лет и Вадим 2-х лет, которых не только нельзя оставить без присмотра в Петрограде, но которым, в виду тяжелого их состояния здоровья необходимо морское лечение в теплом климате, что подтверждается приложенным свидетельством врача». Письмо подписано председателем РАИМК Н.Я. Марром. Как и предыдущие обращения, это письмо не получило поддержки.

Опасность нового ареста вынудила С.Г. Елисеева действовать незамедлительно. 23 сентября 1920 г. финские контрабандисты переправили семью на лодке с южного берега Финского залива из поселка Мартышкино в Финляндию в район Териоки (совр. Зеленогорск). Оттуда они вскоре перебрались в Швецию. В 1921 г. семья Елисеевых переезжает в Париж⁶¹. Вероятно, отъезд дался тяжело с моральной точки зрения, и, по-видимому, первое время С.Г. Елисеев не оставлял надежд на возвращение в Россию. «Надеюсь, что работа наладится, и я смогу использовать плодотворно Париж для своих занятий по японологии и главным образом китаистики, — писал он С.Ф. Ольденбургу 19 мая 1921 г. — Иногда на душе беспокойно, но успокаиваешься, когда видишь, как поправились дети, у которых прошли остатки туберкулеза и совершенно исчез рахит. <...> Мечтаю о дне, когда я смогу, пополнив свои знания, быть в кругу русских [и] в кругу своих ориенталистов работать для России. Не судите строго меня, Сергей Федорович, и позвольте надеяться, что Вы сохранили ко мне

⁵⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 203. Л. 3.

⁵⁷ Марахонова С.И. Орден священного сокровища Сергея Елисеева. С. 86–87.

⁵⁸ Там же. С. 101–106.

⁵⁹ АВ ИВР РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 291–295. Здесь же (Ед. хр. 296) хранится удостоверение на имя Веры Петровны Елисеевой в том, что она является сотрудницей С.Г. Елисеева.

⁶⁰ Там же. Д. 295. 3 л.

⁶¹ Марахонова С.И. Ук. соч. С. 118–119.

по-прежнему Ваше хорошее отношение, которое я так ценю и в котором я так нуждаюсь...»⁶². Но надеждам этим не суждено было сбыться. В начале 1921 г. С.Г. Елисеев получил «нансеновский паспорт», который Лига Наций выдавала политическим эмигрантам. Французское гражданство Елисеевы получают лишь через 10 лет, в 1931 г.

При знакомстве с материалами, отражающими жизнь С.Г. Елисеева за границей, складывается впечатление, что, как и ранее, по возвращении в Петроград, она была «очерчена», прежде всего, его уникальной профессией, в которой уже к начальному периоду во Франции он достиг высочайшего уровня. Он был не только образованным ученым-филологом, владевшим такими «экзотическими» для европейцев языками, какими тогда представлялись японский и китайский, он был универсалом — «широким» специалистом, свободно обращавшимся в своих исследованиях к истории, традициям, живописи, литературе, театральному искусству Дальнего Востока. Его уникальная профессия позволяла не искать поддержки русской академической среды за рубежом, направив все силы на утверждение в востоковедческом сообществе Франции. Здесь к его приезду, в отличие от Англии и Германии, востоковедение находилось в самом зачатке⁶³.

Существует легенда о том, что в первые дни пребывания в Париже Елисеев встретил своего знакомого по Токийскому университету Асида Хитоси, теперь дипломата, который помог получить место переводчика в посольстве Японии в Париже. Какое-то время Елисеев преподавал японский язык в Сорбонне (как внештатный преподаватель) и читал лекции по истории японской литературы эпохи Токугава.

Вскоре он начал работать каталогизатором в музее азиатского искусства Гимэ, где занимался разборкой и изучением коллекций. Проработав 10 лет в этом музее, С.Г. Елисеев так и не смог занять более высокой должности. С 1925 по 1934 гг. он преподаватель курса японской филологии в Школе живых восточных языков. В 1932 г. принял участие в конкурсе на замещение вакантной должности на японской кафедре, но проиграл преподавателю-французу (10 голосов против 5). Успешнее складывались дела в Практической школе высших исследований при Сорбонне. Здесь он в 1930 г. был назначен штатным доцентом в отделение истории религий, а в 1932 г. достиг полного профессорского статуса и стал ординарным профессором⁶⁴. Наиболее яркие работы, созданные С.Г. Елисеевым во время парижского периода, посвящены исследованиям в области искусства Дальнего Востока, хотя в своей лекторской деятельности он обращался и к литературе. В эти годы им была написана монография «Современная живопись в Японии»⁶⁵ и серия искусствоведческих статей на французском и английском языках. Следует упомянуть и стоящую особняком небольшую статью, которой он откликнулся на разрушительное землетрясение в Токио⁶⁶ в сентябре 1923 г. В этой работе он обратился к описаниям землетрясений прошлого, описанных в средневековых источниках.

⁶² Цит. по: Хохлов А.Н. Петербургское японоведение с середины 50-х гг. XIX в. до октября 1917 г. (по архивным материалам и письмам российских японистов) // С.Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам). М., 2000. С. 214.

⁶³ Марахонова С.И. Орден священного сокровища Сергея Елисеева. С. 122–124.

⁶⁴ Там же. С. 125–130, 133.

⁶⁵ La Peinture contemporaine au Japon. Paris: E. de Boccard, 1923.

⁶⁶ Le tremblement de terre de septembre 1923 // La Vie des Peuples, Octobre, 1923. P. 288–303.

С 20 апреля по 30 июня 1922 г. в Париже в Салоне национального общества изящных искусств в Большом дворце была организована выставка современного японского искусства (эпохи Мэйдзи — 1868–1912 гг.). С.Г. Елисеев участвовал в ней в качестве научного куратора. К открытию выставки была издана монография «Современная живопись в Японии». И сейчас этот труд высоко ценится специалистами. Книга состоит из трех частей: «Исторический аспект развития японской живописи», «Японская живопись в первые годы эпохи Мэйдзи (1868–1900)» и «Характерные черты современной японской живописи, художники». В дальнейшем Елисеев не раз выступал как успешный организатор выставок⁶⁷.

Как и в России, во Франции (а позже — и в Америке) С.Г. Елисеев оказался востребованным ведомствами, ведавшими внешнеполитическими контактами. С конца 20-х гг. С.Г. Елисеев служил офицером связи в Международном институте интеллектуального сотрудничества при Лиге Наций. Очевидно, в его обязанности входили все сферы деятельности, касающиеся Японии и японцев. Сотрудничал он и с японскими организациями в Лиге Наций.

В период пребывания во Франции Елисеев принял участие в подготовке фундаментального труда «История и историки за последние пятьдесят лет (1876–1926)», для которого написал большой раздел по историографии Японии⁶⁸. В 1932 г. был опубликован написанный им раздел «Мифология Японии»⁶⁹ для сборника «Мифология Азии». В следующем году вышла в свет книга о театре Кабуки⁷⁰, написанная в соавторстве с известным художником А.Е. Яковлевым⁷¹. Это было живое, интересное и яркое исследование, украшенное рисунками замечательного художника. В нем рассматривался самый широкий спектр вопросов: Кабуки в разные эпохи, его великие актеры, пьесы и их композиции, устройство театральных залов и другие. Эта монография была первым в западной историографии научным трудом подобного рода, созданным японоведом-профессионалом⁷².

В дальнейшем Елисеев оказался очень востребованным в США, где в начале XX в. не существовало востоковедения как отдельной отрасли науки. В 1928 г. при Гарвардском университете на средства Чарльза М. Холла, известного инженера-химика, был основан Институт Гарвард-Яньцзин. Он возник как частное учреждение, ставившее своей целью проводить исследования, обучение и публикации в области Китая и/или других стран континентальной Азии и Японии и/или Турции и Балканских государств Европы. Особое значение придавалось китаеведению, прежде всего, изучению культуры Китая. Институт не был учебным заведением; студенты обучались в Гарвардском университете, где существовали курсы китайского языка. В начале 30-х гг. Попечительский совет института Гарвард-Яньцзин,

⁶⁷ Марахонова С.И. Ук. соч. С. 130–145.

⁶⁸ Japon // Histoire et Historiens depuis cinquante ans: methods, organization et résultats de travail historique de 1876 à 1926, II Bibliothèque de la Revue Historique. Paris: Librairie Félix Alcan, 1928. P. 560–569.

⁶⁹ Eliseev S. The Mythology of Japan // Asiatic Mythology. London: Harrap, 1932. P. 385–448.

⁷⁰ Le Théâtre japonais (Kabuki). Paris: Meynial, 1933 (co-auteur A. Iacovleff).

⁷¹ Яковлев Александр Евгеньевич (1887–1938) — живописец, график, педагог. Кавалер ордена Почётного легиона (1927). Один из немногих русских художников-эмигрантов, удостоенных прижизненной выставки на родине (Ленинград, 1928 г.). В середине 1930-х годов руководил живописным отделением школы при Музее изобразительных искусств в Бостоне (США).

⁷² Марахонова С.И. Ук. соч. С. 145–146.

состоявший на треть из миссионеров, на треть из профессоров Гарварда и на треть из попечителей фонда Холла, стал искать кандидата на пост первого директора. Было предложена кандидатура С.Г. Елисеева, которого пригласили приехать в Америку с циклом лекций. Он принял приглашение и был командирован в США на срок с 1 ноября 1932 по 31 октября 1933 г. 18 ноября он с женой прибыл морем в Нью-Йорк и сразу же отправился в Бостон⁷³. В Гарварде он стал читать лекции по истории Японии, японской литературе и живописи. А также проводить практические занятия по курсу китайской истории. Весной 1933 г. кандидатура Елисеева на пост директора была впервые серьезно рассмотрена Попечительским советом. Как это ни странно звучит сегодня, наиболее серьезным аргументом против его назначения послужил факт обучения в Токийском университете, ввиду плохих отношений между Китаем и Японией (Институт Гарвард-Яньцзин поддерживал ряд учебных заведений в Китае). Кроме того, ему было высказано пожелание посетить Китай на обратном пути в Париж по окончании командировки. Попечители полагали, что поездка поможет прояснить ситуацию в китайских образовательных учреждениях, поддерживаемых Институтом. Посетив на обратном пути Шанхай и Нанкин и вернувшись в Париж, Елисеев ещё год преподавал в различных учебных заведениях.

Наконец, в ноябре 1933 г. кандидатура Елисеева на пост директора Института Гарвард-Яньцзин была утверждена, и в сентябре следующего года он переезжает в США. Сначала его избрали ординарным профессором Гарвардского университета, и лишь потом — директором Института. Планировалось, что, покинув вскоре кресло директора, С.Г. Елисеев будет заниматься исследовательской работой. Но план этот не осуществился в полной мере, так как именно здесь проявился его талант к организации учебного процесса. Всего за один год ему удалось существенно реорганизовать преподавательскую работу, более логично выстроить языковые курсы. Появились курсы китайского языка начального, среднего и продвинутого. Были расширены занятия японоведением, открылись курсы начального и среднего уровней японского языка, японской литературы, истории Японии и японского искусства. Сначала все занятия вел сам Елисеев. В 1934/35 учебном году у него была очень большая нагрузка — 12 час. в неделю. В 1935/36 г. он дополнительно вел курс китайской и японской религии на отделении истории и философии религий.

С самого начала своей деятельности в США Елисеев стремился создать научный журнал, и с апреля 1936 г. тот начал выходить под названием «The Harvard Journal of Asiatic Studies». К сотрудничеству в этом издании привлекали лучших востоковедов, в том числе из СССР — В.М. Алексеева, Ю.К. Щуцкого и других⁷⁴. Ученый инициировал также выпуск других научных изданий и учебных пособий. Ещё одним начинанием стала работа над Большим китайско-английским словарем.

С.Г. Елисеев активно участвовал в формировании библиотеки университета; по его инициативе был налажен регулярный обмен книгами с Институтом востоковедения и библиотекой АН СССР. В 1941 г. С.Г. Елисеев по просьбе представителей Правления зарубежных миссий пресвитерианской церкви, находившейся в Нью-Йорке, участвовал в разработке программы обучения языку будущих мис-

⁷³ Дети Никита и Вадим остались во Франции.

⁷⁴ Все годы, проведенные за рубежом, он вел переписку с коллегами из России. См., напр.: Дьяконова Е.М. Письма С.Г. Елисеева к В.М. Алексееву 1933–1936 годов (Вступление и публикация Е.М. Дьяконовой и И.С. Смирнова) // Восток-Запад. Историко-литературный альманах. М., 2003–2004. С. 28–78.

сионеров, направляемых в Китай⁷⁵. В гарвардский период деятельности Елисеев подготовил целый ряд учебных пособий по японскому языку и сборников японских текстов для студентов разных уровней. Часто соавтором был его ученик Э.О. Рейшауэр. В 1944 г. был опубликован курс японского языка для начинающих, впоследствии неоднократно переиздававшийся⁷⁶.

В 1942/43 учебном году С.Г. Елисеев был удостоен звания почетного магистра. С началом Второй мировой войны значение преподавания японского и китайского языков возросло. Американская армия и флот нуждались в лингвистах и переводчиках. С.Г. Елисеев преподавал японский язык на разнообразных курсах (в том числе для офицеров, которым предстояло работать на оккупированных дальневосточных территориях). Сохранились документы о его сотрудничестве с Управлением стратегических служб (предшественник ЦРУ): он привлекался в качестве консультанта, работал в Отделе пропаганды. В эти годы вышел написанный С.Г. Елисеевым и Э. Рейшауэром учебник японского языка для начинающих — первый в США учебник японского, опубликованный массовым тиражом, а затем учебник японского языка для студентов колледжей в трех томах.

С.Г. Елисеев, продолжавший числиться в командировке в США, сначала не мог вернуться во Францию из-за начала войны, а после ее окончания из-за того, что не выработал французскую пенсию. Ему пришлось выйти в отставку в Гарварде, где он воспитал целое поколение талантливых ученых, прежде всего японоведов. В 1955 г. С.Г. Елисееву исполнилось 66 лет (пенсионный возраст в Америке), но прекрасная интеллектуальная и физическая форма, а также большие заслуги перед Гарвардом позволили ему некоторое время продолжать службу. В августе 1956 г. он оставил пост директора Института Гарвард-Яньцзинь, но остался преподавать в Гарвардском университете до конца академического года⁷⁷.

В 1957 г. С.Г. Елисеев окончательно вышел в отставку и вместе с женой вернулся во Францию. Все 23 года своего отсутствия он оставался гражданином этой страны и числился ординарным профессором Практической школы высших исследований в Сорбонне. Это давало возможность сохранить прежнее место работы и претендовать в дальнейшем на французскую пенсию. Согласно законам этой страны, ученый должен был быть восстановлен в своей прежней должности при первой же освободившейся вакансии⁷⁸. Однако восстановиться на прежнем месте службы удалось лишь после обращения к министру национального образования, молодежи и спорта, хотя прежнего статуса Елисеев не получил. Он числился дополнительным преподавателем и ординарным профессором. Теперь он читал лекции по истории Японии только раз в неделю и, вероятно, преподавал где-либо ещё. В эти годы он мало писал. Среди его работ следует отметить обширный очерк «Японская литература», вышедший тремя выпусками в серии «Общая история литератур» и ставший результатом его многолетней работы. В своем исследовании он в широком культурно-историческом контексте подробно

⁷⁵ Марахонова С.И. Орден священного сокровища Сергея Елисеева. С. 195–208.

⁷⁶ Марахонова С.И. Востоковед Сергей Елисеев в Гарварде в 1932–1957 гг. // Письменные памятники Востока. 2012. Вып. 2 (17). С. 311.

⁷⁷ Там же. С. 313.

⁷⁸ Марахонова С.И. Последние годы японоведа С. Г. Елисеева в Париже (1957–1975) // Восточный архив. 2015. № 1 (31). С. 87.

рассмотрел становление и развитие национальной японской литературы начиная с VIII века до периода после Второй мировой войны⁷⁹.

В начале 1960-х гг. С.Г. Елисеев серьезно заболел и был вынужден отойти от дел. Болезнь прогрессировала, и скоро ученый мог передвигаться только в инвалидной коляске. После смерти жены Веры Петровны, последовавшей 16 марта 1971 г., он вел жизнь затворника. Тем не менее, много читал, вел обширную переписку с друзьями и коллегами⁸⁰. О последних годах жизни этого замечательного ученого и человека можно судить по его письмам к Н.И. Конраду, О.В. Плетнеру и другим⁸¹.

Скончался Сергей Григорьевич 13 апреля 1975 г. в госпитале Бишар в Париже в возрасте 76 лет и был погребен рядом с супругой на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа⁸². Франция высоко оценила научные, педагогические и организаторские заслуги С.Г. Елисеева. Помимо ордена Почетного легиона он был награжден французским орденом академических пальм. Сергей Елисеев также был избран почетным членом Французской школы дальневосточных исследований.

Отдала дань уважения С.Г. Елисееву и Япония. За основание научного японоведения, за распространение знаний о Японии в других странах мира ученый в 1968 г. стал одним из иностранных кавалеров ордена Священного сокровища 2-й степени. Орден имел 8 степеней (сейчас имеет 6), вторая считалась очень высокой, и ее были удостоены немногие иностранцы⁸³. Сам не мог присутствовать на церемонии вручения награды из-за болезни, и орден был в 1969 г. передан в Японском посольстве Парижа его сыну Вадиму⁸⁴.

Сергей Григорьевич Елисеев стоял у истоков научного японоведения во Франции, создал с нуля японоведческое направление исследований в США и был одним из первых японоведов в России, успевшим за короткое время проявить себя как талантливый начинающий ученый. Иногда коллеги обвиняли его в отсутствии крупных монографических работ. Однако стоит учитывать и то, что колоссальное количество времени он уделял организационной и преподавательской деятельности. Японист П. Бертон назвал его «первым в мире специально обученным (в отличие от любителей) японоведом», отметив, что «несмотря на то, что он не создал *magnum opus*, в Гарварде он приобрел исключительную репутацию»⁸⁵. Добавим к этому, что «исключительную репутацию» С.Г. Елисеев приобрел не только в Гарварде, но и в мировом востоковедении.

⁷⁹ Марахонова С.И. Орден священного сокровища Сергея Елисеева. С. 232–234.

⁸⁰ Марахонова С.И. Последние годы японоведа С.Г. Елисеева в Париже (1957–1975) // Восточный архив. 2015. № 1 (31). С. 89–91. Письма собраны и приведены в многократно упоминаемом нами исследовании: Марахонова С.И. Орден священного сокровища Сергея Елисеева. С. 238–240.

⁸¹ Марахонова С.И. Последние годы японоведа С.Г. Елисеева в Париже. С. 87–93.

⁸² Там же. С. 91.

⁸³ Одновременно с С.Г. Елисеевым орденом Священного сокровища был награжден Н.И. Конрад. См.: Марахонова С.И. Ук. соч. С. 92.

⁸⁴ Там же. С. 241.

⁸⁵ Бертон П. Размышления о методологических проблемах мирового японоведения и некоторые сведения о русских японоведах за рубежом // С.Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам) Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 77–91.

Владимир Константинович Мальмберг (1860–1921)

В.А. Горончаровский

Владимир Константинович Мальмберг¹ — выдающийся отечественный исследователь в области древнегреческого искусства и античной археологии, один из основателей Российской академии истории материальной культуры, столетие которой отмечалось совсем недавно, принадлежал к тому поколению интеллигенции, которое сформировалось в условиях пореформенной России. Свою шведскую фамилию, в переводе означающую «рудная гора», он унаследовал от предков, к началу XVIII в. осевших в Эстляндии и затем ставших подданными Российской империи. Занимались они, прежде всего, литейным делом, в частности изготовлением колоколов. Почти двести лет, до Второй мировой войны, напоминаям об этом служил колокол главной кирхи Ревеля (Таллина), на котором красовалась надпись «fecit Malmberg 17..»². Отец Владимира Константиновича, купец лютеранского вероисповедания

Константин Эдуард Мальмберг, отчасти продолжил семейную традицию. Ему принадлежало меднодобывающее производство в Пензе и сигарная фабрика в центре Москвы. Здесь и появился на свет 1(13) декабря 1860 г. будущий искусствовед и археолог. В пять лет он потерял отца, скоропостижно скончавшегося от тифа. Тем не менее, мать, Ида Мальмберг (урожд. Вельш), оставшись с тремя детьми на руках, сделала все, чтобы мальчик получил хорошее образование в мужском училище при лютеранском соборе святых апостолов Петра и Павла. Это было крупнейшее среди немецких училищ Москвы, обладавшее правами государственного среднего учебного заведения. В его программу входили: немецкий, русский, французский, латинский и греческий языки (по желанию английский), арифметика, алгебра, геометрия, география, история, естественная история, физика, рисование и чистописание. При изучении русского, немецкого и французского языков основной упор делался на овладение устной речью не только на уроках, но и в течение всего дня. Для этого один из школьных надзирателей был немцем, другой — французом, и в зависимости

¹ В качестве заставки использован фотопортрет В.К. Мальмберга, изготовленный в одном из фотоателье г. Дерпта (совр. Тарту) не позднее 1907 г. (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 92. Л. 4).

² *Мальмберг Я.Н.* Из глубины времен (В.К. Мальмберг — К.Е. Думберг — В.Г. Тизенгаузен) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2. С. 77.

от того, кто из них дежурил, ученики обязаны были говорить между собой на соответствующем языке. Завершал среднее образование будущий ученый уже в Казани, куда вся семья перебралась в 1873 г. Судя по сохранившимся карандашным рисункам, к тому времени у него уже имелись определенные художественные наклонности, в частности, незаурядные способности к рисованию³.

На дальнейший выбор жизненного пути юного Владимира огромное влияние оказал профессор Императорского Казанского университета, известный филолог, этнограф и археолог В.В. Радлов (1837–1918). Он смог привить ему любовь к истории и познакомил с азами научного подхода к археологическим материалам. Кстати, именно в доме Радлова шестнадцатилетний гимназист познакомился со своей будущей женой, Софией (1862–1935)⁴, из почтенного семейства статского советника доктора Оттона Карловича Думберга.

В 1884 г. Владимир Константинович окончил историко-филологический факультет Казанского университета по классическому отделению, где был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре истории и теории изящных искусств⁵. Правда, в Казани В.К. Мальмберг не остался, поскольку получил прикомандирование к Императорскому Санкт-Петербургскому университету для занятий под руководством таких профессоров, как историк искусства и археолог А.В. Прахов (1846–1916), филологи-классики И.В. Помяловский (1845–1906) и П.В. Никитин (1849–1916). Во время рождественских каникул 1885 г. начинающий ученый приехал в Дерпт, где тогда жила его невеста София, а заодно решил посетить музей при Дерптском университете, которым заведовал тогда известный исследователь классических древностей профессор Георг Лёшке (1852–1915). Вероятно, именно от него Мальмберг получил рекомендации для дальнейшего пополнения объема знаний в области античного искусства и археологии. Летом 1886 г. он отправился в Берлин, где слушал лекции знаменитых профессоров Э. Курциуса (1814–1896), К. Роберта (1850–1922) и А. Фуртвенглера (1853–1907), сокурсника Г. Лёшке по учебе в Лейпциге. Так созрело решение о переводе Мальмберга в Дерптский университет, для чего была и уже упоминавшаяся причина личного характера.

Весной 1887 г. молодой ученый сдал экзамен на степень магистра истории и теории искусств и после двух пробных лекций получил звание приват-доцента. С 1 февраля 1888 г. он начал преподавать на кафедре истории и теории изящных искусств при Казанском университете. Здесь он читал общие курсы по истории древнего искусства и частные о вазовой живописи и раскопках в Помпеях⁶. Его научная деятельность в новом качестве ознаменовалась публикацией первых

³ Мальмберг Я.Н. Ук. соч. С. 78.

⁴ Ее двоюродный брат, Карл Евгеньевич Думберг (1862–1931), окончивший в 1888 г. историко-филологический факультет Дерптского университета, впоследствии стал директором Керченского музея древностей (1891–1901), действительным членом Императорского Одесского общества истории и древностей (1894), Таврической ученой архивной комиссии (1899), членом-корреспондентом Русского археологического общества (1900).

⁵ Тункина И.В. и др. Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Тункина И.В. (отв. ред.) // Жебелёв С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования 1897–1921. Исторический очерк. М., 2017. С. 418.

⁶ ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

серьезных работ. Прежде всего стоит упомянуть вышедшую в «Записках Русского археологического общества» статью «О некоторых приемах гончаров-живописцев»⁷, где он доказал, что древнегреческие вазописцы, внося небольшие изменения в известные образцы, переделывали один сюжет в другой. В том же году в «Ученых записках Казанского университета» появляется статья «К вопросу о древнегреческом вооружении: щиты с ковриками»⁸, которая обозначила интерес молодого ученого к изучению античного военного дела.

Теперь Владимир Мальмберг считал, что имеет полное основание для подачи на имя ректора прошения о разрешении вступления в брак с Софией Думберг, и для него началась долгая, гармоничная во всех отношениях семейная жизнь, окрашенная новыми заботами. Ведь спустя несколько лет, помимо жены, матери и тети, на его попечении оказались и двое малолетних детей: Хедвиг-Адриана и Адриан-Георг-Густав-Альфонс.

В конце 1889 г. после перехода профессора Г. Лёшке в Фрайбургский университет освободилась должность экстраординарного профессора классической филологии и археологии в Дерптском университете. Министерство народного просвещения предложило В. К. Мальмбергу занять ее, и он согласился, но с оговоркой, что по своей специальности может принять на себя лишь чтение лекций по истории античного искусства, древностей частного быта и культа, а также занятия со студентами по изучению текстов древних авторов, имеющих непосредственное отношение к этим дисциплинам. Только с 10 мая 1890 г., несмотря на сложности переезда с больными детьми, он приступил к исполнению своих новых обязанностей. Прежде всего, он читал обязательный для студентов классического отделения курс истории греческого и римского искусства. Его спецкурсы были посвящены мифологии и частным древностям античного периода, а практические занятия — различным отраслям археологии, в том числе результатам исследования античных памятников на юге России. Краткий обзор важнейших археологических открытий в Греции и Малой Азии он опубликовал позднее в университетских «Записках»⁹.

Из древних авторов В.К. Мальмберг разбирал со студентами тексты Павсания, Витрувия, Плиния и Лукиана. Периодически для желающих со всех факультетов проводились бесплатные экскурсии по экспозиции гипсовых слепков университетского Музея классических древностей, директором которого молодой профессор стал в 1890 г. Его усилиями эта коллекция постепенно пополнялась. Правда, на выделявшиеся музею суммы из-за границы удалось выписать всего четыре слепка, зато из Императорской Академии художеств поступили 28 гипсовых групп, отдельных статуй и бюстов. При этом потребовалось уплатить только за их доставку¹⁰. Много внимания на протяжении семнадцати лет директор музея уделял

⁷ Мальмберг В.К. Этюды по древнегреческому искусству: о некоторых приемах гончаров-живописцев // ЗРАО. 1890. Т. IV. С. 93–99.

⁸ Мальмберг В.К. К вопросу о древнегреческом вооружении: щиты с ковриками // Ученые записки Казанского университета. 1890. Кн. 2. С. 1–7.

⁹ Мальмберг В.К. Успехи современной археологии // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1896. № 1. С. 71–86.

¹⁰ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902) / Левицкий Г.В. (ред.). Т. II. Юрьев, 1903. С. 481–482.

изучению и научной обработке музейных фондов, публикации хранившихся там материалов.

Огорчало одно: дети, Хедвиг-Адриана и Адриан-Георг, продолжали болеть, и вскоре скончались, один за другим. В день смерти внука, не выдержав переживаний, умерла и бабушка, Ида Мальмберг. И все же жизнь продолжалась. Молодым родителям нужно было заботиться о недавно родившейся двухмесячной Елене (1891–1973). В дальнейшем в семье Мальмбергов появилась еще одна дочь — Нина (1893–1965), а затем и сыновья Владимир (1897–1971)¹¹ и Леонид (1901–1982)¹².

Активное участие В.К. Мальмберга в делах университета не помешало ему наладить сотрудничество с Императорской археологической комиссией (ИАК), откуда поступило предложение заняться описанием классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 г. Эта работа, где анализировались глиняные формы и терракотовые изделия эллинистического периода из мастерской местного коропласта, была опубликована в 1892 г. в таком солидном издании, как «Материалы по археологии России»¹³. В мае того же года ИАК назначила Мальмбергу 200 рублей на «путевые издержки» для осмотра «памятников древности по течению Большого Зеленчука в Кубанской области и проверки материалов по этому предмету, собранных художником Струковым и заключающихся как в прилагаемом альбоме изготовленных им рисунков, так и в пояснительной к этому альбому записке»¹⁴. Это была хорошая возможность за казенный счет познакомиться с античными памятниками юга России, и молодой дерптский профессор не преминул ею воспользоваться. Летом он отправился в Крым, но не смог исполнить возложенного на него поручения Комиссии. Причина, почему это произошло, была изложена в письме от 2 декабря 1892 г.: «из Керчи, по осмотрении которой... намеревался переправиться в Кубанскую область, я совершенно неожиданно был вызван обратно в Дерпт, где во время моего отсутствия была обнаружена кража монет из вверенного мне Музея. По возвращении в Дерпт мне пришлось установить, какие именно монеты пропали и в каком числе, рассмотреть все те, которые полиции удалось отобрать у вора и других лиц и т. п. ... лишь теперь, освободившись от части выпавшего на мою долю труда, пользуясь свободным временем, чтобы известить Комиссию о неудаче моей поездки»¹⁵.

1892 г. оказался связан для В.К. Мальмберга и с успешной защитой магистерской диссертации «Метопы древнегреческих храмов. Исследование в области декоративной скульптуры»¹⁶, в которой он впервые широко использовал свой излюблен-

¹¹ В настоящее время его потомки проживают в Санкт-Петербурге. Это единственная ветвь семейства Мальмбергов, оставшаяся в России.

¹² Мальмберг Я.Н. Ук. соч. С. 79.

¹³ Мальмберг В.К. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 годах // МАР. 1892. Т. 7.

¹⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.

¹⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 2. В деле имеется приписка рукой В.К. Мальмберга от 17 января 1894 г.: «Отпущенные мне на этот предмет двести рублей вследствие несостоявшейся по моей болезни поездки... были зачтены мне при уплате гонорара за мой труд по составлению описания древностей, найденных в кургане Карагодеуашх», т. е. указана уже другая причина возвращения в Дерпт.

¹⁶ Мальмберг В.К. Метопы древнегреческих храмов: исследование в области декоративной скульптуры. Дерпт, 1892.

ный метод сравнения произведений скульптуры и вазописи. За этот труд Русское археологическое общество присудило ему большую серебряную медаль¹⁷. Упрочившееся научное положение молодого ученого открыло для него возможность получить должность ординарного профессора кафедры классической филологии и археологии Дерптского университета, в 1893 г. переименованного в Юрьевский¹⁸.

Следующим шагом в изучения Северного Причерноморья античного периода стало для В.К. Мальмберга, в соавторстве с А. С. Лаппо-Данилевским (1863–1919), участие в подготовке очередного тома «Материалов по археологии России». В нем обобщались данные, полученные есаулом Кубанского казачьего войска Е.Д. Фелицыным (1848–1903) при раскопках знаменитого кургана Карагодеуашх у станицы Крымской, и подробно рассматривались конструкция его гробницы, погребальный инвентарь, а также обряд захоронения. Написанный Владимиром Константиновичем раздел «Памятники греческого и греко-варварского искусства, найденные в кургане Карагодеуашх»¹⁹ получил высокую оценку в академических кругах и удостоился присуждения еще одной большой серебряной медали от Русского археологического общества²⁰. В 1895 г. несомненным признанием его научных заслуг стало избрание членом-корреспондентом ИАК и действительным членом Одесского общества истории и древностей. В дальнейшем он стал членом-корреспондентом Германского археологического института в Берлине, Риме, Афинах (1896) и действительным членом Русского археологического общества (1897)²¹. Дважды он был избран депутатом от университета на X и XI Археологические съезды: в Риге (1896) и Киеве (1899). Впрочем, нужно отметить, что полевым археологом В.К. Мальмберг никогда не был, поскольку использовал данные, полученные в ходе раскопок, но сам никогда в них не участвовал²².

Постепенно материальное положение семьи Мальмбергов существенно улучшилось, и его глава мог позволить себе неоднократно выезжать за границу для осмотра античных памятников и укрепления связей с зарубежными коллегами. К этому он был хорошо подготовлен благодаря знанию иностранных языков: латинского, греческого, французского, немецкого, английского и итальянского²³. В 1894–1895 гг. главной целью шестимесячной командировки для него стали Афины, где он, наконец, с помощью бинокля мог в оригиналах рассмотреть метопы Парфенона, о которых писал в своей диссертации, и обследовать их фрагменты, хранившиеся в Музее Акрополя. Затем он принял участие в экскурсии по греческим островам, организованной директором Германского археологического института в Афинах В. Дёрпфельдом (1853–1940). Наконец, ему удалось посетить Дельфы, где

¹⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 79. Л. 194; Д. 401. Л. 3.

¹⁸ В ходе реализации политики «разнечивания» Прибалтийского края, проводившегося в правление императора Александра III, Дерпту вернули старое название Юрьев, которое сохранялось до 1919 г.

¹⁹ Мальмберг В.К. Памятники греческого и греко-варварского искусства, найденные в кургане Карагодеуашх // Курган Карагодеуашх. МАР. 1894. Т. 13. С. 121–192.

²⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 79. Л. 239; Д. 401. Л. 71.

²¹ Там же. Д. 14. Л. 123.

²² Учившийся у Мальмберга искусствовед и библиофил А.А. Сидоров (1891–1978) считал его «крупнейшим в России представителем ... чисто художественного отношения к археологии» (Сидоров А.И. Некролог памяти В.К. Мальмберга // Печать и революция. 1921. № 3. С. 291).

²³ ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

Архитектор В.Н. Бобров
и В.К. Мальмберг в Афинах на ступенях
памятника Агриппы перед Пропилеями.
1895 (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1.
Д. 91. Л. 3)

французские археологи за два года раскопок уже успели открыть храм Аполлона, сокровищницы афинян и сифносцев. Побывал он также на Пелопоннесе, в Венеции, Нюрнберге, Бонне, Антверпене, Лондоне, где были выставлены лучшие из метоп Парфенона, и через Берлин возвратился в Россию. В 1897 г. состоялась поездка по Скандинавии с посещением Стокгольма и Копенгагена. В 1900 г., после посещения Всемирной выставки в Париже, В.К. Мальмберг осмотрел Флоренцию, Рим, Неаполь, Помпеи и Вену. Позднее он любил повторять, что всего важнее для наук об искусстве собственное знакомство с памятником, а вовсе не изучение его по книгам²⁴.

В 1903 г. было положено начало многолетнему сотрудничеству Мальмберга с Императорским Московским университетом, когда его пригласили стать руководителем студенческой экскурсии в Константинополь и по Греции. Между тем научная карьера ученого продолжала успешно развиваться. Много внимания он уделял исследованию памятников греческой декоративной скульптуры, вазовой живописи и отдельным произведениям художественного ремесла.

Определенным этапом на этом пути стала публикация такого солидного труда, как «Древнегреческие фронтоные композиции»²⁵. Существенную роль в его подготовке сыграл давний знакомый В.К. Мальмберга по Русскому археологическому обществу, профессор С.А. Жебелев. Он высоко ценил талант и знания своего коллеги из Юрьевского университета и «очень сокрушался, что тот по некоторой слабости характера не мог собраться написать докторскую диссертацию, хотя материал для нее был давно собран и обдуман. Решив вмешаться в это дело, Сергей Александрович пригласил Мальмберга провести каникулы у него в Петербурге. На следующий же день после его приезда началось осуществление задуманного плана. Согласно специально установленному для этой цели регламенту, каждое утро после завтрака в распоряжение Мальмберга предоставлялся диван, стоявший в кабинете хозяина, и рядом с диваном ставилась пара пива — любимого напитка Владимира Константиновича. Сам Сергей Александрович усаживался за свой письменный стол и вооружался пером и бумагой. Мальмберг диктовал, а Сергей Александрович записывал. Дело пошло на лад, и к концу каникул докторская диссертация Мальмберга, замечательное для своего времени исследование... было

²⁴ Сидоров А.И. Некролог памяти В.К. Мальмберга // Печать и революция. 1921. № 3. С. 292.

²⁵ Мальмберг В.К. Древнегреческие фронтоные композиции: исследование в области декоративной скульптуры. СПб., 1904.

завершено. Вскоре после его издания Мальмберг получил докторскую степень и кафедру Московского университета, а Сергей Александрович испытал глубокое удовлетворение и торжество от сознания успеха задуманного и осуществленного им предприятия»²⁶.

Незадолго до защиты докторской диссертации В.К. Мальмберг принял участие в Первом международном археологическом конгрессе в Афинах (7–13.04.1905), где он сделал доклад «О золотых вещах, найденных в Херсонесе». В столице Греции он снова увидел многие из тех памятников, о которых он писал в своих книгах. В частности, ему удалось воспользоваться лесами, возведенными для починки отдельных повреждений Парфенона после землетрясения 1894 г., для повторного осмотра скульптурного убранства храма²⁷. По окончании работы конгресса Мальмберг в составе русской делегации отправился на недельную самостоятельную экскурсию сначала морем через Коринфский канал и далее на конных экипажах в Дельфы, затем в Фигалию для осмотра знаменитого храма Аполлона в Бассах и после посещения святилища Асклепия в Эпидавре вернулся в Афины. Уже вечером следующего дня по инициативе оргкомитета конгресса началась 13-дневная экскурсия по островам Эгейского моря (Делос, Микнос, Мелос, Фера и др.) и западному побережью Малой Азии (Троя, Пергам и Эфес)²⁸.

На протяжении последующих лет В.К. Мальмберг углубленно занимался изучением античной художественной керамики, итогом чего стали «Этюды по древнегреческой вазовой живописи», публиковавшиеся в Журнале Министерства народного просвещения²⁹. Получила дальнейшее развитие и его преподавательская деятельность. Связь с Московским университетом стала более прочной, когда в сентябре 1907 г. при содействии И.В. Цветаева (1847–1913) он по совместительству был приглашён на должность ординарного профессора по кафедре истории и теории изящных искусств. Тогда же В.К. Мальмберг начал читать лекции в только

Участники I Международного археологического конгресса в Афинах во время экскурсии на пароходе (сидят слева направо: М.И. Ростовцев, С.А. Жебелев, Е.М. Придик, стоит В.К. Мальмберг). 1905 г.

²⁶ Максимова М.И. Из воспоминаний о С.А. Жебелеве // СА. 1969. № 3. С. 87.

²⁷ ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

²⁸ Жебелев С.А. Первый международный археологический конгресс в Афинах // ЖМНП. 1905. Ч. CCCLX. С. 1–21.

²⁹ Мальмберг В.К. Этюды по древнегреческой вазовой живописи // ЖМНП. 1906. Нов. серия. Ч. II. С. 244–258; Ч. III. С. 259–271; Ч. IV. С. 309–334; 1907. Нов. серия. Ч. VII. С. 1–19; Ч. VIII. С. 159–177; Ч. IX. С. 232–248; 1909. Нов. серия. Ч. XXIII. С. 376–394.

И.В. Цветаев и В.К. Мальмберг с выпускниками Московского университета А.А. Сидоровым, Д.С. Недовичем и другими у входа в Музей изящных искусств. 1912 г.

что созданном Московском археологическом институте и на Высших женских курсах. По словам А.А. Сидорова, он «учил нас видеть в произведениях античной пластики живых людей, как бы заменять мрамор живой плотью конкретного персонажа»³⁰. Среди его учеников, помимо упомянутых, были будущие известные ученые: филолог и антиковед Д.С. Недович (1889–1947), искусствовед А.И. Некрасов (1885–1950), поэт и переводчик С.В. Шервинский (1892–1991).

Неослабевающий интерес к новым находкам на территории Северного Причерноморья побудил В.К. Мальмберга в этот период принять участие в работе над новым томом «Материалов по археологии России». Он был посвящен найденным при грабительских раскопках двум статуэткам-подставкам в виде женских фигур и верхней части кратера с ручкой, украшенной изображением горгоны³¹. Привлекая мно-

гочисленные аналогии из раскопок крупных средиземноморских центров, авторы уверенно датировали эти бронзовые изделия второй половиной VI в. до н. э.

В 1909 г. у Мальмберга появилась возможность посетить Египет. Департамент народного просвещения включил его в число представителей России, командированных на Второй археологический конгресс в Каире³². После окончания работы конгресса вместе со значительным числом его участников он отправился вверх по Нилу до острова Филе, осмотрев по пути целый ряд древних храмов и скальных гробниц. Можно было сожалеть лишь о том, что на музеи времени практически не осталось³³.

В 1911 г. жизнь Мальмберга и его семьи резко изменилась. По приглашению профессора И.В. Цветаева он окончательно перебрался из Юрьева в Москву, став главным хранителем Музея изящных искусств имени императора Александра III при Московском университете еще на стадии его создания. Соответственно своей новой должности Мальмберг получил просторную служебную квартиру прямо

³⁰ Демская А.А., Смирнова Л.М. И. В. Цветаев создает музей. М., 1995. С. 372.

³¹ Жебелев С.А., Мальмберг В.К. Три архаических бронзы из Херсонской губернии // МАР. 1907. Т. 32.

³² Липатов В.С., Соловьев О.Ф. Из истории русско-египетских связей в начале XX в. // Исторический архив. 1959. № 1. С. 143, 147.

³³ ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

в здании музея и сразу активно включился в работу, давая консультации при формировании раздела слепков древнегреческой скульптуры (около 800 экспонатов) и общей экспозиции музея. В этом отношении директору музея и его главному хранителю удалось достигнуть строгой систематичности и широты показа. Одновременно В.К. Мальмберг в соавторстве с египтологом Б.А. Тураевым (1868–1920) и недавним выпускником Казанского университета, младшим хранителем Н.А. Щербаковым (1884–1933) подготовил к печати книгу «Музей изящных искусств имени Александра III в Москве. Краткий иллюстрированный путеводитель. Часть I. Египет. Ассирия-Вавилония. Греция. Рим»³⁴. Впрочем, круг его интересов этим не ограничивался. Так в январе 1912 г. он выступил на Всероссийском съезде художников с докладом «Портреты Дюрера»³⁵.

Состоявшееся вскоре торжественное открытие Музея изящных искусств 31 мая 1912 г. стало крупным событием не только для В.К. Мальмберга. На этом празднике его жена София в специально сшитом серебристо-сером шелковом наряде вошла в музей и осмотрела его залы под руку с императором Николаем II. Кусочек этого памятного платья она потом увезла с собой в эмиграцию, а день рождения музея до сих пор отмечается ее потомками³⁶.

Новый музей сразу приобрел популярность у широкой публики: его посещаемость порой доходила до 2500 человек в день. Это неслыханная по тем временам цифра. Среди посетителей преобладали преподаватели, студенты и учащиеся различных учебных заведений Москвы, для которых в залах проводились специальные экскурсии.

В октябре 1912 г. В.К. Мальмберг отправился в Рим для участия в Третьем Международном археологическом конгрессе, где в секции классического искусства он выступил с докладом «О Бельведерском торсе», в котором получила дальнейшее развитие предложенная им ранее оригинальная трактовка этого памятника позднеэллинистического искусства, как изображения разбойника Скирона, являвшегося частью скульптурной группы с афинским героем Тесеем³⁷. Помимо осмотра новейших раскопок на Палатине, катакомб Домициллы и музеев Ватикана для участников конгресса были организованы поездки на этрусский некрополь Цере, в Остию, Неаполь, Помпеи, Кумы и Пестум³⁸, на острова Сицилию и Сардинию. На обратном пути Мальмберг посетил Вену, где занимался в Музее истории искусств и изучал подлинные рисунки Дюрера в Альбертине. На следующий год с той же целью он снова прибыл в Вену, где ему удалось определить рисунок т. н. «золотых дел мастера», на котором в виде св. Космы был изображен первый учитель Дюрера — Михаэль Вольгемут. Интересуясь средневековой архитектурой,

³⁴ Музей изящных искусств имени Александра III в Москве. Краткий иллюстрированный путеводитель. Часть I. Египет. Ассирия-Вавилония. Греция. Рим. М., 1912.

³⁵ ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

³⁶ Мальмберг Я.Н. Ук. соч. С. 79. В данном случае годовщина открытия музея была далеко не единственным поводом для празднования: по стечению обстоятельств в этот день родились старший сын В.К. Мальмберга — Владимир, и его внуки — Юрий и Оксана.

³⁷ Мальмберг В.К. Бельведерский торс // ЖМНП. Нов. серия. Ч. VI. 1906. С. 520–532.

³⁸ Бороздин И.Н. Международный археологический конгресс в Риме // Древности. 1914. Т. XXIV. С. 275–278.

Участники III Международного археологического конгресса на экскурсии в Помпеи (второй справа — В.К. Мальмберг). 1912 г.

он посетил Нюрнберг, Ротенбург, Нордлинген, Эрланген и замок Штольценфельс на Рейне³⁹.

После кончины И.В. Цветаева в 1913 г. В.К. Мальмберг был назначен на должность директора музея. Наряду с этим он возглавил кафедру истории искусства Московского университета, заведовал университетскими музеями в Казани и Юрьеве, а также организовал в них постоянные лекционные курсы. Главной его заботой становится организация в Музее изящных искусств аудитории для чтения публичных лекций, а также открытие новых залов. В конце концов он оборудовал большое помещение для практических занятий в полуподвальном этаже, сосредоточив там дублиеты экспонатов.

Таким образом, В.К. Мальмбергу удалось органично связать музейную, учебную и исследовательскую работу. Вскоре под его редакцией, как пособие по истории археологических открытий, вышел перевод известного труда профессора Страсбургского университета А. Михаэлиса «Художественно-археологические открытия за сто лет», за короткое время выдержавшего в Германии два издания. При этом большая часть книги была переведена студентами Московского археологического института, а последняя глава — профессором С.А. Жебелевым⁴⁰.

Несмотря на недостаток времени, в этот период своей жизни Мальмберг опубликовал две статьи, которые стали завершающими в цикле его работ, посвященных северопричерноморской тематике. В них рассматривался образ воина на зо-

³⁹ ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об.

⁴⁰ Мальмберг В.К. От редактора // Михаэлис А. Художественно-археологические открытия за сто лет. М., 1913. С. IV.

лотой обкладке ножен из Чертомлыкского кургана в сравнении с образцами вазописи и другими произведениями античного искусства⁴¹.

На тот момент, согласно сохранившемуся формулярному списку, Владимир Константинович имел чин действительного статского советника⁴² и был награжден орденами Св. Владимира 3-й и 4-й степени, Св. Анны 1-й и 2-й степени, Св. Станислава 2-й степени и медалью в память царствования Александра III. Его доходы состояли из пенсии за выслугу лет в 3000 рублей и жалованья по должности директора Музея изящных искусств в размере 2000 рублей⁴³.

Между тем большая административная и учебная нагрузка начинала сказываться на здоровье. Когда в октябре 1913 г. врачи диагностировали у пожилого профессора воспаление среднего уха, что через четыре месяца повлекло за собой срочную операцию, он почти не прерывал чтение лекций и проведение практических занятий, совмещая их с исполнением обязанностей по руководству музеем. После нескольких рецидивов стало ясно, что ему необходим достаточно продолжительный отдых. В.К. Мальмберг намеревался использовать его в научных целях и 27 мая 1914 г. обратился к министру народного просвещения с ходатайством о командировании в Грецию и Египет на вторую половину летних каникул⁴⁴ с предоставлением пособия, поскольку, начиная с декабря предшествовавшего года он понес большие расходы. Они были связаны с необходимостью лечения старшей дочери Елены в сопровождении матери на курорте для легочных больных в Давосе, в Швейцарии⁴⁵. К сожалению, эти планы остались нереализованными из-за сложной международной обстановки накануне вступления России в Первую мировую войну.

Военные годы тяжело отразились на деятельности Музея изящных искусств. Единственным достижением этого периода стало создание в 1916 г. новой экспозиции зала бытовых древностей римской эпохи. Еще больше ситуация осложнилась после Октябрьского переворота 1917 г., который подтолкнул многих представителей российской интеллигенции к эмиграции. Но Владимир Константинович не смог покинуть музей, который стал его домом, и уехать за границу. Главным для него было сохранить сам музей и его коллекции, а это было непросто. Правление Московского университета прекратило ассигнования на содержание музейного здания и штата сотрудников. В зимний период три года подряд помещения не отапливались, электрическое освещение не работало. Временами не горели даже те двадцать керосиновых ламп, что были в музее, так как их не могли ничем заправить. Местами протекала стеклянная крыша, поврежденная в ходе обстрелов при установлении советской власти в Москве⁴⁶. Известный искусствовед М.В. Алпатов

⁴¹ Мальмберг В.К. Воин на золотой оббивке ножен из Чертомлыкского кургана и на вазе из Нолы // Сборник статей, посвященных Д.А. Корсакову / Огородников В. (ред.). Казань, 1913. С. 514–524; Он же. Воин, защищающий павшего товарища, на чертомлыкских ножнах и других памятниках греческого искусства // Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В.П. Бузескула / Гольдин Н. (ред.). Харьков, 1914. С. 310–317.

⁴² Этот высокий гражданский чин соответствовал 4 классу по Табели о рангах и давал право на поместное дворянство.

⁴³ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 487. Д. 245.

⁴⁴ Т. е. речь шла о периоде 15 июля - 20 августа 1914 г.

⁴⁵ ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

⁴⁶ Демская А.А. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1979. С. 47.

(1902–1986), тогда студент историко-филологического факультета Московского университета, много лет спустя вспоминал обстановку, в которой продолжали читаться лекции таким образом: «Нетопленное здание... походило на огромную льдину, а белые гипсы красовались среди него, как ледяные сосульки. И вот в этом ледяном доме появился закутанный в меха человек⁴⁷. Общеупотребительными тогда валенками он гордо пренебрегал, и каблуки его звонко и задорно стучали по обледенелым музейным плитам. Он деловито извлекал из недр своей шубы клеенчатую тетрадь, и легкие клубы пара начинали вылетать из его уст»⁴⁸.

Античные коллекции Музея изобразительных искусств в этот период быстро росли, прежде всего, за счет поступлений через Государственный музейный фонд из частных собраний и различных учебных заведений. Сам В.К. Мальмберг, получив предложение Отдела по делам музеев и охране памятников, с помощью А.Г. Габричевского произвел отбор и подробное описание образцов античной керамики в б. Строгановском училище для передачи их в свой музей и пополнения его экспозиции⁴⁹. Эти изменения повлияли на структуру Античного отдела, где появился Вазовый подотдел.

Несмотря на все трудности, В.К. Мальмберг по-прежнему продолжал поддерживать связь с российскими научными учреждениями, в частности с Археологической комиссией. В конце сентября 1918 г. он заочно был избран членом Совета ее преемницы — Российской государственной археологической комиссии. Прошло всего десять месяцев, и его фамилия появляется в списке участников Избирательного собрания Российской академии истории материальной культуры, которое состоялось 5–7 августа 1919 г. Не все из включенных в него ученых откликнулись на отправленное им приглашение. В частности, не было никого от Московского университета и Московского археологического общества⁵⁰. И это было понятно, поскольку летом 1919 г. Петроград, в условиях готовившегося с начала июня наступления армии генерала Н. Н. Юденича, фактически был прифронтовым городом. Да и «анархическая» обстановка на железной дороге оставляла желать лучшего. Любая поездка была делом далеко небезопасным⁵¹. Тем не менее, Мальмберг не

⁴⁷ В данном случае это был ученик В.К. Мальмберга, историк и искусствовед А.Г. Габричевский (1891–1968).

⁴⁸ Алпатов М.В. Воспоминания. М., 1994. С. 68–69.

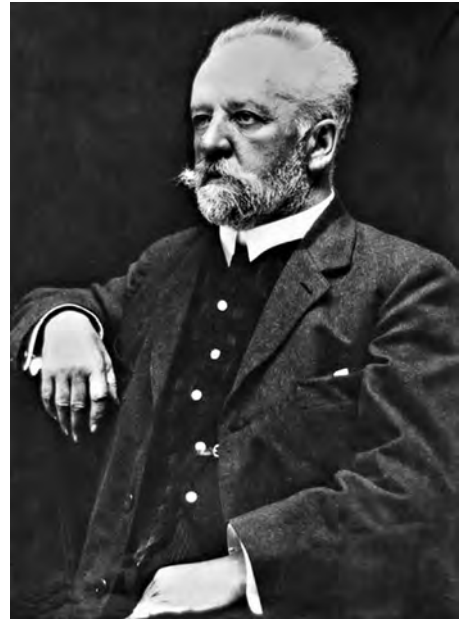
⁴⁹ ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об.

⁵⁰ Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Мусин А.Е. (ред.). СПб., 2009. С. 1113, 1114.

⁵¹ Характерный для этого времени эпизод в поезде по маршруту Петроград — Москва приводит в своих дневниках коллега Мальмберга по Московскому университету историк М.М. Богословский (1867–1929): «...ехал в I классе. Вдруг ночью в вагоне раздался шум и послышалась какая-то возня. Оказалось, что в одно купе, откуда только что вышли, оставив там свои вещи, два пассажира в коридор или на станцию, влез матрос кронштадец, вещи сбросил, сам лег и заперся. Когда пассажиры вернулись и нашли дверь своего купе запертой, они обратились к кондуктору. Кондуктор, отперев дверь, получил от кронштадца грубое заявление, что всякому, кто еще попытается войти, он “расколотит морду”. Когда кондуктор привел контролера в сопровождении солдата с винтовкой, матрос набросился на контролера и исполнил свою угрозу, стал бить его по лицу и разбил в кровь. Солдат, поставив винтовку в уголок коридора (тоже хорошо! зачем же и носить винтовку?), хотел взять матроса руками, но тот оказался сильнее его и в борьбе, которая завязалась, начал одолевать. Кондуктор привел еще двух солдат, и все общими усилиями вытолкали негодя из купе и из коридора на площадку, а оттуда на всем ходу поезда сбросили из вагона. Одумавшись, все же остановили поезд, подобрали его, с израненной головой и раз-

мог проигнорировать такое важное для отечественной науки событие. Последовавшее избрание членом РАИМК⁵² стало для него стимулом к осуществлению ряда давно задуманных работ. Прежде всего, это касалось исследования, посвященного декоративной скульптуре Парфенона. В нем В.К. Мальмберг намеревался дополнить ранее сделанные наблюдения над метопами и фронтонами Парфенона обстоятельным изложением композиции фриза. Наряду с этим строго научным трудом, предполагавшимся для академического издания, он приступил к работе «по серии брошюр для более широкого круга читателей под общим заглавием «Древнегреческие акрополи и святилища»⁵³.

Последние годы жизни ученого прошли под знаком интенсивной музейной и просветительской деятельности. Помимо Московского университета Мальмберг читал курс лекций по истории скульптуры в Свободных государственных художественных мастерских. Вел он занятия по искусству абсолютно вдохновенно, забывая о том, что перед ним большей частью были лишь копии подлинников. Многие отмечали, что ему были присущи «необыкновенная зрительная память», обаяние мудрого облика и ореол «своеобразной атмосферы, сочетавшей аттическую четкость с мягкой уютностью немецкого романтического городка...»⁵⁴. На своих слушателей — «молодежь, среди которой было много изящно одетых девушек»⁵⁵ — слегка рассеянный профессор, никогда не пользовавшийся записями или конспектами, производил впечатление истинного ученого: седые волосы и борода, устремленный куда-то ввысь и горевший голубым пламенем взгляд, что-то детское в фигуре. Будучи выше условных приличий, он мог запросто улечься на пол, показывая особенности расположения фигуры лежащего Кефиса на фронтоне Парфенона, поражая своих слушателей тем, что мог «так ясно, без всяких прикрас, видеть древнюю Грецию и говорить о ней... так понятно... Мальмберг был как дух, наполнявший все пространство музея», который он знал наизусть «начиная с архаических Аполлонов и кончая римскими памятниками»⁵⁶. Не напрасно

В.К. Мальмберг. 1920 г.

битой рукой, вызвали фельдшера, сделали перевязки и повезли в Москву» (*Богословский М.М. Дневники 1913–1919. М., 2011. С. 199–200*).

⁵² Императорская Археологическая комиссия... С. 1108, 1111.

⁵³ ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2. Для этой серии В.К. Мальмберг подготовил описания афинского акрополя и дельфийского святилища, но они так и не были опубликованы.

⁵⁴ *Габричевский А.Г. Морфология искусства. М., 2002. С. 721.*

⁵⁵ Среди этих девушек была дочь Льва Троцкого, Зинаида (1901–1933), которая после смерти В.К. Мальмберга, помогла его жене выехать в Германию, к сыну Леониду (*Мальмберг Я.Н. Ук. соч. С. 80*).

⁵⁶ *Алпатов М.В. Воспоминания. М., 1994. С. 65–66.*

В.К. Мальмберг среди преподавателей и студентов Московского университета (крайняя справа в первом ряду — Зинаида Волкова, дочь Л.Д. Троцкого). 1921 г.

М.И. Ростовцев в одной из своих статей назвал его «тончайшим ценителем греческого художественного гения»⁵⁷.

Между тем в отношении обеспечения нормального существования музейных сотрудников к началу 1920-х гг. сложилось совершенно бедственное положение. Их число резко сократилось, и работать практически было некому. Ученые того времени при встрече чаще говорили о хлебе насущном, чем о своей профессии. Мальмбергу, для которого «дело было самой его жизнью»⁵⁸, становилось все труднее защищать интересы музея, а полуголодное существование обострило уже имевшиеся проблемы со здоровьем. В заявлении, поданном в Президиум Московского государственного университета, он писал: «Тяжелая, мною перенесенная болезнь временно повлекла за собою почти полную потерю физической трудоспособности. Полная невозможность поправиться в крайне тяжелых жизненных условиях г. Москвы, советы врачей, указывающие на необходимость длительного лечения на зарубежных курортах, вынуждают просить Университет об исхода-тайствовании для меня командировки в Германию»⁵⁹. К заявлению прилагалось медицинское свидетельство, выданное профессором В.Д. Шервинским 14 июля 1921 г., где говорилось, что «профессор В.К. Мальмберг болеет хроническим вос-

⁵⁷ Ростовцев М.И. Новости археологической литературы в России // Современные записки. 1922. Кн. XI. С. 398.

⁵⁸ Габричевский А.Г. Морфология искусства. М., 2002. С. 723.

⁵⁹ ОРГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

палением почек и органическим поражением сердца в форме миокарда»⁶⁰. В начале осени 1921 г. он перенес инсульт, но продолжал гореть желанием работать. Даже за несколько дней до смерти «он по обычаю своему ходил по Музею и что-то с жаром объяснял своей спутнице, которая его в последнее время всюду сопровождала, поддерживая после перенесенного удара»⁶¹. М.В. Алпатов писал об этих последних днях его жизни: «Почему-то именно я стал служить ему секретарем. Я с трудом ловил его мысли о греческом рельефе. Затем мы подолгу останавливались на Ассирии. Он так основательно рассматривал эти рельефы и говорил о них, точно они стояли в комнате больного. Не знаю, как это вышло, но, записывая слова больного, я вспомнил Гомера, который диктует мальчику строки “Илиады”. И я мечтал прибавить свою частицу, чтобы вдохнуть в записи свежее дыхание жизни. Мысли В.К. Мальмберга были чисты, изложение ясно»⁶². Вскоре он скончался, и его похоронили в присутствии самых близких людей на Введенском кладбище, рядом с отцом.

Этот очерк жизни и научного творчества В.К. Мальмберга можно завершить словами одного из его учеников: «...смерть таких людей всегда героична, ибо в эпохи катастрофичные оставаться верным себе — значит погибнуть»⁶³.

⁶⁰ ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

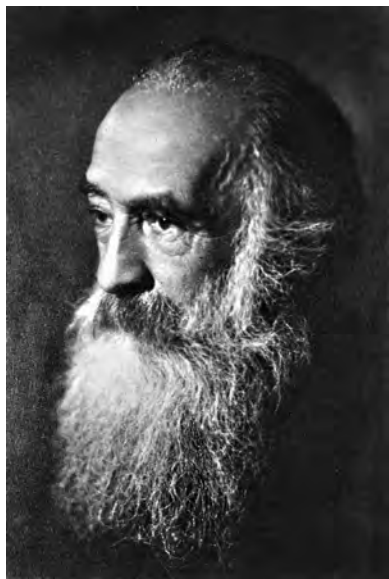
⁶¹ Габричевский А.Г. Морфология искусства. М., 2002. С. 723.

⁶² Алпатов М.В. Воспоминания. М., 1994. С. 66.

⁶³ Габричевский А.Г. Ук. соч. С. 720.

Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961)

И.В. Тункина

В плеяде российских-советских востоковедов золотого века петербургской историко-филологической школы особое место занимает археолог-кавказовед, востоковед-текстолог, лингвист, литературовед, музеевед Иосиф Абгарович Орбели¹. Член-корреспондент (1924), академик (1935) АН СССР, действительный член Академии архитектуры СССР (1941), заслуженный деятель науки Армянской ССР (1938), председатель Президиума Армянского филиала АН СССР (1938–1943), действительный член (1943) и первый президент АН Армянской ССР (1943–1947), действительный член Германского археологического института (1940), почетный член Иранской академии языка и литературы (1945) — далеко не полное перечисление научных регалий, полученных им к 58 годам жизни. Это научное и общественное признание было не случайным из-за счастливого сочетания качеств замечательного

ученого-универсала, организатора науки и музееведа. Избранные труды И.А. Орбели переизданы посмертно². Его жизненный путь отражен в десятках статей, очерков и книг³, из которых особо отмечу монографию его ближайшего ленинградского ученика К.Н. Юзбашьяна, вторым изданием вышедшее к 100-летию со дня рождения выдающегося кавказоведа⁴.

¹ В качестве заставки использована фотография И.А. Орбели [1945–1948] (ФО НА ИИМК РАН. О.1638.17 Инв. 1108–118. Нег. П48378–379).

² Орбели И.А. 1) Избранные труды / ред. Б.Н. Аракелян. Ереван, 1963 (далее: ИТ. 1963); 2) Избранные труды: В 2-х т. / Ред. К.В. Тревер. М., 1968. Т. 1: Из истории искусства и культуры Армении X–XIII вв. (далее: ИТ. 1968). Т. 2; 3) Избранные труды: В 2-х т. Ереван, 2002. Т. 2. Вып. 2: Курдско-русский словарь.

³ Основная литература о нем учтена в кн.: Иосиф Абгарович Орбели / сост. Н.С. Власян, А.С. Манасерян, М.А. Бартикян. Ереван, 1957. С. 60–63. В их числе книги: Арзуманян А.М. Братья Орбели. Кн. 1: Тайфун. Ереван, 1976; Мегрелидзе И.В. Иосиф Орбели. Тбилиси, 1983. Среди статей следует упомянуть: Якубовский А.Ю. Академик И.А. Орбели: К 60-летию со дня рождения // ВДИ. 1947. № 4. С. 117–125; Тарле Е.В. Историк-патриот // Дружба / сост. А. Арзуманян. М., 1957. С. 483–490; Петросян Ю.А. Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3: Древний мир и Средние века / Отв. ред. Г.Н. Севастьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М., 2004. С. 220–235.

⁴ Юзбашьян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. 1887–1961. М., 1986.

Иосиф (Овсеп) Абгарович Орбели родился в Кутаисе (ныне Кутаиси) 8/20 марта 1887 г. в армянской интеллигентной семье. Его княжеский род Орбели-Орбелянов, правителей Сюника и Бджни, берет начало в XII в.⁵ Дед, армянский священник Иосиф Иоакимович (Овсеп Овакимович) Орбели (1812–1891), автор серии книг по богословию, закончил Лазаревскую гимназию (Лазаревский институт восточных языков) в Москве, готовивший учителей для армянских школ и священнослужителей, где сам стал преподавать историю религии и армянский язык. Как вольнослушатель он с 1832 г. посещал лекции в университетах Петербурга и Дерпта, служил священником в Московской и Петербургской армянской церквях, был законоучителем и преподавателем армянского языка в столичном Кадетском корпусе. И.И. Орбели — автор учебников по истории армянской церкви, в 1841 г. получил сан иерея. В столице Кавказа Тифлисе уже в сане протоиерея он преподавал в классической гимназии и Девичьем институте. И.И. Орбели был отцом двух дочерей и трех сыновей, получивших высшее образование⁶.

Отец И.А. Орбели Абгар Иосифович (Овсепович) (1849–1912) закончил юридический факультет Петербургского университета со степенью кандидата прав (1874), вернулся в Закавказье, где стал известным юристом. Он женился на аристократке, княгине Варваре Моисеевне Аргутинской-Долгоруковой (1857–1937), которая великолепно музицировала и пела, знала русский, французский, армянский, грузинский языки. В 1885 г. ее отец, прославленный генерал М.П. Аргутинский-Долгоруков, передал в управление зятю А.И. Орбели свое родовое Санаинское имение в Борчалинском уезде Тифлисской губ.⁷ В 1888 г. в многонациональном Тифлисе А.И. Орбели отстроил собственный дом (Бебутовская ул., д. 56, ныне ул. Ладо Асатиани), одно время занимал пост товарища прокурора Эриванского окружного суда, Тифлисского окружного суда и дослужился до чина статского советника. В 1895 г. он вышел в отставку, затем в качестве присяжного поверенного (адвоката) занялся частной практикой.

В семье А.И. Орбели родились три сына — Рубен, Леон (Левон), Иосиф (Овсеп), причем все три стали крупными учеными⁸. В некрологе А.И. Орбели современник, характеризуя его отношение к образованию детей, писал, что он «приложил много усилий для их воспитания и образования, не останавливаясь ни перед какими материальными трудностями... Он приглашал к себе домой учителей гимназии... Я рад, что мои сыновья избрали путь... во славу науки...»⁹. Все трое братьев закончили Третью тифлисскую классическую гимназию¹⁰, хорошо знали

⁵ Известные выпускники и преподаватели Санкт-Петербургского университета армянского происхождения: Биографический справочник / Сост. А. Меружанян. СПб., 2013. С. 130–132.

⁶ Известные выпускники и преподаватели Санкт-Петербургского университета... С. 132.

⁷ Следков А.Ю. Рубен — Ольга — Анна — Русудана. СПб., 2020. С. 9–22.

⁸ Григорьян Н. Научная династия Орбели. М., 2002; Буниатян М.А., Мкртчян Г.А. Страницы из жизни семьи Орбели (письма 1894–1936). Ереван, 2005.

⁹ Цит. по: Следков А.Ю. Рубен — Ольга — Анна — Русудана. С. 22.

¹⁰ Личные архивные фонды трех братьев Орбели хранятся в СПбФ АРАН: Р.А. Орбели (фонд 1104, оп. 1), Л.А. Орбели (ф. 895, оп. 1–4), И.А. Орбели (ф. 909, оп. 1–5). См.: Фонды и коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. И.В. Тункина. СПб., 2016. С. 177, 180–181, 222–223 (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 6).

классические и новые еропейские языки. В многонациональном Тифлисе звучала речь на разных языках — грузинском, армянском, русском, азербайджанском, курдском, которыми с детства овладел Иосиф Орбели.

Старший брат И.А. Орбели, профессор Рубен Абгарович Орбели (1880–1943) известен как юрист, доктор прав Йенского университета, теолог, историк науки и археолог. Выпускник юридического факультета Петербургского университета (1903), он был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре гражданского права, служил обер-секретарем Гражданского кассационного департамента Сената, заведующим юридической частью периодических изданий Министерства финансов. После революции Р.А. Орбели перебивался случайными заработками в Тамбове (стал одним из организаторов и преподавателем Тамбовского университета, 1918), Кисловодске, Петрограде-Ленинграде (главным образом в системе Академии наук), Ереване, Тбилиси. Именно он стал одним из создателей подводной археологии в СССР и ввел в научный оборот сам термин гидроархеология. В 1935 г. Р.А. Орбели был приглашен на работу в Экспедицию подводных работ особого назначения (ЭПРОН) как консультант, член научно-технического совета и историограф. Знаток 12 живых и мертвых языков, Р.А. Орбели с увлечением погрузился в занятия историей водолазного дела по архивным и литературным первоисточникам. В 1937–1939 гг. по его инициативе был организован ряд гидроархеологических экспедиций в бассейне Черного моря: на Южном Буге у с. Сабатиновка, в акватории Одессы, древней Ольвии, Севастополя, Феодосии, Коктебеля, в водоемах Тихвинского района¹¹. Им была разработана методика предохранения от разрушения археологических объектов, поднятых из воды. Р.А. Орбели умер от последствий блокадного истощения и был похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве¹². Его труды по истории подводных работ были изданы посмертно¹³.

Средний брат Леон Абгарович Орбели (1882–1958), закончивший Императорскую Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге (1904), ученик академика И.П. Павлова, известен как один из создателей эволюционной физиологии. Он стал академиком (1935) и вице-президентом АН СССР (1942–1946), академиком АН Армянской ССР (1943) и Академии медицинских наук СССР (1944), генерал-полковником медицинской службы, Героем Социалистического Труда (1945) и лауреатом Сталинской (Государственной) премии (1941)¹⁴.

Младший брат Иосиф Орбели, помимо курса гимназии, с домашними преподавателями прошел курс реального училища и по настоянию отца, считавшего, что его дети должны владеть каким-нибудь ремеслом, выучился на столяра-краснодеревщика, освоил профессии каменщика, позднее в Петрограде — типограф-

¹¹ Подробнее см.: *Окороков А.В.* История отечественной подводной археологии. М., 2008. С. 42–46, 49–50; *Следков А.Ю.* 1) Очерки истории водолазного дела. СПб., 2011. Кн. 1; 2) Рубен — Ольга — Анна — Русудана. СПб., 2020. С. 32–78.

¹² Известные выпускники и преподаватели Санкт-Петербургского университета... С. 133–135.

¹³ *Орбели Р.А.*, профессор. Исследования и изыскания: Материалы к истории подводного труда с древнейших времен до наших дней. М.; Л., 1947.

¹⁴ *Лейбсон Л.Г.* 1) Академик Л.А. Орбели. Л., 1973; 2) Академик Л.А. Орбели: Неопубликованные главы биографии. Л., 1990; *Григорьян Н.А.* 1) Л.А. Орбели и развитие советской физиологии. М., 1985; 2) Л.А. Орбели и его окружение: (Новые архивные материалы) // Вестник РАН. 1992. № 5. С. 118–139.

ского наборщика. По настоянию родителей в детстве мальчик говорил с армянами по-армянски, с грузинами по-грузински, с азербайджанцами по-азербайджански и всю жизнь не терпел национализма¹⁵. После окончания Третьей тифлисской гимназии с отличным аттестатом и золотой медалью (1904) И.А. Орбели направился в Санкт-Петербург к братьям. Он учился на отделении классической филологии историко-филологического факультета (1904–1911) и на факультете восточных языков (1907–1911) Императорского университета. Показательно, что в разлуке с детьми отец вел переписку с сыновьями по-армянски, мать — по-русски. Авторитет отца был непререкаем — в 1906 г. Иосиф попросил его разрешение выехать на раскопки средневековой столицы Армянского Багратидского царства Ани в экспедицию Н.Я. Марра в Алашкертской долине Карской области, где профессор Петербургского университета впервые провел археологические исследования еще в 1892 г. Студент И.А. Орбели захотел оставить кафедру классической филологии историко-филологического факультета и полностью перейти на факультет восточных языков, однако «пятиминутного разговора с отцом было достаточно, чтобы эту мысль отбросить»¹⁶. В результате курс историко-филологического факультета он прослушал полностью и закончил оба факультета в один год — летом 1911.

И.А. Орбели учился легко благодаря отличной гимназической подготовке. Он слушал лекции и посещал семинарии Ф.Ф. Зелинского, М.И. Ростовцева, С.А. Жебелёва, Б.В. Фармаковского, В.Н. Бенешевича и др. С.А. Жебелёв, при участии Н.Я. Марра, руководил его дипломной работой «Этнография Кавказа по известиям классических писателей» (1910–1911), рукопись которой хранится в личном фонде Н.Я. Марра¹⁷. На основе выпускной работы был опубликован ряд статей в «Журнале Министерства народного просвещения», редактором классического раздела которого был его научный руководитель по кафедре классической филологии С.А. Жебелёв¹⁸. До конца жизни И.А. Орбели сохранил благодарность своим университетским преподавателям, в частности С.А. Жебелёву, научившему подходить «к истории культуры с учетом всей исторической обстановки, со стремлением понять все оттенки мысли любого текста, любого памятника, который нам предстояло изучать»¹⁹.

Увлеченный историей и культурой древней Армении, Грузии и Ирана, в 1907 г. И.А. Орбели параллельно поступил на факультет восточных языков, где специализировался по армяно-грузино-персидскому разряду (1907–1911). На рубеже XIX–XX вв. Санкт-Петербург превратился в крупнейший центр востоковедения, получивший мировую известность. На факультете преподавали выдающиеся востоковеды В.А. Жуковский (декан), В.В. Бартольд, П.К. Коковцов, Б.А. Тураев и Н.Я. Марр — последний стал для И.А. Орбели не только учителем, наставником

¹⁵ Петросян Ю.А. Иосиф Абгарович Орбели. С. 220, 221.

¹⁶ Цит. по: Юзбашьян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. 1887–1961. С. 6.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 737.

¹⁸ См., например: Орбели И.А. Город близнецов ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΣ и племя возниц ΗΝΟΧΟΙ // ЖМНП. 1911. № 5. С. 195–215.

¹⁹ Орбели И.А. Воспоминания студенческих лет // Юзбашьян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. С. 133.

в науке и жизни, но и другом. В университете И.А. Орбели получил первые навыки комплексной кабинетной работы, сочетающей занятия филологией и археологией, с целью изучения истории, культуры, искусства Кавказа в контексте истории и культуры других народов Ближнего и Среднего Востока. Он изучил древнеармянский, древнегрузинский, мингрельский, сирийский, арабский, персидский языки и санскрит. Широта профессиональной подготовки в студенческие годы сделала из него незаменимого автора многочисленных статей об армянском, грузинском и мусульманском искусстве для «Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона».

Другим, уже полезным, университетом для И.А. Орбели стала Анийская экспедиция Н.Я. Марра²⁰, в которой он принимал самое деятельное участие с 1906 по 1916 гг. По настоянию Н.Я. Марра И.А. Орбели еще в студенческие годы, с 1907 г. стал заведующим Музеем древностей в Ани, созданном на средства частных лиц. На молодого ученого были возложены задачи по очистке, приведению в порядок, размещению и описанию древностей, сличению старых и прочтению вновь открытых армянских надписей²¹, а также по проведению экскурсий по городищу и музею для посетителей, число которых доходило до двух тысяч в год. В 1909–1910 гг., когда Н.Я. Марр проводил раскопки в Гарни, И.А. Орбели руководил работами в Ани, причем изучение памятников материальной культуры всегда сочеталось с изучением памятников армянской литературы и эпиграфических источников во взаимосвязи с культурой других стран Кавказа и Передней Азии. В 1910 г. были опубликованы подготовленные И.А. Орбели «Каталог Анийского музея древностей» и «Краткий путеводитель по городищу Ани»²². В личном фонде И.А. Орбели сохранились материалы о раскопках Н.Я. Марра в Ани²³. По убеждению А.В. Банк, «в Ани был впервые поставлен вопрос о неотделимости так называемого христианского искусства от мусульманского, здесь же зародилось у И.А. Орбели сомнение в правомерности термина “сельджукское искусство”, здесь же был задуман и ряд других работ, осуществленных впоследствии в Отделе Востока Эрмитажа»²⁴.

В 1912–1917 гг. И.А. Орбели выявил, скопировал, прокомментировал более 1100 анийских эпиграфических текстов, для издания которых он обучился в Типо-

²⁰ О раскопках Н.Я. Марра в Ани см.: *Орбели И.А.* 1) Блестящая страница в истории археологии // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9–10. Переизд.: ИТ. 1963. С. 298–301; 2) Н.Я. Марр как археолог // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 3–4. С. 50–61. Переизд.: ИТ. 1963. Подробнее о раскопках в Ани см.: *Юзбашьян К. Н.* Академик Иосиф Абгарович Орбели. С. 12–39; *Платонова Н. И.* Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // АВ. 1998. № 5. С. 371–382.

²¹ *Орбели И.А.* 1) Колокол с анийскими орнаментальными мотивами XII–XIII вв. // ЗВОРАО. 1910. Т. 20. С. 23–39. Отд. отт.: СПб., 1910; 2) О двух терминах в надписях Ани // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 111–117.

²² *Орбели И.А.* 1) Каталог Анийского музея древностей. Вып. 1: Описание предметов первого отделения (с 16 рис. в тексте и 1 табл.). СПб., 1910 (Анийская серия. № 3). Переизд.: ИТ. 1963. С. 23–102; 2) Краткий путеводитель по городищу Ани (с планом). СПб., 1910 (Анийская серия. № 4). Переизд.: ИТ. 1963. С. 103–132; 3) Развалины Ани: История. Современное состояние. Раскопки. СПб., 1911.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 5. Д. 41. Марр Н.Я. Дневник археологических раскопок в Армении. Тетрадь 4. Автограф. 20 июня–4 авг. [1893]. 61 л.; Д. 42. Марр Н.Я. «Анийский музей. II (архитектурное) отделение. Перечень предметов». Автограф. 4 сент. 1914. 113 л.

²⁴ *Банк А.В.* Проблемы искусства в работах Отдела Востока // ТГЭ. СПб., 2011. Т. 57: Балканский сборник. С. 274.

графии Императорской АН наборному делу. В 1919–1920 гг. ученый подготовил к печати «Свод армянских надписей. Вып. 1: Городище Ани», который в условиях послереволюционной типографской разрухи так и не был издан и был опубликован посмертно, много десятилетий спустя²⁵.

Осенью 1908 г., занимаясь происхождением одной из нефритовых рукоятей Кавказского музея в Тифлисе²⁶, И.А. Орбели заинтересовался историей армянского средневекового княжества Хачен (Нагорный Карабах, тогда Джеванджирский уезд Елизаветпольской губ.). В августе 1909 г. после завершения раскопного сезона в Ани благодаря ходатайству Н.Я. Марра молодой ученый был командирован факультетом восточных языков Санкт-Петербургского университета в Хачен²⁷. Как установил И.А. Орбели, владельцем кинжальной нефритовой рукояти из тифлисского музея оказался князь Хасан Джалал из Хачена, умерший в 1261 г.²⁸ Главным предметом изучения студента стали рельефы²⁹ и надписи армянских надгробий, а также памятники Гандзагарского монастыря. В ходе поездки И.А. Орбели скопировал около 300 надписей на мемориальных и архитектурных памятниках, в том числе неопубликованные. Собранный материал по армянской эпиграфике при его жизни был издан лишь частично, в том числе в основанном Н.Я. Марром, Б.А. Тураевым, В.Н. Бенешевичем журнале «Христианский Восток» (1912–1922). В том же издании была опубликована греческая надпись на серебряном ковше 1586 г. и арабская надпись на хачкаре XIII–XIV вв.³⁰ Именно И.А. Орбели под руководством Н.Я. Марра в 1913–1917 гг. заложил основные принципы научного изучения и издания памятников армянской эпиграфики как особой области арменоведения. Целью его многолетней работы стала подготовка свода армянских надписей, первый выпуск которого вышел в 1914 г.³¹ Иосиф Абгарович первым издал ряд лапидарных надписей VII–X вв., надписи католикаса Комитаса, анийской

²⁵ Орбели И.А. Свод армянских надписей. Вып. 1: Городище Ани. Ереван, 1966.

²⁶ Орбели И.А. Нефритовая кинжальная рукоять с армянской надписью // ИАН. 1909. С. 377–389.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 3. Д. 141.

²⁸ Орбели И.А. Хасан Джалал, князь Хаченский // ИАН. 1909. Сер. 6. № 6. С. 405–436. Переизд.: ИТ. 1963. С. 146–174. Эта статья написана на основе кандидатского выпускного сочинения по факультету восточных языков Петербургского университета. См.: Юзбашьян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. С. 118, прим. 9.

²⁹ Орбели И.А. Бытовые рельефы на армянских крестных камнях XII–XIII вв. // ЗВОРАО. 1915. Т. 22. Вып. 3–4. С. 327–335. Переизд.: ИТ. 1968. С. 196–204.

³⁰ Орбели И.А. 1) Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи VII в. // Христианский Восток (ХВ). 1913. Т. 2. Вып. 1. С. 105–142. Табл. I–VIII. Переизд.: ИТ. 1963. С. 371–405; 2) Шесть армянских надписей VII–X вв. Указатель слов и имен к 13 армянским надписям VII в. // ХВ. 1914. Т. 3. Вып. 1. С. 72–91. Табл. III–IV. Отд. отт.: Пг., 1914; Переизд.: ИТ. 1963. С. 405–430; 3) Две строительные надписи князей Камсараканов // ХВ. 1915. Т. 3. Вып. 3. С. 297–306. Переизд.: ИТ. 1963. С. 430–440; 4) Надпись Сананского моста // ХВ. 1915. Т. 4. Вып. 2. С. 191–192. Табл. VIII, I–II, рис 1. Переизд.: ИТ. 1963. С. 451–452; 5) Надпись Бердакзорского моста // ХВ. 1915. Т. 4. Вып. 2. С. 192–194. Переизд.: ИТ. 1963. С. 452–454; 6) Два серебряных ковша XVI века с армянской и греческой надписями // ХВ. 1916. Т. 5. Вып. 1. С. 1–13. Табл. I–IV. Отд. отт.: Пг., 1916. Переизд.: ИТ. 1963. С. 205–217; 7) Багаванский храм и его надписи // ХВ. 1916. Т. 5. Вып. 2. С. 128–143. Табл. XXXVIII–XLIII. Отд. отт.: Пг., 1917. Переизд.: ИТ. 1963. С. 455–469; 8) Армянские надписи на камне. 1–9 // ХВ. 1917. Т. 5. Вып. 2. С. 147–155. Отд. отт.: Пг., 1917. Переизд.: ИТ. 1963. С. 469–476; 9) Фрагмент крестного камня с арабской надписью в Тифлисе // ХВ. 1918. Т. 6. Вып. 2. С. 197–202. Табл. I. Отд. отт.: Пг., 1918. Переизд.: ИТ. 1963. С. 217–222.

³¹ Орбели И.А. 1) Надписи Мармашена. Собрал и приготовил к печати Иосиф Орбели. Пг., 1914 (Памятники армянской эпиграфики. I); 2) Надписи Мрена. Пг., 1916.

дворцовой церкви, Санаинского моста, Талинского храма, монастырей Айриванк, Кармир ванк, Мецараниц, Варагаванк и др., снабженные указателем слов и имен, причем для этих публикаций он лично разработал, заказал для академической типографии в словолитне Академии наук отливку нужных лигатур и форм специального армянского эпиграфического шрифта; шрифт был готов к 1914 г. Эти лигатуры были использованы при наборе исследований, переводов и публикаций И.А. Орбели армянских памятников письменности и эпиграфики, причем автор/публикатор зачастую сам выступал в качестве типографского наборщика³². К сожалению, корректуры ряда работ погибли во время катастрофического наводнения в Ленинграде 1924 г., поэтому И.А. Орбели не смог издать другие выпуски «Свода армянских надписей». К несчастью, в годы блокады Ленинграда созданный по эскизам И.А. Орбели армянский эпиграфический шрифт по недосмотру был перелит, но в личном фонде ученого сохранились эскизы и другие материалы, вплоть до раскладки лигатур в кассе, позволяющие полностью его восстановить³³.

Только в 2016 г. по корректуре 1919–1923 гг. был издан труд И.А. Орбели, представляющий собой каменную летопись памятников Нагорного Карабаха (Арцаха), которые, «может быть более, чем в какой-либо другой области Армении..., гибнут и исчезают»³⁴. Предисловие автора датировано январем 1917 г., с дополнениями от 8 января 1922 г.

После окончания университета И.А. Орбели был оставлен по кафедре армяно-грузинской словесности для подготовки к профессорскому званию с 1 сентября 1911 г. по 1 сентября 1914 г. — в эти годы его патрон Н.Я. Марр не только руководил кафедрой, но и стал деканом факультета восточных языков (1911–1919).

В 1911 г. И.А. Орбели по рекомендации Н.Я. Марра был направлен от Императорской АН в научную командировку в Турецкую Армению для исследования ванской культуры (Н.Я. Марр, числившийся переводчиком МИД, побывал в Ванской области в 1907 и 1909 гг.³⁵). Магистрант в 1911–1912 гг. обследовал Ванский вилайет и изучал армянские и курдские наречия (к тому времени курдским языком он овладел в совершенстве), записывал курдские фольклорные тексты, собрал большой лексикографический материал для словарей мокского диалекта курдского и армянского языков, т. к. оба народа в этом регионе жили бок о бок. В ходе Первой мировой войны практически все население Мокса было уничтожено, поэтому лингвистические и фольклорные записи И.А. Орбели приобрели непреходящее научное значение. И.А. Орбели составил курдско-русский словарь объемом 15 а. л. с приложением парадигм спряжения глаголов. Эти материалы были лишь частично введены в научный оборот в 1982 г.³⁶, хотя еще в 1964 г. сотрудники группы курдоведения Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР подготовили и сдали в печать его курдско-русский словарь и разработанный

³² Вопросы и решения. Вардапета Анании Ширакца, армянского математика VII века / Изд. и перев. И.А. Орбели. Пг., 1918.

³³ Юзбашьян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. С. 120, прим. 70.

³⁴ Орбели И. Надписи Гандзасара и навоцпука. Собрал и подгот. к печати А. Акопян, редактор проф. Л. Саргсян. Ереван, 2016. С. 85.

³⁵ Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века) / отв. ред. И.В. Тункина. М., 2011. С. 262.

³⁶ Орбели И.А. Фольклор и быт Мокса. М., 1982.

И.А. Орбели в 1914 г. курдский алфавит на основе русской графики (Первая мировая война помешала планам его практического применения)³⁷.

Параллельно в Турецкой Армении И.А. Орбели проводил археологические разведки и раскопки с целью поиска памятников халдской (урартской) эпиграфики³⁸. Он обнаружил «темные стороны немецких раскопок, производившихся там в 1898–1899 гг., определил пункты, где таятся еще археологические памятники, и приобрел важные предметы урартийской древности, дотоле неизвестные»³⁹. Из Топрак-кале в окрестностях г. Вана ему удалось вывезти в Петербург обломки каменного фриза с резными фигурами и ряд других древностей, поступивших в Эрмитаж. Итоги поездки в конце 1912 г. И.А. Орбели доложил Историко-филологическому отделению Императорской АН и Восточному отделению РАО. Благодаря этим сообщениям после экспедиций М.В. Никольского и А.А. Ивановского, проводившихся под эгидой Московского археологического общества (1862, 1893), внимание русских ученых к памятникам Турецкой Армении было привлечено вновь⁴⁰.

По возвращении в Петербург в январе 1914 г. И.А. Орбели успешно выдержал экзамены на степень магистра армянской филологии, однако магистерскую диссертацию так и не защитил. С 1 июля 1914 г. он был допущен к чтению лекций как приват-доцент университета на факультете восточных языков по кафедре армянской и грузинской словесности, вел курсы по археологии, истории, эпиграфике Армении и курдскому языку⁴¹. В 1915 г., уже как приват-доцент Петроградского университета И.А. Орбели посещал семинарий и лекции хранителя Эрмитажа, любимого ученика академика Н.П. Кондакова, будущего академика (с 1917 г.) Я.И. Смирнова, перенимая у него методы критического изучения памятников искусства и материальной культуры Евразии. Из семинара, посвященного изучению храма Креста Х в. на острове Ахтамар в озере Ван⁴², выросла работа И.А. Орбели, к которой он возвращался в 1920-х и в 1945–1947 гг., опубликованная посмертно⁴³. Пиетет к Я.И. Смирнову как к учителю и старшему коллеге, благодарность ему за помощь в научной работе проявились в докладе, зачитанном 30 апреля (ст. ст.) 1919 г. в Музее древностей Петроградского университета на чрезвычайном Общем собрании Русского

³⁷ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997. С. 224–225.

³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 3. Д. 142; Юзбашьян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. 1887–1961. С. 16–17.

³⁹ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. / отв. ред. И.В. Тункина. М., 2008. С. 239.

⁴⁰ Орбели И.А. 1) Предварительный отчет о командировке в Азиатскую Турцию в 1911–1912 гг. // ИАН. 1912. Сер. 6. № 15. С. 917–926. Переизд.: ИТ. 1968. С. 188–195; 2) Поездка в Ванский вилайет // ЗВОРАО. 1913. Т. 21. Вып. 4. С. LXXVIII–LXXX. См. также: Отчет о деятельности Общества русских ориенталистов за 1911 г. СПб., 1912. С. 43–44.

⁴¹ Список профессоров и приват-доцентов Факультета восточных языков Императорского, бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. Пг., 1916. С. 16–17; Попова И.Ф. Орбели Иосиф Абгарович // Азиатский музей — Институт восточных рукописей РАН: Путеводитель / Отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2018. С. 732–734.

⁴² СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 5. Д. 80. Неустановленный автор. Описание Ахтамарского храма. Машинопись. На арм. яз. Не ранее 1905. 5 л.; Д. 61. Смирнов Я.И. О рельефах Ахтамарского храма. Заметки. Автограф, машинопись с правкой К.В. Тревер. Не позднее 1917 г. 11 л.

⁴³ Монография «Памятники армянского зодчества на острове Ахтамар» опубликована К.Н. Юзбашьяном, К.В. Тревер и А.Л. Якобсоном: Орбели И.А. Ахтамар // ИТ. 1968. Т. 2. С. 17–204.

археологического общества, посвященном памяти Я. И. Смирнова, на котором были заслушаны сообщения С.А. Жебелёва, И.А. Орбели, Н.П. Сычева. Материалы этого заседания сохранились в личном фонде Иосифа Абгаровича⁴⁴.

И.А. Орбели был допущен к кругу ученых, составлявших костяк Императорского Русского археологического общества, еще в студенческие годы как ученик Н.Я. Марра (в порядке исключения, т. к. ни студентов, ни женщин на заседания Восточного отделения РАО при управляющем отделением бароне В.Р. Розене не допускали⁴⁵), в 1912 г. стал членом-сотрудником РАО, в 1914 г. был избран действительным членом общества и тогда же стал секретарем его Восточного отделения (1914–1918)⁴⁶. «...Мне приходилось быть членом различных научных обществ, но нигде, кроме Восточного отделения Русского археологического общества, не чувствовалась в такой мере научная солидарность, сплоченность членов Общества вокруг каких-то общих задач в вопросах востоковедения», — вспоминал И.А. Орбели⁴⁷. Общество приступило к изучению материалов, привезенных из Турецкой Армении. В марте 1914 г. на заседании Восточного отделения РАО Б.В. Фармаковский выступил с сообщением «Обломки каменного фриза с резными фигурами из Вана», посвященным изучению открытых И.А. Орбели на Топрак-кале фрагментов мраморного фриза с изображением быков и деревьев в рамке из геометрического орнамента. По инициативе Н.Я. Марра была избрана особая комиссия в составе Б.В. Фармаковского, Н.Я. Марра, Б.А. Тураева, Я.И. Смирнова и И.А. Орбели для обсуждения вопроса о продолжении раскопок на Топрак-кале. В апреле 1914 г. Б.А. Тураев представил специальную записку о древностях Макинского ханства⁴⁸ и сопредельных областей⁴⁹. Комиссия постановила добиваться разрешения от турецких властей на проведение раскопок и изыскать средства на экспедицию.

В ходе Первой мировой войны в 1915–1917 гг. русские войска заняли турецкие территории, в том числе Карсскую область. Используя обстоятельства, в феврале 1916 г. Н.Я. Марр вновь поднял вопрос перед Восточным отделением РАО о необходимости снаряжения экспедиции в Ван и хлопотал о поисках средств на нее⁵⁰. Ходатайство РАО о снаряжении Ванской экспедиции было удовлетворено, причем

⁴⁴ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 335. Орбели И.А. «Работы Я.И. Смирнова на Кавказе». Доклад, прочитанный на заседании РАО, посвященном памяти Я.И. Смирнова. Автограф, машинопись с правкой автора. 1918–1919. 55 л.; Оп. 5. Д. 21. Жебелёв С.А. «Я.И. Смирнов как деятель Русского археологического общества» Доклад. Автограф. 1918? 4 л.; Д. 22. Жебелёв С.А. Из воспоминаний об Я.И. Смирнове. 1918 г. Доклад. Автограф. 29 л. Опубл.: Историографические этюды С.А. Жебелёва: Три неизданных мемуара С.А. Жебелёва: *Жебелёв С.А. Из воспоминаний о Я.И. Смирнове* / Публ. И.В. Тункиной, Э.Д. Фролова // ВДИ. 1993. № 3. С. 182–191.

⁴⁵ *Орбели И.А.* Воспоминания студенческих лет. С. 150.

⁴⁶ *Тункина И.В.* Орбели Иосиф Абгарович // Жебелёв С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. М., 2017. С. 467–468.

⁴⁷ *Орбели И.А.* Воспоминания студенческих лет. С. 150.

⁴⁸ Макинское (Махинское) ханство было расположено в северо-западной Персии на границе с Российской империей (район Нахичевани) и являлось ареной турецко-иранских и русско-турецких противоречий; российский МИД стремился превратить его в плацдарм российского влияния.

⁴⁹ Протокол и записка опубл.: ЗВОРАО. 1915. Т. 22. С. XLI сл.

⁵⁰ *Марр Н.Я.* Записка о снаряжении экспедиции в Ван и программа работ Ванской экспедиции на 1916 г. // ЗВОРАО. 1917. Т. 24. С. XXV–XXIX.

Н.Я. Марр сумел придать вопросу государственное значение — из Кабинета Николая II было ассигновано 7000 руб. Руководство экспедицией по археологической и лингвистической части взял на себя Н.Я. Марр, его ближайшим помощником был назначен И.А. Орбели. РАО прикомандировало к кавказоведам фотографа А.М. Вруйра и архитектора И.Е. Княжицкого. Экспедиция состоялась летом 1916 г. в обстановке военного времени и увенчалась значительным успехом. Н.Я. Марр обследовал крепость Топрак-кале, где работала немецкая экспедиция К. Леманн-Гаупта (1898), а И.А. Орбели — ниши на ее склоне на скале Хазине-капуси с цитаделью. В ходе раскопок двух ниш были найдены клинообразные тексты с фрагментами летописи урартского царя Сардури II середины VIII в. до н. э., а на монолитном постаменте со стелой оказались еще две надписи большего размера, свидетельствующие о постройках этого царя и о его многочисленных походах (более 20) против царей Ионии — Диогена и Капурины. Это стало первым историческим упоминанием об Ионии в источнике второй половины VIII в. до н. э. Летопись царя Сардури II, сына Агришти III, до сих пор считается самой крупной из известных до настоящего времени урартских надписей⁵¹. Все три надписи, рассматриваемые как целое, — крупнейший памятник ванской эпиграфики, «победные анналы Сардура II, подобные Карнакским Тутмоса III, Бехистунским Дария I и Хорхорским Аргиши». Заседание Восточного отделения РАО 24 ноября 1916 г., на котором был доложен отчет об экспедиции и предложен Н.Я. Марром перевод урартской клинописи⁵², по словам Б.А. Тураева, стало «настоящим празднованием великой победы русской науки»⁵³. 15 декабря 1916 г. Восточное отделение РАО постановило продолжать исследования в Ване и его окрестностях, распространить разведки на Персию, начав с Макинского ханства, вплоть до Мингрелии в Тифлисской губ., ходатайствовать о передаче Ванской скалы в ведение представителей археологической науки для оборудования склада древностей и подготовки систематических раскопок.

В конце апреля 1917 г. Н.Я. Марр доложил РАО «Отчет Ванской экспедиции Русского археологического общества (часть II)». Я.И. Смирнов поставил вопрос о необходимости возобновить работы в Ване в 1917 г., «если невозможно продолжать работы в широком масштабе, то хотя бы в самых незначительных размерах», чтобы сохранить за РАО и русской наукой приоритет в археологических исследованиях. Я.И. Смирнов предложил отправить экспедицию в старом составе, усилив ее в случае необходимости новыми членами. Но Н.Я. Марр отклонил предложение руководить экспедицией 1917 г., а И.А. Орбели отказался от участия в предполагаемой поездке. снаряжение новой экспедиции было поручено комиссии Восточного отделения РАО, избранной еще в 1916 г. 20 июня 1917 г. Временное

⁵¹ История отечественного востоковедения... С. 461.

⁵² Марр Н.Я., Орбели И.А. Археологическая экспедиция 1916 года в Ван. Раскопки двух ниш на Ванской скале и надписи Сардура Второго из раскопок Западной ниши: Доклады. Пг., 1922. 78 с., 27 илл.; Марр Н.Я. 1) Материалы по халдской эпиграфике из командировки И.А. Орбели в Турецкую Армению // ЗВОРАО. 1917. Т. 24. Вып. 1–4. С. 97–124; 2) Надпись Сардура II, сына Аргиштия, в Даш-Керпи на Чалдырском озере: Издание, перевод, исследование // Записки Кавказского музея. Серия В, I. СПб., 1919. С. 1–38; 3) Надпись Сардура II из раскопок ниши на Ванской скале. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Изд. РАО. Пг., 1922. С. 25–68.

⁵³ Тураев Б.А. Наука о древнем Востоке за 1914–1916 гг. // Исторические известия. 1916. № 3–4. С. 95.

правительство постановило ассигновать на Ванскую экспедицию 10 000 руб.⁵⁴, но Октябрь 1917 г. перечеркнул планы ее проведения.

Со студенческих лет И.А. Орбели усвоил исключительное значение для науки дохристианских и христианских древностей Кавказа из-за тесной интерференции древних и средневековых кавказских культур с византийским, древнерусским и исламским мирами. По убеждению его учителя Н.Я. Марра, кавказские древности являются предметом «мирового интереса» и вносят «существенную поправку во всеобщую историю искусства»⁵⁵. Н.Я. Марр особо выделял важнейшие памятники для исследования: 1) доисторические древности, прежде всего dolmeny и višapy (каменные рыбы-великаны); 2) халдские (ванской эпохи) и более ранние урартские древности; 3) церкви, мечети, крепости, дворцы и пр.; 4) пещерные комплексы, образующие города (Ани, Уплис-цих) и монастыри (Вардзиа); 5) могильники и курганы древнейших эпох в Эриванской и Елизаветпольской губ., близ Ани, в Баш-Шурагеле, близ Мцхета, около Ахалгори и Бари; 6) городища на территории Грузии и Армении, в том числе Ани, Накалакеви (древн. Археополь), Гегути, Самшвилде, Урбинси, Греми, Арташат, Багаран, Двин, Мрен, Гарни, где сохранился единственный в пределах России архитектурный памятник — уникальный храм римской эпохи⁵⁶. Эти памятники стали объектом изучения не только Н.Я. Марра, но и его коллег и учеников, в частности И.А. Орбели. На базе Анийской экспедиции Н.Я. Марра был открыт Анийский археологический институт, послуживший основой для создания первого научно-исследовательского института в структуре Российской академии наук — Кавказского историко-археологического института в Тифлисе (1917), на организацию которого Временное правительство ассигновало свыше 26 тыс. руб.⁵⁷ Но по Брестскому мирному договору 1918 г. Карская область отошла к Турции, и традиция изучения русской наукой памятников Турецкой Армении оказалась насильственно прервана.

В послереволюционные годы И.А. Орбели, как и его патрон Н.Я. Марр, уже с начала 1918 г. пошел на сотрудничество с новой властью. Он быстро завязал нужные связи с влиятельными чиновниками — наркомом просвещения А.В. Луначарским и его замом З.Г. Гринбергом, заведующей Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР Н.И. Седовой-Троцкой, руководством Главнауки Наркомпроса РСФСР, с членом Президиума и секретарем ВЦИК А.С. Еникудзе, который в 1925–1927 гг. стал председателем Комиссии по контролю за повседневной деятельностью АН СССР. По дневникам Е.Г. Ольденбург известно, что Н.Я. Марр в 1920-х гг. обсуждал с последним научно-организационные вопросы по-грузински. По словам академика Е.В. Тарле, научное сообщество только с 1918 г. оценило Иосифа Абгаровича как талантливого ученого-организатора⁵⁸. Административный талант, неутомимая энергия,

⁵⁴ См.: Жебелёв С.А. Русское археологическое общество... С. 57–58, 144.

⁵⁵ Тункина И.В. Нереализованные проекты 1917 г. Российской академии наук в области охраны памятников истории и культуры // 1917 год: Российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М., 2017. С. 81.

⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 164. С. 210–212.

⁵⁷ Тункина И.В. Академия наук в 1917 году // Вестник РАН. 2018. Т. 88. № 5. С. 413.

⁵⁸ Тарле Е.В. Историк-патриот // Орбели И.А. ИТ. 1964. С. XIX.

кавказский темперамент, умение вести диалог и доказывать власти свою правоту позволяли И.А. Орбели преодолевать бюрократические барьеры и добиваться реализации задуманного в реформировании научных и музейных учреждений при новой власти.

И.А. Орбели стал ученым секретарем Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР (февраль 1918 — лето 1920). В конце 1918 г. РАО благодаря его ходатайствам получило субсидию из суммы Комиссариата по просвещению в размере 125 000 руб., в том числе за изготовление фототипий к отчету Ванской экспедиции, роскошно изданному к 100-летию Société Asiatique (1922)⁵⁹, и планируемому к печати монументальному «Атласу клинообразных надписей», открытых этой экспедицией. Организационные способности И.А. Орбели были по достоинству оценены коллегами, и Общим собранием он был избран секретарем РАО (1919–1922)⁶⁰. Вплоть до закрытия общества в 1924 г. ученый регулярно добивался ассигнований на его текущие расходы⁶¹. В последний год существования РАО⁶² его Восточное отделение перенесло свою деятельность в Коллегию востоковедов при Азиатском музее РАН, созданную в 1921 г.⁶³

Не имевший ученой степени 37-летний И.А. Орбели 6 декабря 1924 г. по представлению академиков И.Ю. Крачковского, Н.Я. Марра, С.Ф. Ольденбурга за свои научные достижения был избран членом-корреспондентом по разряду восточной словесности (археология и история искусств) Отделения исторических наук и филологии РАН, причем еще по дореволюционному уставу Императорской/Российской АН⁶⁴. В его личном фонде сохранился автограф представления, написанный рукой Н.Я. Марра⁶⁵.

В советский период продолжилась и педагогическая деятельность кавказоведа, всячески поддерживавшего Н.Я. Марра в проектах реорганизации высшего образования в области востоковедения. В июне 1918 г. И.А. Орбели был избран Советом Петроградского археологического института ассистентом по кафедре истории искусства Востока и читал лекции вплоть до его ликвидации. Он стал профессором Российского института истории искусств (1919–1920) и преподавателем этнологическо-историко-филологического факультета Лазаревского Переднеазиатского института (1918–1921), разрабатывал программу его реорганизации

⁵⁹ *Марр Н.Я., Орбели И.А.* Археологическая экспедиция 1916 года в Ван. Раскопки двух ниш на Ванской скале и надписи Сардура Второго...

⁶⁰ В 1918 г. И.А. Орбели был избран членом Московского археологического общества, закрытого советской властью в 1923 г.

⁶¹ *Тункина И.В.* Русское археологическое общество в 1899–1924 гг.: Взгляд С.А. Жебелёва // С.А. Жебелёв. Русское археологическое общество... С. 11–13.

⁶² См.: *Тункина И.В.* Русское археологическое общество в послереволюционные годы (1917–1924) // *Spicilegium Byzantino-Rossicum. Сборник статей к 80-летию чл.-корр. РАН И.П. Медведева* / Под ред. Л.А. Герд. М., 2015. С. 307–313.

⁶³ Востоковедение в Петрограде 1818–1922: Памятка коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук / Сост. В. Котвич. Пг., 1923. С. 10, 15, 17, 24, 39, 40, 59, 66–67, 79 (указан адрес И.А. Орбели: Васильевский остров, 11 линия, д. 44, кв. 24. До революции он проживал по адресу: ул. Лиговская, д. 11).

⁶⁴ Российская академия наук. Персональный состав. М., 2009. Кн. 2: 1918–1973. С. 30.

⁶⁵ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 3. Д. 74. Опубл.: *Марр Н.Я., Ольденбург С.Ф., Крачковский И.Ю.* Записка об ученых трудах И.А. Орбели // *Известия РАН.* 1924. 6 сеп. Т. 18. Ч. 2. С. 575.

вместе с Н.Я. Марром, В.В. Бартольдом и другими ориенталистами⁶⁶. Доцентом университета И.А. Орбели являлся до избрания на должность профессора (1919–1931), когда факультет восточных языков был ликвидирован и влит в факультет общественных наук (1919–1925), затем преобразован в факультет языкознания и материальной культуры (1925–1929)⁶⁷. И.А. Орбели стал заведующим кафедрой армяно-грузинской филологии (1925–1929), затем заведующим кафедрой истории материальной культуры Востока (1928–1931), читал лекции по истории материальной культуры Кавказа в Ленинградском государственном историко-лингвистическом институте (1930–1933). Позднее он вернулся к преподавательской деятельности в университете и в 1955–1960 гг. был деканом восточного факультета ЛГУ, одновременно с 1956 г. заведывая кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока.

5 декабря 1918 г. И.А. Орбели был избран членом Совета Российской государственной археологической комиссии⁶⁸, затем стал действительным членом Российской (с 1926 г. — Государственной) академии истории материальной культуры, где первое время исполнял обязанности ученого секретаря (1919–1920)⁶⁹. С 1919 г. он возглавил Разряд археологии и искусства Армении и Грузии Археологического (II-го) отделения, с 1929 г. стал заведующим Разрядом средневековых культур Кавказа и Ирана. Параллельно И.А. Орбели возглавил издательство РАИМК (1920–1924)⁷⁰ и учил сотрудников набору — первый том «Известий РАИМК» был набран в академической типографии самими авторами под его руководством. С июня 1920 г. вплоть до марта 1922 г. он являлся директором Типографии РАН. В марте 1920 г. он закончил составление таблиц для перевода дат по хиджре на европейское летоисчисление. Этот замечательный справочник был опубликован 20 лет спустя и стал настольным для востоковедов⁷¹.

На рубеже 1920-х–1930-х гг. И.А. Орбели принимал активное участие в работе Дагестанского комитета ГАИМК, организовал и возглавил Армяно-Дагестанскую экспедицию (1928, 1929) с целью обследования архитектурных памятников Армении (главный объект изучения средневековый замок на склоне Арагаца — Анберд), Хасавюрта и Дербентской крепости, сбора и изучения албанских каменных рельефов в музеях Еревана, Эчмиадзина, Махачкалы и Дербента⁷², изучал памятники

⁶⁶ *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 193–195.

⁶⁷ При ямфаке ЛГУ с 1923 г. действовал Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока, научным сотрудником которого являлся И.А. Орбели.

⁶⁸ Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: в 2 т. / науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. СПб., 2019. Т. 2. С. 1424.

⁶⁹ *Фармаковский Б.В.* К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1921. С. 11.

⁷⁰ Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред.-сост. Е.Н. Носов. СПб., 2013. С. 24, 372.

⁷¹ *Орбели И.А.* Синхронистические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летоисчисление. Л., 1940; 2-е изд. М.; Л., 1961.

⁷² Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР 1919–1956 гг.: Указатель. М., 1962. С. 63. В экспедиции принимали участие К.В. Тревер и А.А. Аджан. Документы о ее организации и проведении хранятся в РО НА ИИМК РАН: Ф. 2. Оп. 1–1929. Д. 120. Л. 16–17; Оп. 1–1930. Д. 109. Л. 46–49.

сасанидского искусства в местных музеях Урала (1930)⁷³. Взаимосвязям Ирана с народами Кавказа в древности и средневековье посвящена серия работ И.А. Орбели 1930-х гг.

В 1934 г. в СССР были возрождены ученые степени, отмененные советской властью в 1918 г. В 1934 г. члену-корреспонденту И.А. Орбели по отзыву С.А. Жебелёва Квалификационной комиссией АН СССР была присуждена ученая степень доктора археологии без защиты диссертации⁷⁴. 1 июня 1935 г. на вакансию, освободившуюся после смерти Н.Я. Марра, И.А. Орбели был избран академиком по Отделению общественных наук (востоковедение) АН СССР. В фонде ученого сохранился отзыв двух востоковедов — академика В.М. Алексеева и члена-корреспондента А.Ю. Якубовского — о научной и научно-организационной деятельности выдвигаемого кандидата⁷⁵.

После ликвидации ГАИМК И.А. Орбели 16 августа 1937 г. был назначен Президиумом АН СССР директором созданного на его основе Института истории материальной культуры АН СССР (29 июня 1937 — 25 февраля 1939 гг.). К началу сентября 1937 г. новый директор завершил реформирование структуры института — создал 10 секторов по региональному признаку, добился разрешения заключать со сторонними организациями договоры на проведение археологических раскопок, при этом все сотрудники, не являвшиеся археологами, были уволены. Занятость в Государственном Эрмитаже, директором которого Иосиф Абгарович стал в 1934 г., и недостаточное внимание к нуждам института вызвало недовольство в коллективе, причем во главе недовольных встал и. о. заместителя директора по научной работе ИИМК АН СССР М.И. Артамонов. Общее собрание обратилось в Президиум АН СССР с просьбой о смене руководства⁷⁶. М.И. Артамонов, тогда кандидат наук, был назначен директором ИИМК (1939–1943). В 1951 г. по личному распоряжению И.В. Сталина И.А. Орбели был снят с поста директора Эрмитажа и заменен именно М.И. Артамоновым, занимавшим этот пост с 1951 по 1964 г.⁷⁷

Значительную часть жизни, 31 год, с ноября 1920 г. по 1951 г., И.А. Орбели отдал Государственному Эрмитажу, пройдя путь от хранителя до директора. Он превратил музей в крупнейший центр советской ориенталистики и способствовал поступлению в его фонды богатейших восточных коллекций из других научных учреждений и музеев. По рекомендации С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, Н.Я. Марра блестящий молодой ученый был избран Советом музея хранителем открытого 1 ноября 1920 г. Отделения мусульманского средневековья (с 1921 г. Отделение Кавказа, Ирана и Средней Азии), где первоначально работал в полном одиночестве, был назначен помощником директора С.Н. Тройницкого (лето 1924 — осень 1925 г.), затем возглавил Разряд археологии Кавказа (1926–1929) Сектора/Отдела Востока,

⁷³ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 3. Д. 111; Д. 116.

⁷⁴ Жебелёв С.А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем / Публ. И.В. Тункиной // Очерки истории отечественной археологии / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.А. Формозов. М., 2002. Вып. 3. С. 163–164.

⁷⁵ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 3. Д. 76. 17 ноября 1934 г.; Российская академия наук. Персональный состав. М., 2009. Кн. 2: 1918–1973. С. 30.

⁷⁶ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 3. Д. 120; Д. 121; Д. 122.

⁷⁷ Алекшин В.А. Иосиф Абгарович Орбели // Академическая археология на берегах Невы. С. 24; Платонова Н.И. Михаил Илларионович Артамонов // Академическая археология на берегах Невы. С. 25–26.

стал первым заведующим Отделом Востока (1931–1933), ученым специалистом-консультантом (1933), заместителем директора по научной части (1933–1934) и директором (1934–1951) Государственного Эрмитажа⁷⁸. Он отдал много сил реорганизации музея и перестройке его экспозиции, занимался приумножением коллекций, организовывал временные выставки, расширил научно-просветительскую работу и пр. Главный результат его кипучей деятельности — объединение всех восточных коллекций Эрмитажа в рамках Отдела Востока. Если в 1921 г. восточном собрании Эрмитажа было 10 тыс. предметов, то к концу 1933 г. 84 тыс.⁷⁹ По меткому определению А.В. Банк, его работы, как ученика Н.Я. Марра и Я.И. Смирнова, отличала «характеристика художественных памятников на фоне всестороннего освещения культуры страны, привлечение литературных данных как для пояснения функционального значения вещей, так и для характеристики однородных процессов в изобразительном искусстве и литературе, не говоря уже о параллельном изучении всех видов искусств (архитектуры, скульптуры, всех форм прикладного искусства, монет)»⁸⁰.

Вслед за Я.И. Смирновым он изучил эрмитажную коллекцию золотых и серебряных изделий Сасанидского Ирана в их взаимосвязи с памятниками Кавказа и в ноябре 1922 г. в двух залах Эрмитажа открыл временную выставку памятников сасанидского искусства III–VII вв. из собраний Строгановых, графа А.А. Бобринского и коллекции Эрмитажа, в том числе артефактов, найденных в Приуралье, Дагестане и пр.⁸¹ Им была организованы выставки «Мусульманские изразцы» (1923), «Галерея мусульманского Востока» (1925), постоянная экспозиция (1925) с представлением артефактов регионов Кавказа, Средней Азии, Ирана, и целый ряд других выставочных проектов, нередко к юбилеям и памятным датам выдающихся деятелей культуры России (100-летие со дня смерти А.С. Пушкина, 1937) и Востока, изданы работы по истории музея и его зданий⁸².

И.А. Орбели смело отстаивал интересы науки и культуры в диалоге с властью. 25 октября 1932 г. он как руководитель Сектора Востока Эрмитажа не побоялся написать Сталину с осуждением деятельности Антиквариата, занимавшегося экспортным отбором предметов искусства для зарубежных аукционов. Из фондов Эрмитажа Антиквариатом было отобрано несколько тысяч картин, художественное серебро (в том числе сасанидское), византийские эмали, бронза, памятники нумизматики и др. Антиквариат покушался даже на знаменитую скифскую коллекцию. Письмо И.А. Орбели Сталину было передано через А.С. Еникудзе: «Дея-

⁷⁸ Подробнее о деятельности И.А. Орбели в Отделе Востока и проблематике его исследований см.: *Иерусалимская А.А., Иванов А.А.* Отдел Востока // Эрмитаж: История и современность / ред. В.А. Суслов. М., 1990. С. 215–230; *Банк А.В.* Проблемы искусства в работах Отдела Востока // ТГЭ. СПб., 2011. Т. 57: Балканский сборник. С. 274–283.

⁷⁹ Юзбашьян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. С. 59–60.

⁸⁰ Банк А.В. Проблемы искусства в работах Отдела Востока. С. 275.

⁸¹ Орбели И.А. Временная выставка сасанидских древностей. Пг., 1922. См. также: Орбели И.А. Сасанидское искусство // Восток. 1924. Кн. 4. С. 139–156; Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл: Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.; Л., 1935 (III Международному конгрессу по иранскому искусству и археологии. Ленинград, 1935).

⁸² Орбели И.А. 1) Мусульманские изразцы: Очерк. Пг., 1923; 2) Мусульманский Восток. СПб., 1925 (выставка «Галерея мусульманского Востока», 1925); 3) Георгиевский зал Зимнего дворца. 2 изд. Л., 1948. 3 изд. Л., 1959 (на обложке третьего издания автор не указан); 4) Сокровища Эрмитажа. Л., 1949.

тельность Антиквариата, и до сих пор тяжело отражавшаяся на Эрмитаже вообще, за последние годы приняла особенно угрожающие Эрмитажу формы, а в настоящее время заявками Антиквариата ставится под угрозу и Сектор Востока, притом в форме, которая неминуемо должна будет привести к полному крушению нашего дела»⁸³. Сталин ответил: «Уважаемый т-щ Орбели! Письмо Ваше от 25/X получил. Проверка показала, что заявки Антиквариата не обоснованы. В связи с этим соответствующая инстанция обязала Наркомвнешторг и его экспортные органы не трогать Сектор Востока Эрмитажа. Думаю, что можно считать вопрос исчерпанным. С глубоким уважением И. Сталин. 5.XI.32»⁸⁴. Благодаря вмешательству первого лица страны со складов Антиквариата в Эрмитаж были возвращены непроданные экспонаты. В итоге в 1934 г. энергичный и целеустремленный И.А. Орбели был назначен директором Эрмитажа вместо старого большевика Б.В. Леграна⁸⁵.

В годы директорства И.А. Орбели Государственный Эрмитаж пережил смену экспозиции, чистки «классово чуждых элементов» и «вредителей», нападки партийных органов, прессы и критику со стороны органов власти и общественности. Несмотря ни на что, музей продолжал работать и развиваться — отдельной структурой стал Просветительский отдел, Отдел Древнего Востока в 1931 г. был слит с Отделом Кавказа, Ирана и Средней Азии в единый Отдел Востока, был открыт Отдел истории русской культуры (26 мая 1941 г.), расширен Отдел истории первобытной культуры, постоянно пополнялись фонды уникальными материалами из археологических раскопок на Кармир-Блуре и на Алтае. При И.А. Орбели была проведена историко-архитектурная реконструкция помещений Зимнего дворца под нужды музея и др.⁸⁶

В 1930-х гг. И.А. Орбели являлся организатором и участником ряда международных конгрессов, в том числе II Международного конгресса иранского искусства в Лондоне (1931) и приуроченной к нему выставки иранского искусства, куда он доставил 60 экспонатов Эрмитажа⁸⁷, международного конгресса к 1000-летию Фирдоуси в Тегеране (Иран, 1934)⁸⁸, III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии в Ленинграде и Москве (1935)⁸⁹, празднования 750-летия поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (1937), причем отредактировал русский перевод его поэмы, организовал в Эрмитаже юбилейную выставку и издал сборник о памятниках его эпохи, где значительная часть статей принадлежит

⁸³ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 3. Д. 163. Л. 33–34.

⁸⁴ Там же. Л. 35.

⁸⁵ Там же. Д. 166.

⁸⁶ Подробнее см.: Кантор Ю.З. Реальность и соцреализм: Эрмитаж в 1917–1941 гг. // Звезда. 2003. № 5. С. 182–194.

⁸⁷ СПбФ АРАН. Ф. Ф. 909. Оп. 3. Д. 214–217.

⁸⁸ И.А. Орбели в 1934–1935 гг. являлся председателем Ленинградского отделения Комиссии по празднованию 1000-летнего юбилея Фирдоуси.

⁸⁹ В 1934 г. И.А. Орбели был назначен заместителем председателя Оргкомитета по проведению конгресса, председателем был министр просвещения А.М. Бубнов. Показательно, что в 1935 г. директор Эрмитажа переплавил фамильное серебро с целью отчеканить миниатюрные копии сасанидского блюда и вручить их участникам конгресса. См.: СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 3. Д. 221–223; Следков А.Ю. Рубен — Ольга — Анна — Русудана. С. 27. Его доклад на конгрессе опубликован в виде тезисов: Орбели И.А. Проблема сельджукского искусства // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград. Сент. 1935 / Ред. акад. И.А. Орбели. М.; Л., 1939. С. 150–155.

его перу⁹⁰. К празднованию 1000-летия армянского эпоса «Давид Сасунский» (1939) в 1936 г. с предисловием И.А. Орбели вышла книга «Армянский народный героический эпос». В 1956 г. И.А. Орбели вновь обратился к героическому эпосу «Давид Сасунский»⁹¹ и к армянскому средневековому фольклору — басням Вардана Айгекца, Мхитара Гоша, Оломпиана, которыми он был увлечен со студенческих лет. К концу жизни И.А. Орбели перевел, прокомментировал, подготовил и издал сборник этих басен⁹², но большое теоретическое исследование о них было избрано лишь посмертно (1968).

Под редакцией И.А. Орбели или при его участии вышли многие книги его коллег по Эрмитажу, в том числе труды незаменимого помощника и соавтора⁹³ К.В. Тревер (1892–1974)⁹⁴, по его представлению ставшей сначала кандидатом, затем доктором наук без защиты диссертации и чл.-корр. АН СССР (1943). Под влиянием И.А. Орбели она от античного искусства обратилась к изучению культуры Ближнего и Среднего Востока. Их творческое содружество длилось на протяжении сорока лет⁹⁵. Камилла Васильевна подбирала материалы к статьям и докладам Орбели, первой знакомилась с рукописями неопубликованных работ, писала под диктовку деловые и личные письма. Референт И.А. Орбели в ЛОИВ АН СССР в последние годы его жизни Ю.А. Петросян очень точно охарактеризовал их рабочий симбиоз: «Научное содружество этих двух талантливых, но на редкость разных по характеру и научному темпераменту людей оказалось необычайно плодотворным. Иосиф Абгарович был вдохновенным генератором новых научных идей, а необычайно одаренная и в то же время удивительно организованная и пунктуальная Камилла Васильевна вносила в этот прекрасный востоковедный дуэт научную дисциплинированность и точность, важную для достижения намеченной цели»⁹⁶.

Подвигом во имя культуры следует назвать деятельность И.А. Орбели по эвакуации сокровищ Эрмитажа (свыше 1 млн 200 тыс. экспонатов) и ценностей академических хранилищ⁹⁷ в Свердловск, организованной им в кратчайшие сроки

⁹⁰ Памятники эпохи Руставели / Введ. И. Орбели. Л., 1938.

⁹¹ Орбели И.А. 1) Армянский народный героический эпос // Давид Сосунский. Сказание о 4-х поколениях сасунских богатырей. Армянский народный эпос / Пер. В.В. Державина, А.С. Кочеткова, К.А. Липскерова, С.В. Шервинского. М., 1939. С. III–XII; Давид Сасунский. Армянский народный эпос. Четыре ветви / Под общ. ред. и с предисл. акад. И.А. Орбели. Ереван, 1939; 3) Давид Сасунский. Армянский народный эпос. Литературная композиция по сводному тексту Сурена Кочаряна. Ереван, 1942; 4) Армянский героический эпос. Ереван, 1956.

⁹² Басни средневековой Армении / Пер. с арм. И.А. Орбели. М.; Л., 1956.

⁹³ Орбели И.А., Тревер К.В. 1) Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. Л., 1935; 2) Шатранг: Книга о шахматах. Л., 1936; Тревер К.В. 1) Памятники греко-бактрийского искусства / Под ред. И.А. Орбели. М.; Л., 1940; 2) Надпись о построении армянской крепости Гарни / Предисл. И.А. Орбели. Л., 1949; 3) Очерки по истории культуры древней Армении (III в. до н. э. — IV в. н. э.) / Под ред. И.А. Орбели. М.; Л., 1953.

⁹⁴ Заднепровский Ю.А. Камилла Васильевна Тревер (1892–1974) // РА. 1993. № 4. С. 240–244; Груздева Е.Н. Камилла Васильевна Тревер: К 120-летию со дня рождения // Universum: Вестник Герценовского университета. 2009. № 8. С. 50–53.

⁹⁵ Юзбашьян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. С. 53.

⁹⁶ Петросян Ю.А. Встречи и расставания (записки востоковеда). СПб., 2002. С. 48.

⁹⁷ Тункина И.В. Ленинградские ученые годы блокады // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2019 / Отв. ред. В.А. Тишков; сост. Н.В. Тарасова. М., 2020. С. 108–109.

благодаря проведенной во время «зимней войны» с Финляндией подготовке к эвакуации. Директор организовал работу по укрытию экспонатов, законсервированных в подвалах Эрмитажа, и реэвакуации музейных фондов, вернувшихся в Ленинград без потерь. Следует отметить постоянную заботу И.А. Орбели о сотрудниках музея, ставших его «эрмитажной семьей», вынужденных выживать в условиях блокады или эвакуации⁹⁸. В блокаду Эрмитаж стал центром хранения музейных ценностей всего Ленинграда и пригородных дворцов; в 12 бомбоубежищах, устроенных в подвалах, проживало и пряталось до 2 тыс. чел.

В первую блокадную осень и в начале зимы в Эрмитаже под председательством И.А. Орбели состоялись два торжественных заседания, которые готовились им с 1940 г., — первое 19 октября 1941 г. к 800-летию со дня рождения азербайджанского поэта Низами Гянджеви, второе 10 и 12 декабря 1941 г. по случаю 500-летия основоположника узбекской литературы, поэта Алишера Навои⁹⁹. Эрмитажниками был подготовлен оставшийся неопубликованным сборник к 500-летию Алишера Навои, корректура которого сохранилась в личном фонде ученого.

И.А. Орбели был эвакуирован из Ленинграда 30 марта 1943 г. В Ереване он занимался организацией Академии наук Армянской ССР и был избран ее первым президентом. Директор главного музея страны наездами бывал в блокадном городе в 1943 г. и окончательно вернулся в Ленинград в 1944 г., много сил и энергии отдав восстановлению музея. Благодаря хлопотам И.А. Орбели к концу войны весь Зимний дворец был передан Эрмитажу, который 4 ноября 1945 г. открыл для посетителей 69 залов. В 1944 г. И.А. Орбели стал членом комиссии по обследованию ленинградских пригородных дворцов и по установлению нанесенного фашистами ущерба¹⁰⁰, а в 1946 г. принимал участие в Нюрнбергском процессе в качестве государственного обвинителя СССР по культуре¹⁰¹.

Многообразная общественная деятельность И.А. Орбели отражена в его фонде — он являлся депутатом Ленинградского (1935–1949) и Ереванского (1939–1940) советов депутатов трудящихся. В предвоенные и военные годы И.А. Орбели стал действительным членом Института истории культуры АрмССР (1933), почетным членом Тегеранского университета (1935), членом Лондонского археологического общества (1944), членом-консультантом Американского института по изучению иранского искусства и археологии. И.А. Орбели был награжден золотым орденом «За научные заслуги» 1-й степени Министерством просвещения Ирана (1935), двумя орденами Ленина (1944, 1957), двумя орденами Трудового Красного Знамени (1945, дважды), медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Кавказа», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

По воспоминаниям М.Ф. Косинского, И.А. Орбели обладал сильным и властным характером, руководил Эрмитажем твердой рукой, бесконечно любил музей и сделал для него очень много. Сотрудникам он часто повторял, особенно когда

⁹⁸ Варшавский С.П., Рест Ю.И. Подвиг Эрмитажа. 2 изд. Л., 1968; Эрмитаж. Хроника военных лет 1941–1945. Документы Архива Государственного Эрмитажа / Сост. Е.М. Яковлева, Е.Ю. Соломаха; научн. ред. Г.В. Вилинбахов. СПб., 2005.

⁹⁹ Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000. С. 102.

¹⁰⁰ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 3. Д. 239.

¹⁰¹ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 3. Д. 241.

И.А. Орбели в кладовых Эрмитажа. 1944 г.
(СПФ АРАН. Ф. 909. Оп. 2. Д. 16. Л. 2)

они жаловались на мизерную зарплату: «Вы имеете счастье работать в Эрмитаже. Это дороже любой зарплаты!» Большинство эрмитажников уважали и любили директора, но с некоторыми он испортил отношения, в том числе с акад. В.В. Струве, чл.-корр. М.В. Доброклонским и др. Последние за его спиной говорили, что он — «типичный восточный феодал». «Орбели был блестящим и остроумным оратором. В период сталинщины он в публичных выступлениях всегда восхвалял Сталина. Эти восхваления были, конечно, неискренними и произносились только ради того, чтобы удержаться в Эрмитаже, на посту директора столь любимого музея, и притом иметь возможность заступаться за многих жертв сталинщины. Приходилось “лгать во спасение”. И Орбели продержался, по меркам того времени, необычайно долго...»¹⁰².

Формально из-за конфликта беспартийного И.А. Орбели с чиновниками Министерства культуры он подал заявление об отставке, которое было удовлетворено по прямому указанию «отца народов» 28 июня 1951 г., в 1950 г. выступившего с критикой «нового учения о языке» Н.Я. Марра. И.А. Орбели никогда не отрекался от своего учителя Н.Я. Марра, которого хорошо знал с 1904 г.¹⁰³ Опале подверг-

¹⁰² Косинский М.Ф. Первая половина века: Воспоминания. Paris, 1995. С. 335, 336.

¹⁰³ Орбели И.А. Воспоминания студенческих лет. С. 139–140, 159–161.

ся и Л.А. Орбели — в июле 1950 г. он был отстранен от руководства практически всеми возглавляемыми учреждениями и только в 1956 г. был назначен директором Института эволюционной физиологии им. И.М. Сеченова АН СССР.

После вынужденного ухода с поста директора Эрмитажа И.А. Орбели смог вернуться к доработке неизданных трудов 1910-х — 1930-х гг., занимался переводами армянских средневековых историков V–XII вв. Егише, Лазаря Парбского, Фомы Арцруни, Шапуха Багратуни, Ионанна Мамиконяна и др. К сожалению, далеко не все переводы были опубликованы даже посмертно¹⁰⁴.

В 1953–1956 гг. И.А. Орбели был старшим научным сотрудником Института языкознания АН СССР и смог завершить рукопись «Мокские армянские тексты», посмертно опубликованную в 1982 г. В те же годы он стал членом редколлегии журнала «Вопросы истории» (1953–1960), но отказался от предложения перейти на работу в Институт истории АН СССР. В 1953–1954 гг. И.А. Орбели возглавил Комиссию по проверке деятельности Института востоковедения АН СССР. По итогам ее работы он подал в Отделение литературы и языка АН СССР докладную записку о состоянии и задачах советской филологической ориенталистики, с перечислением конкретных мер, необходимых для возвращения былой славы отечественного востоковедения¹⁰⁵. Следует помнить, что в 1950 г. Институт востоковедения АН СССР был переведен в Москву, и в Ленинграде остался только Сектор восточных рукописей, ставший базой для воссоздания в северной столице академического центра востоковедения. Это удалось претворить в жизнь только в 1956 г., когда академик был назначен заведующим Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР¹⁰⁶. За пять лет (1956–1961) И.А. Орбели принял в ЛОИВ АН СССР более ста сотрудников и утвердил структуру из нескольких кабинетов — Арабский, Индийский, Иранский, Тюрко-монгольский, Дальнего Востока и др., восстановил и возглавил работу Кавказского кабинета (1958), инициировал работу Курдской группы (1959), поэтому он по праву считается родоначальником советского курдоведения и организатором ленинградской школы курдоведов. Основными задачами института стало описание богатейшего собрания восточных рукописей бывшего Азиатского музея и подготовка к печати их каталогов¹⁰⁷.

О личной жизни И.А. Орбели известно мало, кроме того, что он отличался слабостью к женскому полу¹⁰⁸. По утверждению одного из современников, он был

¹⁰⁴ *Егише (Елише)*. О Вардане и войне армянской / Перев. с древнеарм. И.А. Орбели, подгот. к изд., предисл. и примеч. К.Н. Юзбашьяна. Ереван, 1971.

¹⁰⁵ Юзбашьян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. С. 93–95.

¹⁰⁶ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 3. Д. 138.

¹⁰⁷ Петросян Ю.А. Ук соч. С. 230–235; Попова И.Ф. Орбели Иосиф Абгарович // Азиатский музей — Институт восточных рукописей РАН: Путеводитель / Отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2018. С. 733.

¹⁰⁸ «Иосиф Абгарович Орбели встретил на Дворцовом мосту (по обычному пути между Университетом и Эрмитажем) Василия Васильевича Струве и с гордостью объявил ему:

Василий Васильевич, Вы знаете, у меня родился сын!

И что же, известно, кто его мать? — спросил В.В. (А.Н. Болдырев, 1989 г.). Вариант: И что же, известно у кого?»

«Однажды Орбели вышел с Лившицем из Института востоковедения на Дворцовую набережную. Мимо проходила бывшая жена Орбели...

женат семь раз¹⁰⁹, видимо, трижды гражданским браком и четыре раза официально¹¹⁰. Первой законной женой долгие годы была Мария Керововна Орбели (урожд. Мисинова; 1880–1972). Письма И.А. Орбели к ней датированы 1916–1918 гг.¹¹¹, ее письма к И.А. Орбели относятся к 1945, 1951, 1960 гг.¹¹² В послереволюционные годы она занималась археологией Армении и Грузии и числилась в РАИМК регистратором¹¹³, затем работала педагогом, в послевоенные годы была преподавателем математики в Институте народов Севера при Педагогическом институте им. А.И. Герцена. На 1923 г. и 1935 г. в справочнике «Весь Петроград» и «Весь Ленинград» указан их общий с И.А. Орбели адрес: Васильевский остров, 11 линия, д. 44.

Второй женой И.А. Орбели стала Татьяна Константиновна Орбели (урожд. Алексеева; 22.12.1904, г. Буинск Татарской ССР — 12.03.1942, Ленинград), которая после развода также сохранила фамилию мужа. Она работала в Архиве АН СССР в должности младшего ученого архивиста в качестве машинистки с 15 января 1941 г. по день смерти 12 марта 1942 г. Директор Архива АН СССР Г.А. Князев писал, что она «мать троих детей, девочек; одна из них больная. Сама она мало приспособлена к жизни, неудачница, потерявшая одного мужа — отца девочек — и утратившая второго — академика Иосифа Абгаровича Орбели, почему-то вдруг женившегося на ней в 1937 году и потом бросившего ее. Она давно махнула рукой на свою жизнь...»¹¹⁴. В начале февраля 1942 г. Т.К. Орбели успела отправить в эвакуацию из блокадного города своих детей, но сама выжить не смогла и умерла от водянки и дистрофии¹¹⁵.

Третьей законной женой была Елизавета Николаевна Орбели (по второму браку Ненарокова¹¹⁶, урожденная Поппе; 1903–1977), дочь царского дипломата Н.М. Поппе. Она была младшей сестрой лингвиста, этнографа, монголоведа, тюрколога, специалиста по алтайским языкам, члена-корреспондента АН СССР (1932, исключен в 1946) Николая Николаевича Поппе (1897–1991), ушедшего с оккупаци-

— Ну и город, — негодовал Иосиф Абгарович, — нельзя по улице пройти, чтобы не встретить жен! (В.А. Лившиц, 1995 г.).»

Цит. по: *Стеблин-Каменский И.М.* Анекдоты про востоковедов // *Scripta Gregoriana: Сборник в честь 70-летия академика Г.М. Бонгард-Левина / Отв. ред. акад. С.Л. Тихвинский.* М., 2003. С. 473.

¹⁰⁹ *Гальперин М.П.* Орбели (<https://memoclub.ru/2016/10/orbeli/>, дата обращения 11.08.2021).

¹¹⁰ На одном из генеалогических сайтов фамилии двух из четырех жен И.А. Орбели не указаны, т. к. модераторам неизвестны: <https://www.geni.com/people/Иосиф-Абгарович-Орбели/6000000023909727375> (дата обращения 11.08.2021).

¹¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 4. Д. 66.

¹¹² СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 4. Д. 373.

¹¹³ Наука в России. Справочник. Данные к началу 1922 г. Научные работники Петрограда. М.; Пг., 1923. С. 89.

¹¹⁴ *Князев Г.А.* Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 407.

¹¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 62. В личном деле сохранились письма дочери Гали с дороги в эвакуацию и письмо из Новосибирска, куда две сестры добрались к двоюродной сестре матери, потеряв в дороге третью.

¹¹⁶ Е.Н. Поппе была замужем трижды: первый брак с инженером-строителем К.Н. Гиндусом распался в 1931 г., второй — с архитектором В.Н. Ненароковым завершился разводом в 1932 г., третий — с И.А. Орбели длился с 26 октября 1941 г. по 25 ноября 1946 г. (по ошибочным данным личного дела в Архиве ГЭ, благодарю за информацию Е.Ю. Соломаху), когда она вернула себе фамилию второго мужа, т. к. брак И.А. Орбели с А.Н. Изергиной был зарегистрирован в июле 1946 г. Другая, верная дата регистрации брака приведена в приказе по Эрмитажу № 269 от 26 октября 1941 г.: «Числить н. с. т. Ненарокову Е.Н. под фамилией Орбели. Основание — свидетельство о браке, выданное бюро ЗАГС Петроградского района от 6-Х-41 за № 1740. Зам. Директора Гос. Эрмитажа Матье». Опубл.: *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000. С. 512.

рованной территории с фашистами и затем эмигрировавшего в США. Е.Н. Ненарокова работала в Эрмитаже с 1936 г. научным сотрудником, затем хранителем гравюр итальянской школы (до 1964 г.). Она состояла в браке с И.А. Орбели с 6 октября 1941 г. по июль 1946 г., эвакуировалась с ним в Ереван, где работала научным сотрудником Музея изобразительных искусств Армении. С блокадного 1942 по 1946 гг. семья Орбели жила в здании Эрмитажного театра. Е.Н. Ненарокова «обладала ярким, небанальным характером и была страстным любителем музыки. Отличный знаток старой английской и особенно итальянской гравюры, она тщательно обработала... коллекцию кьяро-скуро и устроила ее выставку¹¹⁷ с хорошо подготовленным каталогом»¹¹⁸.

В июле 1946 г. искусствовед, хранитель Картинной галереи Эрмитажа Антонина Николаевна Изергина (1906–1969) стала последней женой 59-летнего И.А. Орбели. Через месяц в 40-летнем возрасте она родила ему сына Дмитрия Иосифовича Орбели (1946–1971), который внешне, темпераментом и неординарными способностями очень походил на отца.

Жена Мити Т.Г. Орбели вспоминала, что рядом с И.А. Орбели «постоянно находилась Камилла Васильевна [Тревер. — И.Т.], верная и незаменимая подруга и коллега, на дальнем плане пребывала Мария Керововна, длительный брак с которой, хоть и бывший, уже ставил ее в особое положение... После того как сотрудники Эрмитажа вернулись из эвакуации, “академик попытался проглотить Изергину, но она застряла у него в горле”. Так, по словам Антонины Николаевны, прокомментировали этот брак коллеги. Жить Иосифу Абгаровичу было негде, так как после очередного развода он все оставил предыдущей жене, и “молодые” поселились на ул. Куйбышева, где жила Антонина Николаевна. Туда же в 1946 г. привезли новорожденного Митю»¹¹⁹.

Сестра А.Н. Изергиной М.Н. Изергина вспоминала, что «Антонина была у Иосифа Абгаровича женой номер четыре и жалованье свое он приносил не ей, а Марии Керововне, старшей, которая тут же, в эрмитажном доме, его и распределяла. При этом Митя как единственный сын считался ребенком как бы общим»¹²⁰. «На праздниках в доме Иосифа Абгаровича Орбели, кроме его последней жены, которая родила ему сына Митю, обычно присутствовали, как минимум, одна или две предыдущие жены. При этом между ними сохранились весьма уважительные и добрые отношения. Это казалось удивительным — как это жены встречаются, прошлая жена, нынешняя жена. Трудно себе представить, многие этого не понимали, но выглядело все очень достойно», — вспоминал М.П. Гальперин¹²¹. Отношения между И.А. Орбели и бывшими эрмитажными женами отражает анекдот, записанный И.С. Клочковым со слов И.С. Кацнельсона в сентябре 2003 г.: «Шел однажды Струве

¹¹⁷ Ненарокова Е.Н. Итальянская цветная гравюра на дереве, XVI–XVIII веков: каталог выставки / Гос. Эрмитаж. Л., 1962.

¹¹⁸ Цит. по: Русаков Ю.А. Отделение гравюр // Эрмитаж: История и современность / Отв. ред. В.А. Сулов. М., 1990. С. 145.

¹¹⁹ Орбели Т.Г. Митя и Антонина Николаевна в моей жизни // Антонина Николаевна Изергина: В 2 т. СПб., 2009. Т. 2: Воспоминания. Письма. Выступления. С. 88.

¹²⁰ Цит. по: Глинка М.С. Антонина Николаевна Изергина (1906–1969) // Антонина Николаевна Изергина: В 2 т. СПб., 2009. Т. 2: Воспоминания. Письма. Выступления. С. 235.

¹²¹ Гальперин М.П. Орбели (<https://memoclub.ru/2016/10/orbeli/>)

с двумя своими учениками по Дворцовой набережной. У Эрмитажа встречаются И.А. Орбели в окружении нескольких сотрудниц, среди которых его бывшие жены. Кто-то из спутников Василия Васильевича тихонько говорит:

— Вот Иосиф Абгарович, как всегда, со своим цветником.

— Помилуйте, голубчик, — замечает Струве, — какой же это цветник? Это же гербарий»¹²².

Единственный законный сын академика¹²³ Д.И. Орбели закончил Первый медицинский институт, стал врачом, под влиянием дяди Л.А. Орбели увлекся физиологией и подавал большие научные надежды, но от тяжелейшего врожденного порока сердца скончался в 25-летнем возрасте¹²⁴.

Последний адрес семьи Орбели (1948–1961) — Дворцовая наб., д. 21, где установлена гранитная мемориальная доска в честь И.А. Орбели. И.А. Орбели скончался 2 февраля 1961 г. в четырехместной больничной палате и был похоронен рядом с братом, Л.А. Орбели, на площадке Военно-медицинской академии на Богословском кладбище в Санкт-Петербурге. В истории науки он навсегда останется создателем школы советских кавказоведов и курдоведов, для которой характерно сочетание исторических, археологических, искусствоведческих и филологических исследований в лучших традициях петербургской историко-филологической школы рубежа XIX–XX вв.

После смерти встал вопрос о судьбе архива ученого. Коллега и друг К.В. Тревер приняла активное участие в сохранении и описании в 1962–1971 гг. обширного рукописного наследия И.А. Орбели¹²⁵, из которого в Ленинградском отделении Архива АН СССР (ныне СПбФ АРАН) было сформировано 1923 архивных дела его личного фонда, а также возглавила коллектив его учеников и коллег, подготовивших к печати неизданные работы И.А. Орбели. Однако многие тексты его архива не изданы до сих пор, ждут своих исследователей и скорейшего введения в научный оборот.

¹²² Стеблин-Каменский И.М. Анекдоты про востоковедов (вторая серия) // *Turcica et Ottomanica*: Сб. статей в честь 70-летия М.С. Мейера. М., 2006. С. 35..

¹²³ В личном деле И.А. Орбели в Архиве ГЭ упоминаний о его браках, кроме последнего с А.Н. Изергиной, нет, как и о детях, кроме Д.И. Орбели. Благодарю Е.Ю. Соломаху за уточнения.

¹²⁴ Антонина Николаевна Изергина: В 2 т. СПб., 2009. Т. 2: Воспоминания. Письма. Выступления. С. 19, 332–333.

¹²⁵ Тревер К.В. Научный архив академика Орбели // *Вестник АН СССР*. 1964. № 11. С. 81–82.

Борис Александрович Тураев (1868–1920)

И.В. Тункина

Основоположник отечественной египтологии, истории и филологии Древнего Востока Борис Александрович Тураев (1868–1920)¹, один из членов-основателей РАИМК, принадлежит к когорте ученых, составивших славу отечественной историко-филологической науки на рубеже XIX–XX вв.², периода ее наивысшего расцвета, который по праву называют «золотым веком» русской гуманистики. Труды ученого³ посвящены преимущественно трем дисциплинам: египтологии, абиссиноведению и истории Древнего Востока, причем в каждой из этих областей он «поднял русскую науку на самый высокий мировой уровень»⁴.

¹ В качестве заставки использован фрагмент коллективного портрета членов «Свободной Академии» по поводу 70-летия академика Н.П. Кондакова. Петроград. Ноябрь 1914 г. (СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Т. Д. 25. Л. 1).

² О нем см.: *Кагаров Е. Г.* Прошлое и настоящее египтологии. Сергиев Посад, 1914. С. 94–101; *Хвостов М. М.* Ученые заслуги Б. А. Тураева // Отчет о третьем присуждении медалей им. гр. А. С. Уварова. М., 1915. С. 7–13; *Коковцов П. К.* Борис Александрович Тураев: Некролог // Известия РАН. 1920. 6 сер. Т. 14. С. 169–176; *Крачковский И. Ю.* 1) Памяти Б. А. Тураева // Литература Востока. 1920. Вып. 2. С. 169–174; 2) Б.А. Тураев и христианский Восток. Пг., 1921; *Жебелёв С. А.* 1) Борис Александрович Тураев: (Некролог) // Русский исторический журнал. 1921. № 7. С. 3–6; 2) Историографические этюды С.А. Жебелёва. Три неизданных мемуара С.А. Жебелёва: Из воспоминаний о старом товарище / Публ. И.В. Тункиной, Э.Д. Фролова // ВДИ. 1993. № 3. С. 92–199; *Струве В. В.* 1) Б.А. Тураев // Дела и дни. Кн. 1. Пг., 1920. С. 606–609; 2) Борис Александрович Тураев: Некролог // Анналы. 1922. № 1. С. 149–154; 3) Б.А. Тураев — крупнейший историк Древнего Востока // ВДИ. 1948. № 2. С. 75–83; *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1931. Ч. 2. С. 133–134. С. 244–246; *Беляев Е.А.* Б.А. Тураев (1868–1920) (к 25-летию со дня смерти) // Труды Московского института востоковедения. М., 1946. Вып. 3. С. 210–222; *Авдиев В.И.* Академик Б.А. Тураев (к 25-летию со дня смерти крупнейшего русского египтолога) // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1948. Т. 3. С. 363–368; *Шаров А.В.* 1) Творческий путь и научное наследие академика Бориса Александровича Тураева. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999; 2) Тураев Борис Александрович (1868–1920) // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 462–470; 3) Два документа о Б.А. Тураеве // Памятники и люди. М., 2003. С. 109–121; *Томашевич О.В.* Объяснение в любви (о Борисе Александровиче Тураеве) // Б.А. Тураев. Бог Тот. СПб., 2002. С. 315–388 (Египтологический сборник (<http://www.egyptology.ru/history/Turayev.pdf>, дата обращения 01.04.2020)); *Бутякова Т.А., Вербовский М.Н.* Борис Александрович Тураев — служение науки и Церкви // Христианское чтение. 2014. № 2/3. С. 101–138; *Тункина И.В.* Тураев Борис Александрович // С.А. Жебелёв. Русское археологическое общество за третью четверть века его существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. М., 2017. С. 579–580.

³ См. библиографический список трудов Б.А. Тураева в кн.: Древний Восток. Сб. 2: Памяти Б.А. Тураева. М., 1980. С. 42–54.

⁴ *Виасин А.А.* Переписка Б.А. Тураева и И.Н. Бороздина // Неизвестные страницы истории отечественного востоковедения. М., 2014. Т. 4. С. 131.

Б.А. Тураев родился 24 июля (5 августа) 1868 г. в дворянской семье Орловской губернии⁵ в г. Новогрудке (ныне Новогрудок, районный центр Гродненской обл. Республики Беларусь). Его отец, коллежский секретарь Александр Васильевич Тураев исполнял должность судебного следователя в Новогрудском уездом суде Могилевской губ.⁶ Вскоре семья переехала в Вильну (ныне Вильнюс, столица Литовской Республики). Мальчик рано лишился отца, его воспитанием занималась мать Ксения Андреевна (1843–1920?), учительница Высшего женского Мариинского училища в Вильне. Видимо, под влиянием матери еще в детстве сформировалась его искренняя вера в Бога и желание служить православной церкви, что первоначально выражалось в регулярном посещении церковных служб. В 1880 г., в возрасте 12 лет, им была составлена «Служба просительна ко Святому Духу отроком, готовящимся к испытаниям»⁷.

Б.А. Тураев учился в Первой Виленской гимназии⁸, давшей ему прекрасное классическое образование. Гимназия находилась в здании закрытого в 1832 г. после Польского восстания Виленского университета. Именно в гимназические годы Борис, не блиставший успехами в учебе, увлекся чтением античных авторов и заинтересовался древним классическим Востоком — «историей «ветхозаветных народов» — евреев и их соседей египтян»⁹.

По окончании Борисом курса гимназии летом 1886 г. семья Тураевых переехала в Санкт-Петербург, поселившись на 2-й линии Васильевского острова, д. 33, кв. 17. В августе того же года юноша поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета одновременно с С.А. Жебелёвым, с которым он дружил 34 года¹⁰. Как вспоминал Сергей Александрович, «в преподавании всех без исключения классических предметов царил строго научный, а не менторско-дидактический дух. Профессора-классики понимали классическую филологию как научную дисциплину»¹¹. Б.А. Тураев слушал лекции и принимал участие в практических занятиях по истории и древним языкам у историка Древней Греции и эпиграфиста Ф. Ф. Соколова (1841–1909), читавшего классические дисциплины; у академика, впоследствии вице-президента Императорской АН П.В. Никитина

⁵ Список дворянских родов, внесенных в Родословную книгу Дворянского Депутатского собрания Орловской губернии и Курской губернии: <https://web.archive.org/web/20130611000022/http://goldarms.narod.ru/orel.htm>; <https://web.archive.org/web/20120726012608/http://goldarms.narod.ru/kursk.htm>; <https://geny.icu/catalog/62-orlovskaja-gubernija.html> (дата обращения 02.11.2021).

⁶ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1869 год. СПб., 1868. Ч. 2. Власти и места управлений губернского, областного, окружного, уездного и ведомства их. С. 166.

⁷ Шаров А.В. Два документа о Б.А. Тураеве. С. 115.

⁸ Гимназия пользовалась хорошей репутацией, ее учениками являлись востоковед, профессор Петербургского университета О.И. Сенковский (псевдоним барон Брамбеус), братья И.Л. и С.Л. Пташицкие (математик и филолог), братья П.А. и Ю.А. Кулаковские (славист и историк).

Автор одной из статей о выпускниках гимназии и их связях с Петербургским университетом вообще не назвал фамилию Б.А. Тураева, но упомянул воспитанников гимназии Ю. Пилсудского, Ф.Э. Дзержинского, актера В.И. Качалова (Шверубовича), востоковедов В.Л. Котвича и И.Ю. Крачковского, византиниста В.Н. Бенешевича, философа Н.М. Бахтина. См.: *Ратковский В.В.* Из Вильно в Петербург: Выпускники Первой Виленской гимназии в Санкт-Петербургском университете // Клио. 2013. № 10(82). С. 99–101.

⁹ Шаров А.В. Тураев Борис Александрович. С. 462.

¹⁰ Жебелёв С.А. Из воспоминаний о старом товарище. С. 192–199.

¹¹ Жебелёв С.А. Из университетских воспоминаний // ВДИ. 1968. № 3. С. 162.

(1849–1916), толковавшего греческих авторов; у профессора И.В. Помяловского (1845–1906), читавшего историю римской литературы и римские государственные древности; у историка-византиниста академика В. Г. Васильевского (1838–1899), ранее преподававшего в Первой Виленской гимназии; у филолога-классика, палеографа греческих рукописей, академика В.К. Ернштедта (1854–1902); у историка античной культуры, филолога-классика Ф. Ф. Зелинского (1859–1944); у историка византийского и древнерусского искусства, академика Н.П. Кондакова (1844–1925)¹² и многих других.

Б.А. Тураев вошел в научный кружок «фактопоклонников», учеников Ф.Ф. Соколова и Н.П. Кондакова (с последним он сблизился позднее через Я.И. Смирнова и С.А. Жебелёва), который собирался в Музее древностей университета и по пятницам на квартире Ф.Ф. Соколова в здании Петербургского историко-филологического института для практических занятий по чтению греческих надписей. В тот же кружок входили А.Н. Щукарев, С.А. Жебелёв, Я.И. Смирнов, М.И. Ростовцев, Г.Ф. Церетели, Б.В. Фармаковский, А.А. Павловский, П.П. Покрышкин, В.К. Мальмберг, Д.В. Айналов и др.¹³ Примечательно, что Ф.Ф. Соколов уже тогда называл Б.А. Тураева «агиос» (святой)¹⁴. Как и другие члены кружка фактопоклонников, Б.А. Тураев перенял у своих духовных учителей, ученых-позитивистов (историков древности и филологов-классиков) методику научной работы, в основу которой были положены твердо установленные факты, а не «ученые фантазии» и новомодные научные концепции в области истории.

Параллельно главные свои занятия Б.А. Тураев посвящал Египту у основоположника российской коптологии Оскара Эдуардовича фон Лемма (1856–1918). Наряду с коллекционером египетских памятников и хранителем Императорского Эрмитажа В.С. Голенищевым (1856–1947)¹⁵ О.Э. фон Лемм считается одним из фундаторов отечественной египтологии, получивших мировое признание. Выпускник Александровского лицея и Лейпцигского университета, где он получил степень доктора философии (1882), О.Э. фон Лемм с 1883 г. стал хранителем Азиатского музея Императорской Санкт-Петербургской академии наук. С 23 января 1887 г. О.Э. фон Лемм впервые в России как приват-доцент начал читать лекции по коптскому и египетскому языкам, а с 1891 г. стал преподавать ассиро-вавилонский язык на факультете восточных языков Петербургского университета¹⁶. Представившейся возможностью воспользовался Б.А. Тураев для изучения древнеегипетской

¹² Так, на 3-м курсе он написал медальное сочинение на предложенную Ф.Ф. Зелинским тему «Критическое и прагматическое изложение политической деятельности Клодия и его отношений к триумвирам, начиная с 62 года», удостоенное золотой медали. См.: *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX века / Отв. ред. И.В. Тункина. М., 2008. С. 244. Сн. II; *Шаров А.В.* Тураев Борис Александрович. С. 463.

¹³ *Жебелёв С.А.* Из университетских воспоминаний // ВДИ. 1968. № 3. С. 171; *Ростовцев М.И.* Странички воспоминаний // Н.П. Кондаков. Воспоминания и думы / Сост., подг. текста, примеч. И.Л. Кызласовой. М., 2002. С. 213; *Вернадский Г.В.* Никодим Павлович Кондаков // Там же. С. 281.

¹⁴ *Жебелёв С.А.* Историографические этюды С.А. Жебелёва. Три неизданных мемуара С.А. Жебелева: Из воспоминаний о старом товарище. С. 199.

¹⁵ В 2006 г. В.С. Голенищеву, единственному из отечественных египтологов, был установлен бюст в мемориале великих египтологов мира у Египетского музея в Каире.

¹⁶ *Берлев О.Д., Грибов Р.А.* Египтология и ассириология в Ленинградском университете // Ученые записки ЛГУ. 1960. № 296. Сер. востоков. наук. Вып. 13. С. 160.

и в целом древневосточной культуры. Основная часть работ О.Э. фон Лемма — исследование о ритуале службы Амону (1882), работы, посвященные коптской письменности и хрестоматии о Древнем Египте, — написаны на немецком языке¹⁷. Своему учителю, избранному членом-корреспондентом Императорской АН (1906), Б.А. Тураев посвятил некролог, изданный уже после смерти автора¹⁸.

По окончании университета с дипломом 1-й степени 1 декабря 1890 г. Борис Александрович был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории. В 1893–1994 гг. по ходатайству профессора Ф.Ф. Соколова Министерство народного просвещения командировало молодого ученого за границу сроком на один год, но его командировка неоднократно продлевалась, в результате чего крайне стесненный в средствах магистрант сумел объездить университеты, музеи и библиотеки многих стран Европы — Германии, Франции, Испании, Италии, Англии. Б. А. Тураев с 1893 г. занимался египтологией у основателя берлинской египтологической школы, директора Египетского музея в Берлине, члена Прусской АН (с 1894) Адольфа Эрмана (1854–1937). Уже в Петербурге Б.А. Тураев перевел с немецкого и издал египетскую грамматику своего берлинского учителя как важное учебное пособие для студентов¹⁹. Ассириологией и эфиопским языком магистрант занимался на философском факультете Берлинского университета у главы немецких ассириологов, библеиста, академика Эбергарда Шрадера (1836–1908), читавшего ассириологию и историю Древнего Востока²⁰, а также у профессоров Г. Винклера и Л. Лемана, коптский язык изучал у Л. Штейндорфа.

Б.А. Тураев продолжил образование в Париже, слушая лекции у Гастона Масперо (1846–1916), руководителя кафедры египтологии в Коллеж де Франс, ранее занимавшего пост генерального директора службы древностей в Египте. Помимо древневосточных языков, молодой ученый изучал восточные древности, прежде всего памятники письменности и материальной культуры во многих европейских музеях, в том числе в Лувре, в Египетском музее в Турине (под руководством Э. Скиапарелли), изучал коптские и эфиопские рукописи в библиотеках Ватикана, Национальной библиотеки в Париже, Британском музее. В Отделе рукописей Британского музея Б. А. Тураеву удалось найти неизданный гимн древнеегипетскому богу мудрости и знаний Тоту²¹, что послужило стимулом для написания магистерской диссертации.

Вернувшись на родину сложившимся ученым, с 1 января 1896 г. магистрант Б.А. Тураев начал чтение лекций в Петербургском университете по истории Древ-

¹⁷ Хосроев А.Л. Лемм Оскар Эдуардович // Азиатский музей — Институт восточных рукописей РАН: Путеводитель / отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2018. С. 701–703.

¹⁸ Тураев Б. А. Оскар Эдуардович Лемм. 1856–1918 (некролог) // Христианский Восток. 1922. Т. 6. Вып. 3. С. 325–333.

¹⁹ Erman J.P.A. Ägyptische Grammatik. 2 Aufl. Berlin, 1902. См.: Египетская грамматика профессора Адольфа Эрмана. СПб., 1905 (литография; на правах рукописи). См. также: Эрман А. Египетская грамматика. I–II / Пер. с нем. под ред. Н. Д. Флиттнер. Л.: Египтолог. кружок при Ленингр. гос. ун-те, 1929–1930 (литография; на правах рукописи).

²⁰ Тураев Б.А. Занятия египтологией и ассириологией в Берлине // ЖМНП. 1894. № 7. С. 12–25.

²¹ Turaev B. Zwei Hymnen an Thoth // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. 1895. Bd. 33. S. 120–125, 1 Taf.

него Востока и по египтологии в качестве приват-доцента. Ранее в его alma mater, «за неимением специалиста», профессор Ф.Ф. Соколов «с краскою на ланитах» (выражение С.А. Жебелёва) читал курс истории Древнего Востока, впервые введенный в учебный план по университетскому уставу 1884 г. «Ф.Ф. Соколов чувствовал себя хозяином только в областях, где он смог сам дойти до источников. Источники древнего Востока были ему недоступны в оригинале, он оказался в рабстве у переводчиков, переводчики его путали, так как каждый переводил по своему, и несчастный Ф.Ф. Соколов должен был выбирать то, в чем переводчики оказывались согласны один с другим... Лишь с воцарением у нас Б.А. Тураева, в конце прошлого века, история древнего Востока не только расцвела, но и стала приносить обильные плоды: дай Бог, чтобы они полно созрели»²², — вспоминал С.А. Жебелёв.

9 мая 1898 г. Б.А. Тураев защитил диссертацию на степень магистра всеобщей истории «Бог Тот: Опыт исследования в области египетской культуры»²³, где на протяжении всей истории Древнего Египта, вплоть до греко-римской эпохи, проследил историческое развитие представлений древних египтян о божестве египетского Пантеона, с которым «они олицетворяли свою культуру, с именем которого они соединяли представление об идеале правды и премудрости». В заключении Б.А. Тураев рассмотрел миф о боге Тоте вне Египта, т. к. его культ имел широкое географическое распространение и смог сохранить необычайную хронологическую долговечность. Образцовое, пионерское исследование Б.А. Тураева не потеряло своего научного значения до сих пор, а аналогичный труд в западноевропейской науке появился лишь четверть века спустя²⁴.

23 августа 1898 г. Б.А. Тураев женился на Елене Филимоновне Церетели (1868–1948/1949?), старшей сестре его коллеги и друга, крупнейшего отечественного специалиста по византийской палеографии и папирологии, филолога-классика, члена-корреспондента РАН (1917) Григория Филимоновича Церетели (1870–1938?), происходивших из смешанной грузино-русской дворянской семьи. Ее отец юрист Филимон Григорьевич Церетели служил в Главном военно-судном управлении в Санкт-Петербурге, на Кавказе, был судьей Варшавского военно-окружного суда, в 1882 г. был уволен по болезни в чине тайного советника²⁵. С женой («Лелей») Б.А. Тураев прожил свыше 20 лет, но детей у четы не было. Е.Ф. Церетели до замужества закончила историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов (1893), где специализировалась по русской истории у С.Ф. Платонова и славяноведению у А.Л. Петрова²⁶, защитила магистерскую диссертацию, вела практические занятия по русской истории и преподавала в Женском педагогическом институте — Первом педагогическом институте (1903/1904–1925)²⁷, являлась членом

²² Жебелёв С.А. Из университетских воспоминаний // ВДИ. 1968. № 3. С. 168.

²³ Тураев Б.А. Бог Тот: Опыт исследования в области египетской культуры. Лейпциг, 1898 (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. XLVI). Переиздания: М., 1989; СПб., 2002. См.: Диспут Б.А. Тураева // Исторический вестник. 1898. № 6. С. 383–384.

²⁴ Шаров А.В. Тураев Борис Александрович. С. 464.

²⁵ Фихман И.Ф. Г.Ф. Церетели в петербургских архивах: портрет ученого // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. С. 233.

²⁶ Шаров А.В. Два документа о Б.А. Тураеве. С. 117.

²⁷ Груздева Е.Н. Академическое интермеццо: Очерки истории Санкт-Петербургского императорского женского педагогического института. СПб., 2009. С. 60–61, 75, 175.

Государственной археографической комиссии АН СССР, председателем которой был ее учитель акад. С.Ф. Платонов²⁸. Через пять лет после смерти мужа, в 1925 г. Елена Филимоновна Тураева постриглась в монахини под именем Иулиании, но жила в миру, пользуясь большим авторитетом в кругах церковной интеллигенции²⁹.

Тематика научных исследований Б.А. Тураева не ограничивалась одной египтологией³⁰ и коптологией³¹. Эрудиция и разносторонность интересов Б.А. Тураева поражает. Еще в 1893 г. вышла его обширная публикация о финикийской древности³², к которой он обращался еще не раз³³. На заседаниях РАО он сделал доклады «К истории хеттского вопроса» (1899)³⁴ и «О хеттских рельефах (О письме генерала Лундквиста о хеттских рельефах)» (1900)³⁵. Академик В.П. Бузескул писал, что Б.А. Тураев «хорошо знал историю всего классического Востока, мог разбирать клинопись, но он был по преимуществу египтолог. Владея знанием иероглифов, он мог непосредственно пользоваться источниками, был знатоком египетских, коптских, эфиопских памятников, письменных и вещественных, ... изучал их на месте и в различных музеях, описал памятники, хранящиеся в русских музеях и собраниях»³⁶. Востоковеды, археологи, палеографы и музейные хранители до сих пор обращаются к его публикациям письменных памятников и артефактов цивилизаций классического Востока из частных и государственных собраний, в том числе происходящих из раскопок на юге России³⁷.

²⁸ Наука и научные работники СССР. Ч. II: Научные учреждения Ленинграда. Л., 1926. С. 35.

²⁹ Чуков Н., *прот.* Один год моей жизни: Страницы из дневника / Публ. В. Антонова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 15. С. 615.

³⁰ Тураев Б.А. 1) Два текста, относящиеся к культу Мина // ЗКОРАО. 1904. Т. 1. С. 50–54; 2) Из истории Книги Мертвых. Несколько замечаний о текстах саркофага // Там же. 1904. Т. 3. С. 15–25; 3) Египетские заметки // Там же. С. 26–29; 4) Несколько египетских надписей из моей коллекции // Там же. 1912. Т. 7. С. 1–19; 5) К истории греческого периода в верхнеегипетском богослужении. СПб., 1909; 6) Изображение воскресения на египетских памятниках. Харьков, 1914.

³¹ Тураев Б.А. 1) Неизданный поэтический памятник коптской эпиграфики // ЗВОРАО. 1896. Т. 9. С. 79–82; 2) Пасхальная служба коптской церкви. СПб., 1897; 3) Коптские тексты, приобретенные экспедицией покойного В.Г. Бока в Египте // Труды XI Археологического съезда в Киеве. М., 1902. Т. 2. С. 223–246; 4) Копто-эфиопское сказание о преподобном Кире // ЗВОРАО. 1903. Т. 15. Вып. 1. С. 1–20; 5) Копто-сахидское письмо из коллекции В.С. Голенищева // ЗВОРАО. 1907. Т. 18. С. 25–28; 6) Коптские надгробные надписи // Там же. С. 030–032; 7) Такла-Хаймонот у коптов // Там же. С. 33–41; 8) Коптские богослужебные каноны // Византийский временник. 1908. Т. 14. Вып. 1. С. 184–189; 9) К вопросу о происхождении коптских ΘΕΟΤΟΚΙΑ // Там же. С. 189–190; 10) Коптские надписи из собрания Н. П. Лихачева // Христианский Восток. 1912. Т. 1. Вып. 1. С. 45–49; 11) Коптский пергаментный амулет // Там же. 1912. Вып. 2. С. 203–206; 12) Коптские рукописи Азиатского Музея Российской Академии наук // Известия РАН. 6 сер. 1919. Т. 13. Вып. 8–11. С. 427–440; 13) Коптская литература // Литература Востока. Пг., 1920. Вып. 2. С. 145–151.

³² Тураев Б. А. Очерк истории изучения финикийской древности // Историческое обозрение. 1893. Т. 6. Отд. 1. С. 1–76.

³³ Тураев Б.А. 1) Отрывки финикийской космогонии и мифологии Филона Библиского // Сообщения Православного Палестинского общества. 1902. Вып. 13. Ч. 2. № 2, 3. С. 101–178; 2) Финикийские отрывки у Дамаския // Там же. С. 179–188; 3) Финикийская литература // Литература Востока. Пг., 1920. Вып. 2. С. 162–167.

³⁴ Тураев Б.А. К истории хеттского вопроса // ЗРАО. 1901. Т. 12. Вып. 3–4: Труды отд. археологии древнеклассической, византийской и западноевропейской. Кн. 5. С. 225–259.

³⁵ РО НА ИИМК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 451. Л. 66 об.; Д. 452. Л. 8. См.: Жебелёв С.А. Русское археологическое общество... С. 62, 159.

³⁶ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России... С. 244.

³⁷ См., например: Тураев Б.А. 1) Коптская ostraca коллекции В.С. Голенищева // Известия АН. 1899. Т. 10. № 5. С. 435–449; 2) Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях // ЗВОРАО. 1899.

Б.А. Тураев считается родоначальником исследования эфиопской агиографии как исторического источника и систематического изучения памятников эфиопской историографии. Интерес к истории Абиссинии (Эфиопии), тесно связанной с историей Египта, эфиопскому языку и истории Эфиопской церкви, зародившийся в студенческие годы и закрепившийся на занятиях у профессоров Э. Шрадера и Л. Штейндорфа в Берлине, был связан с дискуссиями конца 1880-х гг. о возможности присоединения эфиопской церкви к православной из-за близости православия и монофизитства³⁸. Этот интерес привел Б.А. Тураева к тесному научному общению с первым и единственным в России той эпохи богословом-ориенталистом, знатоком около 30 живых и мертвых языков, доктором церковной истории, ординарным профессором Санкт-Петербургской духовной академии, членом-корреспондентом Императорской АН В.В. Болотовым (1854–1900). Именно он консультировал Б.А. Тураева при подготовке к изданию «Часослова эфиопской церкви» (1897)³⁹. Эта книга стала первой в мировой науке, в которой отмечены греческие первоисточники эфиопских текстов и проведены параллели между эфиопскими и коптскими молитвами, что сделало публикацию уникальной⁴⁰.

Через 4,5 года после защиты магистерской работы Б.А. Тураев защитил диссертацию на степень доктора всеобщей истории — «Исследования из области агиологических источников истории Эфиопии» (1902)⁴¹, написанную на основе значительного объема неопубликованного рукописного материала — житий эфиопских святых по материалам петербургских, киевских и западноевропейских собраний. Книга посвящена памяти В.В. Болотова. В том же году Б.А. Тураев издал первый

Т. 11. Вып. 1–4. С. 115–164; 1900. Т. 12. С. 179–217; 1904. Т. 15. Вып. 4. С. 81–101; 3) Описание древневосточных предметов в Музее императорского Общества любителей древней письменности. СПб., 1900; 4) О двух клинописных табличках музея церковно-археологического общества при Киевской Духовной академии // ЗВОРАО. 1901. Т. 13. С. 8–15; 5) Две аксумские монеты Императорского Эрмитажа // ЗКОРАО. 1904. Т. 1. 1904. С. 44–49; 6) Из истории Книги Мертвых. Несколько замечаний о текстах саркофага // ЗКОРАО. 1904. Т. 3. С. 15–25; 7) Скарабей с о. Березани // ИИАК. 1911. Вып. 40. С. 118–120; 8) Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie Méridionale // Revue Archéologique. Série quatrième. 1911. Vol. 18. P. 20–35; 9) Описание египетского отдела Музея Одесского общества истории и древностей // Пролетария. Сборник статей, изданный Одесским обществом истории и древностей в честь почетного члена Эрнеста Романовича фон Штерна. Одесса, 1912. С. 72–90; 10) Терракотовый светильник из Ольвии, изображающий чету Бесов // ИИАК. 1912. Вып. 45. СПб, 1912. С. 71–75; 11) Несколько египетских надписей из моей коллекции // ЗКОРАО. 1912. Т. 7. С. 1–19; 12) Произведения абиссинской живописи, собранные доктором А.И. Кохановским // Христианский Восток. 1913. Т. 2. Вып. 2. С. 199–209; 13) Фигурка Имхотепа, найденная в Кубанской области // ИИАК. 1913. Вып. 49. С. 128–132; 14) О некоторых египетских древностях из бывшей коллекции Суручана // ЗВОРАО. 1913 (1911–1912). С. VII–IX; 15) Провинциальные собрания египетских древностей // Экскурсионный вестник. 1914. Кн. 1. С. 24–33; 16) Из Московского Румянцевского музея. Надписи XI династии // ЗКОРАО. 1915. Т. 11. С. 14–20.

³⁸ Шаров А.В. Тураев Борис Александрович. С. 464.

³⁹ Тураев Б.А. Часослов эфиопской церкви. СПб., 1897 (Записки Имп. АН по историко-филологическому отделению. Т. 1. № 7). См. рецензию: Болотов В.В. [Рец.] // Христианское чтение. 1898. № 2.

⁴⁰ Шаров А.В. Тураев Борис Александрович. С. 464.

⁴¹ Тураев Б.А. Исследования из области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902. См. рецензии: Коковцов П. К. 1) Отзыв о диссертации на степень доктора всеобщей истории Б. А. Тураева // Журнал заседаний ученого совета С.-Петербургского университета за 1902 г. 1903. № 58. С. 127–131; 2) П. К. [Коковцов П.К.] [Рец.] // ЗВОРАО. 1907. Т. 17. Вып. 1. С. 051–073; Мелиоранский Б. [Рец.] // Византийский временник. 1903. Т. 10. Вып. 1–2. С. 164–171.

выпуск «*Monumenta Aethiopiae hagiologica*» (1902)⁴², вскоре опубликовал ряд рукописных памятников с латинским переводом в международном «*Corpus scriptorum christianorum orientalium*» и каталог петербургских собраний эфиопских рукописей⁴³. Б.А. Тураеву принадлежат работы по эфиопской литургике, о молитвах и проповедях эфиопской церкви на языке *гезз* и публикации их с переводом на церковнославянский язык, об эфиопских амулетах, хранящихся в Санкт-Петербурге и пр. Ученый собрал собственную коллекцию эфиопских рукописей: после его смерти 21 рукопись была передана в Азиатский музей, около десятка поступили вместе с его архивом в Государственный Эрмитаж, а затем были переданы в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру) РАН⁴⁴.

Продолжилась и интенсивная преподавательская деятельность ученого. С 30 июля 1904 г. Б.А. Тураев занял должность экстраординарного профессора, а с 8 ноября 1910 г. — ординарного профессора кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Петербургского-Петроградского университета⁴⁵. К церкви, к науке и преподавательской деятельности Б.А. Тураев относился как к служению, отдавая им все душевные силы. Он читал курсы египтологии, каждый второй год читал курсы по истории Финикии и Карфагена, несколько раз читал абиссиноведческие курсы, дважды проводил занятия по эфиопскому языку, объявлял курсы коптского, среднеегипетского и новоегипетского языков и курс по дневнеегипетской литературе⁴⁶. Именно он создал школу отечественных египтологов — его учениками являлись рано сошедшие в могилу в первые послереволюционные годы И. М. Волков (1882–1919), А. Л. Коцейковский (1887–1919), В. В. Ершов (ум. 1919), Ф. Ф. Гесс (1895–1922), а также В. В. Струве (1889–1965), П. В. Ернштедт (1890–1966), Н. Д. Флиттнер (1879–1957), Т. Н. Козьмина-Бороздина (1889–1959), А. В. Шмидт (1894–1935), занимавшиеся историей и археологией Древнего Востока и в советское время. Лекции Б.А. Тураева слушали И. Ю. Крачковский, В. К. Шилейко, В. М. Алексеев и многие другие.

Нельзя обойти молчанием активную работу Б.А. Тураева в исторических и археологических обществах. Он являлся членом Исторического общества при Петербургском университете (1891), членом-сотрудником (1895), действительным членом (1897), хранителем Музея (1900–1907) Императорского Русского археологического общества, в Восточном отделении которого ученый являлся одной из ключевых фигур⁴⁷, членом-корреспондентом (1899), действительным членом (1903)⁴⁸ Московского археологического общества⁴⁹, удостоившего его золотой

⁴² *Monumenta Aethiopiae hagiologica*. Fasc. I. Lipsiae, 1902. Fasc. II. СПб., 1902; Fasc. III. СПб., 1905.

⁴³ Тураев Б. А. Памятники эфиопской письменности. III. Эфиопские рукописи в С.-Петербурге // ЗВОРАО. 1907. Т. 17. С. 115–144.

⁴⁴ Гусарова Е. В. Тураев Борис Александрович. С. 801–802.

⁴⁵ Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета... С. 55.

⁴⁶ Шаров А. В. Тураев Борис Александрович. С. 466.

⁴⁷ См.: Жебелёв С. А. Русское археологическое общество за третью четверть века его существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924 / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина. М., 2017 (по указателю).

⁴⁸ Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.) / Под ред. графини П. С. Уваровой и И. Н. Бороздина. М., 1915. Т. 2. С. 369–370.

⁴⁹ Тураев Б. А. 1) Вопрос о финикиянах в Балтийском море // Труды X АС в Риге 1896. М., 1899. Т. 1. С. 201–213; 2) Коптские тексты, приобретенные экспедицией покойного В. Г. Бока в Египте // Труды XI АС

медали имени графа А.С. Уварова за исследования в области египтологии, коптологии и эфиопистики (1915), членом Императорского православного палестинского общества, в Совет которого он был избран в апреле 1917 г. и в мае 1920 г. был назначен представителем Отделения исторических наук и филологии РАН и др.

Именно благодаря Б.А. Тураеву знаменитое собрание египетских древностей В.С. Голенищева, собиравшееся им в течение 30 лет, не было продано за границу и оказалось в Музее изящных искусств в Москве. История ее приобретения такова. Коллекция египетских и коптских памятников В.С. Голенищева сначала размещалась в доме на Английской набережной, д. 36, затем на Моховой ул., д. 15. Как частный музей он был открыт для обозрения всеми желающими. Б.А. Тураев обратился с письмом в Совет РАО с просьбой обратить внимание общества «на предстоящую в ближайшем будущем продажу археологической коллекции В.С. Голенищева». 24 февраля 1908 г. на квартире В.С. Голенищева состоялось чрезвычайное общее собрание РАО о приобретении на государственный счет его коллекции. Б.А. Тураев представил сочленам общую характеристику собрания, подчеркнув его полноту, разносторонность и важность, т. к. «наши до крайности жалкие древневосточные коллекции могли быть хотя несколько доведены до уровня европейских присоединением к ним этого богатого собрания, являющегося не только сокровищницей памятников древности, но и единственным доказательством участия русской науки в проявляемом нами культурном стремлении к исследованию классического Востока. Выпускать из рук эту коллекцию не только невыгодно для нашей науки, но и обидно для нашего национального самосознания. Собрать же подобную коллекцию вновь нам представляется едва ли возможным: для этого нет ни подходящего лица, ни достаточных средств., ... многие из предметов за это время сделались редкими и не всегда доступными даже за большие деньги правительственным музеям»⁵⁰.

После внимательного осмотра коллекции и выступлений В.С. Голенищева, Б.А. Тураева, О. Э. Лемма и М. И. Ростовцева Общее собрание РАО приняло резолюцию, что «коллекция В.С. Голенищева и по своей научной важности и по своему художественному и воспитательному значению занимает исключительное положение среди известных археологических собраний, происходящих из Египта, высказывает свое горячее пожелание, чтобы собранная выдающимся русским ученым с огромной любовью и знанием дела коллекция сделалась достоянием всего русского культурного общества, войдя в состав одного из публичных археологических собраний России. Уход этой коллекции из России был бы, по мнению общества, огромною утратой для русской науки и просвещения». Общее собрание РАО постановило ходатайствовать о приобретении в собственность государства коллекции В.С. Голенищева⁵¹. Благодаря хлопотам членов РАО и их связям в правительственных кругах в 1909 г. собрание В.С. Голенищева (свыше 6000 экспонатов)

в Киеве. М., 1902. Т. 2. С. 223–246; 3) Египетские статуи и статуэтки бывшей коллекции В.С. Голенищева // Древности. 1914. Т. 24. Протоколы. С. 358; 4) Ящики для египетских погребальных статуэток, называемых «Ушебти» // Древности. 1916. Т. 25. С. 32–46.

⁵⁰ Протоколы Общих собраний Императорского Русского археологического общества за 1899–1908 годы. Пг., 1915. С. 339.

⁵¹ Там же. С. 345.

было приобретено на средства казны по постановлению Государственной думы и в апреле 1911 г. перевезено из Петербурга в Москву, где поступило в Музей изящных искусств императора Александра III (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина)⁵².

В сентябре 1912 г. Общее собрание РАО, заслушав доклад М.И. Ростовцева «Русская археология в Палестине»⁵³, ратовавшего за расширение русского научного присутствия на Святой земле, и обмена мнений постановило просить М.И. Ростовцева, Б.А. Тураева и Б.В. Фармаковского составить проект обращения по делу об исследовании и охране памятников древности, находящихся на русском участке в Святой земле, к Православному палестинскому обществу и Св. Синоду⁵⁴. Но дело продвигалось крайне медленно. Три года спустя В.В. Бартольд, В.Н. Бенешевич, М.А. Дьяконов, Н.Н. Глубоковский, А.А. Дмитриевский, Е.П. Ковалевский, П.К. Кокцов, Н.П. Кондаков, И.Ю. Крачковский, В.В. Латышев, Н.Я. Марр, Н.В. Никитин, Н.В. Покровский, М.И. Ростовцев, Я.И. Смирнов, И.И. Соколов, Б.А. Тураев, П.С. Уварова, Б.В. Фармаковский участвовали в подготовке проекта организации Русского института палестиноведения (или Русского археологического института в Иерусалиме), обсуждавшегося на заседании Православного палестинского общества 9 марта 1915 г.⁵⁵ Однако Первая мировая война, две революции 1917 г. и Гражданская война в России перечеркнули научно-организационные планы.

По предложению профессора И.В. Цветаева Б.А. Тураев с 1912 г. занял должность заведующего отделом Востока — хранителя собрания египетских древностей Музея изящных искусств в Москве, куда поступило собрание В.С. Голенищева, артефакты которого ученый стал активно издавать⁵⁶. Так, он опубликовал хранящийся в музее текст большого математического папируса⁵⁷, содержащий проблему

⁵² Подробнее см.: Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекций в Музей изящных искусств (1908–1912) / Сост., авт. примеч. А.А. Демская, С.И. Ходжаш, О.Д. Берлев и др.; ред., авт. вступ. текстов Л.М. Смирнова. М., 1987 (Из архива ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. 3).

⁵³ *Ростовцев М. И.* Русская археология в Палестине // Христианский Восток. 1912. Т. 1. Вып. 3. Дек. С. 247–266. 5 табл.

⁵⁴ *Жебелёв С.А.* Русское археологическое общество... С. 26.

⁵⁵ Подробнее см.: *Ковалевский Е.П.* Русские научные интересы в Палестине и прилегающих областях. Пг., 1915; *Тураев Б.А.* 1) Задачи русской науки на Переднем Востоке в связи с настоящими мировыми событиями // Экскурсионный вестник. СПб, 1915. Кн. 1. С. 3–12; 2) Россия и христианский Восток // Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. М., 1916. Т. 1. Вып. 3. С. 203–231; *Грушевой А.Г.* Императорское Православное Палестинское общество (по петербургским архивам) // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. С. 135, 137; *Басаргина Е.Ю.* К истории проекта Палестинского комитета // Вспомогательные исторические дисциплины. 2007. Т. 30. С. 434–439; *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи: Очерки институциональной истории науки XIX — начала XX в. / Под ред. И.В. Тункиной. М., 2011. С. 269–272, 277–279.

⁵⁶ См.: Памятники Музея изящных искусств в Москве: В 4-х вып. / Под ред. В.К. Мальмберга и Б.А. Тураева. М., 1912–1913; Описание Египетского собрания Музея изящных искусств. М., 1917. Ч. 1–2; *Turaev B.* Le nouveau musée égyptien à Moscou // Actes du IV congrès International d'histoire des religions. Leiden, 1913. P. 94–97; *Тураев Б.А.* 1) Египетский отдел // Музей изящных искусств имени императора Александра III в Москве. Краткий путеводитель. Часть I: Египет. Вавилоно-Ассирия. Греция. Рим. 10-е изд. М., 1914. С. 7–36; 2) Из Московского Румянцевского музея. Надписи XI династии // ЗКОРАО. 1915. Т. 11. С. 14–20; 3) Египетские рельефы с изображениями погребальных процессов Музея изящных искусств // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 61–72.

⁵⁷ *Turaev B. A.* Volume of the truncated Pyramid in Egyptian Mathematics // Ancient Egypt. London, 1917. Pt. 3. P. 100–102.

вычисления объема усеченной пирамиды, задачу, которая встречалась в древней математике только в этом памятнике письменности.

С момента назначения хранителем Музея изящных искусств в Москве Б.А. Тураев фактически жил на два города, он начал преподавание египтологии на Высших женских курсах в Москве, стал почетным членом Московского общества по изучению памятников древностей (1912).

С магистрантских времен Б.А. Тураев приобрел репутацию серьезного ученого международного уровня. Он принимал участие в международных конгрессах — ориенталистов в Париже (1896) и Риме (1900), историков в Берлине (1908), классической археологии в Каире (1909), истории религий в Лейдене (1912)⁵⁸. Ему удалось единственный раз побывать в Египте и Палестине в 1909 г. как участнику II Международного конгресса классической археологии в Каире⁵⁹.

7 декабря 1913 г. Б.А. Тураев был избран членом-корреспондентом по разряду восточной словесности Историко-филологического отделения Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, а 2 ноября 1918 г. академиком по Отделению исторических наук и филологии (литература и история азиатских народов)⁶⁰ Российской академии наук⁶¹. В «Известиях Академии наук» издавались его «Египтологические заметки»⁶².

Еще 6 мая 1914 г. Б.А. Тураев совместно М.И. Ростовцевым подал в Императорскую АН «Записку о снаряжении экспедиции в Египет для покупки папирусов и об ассигновании средств на нее». Авторы обратили внимание на находки огромного числа папирусов в Египте в последние десятилетия, что обусловило стремительное развитие классической филологии в Западной Европе и лишь косвенно отразилось на России, которая владела лишь единичными экземплярами папирусов. М.И. Ростовцев обратил внимание академиков на то, что он вынужден «занимать» подлинные папирусы в частных собраниях Н.П. Лихачева, Г.Ф. Церетели и Б.А. Тураева при практических занятиях со студентами Петербургского университета. Таким образом была обоснована необходимость развития папирологии как науки в России и важность изучения коптских рукописей IV–XV вв. «как драгоценного источника для историка не только египетской, но и вообще древнехристианской церкви». Согласно Б.А. Тураеву, фрагменты коптских папирусов на различных диалектах «почти всецело относятся к области христианской церковности»: «интересный в текстуальном отношении перевод Библии, составляемый для сахидского наречия из разрозненных фрагментов, перевод апокрифов и гностических писаний, оригиналы

⁵⁸ Тураев Б.А. 1) Египтология на XI Международном конгрессе ориенталистов в Париже // ЖМНП. 1898. № 2. С. 119–127; 2) Египтология на XII Международном конгрессе ориенталистов в Риме // ЖМНП. 1900. № 4. С. 76–84; 3) Второй Международный конгресс классической археологии // Гермес. 1909. Т. 5. № 19 (45). С. 576–582.

⁵⁹ Тураев Б.А. 1) Египетские церковные впечатления. СПб., 1910; 2) Описание коллекции древностей, привезенных из Египта весной 1909 года (таблицы I–VIII) // ЗКОРАО. 1910. Т. 6. С. 161–176.

⁶⁰ Ольденбург С.Ф., Коковцов П.К., Марр Н.Я., Бартольд В.В., Никитский А.В. Записка об ученых трудах проф. Б.А. Тураева // Известия РАН. 6 сер. 1918. № 16. С. 1703–1712.

⁶¹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 160. Л. 42, 67 об.; Д. 165. Л. 204; Сенько П.Н. Русские церковные деятели — члены Академии наук: Историко-биографическое исследование. Ч. I–III. СПб., 1995. С. 108–109; Российская академия наук: Персональный состав. Кн. 2: 1918–1973. М., 2009. С. 2.

⁶² Тураев Б.А. Египтологические заметки. I–VII // Известия АН. Сер. 6. 1915. Т. 9. № 7. С. 601–615; Он же. VIII–XI // Там же. Т. 9. 1916. С. 1–20.

которых часто утрачены, коптские изводы деяний первых 4-х Вселенских соборов, творения отцов Церкви до 451 г., иногда сохранившиеся только в коптском переводе, отрывки древних литургий (частью на греч. яз.) и произведения древней богослужебной поэзии, богатая житийная и гомилетическая туземная литература, монастырские акты, письма иерархов, монахов и частных лиц, продукты магии и частного права и многое другое, находимое среди коптских папирусных и пергаменных листков». Авторы доказывали значимость проведения русской академической экспедиции в Египет для приобретения античных греческих папирусов и памятников письменности христианского Египта и Нубии, а также, «если позволят средства, и дохристианского времени»⁶³.

Записка М.И. Ростовцева и Б.А. Тураева была доложена вице-президентом П.В. Никитиным, рассмотрена и поддержана на заседании Историко-филологического отделения Петербургской АН 7 мая 1914 г., затем Конференцией (Общим собранием) АН, обратившейся к министру народного просвещения с просьбой добиться ассигнований в Государственном Казначействе в размере 10 тыс. руб. на организацию двухмесячной экспедиции (до 2 тыс. руб.) и закупку папирусов в феврале-марте 1915 г. Однако военно-политические события помешали реализации планов академии⁶⁴.

Высказанная Б.А. Тураевым надежда, что в ходе Первой мировой войны «святые места нашей религии и священные области человеческой культуры частью войдут в наши пределы, частью попадут в иные, более выгодные для нас и для науки политические условия»⁶⁵, не оправдалась. Еще одна записка Б.А. Тураева 1914 г. в Восточное отделение РАО касалась древностей Вана на территории Турецкой Армении и сопредельных мест (Макинского ханства в Персии)⁶⁶, занятых русскими войсками и ставших доступными из-за военных поражений Турции. Туда в июне-июле 1916 г. была отправлена экспедиция РАО под руководством Н.Я. Марра и И.А. Орбели, открывшая фрагменты урартской надписи середины VIII в. до н. э. — летописи царя Сардури II⁶⁷.

Пожалуй, главным трудом Б.А. Тураева стала «История древнего Востока». В основу книги был положен курс, читанный в Петербургском университете, который неоднократно перерабатывался и переиздавался⁶⁸. Подобной книги, основанной не только на обширной литературе, но и на анализе обширного корпуса письменных и вещественных первоисточников не было ни в русской, ни в иностранной науке. По характеристике В.В. Бартольда и В.П. Бузескула она охватыва-

⁶³ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 161. Л. 434 об.–437. Опул.: Тункина И.В. М.И. Ростовцев и Российская академия наук // Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 111–113.

⁶⁴ Тункина И.В. М.И. Ростовцев и Российская академия наук. С. 86.

⁶⁵ Тураев Б.А. Задачи русской науки на Ближнем Востоке в связи с настоящими мировыми событиями... С. 3.

⁶⁶ Протокол заседания комиссии, избранной Восточным отделением РАО для обсуждения вопроса об исследованиях в области древней ванской культуры 19 апреля 1914 г. // ЗВОРАО. 1915. Т. 22. Вып. 3–4. С. XLI–XLIV (см.: Записка Б.А. Тураева о древностях Вана и сопредельных местностях. С. XLIV–XLII).

⁶⁷ Жебелёв С.А. Русское археологическое общество... С. 57–58; Юзбашьян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. М., 1986. С. 36–38.

⁶⁸ Тураев Б.А. 1) История древнего Востока. Лекции, читанные в 1896 г. СПб., 1896; 2) История древнего Востока. Курс читанный в Санкт-Петербургском университете в 1910–1911 г. Ч. 1–2. СПб., 1912; 3) История древнего Востока. Курс лекций. 2-е испр. и илл. изд. Ч. 1–2. СПб., 1913–1914. Указатель. Пг., 1915.

ла историю древнего мира «от Кавказского хребта и Средней Азии до Персидского залива, Южной Аравии, страны африканских озер, от рубежа Ирана и Индии до Иракловых столпов», на протяжении пяти тысячелетий, от первых зачатков государственной жизни до эпохи эллинизма включительно — до христианизации Востока, «так как новая религия не могла не внести существенных изменений в жизнь и в миросозерцание народов, для которых религия была главным и основным элементом культуры». Курс «поражает своей архитектурной, прозрачностью построения и ясностью изложения. Историческая перспектива соблюдена, освещена и внешняя, и внутренняя культурная история древнего мира. Из источников приводятся в самом тексте более или менее пространственные выдержки, несколько не загромождающие изложение, а яркие, характерные, живо воспроизводящие эпоху, вводящие в нее, в ее дух, мировоззрение. И это не компиляция, хотя бы и искусная, художественная, это — ученый труд. Автор обнаружил полную самостоятельность. Нельзя не отметить также осторожности его выводов»⁶⁹. Книга в 1915 г. была удостоена золотой медали РАО.

Современный историк востоковедения А.А. Вигасин подчеркнул, что традиция преподавания истории Востока тогда только складывалась и на Факультете восточных языков Петербургского университета почти не было специалистов-историков, а профессиональный университетский курс истории Древнего Востока на историко-филологическом факультете впервые был разработан именно Б.А.Тураевым. В европейской науке рядом с его книгой он поставил труд знаменитого французского египтолога Гастона Масперо «Древняя история народов Классического Востока». Но именно русский ученый стал одним из первых историков, который мог работать не только в области египтологии, но и в ассириологии, в изучении финикийских и хеттских древностей⁷⁰.

Б.А. Тураев подготовил третье издание «Истории древнего Востока» и в 1917 г. сдал его в печать. Новое издание первого тома, содержащего «Введение» и «Вавилон», вышло в 1924 г. под заглавием «Классический Восток» под редакцией и с примечаниями учеников Б.А. Тураева В. В. Струве и Н. Д. Флиттнер⁷¹, которые, на взгляд В.П. Бузескула и других рецензентов, внесли значительные, чрезмерные дополнения, которые нарушили архитектуру книги, — «их к этому побуждало желание поставить посмертный труд своего учителя в уровень с современной наукой, и этой цели они достигли»⁷². Вышедшее в 1935 г. четвертое издание под редакцией В.В. Струве и И.М. Снегирева стало наиболее известным⁷³.

На протяжении всей жизни Б.А. Тураев старался популяризировать историю Древнего мира для образованной русской публики, издавая монографии и источники о нем в русских переводах. Им была основана серия «Классический Восток», причем ее первым выпуском стала его монография о финикийской литературе⁷⁴, а

⁶⁹ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России... С. 245.

⁷⁰ Вигасин А.А. Переписка Б.А. Тураева и И.Н. Бороздина.

⁷¹ Тураев Б.А. Классический Восток. Ч. I: Введение. Вавилон. Посмертный труд под ред. с предисловием и примечанием В.В. Струве и Н.Д. Флиттнер. Л., 1924.

⁷² Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России... С. 245.

⁷³ Тураев Б.А. История Древнего Востока: в 2-х т. Л., 1935. 2 стереот. изд. 1936. 3 стереот. изд. 1936.

⁷⁴ Тураев Б.А. Остатки финикийской литературы. Отрывки финикийской космогонии и мифологии Филона Библиского. Финикийские отрывки у Дамаския. Тирская летопись. СПб., 1903 (Классический

также серия под его редакцией «Культурно-исторические памятники Востока» (с 1914 г.) со вступительными статьями и примечаниями⁷⁵. В 1910-х гг. под редакцией Б.А. Тураева и И. Н. Бороздина вышел рекомендованный Министерством народного просвещения для библиотек средних учебных заведений сборник источников по культурной истории Востока⁷⁶, затем хрестоматия с отрывками источников о Древнем мире на юге России⁷⁷. Издание первого тома «Египетской литературы»⁷⁸ с историческим очерком ее развития было закончено еще при жизни автора, но книга вышла уже после смерти Б.А. Тураева. Второй том, содержащий переводы древнеегипетских литературных памятников, в свет так и не вышел. Посмертно были опубликованы также монографии «Древний Египет»⁷⁹, «Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года»⁸⁰ и «Абиссинские хроники: XIV–XVI вв.» под редакцией И.Ю. Крачковского⁸¹, а также четыре очерка по истории литератур Востока в петроградском издательстве «Всемирная литература»⁸².

Годы революции и гражданской войны, сопровождавшиеся разрушением размеренного ритма научных занятий, коренной ломкой дореволюционной институциональной структуры науки, голодом и люмпенизацией быта, Б.А. Тураев переживал очень тяжело. «К общественной, а тем более к политической жизни Борис Александрович не чувствовал себя призванным, и всецело стоял на платформе “наука аполитична”», — вспоминал С.А. Жебелёв⁸³. После Февральской революции 1917 г. аполитичный Б.А. Тураев с нетерпением ожидал лишь одного события — намеченный на август Всероссийский поместный собор Русской православной церкви, т. к. считал существовавшую синодальную систему церковного управления канонически ущербной. Ученый участвовал в работе богослужебного отдела собора, в котором принимал активное участие вплоть до его закрытия в сентябре 1918 г. Именно Б.А. Тураев предложил ввести праздник всех святых, в земле Российской просиявших, который отмечается и сегодня⁸⁴.

В 1919 г. Б.А. Тураев в Петрограде стал лектором Богословского института для лиц с законченным средним образованием и Богословских курсов для лиц без

Восток). Переизд.: Тураев Б.А. Финикийская мифология / Сост. Н.К. Герасимова; общ. ред. Ю.С. Довженко. СПб., 1999. С. 39–184.

⁷⁵ Тураев Б.А. Рассказ египтянина Синухета и образцы египетских документальных автобиографий. М., 1915 (Культурно-исторические памятники древнего Востока. Вып. 3).

⁷⁶ Древний мир. Сборник источников по культурной истории / Под ред. Б.А. Тураева, И.Н. Бороздина. М., 1915. Ч. 1. Восток; Изд. 3-е. М., 1917.

⁷⁷ Древний мир на юге России: Сб. источников. Под. ред. Б.А. Тураева, И.Н. Бороздина и Б.В. Фармаковского. М., 1918.

⁷⁸ Тураев Б.А. Египетская литература. М., 1920. Т. 1: Исторический очерк древнеегипетской литературы.

⁷⁹ Тураев Б.А. Древний Египет. Пг., 1922.

⁸⁰ Тураев Б.А. Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года. Л., 1927 (Труды Комиссии по истории знаний. Вып. 3).

⁸¹ Тураев Б.А. Абиссинские хроники XIV–XVI вв. / Пер. с эфиопского под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1936 (Тр. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. 18).

⁸² Тураев Б.А. 1) Египетская литература // Литература Востока. Пг., 1920. Вып. 2. С. 128–144; 2) Коптская литература // Там же. С. 145–151; 3) Абиссинская литература // Там же. С. 152–161; 4) Финикийская литература // Там же. С. 162–167.

⁸³ Историографические этюды С.А. Жебелёва. Три неизданных мемуара С.А. Жебелёва: Из воспоминаний о старом товарище. С. 198.

⁸⁴ Шаров А.В. Тураев Борис Александрович. С. 467.

среднего образования, где преподавал литургику. В те же годы он являлся старостой церкви Св. Апостолов Петра и Павла Петроградского университета вплоть до ее закрытия⁸⁵.

При создании Российской академии истории материальной культуры Б.А. Тураев был избран в первый состав членов Всероссийской избирательной коллегией 6 августа 1919 г.⁸⁶ Он до своей смерти руководил Разрядом археологии Древнего Востока⁸⁷. При участии Б.А. Тураева и его учеников в Эрмитаже была открыта выставка «Заупокойный культ древнего Египта».

Б. А. Тураев скончался 23 июля 1920 г. в Петрограде, не дожив до своего 52-летия двух недель, от дизентерии в легкой форме и общего истощения организма, «усталости сердца, измученного скорбью и главным образом от нежелания жить». Ученый встретил смертельную болезнь словами: «Слава Богу, наконец-то, конец. Доконает, доконает... и доконала»⁸⁸. Незадолго до смерти Б.А. Тураев принял посвящение в стихарь: «в стихаре, как чтеца, согласно его желанию, и положили его в гроб. Если бы Бог продлил веку Бориса Александровича, он, можно быть уверенным в этом, принял бы священнический чин. Борис Александрович жил и умер истинным служителем церкви, вернейшим сыном ее. И невольно хочется уподобить Бориса Александровича тем людям, которые в древней церкви назывались *исповедниками*»⁸⁹. Ученый был похоронен в чужой могиле на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, а на его доме № 3 по 2-й линии Васильевского острова так и не появилась мемориальная доска⁹⁰.

Осознанное стремление Б.А. Тураева побыстрее уйти в мир иной отмечал его давний друг и товарищ С.А. Жебелёв: «Для чего жить, сказал мне он раз, когда люди душу продали. <...> Те два идеала, которым он служил всю свою жизнь, оказались погранными или, в лучшем случае, отошли на задний план в сознании большинства людей. Церковь признается только терпимой, а в своем внешнем обиходе испытывает явное умаление. Наука, та наука, которой служил Борис Александрович, признается роскошью — а для него она была хлебом насущным. Университет подвергается всякого рода экспериментам. А люди... занимаются тем, что “приспосабливаются”. Не такая натура была у Бориса Александровича, чтобы он мог, чтобы он стал к чему-нибудь и к кому-нибудь “приспосабливаться”. И разве мог он допустить, чтобы к чему-то стали “приспосабливать” даже науку. Борис Александрович готов был переносить, да и переносил ради своих идеалов какие угодно лишения, но “приспособлять” свои идеалы он не хотел, да и не умел»⁹¹.

⁸⁵ Шаров А.В. Тураев Борис Александрович. С. 467.

⁸⁶ Фармаковский Б.В. К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1921. С. 11; Пескарева К.М. К истории создания Российской академии истории материальной культуры // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 29.

⁸⁷ Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 390.

⁸⁸ Шаров А.В. Два документа о Б.А. Тураеве. С. 120.

⁸⁹ Историографические этюды С.А. Жебелёва. С. 195.

⁹⁰ Шаров А.В. Тураев Борис Александрович. С. 469.

⁹¹ Историографические этюды С.А. Жебелёва. С. 199.

В год смерти ученого его памяти был посвящен ряд специальных публичных заседаний в Петрограде, в которых участвовали сотрудники РАН, РАИМК, Петроградского университета, Эрмитажа, Исторического общества при Петроградском университете, Института истории искусств, Богословского института⁹². Однако материалы этих заседаний не были изданы. РАИМК не почтила своего сочлена даже некрологом и так и не издала обещанного сборника статей памяти Б.А. Тураева, о чем с горечью писал С.А. Жебелёв⁹³. Наступала новая эпоха в развитии новой, советской исторической науки, которая была не в состоянии породить ученых масштаба Б.А. Тураева, вскоре обвиненного в идеализме, недостаточном внимании к вопросам социально-экономических отношений и классовой борьбы.

⁹² Востокведение в Петрограде 1918–1922. Памятка коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук. Пг., 1923. С. 88.

⁹³ Жебелёв С.А. Русское археологическое общество... С. 151.

Глава 3

Избранные заочно действительные члены РАИМК

Дмитрий Власьевич Айналов (1862–1939)

И.В. Тункина

Имя члена-корреспондента Императорской Академии наук (с 1914 г.) Дмитрия Власьевича Айналова¹, питомца школы Н.П. Кондакова, одного из создателей отечественного искусствovedения, хорошо известно историкам искусства и археологам всего мира, специализирующимся в области средневекового христианского, византийского и древнерусского искусства. По словам академика В.П. Бузескула, капитальные труды Д.В. Айналова «отличаются силой анализа и синтеза, широким охватом», в них введены в научный оборот «новые памятники и новые точки зрения, открыты новые перспективы» дальнейших исследований².

Непосредственными или заочными учениками Д.В. Айналова стала целая плеяда отечественных искусствovedов, таких как В.К. Мясоедов, Н.П. Сычев, Л.А. Мацулевич, М.К. Каргер, В.Н. Лазарев, М.В. Алпатов, а также эмигрировавшие в послереволюционные годы Н.Л. Окунев и А.Н. Грабар. Как резюмировал Г.И. Вздорнов: «Именно через Д.В. Айналова была удержана прочная связь старой науки с новой, советской, и одно это отводит ему почетное место в истории изучения греческого и русского искусства»³. Библиографированию творчества и описанию жизни Д.В. Айналова посвящена серия статей, некрологов и немногие

¹ В качестве заставки использован фотопортрет Д.В. Айналова (СПбФ АРАН. Нег. № 1898).

² Бузескул В.П. Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX в. / Сост., вступит. статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В. Тункиной. М., 2008. С. 344.

³ Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. М., 1986. С. 267–268.

страницы ряда монографий⁴. Первая развернутая научная биография Д.В. Айналова, написанная по материалам его личного архивного фонда, хранящегося в академическом архиве в Петербурге⁵, принадлежит историку-архивисту А.Н. Анфертьевой⁶. К ней и можно отослать заинтересованного читателя за более подробной информацией.

Дмитрий (Димитрий) Власьевич Айналов родился 8 (20) февраля 1862 г. в купеческой семье в г. Мариуполе Екатеринославской губ., хотя в разных автобиографиях ученого советского времени как место рождения указаны и Полтава, и Кострома, и даже другая дата рождения — 7 февраля. Видимо, он рано лишился отца, и его семья (мать с сестрами) сильно бедствовала. Юноша закончил Мариупольскую классическую гимназию (1881) и поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе, где ему посчастливилось учиться археологии и истории искусств у Н.П. Кондакова вместе с Е.К. Рединым⁷. Направлением специальных занятий в области истории искусств

⁴ Дмитрию Власьевичу Айналову от учеников: К двадцатилетию его ученой деятельности. Пг., 1915 (здесь же: Список трудов Дмитрия Власьевича Айналова. 1888–1913. С. 1–16); *Ракин В. Д.В. Айналов: [К 15-летию научной деятельности]* // Гермес. 1916. Т. 18 № 10. С. 218–224; *Алпатов М.В. Д.В. Айналов: Некролог* // Искусство. 1940. № 1. С. 172–174; *Жебелёв С.А. Памяти Д.В. Айналова* // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 3. С. 133–135; *Мацулевич Л.А. Памяти Д.В. Айналова: Роль византиноведения в деятельности Н.П. Кондакова и Д.В. Айналова* // Советское искусствоведение. 1986. Вып. 21. С. 338–351; *Этингоф О.Е.* 1) Дмитрий Власьевич Айналов (1862–1939): 125 лет со дня рождения // Художественный календарь: 100 памятных дат. М., 1987. С. 53–56; *Тункина И. В.* 1) Отзыв С.А. Жебелёва о Д.В. Айналове // Церковная археология: Материалы Первой Всеросс. конф. Псков, 20–24 ноябр. 1995 г. СПб.; Псков, 1995. Ч. 3: Памятники церковной археологии России. С. 67–73; 2) К истории академических выборов 1929–1930 гг.: Академик С.А. Жебелёв. Отзыв об ученых трудах Д.В. Айналова // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова / Отв. ред. А.Д. Столяр. СПб., 2004. С. 176–183; 3) Айналов Дмитрий Власьевич // *Жебелёв С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века его существования, 1897–1921. Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924)* / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. М., 2017. С. 179–180; Профессор Д.В. Айналов: публикация документов / Публ. В.А. Булкина // Искусство Древней Руси и его исследователи / Отв. ред. Вал. А. Булкин (Проблемы отечественного и зарубежного искусства; вып. 6). СПб., 2002. С. 199–213; *Кочетков И.А.* Неопубликованная статья Д.В. Айналова об иконе «Церковь воинствующая» // Третьяковские чтения 2010–2011. Материалы отчетных научных конференций. М., 2012. С. 398–405; *Сыченко Л.А.* 1) О «немецкой колонизации» русской науки: размышления над письмами Д. В. Айналова // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2007. № 1 (46). С. 137–142; 2) Основатели Музея изящных искусств Казанского университета: Дмитрий Айналов и Алексей Миронов // Вопросы музеологии. 2012. № 1(5). С. 98–112; *Филиппенко Р.И.* К вопросу о формировании школы истории искусства Харьковского и Петербургского университетов: Е.К. Редин и Д.В. Айналов — друзья и коллеги // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3 (36). С. 63–67; *Марченаро М.* Посещение Дмитрием Власьевичем Айналовым в конце XIX века баптистерия Альбентги и современные археологические исследования // ВВ. 2015. Т. 74. № 99. С. 224–239; *Зорина А.А., Лукина С.Г.* Казанский период научной биографии Д.В. Айналова // Историко-культурное наследие славянских народов Волго-Камского региона. 2017. № 3(3). С. 23–31; *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* «Необходим археолог или историк искусства»: Д.В. Айналов на выборах в АН СССР в 1928 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2020. № 5. С. 48–64.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 737. Оп. 1–2. 294 дела за 1887–1940, 1993 гг.

⁶ *Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов: Жизнь, творчество, архив* // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Отв. ред. И.П. Медведев. СПб., 1995. С. 259–312.

⁷ Редин Егор Кузьмич (1863–1908) — археолог, историк искусства; магистр теории и истории искусств (1897), доктор honoris causa истории и теории искусств Петербургского университета (1907); член-сотрудник РАО (1890), член-корреспондент (1893), действительный член (1902) МАО. См.: *Иодко О. В. Е. К. Редин: Жизнь и деятельность (по материалам петербургских архивов)* // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 2004. С. 311–345; *Тункина И.В. Редин Егор*

буквально с первого курса оба ученых обязаны были именно Н.П. Кондакову. Именно у него они усвоили строго критичные методы работы с археологическими и историческими источниками, которым следовали всю жизнь. Вслед за учителем, они смотрели на памятники византийского искусства как на итог сложного синтеза художественных течений Востока и Запада, восходящего к эллинизму и выросшего в самостоятельный художественный стиль под влиянием искусства Сирии, Армении, Египта и других сопредельных стран. Отсюда пришло осознание того, что византийское искусство крайне важно для понимания путей формирования и развития древнерусского искусства.

Под влиянием Кондакова в 1886 г. Редин и Айналов взяли общую тему кандидатского сочинения на золотую медаль: они занялись изучением живописного убранства Софийского собора в Киеве, получив специальную командировку от Русского археологического общества (РАО)⁸. Итогом совместной работы стало описание мозаик и фресок XI в., открытых Ф.Г. Солнцевым еще в 1843 г.⁹, выполненное как научное описание к его графической фиксации памятника¹⁰. «Я узнал, что значит метод, я приобрел глаз, приобрел знание, как нужно работать. С этим я могу идти вперед», — записал Д.В. Айналов в дневнике 27 июня 1887 г.¹¹ Совместный труд с Е.К. Рединым был удостоен золотой медали Новороссийского университета и получил почетный отзыв РАО (1891). К церковной археологии Киева соавторы, «современные Орест и Пилад», как называл их филолог-классик М.Н. Крашенинников, обращались еще не раз¹².

Н.П. Кондаков с учениками
Е.К. Рединым и Д.В. Айналовым. Одесса,
15 января 1888 г. Съемка В. Чеховского
(СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 5. Д. 4. Л. 1)

Кузьмич // *Жебелёв С.А.* Русское археологическое общество за треть четверть века его существования... С. 509.

⁸ *Анфертьева А.Н.* Д.В. Айналов... С. 261–262. Позднее, 13 апреля 1890 г., Е.К. Редин и Д.В. Айналов были избраны членами-сотрудниками этого общества (*Веселовский Н.И.* История Императорского Русского археологического общества за первое 50-летие его существования, 1846–1896. СПб., 1900. С. 123).

⁹ Начиная с 1853 г., художник изготовил 80 рисунков, переданных им в РАО.

¹⁰ *Айналов Д.В., Редин Е.К.* Киевский софийский собор: Исследования древней живописи — мозаик и фресок собора // ЗРАО НС. 1890. Т. 4. Вып. 3–4. С. 231–381. Отд. отт.: СПб., 1889.

¹¹ Цит. по: *Иодко О.В.* Е.К. Редин... С. 314.

¹² *Айналов Д.В., Редин Е.К.* 1) Мозаики и фрески Киево-Софийского собора // Вестник изящных искусств. 1890. Т. 8. С. 569–585; 2) Древние памятники искусства Киева: Софийский собор, Златоверхо-Михайловский монастырь и Кирилловский монастырь // Тр. Педагогического отделения Харьковского историко-филологического общества. 1900. Вып. 6. С. 1–58. Отд. отт.: Харьков, 1899; *Айналов Д.В.* 1) Мраморы и инкрустация Киево-Софийского собора и Десятинной церкви // Тр. XII АС в Харькове, 1902 г. М., 1905.

Д.В. Айналов и Е.К. Редин закончили Новороссийский университет со степенью кандидата с золотыми медалями в 1888 г., а с марта следующего года были командированы к Петербургскому университету для приготовления к профессорскому званию без стипендии. Они последовали в столицу за своим учителем Н.П. Кондаковым, который к тому времени по предложению министра народного просвещения был переведен в Петербургский университет ординарным профессором по кафедре теории и истории искусств и 15 января 1888 г. был назначен старшим хранителем Императорского Эрмитажа с оставлением на службе в университете и Археологической комиссии¹³. При Музее древностей Петербургского университета Н.П. Кондаковым был создан кружок его учеников — «фактопклонников» (Е.К. Редин, Д.В. Айналов, Я.И. Смирнов, М.И. Ростовцев, С.А. Жебелёв, позднее к ним примкнул Б.В. Фармаковский и др.), занимавшийся скрупулезным анализом археологических памятников разных исторических эпох и территорий. Позже все они стали встречаться на еженедельных журфиксах в петербургской квартире академика.

В период магистратуры Д.В. Айналов активно сотрудничал с РАО, Московским археологическим обществом (МАО), Одесским обществом истории и древностей (ООИД), Православным палестинским обществом, Историческим обществом при Петербургском университете и др. В январе 1890 г. он принял участие в VIII Всероссийском археологическом съезде в Москве и выступил с обзором сопровождавшей его выставки древностей¹⁴. Летом того же года ООИД поручило ему изучение древних памятников Киева, Херсонеса Таврического, Керчи, где им была описана и зарисована коллекция боспорских антиков А.В. Новикова. Трём древнехристианским сосудам из Керчи (одному из слоновой кости и двум стеклянным V–VI веков) он посвятил специальную статью¹⁵.

23 августа 1890 г. Д.В. Айналов был избран приват-доцентом Казанского университета по кафедре теории и истории искусств на вакансию, освободившуюся после В.К. Мальмберга, перебравшегося в Дерптский университет, а 27 октября 1890 г. одновременно с Е.К. Рединым сдал магистерский экзамен. На должности приват-доцента Казанского университета он пробыл десять лет.

В начале 1891 г. Д.В. Айналов и Е.К. Редин были командированы Министерством народного просвещения за границу для подготовки магистерской диссертации и изучения памятников византийского и древнехристианского искусства¹⁶. Маршруты их путешествий по Европе зачастую совпадали. Через Австрию Дмитрий

Т. 3. С. 5–11; 2) Заметка о киевском кладе 1824 года // ЗОРСАРАО. 1915. Т. 11. С. 1–8; 3) Судьба киевского художественного наследия // ЗОРСАРАО. 1918. Т. 12. С. 23–39.

¹³ Тункина И.В. Материалы к биографии Н.П. Кондакова // Никодим Павлович Кондаков. 1844–1925. Личность, научное наследие, архив. К 150-летию со дня рождения / Науч. ред. И.Д. Соловьева. СПб., 2001. С. 11.

¹⁴ Айналов Д.В. 1) О некоторых классических и христианских древностях на выставке VIII Археологического съезда // Тр. VIII АС в Москве, 1890. М., 1897. Т. 4. Проток. С. 174; 2) Образцы старинного русского шитья и кружев Н.Л. Шабельской // Там же. С. 220–223; 3) Древности, доставленные А.В. Праховым // Там же. С. 224–225.

¹⁵ Айналов Д.В. Три древнехристианских сосуда из Керчи // ЗРАО НС. 1892. Т. 5. С. 201–214. Ср. рукопись: РО НА ИИМК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 456. Л. 1–11: Айналов Д.В. Древнехристианская пиксида из Керчи. 18 января 1891 г.

¹⁶ Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 264.

Власьевич доехал до Италии, которую объездил вдоль и поперек. Он работал в библиотеках, в том числе в Ватикане, где обнаружил несколько интересных иллюминированных рукописей, изучал архитектуру, скульптуру, мелкую пластику, фрески и мозаики в храмах и музеях, сам изготовил красочные эскизы мозаик IV в. в церкви Санта Мария Маджоре в Риме, которые были практически не изучены.

В ноябре 1891 г. при посещении римских катакомб Е.К. Редин и Д.В. Айналов были ограблены — воры украли портфель с общими средствами (около 1000 лир содержания до конца января 1892 г.), паспорт Е.К. Редина, бесплатный пропуск в музеи и др. «Орест и Пилад» обратились за финансовой помощью в русское посольство, к оказавшемуся в тот момент в Риме А.Л. Бертье-Делагарду и в Петербург¹⁷. Финансовая поддержка была оказана, но стеснение в средствах оба приятеля испытывали на протяжении всей командировки, экономя буквально на всем.

Перебравшись в Париж, Д.В. Айналов занимался в Национальной библиотеке, Лувре, Академии искусств, затем переехал в Испанию, работал в Мадриде, вернулся в Париж, вновь объехал всю Италию¹⁸. Он буквально следовал совету Н.П. Кондакова — учиться смотреть и видеть памятники, поэтому со временем стал большим знатоком фактического материала.

В Риме Д.В. Айналов познакомился с филологом-классиком, будущим поэтом-символистом Вяч. И. Ивановым и с художником М.В. Нестеровым, уже прославившимся картиной «Видение отроку Варфоломею» (1889–1890). Занимаясь по предложению профессора А.В. Прахова росписью Владимирского собора в Киеве, М.В. Нестеров путешествовал по Италии для изучения приемов монументальной живописи византийской эпохи. «От Павловского я имел письмо к профессору Казанского университета Айналову, ученику Кондакова, изучавшему здесь, как и я, мозаики. Скоро мы сошлись с Айналовым..., виделись ежедневно. Айналов мне способствовал своими знаниями и советами. Спасибо ему!» — вспоминал художник¹⁹. Эти контакты поддерживались вплоть до советского времени²⁰.

Вернувшись на родину в конце августа 1893 г. сложившимся специалистом-искусствоведом, Д.В. Айналов начал занятия по истории христианского искусства и искусства эпохи Возрождения в Казанском университете²¹. На летних вакациях 1894 г. он совершил поездку в Турцию, осмотрел памятники Константинополя и Османский музей, а также ключевые памятники античной и византийской Греции — Элевсин, Дафни, Дельфы, Олимпию, Аргос, Микены и Тиринф. В конце весны и летом следующего года ученый контролировал в Санкт-Петербурге печатание своей магистерской диссертации «Мозаики IV и V веков»²², которую представил к защите в столичный университет. С.А. Жебелёв сообщал В.К. Эрнштедту: «В Петербурге теперь маленький археологический съезд. Кроме

¹⁷ Во главе императорской Академии художеств: Граф И.И. Толстой и его корреспонденты. 1889–1898 / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин. М., 2009. С. 186–187, 210.

¹⁸ Анфертьева А.Н. Ук. соч. С. 264–266.

¹⁹ Нестеров М.В. Давние дни: Встречи и воспоминания. М., 1959. С. 212.

²⁰ Нестеров М.В. Письма: Избранное / Сост. А.А. Русакова. Л., 1988. С. 113, 276.

²¹ Подробнее см.: Зорина А.А., Лукина С.Г. Казанский период научной биографии Д.В. Айналова.

²² Айналов Д.В. Мозаики IV и V веков. Исследования в области иконографии и стиля древнехристианского искусства // ЖМНП. 1895. № 4. Отд. 2. С. 241–309; № 5. С. 94–155; № 7. С. 21–71. Отд. Изд.: СПб., 1895. См. рецензию Е.К. Редина: АИЗ. 1895. № 9–10. С. 229–345.

Айналова и Павловского, живущих в Питере уже с мая, в конце июня приехал некто Фармаковский, воспитанник Одесского университета, пробывший уже два года в Афинах»²³.

Первая самостоятельная монография Д.В. Айналова включала всесторонний обзор мозаик храмов IV и V вв., которые были тщательно исследованы автором во время пребывания в Италии. Доскональное знакомство с предметом изучения дало Д.В. Айналову возможность отметить все ошибки и неточности в существующих изданиях мозаик, представить собственные их рисунки, объяснить сюжеты и композиции²⁴, прояснить характер стиля, основными чертами которого являются преобладание декоративных фонов и появление сложных композиций с колоссальными фигурами. Со временем все это было усвоено византийской монументальной живописью. Л.А. Мацулевич был убежден, что сила стилистического анализа у Д.В. Айналова была больше, чем у Н.П. Кондакова, но Дмитрий Власевич старался ее не демонстрировать²⁵.

Рукопись магистерской диссертации Д.В. Айналова, как позднее и докторской, предварительно подверглась критике со стороны Н.П. Кондакова и В.Г. Васильевского, которые просили переработать и исправить текст: «Айналов вышел из дела с честью: признал критику справедливой, свою же книгу небрежной, наскоро, без штудий, сделанной работою, вернее, слепленною книгою..., согласился на переделку и взял рукопись назад. Все хорошо, что хорошо кончается» (письмо Н.П. Кондакова графу И.И. Толстому-старшему 26 июня 1894 г. из Ялты)²⁶. В итоге магистерская диссертация была успешно защищена Д.В. Айналовым на историко-филологическом факультете Петербургского университета 1 октября 1895 г. «со значительным одобрением факультета и научной прессы»²⁷. Официальными оппонентами выступили И.В. Помяловский и А.Н. Щукарев. С момента утверждения ученой степени Советом Петербургского университета Д.В. Айналов приобрел права на личное дворянство, но потомственное дворянство выслужить так и не успел.

Судя по всему, в это время Д.В. Айналов женился на Надежде Ростиславовне Викетьевой (1876–1954). Детей у супругов не было, о возможной потере ребенка имеется глухое косвенное упоминание в письме Д.В. Айналова к графу И.И. Толстому-старшему от 27 октября 1896 г.: «Вина моя перед Вами велика. В продолжение почти полугода я не писал Вам... Это, однако, не только моя вина, но и вина тех удручающих условий жизни, в которые я попал со времени отъезда из Петербурга. Я много претерпел и семейных неприятностей, и даже семейного горя»²⁸.

²³ Письма М.И. Ростовцева С.А. Жебелёву, Ф.И. Успенскому и Н.Я. Марру / Публ. И.В. Тункиной // Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997 С. 377.

²⁴ По словам С.А. Жебелёва, «стремясь избежать символического метода при объяснении сюжетов и композиции мозаик, Д.В. Айналов постоянно выдвигает на первый план художественный и исторический анализ исследуемых им памятников» (Жебелёв С.А. Археология и общая история искусства / Публ. И.В. Тункиной // ЕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 157).

²⁵ Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 276.

²⁶ Во главе Императорской Академии художеств... С. 759.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 737. Оп. 1. Д. 168. Л. 1–1 об.: автобиография Д.В. Айналова.

²⁸ Во главе Императорской Академии художеств... С. 492.

Тем не менее, жизнь продолжалась. Материалы, собранные в Европе в ходе заграничной командировки, послужили основой для целой серии работ ученого, в которых он «впервые издал и надлежаще истолковал значительное количество ранее неизвестных, представляющих большую научную ценность памятников, хранящихся в различных как русских, так и заграничных музеях и частных собраниях»²⁹, к примеру, такие разнородные памятники, как мозаики древней крещальни в Альбенге, евангелиарий в собрании В.Н. Ханенко, воспроизведения иерусалимских памятников на римских мозаиках Св. Пуденцианы и Санта Мария Маджоре³⁰.

Темой магистерской диссертации его друга Е.К. Редина, преподававшего в Харьковском университете, стали мозаики Равенны³¹, но и сам Дмитрий Власьевич неоднократно обращался к изучению равеннских памятников как наиболее важного и богатого материала для начальной истории византийского искусства, впервые опубликовав многие артефакты, в частности, образец сирийского искусства — Равеннский диптих из слоновой кости из собраний Г.С. Строганова и лорда Крауфорда³².

Летом 1896 г. Д.В. Айналов выхлопотал заграничную командировку на Афон. Он проехал через Стамбул, где работал в библиотеке Русского археологического института в Константинополе и благодаря его директору Ф.И. Успенскому получил грамоту от константинопольского патриарха с рекомендациями для своего путешествия. На Святой Горе ученый исследовал в одиннадцати монастырях росписи храмов, произведения древнего искусства в монастырских библиотеках и ризницах, открыл иллюминированную рукопись IX в.³³ Об их значении для византийского искусства повествует специальная работа³⁴.

В 1898 г. Д.В. Айналов вновь получил заграничную командировку, теперь для сбора материала к докторской диссертации о древнехристианских и византийских памятниках Константинополя, Греции и Италии. Эта работа под названием «Эллинистические основы византийского искусства» (1900)³⁵ по общему мнению

²⁹ Тункина И.В. К истории академических выборов 1929–1930 гг... С. 177–178.

³⁰ Айналов Д. В. 1) Голгофа и крест на мозаике IV в. // СППО. 1894. Т. 5. С. 80–104; 2) Детали палестинской архитектуры и топографии на памятниках христианского искусства. I. Голгофская лестница и алтарь Авраама. II. Гроб господень и Гефсиманский сад. III. Иерусалимский храм на мозаике S. Maria Maggiore в Риме // Там же. 1895. С. 335–361.

³¹ Редин Е.К. Мозаики Равеннских церквей // ЗРАО НС. 1897. Т. 9. Вып. 3–4. С. 41–264. См. рецензию Д.В. Айналова: ЖМНП. 1897. № 6. Отд. 2. С. 445–464.

³² Айналов Д.В. 1) Пластика диптиха из слоновой кости из собрания гр. Г. С. Строганова в Риме // АИЗ. 1893. Т. 1. № 6. С. 201–208; 2) Часть равеннского диптиха в собрании гр. Г.С. Строганова // ВВ. 1897. Т. 4. С. 128–142; 3) Равеннская пластинка слоновой кости из собрания гр. Г. С. Строганова в Риме // АИЗ. 1897. Т. 5. № 10. С. 305–309; 4) Часть равеннского диптиха в собрании гр. Крауфорда. Приложение: Пластина от коптского триптиха из собрания В. С. Голенищева // ВВ. 1898. Т. 5. С. 153–186.

³³ Айналов Д.В. 1) Отчет о заграничной командировке на Афон // УЗКУ. 1897. Март. Т. 64. Вып. 3. С. 51–58; 2) По Афону (путевые наброски) // СППО. 1906. Т. 18. С. 52–70; Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 267–268.

³⁴ Айналов Д.В. Византийские памятники Афона // ВВ. 1899. Т. 6. № 1. С. 57–96.

³⁵ Айналов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства: Исследования в области истории ранневизантийского искусства // ЗРАО НС. 1901. Т. 12. Вып. 3–4. См.: Редин Е.К. [Рецензия] // ВВ. 1900. Т. 7. С. 706–717; Докторский диспут Д.В. Айналова // ВВ. 1900. Т. 7. С. 607. Книга Д.В. Айналова стала классической, о чем свидетельствует ее перевод на английский язык более 60 лет спустя: Ainalov D.V.

стала целой эпохой в науке. Она была защищена 9 мая 1900 г. в Московском университете, официальными оппонентами выступили И.В. Цветаев и А.И. Кирпичников. Диссертант поставил цель проследить эллинистические истоки в ранней византийской миниатюре, росписях и скульптурах «живописного» рельефа. Анализируя формы памятников и их содержание, Д.В. Айналов доказал преемственность эллинистического искусства в Византии и проследил происходившие в нем изменения, начиная с IV–V вв. Автор подчеркивал, что «изучая искусство Византии и его первоисточники, мы тем самым подходим близко к вопросу об источниках и характере древнерусского искусства»³⁶. Согласно Д.В. Айналову, «античная основа византийского искусства является то римской, то греческой, то эллинистической. Основание Константинополя приблизило центр империи к странам Востока с давней эллинистической культурой. Христианское искусство образовалось в этих странах на основах эллинистического, изменившегося под влиянием различных стилей восточных народных искусств. Сирия, Палестина, Малая Азия, Африка с Александрией находятся в непрерывном и самом тесном общении с Константинополем»³⁷.

После защиты докторской диссертации Д.В. Айналов был избран экстраординарным (1900–1902), а затем ординарным (1902–1903) профессором Казанского университета. Здесь он читал курсы по русскому искусству и археологии до XVI века. В этот период ученый углубился в тему византийско-русских отношений по летописным и агиографическим источникам, в частности, изучал источники о визите княгини Ольги в Царьград³⁸. Как действительный член он участвовал в заседаниях Общества археологии, истории и этнографии и Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Казанском университете.

С момента перевода в Казань ученый заведовал Музеем искусств и древностей при Казанском университете. Постепенно он реорганизовал его, выделив три отдела: 1) слепков античных скульптур; 2) коллекций египетских и микенских древностей, а также русского прикладного искусства; 3) библиотеку, увеличенную при нем до десяти тысяч томов, причем подготовил и издал первый печатный ее каталог³⁹. В музее он стал читать лекции и проводить практические занятия со студентами, первым ввел в Казани новую методику преподавания — с использованием «волшебного фонаря» для стеклянных диапозитивов, негативов и фотографий⁴⁰. Д.В. Айналов активно содействовал основанию Казанской художественной школы Императорской Академии художеств, открытой в 1895 г., где читал аудитории в 70–80 человек курс лекций по греческому и римскому искусству⁴¹.

The Hellenistic Origins of Byzantine Art / Translated by E. and T. S. Sobolevitch. Edited by C. Mango. New Brunswick, N. J., 1961.

³⁶ Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 271.

³⁷ Бузескул В.П. Всеобщая история... С. 344.

³⁸ Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 271–272. Штудии о княгине Ольге нашли отражение в статьях: Айналов Д.В. 1) Дар Св. княгини Ольги в ризницу церкви Св. Софии в Царьграде // Тр. XII АС в Харькове, 1902 г. М., 1905. Т. 3. С. 1–4; 2) Княгиня Св. Ольга в Царьграде // Там же. С. 12–20.

³⁹ Каталог библиотеки Музея искусств и древностей при Императорском Казанском университете. Казань, 1901.

⁴⁰ Сыченкова Л.А. Основатели Музея изящных искусств... С. 102–103.

⁴¹ Во главе Императорской Академии художеств... С. 344, 387–388, 482.

Казанский период жизни Д.В. Айналова продлился почти 13 лет, из них три года он провел в заграничных командировках⁴², а летние вакации — в разъездах по России для знакомства с памятниками. За это время он подготовил и защитил две диссертации, написал десятки статей. Но, как показывают письма, ученый страдал от духовного одиночества и тяготился жизнью в провинциальном городе, где отсутствовали художественные музеи, а в библиотеках — необходимая научная литература. Д.В. Айналов поддерживал здесь дружеские отношения только с преподававшим в университете восточные языки Н.Ф. Катановым⁴³, с которым они обследовали местные частные собрания древностей и совместно изучали восточные металлические зеркала⁴⁴. Неудивительно, что ученый постоянно стремился вернуться в Санкт-Петербург и Москву, ближе к тесному кругу интеллектуального научного общения в университетах, археологических обществах, а также хлопотать в министерстве заграничные командировки для работы в библиотеках, музеях и научных учреждениях Европы.

В этот период, пожалуй, наиболее плодотворно развивалось сотрудничество Д.В. Айналова с Московским археологическим обществом, в котором он был избран сначала членом-корреспондентом (1893), затем действительным членом (1902). В изданиях МАО он регулярно публиковал свои статьи⁴⁵. По поручению и на средства общества летом 1900 г. Д.В. Айналов совершил поездку для изучения памятников древности в Костроме. В 1902 г. он вел наблюдения за реставрацией живописи XVI в. в Успенском соборе Свяжского монастыря под Казанью и описал сокровища его ризницы⁴⁶, досконально исследовал иконы собрания епископа Чигиринского Порфирия Успенского в музее при Киевской духовной академии, в том числе выполненные в технике энкаустики, что нашло отражение в статье о синайских иконах восковой живописи из этой коллекции⁴⁷. В Киеве он также изучал и фотографировал мраморы и инкрустации храмов⁴⁸.

В конфликте между Императорской Археологической комиссией и МАО о праве археологического исследования Херсонеса Д.В. Айналов, как и Е.К. Редин, в отличие от других учеников Н.П. Кондакова, фактически встали на сторону графини П.С. Уваровой, поставив интересы науки выше личных конфликтов и выяснения отношений между археологическими институциями двух столиц⁴⁹.

⁴² В Париже он был избран членом Cercle historique (1901–1903). См.: *Анфертьева А.Н.* Д.В. Айналов... С. 285.

⁴³ *Анфертьева А.Н.* Ук. соч. С. 274–275.

⁴⁴ *Катанов Н.Ф., Айналов Д.В.* Восточные металлические зеркала из Харьковской и Екатеринославской губерний // Тр. Харьковского Предварительного комитета XII АС. М., 1902. Т. 1. С. 466–474.

⁴⁵ *Айналов Д.В.* 1) Обломок пиксиды и другие древности, находящиеся в Историческом музее // АИЗ. 1894. Т. 2. С. 1–8; 2) Сцены из жизни Богородицы на саркофаге Adelfia // АИЗ. 1895. Т. 3. С. 141–147.

⁴⁶ *Айналов Д.В.* Фресковая роспись храма Успения Богородицы в Свяжском мужском Богородицком монастыре // Древности: Тр. МАО. 1906. Т. 21. С. 1–38.

⁴⁷ *Айналов Д.В.* 1) Синайские иконы восковой живописи // ВВ. 1902. Т. 9. Вып. 3–4. С. 343–377; 2) К вопросу о технике восковой живописи // ЖМНП. 1908. № 5. Отд. 5. С. 193–200; 3) О мариупольских восковых иконах // Тр. XIV АС. 1911. Т. 3, проток. С. 60.

⁴⁸ *Айналов Д.В.* Мраморы и инкрустации Киево-Софийского собора и Десятинной церкви // Тр. XII АС в Харькове, 1902 г. М., 1905. Т. 3. С. 5–11.

⁴⁹ *Гривевич К.Э.* Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927): Исторический очерк с экскурсионным планом. Севастополь, 1927. С. 24–25.

Именно к ним обратилась графиня Уварова в 1902 г. на XII Всероссийском археологическом съезде в Харькове с предложением заняться научным изучением Херсонеса и его памятников и издать серию исследований под названием «Памятники христианского Херсонеса», задуманную ею к юбилею основателя МАО А.С. Уварова. Дипломатичный Дмитрий Власьевич после заседаний Предварительного комитета по подготовке очередного археологического съезда в Екатеринославе составил записку, предложив руководство исследованиями возложить на Н.П. Кондакова как на наиболее авторитетного специалиста по византийской археологии, привлечь к работе Е.К. Редина, Я.И. Смирнова, С.А. Жебелёва, М.И. Ростовцева, В.К. Мальмберга и С.П. Шестакова⁵⁰. По этому поводу в письме Д.В. Айналову от 23 марта 1903 г. С.А. Жебелёв скептически заметил: «Для меня, однако, ясно, что все это — поход Уварихи против Комиссии. У нас теперь все дела носят характер “походов” и сопряженных с ними побед и поражений. Хорошо ли это или худо? Я всегда стоял и стою того, что надо издавать памятники, и только после того можно будет подводить итоги. У нас же по части издания как раз слабо, ибо все стремятся к итогам»⁵¹.

Графиня П.С. Уварова предложила созвать в Севастополе с 16 июня по 16 июля 1903 г. совещание молодых ученых для обсуждения проекта публикации материалов из раскопок Херсонеса. Однако петербургские ученые, в том числе Н.П. Кондаков, М.И. Ростовцев и С.А. Жебелёв, по дипломатическим соображениям не приняли участие в работе. П.С. Уварова записала в дневнике 1903 г.: «В начале мая послан в Петербург Айналов поговорить со товарищи, после четырех дней отсутствия возвращается измученным. Осенью Айналов переводится на кафедру в Петербург, но, вероятно, продолжит работать над одной из тем, без особого сочувствия молодых товарищей»; в 1904 г. графиня пометила: «С 30 марта по 5 апреля была в Петербурге, видела материалы, собранные Айналовым. Мы с ним говорили и имели совещание с Я.И. Смирновым и Ростовцевым (Мальмберг уже ушел, Жебелёв отговорился). Говорили много, спорили, нападали на Айналова с целью отнять у него охоту работать, но под конец совещания постановили, однако ж, что Смирнов и Ростовцев могут обещать совместную обработку для издания: мелких вещей римской и греческой эпох, т. е. лампы, золотые вещи, terra sigillata, поливную глину, причем Ростовцев насмешливо замечал, что он готов работать, не ожидая содействия Смирнова. Серг. Алек. Жебелёва решено просить заметки о культуре и территории, ... Хрис. Меф. Лопарева о библиографии, Лаврова (проф. С. Петербургского университета) — о выборке из житий святых, Мальмберга — о золотых вещах. Айналов решил подготовить свой отдел к съезду, в конце июля сможет быть в Херсонесе»⁵².

На средства графини П.С. Уваровой Д.В. Айналов занимался изучением Херсонеса, где он открыл новые античные и византийские памятники, в том числе три греческие надписи и среди них херсонесский декрет из 41 строки IV в. до н. э.,

⁵⁰ СПбФ АРАН. Ф. 739. Оп. 2. Д. 93. Л. 9–10 об., 12–13, 15 об.; Ф. 729. Оп. 2. Д. 1. Л. 112–122 об., 118, 121 об.–122; Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: В 2 т. Тюмень, 2008. Т. 2: Византийский город. С. 32.

⁵¹ СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 33. Л. 48 об.

⁵² Цит. по: Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. С. 32–33.

опубликованный В.В. Латышевым. К изучению Херсонеса Д.В. Айналов привлек своих коллег — профессора Казанского университета С.П. Шестакова и профессора Петербургского университета П.А. Лаврова. Результаты исследований были опубликованы в серии «Памятники христианского Херсонеса»⁵³, изданной МАО. Готовое к печати, составленное Д.В. Айналовым и Е.К. Рединым «Описание мраморов, найденных в развалинах Херсонесского городища» (Памятники христианского Херсонеса. Вып. 4) осталось неопубликованным. Его рукопись в личном фонде Д.В. Айналова отсутствует.

По просьбе графини П.С. Уваровой с 1904 г. Д.В. Айналов, Е.К. Редин и С.А. Жебелёв готовили к изданию исследование покойного А.С. Уварова «Христианская символика»⁵⁴, но в свет вышла только первая часть «Символика древнехристианского периода»⁵⁵, часть вторая — «Русская символика» осталась неопубликованной. Дело в том, что с 1912 г. ей занялся Я.И. Смирнов, предложивший составить комментарии, которые приблизили бы труд к последним научным открытиям. Это затянуло подготовку текстов, а революционные события 1917 г. и смерть ученого в 1918 г. похоронили проект издания книги⁵⁶.

В октябре 1906 г. Д.В. Айналов и С.А. Жебелёв добились возведения тяжело больного Е.К. Редина в степень доктора теории и истории искусств *honoris causa* Петербургского университета, которая была присуждена единогласно закрытой баллотировкой. Внезапная кончина Е.К. Редина от тяжелой болезни прервала их совместные с Д.В. Айналовым штудии и многолетнюю дружбу⁵⁷, но последний в память о «человеке золотого сердца» и скромном труженике науки, сумел издать под своей редакцией и с кратким предисловием часть собранного коллегой огромного материала для незаконченной докторской диссертации «Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам»⁵⁸.

Мечта Д.В. Айналова вырваться из «душной» Казани в столицу реализовалась при поддержке Н.П. Кондакова, старших коллег и друзей: 11 июля 1903 г. он был избран ординарным профессором, а с 23 августа 1915 г.⁵⁹ стал заслуженным ординарным профессором кафедры теории и истории искусств историко-филологического факультета Петербургского/ Петроградского университета, возглавил университетский Музей искусств и древностей (1906–1917), сменив на этом посту

⁵³ Айналов Д.В. Развалины храмов. М., 1905. (Памятники христианского Херсонеса; вып. 1) См. рец.: Редин Е.К. // ВВ. 1907. Т. 13. Вып. 3–4. С. 629–630. Рецензия Я.И. Смирнова осталась неопубликованной (РО НА ИИМК РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–27); Лавров П.А. Жития херсонских святых в греко-славянской письменной традиции. М., 1911 (Памятники христианского Херсонеса; вып. 2); Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р. Хр. М., 1908 (Памятники христианского Херсонеса; вып. 3).

⁵⁴ Стрижова Н.Б. П.С. Уварова и ее воспоминания «Былое. Давно прошедшие счастливые дни» // Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 19.

⁵⁵ Уваров А.С. Христианская символика / Посмерт. изд. Ч. 1. М., 1908.

⁵⁶ Уваров А. С. Русская символика / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Я.Э. Зелениной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1999. [Т.] IX. С. 604–605.

⁵⁷ Айналов Д.В. 1) Памяти Е.К. Редина // ЖМНП. 1908. Т. 18. Отд. 4. С. 18–24.

⁵⁸ См.: Редин Е.К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916. Ч. 1.

⁵⁹ Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета Императорского, бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. Пг., 1916. С. 2–3.

С.А. Жебелёва. В музее он организовал отдел античных древностей, слепков с рельефов соборов г. Владимира, воспроизведений живописи эпохи Возрождения, расширил библиотеку по разным разделам истории искусств. В университете Д.В. Айналов вел общие курсы по истории античного и византийского искусства, искусству Возрождения, истории немецкого искусства XIII–XV вв., древнерусского⁶⁰ и русского искусства Нового времени⁶¹. В советское время переработанные тексты лекций планировались к печати в четырех томах на немецком языке, из которых вышли только два — в 1932 и 1933 гг.⁶² Немецкое издание имело фундаментальное научное значение. «Именно с Айналова началось новое отношение к художественной старине: утомительный разбор исторических и иконографических подробностей стал понемногу сокращаться, чтобы дать место анализу творчества», — писал Г.И. Вздорнов⁶³. Д.В. Айналов блестяще доказал на материале древнерусского искусства закономерность бытования отечественного искусства «в ряду других европейских школ»⁶⁴.

В университете Д.В. Айналов воспитал целую плеяду исследователей древнерусского искусства, с которыми интенсивно занимался на просеминариях и регулярно совершал экскурсии по древнерусским городам. К 1913 г. его ученики уже сами преподавали на кафедре теории и истории искусств — В.К. Мясоедов, Н.Л. Окунев, Н.П. Сычев, Л.А. Мацулевич.

Дмитрий Власьевич был избран профессором кафедры истории искусств историко-филологического факультета частного высшего учебного заведения — Высших женских (Бестужевских) курсов (1906/1907–весна 1917), причем его лекционные и спецкурсы пользовались необычайной популярностью среди слушательниц⁶⁵. Он возродил Кабинет (Музей) изящных искусств при курсах, добился для него отдельного помещения, выделения финансирования на оборудование и приобретение книг, стремясь создать здесь своеобразную научно-исследовательскую лабораторию⁶⁶.

Д.В. Айналов стал также профессором по кафедре истории культуры словесно-исторического отделения педагогического факультета и позднее вошел в состав членов Совета в Психоневрологическом институте (1907–1919), параллельно преподавал русское и византийское искусство в Институте истории искусств графа В.П. Зубова (1912–1917)⁶⁷.

⁶⁰ Айналов Д.В. История Древне-Русского искусства. Пг., 1915. Вып. 1.

⁶¹ Айналов Д.В. История русской живописи от XVI по XIX столетие. СПб., 1908–1909, 1913.

⁶² Ainalov D. Geschichte der Russischen Kunst. Bd 1: Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit; Bd. 2: Geschichte der russischen Monumentalkunst zur Zeit des Grossfürstentums Moskau. Berlin; Leipzig, 1932–1933 (Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte / Hrsg. von Reinhold Trautmann und Max Vasmer).

⁶³ Вздорнов Г.И. История открытия... С. 273.

⁶⁴ Ильина Т.В. Кафедра истории искусства // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: Очерк истории / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 354.

⁶⁵ Вахромеева О.Б. Духовное пространство университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1981 гг.: исследование и материалы. СПб., 2003. С. 120–121, 215.

⁶⁶ Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 276–277.

⁶⁷ Наука в России: Справочный ежегодник. Данные к 1 января 1918 г. / Ред. С.Ф. Ольденбург. Вып. 1: Петроград. Пг., 1920. С. 23, 26, 63.

Для изучения художественных памятников как в России, так и за рубежом Д.В. Айналов использовал летние вакации. В 1906 г. по поручению МАО он был командирован в Чернигов⁶⁸, Овруч, Остер, Переяславль и Киев для изучения церковной архитектуры великокняжеского периода; в 1907, 1909, 1911, 1914 гг. командировался Министерством народного просвещения в Западную Европу, посетил Австрию, Германию, Францию, Бельгию, Италию, изучал романские и готические памятники архитектуры, шедевры живописи Проторенессанса и Ренессанса, старонемецкую живопись и пр.⁶⁹ В эти годы он участвовал по всех всероссийских съездах художников, выступая с докладами о русской художественной школе и на другие темы⁷⁰.

Не менее интенсивной была деятельность Д.В. Айналова в РАО сначала как члена-сотрудника (1890), затем как действительного члена (1897) в Отделении археологии древнеклассической, византийской и западноевропейской и Отделении русской и славянской археологии. Большинство его докладов в обществе, посвященных древнерусскому, раннехристианскому и византийскому искусству, древнерусской литературе и христианской агиографии, были опубликованы⁷¹. Д.В. Айналов привлек к работе в РАО своих университетских слушателей и магистрантов. Так, исследование росписей новгородских церквей в 1910 г. по поручению и на средства РАО проводилось учениками Д.В. Айналова П.Н. Сычевым, В.К. Мясоедовым, Л.А. Мацулевичем, Н.Л. Окуновым. Фрески промывались, затем фотографировались, было выполнено свыше 300 фотографий, в том числе цветных. За два летних сезона 1909–1910 гг. ими были полностью описаны росписи храмов Спаса Преображения на Нередице (1198 г.), Спаса на Ковалева (1380 г.), Феодора Стратилата «на Ручью» (1360–1361 гг.), церкви Успения Богородицы на Волотовом поле (1352 г.). С.А. Жебелёв писал, что «в Нередицкой церкви под штукатуркой открыты были местами неизвестные... древние фрески и отмыты подновления нижнего яруса,.. впервые удалось определить значение ряда... композиций и установить наличность нескольких пошибов письма; исследование Волотовской церкви заставило отвергнуть

⁶⁸ Айналов Д.В. 1) Архитектура черниговских храмов // Тр. Черниговского предварительного комитета по устройению XIV АС в Чернигове. Чернигов, 1908. С. 168–175; 2) Архитектура черниговских церквей // Тр. XIV АС в г. Чернигове в 1908 г. М., 1911. Вып. 3; 3) О новых архитектурных находках в Чернигове // ЗОРСАРАО. 1913. Т. 9. С. 330.

⁶⁹ Айналов Д.В. 1) Этюды по истории искусства итальянского Возрождения: I. К истории мозаик церкви S. Maria Maggiore в Риме. II. Живопись Джотто в нижней церкви Св. Франциска в Ассизи // ЗКО РАО. 1908. Т. 5. С. 214–252. Отд. отт.: СПб., 1908; 2) Библия Рафаэля в Ватикане // Тр. XIV АС в Чернигове. М., 1911. Т. 3. С. 125; 3) К вопросу о росписи потолка Stanza Eliodoro в Ватикане // Искусство (Киев). 1912. С. 249–274.

⁷⁰ Подробнее см.: Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 278–279.

⁷¹ Айналов Д.В. 1) Примечания к тексту книги «Паломник» Антония Новгородского // ЖМНП. 1906. № 6. Отд. наук. С. 233–276; 1908. № 11. Отд. наук. С. 81–107; 2) Некоторые данные русских летописей о Палестине // СППО. 1906. Т. 17. Вып. 3. С. 333–352; 3) Два примечания к Слову Даниила Заточника // ИОРЯС. 1908. Т. 13. Кн. 1. С. 352–365; 4) О дарах русским князьям и послам в Византии // ИОРЯС. 1908. Т. 13. С. 290–307; 5) Два примечания к летописному исповеданию веры // Сборник статей, посвященный почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. СПб., 1908. Т. 2. С. 892–901; 6) Миниатюры «Сказания» о святых Борисе и Глебе Сильвестровского сборника // ИОРЯС. 1911. Т. 15. Кн. 3. С. 1–128; 7) Два примечания к «Слову о полку Игореве» // Тр. XIV АС. 1911. Т. 3. Прот. С. 59; 8) Два примечания к тексту Антония Новгородского // Сборник статей в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1913. С. 181–186; 9) Икона Пр. Троицы Андрея Рублева // ЗОРСАРАО. 1913. Т. 9. Проток. С. 322.

обычную в литературе датировку росписей этих церквей XVII веком и отнести ее к 1365 г., а четыре фигуры горного места на нижнем слое штукатурки отодвинуть ко времени построения храма; роспись церкви Феодора Стратилата, приближающаяся по стилю к Волотовской, должна быть датирована не позднее конца XIV в.»⁷². Эти работы, по словам Г.И. Вздорнова, «обладали настоящей научностью» и заложили прочную основу для аналогичных исследований, проводившихся уже в советское время⁷³. В 1916 г. члены РАО Д.В. Айналов, В.В. Суслов и Н.П. Сычев приняли участие в работе Комиссии Академии художеств по вопросу о выработке мер к сохранению новгородских древних памятников в связи проведением около них железнодорожного пути⁷⁴.

29 ноября 1914 г. по представлению Н.П. Кондакова Д.В. Айналов был избран членом-корреспондентом Императорской АН по Отделению русского языка и словесности по специальности история искусства⁷⁵. К этому времени статский советник Д.В. Айналов был награжден орденами Св. Станислава 2-й (1905) и 3-й степени (1900), Св. Анны 2-й степени (1910). Согласно адресным книгам, он проживал с женой на 11-й линии Васильевского острова, д. 46, кв. 17. В 1907 г. «на трудовые деньги» он приобрел «усадебное место в 350 кв. сажен с деревянным домом в три комнаты и с дворовыми постройками в г. Козельце Черниговской губ.», куда ежегодно семья выезжала летом как на дачу⁷⁶.

В самом начале переломного для России 1917 года вышла книга Д.В. Айналова «Византийская живопись XIV столетия»⁷⁷ с посвящением ученикам, где автор исследовал взаимосвязь нового возрождения византийского искусства в Италии и Византии. Монография состоит из трех глав, повествующих о мозаиках мечети Кахрие-Джами (ранее византийский монастырь Хора в Константинополе) и мозаиках собора Св. Марка в Венеции. Мозаики Кахрие-Джами в 1880 г. изучал еще Н.П. Кондаков, вопреки устоявшемуся мнению доказавший, что это не произведения итальянских мастеров, а памятник вторичного расцвета византийской живописи XI–XIII вв. Д.В. Айналов расширил рамки изучения, представив сравнительный анализ константинопольской и венецианской школ и их взаимодействие, показал ряд памятников константинопольской школы конца XIII–XIV вв., выявил черты новой византийской манеры в росписях псковских и новгородских церквей XIV в. и особенности новой византийской манеры, ее источники и т. д.

Из-за перенесенной под наркозом операции (лето 1916 г.) Д.В. Айналов с женой в апреле 1917 г. уехал в Козелец лечиться и восстанавливать силы. Отношение ученого к событиям октября 1917 г. и разразившейся Гражданской войне, скорее

⁷² Жебелёв С.А. Русское археологическое общество... С. 47, 132.

⁷³ Подробнее о работах учеников Д.В. Айналова и их значении для науки см.: Вздорнов Г.И. Реставрация и наука: Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М., 2006. С. 34, 44, 45–47, 49, 51.

⁷⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 453. Л. 11 об. См.: Маркина Г.К. Строительство железнодорожной магистрали Петроград — Царское Село — Новгород и борьба за сохранение новгородских памятников старины // Новгородский исторический сборник. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 331–362.

⁷⁵ Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 1: 1724–1917. Действительны члены. Члены-корреспонденты. Почетные члены. Иностранцы члены. М., 2009. С. 202.

⁷⁶ Цит. по: Анфертьева А.Н. Ук. соч. С. 281.

⁷⁷ Айналов Д.В. Византийская живопись XIV столетия // ЗКОРАО. 1917. Т. 9. С. 62–230.

всего, было отрицательным, как и у других членов кадетской партии. Д.В. Айналов вступил в нее еще в годы Первой русской революции и, по характеристике графа И.И. Толстого-старшего, к 1906 г. являлся «завзятым» кадетом⁷⁸. В период Гражданской войны ученый был отрезан от научных центров. В конце мая 1918 г. «для заработка и пропитания» он перебрался из Козельца в Киев к своему ученику А.Н. Грабару, участвовал в деятельности исторической и филологической секции Украинского научного общества⁷⁹, в начале 1919 г. читал лекции в Киевском университете. Затем Д.В. Айналов переехал в Одессу, где встречался с Н.П. Кондаковым, а весной 1919 г. оказался в Симферополе и в письме сообщал С.А. Жебелёву, что пережил второй плеврит⁸⁰. Переезды из города в город на фоне калейдоскопической смены властей и военных действий Гражданской войны, нахлынувших болезней и хронического недоедания не способствовали научным штудиям. Тем не менее, Д.В. Айналов стал участвовать в заседаниях и публиковаться в трудах Таврической ученой архивной комиссии (преобразованной позднее в Таврическое общество истории, археологии и этнографии)⁸¹, членом которой был избран 3 июня 1919 г.

3 августа 1919 г. Д.В. Айналов был утвержден в должности заслуженного ординарного профессора кафедры теории и истории искусства Таврического университета в Симферополе⁸², но по состоянию здоровья лекций почти не читал. В то же время он занялся обустройством университетского Музея искусств и древностей, а также изучением памятников Бахчисарая и Старого Крыма⁸³.

Несмотря на фактическое отсутствие в Петрограде, 7 августа 1919 г. Д.В. Айналов, наряду с Н.П. Кондаковым, жившим в Одессе, был избран членом РАИМК. По словам Л.А. Мацулевича, избрание объяснялось «желанием учреждения всемерно поддерживать связь с выдающимися представителями науки, указать на нашу преемственность от прежних деятелей науки и отмежеваться таким образом от «скороспелых специалистов»⁸⁴.

Начиная с 23 ноября 1920 г., Д.В. Айналов принимал участие в работе Ученого совещания при Крымском отделе по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта в Симферополе, которое выступило с инициативой учреждения в Крыму отделения РАИМК по образцу Московской секции. Однако голод в Крыму весной 1921 г. вынудил ученого вернуться в Петроград⁸⁵. Там Айналовы обнаружили, что лишились квартиры на Васильевском острове. Со временем выяснилось, что дом в Козельце тоже занят, причем вернуть

⁷⁸ Толстой И.И. Дневник. 1906–1916 / Публ. Л.И. Толстой. СПб., 1997. С. 15.

⁷⁹ Айналов Д.В. Дві замітки до «Слова о полку Ігореве» // Записки історичної і фільологічної секції Українського Наукового Товариства в Києві. 1918. Т. 17. С. 92–97.

⁸⁰ Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 281–282.

⁸¹ Айналов Д.В. 1) История древне-русского искусства: Киев — Царьград — Херсонес // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1920. № 57. С. 136–248; 2) Живопись Бахчисарайского дворца // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1927. Т. 1 (58). С. 1–4.

⁸² История Таврического университета / Под общ. ред. Н.В. Багрова. Киев, 2003. С. 235.

⁸³ Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 282.

⁸⁴ Журналы заседаний Совета Эрмитажа Ч. 1: 1917–1919 годы / Под общ. ред. М.Б. Пиотровского. СПб., 2001. С. 536.

⁸⁵ Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. Симферополь, 2005. С. 92, 109–110, 113, 153, 156–157, 159–160, 162–163.

квартиру и дом так и не удалось. Это сказалось на сохранности архива и библиотеки ученого⁸⁶.

В начале лета 1921 г. Д.В. Айналов стал заведующим Разрядом археологии и искусства средневекового Запада в Археологическом отделении РАИМК/ГАИМК (1921–1929) и исполнял обязанности председателя Крымской комиссии⁸⁷. 1926 годом датируются его работы по археологии Тавриды⁸⁸, в том числе неопубликованный «План археологического исследования средневекового Крыма»⁸⁹. 15 февраля 1927 г. распоряжением Главнауки Наркомпроса РСФСР была создана комиссия по организации торжественного празднования 100-летия начала археологического изучения Херсонеса, в которую был включен и Д.В. Айналов. Всего через два с половиной года он был уволен из ГАИМК вместе с академиком Н.П. Лихачевым, которого вскоре арестовали по «Академическому делу». Последняя работа ученого в «Сообщениях» ГАИМК посвящена анализу изобразительных памятников европейского палеолита с точки зрения историка искусства⁹⁰.

В советское время основным местом работы Д.В. Айналова стал Государственный Эрмитаж. 4 июля 1921 г. он был избран сначала членом Совета Государственного Эрмитажа, а через две недели назначен хранителем Отделения голландской живописи⁹¹. Там ученый проработал вплоть до 1929 г.⁹² Совместительствовать в разных учреждениях он был вынужден, чтобы прокормить себя и жену. В это время Д.В. Айналов замкнулся, целиком уйдя «в безвоздушное пространство науки», отдалившись от учеников и коллег. Многие из них делились впечатлениями об Айналове в письмах Н.П. Кондакову. Н.Я. Марр сообщал о нем из Парижа в Прагу в ноябре 1922 г.: «...Самые тяжкие “моменты” петроградского нашего сидения провел на юге, в более “благоприятных” условиях физической жизни, а уже год с лишним он в Петрограде, работает и “процветает” по-петроградски: служит и в Эрмитаже, и в Академии истории материальной культуры, и в других местах»⁹³. В письме от 4 марта 1923 г. С.А. Жебелёв уточнял: «Сам Айналов сильно постарел; нигде почти не видим. Говорить с ним стало не о чем», а через полгода добавил: «Айналов и невидим, и несообщителен, и требует себе особого поклонения»⁹⁴.

⁸⁶ Анфертьева А.Н. Ук. соч. С. 282–283.

⁸⁷ Наука и научные работники СССР. Ч. II: Научные учреждения Ленинграда / Под ред. С.Ф. Ольденбурга и Е.Ф. Карского. Л., 1926. С. 88; Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 192, 328.

⁸⁸ Айналов Д.В. Заметки по исторической топографии средневекового Херсонеса // Бюллетень конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 6. 10 сент. С. 4; 2) Мраморная группа жертвоприношения Исаака // Там же. № 5. 9 сент. С. 5; 3) Пользование античными композициями и фигурами на памятниках христианского искусства // Сборник в честь С. А. Жебелёва. Л., 1926. С. 107–117; 4) Мраморная группа жертвоприношения Исаака // *Seminarium Kondakovianum*. Сб. статей по археологии и византиноведению. Прага, 1927. Т. 1. С. 187–190.

⁸⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 110. Л. 11–14.

⁹⁰ Айналов Д.В. Первоначальные шаги европейского искусства // СГАИМК. 1929. Т. 2. С. 416–449.

⁹¹ Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 283.

⁹² Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. II: 1920–1926 годы / Под общ. ред. М.Б. Пиотровского. СПб., 2009. С. 350, 356, 515, 698.

⁹³ Тункина И.В. Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики / Под ред. чл.-корр. РАН И.П. Медведева. СПб., 2004. С. 679.

⁹⁴ Тункина И.В. Ук. соч. С. 695, 728.

Одной из заслуг Д.В. Айналова последнего периода его жизни является систематическое изучение памятников древнерусской письменности, украшенных миниатюрами — Несторовой и Радзивилловской летописей, «Паломника» Антония Новгородского, «Слова» Даниила Заточника, «Слова о Полку Игореве», сказания о Борисе и Глебе в Сильвестровском сборнике и др. «Д.В. Айналов, обладая большим знанием византийских памятников, имел возможность широко привлекать их для выяснения древнерусских памятников и стоящей с ними в связи литературной традиции», — отмечал С.А. Жебелёв⁹⁵. В 1921 г. на выставке рукописей из библиотеки и ризницы в Троице-Сергиевой лавре, преобразованной в Сергиевский историко-художественный музей, была выставлена лицевая рукопись Хроники Георгия Амартола XIII в., миниатюры которой стали предметом изучения Д.В. Айналова на протяжении 15 лет⁹⁶. Ученый был убежден, что иллюстрации рукописи «перекидывают мост между Древней Русью и Византией в понимании мировой истории, и нигде более нельзя встретить в таком ярком и многогранном отражении образа средневековой Руси...»⁹⁷. 11 августа 1924 г. хранитель Государственного исторического музея в Москве А.А. Орешников записал в дневнике: «Утром в музей пришел Д.В. Айналов, очень постаревший; показал ему наши главнейшие *chef-d'oeuvre* из нынешнего собрания: Владимирскую, Донскую, Николая Чудотворца, голову Архангела из Румянцевского музея, которую Д.В. считает писанною тем же мастером, который писал икону Спасителя “Златые власы”, произведения Дионисия, Рублева и т. д. Он работает в Троицкой лавре над рукописями, особенно Амартолом, на одной миниатюре которого нашел изображение св. Михаила Тверского, его матери Ксении»⁹⁸.

В Петрограде-Ленинграде Д.В. Айналов продолжил педагогическую деятельность — он стал действительным членом (1921) и профессором Российского (с 1925 г. — Государственного) института истории искусств, а с 1924 г. преподавал на организованных при нем Государственных курсах⁹⁹. В Петроградском археологическом институте вплоть до его закрытия и присоединения к университету в 1922 г. ученый читал лекции по древностям и искусству западного Средневековья. С Петроградским университетом к тому времени Д.В. Айналов был уже связан, как

⁹⁵ Цит. по: Тункина И.В. К истории академических выборов... С. 179.

⁹⁶ Айналов Д.В. 1) Миниатюры древнейших русских рукописей в Музее Троице-Сергиевой лавры и на ее выставке // Краткий отчет Общества любителей древней письменности и искусства за 1917–1923 годы. Л., 1925. С. 11–35; 2) Летопись Георгия Амартола (Криница) // *Deuxième Congrès International des Études Byzantines: Compte-rendu par Anastasiëvič et Granić*. Beograd, 1929. P. 127–135; 3) К истории древнерусской литературы. II. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола // Тр. Отдела древнерусской литературы Института литературы. 1936. Т. 3. С. 13–21.

⁹⁷ Айналов Д.В. К истории древнерусской литературы. II. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола. С. 13–14.

⁹⁸ Орешников А.В. Дневник. 1915–1933: в 2 кн. / отв. ред. П.Г. Гайдуков. М., 2019. Кн. 1: 1915–1924. С. 449.

⁹⁹ Основанный в 1912 г. Институт истории искусств гр. В.П. Зубова в 1916 г. был преобразован из курсов в вуз, а в ноябре 1921 г. — в научно-исследовательский институт. Д.В. Айналов был избран профессором Института истории искусств 13 июня 1919 г., но стал читать лекции только после возвращения в Петроград. См.: Наука и научные работники СССР. Ч. II: Научные учреждения Ленинграда / Под ред. С.Ф. Ольденбурга и Е.Ф. Карского. Л., 1926. С. 91; Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 283; Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа: Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000. С. 282–283.

заведующий его Музеем искусств и древностей (1921–1923), для которого 29 мая 1923 г. он просил Совет Эрмитажа предоставить издания Эрмитажа после 1914 г.¹⁰⁰ В том же году Д.В. Айналов стал читать курс истории материальной культуры эпохи Возрождения и Нового времени и вести семинар по средневековому искусству на археологическом отделении факультета общественных наук Петроградского университета¹⁰¹. После его реорганизации он стал профессором истории материальной культуры и искусства Запада и Востока отделения истории материальной культуры факультета языкознания и материальной культуры, затем профессором кафедры античной археологии историко-лингвистического факультета Петроградского/Ленинградского университета (1921–1927). Позднее как внештатный профессор на том же факультете он вел курс истории западноевропейского искусства¹⁰².

11 января 1924 г. РАИМК торжественно отметила 35-летие научной деятельности Д.В. Айналова, где он прочел доклад «Эпизод изучения живописи Леонардо да Винчи»¹⁰³, а 15 января состоялось его чествование в Клубе музейных деятелей, где юбиляр выступил с речью о том же гении эпохи Возрождения. В.В. Войнов записал в дневнике впечатления по поводу приветствия Н.П. Сычева от имени Русского музея и Музея древностей университета, произнесенные несмотря на то, что его отношения с Д.В. Айналовым испортились, видимо, еще с начала 1920-х гг.: «Выступать ему было бестактно, после того как он самым бесцеремонным образом выпер Дмитрия Власьевича и из совета Художественного отдела Русского музея¹⁰⁴, и из Музея древностей (последним маленьким, но дорогим ему делом Д.В. особенно дорожил)! А Сычев, сев на место Айналова... совсем не бывает в этом музее! По поводу лицемерных приветствий Сычева С.П. Яремич не без остроумия спросил Г.С. Верейского: “Как Вам понравился Иуда?... Живой Иуда — Сычев!”»¹⁰⁵. Со временем конфликт между учителем и учеником усугубился. С.А. Жебелёв общал Н.П. Кондакову 13 января 1925 г.: «Вообще Русский музей куда живее Эрмитажа, и этим он, конечно, во многом обязан Нерадовскому и пр., но вряд ли Сычеву, ёрнику большой руки (кстати, с Айналовым они почти не разговаривают; кто прав, кто виноват, не знаю)»¹⁰⁶.

После юбилейных мероприятий в РАИМК по случаю 80-летия Н.П. Кондакова¹⁰⁷ 15 февраля 1925 г. Д.В. Айналов писал учителю в Прагу, что в послереволюционные годы отечественные музеи, как столичные, так и провинциальные, пополнились

¹⁰⁰ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. II: 1920–1926 годы / Под общ. ред. М.Б. Пиотровского. СПб., 2009. С. 561–563.

¹⁰¹ Анфертьева А.Н. Ук. соч. С. 284.

¹⁰² Наука и научные работники СССР. Ч. II: Научные учреждения Ленинграда. С. 153; Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 142, 274, 279, 280.

¹⁰³ Айналов Д.В. Vinciana: Этюды по изучению живописной манеры Леонардо да Винчи // ИГАИМК. 1927. Т. 5. С. 1–64; Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 284.

¹⁰⁴ В Совет Художественного отдела Русского музея Д.В. Айналов был единогласно избран 3 августа 1921 г. См.: Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 283.

¹⁰⁵ Цит. по: Кызласова И.Л. Николай Петрович Сычев... С. 50.

¹⁰⁶ Тункина И.В. Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни... С. 749.

¹⁰⁷ На юбилейном заседании 17 декабря 1924 г. Д.В. Айналов выступил с основным докладом, позднее изданном в виде статьи: Айналов Д.В. Академик Н.П. Кондаков как историк искусства и методолог // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1928. С. 311–321.

огромным количеством новых материалов, «иногда первоклассными и неизвестными ранее предметами из серебра и золота, рукописями, материями, картинами и т. д.; так что если бы была возможность, то теперь следовало бы устроить экспедицию для приведения в известность всего нового, что явилось. Но, к сожалению, невозможно добыть денег, и я уже третье лето езжу понемногу по разным городам на свои малые деньги и смотрю новые собрания и музеи... Все время мы бываем больны, то я, то жена... Борюсь с этим как могу, но так как прислуги мы не держим, то приходится все делать самим, и я пишу дрожащим почерком потому, что колю дрова и делаю многое другое по хозяйству». На письме указан адрес его новой квартиры: Ленинград, Фонтанка, 34, кв. 21¹⁰⁸. Меньше чем через месяц, 17 марта 1925 г., состоялось совместное поминальное заседание РАН и РАИМК по случаю смерти Н.П. Кондакова, где вновь выступил Д.В. Айналов как самый старший ученик Н.П. Кондакова.

В 1926 г. Д.В. Айналов получил извещение об избрании действительным членом Болгарского археологического института, потом стал почетным директором Американского института византиноведения в Париже¹⁰⁹. В отношении Российской академии наук Д.В. Айналов, как ее член-корреспондент, печатался в «Византийском временнике»¹¹⁰ и являлся членом Русско-византийской историко-словарной комиссии (14 февраля 1923 — 1930)¹¹¹. С 30 мая 1925 г. он возглавил группу ленинградских ученых по собиранию материалов по истории искусства для среднегреческого глоссария Дюканжа, выступал с докладами¹¹².

В 1927 г. кандидатура Д.В. Айналова рассматривалась на выборах действительных членов АН СССР. Обсуждение кандидатов проходило на частных совещаниях академиков Отделения истории и филологии. Тогда впервые были названы имена двух членов-корреспондентов — Д.В. Айналова и Б. В. Фармаковского, для избрания в действительные члены по специальности история искусств на вакантное после смерти Н. П. Кондакова место. 27 февраля 1927 г. академик В.П. Бузескул писал из Харькова С.А. Жебелёву: «...Я ждал известий о результатах частного совещания нашего Отделения Академии, происходившего... 22 февраля... Дело было важное: должна была идти речь о кандидатах в академики по нашему Отделению..., написал секретарю Отделения, И.Ю. Крачковскому... телеграмму такого содержания: “По истории искусств — Фармаковского, если оправится [от болезни. — *И.Т.*], затем Айналова. Подробности письмом. Прошу сообщить мое мнение совещанию”. Думаю, что Вам известны результаты этого совещания... Не прошли и Б. В. Фармаковский, и Д. В. Айналов; зато выдвинуты востоковеды. Если они пройдут, то Историко-филологическое отделение Академии фактически превратится в Восточное»¹¹³. В мае 1927 г. были избраны академиками лишь С.А. Жебелёв и Е.В. Тарле, которые стали последними членами АН СССР, вошедшими в ее состав еще по старым, до-революционным правилам баллотировки.

¹⁰⁸ Тункина И.В. Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни... С. 754, 755.

¹⁰⁹ Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 284–285.

¹¹⁰ Айналов Д.В. Искусство Палестины в средние века // ВВ. 1928 (1927). Т. 25. С. 77–86.

¹¹¹ Наука и научные работники СССР. Ч. II: Научные учреждения Ленинграда / Под ред. С.Ф. Ольденбурга и Е.Ф. Карского. Л., 1926. С. 36.

¹¹² Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 288–289. Подробнее см.: Барынина О.А. Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918–1930 гг.). СПб., 2010 (по указателю).

¹¹³ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 163. Л. 7–8.

Тема выборов в АН СССР вновь поднята в письме В.П. Бузескула С.А. Жебелёву от 21 июля 1927 г. в связи с принятием первого советского устава 1927 г. и расширения вакансий действительных членов: «В виду увеличения числа академиков приходится подумать о кандидатах... Надо бы уделить место и представителям иных специальностей: истории искусства (Б.В. Фармаковский или Д.В. Айналов)... Все это я высказал в письме к С.Ф. Платонову»¹¹⁴. Тогда же кандидатура Б.В. Фармаковского отпала, поскольку он тяжело заболел и через год скончался.

На выборах 1929–1930 гг. в действительные члены АН СССР Д.В. Айналов, позиционировавшийся уже как византист¹¹⁵, был выдвинут С.А. Жебелёвым, но все вновь закончилось ничем¹¹⁶. Причин такого исхода было несколько. Выборы проходили на фоне гнетущей морально-политической атмосферы в стране, переживающей «великий перелом», и развернутой в печати ожесточенной травли советских ученых, посмеявшихся поместить статьи в эмигрантском издании — пражском томе «*Seminarium Kondakovianum*», посвященном памяти академика Я.И. Смирнова. Это стало поводом для развязывания «Дела академика С.А. Жебелёва» и привело к публичному покаянию провинившихся, в том числе Д.В. Айналова, перед советской общественностью. Власти одновременно преследовали несколько целей — морально раздавить членов Академии наук, устранить конкурентов в лице ученых «старой школы», расчистить дорогу на выборах своим лояльным выдвиженцам. «Дело Жебелёва» (1928) стало прологом к «Академическому делу» (1929–1931), затмившему первое по серьезности последствий. Оба они имели целью ликвидацию академической автономии, подчинение Академии наук жесткому государственно-му контролю под предлогом обеспечения нужд социалистического строительства, советизацию состава академии путем избрания в нее ученых-марксистов и лиц, лояльных советской власти, т. к. «беспартийный» характер высшего научного учреждения страны не устраивал государственные структуры.

15 мая 1929 г. в газетах появилось объявление о вакантных кафедрах в Академии наук, закончившееся выборами в январе-феврале 1930 г. 21 мая В.П. Бузескул писал С.А. Жебелёву: «Я полагаю... следовало бы снова выдвинуть Д.В. Айналова, уже не как представителя истории искусства, а как византиста...». В письме от 6 июня он продолжил тему: «Не лишне, по моему, было бы на всякий случай выставить кандидатуру и Д.В. Айналова, хотя на его избрание надежда слабая: против него будет “общественность”, да и некоторые наши сочлены (например, С.Ф. Платонов)»¹¹⁷. 27 июня 1929 г. В.П. Бузескул напоминал Жебелёву: «...я бы решился снова предложить Д.В. Айналова; из письма Д. М. Петрушевского вижу, что и он за эту кандидатуру в случае отказа А.А. Васильева. Но согласится ли

¹¹⁴ Там же. Л. 35 об.

¹¹⁵ Незадолго до этого в 1928 г. скончался византист, академик Ф.И. Успенский.

¹¹⁶ Подробнее см.: *Тункина И. В.* 1) Отзыв С.А. Жебелёва о Д.В. Айналове // Церковная археология: Материалы Первой Всеросс. конф. Псков, 20–24 нояб. 1995 г. СПб.; Псков, 1995. Ч. 3: Памятники церковной археологии России. С. 67–73; 2) К истории академических выборов 1929–1930 гг.: Академик С.А. Жебелёв. Отзыв об ученых трудах Д.В. Айналова // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова / Отв. ред. А.Д. Столяр. СПб., 2004. С. 176–183; *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* «Необходим археолог или историк искусства»: Д.В. Айналов на выборах в АН СССР в 1928 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2020. № 5. С. 48–64.

¹¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 163. Л. 28–28 об., 32–32 об.

Д[митрий] В[ласьевич] на этот раз, чтобы его кандидатура была выставлена после того, как в прошлом году нас постигла неудача? Нельзя ли узнать от него поскорее? Если узнаете (хотя бы и от моего имени), пожалуйста, немедленно сообщите, хотя должен признаться, в успехе и теперь я не уверен». 7 июля 1929 г. Бузескул продолжил тему: «...Я по-прежнему нахожу, что рядом с А.А. В[асильев]ым следовало бы выставить кандидатом и Д.В. Айналова; в таком бы случае можно было бы убить двух зайцев — получить Д[митрия] В[ласьевича] как византиниста и как представителя такой важной отрасли, как история искусства, у нас не представленной. Конечно, я тут рассуждаю, так сказать, теоретически, с принципиальной точки зрения, высказывая desiderata. Но беда в том — и я тут вполне согласен с Вами, — что шансы Д.В. Ай[нало]ва весьма слабы и подводить его вторично неудобно... Но как ученого, я очень ценю Д[митрия] В[ласьевича] и при других условиях приветствовал бы его кандидатуру. А теперь, выйдет, вероятно, так: мы запутаемся... и пройдут кандидаты по истории социализма...»¹¹⁸. Все попытки старых академиков провести в АН СССР византиниста успехом не увенчались — Д.В. Айналов, занимавшийся «оторванными от современной жизни» темами — церковными древностями, иконописью, иконографией и пр., не мог быть избран по политическим мотивам, т. к. его конкурентами выступали историки-марксисты. В итоге 1 февраля 1930 г. в Отделение гуманитарных наук были избраны всего два человека — историк В.П. Волгин, ставший непререкаемым секретарем (1930–1935), и первый нарком просвещения А.В. Луначарский.

По состоянию здоровья с 1 апреля 1929 г. Д.В. Айналов вышел на пенсию, прожить на которую было невозможно, поэтому он последовательно добивался ее повышения от 180 руб. в месяц (1929) до 500 руб. (1937)¹¹⁹. При содействии М. Фасмера он занялся подготовкой к печати немецкого перевода труда по истории древнерусского искусства. Получив финансовую поддержку Всеукраинского археологического института, совершил поездку в Остер, Козелец и с. Лемешы (1931), участвовал в экспедиции Центральных государственных реставрационных мастерских в Дагестан¹²⁰.

В 1939 г., когда вышла последняя монография Д.В. Айналова о Леонардо да Винчи¹²¹, он скончался после непродолжительной болезни. Его вдова 23 июля 1942 г. передала фонд мужа в Архив АН СССР, благодаря чему спасла бумаги ученого от уничтожения в блокадных буржуйках¹²². Дмитрий Власьевич Айналов и его жена похоронены в северо-восточной части Литераторских мостков Волковского кладбища. Могилу украшает мраморная урна на гранитном пилоне, установленная в 1952 г.¹²³

¹¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 163. Л. 37, 38–38 об.

¹¹⁹ Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 285–286.

¹²⁰ Там же. С. 286–287.

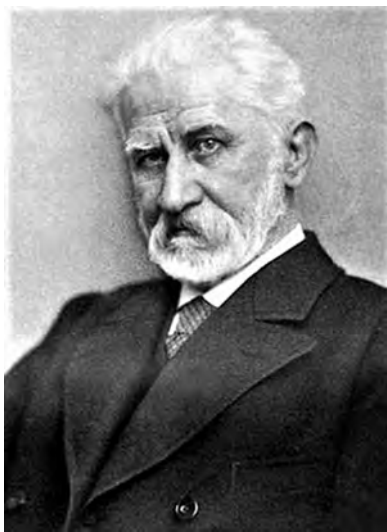
¹²¹ Айналов Д.В. Этюды о Леонардо да Винчи. Л.; М., 1939.

¹²² Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов... С. 268, 292.

¹²³ Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель/ Сост. А.В. Кобак, Ю.М. Пирютко. СПб., 1993. С. 331.

Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923)

Ю.А. Виноградов

В истории российской науки Д.Н. Анучину принадлежит особое и в высшей степени почётное место. Выдающийся исследователь, талантливый организатор науки, замечательный педагог, — во всех этих сферах деятельности он оставил очень яркий след. Жизненный путь Д.Н. Анучина и его научные заслуги описаны во многих специальных работах, начало чему было положено ещё в дореволюционное время¹. По этой причине биографию учёного вряд ли стоит излагать ещё раз в сколь угодно подробном виде. Более оправдано обратиться к оценке роли Д.Н. Анучина в развитии отечественной науки. Он был главой созданной им школы русской антропологии, «отцом» отечественной университетской географии; его вклад в этнографию и археологию также весьма значи-

¹ См.: Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и учёных. Т. 1. СПб, 1889. С. 692–698, 972–975; Ивановский А.А. Дмитрий Николаевич Анучин // РАЖ. 1900. № 1. С. 1–24; Богданов В.В. 1) Дмитрий Николаевич Анучин // Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина. М., 1913. С. VII–XI; 2) Д.Н. Анучин. Антрополог и географ (1843–1923). М., 1941; Борзов А. Проф. Дмитрий Николаевич Анучин (По поводу его семидесятилетия) // Естествознание и география. 1913. № 8. С. 40–53; Григорьев С.Г. Дмитрий Николаевич Анучин // Природа. 1913. Октябрь. С. 1303–1314; Крубера А. Памяти Дмитрия Николаевича Анучина // Землеведение. 1924. Т. XXVI. № 1–2. С. 7–38; Штернберг Л.Я. Д.Н. Анучин как этнограф // Этнография. 1926. № 1–2. С. 7–13; Левин М.Г. Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923) // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1947. Т. 1. С. 3–17; Киселёв С.В. Дмитрий Николаевич Анучин — археолог // Там же. С. 22–24; Берг Л.С. 1) Дмитрий Николаевич Анучин как учёный // Известия Всесоюзного географического общества. 1948. Т. 80. Вып. 6. С. 581–587; 2) Очерки по истории русских географических открытий. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 369–413; Тихомиров Г.С. 1) Д.Н. Анучин — крупнейший русский географ, создатель русской университетской географической школы. М., 1950; 2) Д.Н. Анучин о развитии русской географии // Труды Института истории естествознания и техники. 1959. Т. 27. С. 3–25; Григорьев А.А. 1) Значение идей и научное творчество Д.Н. Анучина для развития отечественной географии // Анучин Д.Н. Географические труды. М., 1954. С. 5–23; 2) Дмитрий Николаевич Анучин // Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. Геология и география. М., 1962. С. 508–515; Есаков В.А. 1) Д.Н. Анучин и создание русской университетской географической школы. М., 1955; 2) Роль и значение Д.Н. Анучина в разработке теории географической науки // Труды Института истории естествознания и техники. 1955. Т. 3. С. 85–103; Карпов Г.В. 1) Д.Н. Анучин — географ-исследователь // Известия АН СССР. Серия географическая. 1956. № 1. С. 97–103; 2) Путь учёного. М., 1958; 3) Дмитрий Николаевич Анучин. М., 1962; Бороздин И.Н. Из воспоминаний о Д.Н. Анучине // Известия Воронежского отдела Географического общества Союза ССР. 1959. Вып. 2. С. 113–117; Соловьёв А.И. Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923) // Отечественные физико-географы и путешественники. М., 1959. С. 470–481; Залкинд Н.Г. Московская школа антропологов в развитии отечественной науки о человеке. М., 1974. С. 47–49, 59–62, 82–84, 86–87.

телен. Почти 100 лет назад Л.Я. Штернберг правильно сказал, что все эти области знания — антропология, этнография, археология, география — могли оспаривать друг у друга право считать Д.Н. Анучина «своим научным вождём, высшим судьёй, главою целого направления»². Его порой называют собирателем русской науки³, и это определение не является преувеличением. Количество хвалебных отзывов о научной деятельности Дмитрия Николаевича весьма велико, но мне известно всего одна публикация, ставящая его достижения под сомнение. Она принадлежит нашему знаменитому анатому и антропологу П.Ф. Лесгафту, который писал: «Д.Н. Анучин является у нас лучшим представителем описательной антропологии, строго придерживающимся французских авторитетов по антропологии. Но в науке не решают авторитетом лица, здесь признаются только истины и умение решать вопросы на основании этих истин. Нет истин — нет и науки»⁴. Трудно сказать, на чём базировалось это скептическое мнение, в чём кроется причина расхождения двух выдающихся исследователей, но, скорее всего, здесь сыграли свою роль какие-то личные разногласия и непонимания.

Научное наследие Д.Н. Анучина огромно⁵. С.Н. Синельников подсчитал, что перу исследователя принадлежит около 500 печатных работ, из которых 158 посвящены вопросам географии, 115 — антропологии и 65 — археологии. Остальные — это публикации по различным вопросам естествознания, литературы, образования, политики и т. д.⁶ Археологии, как видим, принадлежит пусть и почётное, но скромное третье место. Не удивительно, что на страницах современной научной печати особое значение уделяется географическому и антропологическому наследию Д.Н. Анучина⁷. Почти 110 лет назад В.В. Богданов отмечал, что русская археология должна быть признательна Д.Н. Анучину⁸, и он, конечно, имел полное право на такое мнение. Однако в наши дни может закономерно возникнуть вопрос — а за что мы должны быть благодарны Дмитрию Николаевичу? Ответ на него хоть и кажется вполне очевидным, но всё-таки нуждается в подкреплении фактами. Единственная известная мне статья о деятельности Д.Н. Анучина в области археологии принадлежит перу С.В. Киселёва; она увидела свет в 1947 г.⁹ В ней справедливо признано, что Дмитрий Николаевич «внёс в науку ценнейший

² Штернберг Л.Я. Д.Н. Анучин как этнограф. С. 7.

³ Ефимова С.Г. Д.Н. Анучин — «собиратель русской науки» // Вестник Московского университета. Серия ХХIII. Антропология. 2009. № 1. С. 5–16.

⁴ См.: Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и учёных. Т. 1. СПб., 1889. С. 975.

⁵ Библиографические списки печатных работ Д.Н. Анучина см.: Ивановский А.А. Дмитрий Николаевич Анучин // РАЖ. 1900. № 1. С. 8–24; Анучин Д.Н. Географические труды. М., 1954. С. 413–447.

⁶ Синельников Н.П. Кафедра антропологии Московского университета (1879–1917) // Учёные записки МГУ. 1940. Вып. 54. С. 205.

⁷ См.: Урысон М.И. Патриарх российской антропологии // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 156–161; Джобадзе Т.Ф., Максимов Ю.И. Экспедиции Д.Н. Анучина к истокам Волги и Западной Двины в 1894–95 гг. (по материалам фотоархива Музея земледения МГУ) // Жизнь Земли. 2017. Т. 39. № 4. С. 444–457; Кривошеина Г.Г. История с географией: как Д.Н. Анучин перешёл на новую кафедру // Вопросы истории естествознания и техники. 2018. Т. 39. № 4. С. 760–767; Максимов Ю.И., Мамбетова А.Б., Смурова Т.Г. Русский Север на рубеже XIX–XX веков по материалам фотоархива Музея земледения МГУ // Жизнь Земли. 2019. Т. 41. № 2. С. 171–183.

⁸ Богданов В.В. Дмитрий Николаевич Анучин. С. IX.

⁹ Киселёв С.В. Дмитрий Николаевич Анучин — археолог. С. 22–24.

вклад не только огромной конкретной археологической работой, но и тем, что на опыте показал, как следует разрабатывать методические приёмы, которыми должен владеть археолог»¹⁰. Существенный недостаток этой публикации заключается в её краткости, тезисности. Некоторые важные моменты, к примеру, связанные со становлением учёного как археолога, в ней даже не затронуты, но не об этом идёт речь. В наше время о вкладе этого исследователя в отечественную археологию вспоминают не часто. Публикация записки И.Н. Бороздина и Д.Н. Анучина о подготовке истории 50-летней деятельности Московского археологического общества¹¹, — лишь приоткрывает одну из страниц его многогранной деятельности. Со дня смерти учёного прошло почти 100 лет, и новое время требует уяснить, чем же отечественная археология «должна быть признательна Д.Н. Анучину»? Какое значение сейчас имеют его археологические труды? Поиску ответа на эти вопросы, в основном, и посвящена данная статья.

Необходимо сразу признать, что Д.Н. Анучин был убеждённым материалистом, но слова «материализм» избегал¹². Он позиционировал себя как дарвинист. Действительно, учение Чарльза Дарвина стало краеугольным камнем в формировании научных взглядов Д.Н. Анучина. Исследователь считал его по-настоящему великим¹³. В очерке, подготовленном к 100-летию со дня рождения английского учёного, он отмечал, что тот мощно двинул вперёд эволюцию человеческого мировоззрения¹⁴. Д.Н. Анучин указывал, что теория Чарльза Дарвина подтвердила правильность представлений о постепенной эволюции¹⁵, и этой точке зрения исследователь оставался верным до конца своих дней. Вполне понятно, что он всецело оставался на позициях эволюционизма, любые идеи о перерывах в постепенности, «скачках» в развитии представлялись ему ошибочными.

Теперь необходимо сказать хотя бы несколько слов о биографии Д.Н. Анучина. Будущий великий учёный родился в С.-Петербурге 27 августа (8 сентября) 1843 г. в семье отставного поручика, получившего офицерский чин за отвагу в войне с Наполеоном. Мальчик рано овладел грамотой, образование получил в Четвёртой петербургской (Ларинской) гимназии. В 1857 г., когда Дмитрий Николаевич был ещё гимназистом, умерли его родители, и молодой человек остался на попечении старшего брата Михаила. Гимназию он окончил в 1860 г. в числе первых учеников¹⁶. В это время у него проявился интерес к истории и русской словесности. Не удивительно, что после завершения обучения в гимназии Д.Н. Анучин поступил на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета. Там его

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ *Тункина И.В.* Неизданная записка И.Н. Бороздина и Д.Н. Анучина о подготовке истории 50-летней деятельности Московского археологического общества // *БИ.* 2015. Вып. 31. С. 405–413.

¹² *Алексеева Л.А.* Методологические вопросы в антропологических трудах Д.Н. Анучина // *Вопросы антропологии.* 1973. Вып. 43. С. 42.

¹³ *Анучин Д.Н.* 1) *Антропологические очерки* // *Русская мысль.* 1880. Кн. III. С. 52; 2) *Антропология и этнография* // *Русская мысль.* 1884. Кн. XII. С. 170; 3) *Беглый взгляд на прошлое антропологии и на её задачи в России* // *РАЖ.* 1900. № 1. С. 24; 4) *Происхождение человека и его ископаемые предки* // *Итоги науки в теории и практике.* Т. VI. М., 1912. С. 703–704.

¹⁴ *Анучин Д.Н.* *Люди зарубежной науки и культуры.* М., 1960. С. 134.

¹⁵ *Он же.* 1) *Беглый взгляд на прошлое антропологии...* С. 29; 2) *Люди зарубежной науки...* С. 130–134.

¹⁶ *Пятидесятилетие С.-Петербургской Ларинской гимназии. 1836–1886.* СПб., 1886. С. 14, 26.

преподавателями были такие видные историки, как Н.И. Костомаров, М.М. Стасюлевич, К.Д. Кавелин. Наряду с этим уже тогда молодой человек посещал публичные лекции по естествознанию, которые читались в Пассаже.

Обучение в университете продолжилось всего один год, у молодого человека заподозрили опасную болезнь (туберкулёз лёгких), и в 1861 г. на два года он отправился за границу. Д.Н. Анучин останавливался в Гейдельберге и Риме, посетил Флоренцию, Неаполь, Париж. Здоровье молодого человека, к счастью, улучшилось. Но не меньшее значение имело и то, что посещения европейских музеев, углублённое знакомство с иностранной литературой, знакомства, приобретённые в различных русских кружках и в итальянском обществе, привели к формированию новых идей, новых убеждений, изменению всего его мировоззрения.

В 1863 г., вернувшись из Европы, Д.Н. Анучин поселился у брата в Москве и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В это время его уже серьёзно увлекала зоология; учителями Д.Н. Анучина на этой стезе стали А.П. Богданов и С.А. Усов. В 1867 г. обучение было закончено, в 1871 г. Дмитрий Николаевич стал учёным секретарём Общества акклиматизации животных, а в начале 1875 г. выдержал экзамен на степень магистра зоологии. Тогда же стали выходить первые научно-популярные статьи молодого исследователя в альманахе «Природа». В 1874 г. Д.Н. Анучин был избран в действительные члены Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). В 1875 г. он обратился к профессору А.П. Богданову с просьбой позволить ему заняться изучением антропологических материалов, находящихся в Обществе. Дмитрию Николаевичу были предоставлены материалы об айнах (фотографии, два костяка, черепа, каменные орудия, происходившие из айнских могил, и пр.). Результатом исследовательской работы стала классическая публикация, увидевшая свет в 1876 г.¹⁷

Уже в это время Д.Н. Анучин проявил интерес к археологии. Он наглядно проявился в работе над переводом и редактированием монографии Дж. Леббока «Доисторические времена»¹⁸. Самостоятельные комментарии молодого человека, включённые в книгу в виде очерков и примечаний, составили около 3,5 печатных листов¹⁹. Они продемонстрировали, что Дмитрий Николаевич обладает широким кругозором, хорошо владеет предметом и методами археологических исследований²⁰. Не удивительно, что в конце 1875 г. он был избран в действительные члены Московского археологического общества.

В 1876 г. в жизни Д.Н. Анучина произошло важное событие, которое было связано с его второй поездкой за границу. Поначалу она была связана только с антропологией. Дело в том, что фабрикант и владелец железных дорог К.Ф. фон Мекк по просьбе А.П. Богданова пожертвовал 25 тыс. рублей на учреждение в России кафедры антропологии. Министерство народного просвещения 8 октября 1876 г.

¹⁷ Анучин Д.Н. Материалы для антропологии Восточной Азии. I. Племя айнов // Труды Антропологического отдела ОЛЕАЭ. Кн. 2. Вып. 1. М.: Типография С.И. Архипова, 1876. С. 79–203.

¹⁸ Леббок Дж. Доисторические времена, или первобытная эпоха человечества. М., 1876.

¹⁹ Анучин Д.Н. От редакции // Леббок Дж. Доисторические времена, или Первобытная эпоха человечества. М., 1876. С. II.

²⁰ Карпов Г.В. Путь учёного. С. 81.

приняло решение об учреждении такой кафедры при физико-математическом факультете Московского университета²¹. Для подготовки к профессорскому званию Д.Н. Анучин был направлен за границу на два года. Он посетил Германию, Францию, Австро-Венгрию, где основательно познакомился с организацией антропологических музеев, слушал лекции виднейших специалистов в этой области, в том числе и курс проф. Г. де Мортилье по доисторической археологии²².

К тому времени ОЛЕАЭ получило приглашение принять участие в антропологическом отделе Парижской всемирной выставки 1878 г. В столицу Франции были направлены русские коллекции, которые надлежало должным образом разместить в экспозиции. Всем этим вынужден был заняться Д.Н. Анучин. А.П. Богданов, прибывший в Париж в июле 1878 г., остался довольным организацией русского отдела и размещением экспонатов. Одним из последствий деловых контактов, налаженных с учёными Франции, стало то, что в антропологическую поездку Дмитрия Николаевича, так сказать, вклинилась сильная археологическая составляющая.

ОЛЕАЭ выделило Дмитрию Николаевичу 400 руб. на осмотр музеев и археологических памятников Западной Европы, а также на проведение раскопок. Понятно, что обозначенная география поездки была просто необъятной, поэтому Д.Н. Анучин решил объехать только юг Франции. Эта поездка была с успехом совершена, обстоятельные отчёты о ней направлялись в Общество, все они были опубликованы в одном из томов, посвящённых Антропологической выставке в Москве²³.

Успех задуманного мероприятия, как правильно считал Д.Н. Анучин, был невозможен без налаживания связей с местными археологами, и такие связи были налажены с Г. де Мортилье, Э. Шантром, Э. Картальяком и др. Э. Шантр в то время изучал памятники бронзового и железного века в бассейне Роны, он согласился произвести совместные с Д.Н. Анучиным раскопки курганов в департаменте Юра, а также дать ему возможность «порыть в Солютре», где были сделаны находки, относящиеся к древнему каменному веку. Э. Картальяк, хорошо знавший древности южной Франции, предложил раскопать несколько дольменов в департаментах Авейрон и Ардеш, а также, если будет возможно, произвести раскопки в одном из гротов у подножья Пиренеев²⁴. Намеченная программа, надо признать, была чрезвычайно насыщенной. В наше время она, конечно, представляется невыполнимой, но во второй половине XIX в. всё это казалось вполне реальным.

Раскопки курганов были предприняты в окрестностях селения Жеванже. Там насчитывалось около 15 небольших насыпей, имевших не более 1 м в высоту и 6–8 м в диаметре. Общими усилиями удалось разрыть семь насыпей, но лишь две из них дали находки. Наиболее интересным оказался курган, в котором был обнаружен человеческий костяк, ориентированный головой на юг — юго-восток. На каждой его ноге было надето по восемь широких бронзовых браслетов. Д.Н. Анучин записал, что он сам «приступил к раскопкам и собственноручно вытащил кости

²¹ Там же. С. 85.

²² Там же. С. 91.

²³ Антропологическая выставка Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. II. М., 1878. С. 227–232, 255–261, 362–381.

²⁴ Там же. С. 227.

с надетыми на них браслетами»²⁵. Даже из этих слов понятно, что археологи именно рыли курган, а не проводили в нём раскопки. Двигаясь дальше по направлению к голове костяка, они нашли кости рук с надетыми на них двумя бронзовыми браслетами, обломки глиняного горшка и пр. Э. Шантр, оценивая результаты работы, отметил, что он не видел таких погребений на территории Франции, а такие украшения более характерны для полудиких народов тропических стран.

«Порыть в Солютре» не представилось возможным, поскольку местность, где расположен памятник, была откуплена местным аббатом, который находился в отпуске. Тем не менее, Д.Н. Анучин получил от Э. Шантра коллекцию костей и орудий эпохи солютре, а также много интересных слепков. Дмитрий Николаевич высоко оценил эти подарки и просил руководство ОЛЕАЭ принять Э. Шантра в члены Общества, а также прислать ему диплом с благодарностью. Эта просьба была исполнена, более того, Э. Шантр посетил Московскую антропологическую выставку²⁶.

В департаменте Ардеш дольменов было больше, чем где-нибудь ещё; там встречались настоящие «дольменные пейзажи». К изучению этих памятников Д.Н. Анучин отнёсся с большим интересом²⁷. На раскопки он прибыл вместе с Э. Картальяком. Дольмены, как отметил Дмитрий Николаевич, во Франции встречаются лишь на известковых плато, т. е. в местах, отличающихся каменистой, бесплодной почвой, где имеется достаточное количество строительного материала для их сооружения. Во всём регионе это были наименее населённые местности. Многие из расположенных там дольменов уже были кем-то раскопаны, но они ещё сохраняли каменистые насыпи и имели вид небольших курганов. В первый день были проведены раскопки двух построек, но они дали лишь несколько черепков и обломков костей. На следующий день были предприняты исследования дольмена довольно хорошей сохранности, хотя тот служил убежищем для местных пастухов, и, в общем, не удивительно, что археологи здесь почти ничего не нашли. Тем не менее, Д.Н. Анучин произвёл обмеры всего сооружения и сделал его рисунок.

Дмитрий Николаевич специально отметил, что раскопки дольменов требуют немало времени и терпения. Вещей в них находят мало. Отвалив входную плиту постройки, копают киркой и лопатой, при этом замечают, не появляются ли черепки или кости. Если таковые будут замечены, то следует работать с помощью небольших лопаточек и отработанную землю просеивать через железное сито. Так можно найти кремнёвые наконечники стрел, бусы, продырявленные зубы, небольшие бронзовые кольца и т. д.

Наконец, археологи обнаружили небольшое плато, на котором имелось десятка два дольменов, один из которых отличался довольно хорошей сохранностью. Приступив к раскопкам, исследователи стали находить черепки, а затем и кости, лежащие слоями. Д.Н. Анучин посчитал, что они принадлежали 15 особям, некоторые из которых были погребены в сидячем положении. Помимо фрагментов керамики, были найдены два тщательно оббитых кремнёвых наконечника стрел

²⁵ Там же. С. 229.

²⁶ Антропологическая выставка 1879 г. Т. 3. С. 242–243.

²⁷ Там же. С. 255–260.

и замечательный по величине и отделке кремнёвый нож (вероятнее, наконечник копья). Э. Картальяк решил закончить раскопки этого дольмена на следующий день, но ночью местные жители его полностью разграбили.

История с изучением дольменов закончилась тем, что был обнаружен большой памятник, который опять же служил убежищем для пастухов. По оценке археологов, на его раскопки понадобился бы целый день при сомнительной надежде на получение хорошего результата. Тогда решили изучить несколько маленьких сооружений такого рода. За день удалось раскопать четыре дольмена, но и в них находки оказались очень скудными: 10 бусин, спиральное бронзовое кольцо и несколько черепков. Э. Картальяк по этому поводу признал, что ардешские дольмены беднее авейронских. И его словам, скорее всего, следует поверить.

В округе Апт Д.Н. Анучин осмотрел гроты, в которых ранее были обнаружены человеческие захоронения с разнообразным инвентарём. В частности, здесь были найдены кремнёвые наконечники стрел в форме ивового листа или ромба. Один такой наконечник был зафиксирован в позвоночнике человека, что явно указывает на причину его смерти.

Д.Н. Анучина также очень заинтересовали кромлехи, т. е. каменные круги²⁸, которых в этой местности было несколько десятков; в каждом, как ему сказали, содержалось по несколько десятков глиняных горшков. Дмитрий Николаевич просил позволить ему раскопать пару таких кругов, но из этой затеи ничего не получилось. Правда, он познакомился с Ф. Гарригу, исследователем доисторических культур юга Франции, который многое рассказал ему о памятниках такого рода.

Намереваясь посетить пещеры южной Франции, Д.Н. Анучин обратился к Г. де Мортилье, Э. Картальяку, и Э. де Массенá с просьбой помочь ему в этом деле, и помощь была оказана²⁹. Э. Картальяк рекомендовал провести раскопки в Бизской пещере (около Нарбонны). Для исследований выбрали участок чёрной земли с обломками костей и остатками древесного угля (культурный слой). Раньше в нём находили орудия типа мустье и мадлена, но на сей раз удалось обнаружить всего 40 кремнёвых обломков, из них лишь 5 с более-менее тщательной оббивкой.

В Тулузе Д.Н. Анучин осмотрел Археологический и Зоологический музеи. Там он провёл переговоры о возможности получения для Московского университета скелета пещерного медведя. Оказалось, что такой скелет стоит 1200 франков, а череп медведя — 300–500 франков. Французы были готовы на обмен на такую сумму, желая получить для себя остатки мамонта, лося и т. д.

Затем Д.Н. Анучин осмотрел пиренейские гроты, в которых были сделаны любопытные находки, относящиеся к эпохе палеолита. Он даже хотел произвести раскопки в Гурданском гроте, хотя тот уже был разрыт до 6–7 м в глубину. Местный мэр потребовал за это 200 франков, таких денег у Дмитрия Николаевича не было. В гроте Буйшет, где ранее провёл работы Ф. Гарригу, Д.Н. Анучин предпринял поверхностные раскопки, но они ничего не дали. Наряду с прочими, исследователь осмотрел знаменитый грот Мустье и нашёл в нём два мустьерских острия, а менее характерных обломков собрал десятка два. Э. де Массенá указал ему на грот Мад-

²⁸ Там же. С. 362–367.

²⁹ Там же. С. 368–380.

лен, давший название целому археологическому периоду, но после проведённых раскопок культурный слой там был уже снят до скалы.

Место для исследований было выбрано в Ложери; это был уступ длиной 300 м, идущий вдоль скал. Там были различимы два культурных слоя — солютре и мадлен. Раскопки, проведённые вместе с Э. де Массенá, продолжались три дня и не были особенно удачными. Обнаруженный на памятнике «слой очагов» содержал мало орудий и костей. Археологи нашли 40 кремнёвых орудий, 30 обломков костяных орудий, 20 обломков рогов, продырявленную раковину, 2–3 куска красной охры. Среди найденных костей животных Д.Н. Анучин определил северного оленя, лошадь, благородного оленя, зубра, кабана и др.

После этих работ Э. де Массенá подарил Дмитрию Николаевичу наконецник гарпуна и иглу. Французский археолог также продемонстрировал ему свою коллекцию находок, не посланных на Парижскую выставку. Он даже был готов продать всю эту коллекцию (включая и часть, посланную на выставку) за 70–90 тыс. франков. Такими средствами Д.Н. Анучин, да и всё Московское общество явно не располагали.

Приведённое описание археологических поездок Д.Н. Анучина по Франции является лишь краткой выжимкой из его отчётов. Вообще же они производят очень большое впечатление. «В своих “Путевых очерках”, посвящённых описанию научных достопримечательностей Западной Европы, — как писал А.П. Богданов, — Анучин дал образцовый руководитель, могущий служить примером того, как следует осматривать и описывать музеи. В этом же труде Анучин выказал и всю свою громадную начитанность и широкое общее образование»³⁰. Это заключение, на мой взгляд, в полной мере относится и к «археологическим репортажам» Дмитрия Николаевича. Нет сомнения, что этот опыт и эти впечатления, почерпнутые не только во время осмотра археологических памятников, предпринятых раскопок, но и из бесед с французскими учёными, а также из посещения многочисленных музеев, сыграли важную роль в формировании прочного фундамента археологических знаний Д.Н. Анучина, что, безусловно, имело большое значение в его дальнейшей судьбе. Вместе с тем, следует признать и тот факт, что, вернувшись в Россию, он не принимал участия в масштабных археологических проектах. Исключением из этого правила является археологическая экспедиция в Дагестан, организованная Московским археологическим обществом совместно с Русским географическим обществом в 1882 г.³¹ Возглавив её, Дмитрий Николаевич был первым русским учёным, «начавшим в широких масштабах систематическое археолого-этнографическое изучение Дагестана»³². Правда, одной из главных задач этой поездки Д.Н. Анучин считал выявление в кавказских пещерах следов каменного века³³. Этого сделать не удалось, и в 1884 г. исследователь с огорчением отмечал, что археологические разведки в пещерах Кавказа не дали следов каменного века. По его словам, в них не известно отложений ни палеолитической,

³⁰ Венгеров С.А. Анучин Дмитрий Николаевич. С. 976.

³¹ Анучин Д.Н. Отчёт о поездке в Дагестан летом 1882 г. // Известия Императорского русского географического общества. 1884. Т. XX. С. 357–449.

³² Соловьёв А.И. Дмитрий Николаевич Анучин. С. 472.

³³ Анучин Д.Н. Отчёт о поездке в Дагестан. С. 359–360.

ни неолитической эпох³⁴. Вряд ли стоит много говорить о том, что такие открытия были сделаны позднее.

Здесь следует обратить внимание ещё на один опыт Д.Н. Анучина в полевой археологии. Летом 1886 г. по просьбе председателя Московского археологического общества графини П.С. Уваровой он совершил поездку в Бологое, где в имении князя П.А. Путятина были найдены человеческие кости и каменные орудия³⁵. Дмитрий Николаевич осмотрел это собрание, а также произвёл небольшие раскопки на берегу Бологовского озера, обнаружив там кремнёвый наконечник стрелы, несколько скребков, керамических фрагментов и пр. Зафиксированный культурный слой позволил сделать заключение, что здесь была расположена неолитическая стоянка. Человеческие кости, найденные князем, по определению Д.Н. Анучина, относились к двум скелетам. Один принадлежал мужчине средних лет и крепкого телосложения; второй, меньший скелет, скорее всего, был женским.

Приходится признать, что Д.Н. Анучин не принимал участия в масштабных исследовательских проектах, связанных с раскопками древних памятников. Такое положение вряд ли стоит объяснять исключительно пристрастием учёного к кабинетной работе. Хорошо известно, что летом 1890 г. он провёл географическую экспедицию к истокам Днепра, Западной Двины и Волги, которая положила начало полевым географическим наблюдениям³⁶. В 1894–95 гг. эти исследования были продолжены, и они получили высокую оценку современных специалистов³⁷. В области археологии ничего подобного не произошло.

Вернувшись из заграничной поездки в январе 1879 г., Д.Н. Анучин принял активное участие в подготовке и проведении Московской антропологической выставки³⁸, на экспозиции которого были представлены многие древние предметы, полученные им во Франции, а также поступившие из других стран при его участии. Вообще же это мероприятие вышло далеко за пределы антропологии, поскольку на выставке демонстрировались экспонаты по палеонтологии, этнографии и археологии России. Коллекции выставки были потом переданы в Антропологический музей, созданный при Московском университете; хранителем его стал Д.Н. Анучин³⁹. В 1880 г. был опубликован фундаментальный труд Дмитрия Николаевича, посвящённый аномалиям человеческого черепа⁴⁰, в январе 1881 г. он был защищён в качестве диссертации на степень магистра.

В 1884 г. была создана кафедра географии и этнографии на историко-филологическом факультете Московского университета. Д.Н. Анучин был назначен её экстраординарным профессором. В сентябре 1889 г. за свои научные труды

³⁴ *Он же*. Доисторическая археология Кавказа // ЖМНП. 1884. Январь. С. 235.

³⁵ *Он же*. Археологическая экскурсия в Бологое // Древности. 1886. Т. XI. Вып. 2. С. 64–68.

³⁶ Карпов Г.В. Путь учёного. С. 170–171.

³⁷ Там же. С. 189–195; Джобадзе Т.Ф., Максимов Ю.И. Экспедиции Д.Н. Анучина к истокам Волги и Западной Двины в 1894–95 гг. С. 444–457.

³⁸ Анучин Д.Н. Отдел доисторических древностей // Антропологическая выставка 1879 г. Т. 3. Ч. 2. М., 1879. С. 1–30.

³⁹ *Он же*. Антропологический музей Московского университета // РАЖ. 1907. № 1–2. С. 236–247.

⁴⁰ Анучин Д.Н. О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам. Известия ОЛЕАЭ. 1880. Т. XXXVIII. Вып. 3.

по антропологии, этнографии и географии он получил степень доктора географии (без предоставления диссертации). В 1890 г. его избирают президентом ОЛЕАЭ. В 1892 г. с большим успехом прошла Географическая выставка, организованная Д.Н. Анучиным; она стала основой Географического музея Московского университета.

В 1896 г. Д.Н. Анучин был избран ординарным академиком по физико-математическому отделению Российской академии наук. Однако он не хотел покидать Москву, его много больше занимала судьба кафедры географии Московского университета, Географического общества ОЛЕАЭ, издаваемого им журнала «Землеведение» и т. д.⁴¹ Поначалу Дмитрий Николаевич просил об отсрочках приезда в Петербург, а в конце концов отказался от звания академика. Общее собрание Академии наук утвердило эту отставку, но избрало Д.Н. Анучина своим почётным членом. Его научный авторитет был бесспорен, в том числе и в области археологии. Не случайно, что именно он стал автором содержательного очерка о русской археологии для словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона⁴², а также многих других очерков по археологической тематике.

Вклад Д.Н. Анучина в развитие отечественной антропологии, географии и антропологии невозможно переоценить. Присущий ему исторический взгляд на предмет исследования позволял учёному свободно затрагивать сюжеты, связанные в том числе и с археологией. При этом исследователь признавал, что толчком развития антропологии стало не только учение Ч. Дарвина, но и археологические открытия, связанные с древнейшим прошлым человечества во Франции, Англии, Дании, Швейцарии и т. д.⁴³ Более того, доисторическую археологию Дмитрий Николаевич признавал составной частью антропологии⁴⁴. Рассуждая о задачах русской этнографии, её значении для будущего развития страны, исследователь отмечал, что недостаток этнографических данных и вообще слабое знакомство учёного мира с различными сторонами народной жизни отрицательно влияет на ситуацию в русской археологии⁴⁵.

В первую очередь Д.Н. Анучина занимал вопрос принципиальной важности — происхождение человека. Здесь следует несколько слов сказать об одной из ранних крупных работе Д.Н. Анучина «Антропоморфные обезьяны и низшие типы человечества», которая была напечатана в трёх номерах журнала «Природа»⁴⁶. Признавая очевидный факт близости антропоморфных обезьян человеку, он вынужден был признать, что ни один из их видов «не может изъявлять претензии на честь считаться прародичем человека преимущественно перед прочими, или, выражаясь иначе, что человеческий тип не может быть производим ни от одной, известной

⁴¹ Карпов Г.В. Путь учёного. С. 204.

⁴² Анучин Д.Н. Россия в археологическом отношении // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 55. СПб., 1899. С. 423–430.

⁴³ Анучин Д.Н. 1) Антропологические очерки. С. 52, 61; 2) Беглый взгляд на прошлое антропологии... С. 29.

⁴⁴ Он же. 1) О задачах и методах антропологии // РАЖ. 1902. № 1. С. 66; На рубеже полутора- и полутора столетия // РАЖ. 1916. № 1–2. С. 4.

⁴⁵ Он же. О задачах русской этнографии // Этнографическое обозрение. 1889. Кн. I. С. 29.

⁴⁶ Он же. Антропоморфные обезьяны и низшие типы человечества // Природа. 1874. Кн. 1. С. 185–280; 1874. Кн. 3. С. 220–276; 1875. Кн. 4. С. 81–141.

нам антропоморфной формы приматов»⁴⁷. Исследователь с большим вниманием относился к новым находкам ископаемого человека. Так, в марте 1896 г. на заседании Антропологического отдела ОЛЕАЭ он выступил с докладом о находке «человекоподобного черепа» на острове Ява⁴⁸. Эти материалы лишь убеждали исследователя в правильности сделанного вывода⁴⁹. На первый взгляд такое заключение может показаться отступлением от теории Ч. Дарвина о происхождении видов, но, с другой стороны, оно более соответствует современной науке — человек и человекообразные обезьяны, вероятнее всего, имели общего предка.

Изучение костных остатков древних животных Д.Н. Анучин всегда рассматривал в контексте их значения для человека. Первый опыт исследований подобного рода был связан с реставрацией мамонта для Антропологической выставки в Москве. Сообщение об этом было сделано в феврале 1879 г. на заседании Антропологического отдела ОЛЕАЭ⁵⁰. На V Археологическом съезде в Тифлисе Д.Н. Анучин выступил с докладом «О породах собак каменного века на побережье Ладожского озера»⁵¹. Эти костные останки были собраны А.А. Иностранцевым при строительстве Сяского и Свирского каналов в районе Ладожского озера. Изучению костей собаки, волка и лисы, происходящих из этих мест, Д.Н. Анучин посвятил крупную и содержательную статью⁵². Черепа собак он сравнивал с аналогичными находками из швейцарских свайных построек и других подобных местонахождений Западной Европы. По мнению исследователя, «малорослая шавка» была единственной собачьей породой всего неолитического периода на западе. Она сопровождала человека и на берегах Ладожского озера, но, однако, здесь имела и другая, более крупная порода, очевидно, более приспособленная к охоте на дикого зверя⁵³.

Небольшая, но очень интересная статья была посвящена Д.Н. Анучиным находке черепа овцебыка, происходящей с берегов Лены. Собрав все материалы о подобных находках, Дмитрий Николаевич обратил внимание и на имеющееся резное изображение головы овцебыка, сделанное древним художником. В заключение своего исследования он с долей юмора отметил, что овцебык не только служил охотничьей добычей для племён Европы, но и «доставлял лишний повод к развитию их первобытных артистических наклонностей»⁵⁴.

На Археологическом съезде в Одессе (1884 г.) исследователь выступил с докладом «К древнейшей истории домашних животных в России»⁵⁵. Он справедливо подчеркнул, что изучение остеологических материалов позволяет не только изучать

⁴⁷ *Он же.* Антропоморфные обезьяны и низшие типы человечества // *Природа*. 1875. Кн. 4. С. 116.

⁴⁸ *Известия ОЛЕАЭ*. Т. ХС. М., 1897. С. 498.

⁴⁹ *Анучин Д.Н.* Происхождение человека и его ископаемые предки. С. 741.

⁵⁰ Антропологическая выставка 1879 г. Т. 3. Ч. 1. С. 35–52.

⁵¹ *Анучин Д.Н.* О породах собак каменного периода на побережье Ладожского озера // *Труды V AC в Тифлисе* 1881. М., 1887. С. LXIV–LXV.

⁵² *Он же.* Собака (*Canis familiaris*), волк (*C. lupus*) и лисица (*C. vulpes*) // *Иностранцев А.А.* Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882. С. 55–82.

⁵³ Там же. С. 69.

⁵⁴ *Анучин Д.Н.* Ископаемый овцебык // *Труды Зоологического отделения ОЛЕАЭ*. 1890. Т. VI. Вып. 3. С. 49.

⁵⁵ *Он же.* К древнейшей истории домашних животных в России // *Труды VI AC в Одессе* (1884 г.). Т. I. Одесса, 1886. С. 1–34.

породы древних животных, но и позволяет судить «об обстановке, быте, отчасти даже распространении древних племён или, по крайней мере, их культуры»⁵⁶. Указывая на определённые успехи в этой области знания западных учёных, Дмитрий Николаевич отметил довольно парадоксальное положение в отечественной науке — «Как ни скудны наши сведения относительно древнейших собак в России, но по отношению к другим домашним животным мы не имеем и таких»⁵⁷. Относительно диких лошадей он признал, что в палеолите она была предметом охоты. Очень сложным представлялся ему вопрос о тарпанах, известных в России с XVIII в. Дмитрий Николаевич считал, что мы не можем с уверенностью судить о том, являлись ли они потомками той (палеолитической) дикой лошади или же происходили от одичалых лошадей. Даже к вопросу о лошади Пржевальского Д.Н. Анучин относился весьма осторожно, считая исследование И.С. Полякова, посвящённое этой породе⁵⁸, не исчерпывающим вопросом⁵⁹.

Вопрос о диких лошадях очень интересовал Дмитрия Николаевича, он посвятил этой теме специальную работу, вышедшую из печати в двух частях⁶⁰. В первой из них он, в частности, отмечал, что жеребцы всегда стремятся увеличить свой гарем, не брезгая при этом и домашними кобылицами. В России дикие виды лошадей отсутствуют, поскольку здесь попросту нет местности, где бы водились только они и не встречались бы лошади домашние. Даже лошади восточных степей лучшими наблюдателями признавались, в известной степени, за одичалых⁶¹.

В 1916 г. увидела свет статья А. Браунера, посвящённая находкам останков лошадей, погребённых в скифских Тираспольских курганах⁶². Работа, безусловно, новаторская и заслуживающая научного внимания. Автор пришёл к заключению, что найденные в курганах лошади относятся к восточному типу, близкому киргизским. В том же году была опубликована работа Д.Н. Анучина «Естественно-историческое изучение домашних животных России»⁶³, в которой он признал достоинства публикации Д. Браунера, но и указал на некоторые её недостатки. К примеру, Дмитрий Николаевич отметил, что на знаменитой чертомлыцкой амфоре представлены два типа лошадей: один крупнее и виднее, а другой мельче, ближе к киргизским⁶⁴. В названной статье Д.Н. Анучин ещё раз подчеркнул, что

⁵⁶ Там же. С. 1.

⁵⁷ Там же. С. 20.

⁵⁸ Поляков И.С. Лошадь Пржевальского, зоологический очерк // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1881. Т. XVII. С. 1–20.

⁵⁹ Анучин Д.Н. К древнейшей истории домашних животных. С. 27.

⁶⁰ Он же. 1) К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России (по поводу статьи Ф.П. Кепена «К истории тарпана в России») // ЖМНП. 1896. Май. С. 223–269; 2) К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России (по поводу статьи Ф.П. Кепена «К истории тарпана в России») // ЖМНП. 1896. Июль. С. 67–95.

⁶¹ Он же. К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России (по поводу статьи Ф.П. Кепена «К истории тарпана в России») // ЖМНП. 1896. Май. С. 268–269.

⁶² Браунер А. Материалы к познанию домашних животных России. I. Лошади курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губ. // Записки Императорского Общества сельского хозяйства Южной России. 1916. Т. 86. Кн. 1. С. 49–184.

⁶³ Анучин Д.Н. Естественно-историческое изучение домашних животных России // РАЖ. 1916. № 1–2. С. 97–105.

⁶⁴ Там же. С. 105.

одомашненные животные всегда сопровождали человеческие сообщества вне зависимости от того, были ли они бродячими звероловами, кочевниками или оседлыми земледельцами⁶⁵. При этом исследователь с огорчением отметил, что научные исследования о породах животных, распространённых на территории России, в основном принадлежат иностранным учёным. Тем не менее, вклад самого Д.Н. Анучина в этой области знания получил высокую оценку. А. Браунер, немало сделавший для изучения древних животных, назвал его труды прекрасными⁶⁶.

Конечно Д.Н. Анучина, прежде всего, интересовала археология доисторическая, в особенности археология каменного века, но его привлекали и древности других эпох. Рассуждая о важности определения расового типа изучаемого человеческого сообщества, он писал, что это позволит «разъяснить до известной степени генезис этого типа или, точнее, его связь с другими расовыми типами»⁶⁷. Естественно, его очень занимала проблема происхождения славян. По этому поводу он заметил, что «анализ типов древнего населения (на основании остатков из могил и т. д.) должен выяснять отношение их к современным и между собой на всём пространстве древне-славянской и соседних с ней территорий»⁶⁸. Расселение русских на огромных пространствах Евразии закономерно вело к контактам с финскими, тюркскими и др. народами. Эти контакты выразились не просто в смешении, а в формировании новых антропологических типов. Свою мысль Д.Н. Анучин подытожил следующими словами: «На пространстве между арийскими племенами, славянами, немцами на западе и урало-алтайцами на востоке образовался громадный народ, представляющий собою как бы переходную ступень между теми и другими, но с очевидным преобладанием западных элементов». Весьма злободневное значение, если так можно выразиться, имеет статья Д.Н. Анучина, посвящённая антропологии украинцев, точнее, полемике с Ф.В. Волковым по этому вопросу. Тот, как известно, выделил антропологический тип украинцев и признал его типично славянским, сохранившим древние черты (в отличие от русских, белорусов и поляков)⁶⁹.

Порой Д.Н. Анучин выступал с резкой критикой археологических исследований российских учёных. Так, к примеру, он весьма критично охарактеризовал доклад Д.Я. Самоквасова о происхождении славян, с которым тот выступил на VI Археологическом съезде в Одессе. Маститый археолог считал славян прямыми потомками скифов, не придавая никакого значения тому факту, что те говорили на иранском языке. Более того, Д.Я. Самоквасов производил славян от гетто-даков, признавая занимаемую ими территорию западной половиной древней Скифии. На сведения письменной традиции, противопоставляющей фракийский мир скифам, он не обратил никакого внимания. Под давлением римлян славяне вынуждены были покинуть свою придунайскую прародину и переселиться на берега Одера,

⁶⁵ Там же. С. 97.

⁶⁶ Браунер А. О необходимости естественно-исторического изучения домашних животных России // Записки Императорского Общества сельского хозяйства Южной России. 1916. Т. 86. Кн. 1. С. 47.

⁶⁷ Анучин Д.Н. О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам. Известия ОЛЕАЭ. 1880. Т. XXXVIII. Вып. 3. С. 120.

⁶⁸ Он же. Беглый взгляд на прошлое антропологии... С. 42.

⁶⁹ Анучин Д.Н. К антропологии украинцев (Ф.В. Волков. Антропологические особенности украинского народа. Статья в II т. Издания «Украинский народ». Петроград, 1916) // РАЖ. 1918. № 1–2. С. 49–60.

Вислы, Днепра и т. д., при этом они продали римлянам принадлежавшее им тяжёлое и громоздкое имущество. Последним обстоятельством объясняется факт наличия на этих новых землях большого количества кладов римских монет, а также всякого рода украшений из серебра. Д.Н. Анучин указал, что клады I–III вв. н. э. известны не только на славянских территориях, но и в Германии, Швеции и пр. По его мнению, их распространение лучше связывать с развитием торговых связей, а не с расселением древних народов. Д.Н. Анучин признал «теорию Д.Я. Самоквасова» любопытной, но спорной и нуждающейся в проверке⁷⁰. В принципе, он был абсолютно прав, но история, к сожалению, на этом не закончилась.

Д.Я. Самоквасов никак не хотел отказываться от исторической концепции, которая, как представляется, ему чрезвычайно импонировала. Во втором издании своей «Истории русского права» (1888 г.) он ещё раз изложил её основные положения и сделал небольшое примечание, что московский антрополог Д.Н. Анучин, вследствие недостатка археологических знаний, внёс в научную литературу «большие недоразумения»⁷¹. Ответом на это замечание стала большая статья Д.Н. Анучина «Кто вводит в науку большие недоразумения?», опубликованная в газете «Русские ведомости»⁷². В ней он повторил все свои аргументы, присоединив к ним новые, ещё более убедительные. Повторюсь, что критика Д.Н. Анучина концепции Д.Я. Самоквасова вполне справедлива, вот только выплеснувшись на страницы периодической печати и став известной широкой публике, она приобрела форму не научной дискуссии, а почти площадной ругани. В статье, в частности, сказано, что профессор Варшавского университета оказался несведущим в той области знания, которой всю жизнь занимался, его концепция происхождения славян — собрание «пустых фантазий», «незрелых и неверных домыслов», «скоропелых выводов» и «невежественных промахов». Понятно, что Д.Н. Анучин писал такие и подобные им слова в состоянии, которое можно связать с неумной яростью, но складывается впечатление, что он так и не раскаялся в своём чрезвычайно неприглядном поступке. Показательно, что через много лет Д.Н. Анучин не преминул напомнить об этой «полемике» в некрологе Д.Я. Самоквасова⁷³.

В других выступлениях подобного рода в печати Д.Н. Анучин был более сдержанным. К примеру, он активно включился в дискуссию по поводу доклада Д.И. Иловайского о гуннах, выступив против представления о славянских корнях этого народа. Имеющиеся материалы, по его мнению, позволяют считать, что гунны имели азиатское происхождение. Исследователь подчёркивал, что не может быть сомнения в том, что славяне входили в число подданных Атиллы, но исконный этнический элемент гуннов был совсем не славянским. Стоит отметить, что Д.И. Иловайский, развивая свою гипотезу, указывал на то, что в местах обитания гуннов, какими они зафиксированы в письменных источниках, нет погребальных памятников с монгольскими чертами. В ответ на это Д.Н. Анучин справедливо указал, что археологам не известны могилы многих других народов, проживавших

⁷⁰ Анучин Д.Н. Шестой археологический съезд в Одессе // Вестник Европы. 1884. Т. VI. С. 825–828.

⁷¹ Самоквасов Д. История русского права. Университетский курс. Т. I. Варшава, 1888. С. 244–245, прим. 3.

⁷² Анучин Д.Н. Кто вводит в науку большие недоразумения // Русские ведомости. 1888. № 276. С. 2–3.

⁷³ Анучин Д.Н. Д.Я. Самоквасов как археолог // Древности. 1914. Т. 23. Вып. 2. С. 407.

когда-то в Южной России. При этом он отмечал, что гуннскими нельзя считать погребения с деформированными черепами, несмотря на всё их своеобразие⁷⁴.

Находкам деформированных, или искусственно-деформированных, как он писал, черепов Д.Н. Анучин посвятил большую публикацию⁷⁵, которая и сейчас привлекает внимание исследователей. Автор рассмотрел приёмы деформации, связанные с наложением повязок на головы детей, и выделил типы деформации, что само по себе очень важно. Он отметил, что первые находки такого рода (черепа «макроцефалов») на территории России были сделаны под Керчью и происходили из сравнительно поздних могил. В связи с этим исследователь обратил внимание на пантикапейские катакомбы I–IV вв. н. э. Дмитрий Николаевич даже допускал, что известные на Боспоре «уродливые» терракотовые статуэтки (марионетки с подвесными ногами и фаллосами) имеют удлинённые головы, явно напоминающие «макроцефалов»⁷⁶, но эта догадка вряд ли реалистична.

Д.Н. Анучин прекрасно знал, что деформированные черепа были обнаружены при раскопках курганов в департаменте Юра (Франция), где они составляют 20–25 % всех находок. Такая же цифра названа им и в отношении могильника Самтавро в Грузии. Вполне очевидно, что обычай деформации не распространялся на всех членов сообществ, оставивших эти памятники. Более того, деформированными оказываются как мужские, так и женские черепа. Вопрос о «национальности» таких народов исследователь признавал чрезвычайно трудным. Проникновение этого обычая на запад он был склонен связывать с разновременными волнами выходцев из степей Средней Азии, которые «распространялись затем в Южную Россию, в ущелья Северного Кавказа и в Западную Европу»⁷⁷.

Проблема деформированных черепов, разумеется, представлялась Д.Н. Анучину очень важной, но он уделял внимание и другим необычным находкам такого рода. Так специальная статья была посвящена им амулету из части человеческого черепа, обнаруженному при раскопках неолитического поселения на р. Ветлуге Костромской губ.⁷⁸ Подобные талисманы, вырезанные из черепов в виде круглых привесок, были зафиксированы у различных древних народов. Д.Н. Анучин вслед за французскими исследователями связал ветлужскую находку с обычаем трепанации черепа, применявшимся в медицинских целях, чего, конечно, нельзя исключать. Надо признать, что Дмитрий Николаевич проявлял интерес и к вполне обычным антропологическим материалам. К примеру, он изучил черепа, обнаруженные при раскопках подмосковных курганов⁷⁹.

Лучшие труды Н.Д. Анучина в области археологии приходятся на 20 лет, охватывающих период с середины 80-х гг. XIX в. по начало XX столетия. Среди них

⁷⁴ Труды этнографического отдела ОЛЕАЭ. 1886. Кн. VII. С. 32–39.

⁷⁵ Анучин Д.Н. О древних искусственно-деформированных черепах, найденных в пределах России // Известия ОЛЕАЭ. 1887. Т. XLIX. Вып. 4. С. 367–413.

⁷⁶ Вопрос об «уродливых» терракотовых статуэтках неоднократно обсуждался в Московском археологическом обществе. См.: Древности. 1885. Т. X. С. 49–50, 58–59.

⁷⁷ Там же. С. 397.

⁷⁸ Анучин Д.Н. Амулет из человеческой кости и трепанация черепов в древние времена в России // Труды IX АС в Вильне 1893. М., 1895. С. 283–298.

⁷⁹ Анучин Д.Н. О черепах из курганов Дмитровского у. Московской губ. (раскопки И.К. Линдемана) // Древности. 1909. Т. 22. Вып. 1. С. 169–171.

имеются небольшие, но содержательные заметки — о раскопках курганов под городом Борзны Черниговской губернии⁸⁰, которые, как представляется, следует признать скифскими, а также курганов в Нижегородской губернии, по всей видимости, принадлежавших мордве⁸¹. Совсем другому кругу древностей посвящена его статья о каменных фигурках из Восточной Сибири, которые исследователь признал изображениями рыб и отметил их сходство с изделиями из Северной Америки. В связи с ними Дмитрий Николаевич писал, что «первобытному человеку не чуждо известное стремление к разнообразию, к изяществу, даже к художественному воспроизведению окружающих его предметов, особенно людей и животных»⁸².

Особое внимание Д.Н. Анучина, как археолога, привлекал регион Приуралья. В конце XIX в. Ф.Д. Нефёдов по поручению МАО провёл масштабные исследования могильников и городищ в Прикамье. Особое внимание Д.Н. Анучина привлекли сделанные там находки, которые, по его заключению, относятся к ананьинскому типу⁸³.

Д.Н. Анучин также довольно подробно охарактеризовал работы Ф.Д. Нефёдова в Костромской губернии, где тому удалось раскопать 542 кургана⁸⁴. Обнаруженные в них монеты позволяют считать, что в основном они были возведены в конце X–XI вв., а другие находки позволяют уяснить религиозное состояние местного населения, когда «христианские кресты употреблялись совместно с языческими символами», с всякого рода коньками, петушками, уточками, разными медальонами»⁸⁵.

Любопытна небольшая статья Д.Н. Анучина о серебряной статуэтке слона, обнаруженной на северном Урале⁸⁶. По присланному ему фотоснимку исследователь определил, что она изображает не дикое, а приручённое животное. В остальном статуэтка во многом осталась загадочной: «Где именно она была сделана и откуда попала в Приуралье, решить едва ли возможно, но всё заставляет полагать, что она была занесена сюда с юга, из Персии или Бактрии, и, по всей вероятности, ещё в ту эпоху, когда сношения с этими странами и доставление оттуда серебряных художественных изделий было более обычно»⁸⁷. Позднее исследователь обращал внимание на важность археологического изучения Восточного Туркестана⁸⁸.

⁸⁰ Он же. О некоторых бронзовых украшениях, найденных проф. В.Б. Антоновичем в курганах близ г. Борзны Черниговской губернии // Древности. 1885. Т. X. Протоколы. С. 32–34.

⁸¹ Он же. О раскопках курганов близ деревни Малое Терюшево Нижегородской губ. и уезда крестьянином П.Д. Дружкиным // Древности. Т. X. Протоколы. С. 34–40.

⁸² Анучин Д.Н. О некоторых своеобразных древних каменных изделиях из Сибири // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. I. Одесса, 1886. С. 35.

⁸³ Анучин Д.Н. Следы бронзового века в Прикамье по раскопкам Ф.Д. Нефёдова // Археологические известия и заметки. 1895. № 6. С. 196.

⁸⁴ Он же. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // Материалы по археологии восточных губерний. 1899. Т. III. С. 237–259.

⁸⁵ Там же. С. 259.

⁸⁶ Анучин Д.Н. Древний серебряный остяцкий идол, изображающий слона // Археологические известия и заметки. 1893. № 3–4. С. 93–101.

⁸⁷ Там же. С. 101.

⁸⁸ Анучин Д.Н. Археологические экспедиции в Восточном Туркестане // Землеведение. 1907. Кн. 3–4. С. 253–267.

О безусловной и удивительной широте научных интересов Д.Н. Анучина свидетельствует его публикация русских мечей из собрания Исторического музея⁸⁹. Автор правильно отметил, что они не имеют ничего общего со скифскими акинаками, хотя этот термин (акинак) он и не использовал. Хороший меч — оружие богатых и знатных воинов. Прямые русские мечи имеют родство с западными (норманнскими), а кривые (сабли) — с восточными. На Руси вторые постепенно получили преобладание, так что прямые мечи были ими вытеснены⁹⁰. Известный научный интерес привлекает полемика Д.Н. Анучина с Н.П. Кондаковым по поводу происхождения «Мономаховой шапки». Никодим Павлович, как известно, считал, что она была изготовлена в Византии в XII в., при этом он прежде всего основывался на великолепной технике сканных золотых узоров, украшающих этот символ власти русских царей. Д.Н. Анучин указал на ненадёжность всех этих доказательств, отметив, что техника скани на шапке близка кавказским и персидским изделиям XIV в. По этой причине Дмитрий Николаевич считал допустимым предположение о восточном и более позднем происхождении «Мономаховой шапки»⁹¹.

Для шикарного издания «Москва в её прошлом и настоящем», посвящённого памяти И.Е. Забелина, Д.Н. Анучин подготовил статью о доисторическом прошлом нашей столицы⁹². Он и здесь не преминул рассказать об эпохе палеолита, а также отметить, что даже неолитических стоянок в Московской губернии пока не найдено. «Более обильные следы доисторического быта» выявляются в городищах, в особенности в Дьяковском городище. Во всех уездах Московской губернии встречаются курганы, в большинстве своём относящиеся к XI–XII вв., в которых не найдено ни оружия, ни монет, золотых вещей почти нет, серебряные редки. Исходя из этих наблюдений, Д.Н. Анучин сделал заключение, что «культура населения, насыпавшего эти курганы, была довольно бедная»⁹³. Возводились они, скорей всего, славянами⁹⁴. При заселении московских территорий они встретились с финскими племенами (меря), которые не оказали им противодействия. «Земли было много, лесу — обилие; большее заселение страны могло только приветствоваться, как лишний шанс защиты от нападений врагов и развития промыслов и торговли»⁹⁵.

Подлинный энциклопедизм знаний Д.Н. Анучина продемонстрирован в его крупной статье о доисторическом населении Египта⁹⁶. Вполне понятно, что археологи долгое время были полностью поглощены изучением знаменитой древней цивилизации, а на остатки каменного века стали обращать внимание только около

⁸⁹ Анучин Д.Н. О некоторых формах древних русских мечей // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. I. Одесса, 1886. С. 235–252.

⁹⁰ Там же. С. 250.

⁹¹ Анучин Д.Н. Археологическое значение «Мономаховой шапки» по мнению Н.П. Кондакова // Археологические известия и заметки. 1897. № 5–6. С. 165.

⁹² Он же. Доисторическое прошлое Москвы // Москва в её прошлом и настоящем. Вып. 1. М., 1909. С. 26–53.

⁹³ Там же. С. 40.

⁹⁴ Там же. С. 42.

⁹⁵ Там же. С. 51.

⁹⁶ Анучин Д.Н. Каменный век и доисторическое население Египта по новейшим исследованиям // Археологические известия и заметки. 1898. № 3–4. С. 89–131.

середины XIX в. Что касается раскопок таких памятников, то они начались лишь к концу столетия. На основе изучения сделанных к тому времени находок Д.Н. Анучин обрисовал развитие культуры неолита на берегах Нила. Эта картина в наши дни представляется в немалой степени спорной и устаревшей, но не в этом дело. Главное заключается в том, что такая работа появилась. Свои рассуждения Дмитрий Николаевич завершил следующими словами: «Французы и англичане соревнуются между собой в изысканиях на почве Египта, но в них принимают также участие итальянцы и немцы. Нельзя не пожелать, чтобы этот интерес к древностям Египта и вообще Востока привился в большей степени и к русскому обществу, чтобы и у нас нашлись люди и средства к благородному соревнованию с западной Европой в деле самостоятельных изысканий на почве древнейших восточных цивилизаций, где были заложены первые основы позднейшей греческой и вообще европейской культуры»⁹⁷. С сожалением можно признать, что и сейчас соревнование с западными археологами в деле изучения древних цивилизаций Востока наши учёные по большому счёту проигрывают.

Другой работой подобного рода стала рецензия Д.Н. Анучина на монографию В.И. Модестова «Введение в римскую историю»⁹⁸. Автор этого солидного труда поставил своей целью проследить развитие древней истории с момента появления человека в долине Тибра до основания Вечного города, и, в общем, ему удалось создать научное сочинение очень высокого класса. Надо признать, что рецензия Д.Н. Анучина составлена достаточно критично, он частично высказывает своё несогласие с пониманием автора тех или иных моментов развития древних культур в Средиземноморье. Тем не менее, Дмитрий Николаевич не выразил никаких сомнений в огромной пользе для науки труда В.И. Модестова. По мнению рецензента, тот с необыкновенной любовью и горячностью одолел «всю относящуюся до предмета специальную литературу, изучил соответствующие древности в музеях, старался составить собственное мнение по всем связанным с задачей вопросам, и в результате его многочисленных трудов явилось сочинение, не имеющее себе равного ни в одной европейской литературе»⁹⁹.

Признавая научное значение всех перечисленных публикаций, хочется подчеркнуть, что подлинными шедеврами научного наследия Д.Н. Анучина, на мой взгляд, являются три его крупные работы. Первая посвящена бронзовым изображениям летящих птиц из Приуралья, имеющим очевидную связь с религиозными верованиями¹⁰⁰. Сейчас все эти любопытнейшие фигурки обобщённо относят к пермскому звериному стилю. У некоторых из бронзовых птиц на груди имеются изображения человеческих лиц; у других на головах представлены уши, что «заставляет предполагать изображение птиц–зверей»¹⁰¹. Очень своеобразны драконовидные

⁹⁷ Там же. С. 131.

⁹⁸ Анучин Д.Н. Труд профессора В.И. Модестова «Введение в римскую историю. Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в до-римскую эпоху в Италии и начало Рима» // Древности. 1909. Т. 22. Вып. 2. С. 1–28.

⁹⁹ Там же. С. 26.

¹⁰⁰ Анучин Д.Н. К истории искусства и верований у приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ // Материалы по археологии восточных губерний. 1899. Т. III. С. 87–160.

¹⁰¹ Там же. С. 97.

и змеиные существа. Все эти удивительные предметы, как правильно считал исследователь, связаны с мифическими представлениями местного населения. Для объяснения смысла этих изображений Д.Н. Анучин привлёк большое количество изображений из Древнего Египта, Индии, Древней Греции, использовал этнографические материалы из Сибири, Австралии, Мексики, Северной Америки и т. д. Его мнение о том, что птицы, особенно хищные, «признавались у многих народов за существа божественные или по крайней мере такие, образы которых представлялись наиболее пригодными для олицетворения божеств, их атрибутов и для символизации их сношений с миром духов и теней в далёких небесных или загробных пространствах», бесспорно¹⁰².

Вторая публикация такого рода — «О древнем луке и стрелах»¹⁰³. Автор считал её археологическим этюдом, представляющим «попытку более подробного изучения одного из бывших наиболее распространёнными видов вооружения, вариации которого в их распространении по областям могут иногда характеризовать различные группы народов или различные культурные влияния, сменявшиеся в течение последовательных эпох»¹⁰⁴. В своём исследовании Д.Н. Анучин использовал широкий круг свидетельств древних и средневековых письменных источников, археологические и этнографические материалы. Он охарактеризовал все виды луков — простых и сложных. Естественно, автор подробно описал устройство тетивы, способы её натягивания и пускания стрел. Не меньшее внимание уделено типам наконечников стрел, креплению оперения к древку и т. д. Д.Н. Анучин признавал при этом, что только накопление нового материала может способствовать приближению к истине¹⁰⁵, но его публикация и сейчас вызывает большой интерес у всех исследователей, занимающихся историей оружия.

Третья статья, которую хотелось бы выделить особо, — «Сани, ладья и кони как принадлежности погребального обряда»¹⁰⁶. По ширине охвата материала, тщательности его анализа, логичности выводов она до сих пор не потеряла своего значения. Великолепное знание письменной традиции (от русских летописей до сообщений Ибн Фадлана, Марко Поло и др.), этнографических и археологических материалов позволили Д.Н. Анучину нарисовать впечатляющую картину использования саней и ладей в погребальных обрядах различных народов, в верованиях которых они рассматривались как транспортное средство для достижения царства мёртвых. Значение коня в этой сфере является особым сюжетом для исследования. Он не только сопровождает усопшего на пути в «мир иной», но и является символом его высокого социального статуса.

Д.Н. Анучин придавал значение методике создания археологических карт. В апреле 1875 г., т. е. ещё до его поездки во Францию, прошло заседание совместной

¹⁰² Там же. С. 128.

¹⁰³ Анучин Д.Н. О древнем луке и стрелах // Труды V Археологического съезда в Тифлисе 1881. М., 1887. С. 337–411.

¹⁰⁴ Там же. С. 337.

¹⁰⁵ Там же. С. 411.

¹⁰⁶ Анучин Д.Н. Сани, ладья и кони, как принадлежности похоронного обряда // Древности. Труды МАО. 1890. Т. XIV. С. 81–226.

комиссии ОЛЕАЭ и Московского археологического общества, посвящённое обсуждению брошюры Э. Шантра (1874 г.)¹⁰⁷. Этот исследователь предлагал создать систему однообразных и удобопонятных знаков для обозначения археологических памятников. По картам, созданным таким образом, можно было проследить постепенное развитие археологических культур, их распространения, очертить границы расселения древних народов и т. д. В отношении памятников различных эпох Э. Шантр предлагал использовать различные цвета: красный — палеолит, синий — неолит, зелёный — бронзовый век, жёлтый — железный век. Полностью соглашаясь с французским исследователем, Д.Н. Анучин обратил внимание, что имеются памятники переходных эпох, предлагая обозначать их двумя цветами. Он также правильно указывал, что курганы содержат не одно (основное) погребение, но и, как правило, несколько впускных. Здесь тоже можно использовать несколько цветов. Если же археологи сильно расходятся в датировке памятника, то можно оставить один цвет, но поставить рядом со значком знак вопроса. Специальные значки, по мнению Дмитрия Николаевича, стоит выработать для обозначения различных типов погребений: каменные обкладки оснований курганов, кремации и ингумации, тип погребальной камеры и т. д. При такой детализации и учитывая русскую специфику, было желательно выработать серию значков, отличных от принятых в Западной Европе. Наконец, Д.Н. Анучин подчёркивал, что необходимо принять более действенные меры для сохранения археологических памятников нашей страны.

На V Археологическом съезде в Тифлисе (1881) была признана несомненная польза создания археологических карт. Чтобы перейти к делу, на съезде создали комитет в составе В.Б. Антоновича, Д.Н. Анучина и В.Г. Тизенгаузена, которому предлагалось выработать проект такой карты. Предполагалось, что он будет представлен в МАО, разослан в другие археологические общества и, наконец, после серьёзного обсуждения вынесен на рассмотрение VI Археологического съезда. В реальности над проектом карты трудились только Д.Н. Анучин и В.Г. Тизенгаузен. В принципе, предложенные этими исследователями условные знаки лишь развивают ту систему, о которой говорилось выше¹⁰⁸. Можно только сожалеть, что все эти благие пожелания так и не были реализованы.

Важнейшая заслуга Д.Н. Анучина перед отечественной наукой связана с его работой в Императорском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, президентом которого он стал в декабре 1890 г. Отмечая полувековой юбилей Общества, Дмитрий Николаевич кратко охарактеризовал его значение: «Своей 50-летней деятельностью Общество достаточно доказало, что основание его было нужным, что оно вызывалось потребностями времени, что без нашего Общества не могли бы возникнуть ни многие музеи Москвы и Московского университета, ни состояться многие экспедиции, научные издания, специальные журналы, образовательные курсы, научно-популярные рефераты, не нашли бы себе

¹⁰⁷ Он же. Отзыв о брошюре г. Шантра, озаглавленной “Projet d’une legende internationale pour les cartes archéologiques préhistoriques”. L., 1874 // Труды Антропологического отдела ОЛЕАЭ. 1876. Кн. 2. Вып. 1. С. 71–78.

¹⁰⁸ Анучин Д.Н. К вопросу о составлении легенды для археологической карты России (по доисторической археологии) // Древности. 1885. Т. X. с. 105–112.

приюта и поддержки многие специальные научные московские кружки»¹⁰⁹. Конечно, в рамках обозначенной деятельности так или иначе затрагивались вопросы, связанные с археологией, но лишь как дополнение к основным исследованиям, — археология даже не была включена в название ОЛЕАЭ.

Организаторская деятельность Д.Н. Анучина в области археологии, конечно, выглядит скромней, чем его работа на поприще антропологии или географии. Тем не менее, он был членом Московского археологического общества, стал товарищем его секретаря¹¹⁰. Более того, Дмитрий Николаевич стал редактором периодических изданий МАО — «Древностей» и «Археологических известий и заметок». В последнем из них он даже обратился к авторам и читателям с разъяснением правил оформления рукописей и пр.¹¹¹ Понимая важность развития музеев в стране, Д.Н. Анучин в мае 1887 г. выступил на заседании МАО с докладом о древностях Минусинского музея, который своим основанием был обязан Н.М. Мартьянову. Он предложил признать заслуги перед археологической наукой этого исследователя, а также других сотрудников музея и оказать им, если можно, денежную поддержку¹¹².

Выше было сказано, что в начале своей деятельности в сфере археологии Д.Н. Анучин выступил как редактор и комментатор книги Дж. Леббока «Доисторические времена». С годами он не потерял интереса к деятельности подобного рода, понимая пользу от переводов трудов крупнейших западных учёных. Так им был отредактирован и прокомментирован перевод монографии чешского исследователя Л. Нидерле «Человечество в доисторические времена»¹¹³. Дмитрий Николаевич отметил при этом, что не стремился изменить взгляды автора, хотя и был иногда не совсем с ним согласен¹¹⁴.

Д.Н. Анучин принимал активное участие в организации Археологических съездов в России, выступал на них с весьма содержательными докладами. Он отмечал при этом, что на Западе, где существует полная свобода слова и имеется изобилие учёных сил, подобные научные форумы представляют почти заурядное явление. У нас же большинство поборников науки не принадлежат к состоятельному классу. Ситуацию в России Дмитрий Николаевич охарактеризовал следующими словами: «малое число специалистов, их разрозненность, обособленность, а нередко и взаимное нерасположение, — равнодушие и даже недоверие кругом»¹¹⁵. Преодолеть эту «разрозненность и обособленность», стимулировать «умственное движение» в более образованных классах, подтолкнуть вперёд развитие российской

¹⁰⁹ *Он же*. Полвека жизни Общества // Пятидесятилетие Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1863–1913. М., 1914. С. 23.

¹¹⁰ *Он же*. Отчёт о состоянии и деятельности Императорского Московского Археологического Общества с 1 марта 1884 года по 30 апреля 1886 года // Древности. 1886. Т. XI. Вып. 1. С. 20–27.

¹¹¹ *Анучин Д., Кирпичников А.* От редакции «Археологических известий и заметок» // Археологические известия и заметки. 1898. № 1. С. 1–6.

¹¹² *Древности*. 1888. Т. XII. Протоколы. С. 136–137.

¹¹³ *Нидерле Л.* Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и, в частности, славянских земель. СПб., 1898.

¹¹⁴ *Анучин Д.Н.* От редактора перевода // Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и, в частности, славянских земель. СПб., 1898. С. VI–VII.

¹¹⁵ *Анучин Д.Н.* Шестой Археологический съезд. С. 812.

науки как раз и были призваны Археологические съезды. «Немалая заслуга съездов, — как считал Д.Н. Анучин, — заключается также в распространении археологических сведений в местном обществе и в возбуждении в нём интереса к местным древностям»¹¹⁶. Оценивая опыт проведения таких мероприятий в России, исследователь отметил одну деталь, которая на первый взгляд может показаться несущественной: «к сожалению, у нас на съездах не принято говорить “вступительные речи”, в которых бы делались обзоры новейшего состояния и успехов развития отраслей науки. А, между тем, именно у нас такие обзоры были бы действительно к стати в виду малого распространения научных сведений среди нашего образованного общества»¹¹⁷. Конечно, и в этом его суждении имеется рациональное зерно.

Выше уже так или иначе было сказано, что Д.Н. Анучин отдал дань истории археологической науки. В дополнение к этому следует отметить, что он посвятил весьма содержательный очерк заслугам И.Е. Забелина в изучении скифских и боспорских курганов¹¹⁸. Возможно, ещё больший интерес имеют его сочинения о своём учителе в области зоологии С.А. Усове, который одним из первых в отечественной науке пытался внести в археологию элементы естествознания¹¹⁹. С большим уважением составлены публикации, посвящённые графу С.А. Уварову, с которым Д.Н. Анучина связывали годы совместной работы в МАО¹²⁰. Весьма похвальной была его рецензия на книгу графа о каменном веке России, хотя в ней имелись и отдельные критические суждения. В частности, рецензент абсолютно верно писал: «Существуют данные, которые показывают, что в некоторых странах каменный век сменился по-видимому непосредственно железным, хотя, с другой стороны — нельзя отрицать, что в других странах железо ещё долго не входило в употребление, в то время как бронза была уже хорошо известна»¹²¹. Со словами высочайших похвал Д.Н. Анучин обратился к графине П.С. Уваровой по случаю 30-летия её служения на посту председателя МАО¹²². Вместе с тем, он не мог не отметить, что «графине приходилось и бороться, отстаивать то, что она считала необходимым или справедливым, а ведь всякая борьба предполагает и противников, с которыми борются. Преследуя задачу сохранения древних памятников,

¹¹⁶ (Анучин Д.Н.) Исторический очерк деятельности русских Археологических съездов в связи с деятельностью Московского Археологического Общества // Историческая записка о деятельности Московского Археологического Общества за первые 25 лет существования. М., 1890. С. 112.

¹¹⁷ (Анучин Д.Н.) Учёные съезды нынешней осени за границей и в России // Русская мысль. 1884. Кн. XI. С. 59.

¹¹⁸ Анучин Д.Н. 1) И.Е. Забелин как археолог в первую половину его научной деятельности // Древности. 1909. Т. 22. Вып. 2. С. 29–70; 2) О людях русской науки и культуры (статьи, некрологи и заметки). М., 1952. С. 189–212.

¹¹⁹ Анучин Д.Н. 1) Сергей Алексеевич Усов как член Московского Археологического Общества и как археолог-натуралист // Древности. 1887. Т. XI. Вып. 3. С. XVIII–XXIX; 2) О людях русской науки и культуры. С. 213–230.

¹²⁰ Он же. Памяти графа А.С. Уварова // Древности. 1911. Т. 23. Вып. 1. С. 12–14.

¹²¹ Он же. Рец. на книгу: Уваров А.С. Археология России. I. Каменный период. М., 1881 // ЖМНП. 1882. Февраль. С. 367.

¹²² Он же. Графиня П.С. Уварова в её служении науке о древностях на посту председателя Императорского Московского Археологического Общества // Сборник статей в честь графини Праксовьи Сергеевны Уваровой. М., 1916. С. IX–XXIV.

отстаивая права Моск. археологического общества, стремясь держать высоко авторитет археологических съездов, графине случалось вступать в пререкания как с различными ведомствами и учреждениями, так и с общественными организациями и отдельными лицами»¹²³. Характер П.С. Уваровой действительно никак нельзя назвать ангельским.

Стоит отметить небольшую заметку, составленную Д.Н. Анучиным по случаю ухода из жизни российских археологов Н.Е. Бранденбурга и А.И. Маркевича, а также знаменитого исследователя римской истории Теодора Момзена¹²⁴. О каждом Дмитрий Николаевич сказал полагающиеся в такой ситуации добрые слова. Вот только Т. Момзена он к тому же упрекнул в невнимании к открытиям в области доисторической археологии Италии.

С большой похвалой Д.Н. Анучин отозвался о трудах английского исследователя культуры первобытного общества Э.Б. Тайлора¹²⁵, которого называют «отцом британской антропологии». А вот о заслугах Г. де Мортилье, одного из основателей современной научной археологии, Дмитрий Николаевич высказался довольно прохладно: «Мортилье отличается вообще смелостью в своих выводах, придавая иногда преувеличенное значение одним фактам и отрицая или игнорируя другие. Но его стремление к анализу, к установлению аналогических типов, к выделению последовательных эпох и наслоений в применении, главным образом, к доисторическим временам Франции представляет, во всяком случае, некоторый интерес, тем более, что его подразделения принимаются и многими другими французскими археологами»¹²⁶. Своё мнение о классификации Г. Мортилье Д.А. Анучин лишь немного смягчил в некрологе, посвящённом французскому учёному: «Классификация эта, правда, приложима только ко Франции, да и там не пользуется всеобщим признанием, тем не менее, она составила важный шаг в науке, установив известную последовательность в развитии доисторической техники и искусства»¹²⁷. Можно добавить, что к археологическим классификациям Д.Н. Анучин вообще относился довольно сдержанно. К примеру, он писал: «Не подлежит сомнению, что почти все предложенные западными археологами классификации каменного века имеют значение преимущественно местное и весьма вероятно, что с дальнейшими открытиями и находками они должны будут видоизмениться. Тем не менее, нельзя отрицать, что они могут быть временно полезны, и что только при помощи их является возможным несколько разобраться в ряду отдельных отложений и в массе различных форм орудий»¹²⁸.

Октябрьскую революцию 1917 г. Д.Н. Анучин встретил в возрасте 74 лет. Вряд ли он напоминал профессора Полежаева из старого советского кинофильма «Депутат Балтики», всем сердцем принявшего происшедшие в стране перемены. М.И. Урысон в 1990 г. уверенно заявил: «Едва ли он испытывал особый энтузиазм в связи с этим

¹²³ Там же. С. XXIV.

¹²⁴ Анучин Д.Н. Памяти Н.Е. Бранденбурга, А.И. Маркевича и Т. Момзена // Древности. 1906. Т. XXI. Протоколы. С. 49–50.

¹²⁵ Он ж. Э.Б. Тайлор // РАЖ. 1916. № 3–4. С. 1–16.

¹²⁶ Д.А. Новейшая классификация до-исторических эпох Г. де-Мортилье // Археологические известия и заметки. 1898. № 1. С. 23.

¹²⁷ Д.А. Г. де-Мортилье // Археологические известия и заметки. 1898. № 9–10. С. 337.

¹²⁸ Анучин Д.Н. Рец. на книгу: Уваров А.С. Археология России. I. Каменный период. С. 375.

драматическим событием»¹²⁹. Тем не менее, и образ профессора Преображенского из «Собачьего сердца» тоже вряд ли в полной мере соответствует Д.Н. Анучину. Другие исследователи придерживаются более сдержанной точки зрения по этому вопросу. В.В. Богданов, к примеру, считал, что заслуженный исследователь включился в новое строительство со всей присущей ему энергией¹³⁰. И.Н. Бороздин, хорошо знавший Дмитрия Николаевича, в своих мемуарах отметил: «Лучший представитель старой интеллигенции Д.Н. Анучин ни на минуту не прекращал своей научной и культурно-общественной деятельности. Даже наоборот, он усилил и расширил её»¹³¹. Приходится признать, что Дмитрий Николаевич в известном смысле вписался в новую действительность, чтобы не прерывать свои научные изыскания. В своей статье 1922 г. исследователь указывал не только на теоретическое значение антропологии как науки о происхождении человека, эволюции его типов и культуры, но и на её практическое значение в системе медицины, гигиены, педагогики и т. д. Совсем уж в духе времени он указывал на необходимость обстоятельного изучения производительных сил общества¹³².

В высшей степени показательны две его научно-популярные книжечки, вышедшие в это время. Обе написаны прекрасным языком, содержат множество любопытных фактов и даже сейчас, по прошествии 100 лет, читаются с интересом. Первая из них посвящена происхождению человека. В ней исследователь подытожил свои размышления по этой сложнейшей проблеме, неоднократно подчёркивая, что человек не произошёл от человекообразной обезьяны, как это утверждала советская вульгарно-материалистическая пропаганда. Д.Н. Анучин, в частности, писал, что «оба типа обособились из древних форм, менее специализированных, путём эволюции их частью в направлении к человеку, частью в направлении к человекоподобным приматам»¹³³.

Во второй брошюре Д.Н. Анучин объяснил читателям, каким образом человек мог открыть огонь и какими способами мог его добывать (трение, сверление и т. д.). Это открытие, по словам автора, «дало человеку высокое преимущество, позволило ему преодолеть тьму, избавило его от постоянного страха перед мраком, способствовало развитию социальной жизни (вокруг костра собирались и вели долгие беседы), открыло способ бороться с холодом, согреть себя, улучшило питание...»¹³⁴.

Весьма показателен для этого времени доклад, с которым Д.Н. Анучин выступил на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве (декабрь 1921 г.)¹³⁵. Он обратился к краеведам с призывом активней включиться в дело изучения древностей — курганов, городищ, кладов и т. д., обратил внимание на важность составления археологических карт, на которые следовало

¹²⁹ Урысон М.И. Патриарх российской антропологии. С. 161.

¹³⁰ Богданов В.В. Д.Н. Анучин. Антрополог и географ. С. 55.

¹³¹ Бороздин И.Н. Из воспоминаний о Д.Н. Анучине. С. 114–115.

¹³² Анучин Д.Н. О некоторых прикладных задачах антропологии // Русский антропологический журнал. 1922. Т. 12. Кн. 2. С. 172–173.

¹³³ Он же. Происхождение человека. М., 1922. С. 108.

¹³⁴ Он же. Открытие огня и способы его добывания. М., 1922. С. 24.

¹³⁵ Он же. Культура доисторического человека по отдельным районам России и её изучение // Вопросы краеведения. (Нижний Новгород), 1923. С. 93–100.

наносить места всех сделанных в крае находок, используя при этом специальные знаки и различные цвета. Выполняя эти задачи, общества краеведов «могут принести большую пользу делу русской археологии»¹³⁶.

Будучи сторонником концепции об азиатском происхождении человека, Д.Н. Анучин уделял внимание и африканским материалам. В частности, его впечатлила находка черепа, который посчитали неандертальским, на юге Африки (бывшая Северная Родезия). Эта находка позволила Дмитрию Николаевичу высказать предположение, что некоторые древние формы человека, в том числе и неандертальцы, распространились до южной части этого континента, где, вероятно, до сих пор проживают их отдалённые потомки — современные бушмены¹³⁷. Последнее заключение выглядит довольно странно, в особенности если учесть, что ранее исследователь признавал, что неандертальцы вымерли ещё в палеолитическую эпоху¹³⁸. Справедливости ради стоит отметить, что подобными взглядами грешили и другие видные учёные. Г. де-Мортилье, к примеру, считал, что нынешние эскимосы представляют прямых потомков европейских палеолитических дикарей, отступивших к северу с наступлением более тёплого климата¹³⁹.

Можно считать, однако, что не Африка, а именно Азия привлекала тогда самое пристальное внимание исследователя. Он был одним из учредителей Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедов¹⁴⁰. В высшей степени любопытна его статья, опубликованная в журнале «Новый Восток» в 1922 г., в которой Д.Н. Анучин рассуждал о роли Азии в мировой истории. Её он признавал не только «учительницей», но и «прародиной» человечества. Вместе с тем, современное состояние азиатских народов исследователь ставил очень низко. По его заключению, население всей Азии, включая Передний Восток и Среднюю Азию, «перестало принимать участие в духовной работе человечества, довольствуясь только служением материальным интересам и выполнением тех формальных требований, которые налагаются господствующими религиями»¹⁴¹. Одна лишь Япония сумела выйти из состояния застоя и превратилась в великую державу. Для этого власти страны понадобилось усвоение европейских знаний и европейского опыта, а также немалая воля к проведению преобразований. Даже Китай вряд ли сумеет догнать Японию, «по крайней мере, в ближайшие десятилетия»¹⁴². Мощное культурное движение, способное преобразовать азиатские народы в цивилизованные нации, возможно только под европейским влиянием. «Европа (и Америка) выступают в Азии не только как политическая и военная сила, но и как сила умственная, влияющая своим теоретическим и прикладным знанием, своим духовным творчеством, широтой и глубиной своей мысли»¹⁴³. Россия, которая в значительной степени является государством азиатским,

¹³⁶ Там же. С. 100.

¹³⁷ *Анучин Д.Н.* 1) Ископаемый человек в Азии и Африке // *Новый Восток*. 1922. Кн. 2. С. 455; 2) Находка неандертальского черепа в Южной Африке // *РАЖ*. 1923. Т. 12. Кн. 3–4. С. 84.

¹³⁸ *Он же*. Труд профессора В.И. Модестова. С. 17.

¹³⁹ *(Он же)*. Антропология и этнография // *Русская мысль*. 1884. Кн. XII. С. 178.

¹⁴⁰ *Бороздин И.* Д.Н. Анучин и его работы по Востоку // *Новый Восток*. 1924. Кн. 5. С. 295–298.

¹⁴¹ *Анучин Д.Н.* Азия как прародина и учительница человечества, её настоящее и будущее // *Новый Восток*. 1922. Кн. 1. С. 245.

¹⁴² Там же. С. 246.

¹⁴³ Там же. С. 249.

по мнению автора, имеет полное право участия в судьбах азиатских стран, но это право налагает нравственную обязанность изучения Азии, её народов и их истории, содействия развития в ней гражданственности и просвещения.

Понятно, что такая постановка вопроса не соответствовала внешнеполитическим задачам, стоявшим перед советской страной. Не удивительно, что редакция «Нового Востока» была вынуждена заявить о несогласии с мнением «нашего знаменитого учёного». В Азии, как это подчёркивалось в редакционном примечании, начинается могучее национально-революционное и культурное движение, которое приведёт к освобождению от всех видов духовного и материального рабства, «главным виновником господства которых на Востоке является капиталистическая Европа»¹⁴⁴.

В 1924 г., т. е. уже после смерти Д.Н. Анучина, увидел свет сборник статей «Афганистан», обозначенный как первая часть, т. е. публикации такого рода предполагалось продолжить. Сам факт появления такого сборника в это время, безусловно, отражал политические устремления Советского Союза на Восток. В сборнике была опубликована статья Дмитрия Николаевича «Афганистан и афганцы»¹⁴⁵. Она в очередной раз демонстрирует энциклопедизм знаний учёного, но, с другой стороны, в силу вполне понятной краткости выглядит несколько тезисной и мозаичной. Обратив внимание на географическую замкнутость Афганистана, независимость и свободолюбие её населения, Д.Н. Анучин правильно констатировал слабую изученность страны, представляющей благодатный объект для деятельности научной экспедиции, которую, по мысли автора, всего лучше было бы организовать из России или Индии¹⁴⁶. Одной из задач такой экспедиции Д.Н. Анучин считал изучение древностей, сведения о которых были очень скудны, Пещеры, расположенные в горах, могут содержать наслоения древнейшего каменного века. Ещё более вероятно найти там памятники бронзового века. В Афганистан проникали культурные влияния как с запада (греческое), так и с востока (индийское, тюркское). В этом отношении важное значение имел поход Александра Македонского в Индию и создание Греко-бактрийского государства. Особым явлением в культурной жизни региона было распространение учения Будды. Сочетание буддийской мысли и легенды с греческим искусством привело к возникновению такого замечательного явления, как искусство Гандхары¹⁴⁷. В рядах будущих исследователей Афганистана Д.Н. Анучин мечтал видеть русских учёных. От их трудов он ожидал не только обогащения науки, но политической и экономической пользы для России, «расширения и углубления в этой стране нашего влияния»¹⁴⁸. Стоит ли сейчас рассуждать о том, что эти надежды, в общем, не сбылись?

В последние месяцы жизни Д.Н. Анучин тяжело болел, но продолжал работать по интересующим его научным темам¹⁴⁹. В 20-х числах мая 1923 г. он почувствовал

¹⁴⁴ Там же. С. 250.

¹⁴⁵ Анучин Д.Н. Афганистан и афганцы // Афганистан. Ч. I. М., 1924. С. 7–18.

¹⁴⁶ Там же. С. 9.

¹⁴⁷ Там же. С. 15–17.

¹⁴⁸ Там же. С. 17.

¹⁴⁹ Любопытно, что в то время Д.Н. Анучин очень интересовался представлениями о чёрте в народных верованиях, фольклоре, изобразительном искусстве. И.Н. Бороздин вспоминал по этому поводу: «Со своей несколько лукавой и иронической улыбкой Дмитрий Николаевич сказал мне: “Вот А.И. Кирпичников

себя особенно плохо и слёг в постель. В больнице ему предполагалось частично удалить гипертрофированную предстательную железу, но болезнь зашла так далеко, что операция не принесла ожидаемого облегчения. На третий день после операции Дмитрий Николаевич скончался в тяжких мучениях¹⁵⁰.

Переходя к заключению, естественно, следует ответить на вопрос, поставленный в начале, — какое значение имеют труды Д.Н. Анучина для современной археологической науки? На мой взгляд, огромное! Обычно в заслугу археолога, прежде всего, ставят его активную полевую деятельность — масштабные разведки и раскопки древних памятников, сделанные при этом открытия и т. д. У Дмитрия Николаевича ничего подобного не было, он проявил себя совсем в другом. В.В. Богданов не только абсолютно верно признавал, что в археологическую науку он внёс «всю строгость своего научного опыта и всю широту своего европейского образования»¹⁵¹, но и отмечал присущую ему «фундаментальную способность мышления»¹⁵². Читая и перечитывая главные публикации Д.Н. Анучина, невольно задаёшься вопросом — разве такое по силам совершить обычному, смертному человеку? Нет, не по силам, но Дмитрий Николаевич смог и такое. Он был настоящим корифеем, имя которого должно быть вписано золотыми буквами в историю отечественной археологии.

чуть не всю жизнь занимался собиранием сказаний о хождении Богородицы по мукам, да так почти ничего и не написал. Не знаю, что у меня будет с чёртом!»». См.: *Бороздин И.Н.* Из воспоминаний о Д.Н. Анучине. С. 116–117.

¹⁵⁰ Бунак В. Кончина Д.Н. Анучина // РАЖ. 1923. Т. 13. Вып. 1–2. С. 5.

¹⁵¹ Богданов В.В. Дмитрий Николаевич Анучин. С. X.

¹⁵² Богданов Вл.Вл. Д.Н. Анучин. Антрополог и географ. С. 36

Александр Николаевич Бенуа (1870–1960)

М.Ю. Вахтина, В.А. Горончаровский

Александр Николаевич Бенуа¹ к моменту создания РАИМК уже был известным живописцем, художественным критиком и историком искусства, проявившим свои способности и талант в самых разных сферах. Он родился 21 апреля (3 мая) 1870 года в Санкт-Петербурге², в семье профессора архитектуры Николая Леонтьевича Бенуа и его жены Камиллы, дочери архитектора А.К. Кавоса³. Детство его прошло в творческой семейной обстановке⁴, способствовавшей развитию самых разнообразных интересов и дарований. Позднее эту теплую атмосферу родительского дома, общение с кругом родственников Александр Николаевич подробно и с любовью описал в своих «Воспоминаниях»⁵.

В 1880 г. А.Н. Бенуа поступил в казенную гимназию Человеколюбивого общества и, проучившись там до весны 1885 г., перешел в известную частную гимназию Карла Мая⁶. О роли, которую это учебное заведение сыграло в его жизни, он писал: «Не то, чтобы эта школа поглощала всё мое время, все мои думы и чувства,

¹ В качестве заставки использован портрет А.Н. Бенуа работы Г.С. Верейского. 1924 г. (по Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М., 1980. Т. 2).

² Детство и многие годы жизни Александра Бенуа прошли в Петербурге, в доме № 15 по Никольской ул. (сейчас — ул. Глинки), недалеко от Крюкова канала.

³ По его проектам были построены Мариинский театр в Санкт-Петербурге и Большой театр в Москве.

⁴ Как отмечал М.Г. Эткинд, детские годы Александра Бенуа «протекали в кругу обширной семьи, как раз тогда преобразовывавшейся в художественную династию: большинство её членов были видными зодчими (академики архитектуры Н.Л. и Л.Н. Бенуа), живописцами (академик акварельной живописи Альберт Бенуа), скульпторами (Е.А. Лансере, А.Л. Обер)» (Эткинд М.Г. А.Н. Бенуа и русская художественная культура конца XIX — начала XX века. Л., 1989. С. 29).

⁵ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М., 1980. Т. 1. Кн. I. С. 28–192.

⁶ Частная немецкая мужская школа во главе с талантливым педагогом-практиком К.И. Маем (1820–1895) была открыта в 1856 г. Ее основным девизом было изречение основоположника современной педагогики Яна Коменского «Сперва любить — потом учить», в соответствии с которым коллектив педагогов, состоял исключительно из людей, обладавших высокими нравственными и профессиональными качествами. Созданная К.И. Маем система воспитания и образования предусматривала взаимное уважение и доверие учителей и учеников, постоянное взаимодействие с семьей, стремление педагогов развивать индивидуальные способности каждого ученика, научить их самостоятельно мыслить. Благодаря особой атмосфере «майского духа», эта школа, по меткому выражению Д.В. Философова, была «государством в государстве, отделённом бесконечным океаном от казённости». Первоначально она располагалась в д. 56 по 1 линии

но все же моё “общественное” положение означалось словами: ученик Майской гимназии, а затем, хотя я и учился с переменными успехами, однако все же здесь я получил те более или менее прочные основы, на которых затем построилась моя “образованность”. Наконец, в гимназии Мая я приобрел тех друзей, которые остались моими верными спутниками в течение значительной части жизни и с которыми мне удалось создать многое, что позволяет и их и меня причислить к “деятелям культуры”. Наконец, я сохранил о гимназии Мая — род сердечной благодарности. А это что-нибудь да значит!»⁷ Во время обучения в гимназии Александр Бенуа и его одноклассники⁸: Константин Сомов, Дмитрий Filosofov и Вальтер Нувель — создали кружок «Общество самообразования», ставший предтечей знаменитого объединения «Мир искусства»⁹. Друзья обсуждали самые разные вопросы: новые книги, статьи, спектакли, спорили о классической и современной музыке. Вместе они посещали музеи и выставки, устраивали музыкальные вечера¹⁰.

Уже осенью 1887 года, решив стать театральным декоратором, гимназист-семиклассник Бенуа поступил «вольнопriходящим» в вечерние классы Академии художеств, но уже через четыре месяца оставил занятия, казавшиеся ему скучными и бесполезными. В дальнейшем он занимался изобразительным искусством самостоятельно, изучая полотна французских художников XVIII в., и под руководством старшего брата Альберта, успешно рисовавшего в технике акварели.

После окончания гимназии А.Н. Бенуа в 1890 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, где все свободное время посвящал изучению истории искусства, посещал музеи и неустанно занимался живописью, полагая, что если работать постоянно и с увлечением, то мастерство обязательно придет в результате непрерывного труда. Первой его искусствоведческой работой, написанной еще в студенческие годы, стала глава о русском искусстве, для третьего тома «Истории живописи в XIX веке» Р. Мутера, вышедшего в 1894 г.¹¹ Этот дебют был шумным и успешным. Когда русские подписчики получили из Мюнхена третий том издания, они с понятным удивлением обнаружили в нем очерк о русской живописи, находящейся между разделами, посвященными искусству скандинавских стран и Америки. Таким образом, русская живопись рассматривалась в солидном немецком издании как равноправная национальная школа. Перевод очерка напечатали журналы «Артист» и «Русский художественный архив»¹².

Васильевского острова; в 1860 г. специально для нее было приобретено здание на участке № 13 по 10-й линии В.О. (Эл. ресурс: <http://www.kmay.ru/hist.phtml>, дата обращения 30.11.2021)

⁷ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Т. 1. Кн. I, II, 16. С. 474.

⁸ Двумя классами «ниже» учился Н.К. Рерих, с которым А.Н. Бенуа сблизился гораздо позже.

⁹ Вот как писал об этом сам А.Н. Бенуа: «Осенью 1889 г. мы, гимназисты 8-го класса, сочинили полушуточный устав для нашего общества и дали ему тоже полуироническое название “Общество самообразования”. <...> Через несколько же месяцев к нам присоединился ученик Академии художеств Левушка Розенберг (Бакст) а <...> ранним летом 1890 г., вступил в наш кружок и приехавший из Перми Сережа Дягилев. Осенью 1890 г. мы всей компанией (кроме академика Бакста) поступили на юридический факультет, все в том же составе мы проделали в университете переход к молодости» (Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Т. 1. Кн. III, 5. С. 574–575).

¹⁰ Эткин М.Г. Александр Николаевич Бенуа (1870–1960). Л. — М., 1965. С. 17.

¹¹ Benois A. Russland // Muther R. Geschichte der Malerei im XIX. V3. München, 1894. S. 324–365.

¹² Эткин М.Г. Александр Николаевич Бенуа. С. 19.

После окончания университета в 1894 г. А.Н. Бенуа женился на Анне Кинд¹³, приходившейся ему свояченицей. Впервые он полувсерьез объяснился с ней в любви еще за восемь лет до того на маскараде, куда явился в костюме Мефистофеля. В свадебное путешествие молодая пара отправилась за границу — сначала в Германию, а затем — в Италию и Швейцарию. По возвращении Александр безуспешно пытался поступить на службу в Академию художеств или Эрмитаж и вскоре стал хранителем собрания акварелей и рисунков княгини М.К. Тенишевой. В его обязанности входили приобретение произведений русских и иностранных мастеров, а также систематизация коллекции.

В конце 1896 г. А.Н. Бенуа вместе с женой, маленькой дочерью Анной¹⁴ и друзьями — Л.С. Бакстом и К.А. Сомовым — уехал в Париж на средства М.К. Тенишевой с целью пополнения ее собрания акварелей. Во время поездки он много путешествовал по стране, совершенствуясь в живописи и рисунке. Как отмечал М.Г. Эткинд: «По пейзажным этюдам, рисункам, наброскам, выполненным в Париже и Бретани, видно, как быстро шло самостоятельное формирование художника. Он изображал куски городской жизни, архитектуру, деревенские улочки и с особенным интересом — прибрежные скалы, лес, море. Количество этих работ велико. Здесь мы впервые встречаемся с наблюдательным рисовальщиком, обладающим собственным почерком»¹⁵. В Париже А.Н. Бенуа постоянно посещал Национальную библиотеку, Лувр, замки в окрестностях Парижа. Особенно сильное впечатление на него произвел Версаль — величественная королевская резиденция Людовика XIV. Позднее А.Н. Бенуа вспоминал: «Я не думал, что он до того грандиозен и в то же время исполнен какой-то чудесной меланхолии... Что-то даже грозное и трагическое почудилось мне как в самом дворце, так и в садах в тот мрачный ноябрьский вечер... Особенно меня поразили черные конусы и кубы стриженных туй, и зеркальность бассейнов, отражающих серые, нависшие тучи и темные, гладкие бронзовые божества, что покоятся на беломраморных окаймлениях этих зеркал... Почему-то я сразу перенесся в последние годы царствования Людовика XIV...»¹⁶. В 1897 г., после возвращения в Петербург, Бенуа создал серию акварелей «Последние прогулки короля», которая быстро принесла ему известность. Эти акварели в смешанной технике с использованием гуаши и пастели были своего рода реконструкциями придворного быта начала XVIII в. на фоне пейзажей версальского парка и стали первым программным заявлением молодого художника. Они были переданы в дар княгине М.К. Тенишевой, благодаря которой состоялась та памятная поездка в Париж.

В конце 90-х гг. XIX в. в Петербурге сформировалось новое художественное объединение — «Мир искусства», давшее название известному журналу (1898–1904). А.Н. Бенуа, принимавший непосредственное участие в его создании, был

¹³ Анна Карловна Бенуа (урожд. Кинд, 1869–1952) — дочь капельмейстера российских военных оркестров. Ее старшая сестра Мария была замужем за Альбертом Бенуа.

¹⁴ Анна Александровна Бенуа (1895–1984) — художник-любитель, жена Ю.Ю. Черкесова (с 1919 г.), работала вместе с мужем над книжными иллюстрациями. С 1926 г. жила в Париже, сохранила архив отца, который передала в Русский музей.

¹⁵ Там же. С. 23–24.

¹⁶ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Т. 2. Кн. IV. С. 121.

А.Н. Бенуа. Версаль. Кормление рыб (из серии «Последние прогулки короля»). 1897 г.
(<http://benua.su/gallery/>)

«духовным лидером» в формировании нового отношения к пониманию современного искусства и его задач. Важной вехой на этом пути стала «Выставка русских и финляндских художников». Она была организована С.П. Дягилевым и открылась в январе 1898 г. в Петербурге, в только что отделанных залах училища барона А.Л. Штигица¹⁷. Вскоре вышел первый номер журнала «Мир искусства», сплотившего вокруг себя талантливую молодежь, выступавшую против рутины академизма и социально-политической направленности передвижничества. В следующем, 1899 г., состоялась другая выставка картин, привлекавшая всеобщее внимание не только разнообразием участников¹⁸, но и работами иностранных художников. Потом эти выставки стали ежегодным событием в жизни Петербурга.

Активное участие А.Н. Бенуа в редакции журнала «Мир искусства» привело к изменению его структуры — больше внимания начали уделять принципам оформления, был уменьшен формат издания, появился самостоятельный раздел художественной и литературной критики. Оформление выдерживалось в ажурной черно-белой манере, текст набирался шрифтом времен Елизаветы Петровны, найденным на складах Академии наук. При этом тщательно обсуждалась каждая иллюстрация, заставка, виньетка, инициальная буква, их размер и расположение на странице. В результате сам журнал стал выглядеть как произведение искусства.

¹⁷ Там же. С. 31–32.

¹⁸ Среди которых были И.Е. Репин, В.А. Серов, К.А. Коровин, В.М. Васнецов, М.В. Нестеров, Л.С. Бакст и другие.

Л.С. Бакст. Портрет А.Н. Бенуа. 1898 г. Пастель, акварель
(по: *Бенуа А.Н. Мои воспоминания*. Т. 2)

С тех же позиций в 1901–1903 гг. А.Н. Бенуа подходил к редактированию журнала «Художественные сокровища России», целью которого было знакомить широкую публику с памятниками русской культуры. В эти годы он работал над книгой «Русская живопись в XIX веке», изданной двумя выпусками в 1901 и 1902 гг. На протяжении этих и последующих пятнадцати лет из-под его пера вышли и другие книги, посвященные истории искусств: «История русской живописи» (1900–1902), «Русская школа живописи» (1904), «История живописи всех времен и народов» (1910–1917), «Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны» (1910), «Путеводитель по картинной галерее Эрмитажа» (1911), «История живописи» (1912–1917). Тогда же в художественно-историческом сборнике «Художественные сокровища России», журналах «Мир искусства», «Московский еженедельник», «Старые годы», «Золотое руно» регулярно появлялись его статьи, посвященные живописи, архитектуре, музыке, театру. С 1904 г., он постоянно публиковался в газетах «Слово», «Русь» и «Речь». К тому времени у Александра Николаевича родились еще двое детей — Елена¹⁹ и Николай²⁰.

В творчестве Бенуа-художника особое место занимал Петербург XVIII — начала XIX вв. В своих «Воспоминаниях» он признается, что «Россию как таковую, Россию в целом, знал плохо, а в характерных чертах ее многое даже претило мне

¹⁹ Елена Александровна Бенуа-Клеман (1898–1972) — театральная художница, эмигрировала во Францию в 1920 г.

²⁰ Николай Александрович Бенуа (1901–1988) — русский художник. В 1924 г. по приглашению Национальной оперы уехал в Париж. Почётный член Академии художеств СССР (1988).

Вечерний дождь. Церковь св. Екатерины на Васильевском острове в Петербурге. Бумага, карандаш, графит. 1904 г. (<http://benua.su/gallery/>)

<...> Напротив, Петербург я любил. Во мне чуть ли не с пеленок образовалось то, что называется “patriotisme de clocher”²¹. Я понимал прелесть моего города, мне нравилось в нем все <...> К Петербургу я буду возвращаться <...> по всякому поводу — как влюбленный к предмету своего обожания»²². Рисунки А.Н. Бенуа в полной мере передают красоту и особую атмосферу города времен Петра I, Елизаветы, Екатерины II, Павла I. Несколько серий его работ посвящены пригородам Петербурга: Петергофу, Ораниенбауму и Павловску.

Важное место в графике художника занимают иллюстрации к произведениям А.С. Пушкина — «Пиковая дама», «Капитанской дочке» и «Медному всаднику». Над рисунками к «Медному всаднику» А.Н. Бенуа работал почти двадцать лет (1903–1922)²³, и они считаются

одним из высших достижений русской книжной графики первой четверти XX в. По справедливому наблюдению М.Г. Эткинда, любовь к Пушкину была для него как бы «продолжением» любви к Петербургу, которым восхищался великий поэт²⁴. В 1905 г. вышла «Азбука в картинах Александра Бенуа» — первая книга, в которой художник выступил как автор, создатель замысла, иллюстратор и оформитель в одном лице.

Еще одна грань творчества А.Н. Бенуа связана с театром. Его он страстно любил с детства, когда у него появились игрушечные наборы декораций и фигурок актеров для кукольных спектаклей. Свою работу над художественным оформлением театральных постановок он начал в период полного реформирования декорационного дела. До конца 1890-х гг. при постановке спектаклей обычно пользовались «сборными» декорациями и костюмами, которые подбирались на складах театральной дирекции и впервые появлялись на сцене лишь во время генеральной репетиции. Иногда декорации заказывались заново специалистам по писанию архитектурных, лесных и морских видов, а рисунки костюмов делал сам директор

²¹ Местным патриотизмом (*фр.*).

²² Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Т. 1. Кн. I. Гл. I, 1. С. 11. 15.

²³ Эткинд М.Г. А.Н. Бенуа и русская художественная культура конца XIX — начала XX века. С. 313–315.

²⁴ «Бенуа любил Пушкина и потому, что Пушкин любил и воспел Петербург» (Эткинд М.Г. Александр Николаевич Бенуа. С. 48).

А.Н. Бенуа. Фонтанка во времена Екатерины II. Цветная литография по одноименной акварели художника. 1903 г. (<http://benua.su/gallery/>)

Эскиз иллюстрации к поэме А.С. Пушкина «Медный всадник». Бумага, тушь, белла. 1916 г. Государственный Русский музей (<http://benua.su/gallery/>)

Эскиз декорации к опере «Гибель богов» в Мариинском театре. 1904 г.
 ([https://theatremuseum.ru/upl/event/images/Benua-Eskiz-dekoracii-k-opere-Gibel_bogov-v-Mariinskom-teatre28129.jpg](https://theatremuseum.ru/upl/event/images/Benua-Eskiz-dekoracii-k-opere-Gibel-bogov-v-Mariinskom-teatre28129.jpg), дата обращения 30.11.2021)

императорских театров — И.А. Всеволожский²⁵. Такой подход не мог способствовать целостности художественного восприятия зрителей при просмотре спектакля.

Новая эпоха в жизни императорских театров началась в сезон 1898/99 г. с приглашения на казенную сцену в качестве декораторов К.А. Коровина и А.Я. Головина. Они дружно выступили против царивших там косности, штампов и рутины. «Обновлению сцены» способствовал и С.П. Дягилев, служивший в то время в придворном ведомстве, управлявшем театрами. Скоро к этому процессу подключился А.Н. Бенуа, создавший эскиз декорации к одноактной опере А.С. Танеева «Мечь амура», поставленной в 1900 г. в Эрмитажном театре. Через два года по заказу дирекции императорских театров он оформил для Мариинского театра оперу Р. Вагнера «Гибель богов». Стремясь уловить дух музыки немецкого композитора, А.Н. Бенуа отказался от живописных эффектов и многоцветия и выдержал эскизы декораций в сдержанно-суровой гамме. Он хотел не только создать определенное настроение, но и показать залитое потоками света пространство, «натуральную» листву, достоверность каждой детали. В декорациях он использовал свои бретонские этюды и наброски — прибрежные скалы, камни, деревья, море. Особо

²⁵ Иван Александрович Всеволожский (1835–1909) — с 1881 директор императорских театров. Участвовал в постановках опер и балетов на сцене Мариинского театра. Выполнил свыше 1000 рисунков костюмов, в том числе для «Спящей красавицы», «Пиковой дамы», «Июльские». Эл. ресурс: Иван Александрович Всеволожский <https://www.belcanto.ru/vsevolozhsky.html> (дата обращения 30.11.2021).

тщательная работа была проделана в отношении эскизов костюмов — для каждого статиста были подобраны индивидуальные образцы обуви, мечей, щитов, поясов, браслетов и пр. Публика овациями встретила премьеру оперы, состоявшуюся в начале 1903 г.²⁶ По окончании действия А.Н. Бенуа был поднесен огромный лавровый венок.

В 1904 г. в силу разных причин прекратил свое существование журнал «Мир искусства», еще раньше фактически распалось и одноименное объединение, на смену которому пришел «Союз русских художников». А.Н. Бенуа, оказавшийся среди его учредителей, вскоре после этого вместе с семьей уехал в Париж. В течение двух лет, проведенных во Франции, художник много путешествовал, занимался акварелью, впервые обратился к живописи маслом. Весну и осень он проводил в Версале, служившем источником вдохновения для многих его произведений.

После возвращения в Россию в 1907 г. А.Н. Бенуа не только создал эскизы декораций для трехактного балета Н.Н. Черепнина «Павильон Армиды» в постановке балетмейстера Михаила Фокина, но и сочинил либретто²⁷. «Балет — вспоминал о премьерке А.Н. Бенуа, — шёл под сплошные аплодисменты, многие номера были бисированы, а в конце театр просто вопил. Вызывали артистов и авторов, выходили много раз <...> Но лучшим вознаграждением за весь труд и за многие страдания мне было то, что Серёжа Дягилев, пробившись через запрудившую при разъезде вестибюль театра толпу, стал душить меня в объятиях и в крайнем возбуждении кричал: “Вот это надо везти за границу”»²⁸.

Именно балетом «Павильон Армиды» открылся первый «Русский сезон» 1909 г., который «оказался на самом деле настоящим триумфом»²⁹ и стал ярким событием в художественной жизни Парижа. А.Н. Бенуа превосходно воссоздал костюмы в стиле эпохи Людовика XIV, в которых блистали знаменитый танцовщик Вацлав Нижинский и находившиеся в зените своей славы балерины Тамара Карсавина и Анна Павлова.

В труппе «Русских сезонов» Александр Николаевич занимал пост директора по художественной части и оформил несколько спектаклей. Именно он создал декорации к известному балету И.Ф. Стравинского «Петрушка» и написал для него либретто. В том же 1909 г. А.Н. Бенуа по приглашению К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко начал сотрудничать с Московским художественным театром (МХТ). Здесь он выступил как художник и режиссер, активно участвуя в процессе подготовки каждого спектакля. В период его работы в театре были поставлены такие пьесы, как «Месяц в деревне», «Мнимый больной», «Брак поневоле», «Тартюф» и «Хозяйка гостиницы» и «Маленькие трагедии».

В 1910 г. происходит разрыв А.Н. Бенуа с «Союзом русских художников» и под его руководством в Петербурге создается новое художественное объединение с прежним названием — «Мир искусства». В него вошли как прежние участники — К.С. Сомов, Е.Е. Лансере, А.П. Остроумова-Лебедева, И.Я. Билибин, Ф.А. Малявин,

²⁶ Эткинд М.Г. Александр Николаевич Бенуа. С. 52–53.

²⁷ Бенуа А.Н. Воспоминания. Т. 2. Кн. V, 4. С. 464–473.

²⁸ Там же. Кн. V, 5. С. 472–473.

²⁹ Бенуа А.Н. Воспоминания о балете // Мои воспоминания. Т. 2. С. 503.

Масленица в Петербурге. Эскиз декорации к балету И. Ф. Стравинского «Петрушка». 1917 г. Бумага, акварель, гуашь, тушь, перо, графитный карандаш. Государственный Русский музей (<https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/drawings/r-9375/index.php>, дата обращения 30.11.2021)

так и новые — Н.К. Рерих, М.В. Добужинский, И.Э. Грабарь, Б.М. Кустодиев, К.С. Петров-Водкин.

В годы Первой мировой войны активная деятельность А.Н. Бенуа начала сокращаться: перестали выходить выпуски «Художественных сокровищ России», закрылся журнал «Мир искусства». Созданные им эскизы декоративных панно для Казанского вокзала так и не были реализованы.

В марте 1917 г. А.Н. Бенуа порвал с газетой «Речь», поддерживавшей Временное правительство с его лозунгом «Война до победного конца», и обратился с открытым антивоенным письмом в редакцию большевистской газеты «Правда». В тревожное время между Февральской и Октябрьской революциями А.Н. Бенуа работал в «Особом совещании по делам искусства» А.М. Горького³⁰, сотрудничал с его га-

³⁰ 4 марта 1917 г. в квартире А.М. Горького собрались известные деятели культуры, чтобы обсудить ситуацию, сложившуюся вокруг царских дворцов. С основным докладом выступил А.Н. Бенуа. Тогда по инициативе А.М. Горького была избрана «Комиссия по делам искусств», которую под названием «Особое совещание по делам искусства» признало Временное правительство. Председателем «Особого совещания» стал А.М. Горький, его заместителями А.Н. Бенуа и Н.К. Рерих (Захарова Т.Н., Егоренкова О.В. Общественно-демократическая инициатива по охране памятников культуры и борьба за их законодательную защиту 1917–1918 гг. // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2018. № 1 (38). С. 64–65).

зетой «Новая жизнь», участвовал в комиссии для превращения Народного дома в культурно-просветительный центр.

События 25–26 октября 1917 г., связанные со штурмом Зимнего дворца, вызвали у А.Н. Бенуа большое беспокойство, что отразилось в дневниковой записи: «Наконец на фоне общей стрельбы раздалось несколько отрывистых, более гулких и тяжелых ударов, и за последним из них последовал звук чего-то рушащегося. То пала «Аврора», ставшая на якорю посреди Невы между Крепостью и дворцом и палившая в упор по дворцу. У меня сжалось сердце. Неужели наступили последние минуты существования Зимнего? А ведь рядом Эрмитаж со всеми главнейшими сокровищами Русского государства, со всем тем, что мне лично дороже всего на свете!»³¹ На следующий день А.В. Луначарский, ставший народным комиссаром по просвещению, прислал А.Н. Бенуа пропуск во дворец для разработки плана действий по охране художественного наследия³².

1 декабря 1917 г. общим собранием музея был утвержден «Проект временных правил управления Эрмитажем», и с того времени научной работой на «коллегияльных основаниях» ведал Совет, куда помимо сотрудников вошли избранные со стороны действительные и почетные члены, среди которых был и А.Н. Бенуа³³. Когда началась национализация художественных музеев и частных собраний, защита памятников культуры стала для него самым важным делом. Он вошел в состав Коллегии по делам музеев при Наркомпросе и целого ряда комиссий по охране культурного наследия в новую эпоху³⁴. Его деятельность по спасению памятников Петрограда и его окрестностей отражена в дневниках, где он писал о каждодневных событиях, состоянии дел, своих взаимоотношениях с чиновниками от культуры, разрабатываемых при его содействии проектах постановлений и декретов. Порой там ощущается тяжелое чувство безнадежности перед лицом глобальных изменений в культурной жизни города и его облике. Вот, например, запись от 27 января 1918 г. о «борьбе» за Строгановский дворец: «Сегодня я уже был на краю — “подать в отставку” Луначарскому. Выяснилось, что этот неумный человек уже уснул, в отмену данного им же Строгановскому дворцу Охранного листа, самоличное согласие <...> предоставить этот дворец матросскому клубу (на просвещенность которого и он не нахвалится, вероятно, действительно они ему близки по собственной просвещенности, потому что представляют его культурное нутро, сохранившееся под маской собственной книжности) — с тем, чтобы были вывезены все ценные вещи, и уже матросы заходят всё чаще и чаще, и они уже распределяют залы под театр, читальни. Воронихинскую галерею они нашли вполне пригодной для кинематографа...»³⁵. После заявленного протеста А.Н. Бенуа «сочинил текст проекта декрета о превращении дворца в музей». «А тут ещё более личные огорчения, — писал он 29 января, — <...> оказывается, что матросы уже опечатали галерею Строгановых (зачем? Во всяком случае, в качестве “настоящих владельцев”)

³¹ Бенуа А.Н. Мой дневник: 1916–1917–1918. М., 2003. С. 199–200.

³² Эткин М.Г. А.Н. Бенуа и русская художественная культура конца XIX — начала XX века. С. 295.

³³ В Совет также вошли профессора Петербургского университета М.И. Ростовцев и С.А. Жебелев. См.: Конивец А.В. О эвакуации сокровищ Эрмитажа // История Петербурга. 2019. № 3. С. 84.

³⁴ Эткин М.Г. А.Н. Бенуа и русская художественная культура конца XIX — начала XX века. С. 296–298.

³⁵ Бенуа А.Н. Дневник 1918–1924 гг. М., 2010. С. 5–6.

и слышать они ничего не хотят, чтобы отдать дворец. Двое из них приглашены на завтрашнее заседание с нами (наконец-то я увижу “пролетариев”!), а это плохой знак <...> И вот идет во мне борьба. Уйти я решил, но, при всей ранимости, я не могу отделаться от опасений, что с моим уходом свистопляска разнузданности ещё больше разгуляется и примет быстро финальный характер»³⁶.

В записях, сделанных А.Н. Бенуа в эти годы, не могут не поражать как точные оценки отдельных деятелей, так и некоторые суждения, которые кажутся пророческими. «Вообще же неразбериха полная, — писал он в январе 1918 г. — Совершенно очевидно: стихия поверившего в себя пролетариата волнами ходит по головам своих вождей, так что мы уже захлебываемся и начинаем чувствовать приступы отчаяния. <...> Несдобровать им, несдобровать!»³⁷ В конце декабря того же года отмечено: «Создана оценочно-антикварная комиссия Народного комиссариата торговли и промышленности, возглавляемая Л.Б. Красиным, которая затем перешла к М. Горькому, переименована в Экспертную комиссию Наркомата внешней торговли, открывшая шлагбаум для распродажи Эрмитажа и всего того, что можно было сбыть за рубежом»³⁸. А вот как он написал о смерти А.А. Блока, последовавшей 7 августа 1921 г.: «Смерть Блока я ожидал уже вполне около месяца, и потому она не поразила меня. <...> Революция его загубила. Он не осилил ее. Как большинство интеллигенции, он считал своим долгом питать культ к ней, к революции по существу и, застигнутый врасплох ее реальной сущностью, он опешил, а затем пришел в какое-то уныние отчаяния»³⁹.

А.Н. Бенуа постоянно писал проекты декретов, выражал свое несогласие с опрометчиво принятыми решениями, обосновывая свои позиции по тому или иному вопросу. Вот, например, отрывок из его письма А.В. Луначарскому от 29 апреля 1918 г.: «...мне сейчас не до творчества. Я совершенно подавлен и всем своим существом гляжу вниз. Стало невыносимо жить на свете, ибо слишком пышно расцветает глупость, слишком цинично царствует пошлятина. Едва ли надолго может еще хватить сил оставаться зрителем этого кошмарного спектакля, и я бы уступил желанию уйти немедленно, если бы меня не удерживало сознание физического долга. Во имя этого долга я и сегодня собираюсь вместе со своими товарищами по коллегии обратиться к Вам по двум не терпящим отлагательства делам. Во-первых, мы настаиваем на том, чтобы Царскосельские дворцы не отводились под жилые помещения. <...> И, кроме того, я лично умоляю Вас отменить распоряжение о свержении каких-либо памятников под предлогом “народного гнева”»⁴⁰.

В ноябре 1918 г. А.Н. Бенуа был избран заведующим самым крупным отделом Эрмитажа — Картинной галереей. Его дневники 1919–1924 гг. содержат множество записей о заседаниях Совета Эрмитажа и Совета художественного отдела Русского музея, в состав которого он также входил⁴¹. 12 января 1919 г. по просьбе

³⁶ Там же. С. 19.

³⁷ Там же. С. 14.

³⁸ Там же. С. 207.

³⁹ Там же. С. 255.

⁴⁰ Там же. С. 150.

⁴¹ Эткинд М.Г. А.Н. Бенуа и русская художественная культура конца XIX — начала XX века. С. 298.

А.М. Горького он написал для него проект письма, и «снабдил его еще коротким меморандумом в защиту экспонатов Эрмитажа, застрявших в Москве»⁴². В пространной «записке» А.Н. Бенуа высказал свои соображения об отношении к памятникам искусства и современном состоянии музеев: «Еще возникла мысль, совершенно безразличная к вопросу о том, кто останется у власти через десять или сто лет, важно, чтобы через все испытания истории памятники искусства, ценные безотносительно к тому, что они выражают, для кого созданы и даже во имя чего созданы, были бы сохранены... Разрушаются дворцы как таковые, но зачем бездумно разрушать то, что может пригодиться всем <...> Бегемот забрался в посудную лавку, при одном только его посещении сказался весь кошмар разрушенного, бессмысленно разбитого того, что нужно каждому. Надо создать такие меры, чтобы подобный бегемот не смог забраться в другую посудную лавку <...> Достаточно будет сказать, что главный музей Российского государства — Эрмитаж — до сих пор пребывает в состоянии изгнания, заколоченный в ящики, подвергаясь ежечасно угрозе разгрома, расхищения, <...> что Зимний дворец, оставшийся после первой революции в нетронутом виде и лишь пострадавший после штурма 25 октября, после уже превращен в какой-то грязный вертеп, в официальный кинематограф и в ночлежный приют <...> Еще хуже обстоит дело с частными дворцами, национализированными, так что везде отсутствует всякая руководящая мысль во всем том, что творится в данной области...»⁴³.

В 1917–1918 гг. А.Н. Бенуа вместе с А.М. Горьким редактировал детские книги издательстве «Парус», а в 1919 г. заведовал художественным отделом в издательстве З.И. Гржебина. Вместе с А.А. Блоком он вошел в состав комиссии по изданию русских классиков при Комиссариате народного просвещения, сотрудничал с издательством «Всемирная литература». В 1919 г. среди первых выпусков серии «Народная библиотека» вышла «Капитанская дочка» А.С. Пушкина с иллюстрациями А.Н. Бенуа⁴⁴. Продолжал он работать и как художник, принимая участие в выставках «Мира искусства». В 1918–1922 гг. появились 25 его литографий из серии «Петергоф»: аллеи и перспективы парка, архитектурные пейзажи, изображения скульптур и фонтанов. Как театральный декоратор, а часто и как режиссер, А.Н. Бенуа работал в Мариинском, Александринском и Большом Драматическом театрах⁴⁵.

Высокая оценка этой разнообразной, необычайно масштабной деятельности и научных заслуг А.Н. Бенуа выразилась в том, что 5 августа 1919 г., в первый день работы Избирательного собрания РАИМК, его кандидатура была предложена для включения в состав действительных членов Академии и затем утверждена заочно. В личном деле А.Н. Бенуа, хранящемся в Научном архиве ИИМК РАН, есть машинописная рекомендация⁴⁶, написанная М.В. Фармаковским:

⁴² В то время часть экспонатов Эрмитажа находилась в эвакуации в Москве, откуда вещи были возвращены 22 ноября 1920 г. А.Н. Бенуа принимал деятельное участие в подготовке их реэвакуации. См.: *Конивец А.В.* О реэвакуации сокровищ Эрмитажа. С. 88.

⁴³ *Бенуа А.Н.* Дневник 1918–1924 гг. С. 210–211.

⁴⁴ *Эткинд М.Г.* А.Н. Бенуа и русская художественная культура конца XIX — начала XX века. С. 310–311.

⁴⁵ *Бенуа А.Н.* Автобиография, написанная в 1957 г. для Третьяковской галереи. Эл. ресурс http://benua.su/art_tretyakov/ (дата обращения 01.12.2021).

⁴⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 50. Л. 1–2.

А.Н. Бенуа. На набережной. Эскиз декорации для постановки трагедии В. Шекспира «Венецианский купец». Бумага, акварель, тушь, графит, перо, кисть. 1920 г. (<http://benua.su/gallery/>)

«В выборное собрание 3-го Отделения Российской Академии истории материальной культуры.

Имею честь рекомендовать собранию в члены художественно-исторического Отделения Александра Николаевича Бенуа, состоящего в настоящее время на службе в Эрмитаже на должности Заведующего картинной галереею.

Деятельность А.Н. Бенуа является настолько значительной страницей в истории русского искусства и русской художественной исторической науки, что она может быть названа в многих случаях причиной целого ряда существенных явлений. Деятельность эта распадается на два рода: как художника-археолога и как историка искусства. Тонко чувствующий и даровитый художник, А.Н. [Бенуа] специализировался на изучении тех форм западного искусства, которые перешли в русскую жизнь XVIII века. Подобно Менцелю, и под его отраженным влиянием, А.Н. [Бенуа] как художник ушел в жизнь этого столетия настолько, что мог дать целый ряд произведений, воссоздающих самый смысл его и его стиль. Такое изучение эпохи привело А.Н. [Бенуа] вообще к изучению вопросов жизни стилей и прежде всего — западных. Целый ряд статей по отдельным явлениям искусства был напечатан А.Н. в таких журналах, как «Мир искусства», «Старые Годы» и т. п. Крупной монографией, посвященной такого рода вопросам, является «Царское село и царствование Елизаветы Петровны». Везде яркая, оригинальная мысль, свежесть взглядов, сочетаясь с образным языком, рисуют А.Н. крупным художником-стилистом.

Но разработка отдельных вопросов постепенно привела его к необходимости нового построения цельной системы явлений русского искусства. Поэтому, когда был издан перевод «Истории живописи в XIX веке Р. Мутера, историка часто

с весьма оригинальными взглядами, естественным автором дополнительной, четвертой части — «История русской живописи» — явился А.Н. [Бенуа].

Появление этой книги было необычайно важным событием для направления художественной мысли в России, и полузабытые, часто презиравшиеся русские художники конца XVIII и начала XIX века после новой, оригинальной оценки, можно сказать воскресли вновь. Яркая, с большим темпераментом выдержанная защита художников западников последних годов XIX века также послужила поворотным пунктом для переоценки многих явлений русского искусства. Глубокое понимание именно западного искусства нового времени позволило А.Н. [Бенуа] осмыслить многое, что было для науки русского искусства нового времени неясно и темно. Ещё важнее в этом отношении его «Школа русской живописи, основное сочинение по истории живописи русского искусства. Ибо он уже стоял на том пункте, откуда ясно было, что есть только одно искусство лишь в разных проявлениях. Такая работа осуществлена А.Н. [Бенуа] в капитальной «Истории живописи всех времен и народов», к сожалению, не законченной изданием по условиям времени, но уже давшей русской науке 22 выпуска живого оригинального исследования, в котором западному искусству по праву отведено исключительно почетное место.

Будучи тонким знатоком именно западного искусства, А.Н. [Бенуа] является человеком, для которого задачи секции искусства эпохи возрождения близки и в значительной мере им уже разрабатывались, в равной мере, как и вопросы специально русского искусства.

Член Совета бывшей Археологической Комиссии

Мст. Фармаковский
Врем. исп. об. Заведующего
Историко-бытовым отделом
Русского Музея

Петроград
5/VIII 1919 г.»

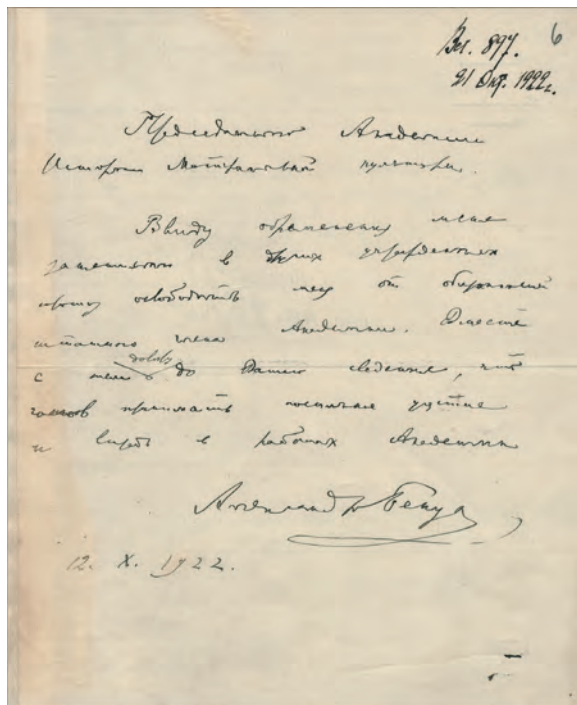
В том же личном деле сохранились написанная от руки краткая биография и анкета, где А.Н. Бенуа в графе «специальность» написал «история искусств, художник», а на вопрос о том, какие знает иностранные языки, ответил — «европейские»⁴⁷.

Все же работа в РАИМК осталась для А.Н. Бенуа лишь одним из многих направлений его деятельности в послереволюционном Петрограде. В своих «Дневниках» он кратко упоминает членство в Академии лишь в связи с конкретными заседаниями и делами, в которых он принимал участие, например, с осмотром дворца в Гатчине и составлением документов о его состоянии 17–18 января 1920 г.⁴⁸

В октябре 1922 г. А.Н. Бенуа написал председателю РАИМК короткую служебную записку: «Ввиду обременения меня занятиями в других учреждениях прошу освободить меня от обязанностей штатного члена Академии. Вместе с тем довожу до Вашего сведения, что готов принимать посильное участие <...> в работах

⁴⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 50. Л. 3, 4, 4 об. Здесь указан и адрес, по которому он проживал в то время: В. О., 1-я линия, д. 38, кв. 11.

⁴⁸ Бенуа А.Н. Ук. соч. С. 705.

Служебная записка А.Н. Бенуа. 1922 г.
(РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 50. Л. 6)

Академии»⁴⁹. Его просьба была передана в вышестоящие инстанции, и 6 февраля в Академию получен ответ, подписанный заведующим Петроградским отделением Главнауки Г.С. Ятмановым⁵⁰:

«В ответ на отношение от 24 января с/г. на № 144, Петроградское отделение Главнауки сообщает, что представитель Академии Материальной культуры А.Н. Бенуа будет привлечен к работе при создании соответствующей комиссии по разбору предметов, имеющих художественно-историческое значение».

В деле также хранится любопытный документ — сопровождавший небольшую продуктовую посылку, полученную при содействии Академии. Эта записка, датированная 5 апреля 1923 г., может служить иллюстрацией к трудному положению ученых в послереволюционном Петрограде:

«А.Н. Бенуа

Канцелярия Российской Академии Истории Материальной Культуры при сем препровождает Вам посылку, присланную на Ваше имя, из Польской делегации (15 ф. муки, 5 ф. сахара и 1 ф. шоколада)».

Возможно, речь идет об одной из делегаций, неоднократно приезжавших в Эрмитаж в начале 20-х гг. для ведения переговоров о передаче Польше ряда экспонатов⁵¹. В дневниковых записях А.Н. Бенуа за 1923 г. есть упоминания о его контактах с АРА⁵², где он не только получал пайки, но и содействовал в получении

⁴⁹ Там же. Л. 6.

⁵⁰ Г.С. Ятманов (1876–1944) — руководитель отдела Наркомпроса по делам музеев и охране памятников в Петрограде, «сочетал безупречную партийную биографию старого большевика с искусствоведческими навыками и знаниями» (Эл. ресурс <https://kgior.gov.spb.ru/o-komitete/istoriya-kgior/>, дата обращения 01.12.2021). А.Н. Бенуа, не питая больших иллюзий, часто называл его в своих дневниках «страшилой Ятмановым» (Бенуа А.Н. Дневник 1918–1924 гг. С. 22, 151, 120–121). Описывая их первую встречу, он отметил, что у него «вид был самый простецкий, и он мог бы без грима играть в какой-либо исторической пьесе или фильме роль клеветра Пугачева, а то и самого Емельяна» (Бенуа А.Н. Мой дневник: 1916–1917–1918. С. 200–201).

⁵¹ Бенуа А.Н. Дневник 1918–1924 гг. С. 679.

⁵² American Relief Administration (Американская администрация помощи) — организация, возникшая в конце Первой мировой войны, занималась снабжением продуктами питания страдающих от недоедания

помощи для своих коллег: «Заходил в Эрмитаж <...> По дороге заходил в АРА за пайком, — писал он 4 мая, — очередь за получкой тянется по всему двору до Мойки. Реншау⁵³ мне сказал, что это, главным образом, учителя школ, он им раздал 4000 пайков». А.Н. Бенуа отклонил просьбу Д. Реншо написать о деятельности АРА, посоветовав «поручить это более компетентным людям, например, Ольденбургу, Чуковскому», но взял на себя поручение «распределить еще сто пайков учителям и двести — театру»⁵⁴.

С 1923 по 1926 г. А.Н. Бенуа прожил больше времени во Франции, чем в России, получая разрешения на длительные командировки. В 1926 г., когда он выехал в Париж для оформления спектакля в Гранд-опера, им было принято решение не возвращаться в Россию. Главной причиной, вероятно, послужило неприятие тех перемен, которые на его глазах происходили в культурной жизни страны. Не последнюю роль играл и страх перед возможными репрессиями. В 1921 г. аресту подверглись двое братьев Александра Николаевича — Леонтий и Михаил. Сам он признавался в том, что мучился бессонницей, прислушиваясь к каждому шороху по ночам⁵⁵.

В эмиграции А.Н. Бенуа работал в основном как декоратор и театральный художник, сотрудничая с парижской «Гранд-опера», а после Второй мировой войны — с театром «Ла Скала» в Милане. «Жизнь наша здесь в Париже, — писал он в 1935 г., перечитывая свои дневники, часть которых он получил с оказией спустя много лет, — непрерывное томление и тревога <...> Мы по-прежнему живем на веточке, и если сейчас нас не согнали, не выбросили на улицу, то это потому, что мне “удалось” (увы, случайно!) продать своих фамильных Гварди⁵⁶ за 120 000 фр. На них и живем <...> Единственно, с чем я могу себя лишь поздравить, так это с тем, что Бог меня миловал не присутствовать (и не быть притянутым к участию в этом деле) при разорении на родине всего того, из-за чего, казалось, и стоило жить, главным образом при разбазаривании Эрмитажа...»⁵⁷.

На склоне лет, размышляя о прожитой жизни, он так писал о себе: «Духовная мешанина не позволила мне решить и один из самых краеугольных вопросов своего бытия. Я так и не решил, кто я таков. Во Франции за меня решило “общественное мнение” — и решило оно с чисто французской уюзостью. Я зарегистрирован в качестве художника-декоратора русских балетов. Так меня представляют в обществе.

детей Европы. В России ее деятельность была разрешена в связи с голодом в Поволжье с 1 октября 1921 г. (Аншакова Ю.Ю. Гуманитарная миссия АРА в Советской России: начало взаимодействия // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 2. С. 112–117).

⁵³ Дональд Реншо (1889–1961) — представитель АРА в Петрограде, вырос в Новом Орлеане в большой католической семье. В поисках работы он оказался в Лондоне, где подписал контракт с АРА на работу в России.

⁵⁴ Бенуа А.Н. Дневники 1918–1924 гг. С. 407.

⁵⁵ Коротя Е.В. А.Н. Бенуа о причинах своей эмиграции // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.А. Герцена. СПб., 2008. № 38(82). Ч. 1. Общественные и гуманитарные науки. С. 180–181.

⁵⁶ При содействии А.М. Горького и своего старого друга С.П. Яремича, ему удалось со временем вывезти значительную часть своих документов и картин (См. переписку А.Н. Бенуа и С.П. Яремича в книге: Степан Петрович Яремич. Классики искусствознания. Т. III. Переписка С.П. Яремича с А.Н. Бенуа. А.Н. Бенуа о коллекции С.П. Яремича. Статьи С.П. Яремича и другие материалы. СПб., 2009. С. 209–237.

⁵⁷ Бенуа А.Н. Дневник 1918–1924 гг. С. 810.

Естественно, что с такой явной несправедливостью, продолжающейся уже столько лет, я примириться не могу. Однако, что мне “поставить на визитную карточку” взамен того? Не помещать же на ней, как это делают иные безвкусные люди, список всяких своих профессий. Даже в узкой сфере театра, разве я не в гораздо большем смысле “постановщик”, и то, что называют в кинематографе “animateur”⁵⁸. Деятельность же моя отнюдь не ограничивалась театром. Я и художественный критик, я и журналист, я и “просто живописец”, я и историк искусства... Если идти по линии тех разных дел, которые я возглавлял и коими заведовал, то я был и редактором двух весьма значительных художественных журналов, я был в течение двух лет и чем-то вроде “содиректора” Московского художественного театра, я был и полномочным постановщиком в Большом Драматическом театре в Петербурге, я был управляющим одним из самых значительных музеев в мире — петербургским Эрмитажем и т. д. Все это, правда, относится к царству, подвластному Фебу-Аполлону, но не могу же я на карточке поставить: АЛЕКСАНДР БЕНУА. СЛУЖИТЕЛЬ АПОЛЛОНА. Следовало бы просто ставить Александр Бенуа. Так я и делаю, но слава моя не достигла такой степени, чтобы подобная карточка, будучи подана в чужом доме, или в казенном учреждении, могла бы производить впечатление...»⁵⁹.

Умер А.Н. Бенуа в Париже 9 февраля 1960 г., не дожив несколько месяцев до своего девяностолетия, и был погребен на кладбище Батиньоль. Признавая впечатляющий вклад этого человека в культурную жизнь России, можно еще раз подчеркнуть не только его необыкновенную одаренность, но и огромный размах творческой деятельности, одним из эпизодов которой стала работа в РАИМК.

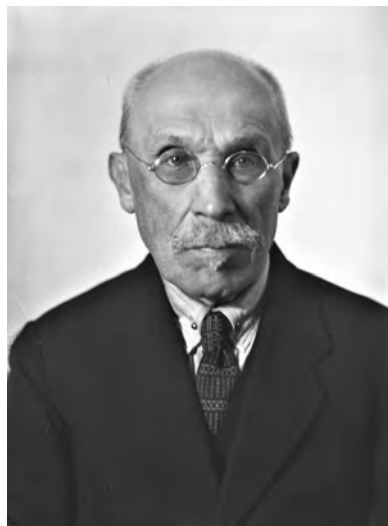
⁵⁸ Художественный руководитель (*фр.*).

⁵⁹ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Т. 1. Гл. I, 1, 23. С. 173–174.

Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941)

В. А. Горончаровский

Выдающийся ученый-антиковед Сергей Александрович Жебелёв¹, соединивший в своем лице историка, археолога, филолога-классика и эпиграфиста, родился 10 (22) сентября 1867 г. в Петербурге. Его отец был купцом средней руки, который рано умер, оставив своей жене, девятилетнему сыну и пятилетней дочери весьма скромные средства к существованию. Юный Сергей Жебелёв сумел поступить во 2-ю Санкт-Петербургскую классическую гимназию, девизом которой были слова *Salus infanta suprema lex* («Вторая всегда первая!»). Там он увлекся историей античного мира и древними языками, которыми успел неплохо овладеть. Проблема была в том, что денег в семье не хватало, и уже в 14 лет он вынужден был подрабатывать репетиторством. Это занятие служило для него подспорьем еще многие годы, когда ему приходилось, не забывая о науке, одновременно поддерживать своих родных. Так под влиянием тяжелых испытаний складывался характер молодого человека, во многом определивший его жизненный путь. Отсюда стремление строго регламентировать свое время и с предельной точностью соблюдать намеченный график работы². Эта привычка, усвоенная еще в юные годы, стала его второй натурой и позволила осуществлять такую разностороннюю деятельность, которая вряд ли была под силу обычному человеку. Недаром под конец жизни в списке его трудов значилось более 300 работ.

По окончании гимназии С.А. Жебелёв в 1886 г. поступил на Историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. Стипендии новоявленный студент не получал, на лекции ходил пешком с Загородного проспекта, где тогда жил, и часто имел на обед только кусок трехкопеечного пеклеванного хлеба³. Сразу выбрать направление своей будущей деятельности у него не получилось, и лишь к концу первого курса появилось отчетливое желание сосредоточиться на изучении классической филологии. В том, что за годы обучения С.А. Жебелёв вполне сформировался как ученый, огромную роль сыграли такие

¹ В качестве заставки использован фотопортрет С.А. Жебелёва 1929 г. (ФО НА ИИМК РАН. П 44617).

² Максимова М.И. Из воспоминаний о С.А. Жебелёве // СА. 1969. № 3. С. 86.

³ Жебелёв С.А. Из университетских воспоминаний // Анналы. 1922. № 2. С. 182.

Сергей Жебелев с родителями. Ок. 1871 г.
(СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 90. Л. 3)

университетские профессора, как К.Я. Люгемиль (1830–1887), П.В. Никитин (1849–1916) и В.К. Эрнштедт (1854–1902). Все же главными наставниками начинающего филолога-классика стали Ф.Ф. Соколов (1841–1909) и Н.П. Кондаков (1844–1925) — истинные подвижники науки, всегда подчеркивавшие органичную связь изучения древних языков с историей античного мира⁴.

Ф.Ф. Соколов, из года в год собирая избранных учеников у себя дома по пятницам, прежде всего, обращал их внимание на важность комплексного анализа литературных источников и эпиграфических документов для реконструкции исторических фактов⁵. В свою очередь Н.П. Кондаков настаивал на необходимости привлечения с той же целью памятников искусства и данных археологии, хотя специальных курсов по археологии тогда никто не читал. Среди студентов, увлекшихся этим направлением исследований даже составилась кружок «фактопклонников»,

куда помимо Жебелёва вошли такие известные в будущем представители российской науки, как М.И. Ростовцев (1870–1952) и Я.И. Смирнов (1869–1918). Именно Кондакова Жебелёв считал своим «крестным отцом в области археологии»⁶.

Уже в студенческие годы обозначился интерес молодого исследователя к изучению эпохи эллинизма, с которой связана его первая печатная работа — «К истории диадохов»⁷. Одновременно он всерьез увлекся темой религиозного врачевания у древних греков, используя многочисленные надписи от лица исцелившихся для изучения способов лечения, практиковавшихся жрецами в различных святилищах. У этого научного рвения была и вполне практическая сторона — стремление представить работу на конкурс, чтобы получить медаль и денежную премию⁸. Впрочем, завершить исследование к заданному сроку не удалось, но позднее оно было издано под названием «Религиозное врачевание в древней Греции» (СПб., 1897).

По окончании университетского курса С.А. Жебелёв получил рекомендацию Ф.Ф. Соколова об оставлении при университете для подготовки к профессорскому званию. Она давала право на длительную, до трех лет, заграничную командировку

⁴ Жебелёв С.А. Из университетских воспоминаний. С. 173.

⁵ Позднее Жебелёв называл себя всецело учеником «Соколовской школы» (Жебелёв С.А. Автонекролог // ВДИ. 1993. № 2. С. 179).

⁶ Там же.

⁷ ЖМНП. 1889. № 11. С. 13–32.

⁸ Из-за недостатка средств Жебелёв в течение всего срока обучения давал уроки в семье контр-адмирала А.К. Шефнера (1832–1891) — первостроителя Владивостока, директора маяков Балтийского моря и командира Петербургского порта (Жебелёв С.А. Из университетских воспоминаний. С. 182).

для повышения образовательного уровня в Греции и Италии. Впрочем, в отличие от многих коллег, молодой ученый не смог воспользоваться этой возможностью, о чем «сожалел постоянно и видел в этом большой минус в своей научной подготовке»⁹. Из-за необходимости материально поддерживать мать и младших сестру и брата ему пришлось срочно поступить на службу. В Санкт-Петербургском университете тогда была свободной лишь должность вольнонаемного писца с ничтожным жалованьем в 20 рублей в месяц¹⁰. Пришлось согласиться на нее. Немногим больше дохода (50 рублей) стала приносить открывшаяся позднее вакансия хранителя при Музее древностей, который фактически состоял тогда из одной библиотеки, в то время лучшей в России по части археологической литературы. Занимаясь ее пополнением, инвентаризацией и каталогизацией, С.А. Жебелёв на практике в совершенстве освоил библиотечное дело. В результате им был опубликован «Каталог библиотеки Музея древностей» (СПб., 1896), а затем прибавление к нему (СПб., 1901)¹¹.

Недостаток средств компенсировало преподавание в различных учебных заведениях: с 1891 по 1903 г. — истории быта в Центральном училище технического рисования барона Штиглица, а с 1894 по 1905 г. — истории искусства Древнего мира, а потом и Ренессанса, в Высшем художественном училище при Академии художеств. При этом на лекциях широко использовались материалы, связанные с памятниками материальной культуры.

В 1893 г. появилась первая небольшая работа Жебелёва по классической археологии — «Женская голова из Аргосского Ирэона»¹², обозначившая его склонность к изучению античного изобразительного искусства. В том же году началось сотрудничество с издававшимся в Москве журналом «Филологическое обозрение», где он стал вести «Археологическую хронику эллинского Востока», сменив в этом качестве историка А.Н. Щукарева (1861–1900), с которым он был хорошо знаком. В течение почти десяти лет Жебелёв регулярно публиковал в «Хронике» обзор последних археологических открытий, связанных с памятниками античной архитектуры и искусства, новыми надписями и греческими папирусами. Именно тогда молодой ученый, как он писал позднее, «...волею судеб близко столкнулся с археологией и ее представителями»¹³. Среди них можно упомянуть И.И. Толстого (1858–1916), В.К. Мальмберга (1860–1921) и Б.В. Фармаковского (1870–1928), интересное и плодотворное общение с которыми по самым разнообразным вопросам и темам стало хорошей «археологической школой»¹⁴. Этому способствовал и такой аспект его деятельности, как ведение с 1894 г. и на протяжении многих последующих лет делопроизводства классического отделения Русского археологического общества в качестве секретаря, а затем и члена Совета Отделения археологии древнеклассической, византийской и западноевропейской.

⁹ Жебелёв С.А. Из университетских воспоминаний. С. 178.

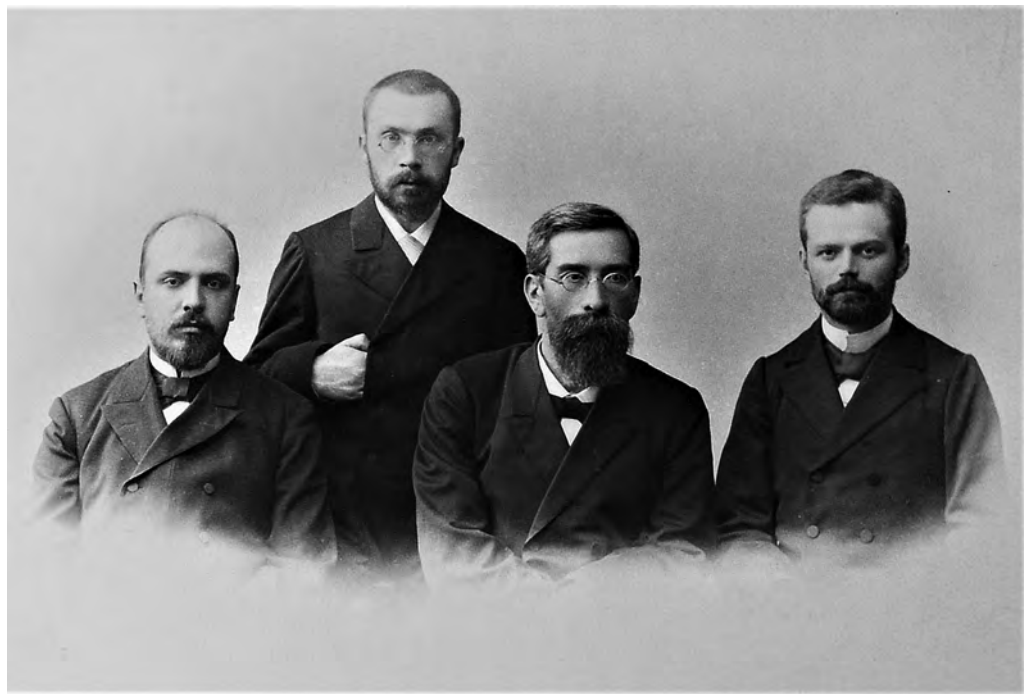
¹⁰ При том, что среднестатистическая петербургская семья тратила тогда только на еду около 25 рублей в месяц.

¹¹ Жебелёв С.А. Из университетских воспоминаний. С. 184.

¹² ЖМНП. 1893. № 12. С. 111–113.

¹³ Жебелёв С.А. Введение в археологию. История археологических знаний. Ч. I. Пг., 1923. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 9.

А.Н. Щукарев, С.А. Жебелев, Н.П. Кондаков, Б.В. Фармаковский. 1895 г.
(СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 2. Д. 10. Л. 3)

В этом качестве он более двадцати лет занимался подготовкой издаваемых Отделением «Трудов» и «Записок»¹⁵.

В 1898 г. состоялась защита магистерской диссертации «Из истории Афин, 229–31 гг. до Р. Х.», где С.А. Жебелев, опираясь на эпиграфический материал, детально исследовал политическую историю этого города в позднеэллинистический период, недостаточно освещенный в литературной традиции. В частности, им была предпринята попытка реконструировать список афинских архонтов, являвшихся эпонимными магистратами, для распределения ряда событий по времени. После этого он получил возможность читать курс лекций «Введение в классическую археологию» в Санкт-Петербургском университете в качестве приват-доцента. Позднее Жебелев вел здесь общие лекционные курсы по истории Древней Греции и Рима, а также по древнегреческой литературе. Тематика его специальных курсов была связана с греческим государственным правом, эпиграфикой и различными отделами классической археологии. Взгляды молодого преподавателя на обучение студентов формулировались следующим образом: дело заключается не в том, чтобы научить слушателей науке, а в том, чтобы «вве-

¹⁵ С этим периодом связан подготовленный Жебелевым очерк истории Русского археологического общества за 1897–1921 гг., который был опубликован совсем недавно, в год 150-летия со дня рождения ученого: Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. М., 2017. С. 17–94.

сти» их в ее изучение; роль профессора сводится, в конце концов, лишь к руководству их знаниями¹⁶.

В этот период внимание С.А. Жебелёва стало привлекать также изучение классического прошлого юга России, с которым связаны его многочисленные статьи по истории и археологии античных государств Северного Причерноморья — Ольвии, Херсонеса и Боспора, где он в полной мере продемонстрировал умение рассматривать в комплексе данные литературной традиции, эпиграфики и археологии. В 1901 г. им была опубликована монография «Пантикапейские Ниобиды» (МАР № 24), которая получила серебряную медаль Русского археологического общества¹⁷. В ней всесторонне исследовались 25 односторонних терракотовых и гипсовых рельефов, служивших украшениями деревянных саркофагов I–II вв. н. э. Все они связаны с мифом о трагической судьбе детей царицы Ниобы, погибших от стрел Аполлона и Артемиды в отместку за оскорбление, нанесенное их матери. Используя детальный искусствоведческий анализ, Жебелёв сумел убедительно обосновать свой вывод о том, что в данном случае образцом для изготовлявших саркофаги боспорских мастеров послужила не статуарная скульптура, а рельефы, подобные украшавшим трон Зевса Олимпийского, описанный Павсанием. В следующем году за этот труд ученый был удостоен звания члена-корреспондента Императорской археологической комиссии¹⁸. Тогда же появилась его статья о боспорских Археанактидах¹⁹, первая из серии работ, посвященных античному Боспору, а еще пять лет спустя, в соавторстве с В.К. Мальмбергом, публикация под названием «Три архаических бронзы из Херсонской губернии» (СПб., 1907).

В 1903 г. С.А. Жебелёв успешно защитил докторскую диссертацию под названием «АХАИКА. В области древностей провинции Ахайи», где, главным образом на основе надписей, была представлена картина постепенного формирования одной из римских провинций на Балканах. На основе данных эпиграфики ему удалось доказать, что после 146 г. до н. э. в провинцию Ахайю включили только территорию враждебных римлянам греческих государств — Ахейского союза с Коринфом, Беотии и Эвбеи, а прочие греческие общины еще долго продолжали пользоваться политической свободой и формально сохраняли свой государственный строй вплоть до времени Августа, а в отдельных случаях и дольше. Обе диссертации Жебелёва, изданные в виде отдельных монографий, получили весьма высокую оценку таких отечественных специалистов в области античной истории и эпиграфики, как Ф.Ф. Соколов и А.В. Никитский²⁰.

¹⁶ Жебелёв С.А. Автонекролог. С. 185.

¹⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 270. Л. 3–8; Д. 403. Л. 17.

¹⁸ Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. С. 189.

¹⁹ Жебелёв С.А. Боспорские Археанактиды // ЖМНП. 1902. № 3. С. 130–138.

²⁰ Высоко оценивали труды Жебелёва и зарубежные ученые. Филолог-классик Б.В. Варнеке (1874–1944) вспоминал, как в Кёнигсберге перед Первой мировой войной он проводил время в компании немецкого антиковеда Отто Росбаха (1858–1931): «Этот богатый холостяк, владелец железнодорожных акций и земли в Сицилии, закармливал и запаивал меня изысканнейшими сицилийскими винами, но перед обедом я часа два должен был ему переводить труды С.А. Жебелёва о Ниобидах и главы о художниках из его докторской диссертации. От их содержания он был в восторге и очень жалел, что не знал их при составлении своих статей у Pauly-Wissowa. Он собирался поехать морем в Петербург и спрашивал: “Сергей Жебелёв такой же изрядный любитель вин? Могу я ему передать простого сицилийского вина?” Я высказывал надежду, что

В том же 1903 г. Жебелёв занял пост редактора отдела классической филологии «Журнала министерства народного просвещения» и на протяжении многих лет готовил к изданию статьи, составившие в итоге пятнадцать объемных томов. Этот гигантский труд, к которому добавлялась работа с монографиями в основном начинающих ученых, дал повод И.И. Толстому назвать С.А. Жебелёва «прирожденным редактором»²¹.

Получение должности экстраординарного профессора по кафедре классической филологии с жалованьем 200 руб. в месяц, а с 1913 г. — ординарного профессора (300 руб. в месяц) сделало жизнь Сергея Александровича достаточно обеспеченной. Он поселился в просторной квартире, где хозяйство вела его сестра, Мария Александровна. На личную жизнь отвлекаться не приходилось: общества сестры и любимого кота ему было вполне достаточно. Свой обычный регламент Жебелёв ослаблял только в тот период, когда сестра уезжала к родственникам в провинцию. Тогда он начинал чаще видеться с друзьями, посещать театры и отправляться на загородные прогулки. В редких случаях приходилось жертвовать этим временем ради науки, помогая коллегам, с которыми его связывали особенно близкие дружеские отношения, как это было с написанием докторской диссертации В.К. Мальмберга о древнегреческих фронтонах композициях. Наконец, появилась и возможность своими глазами увидеть многие выдающиеся памятники античности и важнейшие музеи во время путешествий по Греции, островам Эгейского моря, Малой Азии и Италии²². Важным этапом в этом отношении стало участие Жебелёва в Первом международном археологическом конгрессе в Афинах (7–13 апреля 1905 г.), торжественное открытие которого состоялось на Афинском акрополе, в Парфеноне, в день празднования освобождения Греции от турецкого ига. В составе русской делегации Жебелёв сделал доклад «Древнегреческие вещи из Кубани (келермесское зеркало и ритон)», а после завершения конгресса принял участие в ряде археологических экскурсий по музеям и наиболее известным памятникам Афин, Аргоса, Тиринфа, Элевсина, Эпидавра, Микен, Коринфа, Олимпии и Дельф. В ходе поездок на специально зафрахтованных пароходах удалось осмотреть многие острова Эгейского моря (Эгину, Делос, Миконос, Мелос, Феру, Крит, Кос, Самос, Лесбос) и древние города Малой Азии — Трою, Пергам, Эфес, Книд²³.

В начале XX в. С.А. Жебелёв, полностью отдавшийся научной карьере, стал значительной фигурой в общественной жизни Петербурга. Он встречался со многими известными людьми своего времени, и не только с теми, кто принадлежал к академической среде. Например, тесно сотрудничал Жебелёв с не чуждым археологии знаменитым музыкальным и художественным критиком В.В. Стасовым (1824–1906). Знаком он был и с И.Е. Репиным, с которым они вместе навещали в Ясной Поляне Л.Н. Толстого и принимали экзамены в Академии художеств.

С.А. и на этом поприще не посрамит земли русской» (*Варнеке Б.В. Старые филологи // ВДИ. 2014. № 1. С. 169*).

²¹ Максимова М.И. Из воспоминаний о С.А. Жебелёве. С. 87.

²² Как он сам отмечал на склоне лет, его заграничные поездки в 1896, 1900 и 1905 гг. обошлись Санкт-Петербургскому университету всего в 1500 рублей. Во всех остальных случаях он ездил за свой счет (см.: Жебелёв С.А. Автонекролог. С. 178–179).

²³ Тункина И.В. К столетию Первого международного археологического конгресса в Афинах // IN SITU: к 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб., 2006. С. 381–383.

С.А. Жебелев в театре Диониса в Афинах.
22 апреля 1905 г.
(ФО НА ИИМК РАН. I 65490)

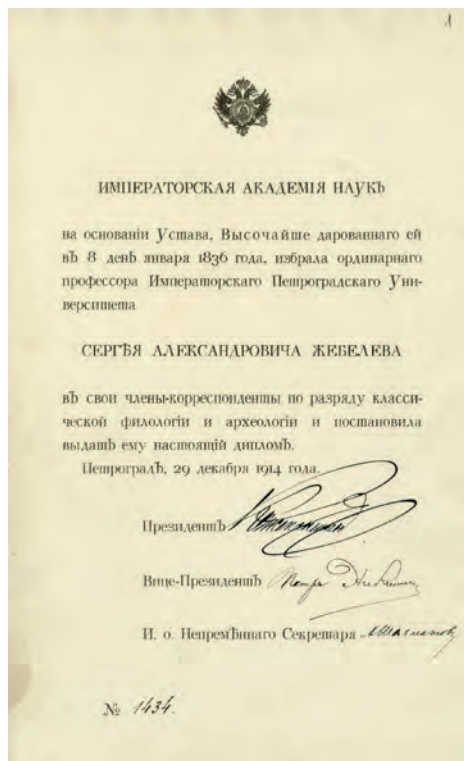

М.И. Ростовцев, С.А. Жебелев
и Е.М. Придик во время экскурсии
по Эгейскому морю. 1905 г.
(ФО НА ИИМК РАН. I 65626)

По воспоминаниям Жебелёва, записанным 17 марта 1926 г. художником-графиком и искусствоведем В.В. Воиновым (1880–1945), это происходило следующим образом: «Если студент отвечал хорошо, Репин начинал шумно восторгаться и удивляться... Если ответы были неудачны, то Илья Ефимович вдруг весь вскипал, начинал кричать: “Таким студентам не место в Академии, гоните его вон!” Затем Жебелёв путем наводящих вопросов выяснял, что студент кое-что знает, тогда Илья Ефимович восторгался снова: как это, мол, профессор умеет извлечь знания у человека, который обнаружил сначала свое полное неведение!?»²⁴.

Постепенно круг обязанностей Жебелёва продолжал расширяться. В Санкт-Петербургском университете на протяжении ряда лет он исполнял обязанности ученого секретаря историко-филологического факультета и одно время даже был проректором. Помимо этого, в 1909–1920 гг. Сергей Александрович вел занятия со студентами в Историко-филологическом институте и два года преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах. Такая многообразная общественно-полезная деятельность не осталась незамеченной и была вознаграждена орденами Св. Станислава 2-й и 3-й степени и Св. Анны 2-й степени. К тому же профессорское звание по университетскому уставу 1884 г. давало чин статского советника и личное дворянство. Выражением признанного авторитета С.А. Жебелёва в ученой

²⁴ В.В. Воинов. Отрывки из дневника. Архив Т.В. Воиновой.

Диплом об избрании С.А. Жебелева членом-корреспондентом АН. 1914 г. (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 79. Л. 1)

Пёльмана (1910) и «Истории греческой литературы» братьев Альфреда и Мориса Круазе (1912). Первая книга на долгие годы стала источником важных сведений и идей для всех, кто изучал историю Древней Греции, а вторая до сих пор не имеет себе равных по полноте и изяществу изложения содержания произведений античных авторов. Популяризации археологических знаний способствовали статьи С.А. Жебелёва по античной археологии и искусству в каждом из 29 томов Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона (1911–1916 гг.). Особо весомым оказался его вклад в историографию науки о классической древности. Из года в год огромный труд вкладывался также в рецензирование различных научных работ. В этом отношении Сергей Александрович не терпел никаких компромиссов и был беспощаден в своих оценках. При этом в высшей степени строгость он проявлял, прежде всего, к самому себе и открыто признавался в собственных ошибках, например, признал печатно ошибочность данного им изложения событий первого года второй Македонской войны 200–197 гг. до н. э.²⁶ Его кредо были слова Теодора Моммзена (1817–1903), автора фундаментальных трудов по истории Древнего

среде стало его избрание в 1914 г. членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук.

С годами Жебелёв все больше времени уделял переводам античных авторов и изданиям основополагающих зарубежных монографий по античной истории и культуре²⁵. Особое место в этом ряду принадлежит новому переводу «Политики» Аристотеля, опубликованному в 1911 г. К нему прилагался добротный исторический комментарий и большая статья о греческой политической мысли. Необходимо также отметить подготовленный к изданию перевод «Истории» Фукидида, выполненный Ф.Г. Мищенко (Т. I–II М., 1915). Допущенные им неточности были исправлены, а само издание дополнено прекрасными статьями о Фукидиде и его труде. Позднее появились переводы ряда диалогов Платона, произведений Ксенофонта («Домострой», «Апология Сократа» и «Пир»), «Гражданских войн» Аппиана.

Большую роль в развитии отечественно-го просвещения сыграли издания под редакцией Жебелёва трудов крупнейших западных ученых: «Греческой истории» Роберта

²⁵ Фролов Э.Д. Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941) // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2. М.-Иерусалим, 2000. С. 21.

²⁶ Жебелёв С.А. Автонекролог. С. 180.

Рима: «Безоговорочно честное исследование истины, не останавливающееся ни пред каким трудом ни в малом, ни в большом, не скрывающее ничего сомнительного, не замалчивающее никакой лакуны ни в предании, ни в собственном знании, всегда во всем дающее отчет себе и другим»²⁷.

Если он брался за написание некролога кого-либо из своих знакомых, то фактически превращал его в подробный биобиблиографический очерк, дававший объективную оценку тому или иному исследователю не только как ученому, но, прежде всего, как человеку «со всеми его положительными и отрицательными, сильными и слабыми сторонами»²⁸. Это дало повод И.В. Цветаеву назвать С.А. Жебелёва «подлинным Плутархом русской филологии»²⁹. К этому можно добавить, что подобно Плутарху, составлявшему параллельные биографии греков и римлян, С.А. Жебелёв в почти равной мере³⁰ отдал дань памяти не только выдающимся отечественным (В.К. Ернштедту, Ф.Ф. Соколову, И.В. Цветаеву, А.В. Прахову, И.И. Толстому, П.В. Никитину, Б.А. Тураеву, В.В. Латышеву, Б.В. Фармаковскому и др.) но и многим европейским ученым (А. Фуртвенглеру, А. Кирхгофу, А. Михаэлису, П. Фукару, Г. Дильсу, У. Виламовицу-Мёллендорфу и др.), которых он высоко ценил. Иногда биографические очерки разрастались до объема целой монографии. Наиболее яркий пример в этом отношении — книга, посвященная памяти учителя Ф.Ф. Соколова (СПб., 1909). В ней за описанием его научных принципов вполне отчетливо просматривается изложение взглядов самого автора.

События, связанные с Октябрьской революцией и гражданской войной, обернулись для российских антиковедов тяжелыми испытаниями. Почти одновременно прекратили свое существование Историко-филологический институт, Русское археологическое общество и Журнал Министерства народного просвещения. Как и большинство ученых, Жебелёва постоянно преследовал страх голодной смерти в собственной замерзающей квартире, которую к тому же могли реквизируют или «уплотнить». Кроме этого, приходилось опасаться ставших повседневно грабежей, насилия и убийств.

Организованная советским правительством в 1919 г. система академических пайков, безусловно, способствовала выживанию научной элиты страны, но такая помощь была нерегулярной, поэтому многие профессора испытывали тяжелейшую нужду. В записке ректора Петроградского университета, направленной в Комиссариат народного просвещения, говорится об истощении представителей преподавательского состава вследствие неправильного питания и непосильного физического труда, так как они вынуждены «жить без прислуги»³¹.

Занятия в университете периодически отменялись из-за холода в аудиториях. Порой, даже когда прибывала баржа с дровами, не хватало средств оплатить ее разгрузку. Регулярному чтению лекций препятствовала и проблема передвижения

²⁷ Приведены слова из составленного Моммзенем некролога Отто Яна. См.: *Mommsen Th. Reden und Aufsätze*. В., 1905.

²⁸ Жебелёв С.А. Предисловие к автонекрологу // ВДИ. 1993. № 2. С. 174.

²⁹ Варнеке Б.В. Старые филологи // ВДИ. 2014. № 1. С. 169.

³⁰ В итоге в списке печатных трудов Жебелёва оказались некрологи 19 российских и 12 зарубежных ученых.

³¹ Сковрцов А.М. Повседневная жизнь антиковедов в первые годы советской власти // *Scripta antiqua*. 2017. Т. 6. С. 455.

по городу. Улицы тогда никто не чистил, а цены на проезд в общественном транспорте были необычайно высоки. Неудивительно, что в Совет Управления городскими трамваями неоднократно поступали обращения о предоставлении профессорам и преподавателям льготных условий в этом отношении. К экономической разрухе добавлялись проблемы в организации учебной и научной работы: сокращение ненужных с точки зрения советской власти учебных курсов, отсутствие прежних контактов с западными коллегами и доступа к иностранной литературе, почти полное прекращение возможности научных публикаций. Многие из коллег С.А. Жебелёва по университету, продолжая работать, возвращались домой «с ужасными впечатлениями от произвола, грубости и нахальства с одной стороны, и полной беспомощности и бесправия — с другой»³². Произошедшие перемены в общественной жизни ученый, естественно, не мог принять положительно и позднее называл этот период не иначе как лихолетьем. Однако Россию он не покинул и публично никогда не заявлял себя противником новой власти.

В это голодное время Жебелёв фактически оказался главой отечественной школы антиковедения, обеспечив преемственность традиций классической археологии и филологии. Он продолжил преподавать в Петроградском (позднее Ленинградском) государственном университете, как профессор кафедры классических языков и литературы, где за ним закрепили курсы лекций по истории Греции эллинистического периода, о творчестве Плутарха и греческой папирологии. Если записавшихся на курс студентов было немного, его корректировали в соответствии с их интересами и подготовкой. Известный археолог Б.Б. Пиотровский (1908–1990), вспоминая свои студенческие годы, писал о том, как он пришел на первое занятие по курсу «Греческая папирология»: «...С. А. понял, что этот курс нам не под силу, и стал читать “Историю изучения античных письменных памятников” с практическими занятиями по копированию и эстампированию греческих надписей, стоявших тут же в кабинете древностей. Нам, первокурсникам, такие занятия были очень полезны. Но зачет в матрикуле мы получили по папирологии...»³³.

Конечно, талантливым оратором С.А. Жебелёв не был и сам знал об этом. Филолог-классик А.И. Доватур (1897–1982) описывал его лекции таким образом: «Монотонное чтение... с неожиданными и не всегда оправданными логически повышениями голоса не могло увлечь слушателей»³⁴. С другой стороны, все его ученики³⁵ с благодарностью вспоминали семинары по текстам греческих авторов и эпиграфике. Особенностью этих занятий было то, что их руководитель «направлял чтение... давал необходимые пояснения, но никогда не заслонял собою читавшихся авторов. Задачей семинара было поставить его участников лицом к лицу с литературным или эпиграфическим памятником, ознакомить их с ним, а не с мнением профессора об этом памятнике»³⁶.

³² Там же. С. 456–457.

³³ Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. М., 2009. С. 38.

³⁴ Васильев А.Н. С.А. Жебелёв как учитель (личные воспоминания А. И. Доватура) // Жебелёвские чтения. 1997. С. 7.

³⁵ Среди них, помимо А.И. Доватура, были такие известные в будущем антиковеды, как А.И. Болтунова (1900–1991), Г.А. Стратановский (1901–1986), Д.П. Каллистов (1904–1973), К.М. Колобова (1905–1977).

³⁶ Васильев А.Н. С.А. Жебелёв как учитель. С. 7.

С.А. Жебелёв принял активное участие в налаживании работы не только университета, но и многих музеев³⁷. Столь же активную позицию он занял, когда в марте 1919 г. Н. Я. Марр начал обсуждать с ним планы преобразования Российской государственной археологической комиссии³⁸. Начало августа того же года ознаменовался для Жебелёва тем, что он, хотя и не смог участвовать в Избирательном собрании, вполне заслуженно стал действительным членом Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). Новоявленный академик вошел в состав Археологического отделения, где возглавил Разряд Эллады и Рима, о своем положении в котором по итогам 1919 г. он скептически высказался таким образом: «Разряд состоит из одного заведующего им. Совещания разряда не было, так как не с кем было совещаться»³⁹.

Многое было сделано Жебелёвым в этот период в области научно-популярной литературы. Помимо просветительской цели это была возможность получения дополнительного заработка. Небольшие по объему книги, написанные доступным языком, охотно принимались издателями. В данном случае они следовали официальной точке зрения, согласно которой серьезные научные труды непонятны большей части общества и, следовательно, не нужны. Одна из наиболее успешных научно-популярных серий книг выпускалась под рубрикой «Круг знания» в 1918–1922 гг. петроградским издательством «Огни». В ней вышли две монографии Жебелёва: «Евангелия канонические и апокрифические» (Пг., 1919) и «Апостол Павел и его послания» (Пг., 1922). Более плодотворным оказалось его сотрудничество с издательством «Наука и школа», где в серии «Введение в науку» публикуются книги: «Эллинизм» (Пг., 1920), «Эллинизм» (Пг., 1922), «Древний Рим. Царская и республиканская эпохи» (Пг., 1922), «Древний Рим. Императорская эпоха» (Пг., 1923) и «Введение в археологию» (Ч. 1–2. Пг., 1923).

Монографию «Введение в археологию» следует выделить особо. В ней С.А. Жебелёв обобщил материалы своих лекционных курсов, хотя и считал, что это «результаты скорее “книжных занятий”, чем изучения вещественных памятников в их натуре. А последнее для археолога — прежде всего»⁴⁰. Кроме того, он прекрасно понимал, что не обладает в полной мере информацией о новых зарубежных археологических открытиях. В своем письме историку-античнику В.П. Бузескулу (1858–1931) он с горечью отмечал: «...скоро даже ничего из научно-популярного нельзя будет написать... отстали и отстаем»⁴¹. Так или иначе «Введение в археологию» было первым в отечественной научной литературе систематическим изложением истории археологической мысли, сделанным с позиций представителя антиковедения⁴². При этом отмечалась огромная роль классической археологии

³⁷ В 1919 г. он состоял председателем Совета Эрмитажа, в 1920–1921 г. — был помощником заведующего Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе.

³⁸ Жебелёв С.А. Рождение ГАИМК. Из воспоминаний о Н.Я. Марре // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 3–4. С. 172–173; *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* С.А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам новых архивных документов). Часть I. 1913–1927 // ВДИ. 2020. № 2. С. 505.

³⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

⁴⁰ Жебелёв С. А. Автонекролог. С. 179.

⁴¹ *Скворцов А.М.* Повседневная жизнь антиковедов в первые годы советской власти. С. 459.

⁴² *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб., 2010. С. 25.

в разработке методов исследований, постепенно усваивавшихся «прочими отделами археологической науки»⁴³. В развитии мировой археологии он выделял три периода: художественно-артистический (XV–XVI вв.), антикварный (с XVII в.), в финале которого появляется предложенный И. Винкельманом (1717–1768) метод стилистического анализа, и собственно научный (с конца XVIII — XIX вв.)⁴⁴. Что касается истории археологии в России, то здесь Жебелёв пошел по пути ее рассмотрения в рамках отдельных направлений, выделив в качестве определенного хронологического рубежа 1870-е гг., когда в стране значительно увеличивается количество соответствующей научной литературы⁴⁵. Другим рубежом ему представлялось 1 августа 1914 г. — дата вступления России в Первую мировую войну, как своего рода «демаркационная линия между прошлым и будущим», которое людям его поколения не суждено узреть и оценить⁴⁶.

Сотрудничал С.А. Жебелёв и с Государственным издательством РСФСР, которое после восстановления дипломатических отношений с Германией издало в Берлине на русском языке написанные им биографические очерки, посвященные Демосфену (1922), Александру Великому (1922) и Сократу (1923).

Отдельная тема связана с работой ученого в издательстве «Academia» (1921–1929), в редакционный совет которого он входил с самого начала. Издательство возникло по инициативе Философского общества при Петроградском университете и для начала, во многом по инициативе Жебелёва, решило осуществить задуманное еще до революции издание полного собрания сочинений Платона в новых переводах с качественными комментариями. Собственно, с этим началом связано само название новой организации, которое созвучно имени философской школы Платона, располагавшейся в роще афинского героя Академа. Именно на обложке пятого тома «Творений Платона» (диалоги «Пир» и «Федр» / перевод, вводные статьи и примечания С.А. Жебелёва, 1922) впервые появилась ставшая вскоре широко известной марка издательства, созданная художником-графиком Г.П. Любарским (1885–1942). К сожалению, из пятнадцати запланированных томов в свет вышли только шесть: I («Евтифрон», «Апология Сократа», «Критон», «Федон» в пер. С. А. Жебелёва, 1923), IV (1929), V (1922), IX (1924), XIII (1923), XIV (1923). Это составляет около трети платоновского корпуса, полностью подготовленный перевод которого в настоящее время хранится в СПбФ АРАН. Работа над серией прервалась после перевода издательства из Ленинграда в Москву в 1929 г.

В РАИМК⁴⁷, начиная с 1923 г. и в течение последующих пяти лет, С.А. Жебелёв нередко исполнял обязанности председателя в период частых отлучек занимавшего эту должность Н.Я. Марра, поскольку официально был его заместителем. Это было время, когда академические сотрудники довольствовались иллюзией автономии, а власть в их дела особенно не вмешивалась. Только благодаря этому по инициативе Жебелёва стало возможным издание под грифом РАИМК фундамен-

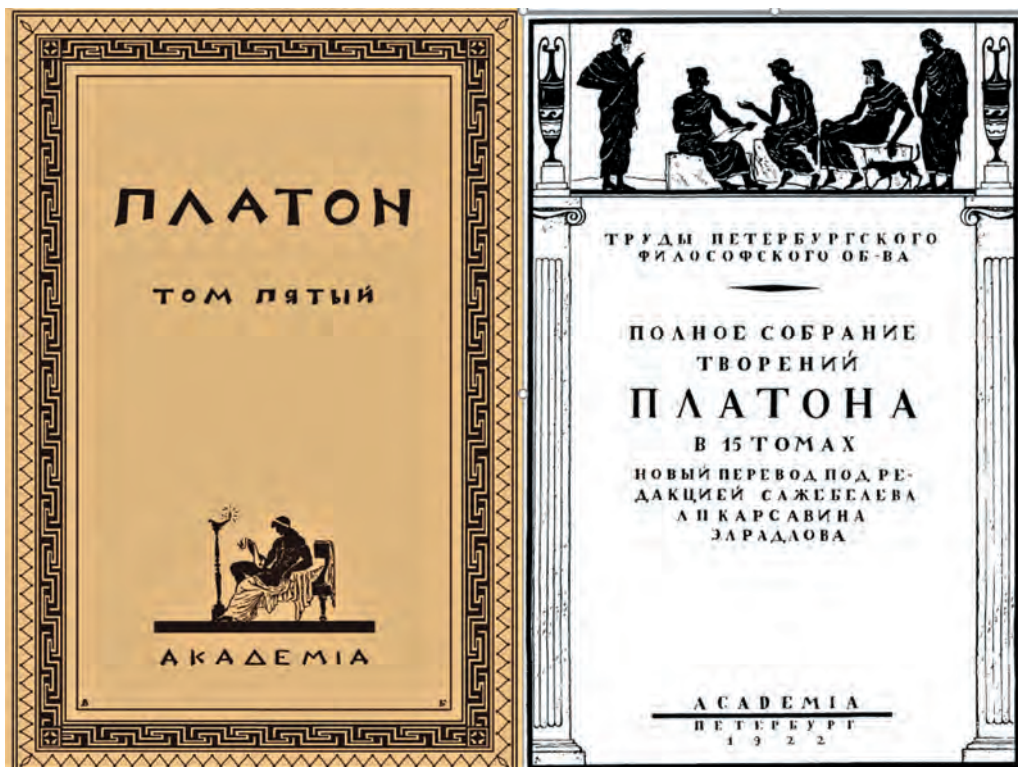
⁴³ Жебелёв С.А. Введение в археологию. Ч. 1. С. 7.

⁴⁴ Там же. С. 18–27.

⁴⁵ Там же. С. 137.

⁴⁶ Там же. С. 6.

⁴⁷ С 1926 г. Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК).

Обложка и титульный лист 5 тома сочинений Платона под редакцией С.А. Жебелева. 1922 г.

тального труда «Скифия и Боспор» (1925)⁴⁸, автором которого был его друг и коллега М.И. Ростовцев, позднее клеймившийся в советской прессе не иначе как «фашиствующий белоэмигрант».

Серьезным испытанием для Жебелёва стали выборы в действительные члены Академии наук СССР. Его кандидатура для замещения академической по античной филологии еще в 1922 г. была выдвинута В.П. Бузескулом и активно поддержана С.Ф. Ольденбургом, В.В. Бартольдом, Ф.И. Успенским и рядом других крупных ученых. Нашлись и противники этого избрания, развернувшие против него жесткую борьбу. Среди них задавали тон востоковед П.К. Коковцов (1861–1942), историк Н.К. Никольский (1863–1936) и востоковед Ф.И. Щербатской⁴⁹. Суть скандальных обвинений заключалась в том, что во «Введении в археологию» есть места, без ссылок заимствованные из других книг, т. е. налицо плагиат. В итоге после долгих

⁴⁸ Зуев В.Ю. Творческий путь М.И. Ростовцева (К созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства») // ВДИ. 1991. № 1. С. 175; Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Ук. соч. С. 507.

⁴⁹ См.: Тункина И.В. Из истории академических выборов 1927 года: письмо О.А. Добиаш-Рождественской М.И. Ростовцеву // Верхнедонской археологический сборник. 2015. Вып. 7. С. 128–134; Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. С.А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам новых архивных документов). Часть II. 1927–1932 // ВДИ. 2020. № 3. С. 755–756.

разбирательств на Общем собрании Академии 7 мая 1927 г. С.А. Жебелёв был избран большинством голосов (21 против 8)⁵⁰.

Получив звание действительного члена АН СССР, Жебелёв возглавил в ГАИМК сектор античного Северного Причерноморья⁵¹. Конечно, в археологических экспедициях своих сотрудников он никогда не участвовал и оставался кабинетным исследователем, который пользовался опубликованными результатами полевых работ, но именно ему принадлежит весьма плодотворная идея раскопок так называемых малых городов Боспора, которую позднее успешно реализовал В.Ф. Гайдукевич.

Круг обязанностей академика постепенно расширялся. В 1928 г. к ним добавилось руководство Библиотекой АН СССР, а после смерти академика Ф. И. Успенского редактирование журнала «Византийский временник». Со многими сотрудниками ГАИМК у Сергея Александровича установились самые тесные связи, носившие не только рабочий характер. В этом отношении стоит привести отрывок из его письма от 24 июля 1928 г. М.И. Максимовой (1885–1973), находившейся в длительной заграничной командировке: «Я усиленно и с большим вредом для себя управляю одной Академией всецело, другой в количестве 1/3 и академической библиотекой всецело. Подчас голова идет кругом. И если бы не было крокета в Мраморном [дворце. — В.Г.], погиб бы совершенно. Сегодня с 3^{1/2} до 6^{1/4} сражались партиями: одна — Девель⁵², Штейн⁵³, Мещанинов⁵⁴ и Замятнин⁵⁵; другая — Милова⁵⁶, Румянцева⁵⁷, Карасев⁵⁸ и я. Первую проиграли мы. Но во второй взяли реванш. Причем должен сказать, что выиграли благодаря одному удивительно ловкому маневру со стороны Миловой. Страсти настолько разгорелись, что мы перед некоторыми ходами устраивали даже тайные совещания»⁵⁹. В другом письме от 11 августа 1928 г. С.А. Жебелёв сетовал, что из-за огромного круга обязанностей он «...не только оторван от науки, но и здорово устал. С осени нужно будет радикально изменить образ поведения...». Нередко в его переписке с коллегами про-

⁵⁰ Жебелёв С.А. Автонекролог. С. 186.

⁵¹ Многочисленные статьи, написанные им по этой тематике, уже после смерти ученого вошли в книгу «Северное Причерноморье» (М.; Л., 1953).

⁵² Девель Т.М. (1888–1981) — историк, в Фотографическом отделе РАИМК с 1921 г.

⁵³ Штейн В.Ф. (1881–1971) — художница, скульптор, в 1914 г. закончила историко-филологический факультет Петроградского университета. Занималась историей античного Причерноморья, в 1928–1929 гг. работала в ГАИМК, участвовала в археологических раскопках в Крыму и Ольвии, читала лекции в Рабочем воскресном университете при Эрмитаже и Русском музее. Автор статуэтки, изображающей Жебелёва в кресле, которая стоит на каминной полке в Отделе истории античной культуры ИИМК РАН (*Виноградов Ю.А. Последнее письмо академика С.А. Жебелёва* // АВ. 2018. Вып. 24. С. 404).

⁵⁴ Мещанинов И.И. (1883–1967) — лингвист и археолог, д. и. н., профессор, в РАИМК с 1919 г. как управляющий делами Академии, с 1920 по 1922 г. председатель хозяйственного комитета, с марта 1920-го в Разряде древних культур Кавказа и яфетического мира, с 1928 по 1930 г. ученый секретарь Академии, с 1932 г. академик АН СССР.

⁵⁵ Замятнин С.Н. (1899–1958) — археолог, ученик А.А. Миллера, к. и. н. В РАИМК/ГАИМК с 1924 г. в аспирантуре, с 1927 г. в Секции генетики культуры.

⁵⁶ Милова Т.И. (годы жизни не установлены) — научно-технический сотрудник Разряда греко-римского искусства РАИМК/ГАИМК с 1924 по 1930 г. Занималась обработкой материалов из раскопок Ольвии.

⁵⁷ Установить личность не удалось.

⁵⁸ Карасев А.Н. (1902–1972) — археолог, ученик Б.В. Фармаковского, в ГАИМК с 1928 г.

⁵⁹ *Максимова М.И.* Из воспоминаний о С.А. Жебелёве. С. 88.

скальзывал сарказм относительно состояния отечественной науки и академических дел, после занятия которыми, «когда вечером заседаешь за стол письменный, ничего не понимаешь в раскрытой книге». Далее, оглядываясь назад, он писал, «что за десятилетие советской власти ни разу не ездил в командировку, ни разу не пользовался отпуском... меня хотят звать в директора Эрмитажа. Что ж, я согласен, если деятельность Эрмитажа будет перенесена со дня на вечер и отчасти на ночь — другого свободного времени у меня нет»⁶⁰.

Между тем вскоре заслуженному ученому стало совсем не до отдыха. Над ним сгустились тучи в виде нелепых обвинений, которые отняли у него много физических и душевных сил. Это связано с так называемым «делом академика Жебелёва» (ноябрь — декабрь 1928 г.) — политическим скандалом, в центре которого он неожиданно оказался. Дело в том, что после утверждения Совнаркомом СССР первого советского устава Академии наук ее ждала коренная перестройка. Прежде всего, число академиков планировалось увеличить вдвое за счет избрания в ее состав ученых-коммунистов. Под особым прицелом властей оказался именно Жебелёв, поскольку он являлся членом трех выборных комиссий Академии по гуманитарным наукам. Подозрение вызвала публикация в Праге в октябре 1928 г. второго тома трудов семинара Н.П. Кондакова, посвященного памяти известного искусствоведа Я.И. Смирнова. Его открывал написанный С.А. Жебелёвым некролог, где упоминался враждебный Советской власти М.И. Ростовцев и не скрывалось скептическое отношение к «социологии» и другим вошедшим в моду течениям⁶¹. Это было воспринято как враждебный антисоветский выпад, тем более сделанный в эмигрантском журнале. Немедленно перед непременно секретарем АН СССР С.Ф. Ольденбургом поставили вопрос об исключении Жебелёва из Академии наук и ГАИМК, на что тот возражал, что «...сначала надо разобраться... и потребовать объяснения от самого Жебелёва»⁶². Между тем ситуацией воспользовались его недруги, например член-корреспондент АН СССР И.А. Орбели и промарксистски настроенные ученые из Эрмитажа, потребовавшие снятия ненадежного в идеологическом плане академика со всех постов. Выход был один — написать для опубликования в прессе объяснительное письмо, лично покаяться и отречься от контактов с эмигрантами и, прежде всего, с М.И. Ростовцевым. С.А. Жебелёв тогда явно растерялся и 21 ноября принес Ольденбургу письмо, которое тот охарактеризовал как «многоречивое, бестолковое, не по существу»⁶³ и сделал вывод, что фактически его нужно переписать заново. Однако дело было уже не только в этом. Вечером того же дня в Москве и Ленинграде состоялись заседания Бюро Секции научных работников при Правлении союза работников просвещения СССР, принявшие решение об исключении Жебелёва из Академии наук согласно § 22 нового устава за участие в эмигрантском издании, действовавшем

⁶⁰ Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. С.А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам новых архивных документов). Часть II. 1927–1932. С. 764.

⁶¹ Жебелёв С.А. Яков Иванович Смирнов // Сборник статей по археологии и антиковедению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Т. 2. Прага, 1928. С. 1–16.

⁶² Тункина И.В. «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Вып. 2. СПб., 2000. С. 121.

⁶³ Там же. С. 122.

во вред интересам Советского Союза, что «несовместимо с достоинством советского ученого»⁶⁴.

Дело грозило перерасти в гонения на всю Академию и представителей дореволюционной интеллигенции в ее составе. В защиту своего коллеги выступили только Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, одумавшийся И.А. Орбели и директор Российского гидрологического института В.Г. Глушков. В частности, Марр призвал присутствующих быть объективными и вести борьбу «не против лиц, а против фактов», «...безразлично, где напечатана статья, важно то, что в ней сказано»⁶⁵, настаивали на публикации объяснений Жебелёва в печати. Вместо этого началась травля академика во всех центральных и местных газетах, выходивших под заголовками: «Симптом опасной болезни», «Научные работники — против Жебелёва», «Общественное лицо Жебелёва», «Отпор притаившимся», «Вредителям советского строительства не место в Академии наук СССР», «Антисоветская работа под флагом науки». В этой ситуации Жебелёву, чтобы продемонстрировать свою лояльность советской власти, пришлось в письме Ольденбургу от 22 ноября нравственно ломать себя, каяться и публично отречься от Ростовцева⁶⁶.

В итоге дело было передано на рассмотрение экстренного заседания Президиума АН СССР, которое приняло решение «признать выступление акад. Жебелёва неправильным и поставить ему на вид недопустимость подобных действий»⁶⁷. Остановить всю раскрутившийся маховик травли было сложно и скоро появился термин «жебелёвщина в науке». Собрания с протестами против пребывания ученого среди действительных членов Академии наук прошли во многих высших учебных и научных учреждениях страны. Высказался даже нарком просвещения А.В. Луначарский (1875–1933)⁶⁸: «Я ни на минуту не сомневаюсь, что здоровая часть наших научных кадров своим резким отпором укажет за границе, что господа Жебелёвы ни в коей мере не являются представителями подлинных воззрений наших ученых...»⁶⁹. По этому поводу академик В.И. Вернадский написал в своем дневнике: «Люди сейчас потеряли всякий моральный стыд и идут на всякую подлость, спасая свою шкуру»⁷⁰.

30 ноября в печати появилось второе покаянное письмо С.А. Жебелёва, но его «дело» и после этого не было прекращено, поскольку на Академию таким образом оказывалось давление перед выборами, на которых в ее состав должны были войти кандидаты-коммунисты. В результате в начале декабря 1928 г. все выдвиженцы со стороны власти были избраны, а многие выдающиеся отечественные ученые, наоборот, изгнаны из числа академиков. После этого дело Жебелёва решили спустить на тормозах и признать необходимость применения к нему карательных мер

⁶⁴ Известия. 1928. 22 ноября.

⁶⁵ Тункина И.В. «Дело» академика Жебелёва. С. 125.

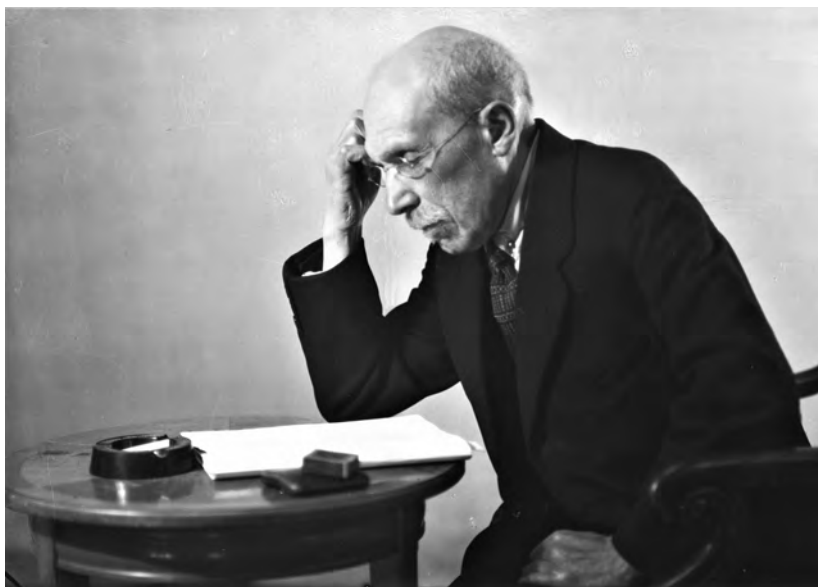
⁶⁶ Там же. С. 128–129.

⁶⁷ Там же. С. 130.

⁶⁸ Кстати, сам Луначарский приходился не раз заклеяменному в этой пропагандистской кампании «белогвардейцу» Ростовцеву двоюродным братом (Тункина И.В. М.И. Ростовцев. Родственный контекст. Часть I: Ростовцевы и Луначарские // Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Ч. 1. СПб., 2020. С. 27–28).

⁶⁹ А.В. Луначарский о выступлении акад. Жебелёва // Красная газета. Веч. выпуск. 1928. 14 ноября.

⁷⁰ Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. 1991. Вып. 1. С. 184.

С.А. Жебелев за работой. 1929 г. (ФО НА ИИМК РАН. П 44618)

отпавшей⁷¹. Все эти события оставили в душе Сергея Александровича весьма горький осадок. Свои ощущения он отразил в письме А.И. Болтуновой от 13 декабря 1928 г.: «Что делать? Жизнь состоит не из одних “юбилеев”... По моему подсчету на одно счастливое событие в жизни человека выпадает десять несчастливых... Может быть, это — философское утешение, но приходится к нему прибегать»⁷². Даже через несколько месяцев в его переписке чувствуется осознание бессмысленности предпринимаемых научных усилий («Беда в том, что той науки, которой мы занимались, теперь у нас никому не нужно, и сами мы нечто вроде Дон-Кихотов... Мир перестраивается, и нужны новые зодчие, а старым одна дорога — в могилу...»)⁷³ и пессимизм («Вообще теперь такое время, когда очень трудно остаться самим собой — это для человека самое главное, потому что ведь, кроме ума, сердца, живота и др. органов, есть и совесть, и она подчас тоже дает о себе знать, должна давать»)⁷⁴.

Казалось, после всех волнений конца 1928 г., наконец, появилась возможность спокойно поработать, но в ходе начавшегося вскоре «Академического дела» деятельность С.А. Жебелёва и его коллег снова оказалась под прицелом бдительного ока властей. В мае 1930 г. началась «чистка» сотрудников ГАИМК, проводившаяся комиссией Рабоче-крестьянской инспекции. В процессе разбирательств академику предъявили обвинения в злоупотреблениях при покупке правлением Академии библиотеки покойного Б.В. Фармаковского по слишком большой цене и в «плагиате»

⁷¹ Тункина И.В. «Дело» академика Жебелёва. С. 150.

⁷² Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. С.А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам новых архивных документов). Часть II. 1927–1932. С. 768.

⁷³ Там же. С. 768.

⁷⁴ Там же. С. 770.

при написании книги «Введение в археологию». Несмотря на то, что в первом случае все объяснялось понятным желанием помочь вдове покойного, на общем собрании прозвучали слова, которые при соответствующей политической окраске могли иметь далеко идущие последствия: произошла почти уголовная история (А.Н. Карасев), приобретены «черносотенские книги» (П.И. Борисковский) или «совершенно антисоветское, антиобщественное барахло» (Ф.В. Кипарисов)⁷⁵. По второму пункту претензий была сделана попытка перебросить мостик от скрытых цитат из работ немецких ученых и словаря Брокгауза и Ефрона (О.О. Крюгер) к халтуре, которую подсунили советскому читателю и далее к пренебрежительному отношению к советской действительности (Б.Л. Богаевский). При обсуждении опять всплыло имя белоэмигранта М.И. Ростовцева, лучшего друга С.А. Жебелева. Говорилось о том, что над ним довлеет груз старых убеждений и пора «взять в свой научный кабинет, на свой стол работы Маркса и Энгельса», «взяться за переработку самого себя» (П.Н. Шульц)⁷⁶. В своем ответе шестидесятитрехлетний ученый подчеркнул, что ему уже поздно учиться, на это не хватает сил. В итоге он все-таки остался в ГАИМК, хотя у марксистски настроенных историков доверия по-прежнему не вызывал. В 1931 г. из печати вышла книга Г. Зайделя и М. Цвибака «Классовый враг на историческом фронте», где Жебелёв клеймился как «махровый реакционер», «плагиатор», «фальсификатор» и «апологет дворянской исторической науки»⁷⁷. Окончательно ситуация в отношении его лично изменилась только после публикации известной статьи «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре»⁷⁸, которая по стечению обстоятельств удачно вписалась в тезис Сталина о «революциях рабов» в античном мире, впервые прозвучавший на Первом съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. Предложенная за три месяца до того С.А. Жебелёвым концепция рабского происхождения Савмака, выступившего в конце II в. до н. э. против последнего боспорского царя из династии Спартокидов, рассматривалась самим автором как имеющая чисто научную ценность, а не идеологический заказ, хотя соответствие духу времени тут, безусловно, прослеживается⁷⁹. В письме Болтуновой от 28 ноября 1932 г. он писал: «...я прочитал, могу сказать, сногшибательный доклад на тему “Скифская революция в Киммерийском Боспоре”⁸⁰, одно из моих произведений, которым я мог бы гордиться, если бы был

⁷⁵ Виноградов Ю.А. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы. СПб., 2014. С. 166–167.

⁷⁶ Там же. С. 167.

⁷⁷ Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе». С. 187.

⁷⁸ Жебелёв С.А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // ИГАИМК. 1933. Вып. 70. 36 с. (то же: ВДИ. 1938. № 3(4). С. 43–71). Повторное издание потребовалось в связи с тем, что в предыдущем было предисловие, написанное историком А.Г. Пригожиным (1896–1937), расстрелянным по делу о террористической организации в ГАИМК (Панкратова Е.Г. К биографии «руководителя террористической организации ГАИМК» А.Г. Пригожина (по материалам архивно-следственного дела) // АВ. 2020. Вып. 29. С. 376–384). Стоит отметить, что эта статья Жебелёва почти сразу вызвала интерес за рубежом и в переводе была опубликована во Франции: *Žebélev S. L'abdication de Pairisadès et la révolution scythe dans le royaume du Bosphore* // *Revue des études grecques*. 1936. Т. XLIX. P. 17–37.

⁷⁹ Гаврилов А.К. Скифы Савмака — восстание или вторжение? (IOSPE I23352-Syll. 3709) // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 56.

⁸⁰ Препринт будущей статьи, подготовленной на основе доклада, носил характерное название «Первое революционное восстание на территории СССР (историческая справка)» (СГАИМК. 1932. № 9–10. С. 35–37).

самолюбивым и честолюбивым мужем. Я так разобрал надпись Диофанта, которой занимались все, начиная с Моммзена, что слушатели мои просто ахнули от сделанного мною «открытия»⁸¹. Так или иначе, но оно было сразу замечено и одобрено, как подтверждение идейной лояльности. Уже 28 декабря по итогам года С.А. Жебелёв получил премию первой категории размере 500 р. за «перевыполнение плана», при этом особо отмечалось его «глубокое исследование Херсонесской надписи Диофанта, давшее новые научные выводы»⁸².

Опальный академик быстро превратился в признанного главу советских антиковедов, и начался новый расцвет его деятельности. Это продемонстрировали «Боспорские этюды», опубликованные в 104 выпуске «Известий ГАИМК» (1934). Там рассматривалась такая важная проблема, как образование Боспорского государства, а также ряд сюжетов, связанных с боспорскими городами Нимфеем, Танаисом и Горгиппией. В 1937 г., когда ГАИМК была преобразована в Институт истории материальной культуры (ИИМК) в составе АН СССР, он стал заведовать там Сектором древнего Причерноморья. На следующий год его включили в число членов Ученого совета Института истории АН СССР в Москве и привлекли к работе над изданием II–IV томов «Всемирной истории»⁸³. С начала 1939 г. под его руководством работает сектор истории древнего мира в Ленинградском отделении Института истории. В качестве официального признания авторитета Жебелёва, как одного из ведущих советских историков древности, можно рассматривать состоявшееся в 1940 г. в Ленинграде грандиозное чествование по случаю 50-летия его научной деятельности с присвоением ему звания заслуженного деятеля науки РСФСР. Этому событию были посвящены целых три юбилейных заседания: в Институте истории материальной культуры, ректорате Ленинградского государственного университета и Институте истории, а также специальный VII выпуск журнала «Советская археология» (1941), вышедший буквально накануне Великой Отечественной войны.

В 1941 г. старый ученый не покинул осажденный Ленинград. После отъезда директора Института М.И. Артамонова в «длительную командировку» он с ноября до своей кончины 28 декабря возглавлял ИИМК⁸⁴, а также комиссию Президиума АН СССР по делам академических учреждений. Она собиралась два-три раза в неделю и сыграла большую роль в решении проблем, связанных с финансированием и бытом сотрудников, многие из которых затем ушли на фронт или эвакуировались⁸⁵. Попытка эвакуации по воздуху была предпринята 19 сентября и в отношении С.А. Жебелёва с его сестрой, но, когда они подъезжали в машине к летному полю, немецкая авиация разбомбила аэродром. «Натерпевшись великих страхов»⁸⁶, академик был вынужден вернуться в уже покинутую квартиру

⁸¹ Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. С.А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам новых архивных документов). Часть II. 1927–1932 // ВДИ. 2020. № 3. С. 761–762.

⁸² РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 108. Л. 13.

⁸³ Карток С.Г., Кулишова О.В. Академик С.А. Жебелёв, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. // ВДИ. 2018. № 1. С. 96–97.

⁸⁴ Виноградов Ю.А. Последнее письмо академика С.А. Жебелёва. С. 401.

⁸⁵ Карток С.Г., Кулишова О.В. Академик С.А. Жебелёв, последние годы. С. 100.

⁸⁶ Виноградов Ю.А. Последнее письмо академика С.А. Жебелёва. С. 402–403.

и в дальнейшем, в ужасе от пережитой страшной бомбежки, отказался от любых планов подобного рода.

Жебелёв делал все, чтобы подведомственная ему научная жизнь не прекращалась: редактировал рукописи, организовывал диспуты, провел заседание, посвященное 100-летию со дня рождения своего учителя, филолога-классика и эпиграфиста Ф.Ф. Соколова. Теперь он снова соблюдал строгий жизненный график, на этот раз обусловленный военным временем. А если оставались силы, по ночам дежурил в воротах своего дома или в составе пожарной команды поднимался на чердак для тушения зажигательных бомб⁸⁷. Питался он тогда, главным образом, сухарями из скудного блокадного пайка, чем окончательно подорвал здоровье, уже подточенное возрастными болезнями.

Сохранились воспоминания М.И. Максимовой о последней встрече с Жебелёвым в «...академической столовой, помещавшейся, как и сейчас, в подвальном этаже Института зоологии. Сергей Александрович зашел туда по пути, вероятно, за соевыми лепешками для сестры, выдававшимися там иногда без карточек. Когда он направился к выходу, я пошла его проводить. На улице уже смеркалось. Наступала очередная блокадная ночь. Поднявшись по ступенькам на мостовую, Сергей Александрович остановился и громко сказал: “Нет, в Ленинград мы Гитлера не пустим”. Затем он скрылся в сумерках, и больше я его не видела. Когда через два-три дня я зашла за чем-то в институт, М. А. Тиханова встретила меня вопросом, пойду ли я на похороны Жебелёва. Оказалось, что во время одного из своих обходов Сергей Александрович от истощения упал на улице и не мог уже подняться. Скорая помощь доставила его в больницу им. Свердлова, где он вскоре скончался»⁸⁸.

Память об академике С.А. Жебелёве сохранили его друзья, ученики и представители более молодого поколения, выпустившие в 1968 г. сборник статей «История и культура античного Причерноморья и Средиземноморья», посвященный 100-летию со дня рождения выдающегося ученого. В наши дни его имя каждый год звучит на «Жебелёвских чтениях» — международной конференции по истории античности, которую проводят исторический факультет (ныне Институт истории) и Центр антиковедения СПбГУ.

⁸⁷ Там же. С. 99.

⁸⁸ *Максимова М.И.* Из воспоминаний о С.А. Жебелёве. С. 90.

Павел Павлович Муратов (1881–1950)

В.А. Горончаровский, И.Ю. Шауб

Искусствовед, историк и писатель Павел Павлович Муратов¹ родился 19 февраля (3 марта) 1881 г. в городе Бобров Воронежской губернии в семье военного врача, потомственного дворянина. Отец Павла был человеком старой формации, служба которого начиналась, как он сам любил говорить, «при блаженной памяти императоре Николае Павловиче»². В семье царил военная атмосфера, и мальчик с детства слушал разговоры о своем двоюродном деде, участнике Бородинской битвы и старшем брате Владимире³, который к моменту его рождения уже учился в Воронежском Михайловском кадетском корпусе, а потом проходил службу в Москве. Туда, в дом на Большой Никитской, и переехала вся семья. Казалось, жизненный путь Павла Муратова был как бы заранее уже определен. Семь лет он воспитывался в 1-м Московском кадетском корпусе, затем поступил в полувойенный Институт инженеров путей сообщения в Петербурге, где был какое-то время не чужд революционных настроений, распространенных в студенческой среде. Впрочем, его вклад в «борьбу за свободу» ограничился доставкой партии нелегальной литературы из финской Райволы на конспиративную дачу в Озерках⁴.

Вернувшись в Москву, Павел Муратов под влиянием патриотических настроений периода Русско-японской войны решил отбыть воинскую повинность

¹ В этом очерке, учитывая специфику коллективной монографии, мы в основном оставляем в стороне литературную деятельность П.П. Муратова. Об этой грани его творчества см.: *Щемелёва Л. М. Муратов, Павел Павлович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 171–175; Деотто П. Библиография П. П. Муратова // Русско-итальянский Архив П. Salerno 2002. С. 365–394.*

² *Соловьев Ю.П. Очерк жизни и творчества Павла Павловича Муратова // Муратов П.П. Ночные мысли. М., 2000. С. 4.* Любопытно, что о своей матери писатель письменно и прилюдно никогда не вспоминал.

³ Муратов Владимир Павлович (1868–1934) — профессиональный военный, после кадетского корпуса окончил 1-е военное Павловское училище (1887), выпускник Николаевской академии Генерального штаба (1901 г., по 1-му разряду), состоял при Московском военном округе (1901–1908) сначала в чине капитана, затем дослужился до подполковника. В 1908–1912 гг. начальник строевого отдела штаба Свеаборгской крепости, в 1912–1915 гг. — начальник штаба Севастопольской крепости. Участник Первой мировой войны. В 1916 г. награжден Георгиевским оружием и получил чин генерал-майора. Добровольно вступил в РККА, в годы Гражданской войны состоял в Генштабе, после преподавал в Коммунистическом университете. Похоронен с воинскими почестями на Новодевичьем кладбище в Москве.

⁴ Там же. С. 5.

и в сентябре 1904 г. оказался в составе 3-й Гренадерской артиллерийской бригады, расквартированной в г. Ростове Ярославской губернии. Правда, ехать туда не пришлось, поскольку официально он был откомандирован в Москву и обучался артиллерийскому делу на Ходынке. Близкий друг Муратова, писатель Борис Константинович Зайцев (1881–1972), вспоминал, что «он тогда еще был юн, с мягкими рыжеватыми усиками, боковым пробором на голове, карими, очень умными глазами. Держался скромно. Иногда несколько застенчиво ухмылялся... “Гм, Боря, гм...” Ходил уже тогда по-литераторски, а не по-военному, левое плечо свисало, и вообще по всему облику мало походил на “фронтовика”. Нечто весьма располагающее и своеобразно-милое сразу в нем чувствовалось»⁵. Между тем война заканчивалась, и отправляться на фронт было уже поздно. После летних военных сборов П.П. Муратов был произведен в прапорщики, но в запас не уволен. Пришлось все-таки посетить Ростов, где он впервые по-настоящему встретился с древнерусским искусством, которым так много занимался позднее. Но пробыл он там недолго. Время было тревожное, до провинции уже успели дойти слухи о декабрьском восстании в Москве, и молодой офицер, с разрешения командира бригады, вернулся домой. Скоро он вышел в отставку в том же чине и с головой окунулся в литературно-художественную и театральную жизнь Москвы. Продолжая поддерживать дружеские отношения с Б.К. Зайцевым, особенно близкое знакомство он свел с поэтом и литературным критиком В.Ф. Ходасевичем (1886–1939), искусствоведом, литературоведом и переводчиком Б.А. Грифцовым (1885–1950) и художником Н.П. Ульяновым (1875–1949)⁶. В этой дружеской среде он был известен под своим детским прозвищем «Патя». На одном из литературных собраний в квартире четы Зайцевых, где кроме друга хозяина, Ивана Бунина, нередко бывали Константин Бальмонт, Андрей Белый, Сергей Городецкий, Муратов познакомился с прелестной Евгенией Пагануцци (1885–1982), одной из балерин-босоножек, последовательниц Айседоры Дункан, которая вскоре стала его женой⁷. Со своей внешностью и грацией она казалась сошедшей с полотна художника эпохи Кватроченто⁸ и вполне соответствовала эстетическим идеалам начинающего писателя.

В свадебное путешествие они на несколько месяцев 1906 г. отправились за границу. Тогда П.П. Муратов в первый раз увидел Лондон и Париж, где увлеченно посещал художественные галереи и выставки. Знакомясь с современным западным искусством (особенно привлекло его творчество Э. Мане, Сезанна, Гогена, Эмиля Бернара, Матисса и Пикассо), он заинтересовался музейной работой и после заграничного вояжа поступил на службу в московский Румянцевский музей, где до 1914 г. был помощником хранителя отдела изящных искусств и классических древностей. В то же время молодой искусствовед много печатался как художественный критик в журналах «Весы», «Золотое руно», «Аполлон», «Старые годы», живо

⁵ Зайцев Б.К. П.П. Муратов // Зайцев Б. Дни. М. — Париж, 1995. С. 172–173.

⁶ См.: Муратов П., Грифцов Б. Н. П. Ульянов. М. — Л., 1925.

⁷ Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992. С. 57.

⁸ В памяти В.Н. Муромцевой-Буниной Женья Муратова осталась как тихая, молчаливая «декадентка» «в розовом тарталановом стильном платье, причесанная на прямой пробор с косами на ушах...» (Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989. С. 263). Родившийся у Муратовых сын Никита прожил недолго.

откликаясь в своих статьях на новые явления в русской живописи, связанные с творчеством таких художников, как В.А. Серов (особенно любимый Муратовым), В.Э. Борисов-Мусатов, М.В. Нестеров, К.А. Коровин, К.А. Сомов, П.П. Кончаловский⁹.

В 1908 г., путешествуя вместе с женой и двумя другими близкими ему семейными парами — Ульяновых и Зайцевых, П.П. Муратов впервые увидел Италию, в которой после этого побывал еще шестнадцать раз. Поездка началась с посещения Венеции и городов северной и центральной части страны (Кьоджа, Равенна, Феррара, Болонья, Падуя, Прато, Флоренция¹⁰, Рим). Встреча с этой страной стала для него судьбоносной. Восхищаясь памятниками итальянской старины, он писал: «Италия принадлежит к великим темам, не устающим привлекать мысль и воображение различных людей и сменяющихся поколений. Это целый мир, и каждый, кто вступает в него, проходит в нем отдельной дорогой»¹¹. Свои впечатления от страны, навсегда ставшей его духовной родиной, он увековечил в книге очерков «Образы Италии»¹², первые два тома которой вышли в 1911–1912 гг. и принесли ему прижизненное признание¹³. Это неудивительно, поскольку «Образы Италии» — это и блестяще написанные меланхолические записки путешественника, и тонкие наблюдения знатока истории культуры этой страны, и глубокие размышления об итальянской духовности вообще. Поэт Г. В. Иванов констатировал, что «Образы Италии» была одной из тех книг «послесимволического» периода, которые способствовали воспитанию «хорошего вкуса» в русском обществе¹⁴.

По словам Зайцева, во время своего первого путешествия в Италию Муратов представлял собой «смесь поэта, мечтателя и в фантазии — авантюриста», в то же время наделенного определенной практичностью¹⁵. К этому времени его брак, оказавшийся недолгим и непрочным, распался, и в 1911 г. он женился на переводчице Екатерине Сергеевне Урениус (1888–1964)¹⁶, бывшей жене своего приятеля Б.А. Грифцова. В 1915 г. у них родился сын Гавриил¹⁷.

⁹ См.: Муратов П.П. Живопись Кончаловского. М., 1923.

¹⁰ Для Ульяновых все закончилось во Флоренции: кончились деньги и пришлось возвращаться в Москву.

¹¹ Муратов П.П. Образы Италии. Т. I. М., 1993. С. 7.

¹² Т. 1–2. М., 1911–1912; 2-е изд. Т. 1–2. М., 1912–13, в «безузоризированном» полиграфическом исполнении.

¹³ О непреходящем значении «Образов Италии» свидетельствует проведение конкурса на лучшую студенческую работу, посвященную роли этой книги в становлении и развитии российского искусствознания. Этот конкурс был проведен весной 2018 г. на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова по инициативе Флорентийского общества и Международного научно-исследовательского центра Павла Муратова (Рим). Лучшие из этих работ опубликованы: «Образы Италии» П.П. Муратова. Сборник эссе. М., 2018.

¹⁴ Иванов Г. Собр. соч. в 3-х т. Т. 3, М.: Согласие. 1994. С. 506.

¹⁵ Зайцев Б.К. Ук. соч. С. 175.

¹⁶ Она перевела новеллы Ж. де Нерваля (Сильвия. Октавия. Изида. Аврелия. М., 1912), рассказы Проспера Мериме (Избранные рассказы. М., 1913) и эссе Вернон Ли (Италия. Genius loci. М., 1914; Италия. Театр и музыка. Избранные страницы. М., 1915). Все книги вышли под редакцией и со вступительной статьей Муратова.

¹⁷ Гавриил Муратов (1915–1988), впоследствии посещал вместе с Дмитрием, сыном Вячеслава Иванова, французский лицей Шатобриан, потом сделался инженером и «занимал какое-то ответственное место во Франции» (Иванова Л. Ук. соч. С. 152).

Н.П. Ульянов. Карандашный портрет П.П. Муратова. 1911 г.

Важным событием для П.П. Муратова стала его вторая поездка в Рим (1911–1912), где он собирал материал для третьего тома «Образов Италии»¹⁸. В одном из писем этого времени он отмечал: «Очень втягивает Рим, уж больно великолепный город»¹⁹.

В начале 1910-х гг. П.П. Муратов, считавшийся знатоком русской живописи допетровского периода, подготовил четыре из пяти выпусков шестого тома «Истории русского искусства»²⁰, издававшейся под редакцией И.Э. Грабаря²¹. В этот период он путешествует по России, посещает Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри, вместе с известным художником и коллекционером И.С. Остроуховым (1858–1929)²² и будущим директором Исторического музея Н.М. Щёкотовым (1884–1945) участвует в собирании и расчистке икон. Неудивительно, что такого специалиста включили в состав Комитета выставки древнерусского искусства в Москве, открывшейся 13 февраля 1913 г. Вопреки распространенному среди большей части российской образованной публики историко-археологическому восприя-

тию икон, выставка смогла показать их как явление высокого искусства. Сам Муратов писал тогда: «Странно подумать, что еще никто на Западе не видел этих сильных и нежных красок, этих искусных линий и одухотворенных ликов. Россия вдруг оказалась обладательницей какого-то чудесного художественного клада»²³.

В январе 1914 г. под редакцией П.П. Муратова начал выходить «журнал искусства и литературы» «София», издание которого стало итогом его довоенного творчества²⁴. В первом номере журнала его редактор писал: «В задачи “Софии”

¹⁸ Полное изд. в 3 т. (т. 3 написан к 1917 г.) вышло в Берлине в 1924 г.

¹⁹ Ульянов Н.П. Люди эпохи сумерек. М., 2004. С. 475. Прим. 105.

²⁰ Этот труд переиздан в сборнике статей: Муратов П. Древнерусская живопись. М.: Айрис пресс, 2005. С. 75–274. См. также: Muratov P. La pittura russa antica. Roma-Praga, 1925; Mouratow P. L'ancienne peinture russe. Roma-Praga, 1925.

²¹ Рекомендовавший Муратова И.Э. Грабарю историк искусств барон Н.Н. Врангель, брат одного из будущих руководителей Белого движения, писал 30 августа 1911 г.: «Если Вы хотите иметь красивую и научную допетровскую эпоху, попросите об этом не “ученых мужей”, а П.П. Муратова. Он, как Вам известно, очень хорошо знает итальянских примитивов, и ему легко усвоить, понять и даже изучить их “двоюродных братьев” — иконописцев наших» (Грабарь И. Письма 1891–1917. М., 1974. С. 426).

²² Описание его коллекции икон см.: Муратов П.П. Древнерусская иконопись в собрании И.С. Остроухова. М., 1914.

²³ Муратов П.П. Эпохи древнерусской иконописи // Старые годы. 1913. № 4. С. 31.

²⁴ Толмачёв В. Муратов // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 433. Обстоятельства издания журнала «София» посвящены две очень легковесные компилятивные статьи, см.: Музо Г.В. Журнал «София»: между двух

входит освещение путей, приближающих к постижению искусств изобразительных и искусства словесного. На отдельных примерах и темах, принадлежащих современности или истории, “София” надеется уяснить методы, применение которых открывает значение художественных и литературных произведений... Особую важность “София” видит в пробуждении нового интереса к прекрасному древнерусскому искусству. Ознакомление читателей с этим искусством “София” считает своей главной задачей. Полагая, однако, это древнерусское искусство может быть верно понято и должно оценено лишь на фоне западного творчества, редакция будет помещать и статьи об искусстве Запада, обращая больше внимания на более родственные русскому искусству искусства античной и византийской традиции. Не менее существенным “София” считает и освещение искусств и литературы Востока, столь исторически близкого к нам и в то же время столь мало известного в России. Отводя так много места художественному творчеству прошлого, “София” не намерена замкнуться в истории. Ее темой является и современное искусство, современная поэзия. В отделе “Заметки” редакция будет отмечать в текущей литературе и художественной жизни все то, что, по ее мнению, имеет непреходящее значение»²⁵. Кроме Муратова среди авторов журнала были его добрые знакомые Б.А. Грифцов и В.Ф. Ходасевич, а также искусствоведы А.И. Анисимов²⁶ и Н.М. Щёкотов, философы Н.А. Бердяев и Ф.А. Степун, поэт В.Я. Брюсов, историк культуры М.О. Гершензон²⁷. К сотрудничеству были привлечены и такие видные западноевропейские историки искусства, как Б. Бернсон, В. Гринейзен, В. Деонна и Й. Стржиговский.

Из одной статьи, опубликованной Муратовым в «Софии», можно сделать вывод о том, что он относил себя к романтикам. Об этом свидетельствует сближение им романтизма с современным ему так называемым эстетизмом, поскольку тот «сохраняет уверенность в непреложных идеях» и непосредственно связывает искусство с религией²⁸.

«София» прекратила свое существование на № 6 за 1914 г. Издатель журнала К.Ф. Некрасов так комментировал случившееся: «Год тому назад маленькая группа людей, объединенная одними мыслями, желаниями и взглядами на искусство, затеяла издание “Софии”. Теперь из этой группы не осталось почти никого. Члены ее, и среди них вдохновитель и руководитель П.П. Муратов, с оружием в руках защищают честь и неприкосновенность нашей Родины. Мне осталось выпустить только эту шестую книжку, подготовленную к печати еще летом».

столиц // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 2. С. 94–98; Яновская Е.В. Журнал «София»: Москва — Ярославль // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2007. № 3. С. 253–258.

²⁵ Муратов сознательно противопоставлял возглавленное им издание петербургскому журналу «Русская икона», который выходил в то же время под редакцией С. К. Маковского при «Обществе изучения русской иконописи». Ругая Маковского в письме к К.Ф. Некрасову от 26 июля 1913 г. за «петербургскую чужь и беспомощность», Муратов, тем не менее, неоднократно писал для его журнала; см.: Из истории сотрудничества П.П. Муратова с издательством К.Ф. Некрасова / Вступит. ст., публ. и комм. И.В. Вагановой // Лица: Биографический альманах. 3. М.; СПб., 1993. С. 222–223.

²⁶ См.: Анисимов А.И., Муратов П.П. Новгородская икона св. Феодора Стратилата. М., 1916.

²⁷ О переписке П.П. Муратова и А.А. Блока в связи с изданием «Софии» и приглашении Блока сотрудничать в «Софии» см.: Возвращение Муратова. От «Образов Италии» до «Истории Кавказских войн» / Под ред. Г.И. Вздорнова и К.М. Муратовой. М., 2008. С.48.

²⁸ Муратов П. Наследие романтизма // София. 1914. № 6. С. 5.

Офицеры 5-й тяжелой артиллерийской бригады. 1914 г.

Закончив редактирование номера журнала, оказавшегося последним, в июне 1914 г. Муратов в очередной раз уехал в Европу. Сначала он отправился в Париж, где участвовал в художественных аукционах и впервые обратил внимание на произведения азиатского искусства, потом покупал «итало-греческие» иконы в Венеции. Между тем мирное время заканчивалось. В начале Первой мировой войны, П.П. Муратова, как прапорщика запаса, призвали в армию и направили в 5-ю тяжелую артиллерийскую бригаду, которая должна была выступить вместе со 2-й армией генерала Самсонова в Восточную Пруссию. Но этого не случилось: задержка в формировании артиллерийских дивизионов, развернутых в Брянске, уберегла выдающегося искусствоведа от смерти или плена. Как старший офицер 4-й батареи шестидюймовых гаубиц он вместе с бригадой проделал путь из Брянска в Брест, оттуда — в Холм, далее к Ивангородской крепости у г. Демблин и, наконец, под Ченстохову²⁹. Марши перемежались боями против австро-венгерских войск. В ноябре 1914 г. бригада, оказавшись в подчинении 3-го Кавказского корпуса, участвовала в бомбардировках австрийской крепости Перемышль, павшей после шестимесячной осады. За участие в этой операции Муратов был произведен в подпоручики, а также награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»³⁰ (январь 1915 г.) и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (апрель 1915 г.). Все же тяжелые бои не прошли для него бесследно: весной 1915 г. по болезни состоялся перевод Муратова с Юго-Западного фронта в артиллерийский дивизион Севастопольской крепости, начальником штаба которой был его старший брат, полковник Владимир Муратов. Здесь писателя и застала Февральская, а затем Октябрьская революция. В начале 1918 г., когда офицерская форма стала в Сева-

²⁹ Соловьев Ю.П. Очерк жизни и творчества Павла Павловича Муратова. С. 19.

³⁰ Орден и темляк цвета орденской ленты прикреплялись к эфесу офицерской сабли (т. н. «клюква»).

стополе чем-то вроде смертного приговора, Павел Павлович бросил службу и возвратился в голодную и холодную Москву³¹. После возобновления контактов с И.Э. Грабарем, он был избран товарищем председателя «Комитета по охране культурных и художественных сокровищ России» при Совете съезда кооператоров и в этом качестве даже сумел приобрести для Румянцевского музея портрет работы Алессандро Моретто (ок. 1498–1554), а для Третьяковской галереи — новгородскую икону и портрет кисти Левицкого. Другим важным начинанием, в котором деятельно участвовал П.П. Муратов, стало создание в апреле 1918 г. по инициативе сотрудника Румянцевского музея Одоардо Кампа (1879–1965) общества итальянских исследований «Studio Italiano», которое Б.К. Зайцев определял впоследствии как «нечто вроде самодеятельной академии гуманистических знаний»³². После отъезда Кампа в Италию в 1920 г. Муратов становится председателем этого общества. Здесь читали лекции известные представители художественной интеллигенции, а 7 мая 1921 г. состоялось последнее публичное выступление А.А. Блока. По этому поводу тот записал в дневнике: «Приветствие Муратова, Зайцев, милая публика»³³.

После эсеровского мятежа 6 июля 1918 г. обстановка в Москве осложнилась: съезд кооператоров был распущен, от бывших офицеров требовали обязательную регистрацию, закрылась газета «Власть народа», где печатался П.П. Муратов. На короткое время ему пришлось уехать под Калугу, в усадьбу Белкино, где тогда жила его семья. По возвращении в столицу он стал инициатором создания Книжной лавки писателей, дававшей авторам возможность самим продавать свои книги и различные раритетные издания. Этот своего рода интеллектуальный клуб был организован как артельная собственность, куда свой пай в размере 200 рублей каждый внесли старые знакомые Муратова: Осоргин, Ходасевич, Зайцев, Грифцов и Бердяев³⁴. Скоро у него появилось и постоянное место службы. Благодаря своей репутации, как искусствоведа, Павел Павлович занял прочное положение в системе Наркомпроса РСФСР и вошел в состав Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины³⁵ во главе с Н.И. Седовой³⁶, женой Л.Д. Троцкого. Позднее он писал, что в этом учреждении среди более 300 сотрудников «коммунистов было всего два — сама Троцкая, да еще какой-то вечно слегка пьяный...

³¹ Соловьев Ю.П. Ук. соч. С. 21.

³² Зайцев Б.К. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М., 1993. С. 404. О «Studio Italiano» см. также: Комолова Н.П., Северцева О.С. Институт «Studio Italiano» в Москве // Италия и русская культура XV–XX веков / отв. ред. Н.П. Комолова. М., 2000. С. 181–192; Комолова Н.П. Италия в русской культуре Серебряного века. М., 2005; Acatoli A. Lo Studio Italiano a Mosca (1918–1923) nei documenti dell'Archivio del Ministero degli Affari Esteri Italiano // Europa Orientalis. 2013. № 32. P. 189–209. Здесь необходимо отметить, что работами Н.П. Комоловой следует пользоваться с чрезвычайной осторожностью; см.: Степанова Л. Еще раз о «серебряном веке»: как у нас исследуют культурные влияния // Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 328–353.

³³ Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. Л., 1965. С. 418. См. также: Тименчик Р.Д. Блок и журнал «София» // Литературное наследство. 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 557.

³⁴ Осоргин М.А. Книжная лавка писателей // Наше наследие. 1989. № 6. С. 124–126.

³⁵ Обычно его называли сокращенно «Музейный отдел» или «Музейная коллегия».

³⁶ Свои впечатления об этой даме историк Ю.В. Готье записал таким образом: 20 апреля 1918 г. «Вчера в [Румянцевский — В.Г. И.Ш.] Музей явилась особа низенького роста, с южным говором и курносый носом — оказалось г-жа “Троцкая”... Сегодня она явилась, разодетая богато, но безвкусно, на автомобиле с солдатам, который стоял перед ней навтыжку...» (Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С.132).

“комендант” в солдатской форме... В стенах маленького особняка в Мертвом переулке... собралась, можно сказать, вся Москва»³⁷.

П.П. Муратову, как и многим другим интеллигентам, тогда казалось, что несмотря на тяжелые и страшные времена, перед Россией открываются невероятные культурные возможности. Он занимался национализацией частных собраний И.С. Остроухова, А.В. Морозова, С.И. Щукина, которым Музейный отдел, оставляя их хранителями при собственных коллекциях, выдавал охранные грамоты. В Абрамцеве и Муранове такими хранителями сделали наследников имений, Останкино и Архангельское уберегли от заселения беспризорниками. Кроме того, Муратов приобретал особо ценные экспонаты для московских музеев и выступил инициатором создания в Москве Музея восточного искусства (совр. Государственный музей Востока). Вместе с И.Э. Грабарём он участвовал в реставрации древнерусских храмов и икон³⁸, а также вошел в состав Совета Российской археологической комиссии. В этом качестве его пригласили участвовать в Избирательном собрании РАИМК, а потом избрали заочно ее действительным членом. Муратов состоял в Московской секции РАИМК и получал по этой линии академический паек³⁹ вплоть до своего отъезда осенью 1922 г. в зарубежную командировку, из которой он уже не вернулся. Фактически за счет Отдела Наркомпроса, где он работал, Московская секция и смогла выжить в непростых условиях первых лет своего существования, поскольку официальное положение о ней было утверждено Советом РАИМК только в марте 1921 г.⁴⁰

В начале 1920 г. Муратов выступил инициатором создания Московского института историко-художественных изысканий и музееведения (МИХИМ) при РАИМК, а затем стал его председателем. МИХИМ готовил музейных работников и искусствоведов, вел научную работу в 14 отделах, в руководстве которых были и старые знакомые Муратова: И.Э. Грабарь, Н.М. Щекотов, А.И. Анисимов. В следующем году он вошел в состав руководства Института искусствознания и археологии при Московском университете.

Общественная деятельность П.П. Муратова в организованном на общественных началах Комитете помощи голодающим (Помгол) закончилась для него и прочих членов Комитета арестом в августе 1921 г. Муратов тогда опоздал на заседание Комитета. Борис Зайцев увидел его в окно и крикнул:

«— Куда, куда ты?... Уходи, тут...

Но он ухмыльнулся (...“ну, Боря, что там...”), не замедлил шага... Перешагнул заветную черту, отделявшую нас от свободы.

— Чего там... будем вместе.

И первую ночь на Лубянке, в камере “Контора Аванесова” мы провели рядом, на довольно жестких нарах. В третьем часу привели молодого Виппера⁴¹, книгу

³⁷ Соловьев Ю.П. Ук. соч. С. 24.

³⁸ В частности, 19 августа 1920 г. Муратов и Щекотов отправились в Новгород, чтобы наблюдать за расчисткой Н.П. Сычевым фресок церкви Спаса на Ковалеве.

³⁹ Белозерова И.В., Гайдуков П.Г., Кузьминых С.В. К юбилею Института археологии РАН: Московская секция РАИМК-ГАИМК // Поволжская археология. 2019. № 2. С. 177. Рис. 5.

⁴⁰ Сорокина И.А. Московская секция Академии истории материальной культуры // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 331–332.

⁴¹ Виппер Борис Робертович (1888–1967) — русский, советский историк искусства, педагог и музейный деятель.

которого “Тинторетто” я купил здесь в прошлом году, и тотчас вспомнил ту ночь и как Павел Павлович сонно приподнялся, посмотрел на вошедшего, опять усмехнулся, сказал:

— Ну, вот, вот и еще...

Отодвинувшись слегка, указал ему место с собою рядом.

Те немногие дни, что мы провели в тюрьме (нас скоро выпустили) не были еще особенно скучны. Для развлечения — себя и других — мы читали лекции: Муратов о древних иконах, я что-то по литературе, Вишпер по истории»⁴².

Все это заставляло задуматься о дальнейшей судьбе в Советской России. Муратов не мог принять достигшие особенного размаха к 1922 г. репрессии против духовенства и откровенный грабеж церковных ценностей. Он писал: «Я принадлежал... к числу тех служащих в отделе людей, которые предупредили своих “сослуживцев”, что наотрез отказываются принять в этой работе какое-либо участие. Мы не желали участвовать в реквизиционных экспедициях, где были представлены различные советские ведомства, в том числе, разумеется, и чека. Мы не могли входить в церковь с людьми, которые вели себя дерзко и подчас кощунственно, и мы не могли принимать участие в святотатственном “государственном разграблении” церковного добра»⁴³.

Осенью 1922 года Муратов с семьей покинул Россию⁴⁴. Приехав по научной командировке в Германию, он решил на окончательный разрыв с родиной только в конце 1924 г., когда перестал продлевать советский паспорт. Павел Павлович быстро включился в культурную жизнь русского Берлина⁴⁵, где на короткий период пересеклись судьбы нескольких известных русских литераторов: Андрея Белого, Михаила Осоргина, Бориса Зайцева, Алексея Ремизова и Владислава Ходасевича. Тогдашняя жена последнего Нина Берберова, мемуаристка крайне пристрастная⁴⁶, называет Муратова «одним из умнейших людей»⁴⁷, встреченных ею, а общалась она почти со всеми выдающимися русскими эмигрантами! Иногда слушавшая и наблюдавшая Муратова ежевечерне, она пишет, что он «был человеком тишины, понимавшим бури, и человеком внутреннего порядка, понимавшим внутренний беспорядок других. Стилизация в литературе была его спасением, “декадентству” он открыл Италию. Он был по-своему символист, с его культом вечной женственности, и вместе с тем — ни на кого не похожий среди современников. Символизм свой он носил как атмосферу, как ауру, в которой

⁴² Зайцев Б.К. Ук. соч. С. 177.

⁴³ Цит. по: Соловьев Ю.П. Ук. соч. С. 27.

⁴⁴ Н. Примочкина пишет, что Муратов выехал в заграничную командировку как работник отдела музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса (Примочкина Н. М. Горький и Павел Муратов: история литературных отношений // НЛО. 2003. № 3. См.: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/3/m-gorkij-i-pavel-muratov-istoriya-literaturnyh-otnoshenij.html> (дата обращения: 15 октября 2021 г.). О жизни и деятельности Муратова после отъезда из России см.: Комолова Н. П. Быт и бытия Павла Муратова в годы эмиграции (1922–1950) // Проблемы истории русского зарубежья. 2005. Вып. 1. С. 201–225.

⁴⁵ В частности, Муратов издал здесь свою монографию о Сезанне, написал предисловие к монографии: Никольский В. История русского искусства: Живопись. Архитектура. Скульптура. Декоративное искусство. Берлин. 1923. (С. I–VIII).

⁴⁶ См., например: Шауб И.Ю. Н.Н. Берберова об И.А. Бунине: «Курсив мой» как исторический источник // История и культура. 2013. Вып. 11. С. 184–205.

⁴⁷ Берберова Н.Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С. 180.

Групповая фотография литераторов. Сидят слева направо: А. Белый, М.А. Осоргин, А.В. Бахрах, Б.К. Зайцев. Стоят: А.М. Ремизов, В.Ф. Ходасевич, П.П. Муратов, Н.Н. Берберова. Берлин. Сентябрь 1923 г.

легко дышалось и ему, и другим около него. Это был не туманный, но прозрачный символизм, не декадентский, а вечный. В своей тишине он всегда был влюблен, и это чувство тоже было слегка стилизовано — иногда страданием, иногда радостью. Его очарования и разочарования были более интеллектуальны, чем чувственны, но несмотря на это, он был человеком чувственным, не только “умным духом”. Он был щедр, дарил собеседника мыслями, которые другой на его месте записывал бы в книжечку (по примеру Тригорина у Чехова), а он отпускал их, как голубей на волю, — лови, кто хочет. Часть их еще и сейчас живет во мне. Но признания и благодарности он не терпел и любил в себе самом и в других только свободу. Он был цельный, законченный западник, еще перед первой мировой войной открывший для себя Европу...»⁴⁸.

В ноябре 1923 г. Муратов перебирается в Италию⁴⁹ и живёт в Риме вплоть до переезда во Францию в 1928 г. В столице Италии, в рамках цикла конференций, организованных Институтом Восточной Европы по инициативе видного итальян-

⁴⁸ Там же. С. 202.

⁴⁹ Раздел о пребывании Муратова в Италии написан в основном по материалам: *Деотто П.* Павел Павлович Муратов // Русские в Италии: словарь. См.: <http://www.russinitalia.it/dizionario.php> (дата обращения: 15 октября 2021 г.). См. также: *Комолова Н. П.* Муратов в Италии в годы изгнания // Русское зарубежье — духовный и культурный феномен: материалы международной научной конференции. М., 2003. С. 157–165.

ского слависта Этторе Ло Гатто, он выступил с докладом «Открытия древнего русского искусства»⁵⁰. Только благодаря субсидии, полученной от итальянского Комитета поддержки русской интеллигенции Муратов сумел остаться в стране и завершить свои исследования в области Неаполитанской художественной школы XVII–XVIII вв. Надо сказать, что со времени отъезда из России он постоянно переживал экономические трудности, которые, как признается в письме к Б.К. Зайцеву, лишали его возможности писать. Чтобы поддерживать существование, он занялся, правда без особого успеха, торговлей картинами, и состоял советником барона В.К. Леммерманна, владельца антикварной лавки. Римская квартира Муратова на Виа дель Бабуино стала местом встреч русской и итальянской интеллигенции. По вторникам там собирались Вячеслав Иванов, художники Г. Шилтьян⁵¹ и Джорджо де Кирико, художник и писатель Филиппо Де Пизис и др., чтобы побеседовать об искусстве, религии и литературе.

Весной 1924 г. Муратов целый месяц общался в Риме с Ходасевичем и его женой, Ниной Берберовой. По этому поводу она писала: «Быть в Риме. Иметь гидом Муратова. Сейчас это кажется чем-то фантастическим, словно сон, после которого три дня ходишь в дурмане. А это было действительностью, моей действительностью, моей самой обыкновенной судьбой в Риме. Я вижу себя подле Моисея Микеланджело и рядом с собой небольшого роста молчаливую фигуру, и опять с ним — в длинной прогулке по Трастевере, где мы заходим в старинные дворики, которые он все знает так, как будто здесь родился»⁵². Мы стоим около какого-то анонимного барельефа и разглядываем его с таким же вниманием, как фрески Рафаэля; мы бродим по Аппиевой дороге, среди могил, вечером сидим в кафе около пьядцы Навона и обедаем в ресторане около Трэви. Наконец — мы едем за город, в Тускулум. И все это в атмосфере интереса к Италии современной, не только музейной. Он любил новую Италию и меня научил ее любить. Впрочем, в то время он главным образом интересовался барокко. К барокко с тех пор я уже никогда не вернулась: через 36 лет, когда я опять была там, было так много раскопано древностей, что античный Рим заслонил для меня все остальное и было не до барокко. Я уже не пошла в Ватикан и не смотрела Моисея. Термы Веспасиана, вилла Адриана стали моими любимыми местами. Муратова уже не было, чтобы ходить туда со мной, рассматривать каждую колонну, каждый осколок колонны, но тень его и тогда была рядом»⁵³.

Лето 1924 г. семья Муратовых провела в Капо ди Сорренто, неподалеку от виллы М. Горького, с которым Павел Павлович поддерживал дружеские, хотя и не близкие, отношения. В августе 1925 г. он снова ненадолго приехал в Капо ди Сорренто и там встретился у Горького с В.Э. Мейерхольдом и его женой Зинаидой Райх, с которыми договаривался о сотрудничестве в сборнике «Театральный Октябрь»,

⁵⁰ См.: *Muratov P. La scoperta dell'arte russa antica // Russia. 1923. № 2. P. 208–231; Муратов П. Открытия древнего русского искусства // Современные записки. 1923. № XIV. С. 197–218.*

⁵¹ Этот выдающийся художник уделил Муратову много места в своих воспоминаниях: *Sciltian G. Mia avventura. Milano, 1963. P. 267–301.*

⁵² Муратов любил говорить, «что надо жить годами, чтобы понять Рим» (*Ульянов Н.П. Люди эпохи сумерек. С. 446–447.*)

⁵³ *Берберова Н.Н. Курсив мой. М., 1996. С. 251.*

которое так и не было реализовано. В течение 1927 г., Муратов неоднократно ездил в Париж в связи с антикварным предприятием, которое он организовал вместе с другим выходцем из России — художником В.А. Боберманом. Оно занималось приобретением произведений искусства в Риме и поставкой их на международный рынок. Несмотря на многообещающее начало этой деятельности, сотрудничеству искусствоведа и художника вскоре пришёл конец. Кстати, и раньше попытки заняться перепродажей антиквариата не всегда складывались для Муратова удачно. Так, например, случилось в 1923 г., когда переправленную из СССР картину Фрагонара «Игра в жмурки» клиент отказался приобрести из-за неудачно проведенной реставрации. В последний момент положение спас художник Н. Н. Лохов, умело состаривший полотно, в итоге приобретённое Лувром⁵⁴.

В 1928 г.⁵⁵ Муратов переселяется в Париж, где возвращается в прежнем кругу знакомых, среди которых Б.К. Зайцев, В.Ф. Ходасевич, М.А. Осоргин, а также М.А. Алданов и И.С. Шмелев. Там он продолжает публиковать статьи в эмигрантских журналах и начинает активно печататься в газете «Возрождение»⁵⁶, в чем немаловажную роль сыграл материальный фактор⁵⁷. В идейном и политическом отношении он все более «правел». Его выступления в рубрике «Каждый день» (около 1500 статей и заметок) по вопросам современной жизни и политики выглядели столь яростно антисоветскими и антибольшевистскими, что его осудили даже бывшие единомышленники и друзья⁵⁸. Н. Берберова пишет, что в 1931 году произошел распад прежде «тесной, дружеской» писательской группы, в состав которой входили Б. Зайцев, П. Муратов, В. Ходасевич, М. Осоргин, М. Алданов и М. Цетлин: «<...> между Ходасевичем и Осоргиным произошло что-то вроде разрыва на почве отношения к событиям в России <...> С другой стороны, Алданов и Цетлин считали, что Муратов стал реакционером, перешел в антидемократический лагерь, особенно после его статьи “Бабушки и дедушки русской революции”, где он объявил хищными зверями “лучших людей” русского радикализма, как, например, Ек. Брешко-Брешковскую»⁵⁹. Бурное негодование публицистическая деятельность Муратова вызывала у М. Горького, который 3 августа 1930 года послал своему секретарю П.П. Крючкову вырезки из газеты «Возрождение»

⁵⁴ Вересова Т.В., Талалай М.Г. Человек Ренессанса. Художник Николай Лохов и его окружение. М., 2017. С. 235–236.

⁵⁵ Этот год обоснованно приводит П. Деотто. В других публикациях (например: *Вздорнов Г. И., Муратова К. М.* Основные вехи жизни и творчества П.П. Муратова // Возвращение Муратова. От “Образов Италии” до “Истории кавказских войн”. М., 2008. С. 21.), указывается 1927 г., что, скорее всего, обусловлено частыми приездами Муратова в Париж в этом году.

⁵⁶ Ежедневная русская газета «Возрождение» выходила в Париже с 1925 по 1940 г. Основателем и инвестором газеты, а затем, после Второй мировой войны, одноименного журнала (1949–1974) был крупный нефтепромышленник, общественный деятель и издатель Абрам Осипович Гукасов (Гукасянц) (1872–1969). Редактором газеты был до 1927 г. П.Б. Струве, а с 1927 по 1939 г. Ю.Ф. Семенов. Об активном сотрудничестве Муратова с «Возрождением» см.: *Муратова К.* «Каждый день» П.П. Муратова-колумниста // Наше наследие. 2012. № 104.

⁵⁷ По этому поводу Б. Зайцев в письме к И.Бунину (от 7 ноября 1929 г.) отмечал: «Муратов ежедневно пишет в «В-ии» («Каждый день») и выколачивает деньжонки для семьи, находящейся в Риме» (Письма Б.К. Зайцева И.А. и В.Н. Буниным / Публикация М. Грин // Новый журнал. Нью-Йорк, 1981. № 143. С. 154.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *Берберова Н.* Ук. соч. С. 460–461.

за 29 и 30 июля со статьей Муратова «Форд — пособник большевиков» и двумя его заметками из цикла «Каждый день», обличающими теорию Маркса и политику советских властей. «Посылаю Вам “для смеха”, — писал он Крючкову, — вырезки со статьями Павла Муратова, — каков идиот?»⁶⁰.

Вскоре Горький вновь посылает вырезки со статьями Муратова, но уже не «для смеха», а для публичного разоблачения их «лжи и клеветы» в журнале «За рубежом». 25 октября он писал заведующему редакцией этого журнала А.С. Гуровичу: «Посылаю вырезки. Среди них несколько идиотических фельетонов Павла Муратова, автора отличных “Очерков Италии”. Италию он знает действительно хорошо, что не мешает ему быть совершенным ослом и невеждой во всех иных областях. Теперь, когда он влез в газету Лукасова, он стал еще глупее того, каков был. Хорошо бы высмеять его политическое рукоблудие и блудословие»⁶¹. Лишь такие «непримиримые» эмигранты, как И. Бунин и Б. Зайцев, поддерживали Муратова-публициста⁶².

В 1925 г. Муратов стал одним из учредителей существующего до сих пор парижского общества «Икона»⁶³, где с его участием организовывались лекции и устраивались выставки. В 1927–28 гг. в Париже на французском языке вышли его книги «Русские иконы»⁶⁴ и «Византийское искусство»⁶⁵, после чего авторитет Муратова в этой области не подвергался сомнению среди европейских ученых. Как признанного эксперта, русского искусствоведа пригласили работать в парижской художественной галерее *A la vieille Russie*. В 1928 г. он участвовал в организации выставки русского искусства в Брюсселе и начал сотрудничать с Марио Брольо и его издательством *Valori plastici* в Риме, где на итальянском и французском языках публикуются его монографии по византийской живописи, готической скульптуре⁶⁶ и творчеству Фра Анжелико⁶⁷.

В октябре 1933 г. П.П. Муратову предложили приехать в Англию и прочесть курс лекций на тему: «Происхождение и развитие древнерусской живописи». Здесь он обрел благодарную понимающую аудиторию и новых знакомых, многие из которых были людьми состоятельными и со связями. Скорее всего, тогда среди них оказался его будущий покровитель и соавтор — историк и в то же время коллекционер русских икон Уильям Аллен⁶⁸. В декабре того же года Павел Павлович

⁶⁰ Цит по: Примочкина Н. Ук. соч.

⁶¹ Там же.

⁶² Г. Кузнецова писала в своем дневнике: «Говорили о Муратове, которым И.А. после каждой новой статьи восхищается» (*Кузнецова Г. Грасский дневник. М., 1995. С. 188*).

⁶³ Муратов П.П. Общество «Икона» // Звено. 1927. № 3. См. также: *Вздорнов Г.И., Залеская З.И., Лелекова О.В. Общество «Икона» в Париже. М.; Париж, 2002. Т. 2. С. 102–108*.

⁶⁴ *Muratov P.P. Les Icones Russes. Paris, 1927*.

⁶⁵ *Muratov P. La peinture byzantine. Paris. 1928*. В рецензии на нее В.В. Вейдле писал: «...Величайшая заслуга книги П.П. Муратова... заключается именно в том, что она с начала до конца... утверждает... подчеркивая с большой силой собирающую, упорядочивающую роль Константинополя... отрицая знаменитую теорию трех возрождений... доказывая непрерывную и под конец только ярче разгоревшуюся жизнь эллинистической традиции» (*Вейдле В. Византийское искусство. По поводу книги П.П. Муратова // Возрождение. 1929, № 1374. 7 марта*).

⁶⁶ *Muratov P. La sculpture gothique. Paris, Rome, 1931*. Это был перевод книги, некогда подготовленной для издательства Сабашникова.

⁶⁷ *Muratoff Paolo. Frate Angelico. Roma, 1929; Muratoff Paul. Fra Angelico. Paris, 1929*.

⁶⁸ В середине 1930-х гг. Муратов рекомендовал Аллену, как реставратора икон, его будущую жену Наталью Максимовну Коссовскую, в которую сам был беззаветно и безответно влюблен. Кстати, по свидетельству

П.П. Муратов. 1943 г.

отправился в Японию, а оттуда в США, присылая путевые очерки для газеты «Возрождение». Что касается Японии, то этот регион интересовал его давно. Еще в 1914 г. он написал свою первую статью об азиатском искусстве, консультировался у востоковеда В.В. Голубева, покупал китайские и японские вещи в Париже для коллекции книгоиздателя К.Ф. Некрасова, племянника знаменитого поэта. Вспомним, наконец, его роль в создании Музея восточного искусства в Москве.

Вернувшись в Париж в мае 1934 г. Муратов взялся написать фундаментальную историю русско-германской войны 1914 г. Б.К. Зайцев вспоминал, как однажды, зайдя к нему, спросил:

«— Ну как, много написал?

— Да-а... порядочно. Я сейчас на три тысячи пятнадцатой странице.

— А всего сколько будет?

— Думаю, тысяч пять. То есть моих, написанных... Хотя и «писанных», все-таки я по-

думал: однако!»⁶⁹. Эту работу прервала другая война, Вторая мировая. Она застала Павла Павловича в Лондоне, где он помогал своему другу, историку и коллекционеру русских икон Уильяму Аллену, подготовить книгу по истории Украины, вышедшую в свет год спустя. Еще одну книгу «Русские кампании 1941–1945 гг.»⁷⁰, первый в истории развернутый анализ событий на Восточном фронте, они написали вместе. П.П. Муратов настолько сблизился с У. Алленом⁷¹, что переехал в его родовое имение Уайтчерч-Хаус в Ирландии⁷². Журналистка нью-йоркского «Нового русского слова» Вера Остоя в 1954 г. описала его следующим образом: «Большой старинный дом восемнадцатого века, построенный квадратом, с мощным внутренним двориком. Около дома — старые деревья, многие из них необычные, привезенные из «заморских» стран прежними владельцами имения... окна комнаты, в которой жил Павел Павлович, выходят в огражденный высокой каменной стеной столетний сад... В самом доме — старинная мебель, восточные ковры и на стенах старинные картины и гравюры; есть среди них и русские. В комнатах хозяйки и в библиотеке хозяина — много хороших старых русских

современника, «влюбчивость его не знала предела» (Бахрах А. По памяти, по записям. Литературные портреты. Париж. 1980. С. 39).

⁶⁹ Зайцев Б.К. Ук. соч. С. 178.

⁷⁰ Muratoff P., Allen W. The Russian campaigns of 1941–45. P. 1–2. N.-Y., 1944–1946.

⁷¹ Об их дружбе см.: Allen W. P.P. Muratoff (1881— 1950) // Byzantion. Revue internationale des études byzantines. 1950. T. 20. P. 397–400.

⁷² См.: Быкова А. Павел Павлович Муратов (1881–1950): забытое в Ирландии имя // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. М., 2019. С. 241–246.

икон»⁷³. Ведя уединенный образ жизни, Муратов занимался садоводством, исследованием русско-английских отношений времени Ивана Грозного и описанием в соавторстве с Алленом войн России на Кавказе⁷⁴. Так продолжалось до 5 октября 1950 г., когда он умер от инфаркта. Как тут не вспомнить слова, сказанные им когда-то Борису Зайцеву: «Мой отец умер шестидесяти девяти лет. Я его не переживу. Исполнится шестьдесят девять, и довольно...»⁷⁵. П.П. Муратов был похоронен на деревенском кладбище близ усадьбы, где провел свои последние годы. Его могила сохранилась⁷⁶.

⁷³ Цит. по: Соловьев Ю.П. Ук. соч. С. 41.

⁷⁴ Muratoff P., Allen W. Caucasian battlefields. A history of wars on the Turco-Caucasian border. 1828–1921. Cambridge, 1953 (издана посмертно).

⁷⁵ Зайцев Б.К. Ук. соч. С. 172.

⁷⁶ См.: Быкова А. Ук. соч. С. 245–246.

Фёдор Иванович Шмит (1877–1937)

В.А. Горончаровский

Жизненный путь Ф.И. Шмита достаточно типичен для российского ученого конца XIX — начала XX в. Родился он 3 (15) мая 1877 г. в Петербурге и поначалу был наречен Федор Карл Эрнест, поскольку происходил из обрусевшей немецкой семьи. Его отец Иоганн Карл Адольф Эрнестович Шмидт происходил из крестьян Курляндской губернии. Переехав в столицу империи, он окончил в 1858 г. медико-хирургическую академию и впоследствии сделал блестящую карьеру, став чиновником ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны, управлявшего благотворительностью в стране на государственном уровне. Здесь он к 1883 г. дослужился до чина действительного статского советника, получив право на потомственное дворянство¹. Мать, урожденная Мария Шуберт, была дочерью известного придворного виолончелиста и дирижера, директора Императорской придворной капеллы Карла Богдановича Шуберта

(1811–1863), который на протяжении двадцати семи лет был любимцем петербургского общества. Родители Федора, лютеране по вероисповеданию, старались поддерживать традиционно немецкий уклад жизни и дома говорили исключительно по-немецки. Когда ребенку исполнилось девять лет, он поступил в немецкую классическую гимназию Катериненшule, помещавшуюся на Большом проспекте Васильевского острова между 16-й и 17-й линиями, и прошел там восьмилетний курс обучения (1886–1894).

Со временем деспотичный характер отца привел к конфликту поколений. Может быть, поэтому Федор, несмотря на немецкое воспитание, всю жизнь считал себя русским, а после смерти матери в 1895 г. окончательно порвал с отцом и ушел из дома. В том же году он, сократив свою фамилию за счет буквы «д», стал студентом историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Теперь юноше самому приходилось изыскивать средства, чтобы платить за учебу, жилье и пропитание. Как и многие товарищи по учебе, он вел полуголодное существование и однажды даже переболел цингой. Служба домаш-

¹ Памятная книжка ведомства учреждений Императрицы Марии. СПб., 1898. С. XLV.

ним учителем в семье барона А.Ф. Фитингоф-Шеля обеспечивала лишь минимальные необходимые потребности, зато «книги, фотографии и альбомы, находившиеся в библиотеке барона, на всю жизнь определили круг интересов и работы, возбудив живой интерес к произведениям пластических искусств, жажду путешествий и научную пылливость»².

В течение четырех лет Шмит учился на классическом отделении, изучая историю искусств. Этим выбором он был обязан профессору А.В. Прахову (1846–1916), которому писал позднее: «...после первой же лекции, которую Вы прочитали в нашем университете, я представился Вам и просил Вас руководить моими занятиями. С тех пор я стремился к одному: быть Вашим учеником, не официально только, но на самом деле — работать в том же направлении, так же проникнуться искусством древним, так же глубоко понять его со временем, как Вы»³. Под его началом у молодого студента сформировалось научное мировоззрение, сочетавшее внимание к конкретным фактам с широкими обобщениями на основе всего доступного материала. Такой вывод можно сделать из письма Шмита к своему учителю: «...начинающему ученому нужна прежде всего история. Надо прежде всего узнать факты, констатировать их со всевозможною полнотою и точностью; надо изучить подробнейшим образом причинную связь между отдельными фактами. Необходимо расклассифицировать их, сделать синтез характернейших черт, по эпохам, по национальностям... в истории искусства прежде идет история, а потом уже искусство»⁴.

Другим наставником, принимавшим живое участие в судьбе Ф.И. Шмита, был профессор П.В. Никитин (1849–1916) давший ему рекомендацию, по которой тот осенью 1899 г. впервые отправился за границу: его пригласил в Рим русский посол в Италии А.И. Нелидов (1835–1910) в качестве домашнего учителя для сына. Шмит использовал это время для подготовки к государственным экзаменам и сдал их в мае 1900 г. Затем он был оставлен на год при университете, чтобы готовиться к профессорской деятельности, но без стипендии. Молодому специалисту из-за недостатка средств к существованию пришлось снова возвращаться в Рим к Нелидову⁵. Там он в полной мере использовал возможность изучать на месте памятники античного и средневекового искусства в Риме, Флоренции, Сиене, Венеции, посещать музеи и библиотеки. При этом посол, сам известный коллекционер, с пониманием относился к такого рода занятиям. Шмит не раз отзывался о нем как о человеке «не только выдающегося ума, но и удивительно добром, мягком, отзывчивом, глубоко понимающем и любящем искусство и знатоке искусства древнего»⁶. В свою очередь Нелидов предложил начинающему искусствоведу для первой в его жизни публикации статуэтку из собственной коллекции⁷. В сущности,

² Немцы России: энциклопедия. Т. 3. М., 2006. С. 761.

³ Басаргина Е.Ю. Ф.И. Шмит: материалы к биографии // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. член-корр. РАН И.П. Медведева. СПб., 1999. С. 480. Прим. 3.

⁴ Ананьев В.Г. Ф.И. Шмит в Ленинградском университете на рубеже 20–30-х годов XX века // УЗКУ. 2021. Т. 163. Кн. 3. С. 68.

⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 47. Л. 157.

⁶ Басаргина Е.Ю. Ук. соч. С. 480.

⁷ Шмит Ф.И. Стефануса Праксителя. Статуэтка из собрания Ал. Ив. Нелидова // ЖМНП. 1901. Ч. 337. С. 147–155.

Мечеть Кахрие-Джами. Открытка. Ок. 1908 г.

он predetermined его дальнейшую научную карьеру, дав рекомендательное письмо к Ф.И. Успенскому (1845–1928), директору Русского археологического института в Константинополе (РАИК). Незадолго до того Нелидов, будучи послом в Турции (1883–1897), активно продвигал идею создания РАИК. После его основания в 1894 г., дипломат на три года занимал там пост почетного председателя. Естественно, Ф.И. Успенский с пониманием отнесся к просьбе посла принять на работу молодого ученого, и летом 1901 г. Ф.И. Шмит переехал в Константинополь. Перед ним была поставлена сложнейшая задача — исследовать художественные памятники мечети Кахрие-Джами, бывшей церкви Христа Спасителя в Полях (монастырь Хора XI–XIV вв.), которая после перестройки 1315–1321 гг. практически не утратила свой первоначальный вид. Сохранившиеся там мозаики и фрески считались одним из лучших художественных достижений времени правления династии Палеологов и являлись предметом научных дискуссий уже около полутора столетий.

Понимая всю сложность исполнения такого поручения и испытывая определенные сомнения, Шмит писал Прахову: «Чем ближе я присматриваюсь, тем сильнее растет количество вопросов, требующих ответа. Но, если я справлюсь счастливо с этой работой, то все, чего я искал в Константинополе, будет достигнуто: мозаики Кахриэ введут меня в византийское искусство великолепно, выяснят мне, надеюсь, самую суть его, дадут постигнуть его дух»⁸.

⁸ Басаргина Е.Ю. Ук. соч. С. 481. Прим. 7.

Изучение монастыря Хоры затянулось на три года, сопровождаясь поисками документов по его истории в рукописных собраниях Греции, Италии и Германии, а также осмотром памятников византийского Средневековья и Ренессанса (1903–1904). В письме Прахову от 1 апреля 1903 г. Шмит отмечал масштабы необходимой работы: «Планов масса, такая, что не знаешь, за что взяться. Беда только в том, что все эти планы задуманы очень широко и потому трудно осуществимы. В этом отношении я, при всем моем немецком происхождении, удивительно российский человек»⁹.

В процессе приведения в систему полученных знаний и зрительного опыта Ф.И. Шмит окончательно превратился в византиниста, но изучение византийского искусства не было в данном случае единственной целью. Он воспринимал его как важное звено в истории искусства вообще. Подтверждением тому служат такие строки: «ознакомление мое с Византией подвигается бодро вперед. Развертывается широкая картина целой эпохи в истории искусства; даются ответы на массу вопросов, возникших за последние два года в Италии, при изучении мастеров Возрождения; найден мост от античного искусства к искусству Ренессанса — целый мир новых для меня и неожиданных фактов и мыслей»¹⁰. Директор РАИК явно был высокого мнения о молодом исследователе, когда 2 октября 1903 г. писал историку С.Ф. Платонову (1860–1933): «Из Шмидта несомненно выйдет дельный ученый и профессор»¹¹.

О своих непосредственных впечатлениях Шмит постоянно сообщал в письмах, давая оценку современному состоянию увиденных памятников византийского искусства. Так, по поводу своей поездки на Сицилию он писал: «Из Бари я направился... в Катанию, затем в Сиракузы, Агридженто. Оттуда отправился в Палермо, где подробнейшим образом осмотрел Палатинскую капеллу, и соборы Монреале и Чефалу... В Палатинской капелле, а особенно в Монреале и Чефалу мозаики подверглись таким “реставрациям” еще в XVIII в. и начале XIX в., что от Византии не много осталось. “Реставрация” в Чефалу (собор XII–XIII вв.), как гласит надпись, была сделана при последнем короле обеих Сицилий — Фердинанде в 1859 г. Из всех преступлений Бурбонов одно из самых гнусных и позорных; когда все другое забудется и будет известно только историкам-специалистам, надпись в соборе Чефалу все еще будет рассказывать всем ученым и неученым посетителям о варварском изуродовании исторического и художественного памятника»¹².

Ближе к концу путешествия настроение Шмита изменилось не в лучшую сторону, что демонстрирует письмо из Мюнхена: «Пребывание за границей для меня дальнейшего смысла, как только я закончу работы в библиотеках, не будет иметь, ибо моя восприимчивость теперь равно нулю. Я так устал, что ничего дальнейшего уже не в состоянии видеть. Тут в Мюнхене, например, я был всего один раз в музее и, может быть, больше не пойду туда, потому что это бесполезно. Единственное, на что я способен и к чему чувствую позыв, — спокойно засесть за книги»¹³.

⁹ Ананьев В.Г. Ук. соч. С. 68.

¹⁰ Ананьев В.Г. Ф.И. Шмит по эпистолярным материалам из архивного фонда С.Ф. Платонова // *Scripta antiqua*. 2019. Т. 7. С. 396.

¹¹ Ананьев В.Г. Ук. соч. Там же.

¹² Сиволоп Т.Е. Страницы биографии Ф.И. Шмита по архивным источникам // *Собор лиц*. СПб., 2006. С. 21.

¹³ Там же. С. 21–22.

Итогом пребывания в Константинополе и поездки в Западную Европу стали статья о мозаиках и фресках Кахрие-Джами¹⁴ и подготовительные материалы для диссертации на соискание степени магистра искусств.

Новый этап в жизни начался осенью 1904 г., когда Шмит вернулся в Санкт-Петербург, получил место древних языков в Петергофской гимназии императора Александра II и по взаимной любви женился на Павле Станиславовне Шпер. В должности преподавателя он пробыл четыре года, успев успешно сдать магистерские экзамены. Все это время он по-прежнему продолжал заниматься византийским искусством и каждое лето посвящал поездкам в Болгарию и Константинополь. В результате Шмит в 1906 г. завершил и опубликовал великолепное для своего времени издание «Кахрие-Джами. История монастыря Хоры, архитектура мечети, мозаики нарфиков»¹⁵, ставшее одним из наиболее значительных в его научном наследии. Великолепный альбом к нему с фотографиями и чертежами подготовил штатный художник РАИК Н.К. Клуге (1867–1947). В этой книге ученый собрал все письменные источники, касающиеся истории монастыря и личности его основателя — византийского писателя Феодора Метохита (1270–1332), придворного советника и близкого друга императора Андроника II Палеолога. Он также тщательно изучил историю самого памятника, проследив архитектурные напластования различных периодов, и дал подробное иконографическое описание мозаик с ценными стилистическими наблюдениями. С этого момента его имя было прочно вписано в анналы мирового византиноведения.

Своей деятельностью Шмит сумел обратить на себя внимание болгарского правительства, которое в 1907 г. поручило ему регистрацию наиболее известных памятников византийского искусства. Сохранились два дневника, датированные периодом с 5 июня по 16 июля, куда занесены все посещенные места, тексты надписей, описания церквей, мозаик и фресок. Своеобразный отчет о поездке содержится в письме Успенскому: «Путешествие по Болгарии захватывает меня все больше и больше. Материал, который тут никем не замеченный, прямо на дороге валяется, огромен и весьма важен. Конечно, его разработка будет делом весьма трудным, но зато стоит труда. В самой Болгарии, по-видимому, даже ценить не умеют того, что есть, и весьма важные памятники гибнут на глазах у всех. Вчера я имел весьма продолжительный разговор с Апостоловым, министром народного просвещения, и вынудил у него хотя бы обещание принять известные меры для охраны памятников»¹⁶.

Очередной поворот в судьбе Федора Ивановича пришелся на лето 1908 г. В результате своего рода обмена осуществилась его давняя мечта: стать ученым секретарем РАИК. Дело в том, что ему предложили в качестве члена Императорской археологической комиссии возглавить раскопки в Херсонесе Таврическом, но он уступил это место Р.Х. Леперу (1865–1918), получив его должность. 14 июля 1908 г. назначение состоялось, и Ф.И. Шмит с женой и дочерью Павлой (1907 —

¹⁴ Шмит Ф.И. Мозаики и фрески Кахрие-Джами // ИРАИК. 1903. Т. VIII. С. 119–152.

¹⁵ Шмит Ф.И. Кахрие-Джами. I. История монастыря Хоры, архитектура мечети, мозаики нарфиков // ИРАИК. 1906. Т. XI.

¹⁶ Сиволап Т.Е. Ук. соч. С. 22.

после 1987)¹⁷ переехал в Константинополь, где к тому времени образовалась небольшая русская диаспора, для которой учредили школу и больницу. Вскоре у него родился сын Валерий (1910–1938) и, соответственно, выросла потребность в деньгах. Должностного оклада катастрофически не хватало и пришлось искать дополнительные источники дохода. Нередко Шмит соглашался за самую низкую цену показать весь Константинополь различным «барышням» из ведомства императрицы Марии или слушательницам Одесских женских курсов, прибывавшим в столицу Османской империи на учебные экскурсии. Всем им, исходя из накопленного опыта, он давал вполне здравый совет: «Бога ради — без высоких французских каблучков! И для Константинополя, и для Греции они одинаково невозможны. Во что они превращаются после одного дня ходьбы по здешним мостовым — представить себе нельзя! ...Разумный выбор обуви... имеет огромное значение»¹⁸.

В марте следующего года исследователь защитил в Петербурге магистерскую диссертацию, посвященную памятникам Кахрие-Джами. Его оппонентами на защите были Д.В. Айналов (1862–1939) и Б.В. Фармаковский (1870–1928), в целом благосклонно отнесшиеся к начинающему ученому. Дальнейшим шагом должно было стать написание в качестве докторской диссертации капитального труда под названием «Византийская монументальная живопись», рукопись которого, отправленная в РАИК, впоследствии погибла в Стамбуле после вступления Турции в Первую мировую войну¹⁹.

Этот период, продолжавшийся почти пять лет, был для Шмита особенно плодотворным. Он сумел завязать контакты со многими зарубежными учеными²⁰, побывал во многих бывших центрах Византийской империи на территории Италии, Греции, Болгарии и Сирии, опубликовал ряд статей в европейских журналах о находящихся там памятниках искусства²¹. В частности, в августе 1910 г. Шмит побывал в Салониках, где осмотрел византийские храмы с открытыми недавно мозаиками. Особенно тщательно изучению с его стороны подверглись в декабре 1910 — январе 1911 гг. архитектура и мозаики монастырской церкви XI в. Неа Мони на о. Хиос в Эгейском море. По поводу начала работ там Шмит писал Успенскому: «...прибыли мы после очень тяжелого и не совсем благополучного горного перехода в Новый монастырь. Патриаршая грамота к игумену произвела нужное впечатление, и мы получили все необходимые разрешения немедленно. На следующий день мы подробно осмотрели церковь и убедились, что значительное количество мозаик и до сих пор цело и что поездка наша не была напрасной. Затем Н.К. Клуге

¹⁷ Павла Федоровна Шмит в память об отце к 1977 г. подготовила рукопись, где были собраны вместе документы, переписка, а также воспоминания коллег, учеников, и ее собственные. Один из экземпляров рукописи хранится в РО НА ИИМК РАН: Ф. 55.

¹⁸ Ананьев В.Г. Ук. соч. С. 403.

¹⁹ Басаргина Е. Ю. Ф. И. Шмит: материалы к биографии // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 492–493.

²⁰ Это общение облегчало знание европейских языков, ведь помимо родного немецкого Шмит свободно владел французским и итальянским.

²¹ Шмит Ф. Паметнициѣ на българската старина. Доклад отъ Феодор Шмит до председателя на Редационный комитет. «Българско отечество». 1909. XXI, 5–6. С. 412–450; Он же. Памятники Мистры // ЖМНП, 1911. Нов. сер. Ч. XXXIII. С. 249–259; Он же. Памятники византийского искусства в Греции // ЖМНП. Нов. сер. 1912. Т. XL. С. 45–59.

принялся за промеры здания (для плана) и за вычерчивание плана вчерне. А когда нам наконец сколотили леса, можно было взяться за промывку мозаик. Начали мы с нарфика. Мозаики невероятно грязны и закопчены, кое-где еле-еле держатся, выпучились пузырями. При промывке кислотой оказалось, что суждения и Стржиговского²², и Вульфа²³ о колорите ошибочны: ни тот, ни другой, вследствие недостатка времени, не мыли мозаик, да и лесов не имели, так что подобраться вплотную к ним не могли, а потому они приняли грязь за колорит и ввели в науку понятие о «сером колорите» хиосском. На самом деле телеса изображены здесь белыми и розовыми тонами с оливковыми тенями. Драпировки разноцветны, хотя большею частью тёмные²⁴. Ф.И. Шмит подготовил монографию о мозаиках этого монастыря, которые он датировал X–XI вв. К сожалению, судьба этой рукописи до сих пор неизвестна²⁵. В отдельных случаях он считал возможным приступить к работе, имея на руках поступившие в РАИК исчерпывающие материалы о каком-либо ранее уже исследовавшемся объекте. В частности, это касается статьи о расположенной в кипрской деревне Кити близ Ларнаки церкви Панагии Ангелоктистос с уникальной золотофонной мозаикой в своде апсиды. В 1895 г. ее детально сфотографировал и подробно описал известный археолог и историк искусства Я.И. Смирнов (1869–1918). Тем не менее, когда по заказу Комитета попечительства о русской иконописи осенью 1907 г. Клуге изготовил акварельную копию расчищенной им мозаики в Кити, а также сделал архитектурные чертежи здания церкви, Шмит решил вновь рассмотреть вопрос о месте этого чрезвычайно ценного исторического и художественного памятника среди других ранневизантийских шедевров, подвергнув критике выводы Смирнова²⁶.

Развитию контактов с прославленными европейскими византистами — А. Гейзенбергом (1869–1930) и Ш. Дилем (1859–1944) — весьма способствовало участие Ф.И. Шмита в конгрессе востоковедов в Афинах (март 1912 г.) и увлекательная поездка по Греции. Май-июнь этого года он посвятил исследованию крестово-купольного византийского храма Успения Богородицы в Никее (Турция), десятилетие спустя целиком уничтоженного турками²⁷. 1912 г. положил также начало следующему творческому периоду в жизни Шмита, поскольку в мае он получил известие о своем избрании на должность заведующего кафедрой теории и истории искусств Харьковского университета, вакантную после кончины профессора Е.К. Редина (1863–1908), историка и археолога, одного из организаторов XII Археологического съезда. Одновременно его назначили заведующим Музеем

²² Й. Стржиговский (1862–1941) — австрийский искусствовед, специалист по византийскому искусству.

²³ О.Ф. Вульф (1864–1946) — выпускник и магистр Юрьевского университета, профессор Берлинской Академии художеств, член РАИМК (1895–1899), участник экспедиций института на Афон, в Никею и Никомидию.

²⁴ Иодко О.В. Николай Карлович Клуге (1869–1947): копиист и реставратор византийских памятников // Немцы в Санкт-Петербурге. XVIII–XX вв. СПб., 2016. С. 204.

²⁵ Басаргина Е.Ю. Архивные фонды Русского археологического института в Константинополе (РАИМК) // ВВ. 1994. Т. 55. Ч. 1. С. 36.

²⁶ Шмит Ф.И. Παναγία Ἀγγελόκτιστος // ИРАИМК. 1911. Т. 15. С. 206–239. Табл. I–IX.

²⁷ Опубликованная в Германии монография Schmit F. Die Koimesis-Kirche von Nikaia, das Bauwerk und die Mosaiken (Berlin-Leipzig, 1927) остается единственным источником для изучения этого памятника архитектуры.

изящных искусств и древностей при университете. Только осенью Шмит покинул Константинополь и вместе с семьей переехал в Харьков, который тогда был центром культурной жизни юга России. Там на него свалились дополнительные обязанности: преподавание на Высших женских курсах и в Художественном училище. Кроме того, он принимал участие в работе Харьковского историко-филологического общества и в течение нескольких лет был председателем педагогического совета гимназии Д.Д. Оболенской.

Будучи «единственным искусствоведам в сравнительно большом и культурном городе»²⁸, Шмит впервые почувствовал себя причастным к большому делу. Круг его лекционных курсов был достаточно широк: «Искусство эллинистической эпохи», «Искусство Византии», «История искусства Древнего Востока и Греции». Их дополняли практические занятия по теории искусства и изучению рельефов древнехристианских саркофагов²⁹. Вероятно, Федор Иванович притягивал людей своей эрудицией и яркими идеями. Скоро у него появились восторженные поклонницы, подносявшие после лекции цветы, на что смущенный преподаватель как-то сказал: «Ну, я же не балерина»³⁰. Иногда он выступал на темы, далекие от искусства, например, с лекцией «Будущее России», но и здесь все заканчивалось аплодисментами и цветами³¹. Действительно, его аудитория не ограничивалась исключительно учащейся молодежью, а запросы так называемой «вольной публики» часто оказывались гораздо шире, чем он ожидал. Многие интересовались ходом развития искусства, особенностями различных направлений, стилей, художественных течений. Как писал о себе Шмит: «Мне пришлось упорно засесть за книжки, какие были доступны, и начать систематически учиться, чтобы хоть как-нибудь, в срочном порядке, восполнить хоть наиболее вопиющие пробелы в моих исторических, археологических и этнологических познаниях». Уже тогда он начал увлекаться теоретическими вопросами истории искусств. Старая максима «если хочешь что-то изучить, начни преподавать» оказалась вполне оправданной.

Постепенно вокруг Шмита, безусловно, обладавшего определенной магией личности, сформировался круг учеников, называвших его «патрон». Для них он «был идеальным руководителем... уделял им много времени, заботился о них, но никогда не навязывал тем»³². Многие из студентов, ставших своими в его доме, продолжили в дальнейшем традиции сложившейся в Харьковском университете искусствоведческой школы, например, археолог и искусствовед Д.П. Гордеев (1889–1968), историк архитектуры С.А. Таранушенко (1889–1976), удостоенные за свои дипломные работы золотых медалей³³. Сам Ф.И. Шмит за свои труды к 1914 г. уже имел несколько наград: ордена Св. Станислава 2-й степени и Св. Анны 3-й степени, а также болгарский орден «За гражданские заслуги» 1-й степени.

²⁸ Шмит Ф.И. Избранное. Искусство: Проблемы теории и истории. М., 2012. С. 7.

²⁹ Филиппенко Р.И. Харьковская школа истории искусства: Ф.И. Шмит // Культурна спадщина Слобожанщини. 2017. № 35. С. 6.

³⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 45. Л. 38.

³¹ Филиппенко Р.И. Ук. соч. С. 9.

³² Там же. С. 7.

³³ Филиппенко Р.И. Ф.И. Шмит: первые годы работы в Харькове // Современное общество и власть. 2018. № 3. С. 13.

В период пребывания в Харькове ученый продолжал регулярно выезжать в научные командировки за границу. Летом 1913 г. он отправился по маршруту Вена — Триест — Венеция — Равенна — Флоренция, Новгород и Псков. Когда разразилась Первая мировая война Шмит с семьей отдыхал на одном из немецких курортов на Рейне. Вовремя вернуться в Россию не удалось из-за болезни жены. Сначала Шмиты обосновались в Бреслау (совр. Вроцлав), потом перебрались в Берлин. Осенью 1914 г. ему удалось отправить семью в Россию, а самому пришлось остаться на положении интернированного лица. Год спустя он писал: «Я должен засвидетельствовать, что меня спасли от тюрьмы деятели германского археологического института»³⁴. Несмотря на серьезные материальные затруднения, Федор Иванович не принял предложение от берлинских коллег устроиться на работу, так как считал, что в условиях войны с Германией такое сотрудничество невозможно. Домой он вернулся только через несколько месяцев, когда его обменяли на пленного немецкого генерала³⁵.

В 1915 г. Шмит отправился на Кавказский фронт в качестве участника военно-археологической экспедиции, а год спустя вошел в состав другой экспедиции, отправленной в захваченный русской армией Трапезунд. Изучение его памятников могло дать уникальные материалы времени заката Византийской империи. Это научное предприятие было организовано и профинансировано Русским археологическим обществом, Московским археологическим обществом и Министерством просвещения. Руководство им доверили Успенскому, который поручил Шмиту и Клуге исследовать церковь Св. Софии — замечательный образец византийской архитектуры XIII в. Из письма секретарю РАО Б.В. Фармаковскому следовало, что они сделали: 1) «промеры церкви для плана и продольного разреза 2) чертеж пола 3) снимки открытых фресок и несколько наружных видов церкви 4) акварельная копия головы апостола Петра 5) акв[арельная] копия двух апостолов. В Св. Евгении: 1) наружный вид церкви 2) эскиз чертежа пола. В Хрисокефалос: 1) наружный вид церкви и два снимка мраморной облицовки внутри алтаря. Возле Хрисокефалос — промеры императорской гробницы для плана и разреза и два снимка капителей ее. Всего было сделано 36–37 снимков... В башне возле Св. Софии [Клуге — В.Г.] скопировал акварелью часть фрески Распятия — бюст Б. Матери. Еще было сфотографировано несколько видов стен Кремля»³⁶.

Ф.И. Шмит, подводя итоги этой экспедиции, писал: «исследование и издание трапезундских росписей необходимо. Было бы целесообразным командировать в Трапезунд историка искусства, дав ему в помощь техника-специалиста по части стенописей, художника и фотографа. В три-четыре месяца эти четыре лица могли бы справиться с работой во всех трех больших храмах Трапезунда (Св. София, Златоглавая, Св. Евгений) и добыть фактический материал, без которого история поздневизантийского и русского искусства XIV–XV веков выяснена быть не может... Вся настоящая научная работа еще впереди»³⁷. В дальнейшем от мысли продолжить работу экспедиции в Трапезунде летом 1917 г. пришлось отказаться.

³⁴ Филиппенко Р.И. Ук. соч. С. 9.

³⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 45. Л. 42.

³⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 372. Л. 56 об.

³⁷ Цыпкина А.Г. Трапезундская экспедиция (1916–1917) и археологические общества // ВМУ. 2016. Сер. 8. № 4. С. 66.

После возвращения в Харьков, в условиях нараставшего в стране политического кризиса, Шмит примкнул к тем профессорам, которые считали, что спасти Россию может только конституция, поэтому он с восторгом приветствовал Февральскую революцию и падение самодержавия. В августе-сентябре 1917 г. Шмит со своими учениками Гордеевым и Таранушенко даже отправился в экспедицию для изучения древнехристианских памятников Грузии и Армении. Приход к власти большевиков он воспринял как крушение демократических свобод. И для этого у него были все основания. Когда в начале 1919 г. в Харькове официально объявили «красный террор», город захлестнула волна массовых реквизиций и расстрелов. Неудивительно, что вступившие в него 25 июня 1919 г. части Добровольческой армии генерала В.З. Май-Маевского были встречены как освободители. Три дня спустя Харьков посетил главнокомандующий Вооруженными силами Юга России А.И. Деникин. По этому поводу профессора университета и других вузов составили воззвание к ученым Запада, где подробно рассказывалось обо всех зверствах красных, и стояли многочисленные подписи, среди которых была и подпись Шмита. Несмотря на череду захлестнувших Харьков военных событий, в 1919 г. здесь были изданы три его во многом не утратившие своего значения книги: «Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела» и «Искусство — его психология, его стилистика, его эволюция»³⁸, где он изложил свою теорию эволюционно-циклического развития искусства, и «Искусство Древней Руси — Украины», которая, в сущности, была одной из первых книг об искусстве Киевской Руси, написанных доступно, образно и увлекательно, к тому же с на редкость хорошими репродукциями. Позднее архитектор В.А. Богословский (1902–1989) вспоминал, какое влияние на его судьбу имели эти книги и их автор: «Поздней весной 1923 года произошла моя встреча с Федором Ивановичем Шмитом, ознаменовавшая крутой поворот в моей жизни, к этому времени я успел уже прочитать его книгу “Искусство Древней Руси — Украины”... После этой беседы с Федором Ивановичем, личность которого произвела на меня незабываемое впечатление своей доброжелательностью и молниеносным пониманием всего, о чем шла речь, я сразу отказался от мысли закончить физико-математический факультет и подал заявление о приеме в Киевский археологический институт, и стал самым преданным учеником Федора Ивановича... Книга “Искусство” произвела на меня сильнейшее впечатление... я сразу убедился в том, что Ф. И. Шмит гениальный ученый, сделавший величайшее открытие законов художественного развития человечества...»³⁹.

Учитывая сложную обстановку в разгар Гражданской войны, до Ф.И. Шмита, видимо, нескоро дошло известие об избрании действительным членом Российской академии истории материальной культуры в августе 1919 г., где он стал числиться внештатным сотрудником. Должно быть, это все-таки произошло до 12 декабря того же года, когда белые оставили город. Создание РАИМК давало надежду на возрождение в стране нормальной научной жизни, что, видимо, повлияло на решение

³⁸ Высокую оценку этой книге дал архитектор И.Б. Михайловский (1866–1939), назвавший ее явлением, которое создает «эпоху в науке об искусстве и вплетает лавры в венок, украшающий чело русской науки» (*Михайловский И.Б.* Архитектурные ордера. Л. 1925. С. 25).

³⁹ РО ИИМК РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 47. Л. 2–3.

Шмита остаться и сотрудничать с советской властью. Он избирается деканом историко-филологического факультета университета и «принимает самое активное участие в организации охраны памятников искусства и старины, в устройстве поновому музеев»⁴⁰. Кроме того, его назначают заведующим музейной секцией Всеукраинского комитета охраны памятников старины Наркомпроса УССР (1919–1920). Одновременно он создал лабораторию по изучению этапов развития изобразительного мышления детей при Психоневрологическом институте. На этой основе позднее был организован Музей детского художественного творчества, для которого собрали около 30 тысяч рисунков детей в возрасте от года до 13–14 лет.

Только летом 1920 г. у Шмита появилась возможность напомнить о себе в Москве и Петрограде, где он выступил в РАИМК с обширным докладом, изложив основные идеи своей книги «Искусство — его психология, его стилистика, его эволюция», изданной в Харькове и не дошедшей до основных научных центров страны. Впрочем, как он сам отмечал, «эти доклады, хоть и вызвали очень оживленные прения, скоро забылись. Настоящей дискуссии в искусствоведческой среде мне поднять не удалось»⁴¹.

Высокое служебное положение на Украине вызвало усиленный интерес к прошлой деятельности ученого, в частности, к его участию в обращенном к Деникину воззвании харьковской интеллигенции. Дело могло закончиться расстрелом, но Харьковский Чрезвычайный ревтрибунал, выслушав показания самого Федора Ивановича, приговорил его к трем годам общественно-принудительных работ условно⁴². Тогда он не придавал этому особого значения и не уехал, как ранее его старший брат и сестра, за границу. Так или иначе, но теперь это «черное пятно» — судимость за контрреволюцию — нужно было обязательно отмечать в любой заполняемой анкете. Видимо, в этой ситуации Шмит чувствовал себя достаточно беспокойно. Позднее он вспоминал: «чтобы меня не утопили окончательно, я добился увольнения от моих всех харьковских должностей»⁴³ и уехал в Киев. Там в июне 1921 г. его избрали действительным академиком Всеукраинской академии наук (ВУАН). Однако надежды заняться в Киеве научной работой не оправдались. Всего два месяца спустя Шмит пишет проникнутое отчаянием письмо академику Н.Я. Марру, где рассказывает о своем бедственном положении и крушении личных надежд, «когда паек, даже академический, не хочет из области фантазии перейти в область реальности, ... а люди, идейно связанные с наукой» остаются на местах, голодают и погибают; «более молодые наши сотрудники... разбегаются»⁴⁴. Тем не менее, вскоре по его инициативе создается специальная Софийская комиссия ВУАН, которая приняла решение подготовить капитальный труд о Софийском соборе, как памятнике древнерусской архитектуры. Правда, из-за недостатка средств в конце 1921 г. работа комиссии практически прекратилась. Прежде, чем исследовать, нужно было спасать собор и другие памятники старины от разрушения или

⁴⁰ Там же. Д. 47. Л. 159.

⁴¹ Шмит Ф.И. Избранное. С. 9.

⁴² Басаргина Е.Ю. Ф.И. Шмит: материалы к биографии. С. 486.

⁴³ Сыченкова Л. Федор Иванович Шмит (1877–1941): жизнь и судьба научного наследия // Рубеж. 1999.

№ 13–14. С. 92.

⁴⁴ Там же.

уничтожения. В 1922 г., войдя в состав комиссии по изъятию церковных ценностей, Шмит сумел передать в музеи около 3000 наиболее ценных предметов. Занимал он и другие административные должности: руководил Музеем искусств им. Богдана и Варвары Ханенко, был назначен директором Музея св. Софии и Музея культов Киево-Печерской лавры, в начале 1922 г. стал ректором Археологического института, через полгода — директором Научно-исследовательского искусствоведения, а спустя еще несколько месяцев — председателем Всеукраинского археологического комитета⁴⁵. Из киевских студентов, учившихся у Ф.И. Шмита, можно упомянуть известного советского археолога М.И. Вязьмитину (1896–1994) и историка-византиниста, д. и. н. Е.Э. Липшиц (1901–1990).

Свое понимание музейной деятельности и роли государства в отношении нее Ф.И. Шмит изложил в работе «О социальном музее» (1923). Он писал: «Государственный и социальный строй, чтобы быть прочным, должен основываться не на насилии над массами, а на вере масс в разумность и необходимость данного строя... Кто хочет воздействовать на волю масс, тот должен не убеждать “разум”, а поражать воображение. Для того, чтобы добиться практических результатов, нужно показать все это на вещах и посредством вещей. Т[аким. — В.Г.] образом, музей становится средством политпросветительной пропаганды... Нам надобно в корне реформировать все музейное дело и создать новый тип музея, который бы служил новому строю жизни... Социальный музей должен иметь в составе своих собраний и наиболее характерные холсты живописцев, и фарфор, и машины, и костюмы, и костюмы, и многое другое, ... чтобы посетитель музея за подробностями не забывал о целом. Ведь смысл Социального музея XIX века заключается в том, чтобы показать, как все ширилась и углублялась пропасть, отделявшая правящий класс от “народа”»⁴⁶.

Не дождавшись денег на издание, посвященное собору Св. Софии, в условиях растущей тенденции к полной украинизации Археологического института, Шмит в 1924 г. совершил «прыжок в неизвестность» и перебрался сначала в Москву, а затем в Ленинград, где стал штатным сотрудником РАИМК по Разряду археологии и искусства раннехристианского и византийского. Почти сразу он начал преподавать в Ленинградском университете и Академии художеств, а также возглавил Государственный институт истории искусств (ГИИИ). Как вспоминал позднее основатель института граф В.П. Зубов (1884–1969), выбор его на должность директора был абсолютно сознательным: «Вот человек, который мне нужен на том трудном повороте, на котором стоит институт, сказал я себе»⁴⁷. Не исключено, что определенную роль тут сыграли и дружеские отношения, связывавшие Шмита с А.В. Луначарским.

Организаторские способности Шмита в данном случае проявились в полной мере: появилось дополнительное финансирование и новые штатные ставки для сотрудников. Погрузившись с головой в административную работу, он писал в это время одному из своих учеников: «Мне очень тягостно, что я теперь не могу спокойно сидеть и писать, а должен заниматься полным приведением в порядок

⁴⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 753. Л. 9.

⁴⁶ Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–6.

⁴⁷ Зубов В.П. Страдные годы России: Воспоминания о революции (1917–1925). Мюнхен. 1968. С. 155.

и перестройкой Института, — но я безропотно забросил все свои литературные работы и ушел в управление, в практическую живую жизнь, потому что понимаю, что в ней весь смысл и смак, а не в книжках»⁴⁸.

Его несомненной заслугой является то, что, войдя в состав комиссии по реставрации и охране памятников искусства и старины РАИМК, Ф.И. Шмит много сделал для придания статуса музеев архитектурным ансамблям Гатчины, Детского Села и Петергофа. При нем появилась Музейная секция ГИИИ, в деятельности которой он активно участвовал. Так, 31 октября 1925 г. директор выступил на заседании секции с докладом «Вводное слово о Петергофе», где в кратком виде представил свои соображения о сущности и задачах историко-бытовых музеев. Взяв для примера Петергоф и Детское Село, он отмечал: «Экскурсии в Детское Село совершаются для парада. Если же мы хотим *научить*, — то нам нужно везти экскурсантов в Петергоф. Петергоф дает возможность воспроизвести полную и непрерывную картину прошлого на протяжении двух веков и раскрывает развитие исторического процесса»⁴⁹. Одним из средств воссоздания этого прошлого по мнению Шмита могла быть театрализация. Его дочь впоследствии вспоминала, как пример такого рода театрализации, маскарад в Екатерининском дворце Детского Села летом 1926 г., «когда в большом бальном зале... под музыку клавесина танцевали менуэт молодые юноши и девушки, вероятно, музейные работники, одетые в костюмы XVIII века. Пары медленно и грациозно плыли по паркету, приседали, кланялись, а свечи освещали это дивное зрелище, отражавшееся, к тому же, в зеркалах зала»⁵⁰.

Между тем, Шмиту уже тогда приходилось преодолевать подозрение, которое вызывало у представителей власти само существование «буржуазного» института, где могли окопаться потенциальные классовые враги, и скептицизм коллег. Неизменную дискуссию вызывали его доклады на заседаниях Комиссии по социологии искусства и искусствоведению при РАИМК, например, «Теория стиля» и «Искусство и общественность», в обсуждении которых принимали участие многие сотрудники Академии, стремившиеся продемонстрировать марксистский подход к пониманию исторического процесса. В частности, Б.Л. Богаевский указывал, «что докладчик опускает основное положение марксизма — теорию классовой борьбы», а Б.В. Фармаковский подчеркивал, что положения доклада непохожи «на построения Маркса, Энгельса, Плеханова, как это кажется» его автору⁵¹.

Острую полемику вызвал и доклад Ф.И. Шмита «Основная проблема античного искусства», сделанный 7 февраля 1925 г. на совместном заседании Объединенного Совещания разрядов греко-римского искусства, археологии Скифии и Сарматии РАИМК, Отдела древностей Государственного Эрмитажа и Отделения античного искусства ГИИИ под председательством Б.В. Фармаковского. Последний выступил против самой постановки темы доклада, так как «искать общую форму-

⁴⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 46. Л. 115.

⁴⁹ *Ананьев В.Г.* Новые материалы о научной деятельности Ф.И. Шмита в архивохранилищах Санкт-Петербурга // История и историки: историографический вестник. 2009–2010. М., 2012. С. 222.

⁵⁰ *Сыченкова Л.А.* Музей как праздник духовности: эксперименты историков культуры 20–30-х гг. XX века (Ф.И. Шмит, И.И. Иоффе) // Современный музей как важнейший ресурс развития города и региона: материалы междунар. конф., посвященной 1000-летию Казани. Казань, 2005.

⁵¹ *Смирнов Н.Ю.* Заметки М.А. Тихановой по истории РАИМК-ГАИМК в 1920–1930-е гг. (публикация полного текста статьи 1980 г.) // АВ. 2013. Вып. 19. С. 295.

лу для всего греческого искусства невозможно»⁵², усомнившись также в основном тезисе о проблеме движения как оси греческого искусства. О.Ф. Вальдгауер высказал мнение, что это лишь одна из сторон основной проблемы, которой следует считать изображение индивидуальности. Б.Л. Богаевский же рассматривал как основную проблему античного искусства изображение Человека⁵³. Широкие обобщения Шмита в области теории искусства не нашли понимания и у присутствовавшего на заседании С.А. Жебелева. Три дня спустя в письме Н.П. Кондакову он отзывался о них следующим образом: «У нас появилось новое светило — Ф.И. Шмит, тот, кто писал о Кахриэ-Джами. Быстрок невероятный и, должно быть, бросил совсем заниматься наукою. Все изыскивает новые методы или, как у нас теперь говорят, “подходы”. Недавно читал доклад о греческом искусстве, к которому, как он выразился, нужно придумать какую-нибудь этикетку. Таковою оказалась “движение”, а у всего последующего искусства, оказывается, такую этикетку служит “пространство”»⁵⁴.

Вопреки предположению Жебелева, наукой Шмит заниматься не бросил. Он продолжил изготовление факсимильных фресок древних церквей, начатое еще В.П. Зубовым. За шесть лет директорства под грифом «Государственный институт истории искусств» он опубликовал в издательстве «Academia» две книги: «Искусство. Основные проблемы теории и истории» (Л., 1925) и «Музейное дело. Вопросы экспозиции» (Л., 1929), которые очень скоро получили международное признание. В этот период научные заслуги Шмита отметили зарубежные коллеги, избравшие его в 1926 г. членом Болгарского археологического института, а также Германского археологического института, когда он был командирован в Берлин для устройства выставки копий древнерусских произведений монументальной живописи. Выставка открылась 3 ноября 1926 г. в Берлине и затем была показана в Кельне, Кенигсберге и Гамбурге. Одновременно в высших учебных заведениях этих городов Шмит читал лекции о древнерусском искусстве. Она пользовалась успехом и развивать подобного рода культурные связи должна была специальная Комиссия для устройства выставок, но продолжения это начинание не получило⁵⁵. Все же для Шмита этот визит имел большое значение, поскольку ему удалось пообщаться со многими немецкими коллегами и обсудить с ними вопросы организации музейного дела, а также познакомиться с лучшими коллекциями музеев и частных собраний. В последний раз он приезжал в Германию в феврале-марте 1929 г., посетив Берлин и Кельн в составе делегации Наркомпроса РСФСР для сопровождения выставки произведений древнерусской живописи XII–XVIII вв.

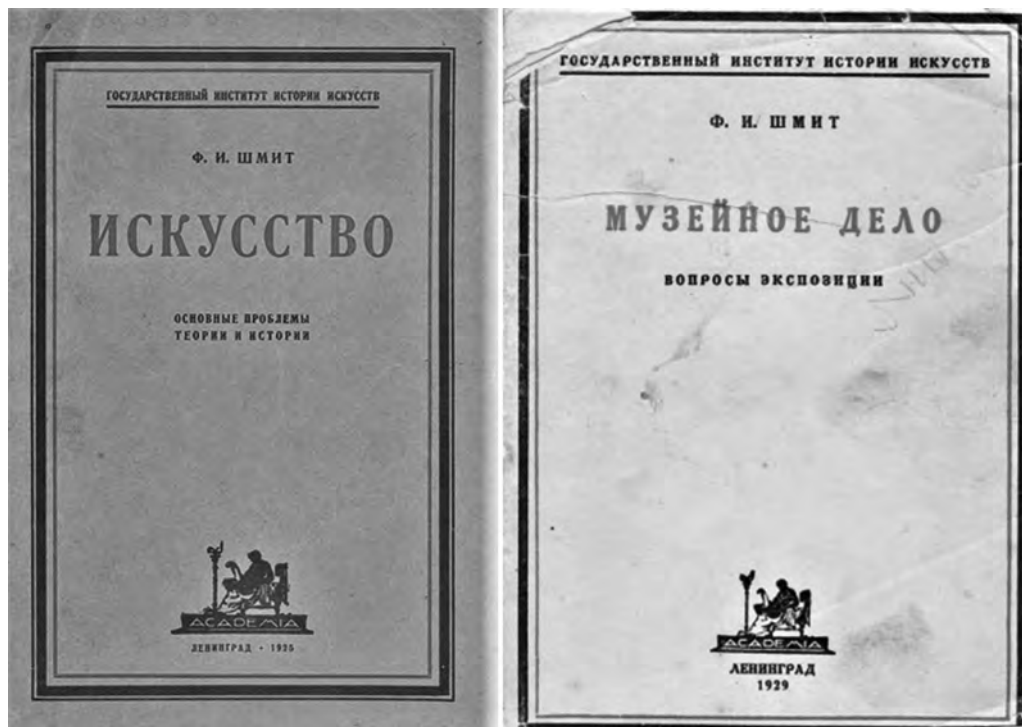
Что касается преподавания в ГИИИ, то времени на него оставалось мало, и Шмит читал там в основном вводные лекции по искусствоведению. Слушавший их А.Д. Миллов запомнил следующие его слова: «Нам нужна такая теория искусства, которая обнимала бы полностью все искусство — и “зоологическое”, и археологическое, и этнографическое, и историческое, и педологическое и обнимала и искусство индивидуальных художников-профессионалов, искусство “народных масс”

⁵² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 30. Л. 12.

⁵³ Там же. Л. 12 об., 13.

⁵⁴ Ананьев В.Г. Ук. соч. С. 223.

⁵⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 30. Л. 55.

Книги Ф.И. Шмита, опубликованные в издательстве «Academia»

и искусство “парадное” показное... все понятно только в неразрывной связи». Милов отмечал, что «теоретические рассуждения не вызывали особого интереса слушателей... Но размышления о его судьбе, экскурсии в прошлое с мастерским стилистическим анализом отдельных памятников, даже простой рассказ о всем виденном академиком, а видел он многое, выслушивались с неослабевающим вниманием. В своих повествованиях он любил останавливаться на Древней Греции и Византии, чувствовалось, что эти темы его глубоко трогают»⁵⁶. Действительно, прежние научные интересы давали о себе знать, и в сентябре 1928 г. после смерти Успенского Шмит безуспешно пытался возглавить Византийскую комиссию Академии наук. Однако это оказалось невозможно в связи с закрытием журнала «Византийский временник» и официальной позицией властей, которые считали, что византийская проблематика неактуальна для советской исторической науки, да и сама комиссия вскоре перестала существовать.

В Государственной академии истории материальной культуры⁵⁷ на фоне разворачивавшегося «Академического дела» произошли изменения в структуре и штатах. В ноябре 1929 г. все ее отделения были реформированы, и в этих условиях Ф.И. Шмит становится заведующим Разрядом средневековых культур Европы

⁵⁶ Сиволоп Т.Е. Ук. соч. С. 30–31.

⁵⁷ РАИМК сменила название в январе 1926 г., через три года после образования СССР.

и Передней Азии. Он определил его научные задачи следующим образом: «Разряд изучает культуру восточного Средиземноморья в Средние века с IV по XV вв. включительно, как стадии общеисторического процесса, ее генезис, развитие, пути проникновения и взаимоотношения с другими культурами на территории СССР»⁵⁸. В составе разряда помимо Шмита было 7 сотрудников, среди которых можно упомянуть Н.И. Репникова (1882–1940), Л.А. Мацулевича (1886–1959), Е.Ч. Скржинскую (1897–1981), М.А. Тиханову (1898–1981) и Е.Э. Липшица. В план работы Разряда на ближайшие годы входили археологические исследования в Крыму и на Тамани. В связи с этим Шмит даже подготовил доклад на тему «Об изучении вещественных источников для истории феодального общества»⁵⁹. Сам он взял на себя руководство экспедицией, которая должна была провести раскопки средневекового городища Эски-Кермен в юго-западной части Крымского полуострова. Этот выбор был не случайным, поскольку существовала программа сотрудничества с германской Академией наук, в рамках которой намечались совместные раскопки для изучения готских древностей в Крыму. Всего за два месяца до создания Разряда средневековых культур для осмотра Эски-Кермена и материалов предшествующих раскопок из Германии приезжали представитель Немецкого археологического института И. Зауер (1872–1949), профессор Гамбургского университета Р. Саломон (1884–1966) и этнограф из берлинского Музея народоведения Г. Финдейзен (1903–1968)⁶⁰. Таким образом, вопрос об изучении Эски-Кермена приобрел международное значение. С 1930 г. в ГАИМК работала Готская группа, которая ставила своей задачей пересмотр готской проблемы с опорой на реконструкцию социально-хозяйственных отношений и стадийное изучение конкретного культурно-исторического процесса.

В полевом сезоне 1930 г. было намечено продолжить работы, начатые ранее Репниковым: провести зачистку дозорного комплекса на северной оконечности плато и дороги, поднимающейся к южным воротам; исследовать остатки крепостных стен и осадный колодец с лестницей; вскрыть остатки базилики. Начав работать, экспедиция сразу столкнулась с проблемами финансирования, снабжения продовольствием и обеспечения рабочей силой. Достаточно сказать, что из запланированных по смете 75 000 руб. реально были получены лишь 2750 руб.

Интересную зарисовку типичного экспедиционного дня Шмит оставил в своем письме от 2 августа 1930 г.: «Каждый день, в пять часов утра, я бужу своих сожителей (мой внутренний хронометр стал уже легендарным), затем они бегут будить других по соседним домам, одеваемся, завтракаем, в 6.25 выходим из дома, карабкаемся на Эски-Кермен, с 7 до 11 копаем, закусьваем, дремлем. С 13 до 17 копаем, моемся насколько возможно, обедаем, и ждем момента, когда можно ложиться спать. Это для всех. Для меня сверх того, неразрешимый вопрос: откуда взять рабочих (сегодня вместо 20 ожидавшихся, явилось 4!), чтобы кончить в срок, или вообще довести до какого-нибудь конца, начатые работы; как починить кишки членам экспедиции, или вернее, как убедить их в том, что пить воду надо умеренно,

⁵⁸ Сыченкова Л.А. Забытые открытия Эски-Керменских экспедиций 1930–1933 гг. при участии Ф.И. Шмита // МАИАСП. 2020. № 12. С. 663–664.

⁵⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 55. Оп. 2. Д. 44.

⁶⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 214. Л. 10–11.

Эски-Кермен. Общий вид городских ворот. 1933 г.

как можно меньше; как убедить Репникова, что он совершенно здоров, и что его страдальческие взгляды только смешны, как подсчитать действительную стоимость продовольственного пайка. Жарко даже мне»⁶¹.

В ходе раскопок особое внимание было уделено осадному колодцу в восточной части плато и трехнефной базилике, основательно разрушенной окрестными жителями, добывавшими здесь готовый строительный камень. Базилика представляла для Ф.И. Шмита особый интерес, поскольку имелись все основания полагать, что это была центральная постройка города, возведенная в период строительства его укреплений. Ближайшую аналогию ей из-за отсутствия атриума он нашел среди сирийской церковной архитектуры V–VII вв. и каппадокийских храмов доиконоборческого периода. Отсюда напрашивался вывод о соответствующей датировке и эски-керменской базилики, хотя, как отмечал исследователь, «сколько-нибудь точное ее хронологическое определение остается все-таки затруднительным»⁶². После завершения раскопок стало ясно, что здание функционировало недолго, затем на этом месте была возведена часовня, а прилегающая территория превратилась в кладбище⁶³. Подводя итоги экспедиции, ученый подчеркнул: «Для истории крымской Готии, столь бедной документальными данными, Эски-Керменское городище является первоклассным источником»⁶⁴.

⁶¹ Сыченкова Л.А. Ук. соч. С. 667.

⁶² Шмит Ф.И. Эски-Керменская базилика // ИГАИМК. 1932. Т. 12. Вып. 1–8. С. 224.

⁶³ Шмит Ф.И. Отчет Эски-Керменской экспедиции // СГАИМК. 1931. Вып. 7. С. 25–29.

⁶⁴ Сыченкова Л.А. Ук. соч. С. 665.

Эски-Кермен. Вход в осадный колодец после расчистки. 1930 г.

Эски-Кермен. Юго-восточный угол базилики. 1930 г.

Эски-Кермен. Ф.И. Шмит и Н.И. Репников среди участников экспедиции 1930 г. после завершения раскопок

С конца 1930 г. сфера деятельности Федора Ивановича стала постепенно сужаться. Ему пришлось оставить ГИИИ в связи с его разгромом под предлогом борьбы с формализмом и преобразованием в Научно-исследовательский институт театра и музыки. С другой стороны, как профессор, он начал преподавать в выделенном из состава ЛГУ Ленинградском историко-лингвистическом институте (ЛИЛИ), где в том же году возглавил кафедру всеобщей истории искусства. Там он читал такие курсы, как «Художественная культура народов СССР», «История византийского искусства», «История искусства феодальной Европы», «История древнего искусства», «История западноевропейского искусства эпохи первоначального накопления капитала», вел спецкурс «Предтечи барокко». Анализ подготовленных им учебных программ демонстрирует искреннюю попытку адаптировать их к требованиям нового времени при сохранении академического содержания. Правда, уже через два года ему пришлось уволиться из-за принятого Наркомпросом решения ликвидировать в ЛИЛИ подготовку искусствоведов. Как писал Шмит сыну, «искусствоведение в Питере упраздняется (официально!) потому, что в Питере нет искусствоведов, которым можно было бы доверить обучение студентов... Эту зиму я, по-видимому, смогу делать вид, будто я у дела и работаю... А дальше — сворачивай удочки и уходи из Университета. Но это уже в 1933 г. ... и об этом можно пока не думать»⁶⁵. На самом деле все случилось гораздо быстрее. Уже 1 февраля 1932 г.

⁶⁵ Ананьев В.Г. Ф.И. Шмит в Ленинградском университете... С. 70.

вышел приказ директора ЛИЛИ об освобождении Ф.И. Шмита от преподавания в связи со снятием предметов с курса. Теперь у него осталось только одно официальное место работы — ГАИМК.

Одновременно Шмит продолжал работать в области теории музееведения. Важной вехой на этом пути стал его участие в первом в истории широкомасштабном международном исследовательском проекте, направленном на разработку вопросов совершенствования музейной практики. Проект завершился публикацией в 1931 г. книги «Музеи: Международное исследование по вопросу реформы публичных галерей», объединившей статьи ведущих музейных специалистов мира и оказавшей влияние на профессиональное развитие музейного сектора. Статью «Музеи Союза Советских Социалистических Республик»⁶⁶, написанную для этого тома Шмитом, составители отнесли к числу наиболее значительных⁶⁷.

В 1931 г., оказавшемся слишком сложным для Ф.И. Шмита, в экспедицию он не поехал, и ее возглавил Репников. Заведующий Разрядом средневековых культур вернулся к руководству исследованиями в Эски-Кермене только на следующий год, когда он пытался обнаружить систему водоснабжения древнего города. В этом отношении сезон оказался неудачным, но его результаты заинтересовали Бахчисарайский райисполком, на заседании которого отмечалось большое значение изучения древних ирригационных сооружений для развития местного сельского хозяйства⁶⁸. Этой актуальной теме была посвящена специальная статья Репникова и Шмита «О технике водоснабжения средневековых городов Крыма»⁶⁹.

Между тем, ситуация в ГАИМК, как и во всей стране, становилась все более напряженной. Никто не был застрахован от ареста или высылки. Как писал Е.Л. Шварц, вспоминая то время, «годы прожиты под скалой “Пронеси, господи”». Обрушивалась она и давила и правых, и виноватых, и ничем ты помочь не мог ни себе, ни близким... столько общих собраний с человеческими жертвами пережито, что трудно верить в будущее»⁷⁰.

Для Шмита вписаться в быстро меняющуюся обстановку и соотнести свои взгляды с господствующими марксистскими догмами оказалось непросто, хотя он и старался найти в них возможное средство для познания общих закономерностей развития культуры. В его личной карточке было записано: «Большой ученый старой школы; искренне старается стать марксистом, но большой путаник, исключительно дисциплинирован; может быть полезен своими большими знаниями материала»⁷¹. Все же он постоянно вызывал недовольство и подозрение со стороны руководства. Фактически стоявший во главе ГАИМК Ф.В. Кипарисов (1886–1936)

⁶⁶ Schmit F. I. Les musées de l'Union des Républiques Socialistes Soviétiques // Musées. Cahiers de la République des lettres, des sciences et des arts. 1931, octobre—novembre. XIII. P. 206–221.

⁶⁷ Ананьев В.Г. Федор Иванович Шмит и сборник «Музеи: Международное исследование по вопросу реформы публичных галерей» (1931 г.): у истоков музейной революции // Вопросы музеологии. 2012. Вып. 2. С. 190.

⁶⁸ Результаты работ Эски-Керменской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Государственного Исторического музея летом 1932 г. в Крыму // СГАИМК. 1932. Вып. 11–12. С. 80.

⁶⁹ Репников Н.И., Шмит Ф.И. О технике водоснабжения средневековых городов Крыма // СГАИМК. 1932. Вып. 9–10. С. 46–50.

⁷⁰ Биневиц Е.М. Евгений Шварц. Хроника жизни. М., 2008. С. 193.

⁷¹ Ананьев В.Г. Ф.И. Шмит в Ленинградском университете... С. 72.

требовал от него не только признания ошибок, но и определения тех позиций, на которых он стоит в настоящее время⁷².

Чтобы снять обвинения политического характера⁷³, ученый пытался вступить в партию, писать статьи в духе времени, например, «Карл Маркс об истории искусства» (1932). В итоговой части неопубликованной статьи «Пореволюционное византиноведение» от 24 декабря 1931 г. он подчеркивал необходимость переключения на новую методологию, ставя перед советским византиноведением такие задачи: «...на первый план должно выдвинуть вопросы “внутренней” истории, т. е. вопросы материального производства и производственных отношений, в пределах не одного какого-либо государственного образования или одного какого-либо народа, а в пределах всей восточной (“византийской”) Европы, т. е. широко использовать сравнительный метод изучения и тщательно проследить по всем доступным данным... все пути культурного взаимодействия и обмена; ...должно привлечь, собрать и использовать в гораздо большей мере... вещественный (“археологический”) материал — не только парадный, церковный, и не только художественный, но и, прежде всего, массовый, бытовой, т. е. должно освободиться от того архивно-филологического одностороннего подхода к Византии, который немало содействовал извращению дореволюционного византиноведения: «византийскую» историю делали не цари, издававшие законы, и не монахи, писавшие летописи и богословские трактаты, а массы трудящихся, непрерывно ломавших и государственных, и социальных формы, и официальные идеологии»⁷⁴.

Выступал Шмит и с лекциями на антирелигиозные темы. Сохранился текст одной из них на тему: «Семантика архитектурных форм Исаакиевского собора». В лекции, состоявшейся 23 января 1933 г., говорилось о том, что превращение зданий бывших церквей в антирелигиозные музеи — «использование наиболее правильное и целесообразное»⁷⁵. По мысли Шмита сам собор может стать основным экспонатом. Для этого нужно вспомнить идею о символизме любого культового сооружения и рассматривать Исаакиевский собор как определенный архитектурный тип, в котором «отложилась вся практика человеческой истории» и где разыгрывалось своего рода театральное зрелище, целиком политически направленное и ничего общего с интересами религии не имевшее⁷⁶. А задача антирелигиозной экспозиции убедить самого православного и верующего человека в том, что собор является «памятником прославления абсолютной монархии, идеологической опорой которой он должен был быть в условиях последних потуг европейской реакции на революционное движение, как памятник отнюдь не только русской (православной) реакции на революцию, но реакции общеевропейской»⁷⁷. В дальнейшем такие установки были использованы на практике, но Ф.И. Шмит этого уже не увидел.

Последний полевой сезон в жизни ученого связан с советско-американской экспедицией 1933 г., в которой принимал участие Филадельфийский университет. Его

⁷² Афанасьев В.А. Федор Иванович Шмит. Киев, 1992. С. 135.

⁷³ По этому поводу Ф. И. Шмит писал сыну: «Вывод сформулирован ясно в пенсионном отзыве: дворянин по происхождению, немарксист по убеждению, необщественник по работе» (Басаргина Е.Ю. Ф.И. Шмит: материалы к биографии... С. 490).

⁷⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 39. Л. 17.

⁷⁵ Ананьев В.Г. Новые материалы о научной деятельности Ф.И. Шмита... С. 225.

⁷⁶ Ананьев В.Г. Ук. соч. С. 225–226.

⁷⁷ Там же. С. 226.

представителем в данном случае был эмигрант из России Е.А. Голомшток. Основная цель экспедиции была обозначена следующим образом: пополнение музейных собраний СССР и Филадельфийского университета археологическими материалами по истории Крыма, завершение исследования системы водоснабжения Эски-Кермена и дополнение имеющихся сведений о водоснабжении византийских городов Крыма путем обследования Сюйрена и Мангуп-Кале⁷⁸. Экспедиция проработала в Эски-Кермене почти два с половиной месяца, с 19 июля до конца сентября, и столкнулась с теми же трудностями, что и раньше. Шмит крайне негативно отзывался о ней в письме племяннице от 6 сентября: «Лучше бы ее не было... Я очень счастлив, что... заказаны билеты в Ленинград, и что я увезу с собой Е. Голомштока, и наш пошлый экспедиционный фарс кончится... Я возвращаюсь в Питер усталый и злой. Это очень печально»⁷⁹. Конечно, на самом деле все было не столь ужасно: завершилась расчистка трех маршей дороги на подъеме к южным воротам

Глиняные трубы водопровода под обрывом скалы в долине р. Кача

Эски-Кермена, а раскопки в северо-западном углу городища позволили обнаружить остатки крупного здания с обвалившимися фрагментами фресковой росписи. Главным из достигнутых результатов стало открытие в балке Бильдеран, на глубине 5 м, глиняных труб водопровода, снабжавшего Эски-Кермен питьевой водой⁸⁰. Дополнительно обследовались также пещерный монастырь Шулдан и Мангуп-Кале.

Знакомство с эмигрантом Голомштоком, наряду с заграничными поездками и контактами Шмита, сыграли в его судьбе роковую роль. 26 ноября 1933 г. по решению органов ОГПУ он оказался среди привлекавшихся по так называемому «Делу славистов» («Российской национальной партии») и провел в одиночной камере Дома предварительного заключения 145 суток. Его обвиняли в осуществлении руководства украинским филиалом контрреволюционной фашистской организации, готовившим вооруженное восстание с целью отторжения Украины и присоединения ее к Германии и в руководстве профашистскими центрами в гуманитарных научных учреждениях Ленинграда⁸¹. По тому же делу проходили

⁷⁸ Сыченкова Л.А. Ук. соч. С. 674.

⁷⁹ Там же. С. 675.

⁸⁰ Абрамова Н.А. Исследование «пещерного города» Эски-Кермен в 20-е — 30-е годы XX века // МАИАСК. 2015. Вып. 7. С. 113.

⁸¹ В 1937 г. по тому же обвинению был арестован сын ученого, научный сотрудник Полярного института научного рыболовства и океанографии в Мурманске — Валерий Шмит. Его расстреляли в Ленинграде 27 января 1938 г.

его ученики Гордеев и Таранушенко. После шантажа и продолжительных ночных допросов, несмотря на отсутствие доказательств, Шмит подписал все, что от него хотели. Его дочь вспоминала после посещения тюрьмы, как «трудно было сдерживать слезы при виде отца, внезапно поседевшего. У него тряслись руки, и он плакал...»⁸². Вынесенный 24 марта 1934 г. судебной тройкой коллегии ОГПУ первоначальный приговор по ст. УК 58–10,11: пять лет исправительных лагерей, затем заменили высылкой в Казахстан, в г. Акмолинск (совр. Астана) на тот же срок. Там Ф.И. Шмит числился статистиком Стройконтроля и некоторое время преподавал историю и географию в средней школе. На тех, кто навещал его в ссылке, он производил впечатление человека глубоко подавленного и морально сломленного.

В 1935 г. Шмита перевели в Ташкент, где в Государственном музее искусств Узбекской ССР он получил должность научного консультанта по вопросам русского и европейского искусства, занимался изучением художественной культуры Средней Азии. В последние годы жизни его поддерживала любая возможность работы по специальности: научные статьи, участие в организации и проведении художественных выставок, поездка в Самарканд для исследования архитектурного ансамбля Регистана и купола мавзолея Гур-Эмир, составление каталога художественного музея в Ташкенте, который так и не был опубликован.

Роковым для ученого, как и для многих его коллег, оказался 1937 г. 1 февраля он был уволен из музея «по собственному заявлению», а в ночь с 10 на 11 августа арестован по сфабрикованному доносу одного из студентов в НКВД о «контрреволюционном» характере его публичных выступлений. В компрометирующих свидетельствах говорилось, что Шмит постоянно пропагандировал фашистские взгляды на лекциях для архитекторов и художников Ташкента и искажал основные положения классиков марксизма-ленинизма в области искусства. Через три месяца следствия ему предъявили обвинение в том, что, будучи членом фашистской организации, он не изменил враждебного отношения к советской власти и противопоставлял социалистической науке в истории искусства буржуазную теорию. 5 ноября тройка НКВД Узбекской ССР приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу, и 10 ноября (по другим данным — 3 декабря) 1937 г. приговор привели в исполнение⁸³. Этот факт скрыли от родственников, которым сообщили, что он отправлен в лагерь строгого режима на 10 лет без права переписки — стандартная формулировка, употреблявшаяся для того, чтобы скрыть истинные масштабы политических репрессий. Когда в 1939 г. В.И. Вернадский, Е.В. Тарле, В.В. Струве и В.М. Жирмунский обращались к представителям власти с просьбой сохранить Федора Иванович Шмита для науки, его уже давно не было в живых. Полная реабилитация выдающегося исследователя искусства Византии, Древней Руси и создателя оригинальных трудов по теории искусства, по двум вынесенным ему приговорам состоялась только в 1956 г.

⁸² Сыченкова Л. Федор Иванович Шмит... С. 96.

⁸³ Полученная родственниками после реабилитации справка о смерти Ф.И. Шмита 10 ноября 1941 г. в лагере «от старческой дряхлости» оказалась не соответствовавшей действительности (Афанасьев В.А. Ук. соч. С. 173).

Глава 4

Участники Избирательного собрания, не вошедшие в первый состав действительных членов РАИМК

Давид Алексеевич Золотарев (1885–1935)

Д.А. Кукина

Жизнь и судьба Давида Алексеевича Золотарева¹, скорее всего, покажутся типичными для ученого и интеллектуала первой половины XX века: сын священника, получивший хорошее образование и знавший три европейских языка, настоящий исследователь, не только по профессии, но и по складу характера, который и в последние дни своей жизни в лагере, казалось, сожалел только о неоконченной работе и невозможности заниматься в полной мере научной деятельностью. Отзывчивый и добрый человек, патриот, был, как и многие другие до и после него, уничтожен новой властью, пришедшей на смену царизму, против которого в юности он боролся. Незаурядная личность Д.А. Золотарева, его семейная история и преданность малой родине придают биографии этого ученого особую индивидуальность, делая ее интересной не только этнографам и историкам науки, но и любому человеку.

Давид Алексеевич Золотарев родился 29 августа 1885 г. в г. Рыбинске Ярославской губернии. Отцом будущего антрополога был священник А.А. Золотарев, мать также происходила из духовного сословия. В семье, где из десяти детей до зрелости дожили только пятеро, Давид был младшим и любимым сыном². А.А. Золотарев,

¹ В качестве заставки использован фотопортрет Давида Алексеевича Золотарева. 9 июля 1908 г. Автор И.С. Афанасьев. Из коллекции Рыбинского музея-заповедника (РБМ-19247. ФД-561).

² У Д.А. Золотарева было три брата и сестра: Золотарев Сергей Алексеевич (1872–1941) — педагог, историк литературы и краевед; Золотарев Алексей Алексеевич (1879–1950) — литературный критик, краевед, общественный деятель, религиозный философ; Золотарев Николай Алексеевич (1877–1915) — заведующий

Братья Золотаревы. 1900 г. (Д.А. Золотарев третий слева).
Из коллекции Рыбинского музея-заповедника (НВФ-3288/8)

брат ученого, в своих воспоминаниях³ описывает его как спокойного, скромного и застенчивого ребенка, обладавшего крепким здоровьем и демонстрировавшего особенную «душевную мягкость, деликатность, нежность натуры», проявлявшуюся среди прочего в умении глубоко сочувствовать чужому несчастью. Эта чувствительность заставляла мальчика пристальнее всматриваться в жизнь окружающих его людей, интересоваться их проблемами, что в конечном счете превратилось в глубокий интерес к родному краю, местным нравам и обычаям, определив его судьбу и будущую профессию.

В школе Д. А. Золотарев хорошо и легко учился, а природное обаяние и общительность позволяли ему без труда сходиться с людьми. В детские годы он приобрел и два главных своих увлечения, которые не только сопровождали его на протяжении всей жизни, но и немало помогли в научной работе — это занятия фотографией и пристрастие к долгим велосипедным прогулкам. По словам брата, ему «ничего не стоило сняться с якоря и переместить себя на любое расстояние — в этом уже тогда сказывалась переданная по наследству от мамы склонность

Тургеневской библиотекой в Париже; Сыромятникова (урожд. Золотарева) Мария Алексеевна (1882–1965) — преподаватель и архивист.

³ Золотарев А.А. Свро santo моей памяти: Мемуары. Художественная проза. Стихотворения. Публицистика. Философские произведения. Высказывания современников. Санкт-Петербург: Росток, 2016.

к путешествиям и то самое идолопоклонство земле, которое считала мама своей характерной чертой»⁴.

После окончания Рыбинской мужской классической гимназии он поступил на медицинский факультет Московского университета. Учеба, однако, не продлилась долго. Еще в гимназистские годы чувствительный ко всякой несправедливости Д.А. Золотарев увлекся революционными идеями. В 1904 г., во время студенческих волнений в университете, он принимал участие «в агитации среди учащихся молодежи г. Москвы за устройство антиправительственной демонстрации», за что был отчислен и 24 февраля 1904 г. выслан из Москвы в Рыбинск «с воспрещением ему жительства в Москве и Московской губернии», а также лишен права поступления в высшие учебные заведения России. Рыбинский полицмейстер даже получил предписание охранного отделения государственной безопасности и порядка г. Москвы «об учреждении негласного наблюдения за названным лицом и, в случае выезда куда-либо из Рыбинска, — об уведомлении о сем надлежащего начальника Губернского Жандармского Управления и Московского Охранного отделения»⁵. Единственным выходом из сложившейся ситуации была учеба за границей. Осенью 1904 г. Д. А. Золотарев прибывает в Париж для посещения занятий в Русской высшей школе общественных наук. Тогда же происходит и его первое знакомство с антропологом Ф.К. Волковым (1847–1918), которое помогло ему окончательно определиться с научными предпочтениями: с того момента он «...до конца дней остался сторонником и приверженцем французской школы в антропологии, ближайшим учеником и последователем Ф.К. Волкова»⁶. Первоначально Д.А. Золотарев хотел продолжать обучение в Париже, однако, узнав о принятии приятеля-оппозиционера обратно в Московский университет, поспешил вернуться на родину. Его тоже приняли обратно, но, поскольку мест на медицинском факультете не оказалось, он был зачислен на физико-математический факультет, где обучался у антрополога Д.Н. Анучина (1843–1923). Эта попытка получить образование также не продлилась долго. Увлечение революционными идеями продолжало соседствовать в молодом человеке со стремлением к науке. Наступает революционный 1905 год, и Золотарев активно участвует в пропагандистской и агитационной деятельности, выступая в кружках, агитационных мастерских и на маевках, в основном в родном Рыбинске. Его, конечно, снова отчисляют, и он опять едет в Париж. Здесь с осени 1906 г. Давид занимается в Сорбонне и одновременно посещает лекции Ф. К. Волкова по соматической антропологии и доисторической археологии в Русской Высшей школе общественных наук.

Д.А. Золотарев вновь вернулся в Россию только в 1908 г. и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Студенческий статус не помешал ему в том же году жениться на уроженке Рыбинска, дворянке Александре Дмитриевне Дебольской (1886–1942). Уже во время обучения в университете Золотарев активно занимался научной и педагогической деятельностью. Начиная с 1909 г., он начал предпринимать ежегодные исследовательские поездки сначала по Волге, в пределах хорошо знакомых ему

⁴ Там же. С. 105.

⁵ «Правьте на звезды...». Рыбинский край в отечественной науке XIX–XX вв. Рыбинск, 1999. С. 254.

⁶ Золотарев А.А. Campo santo моей памяти. С. 108.

Д.А. Золотарев с семьей в Киселихе. 1910 г.
Из коллекции Рыбинского музея-заповедника (РБМ-18973. ФД-521)

родных мест Ярославской губернии, а затем и в более отдаленные районы. Первая из них состоялась под руководством ярославского краеведа И.А. Тихомирова (1861–1933).

В 1910–1911 гг. Д.А. Золотарев состоял секретарем организации студенческих научных кружков физико-математического факультета. В 1912 г. он окончил университетский курс с дипломом I степени и, по предложению профессоров П.И. Броунова и Ф.К. Волкова, был оставлен при университете для приготовления к ученой деятельности. Со следующего года Золотарев уже товарищ секретаря Антропологического общества при университете и секретарь комиссии по составлению этнографических карт России при Русском географическом обществе, преподает географию в средней школе и Смоленских вечерних классах для рабочих Русского технического общества⁷. Тогда же в «Ежегоднике Русского Антропологического общества» публикуются его первые работы по антропологии великороссов Тверской и Новгородской губерний. В 1916/17 г. он выдержал экзамены на звание магистра географии и антропологии и был оставлен на кафедре для чтения лекций. Еще через год молодой преподаватель получил звание профессора.

⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 230. Л. 5.

В 1918 г. Д.А. Золотарев становится хранителем Этнографического отдела Русского музея (ныне Русский этнографический музей), где в дальнейшем будет заведующим отделением русско-финской этнографии и проработает двенадцать лет. В июле 1919 г. он получил приглашение участвовать в Избирательном собрании Российской академии материальной культуры, которое состоялось 5–7 августа. В новом научном учреждении ученый стал заведующим Разрядом этнической антропологии. Впрочем, этим список его должностей не ограничивался: одновременно он возглавил Европейский отдел Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран при Академии наук (КИПС) и вошел в состав Центрального бюро краеведения⁸.

Деятельность Д.А. Золотарева, как этнографа и антрополога, уже была довольно полно охарактеризована в научной литературе⁹, поэтому остановимся лишь на основных ее направлениях. Одним из них была работа по составлению этнографических карт. Этим делом он начал заниматься еще во время обучения в университете. Прежде всего, начинающий тогда специалист выявлял и изучал источники для составления карт по антропологии русского народа совместно с этнографами и фольклористами Д.К. Зелениным (1878–1954) и А.К. Сержпутовским (1864–1940). В рамках этой работы он участвовал в этнологических экспедициях, разработке «Великорусских опросных листов» — анкет, предназначенных для сбора недостающего для картографирования материала. В Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран ученый занимался составлением этнических карт, необходимых для национально-территориального размежевания страны. Под его руководством в 1924–1927 гг. были изданы этнические карты Мурманской губернии, Северо-Западной области и Карелии, Ленинградской, Псковской, Новгородской, Череповецкой, Тверской губерний и губерний Поволжья¹⁰.

Еще одной сферой профессионального интереса ученого было краеведение. С этим направлением связаны его первые исследовательские опыты и первые публикации 1909–1910 гг. в газетах родного Рыбинска, посвященные истории и культуре Ярославской губернии, такие как, например, «Рыбинск в середине XIX века» по материалам экспедиций 1910–1911 гг., «Пешеходные экскурсии по Ярославской губернии», «Деревенские песни», «Мужик придумал» и др. При участии Д.А. Золотарева был выпущен «Путеводитель по Волге, Оке, Каме и Белой»¹¹ с иллюстрациями, картами и планами городов, выдержавший несколько переизданий. Он являлся членом Рыбинского научного общества, где вел большую

⁸ Шангина И.И., Аксянова Г.А. Давид Алексеевич Золотарев — этнограф, антрополог организатор науки в России начала XX века // Три века российской этнографии: страницы истории. М., 2017. С. 221–223; Золотарев А. А. Сямро santo моей памяти. С. 84–114; «Правьте на звезды...». С. 254–261; Решетов А.М. Репрессированная ленинградская антропология (к постановке вопроса) // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. К 75-летию Ильи Иосифовича Гохмана. СПб., 2004. С. 201–219.

⁹ Шангина И.И. Д.А. Золотарев (к столетию со дня рождения) // СЭ. 1985. № 6. С. 76–84; Шангина И.И., Аксянова Г.А. Ук. соч. С. 221–245.

¹⁰ Там же. С. 224–244.

¹¹ Поволжье. Природа, быт, хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой. Под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского, Л., 1925.

А.Д. и Д.А. Золотаревы среди сотрудников Русского музея-заповедника. 1920-е гг.
Из коллекции Рыбинского музея-заповедника (РБМ-19000. ФД-542)

работу и в 1920–1929 гг. активно участвовал в проводившихся обществом краеведческих съездах¹².

Став заведующим русско-финским отделением Этнографического отдела Русского музея, Д. А. Золотарев активно занимался музейной работой, принимал участие в комплектовании коллекций, создании экспозиций и выставок, которые воспринимались им одновременно и как итог экспедиционной и научной работы, и как инструмент научного просвещения. В 1920-х гг. Д. А. Золотарев руководил подготовкой экспозиций, посвященных традиционной культуре русского и финского населения СССР. Они были сделаны на хорошем профессиональном уровне: от привычных глазу выставок того времени их отличало более активное использование фотографического и картографического материала, стремление продемонстрировать через фотографии и предметы материальной культуры изменения, произошедшие в бытовом укладе населения после Октябрьской революции¹³. Не забывал ученый и о необходимости музейного просвещения на местах. Вместе

¹² Шангина И.И., Аксянова Г.А. Ук. соч. С. 223; «Правьте на звезды...». С. 256; Золотарев А. А. Сampo santo моей памяти. С. 109.

¹³ Шангина И.И., Аксянова Г.А. Ук. соч. С.237.

Д.А. Золотарев среди преподавателей и учащихся Рабочего Университета при Этнографическом Обществе Русского музея. 1929 г.
Из коллекции Рыбинского музея-заповедника (РБМ-18983. ФС-3785)

с С.И. Руденко он немало содействовал созданию музеев в Костромской, Ярославской, Вологодской, Тверской губерниях¹⁴.

Преподавательская деятельность также занимала значительное место в жизни Д.А. Золотарева. В октябре 1918 года он был избран преподавателем этнологии и антропологии Археологического института, где читал курс по сравнительной этнографии и вел семинар по этнологии. Через два месяца ученый стал доцентом антропологии в Педагогическом институте им. Герцена, в 1919 году стал читать курс по этнологии в Педагогическом институте при Университете, курс по антропологии в Географическом и Внешкольном институтах. В 1921 году он был назначен профессором Общественно-педагогического отделения и преподавателем физико-математического факультета Петроградского университета. В 1925 году после вхождения Географического института в университет и образования антропологического отделения он стал профессором по кафедре этнической антропологии¹⁵. Был у ученого и некоторый опыт преподавания за границей: чтение лекций по антропологии в Сорбонне¹⁶.

¹⁴ Шангина И. И. Этнографические музеи Ленинграда в первые годы советской власти (1918–1923 гг.) // СЭ. 1987. № 5. С. 75.

¹⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 230. Л. 5 об.; Ф. 2. Оп. 1. 1923. Д. 9. Л. 6–7.

¹⁶ «Правьте на звезды...». С. 254–256.

Именно антропология, пожалуй, была самым важным направлением деятельности Д.А. Золотарева. В широком смысле это вылилось в организацию этнологических экспедиций, в узком — в проведение во время этих экспедиций собственных антропологических исследований. Самые значительные экспедиции — Верхневолжская (1921–1925 гг.), Юго-Восточная (1925–1929 гг.) и Северо-Западная (1926–1930) — были созданы РАИМК/ГАИМК и проходили в непростых бытовых и финансовых условиях, подчас на голом энтузиазме научных сотрудников и местных краеведов и, конечно, благодаря организаторским талантам руководителя, его умению взаимодействовать с людьми.

Д.А. Золотарев был приверженцем идеи о необходимости проведения комплексных этнологических экспедиций, с привлечением специалистов разного рода, что и пытался, в меру возможностей, воплощать на практике. К процессу полевых экспедиционных работ он также относился крайне внимательно и серьезно: особое значение придавал сбору разных типов источников, как письменных, так и материальных, уделял большое внимание методам полевых этнографических исследований, критериям отбора информации, фиксации полученных материалов. Д.А. Золотарев был сторонником стационарного изучения, при котором исследователь в результате длительного (не менее года) пребывания среди изучаемого народа, может хорошо понять особенности его культуры и менталитета и отобрать действительно информативный этнографический материал. Осознавая невозможность проведения таких исследований в текущих условиях, он предложил привлечь к работе местных краеведов и сотрудников краеведческих музеев, которые должны были работать совместно с сотрудниками центральных этнографических учреждений. Эту идею ученый пытался реализовать в возглавляемой им Верхневолжской этнологической экспедиции. Еще одним вариантом решения проблемы стационарных этнографических исследований, предложенным Д. А. Золотаревым, стали «этнографические станции», которые должны были представлять собой отдел этнографического учреждения, расположенный на территории изучаемого народа. Интересны взгляды ученого и на то, что именно должно становиться предметом наблюдения этнографа. Д. А. Золотарев считал важным фиксировать и изучать не только старинные обычаи и элементы культуры, но и современные, актуальные для изучаемого народа в данный момент времени, при этом внимательно отслеживая изменения, произошедшие в культуре под воздействием глобальных исторических событий, таких как, например, Октябрьская революция, Первая мировая и Гражданская войны.

Территория исследований Верхневолжской экспедиции включала в себя русские и карельские деревни Мологского, Пошехонского, Ростовского, Любимского уездов Ярославской губернии, Бежецкого, Весьегонского, Вышневолоцкого, Краснохолмского, Ржевского уездов Тверской губернии, западные уезды Костромской и южные Вологодской губернии. Среди участников экспедиции кроме сотрудников Разряда этнической антропологии РАИМК были ученые из Этнографического отдела Русского музея, Комиссии по изучению племенного состава населения России, Отделения этнографии Русского географического общества и Бежецкого научного общества. Кроме того, к работе привлекались различные специалисты: антропологи,

Верхневолжская экспедиция. Ржевский уезд, Тверская губерния. Село Миньково.
Крестьянская семья. 1923 г. (ФО НА ИИМК РАН. Нег. I 4717)

диалектологи, фольклористы¹⁷. Программа экспедиции была разработана Д.А. Золотаревым еще в 1919 г., когда он был единственным сотрудником Разряда в РАИМК¹⁸. С лета 1920 года ученый приступил к реализации задуманного, постепенно привлекая к работе новых исследователей: З.П. Малиновскую, О.И. Олиференко, Л.И. Песселепа и др. Первоначально для ознакомления с бытом современной деревни и деятельностью местных научных организаций были предприняты экскурсии в Тверскую, Ярославскую, Олонецкую и Саратовскую губернии, после чего было решено приступить к планомерным этнологическим исследованиям. Выбор Бежецкого уезда Тверской губернии в качестве района исследований был обусловлен как его территориальной доступностью, так и наличием у Д. А. Золотарева в этом районе научных связей с местными краеведами, а также предложением помощи в организации работ от Бежецкого научного общества. В пользу этого района говорило и то, что Д. А. Золотарев осуществлял здесь антропологические исследования великоруссов десятью годами ранее. Задачей экспедиции на 1921 г. было установление на основании антропологических, лингвистических и этнографических

¹⁷ Шангина И.И., Аксянова Г.А. Ук. соч. С. 226–232.

¹⁸ Изначально основные научные силы этнологического отделения, включая его главу В. В. Богданова, находились в Москве.

данных этнологических особенностей населения уезда. Предполагалось осуществить экскурсионные и стационарные работы, организовать сотрудничество центральных ученых учреждений и местных научных обществ. Особенно важной задачей Золотарев считал установление связи с местными краеведами. Им, в частности, была разослана специальная анкета по этнологическому изучению крестьянства, разработанная Давидом Алексеевичем еще в 1919–1920 гг. и напечатанная тиражом 10 000 экземпляров. Для укрепления этих связей в январе 1921 г. он выступал в качестве лектора на Бежецких курсах краеведения.

С февраля 1921 года началась подготовка к полевому сезону. В РАИМК подготовительные работы осуществлялись помимо руководителя сотрудниками ряда С.А. Ереминым, З.П. Малиновской, О.И. Олиференко и Л.И. Песселепом. В Бежецке подготовкой занимался председатель Бежецкого научного общества А.И. Михайлов. В результате изучения библиографического материала по антропологии, этнографии, истории колонизации и промыслам Бежецкого района была выяснена крайняя скудность этнографических данных об уезде. Для их пополнения С. А. Ереминым была разработана программа для сбора данных по языку и местному словарю. Для лучшего обследования экспедицией намеченной территории были созданы три опорных пункта: в районе станции Подобино Рыбинской железной дороги, в селе Теблеша, и селе Заручевье Трестенской волости. Первый пункт был выбран из-за смешанности населения, среди которого присутствовали как русские, так и карелы, село Теблеша заинтересовало ученых обитавшей там особой группой русских — теблешан, третий опорный пункт представлял собой один из наиболее густо заселенных карелами районов.

Несмотря на такую основательную подготовку, проведение экспедиции было значительно затруднено из-за недостатка финансирования. Работы почти сорвались, но благодаря энтузиазму сотрудников, помощи местных учреждений и населения экспедиция все-таки состоялась. В ней, кроме заведующего, приняли участие С. А. Еремин, З. П. Малиновская, О. И. Олиференко, Л. И. Песселеп. Д.А. Золотарев, перемещаясь между тремя опорными пунктами, осуществлял общее руководство исследованиями, проводил антропологические измерения, собирал предметы для Этнографического отдела Русского музея и занимался фотографированием. В результате работ экспедиции 1921 г. были уточнены границы расселения карел в исследуемом районе, проведены антропологические измерения 420 взрослых мужчин и женщин, на основании заполненных анкет установлены основные особенности говоров изученных районов и сделаны некоторые выводы о культурных влияниях, обусловивших лингвистические особенности теблешанского населения. Был собран и фольклорный материал: около 600 частушек (в дополнение к ним из Краснохолмского района через С.П. Сулова поступило еще 10 000 частушек), больше 20 сказок, 60 длинных песен, 5 духовных стихов. Л.И. Песселепом было исполнено 70 рисунков и планов построек, О.И. Олиференко — 16 рисунков средств передвижения с описаниями, О.И. Олиференко и А.Л. Колобаевым¹⁹

¹⁹ А. Л. Колобаев запечатлел не только этнографические предметы, но и быт экспедиции 1922 г. Сделанные им в Мологском отряде экспедиции два альбома рисунков хранятся в Русском этнографическом музее: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/vystavki-onlajn1/risunki-al-kolobaeva-iz-sobraniya-rossijskogo-etnograficheskogo-muzeya-k-100-letiyu-verhne-volzhskoj-etnologicheskoy-ekspedicii/> (дата обращения 26.08.2021).

по наброскам Л.И. Песселепа и по привезенным для Русского музея коллекциям были сделаны еще 80 рисунков предметов одежды. Сотрудниками экспедиции были собраны также выкройки и данные о размерах одежды местного населения, а кроме того, сделано около 100 фотографий.

В 1922 г. район работ решили расширить, а к задачам экспедиции прибавить изучение наиболее интересных промыслов. Изначально в планах экспедиции было провести работы в Бежецком, Весьегонском, Краснохолмском, Мологском уездах, с основным опорным пунктом в Рыбинске. Однако снова начались проблемы с финансированием: экспедиция была признана несвоевременной и не вошла в смету Наркомпроса. Ситуацию спасли Агрономическая служба Северных железных дорог, Управление по мелиорации земель, а также Комитет содействия экспедиции в Рыбинске и связи Д.А. Золотарева на местах. Экспедиция этого года состояла из четырех отрядов. Кроме Д.А. Золотарева и местных сотрудников в ней принимали участие С.А. Еремин, А.Л. Колобаев, З.П. Малиновская, Р.П. Минтусова, М.М. Серова, И.Д. Старынкевич (Весьегонский отряд); М.И. Артамонов, М.П. Грязнов, М.Б. Едемский (Краснохолмский отряд); А.И. Михайлов, Л.И. Песселеп, А.Е. Кудряшева, Е.Д. Герке, С.Д. Синицина (Бежецкий отряд); Е.Э. Бломквист, Н.П. Гринкова, М.М. Серова, В.П. Шибаев (Мологский отряд). Исследования проводились в Бежецком уезде близ станции Максатиха (русское и карельское население) и в Алабузинском районе, в Весьегонском уезде — в районе Пушкарщины и Чамеровской волости (карельское население), в Краснохолмском уезде исследовались районы д. Огибалово и Делединской волости, в Мологском уезде — районы Леонтьевской и Покровско-Ситской волостей и район судостроения на р. Мологе. Выбор конкретных областей для исследования был обусловлен желанием изучить основные бытовые особенности населения и заключался в изучении, с одной стороны, наиболее типичных в бытовом плане местностей, с другой, районов, выделявшихся какими-нибудь особенностями. Так, например, специально были выбраны Пушкарщина в Весьегонском уезде и Сицкарщина в Мологском уезде, население которых, пушкари и сицкари, отличались определенным культурным своеобразием. Среди народных промыслов особенное внимание уделялось изучению судостроения, плотничества, гончарного и валяльного дела. Исследовались язык, быт и духовная культура населения. Д.А. Золотарев провел антропологические измерения в Алабузинском и Рыбинском районах, в Ломах и в селе Загородье, занимался фотографированием и вел этнографические наблюдения общего характера. В результате работ других членов экспедиции были зафиксированы особенности говоров населения, изучены постройки, проведены антропологические измерения великоруссов, карел, пушкарей и сицкарей, собран материал по плотничеству, бондарству, веревочному, судостроительному, гончарному и валяльному промыслам, сделаны фотографические снимки разных сторон жизни местного населения, зарисовки построек и образцов орнамента. В частности, А.Л. Колобаев исполнил 500 рисунков, планов и чертежей, всесторонне характеризующих быт пушкарей, М.И. Артамонов сделал около 150 рисунков, чертежей и планов построек в Краснохолмском уезде. В отношении изучения фольклора были зафиксированы сказки, частушки, песни, причитания, обряды, свадебные песни, загадки и др. Собирались и предметы народного быта.

Выставка Верхневолжской экспедиции в Мраморном дворце. 1924 г.
(ФО НА ИИМК РАН. Нег. II 22615)

Основным районом работы экспедиции в 1924 году были Даниловский и Ростовский уезды Ярославской губернии. Там были собраны интересные материалы по народной медицине, свадебным традициям, различным обычаям и поверьям (правила переезда в новый дом, обряды засева и уборки урожая, ритуалы предохранения от мух и тараканов и др.), детские колыбельные, частушки, гадания и т. д. К сожалению, фольклорный материал экспедиции так и не был опубликован, а местонахождение записей в данный момент неизвестно²⁰. Фотографический материал экспедиции отложился в ФО НА ИИМК РАН (колл. № 85276–85984) и представляет собой более 700 негативов и 600 отпечатков к ним, с изображениями людей, бытовых и религиозных построек, сельскохозяйственных и иных работ, праздников, предметов быта из районов, исследованных экспедицией в 1922–1925 гг.

В 1924 году в Мраморном дворце состоялась выставка, посвященная работам экспедиции²¹. На сохранившихся фотографиях мы можем видеть, как она была оформлена. Например, представлен стенд, посвященный народной технике, где размещены фотографии и рисунки участников экспедиции, фиксирующие раз-

²⁰ Золотарев Д. А. Работы этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губерниях // ИРАИМК. 1924. Т. III. С. 1–32; Иванова Т. Г. Русская фольклористика в стенах Российской академии истории материальной культуры // Из истории русской фольклористики. 2007. № 7. С. 12–18.

²¹ ФО НА ИИМК РАН. Нег. I 18462–18465, II 22614–II 22615, отп. О. 131–40.

личные хозяйственные процессы (земледелие, ткачество, огородничество и т. д.) и инструменты. Отдельный стенд демонстрировал технику вышивания полотенец у карел, большое пространство было выделено для показа деревянной архитектуры и ее фрагментов (рисунки разного формата и фотографии), особенностей костюма исследуемых народностей в разных районах и губерниях. Особое место на выставке занимала демонстрация карт, планов и диаграмм: это были карта исследованных районов, диаграммы количества рабочих дней по годам, соотношения в экспедиции центральных и местных сил, источников финансирования. Отдельный стенд был посвящен диаграммам роста и головного указателя великорусов и карел из исследованных экспедицией районов и карта, с указанием важнейших признаков великоруссов — результат совместного труда Д.А. Золотарева и К. Штамм²². В период работы выставки были сделаны доклады: «Работы этнологической экспедиции за 4 года» и «Современная Верхне-Волжская деревня»²³.

Юго-Восточная экспедиция проводилась в 1925–1929 гг. Район исследования включал в себя Воронежскую, Тамбовскую и Пензенскую губернии. В задачу экспедиции входили этнографические и диалектологические исследования русских, мордвы и мещеряков. Д.А. Золотарев осуществлял только руководство экспедицией и не участвовал в сборе материала.

Почти одновременно, в 1926–1930 гг., работала Северо-Западная экспедиция, в ходе которой изучались такие территории, как Кольский полуостров, Карелия, Ленинградская область, Новгородская область, южные районы Вологодской губернии. Как и в Верхневолжской экспедиции, Д.А. Золотарев активно занимался антропометрическими измерениями, на основании которых были написаны работы о карелах и карельских саамах²⁴. Наиболее крупной печатной работой ученого можно считать монографию «Карелы СССР»²⁵, которая подводила итог десятилетнего изучения им этой народности. На основе антропологических измерений в ней было сделано предположение о наличии среди предков карел элементов северной, балтийской, лопарской и других рас, а также о существовании двух «вариантов»: финско-карельского и русско-карельского²⁶. Экспедиция носила и обучающий характер, в частности, под общим руководством Д.А. Золотарева, в работах по антропологическому измерению жителей Ленинградской губернии участвовали студенты Антропологического отделения Ленинградского университета. В 1926 г. ими было измерено 600 человек ижор и финнов в Сойкинской и Наровской волостях Кингисеппского уезда, а также собран статистико-экономический материал о количестве населения, питании, рождаемости, смертности и других аспектах жизни людей. Кроме перечисленных выше экспедиций, Д.А. Золотарев участвовал в качестве руководителя еще в Карельской экспедиции Академии наук и занимался антропологическими исследованиями среди карел Ухтинского района²⁷.

²² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925. Д. 12. Л. 12–12 об.

²³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925. Д. 49. Л. 13.

²⁴ Шангина И.И., Аксянова Г.А. Ук. соч. С. 232.

²⁵ Золотарев Д. А. Карелы СССР. Л., 1930. С. 2

²⁶ Алымов С.С., Подрезова С.В. Этнос на карте: географическое воображение школы Ф.К. Волкова // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 92

²⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926. Д. 14. Л. 2–3.

В РАИМК Д.А. Золотарев, помимо заведования Разрядом этнической антропологии, был председателем Комиссии по переводам, состоял членом правления, участвовал в разработке положения об археолого-этнологических комиссиях и институтах, выполнял специальные поручения правления по вопросу о создании учреждений Академии в Саратове и Ярославле²⁸. Летом 1927 г. он отказался от руководства Разрядом, продолжив работу лишь в качестве сотрудника и руководителя экспедиций.

Научная карьера Д.А. Золотарева по большому счету заканчивается в 1930 г., когда его впервые арестовывают по делу краеведов, а затем в 1931 г. приговаривают к трем годам исправительно-трудовых лагерей. Отбывал наказание ученый на строительстве Беломорско-Балтийского канала и был освобожден досрочно летом 1932 г. По возвращении в Ленинград Д.А. Золотарев возобновляет свою деятельность в качестве профессора антропологии и музееведения Центрального географического музея. 29 ноября 1933 г. его повторно арестовывают за «пропаганду финского фашизма и за шпионаж в пользу Финляндии», а 29 марта 1934 года осуждают на 5 лет Исправительно-трудовых лагерей. Для отбытия наказания Д.А. Золотарев был отправлен в Сиблаг (г. Мариинск). Умер в Мариинске 28 августа 1935 г., не дожив одного дня до пятидесятилетия, реабилитирован в 1956 г.²⁹

Несмотря на короткую для ученого жизнь (на момент первого ареста ему было всего 45 лет) и тяжелые условия, в которых протекала его научная деятельность, он успел сделать для отечественной этнографии очень много как исследователь, организатор и популяризатор. В экспедициях Д.А. Золотарева трудились и получали ценные знания и опыт не только будущие известные этнографы, но и такие археологи, как М.П. Грязнов и М.И. Артамонов, который прямо назвал Давида Алексеевича своим учителем в области этнологии. Остается только сожалеть, что научный и педагогический потенциал этого незаурядного человека не был реализован в полной мере.

²⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1920. Д. 10. Д. 12, 1922. Д. 8. Л. 14–14 об.; 1920. Д. 145. Л. 4–5об.; 1921. Д. 10. Л. 4–5;

²⁹ Ашин Ф.Д., Алтатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 203; Решетов А. М. Репрессированная ленинградская антропология. С. 210.

Алексей Алексеевич Ильин (1857–1942)

М.В. Поникаровская

Алексей Алексеевич Ильин¹ родился 7 (19) августа 1857 г. в Санкт-Петербурге в семье молодого офицера, выпускника Школы гвардейских подпрапорщиков и Николаевской академии Генерального штаба, будущего генерал-лейтенанта и владельца частного картографического предприятия Алексея Афиногеновича Ильина² и его супруги Александры Федоровны³.

Детство А.А. Ильин провел в родовом поместье в селе Сари Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии. В этот период на службу в дом к большому семейству Ильиных⁴ определился молодой художник В.М. Васнецов⁵, у которого юный Алексей брал уроки рисования и графики⁶. Полученные навыки, очевидно, весьма пригодились ему в будущем, когда он начал трудиться в картографическом заведении отца. В 1867 г. родители отдали его в семейный пансион С.В. Лялина⁷, в котором воспитанников готовили к поступлению в Императорский Александровский лицей⁸. Важным преимуществом обучения в пансионе было то,

¹ В качестве заставки использована фотокопия с портрета А.А. Ильина, написанного художником П.И. Нерадовским в феврале 1922 г. (СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-И. Д. 58. Л. 1).

² Ильин Алексей Афиногенович (1834–1889) — генерал-лейтенант, картограф, издатель, отец А.А. Ильина. Выпускник Николаевской академии Генерального штаба (1856). В 1859 г. совместно с полковником В.А. Полторацким открыл в Санкт-Петербурге первую в России частную картографическую литографию с целью издания исторических карт и атласов для военно-учебных заведений. В 1864 г. литография перешла в его единоличную собственность и стала называться «Картографическое заведение А. Ильина». Издавал научно-популярные географические журналы «Всемирный путешественник» (1867–1878), «Географическая летопись» (1868–1869), «Природа и люди» (1878–1880).

³ Ильина Александра Федоровна (урожд. Шеринг; 1827–1888) — мать А.А. Ильина, жена А.А. Ильина.

⁴ Всего в семье родилось семеро детей.

⁵ Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926) — художник-живописец, архитектор, мастер исторической и фольклорной живописи.

⁶ *Калинин В.А.* А. А. Ильин — хранитель Эрмитажа // ТГЭ. Т. LXI. Материалы и исследования Отдела нумизматики. СПб., 2012. С. 41.

⁷ Лялин Сергей Васильевич (1826–1871) — офицер, статский советник. Содержал на свои средства частный мужской пансион, который располагался в Санкт-Петербурге в доме № 4 по улице Большой Матерской (совр. Лермонтовский пр.).

⁸ Императорский Александровский лицей — бывший Царскоевский лицей. 6 сентября 1843 г. перешел в Санкт-Петербург и по указу Николая I стал именоваться Императорским Александровским. Закрыт в мае 1918 г. по постановлению Совнаркома.

что в нем с учениками занимались преподаватели Александровского лицея. Это значительно облегчало будущее поступление в лицей.

В 1875 г. А.А. Ильин окончил с отличием Александровский лицей, годы учебы в котором всегда вспоминал с теплотой и благодарностью. Духовную причастность к лицеистам легендарного первого выпуска ощущали выпускники всех последующих поколений, поэтому интерес к истории и культуре пушкинской эпохи сохранился у А.А. Ильина на всю жизнь⁹. Связи с воспитавшим его учреждением он не порывал. А.А. Ильин входил в целый ряд комиссий и комитетов, возникших и выросших на почве лицейского товарищества. Так, по состоянию на 1911 г. он являлся председателем Собрания лицейских курсовых представителей, товарищем председателя Пушкинского лицейского общества, членом Комиссии по выработке программы юбилейных торжеств по случаю столетнего существования Императорского Александровского лицея, членом Редакционной комиссии по составлению юбилейной истории Императорского Александровского лицея за сто лет его существования, а также членом Комиссии, избранной для заказа подарка Лицею, подносимого окончившими его курс воспитанниками¹⁰.

Сразу после окончания лицея А.А. Ильин был определен для прохождения обязательной воинской службы в лейб-гвардии Семеновский полк. После завершения службы он поступил на работу в Министерство государственных имуществ, но карьера чиновника оказалась для него не привлекательной. В 1876 г. А.А. Ильин начал трудиться в качестве рядового сотрудника в картографическом заведении отца, под его непосредственным руководством. Вскоре он овладел всеми тонкостями создания карт, в том числе искусством отмывки¹¹ гор¹². Следует отметить, что отличительной особенностью предприятия было то, что его владельцы нередко являлись авторами, составителями или редакторами выпускаемых изданий, начиная с учебных атласов и заканчивая фундаментальными картографическими произведениями.

Уже в 1882 г., в связи с серьезной болезнью отца, А.А. Ильину пришлось фактически возглавить заведение, а в 1889 г. после кончины Ильина-старшего оно перешло в полное управление Алексея Ильина и его брата Афиногена¹³. Как отмечает И.Б. Костриц¹⁴, «неутомимая энергия, настойчивость и решительность, помноженные на преданную любовь к своему делу, определили новый расцвет предприятия, получившего известность не только в России, но и за рубежом»¹⁵.

⁹ Калинин В.А. А. А. Ук. соч. С. 41–42.

¹⁰ Памятная книжка лицеистов. Издание Собрания курсовых представителей Императорского Александровского лицея. 19 октября 1811–1911. СПб., 1911. С. 239, 242, 244–246.

¹¹ Отмывка — в картографии способ изображения рельефа местности методом теневой пластики при косом или отвесном освещении. Также отмывкой называют пластическое полутоновое изображение рельефа путем наложения теней. Создает иллюзию выпуклости изображенного рельефа.

¹² Костриц И.Б. А. А. Ильин — выдающийся деятель отечественной картографии // Известия Всесоюзного географического общества. 1973. Т. 105. Вып. 5. С. 407.

¹³ Ильин Афиноген Алексеевич (1857?–1904) — капитан II ранга, брат А.А. Ильина. Почетный мировой судья и предводитель дворянства Шлиссельбургского уезда, совладелец «Картографического заведения А. Ильина».

¹⁴ Костриц Игорь Борисович (1909–1973) — топограф, преподаватель, автор пособий и учебников по картографии и работ по истории картографии.

¹⁵ Костриц И.Б. А. А. Ильин... С. 407.

В возрасте двадцати трех лет А.А. Ильин женился на Екатерине Михайловне Безак¹⁶, которая, по его словам, была женщиной «умной, красивой, с сильным характером, любившей блистать в обществе»¹⁷. В автобиографии он писал, что «семейная жизнь протекала по проторенной дорожке»¹⁸. В 1885 г. у них родились близнецы Алексей¹⁹ и Александр²⁰.

В 1884 г., когда картографическое заведение отмечало свое 25-летие, в нем насчитывалось всего семь литографических машин и тринадцать ручных станков. На предприятии трудились тридцать пять граверов и учеников, двадцать печатников и сорок пять подручных, часть из которых называлась «вертильщиками» и занималась тем, что приводила машины в движение вручную²¹. Несмотря на это, в 1880-е гг. деятельность заведения достигла зенита. В 1882 г. оно выпускало до 6 миллионов оттисков, что составляло около 90 % гражданской картографической продукции страны. На Всероссийской мануфактурной выставке 1882 г., проходившей в Москве, заведение в качестве награды получило право использовать государственный герб²².

В 1880–1890-е гг. картографическое заведение А.А. Ильина опубликовало ряд значительных изданий: труд А.А. Тилло²³ «Гипсометрическая карта Европейской России»²⁴, в корне изменивший представление о строении рельефа Европейской равнины, за создание которого автор был удостоен золотой медали Русского географического общества; «Атлас по фабрично-заводской промышленности России»²⁵; «Карта железных, шоссейных и внутренних водных путей сообщения»²⁶; «Климатологический атлас Российской империи»²⁷.

¹⁶ Ильина Екатерина Михайловна (урожд. Безак; 1861–1911) — первая жена А.А. Ильина.

¹⁷ Цит. по.: Калинин В.А. А. А. Ильин... С. 42.

¹⁸ Там же. С. 42.

¹⁹ Ильин Алексей Алексеевич (1885–1952) — сын А.А. Ильина. Выпускник Императорского Александровского лицея (1905). С 1906 г. служил в Конном лейб-гвардии полку. В 1911 г. окончил Севастопольскую офицерскую школу авиации, откуда был выпущен со званием «военный летчик». Участвовал в Первой мировой войне. С марта 1915 г. в звании штабс-ротмистра являлся начальником 32-го корпусного авиатряда. С января 1917 г. инспектор авиации Румынского фронта, в мае 1917 г. произведен в ротмистры. Участник Белого движения на Юге России в 1919–1920 гг. После 1920 г. находился в эмиграции в США.

²⁰ Ильин Александр Алексеевич (1885–1935) — сын А.А. Ильина. Выпускник Пажеского корпуса (1905). Служил корнетом в Конном лейб-гвардии полку (1905–1910). В 1910–1914 гг. директор правления акционерного общества «Картографическое заведение А. Ильина». Во время Первой мировой войны находился на военной службе в звании ротмистра. С 1919 г. участвовал в Белом движении. В 1919 г. через Финляндию попал на Мурманский фронт, где поступил лейтенантом в английский авиационный отряд. После 1920 г. эмигрировал и жил в Данциге. В 1924 г. переехал в США, работал в Нью-Йорке на спичечной фабрике. В последние годы жизни являлся совладельцем русского ресторана «Усадьба».

²¹ Костриц И.Б. А. А. Ильин... С. 407.

²² Добровольская Л.И., Добровольская М.А. Знаки и жетоны А. А. Ильина (Персональные и из его коллекции) // ТГЭ. Т. LXI. Материалы и исследования Отдела нумизматики. СПб., 2012. С. 87–88.

²³ Тилло Алексей Андреевич (1839–1899) — географ, картограф, геодезист, топограф, климатолог; генерал-лейтенант (1894); член-корреспондент Императорской академии наук (1892).

²⁴ Тилло А.А. Гипсометрическая карта Европейской России. Опыт изображения строения поверхности Европейской России. СПб., 1889.

²⁵ Атлас по фабрично-заводской промышленности России. СПб., 1893.

²⁶ Карта железных, шоссейных и внутренних водных путей сообщения. СПб., 1893.

²⁷ Климатологический атлас Российской империи, изданный Николаевскою Главной физической обсерваторией в память пятидесятилетней ее деятельности 1849–1899. 2 т. СПб., 1900.

Наряду с изданием карт и атласов предприятие А.А. Ильина с 1898 г. стало также заниматься изданием художественных почтовых открыток. Они сыграли большую роль в популяризации достопримечательностей России и лучших произведений отечественного искусства²⁸. В том же 1898 г. состоялся переезд картографического заведения в новое, специально построенное для него здание, расположенное по адресу набережная р. Пряжки, дом 5. Здание было построено по проекту И.И. Шапошникова²⁹ в 1896–1897 гг.

В 1909 г. картографическое заведение А.А. Ильина отметило полувековой юбилей. В связи с 50-летием предприятия Русское географическое общество охарактеризовало его следующим образом: «Безупречная работа первой в России картографической фирмы, празднующей свой юбилей, вызывает чувство глубокого уважения перед энергией ее руководителей, в особенности, если принять во внимание упорный труд и те препятствия, с которыми ей приходилось бороться в течение 50 лет»³⁰.

В 1910 г. состоялся семейный раздел предприятия. Оно было преобразовано в акционерное общество с капиталом в 500 тысяч рублей, председателем которого избрали А.А. Ильина. В задачи общества теперь входило не только издание атласов, карт и книг, но также и их реализация. Основные торговые базы располагались в Санкт-Петербурге и Москве, однако продажа картографической продукции осуществлялась и в 40 других городах страны. Информация о выходе в свет новых изданий распространялась посредством «Журнала Министерства народного просвещения», а также в периодической печати. Благодаря хорошо организованной рекламе и развитой торговой сети в сочетании с умеренными ценами продукция предприятия доводилась до широких масс населения³¹.

Тематика выпускаемых обществом в начале XX в. изданий была очень разнообразна. Следует отметить, что они играли важную роль в деле распространения географических знаний. Это, прежде всего, разного рода карты, в том числе настенные учебные для использования на всех ступенях народного образования, а также учебные атласы и глобусы, наглядные пособия в виде плакатов и таблиц, книги научно-популярного характера.

В это же время заведение утрачивает свое монопольное положение. Картографическую продукцию начали выпускать и другие частные издательства. Однако настоящей конкуренции предприятию А.А. Ильина они составить не смогли. По мнению И.Б. Кострица, развитие картографического направления деятельности издательств сдерживалось отсутствием в них картосоставительных отделений, организация которых была невыгодна по коммерческим соображениям, а также из-за отсутствия квалифицированных картографов-составителей и рассредоточенности исходных материалов по многочисленным ведомствам³².

²⁸ Костриц И.Б. А. А. Ильин... С. 409.

²⁹ Шапошников Иван Иванович (1833–1898) — архитектор-строитель, художник архитектуры, педагог. Член-учредитель Петербургского общества архитекторов (1870).

³⁰ Цит. по: Костриц И.Б. А. А. Ильин... С. 408.

³¹ Там же. С. 409.

³² Костриц И.Б. А. А. Ильин... С. 410.

После революции в октябре 1918 г. предприятие было национализировано и преобразовано в «Первое государственное картографическое заведение (быв. А. Ильина)», руководство которым осуществлял выборный комитет из пяти лиц, в число которых входил и А.А. Ильин. Коллективное управление было отменено весной 1920 г., а руководителем предприятия был назначен заводууправляющий³³. А.А. Ильин продолжал в нем работу в последующие годы в качестве специалиста-картографа³⁴.

Следует отметить, что А.А. Ильин обладал выдающимися деловыми качествами, хорошими организаторскими способностями, спокойным и доброжелательным характером, что, несомненно, помогало ему во всех видах деятельности, в том числе предпринимательской и общественной. Помимо родового имени, картографического предприятия и сети магазинов по реализации его продукции, он владел недвижимостью в Санкт-Петербурге и Москве и весьма успешно вел свои коммерческие дела.

С 1882 г. А.А. Ильин являлся гласным Новоладожского уездного и Санкт-Петербургского губернского земских собраний и членом совета от дворянства Новоладожского уезда в Дворянском банке. В годы Русско-японской войны (1904–1905) он принимал активное участие в деятельности Российского общества Красного Креста, а позднее был избран председателем его Главного управления³⁵. Служба А.А. Ильина в Красном Кресте была оценена по достоинству не только в России, но и международной общественностью: он был награжден высшим орденом Сербии — Святого Саввы 1-й степени за помощь, оказанную раненым югославским воинам, а также почетным дипломом японской организации Красного Креста³⁶.

В 1909–1917 гг. А.А. Ильин состоял членом Государственного совета по выборам от дворянских обществ. За многолетнюю службу на благо общества и государства он был удостоен многих государственных наград. 6 декабря 1911 г. «по должности председателя Красного Креста» Николаем II ему был пожалован чин гофмейстера двора его императорского величества³⁷.

Общественная деятельность глубоко увлекала А.А. Ильина. Впоследствии с явным неудовольствием он отзывался лишь о своем членстве в Государственном совете. В письме к А.В. Орешникову³⁸ он сообщал следующее: «Единственное звание, которое было не по мне — это члена Государственного совета. Там была политика, но не работа. Отсутствие терпимости к чужим мнениям. Подбор членов Государственного совета по назначению. Постоянное пререкание даже по мелочам с Государственной думой, все это предрешало его существование»³⁹.

³³ Предприятие, созданное на основе «Картографического заведения А. Ильина», продолжает свою деятельность и в настоящее время. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. оно было передано в военное ведомство. В 1990-х гг. предприятие получило наименование «444-я Военно-картографическая фабрика».

³⁴ Костриц И.Б. А. А. Ук. соч. С. 410.

³⁵ Калинин В.А. А. А. Ильин... С. 43.

³⁶ Костриц И.Б. А. А. Ильин... С. 409.

³⁷ Калинин В.А. Ук. соч. С. 43.

³⁸ Орешников Алексей Васильевич (1855–1933) — нумизмат, специалист по античной и русской средневековой нумизматике, историк, музейный деятель, коллекционер; член-корреспондент АН СССР (1928).

³⁹ Цит. по: Костриц И.Б. А. А. Ильин... С. 408–409.

Интерес к коллекционированию русских монет проявился у А.А. Ильина еще в детстве, когда отец подарил ему рубль Анны Иоанновны 1738 г.⁴⁰, положивший начало формированию собственного собрания монет и медалей. Однако серьезное увлечение нумизматикой пришло к А.А. Ильину после знакомства с Х.Х. Гилем⁴¹, уже в зрелом возрасте. Первоначально он ограничивался собиранием русских императорских монет, но постепенно сфера его интересов значительно расширилась вплоть до русских проволочных копеек царского и удельного периодов⁴².

Первой научной печатной работой А.А. Ильина по нумизматике стал опубликованный в 1901 г. небольшой очерк, посвященный 38 медалям, чеканенным в честь А.С. Пушкина⁴³. Всего через три года вышло в свет подготовленное А.А. Ильиным совместно с Х.Х. Гилем справочное издание «Русские монеты, чеканенные с 1801–1904 г.»⁴⁴. Среди нумизматов книга очень скоро была признана классической и до сих пор считается лучшим практическим руководством для коллекционеров российских монет XIX в. Через несколько лет она получила продолжение в виде опубликованного в соавторстве с И.И. Толстым⁴⁵ аналогичного справочника, посвященного монетам XVIII в.⁴⁶

После кончины в 1908 г. Х.Х. Гиля, который вместе с М.Г. Деммени⁴⁷ являлся одним из основных действительных авторов многотомного «Корпуса русских монет XVIII–XIX вв.»⁴⁸ великого князя Георгия Михайловича⁴⁹, И.И. Толстой привлек А.А. Ильина для продолжения работы по подготовке к выпуску томов, посвященных монетам Петра I⁵⁰. А.А. Ильин осуществил систематизацию и каталогизацию материала для очередных томов корпуса.

Таким образом, начав с любительского коллекционирования, А.А. Ильин постепенно пришел в серьезную историческую науку. Однако даже став крупным специалистом и автором целого ряда публикаций, он искренне продолжал считать себя не более чем любителем⁵¹.

⁴⁰ Калинин В.А. А. А. Ильин... С. 43.

⁴¹ Гиль Христиан Христианович (1837–1908) — нумизмат, специалист по античной и русской нумизматике, воспитатель графа И.И. Толстого (старшего).

⁴² Калинин В.А. А. А. Ук. соч. С. 44.

⁴³ Ильин А.А. Медали в честь Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1901.

⁴⁴ Гиль Х.Х., Ильин А.А. Русские монеты, чеканенные с 1801–1904 г. Практическое руководство для собирателей. СПб., 1904.

⁴⁵ Толстой Иван Иванович (1858–1916) — граф, археолог, нумизмат, государственный и общественный деятель; почетный член Императорской академии наук (13.12.1897). Министр народного просвещения (1905–1906). Городской голова Санкт-Петербурга (1913–1916).

⁴⁶ Ильин А.А., Толстой И.И. Русские монеты, чеканенные с 1725 по 1801 г. Практическое руководство для собирателей. СПб., 1910.

⁴⁷ Деммени Михаил Гугович (1859 — не ранее 1923) — археолог, нумизмат, специалист по русским монетам.

⁴⁸ Георгий Михайлович, вел. кн. Корпус русских монет XVIII–XIX вв. 13 т. СПб., 1888–1914.

⁴⁹ Георгий Михайлович (Романов; 1863–1919) — великий князь, государственный деятель, генерал-адъютант (1909), генерал-лейтенант (1909), нумизмат, исследователь русского монетного дела и коллекционер русских монет; почетный член Императорской академии наук (1898).

⁵⁰ Калинин В.А. А. А. Ильин... С. 44.

⁵¹ Спасский И.Г. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // НЭ. 1970. Т. VIII. М. С. 203.

В декабре 1903 г. А.А. Ильин стал действительным членом Русского археологического общества (РАО), а когда 2 октября 1904 г. состоялось учредительное собрание его Нумизматического отделения, был избран членом Совета РАО. В 1911 г. он участвовал в создании Российского общества нумизматов, затем после кончины И.И. Толстого в 1916 г., занял пост его председателя. Это общество, просуществовавшее до 1924 г., объединяло коллекционеров, которые, как правило, являлись состоятельными людьми и могли позволить себе столь дорогостоящее увлечение как собирание монет и медалей, требовавшее зачастую значительных финансовых вливаний. После революции подавляющее большинство из них либо оказались в эмиграции, либо погибли в годы Гражданской войны. Нумизматические коллекции, оставленные их владельцами, стали в массовом порядке передаваться в государственные музеи и хранилища⁵².

1 октября 1918 г. А.А. Ильин был избран в Совет Российской государственной (б. Императорской) археологической комиссии, а в ноябре, по рекомендации А.К. Маркова⁵³, его пригласили на работу в Эрмитаж в должности научного сотрудника. Еще месяц спустя он стал управляющим Нумизматическим отделением РАО и оставался на этом посту до 14 сентября 1922 г.⁵⁴ Следует отметить, что после революции произошли изменения не только в профессиональной и общественной деятельности А.А. Ильина, но и в его личной жизни. Его первая супруга скоропостижно скончалась еще в 1911 г. во время путешествия по Италии. Через несколько лет после этого А.А. Ильин познакомился с В.В. Бутурлиной⁵⁵, брак которой с первым мужем к тому времени окончательно распался. Они поженились и счастливо прожили вместе более четверти века, включая тяжелый послереволюционный период и годы блокады Ленинграда.

В 1919 г. А.А. Ильин принял участие в Избирательном собрании Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) и, хотя не был избран ее действительным членом, возглавил Постоянную комиссию по нумизматике и глиптике. Кроме того, он был назначен руководителем временной комиссии по изданию Корпуса удельных монет⁵⁶, фактическим главой которой был А.В. Орешников, живший в Москве⁵⁷. Научная работа по нумизматике в РАИМК велась силами небольшого коллектива петроградских и московских специалистов.

⁵² Калинин В.А. А. А. Ильин... С. 44.

⁵³ Марков Алексей Константинович (1858–1920) — нумизмат, специалист по восточной, западноевропейской и русской нумизматике; зав. Отделением монет и медалей — Монетным отделением — Отделом нумизматики Эрмитажа (1900–1920).

⁵⁴ Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред. И.В. Тункина. М., 2017. С. 65–66.

⁵⁵ Ильина Вера Владимировна (урожд. Маркова; 1873–1950) — вторая жена А.А. Ильина. В первом браке была замужем за орнитологом и охотоведом С.А. Бутурлиным (1872–1938).

⁵⁶ О необходимости публикации Корпуса русских удельных монет российские нумизматы заявляли уже в начале XX в. В 1915 г. А.В. Орешников поднял вопрос о его подготовке в форме коллективного труда. В мае 1917 г. А.А. Ильин поддержал это начинание, после чего между учеными завязалась активная переписка, в которой обсуждались состав авторского коллектива и общий план будущего издания. После октября 1917 г. вопрос публикации Корпуса все еще стоял на повестке дня, однако послереволюционные годы не способствовали его разрешению и столь масштабный проект в тот период не был осуществлен.

⁵⁷ Калинин В.А. А. А. Ильин... С. 45.

В должности заведующего Постоянной комиссией по нумизматике и глиптике А.А. Ильин оставался до 1929 г.

Вскоре и в Эрмитаже для А.А. Ильина открылась возможность обширной практической деятельности. Дело в том, что после смерти А.К. Маркова с 1 августа 1920 г. решением Совета музея на него было возложено исполнение обязанностей заведующего Отделом нумизматики и глиптики⁵⁸, а затем состоялось и соответствующее назначение. Первые годы работы А.А. Ильина в Эрмитаже совпали с крайне непростым периодом в истории Отдела нумизматики. В музей возвращались эвакуированные в Москву во время Первой мировой войны коллекции. Кроме того, в отдел поступали в большом объеме и новые экспонаты, которые нуждались в предварительной разборке, систематизации и краткой первичной регистрации. И хотя А.А. Ильин не имел опыта музейной работы, с трудными задачами, стоявшими перед ним, он успешно справился.

Находясь на посту хранителя нумизматической коллекции на протяжении почти двадцати лет, А.А. Ильин проделал выдающуюся работу по формированию собрания русских монет и медалей Эрмитажа. Так, им была осуществлена раскладка по местам хранения возвращенных из эвакуации экспонатов русской части нумизматической коллекции Эрмитажа, введено в основное музейное собрание значительное количество монет из новых поступлений — коллекций Строгановых⁵⁹, И.И. Толстого, Ф.М. Плюшкина⁶⁰, Академии наук, а также своей собственной⁶¹. По словам И.Г. Спасского⁶², ученика А.А. Ильина, с началом работы в Эрмитаже А.А. Ильин утратил интерес к собственной богатой коллекции русских монет и в ходе обработки эрмитажного собрания стал включать в него и свои монеты, проводя их через книгу поступлений как очередной «дар NN»⁶³.

А.А. Ильин покинул должность заведующего отделом нумизматики Эрмитажа в 1927 г., когда стал объектом пристального внимания органов государственной безопасности. Как принадлежавший «к бывшему эксплуататорскому классу», он был лишен избирательного права, а кроме того, над ним нависла угроза высылки из Ленинграда. Чтобы воспрепятствовать этому, А.В. Орешников предпринял действия по избранию А.А. Ильина членом-корреспондентом Академии наук СССР⁶⁴. Его усилия были не напрасны, и в 1928 г. избрание состоялось.

В 1931 г. в Эрмитаже была создана Комиссия по обследованию работы музея и персональной чистке его аппарата, которая нарушила нормальное функциони-

⁵⁸ Калинин В.А. А. А. Ильин... С. 45.

⁵⁹ Строгановы — род русских промышленников и купцов, выходцев из разбогатевших поморских крестьян, известных своей деятельностью по колонизации Урала и Сибири. Из него происходили крупные землевладельцы и государственные деятели XVI — начала XX вв.

⁶⁰ Плюшкин Федор Михайлович (1837–1911) — предприниматель, коллекционер, владелец богатейшего собрания, насчитывавшего около миллиона экспонатов, в числе которых были иконы, рукописные и старопечатные книги, миниатюры, произведения прикладного искусства, оружие разных веков, картины известных художников, а также обширная нумизматическая коллекция.

⁶¹ Калинин В.А. А. А. Ильин... С. 46.

⁶² Спасский Иван Георгиевич (1904–1990) — историк, специалист по русской нумизматике; главный хранитель Отдела нумизматики Эрмитажа (1948–1984).

⁶³ Спасский И.Г. Нумизматика... С. 204.

⁶⁴ Калинин В.А. А. А. Ильин... С. 46.

рование музея. 18 апреля 1931 г. на заседании комиссии, состоявшей из сотрудников Эрмитажа и рабочих подшефной фабрики им. тов. Синицына, А.А. Ильину были предъявлены абсурдные и необоснованные обвинения: противодействие забастовкам рабочих и выселение бастующих из квартир в то время, когда он еще являлся владельцем картографического заведения, а также участие в контрреволюционных группировках. Вопросы членов комиссии оказались довольно сдержанными, а ответы А.А. Ильина на них звучали уверенно. Вероятно, благоприятному исходу поспособствовала и темпераментная речь И.А. Орбели⁶⁵, заведующего Отделом Востока, в защиту А.А. Ильина. По результатам заседания комиссия рекомендовала оставить его в Эрмитаже в прежней должности. Несмотря на это, через несколько дней ученый был уволен из музея, но в августе 1931 г. Ленинградская областная контрольная комиссия ВКП(б) отменила это решение. А.А. Ильин был восстановлен в должности хранителя Русского отделения и трудился на этом посту до самой смерти в блокадном Ленинграде⁶⁶.

По сведениям Ф.Ф. Перченка⁶⁷, не подтвержденным, однако, документами, примерно в 1932–1933 гг. А.А. Ильин находился в заключении по «золотому делу». Такие дела организовывались сотрудниками ОГПУ с целью изъятия у арестованных валюты, коллекций, в особенности нумизматических, и других ценностей. Подвергая жертв различным пыткам, они вынуждали их написать бумагу о «добровольном пожертвовании» средств в фонд индустриализации⁶⁸.

За долгие годы работы в Эрмитаже А.А. Ильин всецело овладел научной методикой нумизматического исследования, о чем свидетельствуют не только его опубликованные работы последних лет жизни, но и сохранившиеся неизданные тексты статей и докладов⁶⁹. В 1921 г. вышла в свет его работа «Топография кладов серебряных и золотых слитков»⁷⁰, к которой прилагалась и карта находок слитков на территории Европы. В 1924 г. он подготовил и издал топографию находок древнейших русских монет⁷¹.

А.А. Ильиным были написаны научные каталоги основного собрания древнейших и удельных монет, слитков, монет царского периода и времени Петра I, исправлены и дополнены тома каталога монет XVIII–XIX вв. Кроме того, он составил также каталоги медалей, входивших в русскую коллекцию⁷².

⁶⁵ Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961) — востоковед, общественный деятель; действительный член Академии наук СССР (1935); организатор и заведующий Отделом Востока (1926–1933), директор Эрмитажа (1934–1951).

⁶⁶ Калинин В.А. А. А. Ильин... С. 47.

⁶⁷ Перченко Феликс Федорович (1931–1993) — педагог, историк, общественный деятель, автор исследований, посвященных репрессированным ученым в СССР.

⁶⁸ Перченко Ф.Ф. К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 166.

⁶⁹ Калинин В.А., Лепехина Е.В. Хранители Эрмитажа А.К. Марков и А.А. Ильин // Нумизматика. Научно-информационный журнал. Ноябрь 2008 г. № 4 (19). С. 55.

⁷⁰ Ильин А.А. Топография кладов серебряных и золотых слитков // Труды нумизматической комиссии РАИМК. 1921. Вып. I.

⁷¹ Ильин А.А. Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода // Труды нумизматической комиссии РАИМК. 1924. Вып. V.

⁷² Калинин В.А. А. А. Ильин... С. 46.

По инициативе А.А. Ильина в 1921 г. Эрмитаж добился специального решения Совета народных комиссаров, согласно которому Народный комиссариат финансов был обязан передавать в музей образцы всех изготовлявшихся на Монетном дворе монет, медалей, знаков и орденов. В связи с этим А.А. Ильиным было начато ведение каталогов двух новых коллекций: с 1921 г. — монет Советского государства, а с 1930 г. — советских значков⁷³.

В 1940 г. Эрмитаж издал первый выпуск широко задуманного труда А.А. Ильина, посвященного собранию русских монет XIV–XVI вв.⁷⁴, главной целью которого было создание новой классификации монет удельного периода. Эта работа ознаменовала собой важный этап в решении сложной задачи классификации денег, выпускавшихся и имевших хождение на территориях удельных княжеств.

Во время Великой Отечественной войны А.А. Ильин оставался в Ленинграде. Коллекции Эрмитажа, включая нумизматическую, были вывезены в эвакуацию еще в первые месяцы войны. Вместе с музейным собранием город покинула и часть сотрудников, чтобы «в глубоком тылу организовать надежное хранение до конца войны сокровищ Эрмитажа»⁷⁵. А.А. Ильин уехать и оставить осажденный город отказался. Обладая замечательной памятью и непревзойденными познаниями в картографии, он оказывал консультации при проектировании транспортной магистрали «Дорога жизни», проходившей через Ладожское озеро.

Как только Ленинграду начали угрожать обстрелы и бомбардировка с воздуха, А.А. Ильин переселился в небольшую комнату в Эрмитаже, где продолжал до последних дней свою исследовательскую работу. 7 июня 1942 г. там его навещил давний знакомый, В.Г. Гаршин⁷⁶ вместе с писательницей В.М. Инбер⁷⁷, которая сохранила подробности этого визита в своем блокадном дневнике. Вот как она описывает А.А. Ильина в последний месяц его жизни: «Старику восемьдесят шесть лет⁷⁸, он наполовину парализован, поддерживает голову рукой. Но левый, непарализованный, профиль до сих пор прекрасен. Видимо, это был человек редкой красоты».

А.А. Ильин рассказал гостям, что «его перевели в эту комнату в самом начале блокады, что ему ежедневно доставляли вязанку дров из самых сокровенных запасов Эрмитажа. Что же касается света, то на его письменном столе всегда горело электричество. Ток давал один из военных кораблей, пришвартованный на зиму здесь же, на набережной, у самого Эрмитажа»⁷⁹. На вопрос, почему он не эвакуировался вместе с отделом, А.А. Ильин ответил следующее: «Куда же я поеду? ... я стар. А мои коллекции вечно молоды. В первую очередь надо было думать о них». Затем он добавил, что ему много раз предлагали уехать, но он отказался, так как

⁷³ Спасский И.Г. Нумизматика... С. 204.

⁷⁴ Ильин А.А. Классификация русских удельных монет. Вып. I. Л., 1945.

⁷⁵ Спасский И.Г. Ук. соч. С. 220.

⁷⁶ Гаршин Владимир Георгиевич (1887–1956) — патологоанатом, коллекционер монет и орденов; действительный член Академии медицинских наук СССР (1945).

⁷⁷ Инбер Вера Михайловна (урожд. Шпенцер; 1890–1972) — поэтесса, прозаик, переводчица, журналистка; лауреат Сталинской премии второй степени (1946).

⁷⁸ В действительности А.А. Ильину было тогда 84 года.

⁷⁹ Инбер В. Почти три года. Ленинградский дневник // В. Инбер. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1965. С. 232.

«у него тут есть его личная, небольшая, но очень ценная коллекция старинных русских монет, уже завещанная Эрмитажу. Ее нужно еще привести в окончательный порядок, чем он сейчас и занят»⁸⁰.

Меньше чем через месяц, 4 июля 1942 г., А.А. Ильин скончался, за письменным столом, продолжая работать над своей коллекцией. Он был похоронен на Шуваловском кладбище. В 1947 г., в соответствии с завещанием мужа, В.В. Ильина передала в Эрмитаж оставшуюся часть принадлежавшей ему нумизматической коллекции, составлявшей более 7300 экземпляров⁸¹, вместе с монетными шкафами и книжное собрание⁸².

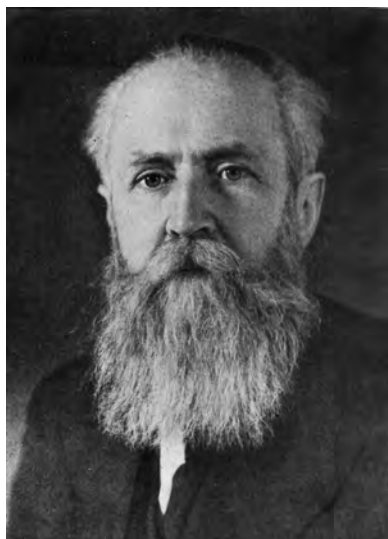
⁸⁰ Там же.

⁸¹ Сотникова М.П. А.А. Ильин и Корпус древнейших русских монет X–XI вв. // ТГЭ. Т. LXI. Материалы и исследования Отдела нумизматики. СПб., 2012. С. 83.

⁸² Степанова О.А. «Миниатюрные деньги для забавы» (Коробочка в виде монеты из собрания А.А. Ильина // ТГЭ. Т. LXI. Материалы и исследования Отдела нумизматики. СПб., 2012. С. 92.

Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951)

Е.О. Стоянов, В.А. Горончаровский

Имя академика Игнатия Юлиановича Крачковского — своего рода символ петербургской арабистики, а его судьба в полной мере отразила все драматические коллизии истории отечественной науки первой половины прошлого столетия¹. Будущий выдающийся востоковед родился 3 (16) марта 1883 г. в Вильно (совр. Вильнюс). Историческая столица Литвы была в те годы важнейшим экономическим и культурным центром Северо-Западного края Российской империи, городом, где соседствовали и переплетались друг с другом польская, белорусская, литовская и еврейская культуры. Весомый вклад в их изучение внес отец Игнатия², Юлиан Фомич Крачковский (1840–1903), председатель Виленской археографической комиссии и автор многочисленных научных трудов, до наших дней не утративших свое значение. Проявляя ис-

ключительное трудолюбие и преданность науке, он «днем и ночью корпел над книгами и бумагами, изучая и осмысливая прошлое и его деятелей»³. Эти качества и образ жизни во многом унаследовал его сын.

С миром Востока и, в частности, с восточными языками, Крачковский соприкоснулся еще в детстве. В 1884–1888 гг., когда его отец руководил в Ташкенте Туркестанской учительской семинарией, маленький Игнатий усвоил от няни узбекский язык, научившись ему едва ли не раньше, чем русскому⁴. Позднее, в Вильно, в семье своего гимназического друга М. Штейнберга он освоил еврейскую азбуку и основы грамматики библейского иврита.

¹ Данный очерк не претендует ни на введение в оборот новых материалов, ни на концептуальную оригинальность: он основан на опубликованных исследованиях жизни и научной деятельности И.Ю. Крачковского, лучшим и наиболее полным из которых на сегодняшний день остается книга его ученицы А.А. Долининой (Долинина А.А. Невольник долга. СПб., 1994).

² Игнатий был младшим из четверых детей (три сына и дочь) Юлиана Фомича и Анны Антоновны Крачковских.

³ Воспоминания И.Ю. Крачковского, цит. по: Малаховская В.В., Малаховский А.К., Савичева Е.М. У истоков российской арабистики: академик Игнатий Юлианович Крачковский // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 290.

⁴ Крачковская В.А. Первые шаги в науке магистранта И.Ю. Крачковского // Памяти И.Ю. Крачковского. Л., 1958. С. 17. В итоге Крачковский освоил около 20 западных и восточных языков.

В 1901 г., окончив с золотой медалью 1-ю Виленскую гимназию, Игнатий Крачковский поступает на факультет восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета и становится студентом арабско-персидско-турецко-татарского разряда. Это были годы интенсивных и разносторонних занятий⁵. Что касается учителей студента Крачковского, то они не нуждаются в специальном представлении. К изучению арабского языка и словесности он приступил под руководством А.Э. Шмидта и Н.А. Медникова, иранскими языками занимался у В.А. Жуковского, тюркскими — у П.М. Мелиоранского, древнееврейский язык преподавал П.К. Коковцов. Помимо этого И.Ю. Крачковский слушал на историко-филологическом факультете лекции С.Ф. Платонова по русской истории, И.А. Шляпкина — по древнерусской литературе, историко-литературные курсы А.Н. Веселовского и Д.К. Петрова, курс психологии Н.О. Лосского и др.

Особое значение для становления Крачковского как востоковеда имели занятия у трех преподавателей. Во-первых, на II–IV курсах он занимался эфиопским языком и литературой под руководством Бориса Александровича Тураева (1868–1920), поскольку выдающийся египтолог был также пионером отечественного абиссиноведения. Исключительно высоко оценивал Игнатий Юлианович и «Беседы по вопросам истории Востока» Василия Владимировича Бартольда (1869–1930), мало походившие на привычный учебный курс: «На самом деле это была настоящая, очень серьезная обдуманная методология истории в применении к восточным вопросам... Другого такого курса я никогда не слышал и не думаю, чтобы он даже мог существовать»⁶.

Но, безусловно, главным учителем Крачковского стал барон Виктор Романович Розен (1849–1908) — востоковед широких исследовательских интересов (арабист и иранист), глава Восточного отделения Русского археологического общества, основатель и первый редактор «Записок» Общества — первого специализированного востоковедного журнала на русском языке. Наставник многих востоковедов следующих поколений (Н.Я. Марра, В.В. Бартольда, В.А. Жуковского и др.), Розен был особенно привязан к младшему из своих учеников, называя его по аналогии с известным библейским сюжетом своим Вениамином⁷. Именно занятия с Розеном пробудили у Крачковского интерес к арабской словесности и арабо-христианской литературе.

В.М. Алексеев, будущий великий синолог, многолетний друг и единомышленник Игнатия Юлиановича, запомнил молодого Крачковского как студента «с необыкновенной культурной подготовкой, с необыкновенным умением работать, все понимать, во всем разбираться и быстро идти вперед»⁸. Тот и сам отмечал: «...во всей моей деятельности на всех этапах была и строгая устремленность только

⁵ Погруженность в учебу вынудила Крачковского оставить занятия музыкой, хотя в юности он довольно хорошо играл на фисгармонии и цитре. Много лет спустя он писал В.М. Алексееву: «...внезапно вспомнил цитру, которой, кажется, не трогал лет пять: в дождливые дни играю гаммы, и размышляю, что в наших условиях более неприятно — быть арабистом или цитристом (очень порядочным), который иногда играет в галерее Андреевского рынка» (цит. по: *Баньковская М.В. И.Ю. Крачковский и трое неарабистов // Христианский Восток. 2009. Т. 5 (XI). Новая серия. С. 45).*

⁶ Цит. по: *Долнина А.А. Невольник долга. С. 37.*

⁷ Там же. С. 53.

⁸ *Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 48.*

в область науки. <...> Здесь колебаний и неуверенности у меня не было: для меня это являлось вопросом жизни и смерти»⁹.

Вообще жизнеописание большого ученого часто превращается в рассказ о планомерном триумфальном восхождении к заранее определенной цели — без отклонений, тупиков и срывов. Виной тому отнюдь не намерение навести хрестоматийный глянец — просто ретроспективный взгляд неизбежно спрямляет и упрощает жизненный путь. Но, кажется, в случае Крачковского мы не сильно погрешим против истины: так все и было. Кое-что из задуманного, впрочем, не удалось осуществить, в том числе по вине внешних обстоятельств, о которых еще пойдет речь.

В 1904 г. выходит в свет первая научная публикация Крачковского — рецензия в газете «Туркестанские ведомости»¹⁰. 23 декабря 1905 г. он получает диплом первой степени, а в следующем году удостоивается золотой медали Факультета восточных языков за конкурсное сочинение «Царствование халифа ал-Мехдия по арабским источникам». Успешный выпускник был оставлен при университете для приготовления к профессорской деятельности. Тогда же он впервые выступил с чтением научного доклада на заседании Восточного отделения Русского археологического общества¹¹.

Работая над подготовкой магистерской диссертации, Крачковский еще сильнее сблизился с В.Р. Розеном, под руководством которого трудился над арабскими текстами, преимущественно поэтическими и грамматическими. Безвременная смерть учителя в начале 1908 г. стала для него огромным потрясением. Позднее он писал: «При его жизни я не сознавал, как двухлетние занятия привязали меня к нему, а теперь неотступная мысль о его смерти целиком поглотила мои чувства. Мне казалось, что в науке и в жизни я сразу предоставлен самому себе»¹².

В 1908 г. Крачковский был избран членом-сотрудником Русского археологического общества, а через год — действительным членом Русского географического общества. Но важнейшим событием в его становлении как ученого, безусловно, оказалась поездка на Ближний Восток. С июля 1908 г. он на два года был командирован от Петербургского университета в Сирию и Египет. Сформулированные самим Крачковским цели поездки состояли в следующем:

- 1) Знакомство с языком и бытом современных арабов.
- 2) Знакомство с постановкой дела и с профессорским персоналом Восточного факультета Бейрутского университета Св. Иосифа.
- 3) Ознакомление с современной арабской литературой, которая до тех пор незаслуженно игнорировалась европейской наукой, и личное знакомство с некоторыми ее представителями.

⁹ Крачковский И.Ю. Испытание временем. Мысли к 45-летию научной работы / Публ. и прим. А.А. Долиной // Петербургское востоковедение. 1996. Вып. 8. С. 582.

¹⁰ Крачковский И.Ю. Новый труд по истории мусульманства // Туркестанские ведомости. 9 ноября 1904 г. С. 764–765; 14 ноября. С. 780–781. Всего при жизни Крачковского было опубликовано более 500 его работ. Наиболее полную библиографию см.: Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951): Библиографический указатель / Отв. ред. Н.В. Колпакова. СПб., 2007.

¹¹ На основе материала доклада была написана статья: Крачковский И.Ю. Поэтическое творчество Абу-л-Атаһии (ок. 750–825 гг.) // ЗВОРАО. 1908. Т. 18. Вып. 2/3. С. 73–112.

¹² Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о людях и книгах. 4-е изд. М., 1965. С. 27.

4) Изучение рукописных памятников поэзии средневекового периода и христианско-арабской литературы, а также других интересных памятников, которые могут встретиться в местных библиотеках¹³.

Это единственное путешествие Игнатия Юлиановича на Ближний Восток было чрезвычайно насыщено и научным опытом, и жизненными впечатлениями¹⁴. Он побывал в Бейруте, Дамаске, Иерусалиме, Каире, Александрии, христианских монастырях, школах Императорского православного палестинского общества; установил контакты с крупнейшими учеными, как западными, так и арабскими¹⁵; слушал лекции в Бейрутском и Каирском университетах, принял участие в работе III Международного археологического конгресса в Каире (1909). Кроме того, им были изучены и открыты для науки важнейшие арабские рукописи, в том числе «Послание об ангелах» великого Абу-л-Ала ал-Маарри (973–1057) в Хедивской библиотеке Каира¹⁶.

Современность привлекала И.Ю. Крачковского не меньше, чем памятники прошлого. Во время поездки он внимательно читал местную арабоязычную периодику и серьезно ознакомился с современной арабской литературой. К тому же ученый настолько овладел разговорным арабским языком (сирийский диалект), что к концу командировки его уже вполне принимали за араба.

Вернувшись из своего путешествия, Крачковский занял должность приват-доцента Санкт-Петербургского университета. Так началась его преподавательская деятельность, продолжавшаяся с недолгими перерывами около сорока лет. В этот же период он активно вовлекается в научную жизнь и с 1913 г. становится действительным членом Русского археологического общества и секретарем его Восточного отделения.

Важным рубежом в личной жизни Крачковского, в целом небогатой на события, стало бракосочетание в 1912 г. с Верой Александровной Фармаковской¹⁷ (урожд. Федоровой), с которой они познакомились тремя годами ранее. Женщина с сильным волевым характером, разносторонне одаренная (прекрасно музицировала, талантливый художник), она стала надежной опорой и верным

¹³ Долинина А.А. Невольник долга. С. 71–72.

¹⁴ О поездке подробнее см.: Крачковская В.А. И.Ю. Крачковский на Ливане и в Палестине (1908–1910 гг.) // Палестинский сборник. 1954. Вып. 1 (63). С. 105–124; Она же. Путешествие И.Ю. Крачковского на Ближний Восток (1908–1910 гг.) // Палестинский сборник. 1974. Вып. 5 (88). С. 10–19.

¹⁵ «Какие это были имена и среди европейцев, и среди арабов! Блестящий историк, эффектный лектор Лямменс, бельгиец по происхождению; тонкий диалектолог француз Ронзеваль с громадным запасом юмора, но весь пронизанный каким-то внутренним страданием. А рядом, грузный, но подвижной, приветливый, вечно с корректурами своего журнала Шейхо, уроженец Мардина в Верхней Месопотамии, насыщенный, как губка, арабской литературой, всегда с готовой статьей в ответ на обращенный к нему вопрос; его друг, серьезный миниатюрный дамаскинец Сальхани, тонкий знаток поэзии и “1001 ночи”, в 90 с лишним лет продолжавший текстологические изыскания» (Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. С. 29–30).

¹⁶ «Если бы у арабов существовал какой-нибудь индекс запрещенных книг, трактат занял бы в нем почетное место... В этом с виду традиционном грамматическом трактате скрыт остроумный и язвительный памфлет на мусульманские представления об ангелах» (Там же. С. 39–44).

¹⁷ Прежде она была замужем за Владимиром Фармаковским, братом известного археолога-античника Бориса Владимировича Фармаковского.

И.Ю. и В.А. Крачковские. Фотография, 1931 г.
(СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 4. Д. 38. Л. 18)

помощником мужу. Позднее, в 1920–30-е годы, она сложилась как видный ученый-востоковед¹⁸.

В такой обстановке Крачковский завершает работу над магистерской диссертацией и в 1914 г. уезжает с женой в Европу для ознакомления с рукописными собраниями Лейпцига, Галле и Лейдена. Здесь чету Крачковских и застала Первая мировая война. Не без труда, кружным путем — через Голландию, Англию и Швецию — они спешно возвращаются в Петербург, уже ставший Петроградом.

Здесь в 1915 г. состоялась защита магистерской диссертации Игнатия Юлиановича, посвященной творчеству арабского поэта X в. Абу-л-Фараджа ал-Вава Дамасского¹⁹. Опираясь на шесть рукописей его дивана, материалы средневековых антологий и биографических словарей, Крачковский рассмотрел историю литературного наследия поэта и проблему подлинности приписываемых ему произведений, технику стиха, язык, особенности поэтического стиля — и все это в контексте придворной поэзии Хамданидского круга. Это был труд зрелого исследователя, в полной мере отражающий основные черты научного метода Крачковского, который заключался «в научном подходе к явлениям арабской литературы, строгом

¹⁸ Основные труды В.А. Крачковской посвящены эпиграфике и изобразительному искусству мусульманского Востока. Библиографию ее основных работ см.: Милибанд С.Д. Востоковеды России: XX — начало XXI в.: биобиблиографический словарь. Кн. I: А–М. М., 2008. С. 716–717.

¹⁹ Текст опубликован отдельной книгой: Крачковский И.Ю. Абу-л-Фарадж ал-Ва'ва Дамасский. Материалы для характеристики поэтического творчества. Пг., 1914. Крачковский называл книгу «о дамасском веселом поэте, что был зазывалой на фруктовом рынке» в числе четырех самых дорогих ему работ (Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. С. 143).

анализе творчества поэта, основанном на достижениях общего литературоведения, а также в критическом издании текста стихов, чем в основном и занимались арабисты до начала XX века»²⁰.

В 1915 г. Игнатий Юлианович был избран пожизненным действительным членом Императорского православного палестинского общества, а в следующем году становится сотрудником Азиатского музея Российской Академии наук, основанного в 1818 г. для собирания и изучения рукописей на восточных языках²¹. В частности, музей располагал богатейшим собранием арабских манускриптов, работа с которыми принесет впоследствии Крачковскому немало блестящих открытий. Первой его задачей как сотрудника стали разбор и общая характеристика арабских рукописей, поступивших в Музей с кавказского фронта в 1916–1917 гг.

Было бы преувеличением сказать, что драматические события 1917 г. и первых лет советской власти прошли мимо Крачковского или остались им не замечены²², но в целом его научная и преподавательская деятельность продолжались в прежнем русле — разумеется, с поправкой на новые обстоятельства. В 1918 г. он занял должность профессора Факультета восточных языков Петроградского университета, а в следующем году стал заведующим Мусульманским отделом Азиатского музея. 5–7 августа 1919 г. Крачковский как представитель Русского археологического общества принял участие в выборах членов РАИМК и был запечатлен на сделанной тогда исторической фотографии. Одновременно Игнатий Юлианович вошел в состав редакционной коллегии экспертов Восточного отдела издательства «Всемирная литература». Созданное при Наркомпросе по инициативе Максима Горького, оно было одним из самых

Силуэт И.Ю. Крачковского.
Рисунок В.А. Крачковской, 1911 г.
(СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 4. Д. 4. Л. 1)

Экслибрис И.Ю. Крачковского.
Рисунок В.А. Крачковской. Тушь. 1913 г.

²⁰ Долинина А.А. Игнатий Юлианович Крачковский. Жизнь и творчество // Крачковский И.Ю. Труды по истории и филологии христианского Востока. М., 2015. С. 13.

²¹ С 1930 г. музей вошел в состав вновь созданного Института востоковедения АН СССР.

²² О его реакции на эти события см.: Долинина А.А. Невольник долга. С. 149–150.

масштабных культурных начинаний своего времени. Помимо грандиозных издательских и просветительских планов относительно тысяч томов произведений западных и восточных авторов, многие из которых еще не были переведены или требовали нового перевода, оно преследовало и вполне насущную задачу: обеспечить литераторов и ученых дополнительным источником пропитания в голодном Петрограде времен военного коммунизма²³. Коллегами Крачковского по Восточному отделу стали крупнейшие отечественные ориенталисты: С.Ф. Ольденбург, П.К. Коковцов, Н.Я. Марр, В.М. Алексеев, Б.Я. Владимирцов и др. Крачковский также вошел в редколлегию созданного при издательстве журнала «Восток».

Научные заслуги Игнатия Юлиановича были по достоинству оценены в ноябре 1921 г., когда он — в возрасте 38 лет! — стал действительным членом Российской академии наук. Уже в новом качестве молодой академик продолжил работу во «Всемирной литературе», а после ее фактического закрытия в 1924 г. начал сотрудничать с издательством «Academia», что в итоге оказалось необычайно плодотворным — и для науки, и для словесности. В выходявших тогда книгах Крачковский постоянно выступал как переводчик, автор предисловий, редактор. Его перу принадлежат разделы о сочинениях арабских и эфиопских авторов в каталоге «Всемирной литературы»²⁴, ряд очерков об арабской литературе и театре²⁵. Среди памятников классической арабской литературы, переведенных Крачковским или подготовленных им к печати — «Песнь пустыни» Шанфары²⁶, «Калила и Димна»²⁷, «Мудрость Хикара и басни Лукмана»²⁸, «Ожерелье голубки» Ибн Хазма²⁹, «Книга назидания» Усама ибн Мункыза³⁰, философский роман Ибн Туфайла³¹, а также полное восьмитомное издание сказок «Тысячи и одной ночи»³². С издательскими планами «Всемирной литературы» был связан и замысел перевода Корана — несомненно, самой известной переводческой работы И.Ю. Крачковского. В целом законченная к 1928 г., рукопись, однако, так и не была доведена до стадии полной готовности к публикации. Перевод был извлечен из архива Игнатия Юли-

²³ Вере Александровне в эти годы приходилось менять вещи на крупу, получать по ордерам капустные листы и кочерыжки и выковыривать по ночам из мостовой деревянные торцы для растопки «буржуйки» (Там же. С. 156–158).

²⁴ Крачковский И.Ю. 1. Абиссинцы. 2. Арабская литература (перечень памятников лит., рекомендованных к изданию) // Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате просвещения. Пг., 1919. С. 29–32.

²⁵ Крачковский И.Ю. Арабская литература // Литература Востока. 1919. Вып. 1. С. 24–33; Он же. Возникновение и развитие новоарабской литературы // Восток. 1922. Кн. 1. С. 67–73; Он же. Восточный театр // Восток. 1923. Кн. 3. С. 167; Он же. Арабская поэзия // Восток. 1924. Кн. 4. С. 97–112.

²⁶ Шанфарā. Песнь пустыни // Восток. 1924. Кн. 4. С. 58–64.

²⁷ Калила и Димна / Пер. И.Ю. Крачковского и И.П. Кузьмина. М.; Л., 1934.

²⁸ Крачковский И.Ю. Предисловие // Мудрость Хикара и басни Лукмана / Пер. И.П. Кузьмина и М.А. Салье. Пг., 1920. С. 5–13.

²⁹ Ибн Хазм. Ожерелье голубки / Пер. М.А. Салье под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1933.

³⁰ Крачковский И.Ю. Усама ибн Мункыз и его воспоминания: вступ. статья // Усама ибн Мункыз. Книга назидания / Пер. М.А. Салье. Пг., 1922. С. 7–21.

³¹ Ибн Туфейль. Роман о Хайе, сыне Якзана / Пер. и предисл. Ив. Кузьмина под ред. И.Ю. Крачковского. Пг., 1920.

³² Книга тысячи и одной ночи / Пер., вступ. ст. и комм. М.А. Салье под ред. акад. И.Ю. Крачковского. Т. 1–8. Л., 1930–1939.

И.Ю. Крачковский среди сотрудников издательства «Всемирная литература». 1919 г.
 Слева направо, верхний ряд: А.А. Смирнов, В.М. Алексеев, Н.О. Лернер, Б.Я. Владимирцов;
 средний ряд: М.Л. Лозинский, А.Н. Тихонов (заведующий издательством), Аким Вольтский,
 И.Ю. Крачковский, С.Ф. Ольденбург, Е.И. Замятин;
 нижний ряд:
 В.А. Кюнер-Сутугина (секретарь коллегии), К.И. Чуковский

новича и опубликован уже после его смерти усилиями В.И. Беляева и П.А. Грязневича³³. Крачковский, в отличие от предшественников, подошел к Корану не столько как к религиозному тексту, сколько как к литературному памятнику определенной эпохи — поэтому он старался в первую очередь дать адекватный литературный перевод текста, по возможности абстрагировавшись от позднейших экзегетических интерпретаций и опираясь на языковой материал синхронных памятников раннеарабской словесности³⁴. Перевод Крачковского сохранил значение и до наших дней, а по филологической точности едва ли не превосходит имеющиеся русские и европейские переводы³⁵.

Впрочем, многое из этого могло и не осуществиться: в ночь с 19 на 20 июля 1922 г. Игнатий Юлианович, всегда сторонившийся политики, внезапно был арестован ГПУ и оказался в подвальной камере-одиночке Дома предварительного заключения на Шпалерной улице — первой в России специальной следственной тюрьмы. Ему было предъявлено обвинение в информировании финского сектора эмигрантского

³³ Коран / Пер. и комм. И.Ю. Крачковского. М., 1963.

³⁴ Долинина А.А. Невольник долга. С. 235; Резван Е.А. Коран и его мир. СПб., 2001. С. 443–445.

³⁵ Резван Е.А. Коран и его мир. С. 443.

И.Ю. Крачковский. Фотография из следственного дела, 1922 г. (источник: «Его отсутствие будет бедствием». Письма в защиту репрессированных // Источник. 1998. № 2. С. 51)

«Союза защиты родины и свободы». Коллеги Крачковского немедленно выступили в его защиту. Президент Академии наук А.П. Карпинский и ее неперемный секретарь С.Ф. Ольденбург писали в Особую комиссию ВЦИК: «И.Ю. Крачковский по общему признанию является первым русским арабистом и одним из известнейших в мире арабистов, известным не только на Западе, но и среди арабских ученых кругов. <...> Его отсутствие для Академии будет бедствием. <...> Таким образом погибнет образовавшаяся именно за время революции небольшая, но ценная школа русских арабистов, в которых, при новых отношениях к Востоку Р.С.Ф.С.Р. особенно нуждается»³⁶. В сентябре местком Академии предложил взять Крачковского на поруки, но получил отказ. В октябре стало известно, что ему предстоит высылка за границу или в Вятскую губернию. И лишь 12 января 1923 г., после очередных обращений Академии к Дзержинскому, Каменеву и Калинин, Игнатий Юлианович был освобожден³⁷. Через полгода над ним нависла угроза новой ссылки, на этот раз в Казань на 3 года, но в итоге удалось предотвратить и ее. «Смерти

я не боялся, — подытожил Крачковский четверть века спустя, — это спасло меня от ложных показаний и в конце концов дало победу, но оставило следы на всю жизнь, показав, что при всяком строе не всегда легко добиться правды»³⁸.

В 1920–1930-е годы академик Крачковский — безусловный лидер советской арабистики и один из авторитетнейших арабистов мира. В 1922–1929 гг. он занимает должность академика-секретаря Отделения исторических наук и филологии АН СССР, в 1938–1945 гг. — вице-председателя Всесоюзного Географического общества, в 1928–1929 гг. исполняет обязанности председателя Палестинского общества. В 1930 г., благодаря записке, поданной Крачковским в Президиум АН СССР, во вновь образованном Институте востоковедения был учрежден Арабский кабинет, во главе которого встал сам Игнатий Юлианович, занимавший эту должность до конца своих дней. В 1934 г. при Арабском кабинете была создана Ассоциация ленинградских арабистов, председателем которой он был в течение пяти лет.

В 1935 и 1937 гг. по инициативе Крачковского проходили научные сессии Ассоциации. На первой были намечены основные задачи изучения арабской литературы в СССР: это изучение новой литературы, описание рукописей и исследование

³⁶ Цит. по: «Его отсутствие будет бедствием». Письма в защиту репрессированных // Источник. 1998. № 2. С. 52.

³⁷ Другие арестованные, проходившие по тому же делу, были в итоге расстреляны (Долинина А.А. Невольник долга. С. 170).

³⁸ Крачковский И.Ю. Испытание временем. С. 568.

отдельных памятников, в том числе исследование арабских источников по истории народов СССР и старой литературы этих народов на арабском языке. На сессии 1937 г. Крачковский выступил с докладом, в котором подвел итоги первых 20 лет советской арабистики. На эти же десятилетия приходится расцвет научной деятельности Крачковского.

Как справедливо отмечает А.А. Долинина, «главным предметом исследований на протяжении всего его творческого пути оставалась арабская литература в самом широком смысле слова, то есть совокупность письменных памятников, созданных на арабском языке, как это вообще понималось в классическом востоковедении. <...> исходным для него всегда было не какое-либо известное в науке или гипотетическое построение или теория, а памятник, его текст и интерпретация, брался ли он за тот или иной документ, историческую хронику, поэтическое творчество какого-либо автора или отдельное художественное произведение. При этом текст как таковой не являлся для него самодовлеющей величиной, а занимал свое место в широком литературном и историческом окружении»³⁹.

Сам Крачковский выделял четыре основных предмета своих исследований⁴⁰:

1) *Арабо-христианская литература*, как наиболее близкое ему самому направление: «К ней влекли меня самые разнообразные факторы, и в первую, может быть, очередь занятия Абиссинией у Тураева еще со второго курса университета, когда очень быстро, так сказать на практике, мне стала ясна органическая связь обеих областей, во всяком случае по одной линии. Смутно пробуждавшийся одновременно интерес к живым арабским диалектам направлял сюда же — в языке ранних памятников христианской письменности, не сглаженных кораническими нормами, вульгаризмы лежали, можно сказать, на поверхности»⁴¹. К сожалению, с 1920-х гг. эти исследования пришлось прекратить — по понятным политическим причинам⁴². Своеобразным ответвлением этой же линии можно считать эфиопские штудии Крачковского⁴³, итогом которых подвел последний из его спецкурсов — «Введение в эфиопскую филологию» (1949)⁴⁴.

2) *Арабская поэзия и поэтика*. Перечисляя самые дорогие ему работы⁴⁵, второй и третьей (после диссертации об ал-Вава) Игнатий Юлианович называл книги «об изящной сатире мудрого слепца поэта-философа из Сирии» (критическое издание, перевод и исследование обнаруженного им в Каире «Послания об ангелах» ал-Маарри⁴⁶) и «о теории поэтического слова, которую создал эмир, поэт и тонкий филолог, что на свое несчастье пробыл один день багдадским халифом» (издание

³⁹ Долинина А.А. Игнатий Юлианович Крачковский. С. 13.

⁴⁰ Крачковский И.Ю. Испытание временем. С. 574–582.

⁴¹ Там же. С. 575.

⁴² Показательно, что в итоговый шеститомник 1955–1960 гг. эти работы не попали и вышли отдельным изданием только в 2015 г.: Крачковский И. Ю. Труды по истории и филологии христианского Востока.

⁴³ Общую их характеристику см.: Французов С.А. Эфиопистические работы И.Ю. Крачковского и их значение // Крачковский И.Ю. Труды по истории и филологии христианского Востока. С. 257–260.

⁴⁴ Курс вышел отдельным изданием уже после смерти автора: Крачковский И. Ю. Введение в эфиопскую филологию / Ред., предисл. и прим. Д.А. Ольдерогге. Л., 1955.

⁴⁵ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. С. 143.

⁴⁶ *Абӯ-л-‘Алā’ ал-Ма‘арри*. Рисāлат ал-малā’ика / Изд. текста, пер. и комм. И.Ю. Крачковского // Труды Института востоковедения АН СССР. 1932. Т. III. № 8. Исследование сохранило свое значение и после обнаружения в 1944 г. полной рукописи трактата, принципиально изменившей представление о его содержании.

и перевод «Книги о новом» Ибн ал-Мутаза — первого арабского трактата, посвященного проблемам поэтики)⁴⁷.

3) *Современная арабская литература*. «Пожалуй, ни одна из моих специальных областей не получила такого резонанса за рубежом, во всех почти странах Запада и даже среди арабов»⁴⁸, — отмечал Игнатий Юлианович, положивший начало изучению современной арабской литературы в контексте многовековой истории арабской словесности⁴⁹. Мощный стимул этому направлению дала ближневосточная командировка и завязавшиеся личные связи с арабскими литераторами, эпистолярный контакт со многими из которых ученый поддерживал и в последующие годы⁵⁰.

В переводе или под редакцией И.Ю. Крачковского вышли «Избранное» Амина Рейхани⁵¹, «Возвращение духа» Тауфика ал-Хакима⁵², «Дни» Таха Хусейна⁵³. Некоторые переводы увидели свет уже после смерти Юлиана Игнатъевича, часть работ по-прежнему остается неопубликованной⁵⁴.

4) *История арабистики и востоковедения*. Четвертое из любимых научных детищ Крачковского — исследование о шейхе Мухаммеде Аяде Тантави (1810–1861), уроженце Египта, связавшем свою судьбу с Россией и сыгравшем важную роль в становлении русской арабистики⁵⁵. Многочисленные очерки, посвященные русским, европейским и арабским ученым, создавались Крачковским на протяжении всей жизни, выстроившись в итоге в своеобразную портретную галерею⁵⁶. Частичный итог этому направлению исследований подведен в «Очерках по истории русской арабистики»⁵⁷. Частичный — потому что намечавшийся труд по истории арабистики западной, для которого был собран богатейший фактический материал, так и не оформился в виде законченного текста⁵⁸.

Будучи филологом *par excellence*, Крачковский при этом демонстрировал тончайшее понимание исторического контекста, в котором возник изучаемый источник. Ярчайший пример тому — исследование арабского документа с горы Муг, признанный шедевр источниковедческого анализа новонайденного текста⁵⁹. Фрагментарно сохранившееся письмо VIII в., обнаруженное среди согдийских документов в развалинах крепости на горе Муг в Таджикистане, был не только блестяще прочтено и образцово издано, но и — самое главное — убедительно интерпретировано как важное свидетельство арабского завоевания Согдианы.

⁴⁷ Работы разных лет, посвященные Ибн ал-Мутазу, сведены вместе в: *Крачковский И.Ю.* Избр. соч. Т. 6. М.; Л., 1960. С. 9–330.

⁴⁸ *Крачковский И.Ю.* Испытание временем. С. 579.

⁴⁹ «Конечно, не я первый стал изучать новую литературу, как иногда говорят, но, может быть, я впервые ввел ее в органический круг, показав, что она реально нужна и для классической. Может быть, я впервые осветил это прошлое в живой связи с настоящим, в связи с живыми людьми» (Там же. С. 584)

⁵⁰ *Долинина А.А.* Игнатий Юлианович Крачковский. С. 15.

⁵¹ *Амин Рейхани.* Новые произведения / Пер. и прим. И.Ю. Крачковского. Пг., 1917; *Он же.* Избранные произведения / Пер. и прим. И.Ю. Крачковского. [Б. м.], 1928.

⁵² *Тауфик аль-Хахим.* Возвращение духа / Пер. М.А. Салье. Л., 1935.

⁵³ *Таха Хусейн.* Дни / Пер. с араб., введ. ст. и прим. И.Ю. Крачковского. Л., 1934.

⁵⁴ *Долинина А.А.* Игнатий Юлианович Крачковский. С. 16.

⁵⁵ *Крачковский И.Ю.* Шейх Тантави профессор С.-Петербургского университета (1810–1861). Л., 1929.

⁵⁶ Значительная часть очерков собрана в: *Крачковский И.Ю.* Избр. соч. Т. 5. С. 195–452.

⁵⁷ *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950.

⁵⁸ *Крачковский И.Ю.* Испытание временем. С. 580.

⁵⁹ *Крачковский И.Ю., Крачковская В.А.* Древнейший арабский документ из Средней Азии // Согдийский сборник. Л., 1934. С. 52–90.

В 1931 г. И.Ю. Крачковский возглавил Комиссию АН СССР по составлению свода арабских источников по истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии. В программной статье на эту тему⁶⁰ он наметил план исследования уже известных науке источников и поиска новых. Тогда же он много и плодотворно преподает. Помимо Восточного факультета Игнатий Юлианович вел занятия в Центральном институте живых восточных языков (с 1927 г. Ленинградский восточный институт), где заведовал кафедрой арабского языка. Там он читал лекции по исламоведению, новой арабской литературе, арабской философской литературе, египетскому диалекту и диалектам Магриба⁶¹. Немало сил было отдано подготовке разнообразных учебных пособий: под его руководством и с его предисловиями вышли «Грамматика литературного арабского языка»⁶² и «Хрестоматия разговорного арабского языка (сирийское наречие)»⁶³, ставшая первым в мире пособием такого рода. Огромных сил потребовало редактирование «Арабско-русского словаря» Х.К. Баранова, который до сих пор остается незаменимым спутником любого профессионального арабиста⁶⁴.

Каковы были результаты работы Крачковского как педагога? Сам он оценивал их диаметрально противоположным образом: от «я счастлив в своих учениках»⁶⁵ до «вообще мои ученики — это моя трагедия в самом разнообразном смысле»⁶⁶ и «у меня не нашлось прямых учеников-продолжателей, которые хоть в какой-нибудь области могли меня разгрузить»⁶⁷. И то, и другое объяснимо: недостатка в талантливых учениках у Крачковского не было, но судьба большинства из них (и личная, и научная) сложилась трагически⁶⁸. В 1922 г. умер от заражения крови И.П. Кузьмин, от туберкулеза скончались Р.Л. Эрлих (1930) и Я.С. Виленчик (1937). В.А. Эберман, пожалуй, любимый ученик Игнатия Юлиановича, неоднократно арестовывался, как следствие — Беломорканал, Колыма, гибель от несчастного случая в орловской ссылке. В конце 30-х гг. был арестован Т.А. Шумовский (к счастью, ему удалось выжить и вернуться). В 1941 г. погиб в заключении Г.Г. Гульбин. Война и блокада унесли жизни Д.В. Семенова и А.М. Барабанова.

Осенью 1938 г. арестовали А.П. Ковалевского, только что под руководством Игнатия Юлиановича, подготовившего к печати перевод и исследование «Путешествия Ибн Фадлана на Волгу». Все попытки академика добиться освобождения ученика были тщетны. Немалыми усилиями удалось, однако, издать книгу, на титуле которой

⁶⁰ Крачковский И.Ю. О подготовке свода арабских источников для истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии // Записки Института востоковедения АН СССР. 1932. № 1. С. 55–62.

⁶¹ Фролова О.Б. Игнатий Юлианович Крачковский. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951). Биобиблиографический указатель. С. 16.

⁶² Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка. Л., 1928.

⁶³ Семенов Д.В. Хрестоматия разговорного арабского языка (сирийское наречие) / Под ред. и с пред. И.Ю. Крачковского. Л., 1929.

⁶⁴ «Люди, в редакции сведущие и привыкшие работать “аристократически” с целым штатом, вероятно, немало удивятся, когда услышат, что для словаря в очень значительной части издания не было другого корректора, кроме меня, как не было и никакого “технического” редактора. Печатание словаря стоило мне помимо времени немалой доли зрения» (Крачковский И.Ю. Испытание временем. С. 583). В годы войны большая часть готовых корректур была утрачена, и Крачковскому пришлось переделывать работу заново.

⁶⁵ Долинина А. А. Невольник долга. С. 276.

⁶⁶ Там же. С. 295.

⁶⁷ Крачковский И.Ю. Испытание временем. С. 586.

⁶⁸ Подробный мартиролог учеников Крачковского см.: Долинина А.А. Невольник долга. С. 277–287.

красноречиво отсутствовало имя переводчика и комментатора⁶⁹. Справедливость будет восстановлена во втором издании, которому вышедший из заключения после войны Ковалевский предпослет посвящение: «Незабвенной памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского»⁷⁰.

Сам Крачковский пережил эти годы сравнительно благополучно: арест 1922 г., к счастью, остался единственным, и прямых репрессий он избежал. Однако работать с каждым годом становилось все труднее. Относительная свобода 1920-х гг. закончилась «Академическим делом» 1929–1931 гг. и полной реорганизацией научной жизни, ознаменовавшейся ужесточением политического и идеологического контроля над ней. Большой террор 1937–1938 гг. практически уничтожил целые отрасли востоковедения. На долю же Крачковского, как и многих других ученых старой школы, оставшихся на свободе, достались разнузданные выпады блюстителей идеологической чистоты, ставивших ему в вину чуждость марксистской методологии⁷¹, публикации за границей «в органах буржуазного востоковедения» и даже игнорирование современности — притом что именно он был крупнейшим специалистом по новой арабской литературе.

«Во всяком случае, — замечал Игнатий Юлианович, — при своей хотя бы и субъективной, но постоянной искренности в работе я не заслуживал тех грубых окриков, издевательств, а часто даже инсинуаций, которые в разное время выпадали мне на долю в печати и в устных отзывах. Впервые это пришлось испытать с книжкой о Рейхани еще в 1917 г.; повторилось это, хотя и не в печатном виде, с дорогой для меня работой о Тантави в 1930 г., издевательски был встречен посвященный мне сборник статей в том же, 1930 г., в ухарском стиле разделили список моих работ в 1936 г. Повторяется это и до последних дней»⁷².

Необходимость идти на компромисс, не поступаясь при этом ни интересами науки, ни личным достоинством, не оговаривая себя и коллег, что вполне удалось, стоила Крачковскому огромных душевных усилий. «Когда-то у Даля вычитал — “Поживешь на веку, поклонись и хряку: — Хряк, хряк, сделай так! — Хрю, хрю, посмотрю”. Сие вспоминаю часто и иногда успокаиваюсь», — писал он В.М. Алексееву⁷³.

Рубежным в жизни ученого, как и всей страны, стал 1941 год. Когда началась эвакуация научных учреждений и их сотрудников из Ленинграда, Игнатий Юлианович и Вера Александровна уезжать отказались: «Здесь остаются мои сотрудники и ученики, они тоже рискуют. Если я уеду, какими глазами я на них впоследствии смотреть буду?»⁷⁴. Крачковский сразу же вошел в состав Комиссии Президиума Академии наук СССР по делам ее ленинградских учреждений, а вскоре стал ее председателем. Он же возглавил Объединенный Ученый совет институтов

⁶⁹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Под ред. акад. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.

⁷⁰ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

⁷¹ «Я никогда не отказывался от своих взглядов и не скрывал их, хотя иногда они расходились с принятыми в государственной теории своего времени. Я никогда не старался казаться тем, чем не был, и охотно готов согласиться, что я — отсталый ученый, но я всегда чувствовал себя честным работником и думаю, что моя работа пошла на пользу государству, народу и человечеству» (Крачковский И.Ю. Испытание временем. С. 568).

⁷² Там же. С. 567–568.

⁷³ Баньковская М.В. И.Ю. Крачковский и трое неарабистов. С. 46.

⁷⁴ Долинина А.А. Невольник долга. С. 313.

Отделения истории, языка и литературы АН СССР (Институты востоковедения, литературы, истории материальной культуры, языка и мышления, Ленинградского отделения Института истории). 6 февраля 1942 г. Игнатий Юлианович — единственный академик-гуманитарий, оставшийся в Ленинграде после смерти С.А. Желбелева и П.К. Коковцова в первую блокадную зиму, — был утвержден исполняющим обязанности директора Института востоковедения АН СССР, а в апреле Президиум Академии поручает ему общее наблюдение за деятельностью академических учреждений Ленинграда.

В условиях блокады Институт востоковедения продолжал работу и в самый тяжелый ее период: так, 29 декабря 1941 г. Крачковский открыл юбилейное заседание, посвященное 500-летию Алишера Навои⁷⁵. Не прекращались занятия в университете, и Игнатий Юлианович ежедневно, в одни и те же часы, ходил пешком на службу из своей квартиры в знаменитом «доме академиков» на 7-й линии Васильевского острова. Об одном из таких эпизодов очевидец вспоминал: «Конец пути домой... под артиллерийским обстрелом. Сзади меня шел по набережной академик Крачковский с женой, спокойно, своим обычным шагом»⁷⁶.

«Дома, — рассказывала Вера Александровна, — Игнатий Юлианович обычно работал вечером. Окна затемнены, электричества нет. На столе крохотная керосиновая лампочка, а то и коптилка. Старинный дом при близких разрывах качался, как корабль в море, под полом прокатывалась волна от содрогания почвы, все трещало, стеллажи с книгами в кабинете наклонялись»⁷⁷. Несмотря на это, И.Ю. Крачковский продолжал трудиться над рукописью «Арабской географической литературы»⁷⁸. Книга родилась из курса, давно уже читаемого студентам восточного факультета, первые главы писались еще перед войной, но основная часть монографии (14 глав) была создана именно тогда, в самые тяжелые месяцы блокады.

В июле 1942 г. супруги Крачковские были все-таки эвакуированы из Ленинграда в Москву по специальной директиве вице-президента Академии наук Л.А. Орбели — и вопреки воле Игнатия Юлиановича. Видимо, это спасло ему жизнь: он был ослаблен и тяжело болен⁷⁹. В октябре 1943 г. решением бюро Отдела литературы и языка АН СССР была создана Московская группа Института востоковедения под руководством Крачковского. Игнатий Юлианович читает в Москве лекции по истории арабской литературы в Исторической библиотеке, участвует в работе Архивно-музейной комиссии.

В мае 1944 г. самоотверженный труд ученого во время войны был отмечен орденом Ленина и медалью «За оборону Ленинграда». В 1945 г. Игнатию Юлиановичу

⁷⁵ «По правде сказать, — вспоминала Вера Александровна, — очень жутко было слушать чей-либо доклад, зная, что в одном из кабинетов института доживает, лежа последние часы, один из сотрудников» (Там же. С. 316).

⁷⁶ Там же. С. 320.

⁷⁷ Там же. С. 321.

⁷⁸ «Арабская географическая литература», самый крупный из трудов Крачковского, увидела свет только в четвертом томе посмертного собрания: *Крачковский И.Ю. Избр. соч.* Т. 4. Арабская географическая литература. М.; Л., 1957. В 1963 г. книга вышла на арабском языке под эгидой Лиги арабских государств и также выдержала несколько изданий.

⁷⁹ Врачи, осмотревшие Крачковского после эвакуации, насчитали у него семь заболеваний (*Долинина А.А. Невольник долга.* С. 325).

был вручен второй орден Ленина — за выдающиеся заслуги в развитии науки и в связи с 220-летием АН СССР, а также медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Тогда же вышла из печати его книга «Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях», родившаяся в условиях вынужденного творческого простоя, когда полноценные занятия наукой в отрыве от библиотеки и рабочих материалов оказались невозможны. Это цикл мемуарных очерков не столько о себе, сколько о своей жизни в науке, о муках научного поиска, ведущих к новым открытиям, и встречах на этом пути. Написанный с подлинным литературным мастерством и удивительным лиризмом, он сразу же встретил восторженный отклик множества читателей — в том числе далеких от арабистики⁸⁰. Академик И.И. Толстой писал И.Ю. Крачковскому: «Читал неотрывно: очаровало все — и содержание, и форма, и тон письма. Прельщает и новизна, так сказать, открытого Вами нового жанра: повесть на тему о том, что составляет для каждого истинного ученого главный интерес его научной жизни, на тему о самом материале его изысканий»⁸¹. А для студента первого курса историко-филологического факультета Казанского университета Петра Грязневича, в будущем крупнейшего отечественного арабиста и достойного продолжателя дела Крачковского, случайное знакомство с его книгой стало поистине судьбоносным: «Для меня она решила выбор пути. Бесформенный мир вдруг сразу обрел полюса... Я написал И.Ю. Крачковскому и скоро получил ответ, поразивший меня эпическим спокойствием и домашними интонациями. Осенью 1948 г. я поступил на восточный факультет Ленинградского университета, а скоро вошел и в те комнаты с ясеневыми шкафами, которые описаны в книге»⁸². В 1945–1948 гг. книга «Над арабскими рукописями» выдержала три издания, была переведена на многие языки мира, а в 1951 г. Игнатий Юлианович посмертно был удостоен за нее Сталинской премии 1-й степени.

Вернувшись в Ленинград, Крачковский уже в сентябре 1944 г. возглавил кафедру арабской филологии на только что восстановленном Восточном факультете и был избран членом его Ученого совета. На плечи Игнатия Юлиановича легла огромная нагрузка, в том числе и учебная — преподавателей не хватало, и маститому академику на первых порах приходилось даже вести занятия по арабскому языку для студентов первого курса. Помимо этого, разумеется, читались авторские курсы, как давние, так и вновь разработанные: «Введение в арабскую филологию», «История арабской литературы», «Чтение Корана с научным комментарием», «Введение в эфиопскую филологию», курс сирийского диалекта арабского языка.

В октябре 1950 г. Крачковский добился организации группы арабистов и возобновления ее заседаний при секторе восточных рукописей Института востоковедения, оставленном в Ленинграде после того, как головной институт был переведен в Москву. Все это отнимало много сил, притом что здоровье Игнатия Юлиановича было серьезно подорвано, и во второй половине 1940-х гг. он много и часто болел. К тому же осложняла ситуацию очевидная двойственность его положения в по-

⁸⁰ «Сторонняя оценка книжки значительно превзошла мою собственную, а это бывало со мной в научной жизни далеко не всегда» (Крачковский И.Ю. Испытание временем. С. 566).

⁸¹ Цит. по: Фролова О.Б. Игнатий Юлианович Крачковский. С. 26.

⁸² Грязневич П.А. В поисках затерянных городов: Йеменские репортажи. М., 1982. С. 172–173.

слевоенные годы. С одной стороны — заслуженное признание и непререкаемый авторитет в научном мире, как в Советском Союзе, так и за рубежом⁸³. С другой — к концу 1940-х гг. началась пресловутая «борьба с космополитизмом», и с новой силой возобновились идеологические кампании по проработке деятелей науки и культуры, в числе которых оказался и академик Крачковский. За грубыми нападениями в прессе последовали специальные заседания Ученого совета Ленинградского отделения Института востоковедения в марте 1949 г., на которых и сам Игнатий Юлианович, и его ученики и коллеги (В.И. Беляев, А.М. Беленицкий и др.), вопреки обычному сценарию подобных собраний, держались достойно и убедительно демонстрировали абсурдность выдвинутых обвинений.

В 1948 г., подводя итоги жизни, Игнатий Юлианович пишет — изначально без малейшего расчета на публикацию — автобиографическое эссе «Испытание временем»⁸⁴, фрагменты которого уже неоднократно цитировались в этом очерке. Это своего рода послесловие к книге «Над арабскими рукописями», опыт трезвой и беспощадно-пессимистичной авторефлексии. Крачковский характеризует основные черты своего умственного склада: аналитичность интеллекта в ущерб синтезу при широте и разнообразии интересов, что не только обусловило его универсализм как арабиста⁸⁵, но и привело к некоторой тематической разбросанности, проявившейся и в учебных курсах, и в научных трудах⁸⁶. Общий же итог, по мнению ученого, неутешителен: «Сделано мною мало или, может быть, вернее, меньше, чем я мог бы сделать, однако сделано нужное в свое время и балласта в этом почти не было. <...> Тем не менее, часто я повторяю горькие слова Шаляпина: “Не удалась жизнь, не удалась!” — и, если бы я мог, я плакал бы горькими старческими слезами бессилия. Иногда вспоминается мне “Сказка о рыбаке и рыбке” — может быть, и я слишком многого желал в своей научной жизни и поэтому в наказание остался под старость с разбитым корытом»⁸⁷.

Пытаясь сберечь остаток сил для научной работы, Игнатий Юлианович в конце 1950 г. оставляет руководство университетской кафедрой. Но дни его были уже сочтены: в ночь на 24 января 1951 г. он скоропостижно скончался в результате сердечного приступа. Тело академика Крачковского было предано земле на Литераторских мостках Волкова кладбища. В январе 1974 г. в той же могиле похоронили Веру Александровну Крачковскую.

Научное наследие Игнатия Юлиановича Крачковского огромно. Ни шесть томов «Избранных сочинений» (1955–1960), подготовленные сразу после его кончины

⁸³ В разные годы Крачковский был избран членом Арабской Академии наук в Дамаске (1923), Польского востоковедного общества и Азиатского общества Франции (1928), Немецкого востоковедного общества (1934), Исламской исследовательской ассоциации в Бомбее (1935), Иранской Академии наук (1944), Бельгийской Академии наук, Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, Польской Академии наук и Фламандской Академии наук (1946), Азиатского института в Нью-Йорке (1947).

⁸⁴ Крачковский И.Ю. Испытание временем. С. 564–596.

⁸⁵ «В сфере арабской литературы, если продолжить итог в том же направлении, мой охват был, пожалуй, шире, чем у рядового западного ученого. Я интересовался ею с начала до конца. Меня влекла и мусульманская литература, и христианская — сабейская, доисламская, средневековая и новая; восток халифата, и Андалус, и Кавказ; и поэзия, и географическая литература, и письменность в самом широком смысле, и наука вплоть до офтальмологии» (Там же. С. 584).

⁸⁶ Там же. С. 582.

⁸⁷ Там же. С. 587.

Могила И.Ю. и В.А. Крачковских на Литераторских мостках
(источник: <https://instytutpolski.pl/petersburg/2019/11/05/во-имя-памяти>,
дата обращения 04.09.2021)

усилиями Веры Александровны и ближайших учеников, ни позднейшие публикации не дают о нем полного представления: многие работы до сих пор остаются в архиве и ждут исследования и публикации. Крачковский фактически создал школу советской арабистики, став связующим звеном между великими востоковедами дореволюционной эпохи и своими учениками — как старшего поколения (И.Н. Винников, В.И. Беляев), так и теми, кто учился у него уже в послевоенные годы (П.А. Грязневич, Б.Я. Шидфар, А.А. Долинина). В известном смысле вся «университетская арабистика — это поминание великого Игнатия Юлиановича Крачковского»⁸⁸.

В 2010 г. Институт востоковедения РАН учредил медаль И.Ю. Крачковского — ею награждаются отечественные и зарубежные ученые, внесшие выдающийся вклад в востоковедные исследования, а также зарубежные общественные деятели за усилия по установлению связей между Россией и странами Востока.

⁸⁸ Стеблин-Каменский И.М. Михаил, сын Бориса // Scripta Yemenica: Исследования по Южной Аравии: Сборник научных статей в честь 60-летия М.Б. Пиотровского. М., 2004. С. 6.

Николай Петрович Лихачев (1862–1936)

М.В. Поникаровская

Выдающийся историк, источниковед и коллекционер Николай Петрович Лихачев¹ родился 12 (24) апреля 1862 г. в Казанской губернии в семье отставного штаб-ротмистра Петра Федоровича Лихачева² и его супруги Клавдии Петровны Андреевой³. Петр Лихачев принадлежал к старинному дворянскому роду, документально известному в России с конца XV столетия. Родоначальником его считался некий Франсбек, сын Флорентийского владетеля, выехавший в 1264 г. в Польшу. Потомок Франсбека прибыл в Новгород, принял закон греческого вероисповедания, стал именоваться Андреем и получил прозвание «Лихач». Сыновья Андрея — Дмитрий «Дружина», Матвей «Кошка» и Никита — положили начало трем ветвям рода Лихачевых, первая и третья из которых пресеклись, а вторая продолжается по сей день⁴.

Детство будущего ученого прошло в родовом имении Лихачевых — Полянки-Никольское. Мальчик рос в окружении книг: в доме имелась богатейшая библиотека, которая регулярно пополнялась со второй половины XVIII в. Собираением книг первым увлекся прадед Николая — Александр Логинович Лихачев⁵. Следующие поколения бережно сохраняли и приумножали книжные богатства семьи.

¹ В качестве заставки использована фотография Н.П. Лихачева 1904 г. (СПбФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 37. Л. 8).

² Лихачев Петр Федорович (1833–1904) — помещик, штаб-ротмистр, отец Н.П. Лихачева. Служил в лейб-гвардии Кирасирском Ее Величества полку. В 1862 г. унаследовал родовое имение семьи Лихачевых — Полянки-Никольское в Спасском уезде Казанской губернии.

³ Лихачева Клавдия Петровна (урожд. Андреева; 1834–1920) — дочь полковника П.Я. Андреева, мать Н.П. Лихачева.

⁴ Головин П.А. Дворянский род Лихачевых в истории России. К 150-летию со дня рождения академика Н.П. Лихачева // Вспомогательные исторические дисциплины. 2013. Т. 32. С. 513.

⁵ Лихачев Александр Логинович (1752 (1754?)–1814) — казанский помещик, библиофил, прадед Н.П. Лихачева. Служил в лейб-гвардии Семеновском полку, в 1773 г. уволился в отставку с чином подпоручика. В 1782–1785 гг. находился «по выбору» от дворян в Казанском Верхнем земском суде заседателем, в 1787–1803 гг. был депутатом в Казанском дворянском собрании. С 1798 г. по 1804 г. являлся директором Главного народного училища в Казани. В 1800 г. произведен в надворные советники. В 1807 г. избран предводителем дворянства Мамадышского уезда. Был членом и, вероятно, основателем масонской ложи «Восходящего солнца», созданной в Казани в 1776 г.

Вот что писал позднее Н.П. Лихачев о своем отце: «По наклонностям своим Петр Федорович не был археологом и собирателем книг, но книги он ценил и обращался с ними бережно и любовно»⁶. При этом много внимания уделялось не только пополнению книжной коллекции, главным образом, печатными изданиями, но также их разбору и каталогизации.

Одним из первых увлечений Николая Лихачева стала нумизматика. В автобиографии он вспоминал, что «родовая страсть к археологии сказалась очень рано» и в четвертом классе гимназии он «углубился в нумизматику»⁷. Вероятно, способствовало возникновению этой «страсти» несколько обстоятельств. Казанская губерния, где вырос будущий историк, богата кладами монет, которые оседали на древних торговых путях, а коллекционирование было популярным и распространенным занятием среди любителей древностей⁸. Одним из таких коллекционеров был дядя Н.П. Лихачева Андрей Федорович Лихачев⁹, чья личность, несомненно, оказала влияние на формирование интересов и пристрастий юного Николая.

В августе 1876 г. в возрасте 14 лет юноша начал заниматься нумизматикой¹⁰. Следует отметить, что с самого начала коллекционирования монет он параллельно изучал и книги как по теоретической, так и по практической нумизматике. В 1877 г. он начал вести рукописный каталог своего собрания, которое активно пополнялось, главным образом, за счет подарков от родственников¹¹. Его коллекция включала в себя монеты и медали всех стран и народов, но преобладали в ней русские монеты. Такой разнородный состав был характерен для нумизматического собрания Н.П. Лихачева не только в начале его коллекционерской деятельности, но и в более поздние годы. Это можно объяснить не только широтой его интересов как ученого, но еще и тем обстоятельством, что коллекция монет выступала для него вспомогательным материалом в ходе исследований в различных областях исторической науки.

В 1880 г. Н.П. Лихачев окончил полный курс Второй Казанской гимназии с золотой медалью и поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. К этому времени круг его исследовательских интересов почти полностью сформировался. На втором году обучения в университете, в 1881 г.,

⁶ Лихачев Н.П. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. СПб., 1913. С. 85.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 7. Л. 54.

⁸ Гурулева В.В. Нумизматика в жизни и трудах Н.П. Лихачева // Вспомогательные исторические дисциплины. 1998. Т. 26. С. 19–20.

⁹ Лихачев Андрей Федорович (1832–1890) — археолог, нумизмат, коллекционер древностей и живописи; член-корреспондент (1865), действительный член (1878) Русского археологического общества; действительный член Московского археологического общества (1886). Окончил физико-математический факультет Казанского университета (1848–1853). В 1853 г. поступил на службу в канцелярию казанского губернатора, но уже в 1858 г. вышел в отставку по болезни. Увлёкся собиранием древностей и монет. Занимался также изучением древней истории и археологии Поволжья. В состав его коллекции входило почти 40 тыс. предметов археологии и этнографии, включая около 25 тыс. монет и медалей и более 400 живописных полотен, а также 1,5 тыс. книг по археологии и нумизматике. Особенно ценным считалось его собрание восточных монет. На основе этой коллекции древностей, выкупленной у вдовы его братом вице-адмиралом И.Ф. Лихачевым и переданной в 1891 г. в дар городу, был образован Казанский городской научно-промышленный музей (1895; совр. Национальный музей Республики Татарстан).

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 135. Л. 297.

¹¹ Гурулева В.В. Нумизматика... С. 22.

Н.П. Лихачев был избран в члены-сотрудники Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. От имени этого общества он неоднократно командировался в уезды Казанской губернии для проведения раскопок и других исследований древностей. В тот же период его внимание привлекла случайно обнаруженная в семейной библиотеке разрядная книга, изучение которой поставило перед начинающим ученым ряд критических вопросов, связанных с происхождением и достоверностью сведений, содержащихся в этом издании¹². Тщательному исследованию темы разрядных книг Н.П. Лихачев посвятил свое диссертационное сочинение.

29 мая 1884 г., после окончания Императорского Казанского университета и публичной защиты подготовленной им диссертации «О разрядных книгах», постановлением Совета университета Н.П. Лихачев был утвержден в степени кандидата историко-филологических наук. В тот же день в заседании Совета Казанского университета было произведено баллотирование, результаты которого Совет утвердил своим постановлением от 30 мая 1884 г.: молодой ученый был «оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по русской истории, без назначения ему содержания»¹³.

Предложение остаться при университете поступило Н.П. Лихачеву сразу от нескольких профессоров. Так, Н.А. Осокин¹⁴ желал видеть его на кафедре всеобщей истории, а Д.А. Корсаков¹⁵ — на кафедре русской истории¹⁶. Молодой ученый выбрал второй вариант. Следует отметить, что в конце университетского курса Н.П. Лихачев уже определил для себя, что его интерес в гораздо большей степени вызывают «архивные и кабинетные разыскания», при наличии «хладнокровного отношения» к педагогической деятельности и «полного отвращения» к деятельности административной¹⁷.

В 1886 г., после сдачи магистерских экзаменов, Н.П. Лихачев отправился в командировку в Петербург и Москву для работы в архивах и библиотеках с целью продолжения изучения материалов о разрядных книгах. Однако, погрузившись в работу с документами Разрядного приказа, ученый заинтересовался историей самого этого приказа и задумался о возможности посвятить будущую диссертацию именно этому вопросу¹⁸. Но обилие материалов Разрядного приказа вынудило Н.П. Лихачева ограничить рамки своего исследования. Новая тема сначала была обозначена им как «Внешняя история Разряда в XVI столетии», а в итоге стала еще более узкой — «Разрядные дьяки XVI века».

¹² Валк С.Н. Николай Петрович Лихачев // Вспомогательные исторические дисциплины. 1978. Т. 9. С. 335.

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 17. Л. 1 об.

¹⁴ Осокин Николай Алексеевич (1843–1895) — историк-медиевист, генеалог, общественный деятель; ординарный профессор Казанского университета по кафедре всеобщей истории (1872).

¹⁵ Корсаков Дмитрий Александрович (1843–1919) — историк; профессор (1881), декан историко-филологического факультета (1900–1905) Казанского университета.

¹⁶ Валк С.Н. Ук. соч. С. 335.

¹⁷ Бычкова М.Е. Николай Петрович Лихачев (12(24).04.1862–14.04.1936) // Труды Института российской истории. 2006. Вып. 6. С. 18.

¹⁸ Валк С.Н. Николай Петрович Лихачев... С. 336–337.

В 1888 г. монография «Разрядные дьяки XVI века», в которой автор предложил собственную теорию происхождения родословных книг в России, была опубликована¹⁹. Важной особенностью этого большого труда, объемом около 40 печатных листов, является его источниковедческий характер. По словам самого Н.П. Лихачева, он старался не оставлять ни одного рукописного источника без описания, которое давало бы возможность судить о его содержании, значении и степени критической достоверности²⁰.

Следует отметить, что эта книга стала первым серьезным исследованием по данному предмету в отечественной историографии. В ней представлены сведения по истории Разрядного приказа и его дьяков вплоть до начала XVII в., рассмотрены такие проблемы, как время возникновения и организация деятельности приказа, социально-политическая роль дьячества, наследственная передача должностей и происхождение их древнейших родов. Также автором затронуты вопросы о различных редакциях родословных книг и значении родословных росписей XVII в. как генеалогического источника. В качестве приложения в монографии помещена хронологическая таблица разрядных дьяков с указанием их имен, фамилий и годов службы в должности.

Дело же с защитой магистерской диссертации по опубликованной монографии, которая должна была пройти в Казанском университете, обстояло непросто. В ученых кругах Петербурга Н.П. Лихачеву был оказан очень теплый прием. Молодой историк даже был представлен императорской чете. Эта честь, которой он был удостоен, по его собственным словам, очень повредила ему: казанские ученые, очевидно, испытывая зависть к успехам своего молодого коллеги, «наградили» его «глухим недоброжелательством, колкостями, едкими намеками»²¹. По словам Н.П. Лихачева, ему не один раз намекали и однажды даже высказали напрямую, что после представления Государю «и совсем посредственная работа должна сойти за хорошую»²².

Защита диссертации Н.П. Лихачева состоялась 5 февраля 1889 г. Несмотря на то, что диспут прошел вполне удачно, ученый был разочарован его итогом. Подготовив такой капитальный труд, он рассчитывал получить степень доктора. Но отзыв Д.А. Корсакова на его работу был очень умеренным, что отрезало возможность поставить вопрос о присвоении Н.П. Лихачеву докторской степени, поэтому ему была присуждена степень магистра русской истории.

Однако всего через три года Н.П. Лихачев смог успешно защитить докторскую диссертацию по другой монографии — «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве: историко-археографический очерк»²³. Эта работа имела прямую связь с предшествовавшими ей источниковедческими изысканиями ученого. По словам Н.П. Лихачева, критика актов привела его к изучению мате-

¹⁹ Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века: опыт исторического исследования. СПб., 1888.

²⁰ Валк С.Н. Ук. соч. С. 337.

²¹ Медведев И.П. «Меня манят архивы, пока я молод» (малоизвестные страницы биографии Н.П. Лихачева) // Вспомогательные исторические дисциплины. 2005. Т. 29. С. 281.

²² Там же.

²³ Лихачев Н.П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве: историко-археографический очерк. СПб., 1891.

риала, на котором они были писаны, — бумаги, исследованию ее истории и установлению высокой палеографической ценности водяных бумажных знаков — филиграней²⁴. В своей книге автор не только освещает вопрос появления бумажных мельниц в Московском государстве, но и знакомит читателей с основными понятиями, принципами и методиками датировки тряпичной и более поздней, древесной бумаги.

Между тем с защитой этой работы в Казанском университете ситуация складывалась так же сложно, как и с предыдущей. По мнению Д.А. Корсакова, новый труд Н.П. Лихачева не мог быть представлен в качестве диссертации, поскольку предмет его исследования имел отношение не к русской истории, а к русской и общей палеографии и археологии. Несмотря на сопротивление со стороны Д.А. Корсакова, большинство других членов историко-филологического факультета выступили за представление к защите работы Н.П. Лихачева²⁵.

Защита состоялась 3 мая 1892 г. Вот как описывал ее декан факультета Д.Ф. Беляев²⁶: «Он защищался очень хорошо, тактично и сдержанно, так что сам Корсаков признал его защиту удовлетворительною, хотя и остался при прежнем мнении относительно диссертации. Объявление о признании Николая Петровича доктором было встречено рукоплесканиями...»²⁷.

Наряду с ведением научной работы, Н.П. Лихачев продолжал активно заниматься коллекционированием. В 1880-е гг. его собирательский интерес, помимо монет, распространился также на письменные памятники и документы. Еще в студенческий период жизни в Казани у молодого ученого «образовалось небольшое собрание отдельных документов XVII–XVIII столетий», имевшее отношение к служилым людям Поволжья²⁸. Во время пребывания в командировке в Москве и Санкт-Петербурге и в последующие годы Н.П. Лихачев установил тесные связи с известными российскими антикварами: П.П. Шибановым²⁹, И.Л. Силиным³⁰, Большаковыми³¹, Ф.Г. Шиловым³² и др. Сам ученый видел назначение своего занятия коллекционированием в следующем: «Цель и смысл моего собирательства — история документа, писанного и печатного <...> начинающая с первых цивилизаций»³³.

²⁴ Валк С.Н. Николай Петрович Лихачев... С. 337.

²⁵ Медведев И.П. «Меня манят архивы, пока я молод»... С. 282.

²⁶ Беляев Дмитрий Федорович (1846–1901) — филолог-классик; член-корреспондент ИАН (1893). Доцент (1877), профессор по кафедре греческой словесности (1878), декан (1883–1897) историко-филологического факультета Казанского университета.

²⁷ Цит. по: Медведев И.П. Ук. соч. С. 282–283.

²⁸ Базарова Т.А. «Альбом петровского навигатора» из собрания Н.П. Лихачева: Археографическое введение // Альбом петровского навигатора / Отв. ред. Т.А. Базарова, Д.Н. Копелев; вступ. ст. Д.Н. Копелева, археогр. введ. Т.А. Базаровой. СПб., 2016. С. 30.

²⁹ Шибанов Павел Петрович (1864–1935) — антиквар-букинист, книготорговец, библиограф.

³⁰ Силин Иван Лукич (1837–1893) — антиквар-букинист, коллекционер.

³¹ Большаковы — династия книготорговцев и антикваров. Фирма Большаковых, созданная Тихоном Федоровичем Большаковым (1794–1863), просуществовала с начала XIX в. до 1917 г. Дело, начатое Т.Ф. Большаковым, продолжили его сын Сергей Тихонович Большаков (1842–1906) и внуки Дмитрий Сергеевич и Николай Сергеевич.

³² Шилов Федор Григорьевич (1879–1962) — антиквар-букинист, коллекционер.

³³ Цит. по: Пудов Г.А. О предметах из коллекции Н.П. Лихачева в Отделе народного искусства Русского музея // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1 (9). С. 275.

Еще одним направлением деятельности Н.П. Лихачева как коллекционера являлось собирание икон и произведений прикладного искусства, в том числе русского народного: штампов, перстней, древних печатей, античных глиняных сосудов, остраков, пряничных досок, ключей, изразцов и пр. Со второй половины 1880-х гг. почти каждое лето Н.П. Лихачев совершал поездки по России с целью исследования русских древностей, а также, при наличии возможности, пополнения своих коллекций. В 1892 г. состоялось его первое путешествие по Западной Европе, в ходе которого он знакомился с музеями, архивами и библиотеками, а кроме того, с рынком старинных книг, рукописей и древностей³⁴. Эти поездки в страны Европы, а также Египет и Турцию, ставшие регулярными, почти прекратились в 1914 г., с началом Первой мировой войны.

Еще в 1888 г. Н.П. Лихачев был зачислен приват-доцентом в Казанский университет, но к преподаванию в нем так и не приступил, хотя формально оставался в этой должности до 1895 г. После присуждения докторской степени ученый переехал в Петербург, где в 1892 г. начал читать лекции в Санкт-Петербургском археологическом институте. В 1894 г. он основал там кафедру дипломатики и сфрагистики и стал первым в истории отечественной высшей школы преподавателем сфрагистики. В Археологическом институте Н.П. Лихачев проработал до 1922/23 учебного года, когда это учреждение было преобразовано в Отделение археологии и истории искусств факультета общественных наук Петроградского университета.

В 1895 г. ученый также начал преподавать на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета в должности приват-доцента по кафедре русской истории. В 1895–1901 гг. он читал там лекции в рамках курса «Документальное источниковедение русской истории». В университете Н.П. Лихачев работал до 1903 г., а позднее, в 1923 г., возобновил свою преподавательскую деятельность в нем уже в качестве профессора, после слияния Археологического института с факультетом общественных наук.

10 мая 1894 г. Н.П. Лихачев был избран в члены Петербургской Археографической комиссии. Следует отметить, что работа в этом учреждении принесла ученому, ранее не имевшему даже низшего чина по Табели о рангах, статус государственного служащего, преподавание же в Археологическом институте службой не считалось³⁵. 7 февраля 1895 г. Н.П. Лихачев был утвержден в чине коллежского асессора и получил, таким образом, право на выслугу и пенсию.

Деятельность Н.П. Лихачева в Археографической комиссии была многогранна и плодотворна. Во-первых, ученый публиковал результаты своей научно-исследовательской работы в изданиях комиссии. Так, в 1897 г. вышел его небольшой труд «Государев родословец и род Адашевых»³⁶ в виде отдельного оттиска, напечатанного «по распоряжению Археографической комиссии». Состав и время создания Государева родословца были им установлены еще в монографии «Разрядные дьяки XVI века». В той же книге он выделил и датировал его самостоятельную редакцию — Государев родословец 1555 г. А в работе «Государев родословец и род Ада-

³⁴ Базарова Т.А. «Альбом петровского навигатора»... С. 30.

³⁵ Смирнова Т.Г. Н.П. Лихачев и Археографическая комиссия (к биографии ученого) // Вспомогательные исторические дисциплины. 2005. Т. 29. С. 300.

³⁶ Лихачев Н.П. «Государев родословец» и род Адашевых СПб., 1897.

шевых» Н.П. Лихачев сделал ряд интересных выводов в отношении редакции Государева родословца, предшествовавшей 1555 г. Ученый также выступил редактором многостраничного выпуска № 11 научного журнала «Летопись занятий Археографической комиссии», опубликованного в 1903 г.

В 1904 г., в связи с увеличением ассигнования на деятельность комиссии более чем в два раза и в целях повышения результативности ее работы, в учреждении были созданы специальные редакционные комиссии, организованные для предварительного обсуждения предлагаемых изданий и постоянного наблюдения за их публикацией. Н.П. Лихачев возглавил комиссию по изданию родословцев и разрядных книг³⁷. Участвовал он и в деятельности комиссии по изданию летописных памятников.

Кроме того, Н.П. Лихачев проводил большую работу по экспертизе ценности документов, поступавших в комиссию. Его заключения на эти документы подготавливались с присущей ученому тщательностью и носили исследовательский характер. Важное значение имело и участие ученого в решении вопроса о разработке правил хранения памятников письменности архивного собрания комиссии. Такие правила были разработаны на специальном совещании под руководством Н.П. Лихачева, о чем им было доложено на заседании комиссии 3 апреля 1907 г.³⁸ Подготовленный документ, состоявший из семи пунктов, был утвержден комиссией. Членом Археографической комиссии Н.П. Лихачев оставался до 1930 г., отдав работе в этом учреждении в общей сложности более 35 лет.

На протяжении всей жизни Н.П. Лихачев являлся членом множества научных обществ. Еще во время обучения в Казанском университете, как уже упоминалось выше, он был принят в члены Общества археологии, истории и этнографии, действовавшего при этом университете. 15 марта 1888 г. молодого ученого избрали в члены-сотрудники Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, а всего через два месяца, 16 мая 1888 г., он стал его действительным членом.

В 1892 г. Н.П. Лихачев был принят в члены Московского нумизматического общества. В 1896 г. он вступил в Московское археологическое общество. Годом позже, в 1897 г., ученый принял участие в организации Русского генеалогического общества как член-учредитель, а также вошел в состав его Совета. В 1905 г. он был избран действительным членом Историко-родословного общества в Москве, а 8 января 1915 г. стал его почетным членом³⁹.

В 1910 г. Н.П. Лихачева избрали членом Русского исторического общества, а 1 февраля 1915 г. — почетным членом Петроградской духовной академии. В разные годы ученый также являлся членом Общества любителей древней письменности, Русского археологического института в Константинополе, Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III и ряда других научных обществ.

В начале 1894 г., ставшего для Н.П. Лихачева важной вехой с точки зрения служебной карьеры, произошло значимое событие и в его личной жизни: 31 января

³⁷ Смирнова Т.Г. Ук. соч. С. 301.

³⁸ Смирнова Т.Г. Ук. соч. С. 309.

³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 10. Л. 11.

Н.П. Лихачев и Н.Г. Лихачева
после свадьбы. 1894 г.
(СПбФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 38. Л. 4)

он сочетался браком с Н.Г. Карповой⁴⁰, дочерью историка Г.Ф. Карпова⁴¹, дом которого молодой ученый нередко посещал во время своего пребывания в Москве. Венчание Н.П. Лихачева и Н.Г. Карповой прошло в московской Церкви Иверской Божией Матери⁴².

Брак оказался счастливым. В семье Лихачевых появилось девять детей⁴³: Сергей (род. 1894), Анна (род. 1898), Геннадий (род. 1899), Наталья (род. 1900), Клавдия (род. 1902), Алексей (род. 1904), Мария (род. 1905), Иван (род. 1907), Петр (род. 1910). Н.Г. Лихачева всецело поддерживала увлечения и интересы мужа. С большим уважением относилась к зятю и мать Н.Г. Лихачевой А.Т. Карпова⁴⁴, происходящая из семьи промышленников Морозовых. Солидный капитал семьи супруги Н.П. Лихачева стал одним из главных источников средств для пополнения его обширной коллекции.

А.Т. Карпова, заботясь о благополучии многодетной семьи и будущем внуков, сочла необходимым построить для Лихачевых

собственный большой дом. В марте 1902 г. на ее средства был приобретен участок земли на Петрозаводской улице⁴⁵. В 1903 г. на этом месте был возведен двухэтажный особняк с высоким первым этажом и глубоким, хорошо укрепленным подвалом. Примечательно, что дом проектировался не только как место проживания семьи, но и как место хранения и изучения археологических и документальных памятников, составлявших собрание Н.П. Лихачева. В 1912 г. было получено разрешение надстроить еще один этаж. После того как особняк стал трехэтажным, весь верхний этаж был отдан в пользование детям, на втором располагались большая столовая, гостиная, спальни родителей и гостевые комнаты, а на первом этаже находилась огромная библиотека и коллекции Н.П. Лихачева, которые так быстро разрастались, что постепенно заняли также лестницу и коридор на втором этаже⁴⁶.

⁴⁰ Карпова Наталия Геннадьевна (1873–1960) — дочь Г.Ф. Карпова, жена Н.П. Лихачева.

⁴¹ Карпов Геннадий Федорович (1839–1890) — историк, специалист по истории Украины XV–XVII вв.

⁴² СПбФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 9. Л. 1.

⁴³ Десятый ребенок, мальчик, умер во младенчестве.

⁴⁴ Карпова Анна Тимофеевна (урожд. Морозова; 1849–1924) — дочь купца Т.Ф. Морозова, жена историка Г.Ф. Карпова.

⁴⁵ Панченко Е.З. Петрозаводская, 7 — Дом Н.П. Лихачева // Фонтанка. Культурно-исторический альманах. 2017. № 22. С. 7.

⁴⁶ Там же. С. 8–9.

В 1899 г. Н.П. Лихачев опубликовал обширный труд по палеографии «Палеографическое значение бумажных водяных знаков»⁴⁷. Это исследование, состоящее из трех отдельных томов, ученый посвятил описанию и изучению бумажных водяных знаков XIII–XIX вв. В первой части издания, носящей название «Исследование и описание филигрanei», внимание автора уделено таким вопросам, как время появления бумаги и виды ее форматов, возникновение филигрanei, приемы определения недатированных рукописей, и некоторым другим. Вторая часть содержит предметный и хронологический указатели бумажных водяных знаков по основным типам и вариантам в алфавитном порядке, а третья представляет собой альбом снимков с изображениями бумажных водяных знаков.

В конце 1901 г. научные достижения Н.П. Лихачева в различных областях исторических дисциплин получили официальное признание: 1 декабря 1901 г. он был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук по разряду историко-политических наук Историко-филологического отделения.

13 июля 1902 г. Н.П. Лихачев, по инициативе директора Императорской Публичной библиотеки Д.Ф. Кобеко⁴⁸, был назначен помощником директора библиотеки. Должности, занимаемые им в других учреждениях, он сохранил за собой. Служба в библиотеке способствовала упрочению общественного положения ученого, а также приносила 3,5 тыс. руб. годового содержания, включая 1,5 тыс. руб. жалования, 1,2 тыс. руб. «столовых» и 800 руб. «квартирных денег»⁴⁹.

В библиотеке Н.П. Лихачев вел деятельность по различным научным направлениям: углубленно занимался библиографией, изучал историю письменности, прессы, переплетов и автографов, а также литературу, посвященную альдинам⁵⁰, эльзевирам⁵¹ и инкунабулам. Пребывая в многочисленных зарубежных поездках, ученый обращал внимание на постановку библиотечного дела в Европе. Кроме

Н.П. Лихачев в Италии
(СПбФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 37. Л. 16)

⁴⁷ Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1–3. СПб., 1899.

⁴⁸ Кобеко Дмитрий Фомич (1837–1918) — государственный деятель, историк, библиограф; член-корреспондент ИАН (1890). Директор Публичной библиотеки (1902–1918).

⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 17. Л. 1 об.

⁵⁰ Альдины — книги (около 1100), изданные в 1495–1597 гг. в Венеции династией книгопечатников Мануциев: Альдом Мануцием Старшим, его сыном Паоло и внуком Альдом Младшим.

⁵¹ Эльзевиры — издания голландского типографского предприятия конца — начала XVIII вв., принадлежавшего династии книгоиздателей, занимавших ведущее положение в европейском книгопечатании

того, он уделял время разработке вопросов комплектования библиотеки, способствовал пополнению ее фондов отсутствовавшими изданиями, а также принимал участие в решении проблемы обоснования расширения штатов библиотеки и совершенствования их структуры. Во время отъездов Д.Ф. Кобеко Н.П. Лихачев неоднократно исполнял обязанности директора Публичной библиотеки.

Продолжал Н.П. Лихачев и свои научные изыскания. В 1906 г. им было опубликовано большое двухтомное издание «Материалы для истории русского иконописания»⁵², получившее высокую оценку самых авторитетных знатоков истории древнерусского искусства. В этой работе наглядно воспроизведена эволюция византийской, итало-греческой, а также древнерусской иконной живописи, отличавшейся многообразием иконописных школ — Новгородской, Псковской, Московской, Строгановской, Палехской и ряда других, каждая из которых обладала своими уникальными стилевыми особенностями. В 1908 г. за этот монументальный труд, внесший значительный вклад в изучение русской живописи, Н.П. Лихачеву была присуждена большая золотая медаль Русского археологического общества⁵³.

В 1913 г. Н.П. Лихачев решил расстаться со своей исключительной по полноте и редкости коллекцией икон, собиранию которой посвятил более 20 лет. К этому времени количество экземпляров в коллекции превысило 1,5 тысячи. Большая занятость, обусловленная широтой научно-исследовательских интересов, почти не давала ученому возможности сосредоточиться на изучении древнерусской живописи. Кроме того, стала ощущаться и нехватка денежных средств. Ввиду этих обстоятельств он принял решение продать свое собрание икон. Уникальная коллекция была выкуплена для Русского музея, в котором она стала основой открывшегося в 1914 г. Древлехранилища памятников русской иконописи и церковной старины⁵⁴. Материальная ценность этой коллекции единодушно признавалась значительно превышающей полученную за нее владельцем сумму в 300 тысяч рублей⁵⁵, главная же ее ценность в научном отношении, по признанию специалистов, состояла в строгой систематизации экземпляров, позволяющей проследить историю русской иконописи.

30 апреля 1914 г. Н.П. Лихачев завершил свою работу в Публичной библиотеке в чине действительного статского советника. В последующие три года, с 1914 г. по 1917 г., формально он продолжал государственную службу, являясь членом Совета министра народного просвещения.

Покинув библиотеку, Н.П. Лихачев в течение следующих лет тратил все силы и средства на последовательное осуществление плана создания Музея палеографии. Три десятилетия активной собирательской деятельности ученого привели к по-

в XVII веке. Основателем династии стал Лодейвейк Эльзевир, открывший свое издательское предприятие в начале 80-х гг. XVI в. в Лейдене.

⁵² Лихачев Н.П. *Материалы для истории русского иконописания*: Атлас [снимков]. Ч. 1–2. СПб., 1906.

⁵³ Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред. И.В. Тункина. М., 2017. С. 80.

⁵⁴ Базарова Т.А. «Альбом петровского навигатора»... С. 30.

⁵⁵ Климанов Л.Г. Ученый и коллекционер, «известный всей России, еще более Европе» // Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. Л., 1991. С. 429.

явлению уникальной коллекции, состоявшей из десятков тысяч памятников письменности. Постепенно у него созрел замысел Музея палеографии, который виделся ему, прежде всего, исследовательским и научно-просветительским учреждением.

Музей расположился на первом, а также частично на втором этажах особняка на Петрозаводской улице. В нем была представлена письменная культура разных времен и народов: клинописные таблички, папирусные тексты, каменные стелы с надписями, средневековые акты на пергамене, древнерусские рукописные сборники и другие памятники. Собранные Н.П. Лихачевым экземпляры коллекции, размещенные более чем в 430 шкафах, дубовых и красного дерева, были распределены по отделам: памятники иероглифических систем письма, памятники клинописи, памятники греческого, латинского письма и памятники восточного письма.

Первая мировая война нарушила сложившийся уклад жизни Лихачевых, а две революции 1917 г. окончательно его сломали. Как отмечал Л.Г. Климанов⁵⁶, необходимость кормить большую семью, крайняя трудность содержания дома с огромными коллекциями, невозможность печатать научные труды резко изменили образ жизни историка, коллекционера, преподавателя и семьянина⁵⁷.

Кроме того, смириться с установлением новой власти Н.П. Лихачеву, как убежденному монархисту, было, бесспорно, тяжело. Свои политические убеждения он никогда не скрывал, высказывая их публично, в том числе и в прессе. Емко и однозначно свои взгляды ученый обозначил в письме к художнику В.М. Васнецову по поводу одной из его живописных работ: «Ваш “Покров” — знамя для всех нас, монархистов и истинно русских, как нас величают в левой прессе, людей»⁵⁸.

Еще в начале 1900-х гг. Н.П. Лихачев вступил в ряды старейшего монархического объединения России — «Русского собрания». Когда он пришел к выводу, что «для русского народа наступило время образования политических партий», наиболее близким по духу ему оказалось именно «Русское собрание», «поставившее свою задачу содействовать выяснению, укреплению в общественном сознании и проведению в жизнь исконных творческих начал и бытовых особенностей русского народа»⁵⁹.

16 января 1901 г. Н.П. Лихачев принял участие в заседании, на котором был окончательно утвержден проект устава «Русского собрания», а также избраны его руководящие органы. Хотя непосредственного участия в партийной деятельности ученый не принимал, в 1907 г. он выдвигался кандидатом в депутаты Государственной думы Российской империи III созыва по Петербургу от «Союза русского народа» и «Русского собрания» по первому разряду. Однако на выборах в столице монархисты потерпели поражение.

В начале мая 1917 г. Н.П. Лихачеву пришлось оставить особняк в Петербурге под присмотром секретаря и перевезти семью в Москву в дом тещи А.Т. Карповой.

⁵⁶ Климанов Лев Григорьевич (1941–2015) — историк, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН; автор работ, посвященных биографии Н.П. Лихачева и истории его научной и коллекционерской деятельности.

⁵⁷ Климанов Л.Г. Ученый и коллекционер... С. 429.

⁵⁸ Цит. по: Климанов Л.Г. Ук. соч. С. 425.

⁵⁹ Цит. по: Климанов Л.Г. Ук. соч. С. 425–426.

С мая 1917 г. по 1925 г. он делил жизнь между Москвой и Петроградом. В Москве проживала семья, на содержание которой надо было изыскивать средства, в связи с чем ученому приходилось иногда расставаться с отдельными частями своего собрания. В Петрограде же оставался дом, коллекции, библиотека и связанные с ними хлопоты. Н.П. Лихачев пребывал в постоянной тревоге за сохранность своего имущества и коллекций.

В Москве ученый принимал участие в организации архивного дела новой Российской республики. В 1918 г. он стал членом Совета Московского областного управления архивным делом и читал лекции архивным деятелям⁶⁰. В Петрограде Н.П. Лихачев продолжал преподавание в Археологическом институте, занятия в котором возобновились в 1918 г.

17 февраля (2 марта) 1918 г. от Народного комиссара по заведованию дворцами и музеями Республики было получено удостоверение о том, что дом-музей профессора Петроградского археологического института Н.П. Лихачева, «как содержащий особо важные научные собрания, библиотеку и архив по истории и археологии, находится под охраной Рабочего и крестьянского правительства и никаким реквизициям и секвестрам не подлежит»⁶¹. В апреле 1918 г. Н.П. Лихачев передал свой музей и библиотеку в ведение Археологического института, о чем институт 29 апреля уведомил народного комиссара по просвещению⁶². Создатель и бывший владелец музея, теперь функционирующего под названием Палеографического кабинета, смог продолжить в нем работу в качестве хранителя.

6 июня 1919 г. правление Российской государственной археологической комиссии (РГАК) утвердило Н.П. Лихачева временным научным сотрудником по отделу русских древностей, где он активно занялся организацией комиссии по изучению миниатюры: составил «Предположения» о ее задачах, добился издания инструкции по описанию рукописей с миниатюрами, приступил к утверждению штата комиссии и подбору ее личного состава⁶³. Однако в скором времени РГАК была ликвидирована, а ее функции переданы новому учреждению — Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). В ее создании Н.П. Лихачев принял непосредственное участие, поскольку был среди тех, кто 5–7 августа 1919 г. выбирал действительных членов Академии. 16 сентября 1919 г. он стал в РАИМК сотрудником Разряда археологии и искусства раннехристианского и византийского, входившего в Археологическое отделение, а с 1920 г. по 1929 г. — заведующим этим разрядом⁶⁴. В этот период в разряде, главным образом, велось изучение раннесредневековых памятников Причерноморья, в том числе образцов церковного зодчества юга России и Украины, а также их византийских истоков⁶⁵. В РАИМК Н.П. Лихачева дополнительно включили в состав постоянной комиссии по изуче-

⁶⁰ Климанов Л.Г. Ук. соч. С. 430.

⁶¹ СПбФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

⁶² СПбФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁶³ Климанов Л.Г. Ученый и коллекционер... С. 430.

⁶⁴ Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред.-сост. чл.-корр. РАН Е.Н. Носов. СПб., 2013. С. 362.

⁶⁵ Академическая археология... С. 192.

нию миниатюры, к организации которой еще на базе РГАК им было приложено множество усилий, а также в комиссию по нумизматике и глиптике.

Помимо штатной службы в РАИМК/ГАИМК Н.П. Лихачев продолжал участвовать в деятельности Археографической комиссии, где подготовил и опубликовал в 1922 г. «Рогожский летописец»⁶⁶. Рукопись этой летописи, составленной в середине XV в., была обнаружена ученым в 1906 г. в библиотеке старообрядческого Рогожского кладбища, по имени которого и был назван найденный список. Согласие Археографической комиссии на печать этого текста в составе XV тома «Полного собрания русских летописей» Н.П. Лихачев получил еще в 1907 г. Но из-за разрозненности и разобщенности отдельных фрагментов рукописи ее издание было отложено. В конце 1913 г. текст был набран в типографии, но так и не напечатан. Однако с типографского набора были сделаны оттиски, разошедшиеся среди исследователей того времени.

1 августа 1925 г. Н.П. Лихачев был избран в действительные члены Российской академии наук по Отделению русского языка и словесности. Члены Академии, присутствовавшие на Общем собрании, единодушно проголосовали в поддержку кандидатуры Н.П. Лихачева — 12 голосов «за»⁶⁷. Следует отметить, что первая попытка выдвижения Н.П. Лихачева в академики была сделана А.И. Соболевским⁶⁸ еще в 1920 г., но успехом она не увенчалась. Вторая попытка, предпринятая А.И. Соболевским вместе С.Ф. Платоновым⁶⁹ в начале 1924 г., оказалась более удачной.

В 1923 г. Археологический институт вошел в состав Петроградского университета, таким образом частью Петроградского университета стал и Палеографический кабинет. Уже в эти годы Палеографический кабинет существовал как научный центр, объединяющий усилия множества специалистов по описанию, систематизации и публикации памятников. В начале 1925 г. Н.П. Лихачев, тревожась о судьбе своего детища, обратился в Академию наук, через посредство председателя Археографической комиссии С.Ф. Платонова, с просьбой ходатайствовать о передаче Палеографического кабинета из ведения университета в Академию наук, с присоединением его к Археографической комиссии⁷⁰.

7 марта 1925 г. академическое Общее собрание согласилось принять в состав учреждений РАН Палеографический кабинет⁷¹, а уже 1 августа он стал самостоятельным учреждением и получил наименование Палеографического музея⁷². 14 ноября 1925 г. Н.П. Лихачев был избран на должность его директора⁷³, обязанности которого он фактически исполнял с августа 1925 г., а в декабре того же года музей принял своих первых посетителей.

В конце 1929 г. началась реорганизация всей системы научных учреждений, в том числе и Академии наук. 9 ноября 1929 г. С.Ф. Платонов был освобожден

⁶⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 15. 2-е изд. Вып. 1. Рогожский летописец. Пг., 1922.

⁶⁷ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 154. Л. 1.

⁶⁸ Соболевский Алексей Иванович (1856–1929) — филолог-славист, палеограф; ординарный академик ИАН (1900).

⁶⁹ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) — историк; академик РАН (1920).

⁷⁰ Климанов Л.Г. Ученый и коллекционер... С. 432.

⁷¹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 15 об.

⁷² СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 31 об.

⁷³ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 38 об.

от должностей академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и председателя Археографической комиссии в связи с «вопросом о хранении политических документов в АН СССР и учитывая постановление СНК от 5 ноября 1929 г.»⁷⁴. Председателем Археографической комиссии был временно назначен Н.П. Лихачев, но всего через две недели был уволен с этой должности «по собственной просьбе»⁷⁵.

Разворачивалось «Академическое дело». В конце 1929 г. начались аресты сотрудников Академии наук, в первую очередь тех, кто работал в возглавляемых С.Ф. Платоновым учреждениях. Н.П. Лихачев был арестован 28 января 1930 г.⁷⁶ по подозрению в «активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной организации»⁷⁷. Еще до завершения официального следствия по делу, 2 февраля 1931 г. чрезвычайное общее собрание АН СССР на основании «установления факта участия четырех действительных членов Академии наук СССР: С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле⁷⁸, Н.П. Лихачева и М.К. Любавского⁷⁹ в контрреволюционном заговоре» и, в соответствии со статьей 19 Устава Академии, «единогласно» постановило исключить их из числа действительных членов⁸⁰.

Следствие по «Академическому делу» было окончено летом 1931 г. Согласно обвинительному заключению, Н.П. Лихачев был признан одним из создателей контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», якобы ставившей своей целью свержение советской власти и установление конституционно-монархического строя⁸¹. Постановлением коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. ученый был приговорен к высылке в г. Астрахань сроком на 5 лет с зачетом предварительного заключения и без конфискации имущества⁸².

Жизнь Н.П. Лихачева в Астрахани была очень тяжелой. Временами ему приходилось даже голодать, вследствие чего его здоровье резко пошатнулось. 13 августа 1933 г. коллегия ОГПУ в Москве вынесла решение отправить Н.П. Лихачева в Ленинград для прохождения лечения, по прошению жены и вследствие плохого состояния его здоровья⁸³. Получив 17 сентября 1933 г. в Астраханском ОГПУ специальное удостоверение, ученый смог выехать в Ленинград⁸⁴. 4 февраля 1934 г. ему удалось добиться получения паспорта на проживание в Ленинграде сроком на три года «с возвращением в число “научных работников”»⁸⁵.

По прибытии в Ленинград Н.П. Лихачев обнаружил свой музей перевезенным в Библиотеку Академии наук и реорганизованным в Институт книги, документа

⁷⁴ Климанов Л.Г. Ук. соч. С. 433.

⁷⁵ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1592. Л. 41.

⁷⁶ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1592. Л. 41 об.

⁷⁷ Климанов Л.Г. Ученый и коллекционер... С. 433.

⁷⁸ Тарле Евгений Викторович (до 1893 г. — Григорий Вигдорович; 1874–1955) — историк; академик АН СССР (1927).

⁷⁹ Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) — историк; академик АН СССР (1929). Ректор Московского университета (1911–1917).

⁸⁰ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 154. Л. 37.

⁸¹ Климанов Л.Г. Ученый и коллекционер... С. 433.

⁸² Там же. С. 434.

⁸³ СПбФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 20. Л. 98.

⁸⁴ СПбФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 20. Л. 97.

⁸⁵ Климанов Л.Г. Ученый и коллекционер... С. 434.

и письма⁸⁶. Но добиться возможности работать в нем даже на правах рядового сотрудника ему не удалось. До конца жизни Н.П. Лихачев вел практически безуспешную борьбу за возвращение собственных научных работ и личных вещей, а также возможную компенсацию за семейное имущество и экземпляры своих изданий.

С декабря 1935 г. Н.П. Лихачев был прикован к постели тяжелой болезнью. 14 апреля 1936 г. он скончался от гангрены, которая развилась вследствие ампутации левой ноги. Похоронили ученого на Смоленском православном кладбище Ленинграда.

В 1967 г. Н.П. Лихачев был полностью реабилитирован: в соответствии с определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 20 июля 1967 г. постановление коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. в отношении ученого было отменено. В 1968 г. он был восстановлен в звании академика решением Президиума Академии наук СССР.

Н.П. Лихачев внес существенный вклад во многие области не только исторической науки, но и гуманитарного знания в целом. Он стоял у истоков и способствовал развитию целого ряда вспомогательных исторических дисциплин: генеалогии, сфрагистики, палеографии и некоторых других. По словам В.Н. Бенешевича⁸⁷, Н.П. Лихачев «далеко не дал в науке того, что мог и хотел дать», однако и сделанного им достаточно, чтобы обеспечить его имени «одно из почетнейших мест в истории науки»⁸⁸.

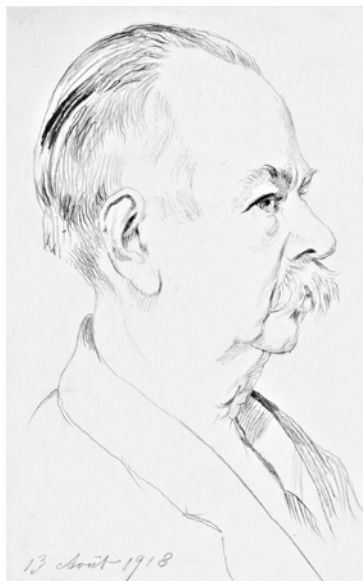
⁸⁶ В 1931 г. на базе Палеографического музея был создан Институт книги, документа и письма (ИКДП АН СССР). В 1935 г. ИКДП преобразован в Сектор вспомогательных дисциплин Института истории АН СССР, а в 1936 г. — в Ленинградское отделение Института истории АН СССР (в настоящее время Санкт-Петербургский институт истории РАН). В результате преобразований единая коллекция Н.П. Лихачева распалась и была распределена между несколькими музеями и институтами.

⁸⁷ Бенешевич Владимир Николаевич (1874–1938) — византист, палеограф; член-корреспондент РАН (1924).

⁸⁸ Цит. по: *Климанов Л.Г. Ученый и коллекционер...* С. 435.

Алексей Константинович Марков (1858–1920)

Н.С. Бекетова, В.А. Горнчаровский, Е.В. Лепехина

Алексей Константинович Марков¹ принадлежал к тому поколению ученых, у которых глубокое знание предмета сочеталось с невероятной широтой научных интересов. Это был один из самых выдающихся специалистов Эрмитажа по восточной, западноевропейской и русской нумизматике², многие работы которого до сих пор не утратили своего значения. Его жизненный путь начался 11 (23) апреля 1858 г. в Петербурге, в семье отставного поручика Константина Ивановича Маркова и мещанки Веры Яковлевой. Отец будущего нумизмата был крупным землевладельцем и очень богатым человеком. Ему принадлежало родовое имение в 5000 десятин земли (5463 га) в Лебединском уезде Харьковской губернии, где на 1847 г. числилось 1900 душ мужского пола³. Юный Алексей Марков получил прекрасное домашнее образование, однако отсутствие гимназического аттестата закрывало ему путь в российский университет, поэтому ему пришлось продолжить свое образование за границей — сначала во Франции, а затем в Германии.

С 1876 г. в течение двух лет А.К. Марков слушал лекции в Специальной школе живых восточных языков (совр. Национальный институт восточных языков и цивилизаций при Парижском университете) и, одновременно, в Практической школе высшего образования (совр. Высшая школа социальных наук), занимаясь арабским, еврейским, сирийским и пехлевийским языками. Кроме этого, он посещал лекции по нумизматике Франсуа Ленормана (1837–1883) при Национальной библиотеке⁴. Уже в 1877 г., в возрасте всего девятнадцати лет, Алексей Марков был избран почетным членом французских Нумизматического и Археологического обществ, членом-корреспондентом бельгийского Королевского нумизматического общества, а в 1878 г. получил степень доктора философии в Йенском универси-

¹ В качестве заставки использован портрет А.К. Маркова работы Э.К. Липгарта (1918 г.). © Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ).

² См.: Бекетова Н.С., Лепехина Е.В. Первый заведующий Отделом нумизматики Государственного Эрмитажа А.К. Марков // ТГЭ. 2012. Т. LXI. С. 7–17; Горнунг М.Б. Письма А.К. Маркова в архиве П.В. Зубова (Взгляд из XXI века) // ТГЭ. 2012. Т. LXI. С. 24.

³ АГЭ. Ф. 1. Оп. 12 л. с. Д. 47. Дело о службе Старшего Хранителя А.К. Маркова. Ч. I. 1886–1909. Л. 94.

⁴ РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 409. Л. 2. Личное дело А.К. Маркова.

тете⁵ за работу «Les monnaies des Rois Parthes» («Монеты парфянских царей»), которая была опубликована годом ранее во Франции⁶.

Вернувшись на родину, в 1880 г. Алексей Константинович стал слушателем недавно основанного Императорского Санкт-Петербургского археологического института, где срок обучения (тогда бесплатного) составлял два года. По окончании учебы в качестве дипломной работы им была подготовлена статья «О типах монет Ольвии»⁷, удостоенная золотой медали. Спустя некоторое время он решил поступить на государственную службу в соответствии со своими научными интересами, а именно — в Императорский Эрмитаж. Произошло это далеко не сразу. Судя по документам, впервые его кандидатура обсуждалась в музее еще в середине 1884 г.⁸

Хранящаяся в личном деле А.К. Маркова из АГЭ сопроводительная записка к метрическому свидетельству от 17 февраля 1886 г. и расписки в книге поступлений, свидетельствуют о состоявшемся принятии его на службу⁹, но в каком статусе, совершенно неясно. По-видимому, он работал вне штата, «вольнотруждающимся», т. е. без содержания, так как в случае принятия его «вольнонаемным» сохранился бы договор об оплате. Как писал И.Г. Спасский, основываясь на воспоминаниях современников, у него «были поддерживаемые сильными мира сего опасные конкуренты — прежде всего Х.Х. Гиль, плененный странностью десятичной системы русских монет, русских древностей не знавший и не желавший знать, и немного грешивший интересом к античным монетам. Гиль поддерживал любивший добродушного немца И.И. Толстой, но называли еще одного претендента — египтолога Оскара Эдуардовича Лемма, служившего в Азиатском музее Академии наук. У всех были покровители и противники и А.К. Марков, в частности, “до чрезвычайности не нравился” известному черносотенцу, министру Двора графу Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову. К счастью, выбор пал на Маркова»¹⁰. Уже имея небольшой стаж безвозмездной работы в музее, он был назначен с 6 апреля 1888 г. «к исправлению должности хранителя» и заведованию «отделом восточных монет»¹¹.

Одновременно с работой в Эрмитаже Марков занимался педагогической деятельностью — с 1884 г. он начал читать лекции по античной и русской нумизматике в Археологическом институте. В период 1897–1915 гг. там было напечатано девять литографированных изданий различных частей этого курса с подробной библиографией¹². Со временем А.К. Марков стал членом правления института, продолжая

⁵ АГЭ. Ф. 1. Оп. 12 л. с. Д. 47. Л. 1. Диплом о получении степени доктора философии — 17.IV.1878.

⁶ A. de Markoff Les monnaies des rois parthes. Supplément à l'ouvrage de M. le Comte Prokessh — Osten. Paris., 1877.

⁷ РО НА ИИМК. Там же.

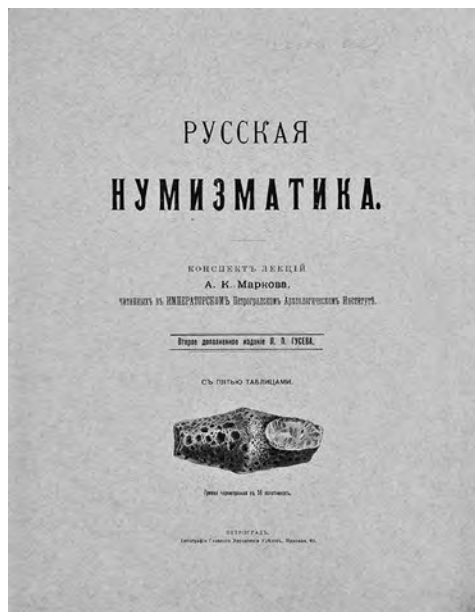
⁸ Спасский И.Г. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // НЭ. 1970. Т. VIII. С. 173.

⁹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 12 л. с. Д. 47. Ч. I. 1886–1909. Л. 12.

¹⁰ Из личного архива И.Г. Спасского. Подготовительные материалы к статье «Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики», опубликованной в НЭ в 1970 г.: Спасский И.Г. Нумизматика в Эрмитаже. С. 173.

¹¹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 12 л. с. Д. 47. Ч. 1. Л. 23.

¹² См., напр.: Древняя нумизматика. Лекции проф. Маркова 1894/1896 гг. СПб., 1897; Лекции по нумизматике, читанные в С.-Петербургском археологическом институте А.К. Марковым в 1897/98 акад. году.

Русская нумизматика. Конспект лекций
А.К. Маркова. Петроград, 1915

преподавать там до конца своих дней, без малого сорок лет. Впрочем, о студентах, по воспоминаниям дочери Анны Алексеевны, он «отзывался с пренебрежением, говоря, что они не интересуются нумизматикой, а ходят ради значка (серебряного, если имеют среднее образование, и золотого, если высшее)»¹³. С еще одной областью интересов исследователя был связан курс лекций по мусульманской нумизматике, который он читал для офицерских классов Института восточных языков Министерства иностранных дел в 1897–1898 гг.¹⁴

Признанием научных заслуг Маркова стало его избрание в 1885 г. действительным членом Русского археологического общества, где в течение тридцати двух лет он исполнял обязанности казначея и помещал свои статьи в «Записках нумизматического отдела ИРАО». Изданный им «Каталог Джелаирских монет» (СПб., 1897) заслуженно удостоился большой золотой медали Общества¹⁵.

Кроме того, в 1889 г. он получил звание действительного члена Московского нумизматического общества и публиковал отдельные результаты своих исследований в его «Трудах». Сотрудничал признанный ученый и с Императорской археологической комиссией: в частности, составил описание монет, найденных В.А. Бабенко при исследовании «древнего камерного могильника в с. Верхнем Салтове Харьковской губ. в 1901 г.»¹⁶. Через несколько лет, в 1907 г., он был избран членом-корреспондентом ИАК за постоянное содействие в течение двадцати лет по вопросам восточной и классической нумизматики¹⁷.

В 1898 г. Императорский Эрмитаж утвердил проект обер-гофмаршала князя С.Н. Трубецкого, где говорилось о необходимости воспитывать кадры ученых-хранителей, способных заменять эрмитажных сотрудников преклонного возраста, чтобы при открытии вакансий не пришлось брать людей, «неиспытанных в предстоящем их труде, иногда и оказывающихся совершенно неспособными к нему»¹⁸.

СПб., 1898; Русская нумизматика. Лекции читанные в С.-Петербургском археологическом институте в 1899–1900 годах. СПб., 1900.

¹³ Из личного архива И.Г. Спасского. Примечания А.А. Марковой, зачитанные на обсуждении статьи И. Г. Спасского «Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики».

¹⁴ РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 409. Л. 2.

¹⁵ РО НА ИИМК. Ф. 2. Д. 302. Л. 52 об., 53.

¹⁶ РО НА ИИМК. Ф. 1. Д. 169.

¹⁷ Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. С. 195.

¹⁸ Павлова Ж. Императорская библиотека Эрмитажа. СПб., 1988. С. 180.

На следующий год коллежского регистратора А.К. Маркова утвердили исправляющим должность хранителя Эрмитажа «со времени производства в настоящий чин», т. е. с 14 мая 1896 г.¹⁹ Этот низший в Российской империи чин, которого Алексей Константинович был удостоен в 38-летнем возрасте, и стал отправной точкой его карьерного роста. Можно только предполагать, почему он так поздно подал прошение о чине, — возможно, рассчитывал на получение его не по гражданскому, а по дворцовому ведомству, но этому, вероятно, противился И.И. Воронцов-Дашков, который затем при Николае II быстро утратил свое влияние.

После смерти Ю.Б. Иверсена (1823–1900) Марков получил должность старшего хранителя Отделения монет и медалей²⁰. К этому времени относится его любопытный литературный портрет, запечатленный известным религиозным философом и публицистом В.В. Розановым (1856–1919). Как-то, получив в подарок горсть античных монет, он отправился в Эрмитаж и показал их «доброму хранителю последнего, А. К. Маркову». Свой визит начинающий коллекционер описал следующим образом: «...как “профессор” всякому бы студенту, — он мне называл города и страны — Сикион, Аргос, Фессалию, Ахейский союз городов, Афины..., где чеканились монеты.

— Подлинные? — спрашивал я испуганным голосом.

— Никакого нет сомнения, — ответил он мне равнодушно.

— Но какого же века? Времени?

— Афинский статер не позднее 5-го века...

— Времени Перикла?!!, — я не смел верить ушам.

— Да. И Пелопонесской войны, — также равнодушно и спокойно...

— Сикион... — Но почему вы знаете, что эта монета — “Сикиона”?

— А маленькое Е под Химерой.

— Какой Химерой? Это — лев?!

— Лев, коза и змея, — вместе соединенные: видите, змейка, поднимается над спиною льва.

Действительно — “змейка”: почему же я раньше не видел??...

Полная и большая фигура Маркова была невозмутима. Он охотно объяснял. Но уж очень спокойно. Нисколько не волновался: и, хотя с интересом пересмотрел в лупу все мои монеты, но нисколько не был ими ни изумлен, ни восхищен. Между тем он видел Химеру, — сделанную людьми, верившими в Химеру!! Только через год и вообще “со всем ознакомившись” я не мог не догадаться, что единственное отношение, какое он мог чувствовать к моим “все новым и новым сокровищам” — было ощущение скуки и что я его отрываю от занятий. Но — неистошимо терпеливый — он не показывал и вида.

— Но где все это прочитать?

— Есть атлас Цыбульского, изданный Вольфом²¹.

Купил. За 4 рубля. Но это... возмутительная по невежеству мазня царскосельского учителя гимназии... Я не мог внутренне не упрекать его. Он подарил мне

¹⁹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 12 л. с. № 47. Ч. I. 1886–1909. Л. 115; Оп. 5. Д. 34. Л. 20–22.

²⁰ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 34. Л. 1.

²¹ Цыбульский С. Греческие монеты: нумизматический атлас для школьников и любителей греческих древностей. СПб., 1894.

тогда свои изящные: “Les monnaies des rois parthes. Supplement a l’ouvrage de M. le comte Prokesche-Osten. Par Alexis de Markoff. Paris, 1877”. Две, квадратной формы, тетради-книжки, с превосходно выполненными изображениями монет...

— Но отчего вы это написали по-французски? — спросил я его раз с полупреком.

— Потому что это французам нужно, — ответил он равнодушно...

— А русским? — спросил я вслух.

— Ну, пять-шесть человек. Разве для 5–6 читателей можно издавать книгу?

Позднее, занимаясь по “Каталогу греческих монет Британского Музея”, — я увидел в подстрочных примечаниях ссылки на этот труд Маркова. И передал ему.

— Да. Вскоре по появлению на французском языке, кто-то перевел ее и на английский. И англичане пользуются, — все также равнодушно.

— А на русский — никто не перевел. Ни одному студенту не пришло этого в голову.

— Ну... Верно социал-демократией занимаются. Что русскому студенту до парфян.

— Хоть бы вы своих слушателей в Археологическом институте заставили?

Он повел плечами...

— Но как же я их “заставлю”, если они ничего в науке нумизматике не понимают. Они напугают и испортят”²².

В ведении А.К. Маркова, как старшего хранителя Монетного отделения, помимо нумизматических коллекций, находилась историческая, генеалогическая и геральдическая библиотека, располагавшаяся в Старой канцелярии на третьем этаже музея²³. При нем ее фонды значительно пополнились, в частности, за счет книг, поступивших из Старого Эрмитажа, библиотеки князя Голицына (куплена в 1886 г.) и изданий по геральдике, находившихся в Царскосельском Арсенале²⁴.

Выросло усилиями Маркова и нумизматическое собрание Эрмитажа. Это происходило за счет передачи отдельных находок из Императорской археологической комиссии, закупок недостающих монет у зарубежных фирм и на аукционах. Только благодаря ему в 1899 г. Эрмитажу достался в полном составе знаменитый Лаврский клад, обнаруженный в 1898 г. при замене полов на хорах Успенского собора Киево-Печерского монастыря²⁵. Спрятанная в XVIII в. казна размещалась в четырех оловянных сосудах и деревянном бочонке и включала 6198 золотых монет и медалей, а также 9890 серебряных монет. С разрешения Министерства императорского двора Алексей Константинович был сначала командирован более чем на четыре месяца для подробного изучения клада и составления его описания, а после получения высочайшего разрешения на его покупку за 65 000 рублей доставил «под

²² Лепехина Е.В. Очерк В. В. Розанова «Об античных монетах» // Материалы и исследования Отдела нумизматики. СПб., 2005. С. 211–225.

²³ Это было весьма неудобное помещение, где летом было нестерпимо жарко от накалявшейся на солнце крыши, а зимой очень холодно.

²⁴ Павлова Ж. Императорская библиотека Эрмитажа. С. 108; АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1902. Д. 17. Л. 17–18.

²⁵ См.: Горнунг М.Б. Письма А. К. Маркова в архиве П.В. Зубова (Взгляд из XXI века) // ТГЭ. 2012. Т. LXI. С. 24.

своею охраною»²⁶ в Эрмитаж. Впоследствии Марков принимал деятельное участие в трудах Комиссии по рассмотрению вышеупомянутого клада, причем она «пришла к заключению, что покупка клада произведена весьма выгодно, так как он оценен Комиссией вместо 65 000 р. — в 71 621 р. 20 к.»²⁷. И это был не единственный «Лаврский клад». В письме от 31 мая 1904 г. А.К. Марков сообщал: «Мне удалось монахов Печерской лавры уговорить пожертвовать Эрмитажу клад, найденный в Лавре в 1902 году, состоящий из 1066 чешских пражских грошей XIV в. и 1140 джучидов эпохи после Тохтамыша. Клад джучидов, который я теперь разбираю (со вчерашнего дня), представляет очень большой интерес. Он Лаврою уже официально передан мне»²⁸.

В годы его руководства для Эрмитажа были приобретены многие частные коллекции, в том числе известных нумизматов Ю.Б. Иверсена и И.А. Бартоломея (1813–1870). Среди других крупных поступлений, в дореволюционные годы, можно упомянуть пожертвованную в 1904 г. вдовой А. С. Вельяминова-Зернова коллекцию восточных монет, часть монетного собрания хранителя Минцкабинета О.Ф. Ретовского (1849–1925) в виде образцов чеканки крымских ханов из династии Гиреев²⁹, а также почти 40 000 монет из богатейшей коллекции псковского собирателя Ф. М. Плюшкина (1837–1911), оценку которой А.К. Марков делал более двух недель³⁰.

Конечно, полностью уйти в мир научного творчества, отрешиться от проблем современности у Маркова не получалось. Письмо В.П. Зубову от 21 января 1905 г. он начинает с отклика на один из эпизодов Кровавого воскресенья, разыгравшийся рядом с Эрмитажем, на Дворцовой площади: «События последнего времени слишком отвлекали внимание от какой бы то ни было деятельности. Здесь жили буквально в осадном положении. Убито до 300 человек, среди которых множество лиц из публики, гулявшей в Александровском сквере, и среди них няни, дети и гувернантки. Административные распоряжения, как всегда, у нас в России, были выше всяких похвал! Теперь все учебные заведения закрыты. Постоянно ожидают повторения всего этого»³¹. Два месяца спустя его настроение еще более минорное: «Теперь во всяком случае плохое время для всякой деятельности, не только нумизматической. Как-то странно даже думать и говорить о монетах, когда решаются судьбы России и когда ей по желанию большинства русских предлагают заключить позорнейший мир и превратиться в Испанию, державу, покончившую свое славное прошлое и разлагающуюся и политически, и морально! Тем не менее, продолжаешь по привычке свою обычную деятельность»³².

В 1908 г. в Эрмитаже была создана специальная комиссия по упорядочению инвентарного учета. Как ее член, А.К. Марков наметил основные задачи, стоявшие на тот момент перед Отделом, где осталось всего два хранителя — О.Ф. Ретовский

²⁶ АГЭ. Ф. 1. Оп. 12 л. с. Д. 47. Ч. 1. 1886–1909 гг. Л. 125 об.

²⁷ Там же. Л. 126.

²⁸ Горнунг М.Б. Письма А.К. Маркова в архиве П.В. Зубова. С. 30.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 197.

³¹ Горнунг М.Б. Письма А.К. Маркова в архиве П.В. Зубова. С. 31.

³² Там же.

А. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896

и он сам. Главное, чего удалось добиться, — это найм внештатных инвентаризаторов, успевших до 1917 г. составить несколько десятков томов научных каталогов. В их числе были нумизмат С.А. Гамалов-Чураев (1857–1923), синолог В.М. Алексеев (1881–1951) и ставшие позже хранителями отдела Н.П. Бауер (1888–1942) и Р.Р. Фасмер (1888–1938). Как вспоминала дочь Маркова, Анна Алексеевна, новые сотрудники удивлялись, как аккуратно ее отец относился к своим обязанностям и, в отличие от них, никогда не опаздывал: «Забавно рассказывали Фасмер и Бауер, когда они в молодости не выходили на работу и потом извинялись перед отцом, он рассеянно спрашивал: А разве Вы вчера не были? И те ругали себя, что напомним о своей неявке»³³.

Следует отдельно отметить подготовленное А.К. Марковым пособие для молодых нумизматов «О чистке древних монет» (СПб., 1908). В нём в простой и понятной форме излагались приёмы работы с нумизматическим материалом, описывались процессы удаления окислов по различным передовым для того вре-

мени методикам и перечислялись необходимые химические реагенты в соответствующих пропорциях. При этом он предупреждал о бессмысленности чистки монет каким-либо новомодным способом по причине высокой цены реактивов и отсутствия желаемых результатов³⁴. В тексте пособия постоянно подчеркивалась необходимость соблюдения техники безопасности, с описаниями того, к чему может привести её игнорирование. В целом, данная методичка написана настолько ясно и доступно, что при желании по ней можно работать и в наши дни, даже в полевых условиях.

В научной среде начала XX в. Марков был широко известен, как автор ряда серьезных монографий и многочисленных статей, в том числе публикаций нескольких кладов западноевропейских монет. Именно он, издав в 1896–1906 гг. «Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа», ввел в научный оборот одно из крупнейших мировых нумизматических собраний³⁵.

³³ Из личного архива И.Г. Спасского. Примечания А.А. Марковой, зачитанные на обсуждении статьи И.Г. Спасского «Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики».

³⁴ См. напр. Марков А.К. О чистке древних монет. СПб., 1908. С. 7.

³⁵ См.: Список научных трудов А.А. Маркова. Сост. Н.С. Бекетова, В.С. Кулешов // ТГЭ. 2012. Т. LXI. С. 18–23.

Его «Топография кладов восточных монет» (СПб., 1910 г.) по своему построению, характеру описаний и ссылок на источники послужила образцом для последующих изданий такого рода. Можно отметить его весомый вклад и в другие области нумизматики. Так, в материалах Международного конгресса 1910 г. в Брюсселе был издан его доклад о византийских стеклянных экзагиях из собрания Эрмитажа, где рассматривались 36 экземпляров неизвестных ранее типов весовых знаков, предназначенных для проверки полновесности золотых монет. Правда, сам автор лично не принимал участие в конгрессе, по его ходатайству туда был направлен О.Ф. Ретовский³⁶.

Весьма любопытно, что после публикации этого доклада в Россию начал привозить экзагии известный турецкий антиквар Шериф Осман Нури-бей — практически единственный, кто поставлял в Эрмитаж памятники древности с территории Османской империи в период до 1914 г.³⁷ Многие из экзагий имеют пометки, сделанные рукой А.К. Маркова, который, таким образом, помимо научной работы по монетному делу Византии, косвенным образом способствовал увеличению эрмитажной коллекции нумизматического материала этого государства³⁸.

Марков неоднократно ездил в командировки на юг России в связи со сбором Императорской археологической комиссией материалов «для руководимого Его Имп. Высочеством [Великим князем Александром Михайловичем] издания Корпуса монет древне-греческих городов, существовавших в Южной России»³⁹. С 1905 г. в связи с Русско-японской войной ассигнования на Корпус прекратились, и до 1911 г. Алексей Константинович для завершения работы над ним использовал для поездок собственные средства⁴⁰. О его стремлении к максимально возможному получению нужной информации свидетельствует рапорт от 9 декабря 1913 г. директору Эрмитажа Д.И. Толстому (1860–1941) с просьбой о командировке в Москву для окончания сбора материалов к изданию, чтобы «разработать теперь, бывшие мне недоступными в мою последнюю поездку, собрание монет Имп. Московского Университета и новейшие приобретения коллекции Б.И. Прове»⁴¹. В итоге подготовка рукописи к публикации была завершена⁴², но отложена из-за вступления России в Первую мировую войну.

К тому времени А.К. Марков стал кавалером нескольких российских и иностранных орденов: Кавалерского креста итальянского ордена Короны 5-го класса — 1895 г.; ордена Св. Анны 3-й степени — 1902 г.; Кавалерского креста итальянского ордена Короны 3-го класса — 1902 г.; ордена Св. Станислава 2-й степени 1907 г.;

³⁶ Гурулёва В.В. Алексей Константинович Марков. У истоков изучения византийских экзагиев в России. 128–139 // ТГЭ. 2012. Т. LXI. С. 129–130.

³⁷ Гурулева В.В. Шериф Осман Нури-бей — поставщик древностей и монет Императорского Эрмитажа и его роль в формировании коллекции византийских монет // ТГЭ. 2006. Т. XXXI. С. 143–153.

³⁸ Гурулёва В.В. Алексей Константинович Марков. У истоков изучения византийских экзагиев в России // ТГЭ. 2012. Т. LXI. С. 132, 138.

³⁹ Командировки состоялись в 1905, 1909 и 1910 гг.: РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 409. Личное дело А.К. Маркова. Л. 2; Архив ГЭФ 1. Оп. 12 л. с. Д. 47. Ч. I. 1886–1909 гг. Л. 161. В подготовке издания также принимали участие О.Ф. Ретовский и М.И. Ростовцев.

⁴⁰ АГЭ. Ф. 1. Оп. 12 л. с. Д. 47. Ч. I. 1886–1909 гг. Л. 154, 154 об.

⁴¹ Там же. Оп. 13. Д. 528. Л. 20. Ч. II. 05.05.1912–03.10.1924.

⁴² РО НА ИИМК. Личное дело А.К. Маркова. Л. 2.

ордена Св. Анны 2-й степени — 1915 г.⁴³ По двадцатилетней выслуге лет в 1916 г. состоялось его производство в чин коллежского советника.

В том же году, под угрозой немецкой интервенции, началась эвакуация коллекций Эрмитажа. Непосредственно под наблюдением Маркова велась работа по упаковке и вывозу нумизматического собрания в Московский Кремль. Вместе с ним туда была отправлена русская часть коллекции крупнейшего петербургского собирателя И.И. Толстого, насчитывавшая 15 208 монет и 5657 медалей. В дальнейшем они стали основой эрмитажного собрания образцов русской чеканки удельного периода. Ящики из Отделения монет и медалей пережили в Кремле период пребывания у власти Временного правительства и первые годы после Октябрьской революции. Они вернулись в музей только осенью 1920 г., когда в присутствии представителей Государственного контроля были разобраны и приняты уже преемником А.К. Маркова на посту заведующего отделом — А.А. Ильиным (1858–1942).

Уже в конце 1917 г. началась реорганизация Эрмитажа. Специальной комиссией под председательством академика А.С. Лаппо-Данилевского были проведены выборы хранителей⁴⁴ на годичный срок⁴⁵, результаты которых утверждал народный комиссар просвещения А.В. Луначарский. В Отделе нумизматики и глиптики⁴⁶ были выбраны: по отделению русских монет — А.К. Марков, античных монет — Е.М. Придик, западноевропейских монет — О.Ф. Ретовский, восточных монет — Р.Р. Фасмер, глиптики — М.И. Максимова⁴⁷. При этом остро ощущалась нехватка сил и кадров. Как образно писал И.Г. Спасский: «Короткое затишье в опустевшем после эвакуации коллекций Отделе нумизматики сменилось работой совсем особого рода — после Октября возник энергичный приток материалов самого разного происхождения, состава и качества из опустевших особняков, занимаемых учреждениями или под жилье: наличных сотрудников едва хватало на то, чтобы приводить в элементарный порядок и описывать поступавшие большие или малые группы самого разного происхождения. И работать-то было некому: отсутствовал единственный ориенталист Р.Р. Фасмер, призванный в Красную армию; только к 1919 г. вернулся бежавший от голода Н.П. Бауер. Кроме состарившегося, но деятельного Маркова были еще престарелый С.А. Гамалов-Чураев, постоянно отвлекаемый организацией из хаоса самых разнообразных книжных собраний необходимой музею Центральной библиотеки, да такой же старик О.Ф. Ретовский, уволившийся по старости в середине 1924 г. Оба умерли один за другим в 1923 и 1925 гг. Единственной женщиной в отделе была Н.Е. Гаршина-Энгельгардт (1871–1930), зачисленная в 1917 г. и занимавшаяся античными монетами и библиотекой отдела»⁴⁸. Ситуация стала меняться, когда С.А. Гамалов-Чураев, Р.Р. Фасмер

⁴³ Личные архивные фонды Государственного Эрмитажа. Справочник. Вып. 2. Автор-составитель Е.Ю. Соломаха. СПб., 2002. С. 13.

⁴⁴ Ранее назначения на должности по Эрмитажу происходили исключительно в административном порядке.

⁴⁵ По истечении этого срока были проведены уже бессрочные выборы на должности хранителей.

⁴⁶ Новое название бывшего Монетного отделения с 1918 г.

⁴⁷ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. 1917–1919. Государственный Эрмитаж. СПб., 2001. С. 543–544. Позднее, в 1930 г., было признано целесообразным распределить глиптику по другим отделам Эрмитажа и появилось современное название — Отдел нумизматики.

⁴⁸ Из личного архива И.Г. Спасского. Подготовительные материалы к статье «Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики», опубликованной в НЭ в 1970 г.

и Н.П. Бауер были утверждены в званиях ассистентов и состоялось зачисление без содержания А.А. Ильина⁴⁹.

А.К. Марков, помимо сохранения своей должности⁵⁰, вошел в Совет Эрмитажа — коллективный орган, созданный для руководства научной деятельностью музея. На регулярно проводившихся заседаниях, в которых он неизменно принимал участие, обсуждались такие насущные проблемы, как «серьезная опасность от бомб с цепелина, от разграбления чернью или немцами и, наконец, от пожара»⁵¹. Неоднократно поднимался вопрос об инвентаризации музейных коллекций, обсуждались новые формы инвентарных книг⁵². Советом рассматривались различные предложения относительно перераспределения полученных Эрмитажем площадей, в том числе выходящих на Миллионную улицу квартир, манежа и др. Например, ставший в 1918 г. директором музея С.Н. Тройницкий (1882–1948) высказал не нашедшее поддержки предложение разместить нумизматические коллекции, занимавшие с середины XIX в. Двенадцатиколонный зал с хорами и Зал монет (ныне — Рыцарский) Нового Эрмитажа, «в Помпеянском зале и в бывшей квартире графа Д.И. Толстого»⁵³.

Новая власть ставила перед хранителями новые задачи. Так, на заседании от 18 января 1918 г. обсуждался декрет Совета народных комиссаров об учете золота. Требовалось до 15 февраля определить вес вещей, в том числе из Отдела нумизматики, и представить списки в Совет народных комиссаров. С большим трудом удалось доказать невозможность проведения этой работы в столь сжатые сроки в связи с эвакуацией музейного собрания в Москву. Спецучет драгоценных металлов, чего в дореволюционном Эрмитаже никогда не было, был введен только через десять лет для платины, золота и электра, а уже после Великой Отечественной войны — и для серебра⁵⁴. Несмотря на трудности, продолжалось пополнение собрания за счет покупок: в частности, была приобретена «коллекция монет Арсакидов Н.В. Белозерского в количестве 1002 экземпляров»⁵⁵.

За пределами Эрмитажа А.К. Марков включился в работу созданной на базе ИАК Российской государственной археологической комиссии (РГАК), в которой 24 сентября 1918 г. он был переизбран как член-корреспондент и вошел в ее Совет⁵⁶. 19 февраля 1919 г. на заседании Отдела древностей античных и древнехристианских РГАК он сделал доклад о состоянии работы по подготовке первого тома «Сборника античных монет Южной России», над которым он трудился совместно с М.И. Ростовцевым, к тому времени уже покинувшим страну. По предложению последнего был подготовлен к печати раздел о монетах Боспора Киммерийского, для которого уже изготовили 42 фотографические таблицы. Дело, однако, остановилось из-за национализации типографии, где его планировалось издать. В своем

⁴⁹ Журналы заседаний... С. 195.

⁵⁰ Пиотровский М. Б. История Эрмитажа. М., 2001. С. 280–281.

⁵¹ Журналы заседаний... С. 271.

⁵² Там же. С. 338, 383.

⁵³ Там же. С. 339.

⁵⁴ Лепехина Е.В. Отдел нумизматики в послевоенные годы (к истории формирования системы учета и хранения нумизматических памятников) // ТГЭ. 2009. Т. XLVIII. С. 24–25.

⁵⁵ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. С. 286.

⁵⁶ Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. С. 1079, 1083.

выступлении Марков признал невозможной дальнейшую работу над «Сборником» без М.И. Ростовцева. Тогда Отдел выразил докладчику благодарность и принял решение приостановить печатание книги до возвращения соавтора, которое, как известно, так и не состоялось. В связи с этим ценное нумизматическое исследование не было опубликовано⁵⁷.

Активная позиция и научный авторитет А.К. Маркова обусловили его участие в Избирательном собрании, в период 5–7 августа 1919 г. окончательно сформировавшем состав Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК), после чего РГАК стала считаться ликвидированной. Сам он в члены РАИМК избран не был, но, как и другие сотрудники его Отдела, вошел в созданную при ней Постоянную комиссию по нумизматике и глиптике, которую возглавил А.А. Ильин. В ее задачу входили не только регистрация монетных кладов и отдельных находок, определение нумизматического материала, но и подготовка к изданию каталогов, монографий, статей. В планах Комиссии на 1920 г. за Марковым был записан довольно значительный объем работ: «Теоретическое изучение ценностей на Руси. Разбор теории о меховых ценностях. История гривенной и рублевой систем. Свод материалов для истории чеканки, веса и обращения русских монет»; «Издание Корпуса монет Сасанидов, Саманидов и Джучидов. Совместно с Р.Р. Фасмером»; «Собрание и издание материалов для истории русского веса, исследование древних гирек, найденных на территории России, исторические свидетельства о русской весовой системе. Позднейшее русское законодательство по этому вопросу»; а также «Издание Корпуса древних греческих колоний Южной России. Займутся этою работою А.К. Марков и С.А. Гамалов-Чураев, как только технически это станет возможным»⁵⁸.

Надо сказать, что на протяжении всей своей исследовательской деятельности Марков так или иначе обращался к изучению античной нумизматики. К сожалению, им не была закончена большая работа по составлению античных терминов, имеющих отношение к нумизматике: монетный двор, казначейство, статер и пр. (на греческом и латинском языке). Подготовительные материалы к ней в виде 4662 карточек сохранились в Архиве ГЭ⁵⁹.

Семейные обстоятельства А.К. Маркова складывались далеко не так блестяще, как научная карьера. От брака с петербургской мещанкой Капитолиной Петровной Родченковой, официально зарегистрированного в 1900 г., у Маркова родилось двое детей: сын Алексей (1894–после 1951) и дочь Анна (1895–1975). Жена с дочерью летом 1917 г. уехали в Харьковскую губернию, где их и застали последовавшие вскоре драматические события. Сын на тот момент находился в армии, и судьба его была неизвестна⁶⁰. Неустроенность быта, голодное послереволюционное время сыграли свою роковую роль в судьбе Алексея Константиновича. Летом 1920 г.

⁵⁷ Журналы заседаний... С. 396.

⁵⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2, 1920. Д. 28. Л. 3-3 об. (Заседание XI, 15 марта 1920 г.).

⁵⁹ АГЭ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 41. 2385 л.; там же. Д. 41 А. 2277 л.

⁶⁰ АГЭ. Ф. 1. Оп. XIII. № 530. Л. 19. Личное дело А.А. Марковой. Алексей Алексеевич Марков после Октябрьской революции оказался на территории Королевства сербов, хорватов и словенцев (Югославия). После войны был репатриирован. 10 февраля 1951 г. арестован, осужден на 25 лет лишения свободы с конфискацией имущества за антисоветскую агитацию и деятельность и направлен в Молотовскую обл., г. Кизел. Дальнейшая судьба неизвестна.

он тяжело заболел и был госпитализирован. Руководство музея, желая помочь старейшему и уважаемому сотруднику, обратилось с просьбой к А.М. Горькому «принять более действенные меры для обеспечения сохранности имущества, библиотеки и научных трудов заслуженного ученого, каким является Марков»⁶¹. Тем не менее, 1 августа 1920 г. он скончался от заражения крови, которое, по мнению его ученика, Н. П. Бауера, было «пожалуй, ничем другим, кроме как последствием плохого питания»⁶². Подробности о болезни и кончине А.К. Маркова известны из писем А.А. Ильина к хранителю Исторического музея в Москве А.В. Орешникову (1855–1933)⁶³. 7 августа 1920 г. он пишет: «Опять одна потеря для нумизматики, да еще такая, перед которою становишься в тупик. — Алексей Константинович был и наставник, и товарищ, шли к нему все, всех он умел и обласкать, и научить. Хиреть он начал еще со смерти сестры, никому не жаловался, все терпел, ухода за ним не было, жил он в величайшем беспорядке. Один раз прихожу и не вижу его на своем месте, говорят, что он натер ногу, через два дня говорят, что прикинулась рожа, а еще через несколько времени выяснилось, что это закупорка вены (тромба). Доктор требовал вмешательства хирургии вследствие накопления гноя. Он на это не шел, т. к. для этого надо было лечь в госпиталь, а с своей квартиры он боялся уйти. Началось заражение крови (температура поднималась до 40°). Тогда уже С.Н. Тройницкий послал к нему доктора, которому он не решился отказать. Его перевезли в бывший придворный госпиталь, но было уже поздно, болезнь была запущена, операцию сделали, но к вечеру он скончался в 7 час. 1 августа. Теперь и с похоронами беда, опустили его в могилу только в пятницу. Последний раз я его видел уже после операции, но он был без памяти и не узнавал, дышал часто, но отказывался от еды. Сестра тут же сказала мне, что он безнадежен и часов около 10 вечера телеграфировала мне о его кончине»⁶⁴.

Все заботы о похоронах на Волковском православном кладбище взял на себя Эрмитаж, позаботившийся и об имуществе А.К. Маркова, которое в такое смутное время могло бесследно исчезнуть. В декабре 1920 г. была сделана опись вещей, перевезенных затем в музей. Впоследствии их получила Анна Алексеевна Маркова, продолжившая дело отца, став хранителем западноевропейского нумизматического собрания⁶⁵.

⁶¹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 528. Л. 34. Ч. II. 05.05.1912–03.10.1924.

⁶² Bauer N. Nekrologe. A. K. Markov // Zeitschrift für Numismatik. 1926. Bd. XXXVI. Heft 1/2. S. 156.

⁶³ Приносим глубокую благодарность П.Г. Гайдукову за предоставленные материалы, обнаруженные им в ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. № 22.

⁶⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. № 22.

⁶⁵ Подробнее о ней см.: Бекетова Н.С. А.А. Маркова. Биографический очерк // ТГЭ. 2009. Т. XLVIII. С. 7–13.

Иван Иванович Мещанинов (1883–1967)

Ю.А. Виноградов, И.Ю. Шауб

Жизненный путь Ивана Ивановича Мещанинова представляет интерес во многих отношениях. Можно удивляться, как этот потомственный дворянин, получивший образование на Юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета, в советское время сделал блестящую карьеру на археологическом и филологическом поприще, стал академиком АН СССР, минуя звание члена-корреспондента, и получил Золотую звезду Героя Социалистического Труда. С другой стороны, подобный путь некоторых представителей прежнего высшего сословия в Советской России всё-таки не был исключением, что можно видеть и на примере истории РАИМК/ГАИМК. В специальной литературе о научных заслугах И.И. Мещанинова написано немало¹, но основное внимание почти во всех этих публикациях сосредоточено на его филологических штудиях, изучении урартских (халдских, как тогда говорили) надписей, вкладе в новое учение о языке Н.Я. Марра² и т. п. Нас же, при всём желании воссоздать многогранный образ не только учёного, но и человека, в первую очередь будет интересовать археологическая деятельность И.И. Мещанинова, его попытки связать основные положения марровской яфетической теории с изучением истории материальной культуры³.

¹ Аврорин В.А., Щербак А.М. Иван Иванович Мещанинов (К 75-летию со дня рождения) // ИАН ОЛЯ. 1958. Т. XVII. Вып. 5. С. 461–467; Жирмунский В., Аврорин В. Академик И.И. Мещанинов // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И.И. Мещанинова. М.; Л., 1960. С. 3–11; Жирмунский В.М. Памяти академика И.И. Мещанинова (1883–1967) // ВЯ. 1967. № 3. С. 18–27; Панфилов В.З. Иван Иванович Мещанинов (1883–1967) // ИАН. Серия литературы и языка. 1967. Т. XXVI. Вып. 4. С. 394–398; Пассек Т.И. Памяти Ивана Ивановича Мещанинова // СА. 1967. № 3. С. 319–323; Филин Ф.П. И.И. Мещанинов (1883–1967) // Русская речь. 1967. № 2. С. 7–9; Лысенко Т.И. И.И. Мещанинов и его архивное наследие // ИАН. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. Вып. 5. С. 447–451; Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991; Юдакин А.П. Иван Иванович Мещанинов (1883–1967) // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. Книга 2. М., 2005. С. 5–10; Красухин К.Г. Иван Иванович Мещанинов // Отечественные лингвисты XX века. Ч. 2. М., 2003. С. 4–17.

² Климов Г.А. Типологические исследования в СССР. 20–40 годы. М., 2017.

³ Список опубликованных работ И.И. Мещанинова весьма обширен. См.: Зырин А.А. (составитель). Список печатных трудов академика И.И. Мещанинова // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И.И. Мещанинова. М.; Л., 1960. С. 12–18; Юдакин А.П. Иван Иванович Мещанинов. С. 7–10.

Документы, хранящиеся в Научном архиве ИИМК РАН, свидетельствуют, что И.И. Мещанинов появился на свет 13 (25) ноября 1883 г. в г. Уфе⁴. Сразу стоит отметить, что в опубликованных материалах по этим вопросам существует некоторая несогласованность. Так, датой рождения будущего академика называют 21 и 24 ноября (последняя дата практически общепризнанна). Совсем уж трудно понять, почему в публикациях, посвящённых 75-летию И.И. Мещанинова, местом его рождения назван С.-Петербург⁵.

Обращаясь к твёрдо установленным фактам биографии И.И. Мещанинова, стоит начать с того, что в 1902 г. он с золотой медалью закончил Шестую петербургскую гимназию⁶, в стенах которой училось немало известных государственных, военных и научных деятелей, а также представителей искусства. В их числе — адмирал А.В. Колчак и революционер В.Р. Менжинский (глава ОГПУ), медик А.А. Лозинский, военный инженер Н.А. Крюков, юрист М.А. фон Таубе, художник Л.С. Бакст, поэты и литературоведы Василий и Владимир Гиппиусы, поэт С.М. Городецкий. После гимназии молодой человек поступил на Юридический факультет Петербургского университета. В 1905 г. ему удалось два семестра поучиться в Гейдельбергском университете у таких выдающихся профессоров, как философ-неокантианец В. Виндельбанд, правовед Г. Еллинек и др.

В 1907 г., закончив обучение в университете, он был принят на службу в Первый департамент Правительствующего Сената. Служба в этом учреждении, конечно, открывала немалые перспективы, да и протекала она для молодого человека вполне удачно — в марте 1914 г. он был назначен помощником оберсекретаря Первого департамента⁷. Однако ещё в 1906 г. в жизни И.И. Мещанинова происходит одна важная перемена — он стал слушателем Императорского Санкт-Петербургского археологического института. В числе его учителей на этом поприще были Н.И. Веселовский, Б.В. Фармаковский, С.А. Жебелёв. В общем, карьера юриста, как можно полагать, перестала казаться ему привлекательной, и И.И. Мещанинов всё глубже погружается в увлекательный мир науки о древностях. В 1911 г. он был назначен заведующим Историческим архивом Петербургского археологического института, в 1913 г. избран почётным членом этого учреждения, а с 1914 по 1918 гг. состоял членом его правления.

В 1913 г. был опубликован «Юбилейный сборник» Санкт-Петербургского археологического института, который, конечно, был посвящён не юбилею института, а юбилею дома Романовых. В него включены документы, находившиеся в собрании института — царские грамоты XVII века и Родословная келейная книга патриарха Филарета. В «Предисловии» к сборнику директор Археологического института Н.В. Покровский отметил: «Вся работа по изданию настоящего сборника, вместе с вводными статьями к грамотам и родословцу, исполнена под моим наблюдением почётным членом И.И. Мещаниновым»⁸.

⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 210. Л. 1; Ф. 2. Оп. 3. Д. 427. Л. 8.

⁵ Аврорин В.А., Щербак А.М. Иван Иванович Мещанинов (К 75-летию со дня рождения). 460; Жирмунский В., Аврорин В. Академик И.И. Мещанинов. С. 3.

⁶ См.: Буткевич К.Ф., Николаев Л.П. Историческая записка, изданная ко дню пятидесятилетия С.-Петербургской Шестой гимназии. СПб., 1912. С. 94.

⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 210. Л. 3.

⁸ Юбилейный сборник Императорского С.-Петербургского археологического института. 1613–1913. СПб., 1913. С. VIII.

В июне 1914 г. в Петербургский археологический институт поступила коллекция эламских древностей, состоявшая из 10 клинописных надписей и 55 керамических сосудов. И.И. Мещанинов подготовил публикацию этих сосудов, снабдив её обстоятельным очерком истории Элама⁹. Впоследствии он не потерял интереса к этой керамике, посвятив большое исследование семантике изображений на сузских чашах¹⁰. Вообще эламскую крашеную посуду Иван Иванович называл «змеиным царством»¹¹, имея в виду особенности её росписи. К концу 20-х гг. он уже рассматривал феномен крашеной керамики как проявление стадильности развития древних культур¹².

В названном очерке «Эламских древностей» неизданными остались клинописные таблички, исследование которых требовало знания эламского языка, и Иван Иванович приступил к его изучению. На этой почве произошло его судьбоносное сближение с Н.Я. Марром¹³. Первая их встреча состоялась в 1914 г., когда И.И. Мещанинов был ещё учеником Н.И. Веселовского. Она не была продолжительной, но запомнилась Ивану Ивановичу вопросом, заданным ему Н.Я. Марром: «Неужели, занимаясь древностями, Вы не хотите познакомиться с языком и укрепиться в изучении того народа, языком которого Вы занимаетесь?»¹⁴ И.И. Мещанинов смог более основательно вникнуть в систему работы Н.Я. Марра только после 1917 г., став вольнослушателем его университетских лекций, при этом на курсе семито-яфетических параллелей он был единственным учеником¹⁵. По признанию Ивана Ивановича, лекции мэтра, «чрезвычайно насыщенные материалом, были тяжелы»¹⁶.

Работу в Петроградском археологическом институте И.И. Мещанинов не прекратил и после Октябрьской революции. В 1919 г. он был избран его преподавателем, а в 1920 году секретарём и членом Президиума¹⁷. Тогда же в его трудовой деятельности появились очень важные новые моменты. В январе 1919 г. Мещанинов стал делопроизводителем по учёной части Российской государственной археологической комиссии. Когда на её базе создавалась Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК), он оказался среди участников Избирательного собрания 5–7 августа 1919 г. и вскоре был назначен управляющим делами нового научного учреждения. Тогда И.И. Мещанинов уже твёрдо решил вступить на путь яфетидологии, двигаясь по нему в область изучения материальной культуры. Тог-

⁹ Мещанинов И.И. Эламские древности // Вестник археологии и истории, издаваемый Петербургским археологическим институтом. 1918. Вып. XXIII. С. 145–194.

¹⁰ Мещанинов И.И. Орнамент сузских чаш первого стиля // ИГАИМК. 1927. Т. V. С. 412–448.

¹¹ Мещанинов И.И. Закавказские поясные бляхи. Опыт яфетидологического анализа памятников материальной культуры. Махачкала, 1927. С. 26.

¹² Мещанинов И.И. 1) Доисторическая крашеная керамика Китая (по поводу работ Андерсона) // Известия Общества Обследования и изучения Азербайджана. 1927/1928. № 5. С. 274–278; 2) Новая книга об Анау // Там же. С. 279–282.

¹³ Аврорин В.А., Щербак А.М. Иван Иванович Мещанинов. С. 460; Жирмунский В., Аврорин В. Академик И.И. Мещанинов. С. 4; Панфилов В.З. Иван Иванович Мещанинов (1883–1967). С. 394; Филин Ф.П. И.И. Мещанинов (1883–1967). С. 7.

¹⁴ Мещанинов И.И. Из воспоминаний о Н.Я. Марре // ПИДО. 1935. № 3–4. С. 157.

¹⁵ Там же. С. 157–158.

¹⁶ Мещанинов И.И. Н.Я. Марр (К 10-летию со дня смерти) // ИАН ОЛЯ. 1945. Т. IV, вып. 3–4. С. 105.

¹⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 427. Л. 8.

да им была подготовлена работа, базировавшаяся на материале, которым он овладел лучше всего, — «Яфетическая культура в Эламе. Первый сузский стиль».

В 1920 г. Н.Я. Марр выступил с рекомендацией по избранию И.И. Мещанинова на должность ассистента РАИМК. Со свойственным ему многословием он отмечал: «Мысль о кандидатуре И.И. Мещанинова в сотрудники по моей специальности у меня возникла давно, ещё тогда, когда ещё не было особого разряда Академии “Кавказ и Яфетический мир”. С его установлением мысль эта меня уже не покидала, и, несмотря на все мои сомнения и связанные с ним колебания, вынудила поспешить <с> её осуществлением, хотя это решение меня, как председателя, ставит в большое смущение трудностью заместить его столь же подходящим для покидаемого им места работником. Мысль возникла по ознакомлении с рукописным трудом И.И. Мещанинова “Яфетическая культура в Эламе. Первый сузский стиль”.

Вопрос не в заглавии этой работы, рукописи в 191 страницу в лист текста и 24 страницы того же формата примечаний, а в яфетидологическом построении исследования, чрезвычайно меня встревожившем и смутившем. Для меня не было новостью, что моим последователем оказывалось лицо, ни разу не бывшее у меня на лекции и, насколько мне было известно, не занимавшееся ни у одного из моих учеников Петроградской яфетидологической школы <...>. В работе И.И. Мещанинова я увидел <...> разделение нашего яфетидологического учения, усвоение наших общих положений, чрезвычайно трудно вылавливаемых из специальных моих, в большинстве лингвистических изысканий, и не владение техническими знаниями словесной отрасли нашей специальности. Я охотно готов был мириться с тем, что яфетидолог в области архаики может вовсе обойтись без знакомства со средневековой армянской и грузинской культурами и не владеть их техническими знаниями, в числе их знанием армянского и грузинского языков, но мысль о привлечении в сотрудники по яфетическим древностям лица, незнакомого с яфетическими языками, во мне сначала вызвало большие сомнения. Вскоре, однако, я увидел, что идя по этому пути, не мирясь с яфетидологом-вещеведом, я вынужден буду мириться с нормальной бездеятельностью на нашем разряде “Археология Кавказа и Яфетического мира”, его умиранием, так как если за 30 лет преподавания к словесной яфетидологии не присоединился ни один вещевед, исследователь протоисторических древностей, мало надежды на скорое появление такого желательного работника в ближайшее время... недостаток разносторонности специальных знаний в отдельном работнике предпочтительнее возместить коллективностью работы, сотрудничеством вещеведа со словесником. И в этом смысле сотрудничество со мною как ассистента И.И. Мещанинова, надеюсь, породит взаимно восполняющие течения в исследовательской работе разряда... В заключение я прибавлю, что И.И. Мещанинов, несмотря на перегруженность делами, не переставал работать над расширением своих яфетидологических познаний за время своей службы в канцелярии Академии, и под конец засел за слушание систематического курса по ним, что отнюдь не поздно»¹⁸.

В этой рекомендации особенно удивляет признание Н.Я. Марра, что его последователем стал человек, который ни разу не побывал на яфетидологических

¹⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 427. Л. 10.

лекциях. Вряд ли он не знал, что И.И. Мещанинов с 1919 г. стал вольнослушателем Восточного факультета, изучая грузинский, урартский (халдский) и хеттский языки¹⁹. Рекомендация мэтра сыграла свою роль, и в сентябре 1920 г. Ивана Ивановича избрали ассистентом РАИМК, а затем — научным сотрудником Разряда археологии Кавказа и яфетического мира.

3 ноября 1928 г. Н.Я. Марр рекомендовал И.И. Мещанинова на должность действительного члена ГАИМК и, вспоминая о 1920 г., написал: «С тех пор много утекло воды, но у Ивана Ивановича произошло большое накопление научных знаний, шедшее, разрастаясь с этапа на этап и количественно и повышаясь качественно, и в зависимости от этого роста он давно должен был сойти с ассистентуры, занятой им восемь лет назад, если бы интерес связанной с ней работы не мирил его с этим скромным положением и не побуждал заведующего разрядом “Археологии Кавказа и Яфетического мира”, при создавшихся условиях, задержать его на этом для него весьма ответственном месте, где он своё сотрудничество выявлял фактически выходя за пределы обязанностей ассистента всегда с компетенцией равноценного учёного сотрудника, нередко не руководимого, а руководителя, без малейшего притязания на такую роль, одной лишь силой соответственных вещей, нарастанием у него материального знания и новых теоретических исследовательских приёмов. И всё это представляется вполне понятным при учёте полученных им последовательно трёх образований, юридического, археологического и лингвистического, притом последнего в направлении той школы, яфетической, которая считает ударными своими задачами увязку изучения звуковой речи с историей материальной культуры и развитием форм общественной структуры. В то же время независимо от неизбежного в нашем разнообразном по составу специальностей учреждении расширения своего научного кругозора, он не упускал случая свои исследовательские работы перенести на рельсы непосредственного вхождения в неизведанную им дотоле область наиболее ответственной практической части археологической работы, именно раскопок, ведшихся им и под руководством такого авторитета в этом деле, как безвременно скончавшийся создатель планомерных ольвийских изысканий <...>²⁰, и самостоятельно. А в то же время работа в Яфетическом институте Академии Наук СССР, открывшая ему возможность углубить свои языковедные штудии и тем подковать его как работника теоретического их построения, отнюдь не отвлекла его от твёрдо намеченной им линии, диктуемой интересами его специальности, именно истории материальной культуры. С исключительно плодотворной по популяризации языковедного учения, яфетической теории, деятельностью и укреплению правильного её внедрения и за пределами Ленинграда, прежде всего и более всего в научном центре Азербайджанской республики, Иван Иванович, однако, верный основному своему призванию, как историк материальной культуры, начавший с эламских древностей, во-первых, специальное внимание своё сосредоточил на изучении археологически важного в порядке тех интересов халдского языка ванских клинообразных надписей, по которым он ныне является, независимо от защищённой им диссертации

¹⁹ Аврорин В.А., Щербак А.М. Иван Иванович Мещанинов. С. 460; Жирмунский В., Аврорин В. Академик И.И. Мещанинов. С. 4.

²⁰ Имеется в виду Б.В. Фармаковский.

по предмету “Халдоведение”, наиболее ориентированным самостоятельным исследователем, внёсшим существенные поправки (числительные) в понимание этой своеобразной эпиграфики... Во всех работах, число которых перешло четыре десятка, И.И. Мещанинова отличает идеологически независимость и технически верность лучшим традициям филологической акрибии»²¹.

За 8 лет действительно много воды утекло, и И.И. Мещанинов стал признанным авторитетом в области яфетидологии. Вот что он написал о своей научной деятельности 14 ноября 1927 г., т. е. ещё будучи ассистентом: «За время службы моей в Академии мною по поручению заведующего Разрядом велись нижеследующие работы: а) Учёт наличных производственных пунктов (по сведениям Сборник Материалов для описания местностей и племён Кавказа) в целях выяснения связи этих пунктов с экономическим состоянием края в прошлом для возможного с этой стороны освещения исторических и доисторических памятников тех же районов, выдвигающим по своим местным особенностям те или иные экономические задания; б) Параллельно велось прослеживание древних путей торгового и военного сношения. Ограничиваясь областью Закавказья, прослеживание этих путей было проведено по историческим сведениям халдских надписей...; в) Этот материал подлежит учёту при работе над самими вещами памятников. Здесь обращалось особое внимание как на сам материал, так и на смысловое значение его орнаментации...; г) При анализе рисунка изучаемой культуры (доисторической) был принят в основу яфетидологический метод исследования, в связи с чем разрабатывались отдельные задания по выдвигаемым яфетидологиею темам, в частности, о воде и её дериватах в животном мире, о дереве, о женских изображениях, о значении рисунка руки...; д) С расширением исследуемых яфетидологиею областей изучался и вещевой материал доисторических древностей Испании и Приволжья...; е) В связи с яфетидологическим уклоном в сторону палеонтологии приступлено к изучению памятников палеолита в части ознакомления с разновидностями изображений животных...; ж) Яфетидологический подход выдвинул на очередь вопрос о районировании культур, в связи с чем прослеживались общие начала Переднеазиатской культуры. Исходным пунктом оставался для меня Элам. В этой области сделана сводка наличного материала по сузским чашам первого стиля и анализ его рисунка... и приступлено к изучению вопроса о культурной стадии крашеной керамики. Здесь пока работа ограничивалась осведомительными докладами о крашеной доисторической керамике Элама, Анау, Китая и Закавказья; и) По последнему заданию я участвовал в экспедициях в Нахичеванский край летом 1926 г. и Мильскую степь летом 1927 г. ...; к) Прежде самостоятельных работ на местах, я для усвоения методов археологических раскопок участвовал под руководством члена Академии Б.В. Фармаковского в ольвийских кампаниях 1925 и 1926 гг.; л) По поручению Академии я участвовал также в ольвийской кампании 1927 г., проходившей без Б.В. Фармаковского; м) Общий ход яфетидологических работ выдвинул на очередь и для истории материальной культуры вопрос о значении переселений народов в ходе культуротворчества. К вопросу я подошёл с методологической стороны»²².

²¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 427. Л. 11.

²² Там же. Л. 14.

В приведённой записке большое внимание уделено работам автора в области яфетидологии. Важно отметить, что в сентябре 1920 г. И.И. Мещанинов стал сотрудником Яфетического института АН ССР, во главе которого стоял его создатель — Н.Я. Марр. Пользуясь коллекцией фотографий урартских надписей, хранившихся в этом институте²³, он начал их издавать и переиздавать в «Яфетических сборниках», а также в «Докладах», «Известиях» АН СССР и пр.²⁴ Изучая клинописные надписи, И.И. Мещанинов пришёл к заключению, что существовал не один халдский язык, а два: один — живой, разговорный, а другой — письменный. Этот синхронизм двух разошедшихся языков исследователь связывал с тем, что последний, оказавшийся в руках выделяющегося господствующего класса, обособился в нём самом, принимая формы, чуждые его же обыденной речи²⁵.

Следуя духу времени, была сделана попытка переосмысления поэм Гомера, естественно, в рамках нового учения о языке. И.И. Мещанинов не считал себя специалистом в этой области, но ему явно импонировало определение Н.Я. Марра, который декларировал, что Гомер — «это нарицательное имя, позднее воспринятое как собственное, Гомер — тёзка иберского племенного термина. Это — служитель неба, одержимый божеством, колдун и поэт»²⁶. Для решения столь непростого вопроса была создана специальная исследовательская группа, но её работа не дала желаемого результата. И.И. Мещанинов был вынужден с огорчением признать: «“Гомер” оделся в прежнюю тогу “легендарного певца”»²⁷.

О Н.Я. Марре, своём учителе и друге, И.И. Мещанинов написал немало статей, освещающих его деятельность в различных научных сферах. Все они составлены в самых хвалебных, подчас восторженных выражениях²⁸, но, надо особо отметить,

²³ Пиотровский Б.Б. 1) Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 15; История и культур Урарту. СПб., 2011. С. 33.

²⁴ Укажем лишь на некоторые публикации: Мещанинов И.И. 1) По поводу Макинской надписи Русы, сына Аргиштиа // ЗВО РАО. 1921. Т. 25. С. 257–272; 2) Числительные и их согласования в халдских надписях // Яфетический сборник. 1922. I. С. 31–42; 3) Изображение числительных в надписях Сардура // Яфетический сборник. 1923. II. С. 53–59; 4) Идеограммы и детерминативы в халдских надписях // Там же. С. 74–93; 5) Ионизмы в халдском // Яфетический сборник. 1925. III. С. 111–126; 6) Географические названия верховьев Аракса по халдским надписям // ИГАИМК. 1925. Т. IV. С. 43–64; 7) Древне-ванские имена богов и царей // Яфетический сборник. 1927. V. С. 82–101; 8) Древне-ванский бог Халд — Халдин (этимология) // Восточные записки. Т. I. Л., 1927. С. 173–181; 9) Халдская надпись из Нор-Баязета // ДАН — В. 1928. № 8. С. 168–174; 10) Надпись на конском погребении халдского царя Менуи // ДАН — В. 1929. № 2. С. 34–38; 11) Халдовы ворота // Язык и литература. 1929. Т. III. С. 59–69; 12) Халдская надпись из сел. Гюсненц // ДАН — В. 1930. № 2. С. 32–37; 13) Халдская надпись Менуи из сел. Муша // ДАН — В. 1930. № 11. С. 206–210; 14) Этимология халдского термина *patari* // Яфетический сборник. 1930. VI. С. 51–58; 15) Халдские надписи на базах колонн собрания Б.Н. Шаховского // ДАН — В. 1931. № 2. С. 20–36; 16) Надпись Менуи из Зивина // ДАН — В. 1931. № 5. С. 69–73; 17) Колагранская надпись // ИАН ООН. 1932. № 1. С. 79–90; 18) Стела Сардура в Ване, Сурб Погос // ИАН ООН. 1932. № 2. С. 161–166; 19) Новая халдская надпись из сел. Талиш // ИАН ООН. 1932. № 4. С. 341–349; 20) Новая халдская надпись из сел. Джанфида // ИАН ООН. 1932. № 9. С. 859–866; 21) Термин «царь», «старейшина», «наместник» по халдским клинописным надписям // Яфетический сборник. 1932. VII. С. 97–110; 22) Халдская надпись из сел. Зивин // ИАН ООН. 1933. № 5. С. 407–412; 23) Два языка древнего Вана // Сергею Фёдоровичу Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной жизни. Сборник статей. Л., 1934. С. 359–366.

²⁵ Мещанинов И.И. 1) Яфетидология и марксизм. Баку, 1930. С. 9; 2) Два языка древнего Вана. С. 359.

²⁶ Мещанинов И.И. Гомер и учение о стадильности // Язык и литература. 1929. Т. IV. С. 26.

²⁷ Мещанинов И.И. Работы по халдоведению в СССР за 15 лет // СГАИМК. 1932. № 9–10. С. 30.

²⁸ Мещанинов И.И. 1) Николай Яковлевич Марр // СЭ. 1935. № 1. С. 8–17; 2) Н.Я. Марр как лингвист // ПИДО. 1935. № 3–4. С. 20–28; 3) Н.Я. Марр как лингвист // ИАН ООН. 1935. № 2. С. 103–116; 4) Н.Я. Марр

что они стали появляться в печати только с 1935 г., т. е. после смерти создателя «нового учения о языке».

Что касается основных положений яфетидологии, то они были безоговорочно приняты И.И. Мещаниновым, и впоследствии он немало сделал для их развития и популяризации. Иван Иванович при этом, несомненно, видел слабые стороны этого учения, но считал, что «яфетидология настаивает только на общей постановке, но отнюдь не на деталях»²⁹. Таким общим моментом было категорическое отрицание «буржуазной» концепции праязыков. В развитии языка важнейшее значение придавалось так называемой кинетической речи, предшествующей звуковой членораздельной. По мнению исследователя, человечество обходило её «пока это удовлетворяло его потребностям»³⁰.

В это время И.И. Мещанинов большое внимание уделял фундаментальным проблемам, связанным с возникновением речи и выделением стадий в развитии языка. Следуя Н.Я. Марру, он признавал, что человечество создавало мышление в процессе своего очеловечивания, при этом на первичной стадии развития, скорее всего, имело место нерасчленённое использование речевого аппарата, т. е. всего тела. Это явление, как уже было сказано выше, в яфетидологии получило название кинетической речи³¹. В истории человечества оно, как представлялось, было связано с периодом собирательства. Что касается звуковой речи, то она «стала оформляться при новых условиях охотничьей деятельности, уже перешедшей на организованный коллективный труд охотника на крупную дичь»³². основополагающим положением для понимания языкового развития была чеканная формулировка: «Одинаковые условия трудовой деятельности создали одинаковый строй речи»³³.

И.И. Мещанинов выделял семь стадий языковой трансформации³⁴, называя их по-разному, к примеру, — от сигнализирующей (диффузной) до флективной и предложной³⁵. При этом он отмечал: «Когда мы проведём классификацию языков по ступеням стадияльного развития, то останется не разрешённым ещё один

как халдовед // Язык и мышление. 1937. Т. VIII. С. 101–127; 5) Итоги изучения общего языкознания в СССР за двадцать лет // ИАН ООИ. 1937. № 5. С. 219–232; 6) Н.Я. Марр (К 10-летию со дня смерти) // ИАН ОЛЯ. 1945. Т. IV, вып. 3–4. С. 105–110; 7) Работы Н.Я. Марра о языке // Юбилейный сборник, посвящённый тридцатилетию Великой Октябрьской Социалистической революции. Ч. II. М.–Л., 1947. С. 773–778; 8) Учение Н.Я. Марра о стадияльности // ИАН ОЛЯ. 1947. Т. IV, вып. 1. С. 35–41; 9) Марр — основатель советского языкознания // ИАН ОЛЯ. 1949. Т. VIII, вып. 4. С. 289–298; 10) Роль академика Н.Я. Марра в отечественном языкознании // Вестник АН СССР. 1949. № 2. С. 11–22; 11) Н.Я. Марр — учёный и педагог // Вестник высшей школы. 1950. № 2. С. 50–58.

²⁹ Мещанинов И.И. К вопросу о происхождении членораздельной звуковой речи // ДАН — В. 1930. № 6. С. 99.

³⁰ Мещанинов И.И. Основные лингвистические элементы (в яфетидологическом их освещении) // Язык и мышление. 1934. Т. 2. С. 16.

³¹ Мещанинов И.И. 1) Возникновение речи // Первобытное общество. М., 1932. С. 107–109; 2) Речь и мышление родового общества // ПИДО. 1933. № 5–6. С. 12; 3) Проблемы классификации языков и народов. С. 77; 4) Язык и мышление в доклассовом обществе. С. 33.

³² Мещанинов И.И. 1) Возникновение речи. С. 115; 2) Яфетидология и марксизм. С. 14.

³³ Мещанинов И.И. Проблемы классификации языков и народов. С. 77.

³⁴ Мещанинов И.И. 1) К вопросу о стадияльности в письме и языке. ИГАИМК. 1931. Т. VII, вып. 5–6; 2) К вопросу о языковых стадиях // ИАН ООИ. 1931. № 7. С. 857–882; 3) Новое учение о языке. Стадияльная типология. Л., 1936.

³⁵ Мещанинов И.И. К вопросу о языковых стадиях. С. 878.

вопрос, а именно об увязке языковых стадий с социально-экономическими формациями»³⁶. Это положение он подкреплял самым простым примером — феодалы Запада и Востока говорили на разных языках³⁷. Действительно, стадии языкового развития как-то не увязывались со стадиями социально-экономической трансформации человечества.

В марте 1929 г. И.И. Мещанинов стал членом учёного совета Яфетического института АН СССР³⁸. Яфетические штудии активно развернулись и в стенах ГАИМК, в 1930 г. была создана консультация по яфетидологическим вопросам, куда могли обратиться все заинтересованные сотрудники. Консультантами по очереди были Н.Я. Марр и И.И. Мещанинов³⁹. За год до этого была издана книга И.И. Мещанинова «Введение в яфетидологию»⁴⁰, а через год — брошюра-пособие по пользованию яфетидологическими работами⁴¹. Отдельными брошюрами были напечатаны его доклады, прочитанные на различных научных собраниях, при этом одна из них выдержала несколько изданий⁴². Немного забегая вперёд, стоит отметить, что ещё до начала Великой Отечественной войны была издана книга И.И. Мещанинова, допущенная в качестве учебного пособия для литературных факультетов пединститутов и филологических факультетов университетов⁴³. В 1934 и 1936 гг. Иван Иванович принял участие в двух лингвистических конгрессах в Турции⁴⁴. После войны увидела свет его монография, выпущенная в серии «Вопросы языкознания для учителей»⁴⁵. В общем, Иван Иванович постепенно превратился в признанного классика отечественного языкознания, но пора обратиться и к другой стороне его научной деятельности, связанной с археологией.

И.И. Мещанинову, конечно, очень импонировало указание Н.Я. Марра: «Торопитесь с языком увязывать историю материальной культуры»⁴⁶. Этой тематике была, в частности, посвящена статья, подготовленная им совместно с учителем⁴⁷. И.И. Мещанинов был уверен, что языковые факты являются бесценными свидетельствами самых отдалённых периодов развития человечества⁴⁸, язык, по его мнению, — это и продукт человеческой истории, и свидетель пройденных человечеством

³⁶ Мещанинов И.И. Проблемы классификации языков и народов. С. 82.

³⁷ Там же. С. 83.

³⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 210. Л. 5.

³⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 11. Л. 72.

⁴⁰ Мещанинов И.И. Введение в яфетидологию. Л., 1929.

⁴¹ Мещанинов И.И. Пособие к пользованию яфетидологическими работами. Л., 1931.

⁴² Мещанинов И.И. 1) Яфетидология и марксизм. Баку, 1930; 2) Проблема классификации языков в свете нового учения о языке. 3-е издание. Л.–М., 1935.

⁴³ Мещанинов И.И. Общее языкознание. К проблеме стадийности в развитии слова и предложения. Л., 1940.

⁴⁴ Лысенко Т.И. И.И. Мещанинов и его архивное наследие. С. 448.

⁴⁵ Мещанинов И.И. К истории отечественного языкознания. М., 1949.

⁴⁶ Мещанинов И.И. Н.Я. Марр как лингвист // ПИДО. 1935. № 3–4. С. 28.

⁴⁷ Марр Н.Я., Мещанинов И.И. Общее учение о языке и памятники материальной культуры // ПИДО. 1934. № 3. С. 15–23.

⁴⁸ Мещанинов И.И. 1) О яфетической теории // Новый Восток. 1928. № 23–24. С. 313; 2) Язык и памятники материальной культуры как исторический источник // Памяти Карла Маркса. Сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти. 1883–1933. Л., 1933. С. 523–546.

путей⁴⁹. Конечно, чрезвычайно важным было применить этот подход к изучению древних памятников Закавказья — района столь важного для яфетидолога. В 1925 г. состоялась поездка Ивана Ивановича в Баку, в результате которой он осознал необходимость организации больших археологических работ в Азербайджане. В том же году увидели свет две его важные работы, непосредственно связанные с изучением кавказских древностей⁵⁰. Однако в приведённой выше записке 1927 г. И.И. Мещанинов признавал, что перед тем, как начать самостоятельные работы в Закавказье, он «для усвоения методов археологических раскопок» с 1925 г. участвовал в исследованиях Ольвии под руководством Б.В. Фармаковского.

Действительно, для практического исполнения поставленной задачи необходимо было пройти хорошую школу полевых исследований, и лучшей археологической школой в Советском Союзе того времени была именно Ольвийская экспедиция

Б.В. Фармаковского. В её работах И.И. Мещанинов принимал активное участие в 1925–1931 гг., но архивные материалы позволяют считать, что Иван Иванович побывал в Ольвии и в 1932 г.⁵¹ В 1927 г., когда Б.В. Фармаковский по состоянию здоровья не смог приехать на памятник, во главе Ольвийской экспедиции был поставлен Учёный совет, состоявший в основном из представителей Украины. От России в нём был представлен всего один человек — адъютант И.И. Мещанинов⁵². После смерти Б.В. Фармаковского в 1928 г. Иван Иванович три года продолжал участвовать в изучении Ольвии, но его заслуги в этой сфере не очень значительны⁵³. Попытку понять ольвийские древности с позиции нового учения о языке никак нельзя признать удачной. И.И. Мещанинов стремился увидеть здесь не просто сосуществование двух культур — эллинской и варварской — или даже их взаимовлияние. Следуя теории Н.Я. Марра, в брошюре «Кромлехи» он писал, что в этой

И.И. Мещанинов (стоит в центре)
на раскопках Ольвии
(ФО НА ИИМК РАН. О.172–44)

⁴⁹ Мещанинов И.И. Материальная культура и мышление // Из истории докапиталистических формаций. ИГАИМК. 1933. Вып. 100. С. 23.

⁵⁰ Мещанинов И.И. 1) Змея и собака на вещевых памятниках архаического Кавказа // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии Наук. 1925. Т. I. С. 241–256; 2) Каменные статуи рыб — вишапы на Кавказе и в Северной Монголии // Там же. С. 401–409.

⁵¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933 г. Д. 30. Л. 36.

⁵² Виноградов Ю.А. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 164.

⁵³ Мещанинов И.И. Отчёт о работах Ольвийской экспедиции // СГАИМК. 1931. Вып. 2. С. 23–24.

сфере в древнегреческой колонии происходило настоящее скрещение культур⁵⁴, чего в реальности, конечно, не было и не могло быть. Его трактовка «непонятных» ольвийских надписей как скифских текстов, написанных греческими буквами, оказалась фантастической, а вот предположение о «загадочных знаках» Причерноморья как о в своей основе родовых «тамгообразных» знаках⁵⁵, скорее всего, верно.

И.И. Мещанинов признавал, что нам ещё недостаточно известно искусство классического мира. «Изучая памятники “греческих колоний на юге России”, мы не задавались ещё целью проследить скрещение этого явно приносного искусства с местным, проследить его влияние на творчество того населения, для вывоза продуктов которого основывались греческие колонии». По провинции мы пытались «изучить центр, вместо того, чтобы изучать жизнь на месте»⁵⁶. Последнее заключение И.И. Мещанинова, на наш взгляд, может найти понимание у некоторых современных исследователей античной культуры Северного Причерноморья.

Идея о скрещении культур (в учении Н.Я. Марра она являлась одной из ключевых!), высказанная Иваном Ивановичем во многих его публикациях, в том числе и в упомянутой брошюре, была подвергнута критике, как немарксистская⁵⁷. А вот его попытка «прорвать заколдованный круг исторической исключительности античного мира», отказаться «от мертвящих установок винкельмановской классической археологии» нашла полную поддержку⁵⁸. Продолжая интересоваться кромлехами, И.И. Мещанинов обратил внимание, что кольцевые ограды из камня являются одним из признаков скифской культуры, но и в значительно более поздних борщёвских курганах имеются кольцевые ограды, сделанные из вертикально поставленных дубовых плах. Эти факты, по мысли исследователя, позволяют судить о «скифо-славянских трансформационных связях» и поставить вопрос — «действительно ли исчезли скифы и на их место прибыли славяне, или же мы и тут имеем процесс внутренней трансформации, давший новое оформление, условно именуемое “славяно-финским” миром»⁵⁹.

И.И. Мещанинов, прекратив своё участие в работах Ольвийской экспедиции, некоторое время всё-таки сохранял интерес к античной тематике. Так в «Производственном плане» Сектора рабовладельческой формации ГАИМК на 1933 г. записано, что он предполагал работать по двум темам: «Греческая топонимика Северного Причерноморья» и «Анализ негреческих имён по надписям Танаиса»⁶⁰. Что касается второй темы, то имелась и иная её формулировка — «Негреческие надписи Танаиса», но И.И. Мещанинов просил заменить её на другую — «Рабовладение в Закавказье и Приараратской области (по данным эпиграфики и погребений)». Заведующий Сектором рабовладельческой формации С.И. Ковалёв

⁵⁴ Мещанинов И.И. Кромлехи. Яфетидологический экскурс в область классического мира. ИГАИМК. 1930. Т. 6, вып. 3.

⁵⁵ Мещанинов И.И. Загадочные знаки Причерноморья. ИГАИМК. 1933. Вып. 62.

⁵⁶ Мещанинов И.И. О яфетической теории // Новый Восток. 1928. № 23–24. С. 312–313.

⁵⁷ Аптекарь В. Рец. на книгу: Мещанинов И.И. Кромлехи. ИГАИМК. 1930. Т. VI, вып. 3 // СГАИМК. 1931. № 3. С. 32.

⁵⁸ Там же. С. 31.

⁵⁹ Мещанинов И.И. Кромлехи у славян // СГАИМК. 1931. № 7. С. 16.

⁶⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933 г. Д. 31. Л. 3, 5, 23, 28.

просил руководство ГАИМК разрешить эту замену, считая новую тему «более актуальной и необходимой для сектора на настоящем этапе работы»⁶¹. Если в формулировке «Негреческие надписи Танаиса» нет опечатки, то можно считать, что на этих материалах Иван Иванович стремился развить идею, высказанную им ранее на основании надписей Ольвии, которая, как отмечалось выше, в корне ошибочна. Что касается замены исследовательской темы, то этот факт по-своему очень показателен — в 1933 г., как будет сказано ниже, И.И. Мещанинов закончил археологические работы в Азербайджане, и собранный им материал, естественно, требовал своего осмысления.

Теперь надо хотя бы кратко рассказать о работах И.И. Мещанинова в Закавказье. После его упомянутой поездки в Баку 1925 г., в местных научных кругах интерес к древней истории Азербайджана заметно возрос, в особенности это коснулось связей с Урарту⁶². В мае 1926 г. Общество обследования и изучения Азербайджана приступило к созданию своей первой экспедиции по исследованию древних памятников региона. Руководство экспедицией было возложено на И.И. Мещанинова. Полевые работы были начаты в июле этого года⁶³, и они сразу поставили вопрос о самых основах культуры древнего Азербайджана. Стоит отметить, что в ноябре 1926 г. И.И. Мещанинов написал статью «Египет и Кавказ», в которой рассмотрел идею Флиндерса Петри о некоторых элементах в египетской мифологии, находящих прототипы на Кавказе, или другими словами — о зарождении египетской мифологии на кавказской почве⁶⁴. Археологические материалы, добытые экспедицией Общества, никак не подкрепляли концепции Ф. Петри, но эта идея произвела на Ивана Ивановича большое впечатление. По его мнению, она «ставит на очередь вопрос первостепенной важности для кавказоведения, а в новом его освещении и для египтологии»⁶⁵. Столь же многообещающей представлялась находка, сделанная в одном из курганов Ходжалы в 1895 г., — каменная бусина с ассирийской надписью, которую И.И. Мещанинов поначалу датировал 763–755 гг. до н. э.⁶⁶, но потом скорректировал свою точку зрения — бусина могла быть многим старше, до XIV в. включительно, но в состав могильного инвентаря попала в середине VIII в.⁶⁷ Имеется и расширенная датировка этого предмета — XII–VIII до н. э.⁶⁸

⁶¹ Там же. Д. 3. Л. 23.

⁶² Мещанинов И.И. Доисторический Азербайджан и урартская культура // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1925. Т. 1. С. 5–16.

⁶³ Мещанинов И.И. 1) Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край, снаряжённой в 1926 г. Обществом изучения Азербайджана // СГАИК. 1926. Т. I. С. 217–240; 2) Археологическая экспедиция общества в Нагорный Карабах и Нахкрай // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1927. № 4. С. 104–107.

⁶⁴ Мещанинов И.И. Египет и Кавказ (по поводу работы Флиндерса Петри) // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1927. № 4. С. 34–43.

⁶⁵ Там же. С. 43.

⁶⁶ Мещанинов И.И. Бусина с клинописной надписью из Ходжалинского могильника // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1926. № 2. С. 53.

⁶⁷ Мещанинов И.И. К вопросу об ассирийской бусине из Ходжалинского могильника // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1926. № 3. С. 111.

⁶⁸ Мещанинов И.И. Изучение доисторических памятников Азербайджана за последние пять лет. Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1929. № 8, вып. 2. С. 9.

И.И. Мещанинов принимал активное участие в археологическом изучении различных районов Закавказья с 1926 по 1933 г. — Нагорный Карабах, Нахичевань и др. Ему очень хотелось направить эту работу на изучение стадиальных переходов, однако в реальной практике это не всегда удавалось. Для того, чтобы лучше представить специфику работы экспедиции, приведём выдержку из краткого отчёта И.И. Мещанинова, составленного 3 июня 1930 г.: «Целью работ явилось изучение древнейших периодов жизни на территории Азербайджана с выявлением смен общественных формаций и хозяйственной деятельности, увязывая археологические работы с этнографическими исследованиями...

Удалось установить (учитывая письменные источники халдов) тип хозяйства за 3 000 лет до наших дней: полуседлое скотоводчество, довольно густое население, наличие мелких владельческих единиц по всем данным уже феодального типа. Основа хозяйства, по-видимому, близка с ныне бытующей в горах Малого Кавказа. Установлена периодизация памятников с 1 500 г. до 500 г. до н. э. <Установлено> наличие за это время торговых сношений с югом, в частности с Ассирией. <Имели место> периодические разграбления местного населения соседом с юга (Халдским царством). Несомненное классовое деление местного населения. Периоды до 1 500 г. и после 500 г. до н. э. ещё не выяснены. Пробелы между ними и так называемым мусульманским периодом остаются ещё не заполненными. Все находки передаются в Азербайджанский государственный музей. Проработка материала, в частности и его расчистка, производилась в Разряде древнего Кавказа совместно с Институтом Археологической Технологии, ныне II Отделение Академии...

При работах на местах читались осведомительные доклады в Агдаме, Баку и Нахичевани. В последнем были прочтены в здании Тюркского театра публичные лекции на русском и тюркском языках, в Баку ежегодно читались до 3–4 докладов в публичных заседаниях Общества изучения Азербайджана с предварительным извещением о том в газетах. В 1926 г. в Баку была развёрнута выставка находок экспедиции в Ходжалы и Кызыл-ванк, длившаяся 3 недели и посещённая до 1 500 человек. Во время работ в поле давались объяснения экскурсиям и отдельным посетителям из числа местных жителей, преимущественно армян и турок»⁶⁹.

Этот отчёт, конечно, не является окончательным подведением итогов, его скорее можно признать промежуточным и при этом довольно абстрактным. Приведённые выводы не подкрепляются материалами из раскопок поселений и некрополей (даже упоминаниями о них!) и потому кажутся голословными. Другого, скорее всего, просто не могло быть при очевидной неразработанности датировки археологических памятников. Некоторые другие выводы И.И. Мещанинова относительно древней истории Азербайджана тоже не отличаются глубиной, например, утверждение, что в I тыс. до н. э. страна представляла собою «замечательный объект для нападения»⁷⁰.

Лучшее впечатление оставляют итоги исследований Мильской степи. Зафиксированная там система каналов, по мнению И.И. Мещанинова, имеет значение для выявления древнего орошения «в целях использования его в современных зада-

⁶⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 107. Л. 2.

⁷⁰ Мещанинов И.И. История Азербайджана по археологическим памятникам // Известия Азербайджанского филиала [АН СССР]. 1944. № 7. С. 65.

ниях строительства»⁷¹. Подобные научные суждения в то время были очень популярны не только в отношении Азербайджана. Для степных районов, конечно, принципиально важное значение всегда имеет вопрос о взаимоотношениях кочевников с оседлым населением. По краям Мильской степи расположено большое количество городищ, которые, как представлялось И.И. Мещанинову, возникли не в целях обслуживания торговли и не были в своём исходном моменте поселениями, связанными с ирригационной системой. По его мнению, они не были городами в точном смысле этого слова, а являлись поселениями, возникшими на почве развивающегося земледелия в местах, орошаемых реками. Из этих пунктов шла экспансия земледельцев в степь, «обусловленная в успехе новыми формами социального строя — государственной властью»⁷². Этот вывод, возможно, в чём-то справедлив, хотя, по существу, он является лишь кратко сформулированной программой для будущих масштабных археологических исследований. В отношении этих грядущих исследований И.И. Мещанинов указывал на необходимость комплексных работ с привлечением специалистов в различных областях (археологии, почвоведения, ботаники и т. д.), что чрезвычайно значимо «для более полного охвата разносторонних моментов борьбы человека со степью по пути господства над ней как в далёком прошлом, так и в настоящее время»⁷³.

С кавказской проблематикой связаны три специальные публикации И.И. Мещанинова. Одна из них посвящена изучению изображений на закавказских поясных бляхах, на примере которых Иван Иванович попытался продемонстрировать всю силу яфетидологического подхода к пониманию мышления древнего человека⁷⁴. Он исходил из того, что в сознании людей на определённом этапе развития на первый план выдвигается идея неба, — это верхнее небо, всепоглощающее собой. Потом формируется идея нижнего неба — вода, море, преисподняя. Наконец, возникает понятие земли.

На поясных бляхах представлены изображения животных (животных-божеств): рыб, птиц, коней, оленей. Они могут находиться во всех трёх сферах — конь морской и небесный, дракон (змея) имеет крылья, рога оленя преисподней касаются неба и т. д. Змея и собака, по мнению автора, являлись не просто слугами преисподней, но самой преисподней. «Вода, как единое когда-то божество, даёт жизнь и смерть»⁷⁵. Подателем жизни, естественно, служит женщина. Потом к образу женщины/воды присоединяется дерево.

По заключению И.И. Мещанинова, на закавказских бляхах нет изображений сцен охоты в обычном её понимании. Эти бляхи явно имели культовое значение, изображая сошествие героя в преисподнюю. Все представленные здесь животные уместны на нижнем небе, они попали «в изделие из бронзы как пережиток далёкого прошлого, как сохранившийся сказочный мотив или предмет верования,

⁷¹ Мещанинов И.И. Краткий осведомительный отчёт о работе в Мильской степи экспедиции 1933 г. // Труды Азербайджанского филиала [АН СССР]. 1936. Т. 25. С. 5.

⁷² Там же. С. 26.

⁷³ Там же. С. 29.

⁷⁴ Мещанинов И.И. Закавказские поясные бляхи. Опыт яфетидологического анализа памятников материальной культуры. Баку, 1927.

⁷⁵ Там же. С. 7.

а вовсе не как эпизод из современной жизни»⁷⁶. С таким выводом И.И. Мещанинова, как нам думается, могут в известной мере согласиться многие современные исследователи древних религиозных представлений. Указывая на недостаточность чисто искусствоведческого подхода к изучению предметов такого рода, он писал об опасности выводов, построенных на оторванной от жизни кабинетной работе, ограниченной исключительно формально-сравнительными сопоставлениями⁷⁷, и здесь Иван Иванович тоже был во многом прав.

Во второй работе, «Пирь Азербайджана», И.И. Мещанинов обратился к анализу традиционных святилищ, связанных с почитанием деревьев, камней и т. д. По этому поводу он заключил: «В пирах перед нами открывается картина не этноса, а мировой истории, картина смен стадий мышления, пережитых чуть ли не всем человечеством»⁷⁸. Эти религиозные пережитки в отдельных случаях могут быть связаны с наиболее древними стадиями развития человеческого сознания⁷⁹.

Третья работа особенно примечательна, она посвящена «циклопическим» сооружениям Закавказья⁸⁰. Их количество и разнообразие произвело на И.И. Мещанинова большое впечатление. В некоторых руинах или рядом с ними были обнаружены урартские надписи, но Иван Иванович подчёркивал, что строительство городов в этом районе началось не с урартами и не закончилось с их уходом⁸¹. Анализируя особенности планировки городищ, он отмечал, что некоторые из таких памятников имели цитадели, расположенные внутри них и окружённые единой оборонительной стеной. Это обстоятельство исследователь связывал с тем, что цитадель принадлежала вождю родоплеменного объединения, который всё ещё оставался членом общины. Феодал же мог жить вне города, в своём обособленно стоящем замке⁸². Циклопические сооружения таким образом имели свой генезис, они могли возникнуть только на стадии существования родоплеменных союзов⁸³. Все эти рассуждения сейчас представляются очень схематичными. Вполне понятно, что для их обоснования требовались систематические, целенаправленные раскопки городищ, но в то время этого сделать не удалось. Подчеркнём, однако, что И.И. Мещанинов прекрасно понимал необходимость проведения таких работ⁸⁴.

Этот период научной деятельности И.И. Мещанинова и его роль в археологических исследованиях ГАИМК, конечно, заслуживает более подробной характеристики. Базой для неё в основном могут стать публикации исследователя, в которых так или иначе затрагивалась археологическая проблематика. В приведённых выше документах неоднократно упоминается статья «О доисторическом переселении

⁷⁶ Там же. С. 37.

⁷⁷ Мещанинов И.И. Рец. на статью: Ивановская Т. Кавказские бронзовые поясные пряжки // Мистецтвознавство. Збірник І. Харків, 1928. С. 1–27 // СГАИМК. 1931. № 1. С. 33–34.

⁷⁸ Мещанинов И.И. Пирь Азербайджана. ИГАИМК. 1931. Т. IX, вып. 4. С. 17.

⁷⁹ Мещанинов И., Алекперов А. История материальной культуры за 15 лет // Труды Азербайджанского филиала [АН СССР]. 1936. Т. XXX. С. 147.

⁸⁰ Мещанинов И.И. Циклопические сооружения Закавказья. ИГАИМК. 1932. Т. XIII, вып. 4–7.

⁸¹ Там же. С. 11.

⁸² Там же. С. 81.

⁸³ Там же. С. 88.

⁸⁴ Мещанинов И., Алекперов А. История материальной культуры. С. 138.

народов», и она действительно очень показательна⁸⁵. Вообще же при решении этой проблемы И.И. Мещанинов отталкивался от постулата Н.Я. Марра, который признавал «резкое различие “миграций” доклассовых обществ и миграций исторических периодов уже классового состояния государственных образований. В первом случае имеется экспансия, а во втором — переселение»⁸⁶. В названной статье Иван Иванович резко выступил против теории миграционизма, объясняющей все сходные явления в древних культурах переселениями народов. «Происходит это именно потому, — отметил автор, — что мираж переселения с полными переносами всего целого вместе с этнической массой сохраняет чудовищную силу до текущего дня»⁸⁷. Естественно, И.И. Мещанинов констатировал, что следует изучать не эпохи чередующихся смен народов, а стадии развития самой культуры. При этом он вовсе не отрицал передвижения народов в древности, но отмечал, что такие передвижения в эпоху камня нельзя приравнять к нашествиям более поздних времён. Медленные миграции с более или менее долгими остановками и дальнейшим движением не могли сохранить «целостность народной массы». По его словам, «вышли одни, а дошли другие»⁸⁸, и с этим положением трудно поспорить.

Конечно, И.И. Мещанинов не обошёл вниманием вопрос о вторжениях варваров в цивилизованные страны, известные по многочисленным письменным источникам. По этому поводу он отметил, что «и эти исторические переселения народов не сметали с лица земли культуры проходимых ими стран, и от вопроса о переселении мы в этом случае скорее всего переходим к вопросу о смешении если не рас, то культур»⁸⁹. На наш взгляд, если отбросить крайности теории стадильности, которые И.И. Мещанинов ставил на первое место, в его суждениях можно найти немало ценного для современного понимания процессов миграций.

В другой своей работе И.И. Мещанинов ещё раз подчёркивал, что он не отрицает народных переселений в древности. «Пришельцы, — по его словам, — наседали на своих предшественников, усиливая сложность скрещения, производя дробление общественных группировок, иногда заменяя один господствующий класс другим»⁹⁰. Далее Иван Иванович писал: «Каждая стадия, воспринимая наследие предыдущей, приравнивает её к своим потребностям и толкует в соответствии со своим мировоззрением»⁹¹, а наши исследователи через мощную стену «до-истории» не видят истории. Эту стену, по его мнению, следует решительно уничтожить. Если считаться с вопросами стадильности, то многие забытые исторические периоды, как ему представлялось, обратятся в историю. Правда, доисторию

⁸⁵ Мещанинов И.И. О доисторическом переселении народов (в связи с работой G. Wilke). Анализ вопроса в яфетидологическом освещении // Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. XXIX (5). С. 190–238.

⁸⁶ Мещанинов И.И. Новое учение о языке. Л., 1936. С. 20.

⁸⁷ Мещанинов И.И. О доисторическом переселении народов. С. 216.

⁸⁸ Там же. С. 208; ср.: Мещанинов И.И. 1) Яфетидология и марксизм. С. 29; 2) Проблемы классификации языков и народов. С. 77.

⁸⁹ Мещанинов И.И. О доисторическом переселении народов. С. 211.

⁹⁰ Мещанинов И.И. К вопросу о терминах «история» и «до-история» (Из области яфетидологии) // Новый Восток. 1929. Кн. 26–27. С. 244.

⁹¹ Там же. С. 245.

И.И. Мещанинов понимал весьма своеобразно. Он верно считал, что задача историка заключается в получении цельной картины жизни, начиная с древнейших времён. «Для этого, — как писал исследователь, — требуется постепенное обращение до-исторических периодов в исторические, то есть в датируемые»⁹². Всё-таки вопросы датирования, важные сами по себе, в отношении разделения истории и доистории не столь существенны, принципиальное значение здесь имеют факторы экономического и социально-политического развития древних обществ.

И.И. Мещанинова, как исследователя, работавшего на стыке лингвистики и археологии, естественно, занимал вопрос об использовании лингвистического материала при исследовании вещественных памятников. По его мнению, язык, как явление надстроечное, «не понятен вне связи с своим материальным базисом»⁹³. Поскольку базис изменчив, то изменчив и язык. По этой причине, к примеру, к изучению скифов необходимо подходить стадияльно, выявляя с помощью вещественных памятников и языковых данных «социально-экономическую структуру не этноса, а общества данной стадии развития, вне всякой зависимости от расового признака»⁹⁴. «Скифская» стадия представлена в Причерноморье, Сибири и Закавказье, и, по мнению автора, правильное её понимание возможно только при отказе от узких географических и этнических рамок. Оценивая находки в Пазырыкских курганах, И.И. Мещанинов считал, что образ скифского оленя сохранился там лишь в консервативном культе, тогда как в реальной жизни оленя заменила лошадь. «Конь у скифа — реальное средство производства, тогда как олень у него уже миф, лишь палеонтологически вскрываемый в своей старой, пережитой хозяйственной роли»⁹⁵.

Стоит отметить, что внимание И.И. Мещанинова к скифской проблематике совсем не случайно. В 1931 г. он возглавлял Скифскую группу Сектора архаической формации ГАИМК. Под его руководством трудились 10 человек, в том числе А.П. Манцевич, Б.Б. Пиотровский, Н.Д. Салганик, Л.Т. Гюзальян и др.⁹⁶ Эта нагрузка, как представляется, не мешала ему возглавлять ещё и Группу языка, направляя её деятельность на «выяснение на языковом материале пройденных этапов в развитии общества и промыслов в их различных проявлениях с непременным учётом памятников материальной культуры в их стадияльных соотношениях»⁹⁷.

К вопросам датировки археологических памятников И.И. Мещанинов подходил с позиции, которая сейчас представляется очень необычной⁹⁸. Признавая точность письменных источников относительной, он выступил против «уродливых методов» сравнительно-формального метода в археологических исследованиях.

⁹² Мещанинов И.И. 1) Изучение доисторических памятников Азербайджана за последние пять лет // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1929. № 8. С. 9; 2) Яфетидология и марксизм. С. 30.

⁹³ Мещанинов И.И. О применении лингвистического материала при исследовании вещественных памятников // СГАИМК. 1932. № 1–2. С. 6.

⁹⁴ Там же. С. 8.

⁹⁵ Там же. С. 12.

⁹⁶ СГАИМК. 1931. № 6. С. 36.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Мещанинов И.И. К вопросу о датировке археологических памятников // СГАИМК. 1932. № 5–6. С. 23–29.

По его мнению, упор должен делаться на период, «границы которого определяются резкими изменениями скачкообразного, диалектического движения, в начале исторического периода и в конце его». Тогда получится «датировка в динамике, а не датировка в статике, к которой обычно скатывается исследователь-археолог»⁹⁹. «Голо-типологический подход» И.И. Мещанинов считал абсолютно неприемлемым, поскольку он базируется на расовом в своей основе признаке и ведёт «к уродливой схеме переселения народов и культур»¹⁰⁰. Он утверждал: «Без учёта социальных условий исследователь всегда остаётся во власти типологического принципа. Даваемая им датировочная схема не только останется условной, но и в большинстве случаев просто грубо не верна»¹⁰¹.

На первый взгляд кажется странным, что, помимо всего прочего, И.И. Мещанинов проявлял серьёзный интерес к столь отдалённой эпохе, как верхний палеолит, о чём уже частично говорилось выше. Однако если принять во внимание его интерес к проблеме происхождения речи, то ничего странного здесь нет. Его трактовка этой эпохи, естественно, базировалась на теории стадильности. В частности, он писал: «Представляя собой стадильную ступень в общем процессе развития охотничьего хозяйства, верхний палеолит оформился в процессе трансформационного сдвига (скачка) из предшествующего состояния охотничьего общества, условно именуемого мустье»¹⁰². Следствием происшедших изменений, т. е. следствием перехода на более развитую форму охотничьего хозяйства, по мнению автора, стало изменение антропологического типа (неандертальца в кроманьонца) и появление звуковой речи. Это была стадия крупных охотничьих объединений¹⁰³.

С февраля 1929 г. И.И. Мещанинов занимал должность учёного секретаря ГАИМК¹⁰⁴. Помимо такой серьёзной нагрузки, он возглавлял Сектор доклассового общества ГАИМК. В 1932 г. выяснилось, что в работе этого подразделения мало внимания было уделено «вопросам надстроечного порядка». Чтобы лучше понять некоторые такие вопросы, было решено провести дискуссии. Одна из дискуссий, вынесенная на пленарное заседание Сектора, была посвящена тотемизму. Вступительное слово на нём принадлежало И.И. Мещанинову, а вывод по дискуссии был предельно прост: «Общее мнение большинства сотрудников сектора относительно тотемизма заключается в рассмотрении его как формы сознания экзогамной группы, которой являлся матриархальный род»¹⁰⁵.

В годы первых пятилеток необходимо было продемонстрировать, что история материальной культуры имеет значение для решения широких задач, стоящих перед страной. Совместно с Н.Я. Марром И.И. Мещанинов подчёркивал важность специальных археологических обследований районов, в которых планировалось провести масштабные строительные или иные работы. Обнаружение там центров

⁹⁹ Там же. С. 26.

¹⁰⁰ Там же. Л. 28.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Мещанинов И.И. Верхний палеолит. ИГАИМК. 1931. Т. XI, вып. 1. С. 5.

¹⁰³ Мещанинов И.И. К вопросу о стадильности в письме и языке. ИГАИМК. 1931. Т. VII, вып. 5–6. С. 30–45.

¹⁰⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 210. Л. 5.

¹⁰⁵ Третьяков П. Сектор доклассового общества ГАИМК в 1932 г. // СГАИМК. 1932. № 11–12. С. 75.

древней металлообработки, систем ирригации, даже терминологический анализ слов языков народов СССР может помочь современному строительству¹⁰⁶. В январе — августе 1935 г. Иван Иванович являлся председателем Комитета по работе ГАИМК на новостройках, но ещё годом раньше он писал, что «для социалистического строительства актуальным является наиболее полное изучение прошедших периодов общественной жизни, на основе разрушения которых (при строительных работах. — Ю.В., И.Ш.) воздвигается новое социалистическое общество»¹⁰⁷. Заявление, надо признать, довольно странное. Таким же представляется и другое его заключение о пользе новостроечных работ: «При таких условиях, естественно, получился стык между практиком-строителем и вышедшим из кабинета специалистом-историком, оживлённым переживаемой им самим стройкой, приведшей его к широким горизонтам полевой работы»¹⁰⁸. Стоит привести и слова И.И. Мещанинова из его предисловия к сборнику ГАИМК, посвящённому работам на новостройках: «Здесь нам приходится подчёркивать только непосредственную практическую сторону наших работ и не приходится оправдываться их особыми темами, увязывающими наши теоретические изыскания с задачами социалистического строительства. Такая увязка явно на лицо. В этом наша сила, так как мы чувствуем ту посильную помощь, которую даёт наш труд. И это в свою очередь окрыляет нас, но в то же время возлагает на нас всё увеличивающуюся долю ответственности»¹⁰⁹.

С.Н. Быковский отмечал, что И.И. Мещанинов не только претворил в своих конкретных исследованиях в области археологии творческие идеи Н.Я. Марра, «но своими самостоятельными работами подготовил полный разгром буржуазных археологических концепций»¹¹⁰. Однако не всё было так просто. В 1934 г. структура ГАИМК была подвергнута очередной существенной перестройке. Сектора были ликвидированы, на их базе созданы институты, делившиеся на кафедры. Уже в январе месяце Иван Иванович был назначен и. о. директора Института истории доклассового общества¹¹¹, на новом посту следовало обратить внимание на недостатки в работе прошедшего времени. Не удивительно, что в том же 1934 г. в статье, подготовленной И.И. Мещаниновым совместно с Н.Я. Марром, отмечалось, что в изучении материальной культуры всё ещё отсутствовала единая целеустановка. Археология обратилась в простое вещеведение. Старому археологу «чужда мысль о возможности трансформации так называемой скифской культуры в украинскую и русскую, объединяемые не вполне ясным термином “славян”»¹¹². Этнографический материал, как живое свидетельство смен стадийных формаций, остаётся

¹⁰⁶ Марр Н.Я., Мещанинов И.И. Гидротехническое строительство и история материальной культуры // Гидротехническое строительство. 1933. № 3–4. С. 32.

¹⁰⁷ Мещанинов И.И. Археологические работы на новостройках // ПИДО. 1934. № 5. С. 24.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Мещанинов И.И. Предисловие // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 г. ИГАИМ. 1935. Вып. 109. С. 9.

¹¹⁰ Быковский С.Н. Итоги советской археологической работы к XV-й годовщине Октября // СГАИМК. 1932. № 9–10. С. 5.

¹¹¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 28. Л. 35.

¹¹² Марр Н.Я., Мещанинов И.И. Общее учение о языке и памятники материальной культуры // ПИДО. 1934. № 3. С. 22.

мало чем пригодным. Лингвистика находится в ещё более трудном положении. Необходимая комплексность и согласованность в методологическом подходе к изучению проблемы, в общем, отсутствовала¹¹³. Ясно, что до полного разгрома буржуазных археологических концепций было ещё далековато.

Некоторые высказывания И.И. Мещанинова по поводу археологии сейчас выглядят, мягко говоря, странно. К примеру, исследователь писал, что археологический материал «точен, потому что он подлинен, он же иногда недостаточно понятен»¹¹⁴, но ведь цель археолога и заключается в том, чтобы понять этот материал. Или вот ещё одно высказывание: «И если классовая борьба, по одним лишь археологическим памятникам, не выступает ещё так же ясно, как по письменным источникам, то виною этому будет не сам материал, а пока ещё слабая его изученность»¹¹⁵.

Из многих приведённых выше суждений И.И. Мещанинова вполне понятно, что он большое внимание уделял сбору и изучению этнографических материалов. В первые годы работы в Азербайджане Иван Иванович с удивлением отметил, что местные рабочие были более осведомлены в этой сфере, чем он сам, занимавший в экспедиции весьма высокий и ответственный пост. В одной из могил тогда нашли бусину рядом с бронзовым оружием, рабочие объяснили, что в мусульманских селениях тогда ещё клали бусины в мужские погребения. По поводу обсидиановых предметов, происходящих из раскопок, одни из них указывали, что они являются целебным средством от глазных болезней, другие же вспоминали, что деды использовали эти отщепы при обрезании. И.И. Мещанинов при этом отмечал, что отдельные культурные принципы могли быть руководящими в человеческой общности, но с развитием хозяйственной деятельности они переходили в разряд пережитков. Он вполне справедливо писал: «Эту связь старого с новым, эти видоизменения и условия их перемен в различных стадиях культурной жизни улавливают и этнография, и археология, взаимно друг друга пополняя и взаимно друг друга поясняя»¹¹⁶.

В 1932 г. И.И. Мещанинов был избран действительным членом АН СССР. С 1933 по 1937 гг. он возглавлял Институт антропологии и этнографии АН СССР. В декабре 1934 г., когда из жизни ушёл Н.Я. Марр, Иван Иванович встал во главе Института языка и мышления АН СССР им. Марра (так с 1931 г. стал называться Яфетический институт АН СССР). Прощаясь со своим учителем и другом, И.И. Мещанинов писал: «Наше общее дело — не дать заглухнуть заложенному <Н.Я. Марром>. Оно и не может заглухнуть»¹¹⁷. Поначалу он действительно продолжал идти по пути, ставшему для него привычным¹¹⁸. Реальность, однако, требовала внести коррективы в учение, которое казалось единственно верным. К концу 30-х гг. Иван Иванович уже указывал на сложность научной работы по четырём лингвистическим

¹¹³ Там же. С. 18–19.

¹¹⁴ Мещанинов И.И. История Азербайджана по археологическим памятникам // Известия Азербайджанского филиала [АН СССР]. 1944. № 7. С. 66.

¹¹⁵ Там же. С. 63.

¹¹⁶ Мещанинов И.И. О пользовании этнографическим материалом при археологических работах // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1927. № 5. С. 83.

¹¹⁷ Мещанинов И.И. Николай Яковлевич Марр // СЭ. 1935. № 1. С. 16.

¹¹⁸ Мещанинов И.И. Общее языкознание за 20 лет // Памяти академика Н.Я. Марра (1864–1934). М.–Л., 1938. С. 1–16.

элементам. По существу, отход от такого формального анализа обозначился сразу после смерти Н.Я. Марра¹¹⁹, что признавал сам И.И. Мещанинов. По этому поводу он писал в 1940 г.: «Как и всякая научная концепция, хотя бы и проблематичная, схема лингвистических элементов нуждается в научном её подтверждении или отрицании. Я не берусь сейчас ни за то, ни за другое»¹²⁰.

Новые назначения этого времени, конечно, требовали от И.И. Мещанинова много сил и времени. В начале 1935 г. он к тому же был назначен заведующим Кафедрой методики и техники полевых исследований ГАИМК, а вскоре — председателем Комитета по работам Академии на новостройках. На этих должностях Иван Иванович долго не задержался — в июне этого года он был освобождён от заведования Кафедрой, согласно личному заявлению, а в июле был ликвидирован Комитет по работам Академии на новостройках¹²¹. Все эти, казалось бы, неприятные моменты на самом деле таковыми не являлись. Дело в том, что И.И. Мещанинов принял решение вообще уйти из ГАИМК, — ещё 23 февраля 1935 г. он подал заявление следующего содержания: «Переобременённый нагрузкою по Академии Наук в связи с назначением меня директором Института языка и мышления, я лишён возможности нести работу в ГАИМК даже на половинной нагрузке, на какой я состоял до сих пор. Последнее время убедило меня в том, что я лишён возможности даже регулярной работы и минимального посещения Академии. Всё изложенное вынуждает меня просить Вас освободить меня от работы в Академии, желательно с февраля, когда я фактически уже не мог посещать Академии»¹²².

Освободить от работы в ГАИМК столь важного сотрудника задним числом, конечно, не получилось, и вообще быстрое решение этого вопроса было невозможно. Стены Академии, с которой И.И. Мещанинова связывали долгие годы работы, он официально покинул лишь почти через год — 26 января 1936 г.¹²³ С 1939 по 1950 гг. И.И. Мещанинов был членом Президиума АН СССР, академиком-секретарём Отделения литературы и языка, по существу, он возглавил всё советское языкознание. Кроме того, Иван Иванович активно занимался преподавательской деятельностью (в 1937–1939 и 1952–1967 гг.), являясь профессором Кафедры общего языкознания Филологического факультета Ленинградского университета. В 1937–1939 годах он не только заведовал этой кафедрой, но и был деканом Филологического факультета.

Чрезвычайная профессиональная и административная занятость не мешала маститому учёному быть доступным и отзывчивым человеком. Наглядный пример, — когда Р.В. Кинжалов, будучи старшеклассником, написал письмо И.И. Мещанинову, задав ему ряд профессиональных вопросов, академик не только обстоятельно ответил на них, но и в дальнейшем всячески поддерживал интерес пытливого школьника из провинции к Древнему миру, неоднократно присылая ему необходимую научную литературу. Указывая на важность изучения древних языков, И.И. Мещанинов посоветовал своему юному корреспонденту после окон-

¹¹⁹ Мещанинов И.И. Марр — основатель советского языкознания. С. 295.

¹²⁰ Мещанинов И.И. Очередные задачи советского языкознания // ИАН ООН. 1940. № 3. С. 21.

¹²¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 210. Л. 6–7.

¹²² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 427. Л. 31.

¹²³ Там же. Ф. 2. Оп. 5. Д. 210. Л. 7.

чания школы продолжить учебу на филологическом факультете ЛГУ, что тот и сделал¹²⁴.

Однако, при всех своих достоинствах, И.И. Мещанинов оставался человеком своего времени. Так, по авторитетному свидетельству Н.В. Брагинской, «все “яфетиды” следующего призыва» ненавидели О.М. Фрейденберг, которую весьма ценил Н.Я. Марр. После его смерти «именно И.И. Мещанинов инспирировал через подставных лиц травлю “Поэтики сюжета и жанра”¹²⁵. Мещанинову заметные и особенно самостоятельные фигуры рядом с Марром были не нужны, не нужен был и соперник в распоряжении социальным капиталом Марра»¹²⁶.

Как и у всех советских людей, особым периодом в жизни Ивана Ивановича стала война. В публикациях можно найти мнение, что 1941–44 гг. И.И. Мещанинов провёл в эвакуации в Алма-Ате¹²⁷. Это верно лишь отчасти. Первую блокадную зиму он встретил в Ленинграде, и сам по себе этот факт говорит очень о многом. Ф.П. Филин написал по этому поводу: «Надо было видеть, с какой стойкостью он переносил невероятные лишения, обстрелы и бомбёжки, как он ободрял оставшихся с ним сотрудников. И его ослабевшая от голода рука не выпускала перо, мысль неустанно работала над решением научных проблем. Только подчиняясь приказу руководства, он в феврале 1942 г. покидает осаждённый город»¹²⁸.

По своей сугубо гуманитарной специальности академик, конечно, был страшно далёк от военной специфики, но в трудные для страны годы и он принёс немалую пользу в борьбе с врагом. Продолжая научную работу, Иван Иванович организовал подготовку военных переводчиков для нужд Красной Армии. Он инициировал создание авторских коллективов по написанию различных специализированных словарей и пособий для переводчиков с языков всех стран противников (немецкого, финского, венгерского, румынского, словацкого и некоторых народов, представители которых чаще всего мобилизовались в гитлеровскую армию), а также некоторых государств-союзников (английского, французского, польского и других). И.И. Мещанинов сам стал автором ряда пособий для переводчиков с немецкого и венгерского языков. Кроме того, его привлекали для перевода наиболее важных трофейных документов¹²⁹. Военный институт иностранных языков, в котором И.И. Мещанинов был членом Учёного совета, вынес ему благодарность «за оказанное им содействие и помощь в постановке научной работы и за участие в подготовке офицеров — специалистов по иностранным

¹²⁴ Кинжалов Р.В. Из прошлого. М.; Пб., 2013. С. 45. В этом же издании составителем опубликованы два чудом уцелевшие письма И.И. Мещанинова Р.В. Кинжалову (Там же. С. 224–227).

¹²⁵ Речь идёт о докторской диссертации и единственной прижизненной монографии О.М. Фрейденберг (1936 г.).

¹²⁶ Брагинская Н.В. «У меня не жизнь, а биография» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 26. По словам исследовательницы, «в арсенале были простые средства: взять для рассылки отпечатанные приглашения на доклад Фрейденберг. И не разослать. Она приходит и сталкивается с пустым залом» (Там же).

¹²⁷ Жирмунский В., Аврорин В. Академик И.И. Мещанинов. С. 11.

¹²⁸ Филин Ф.П. И.И. Мещанинов. С. 9.

¹²⁹ Тихонов И.Л. И.И. Мещанинов // Сетевой биографический словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII–XX вв. СПб., 2012. <https://bioslovhist.spbu.ru/person/864-meshchaninov-ivan-ivanovich.html> (дата обращения: 3 мая 2021).

языкам»¹³⁰. После эвакуации из Ленинграда И.И. Мещанинов действительно оказался в Алма-Ате, где занимался подготовкой местных научных кадров, а также изучал тюркологию¹³¹.

В 1943 г. И.И. Мещанинов получил Сталинскую премию, а 23 ноября этого года был награждён орденом Ленина¹³². На чествованиях, устроенных по этому поводу, академик И.Ю. Крачковский сказал, что Иван Иванович «оказался действительно тем, что англичане называют настоящим человеком на настоящем месте»¹³³. И.И. Мещанинов в ответном выступлении заявил, что его работа теснейшим образом связана с деятельностью большого коллектива, так что это торжество не только лично для него, но «в значительной степени — праздник филологии вообще»¹³⁴.

Из эвакуации И.И. Мещанинов вернулся в 1945 г. в свою квартиру в Доме академиков (7-я линия Васильевского острова, д. 2, кв. 17), которая, по воспоминаниям Б. Шилина, племянника Ивана Ивановича, оказалась в полном порядке¹³⁵. Любопытно, что Н.Я. Марр проживал в этой квартире вплоть до своей смерти в 1934 г., затем она была поделена, причём значительная её часть досталась И.И. Мещанинову. Он продолжал работать за столом своего учителя¹³⁶.

К сожалению, существует не так много публикаций мемуарного характера, в которых описаны особенности характера Ивана Ивановича, его привычки, пристрастия, симпатии и антипатии. Как исключение из этого правила, можно привести любопытную историю, рассказанную Б.Б. Пиотровским¹³⁷. Она явно относится к времени до 1934 г., когда И.И. Мещанинов ещё проживал на Надеждинской улице (ныне ул. Маяковского) г. Ленинграда, а не в Доме академиков. Тогда он занимался преподаванием халдской клинописи для молодых людей, интересовавшихся этим предметом. В число их входил и Борис Борисович. По его словам, во время этих занятий сначала все читали тексты, сидя за большим круглым столом, потом шли на обед (с водкой), который проходил в ресторане на канале Грибоедова. Наконец, отправлялись на квартиру И.И. Мещанинова для «практических занятий». Там все тоже усаживались за стол и принимали участие в игре, моделирующей путешествие на поезде из Ленинграда в Баку. По рукам ходило расписание поездов, и периодически объявлялись следующие остановки, каждое такое объявление было тостом, за который надо было выпить. Между остановками «пассажиры», естественно, вели оживлённые беседы. Понятно, что некоторые из них вынуждены были «сойти с поезда» и немного отдохнуть на мягком диване, а другие, надо думать, до Баку вообще не доезжали¹³⁸.

¹³⁰ Лысенко Т.И. И.И. Мещанинов и его архивное наследие // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. № 5. С. 449.

¹³¹ Жирмунский В., Аврорин В. Академик И.И. Мещанинов. С. 11; Филин Ф.П. И.И. Мещанинов. С. 9.

¹³² Вестник Академии наук СССР. 1944. № 1–2. С. 20.

¹³³ Там же. С. 85.

¹³⁴ Там же. С. 86.

¹³⁵ Шилин Б. О квартире № 17 // Дом академиков. История и судьба. СПб., 2016. С. 293.

¹³⁶ Там же. С. 294.

¹³⁷ Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. М., 2009. С. 76–77.

¹³⁸ О подобных «увлечениях» мэтра рассказывали нам некоторые старейшие сотрудники Ольвийской экспедиции, которым довелось поработать с И.И. Мещаниновым.

В 1946 г. И.И. Мещанинову была присуждена Сталинская премия первой степени за выдающийся труд в области историко-филологической науки — монографию «Члены предложения и части речи», изданную в 1945 г.¹³⁹ В постановлении по этому вопросу, в частности, было сказано, что автор, развивая учение Н.Я. Марра, распространил его на область синтаксиса и морфологии. Надо признать, что премия первой степени была очень солидной — 200 000 рублей¹⁴⁰. И.И. Мещанинов в духе того времени выразил свою благодарность И.В. Сталину, признав общенародную любовь «к великому гению всего свободолюбивого человечества»¹⁴¹. Стоит отметить, впрочем, и то, что после разоблачения марризма именно эта книга И.И. Мещанинова была подвергнута разгромной критике, но об этом чуть позднее.

После окончания Великой Отечественной войны И.И. Мещанинов продолжал возглавлять советское языкознание, проводя к тому же большую педагогическую работу, участвуя в развитии связей с зарубежными учёными, прежде всего, из социалистических стран, и т. д.¹⁴² В это время он делал новые попытки переосмысления некоторых важнейших положений «нового учения о языке» Н.Я. Марра¹⁴³. Применение анализа по четырём лингвистическим элементам к тому времени, как ему представлялось, отпало само по себе¹⁴⁴. Попытку дать стадильную периодизацию языков тоже пришлось признать неудовлетворительной¹⁴⁵. Тем не менее, И.И. Мещанинов по-прежнему был уверен в ложности концепции праязыков и считал, что «развитие языка в историческом его аспекте шло не от единого языка к множеству, а, наоборот, многообразие языковой речи постепенно перешло к более ограниченным в своём числе, но более мощным языкам»¹⁴⁶. Сначала это были родовые языки, потом племенные, народные и, наконец, национальные¹⁴⁷. Позднее И.И. Мещанинов признал, что, отступая от отдельных утверждений Н.Я. Марра, основные его установки были сохранены, «и с их позиций мы подходили к анализу языкового материала»¹⁴⁸.

Хорошо известно, что в августе 1948 г. прошла сессия ВАСХНИЛ¹⁴⁹, на которой академик Т.Д. Лысенко выступил с докладом о ситуации, сложившейся

¹³⁹ Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.–Л., 1945.

¹⁴⁰ О присуждении Сталинской премии первой степени академику И.И. Мещанинову // ИАН ОЛЯ. 1946. Т. V. Вып. 5. С. 445.

¹⁴¹ Мещанинов И.И. Вступительное слово на открытии сессии 8 октября 1947 г. // Труды первой научной сессии [Дагестанской базы АН СССР] 8–11 октября 1947 г. Махачкала, 1948. С. 9.

¹⁴² Лысенко Т.И. И.И. Мещанинов и его архивное наследие. С. 449–450.

¹⁴³ Мещанинов И.И. Новое учение о языке на современном этапе // Вестник ЛГУ. 1947. № 11. С. 243–261.

¹⁴⁴ Мещанинов И.И. 1) Учение Н.Я. Марра о стадильности // ИАН ОЛЯ. 1947. Т. VI, вып. 1. С. 36; 2) Работы Н.Я. Марра о языке // Юбилейный сборник, посвящённый тридцатилетию Великой Октябрьской Социалистической революции. М.–Л., 1947. С. 775–776; 3) Марр — основатель советского языкознания // ИАН ОЛЯ. 1949. Т. VIII, вып. 4. С. 295; 4) Роль академика Н.Я. Марра в отечественном языкознании // Вестник АН СССР. 1949. № 2. С. 19; 5) Н.Я. Марр — учёный и педагог // Вестник высшей школы. 1950. № 2. С. 55.

¹⁴⁵ Мещанинов И.И. Марр — основатель советского языкознания. С. 297.

¹⁴⁶ Мещанинов И.И. Новое учение о языке // Большевик. 1945. № 13. С. 38.

¹⁴⁷ Мещанинов И.И. Новое учение о языке на современном этапе развития // Учёные записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. 1948. № 2. С. 17.

¹⁴⁸ Мещанинов И.И. На кафедре общего языкознания // Вестник ЛГУ. 1951. № 4. С. 167.

¹⁴⁹ Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

в биологической науке. Резкой критике был подвергнут «вейсманизм-морганизм» (генетика), признававший невозможность управлять наследственностью организмов путём изменения условий их жизни. Этот доклад был одобрен ЦК ВКП(б), что стало указанием на развитие борьбы за правильность идеологических установок в советской науке.

И.И. Мещанинов откликнулся на эти события докладом «О положении в лингвистической науке»¹⁵⁰. В нём он отметил, что как вейсманизм отрывает живой организм от окружающей среды, так и буржуазная лингвистика в языке видит самодовлеющее явление. Докладчик констатировал: «Язык есть создание общественной среды, и нельзя отрывать его от неё»¹⁵¹. По его словам, представители старой школы враждебно относятся к учению о языке Н.Я. Марра, но даже игнорирование его работ «даёт вредные последствия, оставляя исследователя в плену чуждых советскому языкознанию концепций»¹⁵². Автор посетовал на то, что критика исходит с различных направлений — некоторые языковеды, если и признают учение Н.Я. Марра советским, то не считают его единственным (В.В. Виноградов, Н.В. Сергиевский), другие настаивают на возвращении к установкам учителя, которые к тому времени уже были признаны устаревшими, в том числе к анализу по четырём элементам¹⁵³. Положение в советской лингвистике действительно было очень непростым, но надо признать, что И.И. Мещанинов не расклеивал «идеологических ярлыков» и не требовал от властей принять меры против своих научных оппонентов.

Гораздо острее вопросы были поставлены в «Резолюции» по его докладу, принятой учёным советом Института языка и мышления им. Н.Я. Марра и Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР 22 октября 1948 г.¹⁵⁴ В ней, в частности, заявлялось, что «реакционные языковеды отстаивают отжившие свой век традиции дореволюционной либерально-буржуазной лингвистики в нашей стране и рабски отражают гнилые теории сосюрианства и структурализма, ставшие модными в среде зарубежных буржуазных языковедов в последние два десятилетия». В числе таких «реакционных» учёных был назван академик В.В. Виноградов и ряд других исследователей. В их руках, как утверждалось в «Резолюции», «сосредоточены огромные организационные возможности», они занимают видные посты на наших ведущих факультетах, они сумели протолкнуть в печать учебники и учебные пособия, «написанные с чуждых для нас позиций», наконец, они воспитывают аспирантов «во враждебном советскому языкознанию духе».

С современной точки зрения все эти формулировки кажутся просто убийственными, но пройдёт не так много времени, и то же самое оружие будет повернуто против И.И. Мещанинова и других последователей Н.Я. Марра.

В 1949 г. вышла статья «Языкознание в Сталинскую эпоху», подготовленная И.И. Мещаниновым в соавторстве с профессором Г.П. Сердюченко. В ней подчёркивалось, что марксистская переработка теории языкознания является заслугой

¹⁵⁰ Мещанинов И.И. О положении в лингвистической науке // ИАН ОЛЯ. 1948. Т. VII, вып. 6. С. 473–485.

¹⁵¹ Там же. С. 483.

¹⁵² Там же. С. 484.

¹⁵³ Там же. С. 484–485.

¹⁵⁴ ИАН ОЛЯ. 1948. Т. VII, вып. 6. С. 497–499.

Н.Я. Марра, который, как и его последователи, в своей работе опирался на основополагающие труды тов. Сталина по национальному вопросу, признавая при этом, что язык — это «незаменимое орудие классовой борьбы»¹⁵⁵. Однако все эти заклинания к тому времени уже почти ничего не значили. В 1950 г. в «Правде» была объявлена свободная дискуссия по вопросам языкознания. Включившийся в неё тов. Сталин, как оказалось, смотрел на языкознание совсем не по-марровски. В знаменитой статье «Марксизм и вопросы языкознания» он отметил, что «аракчеевский режим», созданный в языкознании Н.Я. Марром при участии И.И. Мещанинова, культивировал безответственность и поощрял бесчинства. «Если бы я не был убеждён в честности тов. Мещанинова и других деятелей языкознания, — заключил Сталин, — я бы сказал, что подобное поведение равносильно вредительству»¹⁵⁶.

Разумеется, сразу были сделаны соответствующие выводы. Редакция «Известий АН СССР», в частности, заявила: «На таких товарищей, занимавших руководящие посты, как академик И.И. Мещанинов, как профессора Г.П. Сердюченко и Ф.П. Филин падает особенно серьёзная моральная ответственность за тот вред, который они причинили советской науке»¹⁵⁷. И.И. Мещанинов был освобождён от должности директора Института языка и мышления АН СССР с 1 июля 1950 г., сам Институт вскоре был переведён из Ленинграда в Москву. Академиком-секретарём Отделения литературы и языка АН СССР стал В.В. Виноградов, которого, надо признать, И.И. Мещанинов высоко ценил как учёного и сыграл важную роль в его избрании в академики в 1946 г.¹⁵⁸

В научной печати серьёзная критика в адрес И.И. Мещанинова началась уже с 1950 г.¹⁵⁹ В 1951–1952 гг. увидел свет двухтомник «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», на страницах которого И.И. Мещанинов осуждался почти в каждой статье¹⁶⁰. Особенно строгая критика на него обрушилась, как нетрудно догадаться, от академика В.В. Виноградова¹⁶¹. Необходимо было

¹⁵⁵ Мещанинов И.И., Сердюченко Г.П. Языкознание в Сталинскую эпоху // Русский язык в школе. 1949. № 6. С. 11–12.

¹⁵⁶ Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания // ИАН ОЛЯ. 1950. Т. IX. Вып. 1. С. 17.

¹⁵⁷ От редакции // ИАН ОЛЯ. 1950. Т. IX. Вып. 1. С. 33.

¹⁵⁸ Бельчиков Ю.А. Академик В.В. Виноградов (1895–1969). Традиции и новаторство в науке о русском языке. М., 2004. С. 35.

¹⁵⁹ Виноградов В.В. 1) Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания. М., 1950. С. 15, 21, 35; 2) О трудах И.В. Сталина по вопросам языкознания. М., 1951. С. 8–10, 25–26, 40–42, 71–77; Поспелов Н.С. Учение И.В. Сталина о грамматическом строе языка // Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина. М., 1950. С. 52–68.

¹⁶⁰ См.: Сухотин В.В. Критика «учения» Н.Я. Марра о «классовости» языка // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Сборник статей. Ч. I. М., 1951. С. 14–25; Звегинцев В.А. Критика семантических законов Н.Я. Марра // Там же. С. 151–169; Горнунг Б.В. Семантические «законы» Н.Я. Марра и вопрос об отношении истории языка к истории материальной культуры // Там же. С. 170–188; Ахманова О.С. О характере исследовательских приёмов у некоторых представителей «нового учения» о языке // Там же. С. 419–431; Серебренников Б.А. Критика учения Н.Я. Марра о единстве глоттогонического процесса // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Сборник статей. Ч. II. М., 1952. С. 45–110; Скорик П.Я. «Теория стадиальности» и инкорпорация в палеоазиатских языках // Там же. С. 136–156; Жирмунский В.М. Лингвистическая палеонтология Н.Я. Марра и история языка // Там же. С. 172–209; Аврорин В.А. Состояние и ближайшие задачи изучения языков народов Севера // Там же. С. 407–428.

¹⁶¹ Виноградов В.В. Критика антимарксистских концепций стадиальности в развитии языка и мышления // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Сборник статей. Ч. I. М., 1951. С. 60–150.

признать свои ошибки, и И.И. Мещанинов их признавал: «Товарищ Сталин уделил часть своего драгоценного времени языкознанию и вывел его из того тупика, в который оно зашло благодаря в корне неправильному начётническому пониманию высказываний классиков марксизма-ленинизма о языке»¹⁶². Наконец, ему пришлось без обиняков заявить: «Резких революционных смен, отделяющих одно стадияльное состояние от другого, проследить на языковом материале не удаётся. Их нет и не было»¹⁶³.

В ноябре 1951 г. в Ленинграде состоялось открытое расширенное заседание Института языкознания АН СССР, на котором обсуждалась книга И.И. Мещанинова «Члены предложения и части речи», за которую он, напомним, пятью годами ранее получил Сталинскую премию. Академик В.В. Виноградов во вступительном слове заявил, что И.И. Мещанинов не отказался от марровского принципа стадияльности в развитии речи, он отрицает структуру языка «в сталинском её понимании», его построения антиисторичны и т. п. Советские языковеды, как заявил В.В. Виноградов, должны устранить тормозы, препятствия и преграды для развития сталинского учения о языке, помочь самому И.И. Мещанинову покончить с заблуждениями¹⁶⁴. Другие выступления были выдержаны в этом же ключе. Е.М. Галкина-Федорук, в частности, сказала: «Академик И.И. Мещанинов, ближайший соратник и ученик Н.Я. Марра, внёс в учение о языке очень много ложного и неприемлемого, создал невероятную путаницу в самых важных вопросах языкознания»¹⁶⁵.

Отвечая критикам, семидесятилетний учёный в очередной раз признавал ошибки и каялся. В первом выступлении он сказал, что не все недостатки в своей работе им правильно поняты и просил «товарищеской помощи для их надлежащего устранения»¹⁶⁶. Взяв слово второй раз, Иван Иванович говорил, что теория стадияльности овладела всей его научной деятельностью, что понимание развития языка как процесса революционных взрывов стало для него основополагающим и т. д. В заключение он констатировал, что вся его работа «оказалась ни в коей мере не отвечающей положениям учения И.В. Сталина о языке»¹⁶⁷.

После смерти И.В. Сталина положение в лингвистической науке изменилось не сразу, и процесс «осуждения и покаяния» некоторое время продолжался. Передовица «Известий АН СССР» 1953 г. заявляла: «К сожалению, у нас ещё нет оснований считать, что все последователи и “ученики” Н.Я. Марра полностью разоружились. Многие из них, поспешно отказавшись в декларативной форме от всех наиболее популярных положений своего учителя <...> и с большой охотой принимая участие в общей и довольно абстрактной критике этих антинаучных принципов, уже разоблачённых И.В. Сталиным, довольно долгое время были очень мало склонны участвовать в деле разоблачения вреда, нанесённого их собственными конкретными работами, в деле разоблачения допущенного ими самими извраще-

¹⁶² Мещанинов И.И. На кафедре общего языкознания // Вестник ЛГУ. 1951. № 4. С. 166.

¹⁶³ Там же. С. 169.

¹⁶⁴ Институт языкознания. Доклады и сообщения. 1953. Т. 3. С. 7–19.

¹⁶⁵ Галкина-Федорук Е.М. Антимарксистские пороки грамматической концепции И.И. Мещанинова // Институт языкознания. Доклады и сообщения. 1953. Т. 3. С. 20.

¹⁶⁶ Институт языкознания. Доклады и сообщения. 1953. Т. 3. С. 61.

¹⁶⁷ Там же. С. 104.

ния языковых фактов»¹⁶⁸. На таких позициях, как было особо отмечено, вначале находился и академик И.И. Мещанинов¹⁶⁹.

Все эти показательные мероприятия, конечно, очень напоминают политические процессы 30-х гг. в нашей стране, но времена всё-таки уже сильно изменились. И хотя И.И. Мещанинов потерял все свои высокие посты, но звания академика и правительственных наград его никто не лишал. Никто ему не запрещал печатать свои научные труды, которые продолжали выходить, пусть и не в таком большом количестве, как ранее. Любопытно, что некоторые из них, при этом весьма крупные и важные, касались изучения урартского языка¹⁷⁰, т. е. той сферы, которая так волновала исследователя в начале его научной деятельности. В 1958 г. он даже признавал, что его основной научной темой продолжало оставаться изучение грамматического строя урартского языка¹⁷¹. Стоит отметить, что в том же году И.И. Мещанинову исполнилось 75 лет; по этому поводу были изданы два юбилейных сборника научных трудов — один в Москве¹⁷², другой в Ленинграде¹⁷³.

До 85 лет исследователь не дожил, он скончался 16 января 1967 г. В том же 1967 г. был выпущен посмертный сборник его избранных трудов¹⁷⁴. После этого продолжали выходить из печати труды И.И. Мещанинова по общему языкознанию, был издан «Аннотированный словарь урартского (биайнского) языка»¹⁷⁵. В обозначенных областях его научные заслуги бесспорны.

Но завершить рассказ об учёном нам хочется не на этой ноте. Здесь уместна цитата из предисловия к сборнику «Проблемы развития языка», изданного по случаю 75-летия И.И. Мещанинова в Ленинградском университете, где он, как уже упоминалось, многие годы был профессором Кафедры общего языкознания. И хотя сборник вышел с большим опозданием (1961 г.), но в предисловии к нему о юбиляре сказаны слова, идущие, так сказать, от сердца: «Вы были смелым и неутомимым искателем, не останавливались в границах первичной специальности, не признавали незыблемых догм, недолюбливали фанатиков и никому не навязывали своих концепций. <...> Борьба с отжившими воззрениями и учениями не была лёгким путём к преуспеанию, она велась с переменным успехом и ещё продолжается. В многолетней войне филологов-материалистов с идеалистами Вы руководили сражениями по-кутузовски, осторожно, были сдержанны в торжестве и спокойны в дни неудач. И никогда Вы не ставили себя над другими»¹⁷⁶.

¹⁶⁸ За дальнейший подъём советской филологической науки // ИАН ОЛЯ. 1953. Т. XII, вып. 2. С. 102.

¹⁶⁹ Там же. С. 103.

¹⁷⁰ Мещанинов И.И. 1) Изучение клинописных надписей Урарту — Биайны // ИАН ОЛЯ. 1953. Т. XII, вып. 3. С. 211–226; 2) Грамматический строй урартского языка. Ч. 1. Именные части речи. М.–Л., 1958; 3) Грамматический строй урартского языка. Ч. 2. Структура глагола. М.–Л., 1962.

¹⁷¹ Мещанинов И.И. Моя текущая работа и её перспективы // ВЯ. 1958. № 6. С. 122.

¹⁷² Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И.И. Мещанинова. М.–Л., 1960.

¹⁷³ Проблемы языкознания. Сборник в честь академика И.И. Мещанинова. Л., 1961.

¹⁷⁴ Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. Л, 1967.

¹⁷⁵ Мещанинов И.И. Аннотированный словарь урартского (биайнского) языка. Л., 1978.

¹⁷⁶ Проблемы языкознания. Сборник в честь академика И.И. Мещанинова. Л., 1961. С. 5.

Николай Константинович Никольский (1863–1936)

В.А. Горончаровский

Николай Константинович Никольский¹, принадлежавший к замечательной школе выдающихся русских историков конца XIX — начала XX в., родился 17 (29) июля 1863 г. в г. Петергофе Санкт-Петербургской губернии, в семье настоятеля Успенской церкви² Константина Тимофеевича Никольского (1824–1910)³. Этот известный автор церковно-канонических трудов интересовался также историей и археологией, в связи с чем был удостоен степени доктора церковной истории *honoris causa* и медали от Русского археологического общества. Помимо отца большое влияние на духовную атмосферу, окружавшую будущего ученого, оказывала и мать — Елизавета Дмитриевна Никольская (1837–1904), отец которой, Дмитрий Степанович Вершинский (1798–1853), знаток

древних языков, четырнадцать лет был настоятелем посольской церкви Св. Александра Невского в Париже. Во многом именно эта атмосфера, где царила склонность к научным занятиям, определила жизненный выбор юного Николая Никольского, продолжившего церковную ученую династию. Его семья была довольно состоятельной, владела недвижимостью в Петербурге, Царском Селе, где ей принадлежали три дома с садом по Бульварной улице (совр. Октябрьский бульвар), а позднее и в Евпатории. Родители смогли обеспечить ребенку всестороннее домашнее образование вплоть до достижения им возраста 14 лет. Отчасти это объясняется его слабым здоровьем. Позднее Н.К. Никольский вспоминал, как он «хворал без отдыха, детские игры, беготня, физические упражнения были мне запрещены. Я мог только медленно двигаться и читать»⁴. Страсть к чтению, которое мальчик освоил очень рано, «почти самоучкой» уже в пять лет⁵, позволяла

¹ В качестве заставки использован фотопортрет Н.К. Никольского. 1890-е гг. (СПбФ АРАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 48. Л. 23).

² Эта церковь больше известна под именем Спаса на Сенной по одному из своих приделов — Спаса Всемилоостивого.

³ Помимо единственного сына у нее было пять дочерей: Ольга, Елена, София, Елизавета и Александра.

⁴ *Крапошина Н.В.* Н.К. Никольский: биография ученого в архивных документах // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 175.

⁵ *Крапошина Н.В.* К неопубликованной автобиографии Н.К. Никольского // Тр. Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. СПб., 2011. С. 89–90.

удовлетворять обширная отцовская библиотека из книг на разных языках. Его наставницей в изучении французского и английского языков стала мать. Греческий, латынь и немецкий язык преподавали приходящие частные учителя. Об одном из них, Михаиле Ивановиче Благоразумове (1852–1916), Н.К. Никольский отзывался с особенной теплотой. Уже зрелым человеком он писал ему: «20 лет прошло с того времени, когда я слушал ваши уроки. Но они памятнее мне, чем все семинарские и академические лекции, которые только возбуждали во мне разочарование и грозили поселить презрение к науке и справедливости. Не решаюсь утверждать, что я достаточно усвоил все то, чему Вы желали научить меня. Но Ваши правила жизни не будут мною забыты никогда»⁶. Возможно, одним из таких правил была присущая Никольскому на всех этапах его жизни крайняя скромность. Он всегда выступал как самый искренний противник саморекламы и предпочитал отказываться давать о себе какие-либо сведения для различного рода библиографических изданий.

Когда молодой человек, продолжая домашнее обучение, в 1877 г. поступил «приходящим» воспитанником в Санкт-Петербургскую духовную семинарию, то очень скоро выяснилось, что он «обладает познаниями, значительно превышающими программы первых классов средних учебных заведений»⁷. Через шесть лет блестяще окончив семинарию вторым по списку, он продолжил образование в Духовной академии, где в свое время учились и преподавали оба его деда. Здесь будущий ученый приобрел обширные познания в области древнерусской литературы, церковной истории, библиографии и археологии. Среди его преподавателей были такие известные профессора, как И.Е. Троицкий (1832–1901), П.Ф. Николаевский (1841–1899), Н.В. Покровский (1848–1917) и В.В. Болотов (1853–1900)⁸. Все они старались привить студентам стремление к максимально полному изучению источников и их критическому анализу. Особую роль в жизни будущего академика сыграл его научный руководитель П.Ф. Николаевский, рекомендовавший при выборе темы курсовой работы заняться историей Кирилло-Белозерского монастыря, значительное собрание рукописей которого находилось в академической библиотеке. Намеченный тогда план многолетних исследований предполагал, что в результате удастся «заполнить существовавший в то время в науке пробел по истории экономического и хозяйственного быта старой Руси, воспроизвести строй и уклад жизни в одной из хозяйственных организаций Московии на основании архивных документов»⁹. Одновременно в течение двух лет (1884–1885) Николай Никольский обучался рисованию в школе Общества поощрения художеств, которую должен был оставить из-за невозможности совмещать свою тягу к искусству с занятиями в Академии.

Трудолюбивый студент полностью оправдал надежды своего руководителя, который ценил в учениках «любовь к фактической документальности, ... кропотливость в изучении мелочных, по-видимому, но драгоценных, подробностей, ...

⁶ Там же. С. 176.

⁷ Крапошина Н.В. Историк Русской православной церкви академик Н.К. Никольский // Отечественные архивы. 2009. № 4. С. 14.

⁸ Крапошина Н.В. Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. С. 8.

⁹ Крапошина Н.В. Историк Русской православной церкви... С. 14–15.

осторожность в выводах, ... тяготение к проверке уже установившихся взглядов»¹⁰. К 1887 г. выпускное сочинение «История Кирилло-Белозерского монастыря после кончины преподобного Кирилла (по рукописям академической библиотеки)» было готово. Защитив его, Н.К. Никольский получил степень кандидата богословия с правом получения степени магистра без нового устного испытания. Это обеспечило ему первое место в списке 68 выпускников, утвержденном Исидором, митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским. Совет Академии решил оставить Никольского на один год в качестве профессорского стипендиата при кафедре русской церковной истории. За это время под руководством П.Ф. Николаевского он довольно подробно проработал имеющуюся литературу и источники по Синодальному периоду, тогда еще слабо изученному¹¹, продолжая тщательное изучение богатейшего архива Кирилло-Белозерского монастыря. В этом отношении интересны его подготовительные заметки о древней живописи, строительстве монастырских храмов и келий, великокняжеских грамотах.

В 1889 г. Н. К. Никольскому предложили сменить на кафедре гомилетики и истории проповедничества ушедшего в отставку по болезни профессора Н.И. Барсова. Вскоре Совет академии утвердил его исправляющим должность доцента по этой кафедре. К этому времени древнерусская литература уже прочно вошла в сферу научных интересов молодого преподавателя. В 1892 г. он стал членом-корреспондентом Императорского общества любителей древней письменности, с которым оставался связан впоследствии на протяжении более чем тридцати лет. Неудивительно, что тема его магистерской диссертации была сформулирована следующим образом: «О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века». После успешной защиты диссертации в 1893 г. указом Синода Никольского утвердили в степени магистра богословия и должности доцента Духовной академии¹². Через три года получил премию им. А.М. Кожевникова за фундаментальный труд «Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV–XVI вв.» (СПб., 1896) — исследование одного из первых древнерусских разговорников на новогреческом языке. Эта работа ввела его в круг наиболее авторитетных византистов конца XIX в. Следующий год, когда праздновалось 500-летие основания Кирилло-Белозерского монастыря, ознаменовался выходом в свет первого тома написанной Никольским монографии, посвященной, главным образом, историко-археологическому изучению монастырской архитектуры¹³. Сам Николай Константинович определил цель своей работы так: «Для историка русской церкви не может не приобретать интереса общая совокупность типических черт в устройстве монастыря, начиная с его внешности, владений, средств к существованию и кончая составом и способами управления, правилами иноческого поведения, богослужебную практикою и книжною деятельностью. С своей стороны, и историк русской жизни найдет внутри монастырской ограды немало данных, выясняющих мирской склад обстановки

¹⁰ Там же. С. 207.

¹¹ Карпук Д.А. Кафедра русской церковной истории в Санкт-Петербургской духовной академии на рубеже XIX–XX вв. // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 184.

¹² Там же. С. 204.

¹³ Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1. Вып. 1. СПб., 1897.

Н.К. Никольский с рукописным Четвероевангелием, украшенным миниатюрами.
Рядом его сестры Александра и Елена. 1890-е гг.
(по: Подковырова В.Г. Страницы жизни Н.К. Никольского... С. 38. Ил. 23)

древнерусского человека»¹⁴. В развитии монастырского строительства он вполне обоснованно выделил три основных этапа, связанных в конце XV в. с деятельностью ростовских мастеров, в начале XVI в. — с зависимостью от «московских построек», а со второй половины того же столетия — с работой белозерских каменщиков¹⁵. Особое значение имеет попытка систематизации данных о внутреннем убранстве древнерусских храмов XV–XVI вв.¹⁶ Заслуги автора столь весомого научного труда, ставшего ценным пособием по экономической истории русского Средневековья, вскоре были оценены по достоинству. 23 марта 1898 г. его утвердили в звании профессора Духовной академии, а через год состоялось присвоение ему давно заслуженной степени доктора церковной истории¹⁷. В этот период, как и позднее, он продолжал поддерживать тесную связь с родителями и сестрами, проживавшими на служебной квартире при Успенском соборе на Сенной площади¹⁸. Там для него было выделено несколько комнат и оборудованы рабочий кабинет и библиотека.

¹⁴ Там же. С. 1.

¹⁵ Там же. С. 275.

¹⁶ Подъяпольский С.С. Н.К. Никольский как историк русской архитектуры // Кириллов. Архитектурно-краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1998. С. 6 сл.

¹⁷ Карпук Д.А. Ук соч. С. 202.

¹⁸ Дом, где находилась квартира, сохранился в прежнем виде до наших дней (современный адрес: Садовая ул., д. 40, кв. 8).

Н.К. Никольский за рабочим столом в квартире при Успенском соборе. Ок. 1900 г.
(по: Подковырова В.Г. Страницы жизни Н.К. Никольского... С. 36. Ил. 18)

В процессе исследования рукописного собрания Кирилло-Белозерского монастыря Н.К. Никольский пришел к стойкому убеждению в необходимости не только выявления и систематизации древнерусских рукописных памятников, но также обеспечения их сохранности. Эти проблемы он впервые озвучил уже в 1894 г. при обсуждении в стенах академии «Проекта Устава общества церковной археологии и археологии»: «Строев, Погодин, Викторов почти не коснулись, а иногда не поняли значения памятников по церковной истории, остающихся доселе без разработки. Погодин, например, в архиве Краснохолмского монастыря “не нашел ничего любопытного”, между тем в настоящее время ценность этого архива для церковной истории доказана. К оценке же и описанию патрологического и богословского материала, хранящегося при наших церквях и монастырях, никто не делал хотя бы слабой попытки. В числе утрачиваемых первоисточников гибнут не только маловажные рукописи, но исторические уникамы, святоотеческие творения, утраченные в греческих подлинниках, доселе не изданные памятники по истории языка и литературы, богословские и гомилетические произведения отечественных писателей, вещественные памятники церковного быта и т. п.»¹⁹. Тогда же началось сотрудничество Никольского с Императорской Академией наук, которая в конце XIX в. приняла решение начать публикацию полного собрания памятников древнерусской литературы. Рассмотрев программу издания, он составил обстоятельную записку, представленную академиком А.А. Шахматовым 25 апреля 1898 г. на заседании Отделения русского языка

¹⁹ Крапошина Н.В. Историк Русской православной церкви... С. 16.

и словесности. В ней говорилось о невозможности осуществления этого замысла без предварительного поиска древнейших списков русских писателей XI–XIV вв., а также предлагалось подготовить и издать «Повременной список русских авторов», как справочное пособие относительно публикации произведений древнерусской книжности²⁰. Такое намерение было одобрено Отделением, ходатайствовавшим об освобождении Н.К. Никольского от чтения лекций для реализации данного проекта. На эти нужды при поддержке председателя Совета министров С.Ю. Витте ежегодно выделялась сумма в размере 5000 рублей²¹. Из нее оплачивались поездки Н.К. Никольского и его помощника Ф.И. Покровского с 1 ноября 1899 г. до 1 октября 1900 г. по тем губерниям Российской империи, где имелись крупные рукописные собрания. Всего за одиннадцать месяцев они обследовали около 35 архивов и книгохранилищ Москвы, Тулы, Твери, Владимира, Ярославля, Костромы, Казани, Вологды, Архангельска, Соловецкого монастыря, Киева, Вильны и других провинциальных городов. В итоге удалось обнаружить целый ряд неизвестных до того сочинений и зарегистрировать многие вновь открытые списки. По завершении этой работы 21 декабря 1900 г. заслуги Никольского перед отечественной наукой были отмечены избранием его членом-корреспондентом Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.

Так начала создаваться картотека²², принципы собирания которой были сформулированы Н.К. Никольским в работе «Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности» (1902). По этому поводу он писал: «С правильным движением научной мысли несовместимы поспешные обобщения, основанные на недостаточных и мало изученных первоисточниках»²³. Часть этих источников была издана в виде «Материалов для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI в.)» (СПб., 1906) объемом около 600 страниц. В том же году этот солидный труд получил премию высокопреосвященного митрополита Макария в объеме 810 рублей. Рецензировавший его А.И. Соболевский писал: «Что бы ни говорила критика, какие бы ошибки и пробелы она ни нашла в его труде, последний долго будет настольной книгой у всякого русского ученого, занимающегося древнерусской письменностью»²⁴.

30 января 1905 г. Никольский стал профессором кафедры русской церковной истории. К тому времени он уже удостоился нескольких государственных наград: орденов Станислава 3-й степени и Анны 3-й и 2-й степени. Теперь его положение в обществе стало достаточно прочным, и вскоре в личной жизни ученого произошли

²⁰ Жуков А.Е. Памятники древнерусской исторической книжности в картотеке Н.К. Никольского // Христианское чтение. 2015. № 6. С. 175.

²¹ Крапошина Н.В. Академик Н.К. Никольский и Императорская Академия наук // Архив академии наук — достояние национальной и мировой науки и культуры: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Афиани В. Ю. М., 2009. С. 634.

²² К концу жизни Николая Константиновича созданная им картотека занимала 183 ящика и до сих пор является крупнейшим справочным комплексом по памятникам древнерусской письменности. Часть рукописей, собранных во время академической экспедиции, Никольскому удалось опубликовать («Послание Есифа к детям и братии», «Поучение митрополита всея Руси Феогноста», «Проложное житие Кирилла, епископа Туровского»), другие до сих пор не введены в научный оборот (Жуков А.Е. Ук. соч. С. 186).

²³ Никольский Н.К. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности // Памятники древней письменности и искусства. 1902. Вып. 147. С. 1.

²⁴ Там же. С. 635.

Евпатория. Н.К. Никольский с сестрой Александрой на берегу моря. Ок. 1900 г.
(по: Подковырова В.Г. Страницы жизни Н.К. Никольского... С. 32. Ил. 3)

большие изменения. Еще в первые годы XX в., судя по всему, на отдыхе в Евпатории он познакомился со своей будущей женой — Анной Петровной Александровской²⁵, дочерью директора Елизаветградской²⁶ гимназии, действительного статского советника П.А. Александровского. Их свадьба состоялась 4 сентября 1905 г. К сожалению, этот брак так и остался бездетным.

Профессор Н.К. Никольский отличался либеральными взглядами и пользовался большим авторитетом у студентов, нередко выступая в роли их наставника при подготовке магистерских диссертаций, а затем официального рецензента. Не случайно во время революционных событий 1905 г., когда студенты бастовали и не ходили на занятия, именно он участвовал в переговорах между ними и церковным начальством по поводу реформирования устава академии в духе «автономии»²⁷. После того как требования студенческой корпорации не были выполнены, Никольский впервые публично заявил о своих церковно-общественных взглядах. Это произошло на фоне развернувшейся дискуссии о необходимости перемен в церковном управлении. В 1906 г. журнал «Христианское чтение» опубликовал его статью «К вопросу о церковной реформе», в которой автор выразил свои религиозные и нравственные искания, размышляя о сущности религии и месте человека. Она во многом совпала с заявлением либерально настроенных профессоров Духовной

²⁵ Подковырова В.Г. Страницы жизни Н.К. Никольского в неизвестных негативах на стекле из его архива // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. 2019. Вып. 7. С. 33.

²⁶ Елизаветград после 1924 г. сменил несколько названий: Зиновьевск-Кирово-Кировоград.

²⁷ Крапошина Н.В. Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии... СПб., 2010. С. 9–10.

Евпатория. Н.К. Никольский рядом со своей будущей женой
 Анной Петровной Александровской. Ок. 1904.
 (по: Подковырова В.Г. Страницы жизни Н.К. Никольского... С. 34. Ил. 12)

академии относительно предстоящих изменений в жизни церкви. В нем отстаивалась идея необходимости ее внутреннего обновления, критически оценивалась правомочность и степень участия черного духовенства в Поместном соборе, включение в его состав с правом голоса мирян и белого духовенства²⁸. Академическое начальство не приветствовало отдельные радикальные положения этого документа и проявленное профессорами «вольнодумство». Многих из них уволили, воспользовавшись ревизией 1908–1909 гг., проведенной по распоряжению обер-прокурора Синода П.П. Извольского. Та же судьба ожидала и Н.К. Никольского, против которого выдвинули одиннадцать обвинений. Впрочем, удаление его из преподавательского состава состоялось с вполне нейтральной формулировкой «по расстроенному здоровью». В письме к жене теперь уже бывший профессор характеризовал атмосферу, сложившуюся к тому времени в академии следующим образом: «Остаться в академии я ни в коем случае не мог бы. Одним из результатов ревизии явилось уничтожение права на свободу научных изысканий. Все профессора подчиняются строгому контролю: начинается, очевидно, эра доносов. <...> Служить в церковно-приходской школе, носящей громкое название Академии, едва ли будет возможным, не компрометируя себя»²⁹.

Таким образом, расставание с Духовной академией прошло для Николая Константиновича достаточно спокойно, но с этого времени он не поддерживал с ней никаких отношений и на церковную тематику практически больше не писал.

²⁸ Никольский Н.К. К вопросу о церковной реформе // Христианское чтение. 1906. № 2. С. 177–203.

²⁹ Крапошина Н.В. Ук. соч. С. 10.

Н.К. Никольский. Карандашный портрет. Ок. 1916 г. (по: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. 2019. Вып. 7. С. 2)

В июне 1909 г. Н.К. Никольский получил должность приват-доцента историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Здесь он в течение пятнадцати лет успешно читал курс лекций «Древняя русская литература XI–XIV вв.» и вел семинары по истории древней литературы допетровского времени и эпохе Максима Грека. Тогда же публикуется его книга «Легенда Мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе Чешском в славяно-русском переложении» (СПб., 1909). Через три года сфера преподавательской деятельности Никольского расширилась после избрания его профессором по кафедре русской филологии Психоневрологического института.

Предшествующая архивная работа Н.К. Никольского позволила ему подготовить второй выпуск первого тома исследования о Кирилло-Белозерском монастыре (СПб., 1910), продемонстрировавший углубленную разработку конкретного исторического материала, связанного с монастырским хозяйством и повседневным бы-

том монахов. Оба выпуска этой монографии были представлены на конкурс по соисканию наград графа С.С. Уварова и удостоены в 1912 г. Академией наук почетной малой Уваровской премии. Не обошел вниманием солидный научный труд и Синод, присудивший ему еще одну премию митрополита Макария³⁰. Тем не менее, несмотря на высокую оценку, издание последующих выпусков так и не состоялось, как уже отмечалось, по причине постепенной утраты интереса к данной проблематике. Между тем, по сравнительно недавно опубликованному рабочему материалу для еще трех частей исследования можно представить первоначальный авторский замысел, который предусматривал изучение управления монастырем, его общинной и келейной жизни, а также богослужения³¹.

В последующие годы основные усилия ученого, по-прежнему, были сосредоточены на собирании, систематизации и подготовке к изданию сохранившегося рукописного славяно-русского наследия. Его успешная работа в этом направлении получила признание коллег, и 8 сентября 1916 г. Никольский стал академиком по Отделению русского языка и словесности. Год спустя православные члены Академии наук избрали его членом Поместного собора Российской православной церкви (1917–1918).

Революционные события и преобразования конца 1917 г. в России создали потенциальную возможность реализации самых разнообразных проектов. Когда

³⁰ Полученные в виде премий средства были далеко не лишними, поскольку после смерти родителей на иждивении у Никольского находились три незамужних сестры и племянница.

³¹ Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Т. 2: Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. СПб., 2006.

в 1918 г. Наркомпрос обратился к Академии наук «с предложением наметить новые научные предприятия», у Н.К. Никольского возникла мысль об организации при Отделении русского языка и словесности историко-библиографического музея славяно-русской книжности в его доме в Царском (Детском) Селе³². Эта идея получила поддержку, и в конце того же года музей был создан на основе собственных коллекций ученого, как важное научное учреждение. В чисто практическом смысле такой статус освобождал недвижимость Николая Константиновича от вселений и взимания налогов.

Фонды музея составила собиравшаяся около 50 лет огромная библиотека, картотека и библиографические материалы. Последние, согласно перечню Никольского, включали: 1. Сведения о писцах и владельцах рукописей, продолжение начатого издания «Рукописная книжность древнерусских библиотек» — более 12 тысяч карточек; 2. Археологический перечень сохранившихся славяно-русских датированных рукописей с XI в. по конец XVII в. — 4–5 тысяч карточек; 3. Сведения о сохранившихся пергаменных рукописях и отрывках — около 1800 карточек; 4. Материалы для истории русских библиотек и географического указателя древнерусских и заграничных книгохранилищ с древнейшего времени до 1914 г.; 5. Один ящик карточек с перечнем отдельных статей, содержащихся в пергаменных сборниках и их отрывках — около 2 тысяч номеров; 6. 44 ящика с карточками и материалами для: а) списка русских авторов и их сочинений и переводных памятников; б) алфавита названий или заглавий сочинений; в) алфавита начальных слов³³.

Штат музея, кроме самого Н.К. Никольского, как директора, включал двух сотрудников — филолога Н.Н. Зарубина (1893–1942) и библиографа Н.А. Порфирьева (1894–1941), к которым позднее присоединилась его сестра — Александра Никольская. Они продолжили библиографические исследования, составление указателей и списков литературных памятников. Все это делалось несмотря на ограниченные возможности работы с рукописями и необходимость охраны здания музея, пострадавшего в октябре 1919 г. от разрыва снаряда во время военных действий против армии генерала Юденича, наступавшей на Петроград. Даже после постановления Академии наук о прекращении финансирования музея он продолжал работать вплоть до 1926 г., когда Никольский решил передать Академии дом и хранившиеся в нем коллекции в качестве дара.

Признанием авторитета ученого в академических кругах первых послереволюционных лет стало включение его в состав Избирательного собрания Российской академии истории материальной культуры в июле 1919 г. В дальнейшем Николая Константиновича не раз приглашали принять участие в работе комиссий, связанных с изучением древнерусской литературы. Среди них можно упомянуть комиссии по 200-летию юбилею Академии наук (1921), об окончании издания «Русского

³² Коллекции музея разместились в принадлежавших семье Никольских домах № 37 и 39 (совр. адрес: Октябрьский бульвар, д. 19). В соседнем доме № 40 жила старшая из сестер Н.К. Никольского — Ольга Константиновна (Подковырова В.Г. Ук соч. С. 39–41).

³³ *Рождественская М.В.* Академик Н.К. Никольский — организатор историко-библиографического Музея славяно-русской книжности (По архивным материалам) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. 1993. Т. 47. С. 402.

биографического словаря» (1921), для обсуждения вопросов по ликвидации церковного имущества (1922)³⁴. Еще одна должность ученого в период с 1920 по 1924 гг. — директор Книжной палаты, позднее переименованной в Институт книговедения. Работавшие при институте курсы готовили специалистов по книжному делу, для которых Никольский читал лекции по истории древнерусской литературы. Однако его деятельность этим не ограничивалась. После смерти А.А. Шахматова 8 августа 1920 г. Н.К. Никольский на пять лет стал его преемником на посту директора Библиотеки Академии наук и председателя Библиотечной комиссии, которая была посредником между БАН и Общим собранием Академии наук³⁵. Последнее своими решениями во многом определяло деятельность Библиотеки, вплоть до таких вопросов, как международный и внутрироссийский книгообмен, возможность покупки книг и книжных собраний у частных лиц, нехватка и теснота помещений, типопроизводство и многое другое³⁶.

Никольский успешно продолжил работу своего предшественника, сделав БАН одним из ведущих научных центров Ленинграда, третьей по значению библиотекой страны. В частности, при нем в 1921 г. Академии наук было передано для размещения БАН здание на Биржевой линии Васильевского острова, возведение которого началось в свое время по инициативе Шахматова. А пока приходилось срочно решать массу хозяйственных проблем: ремонт водопровода, обеспечение топливом и библиотечным оборудованием, установка телефонов, организация пожарной безопасности³⁷. Одновременно рассматривались вопросы об увеличении штатов, приобретении иностранных периодических изданий и монографий. Позднее Никольский писал по поводу взятых на себя довольно обременительных обязанностей: «Несмотря на всю трудность совмещения их с научной работой,... я до настоящего времени не считал себя в праве — во имя сознания своего долга перед Академией — уклоняться от посильного несения их после незаменимой утраты наших даровитых сочленов, понесенной в 1919–20 годах...»³⁸.

В качестве первоочередных задач новый директор выделял следующие: составление топографических каталогов выдающегося читателям фонда; копирование карточек алфавитного каталога; создание общего систематического каталога Русского книжного отдела и Славянского отделения; создание сводного каталога книжных собраний учреждений, состоящих при Академии³⁹. В эти годы он также обращается к истории Академии наук и ее учреждений, занимается историей правления Петра I и русской литературы XVIII в.

Самым сложным из того, что выпало на долю нового директора Библиотеки, стала нелегкая доля организатора переезда огромного книжного фонда числен-

³⁴ Крапошина Н.В. Академик Н.К. Никольский и Императорская Академия наук... С. 638.

³⁵ Дьяченко Е.Д., Елкина Н.Н. К 150-летию академика Н.К. Никольского — руководителя Постоянной Библиотечной комиссии РАН и Библиотеки Академии наук // Библиосфера. 2013. № 4. С. 41–42.

³⁶ Баженова Н.М. Академик Николай Константинович Никольский и формирование концепции БАН в первой четверти XX века // Евразийское научное объединение. 2017. Т. 2. № 10(32). С. 142.

³⁷ Дьяченко Е.Д., Елкина Н.Н. Ук. соч. С. 43.

³⁸ Крапошина Н.В. Никольский Н.К. и Библиотека академии наук // Академический архив в прошлом и настоящем: сб. науч. ст. к 280-летию Архива Рос. акад. наук. СПб., 2008. С. 383–384.

³⁹ Баженова Н.М. Ук. соч. С. 145.

ностью более 3 млн единиц. Сложный процесс перемещения такого количества книг растянулся на два года, но при этом нужно было еще обеспечить их правильное размещение и сохранность. Нередко присущие Н. К. Никольскому ответственность и принципиальность приводили к конфликтам с Правлением Академии наук, присвоившим функции управления Библиотекой. Неподдельное возмущение сложившейся ситуацией сквозит в сохранившемся черновике его письма вице-президенту АН академику В.А. Стеклову: «В прежнее время... Правление Академии было только исполнительным органом ее (Библиотеки. — В.Г.) ..., которому не были подчинены директора академических учреждений. В настоящее же время, Правление, во 1-х, сочло возможным... принять решение, относящееся к Библиотеке, в отсутствие ее представителей, опираясь на заключение своей хозяйственной части, компетенция которой... была признана заслуживающей большего уважения, чем заявление директора Библиотеки. Во 2-х, не считаясь с этим заявлением, Правление... признало за собой право отдать распоряжение о немедленном приведении в исполнение своего решения... обязанности директора Библиотеки, как чиновника, подчиненного Правлению и его Канцелярии, будут несовместимы с званием члена Академии»⁴⁰. Эти натянутые, из-за все меньшего понимания библиотечных нужд, отношения завершились после заявления Н.К. Никольского от 1 августа 1925 г. о своей отставке, принятого Общим собранием РАН⁴¹. В итоге торжественное открытие БАН состоялось 9 сентября 1925 г., в дни празднования 200-летия Академии наук, когда он уже оставил свой пост.

В дальнейшем Никольский продолжал придерживаться активной позиции относительно развития отечественной науки, что отразилось в нескольких записках относительно опасности излишнего администрирования, поданных им при подготовке нового академического устава 1927 г.⁴² К счастью, его не коснулись трагические события конца 1920-х гг., связанные с репрессиями в отношении ряда крупных ученых, хотя в документах ОГПУ он упоминался среди тех, чей арест был возможен.

Новым важным направлением деятельности академика после освобождения от прежних административных обязанностей стало руководство работой Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы, возобновленной в 1928 г. с непосредственным подчинением Отделению гуманитарных наук АН. В этот период широкое распространение получили выводы, сделанные им в результате исследования Повести временных лет⁴³. В частности, было установлено использование моравского письменного произведения на начальном этапе ее создания. Занимали Н.К. Никольского и такие темы, как крещение Руси, пути проникновения в нее новой религии, западнославянские культурные и литературные связи Древней Руси. Вопреки устоявшемуся мнению о распространении христианства и письменности из Византии, он считал, что русское летописание во многом зависело

⁴⁰ Баженова Н.М. Там же. С. 143.

⁴¹ Дьяченко Е.Д., Елкина Н.Н. Ук. соч. С. 45.

⁴² Крапошина Н.В. Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии... С. 12.

⁴³ Никольский Н.К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930. Вып. 1.

от западнославянской хронографии⁴⁴. Проблемами изучения и переиздания памятников древнерусской литературы он занимался вплоть до последних дней своей жизни, храня все материалы у себя на квартире в Детском Селе. После смерти ученого, последовавшей 23 марта 1936 г., библиотека семьи Никольских, личный архив, библиографическая картотека и собрание рукописей XVI–XVII вв. были распределены между несколькими научными учреждениями Ленинграда⁴⁵.

Незавершенность многих начинаний ученого, умело сочетавшего мастерство библиографа и опыт исследователя, ни в коей мере не умаляет масштабности поставленных им и во многом опередивших свое время задач в области изучения монастырской жизни и литературы Древней Руси.

⁴⁴ Никольский Н.К. К вопросу о русских письменах, упоминаемых в житии Константина Философа // Изв. ОРЯС АН. 1928. Т. 1. Кн. 1. С. 1–37.

⁴⁵ Крапошина Н.В. Ук. соч. С. 8.

Александр Сергеевич Раевский (1871 — после 1920)

М.Ю. Вахтина

О жизни А.С. Раевского известно не так уж много, хотя, вне всякого сомнения, он был незаурядным, высокообразованным человеком. Он не оставил после себя ярких научных трудов, однако успел сделать много для развития библиотечного и архивного дела в Императорской Археологической комиссии, а позднее и в РГАК/РАИМК. Можно отметить также его заслуги в деле охраны памятников археологии и архитектуры.

Сохранились сведения о том, что А.С. Раевский окончил Сибирский университет¹. Полное название этого учреждения — Первый Сибирский Томский Императорский государственный классический университет. Он был открыт в 1888 г. и имел первоначально лишь один факультет — медицинский, хотя планировалось организовать четыре: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский. Тем

не менее, центром развития науки и распространения научных знаний Томский университет стал даже ранее своего официального открытия. Торжественный акт основания университета состоялся в 1880 г., пять лет спустя были закончены основные здания университета, и только через три года после этого он открылся для студентов-медиков. Но уже в 1885 г. здесь начались научные исследования в области ботаники, археологии и этнографии. Вторым факультетом, открытым лишь в 1898 г., стал юридический². Вероятно, именно его и окончил А.С. Раевский. В начале XX в. при Томском университете существовал археологический музей, сформировалась прекрасная библиотека. В её основу легло семейное собрание, насчитывающее 22 626 томов, оно было передано университету графом А.Г. Строгановым в 1875 г. Строгановская библиотека включала книги, выходившие в Европе за полтора века, периодическую печать времен Великой французской революции, редкие издания российских писателей³. Томский университет

¹ Эл. ресурс Раевский Александр Сергеевич/ Книга памяти: <http://pkk.memo.ru/page202/KNIGA/Ra.html> (дата обращения 23.07.2021). Здесь указано, что А.С. Раевский окончил историко-филологический факультет.

² Ляховис Е.С., Ревушкин А.С. Очерк становления первого сибирского университета — центра науки, образования и культуры. Томск, 1993. С. 66–67.

³ Там же. С. 67.

с самого начала своего существования предлагал учащимся широкий спектр дисциплин и высокий уровень преподавания. Образование, полученное в его стенах, было не менее качественным, чем в столичных университетах.

В январе 1902 г. А.С. Раевский был принят в Императорскую Археологическую комиссию на должность делопроизводителя, сменив на этом посту И. А. Сулова⁴. К тому времени он служил младшим помощником начальника Архива Министерства народного просвещения⁵. В 1905 г. он стал членом Русского археологического общества (РАО)⁶. За годы работы в Комиссии А.С. Раевский не раз проявлял себя как ответственный, компетентный специалист и человек с активной позицией.

В делах Комиссии, хранящихся в Научном архиве ИИМК РАН, можно найти свидетельства его участия в деле изучения и сохранения памятников археологии. Так, например, сохранилась докладная записка А.С. Раевского от 25 января 1905 г., направленная им в Комиссию, в которой он сообщал о продолжавшемся разграблении неисследованных «готских» могил близ Гурзуфа в Ялтинском уезде Таврической губернии; он также высказал предложения об участках некрополя, нуждавшихся в первоочередном обследовании⁷.

В 1908 г. он был направлен Комиссией в Херсонес Таврический для разрешения вопросов, возникших после смерти К. К. Косцюшко-Валюжинича, долгие годы занимавшегося исследованиями древнего города. Ученый скончался 14 декабря 1907 г., и уже через месяц г. А.С. Раевский прибыл в Севастополь. Основной задачей его командировки было «принятие в заведование Комиссии склада древностей в Херсонесе»⁸. Первое время обязанности по разбору архива ученого и надзору за раскопками и Складом древностей добровольно взял на себя штабс-капитан В. Н. Рот. Он обратился в Археологическую комиссию с просьбой о помощи в урегулировании ряда вопросов, связанных с консервацией участков раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, а также с выплатой жалования сторожам и рабочим. Кроме этого, Военное ведомство начало проведение строительных работ в северо-восточной и юго-восточной частях городища, которые приводили к неизбежному разрушению культурных напластований. Прибыв в Севастополь, А.С. Раевский провел переговоры, проинспектировал Склад местных древностей и кабинет К.К. Косцюшко-Валюжинича, составил вместе с В.Н. Ротом и М.В. Ску-

⁴ Мусин А.Е. Летопись Императорской археологической комиссии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). СПб., 2019. Т. 1. С. 49.

⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902 г. Д. 238. Л. 12, 78.

⁶ С 10 мая 1905 г. См.: Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921. Исторический очерк. М.: Индрик, 2017. С. 89. См. также: Тункина И.В. Раевский Александр Сергеевич / Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) // Приложение к кн.: Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. С. 506.

⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1903 г. Д. 91. Л. 63, 70–70 об. См.: Мусин А.Е., Длужневская Г.В., Медведева М.В., Платонова Н.И. Славяно-русские и средневековые древности в исследованиях Императорской Археологической Комиссии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). СПб., 2019. Т. 2. С. 1161.

⁸ О продолжении археологических розысканий в Херсонесе (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1908 г. Д. 5. Л. 3).

бетовым опись имевшихся там древностей⁹, уведомил рабочих о прекращении раскопок до назначения нового заведующего¹⁰. Другой его задачей были осмотр и систематизация материалов архива, оставленного К.К. Косцюшко-Валюжиничем. Результаты его работы отражены в рапорте, направленном им в Комиссию. Он сообщал, что «найдя архив в отменном состоянии, хотя и упрощенном — в погодных папках, я отобрал для отсылки в Комиссию и для детального обсуждения с В. Ротом (зять Косцюшки) и М. Скубетовым (чертежник) материалы раскопок за 1906 и 1907 гг., лапидарную жатву осени 1907 г., неизданные труды Косцюшки. Труды следующие: А) Совершенно готовый к печати со многими таблицами труд об амфорных ручках; Б) Атлас орнаментов на доньшках чернолаковых сосудов; В) Корпус херсонесских монет в слепках; Г) Корпус надписей на грузилах; Д) Корпус резных камней в слепках»¹¹.

Подробный «Счёт в употреблении аванса, отпущенного делопроизводителю Императорской Археологической Комиссии Коллежскому асессору Раевскому, на расходы по командировке его в гор. Севастополь для принятия в заведование Комиссии склада древностей в Херсонесе» содержит интересную информацию не только о тратах, связанных с поездкой, но и о делах А.С. Раевского в Крыму¹². Выполняя поручение Н.И. Веселовского, он посетил Бахчисарай. А в конце командировки на «прямом почтовом пароходе» отправился в Феодосию, оттуда на один день заехал в Керчь, где остановился в гостинице «Центральная». В Керчи он посетил Царский и Мелек-Чесменский курганы, Митридат и «катакомбу Зайцевой»¹³. И уже оттуда выехал обратно в Петербург. По возвращении А.С. Раевский продолжал участвовать в распутывании сложного клубка проблем, связанных с Херсонесом, что отражено в материалах архивного дела, содержащего рапорты, копии официальных писем и телеграмм, относящихся к периоду, когда решался вопрос о новом руководителе исследований Херсонеса. На роль преемника претендовали Н.И. Репников и уже упоминавшийся штабс-капитан В.Н. Рот. Последний слал в Комиссию пространные рапорты и письма, некоторые были адресованы непосредственно А.С. Раевскому¹⁴. Кроме того, приходилось разбираться с выплатой

⁹ Рот и Скубетов неоднократно упоминают об этой работе в своих обращениях в Комиссию. Так, у Скубетова говорится о «...прибытии делопроизводителя Археологической Комиссии г. Раевского, составившего вместе со мной ведомость находившихся на складе древностей, в кабинете и дворе найденных предметов древностей и имуществу» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1908 г. Д. 5. Л. 323).

¹⁰ Стоянов Р.В. Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). Т. 1. С. 773. См. также: Романчук А.И. К истории раскопок в Херсонесе (1888–1907 гг.) // РА. 2009. № 4. С. 37.

¹¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1908 г. Д. 5. Л. 70.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Имеется в виду «Склеп Деметры», открытый в 1895 г. на земле, принадлежавшей керченской мещанке А. Зайцевой.

¹⁴ В одном из них В.Н. Рот, описывая свои заслуги и выражая недовольство тем, что Комиссия медлит с назначением нового директора раскопок, буквально «давил» на адресата. «Многоуважаемый Александр Сергеевич! — писал он 8 февраля 1908 г., — <...> Обидно мне страшно, что и я, не мало положивший трудов в дело херсонесских раскопок, в данное время вынужден молчать и смотреть на творящиеся безобразия. <...> Я стараюсь и, работая с утра до ночи, не жалею здоровья и сил. Прошлое воскресенье я простудился в кабинете и на раскопках, куда ходил с М.И. Скубетовым, а в четверг, не оправившись ещё от болезни, опять отправился туда и, несмотря на адскую погоду, пробыл три с лишним часа на работах

жалования рабочим и служащим, решать вопрос о покупке Комиссией библиотеки К.К. Костюшко-Валюжинича, регулировать отношения с Военным ведомством, заниматься «делом о пропаже серебряных монет» из витрины в Херсонесе и пр. Особенно много внимания требовали финансовые дела, о чем свидетельствуют многочисленные письма и телеграммы¹⁵. В деле имеются черновики документов, которые А.С. Раевский составлял от имени Комиссии — как в различные учреждения и ведомств, так и частным лицам¹⁶. Часто на полях обращений в Комиссию имеются пометки, сделанные его рукой. Так, на обращении Р.Х. Лепера, утвержденного новым руководителем раскопок Херсонеса, от 4 июля 1908 г. с просьбой «для ознакомления ведения дела» «покорнейше не отказать выслать мне все дело о Херсонесе за 1907 и 1908 годы» карандашом рукой Раевского отмечено: «Из дел для Лепера нужна только бумага военному министру. Размер вознаграждения Репникову по 100 руб. в месяц невыносим по состоянию кредита; если Рот совсем уйдет, то его 60 руб. и то с трудом, возможно передать Репникову. Многое из прочих пунктов уже предвосхищено Комиссией»¹⁷. Официальный ответ на это письмо от 9 июля 1908 г. также подготовлен А.С. Раевским. Как можно убедиться, в должности делопроизводителя он проявлял себя как человек, компетентный во многих вопросах, в том числе юридических и финансовых.

5 февраля 1909 г. очень широко был отпразднован 50-летний юбилей Императорской Археологической комиссии. Чуть ранее, 2 февраля министр императорского двора барон В. Б. Фредерикс объявил благодарность чинам канцелярии, в числе которых упомянут и А.С. Раевский¹⁸. В должности делопроизводителя Комиссии А.С. Раевский работал до 1 января 1910 г.¹⁹, после чего был принят на внеклассную должность библиотекаря ИАК²⁰.

Результатом его работы в новом статусе стала «реформа» порядка хранения и выдачи книг, хранящихся в библиотеке Комиссии. Свою деятельность он начал с ревизии имевшихся книг, выявив факт пропажи некоторых из них. 28 января 1911 г. подал рапорт на имя председателя Комиссии графа А. А. Бобринского²¹, предложив ряд мер, направленных на улучшение порядков пользования библиотекой. Так, в случае выноса книги из библиотеки он предложил оставлять на ее месте «фантом-заместитель» с личной подписью, помимо традиционных расписок

и уехал только в 6 часов вечера. Опять совершенно больной. В данное время сижу с перевязанным горлом и с температурой 38 с половиной. Так неужели за мою работу и за старание Комиссия не нашла ничего чем отблагодарить, кроме выражающегося недоверия?»

¹⁵ В одной из них, направленной в Киев Б.В. Фармаковскому и А.А. Бобринскому 18 июня 1908 г. сообщается: «Перевел Леперу Херсонес двести своих раскопочный аванс только что переведен Роту посылаю длинное письмо Рота...». Там же. Л. 172.

¹⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1908 г. Д. 5. Л. 38, 49, 51–52, 59, 86, 87, 89 и др.

¹⁷ Там же. Л. 188.

¹⁸ Мусин А. Е., Медведева М. В., Платонова Н. И., Всевиов Л. М., Тихонов И. Л. Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). СПб., 2019. Т. 1. С. 330–331.

¹⁹ Белова Н. А., Медведева М. В., Мусин А. Е. Сотрудники Императорской / Российской археологической комиссии, 1859–1918 // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). СПб., 2019. Т. 1. С. 60.

²⁰ Мусин А. Е. Летопись Императорской археологической комиссии. С. 51; Мусин А. Е., Медведева М. В., Платонова Н. И., Всевиов Л. М., Тихонов И. Л. Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. С. 268–269.

²¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902 г. Д. 238. Л. 84.

за уносимые на дом издания. Также он рекомендовал запретить самостоятельное, без библиотекаря, посещение библиотеки лицами, не служащими в Комиссии. А.А. Бобринский, признав разумными предлагаемые меры, обязал всех, «не принадлежащих к служебному персоналу Комиссии», «с просьбами о выдаче книг непременно обращаться к библиотекарю и не брать их из шкафов без его ведома»²².

В период работы в Археологической комиссии А.С. Раевский проявил себя и в других сферах деятельности. В 1910 г. он стал гласным городской думы в Петербурге²³, а в 1911 г. — председателем «Комиссии для подробного ознакомления с предметами старины, оставшимися от различных городских сооружений и памятников», учрежденной Городским общественным управлением Санкт-Петербурга²⁴. Позже он становится членом городской управы столицы, исполнительного органа городской думы, в ведении которой, в частности, был надзор за строительными работами в городе. В первую очередь это касалось частных построек. До начала строительства нужно было представить в Петербургскую городскую управу чертежи предполагаемой постройки и иную информацию, связанную с намечавшимися работами.

23 февраля 1912 г. А.С. Раевский направил в Археологическую комиссию официальное извещение о создании «Комиссии для подробного ознакомления с предметами старины», в котором охарактеризовал ее предполагаемую деятельность как заботу о сохранении первоначального облика монументальных памятников города. Его тревожили масштабные строительные работы, производящиеся в Петербурге в начале XX в. Разборку фасадов исторических зданий и переустройство их интерьеров он считал «вандализмом». В частности, он обращался в Комиссию в связи с перестройкой Сенатом «дома Полякова»²⁵ на Английской набережной и просил ее содействовать осмотру памятника. В ответ на обращение А.С. Раевского Комиссия направила туда П.П. Покрышкина и К.К. Романова²⁶.

2 октября 1912 г. А.С. Раевский от имени возглавляемой им комиссии обратился в ИАК в связи с предстоящим строительством библиотеки Академии наук на Стрелке Васильевского острова по проекту, разработанному Академией совместно с Министерством торговли и промышленности. Вопрос был сложным: невозможность сохранить Старый гостинный двор представлялась совершенно очевидной. Однако благодаря участию ИАК в обсуждении проекта была проведена фотофиксация разрушаемого здания и принято решение о передаче исторически значимых деталей интерьера в Музей Старого Петербурга²⁷.

²² Там же. Л. 85.

²³ Он был членом группы «Обновление думы», состоял в партии кадетов. *Петрова Л.И.* Городской музей и власть: 1880-е — 1930-е годы. СПб., 2015. С. 301.

²⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 238. Л. 102; Ф. 1. Оп. 1. 1918. Д. 7.

²⁵ Дом № 4 по Английской набережной принадлежал железнодорожному магнату и банкиру С.С. Полякову, купившему его в 1872 г., откуда и получил свое название. Первым владельцем особняка, построенного в XVIII в., был А.Д. Меншиков. В конце 1911 г. особняк приобрело Министерство юстиции для расширения Сената. Архитектор К.К. Шмидт «бережно приспособил его к новому использованию».

²⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1912 г. Д. 74; *Мусин А.Е., Медведева М.В.* Императорская археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). СПб., 2019. Т. 2. С. 1337.

²⁷ РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1912 г. Д. 293. Л. 7, 8. *Мусин А.Е., Медведева М.В.* Императорская археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры. С. 1337–1338.

А.С. Раевский входил в попечительский совет этого музея как представитель городской думы²⁸. В эти годы он состоял также членом Общества архитекторов-художников²⁹.

В 1915 г. А.С. Раевский известил ИАК о новых крупномасштабных работах в историческом центре Петербурга. Благодаря его инициативе Комиссия приняла деятельное участие в обсуждении переустройства построенного в начале XIX в. Треугольного моста³⁰ через р. Мойку и Екатерининский канал, вызванного необходимостью прокладки трамвайных путей. По поручению ИАК И.С. Китнер, Н.Е. Лансере, П.П. Покрышкин Е.А. Сабанеев и сам А.С. Раевский произвели осмотр моста. В результате организаторам строительства было рекомендовано изменить на этом участке маршрут трамвайных путей, чтобы сохранить его исторический облик³¹. С именем А.С. Раевского связана и история реставрации обелиска, установленного в Румянцевском сквере³².

Несомненно, Археологическая комиссия, чувствуя свою ответственность в деле охраны памятников, важной частью которого было сохранение исторического архитектурного облика Петербурга, в первые десятилетия XX в. принимала всё большее участие в обсуждении конкретных проектов, связанных с городским обустройством. Деятельность А.С. Раевского, следившего за намечавшимися работами и информировавшего о них ИАК, была чрезвычайно важной. Занимаемые им должности в городской думе и управе, как и возглавляемая им «Комиссии для подробного ознакомления с предметами старины», давали ему необходимые полномочия и широкие возможности в деле сохранения памятников.

Бурные политические волнения 1917 г. не могли не затронуть ИАК. Через 4 дня после отречения Николая II от престола на своем заседании Комиссия приняла решение подчиниться требованиям текущего момента. Об этом говорилось в телеграмме, направленной 6 марта в Совет министров, где было сказано, что Комиссия «в экстренном заседании <...> единогласно постановила всецело руководствоваться в своей дальнейшей деятельности распоряжениями Временного правительства»³³. Телеграмма была подписана В.В. Латышевым, Н.И. Веселовским, А.А. Спицыным, Б.В. Фармаковским, П.П. Покрышкиным, И.С. Стулло, Н.В. Суходольским и А.С. Раевским. Вскоре начинается процесс преобразования Комиссии, которая стала именоваться Российской государственной археологической комиссией.

²⁸ В настоящее время — Государственный музей истории Санкт-Петербурга.

²⁹ Петрова Л.И. Городской музей и власть. С. 301.

³⁰ Треугольным мост назван на плане его переустройства, представленном в Комиссию в 1915 г. РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1915 г. Д. 201. Л. 1; Мусин А.Е., Медведева М.В. Императорская археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры. С. 1344. Мост чаще именуют «трехколенным»: Большой Конюшенный, Мало-Конюшенный и Театральный чугунные мосты связаны в единую симметричную композицию, образующую подобие буквы «У».

³¹ РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1915 г. Д. 201. Л. 7–8об., 10, 16; Мусин А.Е., Медведева М.В. Императорская археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры. С. 1342.

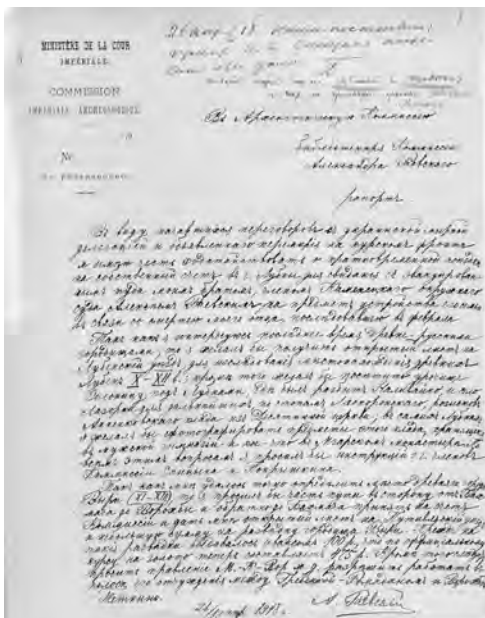
³² РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1913 г. Д. 12. Л. 11–12 об.; Мусин А.Е., Медведева М.В. Императорская археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры. С. 1342, 1345.

³³ Мусин А.Е. Платонова Н.И. Императорская археологическая комиссия и её преобразование в 1917–1919 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). СПб., 2019. С. 1401.

13 ноября 1918 г. решением Совета РГАК А.С. Раевский был назначен помощником библиотекаря по архиву³⁴. А 28 ноября состоялось первое заседание Библиотечного комитета РГАК³⁵.

По-видимому, в дальнейшем А.С. Раевский планировал проведение самостоятельных археологических исследований. В 1918 г. он обратился в Комиссию с просьбой о выдаче Открытого листа на разведку городища Вырь Путивльского уезда Курской губернии. Впрочем, планы поездки в эти места во многом были связаны с семейными делами А.С. Раевского. Вот как он писал них в рапорте от 26/13 апреля 1918 г.: «В виду начавшихся переговоров с украинской мирной делегацией и объявленного перемирия на курском фронте я имею честь ходатайствовать о кратковременной поездке на собственный счет в г. Лубны для свидания с эвакуированным туда моим братом, членом Каменского окружного суда Алексеем Раевским, на предмет устройства его семьи в связи со смертью моего отца, последовавшей в феврале.

Так как я интересуюсь последнее время древне-русскими городищами, то я желал бы получить открытый лист на Лубенский уезд, для исследования местонахождения древних Лубен X–XII вв.; кроме того, желал бы посетить урочище Солоницу под Лубнами, где был разбит Наливайко, и село Лазорки, для дальнейших, по стопам Лясковорнского, розысков Анненковского клада из Десятинной церкви; в самих Лубнах я желал бы сфотографировать предметы этого клада, хранящиеся в мужской гимназии и кое-что в Мгарском монастыре. По всем этим вопросам я просил бы инструкций гг. членов Комиссии Спицына и Покрышкина³⁶. Он также просил у Комиссии «небольшую сумму на разведку близ городища Выри» и получил аванс на поездку в размере 400 руб. Товарищ председателя Комиссии А.А. Спицын предложил несколько расширить район разведочных работ и обследовать также курганы и могильники у с. Пены Обоянского уезда, известные по разведкам

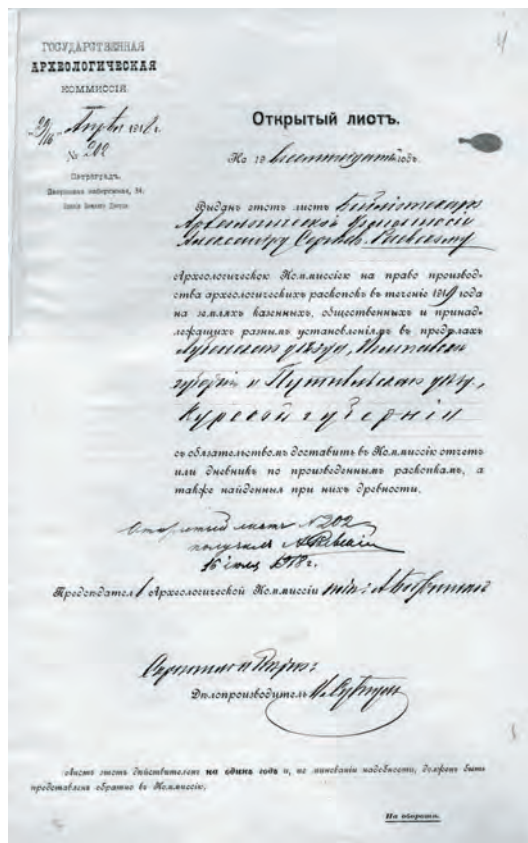

Страница рапорта А.С. Раевского в Комиссию от 26/13 апреля 1918 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1918 г. Ед. хр. 7. Л. 1)

³⁴ Там же. С. 1429.

³⁵ Мусин А.Е. Летопись Императорской археологической комиссии. С. 53.

³⁶ О разведках городища Выри Путивльского уезда Курской губернии и об осмотре курганов и могильников с. Пены близ г. Богатого Обоянского уезда. РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1918 г. Д. 7. Л. 1. «К сему считаю долгом присовокупить, — писал в своем рапорте А.С. Раевский, — что, за вступлением в силу с 4-х часов дня 5 сего мая н. ст. перемирия с Украиной, более не встречается препятствий к выезду моему из Петрограда».

Открытый лист № 202, полученный
А.С. Раевским 16 июля 1918 г.
(РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1918 г. Ед. хр. 7. Л. 4)

К.П. Сосновского 1909 г. В результате А.С. Раевский предложил следующий план поездки: «В виду этих обстоятельств и за нахождением Лубен и Выри (Ворожбы) на Украинской стороне Курского фронта, для избежания потери времени я полагал за лучшее бы до наступления июньских жаров направиться в Пены, по маршруту Петроград — Москва — Курск — Ржев — Обоянь, а с этой последней железнодорожной станции вдоль реки Псёла (Псла) до устья реки Пены и вверх по ней до с. Пены»³⁷. 16 июля 1918 г. А.С. Раевский получил открытый лист на раскопки в пределах Лубенского уезда Полтавской губ. и Путивльского уезда Курской губ.³⁸ К сожалению, этот план не удалось осуществить в полном объеме.

В начале августа 1919 г. после завершения Избирательного собрания, в котором Раевский принял участие, РГАК была окончательно преобразована в РАИМК. А 2 сентября 1919 г. А.С. Раевский был арестован ВЧК. Есть сведения, что поводом для ареста послужило его участие в Сибирских городских выборах по спискам партии кадетов в 1917 г.³⁹ Из этой скудной

информации трудно понять, о каких именно выборах могла идти речь. В 1917 г. выборы с участием партии кадетов проводились во многих городах Сибири. Это вполне могли быть, например, выборы в органы городского самоуправления в Томской губернии; в 1917 г. они проводились здесь дважды — в апреле и октябре⁴⁰. Выборы прошли и в других сибирских губерниях, например, в Енисейской⁴¹.

³⁷ Там же. Л.5 об. — 6.

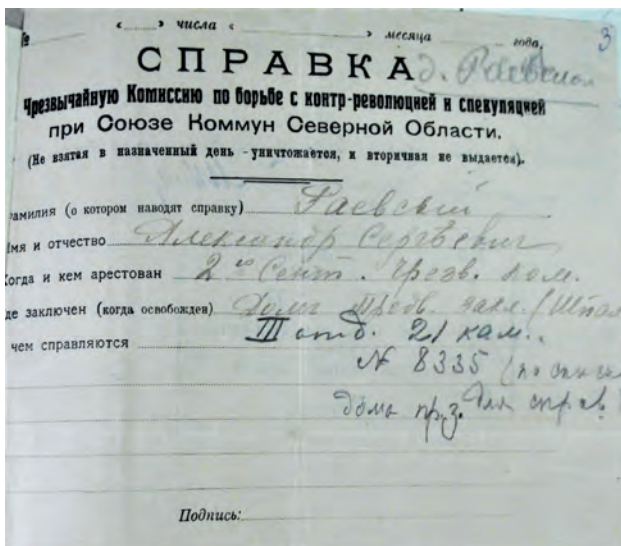
³⁸ Там же. Л. 1. См. также эл. ресурс: Раевский Александр Сергеевич /Историки курского края <https://itexts.net/avtor-wim-van-drongelen/46654-istoriki-kurskogo-kрая-biograficheskiy-slovar-wim-van-drongelen/read/page-25.html> (дата обращения 15.09.2021).

³⁹ Раевский Александр Сергеевич. Книга памяти: <http://pkk.memo.ru/page202/KNIGA/Ra.html> (дата обращения 15.09.2021).

⁴⁰ Храмов А.Г. Реформирование органов местного самоуправления в городах Томской губернии (март-октябрь 1917 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 157–161. К сожалению, ни в одном из избирательных списков губернских выборов от партии кадетов фамилию А.С. Раевского обнаружить не удалось.

⁴¹ Дементьев А.П. Итоги избирательной кампании 1917 г. в городские думы Енисейской губернии // В мире научных открытий. 2012. № 7.1 (31). С. 43–54.

В 1917 г. также проводились ещё одни выборы — в Учредительное собрание, в которых партия кадетов активно участвовала⁴². Выборы в Учредительное собрание проходили и в Сибири, в том числе и в Томской губ.⁴³, но можно было принимать участие в их организации (от своих партий) и в Петербурге. Если всё же допустить, что А.С. Раевский участвовал в выборах в Учредительное собрание (возможно, просто помогал в их организации), то его арест и условия содержания представляются более объяснимыми, насколько можно судить о событиях тех лет с позиций логики.

Справка-запрос в ВЧК
(РО НА ИИММК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 803. Л. 3)

Скупые сведения о последнем периоде жизни А.С. Раевского можно найти в его личном деле, хранящимся в архиве ИИММК РАН⁴⁴. В деле есть справка, согласно которой «Помощник библиотекаря Академии Истории Материальной Культуры Александр Сергеевич Раевский арестован 2-го сентября 1919 года Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контр-революцией и спекуляцией. Содержался в Доме предварительного заключения на Шпалерной 111 отд. Кам. 8335.

20-го октября 1919 года переведен в Москву в распоряжение Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (Б. Лубянка 11)». Ниже указано, что «сведения сообщены сестрою А.С. Раевского 29-го октября 1919 г.»⁴⁵.

На другом листе архивного дела — запись, сделанная от руки карандашом: «Сестра Ал. Серг. Раевского предоставила дополнительные сведения о своем брате: он находится в Москве в тюремной больнице на Красной Пресне Камер-Коллежский Вал б. Брестский распределитель.

В Петрограде дело А.С. Раевского рассматривалось следователем Отто и значится за № 1520. Сообщено 3-го декабря 1919 г.»⁴⁶.

Следует сказать, что руководство РАИМК не оставалось равнодушными к судьбе А.С. Раевского. На заседании Правления Академии 26 января 1920 г. было вновь возбуждено ходатайство о его освобождении⁴⁷. На заседании Правления

⁴² Циунчук Р.А. Учредительное собрание в программах общероссийских и национальных политических партий 1905–1917 гг. // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. Право. С. 125–126.

⁴³ Дмитриенко Н.М. Выборы во всероссийское Учредительное собрание в Томске в 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 375–379.

⁴⁴ Раевский Александр Сергеевич. РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 803. В деле всего 5 л.

⁴⁵ Там же. Л. 1.

⁴⁶ Там же. Л. 2.

⁴⁷ РО НА ИИММК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 383. Л. 43.

23 февраля было принято «ходатайство о скорейшем освобождении»⁴⁸. К этому вопросу Правление возвращалось 8 марта, 25 марта, 14 июня и 21 декабря 1920 г.⁴⁹ Но все хлопоты оставались безрезультатными. Приведем здесь текст обращения руководства РАИМК в Наркомпрос, датированного 19 октября 1920 г.⁵⁰

«Заместителю Народного Комиссара по Просвещению.

Российская Академия Истории материальной культуры обращается к заместителю Народного Комиссара по Просвещению со следующей просьбой.

2-го сентября 1919 г. был арестован помощник библиотекаря Академии Александр Сергеевич Раевский. 20-го октября того же года он был перевезен в Москву и заключен в концентрационный лагерь Андрониевского монастыря. Из-за болезненного состояния он был переведен в Брестский Госпиталь на Пресне, где перенес сыпной тиф, следствием которого была неврастения, водянка и раны на ногах. В последнее время А.С. Раевский был признан здоровым и переведен обратно в Андрониевский монастырь, где и находится.

Российская Академия Материальной культуры просит Заместителя Народного Комиссара по Просвещению не отказать в содействии, если то будет признано возможным к освобождению А.С. Раевского, в случае же предъявления к нему определенных обвинений, оказать содействие к скорейшему разбору его дела.

Председатель Академии А. Васильев
Управляющий делами И. Михайлов».

В архивном деле хранится и ответ на этот запрос от 21 декабря 1920 г.⁵¹: «Петроград. Мраморный Дворец.

Академии истории Материальной Культуры

На отношение Ваше № 3032 Научный Отдел Наркомпроса извещает Вас, что на запрос Научного Отдела общая канцелярия М. Ч. К. отношением от 6-го /12 с.г. за № 25323 уведомила, что гр. Раевский Александр Сергеевич арестованным за М.Ч.К. не числится».

Возможно, эта сухая справка свидетельствует о том, что в это время А.С. Раевского уже не было в живых.

На обороте сообщения — надпись: «27. XII 1920. Академия Истории Материальной Культуры. Постановлено: Просить В.Ч.К. о сообщении сведений о А.С. Раевском.

Ученый секретарь Б. Крыжановский».

К сожалению, больше никаких данных о А.С. Раевском обнаружить не удалось⁵². Вероятно, жизнь его оборвалась в одном из первых концентрационных лагерей советской эпохи, организованном на территории Москвы в Спасо-Андрониковом монастыре.

Спасо-Андроников монастырь располагался на одной из Поклонных гор на левом берегу р. Яузы. Он был основан в середине XIV в. по обету св. Алексия,

⁴⁸ Там же. Л. 116.

⁴⁹ Там же. Л. 204, 390, 876.

⁵⁰ Раевский Александр Сергеевич. РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 803. Л. 4–4об.

⁵¹ Там же. Л. 5.

⁵² На запросы в Управления ФСБ по Петербургу и Ленинградской обл. и Москве и Московской обл. были получены официальные ответы об отсутствии сведений.

Спасо-Андроников монастырь. 1887 г.

(по: *Найденов Н.А.* Москва. Виды некоторых городских местностей, храмов, примечательных зданий и других сооружений. М., 1888. Прил. 1. Л. 20)

митрополита Московского, в честь чудесного спасения его на обратном пути из Константинополя в Киев. Св. Алексий сам освятил церковь и поместил в неё образ Всемиловитого Спаса, привезенный из Константинополя⁵³. Первым игуменом монастыря стал св. Андроник из Ростова, ученик Сергия Радонежского, по имени которого обитель получила свое название.

Концлагерь на её территории был открыт не позднее июня 1919 г. и работал до лета 1922 г. Здесь отбывали наказание «долгосрочные» заключенные, а также «нежелательные элементы» со сроком заключения «до конца Гражданской войны»⁵⁴. Как и во многих других московских концлагерях⁵⁵, заключенные Андрониковского лагеря прикомандировывались к различным работам. Санитарное состояние было ужасным — то и дело вспыхивали эпидемии. В 1919–1920 годы в Андрониковском лагере содержалась княгиня Т. Г. Куракина (урожденная Врангель). В своих воспоминаниях она описала жизнь в этом месте⁵⁶. «Монастырская обстановка хотя

⁵³ [Сергий (Спаский), архиепископ Владимирский]. Историческое описание Московского Спасо-Андроникова монастыря. М.: Издание Спаса Нерукотворного Образа в Андрониковом монастыре, 2003. С. 6–9. Об иконе см.: *Евсеева Л.М.* «Нерукотворный образ Христа» митрополита Алексия (1354–1378) // Нило-Столбенская пустынь. Новые открытия. Из истории Спасо-Андроникова монастыря. Сборник статей к 60-летию основания музея и 50-летия со дня открытия его экспозиции. М., 2010. С. 115–135.

⁵⁴ Андрониковский (Андроньевский) концлагерь. Эл. ресурс: <https://topos.memo.ru/article/167+1> (дата обращения 21.04.2021). Учреждение находилось в ведении Главного управления принудительных работ при НКВД, в документах упоминается как Андрониковский или Андроньевский лагерь.

⁵⁵ Всего на территории Москвы в первые годы советской власти существовало 12 концлагерей.

⁵⁶ Воспоминания были написаны после её бегства из России и изданы в 1923 г. в Париже, позже переиздавались. См.: *Куракина Т.Г.* Воспоминания 1918–1921 гг. // Красный террор в Москве: Свидетельства

и была живописна, но производила грустное, угнетающее впечатление, так как все постройки были окружены кладбищем. Было очень зелено, тенисто, но вид всех этих могил и крестов не веселил душу: куда глаза ни посмотрят — кресты, точно напоминание нам, чтобы мы несли свой крест. Тоска меня охватила ужасная, когда я наутро вышла осмотреть мое новое местожительство... <...> Я к этому времени стала скверно себя чувствовать и сильно ослабевать. Поддержать силы было нечем. Кормили нас отвратительно — простыми словами, голодом морили. В день выдавали по 3/4 фунта скверного черного хлеба, 3 золотника сахару, обед в 12 часов состоял из бурды с замерзшим картофелем, или с гнилой капустой, или с пшеницей, как лакомство — иногда с чечевицей. Вечером на ужин то же самое. Жиров никаких — о мясе и думать нечего было. А природа требовала своего; чувство голода меня не покидало; становилось мучительно, но это было еще только начало голодовки — кое-какие силы еще оставались, и организм боролся. <...> У меня сделался острый артрит; от истощения развилось острое малокровие и сделался сильный жар. Тяжело заболевших заключенных полагалось отсылать в центральную больницу всех концентрационных лагерей. Но я умоляла не уведомлять коменданта о моем заболевании, чтобы меня не отсылали в знаменитую центральную больницу, где люди мерли как мухи, до того там был скверный уход за больными. Кроме того, там вперемешку клали здоровых с тифозными, с сифилитиками и т. п., и это заведение пользовалось вообще самой ужасной репутацией». Очевидно, речь идет здесь о больнице, в которой некоторое время находился А.С. Раевский.

Лагерь был закрыт летом 1922 г. «вследствие возникновения эпидемических заболеваний и его антисанитарного состояния». Сейчас существует проект создания на территории Спасо-Андроникова монастыря мемориала, который бы увековечил имена узников лагеря⁵⁷. Вероятно, при его организации будут уточняться их имена, рассекречиваться и становиться достоянием гласности новые архивные документы. Поэтому не исключена возможность узнать что-то новое и о судьбе Александра Сергеевича Раевского, принадлежавшего к славной плеяде «хранителей вечности»⁵⁸ ИАК-РАИМК.

очевидцев / сост. С. Волков. М., 2010. С. 175–196. Цит. по: Андрониковский (Андроньевский) концлагерь. Эл. ресурс: <https://topos.memo.ru/article/167+1> (дата обращения 30.09.2021).

⁵⁷ К 100-летию основания концлагеря в Андрониковом монастыре на территории некрополя будет открыт мемориал памяти его жертв. Эл. ресурс: <https://pravoslavie.ru/122273.html> (дата обращения 30.09.2021).

⁵⁸ Длужневская Г.В. Научный архив ИИМК РАН: история архива и хранители «вечности» // Академическая археология на берегах Невы. СПб., 2013. С. 292–293.

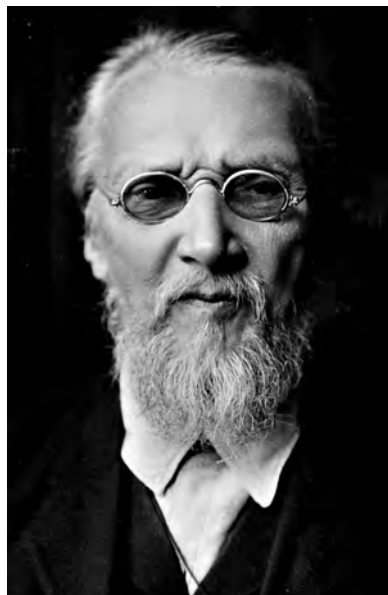
Павел Константинович Симони (1859–1939)

М.В. Поникаровская

Филолог, историк литературы, палеограф, фольклорист и библиограф П.К. Симони¹ родился 19 ноября (1 декабря) 1859 г. в Санкт-Петербурге в семье сенатского чиновника, имевшего венгерские корни. Начальное образование Павел получил в немецком частном пансионе при лютеранской церкви Св. Екатерины на Васильевском острове, в котором учился на протяжении двух лет. Продолжил обучение он в гимназии при Императорском историко-филологическом институте, пройдя ее полный восьмилетний курс. Эта гимназия давала общее классическое образование, при этом специальное внимание уделялось изучению древних языков, истории и русской словесности.

В гимназии, по словам П.К. Симони, он особенно интересовался церковнославянским языком и историей литературы и охотно посещал вместе с товарищами Эрмитаж и Публичную библиотеку². Большое влияние в эти годы на юношу оказал В.А. Прохоров³, являвшийся хранителем Музея христианских древностей при Императорской Академии художеств. Коллекцию музея составляли иконы, кальки с монастырских фресок, зарисовки архитектурных памятников, а также собрание предметов, костюмов и вышивок.

Примечательно, что в годы обучения в гимназии П.К. Симони уже попробовал себя в роли преподавателя. В личном фонде ученого в Российской национальной библиотеке сохранился любопытный документ — свидетельство об успешной деятельности в качестве репетитора от 15 августа 1878 г., выданное П.К. Симони братом его ученика⁴. И хотя преподавание и не стало делом его жизни, этот первый учительский опыт, несомненно, свидетельствует о способностях и серьезном отношении к наукам юного гимназиста.

¹ В качестве заставки использована фотография П.К. Симони (СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-С. Д. 172. Л. 1).

² Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И. Павел Константинович Симони (1859–1939): материалы к биобиблиографии // Библиография. 2016. № 3. С. 86.

³ Прохоров Василий Александрович (1818–1882) — археолог, этнограф; преподаватель истории и археологии (с 1859), заведующий Музеем христианских древностей (с 1862) Академии художеств.

⁴ ОР РНБ. Ф. 696. Ед. хр. 2. Л. 1.

По окончании гимназии в 1881 г. П.К. Симони поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В университете его наставником стал И.В. Ягич⁵, под научным руководством которого студент Симони работал в течение трех лет, а кроме того, принимал участие в его семинариях. Это дало возможность будущему ученому овладеть методами научной работы, а также окончательно определило его исследовательские интересы⁶. Первыми своими самостоятельными научными работами, начатыми в 1884–1885 гг. еще во время учебы в университете, П.К. Симони считал составление словаря к Служебным Минеям XI в. и оставшееся незавершенным исследование «О языке Саввиной книги⁷ XI в.». Как отмечал сам ученый, семинарские занятия над памятниками славянской и русской старины, письменными и вещевыми, и особенно прослушанные курсы по старославянской палеографии указали ему путь к самостоятельному и непосредственному исследованию и изучению древнейших памятников⁸.

После окончания университета в 1886 г. П.К. Симони в течение нескольких лет служил чиновником в ряде учреждений Санкт-Петербурга, в частности в Департаменте таможенных сборов Министерства финансов и Комитете иностранной цензуры при Министерстве народного просвещения⁹. В эти годы он продолжал и свою научно-исследовательскую деятельность, занимаясь в Публичной библиотеке изучением древнеславянских рукописей, а именно анализом языка, письма и графических приемов писцов. Молодой ученый также овладевал умением определять следы порчи, позднейшей реставрации, поправок, переделок текста и подделок записей писца, особенно в отношении дат.

Так, им был тщательно изучен древнейший список собрания Слов Григория Богослова в славянском переводе, представленный восточнославянской рукописью, содержащей 13 Слов. Но еще более важным опытом, укрепившим П.К. Симони во мнении о необходимости исследования не только позднейшей судьбы основного текста, но и мельчайших деталей структуры и порчи разного времени материалов рукописей, приемов письма и способов подновления, стали наблюдения над рукописью Изборника Святослава 1076 г. В результате этих наблюдений П.К. Симони удалось установить, что в вышедшем в 1887 г. издании текста Изборника¹⁰ имеется множество ошибок. Некоторая часть сделанных ученым замечаний и поправок к уже изданному тексту нашла отражение в статье, которая была опубликована в 1888 г. в изложении И.В. Ягича и его же переводе на немецкий язык¹¹.

⁵ Ягич Игнатий Викентьевич (1838–1923) — филолог-славист, палеограф; член Югославянской академии наук и искусств (1866), ординарный академик ИАН (1881).

⁶ Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И. Ук. соч. С. 86.

⁷ Саввина книга — кириллическая старославянская рукопись, содержащая неполный текст краткого евангелия-апракоса и состоящая из 166 листов пергамента разного времени. Наиболее ценными считаются древнейшие листы 25–153 и 166, датируемые XI веком. Название рукопись получила по имени писца — попа Саввы, дважды упомянутого в приписках к тексту.

⁸ Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И. Павел Константинович Симони... С. 86.

⁹ Алексеев А.А. Павел Константинович Симони // Русская речь. 1984. № 6. С. 51.

¹⁰ Шимановский В.С. К истории древнерусских говоров. Исследование с приложением полного текста Сборника Святослава 1076 г. Варшава, 1887.

¹¹ Jagić V. Die Ausgabe des altrussischen Codex vom Jahre 1076 nebst den Berichtigungen Simony's // Archiv für slavische Philologie. 1888. Bd. 11. № 2. S. 233–241; № 3. S. 368–383.

По словам П.К. Симиони, эта работа обратила внимание специалистов на его исследования¹².

Еще одним важным памятником, который в те годы изучал П.К. Симиони, было «Слово о полку Игореве». В 1890 г. он опубликовал текст этого произведения древнерусской литературы по копии XVIII в., сохранившейся в бумагах Екатерины II¹³. Одной из важных особенностей данного издания стало внесение современных маргинальных приписок и поправок к тексту памятника. Г.С. Виноградов¹⁴ отметил, что «в этом труде П.К. Симиони вполне определилась основная черта всех будущих его исследований — детальное, всеисчерпывающее рассмотрение памятника от первой черты до последней»¹⁵. Сам П.К. Симиони вспоминал, что это «издание было встречено в Москве с “шумным” вниманием»¹⁶, поскольку оно дало ученым специалистам основания для возражений Е.В. Барсову¹⁷ в споре о сомнительной подлинности «бумаг Малиновского»¹⁸ с текстами «Слова о полку Игореве».

С 1888 г. П.К. Симиони был привлечен к работе над изданием словаря современного русского языка, который готовило Отделение русского языка и словесности Академии наук. Руководил этой работой председательствующий в отделении Я.К. Грот¹⁹. Молодому ученому было поручено заниматься подбором примеров словоупотребления из сочинений русских писателей XIX в., а также разбирать и классифицировать материалы народных говоров, которые планировалось использовать в некотором количестве при составлении словаря²⁰. Эти материалы присылались в адрес Академии наук частными лицами, интересующимися изучением живой великорусской речи, но зачастую не обладающими достаточными знаниями в этой области. Первый выпуск «Словаря русского языка» вышел в свет в 1891 г.²¹ П.К. Симиони принимал участие и в чтении корректур этого выпуска, став, таким образом, самым активным помощником Я.К. Грота²². В отчетах

¹² Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И. Павел Константинович Симиони... С. 87.

¹³ Симиони П.К. Текст Слова о Полку Игореве по списку, хранящемуся в бумагах Императрицы Екатерины II, в Санкт-Петербургском государственном архиве Министерства иностранных дел, с присовокуплением различных сведений о переводе, примечаниях и содержании Слова, к нему присоединенных // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. 1890. Т. 13. Вып. 2. С. 16–46.

¹⁴ Виноградов Георгий Семенович (1886–1945) — филолог, фольклорист, этнограф.

¹⁵ Виноградов Г. Полвека ученой деятельности П.К. Симиони // Язык и мышление. Вып. III–IV / Под ред. акад. И.И. Мещанинова. М.; Л., 1935. С. 286.

¹⁶ Цит. по: Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И. Ук. соч. С. 87.

¹⁷ Барсов Еллидифор Васильевич (1836–1917) — историк литературы, этнограф, археолог, исследователь древнерусской письменности; член-корреспондент ИАН (1873).

¹⁸ «Бумаги Малиновского» — выписки, сделанные А.Ф. Малиновским и Н.М. Карамзиным из утраченного впоследствии протографа — списка из конволюта XVII в., сгоревшего во время московского пожара 1812 г., и содержащие замечания о некоторых других чтениях оригинала «Слова о полку Игореве» по сравнению с текстом, который был подготовлен А.И. Мусиным-Пушкиным, Н.Н. Бантышом-Каменским и А.Ф. Малиновским для издания 1800 г. Отчасти описаны Е.В. Барсовым в его труде, посвященном «Слову о полку Игореве» (Барсов Е.В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 1–3. М., 1887–1890).

¹⁹ Грот Яков Карлович (1812–1893) — филолог-славист; ординарный академик (1858), вице-президент (1889–1893) ИАН.

²⁰ Алексеев А.А. Павел Константинович Симиони... С. 51.

²¹ Словарь русского языка. Т. I. Вып. 1. А — Втас. СПб., 1891.

²² Мельц М.Я. П.К. Симиони — собиратель и издатель русского фольклора // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1965. Вып. 3. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер. Т. 91). С. 163.

Отделения русского языка и словесности за 1888–1891 гг. неоднократно особо отмечается вклад ученого в работу по составлению словаря²³.

В январе 1892 г. П.К. Симони перешел на службу в Отделение русского языка и словесности Академии наук. Незадолго до этого при отделении была учреждена новая должность — письмоводителя с окладом в 2000 рублей в год из штатных сумм отделения, включая 1600 рублей жалования, 200 рублей «столовых» и 200 рублей «квартирных». Занять это место председательствующий Я.К. Грот предложил П.К. Симони. Обосновывая выбор его кандидатуры на собрании членов отделения, Я.К. Грот отметил, что П.К. Симони уже хорошо известен отделению «по участию его в пригготовительных занятиях по словарю», и, кроме того, он обладает «всеми требующимися для исполнения обязанностей по новой должности качествами»²⁴. Должность письмоводителя Отделения русского языка и словесности, на которую был принят П.К. Симони, потребовала от молодого ученого постоянного внимания и исполнительности. Одними из его важнейших задач на новом посту стали подготовка к печати различных академических изданий и чтение корректур.

Служба в Академии наук способствовала знакомству П.К. Симони с крупнейшими представителями русской науки. Так, ученый особенно сблизился с академиком Л.Н. Майковым²⁵. П.К. Симони вспоминал, что «У Майкова... образовался как бы историко-литературный университет. Он своим интересом, глубокими знаниями и методами школы Изм. Ив. Срезневского²⁶, которого он был учеником (и что особенно важно — работал под его руководством над “народной словесностью”), привлекал к себе ищущую историко-литературных знаний молодежь... Его школа дала целый ряд исследователей как в области письменной старины, так и фольклора... Мои посещения почти ежедневные Майкова... поставили и меня в ряд той молодежи, растущей в Публ[ичной] библиотеке для научных целей; ряд назывался майковцами...»²⁷. Под влиянием Л.Н. Майкова на П.К. Симони, как он писал: «напало... влечение к старой письменности — страсть к исследованию попадающихся в ней памятников фольклора»²⁸.

В конце 90-х годов XIX в. ученый приступил к изысканиям в области русской паремиологии. В письме к А.И. Лященко²⁹ от 6 октября 1897 г. П.К. Симони рассказывает о своей деятельности по подготовке к публикации сборников русских пословиц, а также сообщает об исследовательском интересе к памятникам древнерусской литературы, содержащим образцы афористических изречений: «Я должен усердно заняться изучением вопроса об отношении текста Моления и Слова

²³ Отчеты Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1866–1891 годы. СПб., 1903. С. 659, 685, 708, 733, 735.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1–1892. Д. 194. Л. 1–1 об.

²⁵ Майков Леонид Николаевич (1839–1900) — историк литературы, этнограф; вице-президент ИАН (1893–1900).

²⁶ Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) — филолог-славист, этнограф, палеограф; адъюнкт (1849), экстраординарный академик (1851), ординарный академик (1854) ИАН; декан историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1855–1880).

²⁷ Цит. по: Мельц М.Я. П.К. Симони... С. 163.

²⁸ Там же.

²⁹ Лященко Аркадий Иоахимович (1871–1931) — библиограф, историк литературы; член-корреспондент АН СССР (1928).

Д[аниила] З[аточника] к некоторым текстам Пчел³⁰ и в частности к позднейшим (не ранее XVI–XVII в.) сборникам притч и пословиц»³¹.

Обнаружив в материалах М.А. Оболенского³², хранившихся в то время в Московском главном архиве Министерства иностранных дел³³, сборник конца XVII в. «Пословицы всенароднейшие по алфавиту», известный только по одному списку, П.К. Симо́ни решил осуществить его публикацию. Следующие два года он посвятил прочтению этой рукописи, снятию копий с нее и обработке материала. Когда работа уже близилась к завершению, ученому стало известно о существовании еще одной рукописи соответствующего периода. Получив, не без труда, ее копию³⁴, он приступил к подготовке первого выпуска серии сборников старинных русских пословиц, поговорок и загадок по памятникам XVII–XIX столетий. Для этого он начал проводить активные разыскания в архивохранилищах Петербурга и других городов, а также обращался с запросами к отдельным коллекционерам. Собранный с большими усилиями материал П.К. Симо́ни намеревался издать в нескольких томах в соответствии со строго определенными палеографическими правилами: полным воспроизведением рукописи со всеми особенностями написания и указанием позднейших приписок, поправок и дополнений. В воспоминаниях, написанных в 1930-х гг., ученый отмечал, что предполагал издать более десяти выпусков, соединив два-три из них в один том³⁵.

В конце 1899 г. из печати вышел первый выпуск подготовленного П.К. Симо́ни сборника старинных пословиц³⁶. Это издание впервые в истории публикаций русских фольклорных записей содержало факсимиле отдельных листов рукописей. В большом предисловии автор упоминал 19 найденных, неопубликованных прежде, сборников пословиц и 13 печатных сборников XVIII в., послуживших источниками для его работы, а также предлагал список из 10 рукописных материалов, которые предстояло разыскать в дальнейшем, побуждая тем самым других исследователей к занятиям русской паремиологией³⁷.

Появление сборника вызвало большой резонанс в научных кругах. В печати, в том числе и зарубежной, появилось значительное количество положительных рецензий на него. П.К. Симо́ни готовился продолжить эту работу новыми выпусками:

³⁰ «Пчела» — сборник изречений византийского происхождения, датируемый IX в. Автором оригинального греческого сборника, по мнению большинства исследователей, является Антоний Мелисса. Получил широкое распространение на Балканах и на Руси, где стал одним из главных источников сведений о древнегреческой философии и политической мысли.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 156. Оп. 2. Д. 402. Л. 1 об.

³² Оболенский Михаил Андреевич (1805–1873) — князь, историк, археограф, архивист, археолог; член-корреспондент ИАН (1846); директор Московского главного архива Министерства иностранных дел (1841–1874).

³³ В 1925 г. Московский главный архив Министерства иностранных дел вошел в состав Дрвлекранилища Московского отделения Центрального исторического архива РСФСР (с 1992 г. — Российский государственный архив древних актов).

³⁴ Подробнее об этом см.: Мельц М.Я. П.К. Симо́ни... С. 166.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 461. Оп. 1. Ед. хр. 3. С. 217.

³⁶ Симо́ни П.К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Вып. 1 // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1899. Т. LXVI. № 7. С. I–XIX, 1–216, 1–8, I–XII.

³⁷ Мельц М.Я. П.К. Симо́ни... С. 170.

обрабатывал новонайденные рукописи, содержащие пословицы, и активно искал другие старинные записи. Но, как вспоминал позднее ученый, «ОРЯС, напечатав 1-й выпуск моих пословиц, не очень-то было расположено печатать дальнейшие»³⁸. Богатейший материал, собранный П.К. Симони, и фотокопии некоторых рукописей были в результате переданы им в середине 1930-х гг. в отдел письменных источников Государственного исторического музея и в Фольклорную комиссию Академии наук СССР³⁹.

Однако свою работу в области паремиологии П.К. Симони не оставил. В начале 1900-х гг. он предпринял масштабный труд по составлению полного свода русских пословиц — «Corpus proverbiorum paremiarumque rassicorum». В официальном ходатайстве от 15 декабря 1900 г. в Отделение русского языка и словесности Академии наук задуманное им издание получило другое, расширенное наименование — «Систематическое собрание (свод) русских (велико-, бело- и малорусских) пословиц, поговорок, присловий, скороговорок, прибауток, при сказок, побасенок, пустобаек, народных анекдотов, загадок, острот, прозвищ и проч., с объяснениями, вариантами и параллелями — как книжных, так и в особенности простонародных»⁴⁰.

В этом издании предполагалось собрать воедино как сохранившиеся в рукописях, так и уже опубликованные ранее образцы народной речи. Кроме того, ученый составлял подробную библиографию по данному вопросу вместе с краткой историей славянских и некоторых других исследований в этой области⁴¹. Собранные материалы П.К. Симони намеревался представить в систематическом порядке с указанием вариантов не только из записей русских и славянских простонародных пословиц, но и из печатных текстов и памятников древней письменности.

С целью получения дополнительных материалов для своего предприятия и стимулирования работы собирателей фольклора на местах в 1898 г. ученый составил специальную программу. Особенно ценными ему представлялись локальные, областные образные выражения, поскольку, по его мнению, они сохраняют «старую словесную одежду и даже самые слова, что может дать нам разгадку происхождения самого текста»⁴². При помощи новых фольклорных записей, полученных в качестве ответов на свою программу, П.К. Симони надеялся обнаружить источники ряда пословиц и изучить историю их происхождения.

С просьбой посодействовать в печатании программы и ее рассылке в адрес редакций журналов и газет, статистических комитетов, попечителей учебных округов и директоров народных училищ для последующего распространения среди учителей и учащихся П.К. Симони обратился в Отделение этнографии Русского географического общества. Отделение поддержало его начинание и опубликовало программу в своем печатном органе — журнале «Живая старина»⁴³, а затем

³⁸ РГАЛИ. Ф. 461. Оп. 1. Ед. хр. 3. С. 217.

³⁹ Мельц М.Я. Ук. соч. С. 174.

⁴⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 37. Ед. хр. 121. Л. 3.

⁴¹ Мельц М.Я. П.К. Симони... С. 175.

⁴² Цит. по: Мельц М.Я. Ук. соч. С. 177.

⁴³ Симони П.К. Программа для собирания русских пословиц, поговорок, острот, прозвищ, загадок и т. д. // Живая старина. 1898. Вып. 1. С. 118–121.

издало ее и отдельным оттиском в количестве 10 000 экземпляров для распространения среди интересующихся.

Программа П.К. Симони представляла собой четкий план не только сбора пословиц, но и их изучения: в ней были намечены классификационные рубрики и определены фольклорные принципы записи этого вида устного творчества, не утратившие, следует отметить, своего значения и в наше время⁴⁴. Программа очень способствовала деятельности любителей-этнографов в провинции, однако надежд, возложенных на нее автором, она все-таки не оправдала. Результаты от ее рассылки ученые считали недостаточными, и, чтобы их компенсировать, он вступил в личную переписку со многими собирателями фольклора и преподавателями учебных заведений, которые могли оказать помощь в сборе материала.

Идея создания свода русских пословиц долго не покидала П.К. Симони. Несмотря на многое, уже сделанное им в этом направлении, такой обширный план не мог быть реализован, прежде всего потому, что ученому приходилось заниматься этим самоотверженно и бескорыстно. Все его ходатайства в Отделение этнографии Русского географического общества и Отделение русского языка и словесности Академии наук с просьбой о выделении каких-либо сумм под отчет для оплаты труда по переписке текстов, переводу на карточки печатных сборников, приобретения необходимых книг и ящиков для хранения материалов оставались без удовлетворения. П.К. Симони был вынужден самостоятельно переписывать огромное количество фольклорных записей, получая поддержку в этом деле только от своей супруги и сестры⁴⁵ и совмещая эту масштабную работу с официальной службой в Академии наук⁴⁶.

Еще одним важным направлением научно-исследовательской деятельности П.К. Симони было изучение и публикация старинных записей русских песен и былин. В русском эпосе насчитывается около ста былинных сюжетов, а записей их текстов известно примерно две тысячи. Многие былины по своему происхождению относятся к глубокой древности, однако специальные записи произведений русской эпической поэзии начали производиться довольно поздно. Самые ранние из них датируются XVII в. Так, древнейший сборник исторических песен был составлен по инициативе англичанина Ричарда Джемса⁴⁷. Считается, что эти песни, повествующие о событиях Смутного времени, были записаны для него в Архангельском крае или Вологодском крае в 1619–1620 гг.

⁴⁴ Мельц М.Я. П.К. Симони... С. 178.

⁴⁵ Симони Ольга Константиновна (1862 — не ранее марта 1938) — преподаватель, делопроизводитель, служащая Академии наук. В 1881 г. окончила женское училище Св. Елены в Санкт-Петербурге. Получила дополнительное образование на Педагогических курсах при Санкт-Петербургских женских гимназиях, которые окончила в 1885 г. В марте 1899 г. начала работу в школе, организованной Русским техническим обществом при Санкт-Петербургском трубочном заводе, в которой преподавала до ее объединения с 19-й советской единой трудовой школой в октябре 1919 г. С того же года работала в Вечерней общеобразовательной школе для взрослых им. М.И. Калинина в должности преподавателя математики (1919–1925). Кроме того, с 1 сентября 1900 г. по 1 марта 1930 г. состояла на службе в Академии наук в должности делопроизводителя.

⁴⁶ Мельц М.Я. П.К. Симони... С. 180.

⁴⁷ Джемс (Джеймс) Ричард (англ. James Richard; 1582–1638) — английский путешественник XVII века, пастор, ученый, поэт. Являлся участником посольства короля Якова I к царю Михаилу Федоровичу.

В 1907 г. П.К. Симони подготовил к публикации, на основе подлинной рукописи, и издал тексты всех шести песен, записанных для Р. Джемса, с приложением снимков с рукописи⁴⁸. В том же году ученый осуществил также публикацию «Повести о Горе и Злочастии»⁴⁹ — анонимного древнерусского стихотворного произведения XVII в., сохранившегося в единственном списке XVIII в. Не менее значительными работами П.К. Симони в области исследования старинных русских песен и былин стали вышедшие из печати в 1922 г., в рамках задуманной им серии «Памятники старинного русского языка и словесности XV–XVIII столетий», издания: «Сказание о киевских богатырях»⁵⁰ и «Задонщина великого князя господина Димитрия Ивановича»⁵¹.

Интерес к старинной песне привел П.К. Симони к изучению практически неизвестных в то время в науке русских песенников, относящихся ко второй половине XVIII в., а также биографий их составителей. Так, в 1905 г. им была подготовлена работа⁵², посвященная придворному певцу и музыканту В.Ф. Трутовскому⁵³ и изданному им в четырех частях первому русскому нотному песеннику⁵⁴. В этой работе было представлено наиболее полное описание жизненного и творческого пути В.Ф. Трутовского.

А в 1913 г. под редакцией ученого вышел первый и, к сожалению, единственный том собрания сочинений М.Д. Чулкова⁵⁵, включивший в себя его «Собрание разных песен»⁵⁶. В этот однотомник вошли материалы 1-й, 2-й и 3-й частей первого издания сборника песен М.Д. Чулкова, опубликованного в 1770–1774 гг. Следует отметить, что П.К. Симони впервые целенаправленно исследовал биографию и творческое наследие этого писателя и фольклориста XVIII в. Практически все

⁴⁸ Симони П.К. Великорусские песни, записанные в 1619–20 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. 1) С полным снимком и текстами всех шести песен по подлинной рукописи, хранящейся в Оксфорде и 2) с приложением чтения песен академика Ф.Е. Корша с отметками указаний касательно ритмических их особенностей // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1907. Т. 82. № 7. С. I–XII, 1–29.

⁴⁹ Симони П.К. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин, по единственной сохранившейся рукописи XVIII-го века. 1) С 22-мя снимками с полного текста «Повести о Горе и Злочастии» и 2) с приложением чтения «Повести о Горе-Злочастии» и с отметками указаний касательно ритмических особенностей академика Ф.Е. Корша // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1907. Т. 83. № 1. С. I–II, 1–88.

⁵⁰ Симони П.К. Памятники старинного русского языка и словесности XV–XVIII столетий. Вып. I–II. Сказание о киевских богатырях как ходили во Царьград и как побили Цареградских богатырей, учинили себе честь (По рукописям XVII в. Е.В. Барсова и XVIII в. Ф.И. Буслаева) // Сборник Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1922. Т. 100. № 1. С. 1–64.

⁵¹ Симони П.К. Памятники старинного русского языка и словесности XV–XVIII столетий. Вып. III. Задонщины по спискам XV–XVIII столетий. Задонщина великого князя господина Димитрия Ивановича и брата его князя Володимира Андреевича по Кириллобелозерскому списку 1470 гг. // Сборник Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1922. Т. 100. № 2. С. 1–34.

⁵² Симони П.К. Камер-гуслист В.Ф. Трутовский и изданный им первый русский нотный песенник: «Собрание русских простых песен с нотами». Ч. I–IV. СПб., 1776–1795 гг. М., 1905.

⁵³ Трутовский Василий Федорович (ок. 1740 — ок. 1810) — гуслир, клавесинист, собиратель народной музыки, композитор.

⁵⁴ Трутовский В.Ф. Собрание русских простых песен с нотами. Ч. 1–4. СПб., 1778–1795.

⁵⁵ Чулков Михаил Дмитриевич (1744–1792) — писатель, этнограф, фольклорист, историк.

⁵⁶ Чулков М.Д. Сочинения. Т. I. Собрание разных песен. Ч. I, II и III с прибавлением. СПб. 1770–1773. СПб., 1913.

последующие биографы М.Д. Чулкова неизменно обращались к материалам, подготовленным ученым, что, безусловно, свидетельствует об их непреходящей ценности.

В первое десятилетие XX в. П.К. Симони опубликовал серию из трех изданий, посвященных истории книжного дела на Руси: «Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси, преимущественно в допетровское время, с XI по XVIII столетие включительно»⁵⁷, «Мстиславово Евангелие начала XII-го века в археологическом и палеографическом отношении»⁵⁸ и «К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении»⁵⁹.

Свой интерес к данной теме ученый объяснял тем, что еще ранние его работы по исследованию древнейших памятников письменности, испорченных или существующих только в позднейших, нередко искаженных, копиях, убедили его в необходимости изучения и критики не только самого текста, но также и всех графических приемов и каллиграфических ухищрений писца, позволяющих выяснить характер протографа и определить время составления той или иной рукописи: «...уже вскоре и я сам утвердился в мысли, что без сложного и детального анализа всех принадлежностей письма нельзя поручиться за прочность выводов, да без того и трудно было бы более точно датировать самый памятник, почему несколько позднее я и обратился к собиранию сведений о старых писцах, их быте, работе и зарплате за нее, приемах их, повадках, и стал составлять себе сборник рецептов по рукописям ю.-славянским и русским, начиная с XV века и кончая XVIII и даже XIX в. — по составлению чернил, о золоте и его многочисленных суррогатах и подменах, о киновари и ее заменах туземными средствами, баканами или суриком, о творке многочисленных красок для заглавных букв — заставок, миниатюр и иконописи»⁶⁰.

В трех упомянутых выше книгах содержатся сведения о технических приемах, которые использовались в работе переплетчиками, писцами, художниками-иллюстраторами, а также иконописцами. Кроме того, из рукописей XV–XVII вв. автором были выбраны и опубликованы различные рекомендации по изготовлению книг и икон, например, рецепт приготовления чернил. В комментариях к тексту П.К. Симони объясняет происхождение терминов «книжного строения» и раскрывает сущность технологических деталей процесса, малопонятных современному читателю⁶¹.

⁵⁷ Симони П.К. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси, преимущественно в допетровское время, с XI по XVIII столетие включительно: Тексты, материалы, снимки. СПб., 1903.

⁵⁸ Симони П.К. Мстиславово Евангелие начала XII-го века в археологическом и палеографическом отношении. Материалы для изучения его серебряного переплетного оклада с древними финифтями, лицевых иконных изображений свв. евангелистов, заставиц, заглавных букв и разных родов письма, как украшенного, золотого, так и всех почерков уставного черного. С приложением двенадцати светописных таблиц, снимков и со многими чертежами в тексте. Ч. II. СПб., 1904; Ч. I. СПб., 1910.

⁵⁹ Симони П.К. К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении. Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников XV–XVIII столетий. СПб., 1906.

⁶⁰ Цит. по: Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И. Павел Константинович Симони... С. 88.

⁶¹ Алексеев А.А. Павел Константинович Симони... С. 54.

Ряд своих работ ученый также посвятил фигурам, сыгравшим значительную роль в формировании и развитии книжного производства в России: книготорговцу и издателю Якову Александровичу Исакову (1811–1881)⁶², издателю, книгопечатнику и коллекционеру Платону Петровичу Бекетову (1761–1836)⁶³, издателю и библиофилу Николаю Еремеевичу Струйскому (1749–1796)⁶⁴, просветителю, журналисту, издателю и общественному деятелю Николаю Ивановичу Новикову (1744–1818)⁶⁵ и династии книготорговцев Кольчугиных⁶⁶.

В период с середины 1890-х гг. до начала 1920-х гг. П.К. Симони был избран членом множества научных обществ. С 1896 г. он являлся членом-корреспондентом Московского археологического общества, а в 1902 г. стал его действительным членом. В 1897 г. ученый был избран в ряды Общества любителей древней письменности. По словам П.К. Симони, именно этому обществу он уделял больше всего времени: «Более всего времени из своего досуга от службы я уделял Обществу древней письменности и искусства, где принимал участие в заседаниях, готовил доклады и в переработанном виде печатал на счет Общества. За 25 лет или немного более мне удалось сделать более ста докладов по тем или иным предметам»⁶⁷. С 1898 г. ученый являлся действительным членом Русского географического общества, где также регулярно выступал с докладами.

В декабре 1903 г. П.К. Симони стал членом-сотрудником Русского археологического общества (РАО), на заседаниях которого охотно бывал. В октябре 1904 г. РАО присудило ему большую серебряную медаль за уже упомянутую выше работу «Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси преимущественно в допетровское время, с XI по XVIII столетие включительно».

С 1904 г. П.К. Симони был также сотрудником Русского библиологического общества, а с 1915 г. — членом его Совета. В 1908 г. он вступил в ряды Русского библиографического общества при Московском университете, а в 1918 г. — Общества библиоковедения в Петербурге, образовавшегося в 1908 г. из секции Русского библиологического общества.

После революции 1917 г. П.К. Симони обратился к новому для себя виду деятельности — преподаванию. Вероятно, побудили к этому ученого непростые жизненные обстоятельства: жалованья, получаемого в Академии наук, стало катастрофически не хватать, и необходимо было искать дополнительные источники дохода. В 1919 г. он стал читать лекции и вести семинары по славяно-русской палеографии, истории типографий, истории книги и книгораспространения на Высших курсах

⁶² Симони П.К. Яков Александрович Исаков и его ученики: воспоминания о его жизни и трудовой деятельности // Книжная биржа. 1907. Январь. С. 2–12.

⁶³ Симони П.К. П.П. Бекетов, биографические о нем сведения, его литературная, собирательская и учено-археологическая деятельность. Издательство и типография // Старые годы. 1908. Февраль. С. 104–110; Март. С. 160–165; Апрель. С. 221–237.

⁶⁴ Симони П.К. Н.Е. Струйской, поэт-метроман, и его сельская типография (1788–1796) // Старые годы. 1911. Январь. С. 38–43.

⁶⁵ Симони П.К. Материалы к истории русской книжной торговли. Статья первая: 1. Вводная заметка. 2. Н.И. Новиков. 3. Книгопродавцы Кольчугины // Книжная биржа. 1906. Февраль. С. 1–8.

⁶⁶ Симони П.К. Книжная торговля в Москве XVII–XIX столетий. Московские книгопродавцы Кольчугины в их книготорговой деятельности и в бытовой обстановке. Л., 1927 (Материалы для истории книги, книжной торговли и книгоиздательства).

⁶⁷ Цит. по: Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И. Павел Константинович Симони... С. 92.

библиотекведения при Государственной публичной библиотеке⁶⁸, где преподавал до 1928 г., а также в Петроградском институте внешкольного образования⁶⁹, Педагогической академии⁷⁰ и на курсах при Петроградском институте книговедения⁷¹.

П.К. Симоны достаточно быстро удалось вызвать интерес у учащихся к своему предмету, а также завоевать уважение и симпатии аудитории. Ученый вспоминал: «Особенное внимание моих слушателей привлекала к себе та значительная часть курса, в которой я трактовал, обычно в виде особого экскурса, о простонародной и массовой литературе и старался дать характеристику массового читателя из коренного простонародья»⁷².

Бывшие ученики и ученицы П.К. Симоны, равно как и некоторые другие начинающие исследователи, с которыми ученый не всегда даже был близко знаком, часто обращались к нему за помощью в своей научной работе. П.К. Симоны никому не отказывал в поддержке и помогал молодым ученым определиться с выбором темы и подобрать материалы для докладов и статей по различным предметам исследования. Нередко П.К. Симоны выступал и руководителем научных работ в области изучения старинной письменности или фольклора⁷³.

Все вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что П.К. Симоны являлся не только выдающимся ученым, заслуживающим, по совершенно справедливому замечанию Г.С. Виноградова, звания «*vir eruditissimus*»⁷⁴,⁷⁵, но и обладал также несомненным талантом педагога. Как представляется, если бы П.К. Симоны начал свою преподавательскую деятельность в более ранние годы, он непременно воспитал бы не одно поколение исследователей, столь же преданных делу своей жизни, как и он сам.

В 1919 г. П.К. Симоны был избран действительным членом Государственного исторического музея в Москве, который всегда привлекал его к себе своими

⁶⁸ Библиотечные курсы были организованы 24 мая 1919 г. и находились в ведении Центрального комитета государственных библиотек. Во второй половине 1920 г. перешли в ведение Петроградского отделения Главнауки Наркомпроса, стали двухгодичными и были переименованы в Высшие курсы библиотекведения. В начале 1923 г. были переданы в непосредственное ведение Российской публичной библиотеки. Упразднены в 1939 г.

⁶⁹ Основан 19 декабря 1918 г., в 1924 г. переименован в Педагогический институт политпросветработы и получил имя Н.К. Крупской. В 1925 г. реорганизован в Коммунистический политико-просветительный институт им. Н.К. Крупской. В 1941 г. снова переименован в Ленинградский государственный библиотечный институт им. Н.К. Крупской. В настоящее время — Санкт-Петербургский государственный институт культуры.

⁷⁰ В 1918 г. были образованы одногодичные педагогические курсы, находившиеся в ведении Комиссариата просвещения Союза коммун Северной области, которые в 1919 г. реорганизовали в Педагогическую академию Наркомпроса РСФСР. В 1922 г. академия была снова преобразована в научно-педагогические курсы, ликвидированные 1 сентября 1923 г.

⁷¹ Образован в 1920 г. в Петрограде. В январе 1926 г. присоединен к Государственной публичной библиотеке и стал называться Научно-исследовательским институтом книговедения. В 1929 г. отделен от Публичной библиотеки и существовал как самостоятельное учреждение до своей ликвидации в 1933 г.

⁷² Цит. по: Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И. Павел Константинович Симоны... С. 92.

⁷³ В 1926 г., когда П.К. Симоны заканчивал службу в Академии наук, все восемь выпусков его слушателей и слушательниц «во внимание к его деятельности» преподнесли ему «сочувственный адрес», подписанный «сотнями подписей» участников его семинаров по истории книги и книгораспространения (Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И. Павел Константинович Симоны... С. 92).

⁷⁴ Лат. «ученейший муж».

⁷⁵ Виноградов Г. Полвека ученой деятельности... С. 285.

богатыми коллекциями по истории народного быта, старинных художеств и ремесел, а также примкнул к Обществу друзей этого музея. В начале августа того же года он принял участие в Избирательном собрании для выбора действительных членов и председателя Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). Позднее, в 1923 г. или немного ранее, ученый стал научным сотрудником РАИМК по Разряду, как писал он сам в автобиографии, «истории искусства»⁷⁶. По всей видимости, П.К. Симони присоединился к Разряду древнерусского искусства и искусства славянских народов, исследовательское направление которого наиболее соответствовало его научной деятельности. Кроме того, он вошел в состав Комиссии по изучению миниатюр и Института археологической технологии при РАИМК⁷⁷.

Несмотря на то, что за пятьдесят с лишним лет научной деятельности П.К. Симони было подготовлено и опубликовано множество научных трудов, ни один из них так и не был представлен им в качестве диссертации для соискания ученой степени. Одна из причин этого заключалась в том, что в то время источниковедение не рассматривалось как самостоятельная научная дисциплина. Кроме того, П.К. Симони имел широкий круг исследовательских интересов и нередко работал одновременно по нескольким различным направлениям⁷⁸. Однако, признавая его научные заслуги, Академия наук в декабре 1921 г. избрала его своим членом-корреспондентом по Отделению русского языка и словесности и специальности «русская литература». Вот что писал ученый в своей автобиографии по этому поводу: «Академии Наук СССР и ее действительным членам и их допущению меня в свое святая святых и бытовой обиход и при их дорогом для меня внимании к моим научным исканиям почти на правах сотоварища и младшего сочлена я так много обязан в своем ученом творчестве, что трудно мне высказаться: в 1921 г. я был признан достойным приобщения меня в качестве члена-корреспондента по отделу русской литературы»⁷⁹.

В июле 1925 г., в связи с переходом Академии наук в ведение Совета народных комиссаров СССР, началась работа над текстом нового устава Академии⁸⁰. В соответствии с проектом этого устава Отделение русского языка и словесности и Отделение историко-политических наук и философии должны были быть преобразованы в единое Отделение гуманитарных наук. На собрании Отделения русского языка и словесности, состоявшемся 13 апреля 1926 г., был поднят вопрос о том, что вследствие слияния двух отделений должность заведующего делопроизводством II Отделения, которую с 1892 г. бессменно занимал П.К. Симони, будет упразднена. Между тем, П.К. Симони оставалось отработать всего 10 месяцев до 35-летия его службы в Академии, Собрание постановило «просить неперменного секретаря оказать содействие в предоставлении П.К. Симони на указанный срок какой-либо должности в Академии по возможности с соответствующим окладом»⁸¹.

⁷⁶ Цит. по: Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И. Павел Константинович Симони... С. 92.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Алексеев А.А. Павел Константинович Симони... С. 52.

⁷⁹ Цит. по: Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И. Павел Константинович Симони... С. 91–92.

⁸⁰ В 1925 г. была создана комиссия для разработки нового устава Академии наук под председательством члена коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции В.П. Милютина. В мае 1927 г. проект устава Академии был согласован с Президиумом Академии наук и Управлением делами СНК СССР. Рассмотрев проект, СНК СССР внес в него частичные изменения и 18 июня 1927 г. устав АН СССР был утвержден.

⁸¹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1–1926. Д. 248. Л. 173 об.

Из протокола собрания Отделения русского языка и словесности от 2 ноября 1926 г. нам известно, что 1 октября 1926 г. должность заведующего делопроизводством II Отделения действительно была упразднена, и П.К. Симони остался «за штатом»⁸². Собранию было доложено, что ученый обратился с просьбой поддержать его ходатайство о назначении ему за ученые труды персональной пенсии. Члены отделения постановили удовлетворить просьбу П.К. Симони.

После выхода на пенсию П.К. Симони продолжал свою научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность. В 1925–1927 гг. он являлся членом Научно-исследовательского института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ)⁸³, существовавшего в 1919–1930 гг. при Ленинградском университете. В конце 1920-х — 1930-х гг. ученый также участвовал в работе нескольких академических институтов: Института языка и мышления им. Н.Я. Марра по Кабинету славянских языков, Института русской литературы, а также Института этнографии и состоящей при нем Комиссии по фольклору. В этих учреждениях П.К. Симони регулярно выступал с научными докладами. Кроме того, ему поступали предложения читать специальные учебные курсы. Так, например, в 1937 г. Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра пригласил его прочесть аспирантам института курс славяно-русской палеографии⁸⁴. Ученый ответил согласием и незамедлительно представил подробный план будущего курса.

Активную научную работу П.К. Симони не оставлял до последних дней жизни. Так, 22 апреля 1938 г. он выступил с докладом «Несколько замечаний по истории русского фольклора и терминологии русского фольклора» на 79-м научном заседании Комиссии по фольклору АН СССР. Как отмечала М.Я. Мельц⁸⁵, этот доклад явился итогом «всех фольклористических раздумий» ученого⁸⁶. П.К. Симони пришел к выводу, что появление фольклора следует относить к доисторическим временам, а проникновение устной поэзии в литературные памятники происходило уже со времени возникновения письменности.

17 марта 1939 г. на 80-м году жизни П.К. Симони скончался и был похоронен в Ленинграде на Смоленском православном кладбище. Ученый оставил после себя богатейшее научное наследие. Его обширный архив, содержащий множество ценных материалов, оказался разделенным и находится на хранении в настоящее время в нескольких учреждениях: отделе рукописей Российской государственной библиотеки, отделе рукописей Российской национальной библиотеки, отделе письменных источников Государственного исторического музея и Российском государственном архиве литературы и искусств. Отдельные документы отложились и в ряде других архивохранилищ.

⁸² СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1–1926. Д. 248. Л. 184 об.

⁸³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 11. Д. 355. Л. 1.

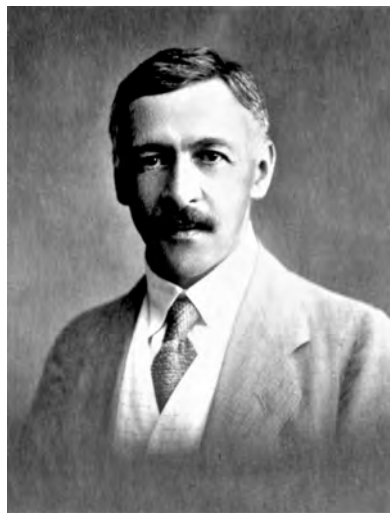
⁸⁴ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4771. Л. 24.

⁸⁵ Мельц Микаэла Яковлевна (1924–2003) — филолог, специалист по библиографии фольклора.

⁸⁶ Мельц М.Я. П.К. Симони... С. 180.

Иван Иванович Толстой (1880–1954)

М.В. Поникаровская

Филолог-классик Иван Иванович Толстой¹ родился 26 августа 1880 г. в Санкт-Петербурге в семье выдающегося ученого, организатора науки и образования, государственного и общественного деятеля, будущего министра народного просвещения Российской империи (1905–1906 гг.) и городского головы Петербурга-Петрограда (1913–1916 гг.) графа Ивана Ивановича Толстого² и Людмилы Платоновны Грязновой, актрисы Императорского Александринского театра. И.И. Толстой-старший оставил заметный след не только в науке, являясь автором капитальных трудов по русской и византийской нумизматике, а также древнерусскому искусству, но и в общественной и культурной жизни России конца XIX — начала XX в.³ Его сын получил классическое образование, четыре года обучаясь в гимназии при Императорском историко-фило-

логическом институте⁴. В этом учреждении главное внимание уделялось изучению древних языков, истории и русской словесности.

В 1899 г., после окончания гимназии, И.И. Толстой-младший поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, выбрав в качестве специализации классическое отделение, где «в соответствии с многовековой гуманистической традицией, предметом изучения являлась некая универсальная наука о древности, приверженцам которой надлежало заниматься всеми сторонами античной жизни и ее идеологии»⁵. В основе этой традиции лежало

¹ В качестве заставки использована фотография И.И. Толстого (СПбФ АРАН. Ф. 847. Оп. 1. Д. 48. Л. 45).

² Толстой Иван Иванович (1858–1916) — граф, археолог, нумизмат; почетный член Императорской академии наук (1897); член Императорской археологической комиссии (1886); вице-президент Императорской Академии художеств (1893); действительный член (с 1882) и помощник председателя (1899–1916) Императорского Русского археологического общества.

³ Подробнее см.: *Жебелёв С.А.* Граф И. И. Толстой (Некролог) // ЖМНП. Нов. сер. Ч. LXV. 1916. Сентябрь. С. 27–44; *Нейхардт А.А.* И.И. Толстой: Ученый, человек, гражданин (штрихи к портрету) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. чл.-корр. РАН И.П. Медведова. СПб., 1999. С. 336–353; *Гайдуков П.Г.* К 150-летию со дня рождения Ивана Ивановича Толстого // РА. 2008. № 4. С. 159–166.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1692.

⁵ *Чистякова Н.А.* К столетию Ивана Ивановича Толстого // *Philologia classica*. 1982. Вып. 2. С. 8.

представление о Древней Греции и Древнем Риме, как о культурном единстве, обладающем непреходящей ценностью и служащем образцом для всех народов, связанных с ним исторической преемственностью⁶. Ко времени поступления И.И. Толстого в университет, широкий размах в нем получили занятия эпиграфикой благодаря научной и педагогической деятельности Ф.Ф. Соколова⁷. Именно эта область исследований, занимавшая в то время лидирующее место в русской классической филологии, привлекла к себе молодого студента. Его научным руководителем на протяжении всего университетского курса являлся представитель блестящей плеяды петербургских эллинистов, будущий академик С.А. Жебелёв⁸.

Первое самостоятельное исследование И.И. Толстого было связано с эпиграфикой Северного Причерноморья. В ноябре 1902 г. в Журнале министерства народного просвещения была опубликована его работа о граффито с острова Левки (совр. остров Змеиный)⁹, в которой предлагался новый вариант чтения надписи, сделанной на поддоне чернолакового сосуда, найденного при раскопках. Надпись имела отношение к культу Ахилла Понтарха, получившему широкое распространение в Ольвии, благодаря мифу о посмертном пребывании Ахилла, легендарного героя Троянского цикла, на маленьком островке близ устья Истра (Дуная).

В последующие годы И.И. Толстой продолжил изучение культов божеств, распространенных в Северном Причерноморье. Так, в 1903 г. под руководством С.А. Жебелёва им было подготовлено зачетное сочинение «Культы божеств в греческих колониях Северного побережья Черного моря», а в следующем году опубликована статья «Культы Аполлона на Боспоре и в Ольвии»¹⁰. Уже в этих, написанных на студенческой скамье работах наметилось направление будущих исследований молодого ученого — фольклорные и мифологические реликты культуры античного мира, представленные в памятниках античности Северного Причерноморья¹¹.

И.И. Толстой в студенческие годы
(СПбФ АРАН. Ф. 847. Оп. 1. Д. 48. Л. 37)

⁶ Боровский Я.М. Академик Иван Иванович Толстой // Вестник древней истории. 1974. № 3. С. 114.

⁷ Соколов Федор Федорович (1841–1909) — историк античности, эпиграфист, палеограф, создатель школы греческой эпиграфики в России; член-корреспондент Императорской академии наук (1900).

⁸ Жебелёв Сергей Александрович (1867–1941) — историк античности, филолог-классик; член-корреспондент Императорской академии наук (1914).

⁹ Толстой И.И. К толкованию одного «graffito» с острова Левки // ЖМНП. Ч. CCCXXXIV. 1902. Ноябрь. С. 591–592.

¹⁰ Толстой И.И. Культы Аполлона на Боспоре и в Ольвии // ЖМНП. Ч. CCCLI. 1904. Январь. С. 1–15.

¹¹ Чистякова Н.А. К столетию... С. 10.

И.И. Толстой. 1910-е гг.
(СПбФ АРАН. Ф. 847. Оп. 1. Д. 48. Л. 36)

После окончания университетского курса и сдачи выпускных экзаменов в 1903 г. И.И. Толстой был оставлен при кафедре классической филологии университета для подготовки к профессорско-преподавательской деятельности. В 1904 г. он был назначен на должность хранителя Музея древностей Петербургского университета при кабинете классической филологии историко-филологического факультета, куда, помимо немногочисленных подлинных археологических и палеонтологических экспонатов, входила и богатейшая библиотека по классической филологии. В этой должности молодой ученый оставался до февраля 1909 г.

В мае 1904 г. И.И. Толстой был избран членом-сотрудником Русского археологического общества, а меньше чем через год, в апреле 1905 г., стал его действительным членом. В первой половине 1907 г. И.И. Толстой выдержал магистерский экзамен на историко-филологическом факультете, а через год, 1 июля 1908 г., после чтения двух пробных публичных лекций получил право

преподавания в университете в звании приват-доцента по кафедре классической филологии¹². Проблематика обеих прочитанных лекций совпадала с основными научными интересами И.И. Толстого. Тема первой из них была вновь связана с именем одного из величайших героев древнегреческого эпоса — «Миф о браке Ахилла на Белом острове»¹³. Вторая, «Anonymus Argentinensis»¹⁴, касалась обнаруженного в 1898 г. папируса, так называемого «Страсбургского анонима», который был опубликован в 1902 г.¹⁵ Обращение к данному вопросу свидетельствовало о внимании ученого к новейшей научной литературе и публикациям новооткрытых папирусных текстов.

С этого времени начинается блестящая преподавательская деятельность И.И. Толстого, которой он отдавался с неподдельным увлечением и любовью на протяжении всей своей жизни. В период 1908–1912 гг. начинающий преподаватель читал общие лекции по истории греческой литературы и греческой драмы, а также ряд специальных курсов, посвященных «Лягушкам» Аристофана, новоот-

¹² СПбФ АРАН. Ф. 847. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

¹³ Толстой И.И. Миф о браке Ахилла на Белом острове // ЖМНП. Нов. сер. Ч. XV. 1908. Май. С. 245–259.

¹⁴ Он же. Anonymus Argentinensis // ЗКОРАО. 1908. Т. V. С. 253–268.

¹⁵ Keil В. Anonymus Argentinensis: Fragmente zur Geschichte des Perikleischen Athen aus Strassburger Papyrus. Strassburg, 1902.

крытым отрывкам комедий Менандра, «Прометею» Эсхила и «Панегирику» Исократы. Кроме того, он вел просеминарий «Избранные сочинения Лукиана» и проводил занятия по греческому языку, во время которых со студентами, желающими усовершенствовать знание языка, читал произведения Ксенофонта. В 1913–1917 гг. И.И. Толстым были прочитаны курсы: «“Воспоминания о Сократе” Ксенофонта», «Греческие надписи Ольвии, Босфора и Херсонеса Таврического», «Избранные речи Лисия», «Геродот (избранные отрывки)»¹⁶.

В воспоминаниях своих многочисленных учеников и слушателей И.И. Толстой предстает не только как блестящий лектор, но и как доброжелательный и чуткий человек. Он быстро приобрел уважение и любовь студенческой аудитории, а его лекции и семинары неизменно имели прочный успех. Ученик и младший коллега И.И. Толстого И.М. Тронский¹⁷ писал: «В многосторонней плодотворной деятельности И.И. Толстого значительное место занимает научно-педагогическая работа. Он любил общение с аудиторией молодежи, всегда тщательно готовил свои курсы, сочетая в них доступность изложения с исследовательской глубиной. Будучи профессором Ленинградского государственного университета, И.И. Толстой читал многочисленные литературоведческие и лингвистические курсы, предназначенные для небольшого круга студентов-классиков. К значительно более многочисленной аудитории был обращен его общий курс истории античной литературы, читавшийся для всех студентов филологического факультета университета, а также в Педагогическом институте им. А.И. Герцена... Блестящее дарование И.И. Толстого как профессора неизменно проявлялось в огромном успехе этого курса и в том глубоком впечатлении, которое он на всю жизнь оставлял в памяти слушателей»¹⁸.

Не менее колоритный образ преподавателя рисует и Т.В. Вановская¹⁹, воспоминания которой о лекциях И.И. Толстого приводит в биографическом очерке о нем И.М. Тронский: «Первой лекцией, которую мне довелось слушать в университете, была лекция проф. И.И. Толстого по истории античной литературы. С этой поры прошло 20 лет, но я и сейчас почти слово в слово помню эту первую лекцию, совершенно пленившую нас, студентов-первокурсников. Лекция И. И. была посвящена “Илиаде”. И. И. читал ее не только очень интересно, он читал ее вдохновенно. Его лекция была не только плодом высокой науки, она была произведением искусства. И. И. был великолепным рассказчиком, речь его была удивительно яркой, образной, живописной, поэтической. Самые серьезные вопросы своего курса он умел изложить в очень ясной, доходчивой форме, не снижая научно-теоретического уровня изложения материала. И трудный процесс приобщения студентов-

¹⁶ Сидорчук И.В., Амосова А.А., Тихонов И.Л., Ростовцев Е.А. Толстой Иван Иванович // Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917). СПб., 2012 (URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/person/1071-tolstoy-ivan-ivanovich.html>). Дата обращения: 15.03.2019).

¹⁷ Тронский Иосиф Моисеевич (Троцкий, 1897–1970) — филолог-классик, специалист по античной литературе.

¹⁸ Тронский И.М. Краткий очерк научно-исследовательской и педагогической деятельности // Иван Иванович Толстой. Вступ. статья И.М. Тронского. М., 1958. С. 24.

¹⁹ Вановская Татьяна Викторовна — филолог, литературовед, доцент кафедры зарубежной литературы Ленинградского университета.

первокурсников к университетской науке проходил на его лекциях как-то очень естественно и приобретал чрезвычайно увлекательный характер»²⁰.

По свидетельству Я.М. Боровского²¹, еще более ярко проявлялась филологическая глубина И.И. Толстого в курсах и семинарах, которые он вел для студентов, выбравших своей специальностью классическую филологию: «Толкование античного автора в непосредственном соприкосновении с его подлинным текстом всегда связано с постановкой новых и новых проблем интерпретации текста и критики его рукописного предания, и Иван Иванович умел сочетать содержательность своей трактовки этих вопросов с изящной и доступной формой ее изложения в студенческой аудитории. Его занятия по чтению античных авторов обладали высокой поучительностью не только для студентов, но и для посещавших эти занятия товарищей Ивана Ивановича по кафедре»²².

А вот как вспоминает о частных занятиях со своим научным руководителем во время обучения в аспирантуре филологического факультета Ленинградского университета по кафедре классической филологии Н.С. Гринбаум²³: «Решением кафедры моим научным руководителем по аспирантуре был назначен академик Иван Иванович Толстой. К тому времени он уже не приезжал в университет, но о его блестящих лекциях по античной литературе, на которые сбегались студенты со всех факультетов, заполняя до отказа вместительный актовъ зал, ходили легенды. Рассказывали, что его вдохновенное повествование о прощании Гектора с Андромахой в VI песне “Илиады” неизменно сопровождалось приглушенным рыданием женской части аудитории... Занятия проходили живо и интересно, в неформальной обстановке, Иван Иванович много шутил, интересовался нашими делами, давал полезные советы и неизменно угощал нас горячим крепким чаем с печеньем, которые он сам приносил откуда-то на небольшом подносе»²⁴.

Весной 1918 г. И.И. Толстой представил для защиты на историко-филологическом факультете Петроградского университета диссертацию на тему «Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте», в которой исследовались древности Северного Причерноморья, связанные с культом древнегреческих божеств на Босфоре, в Ольвии и в Херсонесе. Основной проблемой диссертации являлась причерноморская мифографическая традиция и вопрос о переработке греческих мифов в колониях Северного Причерноморья. В этой работе И.И. Толстой рассматривает два культа божеств, распространенных среди греков Северного Причерноморья. Это, в первую очередь, культ Ахилла, особо почитаемого в Ольвии как владыка моря (понтарх), к изучению которого И.И. Толстой приступил еще будучи студентом, а также культ богини Девы, главного божества дорийского Херсонеса. Привлекая мифографическую традицию античных авторов и весь доступный на тот

²⁰ Тронский И.М. Ук. соч. С. 24–25.

²¹ Боровский Яков Маркович (1896–1994) — филолог-классик, переводчик.

²² Боровский Я.М. Академик... С. 118.

²³ Гринбаум Натан Соломонович (1916–2011) — филолог-классик, заслуженный деятель науки Молдавской ССР (1973). Заведующий кафедрами романской филологии Кишинёвского педагогического института и классической филологии Кишинёвского государственного университета (1960–1976).

²⁴ Гринбаум Н.С. Воспоминания (Ленинград, 1945–1948 гг.) // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб. С. 296–297.

момент эпиграфический и нумизматический материал, автор приходит к ряду самостоятельных и точных выводов, делающих его работу незаменимой для всех занимающихся сакральными древностями причерноморских греков²⁵. Защита успешно прошла в публичном заседании факультета 17 марта 1918 г., и И.И. Толстому была присвоена ученая степень магистра греческой филологии²⁶. В том же году диссертация была опубликована в виде монографии²⁷ и сразу получила известность в русской и зарубежной науке.

Осенью 1918 г., в соответствии с декретом Совета народных комиссаров № 789 «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Российской Республики» от 1 октября 1918 г., И.И. Толстой получил звание профессора классической филологии²⁸. Основным местом его работы продолжал оставаться Петроградский университет, но одновременно в 1918–1922 гг. он преподавал в Первом Петроградском педагогическом институте, где читал лекции по истории Греции и Рима и проводил занятия по древнегреческому языку.

5–7 августа 1919 г. И.И. Толстой участвовал в выборах действительных членов Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) и в 1920–1921 гг. входил в состав действовавшей при ней Постоянной комиссии по изучению Юга России²⁹.

В 1921 г., находясь уже в достаточно зрелом возрасте, И.И. Толстой женился на Софье Венедиктовне Меликовой³⁰, которая к тому времени успела состояться как ученый. В 1922 г. в семье родилась дочь, которую назвали Людмилой³¹, а в 1923 г. появился на свет сын Иван. И.И. Толстой относился к детям с вниманием и, по всей видимости, был счастлив в новой для себя роли отца и мужа. С.А. Жебелёв в письме Н.П. Кондакову³² от 13 июня 1923 г. писал следующее: «И.И. Толстой — *pater familias*³³ (у него дочь полутора лет и недавно родился сын), весь ушедший

²⁵ Тронский И.М. Краткий очерк... С. 8–9.

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 847. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

²⁷ Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918.

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 847. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

²⁹ Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг. / Отв. ред.-сост. чл.-корр. РАН Е.Н. Носов. СПб., 2013. С. 389.

³⁰ Меликова-Толстая Софья Венедиктовна (1885–1942) — филолог-классик, окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы (1909), стажировалась по греческой диалектологии в Берлинском университете; окончила историко-филологический факультет Петербургского университета (1917); работала в должности профессора классической филологии в Саратовском университете; преподавала классическую филологию в Богословском институте (1921–1923); работала в Библиотеке АН СССР (1924–1938); доцент кафедры классических языков Ленинградского института философии, лингвистики и истории (1932–1936); в 1940–1942 гг. старший научный сотрудник Кабинета классической филологии Ленинградского института языка и мышления (совр. Институт лингвистических исследований РАН); в 1942 г. эвакуирована в Казань, где скоропостижно скончалась.

³¹ Толстая Людмила Ивановна (1922–2006) — филолог-славист, училась в Педагогическом институте им. А.И. Герцена; в 1944 г. в эвакуации окончила Казанский педагогический институт; работала в ЛГУ и ряде библиотек, занималась публикацией мемуаров, дневников и писем деда — графа И.И. Толстого (старшего).

³² Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) — историк византийского и древнерусского искусства, археолог, византист, создатель школы археологов и историков искусства; член-корреспондент (1892), ординарный академик сверх штата (1898), ординарный академик (1900) Императорской академии наук, действительный член Императорской академии художеств (1893).

³³ Лат. «отец семейства».

в пленки, что не очень-то близко моему сердцу»³⁴. Из этой короткой характеристики, в которой, нельзя не отметить, чувствуется некоторое пренебрежение со стороны автора письма по отношению к коллеге, «променявшему» ученое общение на «пленки», перед нами явственно проступает образ заботливого отца.

В сентябре 1921 г. Коллегией Научно-исследовательского института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) И.И. Толстой был зачислен в штат этого Института, где руководил организованными им коллективными темами, сначала по исследованию рудиментарной тематики в греческой литературе, а позднее по изучению античного мифа и его связей с русской и западноевропейской сказкой. Действительным членом этого учреждения³⁵ он оставался до 1935 г.

Основным направлением научно-исследовательских интересов И.И. Толстого в этот период стало установление фольклорных истоков литературы и греческой религии. Ученый старался вести изучение греческой литературы в тесной связи с фольклористикой. Опираясь на богатый, но еще мало исследованный наукой о древности материал обрядов и сказаний, И.И. Толстой приступил к систематическому сопоставлению античных сюжетов с русской сказкой. В результате такого сопоставления было обнаружено, что зачастую архаический сюжет сохраняется лучше в современном фольклоре, чем в древних литературах. Это, в свою очередь, показало, с одной стороны, жизнестойкость фольклорного предания, а с другой — значительность его переоформления в древнейших письменных памятниках³⁶. Из работ И.И. Толстого на эту тему особый интерес представляет статья «Возвращение мужа в “Одиссее” и в русской сказке»³⁷, имеющая большое значение для гомеровского вопроса. Сопоставив произведение Гомера с распространенными в фольклоре многих народов сказаниями о «муже на свадьбе своей жены», ученый показал, что древнейшая форма этого сюжета лучше всего сохранилась в русских сказках.

В 1928 г. Академия наук СССР отметила 25-летие научной деятельности И.И. Толстого, предоставив два номера «Докладов АН СССР»³⁸ для специально посвященного ученому сборника статей, который немного позднее вышел в свет отдельным изданием³⁹. Но, несмотря на заслуги И.И. Толстого в области уже советской науки и образования, а также то, что он, по словам И.М. Тронского, с первых дней революции «был в рядах той передовой части русской интеллигенции, которая сразу же начала работать в контакте с рабоче-крестьянской властью»⁴⁰, в книге, основан-

³⁴ Цит. по: Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. член-корр. РАН И.П. Медведева. СПб., 2004. Вып. 3. С. 708.

³⁵ В 1930 г. Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока был преобразован в Государственный институт речевой культуры, ликвидированный в 1933 г. На основе его языкового сектора был создан Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания, который просуществовал до 1937 г.

³⁶ Тронский И.М. Краткий очерк... С. 11–12.

³⁷ Толстой И.И. Возвращение мужа в «Одиссее» и в русской сказке // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932: Сборник статей. Л., 1934. С. 509–522.

³⁸ Доклады АН СССР. Сер. В. 1928. № 4, 6.

³⁹ *Ἀπολογία*. Ивану Ивановичу Толстому ученики и друзья. Л., 1928.

⁴⁰ Тронский И.М. Краткий очерк... С. 24.

ной на автобиографических заметках и воспоминаниях С.Я. Лурье⁴¹, ученика И.И. Толстого, отмечается, что последний являлся постоянным объектом проверок: «По тогдашним нормам он был особенно одиозной фигурой — “бывший граф”, лишенный вследствие этого избирательских прав. Само по себе это лишение, вероятно, не очень ущемляло Ивана Ивановича, но оно было удобным поводом для придирок при любой чистке. И.И. Толстого вызывали в общественные организации и настойчиво осведомлялись, не эксплуатировал ли он крестьян в своем поместье. “У нас не было поместья! — оправдывался Иван Иванович. — Только дача, небольшая дача под Петербургом!”»⁴².

В 1928 г. И.И. Толстой был арестован по делу группы ленинградских переводчиков-эллинистов, работавших под коллективным псевдонимом АБДЕМ. В нее входили А.В. Болдырев⁴³, А.И. Доватур⁴⁴, А.Н. Егунов⁴⁵ и А.М. Миханков⁴⁶, а название было составлено из инициалов первоначальных участников. Члены этого объединения переводили совместно произведения Ахилла Татия и Гелиодора и нередко собирались на домашних семинарах у И.И. Толстого или С.А. Желёва.

А.М. Миханков являлся, кроме того, членом кружка, сложившегося в 1923 г. вокруг И.М. Андреевского⁴⁷ и состоявшего преимущественно из учеников последнего. Кружок со временем получил название «Космической академии наук», а его члены, в основном студенты университета, разбившись по «разрядам» и «кафедрам», взяли себе «ученые звания» и «степени», служившие им одновременно и псевдонимами. Сначала собрания кружка были посвящены исключительно литературе, главным образом чтению и обсуждению стихов, но постепенно в центре внимания оказались вопросы, связанные с философией, религией и мистикой.

Разгром кружка И.М. Андреевского начался со случайного ареста «профессора политической экономии», в действительности являвшегося студентом-экономистом университета, у которого была изъята записная книжка с полным перечнем фамилий и «ученых званий» членов «Космической академии». Почти все они были арестованы и обвинены в антисоветской и антисемитской пропаганде, в создании контрреволюционной организации и связях с эмиграцией.

Аресты по делу «Космической академии» приобрели в последующие годы еще более широкий характер после того, как А.Н. Миханков, страдавший душевным расстройством, в ходе допросов по предложению следователей написал трактат «Что бы я сделал, если бы от меня зависела судьба России», в котором изложил

⁴¹ Лурье Соломон Яковлевич (1890–1964) — филолог-классик, историк античности, профессор Ленинградского и Львовского университетов.

⁴² *Копржива-Лурье Б.Я.* История одной жизни. Париж, 1987. С. 113.

⁴³ Болдырев Александр Васильевич (1896–1941) — филолог-классик, переводчик, организатор и член объединения молодых переводчиков АБДЕМ.

⁴⁴ Доватур Аристид Иванович (1897–1982) — филолог-классик, историк античности, профессор Ленинградского университета.

⁴⁵ Егунов Андрей Николаевич (Андрей Николев, 1895–1968) — писатель, поэт, литературовед, переводчик.

⁴⁶ Миханков Андрей Михайлович (1904–1929) — филолог, переводчик. Арестован в феврале 1928 г. и приговорен к 5 годам концлагеря. В 1929 г. расстрелян.

⁴⁷ Андреевский (Андриевский) Иван Михайлович (1894–1976) — философ, врач-психиатр, литературовед, историк церкви.

проект государственного устройства России монархического характера, в котором все важные «правительственные посты» предназначались его знакомым, в частности А.Н. Егунову, А.И. Доватуру, а также И.И. Толстому. Последнему была определена должность «церемониймейстера Двора Его Императорского Величества»⁴⁸. Все трое были незамедлительно арестованы. И.И. Толстого вскоре освободили, а А.Н. Егунов⁴⁹ и А.И. Доватур⁵⁰ впоследствии были осуждены на длительные сроки.

В начале 1930-х гг., по данным Ф.Ф. Перченка⁵¹, И.И. Толстой вторично подвергся аресту по одному из «золотых дел»⁵². «Золотые дела» организовывались сотрудниками ОГПУ с целью изъятия у арестованных валюты и других ценностей и были особенно характерны для годов первой пятилетки (1929–1933) и начала второй (1933–1937). Жертву, как правило, подвергнутую пыткам, вынуждали написать бумагу о «добровольном пожертвовании» средств в фонд индустриализации. От этой кампании сильно пострадали коллекционеры, в том числе нумизматы⁵³. Здесь хотелось бы отметить факт, что еще в середине 1917 г., когда в связи с немецким наступлением в Петрограде сложилась тревожная обстановка, И.И. Толстой обратился к директору Эрмитажа с письмом-просьбой включить унаследованную им часть нумизматической коллекции отца в состав собрания музея. Запрошенная им сумма в 50 тысяч рублей, которую он, в случае выплаты, просил передать в пользу рабочих больничных касс, была в 6–8 раз меньше реальной стоимости собрания, насчитывавшего около 20 тысяч экземпляров и богатого подлинными шедеврами. Некоторые части эрмитажной нумизматической коллекции собрание Толстого увеличило в несколько раз. Таким образом, передача коллекции отца в музей стала щедрым и бескорыстным вкладом ученого в государственный фонд русской культуры⁵⁴.

В 1930-е гг. И.И. Толстой продолжал читать лекции в Ленинградском университете, а с 1933 г. и вплоть до отъезда в эвакуацию из блокадного Ленинграда в 1942 г. также вел преподавательскую деятельность в должности профессора в Педагогическом институте им. А.И. Герцена. 24 января 1938 г. Высшей аттестационной комиссией И.И. Толстому была присвоена ученая степень доктора филологических наук без защиты диссертации, а 28 января 1939 г. Общим собранием Академии наук СССР он был утвержден в звании члена-корреспондента по Отделению общественных наук.

⁴⁸ Еленин С., Овчинников Ю. Примечания к: Анциферов Н.П. Три главы из Воспоминаний // Память. Вып. 4. Париж, 1981. С. 128–129; Перченков Ф.Ф. К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 202.

⁴⁹ Подробнее см.: Кондратьев В. Жизнь Андрея Николаева // Русская проза. М., 2011. С. 129–136.

⁵⁰ Подробнее см.: Шишова И.А. Аристид Иванович Доватур (1897–1982) // Античное общество. Проблемы политической истории / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб., 1997. С. 212–230.

⁵¹ Перченков Феликс Федорович (1931–1993) — педагог, историк, общественный деятель, автор исследований, посвященных репрессированным ученым в СССР.

⁵² Перченков Ф.Ф. К истории... С. 202.

⁵³ Перченков Ф.Ф. К истории... С. 166.

⁵⁴ Потин В.М., Щукина Е.С. Отдел нумизматики // Эрмитаж. История и современность. 1764–1988 / Под общ. ред. В.А. Суслова. М., 1990. С. 204.

Научно-исследовательская деятельность ученого в эти годы охватывала несколько тем и была сконцентрирована, главным образом, на вопросах, имеющих отношение к истории греческой литературы. Прежде всего, заслуживают внимания его работы, посвященные исследованию древнегреческой драмы. И.И. Толстой придерживался мнения, что ее происхождение связано более с фольклором, нежели с дионисийским культом. Так, в статье «Инвективные песни аттического крестьянства в древней комедии»⁵⁵ он рассматривает ряд сообщений античных авторов, связывающих древнегреческую комедию с насмешливыми песнями аттических крестьян, исполнявшимися в целях самозащиты. Ученый показал, что эти сообщения подтверждаются аналогичными примерами из творчества других народов и поэтому достойны доверия. Следует также отметить работы И.И. Толстого, касающиеся древнегреческой лирики, и в частности поэзии Алкмана⁵⁶ и Сапфо⁵⁷. Позднегреческая литература не была предметом специальных исследований ученого, однако в статье «Трагедия Еврипида “Елена” и начала греческого романа»⁵⁸ он рассматривает проблему греческого романа и его основных жанровых особенностей.

О жизни И.И. Толстого и его семьи в начальный период Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда мы знаем достаточно подробно благодаря воспоминаниям его дочери Людмилы⁵⁹. В июне 1941 г. И.И. Толстому было уже 60 лет. О начале войны семья узнала не из радиосводок, а следующим образом: «В воскресенье поздним утром пошли в магазин купить черешню, пошли почему-то всей семьей. Вышли из дому, и все узнали — война. Черешню купили, удовольствия не было, сразу вернулись домой. Так для нас начались дни войны»⁶⁰.

К этому времени дети И.И. Толстого окончили первый курс: Людмила — в Педагогическом институте им. А.И. Герцена, а ее брат Иван — на химическом факультете Ленинградского университета. По словам Л.И. Толстой, ее брат был удивительно способным, первым учеником в школе и «глубоко штатским юношей». Свою будущую профессию он избрал задолго до окончания школы и, по мнению сестры, стал бы настоящим крупным ученым.

Но судьба распорядилась по-другому. В первые дни войны Иван Толстой был отправлен на окопные работы под Белоостров, с которых вернулся уже участником народного ополчения. Как вспоминает Л.И. Толстая, «в свою новую и трудную военную жизнь штатский юноша Ваня Толстой, так и не успевший стать Иваном Ивановичем, вошел легко, приняв ее как единственно возможный для него путь, больше всего боясь каких-либо поблажек»⁶¹. Хотя среди командиров ополчения

⁵⁵ Толстой И.И. Инвективные песни аттического крестьянства в древней комедии // Академия наук СССР. XLV. Академику Н.Я. Марру. М.–Л., 1935. С. 564–571.

⁵⁶ Фрагмент Алкмана «Спят вершины гор» // УЗЛГПИ. 1938. Т. 15. С. 47–56.

⁵⁷ Он же. Сапфо и тематика ее песен // УЗЛГПИ. 1939. Вып. 3. С. 20–31.

⁵⁸ Он же. Трагедия Еврипида «Елена» и начала греческого романа // УЗЛГПИ. 1939. Вып. 1. С. 199–211.

⁵⁹ Толстая Л.И. Блокада... блокада... для всех одна и для каждого ее пережившего, своя... // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2005. С. 304–307.

⁶⁰ Толстая Л.И. Блокада... С. 304.

⁶¹ Там же.

были и ученики И.И. Толстого, которые, вероятно, могли бы «скрасить какой-нибудь мелочью нелегкую фронтovou жизнь сына их любимого учителя»⁶².

Уже осенью 1941 г. Иван погиб, по предположению семьи, где-то в районе Пулковских высот, однако сведения об этом не вполне достоверные. В конце октября 1941 г. в письме-треугольнике пришло стандартное извещение о гибели Ивана смертью храбрых. Коллеги И.И. Толстого по университету заметили в извещении непонятное несоответствие: местом смерти сына И.И. Толстого был назван населенный пункт в Прибалтике, захваченной немцами еще в первые недели войны, а временем гибели Ивана была объявлена более поздняя дата. И.И. Толстой начал писать письма с целью получить правдивую информацию о судьбе сына, но ответа на них долгое время не получал. В конце концов пришло письмо следующего содержания: «да, у нас служил какой-то сержант Толстой, имени не знаем, вот и написали, что Иван Иванович»⁶³.

Той же осенью 1941 г. И.И. Толстого дважды вызывали в Смольный, где он «по полтора часа» убеждал высокопоставленных чиновников, что желает остаться в городе, отказываясь от эвакуации самолетом, и будет продолжать работать, так как «не верит в возможность сдачи родного Ленинграда врагу»⁶⁴. Уехать из Ленинграда означало для семьи окончательно потерять надежду на возможность связи с Иваном, в гибель которого они до конца не могли поверить.

В конце декабря 1941 г. И.И. Толстой слег с тяжелой дистрофией, а после Нового года у его жены случился инсульт. Дочери Людмиле удалось найти хорошего специалиста-невропатолога, который ежедневно посещал больную за гонорар в виде дневной нормы хлеба. Благодаря его усилиям к началу весны С.В. Меликова-Толстая уже была на ногах, лучше стал чувствовать себя и ее муж. Но теперь заболела Людмила — цингой, однако болезнь удалось победить.

16 марта 1942 г. постановлением комиссии Президиума по делам ленинградских учреждений Академии наук СССР И.И. Толстой был утвержден в должности старшего научного сотрудника Института литературы АН СССР, а уже 1 апреля того же года он, в составе эшелона работников этого института, выехал из Ленинграда в Казань, где прожил все время эвакуации вплоть до возвращения в Ленинград в конце июля 1945 г.⁶⁵ Его семья покинула Ленинград летом, с последним эшелонem Академии наук. К сожалению, в дороге из-за «чудовищных антисанитарных условий» все члены семьи, кроме дочери Людмилы, заболели дизентерией⁶⁶. Через три дня после прибытия в Казань, 31 июля 1942 г., С.В. Меликова-Толстая скончалась в больнице⁶⁷.

О дальнейшей жизни в эвакуации мы узнаем из письма И.И. Толстого от 2 апреля 1943 г.⁶⁸, адресованного И.М. Тронскому, где он рассказывает о том, как нелегко

⁶² Там же. С. 305.

⁶³ Толстая Л.И. Блокада... С. 305.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ СПбФ АРАН. Ф. 847. Оп. 1. Д. 46. Л. 2.

⁶⁶ Толстая Л.И. Блокада... С. 307.

⁶⁷ Толстой И.И. София Венедиктовна Меликова-Толстая // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России. СПб., 1997. С. 149.

⁶⁸ Подробнее об этом письме см.: Белоусов А.В. И.И. Толстой — И.М. Тронскому: письмо 1943 года // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2010. Т. 14. Ч. 1. С. 141–150.

ему было пережить смерть жены: «Вы хорошо знаете, как я был привязан к Софье Венедиктовне, и потому понимаете без комментариев, что обрушившийся на меня удар был страшен. Прошло больше полугода, а я до сих пор не могу придти в себя. Я здорово постарел, и физически, и духовно. Первый месяц я просто был не человеком, а какой-то тенью. За всю свою прежнюю жизнь я, понимаете ли, даже и не подозревал, что можно, вообще, так невероятно-мучительно, так безнадежно, так невыразимо-ужасно страдать»⁶⁹.

В приписке к письму, адресованной жене И.М. Тронского, М.Л. Тронской⁷⁰, И.И. Толстой еще раз говорит о переполняющем его чувстве боли от потери любимой жены: «...просто не нахожу слов, чтобы высказать Вам всю меру моих страданий после потери жены; я так любил ее! Мы были с ней, Вы это знаете, такими друзьями! Но я, все-таки, не хочу сдаваться, хочу работать, приносить, в меру сил своих и своего понимания, какую-то пользу. И, чтобы говорить уже без всяких фраз, ведь надо же мне жить и работать, хотя бы во имя дочки моей и во имя моей сестры»⁷¹⁷².

Внешние условия жизни семьи И.И. Толстого в Казани, по его собственным словам, были не так уж плохи. Он вместе с сестрой Людмилой Ивановной и дочерью жил в общежитии, располагавшемся в бывшем Дворце труда. Втроем они занимали просторную комнату «в два окна на тихую улицу в европейской части города». И.И. Толстой упоминает, что прошедшей зимой в доме было тепло, так как имелись дрова. «Соединенными усилиями научных работников» удалось добиться функционирования водопровода и чистоты в уборных, состояние которых при въезде «было кошмарно: нельзя было войти, делалось дурно от одного вида». И.И. Толстой с дочерью имел право пользоваться хорошей столовой, но, к сожалению, для сестры Людмилы Ивановны такая возможность не была предусмотрена. Кроме того, ученый сетовал, что приходится закупать кое-что на рынке, а «рынок дорог. И денег не всегда хватает»⁷³.

В октябре 1942 г. И.И. Толстой получил предложение перейти на работу в Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР. Об этом мы узнаем из его письма к И.И. Мещанинову⁷⁴ от 7 октября 1942 г., который в 1935–1950 гг. являлся директором института: «...Вы склонны пригласить меня занять должность заведующего классическим кабинетом ИЯМа. Это очень мне лестно, но немного и страшно, поскольку я не являюсь чистым лингвистом в прямом смысле этого слова. Впрочем, по общему характеру своих научных интересов я, конечно, гораздо ближе к ИЯМу, чем к ИЛИ, и я с радостью готов переключиться и служить в меру сил своих именно ИЯМу»⁷⁵.

⁶⁹ Цит. по: Белоусов А.В. И.И. Толстой... С. 143.

⁷⁰ Тронская (Троцкая) Мария Лазаревна (1896–1987) — филолог-германист.

⁷¹ Толстая Людмила Ивановна (1884–1948) — дочь графа И.И. Толстого (старшего), сестра И.И. Толстого.

⁷² Цит. по: Белоусов А.В. И.И. Толстой... С. 147.

⁷³ Все цитаты по: Белоусов А.В. И.И. Толстой... С. 145.

⁷⁴ Мещанинов Иван Иванович (1883–1967) — лингвист, археолог; член АН СССР (1932); директор Института языка и мышления имени Н.Я. Марра (1935–1950).

⁷⁵ СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 538. Л. 3.

В декабре 1942 г. Институт языка и мышления стал основным местом работы И.И. Толстого. В письме к И.И. Мещанинову от 7 декабря 1942 г. он рассказывает о собственном видении своей будущей работы в институте и предлагает тему научных исследований, которая могла бы им разрабатываться в наступающем 1943 г.: «Я бы мог... объявить на 1943 год тему “Гомеровский язык” или “Язык гомеровского эпоса”. Имею в виду не поэтику, а грамматику, языковую картину гомеровского текста, реликты древнейших форм, искусственные формы, хронологические дифференции синтаксиса и т. д.»⁷⁶.

Однако полностью разрывать связь с Институтом литературы ученый не торопился: «К Лебедеву-Полянскому⁷⁷ я обратился в Москву с письмом, в котором прошу его не отчислять меня от Инст[итута] литературы, а разрешить мне продолжать в нем бесплатно мою работу: основной своей работой буду считать работу в ИЯМе, по которому я буду получать зарплату»⁷⁸. Продолжать числиться в Институте литературы для И.И. Толстого было важно по двум причинам. Во-первых, как он считал, это дало бы ему возможность закончить и «продвинуть к печати» уже включенную в издательский план института монографию «Античная сказка»⁷⁹, над которой он вел работу. Вторая причина носила более прагматический характер: «...это же позволит мне не порывать связи с месткомом ИЛИ, что жизненно интересно в смысле картофеля, папирос, страховки и т. п.»⁸⁰.

Осенью 1943 г. И.И. Толстой стал уполномоченным Казанской группы Института языка и мышления, о чем мы узнаем из его письма к И.И. Мещанинову от 23 октября 1943 г.: «Сердечно Вас благодарю за присылку мне Вашего распоряжения о назначении меня уполномоченным Казанской группы Института языка и мышления. Эта, полученная мною от Вас бумага, легализовавшая мое положение, существенно облегчила всяческие мои разговоры с руководителями КАХУ⁸¹, и подпись моя под различного рода к ним обращениями сразу же приобрела в их глазах должный авторитет и законную, так сказать, силу»⁸².

В Казани, наряду с научно-исследовательской работой по вопросам греческого языка и античной литературы, И.И. Толстой вел и преподавательскую работу с докторантами и аспирантами Академии наук, а также читал лекции студентам Казанского университета. Кроме того, он работал в лекционном бюро научной пропаганды Академии наук СССР и регулярно выступал с публичными лекциями и докладами.

В июле 1945 г. И.И. Толстой вернулся в Ленинград и продолжил работу в качестве старшего научного сотрудника Института языка и мышления им. Н.Я. Марра. 14 июля 1945 г. указом Президиума Верховного Совета СССР он был награжден

⁷⁶ СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 538. Л. 4.

⁷⁷ Лебедев-Полянский Павел Иванович (наст. фам. Лебедев, 1882–1948) — литературовед, литературный критик; член-корреспондент (1939), академик (1946) Академии наук СССР, профессор МГУ. В 1937–1948 гг. — директор Института литературы (Пушкинского Дома) АН СССР.

⁷⁸ СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 538. Л. 4 об.

⁷⁹ К сожалению, работа над этой монографией затянулась, и автор так и не успел ее закончить.

⁸⁰ СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 538. Л. 4 об.

⁸¹ КАХУ — Казанское административно-хозяйственное управление Академии наук СССР. Существовало в годы ВОВ в связи с необходимостью решения вопросов, связанных с пребыванием научных учреждений АН СССР в эвакуации в Казани.

⁸² СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 538. Л. 6.

орденом Ленина за выдающиеся заслуги в развитии науки в связи с 220-летием Академии наук СССР. В том же 1945 г. ученый также был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В избирательную сессию Академии наук СССР в Москве 30 ноября 1946 г. Общим собранием Академии И.И. Толстой был избран в состав ее действительных членов по Отделению языка и литературы.

В мае 1947 г. И.И. Толстой стал руководителем нового сектора классической филологии Института языка и мышления и вошел в состав членов его Ученого совета⁸³. Вот что об этом назначении пишет И.И. Толстой в письме к И.И. Мещанинову от 21 мая 1947 г.: «Сообщаю Вам, что мною только что получено распоряжение Президиума Академии о выделении из состава романо-германского сектора самостоятельного сектора классической филологии и об утверждении меня его заведующим, спешу выразить Вам еще раз по этому поводу мою горячую, сердечную признательность»⁸⁴.

В связи с переходом И.И. Толстого в систему Академии наук изменилось и направление его работ. Литературоведческие и фольклористические темы постепенно уступали место проблемам языкознания и эпиграфики. Ученый считал, что важнейшей обязанностью национальных академий в области классической филологии является научная публикация античных текстов, найденных на территории той или иной страны⁸⁵.

Подобная работа в свое время была выполнена В.В. Латышевым, который опубликовал по поручению Русского археологического общества сборник «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae» (Свод античных надписей, найденных в Северном Причерноморье)⁸⁶. К 1917 г. им было подготовлено к печати второе издание 2-го тома этого корпуса надписей. Однако при жизни В.В. Латышева издание так и не вышло в свет. После его кончины работа была продолжена С.А. Жебелёвым, который пополнил и уточнил некоторые комментарии В.В. Латышева, в ряде случаев внес свои конъектуры к текстам и высказал новые соображения по отдельным вопросам. Но и ему не удалось завершить эту работу.

В послевоенные годы подготовка к печати корпуса надписей была возобновлена в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. Первоначально она осуществлялась под руководством С.Я. Лурье, а с осени 1950 г. ее возглавил И.И. Толстой. Под его руководством и при участии научных сотрудников Института истории за два последующих года было сделано многое: пересмотрены, расширены и переведены на русский язык с латинского леммы и комментарии к надписям и все греческие тексты, уточнены места хранения многих эпиграфических памятников, унифицирован ссылочный аппарат, сфотографированы и обмерены многие памятники и пр.⁸⁷ И.И. Толстой отдавал этой работе почти все свое время, однако окончательно завершить ее не успел⁸⁸.

⁸³ СПбФ АРАН. Ф. 847. Оп. 1. Д. 46. Л. 2.

⁸⁴ СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 538. Л. 15.

⁸⁵ Тронский И.М. Краткий очерк... С. 21.

⁸⁶ *Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. I, II, IV. Petropoli, 1890; Vol. I. Edit. 2. 1916.*

⁸⁷ Предисловие // Корпус боспорских надписей / Отв. ред. В.В. Струве. М.; Л., 1965. С. 5–6.

⁸⁸ Работа завершилась в 1965 г. выходом в свет издания: Корпус боспорских надписей / Отв. ред. В.В. Струве. М.; Л., 1965.

В последние годы жизни И.И. Толстым было осуществлено издание первого выпуска задуманного им «Корпуса керамических надписей Северного Причерноморья» — «Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья»⁸⁹, в состав которого вошло более 250 текстов, датируемых VI в. до н. э. — III в. н. э. Эпиграфическая работа по дешифровке, датировке и факсимилированию текстов была проведена ученым и его коллегами на высоком научном уровне с учетом всех палеографических, археологических и искусствоведческих критериев⁹⁰.

Другая группа вопросов, которой И.И. Толстой уделял внимание в этот период, имела отношение к развитию греческого литературного языка классического периода. В последние годы он работал над монографией «Язык древнегреческого эпоса», в которой намеревался всесторонне рассмотреть гомеровский язык как древнейшее общегреческое литературное «койне»⁹¹. Эта работа должна была стать синтезом его лингвистических и литературоведческих изысканий в области древнегреческого эпоса. К сожалению, завершить эту книгу ученый также не успел.

В 1953 г. И.И. Толстому был вручен второй орден Ленина за выслугу лет и безупречную работу. В последние годы жизни он тяжело болел, но продолжал по мере сил вести научно-исследовательскую работу. Вот как вспоминает о последней встрече со своим научным руководителем Н.С. Гринбаум: «Моя последняя встреча с Иваном Ивановичем Толстым состоялась в Ленинграде в феврале 1954 года. К тому времени он был уже тяжело болен и встретил меня, лежа в кровати. Узнав, что я приступил к работе над докторской диссертацией о языке Пиндара, он предложил мне познакомиться с намеченным планом исследования, а затем выразил пожелание высказать письменно свое мнение. Приподнявшись на кровати и положив для удобства рядом лежавшую книгу, он, с трудом удерживая равновесие, написал на небольшом листке линованной бумаги свой краткий отзыв. Добавив при этом: “Думаю, что Вам это может пригодиться”, он, уставший, вновь опустился на подушки»⁹².

27 октября 1954 г. в Ленинграде на семьдесят пятом году жизни И.И. Толстой скончался. В некрологе, опубликованном в журнале «Вестник древней истории», в адрес И.И. Толстого были сказаны слова, наилучшим образом характеризующие его как ученого и человека: «Все, кто знал И.И. Толстого, общался с ним устно или письменно, беседовал, навсегда запечатлели в своем уме и сердце образ крупнейшего ученого, блестящего, тонкого и остроумного собеседника, и прежде всего искреннего, доброго и очаровательного человека»⁹³.

⁸⁹ Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М. — Л., 1953.

⁹⁰ Тронский И.М. Краткий очерк... С. 23.

⁹¹ Койне (греч. κοινή) — язык, служащий средством междиалектного общения, возникший на базе одного общего диалекта.

⁹² Гринбаум Н.С. Воспоминания... С. 300.

⁹³ Иван Иванович Толстой. 1880–1953 // ВДИ. 1955. № 2. С. 204.

Сергей Николаевич Тройницкий (1882–1948)

М.Ю. Вахтина

К блестящей плеяде ученых, привлеченных к работе в Российской академии истории материальной культуры (РАИМК), несомненно, принадлежал Сергей Николаевич Тройницкий¹. Он родился 19 августа 1882 г. в Вятке в семье потомственного дворянина, действительного тайного советника, сенатора, Николая Александровича Тройницкого, бывшего губернатором Вятской губернии. Осенью этого года семья переехала в Петербург, где ее глава стал директором Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, сменив на этом посту знаменитого учёного и путешественника П.П. Семенова Тян-Шанского.

Кратко о себе С.Н. Тройницкий писал в *curriculum vitae*², хранящемся в его личном деле в НА ИИМК РАН: «В 1894–1899 гг. учился в гимназиях Гуревича и 8-й, а с 1899 по 1904 гг. в Училище Правоведения³, которое окончил весной 1904 г. По окончании училища поступил в Кодификационный Отдел Государственной Канцелярии, где работал до начала 1905 года, когда уехал в Мюнхен, где слушал лекции в Университете⁴. Осенью 1905 года основал типографию “Сириус”, которой руководил до 1917 г. и в которой в 1905–1908 гг. работал в качестве мастера наборщика и печатника⁵. Весной в 1908 году поступил в Средневековое

¹ В качестве заставки использована фотография. С.Н. Тройницкого. Ок. 1920 г. (<http://herzenlib.ru/main/news/detail.php?ID=16855>, дата обращения 08.11.2021)

² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 670. Л. 8–9.

³ Императорское училище правоведения принадлежало к числу наиболее престижных высших учебных заведений дореволюционной России. Оно было основано указом Николая I от 9 (21) мая 1835 г. для воспитания юридически компетентных кадров для административной и судебной деятельности. Выпускники, окончившие училище с отличием, получали чины титулярного советника и коллежского секретаря и направлялись преимущественно в канцелярии Министерства юстиции и Сената. Среди окончивших училище — известные государственные деятели и юристы К.П. Победоносцев, И.Г. Щегловитов, кн. Д.А. Оболенский, А.С. Танеев, Д.Н. Набоков и др., а также деятели культуры — поэты А.М. Жемчужников и А.Н. Апухтин, критик В.В. Стасов, композитор П.И. Чайковский, писатель И.С. Аксаков и шахматист А.А. Алехин. Располагалось в особняке на наб. р. Фонтанки, д. 6.

⁴ В Мюнхенском университете С.Н. Тройницкий учился на юридическом факультете, как он уточнил в более позднем отчете (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 670. Л. 10).

⁵ Позже он добавил, что в «Сириусе» «... после, до 1917 года, руководил художественной частью дела». Там же. Л. 10.

А.Н. Бенуа. Портрет искусствоведа
Тройницкого. Август 1919 г.
(<https://artpriced.ru/images/load/623/6238263df53dcafab9fef02cb710ab5.jpg>,
дата обращения 14.10.2021)

Отделение Эрмитажа, в качестве причисленного. Затем перешел в Отделение Драгоценностей, хранителем которого был назначен осенью 1915 года.

23-го декабря 1918 г. был избран исполняющим обязанности Директора Эрмитажа, и в декабре того же года Директором, каковую должность занимаю до сих пор, состоя в то же время Заведующим Отделом Прикладного Искусства и хранителем Отделения Искусства Нового Времени.

За время своей службы в Эрмитаже бывал в научных командировках за границей и неоднократно исполнял по Эрмитажу ответственные работы. Осенью 1919 года был избран Ученым Сотрудником Российской Академии Истории Материальной Культуры, а 25-го апреля 1921 года Товарищем председателя той же Академии, где заведу разрядом Искусства XVIII в. Состою членом Совета Русского Музея и Товарищем Председателя Русского Историко-Генеалогического общества.

В 1907–1916 гг. состоял членом редакционного Комитета Журнала “Старые Годы”, в котором поместил ряд статей, в 1913–1914 гг. издавал и редактировал журнал “Гербовед”. Принимал близкое участие в устройстве ряда выставок Ломоносовского и Елизаветинского времени, устроенной Академией Наук, где заведовал Отделом Быта, выставки “Веджвуд” и др. Осенью 1921 г. был избран преподавателем Петроградского Университета по Историко-Художественному Отделению⁶.

Таким образом, к началу сотрудничества с РАИМК С.Н. Тройницкий, участвовавший в ее Избирательном собрании 5–7 августа 1919 г., был уже сложившимся исследователем и занимал должность директора Эрмитажа. А.Н. Бенуа, выступивший с ходатайством перед Ученым советом Академии о зачислении С.Н. Тройницкого в её штат, писал: «Имея в виду в ближайшее время приступить к организационной работе по своему “разряду”, я считаю необходимым в первую очередь принять на должность ученого сотрудника лицо, которое мне могло бы помочь как в организационном, так и в научном смысле. Вполне отвечающим данной задаче лицом я считаю директора Эрмитажа Сергея Николаевича Тройницкого, который изъявил уже свое согласие на то, чтобы подвергнуться выборной баллотировке. Имя С.Н. Тройницкого и по заслугам в области изучения целых отраслей искусства, главным образом прикладного (фарфора, серебра, кости) по эпохам, подлежащим ведению IV разряда, достаточно известны, чтобы на них дольше

⁶ Там же. Л. 8.

Неизвестный художник. Портрет С.Н. Тройницкого. Акварель. ГЭ.
(<http://collections.hermitage.ru/entity/ОБЪЕКТ/1517676>, дата обращения 08.11.2021)

останавливаться. Но в то же время Сергей Николаевич известен мне как человек исключительно одаренный административными способностями, что особенно ценно в новое время...»⁷.

24 октября 1919 г. на заседании Избирательной комиссии, происходившем под председательством А.Н. Бенуа и в присутствии С.А. Жебелева и С.Н. Сычева, «...Комиссия, заслушав заявление А.Н. Бенуа о желательности избрания С.Н. Тройницкого на должность ученого сотрудника Академии Истории Материальной Культуры и curriculum vitae С.Н. Тройницкого, признала его кандидатуру на замещение означенной должности крайне необходимой и желательной»⁸. К этому времени С.Н. Тройницкий проживал совсем близко от Эрмитажа и Мраморного дворца, куда вскоре переедет РАИМК, на ул. Миллионной, д. 11, кв. 8⁹.

⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 670. Л. 6–6 об., 7.

⁸ Протокол заседания Избирательной комиссии 24-го октября 1919 г. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 670. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 4. С.Н. Тройницкий указывал свой адрес именно так, хотя ул. Миллионная уже была переименована в ул. Халтурина. До этого С.Н. Тройницкий жил на Сергиевской ул. (совр. ул. Чайковского) в д. 5 (дом купцов Шустовых на углу Сергиевской и Гагаринской улиц). Этот адрес указан в его книге: «Краткая родословная дворян Тройницких». СПб., 2011. С. 1.

А вот отрывок из другого, более позднего документа, вероятно, приложения к отчету С.Н. Тройницкого за 1927 г., где подробнее говорится о его деятельности в Эрмитаже. «Весною 1908 г. поступил на службу в Эрмитаж, в Отделение Средних Веков и Эпохи возрождения, где занимался собранием Базилевского, а с 1909 г. по 1913 г. занимался инвентаризацией. В 1911 г. был привлечен к устройству переданных из Зимнего Дворца собраний фарфора и серебра, над которыми за болезнью хранителя барона Фелькерзама и отсутствием других служащих Отделения Драгоценностей, работал почти единолично. В марте 1913 года перешел в Отделение Драгоценностей, где заканчивал инвентарные работы и работал над каталогом. 1-го ноября 1913 года назначен Хранителем Отделения Драгоценностей. 23-го августа единогласно избран и. о. директора и заместителем председателя Совета Эрмитажа.

В 1909 и 1911 гг. ездил с научной целью в заграничные командировки¹⁰.

В качестве представителя Эрмитажа участвовал в Комиссии о судьбе траурных дрог Императора Александра I и других старинных экипажей конюшенного ведомства, в комиссии по принятию мер охраны против краж и пожаров в музеях дворцового ведомства и других. Был представителем от Министерства Двора в комиссию по устройству Романовской выставки¹¹. Состоит делегатом Эрмитажа в Совещании представителей ученых учреждений и Высших учебных заведений (и в Коллегии по делам Музеев и охраны памятников искусства и старины — *зачеркнуто карандашной линией.* — М.В.). Состоял и состоит в различных Комиссиях Эрмитажа, составил ряд инструкций по управлению Эрмитажем. Участвовал в качестве специалиста в работах Комиссии о государственных цветах и заседании юридической Комиссии при Временном Правительстве по вопросу о государственных флаге и гербе. Был членом музейной секции совещания о ведомстве искусства, работавшего при Институте Истории Искусств и членом, и секретарем Совета по делам искусств при Временном Правительстве. Принимал деятельное участие в устройстве выставки журнала Старые Годы в 1908 году, Художественно-Исторического Отдела Царскосельской юбилейной в 1911 г. Ретроспективного Отдела произведений фабрики Веджвуд в 1912 году и Елисаветинской в 1912 году, где заведовал бытовым Отделом. Участвовал в Комиссиях при Русском Музее — по организации историко-бытового Отдела, Центральной библиотеки и др. Состоит Председателем Общества друзей книги и членом русского Генеалогического и Историко-родословного в Москве Обществ¹². С.Н. Тройницкий также был членом комитета Всероссийского общества поощрения художников и товарищем председателя русского историко-генеалогического общества.

В свое время Сергею Николаевичу Тройницкому, сыну действительного тайного советника и сенатора, вероятно, прочили карьеру государственного деятеля. Однако он увлекся изучением искусства и достаточно резко сменил род занятий. В анкете, заполненной при поступлении в РАИМК, в графе «специальность»

¹⁰ Всего С.Н. Тройницкий выезжал в командировки в Европу шесть раз: в 1909–1911, 1921, 1923, 1925 и 1928 гг.

¹¹ Речь идет о юбилейной художественно-исторической выставке, посвященной 300-летию Дома Романовых.

¹² Отчет датирован 14.XI. 27 г. Там же. Л. 10–10об.

С.Н. Тройницкий написал: «историк искусства и историк быта»¹³. Ко времени его поступления на службу в Академии он многого добился на избранном поприще. К его документам приложен обширный список основных научных трудов с указанием, что общее число написанных им работ достигает 60. Говоря обобщенно, в круге его интересов можно отчетливо проследить два направления — изучение предметов искусства и генеалогические исследования.

В 1911 г. в издании журнала «Старые годы», одним из основателей которого был С.Н. Тройницкий, вышла его книга «Фарфор Императорского Эрмитажа»¹⁴, открывающую серию книг, посвященных художественным фарфоровым изделиям, прекрасной коллекцией которых располагал Эрмитаж. Другая его работа, «Фарфоровые табакерки Императорского Эрмитажа»¹⁵, вышла в 1915 г. В основу исследования легли табакерки Императорского фарфорового завода, изготовленные в 50–60-х гг. XVIII в. «Восемнадцатый век можно назвать веком табакерки», — писал автор во введении. «Мода нюхать табак началась несколько раньше и кончилась позже, но нигде увлечение ею не достигало таких размеров, как в XVIII веке, особенно в его середине. Всякий костюм, чуть ли не всякий случай в жизни, требовал особой табакерки, и уважающие себя люди должны были иметь их в большом разнообразии. Так, после смерти в 1776 г. принца Конти осталось 800 табакерок. Фридрих Великий имел их до 1.500, из которых 600 получил в наследство. Табакерки делались из золота, серебра, меди, железа, кости, черепахи, камня, фарфора, дерева, эмали, и, украшенные камнями и живописью, достигали огромной ценности, и в них отражалась вся общественная, политическая и частная жизнь того времени»¹⁶. Небольшая книга предлагает увлекательное повествование, где читателю за описанием изящных предметов обихода открывается целая эпоха, с ее обычаями, историческими фактами, анекдотами и забавными случаями, связанными с табакерками. Повествование одновременно и высокопрофессионально, отражая знания автором «конкретного материала», и необыкновенно масштабно, так как мы видим этот материал в ярком историческом контексте.

В период работы в РАИМК выходят и другие публикации, посвященные коллекции фарфора, которой располагал Эрмитаж¹⁷. Среди них одной из наиболее увлекательных является книга «Фарфор и быт». Как и другие работы С.Н. Тройницкого, ее отличает, с одной стороны, необычайная «широта охвата» материала, с другой — прекрасное знание самих изделий, точность в деталях, глубина художественного восприятия. Она состоит из нескольких разделов. В первом — «Возникновение восточного фарфора и его распространение в Европе» — говорится о появлении производства фарфора в Китае и той роли, которую сыграла в этом, как полагает автор, культура чаепития: «Чай, как известно, пьют горячим, и этот душистый

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Тройницкий С.Н. Фарфор Императорского Эрмитажа. Санкт-Петербург: журн. «Старые годы», 1911. 52 с.

¹⁵ Он же. Фарфоровые табакерки Императорского Эрмитажа. Пг., 1915.

¹⁶ Там же. С. 6–7.

¹⁷ Путеводитель по Отделению фарфора / Сост. С.Н.Тройницкий. Пг., 1921; Тройницкий С.Н. Фарфор и быт. Л., 1924; Он же. Русские фарфоровые фигуры. Л., 1928; Он же. Европейский фарфор. Л., 1929.

напиток хорош только тогда, когда он не имеет никаких посторонних привкусов и запахов, которые он вообще легко воспринимает. <...> Понятно, что при такой утонченности вкусовых восприятий вопрос о материале для чайной посуды получил первостепенное значение и, вероятно, много поколений керамистов работали над созданием такого, который бы вполне отвечал всем требованиям наиболее взыскательных любителей чая»¹⁸. Далее следует очерк о торговых связях и путях, благодаря которым изделия из фарфора начали проникать в Европу начиная с XIII в. и причинах увеличения их ввоза в XVI в. Особое внимание уделено периоду с середины XVII в., когда «ясно намечаются две стороны ввозимого в Европу фарфора. С одной стороны, вначале, ещё преобладает его коллекционно-декоративное значение, а с другой всё более и более развивается использование с число практическими целями как предметов обихода»¹⁹. Автор очертил весь круг фарфоровых изделий XVII–XVIII в. и сферы их применения, от архитектурных деталей, украшавших интерьеры, до посуды, табакерок и мелких предметов сервировки стола. Повествование ведется живо, увлекательно, данные о времени и производстве тех или иных изделий перемежаются с данными о нравах и обычаях европейского общества в тот или иной период. Раздел «Европейский фарфор» подробно рассказывает о первых попытках собственного производства, открытии в 1709 г. «тайны производства твердого фарфора», становлении первых заводов в Саксонии, Тюрингии и Англии, их продукции, о мастерах, внесших свой вклад в разработку рецептуры²⁰. Глава «Фарфор в России» открывается обзором свидетельств о первом проникновении китайского фарфора, начавшего распространяться здесь в то же время, что и в Европе. «К середине XVIII в. фарфор проникал даже в очень глухие места России, по крайней мере, в тяжёлом деле от 1750 г. между сотником Келебердянским Никитою Козельским и войсковым канцеляристом Петром Тройницким упоминаются «фарфурных чашек две пары ценою в 60 к.»» В начале XIX в., судя по многочисленным объявлениям в «Петербургских ведомостях», «в продаже был фарфор китайский, ост-индский, французский, саксонский, берлинский и шведский»²¹. Увлекательно рассказывается о проникновении в Россию продукции различных европейских заводов, лидирующая роль среди которых принадлежала мейсенскому фарфору, о знаменитых сервизах, привозившихся как подарки членам императорской семьи и представителям высшей аристократии или дипломатические дары. Конечно, много внимания уделено и истории производства отечественного фарфора. Как известно, его начало связано с именем Д.И. Виноградова, которому «удалось к 1748 г. добиться вполне положительных результатов, и к 1752 г. настолько хорошо наладить дело, что завод мог публиковать в газетах о продаже фарфора и приеме заказов на табакерки»²². Упоминаются и частные заводы, производившие фарфор, число которых особенно возросло с начала XIX в. Почти все они исчезли после отмены крепостного права, «вместе с псовыми охотами, крепостными оркестрами и театрами. Эти многочисленные, небольшие, но раз-

¹⁸ Тройницкий С.Н. Фарфор и быт. С. 9.

¹⁹ Там же. С. 16.

²⁰ Там же. С. 32–34.

²¹ Там же. С. 50.

²² Там же. С. 56–57.

брошенные по всему пространству европейской России, заводы сыграли однако свою роль и не только в качестве барских затей; они приучили огромное количество населения к пользованию прекрасным материалом, а нам в наследство оставили большое количество, если и не очень тонко и художественно исполненных предметов, то во всяком случае предметов, прекрасно иллюстрирующих быт и вкусы средней массы русского населения на протяжении трех четвертей столетия»²³. В последней главе «Быт в фарфоре» затрагиваются самые разнообразные темы, связанные с изделиями из фарфора — от межгосударственных взаимодействий и культурных влияний до отдельных категорий вещей — деталей убранства парадных залов, табакерок и пр. «Не только перечислить тысячи отдельных сюжетов, отразивших в себе бытовые явления, но даже упомянуть все их типы не представляется возможным в кратком очерке, и мы ограничимся лишь характеристикой главнейших», — писал автор. «Мы говорили уже о том, как для украшения Японского дворца в Дрездене были изготовлены фигуры и группы различных зверей и животных; в дальнейшем Мейсенский и другие заводы создали целые зверинцы: слонов, носорогов, львов, пантер, буйволов, волков и т. п., исполненных иногда с натуры, но часто по различным рисункам и гравюрам, отдавая этим дань интересу к естественной истории, столь свойственному веку энциклопедистов. Не только дикие звери, но и домашние животные служили моделями для мастеров фарфора; в этом отношении особенно интересны собаки, две породы которых, излюбленные в то время, встречаются более часто. Это — болонки, любимые собаки Августа II и мопсы или “момсы”, как их у нас называли. <...> Птичье царство тоже было хорошо представлено в фарфоровых изделиях; попугаи различных пород, сороки, иволги, чайки, ястреба, куры, петухи, утки, цесарки и т. д. встречаются очень часто»²⁴.

По этим небольшим отрывкам из занимательной, читающейся «на одном дыхании» книги можно судить о глубоком знании предмета и широкой эрудиции автора. Воображение читателя легко переносит его в эпохи, отраженные в его книге, где автор непринуждённо переходит к самым разнообразным сюжетам и источникам. Такая легкость и непринужденность — признак высочайшего профессионализма, таланта и владения предметом.

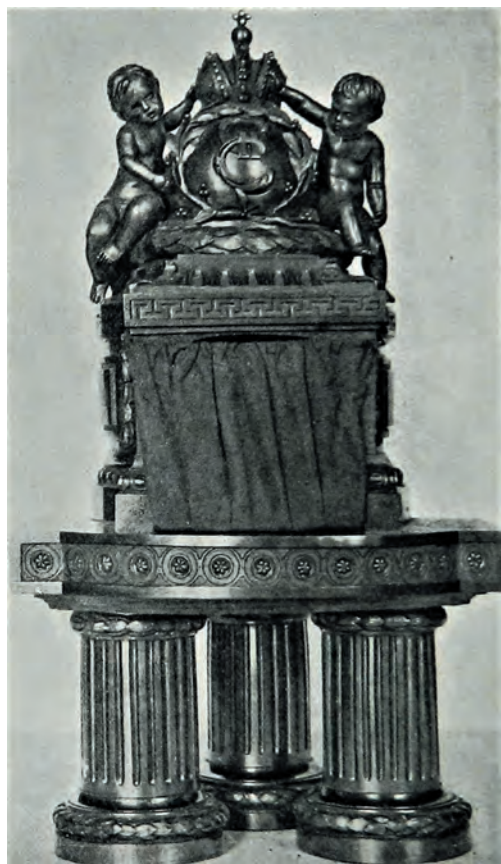
Эта увлекательная, и в то же время высокопрофессиональная манера свойственна и другим работам С.Н. Тройницкого. В качестве примера можно упомянуть его небольшую статью «Баллотировальник екатерининского времени», изданную в 1921 г.²⁵ Несомненно, идея этой публикации связана с «веяниями времени», о чем в начале статьи упоминает сам автор. Однако и собственно предмет, предлагаемый вниманию читателей, весьма любопытен и представляет «большой художественный и бытовой интерес, особенно в виду того значения, которое в настоящее время в жизни различных учреждений имеют выборы»²⁶. Далее следует его описание. Из надписи на задней стороне цоколя известно, что баллотировальник был изготовлен мастером Симоном в Петербурге. Это —

²³ Там же. С. 58.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ Тройницкий С.Н. Баллотировальник екатерининского времени // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 257–260.

²⁶ Там же. С. 257.

Бронзовый баллотировальник
(по: *Тройницкий С.Н.* Баллотировальник
Екатерининского времени // ИРАИМК. 1921.
Вып. 1. Табл. XXIV)

небольшой цилиндрический постамент с четырехугольным выступом в передней части, на котором находится шар. Он может быть перемещен в одно из трех отверстий, которым соответствуют надписи «Согласные», «Несогласные» и «Сумнительные». Назначение этой вещи позволило автору обратиться к истории баллотирования в России. Важной вехой на этом пути С.Н. Тройницкий считал указ Петра I от 19 февраля 1720 г., который приводит полностью²⁷. Рассматриваются и другие законодательные акты, а также известные случаи баллотировки в учреждениях XVIII в., например, в Академии художеств. «Таким образом, мы видим, — писал автор в конце заметки, — что баллотирование в XVIII веке применялось в целом ряде учреждений, поэтому представляется затруднительным установить, для какого учреждения изготовил Симон свой ящик. Но богатство и основательность предмета позволяют нам предположить, что скорее всего он был изготовлен по заказу того учреждения, в котором выборы имели основное значение, а именно дворянского депутатского собрания Петербургской губернии, а не одного из тех учреждений, в которых баллотирование применялось лишь для решения отдельных вопросов»²⁸. В первых выпусках

ИРАИМК С.Н. Тройницкий опубликовал ещё несколько небольших, но столь же ярких заметок²⁹. В НА ИИМК РАН сохранилась копия отношения от 18 апреля 1921 г., выданная для работы в Оружейной палате в Москве, где он побывал «для осмотра двух серебряных люстр XVIII в. работы Лемери и универсальных солнечных часов Брукнера, исследования о которых приняты к напечатанию в делах Академии». Серебро интересовало С.Н. Тройницкого так же, как и фарфор. В частности, с этой темой был связан опубликованный им альбом «Английское серебро»³⁰. К отчету РАИМК за 1927 г. приложен список докладов, прочитанных

²⁷ Там же. С. 259.

²⁸ Там же. С. 260.

²⁹ *Тройницкий С.Н.* Рубль Ланского // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 118–120; О гербе Смоленском // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 345–355; Исаак Брукнер и его универсальные солнечные часы // ИРАИМК. 1924. Т. 3. С. 33–48.

³⁰ *Тройницкий С.Н.* Английское серебро. Пг., 1923.

С.Н. Тройницким³¹. В их числе — «Табакерка и ее художественное и бытовое значение», «История Смоленского герба» и другие.

Другими важнейшими направлениями работы С.Н. Тройницкого были генеалогия и геральдика. Целая серия его публикаций посвящена гербам знаменитых родов Российской империи, а также дворянским гербам ее областей, полковых соединений и отдельных лиц³². Первые такого рода статьи и брошюры выходят в период существования типографии «Сириус». Первая из них, посвященная гербам Ечелинов, королей Венгерских Анжуйского дома и герцогов Бургундских второй линии, вышла в 1909 г. в количестве 27 экземпляров³³.

В следующем году он издал небольшую книжку «Гербовые девизы русского, польского, финляндского и прибалтийского дворянства»³⁴ и ряд других работ (совместно с В.К. Лукомским)³⁵. В 1911 г. ученый на свои средства выпустил небольшое исследование «Краткая родословная дворян Тройницких»³⁶. Для ее составления автору пришлось проделать большую работу. «Тройницкие, — как он пишет в кратком введении, — как все почти малороссийские дворянские роды, имеют легенду о польско-шляхетском своём происхождении, которая могла бы иметь вероятность лишь для Черниговской губернии, где действительно осело много литовско-польской шляхты, но которая представляется гораздо менее вероятной для губернии Полтавской. Так как эта легенда пока ничем не подтвердилась, то настоящее родословие

Обложка корректированного издания «Краткой истории дворян Тройницких»

³¹ Тройницкий Сергей Николаевич. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 670. С. 9.

³² Полную библиографию работ С.Н. Тройницкого, посвященных геральдике, см. в статье: *Вилинбахов Г.В. Сергей Николаевич Тройницкий. Материалы к биографии* // Материалы конференции «Геральдика. 10 лет восстановления геральдической службы России» 26–28.02.2002 / науч. ред. Г.В. Вилинбахов, ред. Г.В. Калашников. СПб., 2002. <https://sovet.geraldika.ru/article/1991> (дата обращения 08.11.2021).

³³ *Тройницкий С.Н. Notitiuncula heraldica / О гербах: Ечелинов, королей Венгерских Анжуйского дома и герцогов Бургундских второй линии* / Petropoli, Ex officina Troinitskiana, СПб., 1909.

³⁴ *Тройницкий С.Н. Гербовые девизы русского, польского, финляндского и прибалтийского дворянства*. СПб., 1910.

³⁵ *Лукомский В.К., Тройницкий С.Н. Гербы третьей части Гербовника дворянских родов Царства Польского*. СПб., 1910; *Тройницкий С.Н. Заметка о гербах князей Голицыных*. СПб., 1910; *Лукомский В.К., Тройницкий С.Н. Указатели к Высочайше утвержденному Общему Гербовнику Дворянских Родов Всероссийской Империи и Гербовнику Дворянских Родов Царства Польского*. СПб., 1910.

³⁶ *Тройницкий С.Н. Краткая родословная дворян Тройницких*. СПб.: Сириус, 2011. Позже выходит «Хроника рода Тройницких» 1912–1914 г. Петроград, 1915.

начинается с Павла Тройницкого³⁷, как первого, о ком имеются документальные данные, и обнимает два последних столетия. Для составления настоящего родословия использованы документы семейного архива, дела Московского Архива Министерства Юстиции, а также сведения, доставленные частными лицами³⁸. В родословной указаны ее составитель, титулярный советник Сергей Тройницкий, его жена Варвара Александровна Тимрот (с 1907 г.), а также дочь Наталья, родившаяся в 1908 г.³⁹ Тогда же в «Сириусе» были напечатаны «Списки лицам, Высочайше пожалованным дипломами с гербами на дворянское достоинство Всероссийской Империи и Царства Польского», составленные С.Н. Тройницким совместно с В. Лукомским.

В 1913–1914 г. С.Н. Тройницкий выпускал журнал «Гербовед», где можно найти статьи и заметки о гербах родов князей Мещерских, Прозоровских, Щербатовых, Голицыных, Черкасских, Аргутинских-Долгоруковых, Юсуповых, Урусовых, Куракиных, баронов Черкасовых, Ромодановских и других дворянских родов России, заметку о гербах Романовых на серебре из московской Оружейной палаты и другие⁴⁰. Журнал прекратил существование в связи с болезнью С.Н. Тройницкого. Деятельность его в этой области нашла практическое применение после Февральской революции, когда он был включен в юридическую комиссию при Временном правительстве по вопросу о государственных флаге и гербе. Вместе с ним в разработке новой государственной эмблемы принимали участие И.Я. Билибин, В.К. Лукомский и Г.И. Нарбут.

17 октября 1919 г. при деятельном участии С.Н. Тройницкого в Петрограде было основано «Русское историко-генеалогическое общество», товарищем председателя которого он был избран⁴¹. Оно возникло на руинах уничтоженного «Русского генеалогического общества», последний председатель которого, великий князь Георгий Михайлович, был расстрелян. К сожалению, новое объединение просуществовало лишь 3 года, после чего было ликвидировано властями. После этого генеалогия на долгие десятилетия практически исчезла из научной жизни, став занятием отдельных частных лиц.

Невозможно в небольшом биографическом очерке остановиться на всех значимых работах С.Н. Тройницкого. Мы привели лишь некоторые, чтобы показать основные направления его интересов, масштаб исследовательской деятельности и особенности стиля.

Революционные годы, связанные с кардинальными преобразованиями в самых разных сферах жизни, были беспокойными и для Эрмитажа. Осенью 1917 г. значительная часть коллекций была эвакуирована в Москву и размещена в Истори-

³⁷ Служил полтавским полковым писарем, в 1717 и 1730 гг. был Келебердянским сотником (*Тройницкий С.Н.* Краткая родословная дворян Тройницких. Табл. I).

³⁸ *Тройницкий С.Н.* Краткая родословная. С. 1.

³⁹ Там же. Табл. III, № 28. Вторая дочь, Елена, родилась в 1915 г.

⁴⁰ Содержание журнала по номерам и сводный список статей приведены на сайте: <https://library.geraldika.ru/b/15> (дата обращения 02.04.2022).

⁴¹ Председателем нового «Общества» был А.А. Сиверс. См.: интернет-ресурс «Русское генеалогическое общество» <http://www.petergen.com/rgo.shtml> (дата обращения 08.11.2021).

Заседание Совета Эрмитажа. Слева направо: Д.А. Шмидт, С.Н. Тройницкий, Л.А. Мацулевич, А.Н. Кубе, В.А. Головань, М.И. Максимова. Фотография 1920-х гг. (по: *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000. С. 286)

ческом музее, Оружейной палате и Большом Кремлевском дворце⁴². Для посетителей музей был закрыт почти до конца 1918 г. В январе 1918 г. был образован новый орган — Совет Эрмитажа, куда вошел С.Н. Тройницкий⁴³. Между тем научно-организационная работа не прерывалась. К осени 1918 г. была окончательно сформирована система руководства музеем. Эрмитаж управлялся Исполкомом, созданным из всех категорий служащих. Научными вопросами и вопросами охраны коллекций занимались Совет хранителей под председательством директора музея и Собрание служащих по научной части.

⁴² *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000. С. 76.

⁴³ *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа. С. 72–73; *Ананьева Е.С.* Эрмитаж в 1918 г.: жизнь музея в условиях революционного времени // Дворцы. Особняки. Усадьбы. Материалы XIV Царскосельской конференции / орг. И. К. Ботт, М.П. Лебединская, А.В.Тюсеева. СПб., 2018. С. 6. Совет Эрмитажа состоял из директора, ученого секретаря, хранителей, библиотекаря и управляющего делами, а также из лиц, которых избирали со стороны в качестве действительных или почетных членов. Совет ведал вопросами научно-художественного характера, пополнением коллекций, изданием каталогов, научных сборников, составлением смет по научно-художественной части и т. д. Протоколы заседаний Совета в 1917–1919 гг. опубликованы: Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. I. 1917–1919 гг. СПб., 2001.

Работы по структурной реорганизации начались весной 1918 г., когда было образовано четыре отдела, состоящие из 19 отделений: 1. Отдел древностей; 2. Отдел прикладного искусства (художественно-исторический); 3. Отдел Картинная галерея; 4. Отдел нумизматики и глиптики. Во главе каждого из четырех отделов был поставлен заведующий, подчиняющийся в научно-художественном отношении Совету Эрмитажа, а в административно-хозяйственном — директору. Также были подтверждены основные правила работы с экспонатами, которые фактически не изменились с дореволюционного времени. 29 ноября 1918 г. в Эрмитаже прошло заседание комиссии по организации Отделения археологии России в составе Отдела древностей, а 24 декабря — заседание о должностях в нем. Л.А. Мацулевич был назначен хранителем византийских древностей, Н.Е. Макаренко — помощником хранителя русских древностей, а Г.И. Боровка — помощником хранителя древностей классических⁴⁴. Были проведены пере выборы всех сотрудников музея по вновь установленным штатам под руководством особой Коллегии, состоящей из представителей Академии наук, Археологической комиссии, Петербургского университета, Русского музея и членов Совета Эрмитажа. К моменту выборов весь старый персонал Эрмитажа подал заявление об отставке и участвовал в конкурсе на общих основаниях. Вслед за этим новый Совет Эрмитажа избрал директора музея, заведующих отделами и весь младший научный персонал. Все назначения сотрудников на новые должности были произведены сроком на один год, по истечении которого, осенью 1919 г., прошли окончательные выборы. По их результатам директором Эрмитажа 25 декабря был утвержден С.Н. Тройницкий, сохранивший за собой должность заведующего Отделом прикладного искусства⁴⁵. Лишь в общих чертах можно представить огромный объем задач и груз ответственности, возложенных на первого выборного директора Музея. Задачи эти могли быть самого разного характера. Так, например, на экстренном заседании Совета Эрмитажа, имевшем место 18 октября 1919 г., обсуждался вопрос об охране здания и музейных экспонатов. «Слушали: С.Н. Тройницкий предлагает на обсуждение Совета вопрос об установлении в Эрмитаже, ввиду тревожного времени, ночных дежурств старших служащих. Основанием для установления дежурств служат: 1) возможность стрельбы из орудий Петропавловской крепости и как следствие этой стрельбы, разбитие стекол от сотрясения, 2) возможность захода в Эрмитаж военных частей и необходимости объяснить этим частям, что представляет собой Эрмитаж». В результате были утверждены ночные дежурства с 8 час. вечера до 8 час. утра следующего дня, куда назначались по 2 человека из штата музея; от дежурств освобождались женщины и лица, «по состоянию здоровья и возрасту не подходящие для исполнения обязанностей дежурного»⁴⁶.

В 1919–1920 гг. С.Н. Тройницкий принимал самое активное участие в решении вопроса о судьбе эрмитажных коллекций, эвакуированных в Москву в 1917 г.⁴⁷

⁴⁴ Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. С. 304.

⁴⁵ Там же. С. 7–9.

⁴⁶ Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. С. 289.

⁴⁷ Музейные ценности были вывезены в Москву двумя транспортами в сентябре и октябре по постановлению Временного правительства; всего было вывезено 811 ящиков и баулов. Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. С. 295, 297; Ефимова И.Г. Эвакуация музейных коллекций Эрмитажа в 1917 г. // Эрмитаж.

и об их возвращении в Петроград. Сложности возникали буквально на каждом шагу — прежде всего, с транспортом и такелажными работами, которые выполняли солдаты. Возникали и трудности и иного рода, о чем, например, могут свидетельствовать записи в протоколе экстренного заседания Совета Эрмитажа от 26 мая 1919 г. «1. Слушали: С.Н.Тройницкий сообщает о возобновившихся попытках использовать эрмитажные сокровища в Москве для создания Музея западного искусства. Известие это, появившееся в газете “Жизнь искусства”, было подтверждено приехавшим из Москвы Покрышкиным, передавшим со слов Троцкой, что если Эрмитаж и Русский музей хотят отстоять свои вещи от поползновений И.Э. Грабаря, то А.А. Миллер и С.Н. Тройницкий должны немедленно выехать в Москву. С.Н. Тройницкий считает с принципиальной точки зрения всякие попытки захвата эрмитажной собственности недопустимым, с практической же считает возможным согласиться на распаковку картин, которые могут попортиться от долгого лежания в ящиках и которым в упакованном виде скорее угрожает разгром, ограничив это согласие рядом определенных условий и истребовав часть ящиков обратно в Эрмитаж.

Л.А. Мацулевич указывает, что опасность угрожает не только картинам, так как византийские древности Щекотов уже считает своими и высказывал это в разговоре с ним. В.В. Струве высказывает опасение, вернутся ли вещи, будучи распакованы в Москве, обратно в Эрмитаж. <...> О.Ф. Вальдгауэр считает, что выставку эрмитажных вещей может устраивать лишь Эрмитаж сам»⁴⁸. Вопросы о судьбе эвакуированных ценностей ещё не раз поднимались на заседаниях Совета⁴⁹.хлопоты увенчались успехом — 23 июня 1920 г. Совет Народных Комиссаров принял решение о реэвакуации коллекций после заключения мира с Финляндией⁵⁰. Когда началась упаковка их для дороги в Петроград, С.Н. Тройницкий был в Москве вместе с Г.С. Ятмановым. 19 ноября 1920 г. в Эрмитаж был благополучно доставлен последний ящик⁵¹ и, таким образом, реэвакуация была завершена. Первый ящик был вскрыт 20 ноября. А 22 ноября началась восстановление зала Рембрандта (в первоначальном виде), который удалось открыть для публики уже 28 ноября⁵².

На посту директора Эрмитажа С.Н. Тройницкий проявил себя не только как ученый и организатор, но и как прекрасный администратор. В 1920-е гг. он был занят самыми разнообразными делами: когда в Эрмитаже открылся факультет музейного дела, принял участие в комиссии, разрабатывавшей учебную программу; участвовал в организации выставки «Музей придворного быта»⁵³; в 1921 г. организовал выставку восточного и европейского фарфора; в 1922 г. открыл

От февраля к октябрю 1917. Архивные документы. СПб., 2017. С. 315–334. О реэвакуации эрмитажных коллекций см.: *Конивец А.Л.* О реэвакуации сокровищ Эрмитажа // *История Петербурга*. 2019. № 3. С. 84–91.

⁴⁸ *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа. С. 287.

⁴⁹ Эти вопросы поднимались и ранее. Так, например, речь о реэвакуации картин шла речь на заседании 12 ноября 1918 г. А 23 мая 1919 г. вновь обсуждалась «опасность захвата Москвой эрмитажных сокровищ», речь об этом шла также 3 июня, где опять высказывалось мнение о необходимости поездки в Москву сотрудников Эрмитажа. *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа. С. 280, 282.

⁵⁰ *Пиотровский Б.Б.* Ук. соч. С. 297.

⁵¹ Там же. С. 73, 298.

⁵² Там же. С. 298.

⁵³ Там же. С. 283–284.

«Галерею серебра»; в 1923 г. — выставку вееров XVIII в. и выставку «кружев, зеркала, мушечниц, табакерок, перстней и часов XVII–XVIII вв.»⁵⁴.

В послереволюционные годы коллекции Эрмитажа постоянно пополнялись предметами из национализированных частных собраний. Для приемки и учета поступавших в Эрмитаж вещей требовались специалисты. И, как это ни покажется странным, в это время в штат музея зачисляли сотрудников, которые ни по своему происхождению, ни по роду занятий и должностей, занимаемых ими до 1917 г., никак не соответствовали требованиям, отвечавшим запросам новой власти. Таким образом, Эрмитаж стал пристанищем для многих «бывших»⁵⁵. «Красный террор», если можно так сказать, был довольно милостив к этой категории служащих. Вероятно, свою роль сыграл «особый» статус Эрмитажа в глазах новой власти. Однако никто, конечно, не был защищен от внимания «органов», что нашло отражение в записях в «Журнале заседаний Совета Эрмитажа». Так, на заседании 4 июня 1919 г. «С.Н. Тройницкий сообщает, что в понедельник и во вторник 2 и 3 июня были арестованы из числа служащих Эрмитажа О.Ф. Вальдгауэр⁵⁶, М.Д. Философов⁵⁷ и С.Н. Казнаков⁵⁸. Постановили: принять к сведению». На заседании Совета Эрмитажа 11 июня С.Н. Тройницкий сообщил о том, что «что за истекшую неделю арестованы из числа служащих Эрмитажа Е.Г. Лисенков⁵⁹, М.Д. Философов и С.Н. Казнаков освобождены», а на заседании 18 июня — о том, что «в понедельник 16 июня были освобождены О.Ф. Вальдгауэр и Е.Г. Лисенков и арестован М.Т. Лорис-Меликов⁶⁰. Постановили: принять к сведению».

Судя по дошедшим до нас свидетельствам, Эрмитаж, как и РАИМК, в годы террора не оставался равнодушным к участи своих сотрудников. С.Н.Тройницкий в период своей службы на посту директора также участвовал в хлопотах по освобождению узников. В личном деле С.Н. Казнакова сохранились два обращения

⁵⁴ Там же. С. 306–308.

⁵⁵ *Конивец А.Л.* Эрмитаж и Эрмитажники в первые послереволюционные годы // Гулаг. Начало. Материалы всероссийской научно-практической конференции / Ред. Ю.З. Кантор, С.А. Шевирина. Пермь, 10–11 ноября 2017 г. Пермь, 2017. С. 106–107.

⁵⁶ Служил в Эрмитаже с 1904 г. В 1913 г. — хранитель, в 1918–1926 гг. — заведующий отделом древностей, в 1917–1926 гг. член Совета Эрмитажа, в 1926–1929 гг. заместитель директора, в 1929–1935 г. — заведующий Отделом античного общества. В 1920–1930 гг. работал в РАИМК/ГАИМК. Скончался в 1935 г.

⁵⁷ Сын члена Государственного Совета, министра торговли Д.А. Философова, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Был принят в Эрмитаж на должность ассистента по рекомендации А.Н. Бенуа. В 1925–1932 — ученый секретарь Эрмитажа. Арестован в 1933 г. Как «социально-опасный элемент», но после освобождения опять числится ученым секретарем. В 1935 г. был сослан в Самару (Куйбышев). В октябре 1937 г. арестован по доносу и расстрелян 15 февраля 1938 г.

⁵⁸ Сын генерал-губернатора Западной Сибири, члена Государственного Совета Н.Г. Казнакова, выпускник Александровского Императорского лицея, действительный статский советник, шталмейстер двора, служил в Министерстве иностранных дел, откуда в 1909 г. уволился по болезни; занимался генеалогией, коллекционировал предметы Екатерининской эпохи. Член Русского генеалогического общества. С ноября 1919 г. ассистент историко-художественного отдела Эрмитажа. В 1922 г. был арестован повторно и заключен в Бутырскую тюрьму. В 1924 г. был выслан из страны.

⁵⁹ До революции служил в Государственной Канцелярии, с июля 1917 г. — заведующий отделом гравюр.

⁶⁰ Родственник известного полководца и государственного деятеля. Все члены семьи Лорис-Меликовых были арестованы 16 июня 1919 г., впоследствии их выслали из России.

С.Н. Тройницкого в защиту арестованного, приговоренного в декабре 1922 г. к высылке из Петрограда. В одном из них, адресованном И.С. Уншлихту⁶¹, он писал: «Позволяю себе обратиться к Вам с просьбой от имени Эрмитажа об облегчении участи бывшего ассистента Эрмитажа Сергея Николаевича Казнакова, который приговорен к высылке во внутренние губернии. Между тем Казнаков не имеет никаких средств и будучи в преклонном возрасте (65 лет) и страдая глухотой, косноязычием и плохим зрением не может рассчитывать найти заработок и осужден на гибель. Ввиду вышеизложенного и возбуждается настоящее ходатайство о замене высылки во внутренние губернии оставлением в Петрограде или высылкой за границу»⁶². Во втором ходатайстве, направленном на Гороховую ул.⁶³, говорится: «Государственный Эрмитаж, ввиду возбуждения перед Москвой ходатайства об изменении меры административного взыскания, наложенного на бывшего ассистента Эрмитажа Сергея Николаевича Казнакова, Просит Вас об отсрочке обязательного выезда его из Петрограда во внутренние губернии. Директор Государственного Эрмитажа Тройницкий»⁶⁴.

Во время своего первого ареста С.Н. Казнаков провел в заключении пять дней. В дневнике, который он вел в те дни, он писал: «Мы пропали в когти Московской военной чрезвычайной комиссии, нагрянувшей из Москвы со всем своим штатом и действующей совершенно не зависимо от Гороховой» и сообщал о своих попытках связаться с Эрмитажем⁶⁵. В результате удалось добиться его освобождения и отсрочки высылки из Петрограда. В целом, на фоне кровавых событий, происходящих в это время, столкновения Эрмитажа с карательными органами проходили в достаточно «мягкой» форме. В уже упоминавшемся «тюремном дневнике» Н.Г. Казнакова описан курьезный случай, когда «...третьего дня, в субботу произведен был обыск в квартире антиквара Рудановского в связи с многомиллионной покупкой Комиссариатом Просвещения у одной Датской компании, коей он является представителем, массы старинных художественных предметов: бронзы, серебра, фарфора и картин. <...> При этом были арестованы не только он сам, его жена, компаньон и приходившие на квартиру лица, но и находившиеся там члены экспертной комиссии, официально приглашенной, чтобы дать свое заключение о художественном исключительно значении, но отнюдь не ценности покупаемых собраний. Между ними находились директор Эрмитажа С.Н. Т. (имеется в виду Тройницкий), А. Н. Бенуа ... и другие. Все они были задержаны, доставлены

⁶¹ И.С. Уншлихт — один из создателей ВЧК, выходец из Польши, как и Ф.Э. Дзержинский. Руководил высылкой интеллигенции из Москвы и Петрограда. С апреля 1921 года — заместитель председателя ВЧК—ГПУ. Арестован в 1937 г. по обвинению в шпионаже и расстрелян 29 июля 1938 г.

⁶² *Конивец А.Л.* Эрмитаж и Эрмитажники в первые послереволюционные годы. С. 112.

⁶³ Здесь в доме 2 располагалась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией (ВЧК).

⁶⁴ *Конивец А.Л.* Эрмитаж и Эрмитажники в первые послереволюционные годы. С. 113.

⁶⁵ См.: *Скурлов В.В., Рупасов А.И.* Дневник арестованного Чрезвычайной Комиссией при посещении Датского Красного Креста С.Н. Казнакова во время содержания его под стражей с 20 по 24 мая // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. С. 260; *Конивец А.Л.* Эрмитаж и Эрмитажники в первые послереволюционные годы. С. 111–112. После освобождения С.Н. Казнаков передал Эрмитажу большую часть своих коллекций — фамильные портреты, европейские гравюры, миниатюры на эмали, перламутре и золоте, медали екатерининской эпохи.

на Гороховую и после допроса отпущены с извинениями в тот же день или ночью. Сегодня, в Эрмитаже, они рассказывали свои впечатления»⁶⁶.

6 мая 1926 г. С.Н. Тройницкий был назначен председателем Правления Государственного Эрмитажа⁶⁷, и на этом посту ему пришлось соприкоснуться с массой сложных ситуаций. В таком большом и значимом музее, где работало множество прекрасных специалистов, бывших к тому же людьми неординарными, в непростое время первых послереволюционных десятилетий, сталкивались разные интересы и представления о том, как должна быть организована работа. О том, какие страсти иногда вспыхивали в музее, можно судить по протоколу экстренного заседания Совета Эрмитажа 27 апреля 1927 г. «Директор Тройницкий С.Н. сказал, что при последнем его разговоре с начальником Главнауки Н.Ф. Петровым в Москве стало известно “то тяжелое положение, в котором находится Эрмитаж из-за постоянных разногласий между Директором и большинством правления”... “но помимо разногласий, происходивших на заседаниях Правления, отдельными лицами велась и ведется кампания персонального характера, вне стен учреждения, и таким образом, подготавливалось общественное мнение, неблагоприятное как Директору, так и Эрмитажу вообще”. В связи с этим С.Н. Тройницкий поставил вопрос о доверии к нему как к Директору и Председателю Совета. Он сообщил, что Н.Ф. Петров получил от И.А. Орбели заявление об отставке, мотивом которой выставлена невозможность для Орбели работать с Тройницким.

В свою очередь И.А. Орбели заявил, что до подачи заявления Петрову он подал соответствующее заявление Б.Н. Позерну, являющемуся лицом, инспектирующим наркомпросовские учреждения в Ленинграде, но ответа не получил. Он считает, что вопрос о недоверии к Директору мог поставить сам Н.Ф. Петров и высказывается против его обсуждения на Совете». В прениях Д.А. Шмидт, М.Д. Философов, В.В. Струве высказались против обсуждения, а М.И. Максимова и Д.А. Айналов — за. По результатам голосования (11 голосов — за, против — 5, 1 воздержался) было решено обсуждение всё же провести. После этого С.Н. Тройницкий передал свои полномочия М.Д. Философову, но тот отказался, и тогда Совет избрал председателем А.А. Ильина⁶⁸. Дальнейший ход обсуждения был зафиксирован таким образом: «М.И. Максимова говорит о том, что оппозиция Отдела древностей Директору в течение всех 8 с половиной лет известна всем. И.А. Орбели выступает против Тройницкого, отмечая нарушение им правил, установленных в Эрмитаже (курение в залах, доступ для осмотра Особой кладовой личных знакомых), разногласия с музеем Штиглица, Директор действует самостоятельно, без Правления.

⁶⁶ Скурлов В.В., Рупасов А.И. Дневник арестованного Чрезвычайной Комиссией при посещении Датского Красного Креста С.Н. Казнакова во время содержания его под стражей с 20 по 24 мая. С. 250–251.

⁶⁷ Вилинбахов Г.В. Сергей Николаевич Тройницкий. С. 178.

⁶⁸ А.А. Ильин (1858–1942) — выпускник Императорского Александровского лицея, действительный статский советник, гофмейстер Высочайшего двора, председатель Общества Красного Креста и владелец крупнейшего в России картографического издательства («Картографическое заведение А. Ильина», позже, после революции — «Первое государственное картографическое заведение», сейчас — ОАО «Военно-картографическая фабрика № 444»). С ноября 1918 г. — сотрудник Отдела нумизматики, член Совета Эрмитажа, с февраля 1920 г. — заведующий отделом. В 1921 г. был избран зам. директора по научной части. Умер в блокаду. См.: Конивец А.Л. Эрмитаж и Эрмитажники в первые послереволюционные годы. С. 107.

А.А. Ильин просит Орбели сократить свое выступление, так как ему слово предоставлено не для доклада. Орбели заявляет, что он подчиняется указанию председательствующего. После прений и пререканий решается вопрос «может ли Совет и впредь работать с Тройницким, как с Директором и Председателем Совета». В результате тайного голосования было подано 12 «записок» за, 2 — против, 4 — воздержались⁶⁹.

По-видимому, конфликтные ситуации продолжали возникать, и уже в мае 1927 г. по постановлению коллегии Народного комиссариата просвещения С.Н. Тройницкий был освобожден от должности директора, с оставлением его в должности заведующего Отделом прикладного искусства⁷⁰. Временно исполняющим обязанности директора стал О.Ф. Вальдгауэр, который в феврале следующего года по собственной просьбе был от этой должности освобожден. После него врио директора Эрмитажа был назначен Г.В. Лазарис. Наконец, 1 декабря 1928 г. директором Эрмитажа стал П.И. Кларк⁷¹, но через год ушел на пенсию. «Чехарда директоров» продолжилась, что, впрочем, не оказывало существенного влияния на деятельность музея⁷².

В сентябре 1928 г. С.Н. Тройницкий был включен в состав печально известной Экспортно-оценочной комиссии Ленинградского отделения Главной конторы Госторга РСФСР «Антиквариат»⁷³. Нам трудно сейчас представить себе душевное состояние специалиста, посвятившего свою жизнь изучению произведений искусства, человека, преданного музейному делу, волей рока вовлеченного в деятельность чудовищной машины, призванной вывозить безвозвратно за рубеж музейные ценности, собиравшиеся веками. Остаться в стороне от этого процесса не представлялось возможным. И не только потому, что сложно было уклониться от участия в оценочных комиссиях. Вероятно, большую роль играла возможность хоть сколько-нибудь повлиять на процесс отбора вещей, пытаясь в каждом конкретном случае ограничить количество приговоренных к вывозу шедевров, «спасти» наиболее ценные экспонаты и т. п. Среди сотрудников музеев не раз предпринимались попытки опротестовать то или иное решение, сопротивляться процессу в целом, что в конечном итоге со временем способствовало прекращению «торговли искусством». Сохранились две докладные записки С.Н. Тройницкого, направленных директору Эрмитажа П.И. Кларку (копии зам. Главнауки т. Лиэ⁷⁴ и уполномоченному НКП т. Позерну⁷⁵). В одной из них говорилось о передаваемой для продажи живописи. «Уведомившись о распоряжении срочно

⁶⁹ Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. С. 314–315.

⁷⁰ Там же. С. 77.

⁷¹ П.И. Кларк (1863–1940) — профессиональный революционер, несколько раз эмигрировал в Австралию, где стал одним из создателей компартии Австралии. Во время революции был одним из руководителей Читинской республики.

⁷² Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. С. 78–79.

⁷³ Вилинбахов Г.В. Сергей Николаевич Тройницкий. С. 178.

⁷⁴ В. Лиэ — заведующая музейным отделом Главнауки.

⁷⁵ Б.П. Позерн — советский партийный и государственный деятель. В 1926–1929 гг. — уполномоченный Наркомпроса в Ленинграде, ректор Коммунистического университета им. тов. Зиновьева. С 1925 года — секретарь Ленинградского губернского комитета (губкома), а затем областного комитета (обкома) ВКП(б). В 1929–1933 гг. — секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), затем заведующий отделом культуры и пропаганды обкома. В 1938 г. был арестован как «враг народа» и расстрелян 25 февраля 1939 г.

передать в Госторг две с лишним тысячи картин, предназначенных к выделению для экспорта комиссией т. Исакова, считаю своим долгом как уполн[омоченный] НКП по выделению из Эрмитажа для экспорта художественных ценностей и как заведующий Отд. Прикладного искусства Гос. Эрмитажа, возражать против этого распоряжения, могущего иметь вредные для государства последствия по следующим причинам.

1. Работа по расслоению запасов Картинной галереи Гос. Эрмитажа происходила в условиях не только не гарантирующих интересы музея, но, напротив, обеспечивающих нарушение этих интересов в отношении переустройства всей экспозиции на новых основаниях, т. к. заключение давал только один зав. Картинной галереи т. Шмидт⁷⁶, на решение вопроса о необходимости данного объекта для экспозиции Эрмитажа предоставлялось в среднем около 30 секунд и совершенно не были приняты во внимание интересы Отд. Прикладного искусства <...>

2. Подобная срочная передача свыше 2000 музейных объектов, без их фотографирования, несомненно, поведет к целому ряду недоразумений. <...> Срочная передача 2000 картин, несомненно, приведет и к порче целого ряда из них.

3. Срочная передача такого огромного количества картин ленинградской конторе «Антиквариата» является нецелесообразной и потому, что там не имеется достаточного помещения для безопасного хранения всего этого колоссального материала и что в запасах конторы находятся и без того несколько сот картин, совершенно непроработанных и неоцененных. Следовательно, подлежащие передаче картины будут очень долгое время лежать в условиях худших, чем в Эрмитаже, и без всякой проработки, особенно ввиду отъезда за границу двух членов экспертно-оценочной комиссии.

4. Кроме того, означенные картины уйдут из Эрмитажа без соблюдения основных условий Эрмитажа: просмотра их внутренней комиссией Эрмитажа и составления оценочных актов.

Ввиду всего нижеизложенного считаю срочность передачи не только обоснованной, но и грозящей нанесением прямого ущерба интересам государства, о чем и считаю своим долгом довести до Вашего сведения»⁷⁷.

Во второй записке речь шла о произведениях прикладного искусства: «Ввиду возможных недоразумений в связи с работой комиссии т. Исакова во вверенном мне Отделении, считаю своим долгом письменно изложить свое мнение, которое я устно неоднократно высказывал, о нецелесообразности постановки этой работы.

1. Совершенно невозможно, при отсутствии в достаточной мере конкретного плана новой экспозиции Отдела, решать, что необходимо для будущей экспозиции, а что может быть без ущерба выделено для экспорта, особенно когда на каждый предмет тратится от 20–30 секунд. Следствием чего, несомненно, будет ряд непоправимых ошибок.

2. Поскольку ни один из членов комиссии не только не может судить о необходимости того или другого предмета для нужд Эрмитажа, но и не обладает знаниями, необходимыми для квалификации подлежащих осмотру предметов и опре-

⁷⁶ Д.А. Шмидт (1876–1933) — выдающийся искусствовед и музейный деятель, зав. Картинной галереей Эрмитажа.

⁷⁷ Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. С. 431–432.

деления их во времени и пространстве, я являюсь, по существу, единственным экспертом в этом вопросе, и, следовательно, присутствие при работе от 2–5 членов комиссии, из которых один ведет под мою диктовку запись, является непроизводительной тратой рабочего времени...»

Далее следуют ещё пять пунктов и заключение: «Ввиду всего вышеизложенного позволяю себе утверждать, что работа комиссии т. Исакова, нарушая музейную работу Эрмитажа и не гарантируя соблюдения его интересов, не может иметь и реальных положительных результатов для дела экспорта антикварных ценностей»⁷⁸.

В конце 1929 г. С.Н. Тройницкий составил рапорт, отражавший «провальные» итоги финансовых операций: «С начала усиления компании по экспорту антикварных ценностей, т. е. с января 1928 г. по январь 1930 г. Эрмитажем было выделено для реализации свыше 4000 предметов на общую сумму 3 531 216 руб. Вся тяжесть этого задания легла на Отдел Картинной галереи и Отдел прикладного искусства. Из Картинной галереи было выделено 425 картин почти исключительно первоклассного достоинства и 438 листов превосходных гравюр на сумму 1 679 480 руб. (в эту сумму не входят 34 картины, сданные “Антиквариату” в июне 1929 г. и еще не получившие оценки). <...> Параллельно с этим с марта по июль 1929 г. в Отделах Картинной галереи и прикладного искусства работала правительственная комиссия, выделявшая из запасов Отделов “все, не представляющее для музея существенной необходимости”. В результате выделения “Антиквариату” было передано около 2500 картин. <...> Таким образом, за два года “Антиквариат” получил из Эрмитажа около 17 000 предметов, в том числе много совершенно исключительного значения на сумму от 4 500 000–5 000 000 руб. Реализация, по имеющимся в Эрмитаже официальным данным, дала до сего времени 386 935 р. 43 коп. Фактически можно предположить сумму большую, но все же не достигающую миллиона, т. е., в лучшем случае, реализовано около 20 % суммы, причем 1/4 этой суммы получена от продажи одной из выделенных картин. <...> Экстренные, проводимые жестким давлением выделения, производимые в настоящее время в Эрмитаже, будут иметь еще гораздо более пагубные последствия»⁷⁹.

В 1930 г. благодаря твердой и принципиальной позиции С.Н. Тройницкого удалось отстоять полутонну раку Александра Невского, переданную в Эрмитаж из Лавры, которой грозила переплавка. Вот как он обосновал отказ в своей докладной записке⁸⁰: «Ввиду того, что имеется предположение использовать раку Александра Невского в качестве металла, считаю своим долгом высказать нижеследующее: Рака Александра Невского является исключительным художественным произведением середины XVIII века и в настоящее время почти единственным в мире памятником такого рода. Она была выполнена русским мастером по проекту, несомненно, принадлежащему знаменитому зодчему Растрелли. Вместе с тем,

⁷⁸ *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа. С. 432–433. См. также: *Жуков Ю.Н.* Сталин: Операция «Эрмитаж». М.: Концептуал, 2019. С. 36–37.

⁷⁹ Цит. по: *Соломаха Е.Ю.* Распродажа запасов картинной галереи Эрмитажа и мировой кризис 1929 г. // Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи. 1929. Архивные документы. Ч. 2. / Ред. М.Б. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. С. 11.

⁸⁰ В акте комиссии отмечено: «Протест С. Тройницкого при сем прилагается». *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа. С. 386.

рака представляет собою и культурно-исторический памятник исключительного значения и широко используется по линии антирелигиозной пропаганды. Вес ее несомненно далеко не так значителен, как это принято думать, так как самая крупная часть сооружения состоит из тонких листьев, положенных на дубовую основу. Следовательно, такой уникальный и вошедший в музейную работу памятник может оказаться уничтоженным для получения сравнительно ничтожной суммы, что, конечно, вряд ли может считаться целесообразным»⁸¹.

В акте, составленном 13 декабря 1930 г., С.Н. Тройницкий и заведующая отделом Запада Т. Л. Лиловая написали: «В Скифском отделе золота и серебра немусейного значения не обнаружено»⁸², не допустив тем самым продажу археологических артефактов. Но, конечно, многие акты о передаче вещей приходилось подписывать. Так, например, в акте от 4 сентября 1929 г. упоминаются «94 предмета из золота и серебра: золотые табакерки, тарелки, ложки. Всего на сумму 110 025 руб.» и «75 предметов на сумму 463 000 руб.: золотые табакерки (среди них петербургских мастеров Кейлера и Адора), коробочки, чаши, часы, блюда, табакерки, стаканы и др.»⁸³.

20 мая 1929 г. С.Н. Тройницкий официально покинул ГАИМК и был исключен из ее штата⁸⁴. 1 октября 1930 г. Отдел прикладного искусства, которым он заведовал в Эрмитаже, был расформирован, и Сергей Николаевич стал просто сотрудником Отдела Запада. 5 ноября 1930 г. его уволили по сокращению штата экспертно-оценочной комиссии Государственной торговой конторы «Антиквариат» с оставлением в дальнейшем в качестве консультанта⁸⁵.

Серьезные изменения в жизни С.Н. Тройницкого произошли осенью 1931 г. 3 сентября он вернулся из отпуска, а уже 19 сентября по постановлению апелляции тройки при Ленинградской областной РКИ по чистке Госаппарата он был снят с работы по III категории с предложением приступить к сдаче оставшегося в его ведении музейного материала и запрещением занимать административно-руководящие должности на 3 года⁸⁶. При проведении «чистки» выступавшие против С.Н. Тройницкого сотрудники Эрмитажа О.О. Крюгер, Г.Ю. Вальтер, И.М. Лурье и сотрудник ГАИМК Е.Ю. Кричевский говорили не только о несовместимости его происхождения с работой в советском учреждении, но и о незначительности его научных занятий: геральдика, табакерки, веера. На это С.Н. Тройницкий справедливо возражал: «Геральдика нужна для науки и нет ни одной вещи, не заслуживающей внимания. Не уделяя внимания таким “мелочам”, нельзя понять искусство, памятники ушедших веков».

После ухода из Эрмитажа С.Н. Тройницкий был принят в штат «Антиквариата» на должность эксперта-специалиста по прикладному искусству, откуда он был уволен 7 марта 1935 г. в процессе следствия, открытого по его «делу». После убий-

⁸¹ Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. С. 381, 386.

⁸² Там же. С. 387.

⁸³ Там же. С. 378.

⁸⁴ Вилинбахов Г.В. Сергей Николаевич Тройницкий. С. 178.

⁸⁵ Там же. С. 179.

⁸⁶ Вилинбахов Г.В. Сергей Николаевич Тройницкий. С. 179. Увольнение С.Н. Тройницкого по времени совпало с очередным «витком» продаж музейных ценностей Ленинграда. Незадолго до этого он указал в документах явно заниженную стоимость вещей из Строгановского дворца (300 тысяч рублей при реальной цене около 5 миллионов), надеясь, что интерес к их продаже пропадет.

ства С.М. Кирова полным ходом шла очередная «чистка» Ленинграда от «социально-чуждых элементов». В ходе этой операции постановлением Особого Совещания при НКВД от 4 марта 1935 г. С.Н. Тройницкий и его жена М.В. Борисова-Мусатова⁸⁷ были приговорены к ссылке в Уфу сроком на 3 года. Решение было вынесено с молниеносной быстротой, следствие длилось всего 3 дня⁸⁸. По тем суровым временам многим этот приговор показался бы достаточно мягким.

Мы мало знаем о жизни семьи Тройницких в ссылке. Известно, что их навещил в Уфе художник Е.Е. Лансере. По дошедшим до нас отрывочным воспоминаниям современников С.Н. Тройницкий не утерял свойственных ему качеств — живости характера, оптимизма, активности, умения находить новые интересные занятия.

В Уфе Тройницкие жили на берегу реки Белой, рядом с бывшим Благовещенским женским монастырём на улице Горького (ныне Сочинская). Дом этот сохранился до наших дней. Тогдашний сосед Тройницких по дому Е.Ф. Волков рассказывал, что ссыльный ленинградец заметно отличался от других соседей. И не только внешним видом: его эрудиция и способность отвечать на многие вопросы, притягивала к нему уфимских мальчишек. «Все почему-то считали его писателем. Вот и 10-летнему Жене, который чуть ли не ежедневно поднимался к нему на второй этаж, Сергей Николаевич с удовольствием показывал старинные книги, давал читать их, объяснял то, что непонятно. И рассказывал разные увлекательные истории. Ну а в жаркие деньки ватага мальчишек с высоченным дядей Серёжей во главе спешила к речке... <...> Благодаря ему в доме появилась почти настоящая метеостанция, он вёл с дворовыми мальчишками наблюдения за погодой, атмосферным давлением, температурой и влажностью воздуха. Организовал выпуск стенгазеты, сам рисовал для неё»⁸⁹.

После ссылки Тройницкие приехали в Москву. Глава семьи устроился на работу научным сотрудником Музея фарфора и фаянса в Кускове⁹⁰. В 1941 г. он стал

⁸⁷ В первом браке С.Н. Тройницкий был женат на В.А. Тройницкой, урожденной Тимрот (1878–1942), родившей двух дочерей — Наталью и Елену. Его второй женой была М.А. Тройницкая, урожденная Панченко (1889–1954), в первом замужестве Яремич. Третьей стала дочь известного художника, М.В. Борисова-Мусатова (1905–1991). Она была художником и книжным графиком, училась в Ленинградском художественно-промышленном училище (1924–1928 гг.). Её учителями были В.Н. Левитский и В.С. Сварог. Сотрудничала с издательствами Ленинграда и Москвы. После возвращения из ссылки жила в Москве и Тарусе. В числе наиболее известных книг, оформленных и иллюстрированных ею, были: «Диккенс» Г. Честертона (1929), «Дневник капитана Скотта» (1934), «История ацтеков» Д. Вайяна (1949), «Ёлка в Сокольниках» А.Т. Кононова (1952), «Русское народное искусство» М. Ильина (1959) и другие. Была художником-оформителем литературно-художественного альманаха «Тарусские страницы» (1961). Эл. ресурс «Под сенью Борисова-Мусатова. Елена Александрова и Марианна Борисова-Мусатова» <http://www.museum.ru/N46519> (дата обращения 08.11.2021).

⁸⁸ Ко времени ареста С.Н. Тройницкий жил на наб. 9 января (сейчас — Дворцовая наб.) в д. 32, кв. 29. О его следственном деле подробнее см.: *Максименко Л.В.* С.Н. Тройницкий (К материалам биографии) // Клио. 1999. № 1(7). С. 302–308.

⁸⁹ Сведения о жизни С.Н. Тройницкого в уфимской ссылке взяты из статьи: *Чечуха А.Л.* Эрмитажники. Ч. 2, опубликованной в эл. журнале «Уфа» №10 (215). Октябрь 2019 <https://www.journal-ufa.ru/index.php?num=215&id=55119e> (дата обращения 08.11.2021).

⁹⁰ По иронии судьбы в бытность консультантом «Антиквариата» он в составе «Особой ударной бригады» посетил музей и подписал акт от 13.07.1930 об изъятии целого ряда ценных фарфоровых изделий. Подробнее см.: *Юркова С. А.* Фарфор «для реализации». История утрат государственного музея керамики // Третьяковская галерея. 2021. № 2 (71). С. 165.

П.П. Кончаловский. Портрет искусствоведа С.Н. Троицкого. 1943 г. (<http://yandex.ru/images/search/journal-ufa.ru/F215-55119>, дата обращения 08.11.2021)

Москвой⁹¹. Ему было всего 66 лет — возраст, который в наши дни обычно не ассоциируется со старостью...

Этот талантливый исследователь оставил яркий след в отечественном искусствоведении и геральдике. Ему, человеку творческому, энергичному, не боявшемуся брать на себя ответственность сложных решений, удалось сделать многое в период его работы в Эрмитаже и РАИМК. Велика и его роль в деле сохранения эрмитажных ценностей — в трагический период государственной торговли музейными ценностями он старался делать все, от него зависящее, для того, чтобы свести к минимуму потери. Работавший в Эрмитаже в 1919–1925 гг. художник А.Н. Бенуа так писал о С.Н. Троицком в письме М.В. Добужинскому: «Он сохранил такое многое, и был единственным человеком, который с честью справился с такой для всякого другого непосильной задачей, который как раз своей энергией, своим административным талантом годами спасал Эрмитаж...»⁹². Возможно, такая оценка покажется нам сейчас немного «завышенной», но в целом она близка к реальной.

⁹¹ Туберкулез у С.Н. Троицкого диагностировали в 1942 г. См.: *Вилинбахов Г.В. Сергей Николаевич Троицкий*. С. 180.

⁹² Бенуа А.Н. *Художественные письма. 1930–1936* / Сост. И.П. Хабаров. М.: Галарт, 1997. С. 207.

Мстислав Владимирович Фармаковский (1873–1946)

Ю.А. Виноградов, И.Ю. Шауб

В археологической среде имя М.В. Фармаковского¹ всегда вспоминают с неизменным уважением, но крупных исследовательских работ, посвящённых его научной деятельности в области археологии, пока не существует². Практически то же самое можно сказать о нём, как о крупном музейном деятеле³. Как художник, критик и журналист он вообще почти забыт⁴. Не удивительно, что литературовед В. Полушин почему-то назвал Мстислава Владимировича Мстиславом Фёдоровичем, а местом его рождения ошибочно признал Пензу⁵. На такое положение дел нельзя смотреть безучастно! Масштаб личности М.В. Фармаковского, его многосторонняя одарённость, безусловные заслуги перед русской наукой и русским искусством настоятельно требуют обратиться к детальному анализу его жизненного и научного пути. В формате статьи этого, разумеется, сделать не удастся, но и такой опыт, как представляется, будет не бесполезным.

Сын учителя (затем инспектора и директора народных училищ), младший брат знаменитого археолога Бориса Владимировича Фармаковского родился в Вятке 3 сентября 1873 г. Как и старший брат, гимназическое образование он получил в Одессе в Ришельевской гимназии, а высшее — в Новороссийском университете по классическому отделению Историко-филологического факультета. Его учителями были проф. Э.Р. фон Штерн и А.А. Павловский. Классической археологией

¹ В качестве заставки использована фотография М.В. Фармаковского в ГАИМК. 1936 г. (ФО НА ИИМК РАН. О.929.44).

² Иессен А.А. Мстислав Владимирович Фармаковский (1873–1946) // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С. 165–167; Бобровская Е.В., Алёкшин А.В. Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014). СПб., 2013. С. 391–392.

³ Корнилов П. М.В. Фармаковский // Сообщения Государственного Русского музея. 1947. № 2. С. 48–49; Андреева И.В. «Всё зрительно безграмотное должно быть неумолимо изгоняемо с выставки» (М.В. Фармаковский об эргономике экспозиции) // Гороховские чтения. Материалы Третьей региональной музейной конференции. Челябинск, 2012. С. 350–357.

⁴ Выскочков Л.В., Сокурова О.Б., Шелаева А.А. «Звёздный» журнал Николая Гумилёва и Мстислава Фармаковского // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 18.

⁵ Полушин В. Николай Гумилёв. Жизнь расстрелянного поэта. М., 2015. С. 91.

М.В. Фармаковский стал заниматься с первого года пребывания в университете под руководством Э.Р. Штерна. О тех годах он писал в автобиографии: «При очень большой семье и весьма низкой оплате труда педагогов отцу жилось очень трудно»⁶. Это было причиной того, что уже с 15-ти лет я должен был зарабатывать грошовыми уроками деньги на свою одежду, а с 17-ти лет на всё своё содержание. Усилия семьи были направлены, главным образом, на всестороннюю подготовку старшего брата (Бориса Владимировича. — Ю.В., И.Ш.), который должен был сделаться в случае смерти отца опорой семьи»⁷. О заграничных образовательных поездках ему, конечно, приходилось только мечтать.

Между тем уже тогда у молодого человека проявился интерес не только к изучению памятников античной культуры, но и к вопросам их сохранения. В 1892 г. в Одесском музее М.В. Фармаковский выполнил первую работу по восстановлению античной керамики. Он также подготовил иллюстрации к целому ряду публикаций в Записках Одесского Общества истории и древностей, за эти работы был избран сотрудником этого Общества в 1896 году. Им был составлен весь художественно-научный аппарат исследования Э.Р. фон Штерна об античной керамике, найденной при раскопках Феодосии⁸. Помимо того, Мстислав Владимирович активно помогал своему брату в его работе по изучению аттической вазовой живописи и её связи с монументальным искусством Эллады. Им были подготовлены рисунки и выполнена реконструкция картины Полигнота «Аид», известной по описанию Павсания (Paus. X. 28–31). Насколько близкой к оригиналу была эта реконструкция, сказать трудно, но сама попытка приблизиться к пониманию древней картины на основании описания и росписей краснофигурных ваз первой половины V в. до н. э. заслуживает одобрения. Б.В. Фармаковский остался доволен этой работой и выразил «любезному брату» свою благодарность⁹.

Университет был окончен в 1895 г., за дипломное сочинение «Известия Геродота о скифах и стране, ими занимаемой» М.В. Фармаковский был награждён большой золотой медалью. Этот факт красноречиво свидетельствует, насколько высока была подготовка молодого человека в области древних языков. Не удивительно, что Мстислав Владимирович получил приглашение остаться в Университете при кафедре сравнительного языкознания, но он отказался от него, решив продолжить художественное образование¹⁰. В том же 1895 г. М.В. Фармаковский поступил в Одесское художественное училище Общества изящных искусств, ко-

⁶ В семье Фармаковских было пятеро детей — три сына и две дочери.

⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 53, 65, 80. Думается, что фраза о «весьма низкой оплате труда педагогов» в дореволюционной России является некоторым преувеличением. Прадед одного из авторов этой статьи, будучи преподавателем математики и физики в Петришуле и Анненшуле, до 1917 года нанимал на Васильевском острове квартиру из шести комнат и содержал не только семью из шести человек, но и постоянную прислугу.

⁸ Штерн Э.Р. Феодосия и её керамика. Одесса, 1906.

⁹ Фармаковский Б.В. Аттическая вазовая живопись и её отношения к искусству монументальному в эпоху непосредственно после Греко-персидских войн. СПб., 1902. С. VII.

¹⁰ В биографиях учёных людей не часто уделяют внимание их военной службе. В этом отношении стоит отметить, что 1 октября 1895 г. М.В. Фармаковский поступил на службу вольноопределяющимся в звании канонира в 4-ю батарею 15-й артиллерийской бригады. 10 января 1896 г. он был произведён в бомбардиры, 14 мая — в младшие фейерверкеры, 10 сентября выдержал экзамен на чин прапорщика запаса. Из армии Мстислав Владимирович был уволен в запас 3 октября 1896 г., а 2 декабря произведён

Фармаковский М.В. «Чтение священного писания»

торое окончил в 1899 г. с большой серебряной медалью. Осенью этого года «при поддержке отца, брата и родителей жены» он уехал в Германию, где поступил в Академию художеств в г. Дюссельдорфе в класс профессора Э.Ф. Гебхардта, эстляндского уроженца, мастера исторической живописи¹¹. Здесь М.В. Фармаковский работал до конца 1902 года, выставляя свои произведения на различных выставках. Его картина «Перед обедней» была приобретена для Галереи проф. Вольфа в Берлине, а «Амфитрита», писанная новой энкаустикой, — для Художественно-технического музея Шенфельда при его фабрике красок в Дюссельдорфе¹². В своей автобиографии, составленной в 1929 г., Мстислав Владимирович, в частности, отметил: «Мне удалось ознакомиться и с музеями Голландии и Бельгии, где все путешествия я делал пешком с известным немецким художником-декоратором К. Зейффертом, по профессии кельнским рабочим-маляром»¹³.

Надо сказать, что художественное наследие М.В. Фармаковского довольно обширно, но всё ещё слабо изучено. Известны два живописных цикла Мстислава Владимировича — «Жизнь» и «Эльдорадо». Его талант рисовальщика, графика и акварелиста был широко признан. Картина М.В. Фармаковского «Чтение священного писания» была воспроизведена в популярном журнале «Нива» (1903 г. № 24. С. 472). Помимо увлечения живописью, он в это время также занимался изучением техники изготовления красок и переплётным делом.

в прапорщики запаса полевой артиллерии (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 321. Л. 1–2). В этом звании он встретил Первую мировую войну.

¹¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 689. Л. 7; Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 65, 80.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 7; РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 54.

«Жизнь за границей, — признавался Мстислав Владимирович, — приучила меня к сравнительно большой свободе. Возвращение в Россию (1902 г.) произвело потрясающее впечатление»¹⁴. Вернувшись на родину, М.В. Фармаковский с 1902 по 1906 г. трудился в частных литографиях Одессы, а также возобновил занятия у Э.Р. фон Штерна, принимая участие в его раскопках в Петренах, Аккермане и пр. В конце 1905 г. он стал сотрудником, а затем редактором революционно-сатирического журнала «Звон». К началу 1906 г. было выпущено два номера этого журнала, материалы третьего были конфискованы. Полиция журнал закрыла, и Мстислав Владимирович был вынужден уехать за границу — сначала в Италию, затем в Германию и Францию¹⁵.

С осени 1906 г. М.В. Фармаковский проживал в Париже, где занимался химией (в Сорбонне) и техникой различных видов прикладного искусства, в том числе техникой витражей. Совершив поездку в Лондон, Мстислав Владимирович «старательно ознакомился с главнейшими музеями». В своей автобиографии он отметил, что два с половиной года второго заграничного пребывания «прошли в самой кипучей, неустанной работе»¹⁶, и в этом никак нельзя сомневаться. Однако в этой автобиографии, да и во всех других, находящихся на хранении в НА ИИМК РАН, М.В. Фармаковский умолчал об одном весьма важном, на наш взгляд, событии.

Дело в том, что той же осенью 1906 года в Париже состоялось его знакомство с поэтом Николаем Степановичем Гумилёвым¹⁷, которое быстро переросло в дружбу. Тогда же они замыслили издавать первый русский литературно-художественный журнал в Париже, получивший название «Сириус»¹⁸; Мстислав Владимирович стал соредактором поэта. Художественный отдел поначалу возглавил художник Александр Иванович Божерянов, который нарисовал и эскиз обложки. Но в последнем номере в качестве редактора этого отдела уже фигурирует М.В. Фармаковский. «Этот журнал, — по словам Н.И. Николаева, — не привлёкший в своё время внимания читающей публики, упоминают прежде всего биографы Н.С. Гумилёва в качестве первого примера издательской деятельности поэта, а также исследователи творчества Анны Ахматовой, поскольку во 2-м номере «Сириуса» состоялась её первая публикация»¹⁹.

В начале 1907 г. увидели свет три номера этого небольшого, но весьма претенциозного журнала, ориентированного одновременно и на элегантные «Весы» Брюсова, и на роскошное «Золотое руно» Рябушинского. «Однако исходя из обращения «От редакции», составленного Гумилёвым, можно думать, что его издатель претендовали на большее», — справедливо замечает Н.И. Николаев²⁰. Гумилёв

¹⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 689. Л. 7; Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 65 об., 81 об.

¹⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 689. Л. 7 об.; РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 54, 81 об.

¹⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 689. Л. 7.

¹⁷ Лукницкий П.Н. Труды и дни Н.С. Гумилёва. СПб., 2010. С. 96.

¹⁸ Николаев Н.И. Журнал «Сириус» (1907 год) // Николай Гумилёв. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 310–316; Полушин В. Николай Гумилёв. Жизнь расстрелянного поэта. М., 2015. С. 91–92; Высокочков Л.В., Сокурова О.Б., Шелаева А.А. «Звёздный» журнал Николая Гумилёва и Мстислава Фармаковского. С. 16–22.

¹⁹ Николаев Н.И. Журнал «Сириус» (1907 год). С. 310.

²⁰ Там же. С. 311.

обещал читателям «Сириуса»: «Мы дадим в журнале новые ценности для изысканного миропонимания и старые ценности в новом аспекте <...> Мы не будем поклоняться кумирам, искусство не будет рабыней для домашних услуг. Ибо искусство так разнообразно, что свести его к какой-либо цели хотя бы и для спасения человечества есть мерзость перед Господом»²¹. Это направление журнала Н.С. Гумилёв подтверждает и в письме В.Я. Брюсову: «Его направление будет новое, и политика тщательно изгоняема»²². Можно согласиться с Н.И. Николаевым, что «декларация подобного направления в годы русской революции и в достаточной степени политизированной среде русских парижан была сама по себе явлением достаточно необычным»²³.

На страницах «Сириуса» М.В. Фармаковский выступил с критическими статьями о русском искусстве (во всех трёх номерах, без подписи), опубликовал свой «эюд» «о развратной, но роскошной Помпее», а также несколько репродукций своих картин и графических работ. Стоит отметить, что издание журнала осуществлялось на его средства, при этом на третьем номере, за отсутствием денег у издателя, журнал прекратил своё существование²⁴. В одном из писем к С. фон Штейну (13 марта 1907 г., из Киева) А.А. Ахматова (тогда еще Горенко) прозорливо писала: «Зачем Гумилев взялся за “Сириус”? Это меня удивляет и приводит в необычайно весёлое настроение. Сколько несчастиев наш Микола перенёс и всё понапрасну! Вы заметили, что сотрудники почти все так же известны и почтенны, как я? Я думаю, что нашло на Гумилева затмение от Господа. Бывает»²⁵.

Н.С. Гумилёв посвятил творчеству М.В. Фармаковского очень интересную статью, которую начал следующими словами: «Всякий, кто впервые войдёт в ателье Фармаковского, и хотя бы рассеянно взглянет на его рисунки, испытывает странное чувство. Ему покажется, что не на холсте или бумаге, а в его собственном мозгу возникли эти невиданные пейзажи, с деревьями и цветами, похожими на грёзы больного индуса»²⁶. Поэт отметил также, что «в картинах Фармаковского свистит пронзительный ветер, призывающий нас побороться с потусторонними уродами, которые притазились в наш мир и глядят зловеще и тупо»²⁷.

В 1908 г. М.В. Фармаковский написал портрет своего друга, изобразив его истинным денди — во фраке и с веером в прекрасной руке²⁸. Считается, что Мстислав

²¹ Гумилёв Н. От редакции <журнала «Сириус»> // Гумилёв Н. Сочинения в трёх томах. Т. 3. М., 1991. С. 218.

²² Николаев Н.И. Журнал «Сириус» (1907 год). С. 311.

²³ Там же.

²⁴ Лукницкий П.Н. Труды и дни Н.С. Гумилёва. С. 107.

²⁵ Прочитывая этот отрывок из письма (и скрыв имя адресата), Э.Ф. Голлербах, коллега М.В. Фармаковского по работе над книгой «Русский художественный фарфор», комментирует: «Выражения “известны” и “почтенны” нужно понимать здесь в ироническом смысле, так как Ахматова приобрела популярность позже Гумилёва» (Голлербах Э.Ф. Из воспоминаний о Н.С. Гумилёве // Николай Гумилёв в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 16)

²⁶ Гумилёв Н. М.В. Фармаковский. Artiste-peintre (Письмо из Парижа) // В мире искусств. 1907. № 22–23. С. 20.

²⁷ Там же.

²⁸ Сейчас портрет хранится в Музее Института русской литературы (Пушкинский дом).

Фармаковский М.В. «Портрет Н.С. Гумилёва»

Владимирович никогда не отказывался от дружбы с Н.С. Гумилёвым, сохранив верность памяти поэта после его трагической гибели²⁹, хотя после Парижа тесные контакты между ними прекратились³⁰. Стоит отметить, что, по воспоминаниям М.В. Фармаковского, Н.С. Гумилёв последний раз приезжал к нему в Петергоф, где он поселился после возвращения из-за границы, в конце 1908 г.³¹ Понятно, что афишировать дружбу с расстрелянным поэтом в Советском Союзе было смертельно опасно, и не удивительно, что об этом важном факте биографии Мстислава Владимировича стали писать лишь сравнительно недавно.

Находясь за границей, М.В. Фармаковский принимал участие в различных художественных выставках, некоторые его произведения в области декоративно-прикладного искусства по заслугам получили высшие награды. Помимо того, как сам художник отмечал в своей автобиографии, он «исполнял рисунки для ювелирных вещей, посуды, обоев, кружев, литографии для различных фирм, лиц и художественных журналов», в том числе рисунки для журнала «Сириус»³², о котором речь шла выше. Любопытно, что через много лет в графе «Специальное образование» официальной анкеты ГАИМК он, помимо вышеупомянутых учреждений, назвал Фарфоровый завод в Нанси³³. Можно признать, что парижский период стал звёздным часом в судьбе художника³⁴.

«Необходимость более надёжного и прочного обеспечения оставшейся в России семьи, — как М.В. Фармаковский писал в автобиографии, — побудила меня отказаться от дальнейшей жизни за границей и от предложенного мне места профессора прикладных искусств в г. Буффало (Сев. Америка) и вернуться

«Необходимость более надёжного и прочного обеспечения оставшейся в России семьи, — как М.В. Фармаковский писал в автобиографии, — побудила меня отказаться от дальнейшей жизни за границей и от предложенного мне места профессора прикладных искусств в г. Буффало (Сев. Америка) и вернуться

²⁹ Выскочков Л.В., Сокурова О.Б., Шелаева А.А. «Звёздный» журнал... С. 18.

³⁰ К сожалению, причины расхождения друзей остаются неизвестными. Но тот факт, что М.В. Фармаковский сохранил написанный им портрет расстрелянного контрреволюционера Н.С. Гумилёва в страшные годы репрессий и Ленинградской блокады, говорит сам за себя.

³¹ Лукницкий П.Н. Труды и дни Н.С. Гумилёва. С. 150.

³² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 689. Л. 2 об.

³³ Там же. Л. 1. Даже если это не ошибка памяти (или описка) автора, г. Нанси в начале XX в. славился не столько фарфором, сколько высокохудожественным стеклом, начало изготовления которого положил Э. Галле, а после его кончины в 1904 году успешно продолжили братья Дом. Поэтому, учитывая большой интерес М.В. Фармаковского к технологии производства стекла, можно смело предположить, что он не упустил возможности познакомиться с опытом нансийских стеклоделов.

³⁴ Выскочков Л.В., Сокурова О.Б., Шелаева А.А. «Звёздный» журнал... С. 20.

на родину. Я принял первое место, которое мне было предложено, — учителя древних языков и физической и экономической географии в гимназии в г. Петергофе»³⁵. Возвращение в Россию состоялось в 1908 г. В связи с новым местом работы можно ещё раз напомнить, что Мстислав Владимирович прекрасно знал древние языки. Профессия педагога, как он признавал, в известной мере тяготила его, но не мешала заниматься художественным творчеством и художественной критикой³⁶.

М.В. Фармаковского чрезвычайно интересовала история русской культуры и русского искусства. В 1918 г. было опубликовано его эссе, посвящённое поиску истоков этих явлений, которые, по мнению исследователя, не следует связывать с призванием варягов и другими известными историческими событиями. Мстислав Владимирович считал, что «корни русской жизни и, значит, искусства, надо искать гораздо глубже, так как цепь событий непрерывно идёт в глубь времён и через культуры эллинскую и иранскую юга России приводит ко временам древности необычайной, когда слагались основы жизни народов Русской территории»³⁷. В этой публикации М.В. Фармаковский основное внимание уделил находкам из Майкопского кургана, а в дальнейшем предполагал обратиться к скифским материалам, но, к сожалению, сделать этого не смог. Однако даже текст приведённой цитаты прекрасно демонстрирует, что он хорошо разбирался в сути последних научных разработок по этой проблематике, в частности, знал книгу М.И. Ростовцева «Эллинизм и иранство на юге России»³⁸.

Феномен античной культуры, конечно, никогда не исчезал из сферы интересов М.В. Фармаковского. На торжественном заседании во Второй С.-Петербургской гимназии он даже выступил с речью, посвящённой Миланскому эдикту, принятому Константином Великим в 313 г.³⁹ Позднее М.В. Фармаковский опубликовал очень интересное эссе «Борьба античности и готики»⁴⁰. Античное искусство, по его мнению, демонстрирует воплощение идеи красоты, закономерности, возвышенности и простоты. Готика выражает устремлённость вверх, драматизм и пафос. Их противостояние порой грозило «пустотой бесплодия», но в такие моменты «являлся спасительный реализм, который свежей волной смывал всякий теоретизм и направлял мысль на твёрдый путь изучения»⁴¹.

После возвращения из второй заграничной поездки М.В. Фармаковский вновь обратился к археологии и сосредоточил свою работу, главным образом, в Императорской археологической комиссии (ИАК), которая поручила ему подготовку

³⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 689. Л. 7 об.; Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 54–55, 65 об. — 66, 81 об. — 82.

³⁶ Фармаковский М. Художественные заметки (М. Нестеров и Н. Рерих) // Образование. 1908. № 8. С. 39–44.

³⁷ Фармаковский М. На заре исторической жизни (Урок по истории русского искусства) // Гермес. 1918. Август — декабрь. С. 202.

³⁸ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Петроград: Огни, 1918.

³⁹ Фармаковский М. Миланский эдикт // Гермес. 1913. № 20. С. 537–541. Как известно, этот документ, провозгласивший религиозную терпимость на территории Римской империи, явился важной вехой на пути превращения христианства в официальную религию империи.

⁴⁰ Фармаковский М. Борьба античности и готики (Страничка из истории стилей) // Гермес. 1918. Январь — июль. С. 61–83.

⁴¹ Там же. С. 79.

Фармаковский М.В. Копия части росписи Стасовского склепа (Керчь)

художественно-археологического аппарата к капитальному труду М.И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России»⁴². С этой целью он 4 года подряд ездил в командировки на юг России, где занимался копированием росписей гробниц Боспора⁴³. В 1913 г. Мстислав Владимирович был избран членом-корреспондентом Комиссии⁴⁴. Направленный ему официальный документ гласит, что избрание было произведено «в целях укрепления между Императорской археологической комиссией и Вами той научной и художественной связи, которая установилась путём ценного для Комиссии сотрудничества Вашего в ее трудах и изданиях»⁴⁵. В том же 1913 г. из печати вышла первая крупная научная работа М.В. Фармаковского, посвящённая большому серебряному блюду из Перещепинского клада, которое, по наблюдениям автора, два раза подвергалось переделкам⁴⁶.

М.В. Фармаковский исполнил для ИАК ряд работ художественно-археологического характера: копии боспорских «акварельных» ваз, значительного числа надписей греческих государств Северного Причерноморья (для IOSPE. Vol. II). Ему

⁴² Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913 (Атлас), 1914 (Текст).

⁴³ Виноградов Ю.А., Медведева М.В. Из истории создания «Античной декоративной живописи на Юге России» М.И. Ростовцева // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. СПб., 2017. С. 13–14.

⁴⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1913 г. Д. 306.

⁴⁵ Там же. Л. 3.

⁴⁶ Фармаковский М.В. Блюдо епископа Патерна // ИИАК. 1913. Вып. 49. С. 117–127.

принадлежат рисунки к обобщающей работе брата о развитии культуры Северного Причерноморья в период греческой колонизации региона⁴⁷. Он восстановил также знаменитую серебряную накладку на горит из скифского царского кургана Солоха, изображающую сражение варваров, и дал её великолепный искусствоведческий анализ⁴⁸, но публикация этой работы относится уже к послереволюционному времени.

В характеристике, относящейся к 1930-м гг., о деятельности Мстислава Владимировича в этой сфере говорится: «Специалистам археологам широко известны его исключительные по точности воспроизведения археологических памятников; эти воспроизведения нельзя рассматривать только как художественную работу, а необходимо считать археологической работой особенного рода, потому что в этих рисунках и акварелях автор не просто копировал объект, а пытался своими специфическими средствами расшифровать структуру археологического предмета, что придаёт его воспроизведениям документальную ценность»⁴⁹.

Возвращаясь назад, надо отметить, что в 1911–1913 гг. М.В. Фармаковский по поручению Петроградской городской думы обследовал загородный дворец Нарышкиных в Знаменке, а также особняк Жербина на Выборгской стороне. Им были сделаны подробные описания, сняты копии с живописи на потолках и стенах, а в разрушавшемся особняке Жербина собраны образцы шпалер одновременных его постройке⁵⁰.

Начало Первой мировой войны временно прервала научную работу М.В. Фармаковского. Он был призван в армию в звании прапорщика ополчения. По его словам, «продержан в болотах Тируль 3½ года⁵¹, искалечен и выпущен лишь после Октябрьской революции при первой же демобилизации (в декабре 1917 г. декрет о демобилизации учителей)»⁵². После этого Мстислав Владимирович вернулся в гимназию на место преподавателя искусств, а весной 1918 г. был принят в Русский музей для формирования нового отдела — Историко-бытового. В июне 1918 г. М.В. Фармаковский был избран регистратором коллекций этого отдела, в августе того же года — помощником хранителя, а в октябре — хранителем. Музейному делу М.В. Фармаковский уделял очень большое внимание, подготовив ценную публикацию о технике экспозиции в историко-бытовых музеях⁵³. Его перу принадлежат также очень небольшие, но весьма содержательные брошюры, посвящённые некоторым предметам, из собрания Историко-бытового отдела⁵⁴, а также исследование серебряных кубков из собрания Шереметевых⁵⁵. По его мнению, музей — это

⁴⁷ Фармаковский Б.В. Архаический период в России // МАР. 1914. № 34. Табл. I, V, VI. Оригинал рисунка для табл. I хранится в Объединённых музеях Свято-Алексиевской пустыни.

⁴⁸ Фармаковский М.В. Горит из кургана Солоха // ИРАИМК. 1922. Т. 2. С. 23–48.

⁴⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 79, 89.

⁵⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 689. Л. 3.

⁵¹ Это явно фигура речи, поскольку столь долгое пребывание артиллериста на одних и тех же позициях в болоте западнее Риги нереально.

⁵² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 689. Л. 7 об.; РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 55.

⁵³ Фармаковский М.В. Техника экспозиции в историко-бытовых музеях. Л., 1928.

⁵⁴ Он же. 1) Пикник в деревне. Л., 1926; 2) Наборный туалет работы крепостного мастера. Л., 1926.

⁵⁵ Он же. Три жалаванных кубка из «старинного семейного серебра» Шереметевых // Записки Историко-бытового отдела Государственного Русского музея. 1928. Т. I. С. 9–36.

«метод исследовательской работы», который заключается «в раскрытии того или иного научного положения путём сопоставления подлинных объектов изучения по доминантному признаку»⁵⁶.

В 1919 г. после Избирательного собрания Российской академии истории материальной культуры (РАИМК), в котором он участвовал, М.В. Фармаковский стал членом Института археологической технологии (ИАТ) при РАИМК⁵⁷, с 1920 г. — учёным секретарём и заведующим Разрядом керамики и стекла. Естественно, он принимал самое активное участие в определении основных направлений работы ИАТ⁵⁸. Большое значение Мстислав Владимирович придавал изучению древней керамики, уделив внимание даже очистке вавилонских глиняных табличек с клинописными текстами⁵⁹. Он проявлял большой интерес к древнегреческим расписным вазам⁶⁰, что совсем не удивительно, если учесть его занятия Античностью в предшествующие годы. М.В. Фармаковский немало сделал также для изучения производства стекла в древности и Средневековье⁶¹, отмечая при этом, что «римская традиция до сих пор говорит ясным и твёрдым языком в современной промышленности»⁶². Особенно велик его вклад в исследование древних тканей⁶³. По инициативе Мстислава Владимировича были подвергнуты технологическому исследованию и реставрации ценнейшие коллекции из Ноин-Улы⁶⁴. Гораздо позднее, на защите своей докторской диссертации (1946 г.) М.В. Фармаковский сказал относительно этой коллекции, что ни одна вещь не прошла мимо него, но некоторые его работы «попали в литературу, притом под чужим именем». Так, например, «работа по восстановлению знаменитого мужского портрета из Ноин-Ула была опубликована под именем Н.П. Тихонова»⁶⁵. Стоит отметить, что по заданию Н.Я. Марра М.В. Фармаковский разработал

⁵⁶ Он же. Техника экспозиции в историко-бытовых музеях. С. 3.

⁵⁷ Институт археологической технологии (ИАТ), позднее Институт исторической технологии (ИИТ), состоял из пяти Разрядов — камня, керамики и стекла, металла, красок и живописи, органических остатков, а также двух Секций — волокнистых веществ и фотографии. См.: РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 1. Л. 240–244; Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 216. С. 38.

⁵⁸ Фармаковский М.В. Институт археологической технологии // Известия ИАТ. 1922. Вып. I. С. 1–8; Ферман А.Е. Три года работы Института археологической технологии // Известия ИАТ. 1924. Вып. II.

⁵⁹ Фармаковский М.В. Очистка вавилонских табличек термическим способом // Новые работы Института археологической технологии. Материалы по методологии археологической технологии. 1929. Вып. XII. С. 7–9. По этому вопросу М.В. Фармаковский, возможно, консультировался с ассириологом В.К. Шилейко, с которым, как с другом Н.С. Гумилёва, мог познакомиться гораздо раньше.

⁶⁰ Фармаковский М.В. Задачи Разряда керамики и стекла // Известия ИАТ. 1922. Вып. I. С. 25–28, 46; Красников В.П., Фармаковский М.В. Керамика, её техника и сохранение. Материалы по методологии археологической технологии. 1926. Вып. VI. С. 42–43.

⁶¹ Фармаковский М.В. Задачи Разряда керамики и стекла. С. 25–48.

⁶² Фармаковский М.В. Римские стекловаренные печи // Известия ИАТ. 1922. Вып. I. С. 75.

⁶³ Ильин Л., Фармаковский М., Нарбут Н. К вопросу об очистке древних тканей. Материалы по методологии археологической технологии. 1926. Вып. VIII; Фармаковский М.В. Об очистке древних тканей // Новые работы Института в области реставрации различных материалов. Материалы по методологии археологической технологии. 1929. Вып. XII. С. 10–13.

⁶⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 71–72, 88 об.; Ф. 35. Оп. 3. Д. 89. Л. 2. См.: Воскресенский А.А. Технологическое изучение материалов курганных погребений Ноин-Ула // Известия ГАИМК. 1932. Т. 11. Вып. 7–9.

⁶⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 3. Д. 89. Л. 12.

методику борьбы с насекомыми — книжными вредителями в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде⁶⁶.

М.В. Фармаковский уделял большое внимание изучению русского фарфора⁶⁷. В 1924 г. он совместно с искусствоведом Э.Ф. Голлербахом выступил в качестве редактора книги «Русский художественный фарфор». Для этой книги М.В. Фармаковским были подготовлены две статьи о фарфоровых скульптурах⁶⁸.

Тогда же началась его педагогическая деятельность в высшей школе. В 1923–1931 гг. он читал лекции и вёл практические занятия со студентами Государственного института истории искусств, а также в Ленинградском государственном университете проводил занятия по технике живописи, технологии живописных красок и по основам археологической технологии⁶⁹.

С мая 1930 г. в ГАИМКе проходили собрания по «чистке» рядов сотрудников от чуждых элементов. М.В. Фармаковский тогда был подвергнут серьёзной критике, в основном ему в вину ставились ошибки, связанные с пережитками старой «интеллигентщины». Некоторые из выступавших, однако, обращали внимание на большие заслуги учёного. Другим эта «защитническая песенка» очень не понравилась, они решительно требовали увольнения заслуженного человека, считая, что он будет мешать дальнейшей работе учреждения. Более того, прозвучало обвинение во вредительстве и призыв направить дело М.В. Фармаковского в трибунал⁷⁰. Разбирательство в столь серьёзной инстанции ничего хорошего не обещало, но до него, по всей видимости, не дошло. Тем не менее, в 1931 г. Мстислав Владимирович был административно выслан из Ленинграда на три года по обвинению в принадлежности к «немецкому, шовинистическому обществу» Гальнбека⁷¹. С 1931 по 1934 год он работал в Ярославском государственном музее. Там Мстислав Владимирович продолжил педагогическую деятельность, — в течение зимнего семестра 1933 г. в Ярославском педагогическом институте он читал курс физической химии⁷².

⁶⁶ Там же. Оп. 5. Д. 329. Л. 71, 88.

⁶⁷ Фармаковский М. 1) Очерки по истории русского фарфора. Кружка в виде головы // Среди коллекционером. 1923. № 11–12. С. 16–21; 2) Существуют ли изделия казённой Фаянсовой фабрики? // Старина и искусство. 1928. № 1. С. 40–49.

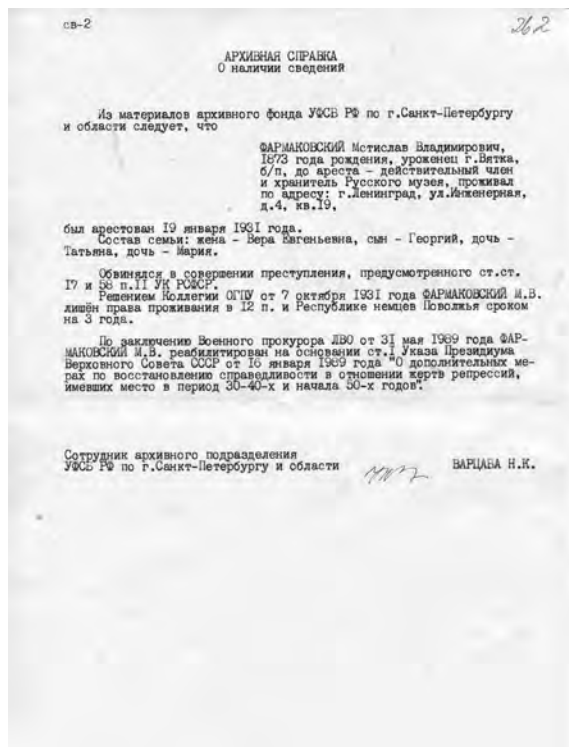
⁶⁸ Фармаковский М. 1) Скульптура Государственного Фарфорового Завода // Русский художественный фарфор. Сборник статей о Государственном Фарфоровом Заводе. Л., 1924. С. 73–114; 2) Список скульптурных произведений, выполненных на Государственном Фарфоровом Заводе с 1914 по 1922 год // Там же. С. 131–134.

⁶⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 3 об.

⁷⁰ Виноградов Ю.А. 1) Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК — РАИМК (ГАИМК) — ИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР // ЗИИМК. 2009. № 4. С. 15–16; 2) Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014). СПб., 2013. С. 166.

⁷¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 9 об., 87 об. Прибалтийский немец Иван Андреевич Гальнбек (1855–1934) — художник, реставратор, коллекционер, библиотечарь, хранитель оловянных художественных изделий в Эрмитаже, эксперт Комитета по охране памятников старины и искусства, являлся действительным членом Института археологической технологии. Он был арестован 31 августа 1930 г. и выслан из Ленинграда на 3 года. В опубликованных источниках информации о «немецком шовинистическом обществе» Гальнбека найти не удалось.

⁷² РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 3 об.

Справка о реабилитации М.В. Фармаковского

что М.В. Фармаковский был реабилитирован только в 1989 г. Из справки о реабилитации мы узнаём, что Мстислав Владимирович был женат, его супругу звали Вера Евгеньевна. У них было трое детей: сын Георгий, дочери Татьяна и Мария.

Осенью того же года он был назначен учёным секретарём Института и заведующим кафедрой реставрации и консервации, а также руководителем аспирантов по этой кафедре. Через год Мстислав Владимирович стал временно исполнять должность директора Института. Его вклад в разработку научных методов консервации и реставрации археологических находок (древней керамики, штукатурки, тканей и т. д.) невозможно переоценить.

Итогом своей многолетней работы М.В. Фармаковский считал подготовку капитальной монографии по реставрации и консервации древних тканей. К её написанию он приступил в 30-е годы. В 1935 и 1937 гг. руководство ГАИМК обращалось в вышестоящие органы с просьбой о присуждении ему учёной степени доктора исторических наук без защиты диссертации, по совокупности его учёных трудов⁷⁶,

По завершении срока ссылки М.В. Фармаковского Академия стала ходатайствовать об ускорении его освобождения от занимаемой должности в Ярославском музее «ввиду поручения ему неотложных работ, связанных с подготовкой Международного Менделеевского съезда»⁷³. В июле 1934 г. М.В. Фармаковский с трудом вернулся в Ленинград, поскольку официальные органы долго отказывали ему в праве прописки в этом городе⁷⁴, и вновь был принят в Институт археологической технологии ГАИМК. О сути обвинений, предъявленных Мстиславу Владимировичу, мы не знаем практически ничего. В краткой характеристике того времени сказано: «С 1930 по 1934 г. органами НКВД был выслан из Ленинграда и проживал и работал в Ярославле. В 1934 г. по отбытии срока возвратился в Ленинград и получил разрешение работать по специальности»⁷⁵. И это всё! Стоит отметить,

⁷³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 689. Л. 6.

⁷⁴ Там же. Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 10.

⁷⁵ Там же. Ф. 35. Оп. 6. Д. 4. Л. 78.

⁷⁶ Там же. Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 62, 64, 75, 76, 91, 97.

Дружеский шарж на М.В. Фармаковского (Ф. 30. Оп. 2. Д. 87. Л. 34)

но эти просьбы не были поддержаны. Может быть, научное начальство смутил тот факт, что Мстислав Владимирович не имел кандидатской степени.

К этому времени относится один любопытнейший документ, находящийся на хранении в НА ИИМК — это дружеский шарж на М.В. Фармаковского⁷⁷. Он представлен здесь в образе средневекового алхимика со всеми атрибутами человека, связанного с «нечистой силой». В это трудно поверить, но в 30-х гг. в ГАИМКе выпускались юмористические «слайдофильмы», приуроченные к главным советским праздникам. Думается, что все эти замечательные рисунки, наполненные весельем и злобой дня, стоит опубликовать в виде отдельного альбома. К 1 мая 1936 г. был подготовлен «слайдофильм», названный «На распутье». Режиссерами его являлись Н.Н. Воронин (главреж), Н.М. Бачинский и П.Н. Третьяков. Художественное оформление принадлежало М.В. Фармаковскому, Н.Н. Чернягину, а также, как отмечено в титрах, В.М. Васнецову, М.А. Врубелью, К.П. Брюллову, Н.Н. Ге, И.С. Репину и «прочим передвижникам». «Фильм» состоял из нескольких частей; шарж на М.В. Фармаковского относится к его 5-й части «Земля гаимковская велика и обильна. ИИТ».

⁷⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 30. Оп. 2. Д. 87. Л. 34.

Название «слайдофильма» «На распутье» оказалось по-своему пророческим. В 1937 г. ГАИМК был ликвидирован, и на его базе создан Институт истории материальной культуры АН СССР, в структуре которого тогда имелся Кабинет археологической технологии. Известно, что 20 сентября 1937 г. М.В. Фармаковский обратился к В.И. Вернадскому с предложением о совместной работе по теме «О месторождениях кремня в СССР и использовании кремня человеком по археологическим материалам». Того, как В.И. Вернадский ответил на это предложение, мы не знаем.

Переживая по поводу своей дальнейшей профессиональной деятельности, М.В. Фармаковский писал 10 октября 1937 г.: «При моём возрасте (64 года) здоровье моё удовлетворительно, работу веду до сих пор с увлечением. Считаю наиболее целесообразным собрать и обработать с экспериментальной проверкой огромный запас сведений и наблюдений, приобретённых мною с 1891 года, когда я впервые начал заниматься археологией, с особым интересом по вопросам реставрации и консервации археологического материала. Возможность лично побывать во многих крупнейших зарубежных музеях и на месте ознакомиться с приёмами работ на раскопках в Помпее значительно обогатила мой опыт и круг наблюдений в этой области. Думаю, что моя дальнейшая работа в области археологической технологии будет наилучшим применением моих сил и опыта.

Я приступил к подведению итогов моей многолетней работы по реставрации и консервации тканей в виде капитальной монографии. Пока готовы к печати две части размером около 30 печатных листов. Работаю над третьей — последней частью»⁷⁸.

С продолжением работы в составе ИИМК АН СССР что-то не заладилось. Возможно, М.В. Фармаковский принял слишком близко к сердцу ликвидацию Института археологической технологии; понятно, что созданный тогда Кабинет не мог являться его полноценной заменой. Во всяком случае, в июле 1938 г. Мстислав Владимирович ушёл из ИИМК. Своё решение он мотивировал тем, что состояние здоровья категорически требовало «менее ответственных и более спокойных форм работы», а также тем, что «без более спокойной обстановки» невозможно закончить подготовку докторской диссертации, подводящей итог 45-летней работы⁷⁹. Вряд ли такое решение было вызвано только названными причинами, но просьба Мстислава Владимировича была удовлетворена.

С этого времени М.В. Фармаковский посвятил себя работе в Русском музее, совмещая её с преподавательской деятельностью. В 1939 г. он читал лекции по музейному делу для студентов Музейно-краеведческого факультета Коммунистического политико-просветительского института им. Н.К. Крупской (ныне Институт культуры). Эти лекции были изданы после смерти Мстислава Владимировича. В предисловии к монографии приведены слова автора, считавшего её «долгом своей жизни, своим наиболее правильным отчетом за 50 лет, в котором за каждым словом стоит упорный труд»⁸⁰.

⁷⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 30. Оп. 2. Д. 87. Л. 41 об. — 42.

⁷⁹ Там же. Л. 51.

⁸⁰ Фармаковский М.В. Консервация и реставрация музейных коллекций. М., 1947. С. 3.

Блокаду Ленинграда М.В. Фармаковский пережил в осаждённом городе, работал в Русском музее, заботился о сохранности его коллекций. В августе 1944 г. учёный, которому тогда исполнился 71 год, был вновь принят в ИИМК АН СССР на должность и. о. старшего научного сотрудника⁸¹, а в сентябре месяце назначен зав. Лабораторией археологической технологии⁸². В ноябре 1944 г. Мстислав Владимирович сообщил заведующему ЛОИИИМК АН СССР В.И. Равдоникасу, что им подготовлена к защите диссертация на тему «Основы реставрации и консервации археологических тканей», один экземпляр которой был послан в Москву академику А.Е. Ферсману⁸³.

Вообще же за участие в защите города М.В. Фармаковский был награждён медалью «За оборону Ленинграда». Мстислав Владимирович имел и почётные грамоты: одну от Ленсовета, а вторую от Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР. Не удивительно, что он был включён в Ленинградскую чрезвычайную комиссию по установлению ущерба, нанесённого фашистами⁸⁴.

Уже после войны, 9 января 1946 г. состоялась защита его докторской диссертации (минуя кандидатскую) «Методика исследований древних тканей (Основы реставрации и консервации тканей)». Оппонентами были назначены: доктор технических наук В.В. Данилевский, доктор исторических наук М.И. Артамонов и доктор исторических наук М.И. Максимова⁸⁵.

Квалификационная комиссия ЛОИИИМК АН СССР приняла заключение о диссертации, в котором говорилось: «Работа М.В. Фармаковского <...> представляет собой исследование, посвящённое чрезвычайно важному и совершенно не разработанному вопросу — научной разработке методики исследования добываемых при археологических раскопках древних тканей, восстановления их подлинного вида и дальнейшей консервации.

Работа строится на основании глубокого и всестороннего изучения материала, включая и анализ письменных источников — древних греческих, римских и греко-египетских трактатов, посвящённых описанию приёмов крашения и красителей, а также этнографических материалов, равно как и длительного экспериментального изучения явлений, связанных с физической жизнью археологических тканей и их технологией.

Проделанная автором огромная работа приводит его к целому ряду строго проверенных научных положений, которые кладутся в основу разработанной им совершенно новой научной методики открытия красителей в археологических объектах, методики лечения тканей и дальнейшего их хранения, в частности, методики борьбы с вредителями тканей»⁸⁶.

Даже из слов этого заключения понятно, что значительная часть диссертационного исследования была посвящена изучению античного ткацкого производства. Во время защиты М.В. Фармаковский подчеркнул, что считает себя филологом,

⁸¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 94, 95.

⁸² Там же. Л. 96.

⁸³ Там же. Оп. 3. Д. 89. Л. 1.

⁸⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 3. Л. 2 об.

⁸⁵ Там же. Л. 8.

⁸⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 3. Л. 10.

историком и археологом, работающим для археологов⁸⁷. В реферате диссертации он подчёркивал, что «дело заключалось не в разработке каких-нибудь отдельных, выхваченных от случая к случаю вопросов, а в установлении самых основ, на которых должна быть построена научная реставрация и консервация археологического текстиля и которые позволят подходить к объекту с некоторыми твёрдыми, научно проверенными основаниями»⁸⁸. Мстислав Владимирович считал, что научная реставрация в своих конечных задачах имеет известное сходство с наукой медицины»⁸⁹, и в этом он, конечно, был прав. Свой реферат М.В. Фармаковский закончил словами: «Путь к надёжной, уверенной практике может лежать только через серьёзную научную работу, практика покоится на теории»⁹⁰.

В.В. Данилевский, высоко оценив диссертационную работу М.В. Фармаковского, отметил: «Автор справедливо указывает, что при реставрации и консервации необходимо отказаться от какого бы то ни было кустарничества и работать исключительно на базе точных и технических наук. Он правильно придаёт основное значение изучению физических, химических и прочих свойств волокна тканей»⁹¹.

Известный скифолог М.И. Артамонов тогда сказал о Мстиславе Владимировиче: «Он принадлежит к тем учёным-энтузиастам, которые не жалеют ни сил, ни энергии для достижения поставленной цели. В сущности, именно им заложены основы нашей современной археологической технологии»⁹². Михаил Илларионович здесь не ошибся ни единым словом!

М.И. Максимова добавила, что в лице М.В. Фармаковского наша наука имеет «редкое сочетание технолога и филолога, свободно владеющего греческим и латинским языками, и кроме того сроднившегося с античной культурой». Проработав источники и составив их переводы, Мстислав Владимирович сумел «построить на этой основе схему эволюции крашения в античную эпоху, начиная от примитивных приёмов и кончая изобретением протравочного процесса и перехода к фабричному производству»⁹³.

Учёная степень доктора исторических наук была присуждена М.В. Фармаковскому единогласно, и этому можно только порадоваться. Но после защиты диссертации Мстислав Владимирович не прожил и трёх месяцев, уйдя из жизни 23 марта 1946 г. Его похоронили на кладбище в Шувалово, рядом с могилой брата.

А.А. Иессен написал в некрологе: «Несмотря на изумительную физическую выдержку, здоровье его оказалось настолько подорванным перенесёнными лишениями, что короткая болезнь на 72-м (точнее, 73-м. — Ю.В., И.Ш.) году оборвала его долгую трудовую жизнь».

Неустанно борющийся против кустарщины в деле изучения и хранения археологических памятников, М.В. не оставил после себя действующей организации, лаборатории или Института, работающей в плане бывшего Института Археоло-

⁸⁷ Там же. Л. 12.

⁸⁸ Там же. Л. 17.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. Л. 31.

⁹¹ Там же. Л. 37.

⁹² РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 3. Л. 35.

⁹³ Там же. Л. 41 об.

гической Технологии. В настоящее время работа по исследованию, реставрации и консервации рассредоточена среди многих учреждений и музеев, и пока ещё нет реальных перспектив для восстановления такого единого центра, каким являлся Института Археологической Технологии в годы руководящей работы в нём М.В. Поэтому тем более неотложной представляется необходимость срочного пересмотра всего богатого рукописного наследия М.В. и издания законченных им трудов. Такая пропаганда научных методов в обработке и консервации всегда неповторимых археологических объектов явится лучшим памятником покойному»⁹⁴.

За прошедшие десятилетия организации, подобной Институту археологической технологии, у нас, к сожалению, не появилось. Тем не менее, некоторые научные труды М.В. Фармаковского продолжали издаваться и после его смерти⁹⁵. Особо востребованной стала книга «Акварель», по поводу которой художница А.П. Остроумова-Лебедева написала: «В этой работе мы познаём Мстислава Владимировича Фармаковского, как образец самоотверженного учёного, отдавшего труд своей жизни всем нуждающимся в нём». Не удивительно, что переиздание книги появилось в 2000 г.⁹⁶, спустя более полувека после смерти автора. Остаётся только сожалеть, что докторская диссертация этого выдающегося исследователя до сих пор не опубликована, а она ни на гран не потеряла своей актуальности.

В заключение стоит отметить, что М.В. Фармаковский был женат и имел троих детей. В октябре 1937 г. он писал, что его взрослые дети живут своим трудом (дочери — в Симферополе и Москве, сын — в Краснодаре)⁹⁷.

⁹⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 3. Л. 58.

⁹⁵ Фармаковский М.В. 1) Консервация и реставрация музейных коллекций. М., 1947; 2) Акварель: её техника и реставрация. Л., 1950.

⁹⁶ Он же. Акварель. Её техника и реставрация. М. 2000.

⁹⁷ Там же. Оп. 5. Д. 329. Л. 41 об.

Алексей Александрович Шахматов (1864–1920)

М.В. Поникаровская

Алексей Александрович Шахматов¹ родился 5 (17 июня) 1864 г. в Нарве в семье юриста Александра Алексеевича Шахматова² и его супруги Марии Федоровны³, жизнь которых оборвалась очень рано. Сначала 3 мая 1870 г. скончалась болевшая туберкулезом М.Ф. Шахматова, а через семь месяцев, 22 января 1871 г., от нервного удара скоропостижно умер ее муж. Оставшихся круглыми сиротами шестилетнего Алешу и его сестер Евгению⁴ и Ольгу⁵ взял на воспитание в свою семью Алексей Алексеевич Шахматов, младший брат их отца.

До 12 лет Алексей жил в имении Губаревка в Саратовской губернии, принадлежавшем дяде, и обучался на дому. Вот как характеризовала его в те годы в одном из своих писем жена дяди: «Он всем интересуется, все понимает, учится с громадным удовольствием, много читает; развит не по годам. Он занимается с (старшей) сестрой вместе и мало сказать, что не отстает от нее. Кроме четырех языков они учатся географии, истории, арифметике и естественным наукам»⁶. А сестра Евгения вспоминала следующее: «Тетя учила нас катехизису и языкам... Дядя учил нас истории, а для географии и арифметики приезжал к нам из Вязовки (соседнего

¹ В качестве заставки использована фотография А.А. Шахматова. 1 октября 1913 г. (СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ш. Д. 111. Л. 1).

² Шахматов Александр Алексеевич (1828–1871) — юрист, чиновник. Выпускник Императорского училища правоведения в Санкт-Петербурге (1847). Поступил на службу в Сенат в должности младшего помощника секретаря. В 1856 г. зачислен в дружину саратовского ополчения и командовал ротой в чине штабс-капитана. В том же году уволен с воинской службы и причислен сверхштатным чиновником к канцелярии саратовского губернатора. В 1857–1865 гг. был губернским прокурором в Смоленске, Пензе, Воронеже, Харькове. Выступал за скорейшее освобождение крестьян от крепостного права. В 1866 г. назначен товарищем прокурора Московской судебной палаты, через год — прокурором Харьковской судебной палаты. В 1868 г. пожалован в сенаторы с производством в чин тайного советника и назначением старшим председателем Одесской судебной палаты.

³ Шахматова Мария Федоровна (урожд. Козен; 1838–1870) — выпускница Екатерининского института (1856).

⁴ Масальская-Сурина Евгения Александровна (урожд. Шахматова; 1863–1940) — историк-генеалог, архивист, мемуаристка, старшая сестра А.А. Шахматова.

⁵ Шахматова Ольга Александровна (1867–1920) — младшая сестра А.А. Шахматова.

⁶ Цит. по: *Масальская Е.А. Повесть о брате моем А.А. Шахматове. Ч. 1. «Легендарный мальчик».* М., 1929. С. 20.

села, в 3 верстах от Губаревки) молодой, горбатый Михаил Николаевич Розенберг, брат помещика-соседа»⁷.

Следует отметить, что уже в таком юном возрасте Алексей проявлял неподдельный интерес к гуманитарным наукам. К апрелю 1874 г. относится его первое детское сочинение на 175 страницах, написанное карандашом в толстой тетради, на титуле которого значится: «Деревня Губаревка — Шахматовка. Книга I. До Ярослава I. Русская старина. 23 апреля 1874. Составил Ал[ексей] Алексан[дрович] Шахматов»⁸. Сочинение содержало не только текст, но и нарисованные рукой автора карты русских земель и сопредельных территорий.

В феврале 1875 г. по настоянию дяди, считавшего необходимым для племянника продолжать образование, Алексей поступил в Московскую частную гимназию Креймана⁹. По прошествии нескольких месяцев обучения, за время которых Алексей успел стать первым учеником в гимназии, он серьезно заболел корью и начал страдать «нервными, “истеричными” пароксизмами»¹⁰, вызванными, по мнению осматривавших мальчика врачей, разлукой с семьей и обилием новых впечатлений. Было решено забрать Алексея домой и готовить с репетиторами для поступления в 4-й класс гимназии. В мае 1875 г. он вернулся в Губаревку. Осенью того же года планы в отношении учебы Алексея изменились: он должен был продолжить обучение в гимназии Креймана, для чего пришлось проходить на дому программу первого полугодия 2-го класса¹¹.

В январе 1876 г. Алексей вновь приступил к занятиям в гимназии, которые, впрочем, продлились недолго — до начала весны. В письмах дяде, тете и сестрам Леля, как называли его дома, сообщал, что гимназия стала терять для него свою, хотя и небольшую, привлекательность, поскольку ученики 2-го класса разделились на две партии — аристократов и демократов, между которыми постоянно происходили стычки и драки. Сам он принадлежал к первой партии и очень близко к сердцу принимал эту вражду. Несмотря на то, что Алексей продолжал хорошо учиться, из-за «партийной вражды» и вызываемых ею драк, в которых он активно принимал участие, учеба отошла на второй план. Такое развитие событий огорчало дядю. По его мнению, в подобной обстановке было невозможно ничему научиться и разумнее было бы увезти мальчика учиться за границу¹².

В июне 1876 г. в возрасте 12 лет Алексей отправился за границу вместе с дядей. Им предстояло посетить Гастейн¹³, в котором дядя должен был поправить свое здоровье. Пробыв некоторое время в Гастейне, они переехали в Мюнхен. В Мюнхене запоминающимся событием для Алексея стало посещение Королевской библиотеки, в которую его привез дядя и оставил одного на некоторое время. Свои впечатления от этого визита мальчик, с ранних лет увлекавшийся историей, красочно описал в письме к сестре Евгении, датированном 8 августа 1876 г.: «Мои шаги

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Рукопись находится в фонде А.А. Шахматова в СПбФ АРАН (Ф. 134. Оп. 1. Д. 402).

⁹ Гимназия Франца Ивановича Креймана — одно из первых частных учебных заведений в России. Была открыта в 1858 г. в Москве.

¹⁰ Масальская Е.А. Повесть... С. 51.

¹¹ Там же. С. 67.

¹² Там же. С. 70.

¹³ Совр. Бад Гастайн — бальнеологический курорт в Австрии.

звучно раздавались на красивой мраморной лестнице, ведущей в читальную комнату, где меня ожидал Страбон¹⁴, Помпоний Мэла¹⁵ и Маннерт¹⁶... Когда я взял эти книги, мне показалось, что я приступил к порогу, куда мне так хотелось, что я сломал стену, отделяющую меня от этих источников, что я теперь не буду ссылаться на Карамзина¹⁷ и Соловьева¹⁸, которые сами ссылаются на Страбона и др., что я теперь могу собственным трудом достигнуть имени историка, но не трудами Карамзина и Соловьева, что я сам могу рыться в библиотеках, в архивах, что я прежде все не попадал в свою цель, а теперь именно я достиг всего того, о чем я думал¹⁹.

В середине августа 1876 г. Алексей успешно выдержал экзамен и поступил в 4-й класс Nikolai-Gymnasium в Лейпциге. Однако в декабре обучение пришлось прервать, поскольку семья (осенью прибыли его тетя и сестры) решила переехать в Париж. Там Алексей должен был поступить в лицей, но обстоятельства неожиданно потребовали возвращения в Россию: сданное в аренду на время пребывания за границей имение совсем не приносило дохода, и арендатор стал настаивать на скорейшем приезде владельцев. В случае промедления он грозил оставить Губаревку без надзора²⁰. В конце марта 1877 г. Алексей с сестрами и тетей покинул Париж и уже в апреле был зачислен в 3-й класс гимназии Креймана. Успешно сдав летом экзамены, он продолжил обучение в 4-м классе.

В это время Алексей начинает проявлять все больший интерес к филологии: «Теперь только я почувствовал, что я живу не для войны, не для битв, хотя до сих пор люблю страшные и трагические сцены, а для спокойного созерцания вещей! Я слишком глуп для того, чтобы заниматься природой; сейчас же мысли мои гуляют за ее границы. История, и в особенности, словесность имеют прелесть для меня»²¹. Его все более увлекало собирание слов из разных языков, для учета которых он вел настоящую «бухгалтерию».

В письме к сестре Жене от 12 марта 1878 г. Алексей так рассказывал о своих успехах в области «купли-продажи» слов: «Если Вам интересно, можете посмотреть на мой филологический бюджет за эту неделю, т. е. приход и расход: у отца ученика 4-го класса я купил за 50 санскритских слов и за готских 3 слова — 60 исландских. За 40 персидских слов и 8 арабских — 50 финских и литовских. У дяди ученика 3-го класса я купил за 257 древнегерманских слов — 60 редких готских слов»²².

¹⁴ Страбон (ок. 64/63 до н. э. — ок. 23/24 н. э.) — историк и географ, автор не сохранившейся «Истории» и дошедшей почти полностью «Географии» в 17 книгах.

¹⁵ Помпоний Мела (15–60 гг. н. э.) — римский географ, автор труда «Описательная география» (ок. 43 г. н. э.).

¹⁶ Маннерт Конрад (1756–1834) — немецкий историк и географ; член Баварской академии наук (1827). Автор капитального труда по древней географии: «Geographie der Griechen und Römer» (1788–1825), над которым работал почти всю жизнь.

¹⁷ Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) — историк, писатель, поэт; автор «Истории государства Российского» в 12 томах (1803–1826).

¹⁸ Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) — историк; профессор (с 1848), ректор (1871–1877) Московского университета; академик Императорской Академии наук (1872); автор многотомного труда «История России с древнейших времен».

¹⁹ Цит. по: Масальская Е.А. Повесть... С. 78.

²⁰ Масальская Е.А. Повесть... С. 96.

²¹ Там же. С. 131–132.

²² Там же. С. 139.

По-прежнему сильно интересовала Алексея и история. С особенным рвением он в те годы читал труды Т.Н. Грановского²³, но при этом находил, что не все взгляды этого историка верны: «Он слишком философствует. Он понял, по моему мнению, историю, ее задачи; взгляд его сторонний (!). Карамзин — явная его противоположность, но еще хуже его. Надо занять середину между ними, чтобы создать себе новый, верный взгляд на историю»²⁴.

В марте 1878 г. в гимназии Креймана началась эпидемия брюшного тифа, перспектива заболеть которым тревожила мнительного Алексея²⁵. Кроме того, пребывание в этом учебном заведении стало его тяготить. Его возмущала нравственная распущенность товарищей. В одном из посланий домой этого периода он писал: «Ах, как неприятно оставаться тут! За душу так и тянет!»²⁶ В апреле Алексей приехал в Губаревку на пасхальные каникулы и по решению семьи в гимназию Креймана уже более не вернулся.

В середине января 1879 г. Алексей был принят в Московскую 4-ю гимназию²⁷, выбор которой был обусловлен хорошими отзывами, услышанными о ней дядей. В письме родным от 27 января 1879 г. Алексей подробно описывал свое новое учебное заведение и заключал, что эта гимназия гораздо лучше Креймановской во всех отношениях: «Она очень мне нравится, и так ее полюбил, что возвращаясь в нее не с чувством скорби, как то бывало у Креймана, напротив, с чувством довольства»²⁸.

Как отмечала Е.А. Масальская, это первое благоприятное впечатление брата о 4-й гимназии почти не изменилось у него до самого окончания курса, но в отличие от пребывания в гимназии Креймана, в которой для него были так важны отношения с товарищами, в 4-й гимназии товарищи отошли на второй план²⁹. Алексей полностью сосредоточился на филологии и собственных научных исследованиях в этой области. Очевидно, что уже в это время наука о словесности являлась для него не просто увлечением, а делом, которому талантливый юноша намеревался посвятить свою жизнь.

В очередном письме к семье он так обосновывал свой интерес: «Язык может сделать меня поэтом и отчасти сделал, это язык перенес меня в отвлеченный мир, язык познакомил меня с мыслями человека; филологии вовсе не свойственна сухость, филология — это наша жизнь, жизнь древнего нашего предка Ария, жизнь и нас — идеалистов XIX века»³⁰.

Увлечение филологией уже в эти годы носило для Алексея не только теоретический, но и практический характер. Он самостоятельно подготовил небольшое

²³ Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855) — историк-медиевист, общественный деятель; ординарный профессор (1850) и декан (1855) историко-филологического факультета Московского университета.

²⁴ Масальская Е.А. Повесть... С. 141.

²⁵ Там же. С. 142.

²⁶ Цит. по: Масальская Е.А. Ук. соч. С. 143.

²⁷ Московская 4-я гимназия была учреждена в 1849 г. С 1861 г. располагалась в доме Апраксина-Трубецких на Покровке.

²⁸ Масальская Е.А. Ук. соч. С. 173.

²⁹ Там же. С. 173–174.

³⁰ Там же. С. 188.

сочинение о звуках и происхождении слов, которое мечтал показать какому-нибудь специалисту³¹. По мнению В.В. Виноградова³², было необходимо, чтобы гениальный мальчик, который, по его собственным словам, «мчался по обширной равнине филологии, подобно необузданному коню», нашел себе в своих научных занятиях опытного руководителя³³.

По совету друзей семьи юноша обратился к англичанину Дж. Ф. Ходжетсу³⁴, любителю филологии, с просьбой прочесть его работу и сообщить, представляет ли она научный интерес и может ли быть опубликована в каком-либо журнале. Дж. Ф. Ходжетс высоко оценил сочинение юного филолога, но, сославшись на плохое знакомство с научными реалиями России, предложил показать эту работу кому-то из известных русских специалистов, например, Ф.И. Буслаеву. Окрыленный Алексей так писал об этом в письме тете: «Ты вообрази себе мое счастье; я весь затрясся от радости; Буслаев — это самый замечательный из русских филологов; Буслаев — моя давнишняя мечта и он все мне может сделать»³⁵. Следует отметить, что труды этого языковеда³⁶ оказали большое влияние на А.А. Шахматова, для которого на протяжении всей жизни он оставался «создателем исторической науки о русском языке, основателем русской филологии»³⁷.

Однако сочинение Алексея попало в итоге не к Ф.И. Буслаеву, а к Н.И. Стороженко³⁸. Тот был поражен лингвистическими способностями и знаниями гимназиста и направил его к В.Ф. Миллеру³⁹. Тот при первой встрече принял Алексея не слишком приветливо и сурово раскритиковал его фонетическую теорию, сочтя написанное им сочинение «фантастичным». Но встретившись с ним во второй раз, после долгой беседы убедился в искренней увлеченности и серьезном отношении талантливого юноши к филологии и проникся к нему искренней симпатией.

В.Ф. Миллер, написав рекомендательное письмо, поспособствовал знакомству юного филолога с Ф.Ф. Фортунатовым⁴⁰, поскольку считал, что ему необходимо «как можно более наглядно обучаться из разговоров с профессорами»⁴¹. В свою очередь у Ф.Ф. Фортунатова, который «отнесся к нему с отеческой любовью и при-

³¹ Там же. С. 174.

³² Виноградов Виктор Владимирович (1894–1969) — филолог-русист, литературовед; академик АН СССР (1946).

³³ Виноградов В.В. Алексей Александрович Шахматов. Пб., 1922. С. 9.

³⁴ Ходжетс Джеймс Фредерик (1828–1906) — английский военный, писатель, преподаватель.

³⁵ Масальская Е.А. Повесть... С. 176.

³⁶ Буслаев Федор Иванович (1818–1897) — лингвист, фольклорист, историк литературы и искусства; ординарный академик ИАН (1860).

³⁷ Шахматов А.А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // Четыре речи о Ф.И. Буслаеве, читанные в заседании отдела Коменского 21-го января 1898 года проф. А.И. Соболевским, акад. А.А. Шахматовым, проф. И.Н. Ждановым и директором Гатчинской учительской семинарии В.А. Воскресенским. СПб., 1898. С. 7.

³⁸ Стороженко Николай Ильич (1836–1906) — литературовед, шекспировед; профессор Московского университета (1879–1906).

³⁹ Миллер Всеволод Федорович (1848–1913) — филолог, фольклорист, этнограф; академик Императорской Академии наук (1911); профессор Московского университета (1882–1911).

⁴⁰ Фортунатов Филипп Федорович (1848–1914) — лингвист, основатель московской лингвистической школы; ординарный академик ИАН (1898).

⁴¹ Масальская Е.А. Ук. соч. С. 240.

нял его всецело под свое руководство»⁴², Алексей познакомился с Ф.Е. Коршем⁴³, который также оказал большое влияние на дальнейшее развитие его научных интересов.

Таким образом, состоялись первые знакомства А.А. Шахматова с известными московскими филологами. Одновременно с общей филологической подготовкой он приступил и к практическим занятиям историей русского языка, которые велись под руководством Ф.Ф. Фортунатова и заключались в детальном палеографическом описании древнейших рукописей и сверке с ними изданий. Уже в 1881 г. результатом этих занятий явилась первая печатная работа А.А. Шахматова⁴⁴, вышедшая в журнале «Archiv für slavische Philologie», издаваемом И.В. Ягичем⁴⁵. Эта статья указывала на ошибки в издании текста Жития Феодосия, опубликованного в 1879 г. по списку, входящему в состав Успенского сборника, датируемого концом XII в. — началом XIII в.⁴⁶

Непосредственное, вдумчивое изучение древнерусских оригиналов быстро дало А.А. Шахматову надежный материал для критики чужих концепций и самостоятельных языковых построений. Способности молодого языковеда к критической оценке, его эрудиция и научная одаренность стали очевидны широкому кругу филологов 13 сентября 1882 г., когда он, будучи учеником 7-го класса гимназии, блестяще выступил оппонентом из публики на диспуте в Московском университете во время защиты А.И. Соболевским⁴⁷ магистерской диссертации «Исследования в области русской грамматики». Любопытно, что почти за полгода до того Ф.Ф. Фортунатов писал по поводу возможного выступления своего талантливого подопечного на предстоящей защите: «Очень бы мне хотелось, чтобы Шахматов был оппонентом на диспуте Соболевского и поучил бы кое-чему диспутанта, а последнему очень бы не мешало поучиться относительно того, как следует изучать русский язык»⁴⁸. По его мнению, во время выступления на диспуте А.А. Шахматов «обнаружил отличные знания и возражал вообще великолепно»⁴⁹. Его высказывания по поводу спорных вопросов, затрагиваемых в диссертации, произвели серьезное впечатление и были убедительны в силу прекрасного знакомства с первоисточниками — древними рукописями, в отличие от А.И. Соболевского, опиравшегося на печатные тексты⁵⁰. В следующем году свои мысли по поводу этой диссертации А.А. Шахматов опубликовал в виде статьи⁵¹, где он впервые указал

⁴² Виноградов В.В. Алексей... С. 12.

⁴³ Корш Федор Евгеньевич (1843–1915) — филолог, славист, востоковед; профессор Московского университета (1893), ординарный академик ИАН (1900).

⁴⁴ Schachmatow A. Zur Kritik der altrussischen Texte // Archiv für slavische Philologie. 1881. Bd. V. S. 613–623.

⁴⁵ Ягич Игнатий Викентьевич (1838–1923) — филолог-славист, палеограф; член Югославянской академии наук и искусств (1866), ординарный академик ИАН (1881).

⁴⁶ Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского // Чтения в Императорском обществе истории и древности российских при Московском университете. Кн. 1. Январь-март. 1879. С. 1–42.

⁴⁷ Соболевский Алексей Иванович (1856–1929) — лингвист, филолог-славист, палеограф; ординарный академик ИАН (1900).

⁴⁸ Korespondencija Vatroslava Jagića. Кн. 3. Pisma iz Rusije. 1865–1886. II. Zagreb, 1983. S. 243.

⁴⁹ Там же. S. 261.

⁵⁰ Черновик возражений сохранился в СПбФ АРАН (Ф. 134. Оп. 1. Д. 279).

⁵¹ Schachmatow A. Beiträge zur russischen Grammatik // Archiv für slavische Philologie. 1883. Bd. VII. S. 57–77.

на возможность использования характерных особенностей древнерусских литературных памятников для исследования отдельных наречий и определения местностей, с которыми они связаны.

В 1883 г. А.А. Шахматов окончил гимназию с серебряной медалью и, по его собственным словам, «с радостью» поступил на историко-филологический факультет Московского университета⁵². По совету своих наставников в качестве специализации он выбрал не словесное, а классическое отделение, — «в целях ближайшего приобщения к методам наиболее совершенно разработанной филологической ветви»⁵³. Но основной научный интерес для молодого студента по-прежнему представляли памятники древнерусской письменности. Уже на втором курсе он подготовил свое первое самостоятельное исследование, посвященное языку новгородских грамот XIII–XIV вв. и принятое для публикации в академическом издании⁵⁴. В те же годы внимание А.А. Шахматова привлекло изучение живых народных говоров. Получив от Академии наук 100 руб. за упомянутую выше работу, летом 1884 г. он отправился для их изучения на север России, в Архангельскую и Олонецкую губернии. Там Шахматов посетил Петрозаводский и Повенецкий уезды и особенно обстоятельно познакомился с так называемым Заонежьем. В ходе поездки ему удалось собрать 71 сказку⁵⁵, несколько свадебных песен, причитаний и былин Олонецкой губернии⁵⁶. Снова А.А. Шахматов отправился туда через два года, побывав в Повенецком и Пудожском уездах, а также на восточном берегу Онежского озера. В результате этих двух диалектологических поездок А.А. Шахматовым был собран богатый лингвистический материал и сделаны интересные языковые наблюдения.

Чтобы глубже осмыслить особенности олонецких говоров, А.А. Шахматов решил провести их подробное сопоставление с другими русскими говорами, опираясь на уже имеющиеся в научной литературе данные, но, к сожалению, их оказалось недостаточно. Тогда с целью углубления знаний в этой области он издал небольшую специальную программу⁵⁷ и, благодаря присылаемым на нее ответам, получил возможность аккумулировать обширный диалектологический материал.

Постепенно исследовательские интересы А.А. Шахматова все больше расширялись. По определению В.В. Виноградова, в те годы «его творчество, выходя за пределы русской диалектологии на широкое поле славяноведения, влечется к самым запутанным и сложным проблемам акцентологии»⁵⁸. По совету И.В. Ягича, он обращается к изучению сербохорватского языка, в особенности его фонетики

⁵² Шахматов Алексей Александрович // Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук. Ч. 2. Пг., 1917. С. 231.

⁵³ Басаргина Е.Ю. «Жизнь и смерть А.А. Шахматова»: слово профессора А.А. Грушки на заседании памяти А.А. Шахматова в 1921 г. // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб., 2015. С. 32.

⁵⁴ Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1886. С. 131–285.

⁵⁵ Он же. Записи сказок Олонецкой губернии // Северные сказки / Сост. Н.Е. Ончуков. СПб., 1908. (Записки РГО. Т. XXXIII). С. 201–351.

⁵⁶ Кирикова О.А. По ступеням академических степеней: публикация записок об ученых трудах А.А. Шахматова // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. СПб., 2015. С. 48–49.

⁵⁷ Шахматов А.А. Программа для собрания особенностей народных говоров. Ярославль, 1887.

⁵⁸ Виноградов В.В. Алексей... С. 17.

и ударения. Ударение в этом языке не претерпело значительных изменений со времен общеславянского языкового единства, и поэтому оно позволяет воссоздать с высокой степенью надежности особенности общеславянского ударения и ряда других обусловленных им фонетических процессов славянской древности⁵⁹. Проблеме общеславянского ударения молодой филолог посвящает свою выпускную работу.

В 1887 г. А.А. Шахматов окончил курс историко-филологического факультета, представив сочинение на степень кандидата «О долготе и ударении в общеславянском языке», и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре русского языка и словесности. В 1888 г. ему была назначена годовая стипендия в размере 600 руб.⁶⁰ В том же году он публикует обширную статью, посвященную истории сербохорватских ударений, отразившую результаты его исследований в этой области⁶¹. В 1890 г. в «Русском филологическом вестнике» выходит заключительная часть вышеупомянутой статьи⁶².

Научный интерес А.А. Шахматова к истории славянского ударения не ослабевает. По его инициативе и при его же активном участии в Москве объединились молодые ученые, увлеченные научным наследием Юрия Крижанича⁶³, работавшего над созданием общеславянского языка и упорядочением славянского правописания. Свою главную цель члены этого научного кружка видели в полном издании всех сочинений хорватского энциклопедиста.

Это намерение побудило А.А. Шахматова заняться языком Ю. Крижанича и преимущественно особенностями ударения в его рукописях в тесной связи с историей сербохорватского ударения вообще. Итогом исследований ученого по этому вопросу явилась объемная работа «Юрий Крижанич о сербско-хорватском ударении», опубликованная в нескольких номерах Русского филологического вестника⁶⁴.

В 1889 г. А.А. Шахматов сдал два магистерских экзамена: по истории русской литературы у профессора Н.С. Тихонравова⁶⁵ и по истории русского языка у профессора Р.Ф. Брандта⁶⁶. Последний магистерский экзамен по всеобщей литературе у профессора Н.И. Стороженко А.А. Шахматов сдал в январе 1890 г., после чего историко-филологический факультет Московского университета разрешил ему представить магистерскую диссертацию⁶⁷.

⁵⁹ Макаров В.И. А.А. Шахматов... С. 48.

⁶⁰ Басаргина Е.Ю. «Жизнь и смерть А.А. Шахматова»... С. 32.

⁶¹ Шахматов А.А. К истории сербско-хорватских ударений // Русский филологический вестник. Т. XIX. 1888. № 2. С. 157–227. См. также: Шахматов А.А. Поправки к статье «К истории сербско-хорватских ударений» // Русский филологический вестник. Т. XX. 1888. № 3–4. С. 321–322.

⁶² Шахматов А.А. К истории сербско-хорватских ударений // Русский филологический вестник. Т. XXIV. № 3. 1890. С. 1–27.

⁶³ Крижанич Юрий (ок. 1618–1683) — хорватский богослов, философ, писатель, лингвист, историк, этнограф, публицист и энциклопедист, священник-миссионер, выступавший за унию католической и православной церквей и за единство славянских народов.

⁶⁴ Шахматов А.А. Юрий Крижанич о сербско-хорватском ударении // Русский филологический вестник. Т. XXXII. 1894. № 4. С. 250–260; Т. XXXIII. 1895. № 1–2. С. 298–327; Т. XXXIV. №. 3. С. 87–124; Т. XXXIV. №. 4. С. 204–222.

⁶⁵ Тихонравов Николай Саввич (1832–1893) — филолог, археограф, историк русской литературы; ординарный академик ИАН (1890); ректор Московского университета (1877–1883).

⁶⁶ Брандт Роман Федорович (1853–1920) — филолог, славист; член-корреспондент ИАН (1902).

⁶⁷ Кирикова О.А. По ступеням... С. 50.

В марте 1890 г. он успешно прочел две пробные лекции в университете: «По вопросу о составе Повести временных лет. О сочинениях преподобного Нестора» и «Об именительном падеже множественного числа на *а* и *ы*». Осенью 1890 г. Московский университет назначает А.А. Шахматова на должность приват-доцента, и он приступает к чтению студентам историко-филологического факультета V и VI семестров обучения лекций по истории русского языка. Эти лекции были отлитографированы для слушателей⁶⁸.

Однако работа А.А. Шахматова в качестве преподавателя продолжалась недолго. В начале 1891 г. он покинул университет. Поступок этот был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, на его решение отчасти повлияла материальная необеспеченность: получаемого в университете жалования не хватало на жизнь. Несколько поправить положение помогли дополнительные уроки латинского языка, взятые в 7-й гимназии⁶⁹. Однако вследствие этого свободного времени для научной работы стало катастрофически не хватать⁷⁰.

Кроме того, ученого настигает душевный кризис. Его возмущает, что преподавание филологических дисциплин в университетах фактически сосредоточилось в руках людей, среди которых очень мало истинных приверженцев науки, и многие из них не имеют даже степени магистра. Еще в конце сентября 1890 г. он пишет Ф.Е. Коршу следующее: «Отсутствие вокруг живого интереса, сознание, что его не возбудить — это убийственно влияет на начинающих преподавателей, — я говорю не столько о слушателях, которых я и не знаю еще близко, а так вообще о всей окружающей среде, исключая, конечно, [Ф.Ф.] Фортунатова. Он один мешает мне расстаться с Университетом»⁷¹. В декабре 1890 г. А.А. Шахматов окончательно укрепляется в своем желании покинуть университет до тех пор, пока не получит ученую степень. По его мнению, только в этом случае можно считать себя достойным «высокой чести читать в университете»⁷².

В январе 1891 г. А.А. Шахматов выбыл из числа приват-доцентов Московского университета и поступил на должность земского начальника в родной для себя Саратовской губернии. Институт земских начальников был учрежден как административно-судебный орган в соответствии с «Положением о земских участковых начальниках», утвержденным 12 июля 1889 г. указом Александра III Правительствующему Сенату «О преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в Империи». По словам В.В. Виноградова, в А.А. Шахматове вспыхивает горячая любовь к деревне, к русскому крестьянству и вера в него, которую он сохранил на протяжении всей жизни⁷³.

Ученый, по собственным словам, стал с увлечением изучать крестьянский быт и формы крестьянского землевладения⁷⁴. Его деятельность на посту земского начальника выпала на тяжелые для Саратовской губернии годы. 1891 г. оказался

⁶⁸ Шахматов А.А. Русский язык: Лекции, читанные в Императорском Московском университете. 1890–1891 академический год. М., 1890.

⁶⁹ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 14. Л. 3 об.

⁷⁰ Макаров В.И. А.А. Шахматов... С. 53.

⁷¹ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Д. 363. Л. 5.

⁷² Макаров В.И. Ук. соч. С. 54.

⁷³ Виноградов В.В. Алексей... С. 18.

⁷⁴ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 14. Л. 3 об.

неурожайным, и для пострадавшего населения потребовалась продовольственная помощь. В следующем 1892 г. в губернию пришла холера, и там начались холерные беспорядки. Ни призывы московских друзей вернуться, ни лестные предложения университетского начальства продолжить научную работу и занятия со студентами, в том числе с обещанием существенно повысить жалование, не смогли поколебать решимости А.А. Шахматова «отдать несколько лет на непосредственное служение простому народу»⁷⁵.

Однако, несмотря на огромную занятость земскими делами, он нашел в себе силы начать в 1892 г. работу над магистерской диссертацией, в которой «хотел попытаться подвести итоги своим многолетним занятиям по истории русского языка», но «ввиду богатства материала, для непосредственной цели, конечно, необходимо было ограничиться и остановиться на одной какой-либо части обширного вопроса, и А.А. Шахматов выбрал, идя по стопам новейшей лингвистической школы, область русской фонетики»⁷⁶. Диссертация была опубликована в «Русском филологическом вестнике» за 1893–1894 гг.⁷⁷ и внесла весомый вклад в славянскую грамматику. В филологической литературе тех лет не было труда, равного ей «по широте взглядов, по богатству данных, по остроумию соображений»⁷⁸.

Публичная защита диссертации состоялась 12 марта 1894 г. в Московском университете. Оппонентами выступили Ф.Ф. Фортунатов, Р.Ф. Брандт, В.Ф. Миллер и Ф.Е. Корш. Уровень подготовленной Шахматовым работы, хотя сам он считал ее недостаточно продуманной, оказался настолько высок, что по решению историко-филологического факультета 29-летнему соискателю была присуждена степень доктора русского языка и словесности, минуя степень магистра.

В мае 1894 г. А.А. Шахматов получил официальное предложение от Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) занять место адъюнкта Императорской академии наук⁷⁹. Ученый ответил согласием и написал следующее: «Любовь к русской науке и живой интерес к ней заставляют меня волноваться при одной мысли работать в Академии наук»⁸⁰. В июне 1894 г. кандидатура А.А. Шахматова была принята в Отделении, а 12 ноября он был практически единогласно избран в адъюнкты⁸¹. Получив известие об этом, А.А. Шахматов 16 декабря 1894 г. приехал в Санкт-Петербург и уже на следующий день участвовал в первом для себя заседании Отделения.

Избирая в свой состав А.А. Шахматова, ОРЯС предполагало поручить молодому и талантливому филологу редактирование «Словаря русского языка». В мае 1893 г. скоропостижно скончался Я.К. Грот⁸², последние годы жизни посвятивший

⁷⁵ Виноградов В.В. Ук. соч. С. 19.

⁷⁶ Кирикова О.А. По ступеням... С. 50–51.

⁷⁷ Шахматов А.А. Исследования в области русской фонетики // Русский филологический вестник. Т. XXIX. 1893. № 1. С. 1–50; Т. XXIX. 1893. № 2. С. 229–307; Т. XXX. 1893. № 3. С. 86–149; Т. XXX. 1893. № 4. С. 193–251; Т. XXXI. 1894. № 1–2. С. 1–65.

⁷⁸ Кирикова О.А. Ук. соч. С. 51.

⁷⁹ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 14. Л. 3 об.

⁸⁰ Цит. по.: Виноградов В.В. Алексей... С. 20.

⁸¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 84. Л. 1.

⁸² Грот Яков Карлович (1812–1893) — филолог-славист; ординарный академик (1858), вице-президент (1889–1893) ИАН.

составлению словаря, кончину которого коллеги по отделению восприняли как «крайне чувствительную потерю»⁸³. Однако они единодушно признавали первоначальную программу издания словаря «неудовлетворительной» и требующей корректировки. Этот вопрос поднимался на заседании отделения 17 декабря 1894 г.⁸⁴

Тщательно изучив готовившийся к печати материал, извлеченный из произведений более ста русских писателей, А.А. Шахматов пришел к выводу, что словарь не должен ограничиваться только литературными источниками. Лексика художественной литературы, по его мнению, могла служить только подспорьем при определении значений слов и особенностей их употребления, а настоящим источником для словаря должен стать живой русский язык⁸⁵. Отделение не сразу согласилось с этой концепцией, предложенной новоизбранным адъюнктом, но в итоге приняло ее.

Летом 1895 г. А.А. Шахматов прерывает кабинетную работу над словарем и едет в Калужскую область для изучения местных говоров. По возвращении он пишет Ф.Ф. Фортунатову: «Чувствую, что теперь буду постоянно ездить по России. Это моя задача и обязанность, в особенности когда видишь, как гибнут особенности русских говоров»⁸⁶. Осознавая, что под воздействием литературного языка говоры постепенно утрачивают свою самобытность, А.А. Шахматов с еще большей решительностью старается сохранить их особенности на страницах подготавливаемого им словаря.

С целью организации в России обширной работы по собиранию особенностей местных говоров ученый взялся за разработку и составление специальных программ, которые были опубликованы уже в 1896 г.⁸⁷ Ответы на эти программы, содержащие богатый диалектологический материал, начали в больших количествах поступать в распоряжение отделения.

Однако деятельность А.А. Шахматова в ОРЯС не ограничивалась работой над словарем. Так, благодаря внесенному им с А.Ф. Бычковым⁸⁸ предложению, с 1896 г. Отделение возобновляет выпуск журнала «Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», в котором печатались научные работы по славянской филологии вообще и русской в частности. Также по инициативе А.А. Шахматова Академия наук принимает решение подготовить к публикации полное собрание сочинений русских писателей. Вместе с академиком М.И. Сухомлиновым⁸⁹ он разрабатывает подробный план этого издания.

В 1896 г. произошли изменения в личной жизни А.А. Шахматова. 31 марта 1896 г. он женился на Наталье Александровне Градовской (1870–1941/42?), дочери про-

⁸³ Кирикова О.А. По ступеням... С. 41.

⁸⁴ СПбФ АРАН. Ф. 90. Оп. 3. Д. 95. Л. 80.

⁸⁵ Макаров В.И. А.А. Шахматов... С. 64.

⁸⁶ Цит. по.: Макаров В.И. А.А. Шахматов... С. 66.

⁸⁷ Шахматов А.А. Программа для собирания особенностей говоров северновеликорусского наречия // ИОРЯС. 1896. Т. I. Кн. 1. С. 179–234; Программа для собирания особенностей говоров южновеликорусского наречия // ИОРЯС. 1896. Т. I. Кн. 3. С. 593–646.

⁸⁸ Бычков Афанасий Федорович (1818–1899) — историк, археограф, палеограф, академик (1869), директор Императорской публичной библиотеки (1882–1899).

⁸⁹ Сухомлинов Михаил Иванович (1828–1901) — филолог, историк литературы; ординарный академик ИАН (1876).

фессора права Д.А. Градовского⁹⁰. На следующий день после свадьбы Академия наук командировала ученого за границу для углубленного изучения диалектов южных славянских языков. С молодой супругой он посетил города Цетине, Никшич и Будву в Черногории, Рагузу (совр. Дубровник), Меткович и Брод (совр. Славонски-Брод) — в Хорватии, Мостар и Сараево — в Боснии.

Из Брода А.А. Шахматов 30 мая 1896 г. писал А.Ф. Бычкову следующее: «Своею поездкою я очень доволен: как будто устанавливается у меня нравственная связь со славянством, к которому мы так близки, и которое в лучшей своей части возлагает столько надежд на Россию. В Сараеве мне удалось отметить некоторые местные особенности произношения, а также получить запись одной интересной сербской народной песни о крещении Руси... Брод, который меня особенно интересовал еще в России, даст мне, вероятно, возможность написать обстоятельную статью о славонском наречии»⁹¹.

Между тем А.А. Шахматов сохранял исследовательский интерес и к литературным памятникам древней Руси. В 1896 г. он опубликовал работу, посвященную житию св. Феодосия⁹², а годом позже вышли его статьи о летоисчислении и древнейших редакциях «Повести временных лет»⁹³, а также о хронологии русских летописных сводов⁹⁴. Необычайно продуктивная и разносторонняя деятельность А.А. Шахматова всего за два с половиной года, прошедших с момента избрания в адъюнкты, доказала, что надежды, возлагавшиеся на него Академией наук, блестяще оправдались. Заслуги ученого были настолько очевидны, что 3 мая 1897 г. он был единогласно избран экстраординарным академиком⁹⁵, хотя по Уставу академии адъюнкт получал «право просить достоинства и выгод экстраординарного академика» только по прошествии шести лет⁹⁶.

В декабре 1897 г. вышел первый выпуск «Словаря русского языка» под редакцией А.А. Шахматова⁹⁷, продемонстрировавший ученому сообществу, какая грандиозная работа была им осуществлена. Скоро были опубликованы еще два выпуска словаря⁹⁸. Продолжались и исследования в области древнерусского летописания. Так, в 1898 г. Шахматов опубликовал большую статью «Житие Антония и Печерская летопись»⁹⁹, а на следующий год несколько работ, посвященных

⁹⁰ Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889) — правовед, историк, публицист; профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета по кафедре государственного права (с 1868).

⁹¹ Цит. по.: *Виноградов В.В.* Алексей... С. 23–24.

⁹² *Шахматов А.А.* Несколько слов о Несторовом житии св. Феодосия // ИОРЯС. 1896. Т. I. Кн. 1. С. 46–65.

⁹³ *Шахматов А.А.* Исходная точка летоисчисления Повести временных лет // ЖМНП. 1897. Ч. СССХ. Март. С. 217–222; Древнейшие редакции Повести временных лет // ЖМНП. 1897. Ч. СССХIII. Октябрь. С. 209–259.

⁹⁴ *Он же.* Хронология древнейших русских летописных сводов // ЖМНП. 1897. Ч. СССХ. Апрель. С. 463–482.

⁹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 84. Л. 13.

⁹⁶ По сути, данная степень не отличалась от степени адъюнкта, но воспринималась как «настоящая» и давала занимавшему ее человеку более существенные материальные выгоды (*Кирикова О.А.* По ступеням... С. 43).

⁹⁷ Словарь русского языка. Т. II. Вып. 1. Е — Железный. СПб., 1897.

⁹⁸ Там же. Т. II. Вып. 2. Железный — За. СПб., 1898; Т. II. Вып. 3. За — Заграчить. СПб., 1899.

⁹⁹ *Шахматов А.А.* Житие Антония и Печерская летопись // ЖМНП. 1898. Ч. СССХVI. Апрель. С. 105–149.

изучению хронографа — сборника, составленного в XV в. на основе южнославянских переводных и оригинальных сочинений и дополненного русскими летописными статьями. Это, прежде всего, объемное сочинение «К вопросу о происхождении хронографа»¹⁰⁰, статья «Путешествие М.Г. Мисюря Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г.»¹⁰¹, а также небольшая заметка «Пахомий Логофет и Хронограф»¹⁰², относящаяся к вопросу «о том, когда и где именно составлена эта любопытная компиляция из византийских хроник, южнославянских исторических памятников и русских летописей»¹⁰³.

В эти же годы А.А. Шахматов опубликовал ряд работ, посвященных исследованиям в области русского языка, что составляло одну из главных задач, стоявших перед ОРЯС и его сотрудниками. Во-первых, это сочинение «К истории ударений в славянских языках»¹⁰⁴, в котором ученый вновь обращается к хорошо знакомой ему проблеме общеславянского ударения. Также следует упомянуть обширную работу «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей»¹⁰⁵. В ней А.А. Шахматов на основании диалектологического материала и сопоставления его с историческими данными о расселении древнерусских племен приходит к заключению, что «русский язык еще в доисторическое время распался на три группы говоров: севернорусскую, среднерусскую и южнорусскую»¹⁰⁶.

Все вышеупомянутые труды, подготовленные со свойственной ученому тщательностью и знанием предмета, позволили в скором времени, всего через два с половиной года с момента предыдущего избрания, представить кандидатуру А.А. Шахматова на степень ординарного академика по Отделению русского языка и словесности. На Общем собрании Академии наук 4 декабря 1899 г. он был избран практически единогласно (25 голосов — за, 3 голоса — против), достигнув к 35 годам высшей академической степени. К этому времени А.А. Шахматов был избран членом Общества любителей древней письменности и искусства (1895), Русского географического общества (1896), Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1896) и Общества любителей российской словесности при Московском университете (1899).

Год избрания академиком закончился для А.А. Шахматова назначением на должность директора I (Русского) отделения Библиотеки АН вместо А.А. Куника¹⁰⁷, оставившего свой пост по состоянию здоровья. С приходом нового директора в работе отделения произошел ряд значительных перемен. Во-первых, были устранены привилегии в пользовании фондами библиотеки. Отныне ее посещение раз-

¹⁰⁰ Шахматов А.А. К вопросу о происхождении Хронографа // Сборник ОРЯС. 1899. Т. LXVI. № 8. С. 1–121.

¹⁰¹ Путешествие М.Г. Мисюря Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. // ИОРЯС. 1899. Т. IV. Кн. 1. С. 200–222.

¹⁰² Шахматов А.А. Пахомий Логофет и Хронограф // ЖМНП. 1899. Ч. CCCXXI. Январь. С. 200–207.

¹⁰³ Шахматов А.А. Пахомий... С. 200.

¹⁰⁴ Шахматов А.А. К истории ударений в славянских языках // ИОРЯС. 1898. Т. III. Кн. 1. С. 1–34.

¹⁰⁵ Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // ЖМНП. 1899. Ч. CCCXXII. Апрель. С. 324–384.

¹⁰⁶ Там же. С. 328.

¹⁰⁷ Куник Арист Аристович (1814–1899) — историк, филолог, этнограф, нумизмат; экстраординарный академик ИАН (1850); директор I Отделения (1858–1899).

решалось не только ученым, но и преподавателям гимназий, а также студентам¹⁰⁸. Ввиду катастрофической нехватки места в помещениях библиотеки, А.А. Шахматов отдал директорский кабинет для размещения в нем читательского абонемента. Отказался он и от полагающегося ему жалования, передав эти деньги в пользу учреждения¹⁰⁹, которое отчаянно нуждалось в реорганизации и закупке новой литературы, так как средств, выделяемых правительством на содержание библиотеки, не хватало.

По инициативе А.А. Шахматова в отделении были созданы новые отделы: картографический, нотный, иконографический, отдел отчетов и ряд других. Большие усилия были приложены для организации при библиотеке специального Рукописного отделения. Так, 2 октября 1899 г., он поднял вопрос о необходимости его учреждения на заседании Общего собрания Академии наук. Кратко изложив историю рукописного фонда, А.А. Шахматов обратил внимание на проблему ненадлежащего уровня хранения уникального материала. Он предложил концепцию развития самостоятельного Рукописного отделения как собрания рукописных и старопечатных книг, а также личных архивов ученых. По мысли директора, первостепенными задачами нового отделения должны были стать полная рекаталогизация и обработка неописанной части фонда. Предполагалось, что в результате всех предложенных преобразований фонд ценных рукописей и книг превратится из доступного только лишь малому числу ученых, а порой и недоступного вовсе из-за отсутствия научно-технической обработки материалов, склада в открытый для широкой публики отдел библиотеки¹¹⁰. В завершение своего выступления А.А. Шахматов обратился с просьбой также возбудить ходатайство об учреждении специальной должности ученого хранителя рукописей.

Доклад директора Русского отделения возымел действие, и 11 февраля 1900 г. Департамент промышленности, наук и торговли Государственного совета принял решение учредить при Первом отделении библиотеки Императорской Академии наук должность ученого хранителя рукописей¹¹¹. С 1 января 1901 г. Рукописное отделение официально стало самостоятельным подразделением Русского отделения библиотеки. Должность ученого хранителя рукописей, по предложению А.А. Шахматова, занял В.И. Срезневский¹¹².

В начале 1900-х гг. в Академию наук все чаще стали поступать запросы и обращения, направляемые различными учебными ведомствами и учреждениями, по проблеме упрощения русского правописания в интересах школьного образования. Архаичность правописания, многие принципы которого уже не имели на тот момент под собой никакого основания в живой разговорной речи, принуждала

¹⁰⁸ *Круглый А.О.* Воспоминания об А.А. Шахматове как директоре I-го отделения Библиотеки Российской Академии наук // ИОРЯС. 1922. Т. XXV. С. 247–252; *Срезневский В.И.* Из припоминаний об А.А. Шахматове в Академической библиотеке // ИОРЯС. 1922. Т. XXV. С. 243.

¹⁰⁹ *Копанева Н.П.* Алексей Александрович Шахматов в библиотеке Академии наук // 275 лет Библиотеке Академии наук: Сборник докладов юбилейной научной конференции / Отв. ред. В.П. Леонов. Л., 1991. С. 250.

¹¹⁰ *Подковырова В.Г.* А.А. Шахматов... С. 71–72.

¹¹¹ *Подковырова В.Г.* Ук. соч. С. 72.

¹¹² Срезневский Всеволод Измаилович (1867–1936) — историк литературы, археограф, палеограф, библиограф; член-корреспондент ИАН (1906).

учащихся к запоминанию наизусть огромного количества правил, что отнимало слишком много времени.

Педагогические общества при Московском, Казанском и Одесском университетах, начиная с 1900 г., взялись за разработку проектов орфографической реформы, призванной упростить русское правописание. Не оставив без внимания запросы общественности, ОРЯС 14 февраля 1904 г. учредило специальную Комиссию по вопросу о русском правописании под председательством президента Академии наук вел. кн. Константина Константиновича¹¹³. В нее, помимо А.А. Шахматова, вошли многие академики и более 40 представителей учебных ведомств и учреждений.

12 апреля 1904 г. прошло первое и единственное заседание Комиссии по вопросу о русском правописании, в результате которого большинством голосов была признана необходимость реформы и исключения из алфавита ряда букв (ѣ, ъ, ѳ, і). Избранной в заседании орфографической подкомиссии под председательством Ф.Ф. Фортунатова поручили выработать проект упрощения орфографии. Подготовленный проект был опубликован в 1904 г.¹¹⁴ и вызвал горячую полемику в обществе. Консерваторы начали обвинять Академию наук в посягательстве не только на основы русского языка и его орфографические традиции, но даже на скрепы русского народного единства. Но позиция Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова в отношении орфографической реформы была четкой и непоколебимой. По их мнению, реформа существующего правописания необходима в интересах русской культуры и просвещения. Отвечая на многочисленные нападки и упреки в статье, опубликованной в газете «Русь» 10 мая 1904 г., А.А. Шахматов высказал свое глубокое убеждение, что «русские люди, чутко относящиеся к родной речи, поймут, что не искажена эта речь, а освобождена от уродливых наростов, путем письма проникающих и в произношение»¹¹⁵.

Однако старания противников реформы поколебали мнение вел. кн. Константина Константиновича, который в итоге пришел к следующему выводу: «Коренные преобразования возможны лишь имущим власть провести их. Ни наша подкомиссия, ни комиссия, ни сама Академия наук такую власть не облечены. А потому, предлагая изменение или упрощение правописания, мы должны помнить, что навязать их насильственно не можем и должны избегать всякой ломки и излишних затруднений»¹¹⁶. Предложенная реформа не была поддержана правительством, а работа по ее подготовке остановлена на неопределенное время.

Начало XX в. явилось для России временем глубоких экономических и политических потрясений: кровопролитная война с Японией, непрекращающиеся забастовки рабочих и студенческие волнения, усиление движения либеральных сил. Университеты стали крупными очагами революционного движения. Многократное увеличение числа студенческих забастовок и нарастающее возмущение обществен-

¹¹³ Романов Константин Константинович (поэтический псевдоним К. Р., 1858–1915) — великий князь, генерал-адъютант (1901), генерал от инфантерии (1907); поэт, переводчик, драматург; президент ИАН (1889–1915).

¹¹⁴ Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии. СПб., 1904.

¹¹⁵ Шахматов А.А. *Audiat et altera pars*. (По поводу статьи г-на К. Л. М.) // Русь. 10 мая 1904. № 147.

¹¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 842. Л. 129.

ности вынудили поднять вопрос о том, что только реформа государственного строя и избавление от бюрократического произвола вернут высшим учебным заведениям необходимое для них спокойствие¹¹⁷.

Вовлеченность ученых во внутривластные процессы существенно возросла и приобрела национальный масштаб. Так, еще в 1899 г. академическое сообщество взволновала учиненная полицией расправа над студентами. Многие профессора высших учебных заведений Санкт-Петербурга выступили в их защиту и составили предложения по либерализации университетской администрации. В ответ правительство назначило попечителем Петербургского учебного округа академика Н.Я. Сонина¹¹⁸, являвшегося сторонником жестких мер против бунтовщиков. Едва вступив в новую должность, он уволил из университета часть преподавателей.

В январе 1901 г. в Киеве вспыхнули беспорядки, в результате которых 183 студента университета были отданы в солдаты. В связи с этим в феврале-марте 1901 г. во многих университетских городах прошли демонстрации и «забастовки сочувствия». 27 участников забастовки студентов Петербургского университета также были отданы в солдаты. Учащаяся молодежь в знак солидарности с ними организовала 4 марта 1901 г. в Петербурге около Казанского собора манифестацию, но собравшиеся были жестко разогнаны полицией и казаками.

Деятели просвещения, науки и литературы, в числе которых был и А.А. Шахматов, обратились к правительству с письменным заявлением, в котором требовали наказать виновных в избиении студентов и реформировать систему высшего образования. Об этой бумаге доложили Николаю II, потребовавшему уволить всех, кто ее подписал. Но члены Академии наук были наказаны лишь устным выговором президента. По его требованию А.А. Шахматов написал объяснительную записку, в которой рассказал о причинах своего участия в составлении вызвавшего недовольство императора документа: «Относиться равнодушно ко всем этим порядкам, видеть, как тиранят и топчут очаги нашего просвещения, как в них и из-за их неустройства погибает гордость и радость всякой страны — молодое поколение — я не мог»¹¹⁹.

В эти и последующие годы А.А. Шахматов много размышлял о системе образования в России и возможностях ее усовершенствования. В своих статьях на эту тему¹²⁰ он высказывал суждение, что во всем происходящем в среде студенческой молодежи повинна русская университетская действительность и политика правительственных учреждений. По мнению А.А. Шахматова, необходима продуманная организация студентов, объединяющая их вокруг общей цели, которая должна быть заключена, прежде всего, в любви к науке и уважении к правде и добру.

¹¹⁷ Басаргина Е.Ю., Кирикова О.А. Противостояние Академии наук и власти в 1905 г. // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории. Кн. II / Сост. и отв. ред. д. и. н. И.В. Тункина. 2-е изд., испр. СПб., 2018. С. 708.

¹¹⁸ Сонин Николай Яковлевич (1849–1915) — математик; ординарный академик ИАН (1893); попечитель Петербургского учебного округа (1899–1901).

¹¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 412. Л. 12.

¹²⁰ Шахматов А.А. Н.И. Пирогов об университетах // Санкт-Петербургские ведомости. 1901. 29 марта. № 86; Еще об университетах // Санкт-Петербургские ведомости. 1901. 10 апреля. № 96; Служебные преимущества университетов // Санкт-Петербургские ведомости. 1901. 23 апреля. № 109; Чем должен дорожить университет? // Санкт-Петербургские ведомости. 1901. 7 июля. № 183.

К 1904 г. либеральные настроения в среде интеллигенции еще более усилились. Так, в декабре 1904 г. профессор Московского университета В.И. Вернадский¹²¹ в статье «О профессорском союзе»¹²² предложил идею создания всероссийского объединения преподавателей высших учебных заведений. Это воззвание возымело действие: в Петербурге профессора высшей школы организовали кружок, получивший наименование «Академический союз». Участниками этого кружка была выработана и составлена записка «Нужды просвещения», в которой отмечалось, что «народное просвещение в России находится в самом жалком положении, совсем не отвечающем ни насущным потребностям нашей родины, ни ее достоинству» и что «правительственная политика в области просвещения народа, внушенная преимущественно соображениями полицейского характера, является тормозом в его развитии, она задерживает его духовный рост и ведет государство к упадку»¹²³.

Согласно первоначальному замыслу, этот документ должен был стать резолюцией на банкете профессоров по случаю 150-летия Московского университета 12 января 1905 г. в Москве. Но за три дня до намеченной даты в столице произошло «Кровавое воскресенье». Члены «Академического союза» решили использовать свою записку «Нужды просвещения», подписи под которой поставили и некоторые члены Академии наук, в качестве объединительной платформы и опубликовать. 19 и 20 января 1905 г. открытое письмо преподавателей высших учебных заведений Санкт-Петербурга, под заглавием «Нужды просвещения (Записка 342 ученых)», появилось в газетах «Наши дни» и «Наша жизнь», а 27 января «Записка» была перепечатана в газете «Русь»¹²⁴. Эту декларацию подписали 16 действительных членов Академии наук, в числе которых был и А.А. Шахматов.

Президент Академии вел. кн. Константин Константинович, раздосадованный и обеспокоенный подобным выпадом, обвинил ученых в том, что они делают из науки орудие политики. В ответ А.А. Шахматов направил президенту письмо, в котором заявил, что являлся одним из идейных инициаторов «Записки», а не просто примкнувшим к остальным временным единомышленником. Академик уверенно отстаивает свою позицию: «Мы действительно порицаем правительство: порицаем его за то, что оно так мало сделало для народного образования... мы порицаем его за то, что оно, давно уже осознав недостатки университетского устава 1884 г., внесшего в высшие учебные заведения наши разложение, не устранило до сих пор ненормальных условий университетского строя... Мы не обвиняем во всем вышеизложенном личность того или другого министра; мы обвиняем все правительство, то есть весь строй подзаконных органов, которые осуществляют административные функции государственной власти»¹²⁵.

В январе 1905 г., через две недели после «Кровавого воскресенья», Комитет министров, пытаясь сдержать революционные настроения и оградить народные массы от влияния научной и общественно-политической литературы, принял по-

¹²¹ Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) — геолог, минералог, геохимик, историк науки, общественный деятель; ординарный академик ИАН (1912).

¹²² Вернадский В.И. О профессорском союзе // Наши дни. 1904. 20 декабря. № 3.

¹²³ Цит. по: Басаргина Е.Ю., Кирикова О.А. Противостояние... С. 710.

¹²⁴ Там же. С. 710–711.

¹²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 412. Л. 4–4 об.

ложение, согласно которому на Академию наук были возложены обязанности предоставлять отзывы на книги, которые были признаны Министерством внутренних дел вредными. И снова А.А. Шахматов не смог остаться в стороне и подготовил записку, в которой с негодованием потребовал освободить научное учреждение от вменяемых ему новых обязанностей: «Уничтожить произведение духовно-умственной деятельности человека, сжечь книгу научного или литературного содержания — есть преступление против науки, ибо всякое такое сочинение представляет объект научного исследования, беспристрастный суд над которым принадлежит не нам, современникам, а нашим потомкам»¹²⁶. В завершение своего послания ученый писал: «Традиции, унаследованные Академией наук из полуторавековой просветительной ее деятельности, слишком сильны и живучи: она не изменит своему характеру, она останется на той стезе, на какую возвели ее труды людей науки, деятелей просвещения. Академия наук не претендует на роль эксперта в политическом суде над книгой и всегда во всех без исключения случаях будет отстаивать право книги на существование»¹²⁷. Эта записка произвела впечатление на правительство, и впредь оно уже не решалось требовать от Академии наук ничего подобного.

Несмотря на нарастающее разочарование в существующем режиме, А.А. Шахматов, как и его коллеги по Академии наук, все еще верил в возможность оздоровления страны. Поэтому он дал согласие на избрание от Академии наук и университетов в состав Государственного совета Российской империи, который в 1906 г. фактически стал верхней палатой парламента и смог принимать участие в работе Государственной думы с правом законодательной инициативы. В том же году он стал членом конституционно-демократической партии¹²⁸ и ее петербургского городского комитета, а позднее вошел в ее центральный комитет. В Государственном совете А.А. Шахматов вместе с В.И. Вернадским и некоторыми другими учеными составил так называемую левую группу, в которой объединились наиболее либеральные члены верхней палаты. Но уже 9 июля 1906 г. академик отказался от звания члена Государственного совета в знак протеста против роспуска Первой Государственной думы. За три с небольшим месяца своей деятельности в верхней палате А.А. Шахматов произнес всего одну развернутую речь в ходе прений по поводу проекта ответного адреса императору, состоявшихся 4 мая 1906 г.¹²⁹ В этой речи он заявил о необходимости включения в адрес ходатайства о полной политической амнистии. Причиной его разочарования в политике явились, скорее всего, противоречия между выборными и назначенными императором членами верхней палаты. Особенно остро этот антагонизм ощущали кадеты, положение которых было «тяжелое, а подчас и двусмысленное. Большинство сотоварищей по Государственному совету считали их отщепенцами, случайно попавшими в общество седовласых бюрократов и промышленных тузов»¹³⁰.

¹²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 248. Л. 2 об.

¹²⁷ Там же. Л. 4 об.

¹²⁸ В личном фонде А.А. Шахматова в СПбФ АРАН сохранился его билет «члена Конституционно-демократического клуба» под № 175 (Ф. 134. Оп. 1. Д. 395 а. Л. 51).

¹²⁹ Громыко С.А. А.А. Шахматов — политический оратор (об одной речи, произнесенной в Государственном совете) // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. СПб., 2015. С. 60–61.

¹³⁰ Демин В.А. Левая группа // Государственный совет Российской империи 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 150–151.

В напряженные годы Первой русской революции научная работа А.А. Шахматова шла, по его собственным словам, несколько вяло. В это время он занимался редактированием последних выпусков второго тома «Словаря русского языка»¹³¹, а также принимал участие в подготовке к публикации очередного тома «Полного собрания русских летописей»¹³² и продолжал изучать «Повесть временных лет». В 1908 г. А.А. Шахматов опубликовал большой труд «Разыскания о древнейших русских летописных сводах»¹³³. В этой работе ученый «дал блестящий анализ исторической достоверности различных летописных и внелетописных сведений, дал исключительно тонкую характеристику политических идей, отразившихся в летописных сводах, бросил новый свет на всю русскую историю IX — начала XII в.»¹³⁴. Все литературные источники, которые А.А. Шахматов изучал на протяжении многих лет, ранее казавшиеся случайными и лишенными систематичности, предстали в его исследовании в строгой последовательности и четко продуманном порядке. В этой книге А.А. Шахматов изложил свою гипотезу о начале русского летописания. Так, он считал, что наиболее ранние записи исторических событий делались при Киевской митрополии в Софийском соборе. Он также предположил, что существовал Древнейший свод 1039 г., составленный на основе греческих переводных хроник и местного фольклорного материала.

В эти же годы выдающиеся научные заслуги академика получают мировое признание: ряд зарубежных ученых обществ избирает его в свои ряды. Так, 22 февраля 1904 г. А.А. Шахматов вошел в состав членов Сербской королевской академии философских наук¹³⁵. 20 января 1908 г. его избрал доктором философии Пражский королевский университет¹³⁶, а 29 сентября 1910 г. ученый был избран Берлинским университетом Фридриха Вильгельма доктором философии¹³⁷.

В ноябре 1906 г., после смерти академика А.Н. Веселовского¹³⁸, А.А. Шахматов стал председательствующим в Отделении русского языка и словесности. О состоянии дел в нем к началу 1900-х гг. у него сложилось довольно тягостное впечатление. Причина была в том, что многие члены Академии, по его мнению, с равнодушием относились к их общему делу. А.А. Шахматов, возглавив Отделение, решил значительно расширить его за счет привлечения новых сил, и благодаря его усилиям оно в скором времени стало настоящим духовным центром не только для российских ученых, но и для филологов других стран.

А.А. Шахматов старался оказывать содействие любому серьезному научному начинанию и с энтузиазмом помогал молодым ученым. Так, например, Отделение

¹³¹ Словарь русского языка. Т. II. Вып. 8. Заудак — Зелье. СПб., 1905; Т. II. Вып. 9. Зельце — Зятюшко. СПб., 1907.

¹³² Полное собрание русских летописей. Т. XVII. Западнорусские летописи / Под ред. С.Л. Пташицкого и А.А. Шахматова. СПб., 1907.

¹³³ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908 (Летопись занятий Императорской Археографической комиссии. Вып. 20).

¹³⁴ Лихачев Д.С. Шахматов — текстолог // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1964. Т. 23. Вып. 6. С. 484.

¹³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 398. Л. 19.

¹³⁶ Там же. Л. 31.

¹³⁷ Там же. Л. 37.

¹³⁸ Веселовский Александр Николаевич (1838–1906) — филолог, историк и теоретик литературы; ординарный академик ИАН (1881).

активно поддерживало исследования В.Н. Бенешевича¹³⁹, на протяжении многих лет собиравшего документы по истории римско-византийского права в рукописных хранилищах по всему миру. Благодаря финансовой помощи, полученной от ОРЯС, в 1901–1902 гг. ему удалось посетить греческий остров Патмос, а в 1907 г. он совершил поездку на Синайский полуостров с целью изготовления фотографических снимков рукописей, хранящихся в монастыре Св. Екатерины.

Всяческую поддержку ОРЯС оказывало и норвежскому филологу О. Брокку¹⁴⁰. Его знакомство с А.А. Шахматовым состоялось еще в 1888 г. в Москве, на семинаре Ф.Ф. Фортунатова, и очень скоро переросло в дружбу. По совету А.А. Шахматова норвежский ученый начал изучать русские диалекты. В 1900-е гг. О. Брок по поручению ОРЯС и на его средства занимался описанием особенностей северно- и южнорусских говоров. Его научная деятельность способствовала пробуждению интереса к русистике в скандинавских странах, где он пользовался репутацией «славянского посла»¹⁴¹.

Благодаря ходатайствам А.А. Шахматова Академия наук добилась в Государственной думе специального ассигнования на издание словаря нижнелужицкого языка, который подготовил серболужицкий ученый и общественный деятель А. Мука¹⁴². Этот труд, над которым автор работал на протяжении 35 лет, является одним из крупнейших вкладов в изучение славянских языков. Собирая материал для своего словаря, А. Мука посетил практически все населенные пункты Нижней Лужицы, где записывал живую народную речь. Когда работа над словарем уже подходила к концу, к будущему изданию проявили интерес Берлинская, Венская и Пражская академии наук, но ученый хотел опубликовать свой труд в России. А.А. Шахматов, понимая его важность и значение, еще осенью 1901 г. предложил серболужицкому ученому осуществить публикацию за счет средств ОРЯС¹⁴³. А. Мука ответил согласием на это предложение, уточнив, что словарь пока готов не полностью. Через несколько лет работа над ним была окончательно завершена, но планам издания помешала революция 1905–1907 гг. Только 18 марта 1911 г. А.А. Шахматов известил А. Муку, что средства на издание его труда все-таки получены Академией, и два месяца спустя ученый выслал А.А. Шахматову рукопись словарных статей первых двух букв¹⁴⁴. Однако печатание словаря продвигалось крайне медленно. К 1915 г. академическая типография имела в наборе 64 листа труда. Первый том словаря вышел в свет только в 1921 г.¹⁴⁵, уже после смерти

¹³⁹ Бенешевич Владимир Николаевич (1874–1938) — историк, византист, палеограф; член-корреспондент РАН (1924).

¹⁴⁰ Брок Олаф (1867–1961) — норвежский филолог-славист, переводчик, историк; член Норвежской академии наук (1896), член-корреспондент ИАН (1916).

¹⁴¹ Басаргина Е.Ю. Из истории пополнения состава Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук // «Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / Сост. и отв. ред. д. и. н. И.В. Тункина. СПб., 2018. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 14). С. 298.

¹⁴² Мука Арношт (1854–1932) — серболужицкий славист, этнограф, общественный деятель, педагог; член-корреспондент ИАН (1913).

¹⁴³ Лантева Л.П. Серболужицкий национальный деятель Арношт Мука (1854–1932) и его связи с русскими учеными // Славяноведение. 2005. № 4. С. 78.

¹⁴⁴ Лантева Л.П. Серболужицкий национальный деятель... С. 79.

¹⁴⁵ Словарь нижнелужицкого языка / Сост. проф. Э. Мука. Вып. 1. Пг., 1921.

А.А. Шахматова. Дальнейшая же часть рукописи оказалась утеряна. Но А. Мука смог восстановить утраченную часть своего труда по сохранившимся у него листам оригинала. В 1928 г. в Праге Чешской академией наук была издана полная версия словаря, включающая три тома.

Неизменной поддержкой Отделения также пользовался И.А. Бодуэн де Куртенэ¹⁴⁶, и не только в отношении своей научно-исследовательской деятельности. В 1913 г. он опубликовал брошюру в защиту национальных меньшинств¹⁴⁷, и за содержащиеся в ней высказывания был обвинен в антигосударственной деятельности и осужден на два года тюремного заключения в Петропавловской крепости. Однако из-за переполненности последней И.А. Бодуэн де Куртенэ отбывал наказание в тюрьме «Кресты». Благодаря ходатайствам Академии наук и петербургской интеллигенции во главе с академиком А.А. Шахматовым срок его заключения был уменьшен до нескольких месяцев.

Таким образом, деятельность А.А. Шахматова на посту председательствующего способствовала пополнению Отделения русского языка и литературы лучшими научными силами, как российскими, так и зарубежными. Академик не только лично оказывал существенную помощь в исследовательских начинаниях многим ученым, но также поддерживал их в разных, к сожалению, не всегда благоприятных, жизненных обстоятельствах.

В 1908 г., по ходатайству И.А. Бодуэна де Куртенэ, историко-филологический факультет Петербургского университета обратился к А.А. Шахматову с просьбой начать с осени текущего года чтение курса по истории русского языка в качестве приват-доцента. Академик ответил согласием, и 18 октября 1908 г. состоялась его первая лекция в университете. В 1910 г. он был утвержден в должности ординарного профессора по кафедре русского языка и русской литературы.

Обстановка в университетах между тем вновь накалялась. Участились массовые забастовки и демонстрации студентов. «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения», принятые 27 августа 1905 г., не отменяли Общий Устав университетов 1884 г., а приостанавливали его, возродив выборность ректора и деканов и расширив права Советов университетов. «Временные правила» стали результатом борьбы студентов и профессоров за восстановление автономии университетов. Они расценивались правительством как уступка, сделанная в период революции. В 1907–1910 гг. со стороны Министерства народного просвещения имели место попытки опять ограничить автономию университетов, но они не увенчались успехом благодаря сопротивлению профессуры и либеральной общественности.

Начало новой волны забастовок в университетах связывают со сходками студенчества по случаю смерти известного деятеля партии кадетов, профессора С.А. Муромцева¹⁴⁸, имевшими место в октябре 1910 г., и в особенности с массовы-

¹⁴⁶ Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович (польск. Baudouin de Courtenay Jan Niesiław Ignacy; 1845–1929) — российско-польский лингвист-компаративист; член Польской академии знаний (1887), член-корреспондент ИАН (1897).

¹⁴⁷ *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Национальный и территориальный признак в автономии. СПб., 1913.

¹⁴⁸ Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) — правовед, социолог-позитивист, публицист, политический деятель; один из основателей и лидеров Конституционно-демократической партии; председатель Первой Государственной думы (1906).

ми сходками и траурными демонстрациями, последовавшими после кончины Л.Н. Толстого 7 ноября 1910 г.¹⁴⁹ В ноябре — декабре 1910 г. эти сходки переросли во всероссийские студенческие забастовки, которые быстро приняли характер масштабных антиправительственных манифестаций и особенно обострились зимой 1911 г. Для наведения порядка Совет министров Российской империи постановлением от 10 декабря 1910 г. вменил Министерству народного просвещения право незамедлительно исключать из университетов «зачинщиков беспорядков», не дожидаясь постановлений профессорских дисциплинарных судов и решений администрации учебного заведения.

В январе 1911 г. вышел циркуляр министра просвещения Л.А. Кассо¹⁵⁰ «О временном недопущении публичных и частных студенческих заведений», запрещающий на неопределенный период проведение любых собраний в университетах и вменяющий в обязанность ректорам препятствовать проникновению в университет посторонних лиц и сообщать о предполагаемых сходках в полицию. В случае нарушения запрета градоначальники должны были принимать меры для восстановления порядка с помощью полиции.

В ответ на этот циркуляр 28 января 1911 г. на экстренном заседании Совета Московского университета ректор А.А. Мануйлов¹⁵¹ представил доклад о сложившемся в университете положении и заявил, что в подобных условиях он не видит для себя возможности выполнять обязанности ректора и подает прошение об отставке. Такие же заявления были сделаны помощником ректора и проректором. 2 февраля 1911 г. в газете «Правительственный вестник» был опубликован высочайший указ об увольнении А.А. Мануйлова и его помощников из Московского университета с одновременным запрещением им заниматься учебной и преподавательской деятельностью по ведомству народного просвещения. Это решение возмутило профессоров Московского университета, которые восприняли его не только как оскорбление своих коллег, но и авторитета университета. К концу семестра университет в знак солидарности покинуло около 130 человек, которые составляли примерно одну треть всего преподавательского состава Московского университета.

А.А. Шахматова глубоко разгневал этот, по его словам, московский разгром и совершенно приниженное положение, в котором оказались университетские советы, лишившиеся права самостоятельно решать судьбу своих учебных заведений. Ученый чувствовал негодование и собственное бессилие как-либо повлиять на происходящее. Вот как в письме к Э.Д. Гримму¹⁵² он описывал свою несостоявшуюся лекцию в эти дни: «Сегодня я сделал попытку читать лекцию. В коридоре оказались пристава и городовые. В аудитории сидел один студент. Может быть,

¹⁴⁹ Ростовцев Е.А., Андреева В.В. Кризис 1911 г. в Петербургском университете в зеркале российской прессы // Клио. 2013. № 10 (82). С. 77.

¹⁵⁰ Кассо Лев Аристович (1865–1914) — юрист; министр народного просвещения Российской империи (1910–1914).

¹⁵¹ Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929) — экономист, политический деятель; ректор Московского университета (1905–1911).

¹⁵² Гримм Эрвин Давидович (Эрвин-Александр; 1870–1940) — историк; ректор Санкт-Петербургского университета (1911–1918).

подошло бы еще двое — трое, если бы я занял кафедру и начал чтение. Но читать при таких условиях я не в силах»¹⁵³.

28 февраля 1911 г. он пишет официальное заявление в Совет Петербургского университета. В нем ученый предлагает осуществить две меры, которые могли бы восстановить в учебном заведении нормальный ритм жизни: по его мнению, Совет должен добиться разрешения правительства сообщить учащимся, что участь исключенных и сосланных будет смягчена, как только студенты приступят к занятиям, а также необходимо ходатайствовать о присутствии полиции в университете только по разрешению ректора¹⁵⁴. 9 марта 1911 г. заявление А.А. Шахматова было рассмотрено комиссией Совета университета. Предложения ученого ожидаемо не встретили поддержки среди членов комиссии.

В течение 12 лет своей преподавательской деятельности в Петербургском университете А.А. Шахматов читал несколько курсов. Это, прежде всего, общий курс по истории русского языка, с которого и началась его работа в университете. Кроме того, им читался курс по русской исторической диалектологии; специальный курс, посвященный «Повести временных лет»; курс по сравнительной грамматике славянских языков и курс «Белорусский язык в современных его говорах». По словам В.В. Виноградова, ученый «раскрывал перед своими слушателями оригинальную, им самим созданную систему исторического развития русского языка, вводя их в самый процесс своей творческой работы, уча их острому и четкому анализу сложного лингвистического материала и на их глазах освобождая его от противоречий силою широких дедукций»¹⁵⁵.

А.А. Шахматов быстро завоевал любовь и уважение студенческой аудитории. В 1913 г. в связи с 25-летием его научной деятельности студенты и слушатели преподнесли ему приветственный адрес, в котором искренне и трогательно выразили свое отношение: «В Вашем лице — перед нами не только передовой ученый, ставящий науку на уровень науки европейской, заставляющий европейский мир прислушиваться к ее жизни. Изучая язык, Вы вникаете и учитесь вникать и нас не в одну его мертвую плоть, но и в его живую душу; учитесь любить славянские языки и с ними жизнь славянских народов во всем их огромном многообразии; учитесь вносить в изучение их жизни гуманность и беспристрастие. Не менее чем Ваши уроки, учит нас живой пример Вашей личности — пример ученого, гражданина и человека. Ваше всегда внимательное и душевное участие к студентам, и не только к их скромной работе, но и ко многим тяжелым и горестным случайностям студенческой жизни, еще и еще раз говорит нам, какого незаменимого руководителя и наставника мы имеем в Вашем лице. И теперь, в тяжелые для академической жизни дни, веря в будущее русской науки и в будущее нашего университета, мы неразрывно связываем нашу веру с верой в глубину и силу Вашей деятельности»¹⁵⁶.

В 1910-е гг. А.А. Шахматов продолжал научно-исследовательскую работу в нескольких направлениях. В частности, им был опубликован ряд работ из области диалектологии. Это, прежде всего, большой труд под названием «Мордовский

¹⁵³ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 252. Л. 11.

¹⁵⁴ Там же. Л. 5.

¹⁵⁵ Виноградов В.В. Алексей... С. 27.

¹⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 401. Л. 1.

этнографический сборник»¹⁵⁷, явившийся результатом исследования эрзянских диалектов сел Оркино и Сухой Карбулак Саратовского уезда. Для филологов здесь особенно ценно точное и углубленное описание морфологии эрзянских диалектов, содержащееся в приложении к сборнику. В 1912 г. вышла в свет статья А.А. Шахматова «К вопросу о польском влиянии на русские говоры»¹⁵⁸, а в 1913 г. он издал работу, посвященную описанию говора деревни Леки Егорьевского уезда Рязанской губернии¹⁵⁹.

По-прежнему уделял свое внимание А.А. Шахматов и вопросам древнейшей истории славян, а именно проблеме определения их прародин и путей позднейших передвижений. В 1911 г. была опубликована его статья «Сполы — исконные соседи славян»¹⁶⁰, в 1912 г. вышла работа «К вопросу о древнейших славянско-кельтских отношениях»¹⁶¹ на немецком языке.

Продолжал ученый и свою работу в отношении изучения русского летописания и, в частности, «Повести временных лет». В 1916 г. из печати вышел реконструированный А.А. Шахматовым сводный текст «Повести временных лет»¹⁶². Несмотря на невозможность полного восстановления первичного текста летописи, академику удалось сделать очень многое в этом направлении. Устанавливая по летописным записям феодальный центр, в котором создавался тот или иной список или свод, А.А. Шахматов пытался определить сущность политических воззрений и симпатий его автора. При этом ученый руководствовался предположением, что изменения, вносившиеся в текст памятника более поздними летописцами, обусловлены не набором случайностей, а явились следствием необъективности, религиозной или политической пристрастности автора¹⁶³.

Таким образом, А.А. Шахматов впервые воссоздал картину истории русского летописания, внося в его изучение новые приемы и методы. Им были сделаны предположения в отношении древнейших летописных сводов, предшествовавших «Повести временных лет». Он также проследил историю создания «Повести временных лет» и определил ее редакции, восстановил центральные вехи ростово-суздальского летописания XII–XIII вв. Кроме того, ученый выяснил состав многих летописных сводов и внелетописных сочинений, о существовании которых до его работ никто не предполагал¹⁶⁴.

В декабре 1910 г. смогла возобновить свою деятельность Орфографическая подкомиссия. Окончательный проект реформы правописания, в котором были учтены поступившие в подкомиссию замечания, был издан в мае 1912 г.¹⁶⁵

¹⁵⁷ Мордовский этнографический сборник / Сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910.

¹⁵⁸ Шахматов А.А. К вопросу о польском влиянии на русские говоры // Русский филологический вестник. 1913. Т. LXIX. Вып. 1. С. 1–11.

¹⁵⁹ Шахматов А.А. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // ИОРЯС. 1913. Т. XVIII. Кн. 4. С. 173–220.

¹⁶⁰ Шахматов А.А. Сполы — исконные соседи славян // Живая старина. 1911. Т. XX. С. 21–26.

¹⁶¹ Schachmatow A.A. Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen // Archiv für slavische Philologie. 1912. Bd. XXXIII. S. 51–92.

¹⁶² Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916.

¹⁶³ Макаров В.И. А.А. Шахматов... С. 120.

¹⁶⁴ Лихачев Д.С. Шахматов как исследователь русского летописания // А.А. Шахматов (1864–1920): Сборник статей и материалов / Под ред. акад. С.П. Обнорского. М., Л., 1947. С. 253.

¹⁶⁵ Постановления Орфографической подкомиссии. СПб., 1912.

Но проведение реформы снова затянулось, а после кончины в 1914 г. Ф.Ф. Fortunatova надежда на ее законодательное воплощение почти исчезла. Ответственность за осуществление реформы отныне лежала на плечах А.А. Шахматова, уверенного в научной обоснованности и необходимости упрощения русской орфографии.

Определенные надежды в этом отношении породила Февральская революция, к которой А.А. Шахматов отнесся с одобрением. В апреле он писал: «Я предвижу много лишений и неудач для нашей страны, но твердо верю и в близкое торжество правого порядка»¹⁶⁶. Вновь Академией наук была образована Комиссия по пересмотру вопроса об изменении русского правописания под председательством А.А. Шахматова. В результате 17 мая 1917 г. Министерство народного просвещения Временного правительства издало циркуляр, предписывавший принять меры к осуществлению реформы русского правописания с начала нового учебного года.

Предполагалось, что переход на новую орфографию будет постепенным, но ситуация снова изменилась после Октябрьского переворота, который ученый встретил уже совершенно без энтузиазма. В письме к П.Н. Сакулину¹⁶⁷ от 3 декабря 1917 г. он ясно высказывает свое мнение по поводу происходящего в стране: «Пока перед нами тьма беспросветная. Испытываешь невероятное унижение, читая и слыша про подвиги большевиков. Они еще не добрались до университета и академии, но, конечно, это не замедлит. С ужасом вижу, что учред[ительное] собрание сорвано! А с ним исчезло столько надежд, столько упований»¹⁶⁸.

Между тем, пришедшие к власти большевики решили воспользоваться готовым проектом реформы русского правописания и осуществить его как можно скорее. Декрет за подписью Народного комиссара по просвещению от 23 декабря 1917 г. предписывал: «все правительственные и государственные издания, периодические (газеты, журналы) и не периодические (книги, труды, сборники и т. д.), должны печататься согласно новому правописанию с 1 января 1918 года».

Тем временем ситуация в стране продолжала ухудшаться и 19 января 1918 г., А.А. Шахматов сообщал В.М. Истрину¹⁶⁹: «Здесь голод, и вообще Петроград — город обреченный. В Москве, говорят, условия не лучше. Пугает вопрос о том, будет ли вообще Академия получать содержание. Он еще не выяснен. Без меня было собрание Академии и других учреждений, на котором решено войти в деловые сношения с правительством нар[одных] комиссаров. Решение еще не осуществлено; боюсь, что кроме потока грязи мы на наши учреждения ничего не получим. Но понимаю, что другого нет выхода после разгона Учр[едительного] Собрания»¹⁷⁰.

Переживания А.А. Шахматова по поводу происходящего в стране усугублялись трудностями бытового характера и проблемами, совершенно несвойственными

¹⁶⁶ Государственный архив Одесской области. Ф. 153. Оп. 1. Д. 597. Л. 44.

¹⁶⁷ Сакулин Павел Никитич (1868–1930) — историк и теоретик литературы; академик АН СССР (1929).

¹⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 984. Л. 32 об.

¹⁶⁹ Истрин Василий Михайлович (1865–1937) — филолог-славист, историк литературы; ординарный академик ИАН (1907), председатель ОРЯС (1920–1929).

¹⁷⁰ СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 181. Л. 55–55 об.

ранее его жизни. С лета 1917 г. до поздней осени 1918 г. большая семья ученого: дочери Ольга¹⁷¹, Софья¹⁷², Екатерина¹⁷³, сестры и тетя, — проживала в городе Аткарске Саратовской губернии, недалеко от бывшего поместья Шахматовых — Губаревки¹⁷⁴. Жизнь в провинции была легче, чем в Петрограде, но сложности быта угнетали и там. 1 октября 1918 г. Шахматов пишет С.Ф. Ольденбургу¹⁷⁵: «...нахожусь в тяжелой житейской переделке. Мы остались без прислуги: одна вышла замуж, другая вызвана отцом, тревожащимся за дочь, ввиду упорно распространяющихся слухов о близости Аткарска к фронту... на семью легла вся работа по дом[ашнему] хозяйству. Мне приходится принимать значительное участие в этой работе, а кроме того припасать к зиме хлеб и дрова; дров совсем в город не привозят, надо ухитриться закупить их в деревнях, а в крайнем случае запастись кизьяками (м[ожет] б[ыть]), Вы не знаете, что это такое: навозные кирпичи, изготовляемые для топки в безлесных местностях»¹⁷⁶.

Поздней осенью 1918 г. Шахматовы решили на возвращение в Петроград, но жизнь там оказалась еще суровее. Академик был вынужден сам топить печи, колоть и носить дрова¹⁷⁷. Хотя тяготы жизни совершенно не способствовали научным занятиям, в том году А.А. Шахматов подготовил и опубликовал две статьи: «Волохи древнерусской летописи»¹⁷⁸ и «Заметка о языке волжских болгар»¹⁷⁹. 19 февраля 1919 г. он писал В.Н. Перетцу¹⁸⁰: «Работа идет, конечно, очень неспоро. Все не находишь времени из-за хозяйственных забот. Прислуги у нас нет, и мы только теперь, думаю, понимаем, какую сильную обузу с нас снимали “культурные” условия прошлого времени»¹⁸¹.

С приходом весны бытовые проблемы немного уменьшились, хоть и не ушли совсем, и у А.А. Шахматова появилось время для продолжения своих исследований. В письме от 19 апреля 1919 г. Н.А. Бобровникову¹⁸² академик сообщал: «Но силы мои слабы. Вижу, что их надо экономизировать, пока я еще совсем не угас, работаю

¹⁷¹ Шахматова Ольга Алексеевна (1897–1941/1942?) — старшая дочь А.А. Шахматова, умерла в Ленинграде во время блокады.

¹⁷² Шахматова Софья Алексеевна (в замуж. Шахматова-Коплан; 1901–1942) — сотрудник Пушкинского Дома (1920–1931), с 1933 г. — библиотекарь и архивист в Архиве АН и Институте востоковедения, умерла в блокаду в один день с сыном Алексеем.

¹⁷³ Шахматова Екатерина Алексеевна (1903–1942) — младшая дочь, сотрудник Библиотеки АН (1921–1932), умерла в первую блокадную зиму.

¹⁷⁴ Робинсон М.А. Академик А.А. Шахматов: последние годы жизни (К биографии ученого) // Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 192.

¹⁷⁵ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) — востоковед; ординарный академик (1903), непреременный секретарь (1904–1929) ИАН.

¹⁷⁶ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 652. Л. 23.

¹⁷⁷ Робинсон М.А. Академик... С. 192.

¹⁷⁸ Шахматов А.А. Волохи древнерусской летописи // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 54. Симферополь, 1918. С. 234–240.

¹⁷⁹ Шахматов А.А. Заметка об языке волжских болгар // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской академии наук. Пг., 1918. Т. V. Вып. I. С. 395–397.

¹⁸⁰ Перетц Владимир Николаевич (1870–1935) — филолог, историк литературы, источниковед, фольклорист, историк театра; ординарный академик ИАН (1914).

¹⁸¹ РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 37.

¹⁸² Бобровников Николай Алексеевич (1854–1921) — деятель народного образования, разработывал дидактику и методику преподавания русского языка.

усиленно над русским синтаксисом и надеюсь в мае приготовить две статьи, посвященные синтакс[ическим] вопросам. Затем хотелось бы окончить работу по выяснению литер[атурного] состава нашего летописания вообще. Нам улыбнулось теперь весеннее солнце; это сократило мои домашние заботы по колке дров и топке печей; у меня стало больше времени»¹⁸³. Действительно в 1919 г. А.А. Шахматов приступил к написанию большого труда «Синтаксис русского языка», но, к сожалению, не успел его закончить. Даже в незавершенном виде эта работа представляет собой огромный том и является выдающимся лингвистическим исследованием. В.В. Виноградов, объясняя значение этого труда для филологической науки, писал: «В Синтаксисе Шахматова впервые собран колоссальный материал, характеризующий поразительное разнообразие синтаксических конструкций современного русского языка, особенно в кругу разных типов простого предложения. Шахматовым впервые была сделана попытка найти в этом разнообразии систему, тщательно описать и подвергнуть грамматическому разбору разные виды предложений»¹⁸⁴.

Последней прижизненной печатной работой ученого стала изданная в 1919 г. небольшая книга «О древнейших судьбах русского племени»¹⁸⁵. А.А. Грушка¹⁸⁶ охарактеризовал ее таким образом: «С гениальной широтой, четкостью и искусством дивинации, при помощи лингвистических и исторических данных восстановлено в ней далекое прошлое нашего народа»¹⁸⁷.

5–7 августа 1919 г. А.А. Шахматов принял участие в Избирательном собрании Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). Хотя его кандидатура не прошла в действительные члены РАИМК, он стал сотрудничать с новым научным учреждением. К сожалению, в этот период физическое, моральное и материальное положение ученого становилось все хуже. В письме к А.Ф. Кони от 22 августа 1919 г. он с горечью констатировал, что работа Отделения русского языка и литературы практически парализована: «Не могу не признать, что большевики в значительной мере правы, и *mea culpa, mea maxima culpa* (лат. «моя вина, моя самая большая вина». — М.П.): русское отделение стало безжизненным, бесплодным. Признаю, что меня оставила энергия»¹⁸⁸. Однако уехать из Петрограда для возможного улучшения своего материального положения А.А. Шахматову не позволяло жертвенное служение науке. В письме к В.Н. Перетцу от 26 августа 1919 г. академик писал, что не видит для себя возможности покинуть город и Академию наук, так как ее учреждения нуждаются в особой заботе, а на его попечении находится академическая библиотека¹⁸⁹.

Осенью 1919 г. притеснения со стороны новых властей усилились. Оказались арестованными многие коллеги и друзья А.А. Шахматова, состоявшие некогда членами партии кадетов, которую часто называли профессорской. 27 января

¹⁸³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 141. Оп. 1. Д. 80. Л. 1.

¹⁸⁴ Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. М., 1978. С. 123.

¹⁸⁵ Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

¹⁸⁶ Грушка Аполлон Аполлонович (1869–1929) — филолог-классик; член-корреспондент АН СССР (1928); декан историко-филологического факультета Московского университета (1911–1918).

¹⁸⁷ Басаргина Е.Ю. «Жизнь и смерть А.А. Шахматова»... С. 38.

¹⁸⁸ РО ИРЛИ РАН. Ф. 134. Оп. 14. Д. 1. Л. 236.

¹⁸⁹ Робинсон М.А. Академик... С. 194.

1920 г. ученый писал Д.К. Зеленину¹⁹⁰: «Мы одно время жили в большой тревоге; нашу квартиру хотели занять войсками; вещи были частью переправлены к соседям. Все это вносило тревогу в нашу жизнь и способствовало разным упущениям и недоделкам»¹⁹¹. В письме В.Н. Перетцу от 1 февраля 1920 г. он сообщал, что по-прежнему приходится уделять много времени домашним заботам, главным образом носке, пилке и колке дров, и все это отнимает ежедневно много времени и не дает сосредоточиться на работе¹⁹². Омрачала жизнь и потеря близких родственников: в середине декабря 1919 г. умерла тетьа Шахматова Ольга Николаевна, а 11 февраля 1920 г. от болезни скончалась младшая сестра Ольга. 21 февраля 1920 г. академик писал Д.К. Зеленину: «И тетю, и сестру сломили тяжелые условия, в которых приходится жить. Топить комнаты мы не можем; дров хватает только на кухню и на комнату рядом с кухней; в остальных комнатах температура держится на 3–4°. Радуюсь и этому; во многих квартирах температура пала ниже 0°. Теперь все-таки мы ободрились: дело идет к весне. Но что же будет дальше? Неужели опять повторится такая же зима? Заниматься очень трудно; одно время я совсем было отбился от работы за ноской, колкой, пилкой дров и другими хозяйственными заботами. Теперь я на положении больного (у меня кашель и насморк), пришлось, или лучше удалось временно заменить себя — и я несколько вздохнул. Сижу над составлением синтаксиса литературной речи»¹⁹³. Несколько облегчали положение А.А. Шахматова и его семьи в ту тяжелую зиму помощь в виде продуктов от В.Н. Перетца, находившегося в более благополучной в этом отношении Самаре¹⁹⁴, и введение специальных продовольственных пайков для научных работников.

С приходом весны самочувствие и настроение ученого улучшились, но он продолжал испытывать подавленность и упадок сил. По этой причине ему пришлось отказаться от очень выгодного предложения саратовских коллег приехать к ним в июне 1920 г.: «...мы рады были бы прослушать любой из Ваших курсов (историки наши, например, высказывались за курс по летописям)... Нам думалось, что Вы могли бы соединить свой приезд в Саратов с заездом к себе на родину. О Вашем же испомещении и продовольством в Саратове мы уж позаботились бы»¹⁹⁵.

В последние месяцы жизни А.А. Шахматов занимался перевозкой в Академию наук книг из частных книжных собраний, чтобы спасти их от разграбления и гибели. Он лично участвовал в загрузке и разгрузке подвод, и сам носил тяжелые тюки с книгами. 30 июля 1920 г. академик руководил перевозкой библиотеки А.И. Соболевского, что окончательно подорвало его силы. В начале августа 1920 г. консилиум врачей поставил ему неутешительный диагноз — инвагинация кишок. Через несколько часов после этого ученому сделали операцию, которая, к сожалению,

¹⁹⁰ Зеленин Дмитрий Константинович (1878–1954) — этнограф, фольклорист; член-корреспондент АН СССР (1925).

¹⁹¹ СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Д. 457. Л. 10.

¹⁹² Робинсон М.А. Академик... С. 197.

¹⁹³ СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Д. 457. Л. 11.

¹⁹⁴ Робинсон М.А. Академик... С. 198.

¹⁹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1170. Л. 1–2.

не спасла ему жизнь. 16 августа 1920 г. в 4 часа утра А.А. Шахматов скончался. Похоронили академика на Волковском кладбище.

Смерть выдающегося филолога потрясла ученую общественность и вызвала появление в печати целого ряда воспоминаний и некрологов. В каждом из них неизменно звучали слова не только о значимости и высокой ценности научных достижений А.А. Шахматова, но также и о его нравственных достоинствах, которые он демонстрировал всю жизнь¹⁹⁶.

¹⁹⁶ Басаргина Е.Ю. «Жизнь и смерть А.А. Шахматова»... С. 25.

Юлий Михайлович Шокальский (1856–1940)

В.А. Горончаровский

Выдающийся русский ученый — географ, океанограф и картограф, академик Юлий Михайлович Шокальский¹ родился 5 (17) октября 1856 г. в Санкт-Петербурге. Он был третьим сыном адвоката Михаила Осиповича Шокальского. Старшие его братья умерли во младенчестве. Рано скончался и отец, оставив семье лишь долги. Юлию тогда было всего пять лет, но он хорошо запомнил, как «стоя на подоконнике окна квартиры, смотрел на провозимый мимо гроб»². Чтобы хоть как-то обеспечить ребенка, его матери, Екатерине Ермолаевне Шокальской (1818–1904), пришлось служить гувернанткой в богатых домах. Она была старшей и единственной из оставшихся в живых дочерью Анны Петровны Керн (1800–1879), которой А.С. Пушкин посвятил стихотворение «Я помню чудное мгновенье...». В Екатерину Ермолаевну, выпускницу Смольного института для воспитания благородных девиц, до ее замужества был влюблен композитор М.И. Глинка, который в память о своем чувстве сочинил музыку романса на слова Пушкина, посвященные ее матери. По описанию самого Глинки она была «нехороша собой, но с выразительными глазами, бледная, ...образованная и остроумная, ... обладала особой прелестью»³.

Детство Юлия прошло в знаменитом имении Тригорском, принадлежавшем его двоюродному деду А.Н. Вульффу (1805–1881), близкому другу А.С. Пушкина. В этих живописных местах все было наполнено воспоминаниями о великом поэте. Отсюда рано сформировавшееся у мальчика чувства любви и понимания относительно природы, которую он потом стал изучать в широком смысле слова. Воспитание его тогда было домашним: один из родственников занимался с ним арифметикой, мать учила читать по басням Крылова, которые он «сильно невзлюбил», но другие книги уже с шести лет «поглощал» с удовольствием. Особенно много маленький Юлий прочитал их в 1867 г., когда жил в Ковно (совр. Каунас) у своей бабушки

¹ В качестве заставки использован фотопортрет Ю.М. Шокальского (ок. 1900 г.), размещенный на сайте РГО: <http://www.rgo-sib.ru/rgo/60.htm> (дата обращения 30.10.2021).

² Шокальская З.Ю. Жизненный путь Ю.М. Шокальского // Памяти Юлия Михайловича Шокальского. Сб. статей и материалов. Ч. 1. М.–Л., 1946. С. 12.

³ Шокальская З.Ю. Жизненный путь Ю.М. Шокальского. С. 10.

А.П. Керн и мог пользоваться библиотекой ее мужа, крестного отца мальчика. Он мог брать любую книгу по своему выбору, но больше всего ему нравились рассказы о путешествиях и приключениях. Скоро Юлий прочитал почти все романы Майн Рида и Фенимора Купера. Именно тогда у него проявилась способность читать чрезвычайно быстро, которую он сохранил до последних дней⁴.

После переезда Шокальских из Тригорского в Петербург в 1868 г. Екатерина Ермолаевна, несмотря на материальные трудности⁵, сумела продолжить домашнее образование ребенка. Он даже получил возможность благодаря знакомству матери с семьей историка и этнографа И.И. Шопена (1798–1870), родственника великого польского композитора, изучать вместе с его детьми французский и английский языки, что в немалой степени способствовало его научной карьере в будущем⁶. При этом Юлий постоянно слышал от И.И. Шопена новости о Русском географическом обществе (РГО), действительным членом которого тот состоял, и таким образом заочно познакомился с учреждением, где ему предстояло работать.

В возрасте десяти лет Юлия Шокальского отдали в частный пансион Шмелинга, но летние каникулы он по-прежнему проводил в Тригорском. Там 13-летний Юлий познакомился с младшим сыном А.С. Пушкина — Григорием Александровичем Пушкиным (1835–1905), долгое время проживавшим по соседству в селе Михайловское⁷. Младший сын поэта произвел большое впечатление на мальчика и быстро завоевал его безусловное уважение. Позднее Юлий Михайлович писал: «Многим, очень многим я ему обязан в своем воспитании, в утверждении правил чести и духа нравственности»⁸. Большое значение имело и то, что Григорий Александрович приучил его к верховой езде, физическому труду и спорту. Неудивительно, что впоследствии Ю.М. Шокальский был известен тем, что увлекался теннисом, прекрасно фехтовал и стал очень хорошим альпинистом⁹.

Следующим шагом стало поступление Юлия в Введенскую классическую гимназию¹⁰, где он проучился два года. Вспоминая об итогах занятий в ней, он писал: «Прилично знал латынь и плохо греческий, хорошо русский язык, писал сочинения прилично; очень увлекался географией и был лучшим чертежником класса». Уровнем образования в гимназии молодой человек остался вполне доволен, считая, что «изучение древних языков есть очень полезная гимнастика для ума». Чтение книг увлекало его по-прежнему: «...ходил по улице непременно с раскрытой книгой, натываясь на прохожих»¹¹.

В 14-летнем возрасте юноша решил поступать в Морской корпус. Нельзя сказать, что это решение было осознанным выбором, скорее делом случая: за компанию

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Фактически единственным постоянным источником дохода для нее была ежемесячная пенсия (63 руб.), полученная ею после смерти отца.

⁶ Матусевич Н.Н. Почетный академик Юлий Михайлович Шокальский (17 X 1856–25 III 1940) // Природа. 1940. № 8. С. 112.

⁷ Пушкин и его современники. Материалы и исследования. 1906. Вып. 4. С. 187–195.

⁸ Шокальская З.Ю. Жизненный путь Ю.М. Шокальского. С. 16.

⁹ Матусевич Н.Н. Ук. соч. С. 113.

¹⁰ Совр. адрес: Большой пр. Петроградской стороны, д. 37.

¹¹ Шокальская З.Ю. Жизненный путь Ю.М. Шокальского. С. 16.

с товарищами по гимназии. Так получилось, что их приняли, а его из-за небольшой близорукости не допустили до экзаменов. Пришлось проявить упорство и после года подготовки поступать заново. В списках поступивших он числился 55-м из 68 принятых. Потом Юлий Михайлович всегда говорил, что благодарен за это судьбе: «Если бы мне еще раз пришлось начать жизнь снова и снова выбирать себе карьеру, я опять поступил бы в Морское училище. Полученное мною морское образование было так полезно для меня во время всей моей жизни и научной работы, что я ничего лучшего не хотел бы»¹². Обучение в Морском корпусе продолжалось с осени 1873 по 1877 г. Хотя вскоре выяснилось, что Юлий плохо переносит качку, аттестации за плавание на парусных судах у него были хорошие: «способность к морской службе — очень способен»; «исполнение служебных обязанностей — исправен»; «поведение — очень хорошее»¹³. Закончив это учебное заведение с Нахимовской премией в 250 руб., пятым по списку, Юлий Шокальский был выпущен в чине гардемарина на только что введенный в строй броненосец «Петр Великий» — первый полноценный корабль такого класса в российском флоте. Молодой офицер должен был отправиться в кругосветное плавание, но помешала начавшаяся русско-турецкая война. Он остался на Балтике, по собственному желанию был переведен на таможенный крейсер «Кречет» и через год произведен в чин мичмана.

В 1880 г. Шокальский блестяще, по 1-му разряду, окончил двухлетний курс Николаевской морской академии по гидрографическому отделу и начал самостоятельную жизнь¹⁴. Сначала его служебная деятельность проходила в Главном гидрографическом управлении Адмиралтейства, а с февраля 1881 года — в Главной геофизической обсерватории, где около двух лет он заведовал отделением морской метеорологии и предупреждений о штормах. Научно-исследовательские интересы Ю.М. Шокальского уже тогда по преимуществу сосредоточились на физической географии, океанографии, метеорологии, гидрографии и картографии. Впрочем, он не был занят исключительно этим. В свободное время его любимым развлечением были посещения оперы или балета, а также танцевальные вечера. На одном из них он познакомился с дочерью отставного военного Любовью Ивановной Скворцовой (1859–1923), обучавшейся тогда на 4 курсе консерватории. Постепенно их отношения превратились в более глубокое чувство, но, чтобы пожениться, им пришлось ждать, пока Юлию Михайловичу не исполнилось 25 лет, «так как офицеры до этого возраста имели право вступить в брак только при условии внесения так называемого “реверса” — пяти тысяч рублей в доказательство финансовой возможности содержать семью»¹⁵. У жениха таких денег не было¹⁶, и свадьба состоялась только 11 октября 1881 г. Молодая жена целиком посвятила себя мужу, ревностно охраняя его время и силы от всего, что могло помешать научной работе. Скоро у них родилась дочь Зинаида (1882–1961) — в будущем известный почвовед-географ, а позднее сын Александр (1889–1917)¹⁷. Ю.М. Шокальский неоднократно

¹² Матусевич Н.Н. Почетный академик Юлий Михайлович Шокальский. С. 114.

¹³ Шокальская З.Ю. Ук. соч. С. 19.

¹⁴ Орлов Б.П. Юлий Михайлович Шокальский // Люди русской науки. Т. I. М.-Л., 1948. С. 615.

¹⁵ Шокальская З.Ю. Жизненный путь Ю.М. Шокальского. С. 23–24.

¹⁶ Его жалованье тогда составляло всего 2000 руб. в год.

¹⁷ Старший сын Шокальских, Дмитрий, умер в 1886 г. нескольких месяцев от роду.

говорил, что каждый ученый достигает того уровня, до которого ему позволяет подняться его жена, его семья¹⁸.

В обсерватории Ю.М. Шокальский провел всего лишь полтора года, но за это время в его жизни произошли важные перемены: журнал «Морской сборник» опубликовал первую научную статью молодого исследователя — «О предсказании вероятной погоды и штормов», затем были изданы и другие научные работы, связанные с морской метеорологией. В целом они имели большое значение при решении задач по обеспечению мореплавания. Хотя и кратковременное, пребывание Ю.М. Шокальского в обсерватории имело для него огромное значение. Ему довелось работать под непосредственным руководством тогдашнего директора обсерватории академика Г.И. Вильда (1833–1902), который был строгим и очень требовательным начальником, который «не признавал хождений по коридорам, разговоров и пр.»¹⁹. У этой школы труда было одно несомненное достоинство: все прошедшие ее в конце концов становились крупными научными работниками.

В те же годы Ю.М. Шокальский был назначен заведующим Главной морской библиотекой, находившейся в здании Адмиралтейства и состоявшей при Главном гидрографическом управлении. Она представляла собой одно из крупнейших научных книгохранилищ, основой которого стали книги, закупленные еще Петром I во время его поездки в Западную Европу. С того времени сюда поступили тысячи различных изданий, атласов и карт, но находились они в большом беспорядке, к тому же отсутствовал каталог. Ю.М. Шокальский создал библиотечный совет, реорганизовал библиотеку на научных началах и заведовал ею в течение двадцати лет. Сам он тоже в течение всей жизни собирал интересующие его книги и часто говорил: «Совсем другое дело своя книга, на ней можно сделать свои замечания, отметку на полях, положить закладку, и, главное это то, что она всегда тут, а разве можно знать заранее когда, в какой момент книга понадобится»²⁰. По завещанию ученого все его книги были потом переданы Русскому географическому обществу, действительным членом которого он был избран еще в 1882 г. по рекомендации известного астронома А.Н. Савича. Теперь в библиотеке РГО есть читальный зал имени Ю.М. Шокальского, где можно пользоваться книгами его собрания.

Участие в работе РГО дало молодому ученому бесценный опыт общения с людьми, у которых было чему поучиться. Как писал он сам: «В среде членов Географического общества протекала вся моя жизнь, именно жизнь, а не карьера... И другие ученые собрания были мне много полезны, но такого количества сведений и столь разнообразных, какое мне дали собрания Географического общества, я нигде больше не смог бы получить... Вот тот кладезь, из коего возникло немало мыслей, будивших почин и искреннее желание работать...»²¹.

Между тем, нужно было думать и об обеспечении семьи, находившейся в весьма стесненных обстоятельствах. В поисках дополнительного заработка Шокальский довольно рано, с 1883 г., начал преподавать в Морском училище, где проработал

¹⁸ Орлов Б.П. Юлий Михайлович Шокальский. С. 615.

¹⁹ Шокальская З.Ю. Жизненный путь Ю.М. Шокальского. С. 24.

²⁰ Шокальская З.Ю. Жизненный путь Ю.М. Шокальского. С. 36.

²¹ Шокальская З.Ю. Ук. соч. С. 27–28.

потом более четверти века. Здесь в полной мере обнаружился его педагогический талант. Он одинаково ответственно относился и к лекциям, и к консультациям, всегда тщательно подбирал и готовил новый материал. Отличительной чертой прочитанных им лекций было простое и доступное изложение любых понятий. Шокальский всегда стремился к углублению своих знаний, чтобы передавать их молодежи. Огромная трудоспособность позволяла Юлию Михайловичу вести в Морской академии, Санкт-Петербургском университете и других учебных заведениях семь разных курсов по математике, навигации, морской метеорологии, гидрографии, физической географии, океанографии и картометрии.

Большое внимание в эти годы Ю.М. Шокальский уделял лимнологии. В 1890 году он произвел гидрографическое исследование и съемку реки Вычегды, главного притока Северной Двины, а также рекогносцировку рек к северу от Тюмени²². Возвращаясь назад через Москву, ученый впервые лично познакомился со многими московскими учеными, в том числе с Д.Н. Анучиным (1843–1923) — первым в России профессором географии, вице-президентом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), почетным членом которого Юлий Михайлович был избран десять лет спустя.

В 1897 году Шокальским, по поручению Географического общества, было предпринято всестороннее изучение Ладожского озера, которое продолжалось четыре года. Он определил его площадь, измерил глубины, вычислил объем водной массы и особенно тщательно тепловой режим. Ему принадлежат также обстоятельные исследования причин колебания уровня Каспия, инструкции по исследованию озер и многие другие работы.

В области океанографии Шокальский написал ряд статей, по преимуществу в «Морском сборнике», уделяя особое внимание изучению приполярных областей. Начиная с 1893 г., он был одним из активнейших сторонников освоения Северного морского пути, всячески поддерживая инициативу по исследованию Арктики и Антарктики. В 1895 г. была напечатана его статья о морском пути в Сибирь, которая стала основой его доклада на VI Международном географическом конгрессе в Лондоне, куда его командировало морское ведомство. Помимо этого Ю.М. Шокальский стал участником работы комиссий по полярным исследованиям и по международным исследованиям Атлантического океана, а также совета по выработке постановлений конгресса. Работа была настолько напряженной, что семья, сопровождавшая его в этой поездке, днем могла наблюдать только как он забегал в гостиницу, чтобы переодеться. На этом конгрессе Юлий Михайлович познакомился со многими видными деятелями науки, с которыми потом поддерживал постоянную связь по переписке, например, с директором Метеорологического бюро Хью Робертом Миллем (1861–1950). VII Международный географический конгресс в Берлине принес ему знакомство с исследователем Средней Азии Готфридом Мерцбахером (1843–1926) и океанографом Жюлем Ришаром (1863–1945), будущим директором Океанографического музея в Монако. Юлий Михайлович считал эти контакты очень важными для престижа отечественной науки: «Когда мне за границей говорят, что у нас в России не умеют работать,

²² Орлов Б.П. Юлий Михайлович Шокальский. С. 621.

я всегда отвечаю, что за границей не знают, как мы умеем работать. Там действительно ничего не знают о наших больших исследованиях и думают, что мы по-прежнему варвары»²³.

Особенно плодотворной оказалась поездка Ю.М. Шокальского с семьей на Всемирную выставку 1900 г. в Париже, где в этой связи был организован ряд крупных научных мероприятий: VIII Геологический конгресс, VIII Международный конгресс судоходства, Международный конгресс библиотекарей, Международный конгресс физиков, конгресс всех географических обществ Франции. На VIII Геологическом Шокальский посещал, прежде всего, заседания Международной ледниковой комиссии, где была отмечена роль ежегодных наблюдений РГО над колебаниями ледников, обзоры которых он периодически делал.

Никогда не участвуя непосредственно в полярных экспедициях, ученый много сделал для их успешной работы. Не без его помощи адмирал С.О. Макаров добился постройки первого крупного ледокола «Ермак», спущенного на воду в 1898 г. Юлий Михайлович прекрасно знал всех полярных исследователей²⁴. Многие из них приезжали в Петербург для докладов в Географическом обществе. В этом отношении можно назвать такие известные имена, как Фритъоф Нансен (1861–1930), Руаль Амундсен (1872–1928), Эрнест Шеклтон (1874–1922), Отто Свердруп (1954–1930), Жан-Батист Шарко (1867–1936).

Высокий авторитет Ю.М. Шокальского как крупнейшего знатока полярных проблем сказался также в значительном количестве полярных географических объектов, названных его именем — это небольшой остров в проливе Карские Ворота (к с-в от о. Вайгач) (1901); ледник на Северном острове Новой Земли (1911); пролив между двумя островами в архипелаге Северной Земли (1915); озеро на полуострове Канин (1915); остров при входе в Обскую губу (1925); тёплое течение в Баренцевом море, идущее вокруг Шпицбергена (1930). Больше 20 лет пролив Шокальского существовал и в Антарктике. По этому поводу в Военно-топографическом управлении РККА около 1930 г. произошел курьезный разговор. Начальник управления разложил перед Юлием Михайловичем подробную английскую карту Антарктиды и, показав надпись «пролив Шокальского» возле о. Николая II, спросил: «Скажите, ... не знаете ли вы, кто это вам подложил такую свинью?» — «Конечно, знаю, — сразу ответил Шокальский, — это еще в 1911 г. сделал мой хороший приятель, очень известный путешественник Шарко. Плавая в этих местах, он захотел сделать мне приятное, и когда около земли Александра I он увидел берег неизвестного ранее острова, то решил, что нет ничего лучше, как рядом с землей, названной в честь русского императора, поместить пролив имени своего приятеля — русского океанографа. А чтобы доставить приятное заодно и России, он назвал новый остров именем последнего русского императора²⁵. Французы — народ любезный, и я убежден, что, поместив мое имя между двух царей, Шарко был доволен таким неожиданным блестящим решением, не подозревая, какую он мне оказал медвежью услугу. Но, если уж мне не повезло в южном полушарии, зато

²³ Померанцев П. Крупнейший географ страны. С. 120.

²⁴ Орлов Б.П. Юлий Михайлович Шокальский. С. 621.

²⁵ Впоследствии выяснилось, что острова, который отделял этот пролив, не существует — он оказался полуостровом, но на современных картах имя Шокальского оставлено за прилегающей бухтой.

в отношении северного я могу быть доволен. Там мой пролив проходит между Октябрьской Революцией и Большевиком...»²⁶.

В 1906 г. Юлию Михайловичу впервые удалось познакомиться и с южными морями, когда он был назначен делегатом от России и комиссаром русского отдела Всемирной выставки океанографии и рыбоводства в Марселе. Он разместился в большом здании под названием «Павильон моря» и был удостоен диплома «Большой почетной премии». Поскольку работа выставки была рассчитана на длительный период, Ю.М. Шокальскому удалось выкроить две с половиной недели для давно задуманного семейного путешествия в Альпы. В сопровождении только жены и дочери, так как сын по примеру отца поступил в Морской корпус, он через Лион и Женеву добрался до Монблана. «Переживания Юлия Михайловича описать было бы трудно... Это была острая радость человека, долгие годы лелеявшего мечту попасть в горы, ползать по их высям, посмотреть на мир с их вершин, походить по ледникам»²⁷. Переехав в Италию, семья Шокальских посетила озера Комо и Маджоре, осмотрела Милан и Флоренцию с их картинными галереями и затем вернулась в Марсель. Все увиденное было запечатлено хорошим стереоскопическим аппаратом на диапозитивы.

С учетом опыта зарубежных командировок в начале XX в. под руководством Шокальского значительно улучшилось наблюдение за явлениями природы на территории России. Были опубликованы гидрометеорологические наблюдения за 1903–1911 гг., разработаны инструкции для наблюдения за льдами, сконструированы и приняты на вооружение новые приборы, организованы глубоководные гидрологические наблюдения в Северном Ледовитом океане и на Дальнем Востоке, налажено изучение течений в русских морях.

Немало потрудился Шокальский также в области картографии²⁸, начиная с 1888 г., когда он был командирован на Брюссельскую всемирную выставку, где познакомился с работами военно-картографического института. Особенное внимание он уделял вопросам гипсометрии. Встретившись в Русском географическом обществе с крупным географом-геодезистом генералом А.А. Тилло (1839–1900), Ю.М. Шокальский начал сотрудничать с ним и принял активное участие в составлении первой гипсометрической карты Европейской России. Возглавив образованную при Обществе специальную комиссию, Ю.М. Шокальский совместно с А.А. Тилло разработал методику картометрических работ и применил её при исчислении поверхности азиатской части России и длин главнейших рек. В конце 1890-х годов Шокальский сделал обзор состояния картографии России и составил ее гипсометрическую карту, впервые показавшую рельеф страны к северу от 60° с. ш.

После смерти А.А. Тилло ученый был назначен заведующим работами по своду нивелировок и гипсометрии при Министерстве путей сообщения. В 1905 г. он довел до конца начатую А.А. Тилло работу по исчислению поверхности Азиатской России с картой 100 верст в дюйме²⁹. Тогда же под редакцией Ю.М. Шокальского и Э.Ю. Петри в издательстве А. Маркса вышел выдержавший три выпуска

²⁶ Померанцев П. Крупнейший географ страны // Морской сборник. 1940. № 5. С. 122.

²⁷ Шокальская З.Ю. Жизненный путь Ю.М. Шокальского. С. 46.

²⁸ Орлов Б.П. Юлий Михайлович Шокальский. С. 619–620.

²⁹ Эта ценная работа получила премии Императорской Санкт-Петербургской (1909) и Французской (1911) академий наук.

«Большой всемирный настольный атлас», включавший 62 главных и 160 добавочных карт.

В 1907 г. Юлий Михайлович стал заведующим метеорологической частью Главного гидрографического управления. На этом посту он энергично взялся за организацию гидрометеорологической службы на морях и судах и за осуществление ряда важных мероприятий по исследованию режима морей, омывающих Россию, и вообще Мирового океана. Особенное внимание уделял Ю.М. Шокальский деятельности сети станций, которая до него находилась в довольно запущенном состоянии. По его докладу на Метеорологическом съезде в 1909 году было принято решение ввести на русской метеорологической сети новую термометрическую будку вместо громоздкой будки Вильда. На этом же съезде была принята предложенная им инструкция по наблюдению над морскими льдами. Ю.М. Шокальский вместе со своим помощником Л.Ф. Рудовицем блестяще наладил обработку и издание научных наблюдений³⁰. Под его руководством был налажен выпуск таких важнейших пособий, как «Ежегодники приливов». В 1909 г. Юлий Михайлович предложил организовать морскую обсерваторию в г. Севастополе, которая стала крупным научно-исследовательским центром, сыгравшим большую роль в исследовании структуры воды Черного моря, ее физического и динамического состояния. Тогда же создаются первые прибрежные морские метеостанции для обеспечения мореплавателей прогнозами погоды.

Много сил потратил Ю.М. Шокальский на то, чтобы у РГО, вынужденного снимать себе помещения у других организаций, появилось собственное здание, оборудованное по последнему слову техники для проведения научных занятий. Гимназия Александра I в 1903 г. согласилась за 30 тысяч рублей уступить под строительство участок на углу Казанского и Демидова переулков (совр. адрес: пер. Гривцова, 10). Проект здания при участии Шокальского разработал известный архитектор Г.В. Барановский (1860–1920). Он предусматривал устройство большого зала для торжественных заседаний на 500 человек; два малых зала для заседаний отделений и комиссий; зал Совета; помещение для библиотеки с металлическими книжными шкафами, крепившимися непосредственно на фундаменте; кабинет секретаря и канцелярию; несколько небольших комнат, в том числе для сторожа. В 1909 г. все работы были завершены, и на следующий год здесь открылась первая в стенах нового здания выставка коллекций, доставленных Монгольской экспедицией П.К. Козлова из мертвого тангутского города Хара-Хото. Сам Юлий Михайлович любил выступать здесь с докладами, к которым готовился очень тщательно, говорил всегда стоя, имея в руках небольшой конспект, иногда в него заглядывая. Он «очень ценил внешнюю форму докладов, хорошее, ясное, громкое изложение, а не чтение по рукописи, которое обычно сопряжено с некоторой монотонностью и неизбежным опусканием головы и, следовательно, худшим распространением звука». Оценивая прослушанный доклад, он иногда говорил: «очень жаль, докладчик испортил хороший материал, плохо говорил, все время стоя лицом к карте и спиной к публике, говорил в сторону, да еще мычал перед началом каждой фразы»,

³⁰ Орлов Б.П. Юлий Михайлович Шокальский. С. 618.

или «доклад хороший, но докладчик так бормотал себе все время под нос, что все задремали под его бормотанье»³¹.

Выдающиеся научные и педагогические заслуги Ю.М. Шокальского были отмечены в 1910 г. присвоением звания ординарного профессора Военно-морской академии после окончательного утверждения в ней кафедры океанографии, и в 1912 г. — производством в чин генерал-лейтенанта. Кроме того, в 1914 г. Казанский и Новороссийский (ныне Одесский) университеты избрали его доктором географии *honoris causa*. К этому времени его деятельность была удостоена многих российских и иностранных наград, в том числе орденов Св. Станислава 1-й степени, Св. Владимира 3-й и 4-й степеней, бельгийского Кавалерского креста и французского ордена Почетного легиона. Его имя уже было хорошо известно за границей, благодаря участию в различных собраниях международного характера, на которые он в общей сложности 37 раз выезжал из России. Особенно сильное впечатление произвели на него два визита в Соединенные Штаты Америки в 1912 г. Сначала он отправился туда весной для участия XII Международном конгрессе судоходства в Филадельфии. Тогда Юлий Михайлович в первый раз в жизни пересек Атлантический океан, которым он так всегда интересовался. В начале августа он снова двинулся в путь по приглашению Американского географического общества, которое по случаю собственного 60-летия организовало для всех своих членов, прибывших на юбилей, почти двухмесячную поездку с осмотром наиболее интересных местностей — заповедников, национальных парков, каньонов и гейзеров — от Нью-Йорка до Сиэтла, затем на юг по берегу Тихого океана до Сан-Франциско и Калифорнии, далее через Солт-Лейк-Сити до границы с Мексикой, оттуда на Миссисипи и вдоль атлантического побережья назад в Нью-Йорк³². Эта экскурсия проходила в прекрасных условиях при общении с ведущими специалистами США, дававшими по ходу дела свои пояснения. Особенно неизгладимое впечатление осталось у Юлия Михайловича от Йеллоустонского национального парка.

Ю.М. Шокальский постоянно поддерживал связь не только с зарубежными, но с московскими коллегами: делился с ними своими трудами, выступал с увлекательными докладами. По словам В.В. Богданова, «с ним всем было интересно и уютно», а в ОЛЕАЭ «он был как свой»³³.

Возглавляя Гипсометрическую комиссию при РГО, Шокальский продолжал работу по составлению гипсометрических карт отдельных районов и губерний. В 1913 г. для «Атласа Азиатской России» он подготовил гипсометрическую карту страны в масштабе 1:12 600 000. В 1914 г. велись работы по составлению карт Московской, Воронежской, Харьковской, Херсонской губерний и области Войска Донского.

В отношении изучения Севера страны ученый в ряде своих работ обосновал возможность регулярного плавания в морях, омывающих берега Сибири. В частности, он доказывал, что препятствием к этому являются не сложные ледовые и метеорологические условия, а незнание этих условий, отсутствие станций

³¹ Шокальская З.Ю. Жизненный путь Ю.М. Шокальского. С. 56.

³² Автобиография Ю.М. Шокальского // Землеведение. Новая серия. 1940. Т. I (XLI). С. 17.

³³ Богданов В.В. Юлий Михайлович Шокальский: его жизнь и научная деятельность // Там же. С. 15.

и регулярных гидрометеорологических наблюдений, надежных навигационных карт и других средств, обеспечивающих безопасность мореплавания. В 1914–1915 гг. Ю.М. Шокальский принял деятельное участие в подготовке экспедиций на ледокольных судах «Вайгач» и «Таймыр». Это были первые русские корабли, прошедшие северным морским путем. Теперь можно было ставить задачу экономического освоения сквозного прохода по морю с запада на восток.

После смерти П.П. Семенова Тянь-Шанского (1827–1914) Юлий Михайлович фактически стал во главе РГО, а в 1917 г. был избран его президентом. Этот период, когда в связи с Первой мировой войной прекратились экспедиции и командировки за границу, совпал для него с активной работой над рукописью классической монографии «Океанография», которая должна была обобщить основы этой науки и возбудить к ней интерес в научной среде. Наконец, в 1917 г. капитальный труд о природе водной оболочки Земли увидел свет и принес автору всемирную известность³⁴. Основными его достоинствами являются глубокое понимание физико-географических процессов и исключительно доступная форма изложения. В этой книге Ю.М. Шокальский впервые вводит понятие о едином Мировом океане и рассматривает возможность проведения измерений и теоретических исследований всей совокупности связанных с ним явлений.

1917 г. оказался для Юлия Михайловича очень тяжелым. В период между двумя революциями он потерял второго сына: 29 апреля (11 мая) 1917 г. на Юго-Западном фронте под Тернополем при крушении самолета «Илья Муромец 1» погиб летчик-наблюдатель, лейтенант Александр Шокальский. Ему было всего 27 лет. Тем не менее, нужно было продолжать жить и работать. В советский период перед ученым открылись новые перспективы деятельности, хотя после революции генеральский чин доставил ему немало горьких минут. При его содействии в 1918 г. было создано первое в России высшее учебное географическое заведение — Географический институт³⁵. Его привлекли к работе в Комиссии по введению международной системы времени по часовым поясам. Результатом стало установление в 1919 г. поясного времени по всей стране. 5–7 августа того же года Шокальский участвовал в работе Избирательного собрания Российской академии истории материальной культуры, куда его пригласили, как одного из крупнейших российских ученых, в качестве делегата от ОЛЕАЭ, и он был запечатлен на исторической фотографии, сделанной в саду Старого Эрмитажа. Этот год ознаменовался для Юлия Михайловича и возвращением к преподаванию в Петроградском университете, где через шесть лет он становится профессором и Героем Труда. Одновременно с педагогической деятельностью в период 1925–1931 гг. он возглавил Государственный картографический институт, и в 1928 г. основал в университете кафедру картографии.

В 1923–1926 гг. Шокальский руководил океанографической экспедицией на Чёрном море, к которому всегда проявлял неподдельный интерес. В крайне трудных экономических условиях того времени ему выделили специальное исследовательское судно, четыре раза в год делавшее «гидрологические разрезы» — наблюдения от поверхности до дна по определенным маршрутам. Они должны

³⁴ В 1919 г. этот труд был удостоен премий Российской и французской Академий наук.

³⁵ С 1925 г. в составе Ленинградского государственного университета, как факультет (совр. Институт науки о Земле).

были дать картину сезонных изменений на одних и тех же направлениях. Кроме того, с 1924 по 1927 г. в распоряжение Ю.М. Шокальского на все лето предоставлялся специально оборудованный корабль с обученной для гидрологических работ командой³⁶. В итоге Черноморская экспедиция собрала огромный материал и послужила образцом для подобного рода научных предприятий во всем мире. Ю.М. Шокальский неоднократно выступал с докладами о результатах работы экспедиции, но обработать все полученные материалы и написать монографию о Черном море так и не успел. В те же годы он дополнительно исследовал Ладожское озеро, реки Вычегду, Тавду и, как член Ученого совета Северной научно-промышленной экспедиции ВСНХ, разработал научную программу освоения и использования Северного морского пути.

В 1923 г. Юлий Михайлович был избран членом-корреспондентом, а в 1939 г. — почетным академиком Академии наук СССР. Ему было присвоено звание Заслуженного деятеля науки РСФСР (1928). Несмотря на солидный возраст, он проявлял поразительную научную активность. Когда более молодые коллеги полушутя спрашивали Юлия Михайловича, «как он сумел сохранить в себе юную бодрость», он отвечал: «Не от меня зависит... прожить столько лет. Крутом так много дела, что некогда следить за своим возрастом»³⁷. Ему по-прежнему все было интересно, в том числе вопросы естествознания, связанные с археологией. Так, в 1934 г. вышла его статья, содержащая широкий обзор всех известных на то время ранних находок из земного и метеоритного железа³⁸. Совсем недавно она была удостоена публикации³⁹. При этом подчеркивалось, что приведенные в ней датировки начала железного века в целом согласуются с современными датами, полученными для района Эгейского моря, а также Средней, Южной и Юго-Восточной Европы⁴⁰.

Ю.М. Шокальский продолжал постоянно работать в Геодезическом комитете Госплана СССР и Главном управлении гидрометеорологической службы, не раз возглавлял советские делегации на международных конференциях и конгрессах — III Гидрологической конференции Балтийских стран в Варшаве и II Международном съезде почвоведов (1930), Международном географическом конгрессе в Париже (1931).

В знак признания научных достижений Ю.М. Шокальского в области географии Американское географическое общество присудило ему свою высшую награду — золотую медаль Куллум (1930), а Шотландское географическое общество за океанографические и картографические исследования — Большую золотую медаль (1932). Развивая сотрудничество с зарубежными учеными, Ю.М. Шокальский стал членом комитета по подготовке и проведению 2-го Международного полярного года (1932–1933), где добился включения в программу исследований работ

³⁶ Орлов Б.П. Юлий Михайлович Шокальский. С. 619.

³⁷ Померанцев П. Крупнейший географ страны. С. 119.

³⁸ Шокальский Ю.М. Начало обработки железа человечеством и постепенное распространение этого дела // Известия Государственного географического общества. 1934. Т. 66. Вып. 4. С. 626–629.

³⁹ От метеорита до крицы. Железо III — первой половины I тыс. до н. э. в Восточной Европе. Том 1. Историография, База данных-1, начало новых исследований / Отв. ред.: Кашуба М.Т., Кулькова М.А. СПб.; Берлин, 2021. С. 20–22.

⁴⁰ Там же. С. 20.

по океанографии, а на себя взял составление физической карты Северной полярной области.

В 1937 г. Юлий Михайлович включился в проект, предпринятый картографической частью Штаба РККА — подготовку «Атласа командира РККА», и принимал участие в редактировании всех его карт. Еще одно важное начинание, связанное с популяризацией географических знаний, — создание специального лектория⁴¹, в котором 10 ноября 1938 г. состоялась первая лекция Ю.М. Шокальского и П.П. Померанцева. В том же году под редакцией Шокальского вышел первый номер научно-популярного географического ежегодника «Глобус»⁴², предназначенного для детей среднего и старшего возраста. Над его редактированием Юлий Михайлович работал особенно усердно, внимательно прочитывая все корректуры и делая много пометок. Структура ежегодника в полной мере отражала взгляды академика на популяризацию науки. Там имелись разделы «Наша Родина», «Завоевание Арктики и Антарктики», «Замечательные географы и путешественники», «Занимательная география», географический календарь и «Словарь юного географа». Большое место в первом «Глобусе» заняли увлекательные рассказы о знаменитых советских полярниках, где подробно рассказывалось об их героической деятельности. Ю.М. Шокальский хорошо понимал, что дети, которые будут читать эту книгу, завтра могут внести практический вклад в науку.

В последние годы своей жизни Юлий Михайлович Шокальский постоянно болел, в связи с чем лечился в различных санаториях на Кавказе (Ессентуки и др.), но избежать обострения болезней не удалось. 5 марта 1940 г. он прочитал свою последнюю двухчасовую лекцию, как обычно стоя, хотя уже чувствовал себя очень плохо. Через три недели выдающийся географ и основоположник отечественной океанографии, председатель Географического общества СССР, академик Ю.М. Шокальский тихо скончался в возрасте 83 лет от паралича сердца, попросив измерить пульс⁴³ и успев лишь сказать: «Хорошо, очень хорошо...». Дело в том, что он боялся не смерти, а лишь продолжения болезни, хотя до последнего момента надеялся на выздоровление. Его похоронили на Литераторских мостках Волковского кладбища и рядом поместили прах его жены, перенесенный с Новодевичьего кладбища. Надгробие в виде стелы с барельефным портретом (скульптор Г.Ф. Ветютнев, архитектор П.Д. Бункин) было установлено в 1949 г.

⁴¹ Для увековечивания памяти академика Ю.М. Шокальского в 1940 г. лекторию было присвоено его имя.

⁴² Ежегодник издавался на протяжении более пятидесяти лет, но в 1989 г. его издание было прекращено.

⁴³ Померанцев П. Крупнейший географ страны. С. 127.

Василий Александрович Щавинский (1868–1924)

Д. А. Кукина

Среди сотрудников Академии истории материальной культуры первого десятилетия ее существования Василий Александрович Щавинский занимает особое место. Талантливый химик, блестящий организатор и страстный любитель изобразительного искусства, он не только обладал широким кругозором и впечатляющими профессиональными знаниями, но и умел рационально подойти к решению любой задачи: как практической, так и научной. За недолгий срок своей работы в учреждении он успел провести ряд интересных исследований и лабораторных опытов, поучаствовать в реставрационных работах, как в Академии, так и за ее пределами, подготовить к печати книгу очерков по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. Результатом его труда стала

и программа живописной техники, которая имела большое значение для дальнейших исследований в этом направлении. Работая в тяжелых условиях гражданской войны, когда для науки не хватало материальных и человеческих ресурсов, а коммуникации с иностранными коллегами были почти невозможны, В. А. Щавинский вместе со своими многочисленными сотрудниками изобретал альтернативные способы проведения исследований, приводившие к интересным результатам. Не бросал он и преподавательскую деятельность, читал курсы по химической технологии и живописной технике. Без сомнения, только ранняя смерть помешала В.А. Щавинскому стать по-настоящему значительным ученым.

Василий Александрович Щавинский родился в 1868 г. в местечке Илинец Липовецкого уезда Киевской губернии, в семье мирового посредника. Школьное образование он получил сначала в Каменец-Подольской гимназии, затем в реальном училище г. Новозыбкова Черниговской губернии. Уже в дополнительном классе гимназии он избрал областью своих занятий химию. Получение высшего образования в России оказалось, однако, невозможным из-за участия в антиправительственной деятельности¹. В 1891 г. В.А. Щавинский уезжает в Швейцарию и поступает в Цюрихский Политехнический институт на химико-техническое

¹ Живкова О. Колекціонер В.О. Щавинський. Доповідь на конференції Ханенківські читання. 2001. Вип. 3. С. 3–18. <http://lostart.org.ua/ua/research/252.html>. (дата обращения 18.11.2020).

отделение, где его учителями стали известные химики Георг Лунге и Фредрик Пирсон Тредвел. Выдержав в 1893 г. полудипломное испытание, он был вынужден на некоторое время вернуться в Киев, где работал в лабораториях Юго-Западных железных дорог и Киевского Сахаро-Рафинадного завода, а также писал статьи в киевские газеты. Получив возможность снова выехать за границу, В.А. Щавинский вернулся к учебе, которую завершил в 1898 г.², и вскоре стал членом Германского химического общества.

Вернувшись в Россию, молодой химик приезжает в Санкт-Петербург, где получает место в Центральной химической лаборатории заводов А.М. Жукова. Эта лаборатория была создана сыном основателя торгового дома Жуковых во второй половине 1890-х гг., после замены работавших на предприятии практиков-иностранцев русскими специалистами, в числе которых помимо В.А. Щавинского были химики П.И. Шестаков и К.И. Ногин³. Из лаборатории его вскоре был перевели на Стеариновый завод, где он в дальнейшем получил должность директора. Щавинский, прежде всего, обратил внимание на необходимость модернизации по европейским образцам глицеринового отделения завода. В связи с этим он отправился за границу для ознакомления с новейшими аппаратами, использовавшимися в данном виде производства, что позволило в 1900 г. существенно перестроить работу предприятия⁴. Наряду с этим Щавинский осуществлял контроль над электрической станцией и паровым хозяйством Лиговских заводов, а с 1903 г. управлял Салотопенным заводом.

Все же главной задачей для него оставались научно-технические разработки. В лаборатории, штат которой был к тому времени существенно расширен, он провел ряд исследований в области стеаринового, глицеринового, олеинового, мыловаренного и салотопенного производств. Особенно тщательному изучению подвергся процесс дистилляции жирных кислот. Публикация проведенных в лаборатории завода исследований была запрещена, но об их успешных результатах свидетельствует существенное улучшение производственного процесса.

Абсолютно новаторскими были работы В.А. Щавинского по производству камфоры из русского сырья. Необходимость в этом возникла в конце 1906 года из-за значительного повышения цен на японскую камфору. Основой для ее русского производства должно было служить пихтовое масло, и завод по производству камфоры был оборудован и запущен в кратчайшие сроки, к началу 1907 года. Проработал он, однако, недолго. Вскоре цены на естественную камфору снова снизились, и производство стало невыгодным. Среди других оригинальных научно-технических разработок, которыми при участии В.А. Щавинского занималась Центральная лаборатория заводов А.М. Жукова, можно назвать исследования по уплотнению жидких жиров путем гидрогенизации.⁵

Василий Александрович прекрасно справлялся и с практическими задачами. Среди разработок, внедренных сотрудниками его лаборатории, были, например,

² РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 74. Л. 1, 7.

³ Ключевич А.С. Из истории материальной культуры и народного хозяйства России. Моющие средства, переработка жиров. С древнейших времен до 1917 года. Казань, 1971. С. 347.

⁴ Там же. Л. 7–7об.

⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 74. Л. 8 об.

способ очистки и переработки глицериновых щелоков мыловаренного завода и способ выделения жирных кислот из автоклавной грязи⁶.

На заводах Жуковых В.А. Щавинский прослужил до 1915 г., не оставив свою должность даже ради заманчивого предложения Георга Лунге занять место химика по производству на Баденской анилиновой и содовой фабрике в Людвигсхафене⁷.

Незаурядные организаторские способности В.А. Щавинского в полной мере проявились в годы Первой мировой войны и последовавшей за ней революции. С 1915 по 1919 гг. он служил в должности директора Петроградского завода Волжского акционерного общества маслособойных и химических заводов «Салолин». Несмотря на обстоятельства военного времени Щавинскому удалось оптимизировать производственный процесс и увеличить производительность завода. Хотя существенная перестройка предприятия в это время была невозможна, он все же смог достигнуть некоторых успехов в его реорганизации. Надстройка верхнего этажа и принятие других противопожарных мер прекратили повторявшиеся несколько раз в год пожары, а условия труда рабочих были улучшены путем постройки на заводской территории общежития с артельной столовой и квартирами для семейных рабочих. На заводе было установлено новое оборудование, в том числе привезенное из Англии, переложена подземная сеть газовых труб. В дальнейшем В.А. Щавинским был составлен и проект полной перестройки предприятия, который, по-видимому, так и не был реализован⁸. Во время Первой мировой войны он устроил на заводе лазарет для раненых и даже хотел организовать производство фосгена — вещества, применявшегося в качестве боевого отравляющего газа. Придерживаясь гуманистических соображений, химик не хотел извлекать из создания боевого вещества коммерческую выгоду, поэтому обратился в Главное артиллерийское управление с предложением организовать на заводе производство фосгена в гораздо большем количестве, чем он производится теперь, и это обойдется государству дешевле. Предложение, однако, не вызвало интереса⁹.

В это же время В.А. Щавинскому представилась возможность профессионально заняться исследованием красок. Изобразительное искусство было его страстью многие годы, но до этого момента интерес к живописи проявлялся только в изучении и коллекционировании картин. В 1912 г. В.А. Щавинский создал при Школе народного искусства учебную красильную мастерскую, которой сам и руководил в течение последующих трех лет. Одной из ее задач было восстановление старинных русских способов крашения¹⁰. В 1915 г. Щавинский организовал производство красок под названием «Изограф» при Школе общества поощрения художеств, вице-председателем которого он состоял¹¹. Идея производства красок принадлежала директору школы художнику Н.К. Рериху. Учитывая, что до войны поставки многих красок шли из Германии, что существенно осложняло работу художников,

⁶ Там же. Д. 74. Л.7 об. — 8.

⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 74. Л. 1–2.

⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 74. Л. 8 об. — 9 об.

⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 764. Л. 5.

¹⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 74. Л. 2–4.

¹¹ Там же. Л. 4.

он предложил попробовать наладить изготовление своей продукции, прежде всего темперы. Переговоры по этому вопросу начались уже осенью 1914 г. Общество поощрения художеств разработало и утвердило в Министерстве промышленности и торговли торговый знак и торговое название красок, Министерством императорского двора было дано разрешение на использование в изображении торгового знака государственного орла. Однако фирма, которая согласилась изготовить краски, была найдена только в 1916 г. в Москве, а первая партия красок получена лишь в конце апреля этого года¹². К сожалению, вскоре выяснилось, что производство слишком затратно. Стоимость труда и материалов оказалась столь высока, что было выгоднее покупать привозные краски английского производства, тем более что к качеству товара тоже были некоторые претензии. По крайней мере, Н.К. Рерих считал, что краски хоть и хороши по качеству, но слишком жидкие и не имеют «плотно кроющей силы»¹³.

Деятельность Василия Александровича в Обществе поощрения художеств не ограничилась производством красок. Уже после революции, будучи заместителем председателя Общества и видя нападки на него со стороны художников П.С. Наумова и Н.А. Тырсы (речь шла, в частности, о приостановке постоянной выставки в зале Общества), Щавинский лично вел переговоры с комиссаром просвещения А.В. Луначарским и его представителем в Ленинграде Д.П. Штернбергом. В результате этих переговоров атака была отбита: Д.П. Штернберг заявил, что Отдел изобразительных искусств не будет препятствовать устройству аукционов и постоянной выставки в зале Общества¹⁴. Аукционы на выставке предметов искусства и старины являлись тогда для Общества единственным источником денежных средств, поэтому их сохранение имело принципиальное значение.

Немаловажной оказалась роль В.А. Щавинского в обсуждении и принятии ряда значимых решений, касающихся реставрации произведений изобразительного искусства из коллекции Эрмитажа. Началом серьезной дискуссии по этому вопросу послужил скандал, возникший в связи с тем, что осенью 1915 г. в газетах появились статьи художника и историка искусства А. Бенуа и художника С.П. Яремича, в которых жестокой критике подвергалась реставрация Д.Ф. Богословским ряда хранившихся в Эрмитаже картин. А.Н. Бенуа не стеснялся в выражениях и называл реставратора «лишенным дара шарлатаном», а его работу «реставрационным вандализмом», «преступлением», «пагубной стряпней»¹⁵. В том же духе, хотя и более корректно, высказывался и В.А. Щавинский. В заметке, опубликованной в газете «Речь» 3 ноября 1915 г., он писал: «Невежественная чистка, вроде той, примеры которой приведены в статьях А. Бенуа и С. Яремича, погубила, быть может, больше картин, чем огонь и другие общественные бедствия»¹⁶. В этой же статье Василий Александрович излагает и известные ему компрометирующие сведения о реставраторе Д.Ф. Богословском, в частности о том, что тот никогда ранее не занимался

¹² Тюхина Л.Г. Императорское общество поощрения художеств в начале Первой мировой войны // Известия РГПУ. 2008. № 63–1. С. 363, 365.

¹³ Рерих Н.К. 1917–1919. Материалы к биографии. СПб., 2008. С. 211.

¹⁴ Там же. С. 233–234.

¹⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 73. Л. 1–2.

¹⁶ Там же. Л. 14.

реставрацией живописи, обучение прошел за 3–4 месяца, а диплом получил «за известное вознаграждение». Особенно возмущало автора заметки то, что методы реставрации, которыми пользовался Д.Ф. Богословский, держатся в секрете: «...Как это ни странно, “диплом” этот вполне удовлетворяет эрмитажную администрацию. Для верности, однако, она интересуется узнать способы, которыми новый реставратор будет пользоваться при реставрации. Способы эти оказались немногосложными, но зато секретными. Они были изложены новым мастером на бумаге, запечатаны в непроницаемый конверт и положены в хранилище эрмитажных ценностей»¹⁷.

Газетными статьями дело не ограничилось. Александр Бенуа направил письмо в Совет Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, в котором выразил беспокойство по поводу реставрации в Эрмитаже и просил общество «принять ... без промедления все зависящие от него меры, дабы поспеть на помощь угрожаемому памятнику и спасти его от посягательств обезумевших ревнителей»¹⁸. Результатом этого обращения стало организованное в конце января 1916 г. по предложению председателя общества, великого князя Николая Михайловича Особое совещание при Императорском Эрмитаже¹⁹. Представителями от Общества на совещании были выбраны члены его Совета: А.Н. Бенуа, П.П. Вейнер, Н.К. Рерих и действительный член общества В.А. Щавинский. Кроме них и представителей Императорского Эрмитажа в обсуждении принимали участие по приглашению директора Эрмитажа: барон П.П. Корф, член Государственной думы С.И. Шидловский, члены Императорской Академии художеств Г.И. Котов, И.Э. Грабарь, И.С. Остроухов, Д.Н. Кардовский, хранитель музея Академии художеств Э.О. Визель, академик живописи О.Э. Браз, хранитель Русского музея П.И. Нерадовский и А.А. Зилоти²⁰.

Первое заседание состоялось 24 января 1916 г. в квартире у директора Эрмитажа графа Д.И. Толстого. В этот день обсуждались следующие вопросы: как и в каких случаях нужно предотвращать порчу картин, когда и насколько возможна чистка картин от грязи и лака и в каких случаях следует очищать картину от позднейших записей. Полемика была острой, далеко не все присутствующие разделяли точку зрения Бенуа и Щавинского относительно качества реставрационных работ Д.Ф. Богословского. Стремясь разрядить обстановку и компенсировать резкий тон газетных публикаций, Василий Александрович в своих выступлениях на заседании подчеркивал, что причиной случившегося стали не отдельные люди, а скорее, общая неосведомленность в вопросах «картиноведения» и что, увлекаясь исследованием эстетической стороны живописи, историки искусства пренебрегают изучением его живописно-технической стороны, а потому реставрационное дело нуждается в реформировании. Большинство высказанных В.А. Щавинским на этом заседании соображений касались конкретных вопросов, связанных с причинами помутнения покрывающих картину лаков и целесообразности их снятия. Он утверждал, что в большинстве случаев снятие лака крайне нежелательно,

¹⁷ Там же.

¹⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 68. Д. 55. Л. 4–6.

¹⁹ Там же. Ф. 22. Д. 73. Л. 17; Ф. 68. Д. 55. Л. 8, 9.

²⁰ Там же. Ф. 68. Д. 55. Л. 11, 13.

так как тот уже проник в живопись и часть ее тоже будет удалена. Для подтверждения своей точки зрения он ссылался на публикации авторитетных специалистов (например, на работы химика Макса фон Петенкофера)²¹. В итоге участники заседания так и не пришли к единому мнению. Для того чтобы прояснить ситуацию, на следующий день был назначен осмотр картин, а еще через день новое заседание²².

Второе заседание по вопросу о реставрации тоже не принесло значительных результатов. После осмотра картин мнения разделились еще больше. Одни из участников нашли их состояние после реставрации ужасным, другие вполне удовлетворительным. Выступая на заседании, В.А. Щавинский отмечал, что среди осмотренных им картин он не видит ни одной, которая бесспорно должна была бы быть отреставрирована. Кроме того, он высказывался критически о способе снятия лака и говорил о недопустимости тайн в вопросах состава, которым это снятие производилось. Относительно этого таинственного средства Щавинский высказал предположение, что в него входили спирт, скипидар и льняное масло. Последнее при засыхании увеличивается в объеме и расширяет присутствующие в картине трещины, что, естественно, не идет на пользу реставрации. Дальнейшие его замечания были связаны с «записью» дефектных мест на полотне. В.А. Щавинского беспокоил выбор красок для этой работы. По его мнению, реставратор часто просто берет ту краску, которая есть под рукой, не разбираясь вовсе, какой она была во времена художника. Ссылаясь на книгу «Техника масляной живописи» художника и историка искусства Генриха Людвига²³, он отмечал, что краска, которой реставрируют картину, не должна темнеть (то есть не должна быть масляной), а для того, чтобы нанесенную краску могли легко снять последующие поколения реставраторов, не нужно заделывать дефекты до неузнаваемости. Что касается лака, то В.А. Щавинский напоминал участникам заседания о том, что в большинстве картинных галерей состав лака, которым покрываются картины, твердо установлен, для картин каждой школы используют строго определенный, специально изготовленный лак²⁴. Итогом второго заседания также стало отсутствие консенсуса между участниками. Одни продолжали утверждать, что «положение Эрмитажа по реставрации скорее благополучно», другие, наоборот, были убеждены в его бедственном положении, третьи и вовсе не смогли определиться с окончательным мнением. В заключительной речи председатель собрания граф Д.И. Толстой, выражая сожаление о том, что договориться так и не удалось, заметил, что Щавинский и Бенуа «высказались в защиту известных наперед предвзятых мнений»²⁵.

Совершенно очевидно, что обсуждения и споры после закрытия заседания продолжались, как лично, так и в переписке. Так, например, сотрудник картинной галереи Эрмитажа Джеймс Альфредович Шмидт просил В.А. Щавинского прислать ему ссылки на книги, упоминавшиеся в ходе заседаний, и после того, как те ему

²¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 73. Л. 21–43.

²² Там же. Л. 44.

²³ Ludwig H. Die Technik der Ölmalerei. 2 Teile. Leipzig, 1893.

²⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 73. Л. 56–58 об.

²⁵ Там же. Л. 70 об. — 71.

были присланы, еще раз обращался к нему за разъяснениями по вопросу о лаках²⁶. 10 февраля 1916 г. дома у товарища председателя «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины» Е.Н. Волкова было проведено «экстренное заседание по вопросу о реставрации картин в Императорском Эрмитаже»²⁷. К сожалению, документов, дающих ответ на вопрос о том, что обсуждалось на этом заседании, обнаружить не удалось. Возможно, одной из тем была разработка правил, обязательное следование которым необходимо в процессе реставрации картин. В личном фонде Щавинского сохранился черновик с перечислением подобных правил:

«Для рациональной постановки реставраторского дела в Эрмитажной галерее необходимо:

Подвергать картины реставрации лишь в неизбежных случаях.

Для решения связанных с реставрацией картин вопросов и наблюдения за работой.

Учредить при Эрмитаже особую комиссию.

Все работы по реставрации картин, экспертизе записанных мест и подписей обстоятельно и подробно протоколировать с указанием состава применяемых при этом средств. Протоколы подтверждать детальными фотографическими снимками.

О производимых работах доводить до всеобщего сведения.

Иметь опытного, известного своими работами, старшего ответственного реставратора...»²⁸.

Стенографический отчет об эрмитажном заседании был направлен министру императорского двора графу В.Б. Фредериксу. В письме председателю Общества великому князю Николаю Михайловичу граф так обобщает итоги проведенных заседаний:

«...Совещание рассмотрело ряд принципиальных вопросов, связанных с реставрацией картин, а именно: когда, чем и как следует реставрировать картины. Большинство членов высказалось вполне определенно за необходимость, по возможности, производить лишь самые неизбежные реставрации, в случаях явно свидетельствующих о грозящей произведению гибели. Такие же вопросы как, например, лечение или удаление испорченного лака; снятие старых, хотя бы и плохих записей, а также применение тех или иных способов реставрации, — остались открытыми и к общему по ним решению Совещание не пришло, остановившись на ограничительном толковании всяких реставрационных работ, т. е. на соблюдении особенной осторожности в каждом отдельном случае.

По сему и в соответствии с высказанными в Совещании мнениями, я одобрил к руководству Императорского Эрмитажа следующие положения в деле реставрации картин

1. Принять в соображение мнения авторитетных в художественно-научных группах художников, выразивших пожелание, чтобы к чистке картин приступали с особою осторожностью, производя лишь самые неизбежные реставрации, в случаях, явно свидетельствующих о грозящей произведению гибели,

²⁶ Там же. Л. 84–85.

²⁷ Там же. Л. 86.

²⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 73. Л. 90.

2. Для разбора вопросов о реставрации, как с общей принципиальной точки зрения, так и в отдельных случаях, собирать по усмотрению Директора Эрмитажа, комиссии из хранителей и сведущих лиц по выбору директора и,

3. Ввести регистрацию и подробное протоколирование реставрационных работ, пользуясь при этом широко услугами фотографии»²⁹.

Нетрудно заметить, что разработанные В.А. Щавинским правила «рациональной постановки реставрационного дела» и одобренные графом Фредериксом положения имеют общие черты, хотя документы не дают возможности определить роль Василия Александровича в их составлении. Все же его профессионализм в истории с реставрацией эрмитажных картин, очевидно, был оценен по достоинству: в феврале 1916 г. состоялось его избрание кандидатом в члены Совета Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, а в январе 1918 г. — членом комиссии по реставрационно-технической части Эрмитажа³⁰.

Что касается эрмитажного совещания, то одной из основных заслуг его участников стало научное определение понятий «реставрация» и «консервация». В ходе обсуждений значимых теоретических и методических положений было предложено разделять реставрационную деятельность на профилактическую (сохранение) и эфикатическую (восстановление), начать физико-химическую проверку клеевых составов и технических методов, ввести понятие «ограничительной реставрации», предполагающее более осторожное, без энергичных расчисток и поновления, отношение к памятникам искусства³¹.

В 1918 г. В.А. Щавинский участвовал в подготовке передачи реликвий украинского народа от РСФСР К УССР и даже составил соответствующий проект договора, но в условиях Гражданской войны эта передача так и не состоялась³². В начале следующего года он был приглашен в Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины в качестве эксперта по старинной живописи³³. Эта работа в сочетании с давним увлечением побудили его к окончательной смене профессиональной деятельности: из области индустриальной химии в сферу изучения техники живописи. В августе того же года он принял участие в работе Избирательного собрания РАИМК. С этим учреждением оказался связан новый этап в жизни Василия Александровича, поскольку уже в декабре он поступил на работу в созданный при РАИМК Институт археологической технологии (далее ИАТ)³⁴, который должен был решать задачи изучения, сохранения и разработки методик реставрации археологических объектов, музейных и художественных ценностей³⁵. В ИАТ Щавинский заведовал Разрядом техники живописи и технологии красок. При нем там появилась первая фотоаналитическая лабора-

²⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 68. Д. 55. Л. 13–13 об.

³⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 73. Л. 91, 95.

³¹ *Алешин А.Б.* Реставрация станковой масляной живописи в России. Развитие принципов и методов. Л., 1989. С. 103–105.

³² *Попова Л.И.* Охрана памятников культуры и искусства на Украине (1917–1941 гг.) // *Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация.* 1994. № 15. С. 83.

³³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 764. Л. 3 об.

³⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 74. Л. 4; Ф. 2. Оп. 3. Д. 764. Л. 3 об.

³⁵ *Жукова Н.Н.* Деятельность института археологической (исторической) технологии в 1919–1937 гг. // *Художественное наследие.* 1994. № 15. С. 15–20.

тория для изучения произведений искусства, которую возглавил химик и фотограф А.А. Поповицкий³⁶.

Реставрационная деятельность в этот период все больше склоняется в сторону совмещения практической работы с исследовательскими изысканиями. Большое влияние на развитие реставрации оказали работы, проводимые ИАТ. Их основой стала программа изучения живописной техники, выдвинутая В.А. Щавинским³⁷. Программа, составленная в 1919 г., состояла из двух больших этапов. Первый этап носил название «Знакомство с литературными памятниками, содержащими сведения о живописной технике старинных мастеров» и включал в себя четыре «практических задания ближайшего времени»: 1) составление полной библиографии предмета, 2) сравнительное изучение терминологии различных эпох и составление терминологического словаря, 3) поиск неопубликованных источников, создание компилятивных работ и 4) перевод сочинений иностранных авторов. Второй этап программы, называвшийся «Исследование памятников художественного творчества», включал методы исследования и практические задания.

К методам исследования В.А. Щавинский относил микроскопический метод с применением микрофотографии, а также спектрально-аналитический, микрохимический и фотографический анализы. Практические задания включали лабораторные исследования с применением указанных выше методов и разработку новых методов (в первую очередь, в области фотографического анализа)³⁸. Вероятно, не без участия Щавинского, ИАТ обращался в художественно-реставрационные мастерские Петрограда и Москвы с просьбой предоставить на проверку описания методов, растворителей и рецептов. Основной идеей этого обращения был полный отказ от непроверенных средств и стремление разработать основные рекомендации по материалам, применяемым в реставрации³⁹. В ходе реализации программы была также проведена масштабная работа по систематическому исследованию русского старинного живописного мастерства: было изучено большое количество рукописей и лицевых подлинников. В.А. Щавинский занимался выяснением природы и способа применения упоминаемых в рукописях живописных материалов, объяснением технологических приемов красильного и красочного дела Древней Руси, изучением технических навыков русских стенописцев, иконописцев, живописцев. Эта работа проводилась с 1919 по 1925 г. Она заложила прочный фундамент изучения техники древнерусской живописи⁴⁰.

Одной из первых задач, с которой столкнулся В.А. Щавинский в ИАТ, стала проблема сохранения фресок Спасо-Нередицкой церкви под Великим Новгородом. Вопрос о необходимости обследования стенописи церкви возник перед сотрудниками ИАТ в 1919 г. После сообщений о прогрессирующем ухудшении состояния фресок была снаряжена экспедиция. В ее состав помимо Щавинского входили историки искусства, архитекторы и геологи⁴¹. Осмотр памятников проходил

³⁶ Алешин А.Б. Реставрация станковой масляной живописи в России. С. 113.

³⁷ Там же. С. 115.

³⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 5. Л. 3.

³⁹ Алешин А.Б. Реставрация станковой масляной живописи в России. С. 115.

⁴⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 74. Л. 4–5; Ф. 2. Оп. 3. Д. 765. Л. 2.

⁴¹ Щавинский В.А. Стенопись Спасо-Нередицкой церкви // Известия ИАТ. 1924. Вып. 2. С. 28–29.

в последних числах декабря 1919 года. Кроме Спасо-Нередицкой церкви были осмотрены церкви в селах Волотово и Ковалево, некоторые храмы в самом Новгороде и Новгородский музей. В Спасо-Нередицкой церкви и церкви села Ковалево, а также у реставрируемой в Новгородском музее иконы Петра и Павла были взяты пробы осыпавшихся живописных материалов. 20 февраля 1920 г. выводы, сделанные на основании предварительного лабораторного обследования, были изложены В.А. Щавинским в докладе в Академии материальной культуры⁴². Изначальной версией возникновения повреждений были особенности окружающей церковь местности, в частности, железнодорожная насыпь, преграждавшая свободный сток воды. Сотрудники ИАТ обратили внимание также на цементную наружную обшивку храма, сделанную для защиты памятника от сырости, предположив, что именно она вызывает повреждения. Лабораторные исследования полностью подтвердили это предположение. Непосредственной причиной разрушения стеной живописи были образовавшиеся на фресках темно-зеленые и черные пятна водорослей *Suaephryseae* и *Chlorophyceae*, характерные для парников и оранжерей. Микроорганизмы образовали на стенах пленку и при отмирании скатывались и осыпались, захватывая краски стенописи. В.А. Щавинский доказал, что их появление в церкви было связано именно с цементной облицовкой храма, которая прекратила естественную вентиляцию стен, причем с северо-западной стороны облицовка стены была покрыта широкими трещинами, свободно пропускавшими дождевую воду. В результате облицовка была удалена⁴³. В этом же докладе были освещены результаты обследования образцов плесневых грибов, взятых с иконы «Хвалите Господа» из Новгородского музея⁴⁴.

В это же время были начаты, совместно с А.А. Поповицким, исследования по установлению возможности применения фотохимических методов исследования живописных материалов в тех случаях, когда химический анализ объекта не мог быть применен. Был использован, в частности, спектральный анализ некоторых исторически известных красок⁴⁵. К сожалению, из-за сокращения штата ИАТ эти работы были прекращены. Под руководством В.А. Щавинского производились исследования по фотографированию через спектрограф некоторых из наиболее часто применяемых в живописи пигментов: свинцовых белил, киновари и других, по изучению физических свойств живописных красок с целью их дальнейшего применения для археологических целей. Осуществляя самостоятельные исследования, Василий Александрович стремился также использовать и опыт своих коллег. Так, например, он ездил в командировку в Москву для знакомства с работами по изучению красок в Московском научном физическом институте. А в 1920 году был отправлен туда же Высшим институтом фотографии и фототехники для ознакомления с работами по изучению живописной техники, проводившимися Московской секцией Академии и лабораторной секцией Московского института историко-художественных изысканий и музееведения⁴⁶.

⁴² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1920 г. Д. 82. Л. 2.

⁴³ Щавинский В. А. Стенопись Спасо-Нередицкой церкви. С. 28–29.

⁴⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1920 г. Д. 82. Л. 2.

⁴⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 7. Л. 5.

⁴⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 76. Л. 1.

В том же 1920 г. В.А. Щавинский участвовал в работе по определению причин гибели и требующихся мер реставрации некоторых древностей Эрмитажа: керченского каменного саркофага, египетского деревянного саркофага и др.⁴⁷ Тогда же он принял участие в определении причин разрушения мраморов в мраморном зале нового здания Русского музея. Специалисты института совместно с архитектором В.Ф. Свиным, его помощником М.Л. Крицким и инженером Н.В. Поповым осмотрели повреждения и взяли образцы на анализ. Точки зрения участников осмотра разделились. Сотрудники ИАТ считали повреждения результатом применения для заливок цемента, поскольку при его застывании и кристаллизации образовывались соединения, обладающие разрушительной силой. Архитекторы и строители полагали, что причиной разрушения стала низкая температура в зале, они считали, что образовавшиеся трещины поверхностны и зависят от приемов штукатурки и состава штукатурки и мастик при полировке. В итоге был поставлен вопрос о степени применения цемента при возведении капитальных сооружений, организованы наблюдения за контрольными участками, взяты и тщательно проанализированы пробы. Результатом этой работы стало определение роли цемента как разрушителя и составление рекомендаций для строителей⁴⁸.

В сфере деятельности Василия Александровича в ИАТ входили и многие другие задачи. Так, например, он собирал данные по истории добывания железа, которые отражали переход от непосредственного получения ковкого железа из руды к доменному процессу. Исследование проводилось с использованием как письменных, так и изобразительных источников (живопись XVII в.)⁴⁹. Он также занимался в ИАТ очисткой и консервацией железных предметов древности, изучением способов применения древнерусских красителей для крашения тканей, выяснением причин разрушения античной керамики в музеях, исследованием красочных и фармацевтических материалов из Ольвии, проведением опытов по лабораторным восстановлением древнерусских чернил для реставрации пострадавших рукописей. ИАТ избрал В.А. Щавинского руководителем работ в комиссии по выяснению причин разрушения книг и способов борьбы с вредителями, их разрушающими, предпринятых совместно с Государственной публичной библиотекой. Благодаря его деятельности эти работы превратились в серьезное научное исследование⁵⁰. Кроме того, он представлял ИАТ в Центральном бюро краеведения при Академии наук. Работая в бюро, он собрал ценный материал о старинных способах крашения тканей и пряжи⁵¹ и подготовил программу по их возрождению.

Немаловажную роль играла в жизни Василия Александровича и преподавательская деятельность. С 1912 г. он руководил общей учебной красильной мастерской в Школе народного искусства (впоследствии Техникум кустарной промышленности), где организовал обучение старинным русским способам окрашивания.

⁴⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1920 г. Д. 82. Л. 3об.

⁴⁸ Жукова Н.Н. Деятельность института археологической (исторической) технологии в 1919–1937 гг. // Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация. 1994. № 15. С. 18.

⁴⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1921 г. Д. 53. Л. 4 об., 6 об.

⁵⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 74. Л. 5 об.; Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 36. Л. 11об.

⁵¹ Жукова Н.Н. Деятельность института археологической (исторической) технологии в 1919–1937 гг. С. 18.

Курс лекций по кустарному крашению, который В.А. Щавинский читал в школе в 1913–1914 гг., состоял из двух частей, называемых автором «историческая» и «физическая» (речь в ней шла использование последних достижений из области химии). В «исторической части» Щавинский рассказывал о происхождении и истории красильного производства, начало которого он связывал с «улучшением условий жизни», «избытком свободного времени», письменных свидетельствах об успехах людей в этом ремесле (например, об открытии пурпура, красильном производстве Византии, Италии эпохи Возрождения и т. д.). Физическая часть давала необходимые естественнонаучные знания. Курс предполагал проведение лабораторных занятий, например опытов со спектральной линзой. Кроме того, ученикам давались и чисто практические знания: об особенностях окраски различных материалов, таких как шерсть и шелк, характеристиках промышленных красок и т. д.⁵² В 1924 г. В.А. Щавинский взял на себя руководство красильной и набоечной мастерскими техникума, стремясь к тому, чтобы ученики могли реализовать полученные ими знания на практике⁵³.

В 1921 г. В.А. Щавинский читал в Петроградском фототехническом институте общий и специализированный курсы по краскам и лакам и общий курс химической технологии. Там же при его участии были организованы выставки по истории искусства. Василий Александрович также был профессором химической технологии в Высшем институте фотографии и фототехники, где вел курс «История и теория живописной техники». Кроме этого, он читал и отдельные лекции на курсах музееведения в Академии художеств («О нидерландских музеях»), в зале Всероссийского общества поощрения художеств («О поддельных картинах», «Материал и стиль в изобразительных искусствах», «Как определяют картины», «Развитие пейзажной живописи в XVII веке»)⁵⁴.

К сожалению, В.А. Щавинский является автором очень небольшого количества научных трудов, часть из которых так и остались неопубликованными. Причиной этого стала и его недолгая, трагически оборвавшаяся жизнь, и то, что он поздно начал заниматься наукой. До революции он успел опубликовать лишь некоторое количество статей и заметок в журнале «Старые годы», посвященном истории искусства и издававшемся в 1907–1916 гг. в Санкт-Петербурге П.П. Вейнером. Большинство публикаций В.А. Щавинского в этом издании были посвящены исследованию произведений нидерландской и итальянской живописи в музеях и частных собраниях. Однако среди них встречаются и заметки по другим связанным с искусством вопросам: это статьи об истории подделывания картин и современной мастерской по подделке произведений искусства⁵⁵, о приобретениях коллекционеров⁵⁶, рецензии на вышедшие книги по искусству⁵⁷ и текущие выставки⁵⁸.

⁵² РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 49.

⁵³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 79. Л. 5, 9.

⁵⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 764. Л. 3об.

⁵⁵ Щавинский В.А. О подделке старинных картин // Старые годы, март 1909. С. 175–177; Он же. О поддельных картинах // Старые годы, июнь 1909. С. 339–340.

⁵⁶ Он же. Новости в собрании П. П. Семенова-Тянь-Шаньского // Старые годы, март 1910. С. 36–39.

⁵⁷ Он же. Три монографии // Старые годы, март 1911. С. 37–38.

⁵⁸ Он же. Хроника. Выставка «Искусство союзных народов» // Старые годы, январь–февраль 1915. С. 75–88.

Не обошел вниманием В.А. Щавинский и историю с реставрацией эрмитажных картин, речь о которой шла выше. В опубликованной по этому поводу в «Старых годах» статье можно найти изложенные в краткой форме мысли и идеи, которые будут высказаны им на заседаниях в Эрмитаже в начале 1916 г. Он еще раз подвергает критике реставрационные работы Д.Ф. Богословского и высказывает свое мнение насчет того, когда именно произведения искусства следует реставрировать: по его мнению, делать это нужно только тогда, «когда картина изменилась настолько, что не дает более представления о художественном замысле ее мастера». Это может произойти в случае сильного потемнения или отставания лака, осевшей на поверхности копоти или неудачной реставрации. Однако и тогда потребности в немедленной реставрации нет. В остальных же случаях на вопрос о необходимости реставрировать картину следует отвечать отрицательно. В.А. Щавинский считает, что хороший реставратор должен знать структуру реставрируемой картины, «как врач хорошо знает строение пользующегося организма». В доказательство сложности этого умения он приводит в статье краткую историю применения различных связующих красок веществ, отмечая, что помимо знания о них необходимо представлять себе состав самих красок, последовательность и способы их наложения, свойство лаков и т. д. Василий Александрович разделяет реставраторское искусство на две отрасли: художественную и механическую. Он перечисляет и описывает важнейшие операции реставраторского мастерства, такие как дублирование холста, чистка картины, ретушь кистью. В заключение статьи автор напоминает читателям о необходимости длительной практической работы в мастерской хорошего реставратора, позволяющей в будущем распознавать «на глаз» применявшиеся в разные живописные эпохи материалы, и еще раз подчеркивает недопустимость в реставрационном деле секретности⁵⁹.

Еще одна работа, которую В.А. Щавинский, по-видимому, собирался опубликовать, но по каким-то причинам не смог или не успел, носила название «Старинные способы окраски шерстяной пряжи и тканей. Руководство для кустарей и домашнего крашения»⁶⁰. Это должно было быть небольшое недорогое издание с текстом на 2–3 печатных листа и цветными таблицами с изображениями важнейших красильных растений и образцами выкрасок. В Руководстве предполагалось рассмотреть преимущества и недостатки старинных способов крашения, подготовительные работы к ним (сборание и сушка красильных растений, приготовление отваров, мытье и травление шерсти), материалы и приборы, используемые в процессе окрашивания, приготовляемые краски и особенности их смешивания.

Большинство из написанных Щавинским во время работы в ГАИМК статей тоже так и остались неопубликованными. Среди них есть, например, работа, соединившая в себе интересы автора к технологии производства железа и нидерландской живописи — «Металлургия железа по данным художника конца XVI века». В.А. Щавинский рассматривает в ней творчество нидерландского художника второй половины XVI в. Лукаса ван Фалькенборха, а именно те его картины, в которых была запечатлена горнодобывающая деятельность Верхней

⁵⁹ Щавинский В.А. По поводу реставрации эрмитажных картин // Старые годы. Ноябрь 1915. С. 48–54.

⁶⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 32.

Австрии. Интересно, что живопись при этом интересует его не сама по себе, а в качестве источника по истории горного дела. Пытаясь понять, где именно были написаны картины художника, автор обращается к истории производства железа в Европе. Удачно соединяя искусствоведческий анализ с техническими знаниями, он определяет, какие технические процессы были изображены художником и насколько точно и подробно они были воспроизведены. Так, например, основываясь на знаниях о процессе производства железа, он отмечает, что некоторые важные детали процесса художник воспроизвел неправильно, а то и вовсе забыл изобразить, и делает вывод о том, что некоторые картины были написаны по памяти. Сопоставляя описания сыродутных печей XVI в. в литературе с их изображениями на картинах Фалькенборха и определив ряд технических особенностей, присущих последним, В.А. Щавинский делает вывод, что основой для сюжетов картин послужили сцены, наблюдавшиеся художником в Верхней Австрии и Штирии⁶¹.

Еще одна неопубликованная статья «К вопросу о так называемых ртутных сосудах» была написана совместно с химиком и фармацевтом Л.Ф. Ильиным. Речь в ней идет о сфероконических сосудах (или «ртутных сосудах»), которые были распространены на мусульманском Востоке в IX–XV вв. н. э. Гревилл Джон Честер, священник и собиратель древностей для Оксфорда, обнаружил в одном из найденных им в 1871 году сосудов шарики ртути и тонкий слой воска внутри стенок и сделал вывод о том, что они служили для хранения ртути. Это была одна из первых гипотез о способе их применения. Выдвигались и другие многочисленные версии использования «ртутных сосудов»: в качестве своеобразных гранат, использовавшихся сарацинами в эпоху крестовых походов (М.Ф. де Сольси), архитектурных украшений (В.А. Казаринов), глиняных ламп и т. д. Современные исследователи также не дают однозначного ответа на этот вопрос. Высказываются предположения об их полифункциональности⁶², о том, что богато украшенные сосуды использовались для хранения дорогих жидкостей (например, ароматических масел), а простые — для хранения и перевозки ртути⁶³. Собственно, к подобному мнению пришли в результате своего исследования еще Щавинский и Ильин. Они писали, что «сосуды служили для хранения не только ртути, но и других разнообразных веществ и смесей, имеющих значение в медицине и технике». Для проверки этого вывода в ИАТ был произведен анализ около 50 ртутных сосудов, отобранных востоковедом И.А. Орбели⁶⁴. Для того чтобы определить наличие или отсутствие в них содержимого, в сосуд опускали маленькую электрическую лампочку, прикрепленную к тонкому металлическому пруту длиной до 15–20 см. Обнаруженное таким образом содержимое извлекалось из сосуда с помощью чистой березовой лучинки, пересыпалось на глянцевую бумагу, рассматривалось в лупу, затем перемещалось в предварительно взвешенную пробирку для определения точного веса. Частички содержимого сосудов брались для изучения под микро-

⁶¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 22. Д. 67.

⁶² Нуретдинова А.Р. Сфероконические сосуды: проблема атрибуции // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 60.

⁶³ Ртвеладзе Э.В. Сфероконические сосуды из Маджар // СА. 1974. № 4. С. 282–283.

⁶⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 539. Л. 5.

скопом и количественного химического анализа. В результате исследования в сосудах были обнаружены уголь, пирит, гипс, ртуть, золото, мышьяк, смола и воск. Высказанная авторами в начале статьи точка зрения об использовании сосудов для хранения различных веществ, применяемых в «медицине и технике», таким образом, подтверждалась⁶⁵.

Результатом работы по изучению старинных способов окрашивания стала статья «Живая археология и новые формы», опубликованная в журнал «Краеведение»⁶⁶. В ней В.А. Щавинский размышляет о возрождении старых форм производства предметов потребления, вызванном войной и революцией. В подтверждение он приводит множество любопытных примеров: о крестьянине, использовавшем в домашнем хозяйстве сделанный им каменный топор, о жителях Весьегонского уезда, изготавливавших из речных раковин пуговицы, напоминающие фабричные перламутровые, и т. д. В.А. Щавинский отмечает, что каждое такое явление следует изучать и описывать. Он приводит два примера: описания домашнего способа крашения тканей или пряжи и производства железа сыродутным способом. В.А. Щавинский советует приобретать образцы, брать пробы и определять общую производительность труда, подчеркивая не только научный, но и практический характер такой работы. В следующем номере журнала была опубликована для этого специальная анкета, состоящая из 6 вопросов:

«1) В чем особенно остро ощущалась нужда в вашем крае. (сельскохозяйственные орудия, пищевые вещества, металлы, одежда, домашняя утварь и т. п., по возможности детально)

2) Как боролось народонаселение с недостатчей необходимого. (Домашние способы производства железа и др. металлов, замена их каменными и костяными подделками, замена фабричных сельскохозяйственных и разных других орудий самодельными, упрощение полевого хозяйства, домашняя обработка пищевых веществ: ручные мельницы и маслобойни, домашнее производство тканей и пряжи, крашение их растительными пигментами; добывание огня и осветительных материалов, обработка кожи и т. п.

3) В каких именно местах наблюдались новые производства. (Область, уезд, села, хутора.)

4) Приблизительные размеры производства (Число селений или дворов, удовлетворяющих свои нужды; количество или вес вырабатываемых произведений)

5) Когда именно началась новая домашняя индустрия и существует ли она в настоящее время.

6) Не служили ли вырабатываемые предметы для обмена или торговли в пределах области их производства и вне ее».

Ответы на вопросы анкеты нужно было присылать в Центральное бюро краеведения при Академии наук⁶⁷.

Единственная монография В.А. Щавинского «Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси» вышла из печати в 1925 г. уже после

⁶⁵ Там же. Л. 13–14.

⁶⁶ Щавинский В.А. Живая археология и новые формы // Краеведение. 1923. № 2. С. 98–102.

⁶⁷ Краеведение 1924. № 3. С. 269.

смерти автора⁶⁸. Рукопись была собрана из разных списков, отдельных листов и фрагментов коллегой В.А. Щавинского по ИАТ художником и реставратором М.В. Фармаковским. Это сборник очерков, который состоит из 7 глав, посвященных краскам в быту, книжном деле, иконописи, стенном письме, а также различным видам красок, лаков, связующих растворителей и других материалов. Это была интересная и оригинальная для своего времени работа, на которую до сих пор активно ссылаются в специальной литературе.

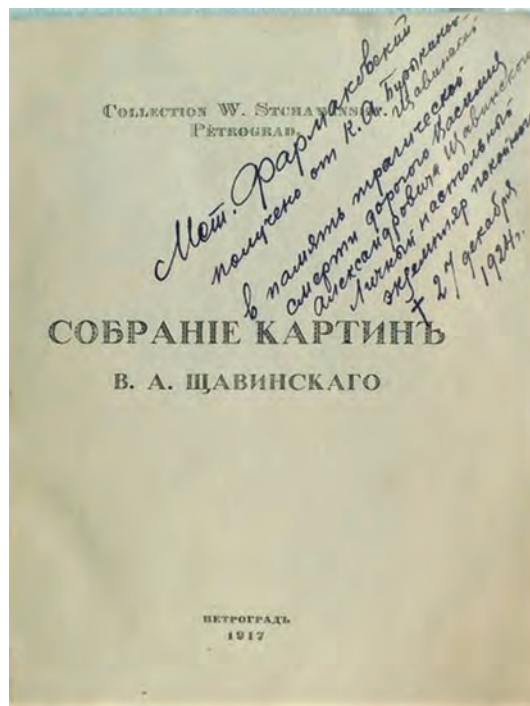
Как уже было отмечено выше, Василий Александрович был не только химиком и искусствоведом, но и очень известным коллекционером. Свою коллекцию картин, фарфора и книг по искусству он начал собирать еще в 1906 г. Интересовали его главным образом произведения голландской и фламандской живописи. В процессе коллекционирования Щавинский выступал не только как собиратель, но и как исследователь: он изучал как историю искусства, так и технику и технологию создания живописи. Его целью было составить небольшое, но тщательно изученное собрание картин старинных зарубежных мастеров и собрать соответствующую библиотеку для их изучения. Бывая в многочисленных командировках по делам лаборатории заводов А.М. Жукова, он параллельно изучал собрания крупнейших музеев и галерей и очень скоро стал прекрасно разбираться в искусстве. Пользуясь накопленными знаниями, В.А. Щавинский научился выбирать для своей коллекции великолепные произведения живописи. Картины приобретались в Брюсселе, Берлине, Лондоне, на аукционах в Санкт-Петербурге и в частных собраниях. В составе его живописного собрания были такие картины, как, например, «Охота на уток» Гаспара де Витте, «Богоматерь, окруженная ангелами» Генриха ванн Балена, «Приготовление к маскараду» Жана-Батиста ван Лоо и др.⁶⁹ В 1917 г. В.А. Щавинский опубликовал каталог своей коллекции⁷⁰. Издание содержало информацию о художнике и его работах, описание картин, сведения о месте и времени их приобретения и было снабжено отдельными репродукциями.

После революции, чтобы спасти коллекцию, В.А. Щавинский был вынужден передать ее на хранение в Эрмитаж. Это была временная мера, он видел будущее своего собрания в другом месте. В составленном им завещании Василий Александрович просил передать все собрание картин, гравюр, рисунков, фотографий с картин, фарфора, фаянса и стекла, также часть книг в Киевский национальный украинский музей. Свою коллекцию он хотел бы видеть выставленной отдельно, пока музей не наполнится большим количеством других старинных картин. Все переданные по завещанию предметы искусства и книги должны были быть доступны для публики и не подлежали продаже. В 1923 г. Щавинский подтвердил это намерение Всеукраинской академии наук (ВУАН), куда через два года была передана его библиотека: произведения украинской литературы, журналы, альбомы, каталоги и книги по искусству. Собрание картин и фотографических снимков передавалось из Эрмитажа двумя частями в 1925–1926 гг. Эта коллекция легла

⁶⁸ Щавинский В.А. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в древней Руси. М.; Л., 1935.

⁶⁹ Борис Т.П. Коллекция В. А. Щавинского в истории музейного дела Украины // Вопросы музеологии. 2015. № 1(11). С 50–51.

⁷⁰ Собрание картин В. А. Щавинского. Пг., 1917.

Титульный лист книги «Собрание картин В.А. Щавинского» (Пг., 1917) с автографом М.В. Фармаковского: «получено от К.А. Буркиной-Щавинской в память трагической смерти дорогого Василия Александровича Щавинского. Личный настольный экземпляр покойного. 27 декабря 1924 г.»

в основу Музея искусств ВУАН им. Б. И. и В.Н. Ханенко. Что касается коллекции фарфора, то ее судьба, к сожалению, до сих пор остается неизвестной⁷¹.

Василий Александрович Щавинский был убит уличными хулиганами в конце декабря 1924 г. Он не успел совершить значительных открытий, воспитать учеников. Его нельзя поставить в один ряд с другими значительными учеными, работавшими в Российской академии истории материальной культуры. Тем не менее, широкий кругозор, умение найти оптимальный подход к решению любой поставленной задачи и искренняя любовь к науке и искусству не могут не вызывать восхищения.

⁷¹ Живкова О. Коллекционер В.О. Щавинский. С. 18.

Абрам Маркович Эфрос (1888–1954)

Д. А. Кукина

Абрам Маркович Эфрос¹ был, вне всякого сомнения, человек очень талантливый, яркий и неоднозначный. Кто-то из современников считал его мелочным интриганом, другие, напротив, отмечали его доброту и отзывчивость даже по отношению к малознакомым людям. Бесспорными как для современников, так и для потомков были его талант, острота ума и любовь к дискуссии, иногда даже к спору ради спора. Обладая несомненным литературным даром и знанием иностранных языков, А.М. Эфрос был отличным переводчиком, но главным делом его жизни была, конечно, художественная критика. В этом жанре поразительна разносторонность творчества А.М. Эфроса, способность блестяще писать и о театре, и о живописи.

Присутствие А.М. Эфроса на фотографии «отцов-основателей РАИМК» скорее случайность. С Академией его почти ничто не связывало — темы и задачи, которыми А.М. Эфрос занимался,

будучи ее сотрудником, являлись прямым продолжением его предыдущих исследований. На незначительность краткого периода работы в РАИМК как для самого А.М. Эфроса, так и для его биографов указывает отсутствие упоминания Академии во всех биографических справках и публикациях о нем. Работа А.М. Эфроса в Академии связана с недолгим, но ярким периодом ее существования, когда она стала местом научного творчества самых разных по специализации ученых, многие из которых впоследствии навсегда остались в истории российской науки.

Абрам Маркович Эфрос родился в Москве 21 апреля (3 мая) 1888 г. на Садовой-Самотечной улице, в доме деда с материнской стороны, купца Зальмана Абрамовича Эфроса. Его отцом был инженер, учившийся сначала в Вене, а затем в Москве, в Высшем техническом училище (совр. МГТУ им. Н.Э. Баумана). С восьми лет А.М. Эфрос получал образование в Московской частной гимназии Ф.И. Креймана, где большое внимание уделялось изучению иностранных языков (немецкий и французский начинали изучать с подготовительного класса, затем следовало

¹ В качестве заставки использован портрет Абрама Марковича Эфроса, по: *Эфрос Н.* Абрам Маркович Эфрос. Воспоминания свидетеля многих лет его жизни. М., 2018. Вкладка с иллюстрациями.

изучение латыни и греческого). Выбор учебного заведения, впрочем, был обусловлен скорее религиозными причинами, директор позволил ученику не вести записей в субботу, что было непременным требованием его крайне религиозного отца. Когда гимназию возглавил другой человек, это требование перестало соблюдаться, и А.М. Эфросу пришлось ее покинуть. Вскоре он был принят в гимназические классы московского Лазаревского института восточных языков². Преподавание там соответствовало курсу классических мужских гимназий и давало право на поступление в высшие учебные заведения. Во время Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве А.М. Эфрос участвовал в уличных столкновениях и даже провел некоторое время в заключении в Таганской тюрьме. После непродолжительного пребывания в Вильнюсе, куда его отправили родители, он вернулся к учебе и весной 1907 г. окончил гимназию с золотой медалью.

Отличные результаты учебы позволяли А.М. Эфросу получить образование практически по любой специальности. Он выбрал юридический факультет Московского университета, руководствуясь исключительно практическими соображениями. Интересы к юриспруденции не питал и по специальности в итоге почти не работал. Во время учебы А.М. Эфрос посещал и лекции на историко-филологическом факультете, увлеченно читал книги по литературе, искусству и истории. Знание иностранных языков (в годы студенчества к французскому и немецкому добавился еще итальянский) открывало ему широкие возможности для чтения³. В университете он активно участвовал в интеллектуальной жизни Москвы, дружил с Андреем Белым⁴, играл заметную роль в университетском Обществе искусства и литературы, где выступал лидером молодежи⁵. К студенческим годам относится и его первый переводческий опыт — перевод «Песни песней Соломона» с древнееврейского языка, изданный по рекомендации В.Я. Брюсова в издательстве «Пантеон».

В 1911 г. А.М. Эфрос завершил обучение в университете и поступил на работу в газету «Русские ведомости», для которой он под псевдонимом Росций писал вплоть до ее закрытия в 1918 г. С трудоустройством ему помог родственник, Николай Ефимович Эфрос — известный историк театра, театральный критик и заведующий отделом хроники «Русских ведомостей». В эти годы А.М. Эфрос печатался и в других газетах: «Свобода России», «Утро России». Эти статьи, рецензии и заметки, посвященные творчеству художников, выставкам и другим событиям из мира искусства, недавно были опубликованы отдельным томом в Мюнхене⁶. В этот же период времени его призывают на военную службу в 12-й гренадерский Астраханский полк, затем в июле 1914 г. мобилизуют в петербургскую автомобильную

² В 1921 г. Институт вошел наряду с другими московскими востоковедческими учебными заведениями в Московский институт востоковедения.

³ В заполненной А.М. Эфросом в 1945 г. анкете, которая находится в архивном деле о присуждении ему ученого звания профессора, перечислены следующие иностранные языки: итальянский, латинский, еврейский, древнееврейский, украинский, белорусский (средний уровень владения), французский, немецкий (хороший уровень владения): РГАЛИ. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 2078. Л. 1–2 об.

⁴ Эфрос Н. Абрам Маркович Эфрос. С. 13–14, 21–32.

⁵ Эфрос А.М. Мастера разных эпох. М., 1979. С. 305.

⁶ Эфрос А.М. Художественные вести: Статьи, заметки и рецензии в газетах «Русские ведомости», «Свобода России» (1911–1918). Мюнхен, 2015.

роту, а в начале 1915 г. направляют в пехотную часть в Воронеж, откуда вскоре он отбывает на фронт⁷. Абрам Маркович пробыл в армии до 1917 г., был непосредственным участником военных действий и закончил службу младшим унтер-офицером. Тяготы фронтовой жизни не помешали ему продолжить публиковать обзоры выставок в «Русских ведомостях». В это время он также начинает писать для журнала «Аполлон»⁸.

А.М. Эфрос с радостью воспринял Февральскую революцию и даже принимал участие в деятельности партии социалистов-революционеров. Формально эсером он не был, но руководство партии давало ему поручения и выдвигало на ответственные должности. Например, он был избран в члены Московской городской думы, принимал участие в организации и издании газеты «Труд». В марте 1918 г. А.М. Эфрос стал членом президиума «Комитета по охране художественных и научных сокровищ России», специального органа для организации охраны культурно-художественных памятников при Совете кооперативных съездов. Задачей Комитета являлось сохранение оставшихся после революции художественных ценностей. Воспоминания о работе с Эфросом в Комитете и позже в Музее изобразительных искусств оставила художница Е.В. Гольдинер. В них она описывает его как яркого, талантливого человека, обладавшего находчивостью, умением решать трудные вопросы, организаторским талантом и способностью разбираться в людях. Абрам Маркович, по словам художницы, «...всегда знал — кто на что способен и на какой работе может быть с наибольшим успехом использован». Она рассказывает и о том, как, несмотря на некоторую резкость характера, он всегда стремился помочь окружающим его людям, например, найти переводы и статьи для дополнительного заработка, получить персональную пенсию⁹.

В 1919 г. Комитет закрывают, а его задачи возлагают на созданный годом ранее по инициативе И.Э. Грабаря Музейный отдел Наркомпроса, где А.М. Эфросу также нашлось место. В этом учреждении он проработал до 1927 г., последовательно занимая несколько должностей¹⁰. Заведующей отделом была Н.И. Седова, гражданская жена Льва Троцкого, однако фактическое руководство осуществляла ее заместитель известный искусствовед, реставратор и художник Игорь Эммануилович Грабарь, с которым у Эфроса были дружеские отношения. В 1918 г. Грабарь, тогда директор Третьяковской галереи, помог А.М. Эфросу вернуться на должность ее хранителя¹¹. В Галерее он проработал до 2 января 1929 г., в 1926 г. стал членом правления, в августе 1927 г. заведующим отделом новейшей живописи. А.М. Эфрос принимал участие в самых разных делах музея, например, был одним из инициаторов работ по реставрации картины В.И. Сурикова «Боярыня Морозова», активно участвовал в заседаниях созданной по этому поводу реставрационной комиссии¹². В 1924 г. он получает еще одну должность — в Государ-

⁷ Эфрос Н. Абрам Маркович Эфрос. С. 39, 43, 45.

⁸ Эфрос А.М. Мастера разных эпох. С. 305.

⁹ <http://okaryna.ru/node/466>. Дата обращения: 26.08.2021.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 741. Л. 5.

¹¹ Он уже занимал эту должность недолгое время в 1917 году, затем она была упразднена, а потом опять восстановлена.

¹² Эфрос А.М. Художественные вести. С. 518.

ственном музее изобразительных искусств¹³. Там Эфрос становится заведующим Отделом французской живописи, а затем и заместителем директора по научной части¹⁴.

Появление Абрама Марковича в Российской государственной археологической комиссии (РГАК), вероятно, также связано с И.Э. Грабарем. Официально он числился там с 15 января 1919 г. и в начале августа этого года оказался среди участников Избирательного собрания в Петрограде, преобразовавшего РГАК в Российскую академию истории материальной культуры (РАИМК), в которой он работал по 1921 г.¹⁵ Чем вызвано отсутствие упоминаний о работе в Академии как самим Эфросом, так его супругой, неизвестно. Наталья Эфрос в своей книге воспоминаний очень подробно рассказывает о самой разной профессиональной деятельности мужа, и отсутствие сведений о работе в РАИМК, длившейся почти два года, кажется странным. Единственное указание на связь А.М. Эфроса с Академией можно найти только в одном из его писем от 18 августа 1919 г., опубликованном в воспоминаниях: «...Тут всякие сложности, работы прибавляется: Академия, Институт, уже на шее курсы музееведения...»¹⁶.

Единственным источником, из которого мы можем извлечь информацию о работе А.М. Эфроса в РАИМК, является его отчет за 1920 г.¹⁷ На тот момент он являлся научным сотрудником II категории по Разряду нового русского искусства. По поручению И.Э. Грабаря Абрам Маркович занимался организацией всех текущих работ разряда и наблюдением над их выполнением. В это время в разряд были переданы научно-художественные части отдела музеев Наркомпроса, что вызвало увеличение объема работ, среди которых были, например, научно-художественное исследование коллекций, работа над печатными материалами по выставкам историографического характера (картотека, указатели), работа над историей и каталогизацией частных художественных собраний Москвы, научная разработка и составление таблиц подписей русских художников XVIII–XIX вв. и др. Кроме того, А.М. Эфрос исполнял обязанности секретаря объединенных художественных разрядов Московской секции Академии, выступал в учреждениях, связанных с Академией, в качестве члена правления МИХИМ¹⁸ и заведующего секцией современного искусства. А.М. Эфрос руководил работой секции по составлению перечня современных художников и комментированных каталогов их произведений, исследованию формально-технических элементов современной живописи (по этим вопросам им и сотрудниками секции были сделаны доклады), под его руководством была начата работа по организации выставок, остановленная из-за ликвидации МИХИМ. В отчете в качестве результатов работы в 1920 г. в РАИМК упоминаются также подготовка к печати «Писем» Венецианова, работа над перепиской Сильвестра Щедрина и написание статей, среди которых упоминаются: «Неизвестные картины Венецианова», «Первые годы С. Щукина», «Натан Альтман»,

¹³ С 1937 г. Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

¹⁴ Эфрос Н. Абрам Маркович Эфрос. С. 61, 73–74, 80.

¹⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 8. Л. 34, 40, 44.

¹⁶ Эфрос Н. Абрам Маркович Эфрос. С. 77.

¹⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1920 г. Д. 77. Л. 20.

¹⁸ Московский институт историко-художественных изысканий и музееведения.

«Казимир Малевич» и др.¹⁹ Две статьи А.М. Эфроса — «Записки Н.П. Венецианова» и статья, посвященная исследованию двух рисунков XVIII в. из собрания великого князя Сергея Александровича, были представлены для публикации в первом томе «Известий РАИМК» и предварительно переданы на рецензирование художнику и историку искусства, ученому сотруднику РАИМК П.И. Нерадовскому. Первая статья была оценена рецензентом положительно и рекомендована к печати, однако так и не вышла²⁰. К сожалению, никаких других сведений о работе А. М. Эфроса в РАИМК обнаружить не удалось.

В 1920-х гг. Абрам Маркович не только много и упорно работает, но и деятельно участвует в литературной и театральной жизни страны, сам занимается литературным творчеством. В 1922 г. выходят его «Эротические сонеты»²¹, не привлечшие, впрочем, особого внимания читателей. В 1924 г. он принимает участие в организации в Ленинграде литературно-художественного журнала «Русский современник», закрытого через год после ареста главного редактора А.Н. Тиханова. В журнале Эфрос отвечал за привлечение к сотрудничеству московских писателей, отбор и редактуру рукописей. В 1920-е гг. он также вел работу с зарубежными писателями, приезжавшими в СССР. Так, например, А.М. Эфрос принимал в Москве в марте 1927 г. французских писателей Жоржа Дюамеля и Люка Дюртена: показывал им Москву, знакомил с литературной и художественной жизнью города и возил в Троице-Сергиеву лавру. Оба писателя после возвращения из поездки выпустили книги, в которых тепло отзывались о своем провожатом. Французская культура вообще имела для А.М. Эфроса особое значение, доказательством тому служат как статьи о французских живописцах, так и немалое число переводов с французского. Среди авторов, которых он переводил, были, например, Жорж Дюамель, Шарль Вильдрак, Жюль Ромен, Жорж Шеневьер.

В этот же период времени у А.М. Эфроса выходит и немало журнальных публикаций. Его искусствоведческие и литературные статьи появляются в таких журналах, как «Художественная жизнь», «Москва», «Среди коллекционеров», «Русское искусство», «Театральное обозрение», «Современный запад», «Русский современник», «Прожектор», «Искусство» (Журнал Государственной академии художественных наук). А.М. Эфрос занимался и общественной работой: являлся членом правления Всероссийского союза писателей, осуществлял активную деятельность в Российском обществе друзей книги (существовало в 1920–1929 гг.). На заседаниях общества он делал доклады о петербургском и московском собирательстве, о «Медном всаднике» в иллюстрациях А.Н. Бенуа, о современной ксилографии и др. По поручению Совнаркома СССР А.М. Эфрос вместе И.Э. Грабарем в 1927 г. работал в комиссии СНК по организации художественной выставки к десятилетию Октябрьской революции. За эту работу его даже премировали двухмесячной поездкой в Германию и Францию. В Париже он, впрочем, не только отдыхал, но и выполнял ответственное поручение по подготовке выставки новейшего французского искусства, которая затем состоялась в Москве в 1928 г. В 1927 г. А.М. Эфрос был утвержден Государственным ученым советом в звании действительного члена

¹⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1920 г. Д. 77. Л. 20.

²⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1921 г. Д. 4. Л. 60.

²¹ Эфрос Абрам. Эротические сонеты. Москва, 1922.

Государственной академии художественных наук, в которой состоял с 1923 г. Помимо прочего этот период жизни и творческой деятельности Эфроса характеризует постоянное участие в публичных диспутах и дискуссиях в прессе. Полемика эта была связана в основном с театральными вопросами, а среди его оппонентов самым известным был В.Э. Мейерхольд²².

Театр занимал в жизни Абрама Марковича важное место. Интерес к этому виду искусства, особенно к оформлению театральных постановок и работе театральных художников, появился у него еще в молодые годы. В 1914 г. в журнале «Аполлон» выходит его статья «Живопись театра», в 1915–1916 гг. он публикует ряд статей с обзорами театральных декораций. В 1920-е гг. возникают творческие связи А.М. Эфроса с Московским художественным и Еврейским государственным театрами. После революции в Москве существовала театральная студия-школа еврейских актеров, в состав преподавателей которой входил и Эфрос. Узнав, что в Петрограде режиссером А.М. Грановским открыт небольшой еврейский камерный театр, он отправился туда и узнал о желании Грановского перебраться вместе с театром в Москву. А.М. Эфросу удалось склонить представителей Центрального бюро Евсекций²³ и Центротeatра к переговорам о переводе театра в Москву, которые закончились удачно²⁴. После переезда театра Эфрос стал заведующим его художественной частью. Помещение ГОСЕТ²⁵ первоначально находилось в Чернышевском переулке (современный Вознесенский переулок). Самым знаменитым его актером был Соломон Михайлович Михоэлс, спектакли шли на идише. К оформлению первой постановки А.М. Эфрос привлек Марка Шагала. Выбор художника был связан с поиском смелых новаторских форм и приемов постановочного стиля. Еврейскому театру нужен был не только самый национальный, самый еврейский художник, но и самый современный, необычный и смелый. Знакомство Шагала с А.М. Грановским произошло на следующий же день после переезда театра в Москву. Художнику было предложено сделать декорации к первому спектаклю, «Миниатюрам» еврейского писателя и драматурга Шолом-Алейхема. Одновременно с декорациями Шагалом были выполнены на большой стене зрительного зала многометровые «еврейские панно»: «Введение в еврейский театр» (на панно был изображен и А.М. Эфрос, держащий на руках Шагала и представляющий его А.М. Грановскому, который показан танцующим в балетном трико и сюртуке), «Любовь на сцене», «Музыка», «Драма», «Танец», «Литература» и др. Панно крепились под потолком и, как ковровая роспись, покрывали стены. Официальное открытие театра и первый спектакль состоялись 1 января 1921 года. Цикл еврейских панно вызывал такой интерес у зрителей, что А.М. Эфросу приходилось часто выступать со сцены и давать объяснения относительно живописи, а не спектакля. В дальнейшем панно были перевезены в новое здание театра, где до 1937 г. служили украшением фойе, а затем переданы в Третьяковскую галерею²⁶. Театр быстро

²² Эфрос А.М. Мастера разных эпох. С. 306.

²³ Еврейских коммунистических секций ВКП(б).

²⁴ Иванов Владислав. ГОСЕТ: политика и искусство, 1919–1928. Москва, 2007. С. 52.

²⁵ Московский государственный еврейский театр.

²⁶ Луканова А.Г. «Я подарил творенья дух...». Еще раз о росписях М. Шагала для ГОСЕТ // Русский авангард 1910-х — 1920-х гг. и театр. СПб., 2000. С. 305–307, 309–313.

завоевал любовь зрителей, его посещали не только евреи, но и люди других национальностей. Довольно скоро, в 1921 году, он переехал в помещение большего размера на Малой Бронной (Малая Бронная 4, сейчас в здании находится Московский драматический театр на Малой Бронной). В 1949 г. театр был закрыт.

Художественным консультантом Московского художественного театра А.М. Эфрос был до 1926 г. Работал он непосредственно с руководителями театра К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко. С первым у него некоторое время даже были теплые, дружеские отношения, со вторым общение было только деловым. А.М. Эфрос участвовал в подготовке таких постановок В.И. Немировича-Данченко, как комическая опера «Дочь мадам Анго» и комедия «Лисистрата». Спустя годы он вернулся в театр уже как педагог: с 1944 по 1948 г. читал лекции по истории русского искусства в Школе-студии МХАТ²⁷.

Не обладая достаточной квалификацией для самостоятельной оценки литературно-критического творчества А.М. Эфроса, позволю себе процитировать мнение нескольких его коллег. Приведенные ниже отрывки, как мне кажется, хорошо характеризуют героя этого очерка и многое могут добавить к портрету его личности.

Вот как писал о А.М. Эфросе литературный критик В.М. Гаевский: «Абрам Эфрос — прежде всего стилист, виртуоз языка... был какое-то время богом российской художественной критики, придавшим ей величие и сохранившим ее страстность. Он идеально владел техникой критической прозы. Писал короткими отточенными фразами — и каждая из них — словно удар молотка по скульптурному резцу, отсекающий из мрамора любую ненужность. Из отрывистых фраз строятся главки, постепенно, но неумолимо последовательно ведущие к цели»²⁸. И еще: «...Эфрос совершенно не теоретичен. Вглубь явления он не идет, ограничиваясь определением, всегда очень точным, самых характерных внешних признаков. Зато он идет вширь — так же точно определяя место явления: место картины в творчестве живописца, место живописца среди близких ему мастеров, место направления среди других направлений. С особым вкусом, азартом и знанием дела Эфрос пишет о внутривидовой борьбе — борьбе авангардных школ, борьбе передовых театров»²⁹.

Литературовед и искусствовед М.В. Толмачев считает А. М. Эфроса самым ярким явлением художественной критики 1920–1930 гг., отмечает его «едкую остроту ума, не чуждающуюся бутады и парадоксов», и «авторитарную, не терпящую уверток, определенность приговоров и оценок», «едва прикрытую иронией, подлинную, взыскательную любовь к искусству и к художникам». Он пишет: «...Критик современного искусства дублировался в нем музейщиком, историком, источниковедом. Это отвечало разносторонности его интересов и вместе с тем желанию выверить свои критические приговоры в перспективе времени... Оценки Эфроса, подкрепленные, но не отягощенные его эрудицией, всегда были своевременны и современны, и теперь уже можно сказать, что время подтвердило основательность большинства из них. Причем это относится не только к поре его творческой зрелости, но и к его первым шагам на поприще художественной критики... Его литературная одаренность и огромная начитанность... позволили ему

²⁷ Эфрос Н. Абрам Маркович Эфрос. С. 88–89, 91, 102, 106–108, 114, 122, 128–135, 146, 155, 159–163.

²⁸ Гаевский В. Книга расставаний. Москва, 2007. С. 126.

²⁹ Там же. С. 134.

обратиться к высоким образцам французской эссеистики и с честью выдержать равнение на них»³⁰.

Еще одну положительную оценку творчеству и личности Абрама Марковича дает в своих воспоминаниях искусствовед М.В. Алпатов: «...Из всех его достоинств самое главное и несомненное — это его даровитость. Это был щедро одаренный человек. Из него прямо-таки выпирала его незаурядная способность ко всему, за что бы он ни брался. Всякому, даже с самыми скромными способностями, было с таким сотрудником очень хорошо, как плохому танцору с сильным партнером... Второе свойство Эфроса — это его живость, быстрота его ума, способность схватывать все на лету, откликаться на все незамедлительно, не задумываясь... со своими способностями и быстрым живым умом он мог подойти к любому, даже мало знакомому предмету, ориентироваться в нем, высказать свои суждения, к которым нельзя было не прислушаться... У него был к искусству свой подход, он никогда не шел на него лобовой атакой, но предпочитал окольные маневры. Суждение об искусстве перемежалось с личными впечатлениями. Его осуждали за это, называли импрессионистом. Но это давало ему возможность видеть художественное творчество неразрывно слитым с живой средой, с людьми, с эпохой... Слово Эфроса об искусстве — меткое, острое, быстрое, звонкое, краткое»³¹.

В двадцатые годы многие художественно-критические публикации А.М. Эфроса были посвящены вопросам актуального, современного искусства. В тридцатые он начинает уделять большее внимание классике, наследию великих мастеров прошлого. Эта перемена была вызвана, с одной стороны, работой по подготовке к печати литературного наследия Леонардо, Рубенса, Ван Гога и других великих живописцев в издательстве «Academia», которой он был занят в тот период, с другой стороны — внутренней потребностью соотнести опыт классиков с запросами современности, понять место современного ему искусства в истории живописи. Тогда же пересматривает Эфрос свои взгляды и на русское искусство. Если ранее он был склонен отмечать некоторую его вторичность по отношению к европейскому, то теперь воспринимает русских живописцев XIX столетия как мировых классиков. В это время появляются его работы о В.И. Сурикове, И.Е. Репине и других живописцах, пишется сборник «Два века русского искусства» (издан посмертно в 1969 г.)³².

В 1929 г. Абраму Марковичу пришлось покинуть из-за политически мотивированной критики коллег и Третьяковскую галерею, где он состоял членом правления и возглавлял отдел «Новейшей живописи», и Музей изящных искусств, где он был заместителем директора по научной части. В отсутствии иной деятельности он целиком сосредоточился на литературной работе. В 1930 г. выходят одни из самых значимых публикаций А.М. Эфроса: сборник «Профили», включавший в себя статьи о русском искусстве 1910–1920-х гг., и «Рисунки поэта» — книга о рисунках А.С. Пушкина. В это же время был завершен перевод «Новой жизни» Данте Алигьери, работа, начатая еще в 1910-е гг. Кроме того, А.М. Эфрос продолжает писать

³⁰ Эфрос А.М. Мастера разных эпох. С. 306. С. 8–9.

³¹ Алпатов М.В. Воспоминания. Москва, 1994. С. 216.

³² Толмачев М.В. Абрам Эфрос — художественный критик // Эфрос А.М. Мастера разных эпох. С. 11–12.

для газет («Известия», «Советское искусство», «Литературная газета») и журналов («Искусство», «Новый мир», «Литературное наследство» и др.).

В 1929 г. А.М. Эфрос становится сотрудником издательства «Academia», где вместе с А.В. Луначарским работает редактором раздела «Искусствоведение». Редактировал он как искусствоведческую литературу, так и художественную: был главным редактором серии «Французская литература», где работал над изданием переводов сочинений таких авторов, как Жан-Батист Расин, Пьер-Жан де Беранже, Проспер Мериме, Анатоль Франс и др. К некоторым книгам он писал вступительные статьи, предисловия и комментарии. Другой обязанностью А.М. Эфроса в издательстве было участие в оформлении изданий: он рекомендовал художников, давал советы при утверждении рисунков для оформления книг, при этом он старался привлечь на работу новых молодых художников, давая им шанс продвигаться в профессии. Описание одного из таких случаев можно найти в воспоминаниях художника Г.Г. Филипповского³³.

В 1931–1935 гг. А.М. Эфрос также принимает деятельное участие в выпуске первой советской энциклопедии и продолжает успешно заниматься художественной критикой: в 1933 году в журнале «Искусство» выходит его большая статья «Вчера, сегодня, завтра», посвященная подведению итогов пятнадцатилетнего существования советского изобразительного искусства и определению тенденций его дальнейшего развития. В 1933–1937 гг. в журналах «Искусство», «Новый мир», газетах «Известия», «Советское искусство», «Литературная газета», «Le Journal de Moscou» печатаются статьи А.М. Эфроса о творчестве П.П. Кончаловского, А.В. Лентулова, М.С. Сарьяна, Н.В. Кузьмина, А.В. Фонвизина и др.

В журнале «Литературное наследство» и других литературоведческих изданиях публикуются его работы, посвященные Гете и Пушкину. Кроме того, в 1930-е гг. он участвует в организации ряда выставок, таких как «Художники РСФСР за 15 лет», «Художественная литература СССР», Международной выставки детского рисунка и др. В 1936 году А.М. Эфрос был консультантом Всесоюзной Пушкинской выставки по разделам «Рисунки Пушкина» и «Пушкин в искусстве»³⁴. Это был не первый его опыт в организации мероприятий, посвященных поэту. Был он и среди организаторов выставки, посвященной столетию со смерти Пушкина, в феврале 1937 г. в Историческом музее. По свидетельству Н.Д. Эфрос, творчество А.С. Пушкина вообще было любимой исследовательской темой Эфроса, к которой он с перерывами возвращался с 1915 по 1949 г.³⁵

В августе 1937 г. А.М. Эфроса арестовывают по доносу и через полгода высылают в г. Ростов Великий Ярославской области. Это был для него не первый опыт лишения свободы при советской власти, но предыдущие аресты были краткосрочными и проходили, конечно, в совершенно иной политической обстановке. В Ростове Абрам Маркович продолжал активно трудиться, хотя возможности публикации его работ, по понятным причинам, значительно сократились. В этот период им было написано несколько значительных статей: о связях французской литера-

³³ Филипповский Г.Г. Из воспоминаний. Издательство «Academia» // Ловец неуловимого. Москва, 2010. С. 127–133.

³⁴ Эфрос А.М. Мастера разных эпох. С. 307.

³⁵ Эфрос Н. Абрам Маркович Эфрос. С. 190–194, 227, 229.

туры с русскими деятелями искусства для журнала «Литературное наследство» и о русском искусстве для энциклопедического словаря³⁶. Занимался А.М. Эфрос в ссылке и переводами: работал над стихотворениями Микеланджело Буонарроти и сонетами Петрарки³⁷.

В 1940 г. он возвращается из ссылки в Москву, где продолжает печатать критические статьи в газетах «Советское искусство», «Вечерняя Москва» и в журнале «Театр», а также возобновляет педагогическую деятельность. Первый опыт чтения лекций А.М. Эфрос получил еще в 1919–1920-х гг., когда читал курс по истории русского искусства в Государственных свободных мастерских (б. Училище живописи, ваяния и зодчества), а также лекции по русскому искусству и музееведению на музейных курсах Наркомпроса. В 1940 г. Московский государственный институт изобразительных искусств предложил ему должность преподавателя истории искусств. Тут А.М. Эфрос работал с сентября 1940 г. по середину октября 1941 г. Находясь в эвакуации в Ташкенте с ноября 1941 г. по июль 1943 г., он читал курс лекций по истории русского искусства и вел практические занятия по музееведению на искусствоведческом отделении филологического факультета местного университета. После возвращения в Москву Эфрос вновь обращается к преподаванию: в 1944 г. он читал лекции по истории декоративного и русского искусства в Государственном институте театрального искусства (ГИТИС) и Школе-студии МХАТ.

В ноябре 1944 г. Абрам Маркович входит в состав старших научных сотрудников Института истории искусств АН СССР³⁸. В это время он много выступает с докладами: в 1944 г. в Союзе писателей с речью о И.Е. Репине (эта речь даже была переведена на французский язык и опубликована в журнале «Интернациональная литература»), в 1945 г. читает доклады в МОССХ³⁹, Третьяковской галерее, на конференции театральных художников в Ленинграде, на седьмой Шекспировской конференции и т. д. Печатные работы тоже продолжают выходить: в 1945–1946 гг. опубликованы еще две книги о рисунках А.С. Пушкина⁴⁰. В июле 1945 г. А.М. Эфросу присуждают звание профессора по кафедре истории театра в ГИТИС. В 1946 г. он был награжден Президиумом Верховного совета СССР медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»⁴¹.

К сожалению, этот благоприятный период его жизни был не слишком долгим. В 1947 и 1949 гг. Эфрос подвергся критике в рамках кампании за искоренение космополитизма, особенно резкими были высказывания в газете «Правда». Итогом стало прекращение преподавательской деятельности в ГИТИС и МХАТ и почти полная невозможность печататься. Пришлось искать иные способы применения своих способностей. По приглашению архитектора А.В. Шусева Абрам Маркович был зачислен консультантом проектного управления АН СССР, которое вскоре направило его в Ташкент для наблюдения за строительством Театра оперы

³⁶ Позднее эта статья послужила основой для книги «Два века русского искусства».

³⁷ Эфрос Н. Абрам Маркович Эфрос. С. 231–235, 254.

³⁸ Там же. С. 340, 254; Эфрос А.М. Мастера разных эпох. С. 307–308.

³⁹ Московский областной союз советских художников.

⁴⁰ Эфрос А.М. Автопортреты Пушкина. Москва, 1945; Пушкин портретист. Москва, 1946.

⁴¹ Эфрос А.М. Мастера разных эпох. С. 308.

и балета им. Алишера Навои. В 1949–1950-е гг. А.М. Эфрос становится внештатным профессором Государственного библиотечного института в Москве.

В сентябре 1950 г. Комитет по делам искусств при Совете министров СССР направляет его профессором кафедры искусствоведения в ГИТИС им. А.Н. Островского в Ташкенте, где он проработал практически до конца жизни. Там он читал лекции по истории русского театра XIX в., истории театрально-декорационного оформления, вел критический и историко-театральный семинары. В Ташкенте А.М. Эфрос продолжал заниматься переводами: завершил перевод лирики Петрарки, переводил сонеты Данте, стихотворения Джордано Бруно и Шарля Бодлера. В 1954 г. он тяжело заболел, вернулся на лечение в Москву, где и умер 19 ноября 1954 г. в больнице от сердечного приступа⁴².

Такой была в общих чертах сложная и яркая жизнь Абрама Марковича Эфроса. Остается только сожалеть, что этой талантливой и разносторонней личности довелось раскрыться в столь сложную эпоху, когда интересные и неординарные люди были более всего ненавистны правящему режиму, а бытовые условия заставляли думать скорее о выживании, чем о творчестве.

С другой стороны, талант часто наиболее ярко проявляется именно в тяжелых для человека условиях, как бы вопреки им. Возможно, именно бурная современность и определила художественный стиль А.М. Эфроса, проявила наиболее отчетливо его способности. К счастью, он избежал печальной участи многих современников — не попал в лагерь и не был расстрелян, поэтому оставил потомкам после себя больше, чем мог бы. Благодаря этому у нас есть возможность для более глубокого исследования его жизни и творчества, написания биографии, гораздо более полной и объемной, чем позволяет жанр биографического очерка, но это исследование пока ждет своего автора.

⁴² Эфрос Н. Абрам Маркович Эфрос. С. 342–346, 359; Эфрос А.М. Мастера разных эпох. С. 308.

Степан Петрович Яремич (1869–1939)

М.Ю. Вахтина

Художника и искусствоведа Степана Петровича Яремича¹ вполне можно отнести к числу людей, которые к моменту поступления на службу в РАИМК успели успешно реализовать себя в профессиональном плане, причем исключительно благодаря своему таланту, а также постоянному труду и целеустремленности. Родился он 22 июля (3 августа) 1869 г. в селе Галайки бывшей Киевской губернии. О его семье и родных известно немного. В.Ф. Левинсон-Лессинг в предисловии к каталогу выставки рисунков из коллекции С.П. Яремича писал, что он родился в крестьянской семье², и эта версия встречается наиболее часто³. «Рериховская энциклопедия» уточняет, что это была семья образованного землепашца и музыканта⁴. Сам С.П. Яремич, по сви-

детельствам современников, не любил говорить ни о своем происхождении, ни о своих родных. Как вспоминал поддерживавший с ним близкие отношения А.Н. Бенуа: «лишь случайно, много лет позже, я узнал, что его отец принадлежал к духовному званию. Пожалуй, нечто от семинариста или бурсака было и в самом Степане Петровиче, но он был бы ужасно огорчен, если бы узнал, что производит такое впечатление, и что таинственность, которой он себя окружил, была отчасти разоблачена. Во всяком случае, детство и ранняя юность у него были, вероятно, незавидными и чем-то таким, о чем неприятно вспоминать; это не мешало ему интересоваться детскими и юношескими годами других и вообще “знать толк” в этой, не всякому доступной области. Окутано тайной было и его образование. Он едва ли прошел весь курс среднего учебного заведения и уж наверное не побывал в университете, но это вовсе не помешало Яремичу принадлежать к числу людей высокой и глубокой культуры. Он, вероятно, самоучкой, движимый

¹ В качестве заставки использован портрет С.П. Яремича работы Г.С. Верейского. Автोलитография. 1922 г. (по Русская академическая художественная школа в XVIII веке. М.; Л., 1934).

² Левинсон-Лессинг В.Ф. Рисунки итальянской школы XVI–XVIII вв. из собрания С.П. Яремича. Каталог. Л., 1970. С. 2.

³ Третьяков В.П. Лицо и маска. Из переписки С.П. Яремича и А.Н. Бенуа // Русское искусство. 2005. № 2.

⁴ Эл. ресурс <http://www.roerich-encyclopedia.facets.ru/personal/YAREMICH.html> (дата обращения 15.11.2021).

ненасытной потребностью познания, дошел до всего. Кроме того, он обладал даром черпать для себя все нужное при всяком случае и главным образом в общении с людьми выдающегося ума и вообще “интересными”⁵.

Сам же Яремич поведал о раннем периоде своей жизни уже в зрелые годы, избрав для своего повествования жанр литературной мистификации. В Архиве Государственного Эрмитажа хранится дневник, написанный в 1934 г. от имени И.М. Степанова. Это был вполне реальный человек, титулярный советник, организатор издательской деятельности общины Св. Евгении Петербургского комитета сестер милосердия Красного Креста. После революции он стал председателем Комитета популяризации художественных изданий и секретарем Общества попечения художеств⁶. Тем не менее, почерк, которым написан дневник, не оставляет сомнения в авторстве Яремича. О себе он рассказывает в третьем лице, будучи как бы сторонним наблюдателем, подчеркивая: «За одно могу ручаться, что факты изложены точно». Конечно, картина детства представлена там сквозь призму прожитых лет и, скорее всего, реальные факты переплетаются с «общими» воспоминаниями и более поздними оценками. «Детские годы моего героя, — рассказывает автор дневника, — протекали на Украине, в юго-западной части бывшей Киевской губернии. Отец его Петр Власьевич был довольно грамотным человеком, обладал хорошим почерком, неплохо составлял всякие судебные и юридические бумаги для своих односельчан, проводивших время в бесконечных тяжбах. Играя на скрипке, обладал неплохим голосом, пел на клиросе, иногда управлял хором в качестве регента и вообще был мастер на все руки. <...> Ранние годы моего художника протекали в каком-то райском сне. В качестве первенца он пользовался уходом и заботами, довольно необычными в деревенской обстановке. <...> Одно из ранних воспоминаний: отец держит мальчика на руках и поднимает его к образам. Рассматривать близко грубые изображения, казавшиеся ему тогда чудом поразительной живости, доставляло ему невыразимое наслаждение. Так, кажется, он и читать выучился, разбирая подписи под лубками. Несколько раз отец разъяснил ребенку значение букв, и остальное пошло само собой. Во всяком случае, он не помнит себя неграмотным. Дostatка особого не было: пара волов, корова, штук пять овец, иногда свиньи, десяток кур — вот и все богатство... По праздникам родители уходили из дому, и вот тут проявились первые склонности к рисунку — рисовать все, что перед глазами. Дети спят, а восьмилетний нянька сидит у печки и на ее стенах выводит густо одетые листвою деревья — это мечта о лете. <...> Другое увлечение, кроме рисования, была страсть к чтению. Он перечитывал буквально все, что попадало под руку. Книг было мало и доставать их трудно. Первые книги, потрясшие внимание мальчика, были жития святых и четьи-минеи на славянском языке, затем встретил “Детский мир”, “Родное слово” Ушинского, Священную историю. О классиках и о лубочной литературе в том глухом углу не имели ни малейшего представления. В школе

⁵ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М.: Наука, 1980. Т. 2. Кн. IV. 34. С. 278–279.

⁶ Степанов И.М. (Яремич С.П.) Фокус жизни // Степан Петрович Яремич / сост. В.П. Третьяков. СПб., 2005. Т. 1. Оценки и воспоминания современников. Статьи Яремича о современниках. С. 60–66.

(холодной, замусоренной хате)⁷ обучение грамоте ограничивалось изучением церковно-славянского букваря: Часослов и Псалтырь — как конечная цель». Когда ребенку исполнилось 12 лет, родители отдали его «в люди» к состоятельному крестьянину, где он должен был ухаживать за лошадьми, но вскоре он, как неспособный к такой работе, был возвращен домой. «После этого случайная жизнь дома уже окончательно сделалась невыносимой — постоянные упреки, побои»⁸.

В 1882 г. отец отправился на богомолье в Киев и взял старшего сына с собой. В Свято-Успенской Киево-Печерской лавре он попытался устроить Степана в живописную мастерскую, но там не оказалось свободных мест. Тогда обратились в позолотную мастерскую, куда тот был принят — «сперва на испытание, а вскоре и окончательно»⁹. В мастерской трудились 5 учителей и 10 мальчиков. В обязанности последних входило чистить мел, варить клей, шлифовать доски, и только в свободное время разрешалось рисовать. Относительно этого периода известно только, что лето 1885 г. молодой художник провел в старинном городе Прилуки Черниговской губ., где создал серию «Прилукских рисунков».

В 1887 г. Степану удалось поступить в киевскую рисовальную школу Н.И. Мурашко, где он смог пройти профессиональное обучение и прослушать курс истории искусств под руководством Г.Г. Павлуцкого (1861–1924)¹⁰, профессора кафедры искусствоведения Киевского Императорского университета Св. Владимира. Будучи специалистом в области греко-римского и византийского искусства, тот занимался также изучением деревянной культовой архитектуры, иконописью, прикладным искусством. Его книга о древнем деревянном церковном зодчестве стала первым серьезным исследованием в этой области¹¹. Таким образом, четыре года обучения в Рисовальной школе, где занятия рисунком сочетались с лекциями по искусству, позволили молодому способному и целеустремленному человеку получить неплохое художественное образование. Здесь он познакомился с М.А. Врубелем и Н.Н. Ге¹², сыгравшими большую роль в его жизни и творческом развитии.

«С 1891 г. по 1894 г. работал под руководством Н.Н. Ге в его имении в Черниговской губ.»¹³, — писал С.П. Яремич в своей автобиографии. Здесь он числился библиотекарем¹⁴. Это была прекрасная возможность продолжить обучение. Имение Н.Н. Ге — это хутор Ивановское/Плиски Борзенского уезда Черниговской губернии, куда его владелец переселился из Петербурга в 1876 г. Организовать хозяйство в деревне было проще и дешевле, чем в столице. Здесь можно было

⁷ Речь, конечно же, идет о церковно-приходской школе. Система начальных школ действовала при Русской православной церкви в 1804–1917 гг.

⁸ Степанов И.М. (Яремич С.П.) Фокус жизни. С. 61–62.

⁹ Там же. С. 64.

¹⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 784. Л. 1.

¹¹ Павлуцкий Г.Г. Древнее деревянное церковное зодчество в юго-западном крае // Древности Украины. Издание Императорского Московского археологического общества. М., 1905.

¹² С.П. Яремич. Автобиография // Степан Петрович Яремич. Т. 1. С. 36. Автобиография написана в 1936 г., в период работы в Эрмитаже.

¹³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 784. Л. 1.

¹⁴ Выдрин И.И. Судьба автодидакта // Степан Петрович Яремич. Т. 1. С. 15.

наладить жизнь, соответствующую духовным и творческим запросам художника, который был глубоко религиозным человеком. В своем небольшом имении он работал над такими картинами, как «Что есть истина. Христос и Пилат», «Суд Синедриона», «Распятие», «Совесть. Иуда». Тут создавались и «украинские пейзажи», передающие удивительную красоту природы тех мест¹⁵.

С.П. Яремич, ещё будучи учеником Рисовальной школы, месяцами гостил на хуторе у Н.Н. Ге¹⁶, помогая ему во всем. Он позировал художнику для картины «Распятие»¹⁷, написал картину «Лесная опушка» и не раз обращался к теме южной природы. В июне 1897 г. Яремич провел десять дней в Ясной Поляне у Л.Н. Толстого, где делал карандашные зарисовки великого писателя¹⁸. Работавший с ним позднее в Эрмитаже известный художник и график Г.С. Верейский отмечал: «Добродушие и снисходительность к слабостям человеческим было характерной чертой его поведения. Вероятно, эта доброта и внимание к людям восприняты им от Н.Н. Ге и Л.Н. Толстого, которые оказали значительное влияние на его формирование ещё в юности»¹⁹.

Не меньшую роль сыграло знакомство с М.А. Врубелем, от которого «воспринял он заманчивую прелесть серьезной акварели, воспитал в себе тонкое чувство акварельного тона. Отсюда берет начало и любовь Степана Петровича к архитектуре — он сам любит и нас очаровывает своими вдохновенными акварелями Смольного, Военно-Морского собора Чевакинского...»²⁰. В 1899 г. под руководством М.А. Врубеля С.П. Яремич участвовал в создании росписи Владимирского собора в Киеве. В том же году он опубликовал в журнале «Киевская старина» статьи в защиту фресок Успенского собора Киево-Печерской лавры. Позже выходят и другие статьи, посвященные киевским памятникам²¹. М.А. Врубель, поддерживавший молодого живописца, привез в Петербург и попытался представить на выставке «Мира искусства» портрет Е.И. Ге, невестки художника, созданный С.П. Яремичем годом ранее, но работа не была принята.

¹⁵ Общение с Н.Н. Ге, атмосфера на хуторе, работа над картинами, бытовые сцены и пр. отражены в дневнике С.П. Яремича, хранящемся в Архиве Гос. Эрмитажа, отрывки из которого недавно были изданы: На хуторе Плиски и в Киеве. Из дневников С.П. Яремича. 1891–1896 годы (публикация С.Л. Капыриной) // Николай Ге. Вектор судьбы и творчества. Материалы международной научной конференции / Науч. ред.-сост. Т.Л. Карпова. М., 2014. С. 375–396.

¹⁶ О творческой атмосфере в имении Н.Н. Ге, встречах с художниками и деятелями культуры, споры об искусстве он напишет позже в главе «Жизнь на хуторе» своей книги о М.А. Врубеле.

¹⁷ См.: Капырина С.Л. Хутор Ивановский и его обитатели // Николай Ге. Вектор судьбы и творчества. С. 188; Корнилов П.Е. На крыльях таланта // Степан Петрович Яремич. Т. 1. С. 40.

¹⁸ После смерти Н.Н. Ге в 1894 г. С.П. Яремич помогал его семье в разрешении имущественных вопросов и в разборе архива художника. Позже он обработал и издал его переписку с Л.Н. Толстым. Л.Н. Толстой и Н.Н. Ге. Переписка // Вступ. ст. и примеч. С.П. Яремича. М.; Л., 1930.

¹⁹ Верейский Г.С. Живое общение // Степан Петрович Яремич. Т. 1. С. 44.

²⁰ Корнилов П.Е. На крыльях таланта // Степан Петрович Яремич. Т. 1. С. 40–41. Полный список живописных и графических работ С.П. Яремича, составленный И.И. Выдриным, см. в этом же томе, с. 247–261.

²¹ Яремич С.П. Памятники искусства XVI и XVII ст. в Киевопечерской Лавре // Киевская Старина. Июнь 1900 г.; Он же. Памятники искусства XVI и XVII ст. в Киевопечерской Лавре // Киевская Старина. Октябрь 1900 г.; Он же. Наглавные кресты XVII и XVIII ст. некоторых киевских церквей // Археологическая летопись Южной России / ред. Н.Ф. Беляшевский. Киев, 1904. № 1–2. С. 31–36. В списке своих работ, составленном при поступлении на службу в РАИМК в 1919 г., С.П. Яремич назвал эти статьи «литературными работами» (РО НА ИММК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 784. Л. 1).

С.П. Яремич. Вид Смольного Собора. Акварель. 1910-е гг. Русский музей (https://smallbay.ru/images6/yaremich_02.jpg, дата обращения 15.11.2021)

В 1900 г. Яремич сам приезжает в Петербург. Вскоре происходит его судьбоносное знакомство с А.Н. Бенуа, с которым незадолго до того в Киеве они буквально разминулись. Вот как Александр Николаевич писал об их встрече: «Через несколько недель нашего водворения в Петербурге явился без предупреждения тот киевлянин — С.П. Яремич, к которому меня направил Врубель. <...> Будь то другой человек, я, вероятно, испугался бы такой стремительности... <...> Однако весь вид Степана Петровича и вся его манера сразу так меня расположили к нему, что я его принял с исключительным радушием, сразу почувствовав в нем единомышленника и “единодушника”. Что касается наружности Яремича, то перед нами предстал довольно высокий, несколько худощавый человек лет двадцати пяти, не более, рыжеватый блондин с головой на шее несколько преувеличенной длины, с остриженной клинушкой бородкой... <..> Он чуть прихрамывал, и происходило это от какого-то природного дефекта в ступне (вследствие чего он и обувь носил по специальному заказу)²², но эта еле заметная хромота не мешала быть Яремичу превосходным пешеходом. Говорил он с едва уловимым украинским акцентом, придававшим особую прелесть его речи»²³. А.Н. Бенуа

²² С.П. Яремич объяснял это тем, что в детстве ходил босиком в морозы и однажды «сильно обморозил ноги, и от этого осталась пожизненная хромота» (Степанов И.М. *Яремич С.П.*) Фокус жизни. С. 63).

²³ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М., 1980. Т. 2. IV. 34. С. 277–278.

С.П. Яремич. Автопортрет. Холст, масло. 1900-е гг.
(https://yavarda.ru/pic_36376.html,
дата обращения 15.11.2021)

отметил «вегетарианство» С.П. Яремича как одну из черт бывшего «толстовца», воспринятых им в рамках философского учения великого писателя. Вскоре С.П. Яремич стал членом редакции ежемесячного иллюстрированного журнала «Мир искусства»²⁴, который начал выходить в 1898 г. и во многом определил развитие русской культуры на рубеже веков²⁵. В начале 1900-х гг. он сотрудничает также с журналом «Художественные сокровища России», участвует в различных выставках, становится членом издательского комитета общины Св. Евгении Петербургского комитета сестер милосердия Красного Креста и создает на заказ рисунки для их открыток.

В апреле 1904 г. Яремич уезжает в Париж, где начинает собирать коллекцию рисунков европейских художников. А.Н. Бенуа писал в своих «Воспоминаниях»: «Яремича стало как-то неодолимо тянуть в чужие края; отчасти это мои рассказы разожгли издавна горевшую в нем страсть к художественному собирательству.

Но для того, чтобы отправиться в Париж и там надолго поселиться, требовалась значительная сумма денег, а скудный, случайный заработок, что приносила графическая работа, не давал возможности какой-либо капиталец отложить. И вот заказ акварелей для нескольких серий открыток, издаваемых Красным Крестом (Общиной Св. Евгении), собрал ему эти деньги (приблизительно полторы тысячи рублей) и на это он отважился отправиться “за границу”. Осмотревшись там, ему удалось еще немного подработать, что дало ему возможность продлить пребывание в Париже ещё на два с лишним года и собрать, по моим следам, совершенно удивительную коллекцию, в которой рядом с превосходными итальянскими рисунками XVI и XVII веков красовалось немало французских

²⁴ «В редакции “Мира искусства” — писал А.Н. Бенуа, — куда я его ввел, как только увидел в нем ценного “союзника”, он очень скоро сделался своим человеком и бывал там не реже меня. К тому же, он оказывал там и заметные услуги как по части информации, так и в качестве отличного графика-шрифтиста» (Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М., 1980. Т. 2. IV. 34. С. 279).

²⁵ Группа художников «Мира искусства». 1914 год. Российская Государственная библиотека. Эл. ресурс: Русское искусство XX в. <https://arzamas.academy/materials/1201> (дата обращения 15.11.2021).

Участники объединения «Мир искусства». 1914 г. (С.П. Яремич — второй слева во втором ряду) по: <https://arzamas.academy/materials/1201> (дата обращения 15.11.2021)

Открытка с видом стрелки Васильевского о-ва, изданная Обществом Св. Евгении по рисунку С.П. Яремича в начале 1900-х гг.

и среди них даже такие имена, как Ватто, Фрагонар и Гюбер Робер. Объясняется это тем, что Париж в то время все еще был наводнен обилием подобного товара и что еще не успели использовать это немецкие и американские любители. Прекрасных вещей, поступающих на аукционы, было так много, что французы расхватывали лишь самые сливки, а остальное куда-то тут же проваливалось и оказывалось, часто потеряв свои атрибуты, в самых скромных лавочках. Вот этих лавочников Стип (одно из дружеских прозвищ, данных Яремичу А.Н. Бенуа. — М.В.) и посещал с особенной «выдержанной последовательностью». Питаясь одной картошкой и овсяной кашей, он зато не пропускал ни одной okazji приобрести за несколько франков вещи, и весьма значительные»²⁶. Живя за границей, С.П. Яремич вел оживленную переписку с А.Н. Бенуа, в которой обсуждались и его художественные поиски и приобретения; довольно часто он, по-видимому, делал покупки и для своего друга. Вот отрывок из письма, отправленного из Парижа 23 октября 1903 г.: «Дорогой Друг! Неужели Ваши сомнения так велики, что Вы не допускаете мысли, что скромному капитану захудалого Рапэна²⁷ недоступен первый сорт. При единственном условии, что у Рапэна есть собачий нюх и рысий глаз? О, неужели! Что это Вас так настроило? Уж не созерцание ли коллекций второй степени? ...

Здесь лучше, чем в каком бы то ни было месте, можно всё иметь и подчас за вздор, потому что невежество, и нахальство, и безвкусица царствуют здесь в такой же степени, как и в нашей стране. С той только разницей, что в нашей стране хлам не залеживается (как известно, он идет на удобрение полей орошением), а здесь такое страшное количество хламу, так что мутится в голове от одной мысли о размерах. Конечно, вещи редкие, крупные и в особенности вещи, классификация которых облегчена разными руководствами, как посуда и вообще все подписное, оцениваются сразу же. Но там, где требуются специальные знания, то есть вкус, глаз и любовь, там старьевщики пасуют. И вот тут-то порядочный и должен вылавливать, и это тем вернее, если все лучшее затеряно в хламу, что здесь случается сплошь и рядом. Во всяком случае, меня страшно занимает, будете ли Вы меня проклинать или же благословлять... Не поленитесь и сделайте анализ самый строгий и самый подробный того, что подойдет, и того, что не подойдет»²⁸.

В результате С.П. Яремичу удалось собрать прекрасную коллекцию рисунков европейских художников XVI–XVIII вв. Его собрание, «составленное в короткий срок, на скромные средства <...> занимало выдающееся место среди петербургских частных собраний начала XX в.»²⁹. А.Н. Бенуа, высоко оценив эту коллекцию рисунков, посвятил им подробную статью, рассмотрев их по «школам» — итальянской, французской, немецкой, фламандской, голландской и закончив опи-

²⁶ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Цит. по: Бенуа А.Н. Из книги «Мои воспоминания» // Степан Петрович Яремич. Т. 1. С. 77.

²⁷ От фр. Rapin — мазилка.

²⁸ Переписка С.П. Яремича и А.Н. Бенуа (1900–1930) // Степан Петрович Яремич. Классики искусствознания / сост. В.П. Третьяков. Т. III. Переписка С.П. Яремича с А.Н. Бенуа. А.Н. Бенуа о коллекции С.П. Яремича. Статьи С.П. Яремича и другие материалы. СПб., 2009. С. 83–84.

²⁹ Левинсон-Лессинг В.Ф. Рисунки итальянской школы XVI–XVIII вв. из собрания С.П. Яремича. С. 1.

санием работ швейцарского художника и хроникера Матиаса Мериана³⁰. «Собирание рисунков, — писал он во введении к своей статье, — есть из всех видов коллекционирования тот, который требует наибольшей художественной культуры. Среди памятников начертательных художеств рисунки менее всего доступны среднему пониманию <...> Рисунки далеко не так эффектны, как картины, которым главную прелесть придает краска, и они в то же время не внушают доверия <...> По этим ли или по иным причинам, но рисунки находятся в немилости, не только у публики, но и у всевозможных лиц, имеющих касательство (или даже самое тесное отношение) к истории искусств. Музеев картин — сколько угодно, и большинство их теперь усердно посещается публикой. Пустуют, напротив того, те немногие “кабинеты рисунков”, которые разбросаны по Европе»³¹.

После революции коллекция рисунков С.П. Яремича поступила в Эрмитаж. Она была приобретена двумя частями — в 1919 и 1939 г. К сожалению, от нее остались лишь рисунки итальянских мастеров³². Превосходные работы французских художников были проданы с аукциона в Париже, остальные разошлись по рукам.

В 1904 г. Яремич был избран членом художественного объединения «Союза русских художников»³³. До конца 1907 г. он жил за границей, в основном в Париже, работал над своими картинами, участвовал в постановках С. П. Дягилева, создал по эскизам А. Я. Головина декорации к постановке оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов» на сцене Гранд-опера. Вместе с другими русскими художниками Степан Петрович принимал участие в оформлении залов Большого дворца в Париже, выделенных для проведения выставки «Два века русской живописи и скульптуры», открывшейся в 1906 г. Там были представлены четыре его картины: «Днепр», «Фонтаны», «Кони Солнца» и «Вид Версаля»³⁴. С триумфом прошедшая в Париже выставка затем была показана в Берлине и Риме.

Вернувшись в Петербург весной 1908 г., С.П. Яремич работал над картинами и акварелями, проводя много времени на улицах и набережных, делая зарисовки с натуры³⁵. В конце того же года опять уехал за границу, сначала в Венецию, затем в Париж. Летом 1909 г. он перебрался в Киев, где редактировал журнал «Искусство и печатное дело». В 1911 г. вышла его монография, посвященная творчеству

³⁰ Бенуа А.Н. Собрание рисунков С.П. Яремича // Старые годы. Ноябрь 1913. С. 3–27.

³¹ Там же. С. 3.

³² В.Ф. Левинсон-Лессинг писал: «Острый глаз, меткая наблюдательность, тонкий художественный вкус и глубокие разнообразные знания Яремича определили характер собрания, в частности той его части, которая поступила в Эрмитаж. Рисунки эти отличает высокое художественное качество; среди них почти нет случайных, малозначительных или мало характерных для того или иного художника. Большую часть их составляют композиционные рисунки. Многие имеют славное происхождение — они прошли через такие знаменитые собрания, как коллекции Кроза, Мариетта, Вивана Денона, Ричардсона, Т. Лоуренса, Ябаха. Едва ли не все они ещё до поступления в Эрмитаж получили точную атрибуцию, которую сохраняют и сейчас» (Левинсон-Лессинг В.Ф. Ук. соч. С. 3).

³³ Переписка С.П. Яремича и А.Н. Бенуа (1900–1930) // Степан Петрович Яремич. Т. III. С. 87.

³⁴ Выдрин И.И. Судьба автодидакта // Степан Петрович Яремич. Т. 1. С. 20–21.

³⁵ Там же. С. 21–22.

Титул и контртитул монографии С.П. Яремича о М.А. Врубеле. 1911 г.

М.А. Врубеля³⁶, которую он написал по заказу И.Э. Грабаря для серии книг «Русские художники». По рассказам С.П. Яремича³⁷, «запасшись крупкою», он начал писать ее в Киеве, в комнатке верхнего этажа загородного домика своего давнего знакомого, художника Л.М. Ковальского³⁸.

Жизнеописание М.А. Врубеля состоит из разделов, названных по основным периодам жизни художника или же его значимым произведениям: «Детство», «Университет», «Академия художеств», «Большое панно», «Жизнь на хуторе», «Демон», «Последние годы». Эта книга сразу же получила признание современников, отмечавших, что особую достоверность ей придает то обстоятельство, что автор был хорошо знаком с М.А. Врубелем, общаясь с ним на протяжении многих лет³⁹. Она остается лучшим исследованием жизненного пути и творчества этого замечательного художника.

В предвоенные годы С.П. Яремич участвует в выставках — в Петербурге, Москве, Киеве и Риме. В 1912 г. он создал декорации по эскизам Н.А. Рериха для

³⁶ Яремич С.П. М.А. Врубель. Жизнь и творчество. М., 1911.

³⁷ Корнилов П.Е. На крыльях таланта. С. 41.

³⁸ Лев Марианович Ковальский (1870–1937), живописец и график, учился в Рисовальной школе Н.И. Мурашко вместе с С.П. Яремичем, где они и подружились. Эл. ресурс: <http://www.artpanorama.su/?category=artist&id=956&show=short> (дата обращения 15.11.2021).

³⁹ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Т. 2. С. 245.

постановки драмы Г. Ибсена «Пер Гюнт» во МХАТе, а в следующем году совершил поездку в Лугано, Феррару, Рим и Милан.

Начало Первой мировой войны С.П. Яремич встретил в Петербурге, вскоре переименованном в Петроград. 20 августа 1914 г., после вступления России в войну, он писал А.Н. Бенуа: «Мы переживаем такой исключительный момент, что оставаться вдали от родной обстановки крайне не по времени. Это, впрочем, мое личное мнение. Здесь же, в общем, два течения: “не запугаете” и “sauve qui peut”⁴⁰. Очень часто эти два девиза уживаются рядом в одном и том же лице с той же неизбежностью, как парадный и черный хода наших квартир»⁴¹.

В годы войны Яремич начинает все больше интересоваться вопросами сохранения культурного наследия. 25 октября 1915 г. в газете «Биржевые ведомости» вышла его статья «О реставрации картин», положившая начало дискуссии о способах и методах правильной реставрации живописи. В 1916 г. Степан Петрович был назначен хранителем библиотеки и музея Общества поощрения художеств. На следующий год его статус поднялся до директора музея и эту должность он сохранил за собой до 1928 г.

Во время революционных событий художник делал зарисовки на улицах и вел дневниковые записи⁴². В 1917 г. его избрали членом Особого совещания по делам музеев и искусств при Временном правительстве. После октябрьского переворота он, как и его ближайший друг и сподвижник А.Н. Бенуа, получил телеграмму от комиссара по защите имущества и художественных коллекций Г.С. Ятманова с приглашением прибыть 11 ноября к 14 час. в Зимний дворец на срочно созываемую конференцию «художественных комиссий бывшего Министерства двора по вопросам, непосредственно связанным с деятельностью означенных

С.П. Яремич. Церковь начала XVIII века.
Холст, масло. 1917 г. Частное собрание
(<https://arhive.net/res/media/img/oy1200/work/007/214110>, дата обращения 15.11.2021)

⁴⁰ Спасайся, кто может (фр.).

⁴¹ Переписка Яремич-Бенуа // Степан Петрович Яремич. Т. III. С. 194. А.Н. Бенуа придерживался иной позиции — он выступал за немедленное прекращение военных действий и выход России из войны на любых условиях, в чем был солидарен с позицией партии большевиков. Вероятно, этим и объясняется «осторожная» интонация письма С.П. Яремича.

⁴² С.П. Яремич проживал тогда на 17-й линии В. О., в д. 2.

художественных комиссий»⁴³. Откликнувшись на это приглашение, С.П. Яремич с первых послереволюционных дней приступил к работе по выявлению и сохранению памятников искусства.

Два послереволюционных десятилетия С.П. Яремич проработал в Эрмитаже⁴⁴. В октябре 1918 г. на выборах хранителей он был избран ученым хранителем Отделения рисунков и гравюр. Вместе с М.В. Добросклонским, Г.С. Верейским, а позднее с В.Ф. Левинсоном-Лессингом и Т.Д. Каменской, он положил начало научному изучению собрания рисунков и гравюр. В результате пополнения Отдела из частных собраний количество их выросло почти вдвое. По инициативе Яремича началось научное изучение фонда; прежде всего, были выделены копии, не представляющие ценности оригиналы, подделки, уточнена атрибуция⁴⁵. Все, кто знал его, кто общался с ним во время работы в музее, описывают его как человека не только талантливого и знающего, но и открытого, щедрого, наделенного тонким юмором, охотно делящегося с другими своими знаниями, опытом и эрудицией⁴⁶.

С 1918 г. Яремич плодотворно сотрудничал и с другими учреждениями. Он был избран членом Художественного совета Русского музея, а в 1919 г. становится сотрудником Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). Согласно протоколу «избирательной Комиссии по выборам в научные сотрудники», подписанному председателем комиссии Б. Кржановским, «заслушав Curriculum vitae и отзыв о работах С.П. Яремича, она постановила признать его достойным избрания на должность научного сотрудника 2 кат. в разряде нового русского искусства»⁴⁷. Однако через два года он оставил службу в Академии. В личном деле сохранилась написанное его рукою краткое заявление от 26 октября 1921 г.:

«В Правление Российской Академии Истории Материальной Культуры.

Не имея возможности отдавать достаточное количество времени для научных занятий согласно программе Академии, прошу отчислить меня из состава научных сотрудников». На заявлении стоит печать от 31 октября 1921 г.: «Доложить Совету Академии»⁴⁸.

Через несколько лет С.П. Яремич вновь вернулся на работу в РАИМК. В его личном деле хранится подробный отзыв от 14 января 1924 г., предположительно написанный П. И. Нерадовским (подпись неразборчива)⁴⁹, вероятно, потребовавшийся для его повторного приема на службу. Приведем его почти полностью, так как он прекрасно отражает основные направления деятельности С.П. Яремича в это время.

⁴³ Выдрин И.И. Судьба автодиакта. С. 26.

⁴⁴ Пиотровский Б.Б. Из эрмитажной плеяды // Степан Петрович Яремич. Т. 1. С. 10–13.

⁴⁵ Выдрин И.И. Судьба автодиакта. С. 27.

⁴⁶ См., напр.: Левинсон-Лессинг В.Ф. Энциклопедические знания // Степан Петрович Яремич. Т. 1. С. 45–49.

⁴⁷ РО НА ИММК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 784. Л. 2.

⁴⁸ Там же. Л. 6.

⁴⁹ Петр Иванович Нерадовский (1875–1962) — художник, историк искусства, музейный деятель, действительный член Академии художеств, хранитель художественного отдела Русского музея (1909–1929). Эл. ресурс: https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/photo/neradovskiy_petr_ivanovich/index.php (дата обращения 15.11.2021).

«Хранитель Отделения рисунков и гравюр Государственного Эрмитажа, член Совета Художественного Отдела Русского Музея С.П. Яремич, выдающийся знаток в области европейского искусства. Его обширные знания и исключительный дар распознавания индивидуальных черт стилей, тонкого анализа и оценки творческих достижений художников делают его незаменимым работником при исследовании вопросов искусства и художественных произведений. С.П. Яремич особенно известен своими исключительными знаниями в области рисунков и гравюр европейских школ.

Большие материалы, собранные С.П. Яремичем за многие годы по русскому искусству XVIII и XIX вв., разработка их, которая им ведется в последнее время с большой интенсивностью, делают его участие в разряде необходимым, в виду поставленной разрядом плановой работы по русскому искусству XVIII века.

В своих статьях и заметках, печатавшихся в русских художественных журналах, в главе о русском искусстве в книге Armand Dayot “Histoire générale de la peinture”, Яремич, на основании проверенных документов и новых материалов дает правдивое освещение историческим фактам, откидывая легендарные наслоения.

Напечатанная Яремичем монография о Врубеле (изд. Кнебеля, 1911 г.) является результатом большой работы по собранию материалов о жизни и творчестве этого художника. Особенно ценными в этой работе являются материалы, собранные в то время, когда ещё все окружающие Врубеля лица были живы и было возможно установить и проверить многие факты и детали, привлечь дневники и письма. Монография Яремича о Врубеле послужила основным материалом для последующих исследователей жизни и творчества художника.

<...> Последние годы Яремич вел работу над исследованием материалов по истории русской Академии Художеств XVIII века. Написанные им несколько лет тому назад главы этой истории, с прошлого года вновь перерабатываются и дополняются автором соответственно новым материалам. Коллективный труд над “Историей Академии Художеств” был принят Академией Истории Материальной культуры к печати и в настоящее время, с разрешения Правления Академии, издание выполняет “Комитет популяризации художественных изданий”⁵⁰.

В нижней части листа — приписка, сделанная Д.А. Айналовым: «Ко всему сказанному мне хочется присоединить ещё указание на статью о киевских крестах⁵¹, и статью о (неразб.) гравюрах, эти статьи отличаются строгой научностью <...> в которой ярко разрешен был стиль гравюр, идущих от византийских декоров в искусстве XIV столетия. В этой статье были учтены совершенно новые материалы по византийскому искусству»⁵².

С 1928 г. С.П. Яремич течение ряда лет состоял профессором Отдела истории западноевропейского искусства и заведовал мастерской реставрации картин, рисунков и гравюр Эрмитажа⁵³. Возглавив ее, он сразу же приступил к реорганизации

⁵⁰ РО НА ИММК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 784. Л. 4–5 об.

⁵¹ Речь идет о статье: Яремич С.П. Наглавные кресты XVII и XVIII ст. некоторых киевских церквей // Археологическая летопись Южной России. 1904. № 1–2. С. 31–36.

⁵² РО НА ИММК РАН. Там же. Л. 5 об.

⁵³ Левинсон-Лессинг В. Ф. С.П. Яремич (1869–1839) // СГЭ. 1940. № 2. С. 27.

реставрационного дела в музее. Он сделал много для улучшения качества реставрации живописи и совершенствования методов хранения картин. Основные принципы разработанных им положений изложены в целом ряде статей и инструкций⁵⁴. Они были призваны исключить из реставрационной практики или сократить применение ряда радикальных методов, не только опасных для сохранности живописи, но и уменьшающих художественную ценность памятников. В это же время им создается форма «реставрационного паспорта — протокола», в котором должны фиксироваться исследования материалов, техники и состояния произведений, а также методов их консервации и реставрации. Появление этого паспорта стало основой для выполнения современной научно-реставрационной документации. В развитие этой темы С.П. Яремичем были подготовлены доклады «О методах реставрации» (1929 г.) и «О перестройке методов реставрации картин» (1931 г.)⁵⁵.

Как и многие другие сотрудники Эрмитажа, Яремич был вынужден принимать участие в продаже музейных экспонатов за границей. В 1928–1929 гг. на берлинских аукционах, организованных фирмой фон Лепке, были распроданы многие картины и мебель⁵⁶. Если аукцион 1928 г. можно назвать не совсем удачным с точки зрения ожидаемой прибыли, то результаты распродаж 1929 г., состоявшихся в преддверии мирового экономического кризиса, в ещё большей степени не оправдали возложенных на них надежд. В архиве Государственного Эрмитажа сохранились автографы черновиков С.П. Яремича, где сформулированы его ответы на вопросы о причинах «провального» результата распродаж⁵⁷. Эти интереснейшие документы освещают не только трагизм процесса торговли предметами искусства; они также отражают профессионализм их автора, его желание защитить «достояние республики» или хотя бы не отдавать его бездумно и неоправданно дешево. Вот, например, как отвечал С.П. Яремич на п. 2 «вопросника» комиссии по отбору предметов искусства о том, «как нужно произвести выделение для реализации вещей, не необходимых для музеев»: «На этот вопрос мне крайне трудно ответить по той простой причине, что я сам принадлежу к числу музейных работников и каким образом произвести выделение вещей без ущерба для целостности музейного организма, сказать затрудняюсь. Скажу одно: большой вред делу ликвидации уже готового для продажи товара может принести выделение основных ценностей, составляющих стержень музейной постройки. Уже теперь антиквары рассматривают наши хранилища как антикварные склады, и стоит только сдвинуть с места два-три основных предмета, как мы сразу же обесценим весь остальной материал, к кото-

⁵⁴ См., напр.: *Яремич С.П. Методы хранения картин. Предохранительные меры* // Степан Петрович Яремич. Т. III. С. 316–317; *Он же. О методах реставрации*. Там же. С. 318–320; *Он же. Положение о реставрационной мастерской предметов живописи*. Там же. С. 322.

⁵⁵ *Алешина Т.П. Предисловие* // Степан Петрович Яремич. Т. III. С. 7–8.

⁵⁶ *Соломаха Е.Ю. Распродажа запасов Картинной галереи Эрмитажа и мировой кризис 1929 г.* // Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи 1929 г. Архивные документы / под общей ред. М.Б. Пиотровского. Сост. вып. Е.Ю. Соломаха. СПб., 2014. С. 5–7.

⁵⁷ *Яремич С.П. Ответы С.П. Яремича на вопросы комиссии по отбору предмета искусства для экспорта* // Степан Петрович Яремич. Т. III. С. 309–311; *Отчет С.П. Яремича об аукционе в Берлине*. Там же. С. 312–315.

рому вкус будет потерян и сами музеи как таковые перестанут существовать»⁵⁸. А вот отрывок из его ответа на п. 7 «О Строгановском доме а) о его ценности как музея, б) о методе продажи его»:

«а) Ценность Строгановского дома как музея, и притом музея единственного в своем роде, для меня бесспорна. Это комплекс, почти целиком сохранивший свой первоначальный облик. Он ценен и как памятник собирательства, поражающий в общем своим прекрасным подбором, и как высоко артистичный памятник внутреннего убранства жилища. б) Если обстоятельства требуют ликвидации этого памятника, то нет никакого сомнения в том, что продажа должна быть совершена *en bloc*⁵⁹ и никоим образом не отдельными предметами и, разумеется, на месте»⁶⁰.

В конце 1928 г. С.П. Яремичу, ненадолго выехавшему за границу, удалось передать письмо своему давнему другу А.Н. Бенуа, который в 1926 г. принял решение не возвращаться в Россию и к тому времени проживал преимущественно в Париже. После его отъезда С.П. Яремич «присматривал» за квартирой семьи Бенуа, отбирал по его указаниям вещи для отправки в Париж при содействии А.М. Горького и его сына Максима. Письмо С.П. Яремича передал А.Н. Бенуа некий Константинов 22 ноября 1928 г. Приведем его содержание, отражающее отношение автора к окружавшей его действительности.

«Ленинград, 20 ноября 1928 г.

Пока все Ваши материалы и Ваша обстановка в целости. Но это только пока. Очень хорошо, что квартиру удалось вовремя сдать, ограничившись одной комнатой, иначе уже теперь при новом квартирном законе (а у нас они каждые четыре месяца меняются) было бы невозможно удержаться. Мне кажется, что при помощи Руфа⁶¹ можно ещё продержаться месяцев 7–8, и в течение этого времени необходимо ломать комедию о возвращении, мотивируя опоздание нездоровьем и проч.

Вас это удивляет, дорогой друг, Вы привыкли к иному темпу жизни, Вам каждый час дорог. При коммунизме, особенно при нашем коммунизме, время абсолютно ничего не значит. Не только час, но и месяц, и год, и пять лет для нас плевков. У нас ведь перспективы не какие-нибудь, ведь мы разрабатываем наши планы не по полугодиям и не на год, а на целые десятилетия. Поэтому каждый шаг должен быть рассчитан, каждое действие строго обдуманно, так как при каждом неловком шаге можно лишиться всего и, мало тюрьмы и ссылки, но и заплатить жизнью.

Вас это удивляет? Все быстро забывают нашу действительность. И она, действительно, так пуста, так ничтожна (исторически), так мизерна и бесплодна, что не оставляет ни малейшего следа. Как только доктрина провалится в тартарары (а она, несомненно, провалится, хотя при нашей тупости, и инертности, и убожестве

⁵⁸ Яремич С.П. Ответы С.П. Яремича на вопросы комиссии по отбору предмета искусства для экспорта. С. 309.

⁵⁹ То есть целиком (*фр.*).

⁶⁰ Яремич С.П. Ответы С.П. Яремича на вопросы комиссии по отбору предмета искусства для экспорта. С. 309–310.

⁶¹ Домууправ, в ведении которого находился дом, где проживала семья А.Н. Бенуа.

мысли и воображения ее ещё хватит на добрый десяток лет), так о ней все позабудут, за исключением тупиц Кареевых. Так вот: я, собственно, хотел сказать о ликвидации. Это дело, требующее времени. Необходимо действовать так, чтобы не возбудить подозрения какого-нибудь идиота. <....> .

К моему великому горю, я не мог к Вам заглянуть: пришлось бы бесконечно долго ожидать визы. Мы, выходцы из Мертвого дома, ведь на положении зачумленных.

Вы скажете, а почему же не остаться здесь? А что Вы думаете? И остался бы, честное слово, остался бы, если бы дело шло о вещах, хотя бы даже очень милых и очень ценных. Я прекрасно понимаю всю вздорность ума тех крестьян окрестностей Этны, которые из жалости к вещам возвращались в свои дома с намерением что-нибудь оттуда унести и гibli, как кролики, как куропатки. Я это великолепно понимаю, и отношение к моему обиходу почти отмерло. Когда я окружен своей обстановкой, мне ее очень <жаль> лишиться, но когда я расстаюсь с ней, то больше никак ее не ощущаю.

Другое дело живое. О, эти кровные живые связи. Они глупца превращают в умного, расчетливого в безрассудного, скупца в расточителя. Трус становится вдруг мужественным. Ну что такое! Несправедливость насилия, безграничная мерзость запустения, разруха, мор, всеобщее растрение и стихийная бездарность, и стихийная пошлость — всё это смешно, ничтожно и нисколько не страшно, когда обладаешь фокусом, когда любишь и готов за это любимое погибнуть.

Немного об Эрмитаже и дворцах. Вы, конечно, знаете, что в наши музеи и дворцы маклаки приходят, как в лавки. Прицениваются, выбирают. Зимний дворец полетел вверх тормашками: всё содержимое продано хищникам за грош. Гатчина накануне полного разрушения (нижнее помещение уже уничтожено). В Эрмитаже намечены к продаже Рафаэль и Рембрандт. Вы, конечно, знаете о судьбе дивной шпалеры с Буше, под которой мы столько времени заседали. Она пошла сравнительно за гроши. Разрушен Аничков дворец и все разбазарено. Очередь за Павловском и Царским. Продается содержимое Строгановского дома. Кроме того, на днях начинают ломать церковь Благовещения. Решено также снести Смольный собор. Пагубная доктрина — под видом созидания всё разлагает и уничтожает»⁶².

В последнее десятилетие своей жизни С.П. Яремич занимался в основном музейной работой и подготовкой публикаций. В 1930 г. он издал переписку Л.Н. Толстого и Н.Н. Ге⁶³. В 1934 г. наконец-то вышел монументальный труд «Русская академическая художественная школа в XVIII веке». Фолиант был напечатан в типографии Академии наук в серии «Известия ГАИМК»⁶⁴. В предисловии к нему говорилось: «Среди помещенных в издание работ центральной и основной является работа С.П. Яремича, которым вновь переработаны его ранее написанные

⁶² Впервые подборка писем С.П. Яремича и А.Н. Бенуа конца 1920-х - начала 1930-х гг. была опубликована в: *Третьяков В.П.* Лицо и маска. Из переписки С.П. Яремича и А.Н. Бенуа // Русское искусство. 2004. № 2. Эл. ресурс: <http://www.russiskusstvo.ru/themes/publication/a383/> (дата обращения 15.11.2021); см. также: *Переписка С.П. Яремича и А.Н. Бенуа (1900–1930)* // Степан Петрович Яремич. Т. III. С. 218–219.

⁶³ Л.Н. Толстой и Н.Н. Ге. Переписка. М.; Л., 1930.

⁶⁴ Русская академическая художественная школа в XVIII веке // ИГАИМК. 1934. Вып. 123.

статьи и привлечены новые ценные материалы, с возможной полнотой включенные к примечаниям к тексту. Исследования С.П. Яремича ряду вопросов дают совершенно новое освещение; они, например, по-новому разрешают вопрос об авторстве ряда исключительно важных памятников Ленинграда, что, в свою очередь, дает новую постановку и некоторым общим вопросам истории русского искусства XVIII века, внося подчас коренное изменение в установившиеся взгляды. Всё это придает исследованию С.П. Яремича исключительный интерес. Остальные части работы так или иначе примыкают к указанной, давая к ней часто интересные дополнения, частью более подробно освещая некоторые отдельные вопросы»⁶⁵. Действительно, для этого труда С.П. Яремич написал три главы: «Основание Академии Художеств. Президентство И.И. Шувалова (1758–1763)»⁶⁶, «Влияние воспитательных идей на художественную школу. Президентство И.И. Бецкого»⁶⁷ и «Художества в период президентства И. И. Бецкого (1763–1793)»⁶⁸. Еще один написанный им раздел, «Президентство А.И. Мусина-Пушкина»⁶⁹, по какой-то причине в издание не вошел.

Книга, не утратившая своего значения, с большим интересом читается и в наше время. Как писал известный петербургский историк искусств И.И. Выдрин, «Труд Яремича является кладом знаний — источником для изучения начального периода русской академической школы. Искусствоведы извлекают из него новые сведения и вводят их в научный оборот, обогащая находками свои работы»⁷⁰.

Художник и искусствовед, профессор Государственного Эрмитажа Степан Петрович Яремич скончался в ночь с 13 на 14 октября 1939 г. в Ленинграде⁷¹. О нем и его последних годах писал ленинградский искусствовед, литератор и критик Э.Ф. Голлербах. «Даровитый художник (живописец-пейзажист и рисовальщик), Степан Петрович был и выдающимся специалистом по вопросам музееведения и реставрации. Его труды в области истории русского и западноевропейского искусства составили существенный вклад в нашу искусствоведческую литературу. <...> Прирожденное чутье, безошибочная интуиция и чувство стиля помогли ему стать одним из лучших знатоков старинного графического искусства. <...> Черты большой художественной культуры и замечательной искусствоведческой эрудиции сочетались в нем с коллекционерским энтузиазмом и с некоторой “богемностью”. В нем уживались благодушие и скрытность, осторожная деловитость и способность увлекаться, простота и лукавство, холодная дальновидность и пылкая предприимчивость. У него был большой жизненный опыт, обширный запас впечатлений и воспоминаний. Старость и болезнь сломили в нем волю к художественному творчеству (в последние годы жизни он не занимался живописью), он охладел и к литературной работе, всячески уклонялся от нее, — но искусство само по себе, прекрасные полотна, виртуозные рисунки, произведения

⁶⁵ Там же. С. 12.

⁶⁶ Там же. С. 49–64.

⁶⁷ Там же. С. 65–98.

⁶⁸ Там же. С. 99–204.

⁶⁹ Рукопись хранится в Президентской библиотеке им. Б.И. Ельцина в Санкт-Петербурге.

⁷⁰ Выдрин И.И. Судьба автодидакта. С. 32.

⁷¹ Левинсон-Лессинг В.Ф. С.П. Яремич (1869–1839) // СГЭ. 1940. № 2. С. 26.

больших мастеров продолжали его волновать до последних дней жизни. Судьба какой-либо замечательной картины, судьба редкого и ценного наброска интересовали его как событие личной жизни, заставляли вновь и вновь загораться восхищением, искать, спорить, доказывать, убеждать. В истории музейной и коллекционерской жизни и даже шире — в истории русской художественной культуры — имя С.П. Яремича не должно и не может быть забыто»⁷².

⁷² Голлербах Э.Ф. Памяти С.П. Яремича. Цит. по: Голлербах Э.Ф. Встречи и впечатления / Сост., подготовка текста и коммент. Е. Голлербах. М., 1998. С. 318.

Приложение. Старейшие сотрудники РАИМК

Евгений Мартынович Придик (1865–1935)

Н.А. Павличенко

Петербургский филолог и эпиграфист Е.М. Придик¹ родился в Ревеле 19 (31) авг. 1865 г.² В анкетах он писал, что происходит «из солдатских детей»: отец, Мартин Придик, был унтер-офицером Преображенского полка, мать, Анна-Мари Симсон, — эстонской крестьянкой. На пятом году жизни его усыновил генерал-майор русской армии Фридрих фон Вендрих (Friedrich Heinrich von Wendrich) (1815–1892), который был его настоящим отцом, так что он получил хорошее домашнее воспитание.

В 1882 г. Придик заканчивает Ревельскую губернскую гимназию, а в 1888 г. историко-филологический факультет Юрьевского университета со степенью кандидата древнеклассической филологии, затем, в течение еще двух семестров, продолжает занятия в Берлине у Г. Дильса, У. Кёлера, О. Гиршфельда, К. Роберта, А. Эрмана³. В 1890 г.

¹ В качестве заставки использован фрагмент фотографии 1895 г. (ФО НА ИИМК РАН. Нег. П 42787).

² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 537 (Личное дело Е.М. Придика); РА ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 686 (Личное дело Е.М. Придика). Л. 2 сл.; СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 554. Л. 90–95 (анкеты, заполненные Е.М. Придиком в 1923, 1930–1931 гг.).

О Е.М. Придике см.: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета: Справочник. СПб., 1995. С. 99; Сотрудники императорского Эрмитажа. 1852–1917. Библиографический справочник. СПб., 2004. С. 118–120; Тункина И.В. (сост. и отв. ред.) Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921. Исторический очерк. М., 2017. С. 500. Страницы, посвященные Е.М. Придику, в Erik-Amburger-Datenbank Ausländer im vorrevolutionären Russland — <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=74869> и в Baltisches Biographisches Lexikon Digital — <https://bbld.de/000000013189317> (Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710–1960 (DBBL). S. 600) [дата обращения: 26.03.2022].

³ Одновременно с ним в Берлине у тех же профессоров занимался и его старший брат Александр (1864–1936). С 1892 г. А.М. Придик преподавал в Юрьевском университете на кафедре древнеклассической филологии и греческих и римских древностей, где он «читал лекции по греческой истории, истории аттического красноречия, истории греческой прозы, греческой эпиграфике, греческому синтаксису, истории греческой литературы и истории греческой эпической поэзии» вначале в качестве приват-доцента, а с 1897 г. в качестве штатного доцента (Биографический словарь преподавателей и профессоров Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, Университета за сто лет его существования (1802–1902). Т. П. Юрьев, 1903. С. 449–450). В 1904–1917 гг. он был экстраординарным профессором кафедры греческой

Е.М. Придик сдает экзамен на степень магистра древнеклассической филологии, а в феврале 1893 г., также в Дерпте, защищает магистерскую диссертацию на тему «De Alexandri Magni epistularum commercio», в которой рассматриваются и систематизируются все встречающиеся в античной литературе упоминания о переписке Александра Великого с жителями греческих полисов, греческими и варварскими правителями, родителями и друзьями⁴.

Летом 1894 г. Министерство народного просвещения командировало его в Грецию и Италию для приготовления к профессорскому званию⁵.

Находясь в Греции, он в июле и августе 1895 г. вместе с итальянским археологом Гаэтано де Санктисом путешествует по Фессалии. Во время этой поездки, по словам Придика, «добыча наша была довольно велика — около 140 надписей». Эти надписи (часть из них были новыми) и небольшие комментарии к ним он опубликовал в том же году в I томе ИРАИК⁶.

Кроме того, в 1896 г. он опубликовал 385 керамических клейм из раскопок 1892–1896 гг. на западном склоне Акрополя, проводимых германским Археологическим институтом в Афинах под руководством проф. В. Дерпфельда, а в следующем еще 33 из раскопок 1897 г.⁷ По его словам, в публикации материала он следовал схеме, предложенной Г. фон Гертрингеном и К. Шухардтом — в алфавитном порядке личных имен, когда эпонимные клейма не отделяются от клейм фабрикантов⁸. В последней статье он ставит вопрос о целях клеймения амфор и черепицы, не придя, впрочем, к какому-то определенному решению, и делает вывод, что пока рассеянный в разных музеях материал не будет сведен воедино, его изучение будет представлять значительные трудности. Кроме того, он указывает, что следует обращать внимание не только на надпись в лемме клейма, но и на форму амфорных ручек, на состав и цвет глиняного теста.

Пожалуй, именно две эти статьи и выраженный интерес Придика к керамической эпиграфике, о чем, по словам Латышева, ему было «достоверно известно»,

словесности историко-филологического факультета Варшавского университета (Краткий отчет о состоянии и деятельности Императорского Варшавского университета за 1904–1905 академический год. Варшава, 1905. С. 59). В Варшавском университете А.М. Придик помимо собственно филологических курсов читал, например, курс античного искусства — с 1910 г. он являлся заведующим кабинетом гипсовых фигур и статуй историко-филологического факультета (Обозрение преподавания предметов на 1910–1911 г. // Краткий отчет о состоянии и деятельности Императорского Варшавского университета за 1909–1910 учебный год. Варшава, 1910. С. 34). Подробнее об А.М. Придике см.: *Павличенко Н.А.* Е.М. Придик, петербургский филолог и эпиграфист. К истории создания III тома IOSPE // Древний мир и мы. СПб., Вып. II. С. 190–193.

⁴ *Pridik E.* De Alexandri Magni epistularum commercio: Dissertatio inauguralis ad magistri honores. Dorpati Livonorum, 1893.

⁵ В Афинах Придик встретился с Б.В. Фармаковским, который аттестовал его родителям как «хорошего господина», с которым у него сложились «приятельские отношения» — *Фармаковская Т.И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988. С. 53, 55, 57.

⁶ *Придик Е.М.* Надписи из Фессалии // ИРАИК. 1895. Т. I. С. 79–137.

⁷ *Pridik E.* Amphorenhenkel aus Athen // Mitteilungen des Kaiserlichen Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung. 1896. Bd. 21. S. 127–187; *Idem.* Neue Amphorenhenkel aus Athen // Mitteilungen des Kaiserlichen Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung. 1897. Bd. 22. S. 148–158.

⁸ *Gaertringen H. von (hrsg.)* Inscriptiones Graecae insularum maris Aegaei praeter Delum. Vol. XII. Fasc. 1. Inscriptiones Rhodi, Chalces, Carpathi, cum Saro, Casi. Berlin, 1895; *Schuchardt C.* Inschriften auf Thon // Altertümer von Pergamon. Berlin, 1895. Bd. VIII (Die Inschriften von Pergamon), Bd. 2. S. 391–506.

Е.М. Придик, П.Д. Погодин, Я.И. Смирнов, М.И. Ростовцев, Б.В. Фармаковский в Афинах в квартире Я.И. Смирнова на горе Ликабет. 1895 г. (ФО НА ИИМК РАН. Нег. II 42787)

побудили В.В. Латышева предложить ему взять на себя работу по изданию III тома *Inscriptiones orae Septentrionalis Ponti Euxini* (IOSPE), куда должны были войти причерноморские граффити и керамические клейма⁹.

История издания этого корпуса многократно описана: в 1885 г. В.В. Латышев выпустил в свет I том, включающий лапидарные надписи Тиры, Ольвии и Херсонеса, а в конце 1890 г. — II том, в котором были собраны боспорские надписи¹⁰. Материалы для III тома он начал собирать еще в 1883 г., когда в ходе подготовки I и II томов РАО командировало его в южнорусские музеи для сбора материала. Латышев прекрасно осознавал специфику работы с керамическими клеймами, это видно, например, по его письму к А.В. Орешникову от 18 сентября 1886 г. Обсуждая «*Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Süd-Russlands*» Хр. Гиля, где Гиль упоминает мнение А.В. Орешникова о штампе βασιλέως Σπάρτοκου и о других боспорских черепичных клеймах¹¹, Латышев замечает, что «я ... пока недостаточно еще

⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 152. Л. 54.

¹⁰ Об истории издания IOSPE см.: *Тункина И.В.* В.В. Латышев: жизнь и ученые труды // *Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга*. СПб., 1999. С. 186–189; *Павличенко Н.А.* Предыстория издания IOSPE в документах научного архива ИИМК РАН // ПИФК. 2020. Вып. 1. С. 154–163.

¹¹ *Giel Chr.* *Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Süd-Russlands*. М., 1886. С. 41–43.

овладел керамическими надписями Боспора и даже с некоторым страхом помышляю о том времени, когда мне придется возиться с ними, — они пугают меня своим огромным количеством и в то же время бедностью заключающегося в них действительно ценного материала. А повозиться с ними для 3-го тома придется немало»¹².

После того, как 12 сент. 1890 г. он был назначен помощником попечителя Казанского учебного округа¹³, Латышев написал Совету РАО, что «...отчасти мои служебные обязанности, а главным образом состояние моего зрения не позволяет мне принять на себя труд списывания надписей с ручек...»¹⁴. Латышев предложил РАО либо ограничиться изданием в своем корпусе уже опубликованных ранее клейм, либо пригласить других лиц для копирования вновь поступившего материала с тем, чтобы он сам производил лишь их окончательную обработку¹⁵. Весной 1893 г. Латышев возвращается в Петербург и 12 июня 1893 г. назначается вице-директором, а 22 июля 1896 г. — директором Департамента народного просвещения¹⁶. Административные обязанности в сочетании с изданием лапидарных надписей не оставляли времени на занятия керамическими клеймами, и 7 мая 1897 г. в Совет РАО поступает еще одно письмо: «...К моему искреннему сожалению, различные веские причины — главным образом, мои служебные обязанности на занимаемой должности, затем принятая мной на себя в Императорской академии наук работа по изданию трудов покойного профессора К.К. Герца и наконец (last, non least), состояние моего зрения — не позволяют мне посвящать этому делу (то есть работе над изданием III тома IOSPE. — Н.П.) достаточное количество времени и труда, и в последние годы собранные материалы лежат почти без движения. Кроме того, я должен заметить, что в последние годы, уже после издания 1-го и 2-го томов моего сборника надписей, вновь найдено значительное количество лапидарных памятников, между которыми имеются весьма интересные и важные по содержанию, и мне представляется весьма желательным собрать их воедино и издать в виде IV тома сборника, каковая работа в настоящем моем положении представляется для меня гораздо менее затруднительной, а для науки не менее полезной». Обработку III тома он предложил передать «другому надежному лицу», а именно Е.М. Придику¹⁷.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 5.

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 348 (Личное дело В.В. Латышева). Л. 10 об.

¹⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 152. Л. 36–36 об. Письмо от 27 февр. 1891 г.

¹⁵ Копированием клейм в Эрмитаже должен был заниматься А.Н. Щукарев (РО НА ИИМК. Ф. 3. Д. 152. Л. 40–41 — отношение РАО в Эрмитаж от 18 окт. 1891 г. и ответ А.А. Куника), в ГИМ'е — Д.Н. Корольков или В.Г. Аппельрот, в Кишиневе — А.В. Никитский (РО НА ИИМК. Ф. 3. Д. 152. Л. 37). В конце концов, коллекцию ГИМ'а скопировал В.М. Строев (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 50 — письмо В.В. Латышева А.В. Орешникову от 28 окт. 1891 г.), а коллекцию частного музея И.К. Суручана в Кишиневе — В.М. Сысоев (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 307. Л. 16–17, 23–24 — письма В.В. Латышева к В.Г. Дружинину от 10 дек. 1891 г. и 2 марта 1893 г.; СПбФ АРАН. Ф. 764. Оп. 2. Д. 418. Л. 2–3 об. — письма В.В. Латышева к А.Ф. Бычкову от 19 февр. и 24 марта 1892 г.).

¹⁶ Директором Департамента народного просвещения В.В. Латышев был до 28 апреля 1898 г. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 348), после чего он был назначен членом Совета Министра народного просвещения (К 50-летию Петроградского Историко-филологического института. Биографический словарь лиц, окончивших курс института / Латышев В.В. (ред.). Ч. 1. Пг., 1917. С. 94).

¹⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 152. Л. 53–54 об. Излагая биографию Е.М. Придика, Латышев слегка видоизменил ее, сообщив Совету РАО, что после защиты магистерской диссертации тот состоял приват-доцентом Юрьевского университета. В действительности, как писал Придик в своей автобиографии, «за-

Придик, с которым Латышев частным образом списался еще до официального обращения в РАО, охотно согласился: «... Спешу выразить Вам искреннейшую свою благодарность за лестное предложение быть Вашим сотрудником при издании Вашего столь славного сборника надписей, с радостью готов взять на себя этот труд и постараюсь оказаться достойным возложенного Вами на меня доверия. Как велик материал, я не знаю, но, если это возможно, берусь подготовить этот том к печати в течение одного года...»¹⁸.

Судя по сохранившемуся в делах РАО черновику письма к Латышеву от 16 мая 1897 г., Совет РАО сочувственно отнесся к его предложению. Что же касается просьбы Латышева назначить Придику содержание на год в размере 1200–1500 рублей, то в этом было отказано, так как в сметах 1897 и 1898 гг. такая значительная сумма не могла быть изыскана. Вместо этого постановлением общего собрания РАО от 16 мая 1897 г., Придику было назначено по 600 рублей содержания на 1897 и 1898 г., он был причислен к Министерству народного просвещения, а учебная командировка с 1 июля 1897 г. была продлена еще на год — для собирания материала и копирования клейм в южнорусских музеях¹⁹.

Латышев предполагал, что Придик прежде всего отправится в южнорусские музеи, но Придик попросил разрешения «начать занятия» в Петербурге. В письме к А.Ф. Бычкову, тогда бывшему помощником председателя РАО, он объясняет свою просьбу тем, что не хотел бы бросать в незнакомом городе свою не владеющую русским языком жену, и тем, что субсидии общества не хватит «на жизнь, особенно в таком дорогом городе, как Петербург. Мне придется и давать уроки, чтобы быть в состоянии жить вместе с женой, а уроков в середине зимы я едва ли получу»²⁰. Эта просьба была воспринята положительно, и по просьбе Придика ИАК затребовала керамические клейма из Керченского и Херсонесского музеев²¹.

Следует отметить, что к началу 1880-х гг., когда Помяловский, Соколов и Гаркави приступили к планированию сборника южнорусских надписей, уже были атрибутированы амфоры основных центров амфорного производства, которые клеймили свои сосуды: в 1872 г. Альбер Дюмон выделял амфоры Понта Эвксинского, Фасоса, Родоса, Книда, Пароса, Наксоса, Колофона, Великой Греции²².

более летом 1892 г. язвой желудка, я на время вынужден был прекратить научные занятия и с осени 1892 г. по июнь 1894 г. состоял воспитателем сыновей барона Унгерн-Штернберга в Ревеле» (РА ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 686. Л. 2).

¹⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 152. Л. 51–52. Письмо от 18 апр. 1897 г.

¹⁹ Там же. Л. 55–63.

²⁰ СПбФА АРАН. Ф. 764. Оп. 2. Д. 617. Л. 1–1 об. 16 июня 1897 г. Придик женился на Марианне Карловне Вильберг (1874–1942), дочери германского консула в Афинах и известного афинского книгопродавца Карла Вильберга.

²¹ Необходимость выписывать херсонесские ручки отпала, так как К.К. Косцюшко-Валюжинич прикладывал к своим отчетам в ИАК эстампажи всех клейм. К.Е. Думберг же согласился выслать клейма Керченского музея. Ящики с клеймами он стал посылать в Петербург начиная с янв. 1898 г., часть клейм вернулась в Керчь в том же году, остальные только в 1903 г. — РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1897. Д. 2. Л. 65, 68; Ф. 3. Д. 152. Л. 64–65, 83–87, 100; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма. Опыт комплексного изучения. Симферополь — Керчь: Керченская городская типография, 2007. С. 82–84; *Федосеев Н.Ф.* История изучения коллекции керамических клейм Керченского музея // ВЭ. Вып. VI. 2012. С. 381–384. Часть керченских клейм посылалась специально «для коллекции Эрмитажа» (Ф. 1. Оп. 1. 1899. Д. 18. Л. 137, 145).

²² *Dumont A.* Inscriptions céramiques de Grèce. Paris, 1872.

Появлялись и специальные работы о клеймах из отдельных памятников. Так, еще в 1838 г. Ф. Тьерш опубликовал большое исследование о клеймах из раскопок афинского Керамика²³. Причерноморские клейма публиковались Л. Стефани, П. Беккером, Ю.В. Юргевичем и другими исследователями²⁴, некоторые найденные в Причерноморье штампы вошли в *Corpus Inscriptionum Graecarum*²⁵. Таким образом, так же как А. Беку и В.В. Латышеву, когда они начинали работать над *Corpus inscriptionum Graecarum* и *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini*, Е.М. Придику предстояло собрать рассеянный по разным публикациям материал и добавить к нему ежегодно прибавляющиеся штампы из новых раскопок.

Как явствует из сохранившегося в делах РАО отчета за первое полугодие его работы над III томом (от 1 января 1898 г.), поначалу Е.М. Придик энергично взялся за дело: «По возвращению в Россию в июле месяце 1897 года, я после короткого отдыха приехал в Петербург, где думал приступить к исполнению предложенной мне Обществом работы в Императорской Археологической Комиссии и Эрмитаже, испросив на то предварительное согласие Его Высокопревосходительства А.Ф. Бычкова. При этом долгом своим считаю выразить искреннейшую свою благодарность за всю любезность, с которой Императорская Археологическая Комиссия всячески старалась облегчить мне мои занятия, в особенности глубокоуважаемому барону Тизенгаузену и И.А. Сулову. В Комиссии мною были списаны клейма амфорных ручек из раскопок Б.В. Фармаковского и из коллекции графа Бобринского, числом 230 штук; кроме того, надписи с глиняных и стеклянных сосудов, колец, ламп из разных раскопок, хранящиеся пока еще в Комиссии. Затем благодаря любезному позволению старшего хранителя Эрмитажа Г.Е. Кизерицкого мною списаны были клейма с амфорных ручек, черепиц и обломков ваз в богатейшей Эрмитажной коллекции. Не видел я еще золотых, серебряных, оловянных и иных вещей, также мне до сих пор еще не была дана возможность проверить копии Стефани, так как занятия мои в Эрмитаже внезапно были прерваны болезнью детей Гангольфа Егоровича, из-за которой он более месяца не приходил в Эрмитаж. Надеюсь, что после праздников Гангольф Егорович будет столь любезным позволить мне окончить копирование эрмитажных надписей, так как я очень неохотно стал бы переиздавать копии Стефани, не проверив их по оригиналам. Списана мной и хранящаяся в Эрмитаже коллекция графа Бобринского, всего в Эрмитаже более 2300 надписей. Василий Васильевич по возвращении из-за границы передал мне весь собранный им самим и по его поручению Сысоевым материал, а именно из Одессы, из Суручановской коллекции в Кишиневе, из Москвы, Киева и Херсониса: отчасти превосходные эстампажики, сделанные директором Херсонисского музея Косцюшко-Валюжиничем, выписаны мною из дела Императорской Археологической Комиссии. Весь этот материал (около 6000) уже мною разрабатывается. Я изучаю теперь всю касающуюся сего вопроса литературу и делаю выписки, где

²³ *Thiersch Fr.* Ueber Henkel irdener Geschirre mit Inschriften und Fabrikzeichen aus dem äussern Kerameikos von Athen. München, 1838.

²⁴ *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — сер. XIX в.). СПб., 2002. С. 348–354.

²⁵ *CIG. Vol. II. Pars XI (Inscriptiones Sarmatiae cum Chersoneso Taurica et Bosporo Cimmerico).* Berolini, 1843. No. 2085a — 2085o, 2109d, 2121).

уже раньше были напечатаны найденные на юге России ручки и пр. Так я уже просмотрел Отчеты И.А. Комиссии, Материалы по археологии России, Записки Одесского Общества Истории и древностей, *Mélanges Gréco-Romains*, все издания Беккера и несколько других периодических изданий и каталогов. Василий Васильевич с чрезвычайною любезностью поставил в мое распоряжение богатейшую свою библиотеку; равным образом и Комиссия, и университетская библиотека снабжали меня литературою, так что в этом отношении я вполне обеспечен. Работа моя потерпела некоторое замедление благодаря независящим от меня самого причинам: смерть дорогой моей матери и слишком интенсивные занятия в течение первых месяцев до того расстроила мои нервы и вообще мое здоровье, что я по приказанию доктора принужден был заниматься гораздо менее, чем я охотно сделал бы. Но не смотря на все это замедление я все-таки надеюсь окончить свою работу в течение следующего года. С величайшей радостью и благодарностью я слышал, что Императорская Археологическая Комиссия по любезному ходатайству Общества выписала керченские ручки в Петербург. Это обстоятельство дает мне возможность в общем окончить свою работу до своей поездки на юг России²⁶, так как материал будет обнимать тогда около или более 8000 надписей, а остальные легко будет вставить, где следует. Весьма жаль, что списывавшие надписи вовсе не обращали внимания ни на форму ручек, ни на цвет и качество глины. Из этих признаков весьма легко часто определяется принадлежность ручек к тому или другому разряду, если нет никаких других данных; например, родосские ручки по первому взгляду узнаются по своей характеристической форме и великолепной, чистой, желтоватой глине, даже вовсе не читая клейма. Поэтому удивительно, как люди, много занимавшиеся ручками, могут писать подобные вещи, как, напр[имер], в XVIII томе Зап[исок] Одесск[ого] Общ[ества], что эту и эту ручку, между прочим не родосскую, следует считать родосскою, так как большинство найденных в Феодосии ручек родосские, как будто здесь может быть еще какое-либо сомнение²⁷!

Свои наблюдения о письме, о значении клейм, о торговых сношениях, о разных других вопросах я позволю себе представить Обществу в одном из следующих отчетов, так как исследования мои еще не окончены ...»²⁸.

Судя по этому отчету, условия работы — доступ к материалу и к библиотекам — не оставляли желать лучшего и была сделана большая часть работы по подготовке III тома. Почему же он не был доведен до конца?

Вполне возможно, это объяснялось в том числе тем, что не имевшему собственных средств Придику выделенной РАО субсидии действительно было недостаточно для жизни в Петербурге, и он сразу же стал искать постоянное место работы. После же того, как это место было найдено, занятия клеймами поневоле оказались вытесненными другими, злободневными занятиями, и у него не осталось ни сил, ни времени на последнее усилие, требующееся для окончания большой работы. В конце сентября 1897 г. он подает прошение о назначении на должность ученого

²⁶ Судя по «Записке о прохождении службы Е.М. Придика», датированной 20 окт. 1918 г., в 1898 г. Придик посетил Одессу, Херсонес, Феодосию и Керчь (РА ГЭ. Ф. 1. Оп. IX. Д. 33. Л. 2).

²⁷ Речь идет о статье: Юргевич В.Н. Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 г. // ЗООИД. 1895. Т. 18. С. 87–174.

²⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 152. Л. 67–68.

секретаря Русского археологического института в Константинополе, но получает отказ²⁹. Вместо него был назначен Б.В. Фармаковский. В мае 1898 г., незадолго до окончания выплаты субсидии от РАО, ему были разрешены занятия в Эрмитаже в качестве ассистента старшего хранителя отделения монет Эрмитажа Ю.Б. Иверсена. Тогда же он подает прошение директору Императорского Эрмитажа с просьбой определить его на первую открывшуюся вакансию³⁰. В августе 1899 г. его причислили к Министерству императорского двора, и он назначается хранителем отдела античных монет в Отделении монет. В этой должности он оставался до конца 1903 г., когда после скоропостижной смерти Г.Е. Кизерицкого он был назначен старшим хранителем Отделения древностей (I Отделение Эрмитажа)³¹.

Кроме того, почти одновременно с началом работы в Эрмитаже Придик был допущен к чтению лекций на историко-филологическом факультете Петербургского университета в звании приват-доцента «по предмету древнегреческой словесности, истории и древности»³².

Практически все его работы этого периода являются публикацией материалов Отделения древностей Эрмитажа или сообщают о новых музейных поступлениях³³. В качестве представителя Эрмитажа он выступает с докладами на международных археологических съездах (1905 г. — Афины, 1909 г. — Александрия, Каир, Дамаск, 1912 г. — Рим, 1913 г. — Лондон³⁴).

В период 1898–1917 г. к работе над III томом IOSPE Е.М. Придик возвращается только единожды. В 16 апреля 1901 г. В.В. Латышев «оканчивает печатанием» IV том IOSPE, и РАО попросило Придика ускорить обработку материала для третьего тома и уведомить, когда можно будет его печатать³⁵. Результатом этой просьбы стала специальная поездка летом 1901 г., когда он посетил Одессу, Севастополь, Керчь, Симферополь, а также Москву³⁶, чтобы скопировать и обработать найденные после 1898 г. клейма. Судя по письму К.К. Косцюшко-Валюжинича В.В. Латышеву от 19 апреля 1905 г., коллеги Придика не верили в то, что он доведет

²⁹ Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе: архивные фонды // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995 С. 77.

³⁰ РА ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 686. Л. 30.

³¹ Там же. С.А. Жебелев в некрологе Я.И. Смирнова (*Жебелев С.А. Яков Иванович Смирнов (некролог) / Seminarium Kondakovianum*. Т. II. Прага, 1928. С. 15. Прим. 1) отметил, что после неожиданной смерти Кизерицкого «многие имели основание ожидать, что на его место будет назначен Я.И. Смирнов, но назначенным оказался хранитель нумизматического отделения Е.М. Придик».

³² Годичный акт. Отчет о состоянии и деятельности Санкт-Петербургского университета за 1899 г. СПб., 1900. С. 14.

³³ См., например: Анадолийский клад золотых статеров 1895 г. // ИИАК. 1902. Вып. 3. С. 58–62; Zwei bemalte Terracotenvasen der Kaiserl. Ermitage // Zeitschrift für bildende Kunst. N. F. Bd. 18. 1907. S. 172–175; Греческие надписи из коллекции В.С. Голенищева // ЖМНП. Нов. сер. 1908. январь. Т. 13. С. 1–21; Мельгуновский клад 1763 года // МАР. 1911. Вып. 31; Два серебряных ритона из коллекции Имп. Эрмитажа // ПРОПЕМПТНРИА. Сб. в честь Э.Р. фон Штерна. Одесса, 1912. С. 167–178.

³⁴ Новые кавказские клады // МАР. 1914. Вып. 34. С. 94–110. См. также: Ungern-Sternberg J. von Wissenschaft und Zeitgeschichte: die Briefe Ernst von Sterns an Eduard Meyer (1894–1918) // Philologia Classica. 2016. Vol. 11. Fasc. 1. S. 121.

³⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 402. Л. 60 (Протокол Годового общего собрания имп. РАО от 5 мая 1901 г.).

³⁶ Отчет о состоянии и деятельности Санкт-Петербургского университета за 1901 г. СПб., 1902. С. 74; РА ГЭ. Ф. 1. Оп. IX. Д. 33. Л. 4

III том до издания: «Что описание монет, керамических надписей и graffiti, по примеру прежних лет, попадет ad acta, с этим мирюсь: я не эгоист и утешаюсь тем, что наши дети дождутся описания даже амфорных ручек и горл Е.М. Придика»³⁷. Столь же резко и ехидно высказывались С.А. Жебелев и М.И. Ростовцев³⁸.

В 1917 г. вышел в свет «Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания» (Пг.: типография Российской Академии наук, 1917). В рецензии Г.Г. Гельда отмечается «огромное трудолюбие автора» и «образцовая тщательность» издателя³⁹. Гораздо более содержателен отзыв Х. фон Герtringена, который дополняет «инвентарный» каталог Придика комментарием к встречающимся в клеймах именам⁴⁰. Реакция С.А. Жебелева и С. Рейнака была схожей: они отмечали, что Придик не выполнил своего обещания издать корпус найденных в России керамических клейм и что потребовавшая больших трудов роскошная публикация 1500 экземпляров эрмитажного собрания вряд ли может являться заменой этого корпуса⁴¹.

В послереволюционные годы Придик по-прежнему совмещал работу в Эрмитаже и преподавание. До 1919 г. он оставался приват-доцентом кафедры греческой словесности историко-филологического факультета Петроградского Университета. Затем, когда в 1919 г. в Петроградском университете был учрежден единый факультет общественных наук (ФОН), Е.М. Придик, который после отмены должности приват-доцента числился преподавателем I Петроградского университета, стал профессором филологического отделения ФОН по кафедре греко-римской филологии⁴². Из его университетской личной карточки нам известно, что на факультете общественных наук он преподавал на литературно-художественном и общественно-педагогическом отделениях и, кроме того, читал лекции в преобразованном из Историко-филологического института Педагогическом институте при Петроградском университете⁴³. Из представленного в РАИМК в 1920 г. отчета следует, что в 1920–1921 учебном году он еженедельно читал в Петроградском университете «восемь лекций по Эсхилу, по греческой метрике, вел практические занятия по греческой стилистике и греческому синтаксису (перевод Цезаря, *De bello Gallico* I[iber] IV, с латинского на греческий и переводы на греческий легких

³⁷ НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41. Л. 103 об.

³⁸ Жебелев С.А. Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 1: История археологического знания. С. 99, прим. 2; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 175; Тункина И.В. В. В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999. С. 191. В первоначальном варианте рукописи очерка истории РАО С.А. Жебелева сохранилось впоследствии вычеркнутое им замечание о том, что «признаться, у нас нет надежды, что этот запоздалый третий том когда-либо появится в обработке, по крайней мере, того лица, которому Общество неосторожно поручило его обработку» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 453. Л. 77 об. — 78 об.; Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования (1897–1921). Исторический очерк / Тункина И.В. (сост. и отв.ред.). М., 2017. С. 74–75.

³⁹ Гермес. Т. 23. 1918. авг. — дек. С. 146.

⁴⁰ Berliner Philologische Wochenschrift. B-d 43. 1918. S. 1020–1022.

⁴¹ Revue Archeologique, 5e série. Vol. 17. 1923. P. 198; Жебелев С.А. Ук. соч. С. 75; Тункина И.В. В. В. Латышев: жизнь и ученые труды // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 190–191.

⁴² ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 132. Л. 43–45, 51.

⁴³ Архив СПбГУ. Ф. 1, личная карточка № 974.

русских текстов)⁴⁴, по греческим лирикам, по истории греческой литературы и т. п.»⁴⁵.

В 1924 г. Придик был уволен из Университета (в 1925–1929 г. он был сверхштатным профессором археологического отделения и вел занятия по античной и восточной нумизматике) и одновременно из Annenschule, где он начиная с 1914 г. преподавал древние языки и был членом ученого совета гимназии. Причины увольнения из Университета не вполне ясны, так как его университетское личное дело, по-видимому, не сохранилось, а в хранящейся в университетском архиве личной карточке 1920-х гг. отмечен только факт окончания работы.

Не проясняет обстоятельств увольнения из Университета и глухое упоминание об этом в его письме к С.А. Жебелеву от 9 ноября 1928 г.:

«Дорогой Сергей Александрович!

Спасибо Вам за Ваше любезное приветствие ко дню празднования 30-летия моей службы в Эрмитаже и за Ваше милое письмо. Я очень жалею, что Вы лично не могли присутствовать на торжестве. Оно носило такой интимный, семейный характер, во всех сердечных и искренних приветствиях звучало столько любви и благодарности со стороны моих коллег, что я вынес впечатление, что я не даром жил и не даром поработал. Из всех частей России и из заграницы я получил более сорока адресов, приветствий и писем от таких светил, как Виламовитц, Виганд, Гиллер, Гиль, Реглинг, Геблер и др., что я был действительно счастлив. Грустным для меня было только одно, что Университет, в котором я преподавал 25 лет, не счел нужным участвовать в приветствии, но другого отношения я и не мог ожидать.

Вы в своем письме коснулись раны, давно зажившей и зарубцевавшейся. Я Вас раньше всегда считал своим другом, был у Вас и даже несколько раз гостил у Вас на даче. Вы, стало быть, поймете, как тяжело было для меня увидеть Вас в рядах своих врагов⁴⁶ и участником той травли, начавшейся против меня после отъезда дорогого Михаила Ивановича, изгнание из Эрмитажа, лишение меня любимой моей кафедры греческого языка в Университете, сокращение в Академии истории мат[ериальной] культуры, где я больше поработал, чем многие другие, и продолжаю работать и до сих пор безвозмездно, свято сдерживая данное покойному В.В. Латышеву обещание. Я безропотно, мужественно переносил эти обиды, хотя наедине плакал как ребенок. Вы можете быть уверены, что я Вас давно простил и что я верю в искренность Ваших слов, в которых многие, слышавшие Ваше письмо, сомневались. Не мое дело судить о моих за-

⁴⁴ По сообщению А.К. Гаврилова, об этих занятиях рассказывал Я.М. Боровский — *Гаврилов А.К. Наследие Я.М. Боровского // Боровский Я.М. Opera philologica. СПб., 2009. С. 569.*

⁴⁵ РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1–1920. Д. 42. Л. 16, 16 об. (Отчет о деятельности члена разряда древностей греческих колоний юга России РАИМК Е.М. Придика в 1920 г.).

⁴⁶ Одной из причин вражды могла быть неудивительная для прибалтийского немца прогерманская настроенность Е.М. Придика. Как свидетельствует яркий рассказ М.И. Максимовой об обстановке в Отделении древностей во время I Мировой войны, в дни поражений русской армии осенью 1914 г. Придик со словами «Сейчас у нас победа!» двигал вперед германские флажки на карте военных действий (*Максимова М.И. «О враждебном отношении между С. А. Жебелевым и “русскими немцами” из Отдела Древностей Эрмитажа» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 148–159; Виноградов Ю.А. М.И. Максимова. Путь русско-го ученого // ЗИИМК. 2016. № 14. С. 12).*

слугах, я честно работал и буду работать на пользу науки, пока Бог дает мне силы, всегда готовый помогать всем, кто нуждается в моей помощи. И я был бы очень рад, если бы и Вы в искренность моих слов поверили. Еще раз искренне Вам спасибо.

Искренне преданный Вам Евг[ений] Придик»⁴⁷.

Хранителем Отделения древностей Эрмитажа Придик оставался до конца 1918 г., когда в ходе послереволюционной реорганизации его сменил О.Ф. Вальдгауэр. 11 ноября 1918 г. Придик оставил должность хранителя, но по распоряжению нового директора Эрмитажа С.Н. Троицкого продолжал ходить на службу. 18 декабря он был избран (по рекомендации О.Ф. Вальдгауэра) специальным ассистентом по эпиграфике отделения археологии России, а в начале января 1919 г. возвращается в отдел нумизматики и глиптики в качестве хранителя античных монет.

Тогда же, в январе 1919 г., он попросил выплатить ему денежное содержание за время с ноября по декабрь, когда он продолжал работу, не будучи в штате. На этом прошении есть замечательная в своем роде, учитывая тогдашний голод в Петрограде, резолюция комиссара Эрмитажа Н.Н. Пунина: «Считаю, что самый факт не избрания является достаточным для того, чтобы полагать неизбранное лицо отчисленным, во всяком случае, если такого приказа не было, могу его написать. Ни государственные учреждения, ни комиссар никогда не будут препятствовать тому, чтобы лица, добровольно желающие принести свой труд, были бы в состоянии это сделать. Прошу по данному делу заключения директора или Совета. Пунин. 28 февраля 1919 г.»⁴⁸.

В 1920 г., судя по отчету о работе в РАИМК, Придик «временно работал в Чрезвычайной комиссии (Гороховая 2) по поручению Совета Эрмитажа», где им были «отобраны для Эрмитажной коллекции около 500 монет, по большей части древних и около 200 денежных знаков»⁴⁹.

В 1922 г. Эрмитажу пришлось ходатайствовать перед Петросоветом, чтобы его вместе с семьей не выслали из страны. В сохранившейся в его личном деле копии обращения в управление Петросовета от 24 апреля 1922 г. С.Н. Троицкий просит «удовлетворить ходатайство хранителя Государственного Эрмитажа Е.М. Придика о разрешении ему остаться в республике. Означенное ходатайство объясняется полной незаменимостью означенного лица для Государственного Эрмитажа. Е.М. Придик является по своей специальности, как знаток античной нумизматики, единственным представителем этой научной дисциплины в Петрограде, и его отъезд неминуемо должен отразиться на работе музея, ставя его в тяжелое положение»⁵⁰.

Некоторое время спустя Эрмитаж поручился за лояльность Придика к РСФСР:

⁴⁷ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 99.

⁴⁸ РА ГЭ. Ф. 1. Д. 686. Л. 21; РА ГЭ. Ф. 1. Д. 64. Оп. 5. Л. 2, 176 (Протоколы заседаний Совета Эрмитажа, год 1919). Е.М. Придик был среди тех ученых, которым М.И. и С.М. Ростовцевы в 1922 г. посылали продовольственные посылки (см. датирующееся весной 1922 г. письмо С.М. Ростовцевой Н.П. Кондакову — Бонгард-Левин Г.М., Зуев В.Ю., Кызласова И.Л., Тункина И.В. Письма М.И. и С.М. Ростовцевых Н.П. и С.Н. Кондаковым / Скифский роман. М., 1997. С. 453).

⁴⁹ РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1–1920. Д. 42. Л. 16 об.

⁵⁰ РА ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 686. Л. 225.

«1 июня 1922 г.

Поручительство

Государственный Эрмитаж дает свое поручительство в лояльности по отношению к правительству РСФСР хранителя Государственного Эрмитажа Е.М. Придика (ул. Воинова, д. 34).

Директор»⁵¹.

В 1922 г. Придик передает заведование Отделением античных монет в Эрмитаже А.Н. Зографу, но продолжает вести научную работу в отделе до 1930 г. (он занимался составлением каталога римских монет). По словам И. Г. Спасского Придик к этому времени сильно состарился и «почти ослеп»⁵².

Говоря о жизни и деятельности Е.М. Придика в 1920-е гг., следует отметить его участие в работе над *Corpus Tumulorum*⁵³. В 1925–1927 гг. он перевел на немецкий язык книгу М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор» (*Scythien und Bosphorus*. Berlin: H. Schoetz&Co, 1931. В-d 1). Правда, как заметил М.И. Ростовцев в письме Э.Х. Миннзу в декабре 1929 г., «Придик оказался никуда не годным переводчиком»⁵⁴.

К этому же времени относится сотрудничество с Б.Н. Граковым, которого он воспринимал, вероятно, как своего ученика и которому передал все свои материалы к III тому IOSPE⁵⁵.

Что касается занятий керамическими клеймами и III томом IOSPE, то в 1919 г., после многолетнего перерыва, Придик возвращается к ним вначале с 1 февр. 1919 г. в качестве временного научного сотрудника отдела древностей античных и христианских РГАК и затем, в сентябре 1919 г., после того как РГАК прекратила существование, в качестве временного научного сотрудника 1-й категории отдела древностей греческих колоний юга России РАИМК⁵⁶. И в том, и в другом случае подготовка III тома IOSPE являлась плановой темой.

В отчете за 1919 г. Придик пишет: «...мною были проверены, записаны на отдельных фишках, приведены в надлежащий порядок и проверены литературные ссылки Эрмитажного собрания, собрания Московского исторического музея, Одесского музея древностей, Керченского и Херсонесского музеев...». Придик

⁵¹ РА ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 686. Л. 226 (также копия).

⁵² Спасский И.Г. Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории // НЭ. 1970. Вып. 8. С. 189, 204. О проблемах со зрением Придик говорил еще в 1895 г. (Придик Е.М. Надписи из Фессалии // ИРАИК. 1895. Т. I. С. 122). Об испорченном из-за постоянного взглядывания в надписи зрении упоминал и В.В. Латышев.

⁵³ Зуев В.Ю. Судьба эрмитажника: Г.И. Боровка (1894–1941) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского: Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 29.

⁵⁴ Бонгард-Левин Г.М. М.И. Ростовцев и Э.Х. Миннз: От Скифии до Китая и Японии // Скифский роман. М., 1997. С. 316–317.

⁵⁵ Павличенко Н.А. Российская эпиграфика после Латышева (1921–1941). I. Керамические клейма // АВ. 2020. Вып. 30. С. 304–305. Б.Н. Граков познакомился с Е.М. Придиком в 1924 г., когда, будучи аспирантом РАНИОН, он приехал в Ленинград для знакомства с коллекциями керамических клейм.

⁵⁶ В этом разряде было всего два сотрудника — В.В. Латышев и Е.М. Придик (Виноградов Ю.А. Отдел истории античной культуры / Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 160–161). РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 538. Л. 1; Ф. 2. Оп. 1. 1919. Д. 4 (6). Л. 26 об. (Журнал заседаний Совета РАИМК: 12 заседание от 18 сентября 1919 г., §108). Отзыв «о желательности оставления Е.М. Придика временным научным сотрудником Академии истории материальной культуры» дал В.В. Латышев (17 сент. 1919 г.). Он писал, что только один Придик владеет «этим громадным материалом» (имеются в виду южнорусские керамические клейма), но желательно, чтобы «Е.М. по возможности менее отвлекался ... другими занятиями» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 537. Л. 7–7 об.)

жалуется, что не смог просмотреть частные собрания Н.Ф. Романченко и Н.П. Лихачева, так как они находятся в нетопленных помещениях⁵⁷. Впрочем, как написал в отчете за 1919 г. тогдашний руководитель разряда древностей греческих колоний юга России РАИМК В.В. Латышев, «работы настолько продвинуты, что в ближайшем будущем можно было бы приступить и к печатанию III тома»⁵⁸.

В 1920 г. им была обработана коллекция Н.Ф. Романченко и Н.П. Лихачева, кроме того, Придик отдельно отмечает работу по подготовке к изданию родосских клейм. По его словам, им также «исследовались разные вопросы относительно происхождения амфор с именами астиномов», для чего «был проработан весь нумизматический материал северного побережья Малой Азии...»⁵⁹. Результатом этих исследований стали две опубликованных впоследствии статьи — о родосских клеймах и о клеймах с именами астиномов⁶⁰.

В отчете за 1921 г. Придик пишет о продолжении работы по подготовке III тома IOSPE и «исследовании вопроса о местности, в которой выделялись амфоры с именами астиномов»⁶¹. В конце этого года, после смерти сменившего Латышева на посту руководителя разряда А.В. Никитского, разряд был расформирован, а Придику, вероятно, из-за сокращения штатов РАИМК «было предложено перейти на сдельную работу»⁶².

В феврале 1923 г. Совет II отделения РАИМК потребовал у него объяснений о степени готовности III тома IOSPE. В протоколе заседания Совета от 23 марта 1923 г. отмечено, что Придик дал «исчерпывающие объяснения» о подготовке III тома и обещает закончить его к концу года⁶³. В делах РАИМК сохранился отчет Придика:

«В Совет II отделения Академии истории материальной культуры

В ответ на отношение Академии истории материальной культуры от 5 февраля с. г. имею честь довести до сведения Отделения, что мною почти окончена обработка к печати клейм на родосских амфорных ручках. Обработаны все клейма с именами эпонимных чиновников, всего около 1630 фишек, и около 400 фишек клейм с именами фабрикантов (до буквы Z): остающиеся клейма с именами фабрикантов будут обработаны до конца февраля или начала марта. Если Отделению угодно немедленно приступить к печатанию, не дожидаясь обработки последних ручек с именами фабрикантов, я могу теперь же написать введение к родосским ручкам

⁵⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1919. Д. 14. Л. 19–19 об.

⁵⁸ Там же. Л. 11 об. (Отчет работы разряда древностей греческих колоний юга России ГАИМК), 19–19 об.

⁵⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. 1920. Д. 42. Л. 15–16 об.

⁶⁰ *Pridik E. Zu den rhodischen Amphorenstempeln // Klio. 1926. Bd. 20. S. 303–331; Pridik E. Die Astynomenamen auf Amphoren und Ziegelstempeln aus Südrussland // Sonderabdruck aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Kl. Berlin, 1928. Bd. 24. S. 1–41; см. также: Павличенко Н.А. Российская эпиграфика после Латышева (1921–1941). I. Керамические клейма // АВ. 2020. Вып. 30. С. 303–304.*

⁶¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1921. Д. 15. Л. 4–5; Ф. 2. Оп. 1. 1921. Д. 4. Л. 7, 18 (Отчет Российской академии истории материальной культуры за первое полугодие 1921 г.); Л. 39 (Отчет российской академии истории материальной культуры за второе полугодие 1921 г.).

⁶² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1921. Д. 5. Л. 96 (Журнал заседаний правления РАИМК: 40 заседание от 5 ноября 1921 г., § 729); см. также: Ф. 2. Оп. 1. 1921. Д. 5. Л. 92 (Журнал заседаний правления РАИМК: 38 заседание от 31 октября 1921 г., § 694 — о предложении сократить личный состав Академии на 50 %).

⁶³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1923. Д. 11. Л. 5.

и представить фишки. Так как печатание этого материала займет, вероятно, несколько месяцев, я успею подготовить к печати и остальные отделы, так как работа теперь только состоит в сводке всех собранных мною сведений и материалов на отдельные фишки; остальное все уже сделано. Родосские клейма составляют приблизительно 1/3 всего материала для III тома, свыше 4000 надписей. К концу сего года я надеюсь сдать Академии всю работу. Глаза мои, слава Богу, теперь настолько окрепли, что мне без ущерба для здоровья возможно заниматься до поздней ночи, и я рад, что наконец могу закончить работу, порученную мне покойным В.В. Латышевым, которая по многим причинам оставалась неоконченной в течение 25 лет.

Материалов я не представляю, так как ящик слишком большой, но Отделение в любое время может проверить исполненную мною работу в моей квартире, Шпалерная 34, кв. 25.

16/II 1923. Евг. Придик»⁶⁴.

Хранящаяся в РО НА ИИМК картотека Е.М. Придика (раздел, включающий родосские клейма, стоит в ней первым) действительно демонстрирует высокую степень готовности материала к печати. Чтение клейм дано минускулами, но часто дополняется также рисунком маюскулами. Указываются место постановки клейма, место и год находки, место хранения, издания и аналогии. Как и в остальных томах IOSPE, язык лемм — латинский. Помимо карточек («фишек»), написанных рукой Придика, в ней присутствуют и листки со штампами, скопированными В.М. Сыроевым в Кишиневе в частном музее И.К. Суручана⁶⁵.

Придик продолжал пополнять рукопись III тома вплоть до начала 1930-х гг. Так, С.С. Дложевский, возглавивший после смерти Б. В. Фармаковского Ольвийскую экспедицию, указывал в статье о клеймах из раскопок Ольвии 1926 г., что по просьбе Е.М. Придика Одесский историко-археологический музей посылал ему эти клейма и что Придик намеревался включить их в рукопись III тома IOSPE⁶⁶.

Последняя его статья, опубликованная посмертно и законченная Б.Н. Граковым, вводила в научный оборот амфорные и черепичные клейма, обнаруженные при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1933–1934 гг.⁶⁷

После увольнения из Эрмитажа положение семьи Придика, очевидно, было плачевным. В период с января по апрель 1934 г., то есть за год до смерти, он был вынужден передать в ГАИМК материалы для III тома IOSPE и права на его публикацию. В письме к В.Ф. Кипарисову Придик писал:

«15 апреля 1934 г.

Глубокоуважаемый Федор Васильевич

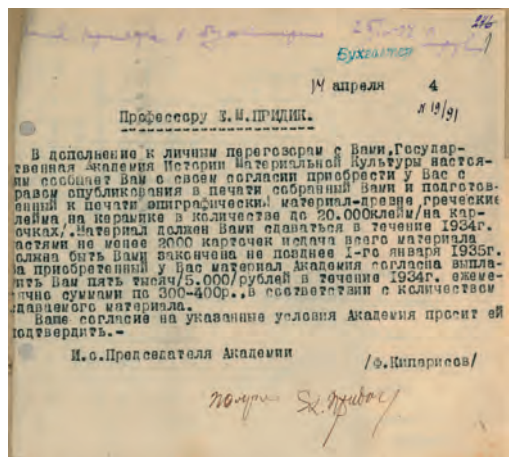
В ответ на отношение Государственной Академии Истории материальной культуры от 14 апреля за № 19/91 спешу известить Вас, что я охотно готов уступить Академии весь собранный мною и обработанный для издания в III томе *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini: inscriptions in varia supellectili* эпиграфический

⁶⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1923. Д. 11. Л. 2–2 об.

⁶⁵ Там же. Ф. 33. Д. 28. Л. 211, 212, 214 (Синопа); Д. 38. Л. 37 (Гераклея Понтийская).

⁶⁶ Дложевський С.С. Афорні ручки з клейнами ольвійських розкопів р. 1926 // Записки Всеукраїнського Археологічного комітету. 1930 [обл. 1931]. Т. I. Киев. С. 114, прим. 1.

⁶⁷ Придик Е.М. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932–1934 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 173–193.

Письмо Ф.В. Кипарисова Е.М. Придику
о покупке у него картотеки III тома IOSPE.
14 апр. 1934 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2.
1934. Д. 107. Л. 1)

материал и вполне согласен на изложенные в отношении условия, то есть сдачу всего материала в течение 1934 года и уплату 5000 рублей в течение 1934 г. ежемесячными частями.

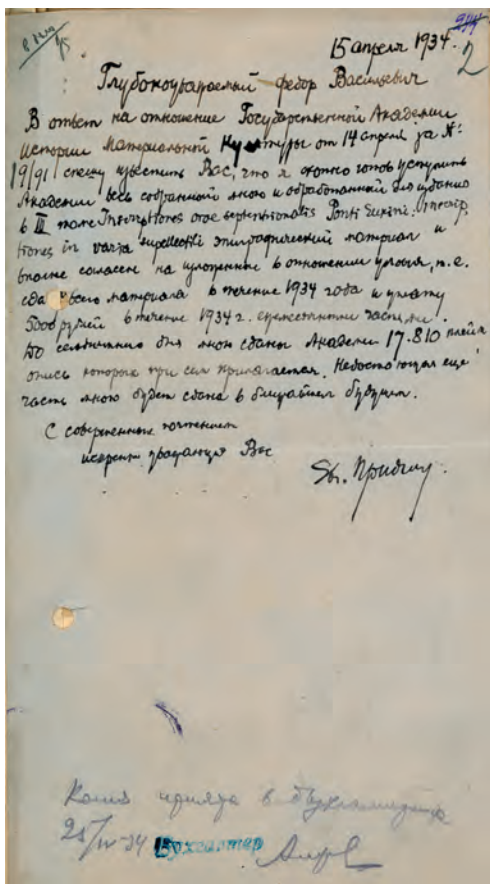
До сегодняшнего дня мною сданы Академии 17810 клейм, опись которых при сем прилагается. Недостающая еще часть мною будет сдана в ближайшем будущем.

С совершенным почтением искренне уважающий Вас

Евг. Придик».

В сдаточной описи от 15 апреля 1934 г. числятся: 6330 родосских, 2252 фасосских, 5780 «астиномных синопских», 1301 «астиномных херсонесских», 400 книдских клейм, 1692 incertorum locorum, а также 4 экз. — Амастрия, 1 экз. — Аморгос, 11 экз. — Икос, 11 экз. — Парос, 1 экз. — Самос, 1 экз. — Колофон, 2 экз. — Эфес, 1 экз. — ἔξ Ἀχιλλῆου; 22 экз. — ἔξ Ἐριτρίας; 22 экз. — латинские. Всего им было сдано 17 810 карточек с клеймами. После смерти его вдова передала еще 1794 карточки⁶⁸.

Чем бы ни была вызвана передача этих материалов, благодаря тому что картотека III тома оказалась в ГАИМК, она не пропала в блокаду после смерти жены и дочери вместе с остальным архивом Е.М. Придика.

Ответное письмо Е.М. Придика
Ф.В. Кипарисову о согласии уступить
ГАИМК картотеку III тома IOSPE.
15 апр. 1934 г. (РО НА ИИМК РАН.
Ф. 2. 1934. Д. 107. Л. 2)

⁶⁸ Дело о приобретении от Е.М. Придика его картотеки по эпиграфике юга СССР (Начато 14.04.1934 г. — кончено 29.05.1936 г.) // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1934). Д. 107. Л. 1–4; Л. 2 — письмо Е.М. Придика Ф.В. Кипарисову; Ф. 33, дело фонда.

Иван Федорович Чистяков (1865–1935)

М.В. Медведева

Исторический снимок, запечатлевший основателей Академии истории материальной культуры, исполнен фотографом Иваном Федоровичем Чистяковым¹. Хотя он и находился по другую сторону объектива, об этом замечательном мастере фотографии следует поведать особо. Скромная и, казалось бы, невидимая работа И.Ф. Чистякова и сложившийся в итоге фотографический архив оказались для российской археологии не менее важны и значимы, чем научное наследие наших выдающихся предшественников археологов. Возможно, не всем хорошо знакомо его имя, но фотографии И.Ф. Чистякова знает каждый, кто хоть раз открывал издания Императорской археологической комиссии. Именно его умение великолепно передать снимаемый объект в фотографии дает нам сейчас возможность увидеть глазами исследователей конца XIX — начала XX в. уникальные древние находки, музейные коллекции, несохранившиеся археологические и архитектурные памятники. Вклад И.Ф. Чистякова в российскую археологию бесценен, фактически он долгие годы оставался фотолетописцем Императорской археологической комиссии и визуализировал главные достижения ведущего археологического учреждения Российской империи. Все клады и случайные находки, проходившие через руки специалистов ИАК, так же как и древности, добытые экспедициями самой Комиссии, тщательно фиксировались И.Ф. Чистяковым в специальной студии в Эрмитаже. Раскопки в Ольвии, реставрационные работы в Ипатьевском монастыре и в церкви Спаса на Нередице, архитектурные обследования памятников Средней Азии Н.И. Веселовского, изучение И.А. Шляпкиным древних надписей Софийского собора в Новгороде, подготовка иллюстраций к изданию Я.И. Смирнова «Восточное серебро»² — вот далеко не полный список проектов, в которых принимал участие И.Ф. Чистяков.

¹ Длужневская Г.В. Из истории одной фотографии // Культурное наследие Российского государства. Вып. IV. СПб., 2003. С. 236–244.

² Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909.

И.Ф. Чистяков в студии в Эрмитаже за работой, 1910-е гг.

Чтобы по праву оценить значение деятельности фотографа Чистякова, прежде всего стоит сказать несколько общих слов об эволюции применения фотографии в российской археологии. Сегодня фотодокументация занимает первостепенное место в полевых и кабинетных археологических изысканиях, однако так было не всегда. К моменту создания Императорской археологической комиссии фотография уже была изобретена, но еще не получила широкого применения в научных исследованиях. Археологи быстро оценили все достоинства перспективного нового способа документации: объективность, точность, быстрота фиксации. В Императорской археологической комиссии с момента ее создания сотрудники начали собирать фотографии по различным историческим дисциплинам, прежде всего, это были снимки археологических находок, кладов монет, архитектуры. Отчеты ИАК о раскопках на юге России с начала 1860-х гг. сопровождались фотоснимками, но изображения оставались статичны. В основном на них сняты археологические находки, и только редкие кадры отражают полевые исследования³. Тому были вполне объективные

причины: возможности фотосъемки ограничивались технической и финансовой стороной вопроса. Дорогостоящее оборудование, громоздкие фотоаппараты, хрупкие стеклянные пластины для получения негативных изображений, зависимость от погоды, сложность транспортировки делали фотографирование в полевых условиях практически невозможным. Благодаря техническому прогрессу фотографические процессы и фотографическая техника стремительно развивались и к концу 1880-х гг. претерпели значительные усовершенствования. Мобильная фотосъемка во время путешествий и экспедиций стала более доступной, особенно благодаря появлению «сухих» негативов и компактных фотоаппаратов. И в это время в археологической фотографии наблюдается качественный поворот — начинается эпоха массового накопления фотоматериалов. Резко возрастает количество ландшафтных видов памятников, фотографий во время процесса исследова-

³ Медведева М.В. Светопись боспорской археологии в XIX — начале XX в. (к истории формирования фотоколлекций по изучению античной живописи на юге России в собрании Научного архива ИИМК РАН) // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. СПб., 2017. С. 56–66.

ний, становится возможным сделать снимки внутри плохо освещенных изучаемых объектов. Тогда же появляются и собственные фотографии у Императорской археологической комиссии.

Съемка археологических находок до 1891 г. осуществлялась на дому фотографом М. Романовичем, с 1891 по 1895 гг. членом ИАК В.Г. Дружининым⁴. Негативы хранились у фотографов, снимки — в помещениях Археологической комиссии⁵. Дальнейшая организация фотографического дела в Императорской археологической комиссии была связана с деятельностью И.Ф. Чистякова. Он был выходцем из «простого народа». Родился 5 ноября 1865 г. в крестьянской семье в д. Константиновской, Бежецкого уезда, Тверской губернии, закончил там начальную сельскую школу (2 класса). В 1886 г. И.Ф. Чистяков приехал в Петербург, где по отбытию воинской повинности, 1 сентября 1890 г. устроился работать сторожем в Археологическую комиссию «по вольному найму». Он быстро научился фотографированию, и с 1896 г. по 1934 г. являлся бессменным фотографом Императорской Археологической Комиссии, а после революции — ее преемницы Академии истории материальной культуры.

В Комиссию он пришел в чине отставного унтер-офицера с хорошими рекомендациями от своего батальонного командира: «унтер-офицер 10 роты 145 Новочеркасского полка» Иван Чистяков состоял на действительной службе «с 1 января 1887 г. по 20 августа 1890 г., в течение этого времени поведения был отличного, все возлагаемые на него служебные обязанности исполнял с усердием и в полной исправности», был награжден «металлическим знаком за отличную стрельбу»⁶.

Делопроизводитель Комиссии И.А. Суслов в 1890 г. сообщал в полицейское ведомство Зимнего дворца: «...запасной унтер-офицер Иван Чистяков, увольнительный билет и временный вид которого своевременно представлен в Вашу Канцелярию, действительно, определен на службу в Комиссию по вольному найму, с возложением на него обязанностей сторожа»⁷.

Квартиры сторожей ИАК располагались в подвалах под основными помещениями Комиссии на углу между Невой и Зимней канавкой. Фотомастерская И.Ф. Чистякова, по всей видимости, находилась в той же части Эрмитажа. Условия проживания в подвальных помещениях были не очень хорошими. В 1913 г. врач Дворцового Управления писал в рапорте: «...семья сторожа Археологической Комиссии Чистякова, проживающая в подвальном помещении, находится в крайне неудовлетворительных условиях, в санитарно-гигиеническом отношении, а именно: на 9 человек живущих, из коих взрослых шестеро, приходится 4 ¼ кубических сажень воздуха.... В результате такого антигигиенического помещения этой семьи являются постоянные заболевания членов ея, наблюдаемые мною именно с 1911 г. по настоящее время наблюдалось 53 заболевания, ... такой частоты заболеваний не наблюдалось ни в одной семье, из проживающих в первом округе, и самый характер заболеваний — простудные, нервные и болезни кроветворения, указывают,

⁴ Длужневская Г.В. Фотографы Императорской Археологической комиссии // АВ. 2007. Вып. 14. С. 245–258.

⁵ Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М., 1979.

⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894. Д. 12. Л. 7 об., 48.

⁷ Там же. Ф. 1. 189. Д. 4. Л. 49–50.

что причиной их служат дурные гигиенические условия»⁸. В этот момент как раз намечалось переустройство подвальных помещений под нужды Комиссии, и после такого рапорта семье И.Ф. Чистякова была предоставлена другая, более обширная и сухая квартира⁹, даже несмотря на то, что Комиссия испытывала серьезный кризис рабочих площадей и изначально эти комнаты по плану председателя ИАК предполагались совсем для других целей. Забота об улучшении качества жизни сотрудников оказалась важнее, о чем А.А. Бобринский сообщал в своем рапорте в Дворцовое ведомство: «...не встречаю препятствий к расширению квартиры сторожей Императорской археологической комиссии за счет отведенного Археологической комиссии подвала, но при этом, считаю долгом заметить, что необходимость, ощущаемая Комиссией в каком-либо свободном помещении для разбора ежедневно поступающих к Комиссию из разных мест Империи предметов старины остается совершенно неудовлетворительной. Между тем, если бы Дворцовое управление сооблаговолит командировать кого-либо в помещение, занимаемое Комиссией, то оно несомненно убедилось бы насколько неудовлетворителен ныне существующий способ хранения большого числа ящиков и посылок с древностями; посылки эти ныне хранятся на лестнице, выходящей на зимнюю канавку, и представляют большое нагромождение деревянных ящиков, являющихся даже не совсем безопасным на случай — чего Боже упаси — пожара.

Однако Комиссии приходится мириться с таким нежелательным положением вещей, ввиду невозможности подыскать необходимое ей свободное помещение. Эта теснота и послужила поводом для ходатайства об отводе в распоряжение Комиссии подвалов нижнего этажа. При назначении же ныне этих помещений на расширение квартиры сторожей, Комиссия вынуждена вновь усерднейше ходатайствовать, не признано ли будет возможным уделить ей где-либо какую-нибудь большую комнату для разбора древностей»¹⁰.

И.Ф. Чистяков все время своей службы в Комиссии числился официально сторожем, но уже с середины 1890-х гг. на него возлагаются все обязанности фотографа Императорской археологической комиссии. И, вне всякого сомнения, с этой миссией он справлялся превосходно. Практику фотофиксации поступающих в ИАК находок ввел В.Г. Дружинин, он же научил фотографированию сторожа Чистякова¹¹, проявившего к этому большой интерес. К 1895 г. И.Ф. Чистяков уже вполне профессионально овладел техникой фотосъемки, и ему поручались фотоработы в процессе всех последующих крупнейших работ ИАК по изучению археологических и архитектурных памятников России. В результате деятельности И.Ф. Чистякова сложилась окончательная система подробного фотодокументиро-

⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1913. Д. 6 а. Л. 5–5 об.

⁹ *Медведева М.В.* Иван Федорович Чистяков (1865–1935): к 150-летию со дня рождения // АВ. 2015. Вып. 21. С. 432–438.

¹⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1913. Д. 6а. Л. 7–7 об.

¹¹ В.Г. Дружинин довольно язвительно вспоминал в своих мемуарах И.Ф. Чистякова: «В Эрмитаже не было фотографии и все, кому были нужны снимки с предметов, хранящихся в Эрмитаже, обращались к Чистякову, а он хорошо на этом зарабатывал. Чистякова как фотографа взял с собой Н.И. Веселовский, когда поехал в Ташкент описывать мечети, и поручил ему съемку мечетей. Чистяков составил альбомы снимков и продавал их по 300–400 рублей» (см.: *Гайдуков П.Г.* «Воспоминания» В.Г. Дружинина как источник по истории Императорской Археологической комиссии // РА. 2010. № 4. С. 136–142).

вания архитектурно-реставрационных исследований ИАК и всех, без исключения, древностей, проходивших через руки специалистов Комиссии. Он постоянно ездил вместе с сотрудниками ИАК (Н.И. Веселовским, П.П. Покрышкиным, К.К. Романовым, Б.В. Фармаковским, Д.В. Милеевым и др.) в научные командировки для производства фотосъемки, занимался фотографированием вещей из раскопок, кладов и случайных находок, готовил фотоизображения для воспроизведения в изданиях. Большая часть снимков древностей, хранящаяся в фонде ИАК, была запечатлена в 1896–1918 гг. фотографом ИАК И.Ф. Чистяковым в специально организованной фотолаборатории¹². Он мог снять в равной степени прекрасно как памятники монументальной архитектуры и фресковой живописи, так и предметы мелкой пластики, умело передавая при этом структуру материала.

Заслуги И.Ф. Чистякова в фотографическом деле неоднократно были отмечены Археологической комиссией. Несколько раз он раз награждался по личному представлению А.А. Бобринского в Кабинет его императорского величества. Во всех ходатайствах председатель ИАК непременно сообщал, что «независимо от лежащих на Чистякове обязанностей сторожа Комиссии, исполняемых им при отличной нравственности, с примерным трудолюбием, расторопностью и точностью, на него возложено фотографирование всех древних вещей, поступающих в Комиссию и представляемых на высочайшее воззрение, а также планов и чертежей, относящихся к реставрациям памятников зодчества.

Поручение это, выполняемое Чистяковым с полным знанием дела, служит к значительному сокращению кредита, отпускаемого Комиссии на этот предмет и к немедленному изготовлению фотографических снимков»¹³.

В 1898 г. И.Ф. Чистяков занимался фотосъемкой в Средней Азии в экспедиции под руководством Н.И. Веселовского и исполнил серию крупноформатных снимков отличного качества. Фотографии и негативы, сделанные во время поездки И.Ф. Чистяковым, сохранились в архиве ИАК¹⁴. Высоко оценивая труды фотографа, А.А. Бобринский в 1899 г. представил И.Ф. Чистякова к «золотой медали для ношения на шее на Станиславской ленте» «...за выдающуюся заслугу по исполнению возложенного ... на него в 1898 году поручения, сопряженного с командировкой его в Самарканде, для снятия фотографических снимков с древних, большей частью ныне разрушающихся, мечетей и других замечательных в архитектурном отношении зданий». Он указывал: «С фотографических работ Чистякова, иногда и не безопасных, благодаря высоте и ветхости зданий, изготавливаются цинкографические клише для печатных Отчетов Комиссии, а равно и для предложенного к изданию Описания древних Самаркандских памятников зодчества. Вообще, как отличный фотограф, Чистяков оказывается крайне полезным же Археологической Комиссии»¹⁵.

¹² Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб., 2011. С. 35.

¹³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894. Д. 12. Л. 47 об.

¹⁴ Длужневская Г.В., Кирчо Л.Б. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Средней Азии // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 2 / науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. СПб., 2019. С. 1070.

¹⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894. Д. 12. Л. 17 об.

В 1904 г. А.А. Бобринский ходатайствовал о награждении И.Ф. Чистякова «золотой медалью для ношения на шее на Анненской ленте» за «выдающуюся заслугу» по исполнению в 1903 г. снимков с фресковых росписей церкви Спаса на Нередице близ Новгорода¹⁶. Уникальная возможность сделать фотографии всех без исключения фресковых изображений храма появилась при производстве грандиозных реставрационных работ под наблюдением члена ИАК архитектора П.П. Покрышкина, когда внутри Спасо-Нередицкой церкви были возведены леса и разобран иконостас. П.П. Покрышкин был хорошо осведомлен о фотографическом таланте И.Ф. Чистякова и постоянно брал его с собой в свои научные поездки. В этот раз сразу в начале работ он просил Комиссию немедленно прислать в Новгород сторожа-фотографа И.Ф. Чистякова для фотофиксации: «Чистяков должен взять с собой все принадлежности для проявления, большой “самаркандский” фотоаппарат, растворы, ванны, фонарь, пластинки. Для большого аппарата потребуется дюжин 5 и столько же размером 18 × 24 см. Все пластины должны быть высшей чувствительности и половина из них противуреольная. Требуется также прибор для снятия при свете магния»¹⁷. Название «самаркандский» возникло не случайно. Когда П.П. Покрышкин работал в Самарканде в составе экспедиции Н.И. Веселовского по обследованию памятников древней архитектуры Самарканда, фотофиксацией занимался И.Ф. Чистяков, используя именно этот фотоаппарат. Подобный аппарат, в отличие от других, позволял производить качественные крупноформатные снимки, но при этом для съемки на нем требовались стеклянные пластины размером 24 × 30 см, хрупкие и тяжелые, что делало процесс фотографирования весьма трудоемким.

В результате работ И.Ф. Чистякова в архив ИАК поступило несколько сотен фотоизображений фресковой росписи церкви Спаса Преображения на Нередице. Реставраторы до сих пор активно используют их в своей работе по восстановлению сильно пострадавшей в годы Второй мировой войны монументальной живописи храма. Сто шестьдесят четыре снимка вошли в альбом для «подношения на Высочайшее воззрение». 9 апреля 1904 г. император и императрица посетили годичную выставку древностей, добытых Императорской археологической комиссией, где фотограф ИАК И.Ф. Чистяков преподнес альбом фотографических снимков его работы с фресок Спасо-Нередицкой церкви¹⁸. В настоящее время эта ценная коллекция негативов И.Ф. Чистякова также хранится в архиве ИАК в собрании ИИМК РАН.

В 1910 г. фотограф сопровождал архитектурно-археологические исследования члена-корреспондента ИАК архитектора К.К. Романова в Юрьеве-Польском. По окончании работ руководитель с сожалением писал: «На днях истекает срок в три недели, на который я просил Чистякова у Комиссии; между тем съемка немного не будет закончена. Будьте так добры, сообщите, могу ли я задержать его

¹⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894. Д. 12. Л. 48.

¹⁷ Там же. Ф. 1, 1896. Д. 34. Л. 142.

¹⁸ ИИАК. 1904. Вып. 10. Прибавление. С. 2–3; Мусин А.Е., Медведева М.В. Императорская археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 2 / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. СПб., 2019. С. 1298–1304.

Церковь Спаса на Нередице после реставрации. Фото И.Ф. Чистякова, 1904 г.

у себя на несколько дней. Если Чистяков необходим Комиссии, то, быть может, Комиссия сообщит мне по телеграфу об этом»¹⁹. Эти фотоизображения, пополнившие собрание архива ИИМК РАН, до сих пор в большей части остаются неопубликованными.

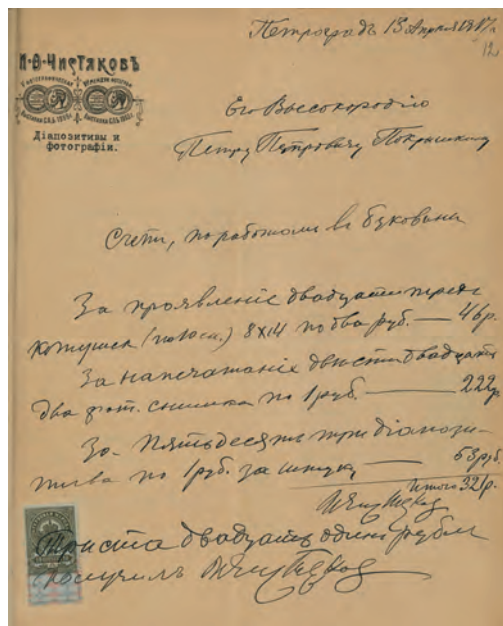
В 1913 г. И.Ф. Чистяков по представлению А.А. Бобринского приказом Министерства императорского двора за «усердную службу» был возведен в звание почетного личного гражданина²⁰. Возможно, это также было связано с его фотографическими заслугами. В 1911–1913 гг. он занимался фотосъемкой в процессе реставрационных работ в Ипатьевском монастыре под руководством архитектора Д.В. Милеева, приуроченных к подготовке празднования по случаю 300-летия царствования дома Романовых. О выборе фотографа для этих работ Д.В. Милеев в 1911 г. сообщал в письме своему наставнику П.П. Покрышкину: «Был у меня Чистяков ознакомился детально с работой, кажется очень

Церковь Спаса на Нередице. Фрески на южной стене под хорами. Князь Ярослав Всеволодович подносит Спасителю модель церкви.
Фото И.Ф. Чистякова, 1903 г.

¹⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1886. Д. 63. Ч. II. Л. 87.

²⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 12. Л. 101.

Бланк фотографа И.Ф. Чистякова, 1917 г.

хочет получить. Сейчас узнал у Председателя Местного комитета (вице-губернатора), что он хочет спросить Петербургскую Строительную Комиссию о решении кому сдать фотографирование. Заседание комиссии назначено кажется на это воскресенье (6 ноября). Пока у Чистякова конкурент московский Фишер, который хочет по 6 руб. за снимок, Чириков по 8 руб., затем Дудин за одну фресковую живопись 3000 руб. Я думаю Чистяков сделает не хуже Фишера и др. Всего фотографических снимков придется сделать не менее 1000 штук (вместе стенопись и иконы). Чистяков хочет по 3 руб. за негатив с двумя отпечатками. С своей стороны я был бы рад если дело фотографирования останется за Чистяковым»²¹.

В результате именно И.Ф. Чистяков произвел серию прекрасных фотографий реставрации Ипатьевского монастыря, которые впервые введены в научный оборот лишь недавно. Высокая квалификация И.Ф. Чистякова подтверждалась и получением наград от профессиональных фотографических организаций. В 1898 г. Совет Императорского Русского Технического Общества утвердил постановление Комиссии экспертов Пятой фотографической выставки о награждении И.Ф. Чистякова «бронзовой медалью Министерства Финансов» «за точное исполнение снимков с древних предметов»²². В 1903 г. Комиссия экспертов Международной фотографической выставки, состоявшейся в Санкт-Петербурге, «признала Чистякова достойным награждения малой серебряной медалью Министерства Земледелия и Государственных Имуществ» также за прекрасное изготовление фотоснимков древностей²³. Подобные выставки были важны для фотографов. Полученные именные медали обычно размещались на фотографических бланках ателье, что позволяло им повысить статус собственного фотографического заведения и зафиксировать свое положение среди профессионального сообщества. К 1917 г. у И.Ф. Чистякова тоже появился такой бланк, где он указал перечисленные выше фотографические награды. Участие в выставках было не бесплатным, и тут ему, видимо, тоже помогала Императорская археологическая комиссия. На выставке 1903 г. И.Ф. Чистяков представлял свои работы, сделанные для Комиссии. На них были изображены древние предметы различных эпох из разного материала: серебра, бронзы, ткани, дерева, глины, камня.

²¹ Ёлишин Д.Д., Мелюх Е.А., Ходаковский Е.В. Дмитрий Васильевич Милеев (1878–1914): Архитектурная археология и реставрация в России в начале XX века. СПб., 2015. С. 366.

²² РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 12. Л. 47 об.

²³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 12. Л. 47 об.

Херсонес. Два светильника римского времени.
Фото И.Ф. Чистякова к выставке 1903 г.

Деревянный резной крест
из Шенкурского монастыря.
Фото И.Ф. Чистякова к выставке 1903 г.

Предметы из раскопок курганов
у Зубовского хутора (Кубанская область).
Фото И.Ф. Чистякова к выставке 1903 г.

Фотографии и негативы, созданные И.Ф. Чистяковым, всегда отличались высоким качеством и точностью передачи, но не только в этом состоит ценность его коллекции. Многие дореволюционные фотографические коллекции не имеют описания, от чего сильно снижается их научная и источниковедческая значимость. Отсутствие сопроводительной документации значительно затрудняет в настоящее время их атрибуцию, и подчас требуется длительная исследовательская работа для определения места, объекта и времени съемки. И.Ф. Чистяков же с самого начала составлял подробную опись сделанным им снимкам с отметкой содержания, автора и издания, для которого они предназначались, и одновременно шифровал негативы, так что современные исследователи с легкостью могут понять, что и когда на них изображено. Таким образом фотограф создал полностью паспортизированную коллекцию и оставил нам не только тысячи хороших снимков, но тысячи документов, которые и сегодня могут быть активно использованными в исследованиях и публикациях²⁴.

В 1918 г. к моменту образования фотоархива он передал в Российскую государственную археологическую комиссию 20 315 негативов, которые легли в основу коллекции Императорской Археологической Комиссии и сформировали начальную базу для формирования всего собрания. Помимо этого, в личном фонде И. Ф. Чистякова отложились снимки, сделанные им в 1900–1918 гг., непосредственно с памятников, в том числе и детальная фиксация реставрационных работ Д. В. Милеева в Ипатьевском монастыре г. Костромы (1911–1912 гг.). Собрание передавалось в архив самим фотографом в 1919, 1924 и 1935 г. и насчитывает 1415 негативов и 1251 отпечаток²⁵.

Учитывая все вышесказанное и значительный опыт И.Ф. Чистякова, совершенно неудивительно, что именно ему было доверено запечатлеть для истории момент создания Академии истории материальной культуры в августе 1919 г.

Согласно трудовому списку И.Ф. Чистякова с 1919 г. он работал фотографом в Академии истории материальной культуры²⁶, продолжал проводить фотосъемку в ходе работы экспедиций по исследованию архитектурных и археологических памятников РАИМК-ГАИМК. Большое количество снимков и диапозитивов было сделано им к публикациям и докладам членов Академии по самой разнообразной тематике. Одной из самых заметных работ И.Ф. Чистякова этого периода стало фотографирование в 1925–1927 гг. находок из раскопок Ноин-улинского могильника знаменитой Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. По заказу Академии, в процессе подготовки вещевого комплекса памятника к публикации, фотограф сделал серию снимков, качество которых, как всегда, оказалось безупречным²⁷.

²⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2, Оп. 3. Д. 733. Л. 10.

²⁵ ФО НА ИИМК РАН. Ф. 40.

²⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 337. Л. 3 об. — 4.

²⁷ И.Ф. Чистякову принадлежит авторство большинства фотографий коллекции Монголо-Тибетской экспедиции из собрания ИИМК РАН. Издание тогда так и не вышло. Несколько снимков было опубликовано в кратком отчете экспедиции (Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П.К. Козлова. Л., 1925). Затем в монографии: *Trever K. Excavation in Northern Mongolia (1924–1925)*. Leningrad, 1932. (МАНМС. Vol. III). Интересно, что С.И. Руденко в 1950-е гг. в процессе подготовки своей книги о Ноин-Уле тоже решил максимально использовать фото-

Исследователи в Ольвии в 1924 г. Слева направо: И.Ф. Чистяков, Н.М. Токарский, С.А. Семенов-Зусер, Б.Л. Богаевский, И.Г. Безруков

Среди полевой съемки особо выделяются материалы фотофиксации И.Ф. Чистякова в Ольвийской экспедиции в 1924–1932 гг., ставшие продолжением его плодотворного сотрудничества с Б.В. Фармаковским еще в дореволюционные годы. На месте исследований у фотографа даже была организована собственная фотолаборатория.

К началу 1930-х гг. на смену признанным специалистам «старой формации» в ГАИМК приходит новое поколение «идеологически правильных» сотрудников. Вместе с ними и для И.Ф. Чистякова больше не находится места и достойного применения в штате учреждения, которому он отдал больше сорока лет своей жизни. В гонке за выполнением норм ценится уже не мастерство и высокое качество, а количественные производственные показатели. Весной 1934 г. от сотрудников Института исторической технологии на имя заместителя председателя ГАИМК Ф.В. Кипарисова поступила докладная: «ИИТ в целях обеспечения бесперебойной работы фотомастерской просит освободить н.-техн. сотрудника Чистякова И.Ф.

графии «старого мастера», а не вновь исполненные специально для этого снимки (Руденко С.И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.–Л., 1962).

Лаборатория фотографа Чистякова, Ольвия 1926 г.

И.Ф. Чистяков в Ольвии, 1926 г.

от занимаемой им должности с предоставлением ему возможности выполнять работу в порядке сдельной оплаты.

Вызывается такое перемещение необходимостью иметь в мастерской постоянного штатного работника с нормальной производительностью труда. Между тем т. Чистяков за последнее время дает количественно и качественно неудовлетворительную работу <...>

Всего за февраль т. Чистяковым сдано 160 единиц законченной продукции, за март 90 единиц при принятой сейчас в ИИТ норме в 250 единиц на человека в месяц»²⁸.

Со стороны Ф.В. Кипарисова не нашлось возражений. После сокращения из постоянного штата Академии И.Ф. Чистяков прожил всего полтора года.

После кончины фотографа теплые слова написала о нем заведующая фото-

²⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 733. Л. 6.

архивом ГАИМК Татьяна Модестовна Девель, близкая знавшая И.Ф. Чистякова по совместной работе в фотослужбе Академии истории материальной культуры, в полевых условиях в Ольвийской экспедиции. Этот своего рода краткий некролог как нельзя лучше подводит итог жизни и деятельности талантливого фотографа.

«Из личного дела И.Ф. Чистякова.

Чистяков И.Ф.

7-го декабря 1935 г. в Ленинграде на 70-м году жизни скончался фотограф Государственной Академии Истории Материальной Культуры им. Н.Я. Марра Иван Федорович Чистяков, бесменно работавший в Академии с самого ее основания.

И.Ф. был фотографом самоучкой. Родившись в 1865 г. в крестьянской семье в д. Константиновской, Бежецкого уезда, Тверской губернии, и пройдя там начальную сельскую школу, И.Ф. приезжает в 1886 г. в Петербург, где по отбытии воинской повинности, в 1890 г. поступает сторожем в Археологическую Комиссию. Там И.Ф., присутствуя иногда при фотографировании присылавшихся в Археологическую Комиссию древностей, заинтересовался этим делом, и уже в 1894 г. производит первые свои съемки. В следующем 1895 г. он настолько овладел техникой, что командировается вместе с проф. Шляпкиным в Новгород, где фотографирует славянские надписи на стенах Софийского собора.

С 1896 г. И.Ф. официально становится фотографом Археологической Комиссии, где и продолжает работать вплоть до Октября. Попутно он в разное время производит съемки по заказам Русского Археологического Общества, Эрмитажа, Русского Музея, Академии Художеств и др.

За 41 год своей работы в качестве фотографа И.Ф. дал продукцию, исчисляемую десятками тысяч. Основной фонд И.Ф. сосредоточен в Фотоархиве ГАИМК и достигает свыше 40 000 съемок.

Но не количественно измеряется заслуга И.Ф., как фотографа, а тем, что вся деятельность его являлась осуществлением лозунга “фотографии на службе науке”, именно по линии фиксации археологических памятников. В этой своей специальности И.Ф. дал высокую качественно продукцию и оставил исследователям точнейшие документы археологических памятников. Такими документами являются снимки И.Ф. монументальной росписи Нередицы в Новгороде, исполненные в 1903–1904 гг. ярославских и костромских церквей (1912 г.), а также превосходная серия архитектурной документации, как например, Новгородский Кремль, реставрация Ипатия и др.

Не менее удачно снимал И.Ф. и мелкие объекты — керамику, кость, дерево, но особого мастерства достиг он в редкой передаче металла, о чем дают представление иллюстрированный его снимками альбом “Восточное серебро” Я.И. Смирнова, а также многие иллюстрации, вошедшие в издание “Сасанидский металл”²⁹.

Нельзя не отметить и превосходную полевую съемку, которую дал И.Ф., будучи бесменным фотографом Ольвийской экспедиции ГАИМК в 1924–1930 гг. и 1932 г.

²⁹ Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. Художественные изделия из золота, серебра и бронзы. М.–Л., 1935.

Кроме овладения техникой своего дела, И.Ф. характеризует еще одна, весьма ценная черта — сознание важности своевременной точной паспортизации снимка. И.Ф. с 1896 г. из года в год вел понегативную запись и нумерацию снимков с отметкой содержания, автора и издания, для которого предназначались снимки. Наряду с этим, снимая находки из раскопок, он наносил алмазным карандашом под изображенным объектом его № по инвентарю находок, при репродукциях из изданий он часто таким же путем наносил автора и заглавие издания. В результате такого сознательного отношения к своей работе И.Ф. оставил нам не только 40 тысяч хороших снимков, но 40 тысяч документов, могущих быть использованными в исследовательской работе.

И, наконец, подводя итоги свыше 40-летней деятельности И.Ф. нельзя обойти молчанием и высокой трудовой дисциплины, и энтузиазма в работе, которые И.Ф. проявлял вплоть до последних дней своей трудовой жизни.

Т. Девель»³⁰.

И.Ф. Чистяков стоял у истоков развития фотографического дела в русской археологии, разрабатывал технические приемы в фотосъемке, его деятельность значительно способствовала превращению фотографии в обязательный элемент любого полевого исследования. Выполняемые И.Ф. Чистяковым на протяжении всей его службы сначала в Археологической комиссии, затем в Академии истории материальной культуры снимки для масштабных научных публикаций навсегда увековечили его имя в истории российской археологии. Вместе с тем профессионализм И.Ф. Чистякова был неоднократно признан фотографическим сообществом, несмотря на довольно узкий профиль его работ в фотоискусстве. Работы фотографа Ивана Федоровича Чистякова достойны стоять в одном ряду с фотошедеврами такими общепризнанных русских мастеров фотографии, как И.Ф. Барщевский, Д.Е. Ермаков, С.М. Дудин.

³⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 733. Л. 8–10.

Наталья Александровна Энман (1889–1961)

М.Ю. Вахтина

Среди сотрудников РАИМК в начальный период ее существования, конечно, были не только известные ученые. На службу поступили и молодые, начинающие исследователи. Среди них были и женщины, что, несомненно, было характерно для начала XX в., когда они все больше и больше реализовывали себя во многих сферах общественной и профессиональной деятельности, и в том числе успешно занимаясь археологией. Ярким примером может служить П.С. Уварова, ставшая после смерти мужа-археолога председателем Московского археологического общества и почетным членом Императорской Академии наук. Однако, она была, скорее, исключением. Отметим, что эта выдающаяся женщина, занимавшаяся археологическими исследованиями, не имела профессионального образования. В России получить его стало возможным, когда в 1878 г. в Санкт-Петербурге были открыты постоянные Высшие женские (Бестужевские) курсы¹, где могли обучаться представительницы прекрасного пола. Мы решили включить в эту книгу небольшой очерк, посвященный одной из первых женщин-археологов, выпускниц Бестужевских курсов, принятых на работу в РАИМК сразу после ее основания — Натальи Александровне Энман. Она проработала в Академии недолго, но оставила яркий след в истории изучения античной вазописи.

¹ Курсы были открыты 20 сентября 1878 г. и имели три отделения: словесно-историческое, физико-математическое (естественное) и специально математическое. Министр народного просвещения гр. Толстой «разрешил устройство курсов, но с тем, чтобы они были учреждены на имя одного из профессоров, и сам указал на профессора К. Н. Бестужева-Рюмина». Таким образом, первым директором курсов стал известный историк, академик К. Н. Бестужев-Рюмин, племянник декабриста М. П. Бестужева-Рюмина. Он в течение четырех лет (1878–1882) безвозмездно трудился над организацией первого женского университета в России. Таким образом, Петербургские женские курсы неофициально стали называться его именем — Бестужевские. Позже были образованы новые отделения и факультеты. *Вревская Н.П.* Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. Л., 1973. С. 8.

Класс 7-Б (Septima 7B) гимназии Петришуле. Санкт-Петербург, 1906 г.
 (http://allpetrischule-spb.org/jmages/f/f2/1906-Septima_B_fixed).
 Н.А. Энман — первая слева в первом ряду

Наталия Александровна Энман² родилась 20 ноября 1889 г. в Петербурге. Ее отцом был историк-антиковед, доктор всеобщей истории Александр Федорович Энман, происходивший из семьи прибалтийских немцев и получивший образование в Дерптском университете. Здесь же он защитил магистерскую диссертацию. После окончания университета некоторое время работал за границей, во Франции, Англии и Германии, в 1886 г. защитил докторскую диссертацию. После переезда в Санкт-Петербург А. Ф. Энман занимался научной работой и преподаванием: латыни в гимназии Катериншуле, истории и географии (на немецком языке) в Реформатском училище³. В 1885 г. он был принят на службу во II Отделение Библиотеки Императорской академии наук «на открывшееся в апреле сего года место младшего помощника библиотекаря»⁴. Мать, Анна Николаевна, в девичестве

² В качестве заставки использована фотография Н.А. Энман. 1910 г. (по: Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. Степанида Дмитриевна Руднева и студия музыкального движения «Гептахор» в документах Центрального московского архива-музея личных собраний. М., 2007. С.125).

³ Ростовцев М.И. А.Ф. Энман (некролог) // ЖМНП. 1903. Ч. CCCL. 11 (ноябрь). С. 84

⁴ Энман А.Ф. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 682. Л. 4. Профессиональную деятельность А.Ф. Энмана высоко ценил М.И. Ростовцев, написавший о нем подробный некролог. Ростовцев М.И. А.Ф. Энман (некролог). С. 84–87. См. также: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энман (Александр Федорович) // Энциклопедический словарь. СПб., 1904. Т. 80. С. 846–847.

Юдина, родом из г. Шенкурск Архангельской губ., до замужества работала домашней учительницей. В 1897 г. Наталья Энман поступила в подготовительный класс известной петербургской гимназии Петришуле⁵. Здесь она приобрела подруж, дружеские связи с которыми она сохраняла многие годы. 1 июля 1903 г. ее отец скоропостижно скончался в возрасте 48 лет, что, без сомнения, было огромной утратой для семьи. Н.А. Энман хранила благодарную память об отце, гордилась его образованностью и родом занятий. Обстоятельства его смерти она опишет в дневнике, который много лет спустя вела в блокадном Ленинграде⁶. После потери отца основная забота о девочке легла на плечи ее бабушки и тетки по материнской линии, А.Н. Юдиной, работавшей учительницей⁷.

В 1907 г. Н.А. Энман окончила с серебряной медалью полный курс и дополнительный педагогический класс гимназии, дававший возможность получить диплом домашней учительницы. В том же году она была принята по результатам гимназического аттестата на историко-филологическое отделение Высших (Бестужевских) женских курсов.

К тому времени на курсах уже была введена «предметная система», принятая на заседании Совета профессоров 11 апреля 1906 г. По существу, это была реорганизация всего учебного процесса. Предметная система вводила принцип свободы обучения вместо правил строгой регламентации. Она обеспечивала свободу как в выборе объектов изучения, так и в последовательности выполнения учебного плана и сдачи экзаменов. Отмена обязательного посещения лекций, ограничение числа предметов, обязательных для окончания курсов, давали возможность свободного выбора (в рамках установленных общих правил). Предметная система не допускала в преподавании раз и навсегда установленных шаблонов, позволяла ежегодно варьировать темы специальных курсов и семинариев.

Отказ от экзаменационных сессий, разрешение сдавать экзамены по прослушанному курсу на протяжении всего года освободили отводившееся под сессии время для чтения лекций и семинарских занятий. Помимо сдачи экзаменов, слушательница теперь должна была пройти не менее двух семинариев и сдать

⁵ Эл. ресурс: http://allpetrischule-spb.org/index.php?title_Энман (дата обращения 15.05.2021).

⁶ «1-го июля 1943 г. Сегодня 40 лет, как умер мой отец. Как сейчас помню этот страшный день. Мне было 13 лет. Он давно болел. Жили мы на ст. Толмачево в лесу на р. Луге. Там утром внизу (я спала на чердаке) раздался удар. Это упал на пол самовар. Отец свалился со всего роста, когда подошёл к столу пить чай. Он давно болел и всё думал, что смерть близко. Но всё же — сидел за книгами и писал одну из своих научных работ. Был порок сердца и всю жизнь он им болел. Я сбегала вниз и увидела страшную картину. Отец лежит с синим лицом. Мать, уже 3 года психически больная — около него, и не верит, что его нет. Тут же старуха-бабушка (её мать). И в это же время, как он упал, раздался сильнейший удар грома. Мать это по-своему истолковала. Она и до того ничего не ела днями, а тут уж совсем плохо стало. Тётка моя, заменявшая мне мать (учительница), — поехала в город, сообщить на работу отца (Акад. Наук) о его смерти. Там похороны взяли на себя. Был забронирован вагон на станции и на барже на буксире мы гроб доставили на жел.дор. Я похорон не помню. Знаю, что могила была в хорошем, песчаном месте на Смол. Кладбище. Крест железный я впоследствии видала. Около него вырос чудесный куст малины. Я не любила ходить на могилы и давно не была ни у отца, ни у тётки, ни у бабушки (Воспоминания о 1941–1942 гг. из дневника Н.А. Энман. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Ед. хр. 1396. Л. 202).

⁷ Мать Натальи Энман, с 1901 г. страдавшая душевной болезнью, периодически находилась в различных больницах и приютах, в одном из этих учреждений она и скончалась в 1931 г. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 248964–2. Л. 5.

испытания по трем отделам, из которых один считался главным. Нельзя было работать одновременно больше чем в двух семинариях⁸.

Введение предметной системы благотворно сказалось, прежде всего, на преподавании дисциплин на историко-филологическом факультете. Здесь было расширено теоретическое преподавание и введены практические занятия, которым придавалось большое значение. Постепенно вокруг профессоров создавались кружки, участницы которых занимались любимым предметом в течение нескольких лет, углубленно изучая отдельные вопросы. Профессора И.М. Гревс, М.И. Ростовцев и другие безвозмездно вели дополнительные занятия со студентками⁹.

Обратимся к воспоминаниям близкой подруги Н.А. Энман, С.Д. Рудневой, обучавшейся на Высших женских (Бестужевских) курсах в те же годы¹⁰. Стефанида Руднева, как и Наталия Энман, после окончания обучения некоторое время работала в РАИМК. Вот как она описывает начало учебного года, которое студентки ждали с радостью. «В тот год занятия на курсах начались только в ноябре. Но уже в сентябре мы получили заветные книжечки с указателем всех курсов, которые будут читать нам профессора всех факультетов и среди которых мы могли свободно выбирать все те, которые нас интересуют. <...> В первый же учебный день мы встретились с Наташей [Энман]. И [потом] целыми днями бегали из аудитории в аудиторию, от профессора к профессору... В здании было шумно, везде толпились курсистки, все искали нужные аудитории. <...> Среди отмеченных нами на первую неделю лекторов был и Фаддей Францевич Зелинский (Наташин отец хорошо знал этого выдающегося филолога-эллиниста). В розысках нужной нам “8-й аудитории” мы с опозданием подошли к её дверям; дверь была полуоткрыта, на площадке стояло несколько человек, припавших к двери ухом... Из аудитории доносился густой, певучий и в то же время несколько металлический мужской голос — он читал отрывок из хора эсхиловой трагедии <...> — и было совсем как у Пушкина: “Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...”. Это Фаддей Францевич читал вводную лекцию к специальному курсу о “Вакханках” Еврипида... В тот год он читал ещё и основной курс — по истории эллинской религии. И каждую среду, и каждый четверг этот год и следующие годы (до 1911 г.) мы неизменно слушали вдохновенные лекции-проповеди, полные не только глубоких знаний, но и всегда раскрывающие “связь веков”, глубокое непреходящее значение древнеэллинской культуры, поэзии, философии для всего европейского наследия, для всей человеческой культуры и жизни. Фаддей Францевич обладал способностью втягивать слушателей в тот мир, о котором он говорил. <...> В античной литературе и поэзии, в мифах и философии он всегда раскрывал глубокие этические и моральные основы данного народа, эпохи. Это делало всё, о ком и о чём он говорил, близким, нужным, значительным для слушателей. Для нас с Наташей он стал Учителем жизни и творчества. Одной из любимых античных идей, развитие и “жизнь” которой он прослеживал в своих трудах и занятиях, была

⁸ Быкова Т.А. История преподавания на историко-филологическом факультете // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. Л., 1973. С. 82–83.

⁹ Быкова Т.А. Историческое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. Л., 1973. С. 84–86.

¹⁰ Они познакомились в 1907 г. в доме Камиллы Тревер, также окончившей Петришуле, с которой дружила и Руднева.

идея дружбы, её роль в жизни и общении людей. <...> Со всей страстностью включились мы в эту новую жизнь. С утра встречались на курсах, посещали лекции, а в промежутки шли в библиотеку историко-филологического факультета... Каждый день приносил новые радостные встречи, открытия. Историю древнерусского искусства читал Д. Айналов, считавшийся большим специалистом и знатоком. Как лектор он был очень слаб — повторялся, нудно и неинтересно говорил. <...> Зато какой восторг вызывали лекции М.И. Ростовцева по истории эллинистической эпохи! Это был замечательный, одаренный лектор, знаток и глубокий исследователь. Он настолько ярко и зажигательно говорил, с такой логичностью, что, придя домой, я могла записать всю лекцию. В течение зимы мы сдали экзамены по логике и психологии, которые полагалось сдавать до других»¹¹. И ещё несколько отрывков, повествующих о студенческой жизни из воспоминаний С.Д. Рудневой. Вот как она писала о 1909–1910 учебном году. «Весь уклад моей и Наташиной жизни переменялся. Мы теперь были с утра до вечера заняты на курсах. Лекции Зелинского, Ростовцева, семинары у Фаддея Францевича на дому (по воскресеньям — объединенный с университетом); занятия латынью у В.В. Петуховой¹², а со второго полугодия и греческим; подготовка и сдача экзаменов (постепенно, в течение всей зимы). <...> На курсы мы приходили с рюкзаком, нагруженным словарями и учебниками. Все незанятые часы ютились то там, то сям, частью на лестницах: аудиторий пустых не бывало. Вечером, не торопясь, шли по нашей 10-й линии¹³ на набережную и к сфинксам у Академии художеств»¹⁴.

В 1910–1911 учебном году Н.А. Энман и С.Д. Руднева начали посещать лекции и занятия Б.В. Фармаковского. Вот отрывок из «Воспоминаний», повествующий о первом знакомстве с этим замечательным преподавателем и ученым: «Главным событием этого года было появление у нас нового профессора — Бориса Владимировича Фармаковского¹⁵. Однажды Ф[аддей] Ф[ранцевич] сказал нам об этом и добавил: идите к нему учиться, он “кладезь премудрости”. <...> Б.В. Фармаковский не обладал лекторским талантом, боялся пышных слов и не умел выражать свое восхищение и влюбленность в античное искусство и археологию. Вначале он мог казаться сухарем и формалистом. Лишь потом раскрывались и его действительно поразительная археологическая “премудрость” и глубокое преклонение перед совершенством скульптур, и влюбленность в каждую деталь и мелочь в керамике, раскрывавшую “живую жизнь” античного мира... Был он и удивительный, целенаправленный педагог-наставник. Он учил и умел научить всему, что необходимо

¹¹ Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. С. 125–127.

¹² Вера Викторовна Петухова (1874–1942) — преподаватель классической филологии на Высших женских (Бестужевских) курсах в 1985–1918 гг.

¹³ Курсы располагались на 10-й линии Васильевского острова, в доме 33, специально построенном для ВЖК по проекту группы архитекторов во главе с А. Ф. Красовским (они работали безвозмездно). Строительство было начато 19 июня 1884 г., 1885/86 учебный год начался уже в новом здании. Позже в здании находился математико-механический факультет ЛГУ. См.: *Вревская Н.П.* Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. Л.: 1973. С. 11.

¹⁴ Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. С. 129.

¹⁵ Б.В. Фармаковский, как и многие преподаватели, совмещал преподавание на курсах и в Университете. В 1910 г. он был избран профессором Высших женских курсов по кафедре истории искусства. Вот что он писал о курсах тех лет: «Курсы вообще производят наилучшее впечатление. И аудитории чистые, большие, удобные. Усердие в занятиях у девиц удивительное». Цит. по: *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб., 2003. С. 72.

археологу-искусствоведу. Навсегда запомнилось одно из первых практических занятий по греческой скульптуре. На экране изображение Дорифора Поликлета. Я стою перед ним на широкой кафедре 10-й аудитории, рядом Борис Владимирович. “Ну, что это такое?” Начинаешь мучительно думать, чего он от тебя хочет? “Что тут изображено?” — “Ну, статуя... ну, человек”. — “Что он делает?” — “Ну, идет...”. И так далее. Всегда учил не придумывать и не выдумывать, а идти от основного, простого, ясного, постепенно вникать в произведение искусства, в археологический предмет. Научившись этому, на всю жизнь получали мы основной подход ко всякому новому явлению.

Редко Б.В. [Фармаковский] раскрывался эмоционально. Но вот он вернулся из Англии после Британского музея и привёз фотографии Деметры Праксителя. Так даже тут, в аудитории, не мог без волнения говорить о ней. А с каким подъёмом говорил он, показывая первые снимки Кносского дворца, фресок, сосудов, только что найденных Эвансом.

Человек он был бесконечно скромный, сдержанный и замкнутый. В те годы он был холост, жил один в уютно обставленной холостяцкой квартирке, с пожилой и неприветливой на первый взгляд домоправительницей. Вскоре после начала занятий Б.В. предложил желающим взять работу по изучению и определению предложенных им греческих расписных сосудов. Мы, конечно, вызвались. Но на следующем занятии он сказал, что, может быть, это еще рано. Мы очень огорчились и после занятия подошли к нему, чтобы получить новое задание. Но он, к нашему удивлению, смущенно сказал, что мы можем взяться за работу над памятником... Так мы начали нашу археологическую карьеру, которой служили верой и правдой до 1922 г.

Как руководитель, был он строгий и удивительно деликатный. Мы очень его любили, хотя в нём было много курьёзного и на первый взгляд забавного. И всё-таки мы его не знали и недооценивали — например, мы так и не узнали, что он был хороший музыкант...¹⁶». Говоря о «нашей археологической карьере», Стефанида Руднева имела в виду, прежде всего, себя и Наталию Энман. «Работа над подлинным “живым” археологическим объектом увлекла нас безмерно, — вспоминала С.Д. Руднева. Конечно, мы продолжали занятия греческим языком, занимались в семинаре Ф[аддея] Фр[анциевича] и другими делами, но возможность работать в Археологической комиссии, держать в руках дорогие сердцу подлинные “настоящие” греческие сосуды и черепки и т. д. была несравненным счастьем и радостью непосредственного общения с античным миром... Работа шла удачно, и наши две маленькие статьи появились через год в “Известиях Императорской Археологической Комиссии” и вызвали одобрение даже такого серьезного критика, как М.И. Ростовцев»¹⁷.

Статья Н.А. Энман носит название «Навкратийский кубок, найденный на о. Березани»¹⁸. Она посвящена хиосскому или, как тогда полагали, «навкратийскому» кубку из раскопок Г.Л. Скадовского на о. Березани в 1900–1901 гг. Следует сказать, что работа эта с интересом читается и в наши дни. В статье дается подробное

¹⁶ Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. С. 142–144.

¹⁷ Там же. С. 144.

¹⁸ Энман Н.А. Навкратийский кубок, найденный на о. Березани // ИАК. 1911. Вып. 40. С. 142–158.

и полное описание кубка¹⁹. В отличие от современной интерпретации, трактующей изображение на лицевой стороне сосуда как мужское²⁰, Н.А. Энман полагала, что здесь изображена женщина²¹. Кубок помещён автором в широкий круг аналогий (по форме и стилю декора), представленных как находками на Березани, так и в других античных центрах на юге России и за её пределами — в Навкратисе, Родосе, Милеете, Делосе и Афинах²². Рассуждая о датировке березанского кубка, Н.А. Энман высказала предположение, что «...он должен относиться к древнейшему периоду, до половины VI в. до Р.Х. С другой стороны, едва ли наш килик может быть поставлен далеко в первую половину VI в. Скорее он явился около середины VI в.»²³. Заметим, что современная датировка березанского кубка — 580–550 гг. до н. э.²⁴, вполне соответствует той, которая была предложена при его первой публикации.

В том же выпуске была опубликована статья С.Д. Рудневой «Чернофигурная котила из кургана Киевской губернии»²⁵. В следующем, 1912 г. в 45-м выпуске ИАК подруги снова публикуют по статье: работа С.Д. Рудневой носит название «Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской»²⁶, а Н.А. Энман — «Ионийская амфора с Таманского полуострова»²⁷. О последней мы подробнее поговорим ниже. Работы посвящены публикации и анализу находок греческой расписной архаической посуды. Статьи отражают достаточно высокий уровень знаний, владение литературой по выбранной теме, а также методами научного исследования. Они, без сомнения, являлись результатом практических занятий по изучению образцов греческой художественной керамики, проводившихся курсистками под руководством Б.В. Фармаковского, а впоследствии — самостоятельно.

«Учась на курсах», — писала позже Н.А. Энман в своей автобиографии в личном деле, хранящемся в Центральном государственном архиве политических документов Петербурга, — «начала зарабатывать, работая по записи и описанию материалов раскопок юга России в быв. Императорской Археологической Комиссии с 1911 по конец 1917 г. (внештатно)»²⁸. Эта работа, несомненно, также была полезна для начинающей исследовательницы.

Летом 1912 г. подруги побывали на раскопках в Ольвии, где «...впервые видели появление из земли хранящихся там сокровищ», в том же году «работали в музеях Москвы, Киева, Одессы», сделали большой доклад об открытиях В.В. Хвойко, описывали в Археологической Комиссии сосуда из Полтавского клада»²⁹.

¹⁹ Там же. С. 143–148.

²⁰ Ильина Ю.И. Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Березань-Борисфен. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб., 2005. С. 91. Кат. 77.

²¹ Энман Н.А. Навкратийский кубок, найденный на о. Березани. Рис. 1.

²² Там же. С. 151–154.

²³ Там же. С. 155.

²⁴ Ильина Ю.И. Хиосская керамика из раскопок на острове Березань. С. 91.

²⁵ Руднева С.Д. Чернофигурная котила из кургана Киевской губернии // ИИАК. 1911. Вып. 40. С. 130–141.

²⁶ Руднева С.Д. Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской // ИИАК. 1912. Вып. 45. С. 104–110.

²⁷ Энман Н.А. Ионийская амфора с Таманского полуострова // ИИАК. 1912. Вып. 45. С. 92–103.

²⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 248964–2. Л. 5.

²⁹ Там же. С. 149–150.

Ольвия, 1912 г. 1 — общежитие раскопчной группы (т. н. «Археология»);
2 — Вид с юго-западного угла раскопа 1910–1912 гг.; 3 — Отъезд из Ольвии
(по: Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. С. 151)

В своей автобиографии Н.А. Энман кратко упоминает о двух археологических экскурсиях в Грецию. «Во время пребывания на курсах я ездила летом с экскурсией студентов в Грецию, где работала в музеях и на раскопках по специальности. Первая экскурсия продолжалась 18 дней (июль 1910 г.), вторая — около 2-х месяцев (июнь–июль 1914 г.)»³⁰.

Поездки и путешествия «с научной целью» начинают практиковаться в России в 80-е гг. XIX в. В это время серию научных путешествий по Европе совершили Я.В. Смирнов и М.И. Ростовцев³¹. В годы обучения Н.А. Энман и С.Д. Рудневой экскурсии приобретают особую популярность. Они рассматривались как продолжение и развитие практических занятий. Поездки совершались под руководством профессоров, но оплачивались самими участницами. Первая экскурсия в Новгород состоялась ещё в 1895/96 учебном году. Её целью было ознакомление с архитектурными и художественными памятниками старины, а также с подлинниками древней русской письменности. В 1907 году группа курсисток под руководством И.М. Гревса совершила поездку в Италию, продолжавшуюся более 2 месяцев. Её задачи вытекали из содержания общего и специальных курсов последних лет — средневековый итальянский город и ранний Ренессанс. В 1909 году С. Ф. Платонов организовал экскурсию в Соловецкий монастырь. В 1912 г. состоялась ещё одна поездка в Италию, но были и другие экскурсии.

Весной 1910 г. по инициативе Ф.Ф. Зелинского³² было организовано путешествие в Грецию, продолжавшееся с 31 мая по 5 июля. Состав экскурсантов был смешанным: слушательницы ВЖК, студенты университета, специалисты, занимавшиеся изучением античной Эллады. В Греции они провели 20 дней, посетив по пути Константинополь и Смирну. Подготовка к поездке началась ещё весной: будущие участники собирались дома у Ф. Ф. Зелинского и читали в подлиннике Павсания. В пути он читал лекции и продолжал совместное с экскурсантами чтение Павсания³³. К группе присоединился В.Э. Мейерхольд, работавший в то время над постановкой «Царя Эдипа» Софокла. С.Д. Руднева, для которой, как и для большинства участников, это было огромное, незабываемое событие, назвала поездку в Грецию «сказочно прекрасным путешествием»³⁴.

Забегая вперед, скажем, что ещё одна поездка была предпринята в 1914 г. группой, состоявшей из 7 девушек-студенток, обучавшихся в разных учебных заведениях. Дружба Н.А. Энман с тремя выпускницами Петришуле — Е.В. Цинзерлинг и сестрами К.В. и И.В. Тревер³⁵ — сложилась ещё в школьные годы; позже она познакомилась с С.Д. Рудневой, Ю.Ф. Тихомировой и Н.В. Педьковой. Они совершали

³⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 248964–2. Л. 8.

³¹ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. С. 62.

³² Примечательно, что для командировки М.И. Ростовцева в 1895 г. сроком на 1 год (срок этот неоднократно продлевался) программу тоже составлял Ф.Ф. Зелинский. См.: Тихонов И.Л. Ук. соч. С. 63. По-видимому, за годы преподавания Ф.Ф. Зелинским был накоплен большой опыт в организации таких поездок.

³³ Вревская Н.П. Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. Л., 1973. С. 88.

³⁴ Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. С. 142.

³⁵ К.В. Тревер училась в Санкт-Петербургском женском педагогическом институте, в годы обучения посещала лекции на Высших женских (Бестужевских) курсах.

совместные путешествия, ездили вместе отдыхать. Судьбы этих женщин сложились по-разному, все они были деятельны, одарены, многие добились успеха в выбранных ими профессиях и занятиях. Им также было суждено оставить след в развитии музыкального искусства. Вдохновленные творчеством Айседоры Дункан, с большим успехом выступавшей в России, они еще в 1910-х гг. организовали танцевальный кружок, получивший название «Гептахор» (или «Танец семи») — по количеству участниц. Это название предложил Ф.Ф. Зелинский³⁶. Девушки, восхищаясь канонами греческой культуры, стремились к тому, чтобы выразить и передать в движении и танце целый строй мыслей, ощущений и образов.

«Мечты о поездке в Грецию, — писала С.Д. Руднева, — всё больше овладевали всей нашей “семёркой”. Девушки создали “фонд поездки”, где копили средства для путешествия. Директор курсов С.К. Булич³⁷ выдал им удостоверение в том, что поездка осуществляется в научных целях. Это давало право на бесплатное посещение музеев. Камилла Тревер в течение нескольких лет преподавала немецкий язык детям директора Русского общества пароходства и торговли; благодаря его хлопотам были получены бесплатные билеты на пароход “Петр I” в оба конца. Профессора С.К. Булич, М.И. Ростовцев, Б.В. Фармаковский и другие дали пачку рекомендательных писем к учёным-археологам Греции и другим — работавшим в это время в Греции. Всё это, вместе взятое, позволило нам спланировать наше путешествие на конец мая в расчёте на два месяца пребывания в Греции. Мы стали деятельно готовиться к отъезду, окружив себя путеводителями, и археологическими и историческими трудами. Нашли грека-студента Петербургской семинарии, который помог нам с Наташей [Энман. — М.В.] немножко овладеть новогреческим языком»³⁸. Помимо научных рекомендаций, Б.В. Фармаковский снабдил девушек письмом к своему другу по Киевскому университету, политическому эмигранту доктору Катанову (вероятно, болгарину), жившему в Афинах, который во время путешествия не раз помогал им в жизнеустройстве и организации поездок по Греции.

В конце мая 1914 г. небольшая группа отправилась в путь. «Хотя мы были неплохо вооружены археологически и филологически, — вспоминала С.Д. Руднева, — хотя у нас была пачка рекомендательных писем к ученым в разных уголках Греции и хотя мы с искренним увлечением посещали и изучали и музеи, и места раскопок, но больше всего влекла нас сама Греция — земля, породившая эту ни на что другое не похожую культуру и жизнь, и народ, создавший её и хранивший в себе какие-то её зерна. Поэтому мы могли не досмотреть чего-то в музеях, а уехать на берег Старого Фалера и собирать там камушки; или сесть на трамвайчик и выехать на окраины Афин, бродить по пустынным полям с одинокими оливами под яростным солнцем, зайти в харчевню и выпить местного народного вина, настоящего на смоле... Но главная сила притяжения была Акрополь, Афины»³⁹. По дороге девуш-

³⁶ Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. С. 209.

³⁷ Сергей Константинович Булич (1859–1921) — языковед, ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ, историк музыки, профессор и директор Бестужевских курсов (с 1910 г.), где читал лекции по русскому языку. Эл. ресурс: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/187-bulich-sergey-konstantinovich.html> (дата обращения 23.10.2021).

³⁸ Руднева С.Д. Ук. соч. С. 164.

³⁹ Там же. С. 167–168.

ки остановились в Константинополе, где обратились к сотрудникам местного отделения Русского археологического общества, которые встретили их «радостно и приветливо» и помогли «в странствиях по городу, музеям, храмам». Из Константинополя они добрались морем в Пирей и остановилась в Афинах, откуда, после осмотра Акрополя и других достопримечательностей, совершали путешествия в другие места. Особенно памятна была поездка на Крит, обернувшаяся достаточно сложным путешествием. Сначала они прибыли в Канею, где обратились к русскому консулу, который обязан был позаботиться о безопасности их пребывания. Для поездки на раскопки в Фест была обеспечена охрана и приглашен проводник-грек, так как предстояло добираться через горы на южный берег острова. «Надо помнить, — добавляла С.Д. Руднева, — что мы были первыми европейскими женщинами на Крите после присоединения его к Греции»⁴⁰. Ехать пришлось верхом на мулах. «На первых же километрах пути было неприятное приключение: на дороге нам встретился первый на Крите автомобиль. Мулы наши шарахнулись, поводырь спрятался в канаву. Ильзу Тревер мул скинул⁴¹, и она повредила себе ногу... <...> На перевале был короткий отдых, тишина вершин охватила нас. Справа не-далеке поднималась могучая гора — там есть пещера, где родился Зевс... Вдали впереди было море — там, за ним, древняя страна Египет... <...> В деревне, куда мы приехали, был дом, где принимали приезжающих туристов. Хозяин этого дома хранил большую книгу, где расписывались все побывавшие здесь археологи — начиная со Шлимана, кончая Эвансом... С трепетом поставили мы в ней свои имена»⁴².

Вернувшись с Крита в Афины, девушки отправились поездом в Олимпию. В пути их настигла весть о начале войны. «В поезде было шумно, все читали газеты и громко, как всегда, спорили и кричали. Один из читавших подошел к нам с газетой и показал сообщение о начале войны России с Германией... Мы были так далеки от мыслей о политике, что поехали в Олимпию и провели там положенные несколько дней. Но постепенно жестокая правда “дошла” до нашего сознания. В Дельфы мы уже не поехали, а вернулись в Афины». Здесь пришлось преодолеть много трудностей для возвращения на родину, так как скромные средства группы

⁴⁰ Там же. С. 170.

⁴¹ Этот случай описан и в дневнике К.В. Тревер «Поездка в Грецию летом 1914 г.», хранящемся в Санкт-Петербургском филиале Архива АН: «Четверг 19 июня... Выехали в 6 ч. утра в Фест, на южный берег Крита. Привели 7 мулов к гостинице, вся улица собралась смотреть, как мы поедem. Оказалось, что очень удобно сидеть — боком, как бы в кресле, на седле со спиной, подлокотниками и подножием. Появился проводник... без которого дорога в горах мало кому известна и не безопасна. <...> Хотя нам было сказано, чтобы мы самостоятельно не сходили с мулов (они это не любят) Ильза и Юлия все-таки соскакали со своих седел за цветами, и мул больно лягнул Ильзу. А через некоторое время ее мул споткнулся и Ильза полетела под откос в колючки и ушибла ногу, разорвала блузу и вся искололась. Волнение. Довезли ее на муле каваса, который спокойнее... В это время послышался шум автомобиля, и все наши десять мулов и коней, привязанных к специальным крюкам вдоль фасада здания, пришли в ужас, закричали, стали биться, выбрасывая вверх задние ноги. Они впервые услышали шум мотора — это был привезенный накануне в Кандию автомобиль (первый на острове), который принадлежит археологу профессору Perniez, который решил испробовать его по горным дорогам... По дороге, между прочим... увидели пещеру на горе Иде, издали, где родился Зевс по преданию, кажется так». Цит. по: *Мандрик М.В.* Фонд К.В. Тревер в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии Наук к 125-летию со дня рождения // ТГЭ: Материалы научной конференции памяти Галины Николаевны Комеловой (19–21 декабря 2016 г.). СПб., 2018. Т. ХСІ. Т. ХСІ. С. 343.

⁴² Руднева С.Д. Ук. соч. С. 171.

(500 р.) хранились в банке, и чтобы получить их в сложившихся обстоятельствах, пришлось обратиться за помощью в Российское посольство в Афинах. «Мы выехали из Афин, — писала С.Д. Руднева, — на последнем итальянском товаро-пассажирском пароходе, шедшим в Одессу без захода в Константинополь (мы, также отчасти по совету Катанова и нашему собственному чувству, не хотели рисковать остаться в Турции). Пароход шел вдоль восточного берега Греции, мы увидели издали высокие горы с Олимпом... Это был прощальный привет Эллады. У Дарданелл стояли немецкие броненосцы и изредка обстреливали проходившие суда. Мы миновали благополучно»⁴³.

Вернувшись домой, девушки продолжали обучение, много сил и времени отдавая работе в музыкальной студии «Гептахор». Н.А. Энман не только увлеченно занималась в студии, но и делала эскизы костюмов и декораций, зарисовки, поясняющие танцевальные движения.

Способности её к музыке и рисованию проявились еще в гимназические годы. Эти занятия она не оставляла на протяжении всей своей жизни. Некоторое время она училась живописи в студии Д.Н. Кардовского. В 1917–1919 гг. по просьбе Ф.Ф. Зелинского она готовила иллюстрации к его популярной книге «Греческие сказки», предназначенной для издательства Сабашниковых⁴⁴.

В 1915 г. Н.А. Энман и С.Д. Руднева заканчивали обучение на историко-филологическом отделении. Вот как писала Стефанида Руднева о том, как они готовились к экзамену по специальности у Б.В. Фармаковского⁴⁵: «Это было счастливое и богатое переживаниями время — те несметные археологические труды, издания, атласы, статьи и т. д., которые мы перечитали, пересмотрели, нашли отражение в большой хронологической таблице, в которой мы попытались сопоставить по времени искусство разных древних народов Передней и Малой Азии, Египта, критской (эгейской) культуры и архаической Греции. Эту “простыню”, как мы ее звали, мы представили Б.В. Фармаковскому на экзамене. Конечно, это был не экзамен, а интереснейшая беседа на тему античных культур и современного состояния науки». Подруги успешно сдали и другие экзамены. В сентябре 1917 г. Н.А. Энман получила диплом I степени по специальности «Древняя история и археология». Но найти работу «по прямой специальности» было непросто. «Нам с Наташей, — вспоминала С.Д. Руднева, — была бы прямая дорога служить в Археологической Комиссии у Б.В. Фармаковского. Но ведь это была ещё “Императорская” Археологическая Комиссия, а в неё был вход только мужчинам, и только избранным. Борис Владимирович был бессилён это изменить. Мы продолжали выполнять там только временные работы, но не “служили” там»⁴⁶. «Для заработка» подруги давали уроки⁴⁷.

В 1918 г. положение меняется на волне «демократических преобразований». «Помнится, в эти же первые месяцы года, — продолжает С.Д. Руднева, — Б.В. Фар-

⁴³ Там же. С. 174.

⁴⁴ Там же. С. 515.

⁴⁵ Там же. С. 179.

⁴⁶ Там же. С. 192.

⁴⁷ И.В. Тревер и Е.Цинзерлинг давали частные уроки, С.Д. Руднева преподавала в Арсенальной школе, а Н.А. Энман — в школе им. Глезмера.

маковский вызвал нас к себе и предложил поступить на службу в Археологическую Комиссию. Ведь теперь исчезла недоступная “Императорская”, и он торопился зафрахтовать нас с Наташей в свой античный отдел. Мы, конечно, были счастливы. И я немедленно оставила работу в Арсенальной школе, которая приносила мне только стыд и позор, от которой никому не было никакой пользы. Так же вскоре освободилась от преподавания рисования в школе им. Глезмера и Наташа. Перед нами открывался новый светлый путь⁴⁸. <...> Тем временем Археологическая Комиссия, в царские времена втиснутая в несколько комнат с антресолями и в подвал “Фрейлинского корпуса”, расширялась и перестраивалась. Ей был предоставлен третий этаж, и надо было переселяться, а, главное, переносить все археологические ценности, томившиеся в подвале, наверх и там устраиваться. <...> Большая квадратная комната была отведена “Ольвии”, и мы с Наташей стали там господами. <...> Как же было интересно и “волнительно” распаковывать ящики за ящиками и разбирать вынутые из них сосуды, статуэтки, предметы быта... Мы не могли относиться к ним по-казенному — они были для нас живыми и любимыми. Наше неудержимое стремление к “игре”, пронизывавшее всю нашу молодую сумасбродную жизнь, и здесь заставляло нас в короткий перерыв в работе раскладывать скудный завтрак на древние килики и наслаждаться возможностью лишний раз ласково держать их в руках. Однажды в это время зашел к нам Борис Владимирович [Фармаковский]. Мы очень смутились, но он ничего не сказал, а лишь чуть улыбнулся...»⁴⁹. Вскоре Археологическая Комиссия была преобразована в РАИМК⁵⁰.

В своих «Воспоминаниях» С.Д. Руднева писала и о первых годах работы Академии. «Академия материальной культуры постепенно оформлялась и торжественно переехала в Мраморный дворец. Снова надо было устраиваться, переходить на новое положение: и наши ольвийские древности, как и другие, остались в Эрмитаже; в Мраморном были только кабинеты. <...> До нас, после революции, в Мраморном [дворце] уже располагалось какое-то крупное учреждение. Всё имущество прежних владельцев, кроме библиотеки и обстановки личных комнат великого князя Константина Константиновича и его детей, исчезло... Я в это время была секретарем секретариата академии (по воле Марра все секретари были из молодых ученых)... <...> Какое счастье было каждый день приходиться в Мраморный как к себе домой, подниматься по чудесной лестнице, и свободно входить в сказочный мраморный зал, а когда цвела сирень в дворцовом садике, а она была разросшаяся, густая — и белая, и сиреневая, и розовая, иметь право сорвать душистые полные кисти... Жизнь в строящейся академии была полна противоречий — ведь в ней на общих собраниях и советах встречались два непримиримых “лагеря”: сидели седовласые, мрачные, важные “археологические бонзы”, знатоки и охранители старой науки, и привлеченные Марром А.Е. Ферсман и И.А. Орбели и мы, грешные —

⁴⁸ Там же. С. 207.

⁴⁹ Там же. С. 216–218.

⁵⁰ Н.А. Энман в своей автобиографии, написанной при поступлении на службу в Музей Кирова, писала, что она начала работать в РАИМК с сентября 1919 г. В РАИМК была принята и С.Д. Руднева, уволившаяся в 1922 г. одновременно с Энман, а также сестры И. и К. Тревер, проработавшие в Академии до 1924 г.

молодежь всех калибров и разного “веса” в науке. Происходили стычки; шла глухая борьба раздражавшаяся скандальчиками вроде следующего. Известный, очень почтенный нумизмат Лихачев⁵¹, делая доклад о каких-то новых находках в Армении, допустил невежливую форму выражения, задевшую непримиримого врага всяких оттенков расизма Иосифа Абгаровича Орбели (вместо “армяне” сказал “армяшки”). В ответ через весь зал на эстраду полетел стул, брошенный вскипевшим от негодования Орбели. Старик Лихачев стал извиняться, говорить, что он не хотел никого обидеть, что он очень хорошо относится к армянам, многие из этих “армяшек” (!!!) его хорошие друзья... И смех, и грех... <...> Научным секретарем был выбран Борис Григорьевич Крыжановский, типичный украинец, человек большого и острого ума, этнолог. Как секретарь секретариата, я была с ним очень связана по работе, а вскоре и подружилась»⁵².

В НА ИИМК РАН хранится краткая автобиография, написанная Н.А. Энман, датированная 9 сентября 1919 г. Вот как описан в ней круг интересов и занятий во время обучения на курсах и после их окончания: «Во время пребывания моего на В. Ж. К. (то есть на Высших женских курсах. — М. В.), я работала у Ф. Ф. Зелинского и в семинариях Б. В. Фармаковского. В это время я занималась специальным вопросом о доисторических стадиях каменного века в Юго-Западной Европе, о чем мною был сделан доклад в семинарии Б. В. Фармаковского. Этим же вопросом я занималась в Музее Этнографии и Антропологии Академии Наук, где мною была разобрана и классифицирована коллекция Трипольских черепков из Кудринцев... Во время работы в семинарии Б. В. Фармаковского мною было начато издание одной вазы, находившейся в Эрмитаже. Работа эта была напечатана в ИАК 1911 г. вып. 40... Второй печатный труд вышел в том же издании в 1912 г. вып. 45 под заглавием “Ионийская амфора с Таманского полуострова”. Эта последняя ваза находится в Археологической Комиссии, и, работая над нею, я начала попутно заниматься в Комиссии, где мне в то время было поручено описание части Перещепинского золотого клада. С 1913 года занятия мои в АК по регистрации и описанию ионийской керамики из Ольвии продолжались с небольшими перерывами до настоящего времени»⁵³.

О второй статье Н.А. Энман, посвященной ионийской амфоре, купленной Комиссией у частного коллекционера⁵⁴, нужно сказать подробнее, поскольку она навсегда связала ее имя с историей изучения античной художественной керамики, оно известно античникам всего мира. Эта статья, как и предыдущая её работа, представляет публикацию одной находки — в данном случае восточно-греческой амфоры, украшенной с двух сторон изображением пасущегося оленя⁵⁵. Автор поместил сосуд в круг близких по стилю росписи аналогий⁵⁶, ближайшей из которых является амфора из Керчи⁵⁷. Рассмотрены также находки из Ольвии и центров,

⁵¹ Имеется в виду Николай Петрович Лихачев (1862–1936).

⁵² Там же. С. 235–237.

⁵³ Энман Н.А. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 773. Л. 4.

⁵⁴ Энман Н.А. Ионийская амфора с Таманского полуострова // ИИАК. 1912. Вып. 45. С. 92–103.

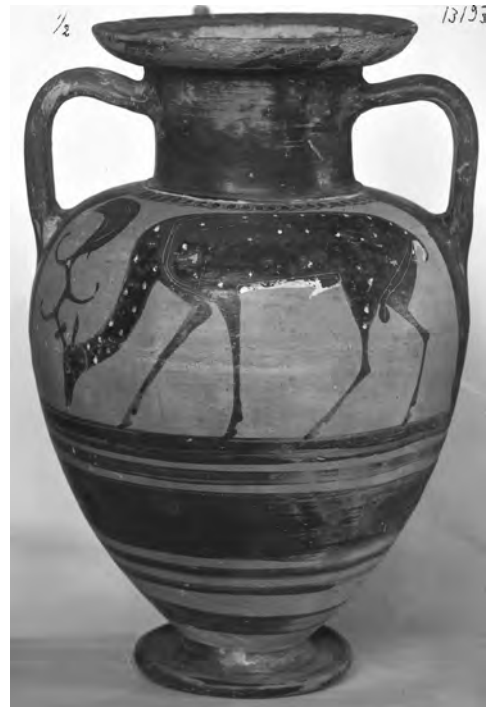
⁵⁵ Там же. Табл. VII–IX.

⁵⁶ Там же. С. 95–102.

⁵⁷ Там же. С. 96–97. Табл. X–XI.

расположенных за пределами северопричерноморского региона. В числе этих находок — фрагменты сосудов и саркофаг клазоменского производства, роспись которых близка декору таманской амфоры⁵⁸. Н.А. Энман предлагала датировать сосуд временем «не позже приблизительно 560 г. до н. э.»⁵⁹. Статья демонстрирует высокий уровень научной подготовки молодой исследовательницы⁶⁰, а изданная ею амфора станет «эталонным» сосудом для класса/группы Энман, названного в ее честь британским ученым Р.М. Куком в предложенной им классификации керамики Клазомен и их круга⁶¹. Согласно этой классификации, класс или группа Энман включал(а) амфоры и ойнохои с изображением одной фигуры животного в центре метопы на каждой из сторон сосуда.

Изучение керамики «клазоменского стиля» из Северного Причерноморья продолжила Т.Н. Книпович, которая включила в свою обобщающую статью амфору, изданную Н.А. Энман⁶². Позже в подробном очерке, посвященном художественной керамике античных городов Северного Причерноморья, она отнесла этот сосуд примерно к середине VI в. до н. э.⁶³ Л.В. Копейкина, рассматривая клазоменскую керамику, обнаруженную на Березани, описала серию фрагментов ваз группы Энман, среди которых выявила несколько экземпляров, глина и роспись которых близки амфоре с Тамани⁶⁴. Исследовательница предположила, что все эти сосуды были изготовлены в одной мастерской, и датировала их временем не позже третьей четверти VI в. до н. э.

Клазоменская амфора, найденная на Таманском полуострове (ФО НА ИИМК РАН. Нег. II 32413)

⁵⁸ Там же. С. 98–101. Рис. 3–5.

⁵⁹ Там же. С. 103.

⁶⁰ Вахтина М.Ю. Класс Энман. О Натальи Александровне Энман // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы международной научной конференции XX Боспорские чтения. Симферополь, Керчь, 2019. С. 101–115.

⁶¹ Cook R.M. A List of Klazomenian Pottery // BSA. 1952. Vol. 47. P. 134–136.

⁶² Книпович Т.Н. Ионийская амфора с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений Чёрного моря // ИГАИМК. 1927. Вып. 5. С. 80–90.

⁶³ Книпович Т.Н. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья // АГСП. М.–Л., 1955. С. 358–359. Рис. 3.

⁶⁴ Копейкина Л.В. Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 14–15. Рис. 9, 10.

Таким образом, мы видим, что датировка амфоры, предложенная Н.А. Энман, достаточно близка современной, хотя, конечно, была скорректирована в русле менявшихся представлений о хронологии греческой архаической посуды.

Вернемся к материалам из личного дела Н.А. Энман из РО НА ИИМК РАН. «С июля 1918 г. — писала она, — я состояла ассистентом по секции античных городов при III Отделе Археологической Комиссии. За последнее время мною ведется подготовка к изданию ряда ионийских черепков и архаического бронзового браслета с о. Березани, также ведется работа по подготовке таблиц к изданию Атласа древностей Юга России и разные текущие археологические работы. Кроме Петрограда Н. Энман⁶⁵ работала в музеях Херсона, Одессы, Киева, Афин и Кандии»⁶⁶. В краткой анкете, приложенной к автобиографии, в пункте о знании иностранных языков Н.А. Энман указала, что владеет французским, немецким, английским, древне- и новогреческим⁶⁷.

Характеристика Н.А. Энман была подписана Б. В. Фармаковским, который и ходатайствовал о ее зачислении в штат: «...на должность ассистента по I разряду I отделения III Отдела Р. А. И. М. К.»⁶⁸.

О работе Н.А. Энман в РАИМК можно судить по ее отчетам, также хранящимся в НА ИИМК РАН. В отчете за первый год она писала: «Iа. Участвовала в разработке типа регистрационной карточки Ольвийских древностей.

б/ и в/ Главной задачей моей за 1919 год было постепенное собиранье материала по древне-ионийской керамике в связи с находками в Ольвии, Березани и вообще в России. Начато исследование ионийских керамических стилей, главным образом милетского, в котором начинает выясняться ряд отдельных стадий развития. Мною привлекается материал, находящийся в Херсонском и Одесском музеях, доступный сейчас только по изданиям и рисункам, частью собранный и зарисованный мною во время работы в этих музеях, также весь заграничный материал. Участвовала в устройстве выставки Ольвийских древностей.

г/ Мною готовятся таблицы ионийской керамики для предложенного к изданию Атласа Южно-русских древностей. В связи с этим мною был исполнен ряд акварелей с ионийских черепков для упомянутых таблиц. В качестве члена экспертной комиссии по оценке рисунков, изготовляемых для Академии, мною велось наблюдение за точностью воспроизведения разрезов Ольвийской серой посуды, исполнявшихся регистратором А. А. Пресняковым.

д/ Предложенная командировка моя в Москву для изучения ионийской керамики в местных музеях не состоялась по обстоятельствам времени (отсутствие помещения для остановки).

ж/ Составляла часть карточного каталога раскопок в России по Отчетам АК за 1886–73 и 1908–1915 гг.

2 а, б/. Мною собирается материал для издания бронзового браслета с о. Березани. Пока еще не удалось установить стиля этой вещи, быть может, он греко-

⁶⁵ Она писала о себе в 3-м лице.

⁶⁶ Энман Н.А. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 773. Л. 5.

⁶⁷ Там же. Л. 1.

⁶⁸ Там же. Л. 3–4.

финикийского происхождения и представляет большую редкость, судя по заграничному материалу.

в/ Подготавливается к изданию популярная брошюра об о. Березани и о раскопках на нем; собираются данные по изданиям и архивному материалу; в связи с этим мною был переведен с немецкого языка неизданный отчет Э. Ф. Штерна о последних раскопках на о. Березани за 1913 для помещения его в Известиях Академии.

3/ Готовятся к печати: упомянутое исследование об архаическом браслете и брошюра о Березани»⁶⁹.

Отчет за 1920 г., также отражает активную и разностороннюю деятельность; в числе прочего там упомянута и командировка в Москву, в этот раз состоявшаяся⁷⁰. По-видимому, Н.А. Энман успешно продолжала изучение греческой художественной керамики, уделяя особое внимание продукции Клазомен. В общем «Отчете Российской Академии Истории Материальной Культуры за второе полугодие 1921 г.» так говорится о ее научной деятельности: «асс.[истент] Н.А. Энман продолжала работу над ионийской керамикой, окончено описание и зарисовывание на карточках древне-ионийских черепков с росписью; начато описание и зарисовывание простой ионийской керамики. В связи с этим продолжала изучение литературы об ионийской керамике и собирала библиографию к ней»⁷¹. В НА ИИМК РАН хранятся снимки трех асков из раскопок некрополя Ольвии 1910 и 1912 гг., над которыми она работала, очевидно, готовя их публикацию. Один из этих своеобразных по форме сосудов украшен орнаментом в виде двух веточек плюща в верхней части и белыми точками между ними⁷². Второй орнаментирован волнистыми линиями⁷³. Третий украшен изображением осьминога⁷⁴. В настоящее время они хранятся в Государственном Эрмитаже.

Сейчас остается лишь жалеть о том, что Н.А. Энман не удалось подготовить подробную публикацию этих интереснейших расписных сосудов, описав их с присущей ей тщательностью.

Как мы могли убедиться, Н.А. Энман много и успешно трудилась в РАИМК. Однако в конце декабря 1921 г. исследовательница направляет ученому секретарю РАИМК заявление об уходе. В нем говорилось: «Прошу освободить меня от занимаемой мною должности в Академии т. к. в настоящее время для меня выяснилась полная невозможность исполнять в должной мере возложенную на меня и доверенную мне работу ассистента Академии Истории Материальной

⁶⁹ Там же. Л. 6.

⁷⁰ Там же. Л. 8–9.

⁷¹ Отчет Российской Академии Истории Материальной культуры за второе полугодие 1921 г. РО НА ИИМК РАН. Ф.2. 1921. Ед. хр. 2. Л. 43. Здесь же сказано, что «асс.[истентом] С.Д. Рудневой продолжалась работа над “серой” ольвийской керамикой. Закончила описание и зарисовывание на карточках “серых” сосудов. Продолжала изучение литературы по вопросу о “серых” сосудах и собирала библиографию по вопросу».

⁷² Аски приведены В.М. Скудновой в составе комплексов погребений в монографии, посвященной ольвийскому некрополю: *Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии*. Л., 1988. С. 110. Кат. 167, 4.

⁷³ *Скуднова В.М. Ук. соч.* С. 62. Кат. 74, 5.

⁷⁴ Там же. С. 53–54. Кат. 51, 2. См. также: *Копейкина Л.В. Развитие чернофигурного стиля в клахоменской керамике (по материалам из раскопок на о. Березань) // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху*. Л., 1979. С. 16–17. Рис. 15.

Участники танцевальной студии «Гептахор». Вторая справа — Н.А. Энман, шестая — С.Д. Руднева (по: Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. С. 140)

Культуры. Считаю своим долгом оставить работу, которую не могу исполнить»⁷⁵. В январе 1922 г. ходатайство это было удовлетворено.

Главную причину, побудившую Н.А. Энман навсегда оставить не только РАИМК, но и занятия классическими древностями, следует искать в ее увлеченности искусством танца. В том же году по той же причине РАИМК покинула и С. Д. Руднева, автор статьи о «милетской» амфоре, найденной на Тамани. Подруги приняли решение отдавать все свои силы работе в студии пластического танца «Гептахор».

После окончания обучения на курсах Н.А. Энман продолжала занятия в «Гептахоре». Ко времени поступления в РАИМК она проживала в коммуналке, объединившей участников студии. Вот как описала их жилище С.Д. Руднева. «Так случилось, что мы неожиданно-негаданно получили всё необходимое для нашей жизни, хозяйства, квартиры и студии. Осенью 1916 г. совершилось наше переселение в нашу квартиру... Было это на ул. Б. Дворянской (ныне ул. Куйбышева), д. 33, кв. 6., 3-й этаж. Дом этот стоит и до сих пор, какой он был тогда, — на углу ул. Куйбышева и набережной р. Большой Невки, у бывшего Сампсониевского моста (недалеко от того места, где теперь стоит крейсер «Аврора»). Окна выходили и на улицу, и на набережную — вид был чудесный до самого Литейного моста. Было там шесть комнат и трех- или четырехколонный зал — наша первая «сцена». ... Мы с Наташей и Катя Цинзерлинг взяли себе надворные комнаты»⁷⁶. «Гептахор» не был единственной танцевальной студией в стране, развивавшей традиции пластического танца Айседоры Дункан, но, без сомнения, был одной из лучших⁷⁷. Известность студии росла. Состав ее

⁷⁵ Энман Н.А. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 773. Л. 10.

⁷⁶ Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. С. 189–191.

⁷⁷ См., напр.: Сироткина И.В. Пляска и экстаз в России от Серебряного века до конца 1920-х годов // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 278–305; Свободное движение и пластический танец в России. М., 2014. С. 133–141.

расширился. Участники студии выступали, ездили на гастроли, занимались преподаванием. Постановки пользовались большим успехом. При студии открылись двухгодичные курсы, где помимо танца преподавали рисование, историю искусств, античную историю. «Начавшийся в 1918 г. “второй этап” становления студии “Гептахор” (который сменил первый, “интимно-неофициальный”), почти семейный этап 1914–1917 гг. был временем бурного роста и часто беспорядочных исканий, дерзких экспериментов и необузданного творческого горения, неосознанных, неоформленных и неисполненных мечтаний, стремлений и идей, ... В широко раскрытые двери на “Дворянскую” вливались новые мысли, новые требования, новые люди, появились новые возможности. Изменялась атмосфера, неприкосновенной оставалась лишь идея, словами ещё не высказанная цель верность заветам Изадоры⁷⁸ и Фаддея Францевича Зелинского (то есть наше гептахоровское музыкально-эстетическое мировоззрение и жизненная “установка”). К началу 1923 г. наша студия превратилась в солидное, довольно известное в Петрограде учреждение»⁷⁹. В 1927 г. студия получила название «Государственная студия музыкального движения “Гептахор”»⁸⁰.

Н.А. Энман не только участвовала в выступлениях, но и рисовала — эскизы костюмов, афиши, серии рисунков, раскрывающие технику танцевальных движений и пр. Без сомнения, она была талантливой художницей. Многие рисунки приведены в неоднократно упоминавшихся здесь «Воспоминаниях» Стефаниды Рудневой. Кроме того, Н.А. Энман прирабатывала, играя на фортепиано, чтобы поддерживать «Гептахор» материально. Некоторое время она работала аккомпаниатором на уроках физкультуры в 52-м Детском доме (1923–1925 гг.). «Так как эта работа мало оплачивалась, — писала она позже в своей автобиографии, — я с июня 1925 г. начала внештатно работать во вновь организованном учреждении “Бюро Обмена Минералами” Института прикладной минералогии (Москва), помещавшемся тогда в Институте Металлов...»⁸¹.

Рисунок Н.А. Энман «Танец на сцене» (акварель). 1916 г.
(по: Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. С. 184)

⁷⁸ Так подруги называли Айседору Дункан.

⁷⁹ Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. С. 276.

⁸⁰ Полное название студии, под которым она была зарегистрирована, было «Частная студия музыкального движения на самоснабжении при Ленинградском профессиональном образовании».

⁸¹ Парторганизация Музея С.М. Кирова. О приеме кандидата партии т. Энман Н.А. в члены ВКП(б). ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Ед.хр. 248964-2. Л. 6.

Рисунок Н.А. Энман «Гептахор в театре «Диониса». Из серии «Встречи с Изадорой в Греции». Слева направо сидят: И. Тревер, С. Руднева, Н. Энман, Е. Цинзерлинг (по: Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. С. 223)

Рисунок Н.А. Энман «Аполлон и его лебеди» (акварель). Из серии «Фантазии на античные темы». 1818–1920 гг. (по: Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. С. 217)

В середине 30-х гг. студия была закрыта без всякого объяснения причин. Вероятно, наступающая новая эпоха, более «строгая», по сравнению с эпохой 20-х гг., не способствовала развитию жанра пластического танца. Закрытие студии совпало с разрывом Н.А. Энман с творческим коллективом «Гептахора», прежде всего, с её основательницей и главной «движущей силой» С.Д. Рудневой, так описавшей это сложное время: «...зимой 1934 г. Государственная студия музыкального движения “Гептахор” тихо-мирно прекратила свое существование. Материальное и финансовое положение становилось все труднее. <...> Но самый страшный и тяжелый удар обрушился в начале 1935 г. В начале 1930-х мы ещё перебивались кое-как благодаря дружеской и великодушной помощи Наталии Александровны Энман и Надежды Степановны Судаковой⁸² (она уже много лет работала в Коммунистическом Университете). Но тут случилось неожиданное и непредвиденное: в один страшный для меня день Наташа вошла в мою комнату и, стоя на пороге, сказала, что они с Надеждой Степановной отказываются в дальнейшем помогать нам и нашему делу, так как пришли к убеждению, что работа в студии идёт в неправильном, несогласном с современным требованиями направлении...⁸³». С.Д. Руднева назвала этот поступок «ударом в спину», положившим конец их многолетней дружбе.

⁸² Н.С. Судакова, ближайшая подруга Н.А. Энман в последующие годы. Вместе они переживут войну и блокаду Ленинграда.

⁸³ Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. С. 343–344.

Рисунок Н.А. Энман «Афродита» (акварель).
Из серии «Фантазии на античные темы».
1918–1920 гг. (по: Руднева С.Д. Воспоминания
счастливого человека. С. 218)

Рисунок Н.А. Энман «Костюм старца
из хора» (акварель). Из серии «Эскизы
костюмов к спектаклю “Антигона”
в Выборгском коммерческом училище».
1920-е гг. (по: Руднева С.Д.
Воспоминания счастливого
человека. С. 202)

Вскоре С. Д. Руднева переехала в Москву, где продолжала заниматься танцевальным искусством, делу этому она посвятила всю свою жизнь. Её творческие искания и достижения подробно описаны в «Воспоминаниях».

По-видимому, ещё до разрыва с «Гептахором» у Н.А. Энман возникло желание найти другой род занятий. «В ноябре 1931 г., — писала она в своей автобиографии, — я ушла по собственному желанию из Ин-та Прикладной Минералогии, так как узнала о возможности пойти работать лаборантом парткабинета Лен. Обл. Комвуза. Я хотела работать и учиться одновременно, так как политического воспитания не имела. С ноября 1931 г. я перешла в Комвуз. Сразу же начала слушать курсы диамата-истмата-ленинизма, истории ВКП (б)... После реорганизации Комвуза в Лен. Высшую Коммунистическую Сельскохозяйственную школу им. С.М. Кирова в 1932 г., я работала зав. Кабинетами Диамат-Истмата и Ленинизма.... Все эти годы я разрабатывала материалы для наглядных учебных пособий, организовывала выставки к темам дисциплин. ... Я вела общественную работу, была проформом 4-х кафедр, членом редакции

стенгазеты, оформляла выставки к проработкам студентами материалов съездов и т. д.»⁸⁴.

Осенью 1938 г. Н.А. Энман поступила на службу в недавно образованный Музей С.М. Кирова. Сначала она работала в должности инвентаризатора фондов, позже стала заведующей фондами. Вскоре она вступила в ВКП(б). В Архиве политических документов хранятся материалы, связанные с ее приемом в партию⁸⁵. Сухой язык протоколов передает напряжение и «острые» моменты, сопровождавшие обсуждение вопроса о том, достойна ли Наталия Энман рекомендации в кандидаты в члены партии. Сама же она проявила достойную выдержку, отражая нападки недоброжелателей. Судя по выписке из протокола № 13 заседания партбюро Музея С.М. Кирова от 8 мая 1939 г.⁸⁶, неоднократно поднимался вопрос о социальном происхождении ее отца. Н.А. Энман охотно говорила о его научных достижениях, но твердо стояла на том, что не знает ничего о его социальном происхождении, так как лишилась отца, будучи еще очень юной. Звучали и вопросы, выражавшие недоумение по поводу отказа Н.А. Энман от занятий археологией, ее «переориентировки» на работу в Музее Кирова. По поводу ее работы в РАИМК было высказано суждение: «После Октябрьской революции ряд учреждений саботировали, как ваше», на что последовал ответ: «Нет, мы работали честно». Некоторые участники позволили себе недоброжелательные высказывания в ее адрес. Например, некая товарищ Рогова заявила: «Знаем мы, как относилась к революции старая интеллигенция — побольше заработать, получше пожить. Держалась замкнуто. Очень поздно проснулась т. Энман. Бестужевские курсы, где она училась, имели революционные элементы, и она почему-то осталась в стороне от этого движения. Почему она переключилась на другую работу, такая образованная, она принесла бы там больше пользы, а здесь она работает на технической работе — инвентаризатором. Я не верю, что она не знает о соцпроисхождении отца. Я воздерживаюсь от приема т. Энман в партию». Завершил прения директор Музея, С.И. Авакумов⁸⁷: «Нужно отметить, что мы забыли время, когда проходила дифференциация интеллигенции, когда к нам примыкало все лучшее, когда мы вели на этом участке большую работу. Возьмите Энман, ее отец был “книжный червь”, она описывала черепки и дальше этого ничем не интересовалась, но поворот у нее произошел уже 10 лет тому назад, и это время она росла и много работала. ... Описывать Кировский материал важнее и почетнее, чем описывать черепки. Она пришла не на ставку, а на работу, важность которой вполне понимает и выполняет хорошо. Нужно принять т. Энман в члены ВКП (б)». В итоге 16 участников собрания проголосовали за, 4 воздержались. В 1939 г. Н.А. Энман была принята кандидатом в члены ВКП(б)⁸⁸, а в 1940 г. стала членом партии⁸⁹.

⁸⁴ Парторганизация Музея С.М. Кирова. О приеме кандидата партии т. Энман Н.А. в члены ВКП(б). ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Ед. хр. 248964–2. Л. 6–7.

⁸⁵ Там же. Л. 2.

⁸⁶ Парторганизация Музея им. С.М. Кирова. О приёме Энман Н.А. в кандидаты ВКП(б). ЦГАИПД СПб. Ф-1728. Оп. 1. Ед. хр. 248964–2. Л. 9–10.

⁸⁷ Сергей Иосифович Авакумов (1894–1962) — директор Музея С. М. Кирова в 1938–1941 гг. Эл. ресурс: http://www.spbiiran.nw.ru/s_i_avvakumov (дата обращения 15.04.2020).

⁸⁸ Парторганизация Музея им. С.М. Кирова. О приёме Энман Н.А. в кандидаты ВКП(б). ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Ед. хр. 248964–2.

⁸⁹ Там же. Ед. хр. 248964–1.

Когда началась Великая Отечественная война, она продолжала работать в Музее С.М. Кирова, располагавшемся тогда в здании бывшего особняка М.Ф. Кшесинской на пр. Максима Горького (ныне ул. Куйбышева). В годы блокады она вела дневник, хранящийся ныне в Центральном архиве историко-политических документов Петербурга в деле «Воспоминания о 1941–1942 гг. из дневника Н.А. Энман»⁹⁰. Это — повествование о повседневной жизни в блокадном городе⁹¹. В деле 356 листов разного формата; часть из них — рукописные записи чернилами в обычных школьных тетрадах с мягкими обложками, другая — машинописные страницы. По-видимому, ветхие фрагменты рукописи позже были перепечатаны на машинке. Записи датируются по дням, начиная с 1 августа 1942 г.⁹², последняя относится к 19 ноября 1943 г.⁹³ Н.А. Энман, по-видимому, продолжала вести дневник и после ноября 1943 г., просто часть ее архива не сохранилась. Всю блокаду Наталья Александровна мужественно трудилась — как на основной своей работе, так и участвуя в различных мероприятиях, направленных на организацию сурового блокадного быта и помощь фронту. Она регулярно сдавала кровь для раненых, отказываясь от денежного вознаграждения⁹⁴.

После войны вплоть до выхода на пенсию Н.А. Энман продолжала работать в Музее С.М. Кирова в должности старшего научного сотрудника, заведующей фондами. В 1943 г. она была награждена медалью «За оборону Ленинграда», а в 1946 г. медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг.»⁹⁵.

Обложка одной из тетрадей дневника Н.А. Энман, который она вела в годы блокады Ленинграда (Ф. 4000. Оп. 10. Ед. хр. 1396)

⁹⁰ Воспоминания о 1941–1942 гг. из дневника Н.А. Энман. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Ед. хр. 1396.

⁹¹ Вахтина М.Ю. Блокадный дневник Натальи Александровны Энман // АВ. 2019. Вып. 27. С. 399–416.

⁹² Воспоминания о 1941–1942 гг. из дневника Н.А. Энман. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Ед. хр. 1396. Л. 12.

⁹³ Там же. Л. 356.

⁹⁴ Как донор, она в дни сдачи крови получала карточки, по которым можно было дополнительно приобрести продукты в «донорском магазине». От денег же она отказывалась или жертвовала их на нужды фронта — например, на самолёт «Ленинградский донор (Воспоминания о 1941–1942 гг. из дневника Н.А. Энман. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Ед. хр. 1396. Л. 91 об.)».

⁹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Ед. хр. 248964–3. Л. 8об.

В последние годы жизни, оставив службу, на договорных началах она занималась разработкой рисунков для вышивки. Скончалась Н.А. Энман в 1961 г. Упав на улице, она сломала ногу и была доставлена в больницу, из которой уже не вышла⁹⁶.

Думая о непростой судьбе этой талантливой женщины, конечно же, хочется спросить, знала ли она, что её именем названа одна из групп архаической керамики, производившейся в греческом городе Клазомены в Малой Азии? Ведь том «Ежегодника Британской археологической школы в Афинах», в котором была опубликована классификация Р.М. Кука, вышел в свет в 1952 г. и через некоторое время поступил в Библиотеку АН в Ленинграде. Здесь Н.А. Энман вполне могла его увидеть (или же узнать о его появлении). Однако, даже если она и прочла работу Кука, реалии того времени не позволили бы ей (при ее партийности и «идеологическом» характере работы) об этом широко говорить. Не жалела ли она, тогда или в какие-либо другие моменты своей жизни, о том, что навсегда оставила занятия археологией и культурой античной Эллады после того, как в молодые годы достаточно ярко проявила себя на этом поприще? К сожалению, ответов на эти вопросы мы никогда не получим. В любом случае дефиниция «класс/группа Энман» является общепринятой и используется и в наши дни как термин, характеризующий выразительную группу античной художественной посуды.

⁹⁶ Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. С. 517.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести. СПб.
- АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН
- АГРМ — Архив ГРМ
- АГЭ — Архив Государственного Эрмитажа
- АИЗ — Археологические известия и заметки / МАО. М.
- АН — Академия наук
- АС — Археологический съезд
- АСПбГУ — Архив СПбГУ
- АУФСБ — Архив УФСБ
- ВВ — Византийский временник. СПб.; Л.; М.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- Вестник НГУ — Вестник Новосибирского государственного университета
- ВЖК — Высшие женские (Бестужевские) курсы
- ВРХГА — Вестник Русской христианской гуманитарной академии
- ВТиМ — Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. М., 2018. Т. I: Эпистолярное наследие / Под общ. ред. М.Д. Бухарина; Т. II: Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской Республики) / Под общ. ред. М.Д. Бухарина; Т. III: Первая Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 гг. академика С.Ф. Ольденбурга. Фотоархив из собрания Института восточных рукописей Российской академии наук / Под общ. ред. М.Д. Бухарина; М., 2020. Т. IV: : Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С.Ф. Ольденбурга / Под общ. ред. М.Д. Бухарина, В.С. Мяникова, И.В. Тункиной; Т. V: Вторая Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг.: С.Ф. Ольденбург. Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана / Под общ. ред. М.Д. Бухарина, М.Б. Пиотровского, И.В. Тункиной
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
- ГРМ — Государственный Русский музей
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб.
- ЗКОРАО — Записки Классического отделения Императорского Русского археологического общества. СПб.
- ЗОРСАРАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб.

- ЗРАО НС — Записки Императорского Русского археологического общества.
Новая серия. СПб.
- ИАК — Императорская археологическая комиссия
- ИАН — Известия Императорской академии наук
- ИВ — Институт востоковедения АН СССР
- ИВР — Институт восточных рукописей РАН
- ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
- ИИАК — Известия Императорской археологической комиссии
- ИИМК — Институт истории материальной культуры
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской АН. СПб.
- ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе.
София; Одесса
- ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
- ИРВИО — Императорское Русское военно-историческое общество
- ИРГО — Императорское Русское географическое общество
- ИСПБУ — Императорский Санкт-Петербургский университет
- ИТ — Избранные труды
- КСИА — Краткие сообщения института археологии. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
АН СССР. Л.
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
- ЛОИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
- ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
- МАО — Императорское Московское археологическое общество
- МАР — Материалы по археологии России. СПб.
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МЭР — Материалы по этнографии России. СПб.
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
- ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР
- ООИД — Императорское Одесское общество истории и древностей
- ОР ГМИИ — Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина
- ПГУ — Петроградский государственный университет
- ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
- РА — Российская археология. М.
- РАИК — Русский археологический институт в Константинополе
- РАИМК — Российская академия истории материальной культуры

- РАН — Российская академия наук
РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет
РАО — Императорское Русское археологическое общество
РКИСВА — Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях
РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН
РТЭ — Русская Туркестанская экспедиция
РЭМ — Российский этнографический музей
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения ГАИМК. Л.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СНК — Совет народных комиссаров СССР
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
СПО — Секретно-политический отдел ОГПУ
СППО — Сообщения Императорского православного палестинского общества. СПб.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
УЗ — Ученые записки
УЗКУ — Ученые записки Императорского Казанского университета. Казань
УФСБ — Управление федеральной службы безопасности России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области
ФО НА ИИМК РАН — Фотоархив Научного архива ИИМК РАН
ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦГАМ — Центральный государственный архив г. Москвы
BSA — The Annual of the British School at Athens

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алёкшин Вадим Андреевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: археология эпохи энеолита — раннего железного века Центральной Азии и Среднего Востока; погребальные обряды народов Евразии в эпоху первобытности; проблема происхождения и расселения индоевропейцев.

e-mail: valyokshin1@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9224-6037

Бекетова Наталья Сергеевна — археолог, сотрудник Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа в 1982–2007 гг.

Научные интересы: археология Северного Причерноморья, история Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа (биографические материалы), нумизматика в свете этнографии.

Вахтина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: античная археология Северного Причерноморья, история и археология Боспора, греко-варварские взаимодействия, греческая архаическая керамика.

e-mail: vakhtina@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-7245-2642

Виноградов Юрий Алексеевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: античная археология и история

e-mail: vincat2008@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4447-5679

Горончаровский Владимир Анатольевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: античная археология и история Северного Причерноморья, греко-варварские взаимодействия, история археологии.

e-mail: goronvladimir@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4405-716X

Кукина Дарья Андреевна — м. н. с. Научного архива Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: история археологии.

e-mail: daria_kukina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9620-7860

Лепехина Екатерина Витальевна — заместитель заведующего Отделом нумизматики Государственного Эрмитажа.

Научные интересы: русская нумизматика, история науки, история нумизматических собраний.

e-mail: LEV@hermitage.ru

ORCID: 0000-0002-8549-6724

Медведева Мария Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующая Научным архивом Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: история и археология Древней Руси, история археологии, история архивного дела и фотографии.

e-mail: marriam@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3592-6260

Никоноров Валерий Павлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: археология, история и культура народов Центральной Азии и Иранского плато от эпохи раннего железа до раннесредневекового времени.

e-mail: vpnikonorov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3487-944X

Павличенко Наталья Андреевна — старший научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: древнегреческая эпиграфика, экономическая история Северного Причерноморья, история антиковедения в России.

e-mail: nat.pavlichenko@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0238-842X.

Платонова Надежда Игоревна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: история и археология Древней Руси, история науки.

e-mail: niplaton@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9205-381X

Поникаровская Марина Владимировна — кандидат исторических наук, ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Научные интересы: история науки, историческая биография, история античного театра.

e-mail: poni-marina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1322-077X

Стоянов Евгений Олегович — м. н. с. Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН.

Научные интересы: история и археология эллинистической и постэллинистической Центральной Азии.

e-mail: eastoyanov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9407-4286

Тихонов Игорь Львович — доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Научные интересы: история археологии.

e-mail: i.tikhonov@spbu.ru.

ORCID: 0000-0001-8489-7772

Тункина Ирина Владимировна — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Научные интересы: история РАН, история историко-филологических наук, история археологии, архивоведение.

e-mail: tunkina@bk.ru

ORCID: 0000-0001-5793-3977

Шауб Игорь Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: античная культура, археология Северного Причерноморья, русская культура Серебряного века.

e-mail: schaubigor@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9205-381X

Научное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ РАИМК:
ИХ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ВКЛАД В НАУКУ

Научный редактор-составитель В.А. Горончаровский

Технический редактор *Д.В. Лаптухина*
Дизайн обложки *И. Лицук*

Подписано в печать 03.03.2022. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 70,31. Тираж 300 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории материальной культуры РАН;
Дворцовая наб., 18, литер А, Санкт-Петербург, 191186, Россия

Отпечатано в ИП Коновалов Андрей Михайлович; ул. Композиторов, дом 1, корп. 1,
кв. 331, Санкт-Петербург, 194356, Россия

THE FOUNDING FATHERS OF THE RAHMC: THEIR LIFE PATH AND CONTRIBUTION TO SCIENCE

The book is devoted to the history of establishment of Russian Academy for the History of Material Culture and creative biographies of representatives of Russian humanities, who took part in its formation and development. For the first time, systematic materials are presented dealing with personal, at times tragic, destinies of both those scientists who took part in the Electoral Assembly of the RAHMC August 5–7, 1919 and those who were elected as its first full members. This allows to evaluate objectively the critical stage in the formation of Russian academic archeology in the context of political upheavals of the end of the first quarter of the 20th century. This well-illustrated edition uses many previously unpublished photographs from the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. It is intended for archeologists, historians, orientalists, ethnographers, art historians, culturologists and all those interested in the history of national science.

Утвержден в заседании Малого Совета
Советаркива 18 апреля 1919 года.

ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

ISBN 978-5-6047952-0-0

9 785604 795200

